This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 620.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЯНВАРЬ. 1895.

№ 34 ПОЛУЧЕНО № 349

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ. Очерки. I—V . . . . . Н. А. Лухмановой.
2. ГЛАВЫ ИЗЪ КНИГИ О ЖОРЖЪ-ЗАНДѢ. I. Жоржъ-Зандъ и г. Дюдеванъ. . . . . В. Каренина.
3. БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. I—VIII. . . . . В. Г. Короленко.
4. ДРУЗЬЯМЪ. Стихотвореніе. . . . . В. Мартова.
5. МОРЕ. Разсказъ. Переводъ съ польскаго Е. Т.-Б. . . . . М. Конопницкой.
6. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ. I. Заработная плата . . . . . А. В. Зотова.
7. ВЪ ЛѢСУ. (Въ лѣтопись голоднаго года). Разсказъ. . . . . Евгенія Чирикова.
8. СВѢЧА ГОРИТЪ И МЕРКНЕТЪ, И ВНОВЬ ГОРИТЪ СИЛЬНѢЙ. Стихотвореніе. . . . . К. Д. Бальмонта.
9. СТУДЕНТЫ. (Изъ семейной хроники). I—IV. . . . . Н. Гарина.

(*См. на оборотъ*).

БИБЛИОТЕКА ПОВАЛЕКО

05
Р-89 т. 1-2

ЯНВАРЬ. 1895.

Инв. 96385
1953

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка, 92.
1895.

Р. [illegible] 1895, no. [illegible]

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 22 1962

86026
35

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 24 Января 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

		СТРАН.
1.	**Въ глухихъ мѣстахъ.** Очерки. *Н. А. Лухмановой.* I—V.	5—29
2.	**Главы изъ книги о Жоржъ-Зандъ.** *В. Каренина.* I. Жоржъ-Зондъ и г. Дюдеванъ	30—68
3.	**Безъ языка.** Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. *В. Г. Короленко.* I—VIII.	69—90
4.	**Друзьямъ.** Стихотворрніе. *В. Мартова.*	91
5.	**Море.** Разсказъ. *М. Конопницкой.* Переводъ съ польскаго Е. Т.-Б.	92—114
6.	**Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи.** *А. В. Зотова.* I. Заработная плата	115—149
7.	**Въ лѣсу.** (Въ лѣтопись голоднаго года). Разсказъ *Евгенія Чирикова.*	150—170
8.	**Свѣча горитъ и меркнетъ, и вновь горитъ сильнѣй.** Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*	171
9.	**Студенты.** (Изъ семейной хроники). *Н. Гарина.* I—IV.	172—195
10.	**Символъ смерти, символъ жизни, бьетъ послѣдній часъ.** Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*	196
11.	**Историческій матеріализмъ.** (Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства). *Л. Зака.*	1—34
2.	**Писаревъ.** (Сочиненія Д. И. Писарева). *М. А. Протопопова.*	35—59
.	**Письма изъ Англіи.** *Av.*	60—76
4.	**Изъ Германіи.** *А. К.*	77—93

См. на оборотъ.

СТРАН.

15. Новыя книги:
Сочиненія Лугового. Томы I и II.—Л. Майковъ. Историко-литературные очерки.—Графъ Алексисъ Жасминовъ. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. — И. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи.—Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ С. І. Залѣсскаго.—Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и на заводахъ А. А. Прессъ. —Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 94—123
16. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* . . . 124—154
17. Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени. *Николая—она.* I—II. . . . . 155—187
18. 1894 годъ. (Изъ современной хроники). *С. Н. Южакова.* . . . . . 186—213
19. Извлеченія изъ отчетовъ секретаря общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . . . . 214—215
20. Отъ «Конторы Русскаго Богатства». 216
21. Объявленія.

Открыта подписка на 1895 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ и О. Я. ПОПОВОЙ.

Въ 1895 году журналъ будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р.
„ „ безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . . **8** „
„ „ за границу . . . . . **12** „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать:

въ контору журнала „Русское Богатство“
С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается **разсрочка:**

I. **Для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой**—при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р.,
или
при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

II. **Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки журнала** допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ — до 1-го сентября.

Въ Москвѣ подписка на журналъ **безъ доставки** принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, **никакой уступки не дѣлается.**

Примѣчанія: 1) За своевременную высылку журнала **контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ**, если подписныя деньги были присланы или сданы *непосредственно* въ контору.

2) **Квитанціи на полученіе журнала** высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписныхъ денегъ 19 к. почтовыми марками.

Продолжается пріемъ подписки и на 1894 годъ.

Выписывающимъ журналъ высылаются всѣ книжки, начиная съ январской.

Цѣна: безъ перес. 8 р., съ перес. 9 р.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

Складъ изданій

въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

С.-Петербургъ, Бассейная, 10.

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	Цѣна.		Съ пересылкой.		Уступка подписч. «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ въ пользу «Общества вспомоществованія переселенцамъ». (*На простой бумагѣ*)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (*На веленевой бумагѣ*)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I.	1	25	1	50	—	50
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изданіе шестое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе	1	50	1	75	—	25
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе разсказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
А. Шабельская. Наброски карандашомъ	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири	1	—	1	25	—	25
Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:* I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія	1	50	1	75	—	35
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Вып. I.	—	90	1	10	—	20
— Вып. II.	1	30	1	60	—	30
Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Безродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45

СОЧИНЕНІЯ
Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI по 2 р.; т. III 3 р. 75 к.

Складъ въ книжн. магаз. *А. Я. Панафидина:*

Москва, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе всю подписную сумму 9 р., пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. *Н. К. Михайловскаго* (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться *исключительно въ Москву* въ книжный складъ *г. Панафидина*, представляя или копію съ билета на полученіе «Русскаго Богатства», или печатный адресъ, по которому высылается журналъ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО: **Щедринъ.** Критическій опытъ. Ц. 1 руб.

Складъ въ конторѣ журнала «Русская Мысль»—Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

— **Литература и жизнь.** Цѣна 1 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова, Спб., Лештуковъ пер.).

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и разсказы. Книга первая, 6 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Склады: Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Басейная ул., 10.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

О. Н. Поповой.

Н. И. КАРѢЕВЪ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжн. магаз. **Карбасникова** — Спб., Москва Варшава.

Н. К. МИХАИЛОВСКІЙ. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала **«Русское Богатство»** — Спб., Бассейная, 10.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ послѣдн. франц. изд., съ рисунками и картами, подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Складъ изданія въ книжн. магаз. **Карбасникова** — Спб., Москва, Варшава.

Подписчики журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

С. Н. КРИВЕНКО. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки.

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ. Сочиненія. 2 тома.

Е. ДЮРИНГЪ. Великіе люди въ литературѣ. Исторія современ. литературы съ новыхъ точекъ зрѣнія, критически изложенная. Перев. Ю. М. Антоновскаго.

ГИББИНСЪ. Промышленная исторія Англіи. Перев. А. В. Каменскаго.

Ш. ЛЕТУРНО. Соціологія, основанная на этнографіи.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Вып. III. Подземныя силы. Вып. IV. Океанъ. Вып. V. Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ.

За справками по дѣламъ изданій О. Н. Поповой обращаться къ Н. А. Рубакину—Спб., уг. Б. Садовой и Б. Подъяческой, 24, библіотека Л. Т. Рубакиной.

ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ.

Очерки.

I.

Артамонъ Степановичъ Круторогов и Иванъ Семеновичъ Емелькинъ.

Старый деревянный домъ Артамона Степановича стоялъ между дворомъ и садомъ. Съ той и съ другой стороны, въ длину фасада бѣжали просторныя «галдарейки» съ навѣсомъ и колонками. «Галдарейка», выходившая на дворъ, представляла собой лѣтомъ какой то караванъ-сарай: на ней всегда что-нибудь сушилось и провѣтривалось, на перилахъ лежали перекинутыя перины, безпомощныя, недвижимыя, какъ купчихи послѣ сытнаго обѣда, пестрѣли груды подушекъ въ персидскихъ шолковыхъ наволочкахъ, болтались домотканные ковры изъ коровьей шерсти, красуясь зелеными, розовыми и голубыми собаками; тутъ же слонялись разныя богомолки, нищіе, старицы, пришедшія къ «Круторогихѣ» по своимъ дѣламъ, сидѣли татары, ожидавшіе «бачку Артамона» для расчета за кожу; тутъ же шарикомъ каталась Митродорушка, вся круглая, съ пышной косой и румяными щеками, старшая воспитанница Круторогов; она, побрякивая ключами, ныряла то въ ту, то въ другую кладовушку, на ходу перекидываясь съ пришедшими веселымъ смѣхомъ и шуточками.

«Галдарейка», выходившая въ садъ, лѣтомъ вся обвитая д имъ виноградомъ и хмѣлемъ, посѣщалась только своими д ашними, да близкими гостями. Тутъ, въ укромномъ уго- л кѣ, стоялъ широкій, протертый диванъ, передъ нимъ столъ с орчатый, накрытый синимъ столешникомъ, и шкафикъ съ в ячимъ замочкомъ. Здѣсь любила сидѣть съ «милъ человѣ- к » Настасья Петровна Круторогова. Отъ загѣйливыхъ кур-

тинъ, расположенныхъ звѣздами и «планидами», шла пріятная духовитость. Громадныя березы кудрявились вдоль аллей, усыпанныхъ краснымъ пескомъ. Среди лужаекъ стояли три стройныхъ, темнозеленыхъ кедра, посаженныхъ Артамономъ въ честь трехъ сыновей, родившихся уже въ этомъ домѣ: Ивана, Якова и Сергѣя. Въ глубинѣ сада была круглая бесѣдка изъ самоцвѣтныхъ стеклышекъ, налѣво «теплушка», гдѣ садовникъ изъ ссыльныхъ, угрюмый Емельянъ, разводилъ всякую огородную «фрукту»: огурцы, редисъ и салатъ, которыми можно было щегольнуть и среди зимы; налѣво были устроены кегли.

Настасья Петровна любила свой садъ и цѣлые часы просиживала на «галдареечкѣ», бесѣдуя то съ тою, то съ другою гостьюшкой, отворяя завѣтный шкафикъ, который Митродорушка съ ранняго утра обставляла, какъ слѣдуетъ, виномъ и закусками. На створчатомъ столѣ безсмѣнно чередовались пузатые самовары. Домъ Круторогoвыхъ, какъ и всѣ впрочемъ богатые дома города Т., былъ полная чаша. Въ кладовыхъ его, просторныхъ и прохладныхъ, какъ сарай, хранились посуда, хрусталь и всякая утварь, которой хватило бы на много лѣтъ и многимъ семействамъ; стояли громадные, кованные сундуки; съ полотнами и матеріями для годового домашняго обихода, на нихъ высились нерасшитые кожанные цыбики чая, забитые гвоздями деревянные ящики съ головами сахара, по угламъ цѣлые закрома мѣшковъ и кульковъ съ орѣхами, пряниками и другими лакомствами, покупавшимися пудами; на полу, какъ гигантская пластовая пастила, лежали въ перегибъ бѣлые войлоки, груды персидскихъ ковровъ, которыми въ годовые праздники и семейныя торжества убирался весь домъ; по стѣнамъ на громадныхъ крюкахъ висѣли запасныя сѣдла, уздечки, сбруя. Словомъ тутъ было все, что возроставшее благосостояніе купеческой семьи могло собрать по своимъ ежегоднымъ скитаньямъ на ярмаркахъ въ Ирбитѣ и Нижнемъ.

Въ подвалахъ и другихъ закромахъ находились туши мяса, запасы мороженной рыбы, икра бочками и всякая снѣдь и выпивка. Словомъ, если бы городу Т. надо было выдержать осаду и кругомъ былъ гладъ и моръ, семейство Круторогoвыхъ долго прожило бы сытно и привольно, пользуясь одними своими складами.

Артамонъ Степановичъ Круторогoвъ родился шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ на тятенькиномъ огородѣ, гдѣ «маинька», не расчитавъ времени, полола гряды. До 18 лѣтъ онъ не сносилъ еще ни одной пары сапогъ и околачивался кругомъ «кобылки», на которой распяливали десятокъ, другой кожъ, работая на чужой заводъ. Здоровый, рослый, съ лицомъ, изрытымъ оспой, Артамонъ росъ смѣтливый, юркій, первый боецъ зимнихъ кулачныхъ боевъ на Городищѣ, гдѣ «стѣнка на стѣнку» выхо-

дили каждое воскресенье фабричные. Молодымъ парнемъ онъ побывалъ уже въ далекихъ татарскихъ юртахъ, перезнакомился со всѣми «князьями», устроилъ себѣ кредитъ и къ 25-ти годамъ орудовалъ уже въ собственномъ заводикѣ. 30-ти лѣтъ онъ женился, взявъ за себя невѣсту съ деньгами изъ степенной, скопидомной семьи Балушиныхъ. Настасья Петровна, выйдя за него 16-ти лѣтъ, повидала на своемъ вѣку всякіе виды и побывала во всякихъ передѣлкахъ, но умная и добрая, она, несмотря на то, что внесла въ домъ мужа основной капиталъ будущаго богатства, многіе годы работала съ нимъ наравнѣ, пріобрѣтая и откладывая грошъ за грошомъ. Дѣтей у нихъ было много, но такъ какъ въ то время и отцу и матери некогда было съ ними «возжаться», то ихъ и отдавали на руки старухамъ бабушкамъ и тетушкамъ, которыя отъ грыжи — прикусывали имъ пупочекъ, отъ надрывистаго крика—поили маковой настоечкой, а отъ любви — закармливали медомъ, пряниками, поили сусломъ пивнымъ и домашней бражкой. При этой системѣ, дѣти не загащивались подолгу на землѣ, а отправлялись «къ ангеламъ небеснымъ», и только три сына и составляли въ настоящее время семью Круторговыхъ. Спившійся Ванюшка жилъ въ кухонной боковушкѣ, рыжій, золотушный Ященька завѣдывалъ заводомъ, да младшій Сережа кончалъ курсъ «въ Россіи». Самъ Артамонъ Степановичъ давно уже пересталъ «ногой сморкаться», громадный заводъ его исполнялъ казенные подряды, самъ онъ одѣвался по-европейски, женѣ наряды выписывалъ изъ Москвы, читалъ газеты и журналы, почти ежегодно ѣздилъ въ столицу, побывалъ даже въ Парижѣ и у себя въ домѣ завелъ такія «новшества», отъ которыхъ ахнулъ весь городъ. Двухъ сыновей, Якова и Сергѣя, отправилъ сперва въ гимназію, а затѣмъ и въ университетъ, а съ своей Настасьей Петровной сталъ жить на разныхъ половинахъ. Къ шестидесяти годамъ это былъ здоровенный старикъ громаднаго роста съ бритымъ лицомъ, какъ бы на смѣхъ всему городу, полному старообрядцевъ, съ небольшими мигающими, но зоркими глазами, самодуръ и звѣрь, прикрытый внѣшнимъ лоскомъ наносной цивилизаціи. Заѣзжихъ важныхъ гостей онъ умѣлъ обойти не только широкимъ гостепріимствомъ, но и напускнымъ добродушіемъ и откровенностью. Въ душѣ онъ не вѣрилъ ни Богу, ни чорту, единственная религія его была нажива, но такимъ его зналъ только одинъ человѣкъ, и это была его жена, Настасья Петровна, съ которой и жилъ онъ подъ старость на разныхъ половинахъ.

Артамонъ Степановичъ обѣдалъ. Онъ только-что съѣлъ пирный пирогъ съ нельмой и потянулся запить его стаканомъ домашняго пива, какъ въ его прихожей послышался шо-

потъ, дверь отворилась настежъ, и къ столу подлетѣла странная фигура, по виду, не то мужикъ, не то баба.

— Здорово, Артамонъ, дай гривенничекъ, другъ!

Артамонъ, грозно сдвинувшій брови при первомъ шумѣ, распустилъ теперь лицо въ дѣланную улыбку.

— Ладно, ладно, здравствуй, братъ Емелькинъ, гривенничекъ дамъ, садись, гостемъ будешь.

На блѣдномъ, лисьемъ лицѣ Емелькина мелькнула хитрая усмѣшечка, онъ осторожно присѣлъ на край стула и конфузливо пряталъ ноги, обутыя въ дырявыя, стоптанныя валенки. Одѣтъ Емелькинъ былъ безъ всякаго признака нижняго бѣлья, въ широкій ватный халатъ, подпоясанный веревкою, отчего кругомъ его таліи образовывались складки, какъ у женской юбки. Шапки у него не было ни зимой, ни лѣтомъ, и голова его съ сѣдыми кудрявыми волосами была всегда повязана по ушамъ нестрымъ ситцевымъ платкомъ. Когда-то Емелькинъ былъ богатымъ купцомъ и Артамонъ работалъ на него, но друзья и пріятели, во главѣ съ тѣмъ же Артамономъ, пользуясь его слабостью къ вину и картамъ, споили и обыграли его до нищеты. Теперь онъ спустилъ все, кромѣ двухэтажнаго деревяннаго дома.

— Выпьешь? — Артамонъ налилъ ему большой стаканъ водки.

Емелькина всего передернуло, слюна заполнила весь его ротъ, но онъ еще не былъ пьянъ, а потому смѣкалка и ненависть къ богачу Артамону пересилили.

— Не пью,—отвѣчалъ онъ и обернулся въ уголъ.

— Что? Не пьешь?—Артамонъ подозрительно взглянулъ на него и подумалъ: «пронюхалъ бестія».

— Ты не ломайся, а выпей, водка-то не кабацкая, а заводская.

— Не употребляю! — отвѣчалъ Емелькинъ и сплюнулъ.— Дай двугривенный, Артамонъ!

— Выросло!—бери ужъ «рупь».—Артамонъ полѣзъ въ карманъ и досталъ изъ кожанаго бумажника аккуратно сложенную рублевку, положилъ ее на столъ и прикрылъ своею громадной ладонью.—Вотъ что, братъ Емелькинъ, замѣсть того, чтобы намъ кругомъ да около хороводиться, будемъ мы съ тобою говорить на чистоту. Хочу я, къ примѣру сказать, домъ строить!

— Знаю.—Емелькинъ покосился на стаканъ водки и отодвинулъ свой стулъ.—Коли ты, Артамонъ, разговоры разговаривать хочешь, такъ ты водку убери, не пью я ее и видѣть больше не могу, нутро не принимаетъ!

— Ладно, перейдемъ въ горенку!

Перешли въ сосѣдній кабинетъ.

— Продай мнѣ твой домъ, Емелькинъ!

— Ой-ли!

— Вѣрно, я на его мѣстѣ каменные хоромы выведу съ зеркальными окнами на самую рѣку.

— Ой-ли, ишь какъ тебя возноситъ-то!

— Потому, я почетное гражданство получилъ, да это не въ строку; продай мнѣ, братъ, домъ, вѣдь одно мѣсто покупаю, домъ-то тлѣнъ, весь червями изъѣденъ.

— Вотъ что, Артамонушка, домикъ-то я не прочь продать, только дай мнѣ умомъ раскинуть, сколько ты за него мнѣ дать долженъ. Видѣлъ, я теперь не пью, снова съ твоихъ денегъ торговать учну, только ты, Артамонъ, дай мнѣ рупь-то; вотъ... валенки всѣ разъѣхались, будь другомъ, дай! Вечоръ мы потолкуемъ!

Артамонъ нерѣшительно отодвинулъ ладонь, Емелькинъ выхватилъ бумажку, вскочилъ со стула и вдругъ поднесъ Артамону подъ носъ кулакъ, сложенный фигой: «на, выкуси, вотъ тебѣ домъ мой!» Раньше, чѣмъ Артамонъ опомнился, Емелькинъ вылетѣлъ изъ комнаты и понесся галопомъ къ своему дому, на углу котораго былъ кабакъ.

Подъ гостепріимнымъ кровомъ кабака въ домѣ Емелькина, какъ всегда, сидѣла и галдѣла орава оборванцевъ, на обязанности которыхъ лежало разводить и сводить зарѣчный мостъ, для пропуска барокъ.

— Славьте вашего командира и благодѣтеля, Ивана Семеновича Емелькина! Угощаю на цѣлый рупь, — онъ бросилъ на кабацкую стойку бумажку.

Оборванцы подхватили его и съ ревомъ: «слава, слава, нашему именитому купцу, отцу благодѣтелю», трижды подкинули его, и затѣмъ началась попойка.

Пьянство и тщеславіе раздирали душу несчастнаго Емелькина, богатство и надменность бывшаго друга Круторогова мучили его, и теперь, сидя за грязнымъ столикомъ и напиваясь скверной кабацкой водкой, онъ твердо клялся въ душѣ, что Артамону какъ ушей своихъ не видать его дома. «Околѣвать стану, рѣшилъ онъ, городу на богадѣльню отдамъ. [illegible] хоромамъ его не стоять на этомъ мѣстѣ ни въ ж[illegible]

Домъ Емелькина, которымъ рѣшилъ Артамон[illegible] что бы ни стало, стоялъ на самомъ красивомъ [illegible] рѣчьѣ. Однимъ угломъ онъ выходилъ на главную улицу, а другимъ глядѣлъ на безобразный Зарѣчный мостъ и на открывшуюся за нимъ панораму города. Самъ Емелькинъ игралъ [illegible] нѣкоторомъ смыслѣ въ Зарѣчьѣ роль рыцаря-грабителя: [illegible]мо его дома не проѣзжалъ ни одинъ богатый купецъ, чтобъ [illegible]ъ не постарался сорвать съ него подати. Спускъ съ За[illegible]ья на мостъ страшно крутъ и въ два поворота, заднія ко-

леса экипажей тормозятся и привычныя лошади идутъ осторожно бокомъ, надсѣдая на хвостъ, до самой середины моста. Емелькинъ въ кабакѣ караулитъ каждый экипажъ и какъ только замѣтитъ направляющійся къ мосту, вылетаетъ на дорогу и, хватаясь за заторможенное колесо, идетъ рядомъ. Всѣ обыватели, конечно, ему извѣстны и потому будь то старый или молодой, онъ обращается къ нему съ фамильярно-заискивающимъ голосомъ и начинаетъ:

— Здравствуй, Филимонъ (или Евлампій, Евстигнѣй и т. д.)! Какъ поживаешь?.. Дай гривенникъ на водку! Ну, не жалѣй, раскошелься для друга! Дай душу отвести! Ну, давай, не упирайся!.. Ишь, пузо-то отростилъ, мошну набилъ... Да, ну же, давай!

И почти всегда получаетъ. Если же проѣзжій не имѣетъ съ собою мелочи или зимою не хочетъ разстегиваться и доставать, Емелькинъ не унимается никакими доводами, бѣжитъ долго рядомъ по мосту уже рысью, держась за подножку экипажа, и только при «взъемѣ» на гору, потерявъ всякую надежду, разражается градомъ мѣстныхъ ругательствъ:

— О будь ты проклятъ! Язви тебя... и т. д., а иногда, схвативъ комъ снѣга, пускаетъ имъ въ затылокъ проѣхавшаго.

Замѣчательно, что всѣ мысли Емелькина сосредоточены на двухъ пунктахъ: выпить или выкинуть какую нибудь необыкновенную штуку. Емелькинъ подбираетъ и тащитъ на улицѣ все, что только попадетъ на глаза; нерѣдко ограбленные преслѣдуютъ его; несмотря на свои годы, Емелькинъ несется съ добычей галопомъ, и если успѣетъ вбѣжать къ себѣ во дворъ и захлопнуть на засовъ за собою калитку, то даже ограбленные (дѣло, конечно, идетъ объ какомъ нибудь коромыслѣ, ведрѣ, подковѣ и т. п.) считаютъ дѣло конченнымъ и, всласть наругавшись у запертыхъ воротъ, уходятъ. Если же его поймаютъ, то, конечно, бьютъ, но не сильно, во-первыхъ, потому, что его всѣ знаютъ, а во-вторыхъ, разъ пойманный, онъ не сопротивляется, напротивъ, гордо кричитъ:

— Твое! ну такъ бери, давно бы ты сказалъ, что твое... никогда и не тронулъ бы...

Украденная же благополучно вещь появляется въ продажѣ въ кабакѣ его дома или спускается въ субботу пріѣзжающимъ на торгъ крестьянамъ. Иногда неодолимая жажда заставляет его проникнуть и прямо въ чей нибудь домъ; для этого он долго гдѣ нибудь изъ-за угла сторожитъ, пока караульный татаринъ отлучится отъ воротъ. Тогда Емелькинъ, подобравш полы, летитъ прямо во дворъ и какъ изъ-подъ земли выростаетъ прямо передъ хозяиномъ въ его кабинетѣ; тутъ ужъ, во избѣжаніе скандала, приходится живо дать ему просимы гривенничекъ.

Тогда онъ выходитъ гордо, степенно и если нарывается на пораженнаго караульнаго (которымъ всѣмъ строго запрещено пропускать Емелькина), то объявляетъ ему, показывая гривенникъ:

— Видалъ?! Завтра опять велѣлъ приходить...

Излюбленныя забавы Емелькина тоже оригинальны. Осенью, когда рѣка покрывается саломъ, и весною, когда по ней бѣгутъ еще послѣднія льдинки, Емелькинъ даетъ всему Зарѣчью даровое представленіе. Онъ идетъ на крутой берегъ рѣки въ сопровожденіи своего штаба, т. е. оборванцевъ, завсегдатаевъ кабака въ его домѣ, и объявляетъ имъ: «По гривеннику на рыло, только кричать громко и качать хорошенько!»

На виду у всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ, передъ окнами сосѣдняго дома, Емелькинъ торжественно снимаетъ съ головы платокъ, съ плечъ халатъ и остается въ первобытномъ видѣ. Оборванцы подхватываютъ его и орутъ во все горло:—Слава, слава нашему именитому купцу, отцу благодѣтелю! Слава Урра! — и, раскачавъ, бросаютъ его въ рѣку, съ высоты, по крайней мѣрѣ, сажени. Емелькинъ летитъ въ воду, черезъ нѣсколько секундъ надъ водою показывается его голова, и онъ выходитъ на берегъ; лицо его сине, зубы стучатъ, все его тщедушное тѣло дрожитъ и ежится, но онъ кричитъ на весь берегъ: «Еще!»

Снова летитъ, снова появляется, и такъ до трехъ разъ. Затѣмъ, часто даже не напяливая халата, а только прижимая его къ себѣ, онъ спѣшитъ обойти все собравшееся посмотрѣть на него общество (состоящее частью изъ самыхъ уважаемыхъ купцовъ города) и уже отъ всѣхъ получаетъ довольно щедрую лепту. Съ халатомъ въ объятіяхъ летитъ затѣмъ Емелькинъ къ себѣ въ домъ, въ кабакъ; за нимъ несутся славильщики, въ ожиданіи обѣщанныхъ гривенниковъ.

Такъ, на потѣху купечества, Емелькинъ ежегодно «замыкаетъ» и «отмыкаетъ» рѣку.

Водопроводовъ въ городѣ нѣтъ, а потому круглый годъ между 3-мя и 4-мя часами все небогатое женское населеніе отправляется съ ведрами за водою. Емелькинъ выбираетъ дождливый день, когда немощеный крутой спускъ къ рѣкѣ особенно труденъ. Бабы и дѣвки осторожно поднимаются съ полными ведрами по скользкимъ землянымъ выбоинамъ, и за потянутся онѣ гуськомъ по улицѣ, какъ изъ-за угла появляется Емелькинъ и вдругъ передъ изумленной бабой срасываетъ съ себя халатъ. Степенныя или уже привыкшія нему бабы плюютъ и проходятъ дальше, дѣвушки бѣгутъ, хикая и расплескивая воду, но какая нибудь новая или горная не выдерживаетъ, становитъ на землю ведра и вожается коромысломъ. Емелькинъ только этого и ждетъ.

Онъ моментально бросается къ ведрамъ, съ быстротою обезьяны опрокидываетъ ихъ и исчезаетъ. Случается, конечно, что баба всетаки успѣваетъ здорово огрѣть его коромысломъ, но онъ, по мѣстному выраженію, «за тычкомъ не гонится».

II.

Свѣтъ—Иванъ Артамоновичъ Круторогов.

Сѣрыя тѣни, какъ клочки прозрачной кисеи, поднимались съ земли. Холодное, блѣдное солнце взошло и лѣниво освѣтило сѣверный зимній пейзажъ. По замерзшей лентѣ рѣки бойко скользили деревянныя сани, разрисованныя синей краской. Шибко бѣжала запряженная въ нихъ сытая рыжая лошадка. Въ саняхъ сидѣли двѣ женщины, одна потолще, сгорбленная, другая потоньше, прямая, обѣ закутанныя въ черныя «матерчатыя» шубки на бѣличьемъ мѣху, и въ толстыхъ черныхъ платкахъ, почти закрывавшихъ лица.

Потолще и видимо постарше правила ловко по «наметкѣ», объѣзжая дыры и проруби, въ которыхъ и зиму и лѣто мочатъ кожи ближайшіе заводы. Санки миновали татарскіе юрты, пролетѣли мимо махавшихъ имъ безформенными руками поставовъ, на которыхъ толклась одубина для кожевеныхъ заводовъ богача Круторогова, оставили за собою загородный городской садъ и наконецъ въѣхали въ самый городъ. Передъ ними потянулись окрайные домики, низенькіе, кривобокіе, безъ крылечекъ или дверей наружу, всѣ съ двориками и съ наглухо запертыми воротами. Каменныхъ построекъ совсѣмъ не было, но чѣмъ ближе подъѣзжали сани къ городу, тѣмъ дома становились крупнѣе, заборы выше, ворота крѣпче. Доѣхавъ до моста, правившая ударила лошадь и та рысью взяла на крутой «взъемъ». Несмотря на морозъ и толстый слой снѣга, во всемъ Зарѣчьѣ, куда направились сани, стоялъ особенный кислый запахъ. Можно было подумать, что здѣсь во всѣхъ домахъ провѣтриваются бочки изъ подъ кислой капусты. Этотъ своеобразный ароматъ шелъ со всѣхъ улицъ, густо «высоренныхъ» одубиной. Толчеи неустанно мололи дубовую кору, телѣги подвозили ее на заводы, а изъ дубильныхъ чановъ всѣ негодные отбросы вывозились прямо на улицы и «высаривались», какъ песокъ. Солнце высушивало это своеобразное мощенье, лошади и пѣшеходы притаптывали почву; за то, когда дожди растворяли всю эту благодать, то только носы зарѣченскихъ жителей могли ее переносить. Сани остановились у воротъ высокаго забора, окружавшаго цѣлую усадьбу.

— Здорова будешь,—привѣтствовалъ пріѣзжихъ татаринъ Юшка.

— Здорово, здорово, Юшенька!—отвѣчала старшая.

Юшка отперъ ворота, сани въѣхали въ широкій дворъ, окруженный сараями, конюшнями и другими хозяйственными пристройками. Рыжій дворовый мальчишка Петръ, въ нагольномъ тулупѣ и валенкахъ, сорвалъ съ своей кудрявой головы шапку и тоже подбѣжалъ къ санямъ.

— Здравствуйте тетенька!—онъ троекратно поцѣловался со старшей.—Здравствуйте, Прасковья Степановна! — онъ поклонился младшей, красныя щечки которой и лукавые глазки блеснули теперь изъ-подъ платка.

— Небось, назяблись, сегодня больно студено, пожалуйте на кухню обогрѣться!

— Ладно, ладно, ты лошадку-то убери!

И обѣ пріѣхавшія, вылѣзши изъ саней, направились къ большому, отдѣльно стоящему домику. Черезъ сѣнцы онѣ взошли въ большую свѣтлую кухню, гдѣ у русской печи возилась румяная, здоровая кухарка Матрена Сидоровна. На длинномъ столѣ, покрытомъ пестрымъ домашняго тканья «столешникомъ», помощница Матрены Сидоровны, толстая, какъ обрубокъ, Акулина, ставила блюдо съ грудой мясныхъ пирожковъ. По краямъ кухни на чистыхъ лавкахъ, покрытыхъ сѣрымъ рядномъ, сидѣли нищіе. У каждаго въ рукахъ былъ туесокъ и мѣшокъ за плечами. Вторая помощница кухарки, Агафья, тихая, немолодая баба, раздавала милостыню. Въ туеса накладывалось мерзлое молоко, наливался густой домашній квасъ, или одѣлялись капуста, огурцы, словомъ, по просьбѣ каждаго. Въ мѣшки опускались краюхи хлѣба, крупная сѣрая соль, завязанная въ тряпочку, куски зажаренной рыбы. Въ домѣ богача Круторогова, какъ и во всѣхъ богатыхъ домахъ города, нищіе не получали денегъ, но щедро одѣлялись хлѣбомъ насущнымъ. Матрена Сидоровна поставила въ уголъ ухватъ, обтерла передникомъ сочныя губы и степенно, но ласково подошла къ пріѣзжимъ.

— Фаина Сергѣвна, здравствуйте, матушка!—она трижды поцѣловалась со старшей.—Паранюшка, какъ жива будешь?—она поцѣловала молодую дѣвушку.

— Раскидайтесь, дорогія гостьи, грѣйтесь, сейчасъ чайку приготовлю. Ты небось постничаешь, Фаина Сергѣвна? Сейчасъ тебѣ груздочковъ и всякой снѣди такой Акулинушка приготовитъ. Мигомъ, мигомъ на погребъ слетаетъ!

— Ну, а нашъ-то соколъ, Ванюшка, какъ?

— Все такъ-же, и слухомъ слышать не хочетъ о большомъ домѣ; какъ перешелъ сюда къ намъ въ боковушку, такъ тутъ и поселился. Отдохни, мать, онъ никакъ теперь молится, потомъ и къ нему толкнешься!

Въ длинной боковушкѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ, по своей дикой фантазіи, жилъ старшій сынъ Круторогова, Иванъ. Это былъ когда-то статный, красивый парень, мозги котораго не вынесли отцовской ломки и жизни, полной неразрѣшимыхъ для него противорѣчій. Иванъ пилъ и юродствовалъ. Онъ далеко не былъ сумасшедшій, но и здравомыслящимъ назваться не могъ. Время отъ времени у него пухли ноги, онъ весь какъ бы наливался водой, и мать и старухи-бабушки, обожавшія Ванюшку, ждали его смерти, причитали надъ нимъ съ рыданьями и приходили поочереди въ боковушку читать надъ нимъ отходную. Но Иванъ переставалъ пить, принималъ какія-то снадобья, приносимыя къ нему разными старовѣрками, и снова выздоравливалъ, оправлялся до новаго запоя. Иванъ родился, когда Круторoговъ еще не нажился и работалъ самъ, какъ волъ, въ крошечномъ сарайчикѣ, изъ котораго и разросся потомъ громадный кожевенный заводъ. Ванюша былъ мальчикъ тоненькій, стройненькій, тихій и ласковый, какъ дѣвочка; онъ росъ до десяти лѣтъ между ватными юбками старыхъ тетушекъ и бабушекъ. Его поили сладкимъ винцомъ, кормили медовыми пряниками, учили, по старымъ засаленнымъ книжкамъ, *настоящей, старой вѣрѣ отцовъ*, таскали по разнымъ скитамъ, гдѣ его благословляли и наставляли разные старцы и «матери». Съ десяти лѣтъ мальчикъ пошелъ въ науку къ отцу и сталъ за конторку. Рука у Круторогова была тяжелая, нравъ скоропалительный, и не разъ мальчишку, избитаго въ кровь, мать укрывала въ своей моленной, гдѣ снова старухи отхаживали, отпаивали и отчитывали своего любимца. Каждый грошъ у отца былъ на отчетѣ и всетаки подроставшій мальчикъ изловчался вывернуться и на покупкѣ сырья, на продажѣ выдѣлки наживалъ синенькую, а то и красненькую. Къ восемнадцати годамъ Ванюшка вытянулся въ красиваго, женоподобнаго юношу, темнаго старовѣра, подчиненнаго мельчайшему исполненію религіозныхъ обрядовъ и толкованій бабушекъ, тетушекъ и разныхъ «старицъ». Къ этому времени дѣла отца шли ужъ торной дорогой къ богатству. Упрямый, тяжелый, но умный Круторoговъ рѣшилъ съѣздить въ Москву, въ Петербургъ, потолкаться по пріемнымъ нужныхъ людей, перехватить подряды, а затѣмъ проѣхать заграницу, людей посмотрѣть, себя показать.

Ванюшка на ряду съ посѣщеніями скитовъ и бабьяго царства въ деревнѣ Пашенкѣ, объ которой у насъ еще будетъ рѣчь, съѣздилъ уже два раза въ Ирбитъ и Нижній, повидалъ цыганъ, побывалъ въ такихъ вертепахъ, гдѣ сразу, какъ пѣнку со сливокъ, снимаютъ все мягкое, человѣческое съ юной души, и, наконецъ, отправился сопровождать папеньку въ Москву, Петербургъ и заграницу. Вернувшись изъ Парижа съ

запасами духовъ, фиксатуара, модныхъ галстуховъ и пестрыхъ костюмовъ, Ванюшка снова побывалъ у всѣхъ бабушекъ, помолился съ лѣстовками во всѣхъ молельняхъ, «закурилъ» на три дня въ Пашенку, за что попробовалъ снова тяжелаго отцовскаго кулака и, не выдержавъ, свихнулся: запилъ и на какомъ-то «стояніи» въ чужой молельнѣ пустился въ плясъ, приговаривая:

Стану плавать я въ духахъ,
Со флаконами въ рукахъ!..

Къ этому времени у Круторогова подросъ второй сынъ, смирный, золотушный Яша, и старикъ махнулъ рукой на старшаго. Иванъ перебрался въ боковушку большой кухни и сталъ дурить тамъ во всю свою расшатанную, изнѣженную и испорченную натуру.

Мать Фаина съ крестницей Параней пріѣхали приглашать Ванюшку въ гости, въ Пашенку, гдѣ приготовлялся годовой праздникъ. Боковушка была длинная комната, сплошь устланная бѣлой кошмой. Единственное окно ея въ глубинѣ было затянуто краснымъ коленкоромъ; передъ окномъ въ ширину всей комнаты стоялъ большой бѣлый столъ, накрытый до полу толстымъ сукномъ, заставленный образами. Потемнѣлые лики святыхъ съ суровыми очами выглядывали изъ золотыхъ ризъ, залитыхъ драгоцѣнными камнями и занизанныхъ жемчугомъ. Передъ иконами горѣли цвѣтныя лампады, бросавшія кругомъ колеблющіяся свѣтлыя пятна. На отдѣльномъ столикѣ, сбоку, лежали св. книги, лѣстовки и другія принадлежности старообрядческой молельни. Справа, у стѣны стояла узенькая желѣзная кровать съ простымъ тюфякомъ, бѣлыми простынями, вышитыми по краямъ краснымъ кумачомъ, и тяжелымъ одѣяломъ на овечьей шкурѣ. Надъ кроватью висѣла грубо размалеванная, громадная картина страшнаго суда.

Зеленые, красные и синіе черти ловко поддѣвали на вилы грѣшниковъ и съ выраженіемъ неистоваго удовольствія поджаривали ихъ на огнѣ. Грѣшники стояли по разрядамъ; одни лизали горячія сковороды, другимъ черти лили въ глотку расплавленное золото, третьи ѣли пуды печатной бумаги за приверженность къ свѣтскому сочинительству. Много любившіе женскій полъ страдали еще ужаснѣе; пьяницы ловили зеленыхъ чертей, которые десятками облѣпляли ихъ, обвивали хвостами, дразнили длинными кровавыми языками; въ открытомъ брюхѣ чревоугодника красненькій чертъ игралъ на свирѣлкѣ.

Направо цѣлый уголъ полотна былъ залитъ розовымъ свѣтомъ, изображавшимъ входъ въ рай; тамъ по бокамъ стояли старцы сѣдобородые и привѣтливымъ мановеніемъ руки приглашали вереницу такихъ же, какъ они, бородатыхъ старцевъ

и старицъ въ черныхъ платкахъ на головахъ; съ ними шли и нѣсколько генераловъ.

Свѣтъ Иванъ Артамоновичъ, высокій, худой, со впалыми карими глазами, съ пріятнымъ, но утомленнымъ и какъ бы растеряннымъ видомъ, стоялъ передъ иконами и билъ поклоны, перебирая лѣстовку. Дрожащими руками онъ время отъ времени, то передъ однимъ, то передъ другимъ угодникомъ, зажигалъ свѣчи темно-желтаго воску, неровныя, корявыя, собственноручной работы знакомыхъ старцевъ. Отбивъ условленное число поклоновъ, онъ остановился, осмотрѣлся кругомъ, нагнулъ голову вправо къ дверямъ и, не услыхавъ ничего подозрительнаго, подошелъ къ столу, нагнулся и изъ-подъ темнаго сукна, закрывавшаго его до полу, досталъ бутылку перцовки; живо схвативъ лѣвой рукой большую пустую лампаду, онъ налилъ ее полную и выпилъ, затѣмъ водворилъ на мѣсто бутылку и снова опустилъ суконную скатерть.

Иванъ Артамоновичъ былъ одѣтъ въ черный подрясникъ на лисьемъ мѣху и подпоясанъ веревкой; подъ низомъ у него было только бѣлье да высокія валенки. Похлопывая себя по бедрамъ, онъ прошелся по комнаткѣ, затѣмъ щелкнулъ языкомъ, нагнулся еще разъ, досталъ бутылку рябиновки, налилъ въ ту же лампаду, отбилъ десять поклоновъ и снова выпилъ.

Когда всѣ бутылки были поочереди имъ перепробованы, Ванюшка былъ пьянъ окончательно и, приплясывая, хихикая и присѣдая, вышелъ въ большую кухню.

Фаина Сергѣевна и Прасковья встали при его появленіи; но Иванъ Артамоновичъ вдругъ взвизгнулъ и побѣжалъ къ себѣ обратно. Полы его подрясника развѣвались, какъ крылья, и, зацѣпляя за полки, роняя рѣшета и банки, онъ скрылся за дверью. Параня хладнокровно осталась допивать чай съ блюдечка, но Фаина Сергѣевна степенно поднялась и направилась въ боковушку. Свѣтъ Иванъ Артамоновичъ стоялъ передъ картиною страшнаго суда и скорбно рыдалъ, глядя на человѣка, ловившаго зеленыхъ чертей...

III.

Овечкинъ-сынъ.

Евменій Федоровичъ Овечкинъ-сынъ проснулся съ первымъ проблескомъ блѣднаго зимняго утра. Его жилистыя ноги, обросшія длинными черными волосами, спустились съ кровати, нащупали войлочныя туфли и обулись автоматично, безъ всякаго вѣдома хозяина. Овечкинъ запустилъ пятерню въ свои густые, курчавые волосы и водилъ рукою по головѣ, точно

разгоняя въ ней послѣдніе слѣды вчерашняго пьянаго угара. Повернувъ голову немного въ бокъ, онъ взглянулъ на спавшую рядомъ жену, и его татарскіе, чуть-чуть раскосые глаза вдругъ широко открылись: послѣдняя картина вчерашняго вечера моментально встала передъ нимъ такъ ясно, какъ если бы она фотографически отпечаталась въ его зрачкахъ.

Фелисата Григорьевна лежала на спинѣ, вся пышная, розовая; густая бахрома рѣсницъ бросала синеватую тѣнь на щеки; волнистыя, тяжелыя пряди черныхъ волосъ спустились на лобъ; она, казалось, не спала, а оцѣпенѣла въ сладостной истомѣ. Овечкинъ вдругъ обернулся всѣмъ тѣломъ, лѣвой рукой сгребъ ея черную косу, а правой съ размаху ударилъ ее по щекѣ. Съ безобразнымъ испуганнымъ крикомъ молодая женщина рванулась было и снова припала головой къ подушкѣ, глядя въ упоръ на исковерканное злобой лицо мужа.

— А, подлая! — прошипѣлъ Евменій Федоровичъ и сбросилъ жену съ кровати на пушистую медвѣжью шкуру, разостланную на полу.

— Ты думаешь, я пьянъ былъ вчера, не помню? Нѣ-ѣтъ, все помню! Все видѣлъ!.. Винись! — и онъ толкнулъ ее ногою въ грудь.

— Виновата! — простонала жена и, закрывъ голову руками, зарыдала.

Евменій Федоровичъ стиснулъ зубы и взмахнулъ кулакомъ. Но громадный кулакъ безсильно упалъ, а взглядъ уперся на вздрагивавшія голыя плечи жены, гладкія и мягкія, какъ бархатъ, на нѣжную спину, по ложбинѣ которой спускалась трубой густая коса. Сердце его переполнилось жалостливымъ презрѣніемъ къ этой «бабьей слабости». Долго ли тутъ искалѣчить, ну, а дальше? думалъ онъ. Кто жъ на такую бабу не позарится? А гдѣ такой «мягкой бабѣ» устоять противу ласки мужской? Выходитъ, самъ виноватъ, — не укараулилъ свое добро, на расхищеніе отдалъ! Ну, а ты, баринъ, красавчикъ, мнѣ поплатишься! И Овечкинъ, снова сжавъ кулакъ, погрозилъ имъ въ пространство.

— Вставай! — прохрипѣлъ онъ женѣ и отошелъ къ умывальному тазу, около котораго стояли наготовѣ кувшинъ и два ведра съ водой.

Онъ налилъ полный тазъ и сталъ мочить голову. Фелиса Григорьевна встала безъ слезинки, обулась, подвязала [illegible]и и, взявъ въ руки бумазейный голубой капотъ, направи[illegible]ъ къ двери.

— Назадъ! — не оглядываясь, прохрипѣлъ Овечкинъ, и моя женщина подалась, какъ если бы ее кто толкнулъ отъ [illegible]ри, и покорно присѣла на край кровати.

Евменій Федоровичъ вымылся, одѣлся, расчесалъ свою ры-

36385
БИБЛИОТЕКА

жеватую бороду, помолился привычной «пустой» молитвой передъ родительскимъ благословеніемъ, затѣмъ надѣлъ валенки, шубку на лисьемъ мѣху, шапку тобольскую съ ушами, снялъ со стѣны ружье, зарядилъ его и надѣлъ ягташъ. Дойдя до двери, онъ обратился къ женѣ:

— Я, Фелисата Григорьевна, только потому не бью васъ, что убивать не намѣренъ, а коли я да разъ опущу кулакъ тебѣ на голову, то ужъ такъ и дотюкаю,—потому я свой характеръ знаю! И судовъ я этихъ и полиціи этой, ничего такого я у себя на заводѣ не боюсь! Искалѣчу я тебя всласть, да ночью и выволоку на дворъ, такъ псы то наши по кусочкамъ всю тебя разнесутъ, и суди потомъ, зачѣмъ, молъ, ты, по своей бабской дурости, ночью на дворъ сунулась? А я, поплакавши примѣрно, похороню косточки ваши. Поминъ душѣ вашей справлю, да черезъ годикъ и другую жену за себя возьму. Только не затѣмъ мы, Фелисата Григорьевна, васъ за себя брали, вашей красотой любовались, васъ, нищую сироту, въ шелки да въ бархаты одѣвали, чтобъ своимъ собачкамъ искормить. А только такъ какъ вы оказались очень ужъ слабы на счетъ вашего естества, такъ теперь не взыщите: жисть ваша перемѣнится, будете вы теперь здѣсь на заводѣ на манеръ какъ бы въ крѣпости и въ послушаніи, какъ бы въ монастырѣ. Выпишу я сюда свою маменьку и скрутимъ мы тебя по своему. Слыхала?

— Слыхала,—прошептала побѣлѣвшими губами Фелисата Григорьевна, не поднимая глазъ на мужа.

— Такъ и знай, что вся ты у меня въ моей супружеской власти. Хочу — прощу, пуще прежняго разодѣну, въ золото закую. Хочу — псамъ скормлю, а ужъ только *никому* не отдамъ! Такъ и помните—коли еще что!..

Онъ двинулся къ женѣ съ исковерканнымъ побѣлѣлымъ лицомъ и снова поднялъ надъ нею кулакъ.

Фелисата Григорьевна тихо ахнула и, закрывъ лицо руками, скользнула съ кровати и такъ и осѣла на полу, какъ узелъ бѣлья.

— Такъ и помните! — прошепталъ Овечкинъ, вышелъ изъ комнаты и, заперевъ ее снаружи, опустилъ ключъ въ карманъ.

Въ спальнѣ было тихо, какъ въ могилѣ.

Во флигелечкѣ у приказчика, въ просторной комнатѣ, на густо настланномъ сѣнѣ, прикрытомъ бѣлой кошмой, въ повалку, полу-раздѣвшись, спали пять инженеровъ, съѣхавшихся къ Овечкину на охоту.

Стукъ въ двери заставилъ и ихъ проснуться спозаранку.

— Смерть спать хочется,—проговорилъ Козловъ, вставая, однако, на ноги. — Эй, Вязьминъ, Александръ Павловичъ, очнись.

Но Вязьминъ не спалъ, онъ давно уже проснулся. Его прекрасные синіе глаза глядѣли въ пространство, онъ думалъ о чемъ-то веселомъ, потому что улыбка такъ и раздвигала его полныя, красныя губы.

— Александръ Павловичъ,—заговорилъ сосѣдъ его съ лѣвой стороны, худощавый полякъ Бржезовскій, — я бы не хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ.

— Вчера?—засмѣялся Вязьминъ.

— Да и вчера! Если бы вы видѣли лицо Овечкина.

— Какое тамъ лицо у этого Ирода, вѣдь онъ былъ въ лоскъ пьянъ,—и Вязьминъ снова захохоталъ.

— Пьянъ, страшно пьянъ, ногами и языкомъ, но не памятью! Когда вы начали цѣловать его жену, я какъ ни былъ самъ пьянъ, а всетаки взглянулъ на мужа: онъ головы не могъ поднять отъ стола, но только повернулъ ее въ сторону и глядѣлъ на васъ такими налитыми кровью глазами, что, ей-Богу, у меня сердце захолонуло.

— Глупости! — Вязьминъ махнулъ рукою. — Во-первыхъ, не женись на такой непомѣрно-красивой и глупой женщинѣ, а во-вторыхъ, не допускай ее въ пьяную мужскую компанію... Зачѣмъ онъ ее пригласилъ къ столу?..

— Позволь, — перебилъ его Козловъ, — да вѣдь мы пріѣхали къ нимъ какъ гости и честь-честью сѣли за семейный, такъ сказать, ужинъ, вѣдь это ты же привезъ коньячищу и накатилъ его...

— Да, Вязьминъ, вы вчера того...—подалъ свой голосъ и Павловъ, вставая и расчесывая свою густую бороду.—Ужъ когда нибудь снесете вы свою буйную головушку за это самое бабское пристрастіе.

— Эхъ, Павловъ, да вѣдь это сама красота! Вѣдь я еще третьяго дня, какъ Овечкинъ въ городѣ въ клубъ пріѣхалъ звать насъ на охоту, чуть не надѣлалъ глупостей, какъ увидѣлъ его жену. Пошелъ я съ нею танцовать, какъ увидѣлъ я у самаго лица ея глаза съ поволокой, сочный ротъ съ раскрытыми губами, такъ, вѣрите, я ее чуть не расцѣловалъ т[illegible]ъ же, при всѣхъ въ залѣ. Чортъ знаетъ, что со мной с[illegible]лось.

— Ну-съ, готовы?—раздался въ дверяхъ голосъ Овечкина, и [illegible]нъ вошелъ въ комнату. Его узкіе, холодные глаза обвели п[illegible]озрительно всѣ пять лицъ инженеровъ, онъ пожалъ имъ р[illegible]ч и сталъ торопить идти пить чай внизъ къ приказчику.

— Ужъ молодую хозяйку не обезсудьте, еще отдыхаетъ!— с[illegible]лъ онъ и вышелъ.

Стеклянный заводъ Овечкина-сына стоялъ въ 60 верстахъ отъ ближайшаго города, окруженный лѣсомъ, обнесенный высокимъ заборомъ съ гвоздями и битымъ стекломъ наверху, не такъ отъ лихого человѣка, какъ отъ толстолапаго сѣраго медвѣдя, котораго «блазнилъ» мелкій скотъ, гулявшій по заводскому лугу, да отъ лѣсного разбойника — волка, всегда готоваго шарахнуть черезъ заборъ за добычей. На ночь заводскіе ворота замыкались на запоръ, а старый сторожъ, Николай, открывъ засовъ желѣзныхъ рѣшетокъ у темныхъ ящиковъ, выпускалъ на дворъ сторожевыхъ собакъ. Прыжками вылетали рыжія «лайки», встряхивали свои желтые «воротники», вытягивали крѣпкія лапы, онѣмѣвшія за цѣлый день лежанья, и неслись, играя, кувыркаясь, по двору, оглашая окрестный лѣсъ своимъ радостнымъ, злобнымъ лаемъ. Собаки знали только своихъ и безпощадно разорвали бы каждаго чужого, появившагося на дворѣ безъ провожатаго. На утро Николай звонилъ въ колоколъ и вывѣшивалъ на шестъ битую зайчину или оковалокъ мяса; всѣ собаки собирались къ нему, онъ одѣлялъ каждую и та съ злобнымъ рычаніемъ уходила съ добычею обратно въ свой темный ящикъ.

Рабочіе на заводѣ были большею частью «варнаки», у которыхъ паспортъ на рожѣ прописанъ, все «Иваны Непомнящіе», и свидѣтельство имъ выдавалось «для правильности», съ ихъ же словъ, въ заводской конторѣ, потому «держать безпаспортнаго нельзя». Настоящій мастеръ былъ на заводѣ одинъ, да два-три человѣка, дѣйствительно кой-что смыслившихъ въ стеклянномъ производствѣ, а все остальное такъ, сбродъ. Поступитъ, посмотритъ, да и приснoровится, кто горнъ шуровать, кто варю мѣшать, а кто половчѣй и халяву выдувать начнетъ. Дѣло на заводѣ было не мудреное: стекло выдѣлывалось только простое, оконное, небольшихъ размѣровъ, «съ пузырькомъ и зеленцой», а сбытъ былъ хорошій, зимой не успѣвали нагружать ящики, да разсылать.

На заводѣ Овечкина-сына каждый рабочій былъ страстный охотникъ. Отъ сторожа у воротъ, черномазаго татарина Пашки, до пастушенка Сосипатра, у всѣхъ было свое ружьяшко и каждый въ свободную минуту только и наровилъ удрать въ лѣсъ. Лѣсъ былъ настоящій отчій домъ для всего сброда. Тамъ, въ густой тайгѣ, чуть не у каждаго была припасена своя нора «про всякій случай». Ружье, порохъ, рубленный свинецъ, запасъ муки да соли,—вотъ основное богатство варнака, все остальное дастъ лѣсъ. Дичины всякой вволю; толстый рябчикъ-кедровикъ, красноглазый тетеръ, токующій до одури по зарямъ, куропаточка пестрая, зайчина трусливая, богатый пріѣдокъ въ видѣ груздя сухого, рыжика, княженики, морошки, клюквы, «сибирскаго разговорца»,—шишекъ кедровыхъ,—уймы

не початая. Тамъ, въ тайгѣ, бѣгутъ ручьи студеные, а въ нихъ моксунъ, да сазанъ полощутся, «нырокъ» кувыркается. Тамъ мохъ, что твоя перина пуховая, а ужъ птичьихъ пѣсенъ, звѣздныхъ ночей, зорекъ розовыхъ, грозъ громовыхъ, этого языкомъ не передать сибирскому бродягѣ, а только все это лелѣетъ его душу и неудержимо тянетъ къ себѣ. На заводѣ были такіе рабочіе, что только и выдерживали зиму, а какъ стаетъ снѣгъ, выползетъ травка зеленая, ручей шевельнется, какъ покажется въ небѣ первый треугольникъ возвращающихся журавлей, такъ силъ его больше не хватаетъ: отпустятъ—уйдетъ, задерживать станутъ—сбѣжитъ, и айда, прямо въ тайгу, снова до лютаго зимняго холода. Овечкинъ умѣлъ ладить со своимъ людомъ, взглядъ у него былъ тяжелый, силища необыкновенная, характеромъ прижимистъ, но справедливъ.

Женившись противъ отцовской воли на сиротѣ, воспитанной Круторговымъ, онъ не взялъ за нею никакого приданаго, отдѣлился отъ семьи и перешелъ изъ города, съ отцовскаго большого кожевеннаго завода, въ лѣсъ. Онъ мечталъ расширить свой стеклянный заводъ, начать выдувать бутылки, что могло бы дать хорошую прибыль; время отъ времени отъѣзжалъ съ женою въ городъ, показывалъ ее въ нарядахъ и дорогихъ каменьяхъ въ клубѣ, чтобы не говорили люди, что онъ заперъ жену изъ ревности.

Въ послѣдній разъ онъ въ клубѣ познакомился съ инженерами и пригласилъ ихъ къ себѣ на заводъ, на охоту за зайцами.

Въ романовскихъ полушубкахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, въ мѣховыхъ тобольскихъ шапкахъ, въ высокихъ валенкахъ, гости, вслѣдъ за хозяиномъ, двинулись на охоту. Ворота имъ отперъ Пашка, и вся его темно-коричневая морда освѣтилась оскаленными бѣлыми широкими зубами.

— И я на охоту за вами, — объяснилъ онъ, помахивая старенькимъ одноствольнымъ ружьемъ.

— А у воротъ кто?—спросилъ Овечкинъ.

— Смѣнялся, смѣнялся, и у воротъ караулить будутъ, и я охоту пойду,—отвѣчалъ Пашка веселымъ своеобразнымъ юркомъ. Мѣховыя уши его треуха, не завязанныя, болтаъ по обѣ стороны головы, все лицо его то изрѣзывалось бокими круглыми складками и походило на рожу старой ѣзьяны, то разглаживалось и молодѣло сразу.

Пашку всѣ знали и всѣ любили, онъ уже лѣтъ десять тому адъ пришелъ на заводъ откуда-то съ дальняго татарскаго

кочевья, да такъ и остался караульнымъ у воротъ; веселый, услужливый, онъ не любилъ только говорить, откуда онъ и зачѣмъ пришелъ.

— Ладно, ступай,—разрѣшилъ Овечкинъ.—Бѣги впередъ, пусть загонщики готовятся.

Пашка подхватилъ полы своего мѣхового халата и замелькалъ новенькими бѣлыми валенками.

Гости и хозяинъ, перейдя мостикъ, перекинутый черезъ глубокій ровъ, вступили въ лѣсъ. Утро было морозное, ясное, безъ малѣйшаго вѣтерка. На широкихъ лапахъ кедра снѣгъ лежалъ пышно, какъ вата; у стройныхъ елей всѣ пальцы были обернуты искрящимся инеемъ. Безлистые кусты облѣпихи стояли шатрами ажурнаго серебра. Подъ ногами скрипѣлъ и хрустѣлъ снѣгъ, пригвожденный морозомъ. Загонщики, мальчишки и бабы изъ двухъ сосѣднихъ заимокъ, давно обложили часть лѣса, но не двигались съ мѣста, пока господа не дадутъ знака.

Дойдя до широкой поляны, Овечкинъ остановился; инженеры выбрали мѣста. «На насъ гнать будутъ», пояснилъ онъ имъ. Вязьминъ распустилъ воротъ у полушубка, отогнулъ на макушку уши «тоболки» и прислонился къ высокой березѣ. Противъ него стоялъ Овечкинъ и тяжелымъ, холоднымъ взглядомъ окидывалъ всю жизнерадостную фигуру инженера. На душѣ у Овечкина было скверно, въ груди точно скребло что-то, въ правомъ глазу съ утра дрожалъ нервъ, и онъ время отъ времени прижималъ глазъ рукою, его знобило; и теперь, ставъ на свое мѣсто, онъ прежде всего досталъ фляжку, висѣвшую на ремнѣ черезъ плечо, и прямо изъ горла выпилъ водки.—«О, чтобъ тебя розорвало! Гладкій чортъ!» ругался онъ въ душѣ все по тому же адресу. «Гдѣ тутъ бабѣ устоять? Чортовъ прихвостень! Язви тебя! Да погоди, погоди, будешь Фелицату мужнюю жену помнить! Вѣкъ свой будешь помнить!»

Лѣсъ вдругъ словно дрогнулъ и ожилъ, послышались крики, щелканье трещетокъ, улюканье, свистъ, и на поляну, разстилаясь по снѣгу, прижавъ уши къ спинѣ, вылетѣло съ десятокъ зайцевъ-бѣляковъ.

«Трахъ, трахъ», сухо раскатились выстрѣлы. Нѣсколько зайцевъ перекувырнулось, одинъ, раненный, присѣлъ у самыхъ ногъ Вязьмина и завизжалъ, заувякалъ громко, надрывисто, какъ зашибленный младенецъ.

— Пашка, добей его!—нервно крикнулъ Вязьминъ.

Въ это время лѣсъ снова огласился гиканьемъ, крикомъ, снова на поляну вылетѣли обезумѣвшіе зайцы, грянулъ перекрестный ружейный залпъ, и вдругъ, заглушая все, по лѣсу пронесся отчаянный человѣческій вопль. Подъ березою, на

томъ мѣстѣ, съ котораго только-что нервно рванулся Вязьминъ, въ корчахъ валялся Пашка; его темное лицо, все сведенное судорогой, билось о землю, изо рта бѣжала кровь и снѣгъ «курился», всасывая горячую, алую струйку. Овечкинъ, съ трясущейся нижней губой, бросился впередъ и уперся обезумѣвшими глазами на Пашку...

«Несчастный случай» прекратилъ охоту. Кто всадилъ бѣдному Пашкѣ, нагнувшемуся добивать зайца, полный зарядъ крупной дроби прямо въ горло и въ голову, розыскивать не стали.—Мало-ли такихъ оказій случается на охотѣ!

Инженеры, поблагодаривъ хозяина за радушный пріемъ, уѣхали съ завода, не пообѣдавъ и не повидавъ больше красавицы-хозяйки. Когда кошева, запряженная лихой тройкой, отхватила ихъ уже на полъ-дороги отъ стеклянаго завода Овечкина-сына, Павловъ обернулся къ Вязьмину:

— Я бы совѣтовалъ вамъ, Александръ Павловичъ, поставить здоровую свѣчу вашему святому за сохраненіе вашихъ ногъ!

И Павлову показалось, что Вязьминъ не смѣялся: хотя его бѣлые зубы блестѣли между усовъ, губы его дрожали. Очевидно онъ простудился на охотѣ и его била лихорадка.

Со дня невольнаго убійства Пашки Овечкинъ закутилъ. Заводъ шелъ по прежнему ни шатко, ни валко, подъ управленіемъ старшаго мастера, Ефрема. Выть по Пашкѣ было некому, схоронили его, поставили крестъ, на всякій случай, хотя ровно никто не зналъ, къ какой религіи могъ принадлежать черномазый Пашка. Фелицата Григорьевна, узнавъ обо всѣхъ этихъ «страстяхъ», перетрусила не на шутку. Мужъ не только не билъ ее, но ни словечкомъ не поминалъ ни объ уѣхавшихъ инженерахъ, ни обо всемъ прочемъ. Онъ не мылся, не одѣвался, ходилъ въ тулупчикѣ на лисьемъ мѣху, обрюзгшій, одутловатый, изрѣдка пѣлъ какіе-то жалобные романсы, ѣлъ мало, пилъ много и почти переселился во флигелекъ къ приказчику.

Фелицата Григорьевна присѣла къ столу и написала большими крупными каракулями письмо къ свекрови, прося ее пріѣхать. Какъ ни далеко стоялъ заводъ отъ города, какъ ни густо былъ окруженъ онъ дремучимъ лѣсомъ, а сорока на хвостѣ принесла таки свекрови помимо письма вѣсточку о томъ, какъ покутили инженеры на стеклянномъ заводѣ ея сына.

Минодора Федоровна Овечкина была женщина высокая, костлявая, нрава строгаго, толку старообрядческаго. Она прежде всего поѣхала къ купцу Круторогову, пріемному отцу и воспитателю своей невѣстки Фелицаты. Домъ Круторговыхъ считался чуть ли не самымъ богатымъ въ городѣ. Старикъ Арта-

монъ Степановичъ принялъ ее не въ парадныхъ комнатахъ, убранныхъ персидскими коврами, а въ своемъ собственномъ кабинетикѣ, тепломъ, какъ баня, заставленномъ старой кожаной мебелью, сундуками съ разнымъ добромъ (а какъ многіе говорили, и съ деньгами), да громадною конторкой, за которою онъ самъ сводилъ счеты своихъ кожевенныхъ заводовъ. Долгая и интимная бесѣда стариковъ привела къ такимъ результатамъ: соблазновъ разводить на заводѣ не къ чему; коли самъ хозяинъ запилъ, то ужъ проку отъ его распорядковъ не жди. Очевидно, что ему надо избыть свою надсаду; на заводѣ Ефремъ пока и одинъ справится съ работами, а потому, пускай старуха съ Фелицатой съѣздитъ на богомолье въ Ивановскій монастырь, а за ея сыномъ Евменьемъ старикъ зашлетъ. Старшій сынъ Круторогова, Иванъ, какъ разъ собирается денька на три въ «Пашенку». Пускай лучше ѣдутъ они вмѣстѣ, тамъ на просторѣ они свой хмѣль вывѣтрятъ. На томъ старики и порѣшили.

IV.

Ивановскій монастырь.

Въ 80 верстахъ отъ Тобольска, среди громаднаго лѣса вѣковыхъ кедровъ и лиственницъ, стоитъ женскій Ивановскій монастырь съ чудотворной иконой Божьей Матери. Кругомъ монастыря людская жизнь какъ бы замерла. На далекое пространство ни селенья, ни деревни, одинъ суровый, вѣчно зеленый лѣсъ и его таинственная жизнь берлогъ, норъ и логовищъ. Весной въ лѣсу раздаются выстрѣлы дешевыхъ пищалей, нерѣдко перевязанныхъ лычкомъ или веревкою, и на земь падаютъ толстые рябчики и кедровики, съ вѣтвей срываются красноглазые глухари, затоковавшіеся до одури про любовь, падаютъ, распластавъ крылья, пестрыя куропатки и голубыя сойки. Подъ осень лѣсъ оживаетъ и голоситъ нагрянувшими въ него гостями. Мужчины и женщины наполняютъ громадные мѣшки кедровыми шишками, корзины — клюквой, морошкой, брусникой и поляникой. Мальчишки и дѣвчонки копаютъ верхній слой земли, и изъ-подъ него высыпаетъ несмѣтная армія «сухихъ» груздей, большихъ и малыхъ, крѣпкихъ, гладкихъ и желтоватыхъ, какъ слоновая кость. Мелкіе рыжики сыплятся золотымъ дождемъ въ короба и плетушки. Съ первыми заморозками, надъ стройными кедрами тянутся птицы въ отлетъ, съ прощальнымъ крикомъ летятъ треугольникомъ журавли. Зимой, когда все цѣпенѣетъ и замираетъ въ природѣ, по лѣсу, не слышно скользя, несется на лыжахъ безстрашный сибирскій

охотникъ и вызываетъ на единоборство громаднаго сѣраго медвѣдя, гоняется за голубою лисой, бьетъ пушистую бѣлку, сотнями губитъ зайца-бѣляка. А за лѣсомъ, въ недоступной тайгѣ, куда не залетаетъ ни звонъ монастырскихъ колоколовъ, ни ружейный выстрѣлъ охотника, гдѣ топь да болота загородили путь ногѣ человѣческой, гоститъ временами самый опасный гость лѣса — бѣглый каторжникъ.

И вся эта жизнь лѣса съ его тайнами, съ влюбленными трелями птицъ, воемъ голодной волчицы, ароматомъ высокихъ травъ, нерѣдко опутавшихъ трупъ убитаго молодца, все это идетъ помимо тихаго Ивановскаго монастыря; вся эта жизнь кипитъ и рвется кругомъ мирнаго убѣжища, не нарушая ни на іоту монотоннаго прозябанія пріютившихся въ немъ женщинъ.

Всѣ монастырскія строенія обнесены высокою деревянною оградою съ крѣпкими воротами.

Внутренній широкій дворъ по сибирскому обычаю весь замощенъ досками. Цвѣточный садъ и пчельникъ окружаютъ монастырь съ одной стороны, съ другой тянется мирное кладбище съ простыми безъимянными крестами на зеленыхъ холмахъ, подъ которыми, скрестивъ на груди изсохшія руки, въ черныхъ клобукахъ и мантіяхъ, лежатъ, какъ и при жизни, безмолвныя и покорныя монахини.

Въ главной церкви стоитъ стариннаго письма большой образъ чудотворной иконы Божіей Матери. Потемнѣлый ликъ глядитъ сурово изъ богатаго золотого вѣнца, украшеннаго жемчугомъ и каменьями. Узкія тонкія руки, обнимающія младенца, видны сквозь прорѣзы золотой массивной ризы. Слава о чудотворной иконѣ, разрѣшающей самые тяжкіе грѣхи человѣка, расходится далеко. Изъ Тюмени, Тобольска, Иркутска стекаются богомольцы, говѣютъ, исповѣдываются или просто съ нѣмой мольбой приносятъ покаяніе и всѣ получаютъ душѣ своей успокоеніе, мыслямъ просвѣтленіе.

Игуменья, мать Досифея, еще не старая женщина, съ строгимъ и блѣднымъ лицомъ, встрѣчаетъ одинаково и бѣднаго, и богатаго посѣтителя, съ той же молитвой и благодарностью принимаетъ и тысячные дары, и простую лепту или пару серебряныхъ серегъ, принесенныхъ въ даръ Богородицѣ простою крестьянкою. Ласковыя сестры съ удовольствіемъ водятъ посѣтителей по своимъ чистымъ просторнымъ мастерскимъ.

Дѣтскія личики, робкія и любопытныя, встрѣчаются всюду: это сиротки, воспитывающіяся при монастырѣ. Онѣ учатся въ школѣ женскимъ работамъ, поютъ на клиросѣ, помогаютъ въ работѣ по саду и огороду. Дѣвочки-подростки сидятъ въ большихъ рабочихъ залахъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ богатые пелены и покровы.

Въ этотъ-то Ивановскій женскій монастырь и рѣшилась

старуха Овечкина скрыть на время всѣхъ толковъ и пересудовъ свою провинившуюся невѣстку Фелицату.

V.

Овечиха-мать.

Звонко заливался колокольчикъ, когда къ стеклянному заводу подкатили парныя пошевни, въ которыхъ среди подушекъ и мѣшковъ, прямо, какъ костыль, сидѣла старуха Овечкина.

У воротъ ее встрѣтилъ караульный. Онъ ударилъ въ висѣвшій на шестѣ колоколъ и тѣмъ далъ знать въ контору о пріѣздѣ старой «Овечихи». Ямщикъ осадилъ своихъ мохнатыхъ лошаденокъ и сидѣлъ равнодушно, не обертываясь и не слѣзая съ козелъ. Старуха сидѣла тоже молча и глядѣла на прибитую къ воротамъ громадную черную ворону, какъ будто ожидая, что пугало сдвинется съ мѣста и высадитъ ее изъ кошевы.

Изъ конторы черезъ дворъ бѣжалъ прикащикъ Ефремъ, а за нимъ и увѣдомленная кѣмъ то Фелицата Григорьевна. Изъ-подъ большого ковроваго платка, накинутаго второпяхъ, выглядывало блѣдное лицо и тревожные черные глаза молодой женщины. За ними въ припрыжку бѣжалъ какой-то рабочій. Всѣ трое кинулись высаживать суровую гостью.

— Здорово, невѣстушка!.. Какъ живете, можете... какъ Богъ носитъ?..—привѣтствовала старуха.

— Здравствуйте, маменька!.. Ужь я по васъ стосковалась, думала, не пріѣдете...

— Ой-ли... А ты бы, невѣстушка, меня загодя пригласила, тогда, какъ гости-то у васъ тутъ наѣзжали...

Женщины поцѣловались. Старуха вылѣзла изъ кошевы и направилась во дворъ, а прикащикъ съ рабочимъ и караульнымъ начали выгружать захваченные съ собою Овечкиной пожитки.

Послѣднія слова свекрови вызвали внезапную густую краску на лицѣ Фелицаты Григорьевны.

— Я, маменька, не вольна была позвать или не позвать васъ. Меня Евменій Федоровичъ не упредили, когда съ гостьми наѣхали...

— Такъ... Ну да объ этомъ съ тобой разговоръ послѣ. За Пашкину душу-то молишься?.. Она быть можетъ и поганая... а все-таки про всякій случай не мѣшало бы...

Фелицата Григорьевна молчала и только дрожащими пальцами перебирала у подбородка платокъ.

— Ну, а мужъ гдѣ?

— Въ конторѣ... у Ефрема все обрѣтаются...

— Такъ.

Старуха, грузно стуча намерзлыми валенками, вошла въ теплую прихожую, сѣла на сундукъ и стала «раскидаться». Оставшись въ одномъ бумазейномъ капотѣ, въ черномъ шелковомъ платочкѣ на головѣ и большомъ красномъ вязаномъ, надѣтомъ на плечи, она сняла валенки, обулась въ «коты» съ лисьей опушкой и направилась съ невѣсткой во внутреннія комнаты.

— Ну-ко-сь, спосылай за Евменьемъ... вели сказывать: мать пріѣхала... да давай чай пить...

Фелицата Григорьевна сняла съ головы платокъ, выбѣжала въ кухню, распорядилась, чтобъ позвали мужа, и вернулась въ комнату собирать закуску и чай.

Свекровь слѣдила за всѣми ея движеніями и тутъ только замѣтила, что молодая женщина похудѣла и что глаза ея, окруженные темными кругами, выглядѣли печально и покорно. «Значитъ, еще есть совѣсть», подумала она.

Въ прихожей послышалась торопливая возня, и, споткнувшись въ сосѣдней комнатѣ на какіе-то встрѣчные стулья, въ дверяхъ столовой, гдѣ сидѣла «Овечиха», появился сынъ ея Евменій Феодоровичъ. Лисій тулупчикъ его, застегнутый и подпоясанный синимъ кушакомъ, отъ вѣчнаго лежанья мѣстами лоснилъ, какъ напомаженный. Лицо Овечкина было одутловато, блѣдно; глаза заплыли; взъерошенные, какъ рыжій войлокъ, волосы лѣзли на лобъ и торчали вихрами изъ-за ушей.

Мать, молча, не сводила съ него глазъ.

Онъ подошелъ, поклонился ей въ ноги и остался на колѣняхъ.

— Маменька, маменька и родительница моя!.. Ужъ оченно я обиженъ...

Онъ взглянулъ въ сторону, гдѣ стояла жена, и глаза его снова загорѣлись бѣшеной злобой.

— Вѣдь избѣгалъ я, маменька, видѣть ее окаянную, за себя не ручаюсь... вотъ такъ все у Ефрема и валандался...

— Встань!..—сказала старуха тихо, но такъ внушительно, что Евменій Феодоровичъ сразу поднялся.—Подойди-ка сюда, Фелицата...

Невѣстка подошла, не поднимая глазъ.

— Поцѣлуйтесь!..

— Маменька!..—Овечкинъ шарахнулся въ сторону.

У Фелицаты Григорьевны задрожали губы.

— Тебѣ что, Евменій, материнское-то благословеніе не кно что-ли?.. Безъ него нонче прожить можно?.. Ой, Евме-і, покорись... не то ноги моей здѣсь не будетъ больше... шику-то я и отъѣзжать отъ воротъ не велѣла...

— Маменька!..—Евменій Феодоровичъ снова упалъ передъ ней на колѣни, и пьяный хмѣль съ горькой обидой полился изъ глазъ его крупными слезами.

— А у тебя что, невѣстушка, спина не поклончива... ноги не сгибчаты?.. Не знаешь своего дѣла?.. Проси у мужа прощенія... Встань, Евменій, не твое мѣсто на полу при женѣ валяться!..

Фелицата Григорьевна повалилась въ ноги мужу. Плечи ея вздрагивали, но изъ сухихъ воспаленныхъ глазъ не текло ни слезинки.

— Подними жену, да поцѣлуйтесь!.. Будетъ вамъ народъ православный мутить, да свое нутро на показъ выставлять, ну!..

Овечкинъ поглядѣлъ на мать и не вынесъ ея властнаго, суроваго взгляда; онъ протянулъ руку къ женѣ и тронулъ ее за плечо.

Фелицата Григорьевна не вставала, а еще ниже прижалась къ полу и глухо зарыдала.

— Ну, ладно, ладно, вытьемъ дѣла не поправишь, теперь надо, чтобы былье быльемъ поросло... Вы люди молодые, вамъ жисть вся впереди... назадъ оглядываться нечего... Эй, говорю, не вой, Фелицата... вставай!..

Невѣстка покорно поднялась, и старуха толкнула ее къ мужу. Мужъ и жена молча обнялись.

— Инъ ладно!.. Давай, Фелицата, чаю, садись, Евменій, говорить будемъ...

Когда невѣстка вышла, Овечкина ближе придвинулась къ сыну.

— Ты это что-же, сынокъ, послѣдняго ума рѣшился, что-ли?.. Ты чего это съ женой-то по клубамъ треплешься, да къ себѣ этихъ инженеришковъ, чтобъ имъ пусто было, прикармливаешь, да самъ съ ними напиваешься до безчувствія... Ты что же это, отцовскій законъ вовсе забылъ?.. Бѣсовъ потѣшаешь, у себя гульбища да игрища устраиваешь?.. Чего человѣка жизни рѣшили?.. А?.. Все знаю, сынокъ, все знаю, а Фелицату вмѣсто того, чтобы за косу оттаскать, да ременной плеткой вытянуть, ты что комедь-то разыгрываешь?.. Жена въ домѣ, а ты во флигерѣ, что же это порядокъ... что-ли?.. Э-э-эхъ, Евменій, рано отецъ умеръ, мало погуляла его плетка по твоимъ плечамъ, умнѣй бы былъ... Я здѣсь прогощу у васъ три дня. Больше во флигерь ты ни ногой и винища этого чтобы ни-ни,—будетъ!.. Съ сегодняшней-же ночи ложись спать въ своей спальнѣ, а Фелицата будетъ со мною... Затѣмъ, ты поѣдешь въ городъ къ Круторoговымъ. Ванюшка Круторoговъ въ «Пашенку» собирается, тебя зоветъ. Съѣзди, уходи твое сердце тамъ на свободѣ, а я поѣду съ Фелицатой въ

Ивановскій монастырь... тамъ мы погостимъ... мать Досифея-то все ея нутро наскрось выскребетъ и дурь то всю изъ головы выбьетъ... а вернемся мы и все снова у насъ по божески пойдетъ... Ефремъ и одинъ здѣсь на заводѣ управится. Не впервой!..

Овечкинъ слушалъ, повалившись на столъ грудью и подперевъ голову руками; хмѣль его проходилъ, и суровый, властный голосъ матери, которому онъ привыкъ покоряться съ дѣтства, и теперь успокаивалъ его и во всякомъ случаѣ «разрѣшалъ» мучившій его вопросъ. Материно рѣшеніе было «отпускъ». Онъ глубоко вздохнулъ и поднялъ голову.

— Инъ быть по вашему, маменька. Пойду умоюсь, приведу свой образъ въ порядокъ...

И Овечкинъ, въ первый разъ со времени катастрофы, перешагнулъ порогъ своей спальни.

Н. Лухманова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главы изъ книги о Жоржъ-Зандъ *).

Жоржъ-Зандъ и г. Дюдеванъ.

Въ ночь на Рождество 1821-го года, на зарѣ, при звукѣ праздничныхъ колоколовъ, скончалась Марія-Аврора Дюпенъ-де-Франкейль, дочь Морица Саксонскаго и бабка Авроры Дюпенъ, и это событіе повлекло за собою большія перемѣны въ жизни и судьбѣ будущей Жоржъ-Зандъ. Со смертью бабки открывался вопросъ, къ кому перейдетъ опека надъ 17-лѣтней дѣвушкой. Госпожа Дюпенъ, озабоченная будущностью своей внучки, очень желала видѣть ее пристроенной еще при своей жизни и мечтала, разумѣется, о «хорошей партіи» для нея, то есть желала выдать Аврору за хорошаго и богатаго человѣка изъ своего аристократическаго круга. Но такъ какъ Софія Дюпенъ — вдова покойнаго Мориса Дюпена и мать Авроры—не одобрила ни одного изъ предполагаемыхъ жениховъ, да и Аврора была черезчуръ ужъ молода, то эти проэкты такъ и остались проэктами. И, чувствуя приближеніе смерти, старуха Дюпенъ съ безпокойствомъ думала о томъ, что ея юная внучка остается совершенно одна въ жизни, безъ разумнаго руководителя и настоящей опеки. Еще задолго до своей послѣдней болѣзни госпожа Дюпенъ высказала опредѣленное желаніе, чтобы эта опека ни въ какомъ случаѣ не находилась въ рукахъ у Софіи, и, какъ извѣстно, имѣла полное основаніе противиться такому естественному, казалось бы, порядку вещей. Поэтому она заранѣе приняла мѣры: переговорила съ Авророй, указала ей на совершенное несходство ея интересовъ, привычекъ и образа мыслей съ интересами и образомъ мыслей матери и на то, что имъ будетъ невозможно ужиться, потомъ пригласила въ Ноганъ ближайшаго родственника Авроры съ отцовской стороны

---

*) Одна изъ главъ той же книги была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (1894 г., май).

внука своего покойнаго мужа—графа Рене-де-Вильнева *), переговорила и съ нимъ, и въ концѣ концовъ включила въ свое духовное завѣщаніе параграфъ, гласившій, что послѣ ея смерти опека надъ Авророй переходитъ къ Рене де-Вильневу и его женѣ. Завѣщаніемъ этимъ за Авророй—единственной прямой наслѣдницей—закрѣплялось все движимое и недвижимое имущество госпожи Дюпенъ, которое состояло изъ земли и замка Ногана, дома въ Парижѣ (такъ наз. Hôtel de Narbonne, находившагося въ улицѣ de la Harpe, на мѣстѣ которой прошелъ впослѣдствіи бульваръ Сенъ-Жерменъ), и изъ государственныхъ бумагъ, и въ общей сложности представляло капиталъ въ 500000 франковъ. Аврорѣ же вмѣнялось въ обязанность уже отъ себя выплачивать ежегодно извѣстную ренту матери, старику Дешартру,—бывшему учителемъ Авроры и ея отца, а впослѣдствіи управляющимъ Ногаиомъ,—и нѣкоторымъ старымъ слугамъ.

Софія Дюпенъ узнала о параграфѣ, лишавшемъ ее опеки надъ дочерью, какъ она вообще узнавала обо всемъ, что происходило въ домѣ свекрови—отъ какого то домашняго шпіона, — но притворилась ничего незнающей. Когда же послѣ похоронъ госпожи Дюпенъ вскрыли завѣщаніе въ присутствіи Авроры, Софіи, Вильневовъ, Дешартра и нѣкоторыхъ ближайшихъ друзей и прочли вслухъ этотъ параграфъ,—Софія вышла изъ себя, сдѣлала страшную сцену всѣмъ присутствующимъ и объявила, что никому и никогда не уступитъ своего права надъ дочерью, что беретъ ее къ себѣ и ни о чемъ другомъ и слышать не хочетъ. Она осыпала упреками и Дешартра, котораго ненавидѣла и считала своимъ главнымъ врагомъ, и дочь, о которой послѣдніе годы совсѣмъ не заботилась и которой ни разу не подумала помочь, когда та оставалась цѣлыми мѣсяцами одна съ умирающей старухой и старикомъ-гувернеромъ; она осыпала упреками даже и покойницу, не стѣсняясь ни въ обвиненіяхъ, ни въ выраженіяхъ. Она не помнила себя отъ гнѣва, довела бѣдную дѣвушку до отчаянія и заставила ее въ первый разъ въ жизни признаться самой себѣ, что между нею и матерью дѣйствительно пропасть. И разность натуръ—Аврора была вся въ отца,—и воспитаніе, сначала подъ руководствомъ изящно-образованной и душевно-развитой бабки, а

*) Дюпенъ-де-Франкейль, второй мужъ Маріи-Авроры Саксонской, бывшей сначала замужемъ за незаконнымъ сыномъ Людовика XV, графомъ Горномъ,— (ъ также женатъ 2 раза. Отъ перваго брака съ дѣвицей де-Бульу (de-] illoud) у него была дочь, вышедшая замужъ за г. де-Вильнева. У нея были] сына—Рене и Огюстъ—ровесники и большіе пріятели отца Жоржъ-Зандъ,] ходившагося имъ дядей. Будучи однихъ лѣтъ съ нимъ, они нарочно звали (всегда «mon oncle», а впослѣдствіи стали звать «ma tante» и свою ма-] кую кузину — Аврору. Черезъ этихъ двоюродныхъ братьевъ Аврора Дю-] ь находилась въ родствѣ и свойствѣ съ самыми аристократическими семей- (ами Франціи, точно также, какъ черезъ бабку свою приходилась родствен-] ъ французскаго королевскаго и германскаго императорскаго домовъ.

потомъ въ монастырѣ, — сдѣлали то, что Аврора неизмѣримо далеко ушла отъ своей искренней и горячей, но въ то же время вульгарной, сумасбродной и, скажемъ прямо,—грубоватой, а подчасъ положительно психопатически-невмѣняемой матери. Не вдаваясь здѣсь въ подробности исторіи развитія Авроры, напомнимъ вкратцѣ, что католическое монастырское воспитаніе при всей своей односторонности и маломъ запасѣ знаній, которыя монастырь давалъ своимъ питомицамъ, въ то же самое время развивало въ нихъ стремленіе къ постоянному самосовершенствованію, къ борьбѣ со своими эгоистическими наклонностями, къ постоянному самоанализу и *самоодухотворенію*, что всѣ эти черты еще болѣе усилились подъ вліяніемъ чтенія поэтическихъ и философскихъ сочиненій, которому Аврора со страстью предавалась по выходѣ изъ монастыря, что это чтеніе въ свою очередь направило этотъ духъ анализа на серьезные интересы и вопросы и, при всей своей несистематичности и безпорядочности, чрезвычайно развило молодую дѣвушку и сдѣлало ее не по лѣтамъ серьезной и вдумчивой. Теперь этотъ духъ анализа показалъ ей, какъ мало общаго между ней и матерью. Но любя ее всетаки и видя ея искреннее горе, Аврора объявила, что покоряется ея волѣ и послѣдуетъ за нею, куда ей будетъ угодно.

Объявляя это, Аврора сознавала хорошо, что она теряетъ и отъ чего отказывается. Она успѣла подружиться со своимъ сорокапятилѣтнимъ кузеномъ, добродушнымъ и деликатнымъ малымъ, умнымъ и литературно-образованнымъ человѣкомъ. Бонапартистъ по убѣжденіямъ, аристократъ по рожденію и связямъ, онъ умѣлъ съ терпимостью относиться къ самымъ крайнимъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, любилъ поэзію, зналъ наизустъ массу стиховъ, а больше всего любилъ природу, чтеніе, спокойную семейную жизнь въ деревнѣ, верховую ѣзду и бесѣду съ немногими избранными друзьями. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ Авророй, которую искренно любилъ и настолько хорошо понималъ, что еще тогда, въ 20 хъ годахъ, замѣтилъ ея литературное дарованіе и уговаривалъ ее непремѣнно писать романы, послѣ того какъ прочелъ ея первые опыты. Съ его дочерью Эммой, впослѣдствіи графиней де-ла-Рошъ-Эймонъ (de-la-Roche-Aymon) Аврора тоже очень сходилась во вкусахъ и привычкахъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ она могла поселиться у нихъ, прожить нѣсколько лѣтъ въ дружелюбной и дружеской, спокойной атмосферѣ, съ этими людьми, понимавшими ее и сходившимися съ нею,—ей было бы хорошо, и вѣроятно ея дальнѣйшая судьба была бы совсѣм иною. Вѣроятно, чувствуя себя легко и счастливо, она не так скоро и не такъ опрометчиво вышла бы замужъ. Наконецъ, Вильневы не только не препятствовали бы, но наоборотъ, содѣйствовали бы ея желанію вновь поступить на время въ монастырь и тамъ продолжать и окончить прерванное ученіе.

Бурная вспышка матери разомъ измѣнила всѣ эти планы и намѣренія. Аврора послѣдовала за матерью въ Парижъ, оставивъ Ноганъ въ управленіи Дешартра. Вильнёвы нѣкоторое время еще надѣялись, что Софія согласится отпустить дочь въ монастырь и что затѣмъ она съумѣетъ отстоять свою самостоятельность. Но когда оказалось, что въ данное время въ монастырѣ не было ни единаго свободнаго мѣстечка, а съ другой стороны Софія по поводу разныхъ денежныхъ и наслѣдственныхъ разсчетовъ заявила себя новыми вспышками и дикими выходками,—то Вильневы, не свободные отъ кое-какихъ сословныхъ предразсудковъ, объявили Аврорѣ, что она должна рѣшительно выбирать между ними—роднею отца,—и матерью съ ея родными и друзьями. Рене-де-Вильневъ, какъ болѣе умный и мягкій человѣкъ, скрывалъ причины такой постановки вопроса, или по крайней мѣрѣ не высказывалъ ихъ ясно. Братъ его, Огюстъ, опредѣленно высказался, что онъ лично все это считаетъ пустяками и предразсудками, но что если Аврора будетъ показываться на улицѣ или въ театрѣ съ матерью и ея роднею,—то она погибла въ мнѣніи свѣта: родня отца, особенно вся женская ея половина, откажется принимать ее у себя, и она должна навсегда отказаться отъ надежды сдѣлать «хорошую партію въ ихъ кругѣ». Если же она хочетъ исполнить волю бабушки, то должна, не порывая рѣзко съ матерью, съумѣть осторожно освободиться изъ подъ ея власти, переѣхать сначала въ монастырь при первой откроющейся тамъ вакансіи, а потомъ и къ Вильневамъ и такимъ образомъ занять въ свѣтѣ мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву. Этого, разумѣется, было достаточно для того, чтобы Аврора тотчасъ рѣшила остаться навсегда съ матерью и разомъ же порвать съ Вильневами. Рене ушелъ отъ нея, какъ совсѣмъ посторонній человѣкъ, даже не простившись съ Авророй, глубоко огорчивъ ее этимъ, но не поколебавъ ея рѣшенія.

Тѣ демократическія разсужденія, которыя по этому поводу высказываетъ Жоржъ-Зандъ въ своей «Histoire de ma Vie»,—о томъ что всѣ равны передъ Богомъ, что она съ дѣтства не признавала никакихъ патриціевъ и плебеевъ, сеньоровъ и вассаловъ, и что именно эти «убѣжденія» заставили ее поступить такъ, какъ она поступила,—точно такъ же, какъ и всѣ подобныя разсужденія въ «Histoire de ma Vie»—должны быть отнесены никакъ не къ дѣтскимъ и юношескимъ годамъ Авроры,—какъ это дѣлаетъ заднимъ числомъ сама Жоржъ-Зандъ,—а къ 1847 году—времени написанія «Histoire». Въ началѣ 1822 года Аврора Дюпенъ ничего этого не сознавала, или развѣ что очень смутно сознавала. Выбравъ между роднею отца и матерью и послѣдовавъ за нею, она поступила такъ прежде всего изъ любви къ матери и инстинктивно. Разумѣется, за такой поступокъ и рѣшеніе ее только и можно не одобрить.

Но вскорѣ она съ грустью и ужасомъ увидѣла, насколько она

была болѣе внучкой своей бабушки, чѣмъ дочерью своей матери. Онѣ съ матерью не понимали другъ друга. Мать оставалась прежней хлопотуньей-мѣщаночкой, неразвитой и погруженной въ суетливую, незатѣйливую жизнь мелкой парижской буржуазіи. Правда, Жоржъ-Зандъ совершенно права, указывая на то, что мать ея была вѣчно дѣятельна и ко всему способна, но всѣ эти изумительныя шляпки, сдѣланныя въ 3 часа, сюрпризы и домашнія подѣлки, вся эта «ловкость рукъ», чисто парижское умѣнье создавать чудеса изъ ничего,—все это ничего не имѣло общаго съ привычками, вкусами и интересами Авроры. Подобнаго рода дѣятельность не могла ее удовлетворить. И, наоборотъ, все, что дѣлала дочь, казалось матери чудовищнымъ, ужаснымъ, какимъ-то вольтерьянствомъ. Софія ненавидѣла или презирала все, что дочь любила, вѣчно корила и смѣялась надъ ея «*оригинальностью*» и «*прекраснымъ воспитаніемъ*», которое въ ея воображеніи являлось чуть ли не синонимомъ безнравственности. Она начала съ того, что изгнала любимую собачку Авроры, потомъ прогнала ея преданную дѣвушку-служанку, потомъ отобрала у Авроры и выбросила всѣ привезенныя съ собою изъ Ногана книги, объявляя, что ничего въ нихъ не понимаетъ, а это явное доказательство ихъ зловредности и безнравственности, а главное ихъ полнѣйшей ненужности.

Вскорѣ обнаружилось еще болѣе дикое отношеніе къ дочери. Оказалось, что втеченіи послѣднихъ лѣтъ, когда мать жила въ Парижѣ, а дочь въ Ноганѣ, то маменька безъ зазрѣнія совѣсти получала и сохраняла цѣлые вороха писемъ и сплетенъ изъ сосѣдняго съ Ноганомъ городка Ла-Шатръ, гдѣ бойкимъ перомъ провинціальныхъ кумушекъ и сплетниковъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ, съ возмутительными и нелѣпыми подробностями изображались всѣ «ужасныя похожденія», проступки и безнравственное поведеніе Авроры. Не было гадости, которую не взвалили бы на дѣвушку ея ла-шатрскіе враги, и не было гадости, которую теперь маменька не повторила бы въ лицо дочери. И не только не возмущалась ими, не отвергла ихъ съ негодованіемъ, нѣтъ, наоборотъ, она всему этому вѣрила и теперь преподносила все это, съ собственными комментаріями и выговорами, пораженной и до глубины души оскорбленной дѣвушкѣ. И это была мать, которую она когда-то обожала, о свиданіи съ которой, о жизни съ которой мечтала, какъ о блаженствѣ, изъ-за которой она столько разъ несправедливо обвиняла бабушку, изъ-за послушанія которой она только что поступила наперекоръ послѣдней волѣ этой бабушки. Дѣвушка еще глубже заглянула въ пропасть, отдѣлявшую ее отъ матери, и еще сильнѣе почувствовала свое одиночество.

Для Авроры настали тяжелыя времена. Мать съ утра до вечера находила предлоги и поводы, чтобы угощать дочь своими упреками, попреками, бранью и даже побоями. Малѣйшее противорѣчіе выводило ее изъ себя, и она разражалась потоками бранью

и самыхъ невѣроятныхъ обвиненій. Иногда эти вспышки доходили до припадковъ совершеннаго безумія. Бабушка уже прежде предупреждала Аврору, что эти припадки, особенно весною, доходятъ до совершеннаго умопомраченія. Теперь Аврора увидѣла, что это была истинная правда.

Потомъ слѣдовали не менѣе бурныя примиренія, слезы, бурныя ласки и нѣжности, слезы, вымаливаніе прощенія на колѣняхъ. И снова унизительные попреки, безумные крики, повтореніе съ чужого голоса невозможныхъ сплетническихъ обвиненій. И ко всему этому — вѣчная суматоха, суета, отчаяніе по поводу неудачно купленной шляпки, или восторги по поводу удачной передѣлки оной, вѣчныя перемѣны квартиръ, прислуги, ресторана, гдѣ обѣдала, перемѣны времяпровожденія, порядка жизни, даже цвѣта париковъ, которые она мѣняла чуть не еженедѣльно, хотя у ней самой были превосходные, густые черные волосы. Вся эта жизнь, интересы и привычки такъ далеки были отъ спокойной, посвященной чтенію, умственному труду и серьезнымъ занятіямъ жизни Авроры въ Ноганѣ. Не говоря уже о томъ, что жизнь въ мелкой парижской буржуазной средѣ, среди вѣчнаго стука и шума, среди парижской сутолоки,—безъ которой Софія не могла жить,—была невыносима Аврорѣ, обожавшей просторъ полей и тишину лѣсовъ.

Съ каждымъ днемъ отношенія съ матерью обострялись и не потому, чтобъ Аврора противупоставляла дикимъ выходкамъ матери нѣчто похожее и подобное,—наоборотъ, потому что она выносила ихъ терпѣливо, часто молчаливо затаивая и свое негодованіе, и свою тоску, но тѣмъ сильнѣе они грызли ее и тѣмъ чаще она съ ужасомъ признавалась себѣ, что прежняя страстная любовь къ матери смѣнялась чѣмъ-то похожимъ на презрительное равнодушіе. Настроеніе духа Авроры становилось все мрачнѣе, оно переходило въ такую нравственную апатію, что, наконецъ, она прямо захворала: бывали дни, что она буквально была не въ состояніи проглотить ни куска отъ нервнаго сжатія горла.

Мать и дочь словно помѣнялись ролями: выдержка, спокойствіе, снисходительность были на сторонѣ дочери; необузданность, вѣчныя перемѣны настроенія, чисто-дѣтскіе переходы отъ гнѣва къ слезамъ, отъ горя къ радости—со стороны матери. Мать просила прощенія,—дочь прощала. Мать бѣсновалась,—дочь снисходительно старалась отстранить отъ нея поводы, могущіе вызвать такія бѣснованія, какъ отъ капризнаго ребенка отдаляютъ [illegible], что можетъ лишній разъ вызвать его капризы. Положеніе [illegible]ю слишкомъ неестественно, обѣ стороны про себя мечтали о скорѣйшемъ прекращеніи этой невыносимой совмѣстной пытки. Въ [illegible]алѣ весны 1822 года представился къ этому удобный поводъ.

Близь Мелена, въ своемъ имѣніи Плесси-Пикаръ, жило семейство Ретье дю-Плесси. Джэмсъ Дюплесси былъ нѣкогда большимъ

другомъ покойнаго Мориса Дюпена, съ которымъ вмѣстѣ служилъ въ кавалеріи во время войнъ республики. По окончаніи войны дружба продолжалась, и Дюплесси часто навѣщалъ въ Ноганѣ сначала счастливое семейство Дюпеновъ, а послѣ смерти Дюпена двухъ убитыхъ горемъ, осиротѣвшихъ женщинъ, которыхъ всегда умѣлъ развлечь и развеселить. Онъ былъ также очень друженъ съ Ипполитомъ Шатирономъ,—незаконнымъ братомъ Жоржъ-Зандъ. Въ началѣ весны 1822 года Софія Дюпенъ, съ Авророй поѣхали на три дня погостить къ Дюплесси *).

Дюплесси жили въ своемъ прекрасномъ, обширномъ деревенскомъ замкѣ, окруженномъ паркомъ и полями; жили они большой, дружной и веселой семьей, состоявшей изъ самого Джемса Дюплесси—бодраго и веселаго, отставного сорокалѣтняго военнаго, нѣкогда лихого кавалериста и кутилы, а теперь нѣжнаго и преданнаго отца семейства,—изъ его жены, мадамъ Анжель—умной и самостоятельно думавшей женщины, превосходнѣйшей семьянинки и хозяйки,—и изъ ихъ 5 дочерей, да еще изъ цѣлой кучи сосѣдей и родственниковъ съ дѣтьми, которыя наполняли домъ смѣхомъ и шумомъ. Были тутъ сестра мадамъ Анжель—мадамъ Гондуэнъ де Сенъ-Аньанъ (Gondoin de Saint-Aignan или St.-Agnan) съ тремя дочерьми: Эльвирой, Фелиси и Мелиной, семейство Saint-Martin съ сыномъ Норберомъ, Лоиза Пюже (Loisa Puget) съ матерью, старикъ Станиславъ Гю (Hue), старикъ Каронъ — всеобщій другъ и пріятель, Эжень Сандрэ и цѣлая масса другихъ старыхъ и малыхъ. Часто наѣзжалъ сюда и другъ Дюплесси, отставной полковникъ баронъ Дюдеванъ со своимъ незаконнымъ сыномъ Казиміромъ, 22-лѣтнимъ юношей, отслужившимъ два года въ военной службѣ, а затѣмъ прослушавшимъ въ Парижѣ курсъ юридическихъ наукъ и только что сдавшимъ экзамены. Свобода, веселье и непринужденность царствовали въ этомъ многочисленномъ обществѣ, жившемъ дружно, какъ одна большая семья. Молодежь, отъ едва начинавшихъ переступать младенцевъ до взрослыхъ юношей, цѣлый день бѣгала по полямъ и лугамъ и предавалась самому шумному веселью. Игра въ мячъ и въ воланъ слѣдовала за жмурками и прятками, танцы смѣнялись кавалькадами, кавалькады—лаптою.

Трудно было бы придумать что-либо лучшее для бѣдной Авроры, чѣмъ то, что посылала ей судьба въ Плесси. Здѣсь нашла она то, чего ей не доставало съ дѣтства, а особенно со времени смерти отца: дружную и спокойную семейную обстановку и здоровое молодое веселье. Семейныя распри между бабушкой и ма-

*) Жоржъ-Зандъ неизвѣстно почему говоритъ въ этомъ мѣстѣ «Histoire de ma vie», что ея мать только что передъ тѣмъ познакомилась съ Дюплесси на обѣдѣ у дяди де-Бомонъ (de Beaumont—приходившагося сводным братомъ бабкѣ Авроры, такъ какъ онъ былъ сыномъ ея прабабки, актрисы Верріеръ и герцога Бульонскаго, и бывшаго прелатомъ). Это показаніе Жоржъ-Зандъ совершенно невѣрно.

терью, въ которыхъ бѣдная дѣвочка играла роль спички между двухъ огней,—и одиночество: одиночество съ любимыми книгами въ тишинѣ Ногана, подлѣ умирающей бабушки, и одиночество въ Парижѣ съ глазу на глазъ съ сумасбродной и почти невмѣняемой матерью,—вотъ какова была жизнь Авроры со времени выхода изъ монастыря. Не мудрено, что эта жизнь привела молодую дѣвушку къ мрачнымъ мыслямъ и тяжелому, угнетенному состоянію духа. Правда, съ самаго ранняго дѣтства въ характерѣ дѣвочки замѣчалась склонность къ самоуглубленію и мечтательности. Начиная съ 3—4-лѣтняго возраста родные ея замѣчали такія «полосы» въ ея настроеніи, когда она способна была цѣлыми часами неподвижно просиживать на своемъ маленькомъ стуликѣ, свѣсивъ руки, открывъ ротъ, устремивъ недвижный взоръ на одну точку и мечтая о чемъ то. Она казалась глупенькой въ такія минуты, но мать ея говорила: «оставьте ее, она что то соображаетъ» (elle rumine quelque chose). Втеченіи всего дѣтства и отрочества эти «полосы» часто находили на дѣвочку, съ годами принимая все болѣе и болѣе характеръ серьезнаго раздумья надъ окружающей и собственной жизнью. Но съ дѣтства же подобные періоды тихаго размышленія смѣнялись періодами необузданной дѣятельности, бѣшенаго веселья. Дѣтская природа словно возмущалась противъ несвойственной ей серьезности и вознаграждала себя за часы потеряннаго времени — цѣлыми днями бѣготни по Ноганскимъ полямъ или монастырскимъ корридорамъ и недѣлями ребяческихъ шалостей. Но за послѣдніе годы періоды размышленія сдѣлались постоянными, веселиться было некогда, да веселье и на умъ не шло. Слишкомъ тяжело жилось. За время же послѣдняго пребыванія въ Парижѣ это тяжелое настроеніе дошло до совершеннаго отчаянія, изъ котораго Аврора и не мечтала уже выйти когда нибудь. И вдругъ поѣздка въ Плесси все разомъ измѣнила и просто спасла бѣдную дѣвушку.

Софія Дюпенъ, не выносившая долгой жизни въ деревнѣ, черезъ 3 дня уѣхала обратно въ Парижъ, обѣщая черезъ недѣлю вернуться—и не вернулась нѣсколько мѣсяцевъ, точно обрадовавшись, что по своему развязалась съ такой несносной и неподходящей дочерью, какъ Аврора. Молодая дѣвушка со своей стороны не думала о возвращеніи домой. Она со всей страстью своей увлекающейся натуры и со всѣмъ запасомъ молодыхъ силъ отдалась забавамъ и проказамъ окружавшей ее молодежи. Точно торопясь наверстать потерянное золотое время, она была неутомима въ играхъ. Она первая изобрѣтала всевозможныя новыя продѣлки и прогулки, предводительствовала младшими, подзадоривала старшихъ; и не было ребенка въ Плесси, который бы такъ отъ души хохоталъ и такъ отъ души веселился, какъ эта смуглая семнадцатилѣтняя дѣвушка. Она забыла всѣ свои черныя мысли, сбросила апатію и равнодушіе. Она чувствовала себя какъ дома и

ото всего сердца привязалась къ хозяевамъ, къ которымъ стала относиться отнынѣ и втеченіе всей своей жизни какъ къ своимъ роднымъ и лучшимъ друзьямъ. Дюплесси со своей стороны точно усыновили ее. Мадамъ Анжель, несмотря на свои сѣдѣющіе волосы и многочисленную семью, бывшая еще совсѣмъ молодой женщиной, сразу какъ то подружилась съ Авророй; онѣ очень походили другъ на друга по своему независимому характеру, привычкамъ и любви къ свободѣ. Замѣтивъ, какъ заброшена и предоставлена самой себѣ была эта бѣдная богатая наслѣдница, у которой даже порядочнаго гардероба не было, такъ какъ она сама была слишкомъ безпечна, а некому было о ней позаботиться, ибо мать ея, даромъ, что сама любила рядиться, но о дочери въ этомъ отношеніи вовсе не заботилась; итакъ, замѣтивъ, что вся одежда и обувь Авроры были въ состояніи невозможной ветхости, г-жа Анжель начала съ того, что съ головы до ногъ заново одѣла Аврору. Затѣмъ мало по малу она взяла на себя всѣ заботы о матерьяльной и духовной жизни Авроры, относилась къ ней какъ къ своей старшей, шестой дочери и другу,—и окончилось тѣмъ, что не только сама Аврора стала звать ее «мамашей», какъ звала «папашей» Джемса, но и вся прислуга и всѣ гости въ Плесси говорили ей про Джемса—«вашъ отецъ», а про г-жу Анжель—«ваша мать». А госпожу Сентъ-Аньанъ, которую она тоже искренно полюбила, Аврора стала звать «ma tante»,—и такъ оно продолжалось и всегда потомъ.

Когда Дюплесси ѣздили въ Парижъ—они всегда брали съ собой Аврору. И хотя она останавливалась у матери, но цѣлые дни проводила со своими новыми названными родителями. Они съ утра приходили за Авророй, гуляли съ нею по Парижу, показывали ей его достопримѣчательности, брали ее съ собою обѣдать къ «Frères Provençaux» или въ «Café de Paris», а вечеромъ въ театръ или циркъ. Аврора была съ ними неразлучна, а мамаша была, повидимому, очень довольна, сваливъ съ себя опеку надъ дочерью на Дюплесси. Какъ видно, она возставала противъ Вильнёвовъ вовсе не потому, что не могла жить безъ дочери, а просто для того, чтобы не покориться волѣ ненавистной свекрови даже послѣ ея смерти.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Парижъ, когда Дюплесси съ Авророй сидѣли у Тортони и ѣли мороженое, «мама Анжель» сказала мужу: «А вотъ и Казиміръ». «Это былъ веселый, стройный и довольно элегантный молодой человѣкъ, съ манерами бывшаго военнаго; онъ подошелъ пожать руку Дюплесси и поговорить о своемъ отцѣ, полковникѣ Дюдеванѣ, о которомъ его спрашивали и котораго вся семья Дюплесси любила и уважала. Онъ присѣлъ подлѣ m-me Анжель и спросилъ шопотомъ, кто это такая «Это моя дочь».—отвѣтила громко m-me Анжель.—«Значитъ,—продолжалъ онъ тихонько,—это моя жена. Вѣдь вы знаете, что

обѣщали мнѣ руку вашей старшей дочери. Я думалъ, что это будетъ Вильфрида, но такъ какъ эта кажется еще лучше подходитъ мнѣ по лѣтамъ, то я согласенъ на ней жениться, если вы ее за меня отдадите». M-me Анжель засмѣялась, но эта шутка оказалась пророческою» *).

Черезъ нѣсколько дней Казиміръ пріѣхалъ въ Плесси и тотчасъ присоединился къ компаніи молодежи и съ удовольствіемъ принялъ участіе во всѣхъ дѣтскихъ играхъ, что очень понравилось Аврорѣ. Онъ и не думалъ ухаживать за нею. Между ними наоборотъ сразу установились чисто-товарищескія отношенія, и Казиміръ часто говорилъ m-me Анжель объ Аврорѣ: «Ваша дочь славный малый» Аврора со своей стороны говорила ей: «Вашъ зять хорошій мальчикъ». Старикъ Станиславъ Гю какъ то закричалъ во время лапты въ саду: «Догоняйте же вашего *мужа*!» Казиміръ въ разгарѣ игры кричалъ въ свою очередь: «Да освобождайте же мою жену!» Послѣ этого Казиміръ и Аврора стали въ играхъ называть другъ друга мужемъ и женой, ни мало не смущаясь и не думая вовсе о любви «точно они были такія же дѣти, какъ маленькій Норберъ и Жюстина». Однако, взрослые вскорѣ придали серьезное значеніе этой игрѣ. Прежде всего тотъ же Станиславъ Гю съ злорадствомъ сказалъ что то язвительное Аврорѣ и на ея удивленный вопросъ отвѣтилъ, что напрасно она продолжаетъ эту игру: выйти замужъ за Казиміра она не можетъ, ибо онъ слишкомъ богатъ для нея.

Аврора, которая смотрѣла на все это какъ на шутку, очень огорчилась и обратилась къ своему названному отцу съ вопросомъ: какъ ей быть? Тотъ объяснилъ ей, что скорѣе она со своимъ полумилліоннымъ состояніемъ является выгодной партіей для Казиміра, что Казиміръ, какъ незаконный сынъ, имѣетъ право лишь на половину имѣнія отца, другая половина будетъ принадлежать его мачихѣ, а остальные доходы его отца: пенсія имперскаго барона и отставного офицера Почетнаго Легіона—принадлежатъ лишь лично ему и къ сыну не перейдутъ. Значитъ не она, а Казиміръ выигралъ бы, еслибъ они дѣйствительно женились, но такъ какъ объ этомъ еще и рѣчи нѣтъ, то, если Аврорѣ непріятна вся эта шутка, ее очень легко прекратить: стоитъ лишь сказать о томъ нѣсколько словъ Казиміру. Однако Аврора этого не захотѣла, не придавая всему этому никакого значенія, и дѣло осталось по прежнему.

Казиміръ уѣхалъ и вновь пріѣхалъ. Но когда онъ вернулся, онъ былъ уже болѣе серьезенъ и съ большой искренностью и простотой сдѣлалъ предложеніе самой Аврорѣ, отступивъ, такимъ образомъ, отъ французскихъ обычаевъ; но, по его словамъ, онъ

---

*) «Histoire de ma vie», т. III, стр. Изд. Кальманъ Леви, Paris, 1887.

желалъ получить согласіе Авроры прежде чѣмъ обратиться къ ея матери.

«Онъ не говорилъ о любви и признался, что мало способенъ на внезапную страсть и восторженное чувство, и во всякомъ случаѣ мало способенъ выражать его увлекательными рѣчами. Онъ говорилъ о непоколебимой дружбѣ и сравнивалъ то счастье, которое онъ могъ мнѣ обѣщать, со спокойной семейной жизнью нашихъ хозяевъ. «Чтобы вамъ доказать, какъ я увѣренъ въ себѣ, говорилъ онъ, я сознаюсь вамъ, что съ перваго взгляда я былъ пораженъ вашимъ разумнымъ и добрымъ видомъ. Я не нашелъ васъ ни красавицей, ни хорошенькой, я не зналъ, кто вы такая, я никогда о васъ не слыхалъ и всетаки, когда я въ шутку сказалъ m-me Анжель, что вы будете моей женой, я вдругъ почувствовалъ, что еслибы это случилось, то я былъ бы очень счастливъ. Эта смутная мысль съ каждымъ днемъ дѣлалась мнѣ все яснѣе, и когда я началъ съ вами играть и смѣяться, мнѣ показалось, что я васъ давно зналъ и что мы были старыми друзьями».

Все это очень понравилось Аврорѣ. Казиміръ ей нравился, какъ хорошій товарищъ, добрый и веселый малый; отъ Дюплесси она слышала очень много хорошаго о немъ самомъ и всей его семьѣ. Ей даже пришлось по сердцу то, что онъ ей ничего не говорилъ о страстной любви, не клялся, не вздыхалъ, а наоборотъ объяснялся съ нею почти холодно. За свою короткую жизнь ей пришлось столько уже настрадаться отъ избытка любви и страсти у близкихъ ей людей, что ее успокоило и обрадовало такое хладнокровіе. И она позволила ему переговорить съ матерью.

Казиміръ не былъ первымъ претендентомъ на руку Авроры. Со времени ея переселенія въ Дюплесси — она получила уже нѣсколько предложеній; все это были «партіи», о которыхъ хлопотали или дядя де Бомонъ, или дядя Марешаль (женатый на сестрѣ ея матери, Люси Делабордъ), или другъ матери Пьерре, и все это были люди, совершенно незнакомые Аврорѣ, но зато, повидимому, слишкомъ хорошо знакомые съ размѣрами ея приданаго. Это было настолько прозрачно, что молодая дѣвушка, при всей своей неопытности, и несмотря на то, что многіе изъ этихъ господъ были и знатны и сами богаты, несмотря на все это, Аврора, не задумываясь, отвергла всѣ эти предложенія. Дѣлала она это однако очень осторожно, зная, что слишкомъ рѣзкій отказъ съ ея стороны повелъ бы лишь къ тому, что мать ея, изъ противорѣчія, стала бы настаивать и выдала бы ее замужъ.

Аврора, повидимому, сдѣлала исключеніе для Казиміра, не заподозривъ, что и съ его стороны это былъ «бракъ по разсчету» Жоржъ Зандъ въ «*Histoire de ma vie*» тоже нигдѣ этого не говоритъ. Но для меня очевидно изъ сопоставленія всѣхъ фактовъ и указаній, встрѣчающихся въ «Histoire» и во всей изданной и *неизданной* корреспонденціи Жоржъ Зандъ, что Казиміръ совер-

шенно такъ же, какъ и всѣ другіе претенденты на руку Авроры, видѣлъ въ ней прежде всего богатую наслѣдницу; богатство же въ его глазахъ было первымъ достоинствомъ: пріобрѣтеніе и сохраненіе богатства, пріобрѣтеніе и сохраненіе чего бы то ни было вообще—это, можетъ быть, была единственная настоящая, живая страсть въ этомъ безцвѣтномъ и безличномъ человѣкѣ. Всѣ остальныя его занятія, удовольствія и привычки: служба муниципальная (онъ былъ мэромъ сначала въ Ноганѣ, а потомъ въ Гильери близь Нерока, въ имѣніи отца), участіе въ мѣстныхъ выборахъ и политика, сельское хозяйство и охота, вино и разныя мимолетныя связи съ горничными и т. п.—все это являлось какъ бы мимоходомъ, составляло какъ бы обыденное время препровожденіе и обыденныя слабости деревенскаго дворянина. Желаніе пріобрѣсти, разбогатѣть, *не упустить чего нибудь изъ рукъ*—вотъ что было господствующею страстью въ Дюдеванѣ, что съ каждымъ годомъ становилось все сильнѣе и сильнѣе, а къ старости перешло въ почти неприличную жадность къ деньгамъ, въ феноменальное скряжничество, доводившее его до самыхъ комически-мелочныхъ счетовъ съ разведенной уже женой и дѣтьми.

Но повторяемъ, тогда Аврора Дюпенъ не съумѣла разглядѣть въ своемъ женихѣ этого пристрастія къ деньгамъ. А Жоржъ Зандъ не нашла нужнымъ въ «Histoire» сознаться въ томъ, что впослѣдствіи сдѣлалось для нея слишкомъ ясно. Указаній же на то, что впослѣдствіи она это хорошо знала, мы встрѣчаемъ много во всей ея корреспонденціи. Итакъ, въ 1822 году Аврора отнеслась съ полнымъ довѣріемъ къ «товарищескимъ» чувствамъ Казиміра Дюдевана и разрѣшила ему переговорить съ матерью.

Теперь приходилось опять дипломатствовать и хитрить съ матерью. Когда она все узнала, она сначала согласилась, потомъ заартачилась, потомъ снова согласилась; долгое время она то дразнила Казиміра, то злилась на него, или разсказывала про него разныя небылицы, вродѣ того, что она «*открыла*», будто онъ прежде служилъ гарсономъ въ кафе; — то она ссорилась съ Казиміромъ, то опять мирилась. Но такъ какъ онъ былъ не такой натурой, которую это могло бы мучить, какъ Аврору, и противопоставлялъ всѣмъ этимъ выходкамъ хладнокровное равнодушіе, то Софіи все это скоро надоѣло, и она помирилась съ мыслью, что ея дочь выйдетъ за Дюдевана. Окончательно поколо ее то, что баронесса Дюдеванъ, мачиха Казиміра, изящная тонная барыня, первая пріѣхала къ ней съ визитомъ и окана ей вообще много вниманія. Для болѣзненно самолюбивой фіи, которой всю жизнь приходилось выносить обиды и уколы поводу своего прошлаго со стороны разныхъ дамъ и господъ,— го вниманія и любезности было слишкомъ достаточно, чтобы пылать тотчасъ нѣжностью къ семейству Дюдевановъ, — и ю Казиміра было выиграно. Однако къ самому Казиміру Софія

продолжала до самой свадьбы относиться почти враждебно. Слѣдствіемъ этого было между прочимъ то, что Аврора вышла замужъ, какъ говорится во Франціи, «*sous le régime dotal*». Во Франціи недвижимое имущество жены становится общею собственностью супруговъ и поступаетъ въ безконтрольное распоряженіе мужа, если въ брачномъ контрактѣ съ точностью не оговорено, что составляетъ собственность жены, а что—мужа. Въ такомъ случаѣ и говорится, что брачный контрактъ «*soumis au régime dotal*». Имущество жены находится всегда въ распоряженіи мужа и съ его согласія можетъ быть продано, заложено и т. д. Но если бракъ заключенъ sous le régime dotal, то имущество—пока существуетъ бракъ, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ отчуждено, даже и съ согласія мужа. Брачнымъ контрактомъ Авроры, «soumis au régime dotal», за нею укрѣплялось все ея личное имущество (въ 500,000 франковъ) и сверхъ того выговаривалось родными, что, пользуясь доходами жены и управляя ея имѣніемъ, Казиміръ обязывался выплачивать ей на ея личные расходы ежегодную ренту въ 3,000 фр. Жоржъ Зандъ полагаетъ, что этимъ мать ея просто хотѣла до послѣдней минуты своей опеки надъ дочерью проявлять свою власть и значеніе и сдѣлать маленькую непріятность Казиміру. Я вижу въ этомъ проницательность Софіи, которая, при всей своей неуравновѣшенности, была очень практическая женщина, хорошо угадывала людей и вѣроятно успѣла замѣтить въ молодомъ Дюдеванѣ такія черты, которыя заставили ее съ особенною заботливостью отнестись къ вопросу о будущемъ обезпеченіи дочери. Мы очень скоро увидимъ, насколько она была права и какую услугу она оказала дочери, услугу, имѣвшую вліяніе на всю послѣдующую жизнь Авроры. Въ то время Аврора этого не могла ни знать, ни цѣнить. Наоборотъ, ее тогда возмутило это недовѣріе къ честности ея будущаго мужа, всѣ эти счеты и разсчеты. «L'instinct des poètes commençait apparement à se manifester en elle» *), сказалъ объ этомъ впослѣдствіи Мишель де Буржъ. И когда оказалось, что у Казиміра состояніе чуть не въ 10 разъ меньше, чѣмъ у нея **), то Аврора просто воспротивилась тому, чтобъ мужъ былъ обязанъ выплачивать ей (изъ ея же впрочемъ денегъ) на ея личные расходы 3,000 франковъ, потребовала, чтобы эту сумму уменьшили ровно вдвое и сверхъ того, чтобы какъ нибудь *сравнять* состоянія свое и мужа, великодушная дѣвушка потребовала, чтобы между ними была т. наз. «communauté d'acquêts», то есть, чтобы все вновь пріобрѣтаемое на средства одного изъ супруговъ дѣлалось общимъ достояніемъ.

---

*) «Инстинктъ поэтовъ повидимому начиналъ сказываться въ ней».

**) Изъ неизданнаго письма Ж. Зандъ къ матери, написаннаго во врем процесса Дюдевановъ, явствуетъ, что въ 1822 г. у Казиміра было 60,000 фр да послѣ смерти отца въ 1826 г. онъ получилъ еще около 40,000. (Письмо от конца января 1836 г.).

Однако всетаки брачный контрактъ былъ «*soumis au régime dotal*», такъ что требованіе матери Авроры и ея ближайшихъ друзей, къ счастью, было исполнено. Свадьба произошла въ сентябрѣ 1822 года, и затѣмъ молодые, сдѣлавъ и принявъ всѣ свадебные визиты, уѣхали въ Ноганъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о замужней жизни Авроры Дюдеванъ, такъ трагически кончившейся, прежде чѣмъ обратиться къ характеристикѣ Казиміра Дюдевана, мы теперь же скажемъ, что всѣ обстоятельства этого брака, насколько мы успѣли передать ихъ читателю, вызываютъ очень грустное чувство. Молодая, красивая, образованная и богатая дѣвушка выходитъ замужъ почти что за перваго встрѣчнаго, который предложилъ ей руку (такимъ надо считать Дюдевана, потому что другихъ своихъ претендентовъ она почти и не видѣла) — выходитъ безъ любви, не думая о ней, не понимая еще даже, что такое любовь и что такое бракъ безъ любви. Она просто выходитъ за товарища дѣтскихъ игръ, не подозрѣвая и не заботясь о томъ, что одного такого веселаго товарищества слишкомъ мало для счастья, мало даже для сколько нибудь сносной общей жизни. Прошелъ бы годъ, два, три—и Аврора бы узнала хоть немного жизнь и людей; можетъ быть въ ней проснулось бы настоящее чувство, и тогда она не такъ легко отдала бы себя, свою молодую жизнь и свою будущность въ руки человѣка, который хоть и былъ немногимъ старше ея и зналъ жизнь, но тоже не считалъ нужнымъ требовать ни отъ себя, ни отъ своей будущей жены серьезнаго чувства. Оба думали о любви какъ о чемъ-то совершенно излишнемъ. Все казалось такъ просто этому ребенку-дѣвушкѣ, которая, правда, мало знала людскую жизнь, но внутренняя жизнь которой была такъ богата и сложна. Все казалось такъ просто молодому провинціалу, во всю свою жизнь не задумывавшемуся надъ чѣмъ либо похожимъ на сложное чувство или мысль. И все это было такъ не просто и такъ не просто оно окончилось. Тогда не только ни одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, но и никто изъ окружающихъ ни о чемъ трагическомъ въ будущемъ не думалъ, и никто не придавалъ никакого значенія отсутствію любви въ этомъ бракѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ ни хорошо жилось Аврорѣ у Дюплесси, все же это былъ чужой домъ, а своего у нея въ ту пору все равно что не было: въ Ноганъ мать рѣшительно отказалась ѣхать, и туда Аврора не могла вернуться одна, но она не могла вернуться и Парижъ къ матери,—эта жизнь была слишкомъ невыносима. а устала, ей нуженъ былъ выходъ изъ зависимаго, неопредѣ-нного положенія, и вотъ она съ радостью ухватилась за пер-ю возможность освобожденія. И она промѣняла однѣ цѣпи на гія: зависимость на рабство. Нѣтъ сомнѣнія, что будь жива ушка, будь жизнь Авроры не такою, какою она была въ Па-кѣ, а счастливою и спокойною,—врядъ ли она такъ поторопи-

лась бы. Этотъ шагъ, который мы прямо ставимъ на счетъ ея печальной молодости и тяжелой семейной обстановки, — этотъ шагъ имѣлъ страшное значеніе и въ личной судьбѣ Авроры Дюпенъ и въ развитіи ея общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ. Выйди Аврора замужъ по любви, или окажись мужъ ея человѣкомъ понимающимъ ее, достойнымъ ея, равнымъ ей по духовному развитію, будь между супругами гармонія и настоящее счастье, — какъ знать, явилась ли бы на свѣтъ писательница Жоржъ Зандъ, и подняла ли бы писательница Жоржъ Зандъ всѣ тѣ «женскіе вопросы», которые неразрывно связаны съ нѣкоторыми изъ ея романовъ.

Слишкомъ наивно было бы воображать, что только браки по страстной любви бываютъ счастливыми и что только такіе браки прочны и приводятъ къ счастливой и спокойной семейной жизни. Спокойная и счастливая семейная жизнь по большей части обусловливается тремя данными, а идеальное супружество, это такое, гдѣ эти три данныя соединяются вмѣстѣ. *Во-первыхъ*: сходство или по крайней мѣрѣ извѣстное равенство въ высотѣ жизненныхъ требованій, интересовъ, вкусовъ и вѣрованій, являющихся основаніемъ взаимнаго пониманія и той интеллектуальной гармоніи, которыя въ концѣ концовъ замѣняютъ истинное счастье и приводятъ къ той же спокойной совмѣстной жизни, къ какой приходятъ и страстно влюбленные нѣкогда супруги. *Во-вторыхъ*: горячая взаимная любовь, заставляющая дорожить другъ другомъ вопреки всему, все прощать другъ другу, даже и несходство и неравенство въ убѣжденіяхъ, интересахъ и вѣрованіяхъ, — то есть прощать и забывать какъ разъ отсутствіе перваго указаннаго нами фактора, необходимаго для истиннаго душевнаго счастья. *Въ-третьихъ:* внѣшняя, такъ сказать, порядочность въ отношеніяхъ, то есть умѣніе съ терпѣніемъ и терпимостью, съ достоинствомъ и уваженіемъ относиться къ своему товарищу жизни, недостаточно горячо любимому или несходному по убѣжденіямъ и интересамъ, но съ которымъ судьба связала навѣки. Эти три условія, въ сущности всѣ обязательныя для истинно-человѣческой семьи, встрѣчаются вмѣстѣ взятыми чрезвычайно рѣдко, но каждаго изъ нихъ въ отдѣльности уже достаточно для того, чтобы семья была болѣе или менѣе прочна; и вотъ почему еще сравнительно такъ много счастливыхъ браковъ, хотя быть можетъ на всемъ свѣтѣ не найдется вполнѣ подходящихъ другъ другу двухъ людей. Въ бракѣ Казиміра и Авроры Дюдевановъ отсутствовали всѣ эти три условія — и вотъ почему онъ логически окончился разрывомъ, а втеченіи четырнадцати лѣтъ своего существованія являлся взаимнымъ мученіемъ для обоихъ. Наоборотъ, на-лицо три чисто отрицательныхъ данныхъ 1) ничтожность и посредственность человѣка, который сталъ рядомъ съ такой выходящей изъ ряду вонъ натурой, какой былъ

Аврора, и который и по закону, и по собственному мнѣнію считалъ себя вправѣ быть главой въ домѣ и семьѣ; 2) отсутствіе съ обѣихъ сторонъ настоящей любви; 3) дикій и необузданный нравъ и грубость Казиміра, приведшіе его къ самымъ возмутительнымъ поступкамъ, къ насиліямъ, заставившимъ Аврору сначала временно покинуть супружескій кровъ, а въ концѣ концовъ искать защиты и предъ судомъ.

Хотя Жоржъ Зандъ въ своей «*Histoire de ma vie*» нашла нужнымъ какъ можно сдержаннѣе говорить о Дюдеванѣ и въ объясненіе этого сказать, что «съ тѣхъ поръ какъ былъ объявленъ и состоялся разводъ, я поспѣшила забыть всѣ мои неудовольствія (griefs) въ томъ смыслѣ слова, что всякія публичныя обвиненія противъ него мнѣ кажутся дурнымъ тономъ (de mauvais goût) и заставляли бы предполагать во мнѣ продолжающееся озлобленіе, въ которомъ я неповинна». («Histoire de ma vie», томъ I, стр. 13).

Но по моему мнѣнію въ этой сдержанности она зашла черезъ чуръ далеко, такъ что, зная факты изъ жизни Дюдевановъ и многія черты характера Казиміра, и читая иныя страницы «Histoire de ma vie»,—испытываешь какое-то странное чувство недоумѣнія и спрашиваешь себя: «Что это — рисовка своимъ великодушіемъ со стороны Жоржъ Зандъ? или она въ самомъ дѣлѣ успѣла забыть всѣ свои anciens griefs—старинныя неудовольствія?»

Поэтому мнѣ кажется совершенно необходимымъ, не обращая вниманія на этотъ снисходительный тонъ и умалчиванья Жоржъ Зандъ въ разсказѣ о Дюдеванѣ, передавать факты такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ были, и не пугаться того, что выводы, къ которымъ они приведутъ, мало будутъ подходить къ «прекраснодушію» этихъ страницъ «Histoire de ma vie».

Итакъ, возвращаясь къ разсказу о причинахъ несогласій и несчастья Дюдевановъ, повторимъ, что будь Казиміръ болѣе равенъ Аврорѣ по развитію и стремленіямъ, — можетъ быть она примирилась бы съ отсутствіемъ истиннаго чувства. Люби онъ ее, какъ она того инстинктивно жаждала и заслуживала — она примирилась бы съ этимъ неравенствомъ духовнымъ. Наконецъ, очень можетъ быть, что внѣшняя дружеская манера быть другъ съ другомъ — заставила бы ихъ терпѣливо вдвоемъ нести свой крестъ и примириться и съ отсутствіемъ любви, и съ несходствомъ интересовъ; однимъ словомъ, не изображая изъ себя идеальную семью, Дюдеваны въ то же время явились бы одною изъ многихъ по внѣшности дружныхъ семей. Что это послѣднее не голословное предположеніе — это доказываютъ намъ имѣющіеся въ Корреспонденціи Жоржъ Зандъ» и въ «Histoire» факты, но эти же факты и данныя укажутъ намъ, что какъ только эта внѣшняя порядочность отношеній нарушилась между Дюдеванами, такъ про-

пала и послѣдняя возможность къ продолженію совмѣстной жизни,—и они разошлись навсегда.

Всѣ біографы сходятся относительно характеристики Казиміра Дюдевана, причемъ однако распадаются какъ бы на двѣ группы: одна, придерживаясь исключительно «Histoire de ma vie», гдѣ о Казимірѣ говорится съ указанною нами сдержанностью и мягкостью,—обращаютъ, главнымъ образомъ, вниманіе на совершенную его безличность и посредственность. Другіе, современники знаменитаго процесса 1836 года, или во всякомъ случаѣ хорошо знакомые съ тѣмъ, что всплыло наружу во время его, подчеркиваютъ особенно грубость, необузданность Дюдевана, его пьянство, грубый развратъ, грубое отношеніе къ женѣ и т. д. И благодаря этому, многіе читатели склонны съ самаго начала видѣть въ Дюдеванѣ тирана и деспота, воображаютъ, что съ первыхъ дней брака у Дюдевановъ былъ адъ кромѣшный дома. Это невѣрно, и если грубость, деспотизмъ Казиміра и «адъ» — дѣйствительные факты, то во всякомъ случаѣ факты, относящіеся къ позднѣйшему времени. Сначала сыграли печальную роль, именно «посредственность» и «безцвѣтность». А еще ранѣе, въ первые два года, бракъ этотъ можно считать прямо таки довольно счастливымъ. Такому смѣшенію фактовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, способствуетъ еще то, что въ «Histoire», почти немедленно вслѣдъ за разсказомъ о свадьбѣ, начинается разсказъ о томъ, какъ между супругами, безъ явной еще вражды, возникали непониманія и недоразумѣнія, какъ Дюдеваны начали скучать и, приписывая эту скуку уединенію Ногана, предприняли вскорѣ цѣлый рядъ путешествій: въ Гильери къ свекру, въ Бордо, Пиринеи, въ Парижъ, гдѣ даже прожили цѣлую зиму и т. д., и т. д. И вслѣдъ затѣмъ Жоржъ Зандъ переходитъ къ повѣствованію о своей грустной и одинокой душевной жизни, о своихъ смутныхъ стремленіяхъ, мечтаніяхъ и думахъ. Все это, въ сопоставленіи съ извѣстнымъ всему міру трагическимъ финаломъ брачной жизни Дюдевановъ, заставило и заставляетъ всѣхъ біографовъ Жоржъ Зандъ и всѣхъ читателей «Histoire» предполагать, что съ самаго начала этотъ бракъ былъ несчастливъ. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Хотя все это происходило потомъ дѣйствительно, но, во-первыхъ, все это надо отнести къ 1824 и 1825, а главнымъ образомъ даже къ 1827—1829 годамъ. А между 1822 и 1824 годами отношенія между супругами были не только самыми лучшими, какія только можно вообразить, но есть всѣ основанія думать, что Аврора прямо таки любила Казиміра. Разумѣется, это не была бурная страсть, и это чувство очень отличалось отъ тѣхъ, которыя Жоржъ Зандъ впослѣдствіи питала къ Мюссе или къ Мишелю де Буржъ, но это была нѣжная, преданная и искренняя, немножко дѣтская любовь. Аврора относилась къ Казиміру съ самой сердечной заботливостью и дружбой—да и съ его стороны

была и заботливость и своего рода сердечность, если только можно употребить это слово, говоря о немъ.

Въ 18—20 лѣтъ Аврора была еще вовсе не тѣмъ, чѣмъ она стала къ 27 годамъ, когда начала свою литературную карьеру; въ 1822—24 г. она не знала, что называется настоящимъ чувствомъ, настоящею любовью; у нея еще не сложилось вполнѣ опредѣленныхъ требованій ни отъ себя, ни отъ окружающихъ; еще не составилось опредѣленныхъ понятій о томъ, въ чѣмъ заключается истинное счастье, истинно человѣческая жизнь, ея цѣли и задачи. Аврора даже не знала самое себя и своихъ духовныхъ потребностей. Въ ней только инстинктивно просыпалась потребность любви, и видя подлѣ себя добраго, какъ ей казалось, и честнаго человѣка, она всей своей дѣтской душой привязалась къ нему. Надо сказать, что и Казиміръ въ тѣ годы вовсе не отличался тѣми качествами и чертами характера, которыя съ такою печальною очевидностью проявились впослѣдствіи и особенно ярко сказались во время процесса о разводѣ и дальнѣйшихъ дѣловыхъ сношеній между мужемъ и женой. Въ молодости онъ еще не былъ скупъ, не предавался пьянству, не заводилъ связей съ разными горничными, наконецъ и относительно жены не позволялъ себѣ ничего подобнаго тому, что ей пришлось вынести впослѣдствіи—увы! очень скоро впрочемъ.

Едва переселясь въ Ноганъ, Аврора почувствовала, что будетъ матерью, и принялась съ любовью и заботливостью за такое прозаическое, но для нея полное самыхъ поэтическихъ надеждъ и мечтаній, занятіе, какъ изготовленіе приданаго для своего будущаго ребенка. До сихъ поръ она никогда не работала иглою, хотя бабушка ея и находила, что это необходимое знаніе для женщины. Теперь, съ увлеченіемъ, которое она вносила во все, за что ни бралась, Аврора принялась за изготовленіе чепчиковъ и кофточекъ и скоро достигла необыкновеннаго совершенства въ кройкѣ и шитьѣ, «une maéstria de coup de ciseaux», которую сохранила и втеченіе всей своей жизни. Вѣроятно она наслѣдовала отъ своей матери эту способность. Мнѣ разсказывали ея друзья и родные, что эта способность въ самое короткое время изъ всякой тряпки скроить и сшить какую нибудь кофту для кого нибудь изъ вѣчно окружавшихъ ее своихъ или чужихъ ребятъ, какую нибудь епанчу для домашняго театра или цѣлый костюмъ для куклы своей дочки "'ч внучки,—что эта способность дѣлать необыкновенно быстро ізящно и нужныя, обыденныя, и самыя фантастическія работы лою была по истинѣ изумительна. «У нея были волшебные льчики» (de petits doigts de fée), какъ выразился про нее одинъ старый пріятель. Зимою 1822—1823 года эти пальчики трудились надъ вышиваньемъ чепчиковъ, и этому занятію она пощала все свое время, забывъ даже свои книги и тетради. Къ у же здоровье ея было очень плохо. Она страдала всѣми тѣми

недомоганіями, которыя иногда сопровождаютъ беременность, но вдобавокъ Аврора какъ то несчастливо упала, выходя изъ дому, вслѣдствіе чего произошли такія болѣзненныя явленія, что опасались за жизнь ея и ребенка, и Дешартръ, ея учитель и медикъ по профессіи, и домашній врачъ Десеръ (Decerf) на 6 недѣль уложили ее неподвижно въ постель *). Благодаря такимъ во время принятымъ мѣрамъ, все окончилось благополучно и 30-го іюня 1823 г. у Дюдевановъ родился сынъ Морисъ.

Незадолго до этого событія Дюдеваны переѣхали въ Парижъ и поселились въ rue Neuve des Mathurins въ домъ № 56. Аврора съ полнымъ самозабвеніемъ отдалась материнству, она кормила и нянчила своего сына, дрожала надъ нимъ, пугалась отъ всякаго его крика или кашля; она страстно привязалась къ нему съ перваго же дня, и до дня ея смерти онъ остался ея сокровищемъ, ея утѣшеніемъ, ея отрадой. Это была самая прочная и самая счастливая, можетъ быть единственно не обманувшая ее никогда, привязанность. Всѣ письма Авроры Дюдеванъ изъ этихъ первыхъ лѣтъ полны разсказовъ о ребенкѣ. Она пишетъ о немъ матери, сестрѣ, старику Карону, всѣмъ.

Тѣмъ временемъ окончилась аренда Дешартра, онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Ноганѣ, хотя вполнѣ ладилъ съ Казиміромъ и хотя Аврора уговаривала его остаться жить съ ними, и переѣхалъ въ Парижъ. Вѣроятно, онъ не захотѣлъ жить вторымъ послѣ хозяина лицомъ тамъ, гдѣ онъ провелъ 25 лѣтъ полновластнымъ господиномъ, почти не отдавая отчета настоящимъ хозяйкамъ—старухѣ Дюпенъ и Аврорѣ. Онъ уѣхалъ, а Казиміръ вступилъ въ фактическое управленіе Ноганомъ, вслѣдствіе чего къ зимѣ 1823—1824 г. Дюдеваны вернулись въ деревню, гдѣ и поселились, какъ они полагали, навсегда.

Между супругами царствовало въ это время полнѣйшее согласіе, единодушіе и самыя дружескія отношенія. Въ своихъ письмахъ она почти всегда говоритъ въ первомъ лицѣ множественнаго числа—«мы». «Мы день и ночь только и дѣлаемъ, что занимаемся Морисомъ» пишетъ она о себѣ и мужѣ въ письмѣ къ матери отъ 24 февраля 1824 г. **) «Nous vous embrassons et nous sommes vos bons'amis» оканчиваетъ она одно изъ своихъ писемъ къ Карону ***), и подписывается за обоихъ: «les deux Casimirs». Нѣтъ письма къ матери, особенно

*) Въ неизданномъ письмѣ къ Каролинѣ Козамажу—старшей сестрѣ Авроры, отъ 7-го января 1823 г., Жоржъ Зандъ подробно разсказываетъ о своей болѣзни. Въ «Histoire» она говоритъ, что провела 6 недѣль въ постели, и чем развлекалась тѣмъ, что устроила въ комнатѣ нѣчто вродѣ садка и отогрѣвала замерзающихъ птичекъ. Зима была очень суровая.

**) Неизд.

***) Correspondance de George Sand, томъ I. Письмо отъ 21-го ноября 1829 года.

изъ числа неизданныхъ, которыя я имѣлъ случай просмотрѣть, гдѣ бы Аврора не говорила о Казимірѣ самымъ дружескимъ тономъ; она называетъ его за глаза «mon aui Casimir», «mon bon ami»; или подражая крестьянкамъ: «mon homme». Всѣ письма первыхъ лѣтъ полны указаній на то, съ какой заботливостью Аврора относилась къ мужу. Когда Дюдеваны гостили въ 1824 году у Дюплесси и Казиміръ временно уѣзжалъ въ Ноганъ, Аврора нарочно ѣздила въ Парижъ только затѣмъ, чтобы «проводить и снарядить его» *). Осенью Казиміръ вторично уѣзжалъ въ Ноганъ, и Аврора безпокоится, когда письма отъ него запаздываютъ или не приходятъ вовсе; она бомбардируетъ записками старика Карона, который въ это время жилъ въ Парижѣ и исполнялъ разныя порученія Дюдевановъ, отъ покупки лентъ и заказа платьевъ для Авроры и до устройства денежныхъ дѣлъ Казиміра, и она требуетъ, чтобы Каронъ извѣстилъ ее, въ случаѣ если получитъ письмо раньше ея. Всякій лишній день безъ извѣстій просто приводитъ ее въ отчаяніе. Со своей стороны и Казиміръ обѣщаясь писать ей съ дороги и даже «въ самый день отъѣзда», хочетъ знать все, что дѣлаетъ жена въ его отсутствіи, и она «пишетъ ему цѣлые томы», какъ она говоритъ въ письмѣ къ тому же Карону отъ 8-го ноября 1824 г. **). А 10-го ноября она опять пишетъ ***): «Я очень безпокоюсь, что не получаю извѣстій отъ Казиміра; онъ, который такъ аккуратенъ, не писалъ мнѣ послѣ того письма, что вы мнѣ переслали 19-го... Однимъ словомъ лучше какая бы то ни было увѣренность, чѣмъ неизвѣстность и безпокойство, въ которомъ я живу. Я не живу... будьте аккуратны въ пересылкѣ его писемъ, я васъ умоляю, мой другъ. Вы скажете, что безразсудно съ моей стороны такъ мучиться, и всѣ мнѣ это говорятъ. Но это зависитъ не отъ меня. Онъ уѣхалъ съ такимъ грустнымъ предчувствіемъ. Я все вижу въ черномъ свѣтѣ. Я подожду до завтра, но если и завтра не получу извѣстій, я поѣду въ Парижъ въ среду утромъ. Я не знаю къ чему это мнѣ послужитъ, но тѣло не можетъ оставаться на мѣстѣ, когда душа въ безпокойствѣ (le corps ne peut rester en place, quand l'esprit court les champs)».

Аврора видимо привязалась къ своему «товарищу игръ». Не забудемъ, что еще 15 лѣтъ, измученная и разбитая всѣмъ тѣмъ, что ей приходилось переносить изъ-за единственной своей страстной привязанности — изъ-за любви къ матери, и не встрѣтивъ кого, кого она могла бы любить со всѣмъ пыломъ просыпаю-

*) Въ неизданномъ письмѣ къ Карону отъ 15 іюня 1824 г. Аврора сообщаетъ объ этомъ и проситъ Карона проводить ее на возвратномъ пути въ Франсси, такъ какъ въ тѣ времена она повидимому не рѣшалась пускаться даже въ такое маленькое путешествіе.

**) Неиздан.

***) Неиздан.

щейся души,—она тогда сдѣлалась экзальтированно-религіозной, потому что, говоритъ она, «*я должна была любить внѣ себя*» *). Съ тѣхъ поръ она стала еще болѣе одинокой: бабка ея умерла, религія болѣе ея не удовлетворяла. Аврора сдѣлала первые шаги въ жизни,—и эта потребность любить проснулась въ ней съ новой силой. И нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Дюдеванъ съ одной стороны понималъ свою жену и былъ ей равнымъ, еслибъ онъ самъ былъ способенъ любить ее по настоящему и не прояви онъ на первыхъ же порахъ, всего черезъ два года послѣ свадьбы, признаковъ своей грубости и дикости,—вѣроятно, это пробудившееся чувство разцвѣло бы пышнымъ цвѣтомъ, разгорѣлось бы яркимъ пламенемъ. Увы, ему суждено было поблекнуть, заглохнуть. Грубыя руки смяли нѣжное растеньице и не дали ему развиться; огонекъ потухъ и лишь гдѣ-то въ глубинѣ, подъ пепломъ, затаилась чуть живая искорка. И когда она впослѣдствіи вспыхнула пожаромъ,—она сожгла тотъ самый кровъ, который могла бы освѣтить и согрѣть.

И такъ первые два года прожили Дюдеваны довольно мирно и счастливо. Аврора возилась со своимъ ребенкомъ, хозяйничала, приготовляла маленькіе сюрпризы матери, свекрови и сестрѣ, варила варенье и шила мужу жилеты и штиблеты **). Казиміръ приводилъ въ порядокъ сельское хозяйство, веденное довольно безалаберно и немножко запущенное Дешартромъ, который вѣчно строилъ разные фантастическіе проэкты и упускалъ изъ глазъ разныя существенныя въ хозяйствѣ вещи. Казиміръ же на первыхъ порахъ проявилъ большую дѣятельность и энергію. Онъ подымалъ запущенныя поля и луга, приводилъ въ порядокъ домъ, подчищалъ и подсаживалъ въ саду, стараясь все до мелочей подновить и поправить и въ домѣ и внѣ дома.

И вотъ тутъ-то, хоть и смутно, проявилось первое несогласіе между мужемъ и женой. Натуры были слишкомъ разныя. Онъ,—какъ Аврора сама впослѣдствіи опредѣляла себя и мужа въ одномъ неизданномъ своемъ письмѣ къ нему—«онъ любилъ сельское хозяйство, но мало любилъ сельскія описанія. Она любила сельскую природу, литературу, искусство»... и т. д. Какъ натура истинно поэтическая, Аврора любила тѣнистые, запущенные уголки въ саду, старинныя вещи въ домѣ, привязывалась къ старымъ фамильнымъ сувенирамъ и къ старымъ домашнимъ животнымъ. Когда исчезли эти дикіе уголки, эти облѣзшія преданныя собаки и старые паркины, хозяйничавшіе безнаказанно въ саду, когда и въ поляхъ и в

---

*) Histoire de ma vie. Томъ III, стр. 177.

**) Письмо къ M-elle St.-Agnan отъ 6 января 1830 г. (Revue Encyclopédique» 1 сентября 1893 г.), Аврора разсказываетъ о томъ, какъ она прежде неумѣло обращалась съ иглою, но что съ тѣхъ поръ она «достигла совершенства въ прометываньи петель и шитьѣ штрипокъ для штиблетъ».

домѣ водворился образцовый порядокъ,—Аврорѣ показалось, что что-то отняли у нея, что старый Ноганъ сталъ ужъ не тѣмъ, и на нее начали нападать припадки тоски, непонятной ни ей самой, ни Казиміру. Она стала нервничать, плакать безъ всякой видимой причины. Ни мужъ, ни жена не понимали, что это сказывалась съ одной стороны не находящая себѣ удовлетворенія потребность истинной любви, истинно-человѣческаго, духовнаго единенія съ любимымъ существомъ, съ другой стороны не сознающая еще себя, но уже ищущая выхода артистическая натура. Наконецъ много читавшая и уже въ отроческомъ возрастѣ такъ много передумавшая Аврора, поклонница Руссо и Байрона, почитательница Локка и Лейбница, эта душа, полная порывовъ ко всему великому и прекрасному и искренно мучившаяся надъ разрѣшеніемъ самыхъ глубокихъ вопросовъ человѣческаго бытія, эта душа просто томилась въ своемъ одиночествѣ. Ей не съ кѣмъ было поговорить, не съ кѣмъ подѣлиться своими серьезными мыслями или юношескими мечтаніями. Она вѣчно слышала лишь разговоры о накрытомъ на воровствѣ садовникѣ, о сѣнокосѣ, потравахъ, арендѣ за мельницу или о новомъ сортѣ яблоковъ. И она тосковала, нервничала, плакала и удивляла мужа своими странностями. Тогда оба они рѣшили, что Аврорѣ просто надо развлечься. Казиміръ, природный гасконецъ, не любилъ Берри, находя эту страну слишкомъ скучной и однообразной. И вотъ Дюдеваны рѣшили на время покинуть Ноганъ. Чтобы не чувствовать стѣсненія и ради взаимнаго удобства, они уговорили Дюплесси брать съ нихъ небольшую сумму за столъ и квартиру и, послѣ краткаго пребыванія въ Парижѣ (они провели Пасху съ родными), переселились въ апрѣлѣ 1824 года въ Плесси-Пикаръ.

Опять Аврора попала въ свой веселый дружескій кружокъ, который въ этомъ году увеличился еще нѣсколькими новыми членами. И опять ея тоску какъ рукой сняло, опять начались кавалькады, жмурки, лапта и горѣлки, суматоха и бѣготня съ утра до вечера. Изобрѣтались такія общія игры, въ которыхъ даже ходящія на четверенкахъ дѣти, какъ Морисъ, принимали участіе. И Казиміръ, только что удивлявшійся въ Ноганѣ постоянно угнетенному настроенію Авроры, ея безпричинной меланхоліи и вѣчнымъ слезамъ,—теперь удивлялся ея ребяческимъ выходкамъ, вѣчному смѣху и тому, что бесѣдѣ со взрослыми она предпочитала бѣготню съ дѣтьми и подростками (она особенно дружна была съ ѣнадцатилѣтней Лоизой Пюже — впослѣдствіи извѣстной музы-нтшей, и четырнадцатилѣтней Фелиси Сентъ-Аньянъ). Въ цитированномъ уже нами письмѣ отъ 8-го ноября 1824 г. она пишетъ рону: «я умираю отъ страха всегда, когда я должна разговавать или поздно ложиться. Вы знаете, что мое высшее счастье ключается въ томъ, чтобы много спать, много ѣсть и ничего говорить, или развѣ что съ такими добрыми друзьями, какъ

вы». Казиміръ начиналъ не понимать жену и, какъ это весьма часто бываетъ, не понимая ее, считалъ себя по этому самому вправѣ относиться къ ней презрительно. Посторонніе люди и нѣкоторые изъ друзей тоже удивлялись Аврорѣ, которая какъ разъ послѣ «полосы размышленія и созерцанія» находилась въ «полосѣ веселія».

«Благодаря этимъ контрастамъ многіе составили себѣ мнѣніе, что я совсѣмъ странная. Мой мужъ, болѣе снисходительный, рѣшилъ, что я идіотка. Можетъ быть онъ не былъ не правъ, и мало-по-малу, съ теченіемъ времени, онъ настолько далъ мнѣ почувствовать превосходство своего ума и благоразумія, что я была этимъ подавлена и казалась глупой въ обществѣ. Я на это не жаловалась. Дешартръ пріучилъ меня никогда рѣзко не перечить чужой непогрѣшимости, и эта система смиренія и молчанія какъ разъ подходила къ моей лѣни» *).

Но не всегда ребяческія выходки Авроры оканчивались такъ мирно и незамѣтно. Все чаще онѣ вызывали раздраженіе Казиміра. А одна изъ нихъ окончилась очень печально и сдѣлалась знаменательною датой въ исторіи Дюдевановъ. Однажды въ іюлѣ—это было 25-го, а по другой версіи 31-го іюля,—всѣ пили послѣ обѣда кофе на террассѣ въ Плесси. Аврора, Фелиси Сентъ-Аньянъ, Клариса Лакруа и еще кто-то гонялись другъ за другомъ по терассѣ и, что называется, «возились». Одна изъ нихъ, видя свои неудачныя попытки догнать другую, бросила въ нее пескомъ. Нѣсколько песчинокъ попало въ чашку кофе «папаши Джемса». Онъ сказалъ разшалившейся молодежи, чтобъ онѣ перестали возиться. Но онѣ не переставали, и Аврора тоже бросила пескомъ. Тогда Казиміръ вышелъ изъ себя, грубо закричалъ на жену, чтобъ она тотчасъ прекратила эту дурацкую игру, и пригрозилъ ей, а когда она и не послушалась, далъ ей пощечину. Аврора разрыдалась отъ гнѣва и обиды, убѣжала въ паркъ съ Фелиси и Клариссой и долго не могла успокоиться. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ Фелиси въ 1835 году, прося ее быть свидѣтельницей во время процесса о разводѣ, такъ какъ надо было говорить и объ этомъ происшествіи, Жоржъ Зандъ прибавляетъ, что «съ этого дня она перестала любить Дюдевана и стала относиться къ нему съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ» **). Но это не совсѣмъ такъ. Въ ноябрѣ этого самаго 1824 г. Дюдеванъ уѣзжаетъ въ Ноганъ, и Аврора пишетъ Карону тѣ самыя письма, которыя нами уже упомянуты и въ которыхъ сказывается столько тревоги и привязанности къ

*) «Histoire de ma vie». Томъ III, стр. 441.

**) См. письмо къ Фелиси 1835 года (оно написано, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, *послѣ* 1-го декабря 1835 г.) «*Revue Encyclop.*» 15 сент. 1893 г. Этотъ же фактъ разсказывается въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ Авроры Дюдеванъ къ ея *avoué* (повѣренному) во время процессовъ съ мужемъ.

мужу. Во всякомъ случаѣ событіе на террассѣ было очень знаменательно. Теперь уже не отъ необъяснимыхъ и непонятныхъ причинъ могла плакать Аврора, какъ весною, и къ сожалѣнію этотъ прискорбный фактъ не остался единичнымъ, онъ явился лишь какъ бы предвѣстникомъ цѣлаго ряда подобныхъ же и еще болѣе возмутительныхъ и грубыхъ фактовъ. И если Жоржъ Зандъ «послѣ развода» нашла нужнымъ о нихъ забыть, то на обязанности историка, разсказывающаго исторію этого брака и развода, лежитъ именно не забывать ни одного подобнаго факта. Это песчинки тоже, но песчинки, перетянувшія чашу вѣсовъ правосудія на сторону Авроры, потому что съ годами ихъ набралось слишкомъ, слишкомъ много!

Осенью Дюплесси переѣхали въ Парижъ, Дюдеваны не могли оставаться одни въ Плесси и боялись вернуться въ Ноганъ, чтобы не быть вдвоемъ съ глазу на глазъ. «Мы оба любили деревню, но мы боялись Нога́на, боялись, вѣроятно, очутиться съ глазу на глазъ, при совершенно различныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, наклонностяхъ и при несходствѣ характеровъ, непонятныхъ другъ для друга. Не желая ничего скрывать другъ отъ друга, мы ничего не могли бы объяснить одинъ другому; мы ни о чемъ не спорили; я слишкомъ ненавижу препирательства для того, чтобы желать повліять какъ нибудь на другого человѣка; я, наоборотъ, дѣлала большія усилія, чтобы смотрѣть на все глазами моего мужа и поступать такъ, какъ онъ того желалъ. Но едва я соглашалась съ нимъ, какъ я чувствовала, что я въ несогласіи сама съ собою, и впадала въ ужасную тоску.

«Онъ съ своей стороны, вѣроятно, испытывалъ нѣчто подобное, не отдавая себѣ въ томъ отчета, и поддерживалъ меня, когда я говорила, что намъ слѣдуетъ развлекаться и быть побольше въ обществѣ. Еслибъ я умѣла сдѣлать нашу жизнь болѣе оживленною и внѣшнею, еслибъ я была болѣе легкомысленна, еслибъ я любила движеніе и болѣе разнообразное общество,—его бы встряхнула и поддержала такая свѣтская жизнь. Но я вовсе не была той подругой, какую ему нужно было бы. Я была слишкомъ исключительна, слишкомъ замкнута въ самой себѣ, не подходила къ общепринятому. Еслибъ я знала, откуда происходитъ зло, еслибъ причина его и моей скуки представилась бы моему неопытному и непроницательному уму, я нашла бы средство противъ нея, я мо-
ъ быть съумѣла бы передѣлать себя; но я не понимала ни
а, ни себя» *).

А вся причина заключалась въ совершенной посредственности,
твенномъ и нравственномъ убожествѣ и низменности Дюдевана.
къ могли гармонировать эти двѣ натуры: безцвѣтный, равно-
чный ко всѣмъ умственнымъ интересамъ помѣщикъ средней

* Histoire de ma vie. Т. III, стр. 422.

руки,—и страстная, пылкая душа, живущая самой сосредоточенной внутренней жизнью, ищущая какихъ то путей къ свѣту и истинѣ, уже въ 17 лѣтъ доходившая до мыслей о самоубійствѣ не изъ за какихъ нибудь личныхъ неудачъ, а изъ за мелочности и преходящести всего земного, одна изъ тѣхъ душъ, о которыхъ можно сказать, какъ было сказано о Сентъ-Бевѣ г-жей Алларъ, что онѣ «тоскуютъ о небесномъ» (sont tourmentées des choses divines). Какая нибудь разбитная, нетребовательная провинціалочка пришлась бы какъ разъ подъ стать Казиміру. Она мирилась бы и съ его бранью и съ грубостью, спокойно относилась бы къ его выпивкамъ (какъ спокойно относилась къ этому, напр., жена Ипполита Шатирона, незаконнаго брата Авроры) и къ разнымъ маленькимъ невѣрностямъ (какъ жены многихъ друзей Казиміра въ Ла-Шатрѣ). И Казиміру съ такой женой было бы легко и не скучно. Онъ не страдалъ бы и не раздражался, видя подлѣ себя какое то непонятное существо, ищущее чего то недостижимаго, cherchant midi à quatorze heures, женщину вѣчно о чемъ то мечтающую и недовольную дѣйствительностью. Будь жена Казиміра проще и ординарнѣе—онъ навѣрное не чувствовалъ бы себя чужимъ ей, и она не казалась бы ему ни эксцентричной, ни идіоткой, ибо:

« ... посредственность одна
Намъ по плечу и не странна».

Ломени *) вѣрно говоритъ о Казимірѣ, что это былъ «вернувшійся домой наполеоновскій солдатъ,—т. е. изъ сорта людей самаго прозаическаго, какой только есть на свѣтѣ. Это былъ достойный деревенскій дворянчикъ (gentillâtre campagnard), какими кишитъ старая Аквитанія, считавшій всякія душевныя тонкости за вздоръ и безуміе, знавшій цѣну времени, бравшій отъ жизни лишь то, что она даетъ, не слишкомъ ученый, немножко грубый, если судить по подробностямъ извѣстнаго процесса, а въ сущности добрѣйшій парень». Если можно усомниться въ справедливости послѣдняго эпитета, то нельзя не согласиться съ остальной характеристикой. Но еще лучшій портретъ Дюдевана мы находимъ въ «*Lutetia* Гейне **); позволяемъ себѣ привести здѣсь in extenso эту страницу, почти неподдающуюся переводу: «Дюдеванъ, говоритъ онъ, законный супругъ Жоржъ Зандъ... der kein Mythos ist, wie man glauben sollte, sondern ein leiblicher Edelmann aus der Provinz Berry und den ich selbst einmal das Vergnügen hatte mit eigenen Augen zu sehen. Ich sah ihn sogar bei seiner damal

*) Louis Loménie. Galerie des comtemporains illustres par un homme de rien. Bruxelles. 1847.

**) Franz. Zustände. S. 286. Heinrich Heine's Werke. 11 Band. Hamburg, Hoffmann und Camp. 1874.

schon *de facto* geschiedenen Gattin, in ihrer kleinen Wohnung auf dem *Quai Voltaire*, und das ich ihn eben dort sah, war an und für sich eine Merkwürdigkeit, ob welcher, wie Chamisso sagen würde, ich selbst mich für Geld sehen lassen könnte. Er trug ein nichtssagendes Philistergesicht und schien weder böse, noch roh zu sein, doch begriff ich sehr leicht, dass diese feuchtkühle Tagtäglichkeit, dieser porzellanhaftes Blick, diese monotonen, chinesischen Pagodenbewegungen für ein banales Weibzimmer sehr amüsant sein könnten, jedoch einem tieferen Frauengemüthe auf die Länge sehr unheimlich werden und dasselbe endlich mit Schauer und Entsetzen, bis zum Dafonlaufen, erfüllen mussten» *). И дѣйствительно, именно съ конца этого 1824 года мы замѣчаемъ, что это еще несознанное, но обоюдное стремленіе къ «Davonlaufen» все сильнѣе и явственнѣе сказывается въ обоихъ супругахъ. Они боятся оставаться съ глазу на глазъ другъ съ другомъ, и вотъ, когда Дюплесси уѣхали въ Парижъ, то и Дюдеваны рѣшили послѣдовать за ними. Но въ это время они были очень стѣснены въ денежномъ отношеніи и потому поселились не въ самомъ Парижѣ, а въ окрестностяхъ, въ Ормессонѣ, гдѣ наняли небольшой домъ. Дѣйствительно, денежныя дѣла Дюдевановъ, какъ это ни странно, были въ это время очень запутаны, впрочемъ они были таковыми и во все время управленія Казиміра. Въ *неизданныхъ письмахъ* этихъ лѣтъ все время встрѣчаемъ указанія на то, что Казиміръ занимаетъ у кого нибудь деньги, или не можетъ уплатить къ сроку и извиняется, или пускается въ какія то сложныя финансовыя операціи, старается что то устроить, выпутаться. Все это ему плохо удавалось, и его состояніе все уменьшалось, но пока еще все это не внушало опасеній за будущее. Вслѣдствіе этихъ дѣлъ, а можетъ быть по другимъ какимъ нибудь причинамъ, Казиміръ постоянно уѣзжалъ изъ Ормессона въ Парижъ, оставляя жену одну и возвращаясь лишь къ вечеру.

Домъ, въ которомъ жила Аврора, принадлежалъ нѣкой госпожѣ Ришардо́, у которой были дѣти; рядомъ жило семейство барона Малю; всѣ три семьи подружились между собою и здѣсь опять

---

*) Дюдеванъ, законный супругъ Жоржъ Зандъ, который не мнѣ, какъ можно было бы подумать, но вполнѣ реальный дворянинъ изъ провинціи Берри и котораго я даже имѣлъ удовольствіе видѣть собственными глазами у его, тогда уже съ нимъ *de facto* разошедшейся, супруги въ ея маленькой квартиркѣ на Набережной Вольтера. То, что я его именно тамъ видѣлъ, уже само по себѣ составляетъ достопримѣчательность, изъ за которой я, какъ сказалъ бы Шамиссо, самъ могъ бы показываться за деньги. У него было ничего неговорящее, будничное лицо, и онъ не казался ни злымъ, ни грубымъ, но мнѣ лишкомъ легко было понять, что если для пошлой бабенки могли казаться занятными эта сыровато-холодная будничность, этотъ стеклянный взглядъ, и китайскія, напоминавшія качанія пагоды, монотонныя движенія,—то болѣе глубокой женской душѣ отъ этого должно было дѣлаться жутко, и она могла исполниться страхомъ и ужасомъ до желанія убѣжать.

начались игры и шарады. Дюдеваны какъ будто вездѣ искали возможности, что называется, быть на людяхъ, а потому и эта осень прошла очень пріятно и весело. Но когда глубокой осенью оба сосѣднія семейства переѣхали въ Парижъ—все измѣнилось: Аврора оставалась совсѣмъ одна въ Ормессонѣ. Дюдеванъ теперь и ночи проводилъ внѣ дома. Сначала Аврора не жаловалась на это, она гуляла одна или съ маленькимъ Морисомъ въ громадномъ паркѣ, читала *Essais* Монтеня и радовалась на игры своего годовалаго сынишки. Но чувство одиночества росло и росло въ душѣ молодой женщины, и росла несознанная еще обида и тоска, и жажда настоящаго счастья. Вскорѣ пребываніе въ Ормессонѣ сдѣлалось ей тяжело, благодаря непріятностямъ съ садовникомъ, которому былъ порученъ надзоръ надъ домомъ и садомъ, и который придирался ко всякой помятой травинкѣ, а еще болѣе благодаря тѣмъ дикимъ крикамъ, которые по ночамъ раздавались изъ домика этого садовника—вѣроятно пьяницы—и пугали Аврору. Такъ что, какъ она ни любила уединеніе, но была почти рада, когда мужъ ея побранился съ этимъ самымъ садовникомъ и немедленно перевезъ семейство свое въ Парижъ.

Дюдеваны поселились въ небольшой меблированной квартирѣ въ улицѣ du Faubourg Saint-Honoré. Здѣсь они видали много друзей и знакомыхъ, видѣлись и съ родными Казиміра, жившими въ тотъ годъ въ Парижѣ. Но вскорѣ и эта разсѣянная жизнь не могла заставить Аврору забываться. Что то было неладно въ ихъ жизни. «Тоска опять пришла, тоска безъ цѣли и причины; можетъ быть болѣзненная. Я очень устала отъ кормленія ребенка и не поправилась съ тѣхъ поръ. Я упрекала себя за это угнетенное настроеніе духа и думала, что причиной тому могло быть незамѣтное охлажденіе моихъ религіозныхъ вѣрованій» *). Аврора посовѣтовалась со своимъ бывшимъ монастырскимъ духовникомъ, аббатомъ Преморомъ, который былъ слишкомъ мягокъ и снисходителенъ по мнѣнію Авроры, жаждавшей абсолютной вѣры, абсолютной истины; онъ посовѣтовалъ своей духовной дочери на время вновь удалиться въ монастырь, какъ говорится: faire une retraite. Аврора прожила нѣсколько недѣль въ монастырѣ «*Англичанокъ*», гдѣ нѣкогда воспитывалась, и прожила сначала одна, а потомъ даже съ маленькимъ Морисомъ **). Но и тутъ не нашла она мира душевнаго. Отношенія съ прежде любимыми друзьями-монахинями, самъ монастырь, монастырская жизнь болѣе не удовлетворяли Аврору. Здѣсь лозунгомъ было отреченіе отъ жизни, отъ ея радостей и печалей, отъ

*) Histoire de ma vie, томъ III, 448.

**) Ломени относитъ почему то весь этотъ эпизодъ къ 1828 году и придаетъ ему очень романическую окраску. Въ то же время онъ, очевидно, смѣшиваетъ съ пребываніемъ въ монастырѣ эпоху гораздо болѣе позднюю—1831 г., когда Аврора разъѣхалась съ мужемъ.

всѣхъ земныхъ привязанностей; даже материнская любовь казалась здѣсь развѣ только простительной. Аврора слишкомъ далеко ушла въ своемъ развитіи за эти 3 года, чтобы примириться съ такими воззрѣніями; поклонница Руссо и Лейбница уже слишкомъ широко смотрѣла на вещи, чтобы считать справедливыми разные узко-католическіе взгляды и требованія. А тутъ еще кто-то изъ сестеръ неосторожно и вполнѣ равнодушно выразился о хрупкости и недолговѣчности Мориса, на любви къ которому тогда сосредоточивалась вся жизнь Авроры Дюдеванъ. Она перепугалась и покинула монастырь, чтобъ поскорѣе посовѣтоваться съ докторомъ о здоровьи мальчика. Докторъ нашелъ, что мальчикъ здоровехонекъ и что нечего такъ надъ нимъ трястись. Но пребываніе въ монастырѣ было окончательно отравлено этимъ эпизодомъ,—Аврора болѣе въ него не вернулась, а поселилась съ мужемъ сначала у своей тетки Люси, а потомъ на отдѣльной квартирѣ, недалеко отъ нея. Дюдеваны много опять выѣзжали и принимали гостей. Аврора особенно часто видѣлась со своими бывшими монастырскими подругами, особенно съ Дженъ и Эме Базуанъ, и много музицировала со своей кузиной Клотильдой. Ранней весною Дюдеваны вернулись въ Ноганъ.

Вскорѣ Аврору постигло большое горе: умеръ Дешартръ. Умеръ онъ совершенно загадочно, неизвѣстно въ точности когда и какъ, не оставивъ послѣ себя ни слова. Аврора предполагала, что онъ убилъ себя, раззорившись на какомъ нибудь промышленномъ предпріятіи и разочаровавшись въ возможности разбогатѣть, что было его всегдашней мечтой. Жоржъ Зандъ справедливо говоритъ, что этотъ на видъ столь черствый человѣкъ всю свою жизнь прожилъ для другихъ; уже на старости лѣтъ онъ вдругъ сталъ жить одинъ, воображая себя, какъ и втеченіе всей своей жизни, эгоистомъ. Но бѣдный старикъ не зналъ самого себя, и, вѣроятно, одиночество и тоска довели его до самоубійства. Съ его смертью порывалась послѣдняя нить, связывавшая Аврору съ ея юностью и *прежнимъ* Ноганомъ. Въ Дешартрѣ она теряла того, кто былъ «то благодѣтельнымъ, то непріятнымъ стимуломъ ея интеллектуальнаго развитія», кому она была многимъ обязана, несмотря на всю его педагогическую тиранію и рѣзкости, наконецъ она теряла въ немъ «преданное сердце и общеніе съ умомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ». Какъ бы то ни было, а это б о существо, хоть отчасти понимавшее ея духовныя потреб- и ги и умѣвшее иногда отвѣчать на запросы ея пытливаго ума. С его смертью Аврора почувствовала себя «еще болѣе сиротою ч ь прежде», она горько оплакивала его, скрывая отъ всѣхъ с слезы, чтобы не оскорбить тѣхъ, кого онъ при жизни слиш- к заставлялъ страдать—то есть ея мать и Ипполита.

изнь представлялась Аврорѣ съ самой мрачной стороны. С ужемъ начинались нелады. Хотя въ это время «дурное обра-

щеніе *) еще бывало рѣже, чѣмъ дурные пріемы» (les mauvais traitements furent plus rares que les mauvais procédés) — какъ объ этомъ впослѣдствіи сказалъ Мишель де Буржъ,—«но на госпожу Дюдеванъ уже сыпались названія глупой и идіотки, — право принимать участіе въ разговорѣ было отнято у нея» и т. д. «Господинъ Дюдеванъ, какъ видно, не отличался даромъ проницательности» (ne possédait pas le talent de devination), язвительно прибавляетъ къ этому Мишель. И дѣйствительно, если представить себѣ Жоржъ Зандъ умолкающей среди всеобщаго разговора, потому что господинъ Дюдеванъ изволилъ найти ея рѣчи идіотскими и недостойными раздаваться въ присутствіи такого мудраго мужа, каковъ былъ онъ самъ—впечатлѣніе получится невѣроятно комическое. Но Аврорѣ было не до смѣха. Постоянно должна она была думать о томъ, какъ бы Дюдеванъ не раздражился, не вышелъ изъ себя. Здоровье ея въ это время стало очень плохо: ее мучили сердцебіенія, головныя и горловыя боли (*esquinancies*), она сильно кашляла, харкала кровью. Впослѣдствіи оказалось, что всѣ эти явленія были чисто нервнаго происхожденія, но тогда и Аврора и всѣ ея близкіе полагали, что у нея чахотка.

Вслѣдствіе этого, когда ея пріятельницы съ отцомъ и однимъ старымъ другомъ пріѣхали погостить въ началѣ лѣта 1825 года въ Ноганъ и отсюда поѣхали на воды въ Котрэ, то было рѣшено, что и Аврорѣ слѣдуетъ поѣхать полечиться туда же. Дюдеваны сговорились съѣхаться съ ними на водахъ, а зиму рѣшили провести на югѣ же, въ Гильери (въ Гаскони) у свекра, съ которымъ Аврора была очень дружна. И дѣйствительно, отпраздновавъ дни рожденія Мориса и самой Авроры, 5 іюля Дюдеваны выѣхали изъ Ногана въ Пиренеи. Кромѣ Мориса и его няни Фаншонъ, съ ними поѣхалъ преданный Аврорѣ слуга Венсанъ.

Покидала Ноганъ Аврора съ самыми мрачными мыслями, даже съ надеждой никогда его болѣе не увидѣть: мысль о возможности близкой смерти какъ будто улыбалась ей. Духовное одиночество ея усилилось за послѣднее время еще потому, что какъ разъ теперь стала ослабѣвать и ея многолѣтняя дружба съ Ипполитомъ. Ипполитъ, вышедшій изъ военной службы и женившійся вскорѣ послѣ Авроры, попрежнему часто и подолгу гостилъ въ Ноганѣ, живя постоянно то въ Парижѣ, то въ Корбейлѣ, то въ имѣніи жены въ Монживрэ (Montgivray) близь Ногана. Но онъ уже начиналъ въ это время сильно попивать, и хотя эта пагубная страст доведшая его впослѣдствіи почти до помѣшательства, въ тѣ год еще не развилась окончательно, но уже и тогда доставила Авро много тяжелыхъ минутъ. Покидая Ноганъ, Аврора съ грусть призналась себѣ, что Ипполитъ веселъ и смѣется, разставаясь с

*) Рѣчь Мишеля де Буржъ въ засѣданіи шатрскаго суда 10 и 11 м 1836. См. «*Le Droit*», *gazette des tribunaux*. № 168. 18 мая 1836.

нею, и что эта старая дружба очень охладѣла. Это было послѣдней каплей горечи для бѣдной женщины.

Въ тѣ времена, когда не было желѣзныхъ дорогъ и путешествія совершались медленно, надо было имѣть большой запасъ терпѣнія, пускаясь въ такой дальній путь съ двухлѣтнимъ ребенкомъ и съ раздражающимся изъ-за всякой мелочи мужемъ. Аврора и пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Я приняла разныя благія рѣшенія на дорогу: не пугаться всякаго крика Мориса, терпѣливо переносить долгій путь, не огорчаться минутными досадами *моего друга*...»

По дорогѣ въ Пиренеи Дюдеваны остановились въ Бордо, гдѣ у Казиміра была цѣлая масса родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь они сразу попали въ очень оживленное и многочисленное общество и провели время очень весело, завели даже много новыхъ знакомыхъ или возобновили прежнія. Такъ Аврора познакомилась здѣсь съ генеральнымъ адвокатомъ, Орельеномъ де Сезъ *), а Казиміръ вновь завязалъ сношенія съ нѣкіимъ Дегранжемъ, своимъ старымъ знакомымъ. Обоимъ этимъ лицамъ суждено было впослѣдствіи сыграть важную, хотя и весьма различную роль въ жизни Дюдевановъ.

Изъ Бордо Дюдеваны выѣхали въ сопровожденіи нѣсколькихъ новыхъ друзей черезъ Тарбъ и Периге въ Котрэ, гдѣ Аврора вновь увидѣлась со своими подругами Дженъ и Эме. Грустныя мысли не покидали Аврору во все время пути и въ началѣ ея пребыванія въ Котрэ, и дорожный дневникъ ея полонъ самыхъ печальныхъ размышленій, тѣхъ «сердца горестныхъ замѣтъ», которыя мало по малу переходятъ въ «ума холодныя наблюденія» и доводятъ человѣка до разочарованія. Вотъ отрывки изъ отрывковъ ея дневника, въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ «Histoire de ma vie». Она пишетъ въ Периге:

«Этотъ городъ кажется мнѣ красивымъ, но я смертельно грустна. Я много плакала на прогулкѣ, но къ чему плакать? Надо привыкать улыбаться съ отчаяніемъ въ душѣ (avoir la mort dans l'âme et le visage riant)... »

Въ Тарбѣ она записываетъ: ...«Небо прекрасное, быстрые ручьи, странныя постройки, сдѣланныя изъ огромныхъ валуновъ, приносимыхъ потокомъ, разнообразные костюмы, ярмарка, ожив-

---

*) Жанъ-Піерръ-Орельенъ де Сезъ (его фамилія пишется и de Sèze, и Desèze) внукъ знаменитаго Романа де Сеза, адвоката Людовика XVI, родился въ Бордо въ 1799 году. Онъ былъ талантливый адвокатъ, а впослѣдствіи депутатъ въ Нац. собр. 1848 г., въ которомъ принадлежалъ къ крайней правой. Былъ также членомъ законодат. собр. и участвовалъ въ составленіи закона противъ всеобщей подачи голосовъ. Однако въ 1851 году онъ отступился отъ торжествующей партіи и протестовалъ противъ 2 декабря. Послѣ этого онъ удалился въ частную жизнь, не принимая болѣе никакого участія въ политикѣ; онъ умеръ 23 января 1870 г. въ Бордо.

ленныя типичныя лица со всего юга Франціи. Тарбъ очень красивъ,—но мой мужъ постоянно въ дурномъ настроеніи духа. Онъ скучаетъ въ путешествіи, хотѣлъ бы скорѣе доѣхать. Я понимаю это, но вѣдь я не виновата, что путь въ 200 льеі..»

Наконецъ, этотъ путь оконченъ, и Дюдеваны поселились въ Котрэ. Тутъ опять оказалось многочисленное и разнообразное общество; была тутъ и принцесса де-Кондэ, герцогиня Ангіенская, и ученый Мажанди, и генералъ Фуа, и жена ученаго госпожа Румфортъ, и дѣвицы Базуанъ съ отцомъ, и Орельенъ де Сезъ и новый другъ Авроры—Зоя Леруа, которой посвящено много страницъ въ воспоминаніяхъ Жоржъ Зандъ. Какъ всегда бываетъ на водахъ, въ Котрэ очень скоро образовались маленькіе кружки, партіи и котеріи. Одни, какъ Эме, строго исполняли всѣ предписанія докторовъ: пили воду, брали ванны, потѣли послѣ нихъ подъ грудами одѣялъ — и въ то же время устраивали балы и музыкальные вечера, дѣлали визиты и вообще вели ту же жизнь, что въ Бордо или Парижѣ, заботясь даже о выборѣ знакомыхъ. Другіе, какъ Зоя и Аврора, лечились кое какъ или вовсе не лечились, цѣлые дни проводя въ прогулкахъ и горныхъ экскурсіяхъ. Аврора все еще кашляла и хворала, но безъ устали странствовала по горамъ и ущельямъ. «Потребность движенія охватила меня, какъ лихорадка. Я кашляю и задыхаюсь всякую минуту, но я не знаю, страдаю ли я? Да, въ самомъ дѣлѣ, я страдаю, я замѣчаю это, когда остаюсь одна» *).

Въ душѣ Авроры съ дѣтства таилась любовь къ природѣ и инстинктивное пониманіе ея красотъ. Еще ребенкомъ она восхищала бабушку своими первыми попытками описаній: лунной ночи, грозы и т. д. Здѣсь, среди величавыхъ горныхъ видовъ, среди мрачной поэзіи Пиренеевъ, это смутное поэтическое чувство вдругъ проснулось съ новой силой и стало уже вполнѣ сознательнымъ. Едва въѣхавъ въ Пиренеи, Аврора была точно захвачена ихъ грозной красотой.

«Наконецъ мы въ Пиренеяхъ, — пишетъ она въ записной книжкѣ,—удивленіе и восхищеніе взволновали меня до того, что я задыхалась. Я всегда грезила о высокихъ горахъ. Объ *этихъ* у меня сохранилось какое-то смутное воспоминаніе, которое теперь оживаетъ и опредѣляется; но ни воспоминаніе, ни воображеніе не подготовили меня къ тому, что я испытываю... **).

«Я въ такомъ восторгѣ отъ Пиренеевъ, что всю мою жизнь буду только и мечтать, что о горахъ, пещерахъ и пропастяхъ»— пишетъ она матери 28 іюля изъ Баньера.

А въ «Histoire» она разсказываетъ, какъ она старалась выразить и запечатлѣть свой восторгъ передъ этой дивной природой—

---

*) Histoire de ma vie. Томъ IV, стр. 20.
**) Ibid. 11 стр.

не бумагѣ: «Я много описывала Пиренеи и во время, и послѣ этого путешествія. Мои первыя замѣтки, набросанныя въ записной книжкѣ, написаны довольно свѣжо, непосредственно... Но со мной случилось потомъ то же, что случается со многими начинающими писателями. Недовольная непринужденностью первоначальной формы, я принялась въ тетрадкахъ составлять описаніе путешествія, которое вышло очень тяжеловѣснымъ и напыщеннымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этой напыщенности я наивно добивалась, я это помню. По мѣрѣ того, какъ я удалялась отъ Пиренеевъ, я боялась какъ нибудь утерять тѣ живыя впечатлѣнія, которыя я тамъ получила, и искала словъ и фразъ, которыя закрѣпили бы эти впечатлѣнія, и не находила такихъ, какія казались бы мнѣ достойными предмета. Мое восхищеніе заднимъ числомъ было безгранично, и я сознательно была напыщена. Въ сущности я хорошо чувствовала, что не была въ состояніи удовлетвориться всѣми этими описаніями, потому что ничего не могла закончить, да у меня еще и не было охоты писать».

Впослѣдствіи, однако, всѣ эти наброски послужили для ея романовъ и особенно для «Лавиніи», дѣйствіе которой происходитъ именно въ Пиренеяхъ. Пиренеи навсегда остались дороги Аврорѣ Дюдеванъ, какъ Лермонтову Кавказъ и Пушкину Черное море, и можетъ быть потому особенно дороги, что здѣсь она впервые начала сознавать себя.

Съ дѣтства Аврора любила уединеніе, и потребность побыть наединѣ съ природой сказывалась въ ней съ дѣтства же. Теперь эта любовь къ уединенію среди природы окончательно высказалась и, начиная съ этого времени, втеченіе всей своей жизни Аврора ежегодно покидала свое постоянное мѣстожительство и на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ удалялась куда нибудь въ горы, на берегъ моря или просто въ какой нибудь неизвѣданный уголокъ внутри Франціи. Свобода и природа, верховыя поѣздки, опасныя восхожденія, лазанье по горамъ и ледникамъ, вольный горный воздухъ,—все это разомъ излечило Аврору отъ ея сплина и даже отъ ея болѣзни. И если холодность мужа еще огорчала ее, то она уже начинала относиться къ ней спокойно, а главное начинала понимать, что вина не ея, и если мужъ не умѣетъ цѣнить ее—то можетъ быть не стоитъ особенно и сокрушаться объ этомъ. Правда, она еще пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Господинъ *** съ увлеченіемъ предается охотѣ *). Онъ стрѣляетъ сернъ и орловъ, встаетъ въ 2 часа утра и возвращается

---

*) Что этотъ г. *** именно Дюдеванъ, явствуетъ изъ сопоставленія съ письмомъ Авроры къ матери (приведеннымъ нами выше): ...«Казиміръ отдыхаетъ въ экскурсіяхъ, о которыхъ я вамъ пишу, отъ тѣхъ, которыя онъ предпринялъ въ Котрэ безъ меня; онъ охотился на самыхъ высокихъ горахъ, онъ застрѣлилъ нѣсколько орловъ, бѣлыхъ куропатокъ и *изаровъ*, т. е. сернъ, шкуры которыхъ онъ вамъ покажетъ...»

лишь къ ночи. Жена его жалуется на это». Но тотчасъ же Аврора прибавляетъ: «Повидимому онъ не предвидитъ, что настанетъ время, когда она будетъ радоваться этому».

Или вотъ еще отрывокъ изъ дневника: «Госпожа X. сказала Эме, что я напрасно предпринимаю прогулки безъ моего мужа Я не вижу, почему это,—разъ онъ первый это дѣлаетъ, а я иду туда, куда онъ хочетъ». Далѣе Аврора уже явно насмѣшливо относится къ мелочности Казиміра и его вздорнымъ придиркамъ. Разсказывая о разныхъ поѣздкахъ, предпринятыхъ Дюдеванами изъ Люца (Luz) въ Сенъ-Соверъ, Гаварни, Марборе и т. д., и т. д. Аврора говоритъ между прочимъ: «...Объ опасности не думаетъ никто. Мой мужъ одинъ изъ самыхъ отважныхъ. Онъ всюду взбирается, а я слѣдую за нимъ. Онъ оборачивается и бранитъ меня. Онъ говоритъ, что я *оригинальничаю* (que je me *singularise*). Пусть меня повѣсятъ, если я думаю объ этомъ! Я оборачиваюсь и вижу, что Зоя за мною слѣдуетъ. Я ей говорю, что она *оригинальничаетъ*. Мой мужъ сердится, потому что Зоя смѣется. Но брызги водопадовъ отличное успокоительное и вблизи нихъ гнѣвъ скоро *отходитъ*»... *).

Пока это еще все не особенно мрачно или серьезно, но вотъ уже страница, надъ которой читатель невольно призадумается, такъ какъ несомнѣнно, что такого рода мысли не придутъ въ голову счастливой женѣ, едва черезъ три года послѣ свадьбы:

...«Въ истинной любви, о которой вѣдь позволительно мечтать, мужъ не очень охотно изобрѣталъ бы постоянныя и необходимыя отсутствія. А когда серьезныя занятія и непреложныя обязанности вызывали бы такую разлуку, то любовь, которую онъ испытывалъ бы и внушалъ бы, при возвращеніи становилась бы отъ этого лишь живѣе и понятнѣе. Мнѣ кажется, что разлука, которую выносишь противъ воли, должна лишь усиливать привязанность. Но когда одинъ изъ двухъ супруговъ со страстью ищетъ поводовъ къ отлучкамъ, — это большой урокъ философіи и смиренія для другого. Разумѣется, прекрасный урокъ—но охлаждающій!

«Бракъ прекрасная вещь для любовниковъ и для святыхъ.

«Кромѣ святыхъ и любовниковъ есть цѣлая толпа обыденныхъ душъ и спокойныхъ сердецъ, которыя не знаютъ любви и не могутъ достигнуть святости.

«Бракъ это высшая цѣль любви. Когда въ немъ уже нѣтъ и вовсе нѣтъ любви—остается самопожертвованіе. Отлично для тѣхъ, кто понимаетъ самопожертвованіе. Для этого предполагается столько сердечности и такая степень развитія, которыя не очень обыденны (qui'ne courrent pas les rues). Самопожертвованіе вознаграждается наградами, высоко-цѣнимыми ординарными умами: одобр-

*) «Histoire», т. IV, стр. 16.

ніе свѣта, рутинная сладость привычки (la douceur routinière de l'usage), маленькая благоразумная набожность, не доходящая до восторга, или деньги,—то есть игрушки, тряпки, роскошь,—и еще не знаю что! тысячи мелочей, которыя заставляютъ забывать объ отсутствіи счастья.

«Значитъ, все обстоитъ благополучно, ибо большинство—люди ординарные. Вѣдь это показываетъ недостатокъ ума и благоразумія, когда не удовлетворяешься вкусами толпы. (Очевидно, тутъ намекъ на выговоры Казиміра и на упреки его въ «отсутствіи ума и благоразумія»).

«Можетъ быть нѣтъ середины между силою великихъ душъ, приводящей ихъ къ святости, и удобнымъ отупѣніемъ мелкихъ душъ, которое доводитъ ихъ до безчувствія.

«Нѣтъ, середина имѣется: это отчаяніе. . . . . .

. . . . . .

«Но есть еще ребячество, хорошая, пріятная штука, которую надо сохранять, что бы тамъ ни говорили. Бѣгать, ѣздить верхомъ, смѣяться надъ всякимъ вздоромъ, не заботиться ни о здоровьи, ни о жизни. Эме меня часто бранитъ. Она не понимаетъ, къ чему развлекаться и забываться. «Забывать что?»—спрашиваетъ она.—Почемъ я знаю. Все забыть, забыть особенно, что живешь...» *).

Въ приведенномъ отрывкѣ слышится что-то весьма серьезное. Чувствуется словно то скрытое безпокойство, которое ощущается въ природѣ передъ грозою: воздухъ насыщенъ электричествомъ, вдали блестятъ уже зарницы, и вотъ-вотъ ударитъ громъ и разрушительная буря понесется надъ замершей въ ожиданіи землею.

И дѣйствительно, путешествіе въ Пиренеи оказалось знаменательною эпохой въ жизни Дюдевановъ. Втеченіе его Аврора окончательно убѣдилась въ равнодушіи и холодности къ ней мужа, но тогда же зародилась и ея первая сердечная привязанность. Она встрѣтила человѣка, который съумѣлъ понять и полюбить ее, и котораго и она полюбила всѣмъ сердцемъ. Это и былъ Орельенъ де Сезъ.

Это имя не названо ни въ одной изъ біографій Жоржъ Зандъ. Въ ея напечатанной корреспонденціи оно упоминается лишь дважды: въ письмѣ къ Карону отъ 1 октября 1829 г. (томъ I, стр. 76 «*Корреспонденціи Жоржъ Зандъ*») и въ письмѣ къ госпожѣ Сентъ-Аньянъ отъ 24 іюля 1830 г. («*Revue Encyclopédique*» 1 сентября 1903 г. «Lettres de George Sand»). Въ предыдущемъ письмѣ отъ 6-го іюля 1830 г. онъ названъ просто «*mon ami de Bordeaux*». Точно такъ же въ письмѣ отъ 4 іюня 1829 г. изъ Бордо къ Карону въ *Корреспонденціи* говорится: «nous avons ici *l'avocat général*». Выноска внизу гласитъ, что это «m-r Aurélien de Sèze». Въ «*Histoire de ma vie*» онъ ни разу не названъ, хотя, какъ читатель сейчасъ

*) Histoire, томъ IV, стр. 10—14.

увидитъ, тамъ о немъ много говорится. Біографы Жоржъ Зандъ о немъ или вовсе не знаютъ, или знаютъ довольно смутно, или, наконецъ, говорятъ очень таинственно. Такъ Ломени вскользь упоминаетъ о какой-то *«первой иллюзіи, показавшейся на мгновеніе во время поѣздки въ Пиренеи»*. Д'Оссонвиль *) тоже ограничивается лишь слѣдующими туманными намеками. Разсказывая о томъ, что Жоржъ Зандъ помѣстила въ Пиренеи мѣсто дѣйствія одной изъ прелестнѣйшихъ своихъ повѣстей, *Лавиніи*, онъ говоритъ: «но если она отыскала въ своихъ воспоминаніяхъ рамку и краски для картины, послужившей мѣстомъ дѣйствія Лавиніи, то языкъ, которымъ она заставляетъ говорить свою героиню, не былъ голосомъ ея собственнаго сердца въ то время. Въ ту эпоху она еще не могла бы написать то грустное и гордое письмо, которымъ Лавинія отвергаетъ предложеніе человѣка, котораго она нѣкогда любила, и въ которомъ она не скрываетъ сколькихъ сожалѣній и борьбы ей стоитъ этотъ отказъ... Тогда Аврора еще не проснулась: она переживала тогда первые и прекраснѣйшіе часы сновидѣнія» (стр. 286). На слѣдующей страницѣ д'Оссонвиль приводитъ маленькую выписку изъ «Histoire de ma vie» (о которой у насъ будетъ рѣчь ниже), опять не упоминая, къ кому она относится (стр. 287—288). Наконецъ на стр. 404 онъ говоритъ уже совсѣмъ вскользь: «она искала счастья вездѣ: въ *Пиренеяхъ*, въ Парижѣ, въ Венеціи, на Майоркѣ, въ Ноганѣ, вездѣ... и счастье вездѣ отъ нея улетало».

Всѣ остальные біографы или вовсе ничего не говорятъ, или еще болѣе туманны. И тѣмъ не менѣе эта любовь, оставшаяся всегда чистою и платоническою, окончательно опредѣлила дальнѣйшую судьбу Авроры, открыла ей глаза на цѣнность и смыслъ жизни, показала ей, какъ необходимо *пониманіе* любимаго человѣка, — она же показала ей, какою ужасной ошибкой былъ ея бракъ съ Дюдеваномъ и какъ невозможно платиться всею жизнью за эту одну ошибку.

Я не имѣю возможности разсказать читателю о завязкѣ и первоначальномъ ходѣ этого перваго романа въ жизни Жоржъ Зандъ. Но я могу сказать, что Аврора, любя Орельена всѣмъ сердцемъ и зная о его любви, съумѣла не только побѣдить свою страсть, но и его утѣшить и успокоить и даже заставила его поклясться ей—никогда не требовать отъ нея окончательнаго доказательства ея любви, уважать святость ея брака и остаться навсегда только друзьями. Это объясненіе произошло между молодыми людьми в время одной изъ экскурсій въ горы и именно тогда, когда, перед отъѣздомъ изъ Пиренеевъ, Дюдеваны предприняли изъ Баньер большую поѣздку къ знаменитымъ Лурдскимъ пещерамъ.

---

*) Vicomte d'Haussonville, авторъ *Etudes biographiques et littéraire George Sand*. Paris. Calman Lévy. 1879.

Въ письмѣ къ матери изъ Баньера отъ 28 іюля Аврора говоритъ: «вчера (27 іюля) мы ѣздили верхомъ за 6 лье, чтобы осмотрѣть Лурдскія пещеры. Въ Волчью пещеру мы вползли ползкомъ. Когда утомишься, взбираясь на верхъ, и доберешься до дыры въ футъ высотою, то я должна сознаться,—немножко падаешь духомъ. Я была съ моимъ мужемъ и *двумя молодыми людьми, съ которыми мы подружились въ Котрэ и которыхъ мы вновь встрѣтили въ Баньерѣ*, такъ же какъ и большую часть нашего пріятнаго и многочисленнаго бордосскаго общества...

....По выходѣ изъ Волчьей пещеры мы вошли въ такъ называемыя *las Espeluches*... Мы нашли, что входъ въ эти пещеры удивительный. Я была одна впереди *). Я съ восхищеніемъ увидѣла, что нахожусь подъ сводами великолѣпной залы, поддерживаемыми громадами скалъ, которыя можно было бы принять за готическія колонны, а предо мною лежала чудесная мѣстность: лазурный потокъ, ярко-зеленые луга, первая цѣпь горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, а на горизонтѣ вторая, нѣжно голубая и сливавшаяся съ небомъ; и весь этотъ прелестный видъ, съ высоты горы и сквозь черныя аркады скалъ, освѣщался заходящимъ солнцемъ; а сзади былъ мрачный выходъ въ пещеры. Я была въ восхищеніи»...

И вотъ тутъ-то, у «подножія Пиренеевъ въ Лурдской долинѣ, предъ лицомъ величественной природы, она простилась съ человѣкомъ великодушнымъ и достойнымъ ея, котораго она не могла запретить себѣ уважать и любить въ глубинѣ души» **). О томъ, что это *было* и что это произошло именно тутъ, разсказываетъ Мишель де Буржъ со словъ одного *неизданнаго письма Авроры Дюдеванъ къ мужу*. Въ этомъ длинномъ письмѣ (въ немъ слишкомъ 20 страницъ) она сначала разсказываетъ вкратцѣ исторію своихъ несогласій съ мужемъ, которыя объясняетъ слишкомъ большимъ несходствомъ натуръ, а затѣмъ правдиво и просто разсказываетъ о своей любви къ Орельену, о своей борьбѣ и побѣдѣ надъ собою и проситъ мужа помочь ей и поддержать ее. Впослѣдствіи, во время процесса, это письмо было сначала прочтено адвокатомъ Дюдевана ввидѣ отрывковъ. Но когда затѣмъ адвокатъ Авроры, Мишель де Буржъ, въ свою очередь и уже цѣликомъ, отъ доски

*) Я долженъ обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что всѣ 6 томовъ «Корреспонденціи» Жоржъ Зандъ напечатаны съ большими пропусками, сглаживаньями, замѣной фамильярныхъ выраженій болѣе литературными, с[illegible]мѣненіями *прилагательныхъ, мѣстоименій, обращеній и заключеній*, вообще с[illegible]многочисленными измѣненіями противъ подлиннаго текста писемъ, въ чемъ я [illegible]ѣдился, сличая письма въ ихъ напечатанномъ и ненапечатанномъ видѣ. В[illegible] этомъ письмѣ, очевидно это мѣсто надо читать: *мы*, — т. е. Аврора и О[illegible]льенъ. На слѣдующей страницѣ напечатано уже: «*наши* спутники *насъ* д[illegible]гали», а не «мои спутники меня догнали» и т. д. Значитъ и тутъ надо чи[illegible]: «*мы* были одни впереди...» и т. д.

**) Le *Droit*. №№ 240 и 242. Отчетъ о засѣданіяхъ Королевской Палаты в[illegible]уржѣ, 25 и 26 іюля 1836 г. Рѣчь Мишеля де Буржъ.

до доски прочелъ его, то это произвело на всѣхъ присутствующихъ впечатлѣніе просто невѣроятное. Необычайная душевная красота, сказывающаяся во всякомъ словѣ этого письма и переданная необыкновенно-прекраснымъ языкомъ, достойнымъ лучшихъ страницъ *Индіаны* и *Жака*, описанія Пиренеевъ, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и изумительныя по своей поэтичности и яркости, и трогательная правдивость каждаго слова,— сдѣлали то, что то оружіе, которое противники хотѣли употребить противъ Авроры, послужило лишь къ ея полной побѣдѣ. Намъ пришлось, говоря объ этомъ письмѣ, забѣжать немного впередъ, но такъ какъ письмо это относится именно къ 1825 году и поѣздкѣ въ Лурдъ, то мы должны были именно тутъ передать его содержаніе.

Возвратимся теперь къ описанію этого дня въ письмѣ къ матери: «Наши спутники подошли и мы вновь углубились въ изгибы узкаго и сырого лабиринта и увидѣли надъ своею головою великолѣпную залу, куда нашъ проводникъ и не думалъ насъ вести. Мы заставили его вести насъ во второй этажъ. Мои кавалеры разулись и полѣзли довольно ловко; я предприняла восхожденіе. Я безстрашно перешла по острому краю скользкаго мрамора, подъ которымъ была глубокая яма. Но когда надо было перескочить черезъ разсѣлину, которая казалась еще страшнѣе отъ мрака, и безъ всякой точки опоры ни для рукъ, ни для ногъ, скользя на каждомъ шагу,—я почувствовала, что моя отвага поколебалась. Я смѣялась, но должна сознаться, что трусила. Мой мужъ обвязалъ меня нѣсколькими шелковыми платками и, такимъ образомъ, поддерживалъ меня, пока другіе тянули меня за руки. Я не знаю, что происходило съ моими ногами въ эту минуту. Когда я была наверху и убѣдилась, что мои руки (которыя и до сихъ поръ болятъ), не оторваны,—то была вознаграждена тѣмъ восторгомъ, который испытала.

«Мы вернулись въ Лурдъ въ неподдающемся описанію грязномъ видѣ; мы съ мужемъ опять сѣли верхомъ и поѣхали въ Баньеръ, а наши молодые люди вернулись въ Бордо. Во все время десятиверстнаго пути насъ мочилъ проливной дождь, и мы вернулись сюда въ 10 ч. вечера, промокшіе до костей и умирающіе съ голоду. Мы только здоровѣе отъ этого сегодня».

Тонъ этого письма къ матери, довольно спокойный и почти веселый. Совсѣмъ иначе говоритъ Аврора объ этомъ же днѣ въ «Histoire de ma vie», гдѣ этотъ день описанъ со словъ дневника. Тутъ слышится что-то лихорадочное; тонъ какъ бы приподнятый, и читатель невольно чувствуетъ по одному этому тону, что съ этимъ днемъ связано что то особенное въ жизни Авроры:

«Входъ въ пещеры не привлекателенъ. Но многочасовая прогулка въ этомъ подземномъ мірѣ—истинное удовольствіе. Галлереи, то тѣсныя, душныя, то неизмѣримо-высокія при свѣтѣ фа-

келовъ; невидимые потоки, ревущіе въ нѣдрахъ земли, залы страннымъ образомъ висящія однѣ подъ другими; бездонные колодцы, т. е. пучины на днѣ недоступныхъ пропастей, гдѣ могучія волны съ яростью ударяютъ въ гудящія скалы; испуганныя летучія мыши; портики; своды; перекрещивающіяся тропинки; цѣлый фантастическій городъ, выкопанный и выстроенный тѣмъ, что добродушно называютъ капризомъ природы, т. е. ужасными судорогами вулканическаго образованія,—это было чудное путешествіе для воображенія, ужасное для тѣла, но мы объ этомъ не заботились. Мы всюду хотѣли проникнуть, все открыть. Мы точно сошли съ ума, и проводники угрожали насъ покинуть. Мы проходили по карнизамъ надъ пропастями, напоминавшими Дантовъ адъ, и была одна такая, куда мы вздумали спуститься...

«Мы вернулись ночью, подъ мелкимъ, частымъ дождемъ и при лунѣ, прятавшейся въ дымку. Мы были въ Баньерѣ въ 2 часа ночи. Я была болѣе возбуждена, чѣмъ утомлена, и во снѣ испытала феноменъ страха заднимъ числомъ. Въ пещерахъ я только смѣялась и храбрилась (je n'avais songé qu'à rire et à oser). Во снѣ подземный городъ явился мнѣ со всѣми своими ужасами. Онъ разрушался, онъ обрушивался на меня, я висѣла на веревкахъ длиною въ 1000 футъ, которыя вдругъ обрывались, и я падала внизъ, въ какой то другой городъ, еще болѣе загроможденный, и падала все ниже и блуждала въ тысячѣ ходовъ и переходовъ до самаго центра земли. Я просыпалась, облитая холоднымъ потомъ и, вновь засыпая, пускалась въ новыя странствованія, на встрѣчу новымъ видѣніямъ, еще болѣе лихорадочнымъ».

Еслибъ читатель ничего не зналъ о происшедшемъ въ Пиринеяхъ и еслибъ предъидущія строки еще недостаточно убѣдили его въ томъ, что съ путешествіемъ въ Лурдъ связаны какія то особенныя воспоминанія для Авроры, то тѣ слова, которыми она заключаетъ главу о Пиренеяхъ, не оставляютъ никакихъ сомнѣній:

«У меня не осталось никакихъ воспоминаній о путешествіи отъ Баньера до Нерака. *То же самое случалось всегда, когда я проѣзжала какую нибудь страну подъ гнетомъ какого нибудь душевнаго безпокойства, заботы: я ее не видѣла.* Пиренеи меня восхитили и опьянили, какъ сонъ, который втеченіе долгихъ лѣтъ долженъ былъ преслѣдовать и очаровывать меня. Я ихъ уносила съ собою и въ воображеніи день и ночь бродила по нимъ. Тамъ, среди этихъ восхитительныхъ и грандіозныхъ видовъ, которые съ быстро промелькнули мимо меня, находился мой фантастическій оазисъ; и эти картины оставались для меня такими же живыми и ясными, словно я все еще видѣла ихъ предъ собою со всѣми подробностями» *).

Дѣйствительно, въ Пиренеяхъ, а вѣрнѣе въ Бордо оставался

*) «Histoire» томъ IV, стр. 26.

«оазисъ», къ которому непрестанно направлялась мысль Авроры среди той умственной и нравственной пустыни, въ которой она чувствовала себя такъ одинокой. Втеченіе многихъ лѣтъ этотъ оазисъ—установившаяся экзальтированная дружба съ Орельеномъ де Сезъ,—поддерживала Аврору и освѣщала ей жизнь. Но сначала эта дружба подверглась нѣкоторому испытанію. Въ молодости и при взаимной пылкой любви очень трудно отказаться отъ счастья; несмотра на всѣ благія намѣренія, то одинъ, то другой изъ двухъ новыхъ *друзей* нѣтъ-нѣтъ да и нарушитъ какимъ нибудь неосторожнымъ, страстнымъ словомъ правила строгой дружбы. То же случилось и съ Авророй и Орельеномъ.

Изъ Гильери Дюдеваны опять пріѣзжали осенью на время въ Бордо. Молодые люди снова видѣлись и между ними, надо полагать, произошли бурныя сцены и объясненія, изъ которыхъ оба вышли съ честью, но которыя глубоко потрясли Аврору. Только преданная и нѣжная дружба Зои поддержала ее въ эти тяжелыя минуты. «Осенью мы съѣздили въ Бордо, и я съ мужемъ проѣхала до Бреды, гдѣ у семейства Зои была дача. *Тамъ у меня было сильнѣйшее горе*, отъ котораго эта безцѣнная подруга спасла меня своимъ краснорѣчіемъ, мужественнымъ и дружескимъ. Вліяніе, которое ея живой умъ и прямыя рѣчи имѣли на меня въ это время совершеннаго отчаянія, — это вліяніе сказывалось втеченіе многихъ лѣтъ моей жизни и помогло моему сознанію обрѣсти то равновѣсіе, къ которому я тщетно стремилась до сихъ поръ. Я вернулась въ Гильери разбитая отъ усталости, но спокойная, послѣ того, какъ подъ громадными дубами, насаженными Монтескье, я не разъ бродила, полная радостныхъ грезъ и восторженныхъ мыслей, въ которыхъ, сознаюсь, воспоминаніе о великомъ философѣ не играло никакой роли».

И вслѣдъ затѣмъ, лукаво играя словами, Жоржъ Зандъ прибавляетъ: «Et pourtant j'aurais pu faire ce jeu de mot que *l'Esprit des Lois* était entré d'une certaine façon et à certains égards dans ma nouvelle manière d'accepter la vie» *).

Очевидно, что это весьма прозрачный намекъ на Орельена де Сезъ—генеральнаго адвоката, юриста. И дѣйствительно, въ неизданномъ, уже упомянутомъ нами, письмѣ Авроры Дюдеванъ къ мужу отъ 8 ноября 1825 г. разсказывается о томъ, какъ Аврора ѣздила въ замокъ *de la Brède* — мѣсто рожденія Монтескье—въ многочисленной компаніи, среди которой находился и Орельенъ—и что тутъ между ними произошло окончательное объясненіе, послѣ котораго они примирились совершенно съ тѣмъ, что они будутъ только друзьями **).

Владиміръ Каренинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) «И всетаки я могла бы, играя словами, сказать, что *духъ законовъ* извѣстнымъ образомъ и въ извѣстномъ отношеніи проникъ въ мой новый способъ примиренія съ жизнью» («Histoire» т. IV, стр. 30—31).

**) Письмо это находится у виконта Спульберка.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ).

Гдѣ-то въ западномъ краѣ проживалъ еще не такъ давно нѣкто панъ Іосифъ Лозинскій. Надо думать, что панъ онъ былъ не изъ очень большихъ пановъ; по крайней мѣрѣ чуть не въ каждой крытой соломою хатѣ той деревни жило по такому же пану и даже звались они, какъ и Іосифъ — всѣ Лозинскими, вѣроятно отъ родной деревни, которая, отъ лозы, получила свое имя Лозищи. А чтобы различать другъ друга, то Лозинскіе къ фамиліямъ прибавляли еще прозвища: были Лозинскіе и птицы, и звѣри, одного звали даже Мазницей, одного Колесомъ,— однимъ словомъ, какая къ кому прилипнетъ кличка, съ такой на всю жизнь и остается. Были Лозищи когда-то „застѣнкомъ" и паны Лозинскіе когда-то были бѣлорусскіе шляхтичи и уніаты. Шляхетство они какъ-то давно запахали въ землю.

Какъ бы то ни было, хотя лозищане давно потеряли свои „документы" и „клейноты" и были причислены къ православному крестьянскому приходу, и хотя были они можетъ быть бѣднѣе всѣхъ сосѣдей,—но все-же память о лучшемъ прошломъ удержалась подъ соломеными стрѣхами и какъ-то незамѣтно переродилась въ надежду на лучшее будущее. Лозинскіе всѣ были грамотны, ходили чисто, держались гордо, не давая спуску ни католикамъ-полякамъ, ни православнымъ своимъ сосѣдямъ, и нигдѣ такъ хорошо не принимали заѣзжихъ людей и не ушали такъ внимательно разсказовъ о бѣломъ свѣтѣ, какъ Лозищахъ.

Такъ же вотъ жилось на родинѣ и Іосифу Лозинскому, озваніемъ Оглобля, — то есть жилось не важно. Былъ онъ нать, но дѣтей еще не было, и не разъ Лозинскій думалъ томъ, что когда дѣти будутъ, то и имъ придется такъ же хо, а то и похуже. Ну, а этого ему не хотѣлось. Извѣстное о: пока человѣкъ еще молодъ, а за спиной не кричитъ

дѣтвора,—тутъ-то еще и можно человѣку поискать, гдѣ это затерялась его доля на широкомъ свѣтѣ.

Не первый онъ былъ и не послѣдній изъ тѣхъ, кто, попрощавшись съ родными и сосѣдями, взяли, какъ говорится, ноги за-поясъ и пошли „въ свѣтъ за-очи", искать, работать, биться съ лихой нуждой и ѣсть горькій хлѣбъ изъ чужихъ печей на чужбинѣ. Не мало уходило такихъ неспокойныхъ людей и изъ Лозищей, уходили и въ одиночку, и парами, а разъ даже цѣлымъ гуртомъ пошли за хитрымъ агентомъ-нѣмцемъ, пробравшись ночью черезъ границу. Только все это дѣло кончалось или ничѣмъ, или еще хуже. Кто возвращался ободранный и голодный по этапу, а кто пропадалъ безъ вѣсти, затерявшись гдѣ-то въ огромномъ Божьемъ свѣтѣ, какъ маленькая булавка на проѣзжемъ шляху.

Лозинскій Іосифъ былъ, кажется, еще первый, который не пропалъ и отыскался. Человѣкъ видно былъ съ головой, не изъ тѣхъ, что пропадаютъ, а изъ тѣхъ, что еще другихъ выводятъ на дорогу. Какъ бы то ни было,—черезъ годъ или два, а можетъ и много больше, пришло въ Лозищи письмо, съ большою рыжею маркой, какой до того времени еще и не видывали въ той сторонѣ. Не мало дивились письму, читали его и перечитывали въ волости и писаря, и учитель, и священникъ, и много людей позначительнѣе, кому было любопытно, а, наконецъ, всетаки призвали Лозинскую Іосифову и отдали ей письмо въ разорванномъ конвертѣ, на которомъ совершенно ясно было написано ея имя: Аннѣ Лозинской, женѣ Лозинскаго Іосифа Оглобли, въ Лозищахъ.

Письмо было отъ ея мужа, изъ Америки, изъ губерніи Миннесота, а какого уѣзда и села, такъ теперь сказать очень трудно, потому что... Впрочемъ это будетъ видно дальше.

Въ письмѣ было написано, что Лозинскій, слава Богу, живъ и здоровъ, работаетъ „на фармѣ" и если Богъ поможетъ ему такъ же, какъ помогалъ до сихъ поръ, то надѣется скоро и самъ стать хозяиномъ. А впрочемъ и работникомъ тамъ ему лучше, чѣмъ иному хозяину въ Лозищахъ. Сторона богатѣйшая, коровы даютъ молока по ведру на удой, а лошади—чистые быки. Человѣка съ головой и руками уважаютъ и цѣнятъ, и вотъ даже его, Лозинскаго Іосифа, спрашивали недавно, кого онъ желаетъ выбрать въ главные президенты надъ всею страной. И онъ, Лозинскій, подавалъ свой голосъ не хуже людей, и хоть, правду сказать, сдѣлалось не такъ, какъ они хотѣли со своимъ хозяиномъ, а всетаки ему понравилось и то, что человѣка спросили. Однимъ словомъ, все бы хорошо, только Лозинскому очень скучно безъ жены, и потому онъ старался работать какъ только можно, и первыя деньги отдалъ за *тикетъ*, который и посылаетъ ей въ этомъ письмѣ. А что такое *ти-*

кетъ, такъ это вотъ эта самая синяя бумажка. На ней нарисованъ паровозъ съ вагонами и пароходъ. Это значитъ, что по этому тикету Лозинскую повезутъ теперь даромъ и по землѣ, и по водѣ, — стоитъ ей только доѣхать до нѣмецкаго города Гамбурга. А на это пусть продастъ избу, корову и имущество.

Пока Лозинская читала письмо,—люди глядѣли на нее и говорили между собой, что вотъ въ какой пустой бумажкѣ какая можетъ быть великая сила, что человѣка повезутъ на край свѣта и нигдѣ уже не спросятъ плату. Ну, разумѣется, всѣ понимали приэтомъ, что такая бумажка должна была стоить Іосифу Лозинскому не мало денегъ. А это, конечно, значитъ, что Лозинскій ушелъ въ свѣтъ не напрасно и что въ свѣтѣ можно таки розыскать свою долю...

И всякій подумалъ про себя: а хорошо бы и мнѣ... Писарь и тотъ вѣдь не сразу отдалъ Лозинской письмо и тикетъ, а держалъ у себя цѣлую недѣлю и думалъ: баба глупая, а съ такой бумагой и кто нибудь поумнѣе могъ бы побывать въ Америкѣ и поискать тамъ своего счастія... Но на билетѣ было совершенно ясно, хоть и не по нашему написано: mistriss Anna Ioseph Losinsky-Ohlobla. Іосифъ Лозинскій и Оглобля,— это бы конечно еще ничего, но Анна это уже было ясно, что женщина, да и mistriss тоже, пожалуй, обозначаетъ бабу. Однимъ словомъ, хотя и въ послѣднюю минуту писарь все еще какъ-то вздыхалъ и непріятно косился, вынимая изъ стола тикетъ, который у него былъ припрятанъ особо, — но всетаки отдалъ. Лозинская взяла его, сѣла на лавку и залилась слезами.

Разумѣется, она была рада письму, да вѣдь и отъ радости тоже плачутъ. Притомъ — всетаки приходилось покинуть и родную деревню, и родныхъ, и сосѣдей. Затѣмъ, нужно сказать, что Лозинская была баба молодая и, какъ говорится, гладкая. Безъ мужа мало ли бѣды,—не видѣла проходу хотя бы и отъ этого самаго писаря, а на духу приходилось признаваться, что и „врагъ“ не оставлялъ ее въ покоѣ. Нѣтъ-нѣтъ, да и зашепчетъ кто-то на ухо, что Іосифъ Лозинскій далеко, что еще никто изъ такихъ далекихъ странъ въ Лозищи не возвращался, что можетъ вороны растаскали уже и мужнины косточки въ далекой пустынѣ, а она тутъ тратитъ напрасно молодыя лѣта—ни дѣвкой, ни вдовой, ни мужниной женой. Правда, что Лозинская была женщина разумная, какъ это говорится, „дьяволу твердый орѣхъ“, и соблазнить ее было не легко, но какъ у нея было тяжело на душѣ,—это оказалось при полученіи письма: сразу подкатили подъ сердце и настоящая радость, и прежнее горе, и всѣ грѣшныя молодыя мысли, и всѣ безсонныя ночи, съ горячими думами. Однимъ словомъ упала Лозинская въ обморокъ и пришлось тутъ ея родному брату Матвѣю Лозинскому Цышлу нести ее на рукахъ въ ея хату.

II.

Скоро пошелъ по деревнѣ говоръ: Лозинскій сталъ въ Америкѣ страшнымъ богачомъ и такимъ важнымъ человѣкомъ, что даже назначаетъ президента. И стала тотчасъ молодежь собираться за Лозинскимъ. Стали молодые люди почасту и подолгу гостить въ корчмѣ,—пьютъ пиво и медъ, курятъ трубки, засиживаются далеко за полночь, шумятъ, спорятъ и хвастаютъ. Кто бы послушалъ эти толки,—то подумалъ бы, что уже не останется въ Лозищахъ ни одного молодого человѣка къ филиповкамъ. Всѣ ѣдутъ, всѣ разживутся, а потомъ, говорятъ, станемъ изъ Лозищъ дѣвушекъ выписывать и поставимъ въ Америкѣ новые Лозищи. А Америка, говорятъ, сторона хорошая. Если уже Лозинскаго спрашивали, кого онъ хочетъ въ президенты, то чего не надѣлаютъ тамъ другіе, получше Лозинскаго. Ого-го!

Ну, да вѣдь мало ли кто что говоритъ. Поговорили, погорячились и бросили. И можетъ уже забыли, и тянутъ свою лямку, какъ волъ въ бороздѣ,—а можетъ говорятъ и до сихъ поръ, все на томъ же мѣстѣ. А всетаки отыскалось тутъ два человѣка изъ такихъ, что не любятъ много говорить, пока не сдѣлаютъ. Подумали, раскинули умомъ промежъ себя и принялись тихонько продавать хаты и землю. Продавать-то было, правду сказать, немного,—и когда все это дѣло покончили, тогда и говорятъ: ѣдемъ и мы съ Іосифовою Лозихою, чтобы ей одной не было страшно.

Одинъ ей приходился близкимъ человѣкомъ: это былъ ея братъ Матвѣй Дышло, человѣкъ огромнаго роста, въ плечахъ сажень, руки какъ грабли, голова бѣлокурая, курчавая, величиною съ добрый котелъ, настоящій медвѣдь изъ пущи. А глаза и сердце—какъ у ребенка. Жены у него еще не было, изба была плохая, а земли столько, что если лечь такому огромному человѣку поперекъ полосы, то ноги уже будутъ на чужой землѣ. Говорилъ мало, смѣялся рѣдко и что то думалъ все про себя, стыдливо и печально. Никогда его въ деревнѣ умнымъ не считали и часто таки парни издѣвались надъ нимъ, можетъ быть потому, что онъ, несмотря на свою силу, дрался очень рѣдко...

Былъ у него пріятель,—Иванъ Лозинскій Дыма, человѣкъ небольшого роста, небогатый, но зато веселый, разговорчивый и острый. Дыма былъ сухощавъ, подвиженъ, волосы у него торчали щетиной, глаза блестѣли, языкъ имѣлъ быстрый и находчивый, усы носилъ длинные, книзу. Никто его дуракомъ не считалъ, и онъ никому не давалъ спуску; но если кого задѣнетъ словомъ, то бывало все уже старается держаться поближе

къ Матвѣю, потому что на руку былъ не силенъ и въ дракѣ ни съ кѣмъ устоять не могъ.

Когда узнали въ Лозищахъ, что и эти двое собрались въ Америку,—то какъ то всѣмъ это стало непріятно.

— Да гдѣ же тебѣ Матвѣй, — говорятъ, — въ такую даль забираться. Ты глупъ, а Иванъ слабъ, да васъ тамъ гуси затопчутъ.

А Матвѣй отвѣчаетъ:

— Будетъ, что Богъ дастъ. А я отъ сестры да отъ Дымы не отстану.

Вотъ и поѣхали наши трое въ дальнюю дорогу... Не стоитъ, пожалуй, описывать, какъ они переѣхали черезъ границу и проѣхали черезъ нѣмецкую землю, потому что это не такъ ужъ трудно. Къ тому же въ Пруссіи не мало встрѣчалось и своихъ людей, которые могли указать, какъ и что надо дѣлать дорогой. Довольно будетъ сказать, что пріѣхали они въ Гамбургъ и, взявши свои пожитки, отправились, не долго думая, къ рѣкѣ на пристань, чтобы тамъ узнать, когда слѣдуетъ ѣхать дальше.

А Гамбургъ, нѣмецкій городъ, стоитъ на большой рѣкѣ, не очень далеко отъ моря, и оттуда ходятъ корабли во всѣ стороны. Вотъ видятъ наши лозищане въ одномъ мѣстѣ, на берегу,—народу видимо-невидимо, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, торопятся и толкаются такъ, какъ будто человѣкъ какое-нибудь бревно на проѣзжей дорогѣ. А съ берега, отъ пристани два пароходика все возятъ народъ на корабль, потому что корабли, которые ходятъ по океану,—стоятъ на серединѣ поодаль, на самомъ глубокомъ мѣстѣ. Видятъ лозищане, что одинъ корабль дымится, а къ нему то и дѣло пристаютъ пароходы. Выкинутъ въ него народъ, сундуки, узлы и чемоданы—и тотчасъ-же опять къ пристани и опять нагружаются и везутъ снова.

Вотъ Иванъ Дыма, разсмотрѣвши все хорошенько, догадался первый:

— А знаете, говоритъ, что я вамъ скажу: это должно быть корабль въ Америку, потому что очень великъ. Вотъ мы и попали какъ разъ. Давай, Матвѣй, пробиваться впередъ.

Поставили они женщину съ тикетомъ впереди, и пошли и талкивать ее между народомъ. Дошли до самаго края пристани, а тамъ ужъ видно послѣднюю партію принимаютъ. Боже мой, Боже, что только творится на этой пристани: и плачутъ, и кричатъ, и смѣются, и обнимаются, и ругаются, и машутъ платками. И рѣдкое лицо не взволновано, и на чужихъ глазахъ не сверкаютъ прощальныя слезы... И все кругомъ,—чужой языкъ звучитъ, незнакомая рѣчь хлещетъ въ уши, непонятная и дикая, какъ волна, что брызжетъ пѣной

подъ ногами. Закружились у нашихъ лозищанъ головы, забились сердца,—глаза такъ и впились впередъ, чтобы какъ-нибудь не отстать отъ другихъ, чтобы какъ-нибудь ихъ не оставили на этой землѣ, въ этой старой Европѣ, гдѣ они родились и прожили пол-жизни...

Матвѣю Лозинскому не трудно было пробить всѣмъ дорогу и черезъ двѣ минуты Лозинская стояла уже со своимъ сундукомъ у самаго мостика и въ рукахъ держала тикетъ. А пароходикъ уже свистнулъ два раза, жалобно и тонко, и черный дымъ пыхнулъ изъ его трубы въ сырой воздухъ,—видно, что сейчасъ уходить хочетъ, а пока лозищане оглядывались,—раздался и третій свистокъ и что-то заклокотало подъ ногами такъ сильно, что наши даже вздрогнули и невольно подались назадъ. А въ это время, какой-то огромный нѣмецъ, съ выпученными глазами и весь въ поту, суетившійся всѣхъ больше на пристани,—увидѣлъ Лозинскую, выхватилъ у нея тикетъ, посмотрѣлъ, сунулъ ей въ руку,—и не успѣли лозищане оглянуться, какъ уже и женщина, и ея небольшой узелъ очутились на пароходикѣ. А въ это время два другіе матроса сразу двинули мостки, сшибли съ ногъ Дыму, отодвинули Матвѣя—и выволокли мостки на пристань. Кинулись наши лозищане къ высокому нѣмцу.

— А побойся ты Бога, человѣче!—кричитъ ему Дыма.—Да это-же наша родная сестра, мы хотимъ ѣхать вмѣстѣ.

Дыма, конечно, схитрилъ, называя и себя роднымъ братомъ Лозинской, да какая ужъ тутъ къ чорту хитрость, когда нѣмецъ ни слова не понимаетъ. А тутъ пароходикъ отваливаетъ, а съ парохода Лозинская такъ разливается, что даже изо-всѣхъ нѣмецкихъ голосовъ ея голосъ слышенъ. Завернули лозищане полы, вытащили, что было денегъ, положили на руки, и пошелъ Матвѣй опять локтями работать. Стали опять впереди, откуда еще можно было вскочить на пароходъ—и показываютъ нѣмцу деньги, чтобы онъ не думалъ, что они намѣрены втроемъ ѣхать по одному бабьему билету. Дыма такъ даже отобралъ небольшую монетку и тихонько сунулъ ее въ руку нѣмцу. Сунулъ и самъ же зажалъ ему руку, чтобы монета не вывалилась, — и показываетъ ему на пароходикъ и на женщину, которая въ это время уже начала терять голосъ отъ испуга и плача...

Куда тутъ! Нѣмецъ, положимъ, монету не бросилъ и даже сказалъ что-то довольно привѣтливо, но когда наши друзья отступили на шагъ, чтобы получше разбѣжаться и вскочить на пароходикъ,—нѣмецъ мигнулъ двумъ матросамъ, а тѣ видно были люди привычные: сразу такъ принялись за обоихъ лозищанъ, что нечего было и думать о скачкѣ.

— Матвѣй, Матвѣй,—закричалъ было Дыма,—а ну-ка по-

пробуй съ ними по своему,—но въ это время оба отлетѣли, и Дыма упалъ, задравши ноги кверху.

Когда онъ поднялся,—пароходикъ уже скользилъ, поворачиваясь, вдоль пристани. Показались кожухи, заворочались колеса, обдавая пристань мутными брызгами, хвостъ дыма задѣлъ по лицамъ густо-столпившуюся публику, потомъ мелькнуло заплаканное лицо испуганной Лозинской, и еще черезъ минуту—между пристанью и пароходомъ залегла бурливая и мутная полоса воды въ двѣ-три сажени. Колеса ударили дружнѣе, и полоса растянулась въ десять, двадцать сажень,—а пароходикъ сталъ уменьшаться, убѣгая среди мглистаго воздуха по мутной рѣкѣ...

Лозищане глядѣли, разинувши рты, какъ онъ присталъ къ огромному кораблю, какъ что-то протянулось съ него на корабль, точно тонкая жердочка, по которой, какъ муравьи, поползли кверху люди и вещи. А тамъ и самый корабль дохнулъ чернымъ дымомъ, загудѣлъ глубокимъ и гулкимъ голосомъ, какъ быкъ въ стадѣ коровъ,—и тихо двинулся по рѣкѣ, между мелкими судами, стоявшими по сторонамъ или быстро сторонившимися съ дороги.

Лозищане чуть не заплакали, провожая глазами эту громаду, увезшую у нихъ изъ-подъ носа бѣдную женщину въ далекую Америку.

Народъ сталъ расходиться, а высокій нѣмецъ снялъ свою круглую шляпу, вытеръ платкомъ потное лицо, подошелъ къ лозищанамъ и ухмыльнулся, протягивая Матвѣю Дышлу свою лапу. Человѣкъ, видно, былъ не изъ дурныхъ: какъ не стало на пристани толкотни и давки, онъ оставилъ свои манеры и видно захотѣлъ поблагодарить лозищанъ за подарокъ.

— Вотъ видишь,—говоритъ ему Дыма.—Теперь вотъ кланяешься, какъ добрый, а самъ подумай, что ты съ нами надѣлалъ. Родная сестра уѣхала одна. Поди ты къ чорту!

А въ это время корабль уже выбрался далеко, подымилъ еще, все меньше, все дальше, а тамъ не то, что Лозинскую, и его уже трудно стало различать межъ другими судами, да еще въ туманѣ. Защекотало что-то у обоихъ въ горлѣ.

— Собака ты, собака!—говоритъ нѣмцу Матвѣй Дышло.

— Да! говори ты ему, когда онъ не понимаетъ,—съ досадой перебилъ Дыма.—Вотъ если-бы, вмѣсто этого, ты бы тогда го во-время двинулъ въ ухо, когда я тебѣ говорилъ, то можетъ, такъ или иначе, мы были бы теперь на пароходѣ. А жъ оттуда все равно бы не прогнали.

— Кто знаетъ,—отвѣтилъ Матвѣй.—Правду тебѣ сказать,—хоть оно въ ухо двинуть человѣка и не долго, а только е видалъ я въ своей жизни, чтобы отъ этого выходило чтобудь хорошее. Что нибудь и мы тутъ не такъ сдѣлали, вѣрь

моему слову. Ты-бы долженъ догадаться, потому что считаешься умнымъ человѣкомъ.

Какъ это бываетъ часто,—пріятели старались свалить вину другъ на друга. Дыма говоритъ: надо было помочь кулакомъ, Матвѣй—винитъ голову Дымы. А нѣмецъ стоитъ и дружелюбно киваетъ обоимъ...

III.

Потомъ нѣмецъ вынулъ монету, которую ему Дыма сунулъ въ руку, и показываетъ лозищанамъ. Видно, что у этого человѣка всетаки была совѣсть: не захотѣлъ напрасно денегъ взять, щелкнулъ себя пальцемъ по галстуку и говоритъ «шнапсъ», а самъ рукой на кабачокъ показалъ. «Шнапсъ», это уже на всѣхъ языкахъ понятно, что значитъ. Дыма посмотрѣлъ на Матвѣя, Матвѣй посмотрѣлъ на Дыму и говоритъ:

— А чтожъ теперь дѣлать. Конечно, надо идти. Пѣшкомъ по водѣ не побѣжишь, а отъ этого всетаки можетъ хоть что нибудь доберемся...

Пошли. А въ кабакѣ стоитъ старый человѣкъ, съ сѣдыми, какъ щетина, волосами, да и лицо тоже въ щетинѣ. Видно сразу, какъ ни брѣется, а борода всетаки изъ-подъ кожи лѣзетъ, какъ отава послѣ хорошаго дождя. Какъ увидѣли наши пріятели такого шероховатаго человѣка, посреди гладкихъ и аккуратныхъ нѣмцевъ, и показалось имъ въ немъ что то знакомое. Дыма говоритъ тихонько: это, должно быть, могилевскій или изъ Пущи.

Такъ и вышло. Поговоривши съ нѣмцемъ, кабатчикъ принесъ четыре кружки съ пивомъ (четвертую для себя) и сталъ разговаривать. Обругалъ лозищанъ дураками и объяснилъ, что они сами виноваты. Надо было зайти за уголъ, гдѣ надъ дверью написано «Billetenkasse». Billeten, — это уже и дураку понятно, что значитъ билетъ. «А вы, говоритъ, лѣзете какъ стадо въ городьбу, не умѣя отворить калитки».

Матвѣй опустилъ голову и подумалъ про себя: «правду говоритъ: безъ языка человѣкъ какъ слѣпой или малый ребенокъ». А Дыма, хоть можетъ быть думалъ то же самое, но такъ какъ былъ человѣкъ съ амбиціей, то стукнулъ кружкой по столу и говоритъ:

— Долго ли ты будешь ругаться, старый! Лучше принеси еще по кружкѣ и скажи, какъ намъ теперь быть.

Всѣмъ это понравилось,—увидѣли, что человѣкъ съ самолюбіемъ и находчивый. Нѣмецъ потрепалъ Дыму по плечу, а хозяинъ принесъ четыре кружки на подносѣ.

— Ну, какъ же намъ ее догонять? — спрашиваетъ Дыма.

— Бѣги за ней, можетъ догонишь, — отвѣчаетъ кабатчикъ.—Ты думаешь, на морѣ, какъ въ полѣ, на телѣгѣ. Теперь,—говоритъ,—вамъ надо ждать еще недѣлю, когда пойдетъ другой эмигрантскій корабль, а если хотите, то заплатите подороже: завтра идетъ большой пароходъ и въ третьемъ классѣ отправляется не мало народу изъ Швеціи и Даніи наниматься въ Америкѣ въ прислуги. Потому что, слышно, американцы народъ свободный и гордый и прислугу изъ нихъ найти трудно. Молодыя датчанки и шведки, говорятъ, въ годъ-два зарабатываютъ хорошее приданое.

Дыма говоритъ,—пожалуй, дорого.—А Матвѣй отвѣчаетъ,—побойся ты Бога! Вѣдь женщину нельзя заставлять ждать цѣлую недѣлю. Вѣдь она тамъ изойдетъ слезами.—Сказать правду, Лозинскому представлялось тогда, что въ Америкѣ, на пристани, вотъ такъ же, какъ въ селѣ у перевоза, сестра будетъ сидѣть на берегу съ узелочкомъ и смотрѣть на море и плакать...

Переночевали у земляка, на утро онъ сдалъ лозищанъ молодому шведу, тотъ свелъ ихъ на пристань, купилъ билеты, посадилъ на пароходъ и въ полдень поплыли наши Лозинскіе — Дыма и Дышло догонять Лозинскую Оглоблю...

IV.

Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро подымается изъ моря съ другой. Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты, потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь сбоку на бокъ, - какъ клочки бѣлой бумаги,—отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули навѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ глазами и вздыхаетъ. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой — бѣдныя соломенныя хаты. И кажется, вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ,—родной и знакомой.

А море глухо бьетъ въ борты корабля, и волны, какъ горы, поднимаются и падаютъ, съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ. Корабль клонитъ-клонитъ, вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣньемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ, а корабль все идетъ и идетъ; надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи или гроза бушуетъ и реветъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...

Матвѣй Дышло говорилъ всегда мало, но часто думалъ про себя такое, что никакъ не могъ бы разсказать словами. И никогда еще въ его головѣ не было столько мыслей, смутныхъ и неясныхъ, какъ эти облака и эти волны, — и такихъ же глубокихъ и непонятныхъ, какъ это море. Мысли эти рождались и падали въ его головѣ, и онъ не могъ бы, да и не старался ихъ вспомнить, но чувствовалъ ясно, что отъ этихъ мыслей что то колышется и волнуется въ самой глубинѣ его души, и онъ не могъ бы сказать, что это такое...

Къ вечеру океанъ подергивался темнотой, небо угасало, а верхушки волны загорались какимъ то особеннымъ свѣтомъ... Матвѣй Дышло замѣтилъ прежде всего, что волна, отбѣгавшая отъ остраго корабельнаго носа, что то слишкомъ бѣла въ темнотѣ, павшей давно на небо и на море. Онъ нагнулся книзу, поглядѣлъ въ глубину и замеръ...

Вода около корабля свѣтилась, въ водѣ тихо ходили блѣдные огни, вспыхивая, угасая, выплывая на поверхность, уходя опять въ таинственную и страшную глубь... И казалось Матвѣю, что онъ понялъ теперь все: и ходъ корабля, и жалобный гулъ и грохотъ волны, и движеніе океана, и таинственное молчаніе неба. Онъ глядѣлъ въ глубину и ему казалось, что на него тоже кто то глядитъ оттуда. Кто то неизвѣстный, кто то удивленный, кто то испуганный и недовольный... Отъ вѣка вѣковъ море идетъ своимъ ходомъ, отъ вѣка встаютъ и падаютъ волны, отъ вѣка поетъ море свою собственную пѣсню, непонятную человѣческому уху, и отъ вѣка—въ глубинѣ идетъ своя собственная жизнь, которой мы не знаемъ. И вотъ, теперь въ эту вѣковѣчную гармонію, въ это живое движеніе вмѣшался дерзкій и правильный ходъ корабля... И пѣсня моря дрогнула и измѣнилась, и волны разрѣзаны и сбиты, и кто то въ глубинѣ со страхомъ прислушивается къ этому ходу непонятнаго чудовища, изъ другого непонятнаго міра Конечно, Лозинскій не могъ же вамъ разсказать все это такими словами, но онъ чувствовалъ испугъ передъ тайной морской глубины. И казалось Лозинскому, что вотъ онъ смотритъ со страхомъ сверху, а на него съ такимъ же ужасомъ кто то смотритъ снизу. Смотритъ и сердится, и посылаетъ своихъ посланцевъ съ огнями, которые выплываютъ наверхъ и ходятъ взадъ и впередъ, и изслѣдуютъ что то и о чемъ то тихо совѣтуются другъ съ другомъ и всетаки печально уходятъ въ безвѣстную пучину, — ничего не понимая... А корабль все бѣжитъ неудержимымъ бѣгомъ къ своей собственной цѣли...

И много въ эти часы думалъ Матвѣй Лозинскій, — жаль только, что всѣ эти мысли подымались и падали, какъ волны, не оставляя замѣтнаго слѣда, не застывая въ готовомъ словѣ, вспыхивали и гасли, какъ морскіе огни въ глубинѣ... А впро-

чемъ, онъ говорилъ послѣ и самъ, что никогда не забудетъ моря.—Человѣкъ много думаетъ на морѣ разнаго,—сказалъ онъ мнѣ,—разное думаетъ о себѣ и о Богѣ, о землѣ и о небѣ... Разное думается человѣку на океанѣ — о жизни, мой господинъ, и о смерти... И по глазамъ его было видно, что какой то огонекъ хочетъ выбиться на поверхность изъ безвѣстной глубины этой простой и темной души... Значитъ, что то все-таки оставалось отъ моря въ этой душѣ.

Да, навѣрное оставалось. Душа у него колыхалась, какъ море, и въ сердцѣ ходили чувства, какъ волны. И порой слеза подступала къ глазамъ, и порой — смѣшно сказать—ему, здоровенному и тяжелому человѣку, хотѣлось кинуться и летѣть, летѣть, какъ эти чайки, что опять стали появляться уже отъ американской стороны... Летѣть куда то вдаль, гдѣ угасаетъ заря, гдѣ живутъ добрые и счастливые люди...

Послѣ Лозинскій самъ признавался мнѣ, что у него въ то время были такія мысли, какія никогда не заходили въ голову ни въ Лозищахъ, когда онъ шелъ за сохой, ни на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ, ни даже въ церкви. Тамъ все были обыкновенныя мысли, какія и должны быть въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. А въ океанѣ мысли были все особенныя и необычныя. Онѣ подымались откуда-то, какъ эти морскіе огни, и онъ старался присмотрѣться къ нимъ поближе, какъ къ этимъ огнямъ... Но это не удавалось. Пока онъ не слѣдилъ за ними, онѣ плыли одна за другой, вспыхивали и гасли, лаская душу и сердце. А какъ только онъ начиналъ ихъ ловить и хотѣлъ ихъ разсказать себѣ словами, — онѣ убѣгали, а голова начинала болѣть и кружиться.

Разумѣется, все оттого, что было много досуга, а передъ глазами ходилъ океанъ и колыхался, и гремѣлъ, и сверкалъ, и угасалъ, и свѣтился...

На третій день пути, выйдя на палубу, онъ увидѣлъ впереди корабль. Сначала ему показалось, что это маленькій игрушечный кораблик запутался между снастями того парохода, на которомъ они сами плыли. Но это оттого, что прозрачный и ясный воздухъ приближалъ все, а кругомъ, кромѣ воды, ничего не было. Парусный корабль качался и росъ, и когда поровнялся съ ними, то Лозинскій увидѣлъ на немъ веселыхъ людей, которые смѣялись и кланялись, и плыли себѣ дальше, какъ будто имъ не о чемъ думать и заботиться, и жизнь ихъ будто всегда идетъ такъ же весело, какъ ихъ корабль по волнамъ при попутномъ вѣтрѣ... А въ другой разъ въ сильную качку, когда на носу ихъ парохода стояла цѣлая туча брызговъ, онъ опять смотрѣлъ, какъ такой же кораблик, весь наклонившись на бокъ, летѣлъ, какъ птица. Волны вставали и падали, какъ горы, и порой съ замираніемъ сердца

Лозинскій и другіе пассажиры смотрѣли и не видѣли больше смѣлаго суденышка. Но оно опять вылетало на вершину и опять его парусъ касался пѣны, будто крыло чайки,—и онъ колыхался и шелъ, шелъ и колыхался... И Лозинскій думалъ про себя, что это должно быть уже американцы. Смѣлые люди!..

Послѣ этого мысли опять подымались, какъ искорки, изъ глубины, и, придя къ Дымѣ,—Лозинскій спросилъ:

— Послушай, не знаешь ли ты всетаки, что это у нихъ тамъ за свобода?

Но Дыма отвѣтилъ сердито:

— Убирайся ты... Поищи себѣ паралича, чтобъ тебя разбило въ дребезги яснымъ громомъ.

Это оттого, что бѣдному Дымѣ въ эту минуту былъ не милъ бѣлый свѣтъ. Потому что, когда корабль раскачивало то направо и налѣво, то отъ кормы къ носу, то опять отъ носа къ кормѣ, тогда небо казалось вотъ-вотъ опрокинется на море, а то опять море все разомъ лѣзло высоко къ небу... Отъ этого у бѣднаго Дымы страшно кружилась голова, что то тосковало подъ ложечкой, и онъ все подходилъ къ борту корабля и висѣлъ книзу головой, точно тряпка. Бѣднаго Дыму тошнило и онъ кричалъ, что это проклятое море вывернетъ его наизнанку... Сначала Матвѣй очень дивился тому, что у Дымы такой слабый характеръ, и даже стыдилъ его. Но потомъ увидѣлъ, что и много почтенныхъ людей и даже датскихъ и голландскихъ барышень, которыя плыли наниматься въ Америкѣ въ кухарки,—дѣлали то же самое. Тогда Матвѣй понялъ, что это на океанѣ обыкновенное дѣло. Ему ничего, только иногда становилось какъ то непріятно, а Дыма—человѣкъ нервозный,—проклиналъ себя и Лозинскую, и Матвѣя, и корабль... И даже, кажется, порой готовъ былъ кощунствовать... Но только сдерживался, потому что на морѣ оно какъ то не такъ легко, какъ иной разъ на землѣ...

А всетаки мысль о свободѣ сидѣла въ головѣ у Лозинскаго. И еще на берегу, когда они разговаривали съ лохматымъ могилевцемъ-кабатчикомъ, — тогда самъ Дыма спросилъ у него первый:

— А что это, скажите на милость... Какая это у нихъ, люди говорятъ, свобода?

— А, рвутъ другъ другу горла,—вотъ и свобода,—сердит отвѣтилъ кабатчикъ, — а впрочемъ,—прибавилъ онъ, допива свое пиво изъ кружки,—и у насъ это дѣлаютъ, какъ не над лучше. Кто перервалъ ближнему горло, тотъ и правъ и этомъ свѣтѣ, а что будетъ на томъ свѣтѣ,—это когда нибуд посмотримъ сами...

Но кабатчикъ, видимо, былъ человѣкъ сердитый и пото

его отвѣтъ пришелся лозищанамъ не по мысли. Что люди и тамъ рвутъ другъ друга, ну это еще можетъ быть, но свободой, думали они, навѣрное называется что нибудь другое.

На томъ же кораблѣ плылъ еще чехъ, человѣкъ уже старый и невеселый. Его выписалъ къ себѣ сынъ, который устроился хорошо въ Америкѣ. Чешская рѣчь, правда, не очень близко, а всетаки немного подходитъ къ нашей. Поляку покажется, что это онъ говоритъ по-русски, а русскому—что по-польски. Наши лозищане знали и тотъ и другой языкъ,—но всетаки Матвѣй не понималъ ни слова. А Дыма, какъ уже сказано,—человѣкъ, битый не въ темя, — скоро разговорился. Гдѣ не хватало языка,—онъ помогалъ себѣ и руками, и головой, и ногами. Гдѣ щелкнетъ, гдѣ причмокнетъ, гдѣ хлопнетъ рукой, однимъ словомъ, стали они съ чехомъ пріятели. Ну, а чехъ говорилъ по-нѣмецки, значитъ можно было коекакъ и объясниться и узнать черезъ него отъ людей.

Вотъ, когда вѣтеръ стихалъ и погода становилась яснѣе, Дыму и другихъ отпускала болѣзнь, и становилось на пароходѣ веселѣе. Тогда пассажиры третьяго класса выползали на носовую палубу, долговязый венгерецъ начиналъ играть на дудкѣ, молодой нѣмецъ на скрипкѣ, а молодежь брала шведскихъ барышень за талью и кружилась, обходя осторожно канаты и цѣпи. И надъ океаномъ неслись далеко звуки музыки, а волна подпѣвала и шаловливо кидала кверху бѣлую пѣну и брызги, и дельфины скакали, обгоняя корабль. А на душѣ становилось и весело, и грустно.

V.

Въ это время Дыма съ чехомъ усаживались гдѣ нибудь въ уголкѣ, брали къ себѣ еще англичанина или знающаго нѣмца и Дыма учился разговаривать. Прежде всего, разумѣется, онъ выучился американскому счету и затверживалъ его, загибая пальцы. Потомъ узналъ, какъ назвать хлѣбъ и воду, потомъ плугъ и лошадь, домъ, колодезь, церковь. И все списывалъ на бумажкѣ и твердилъ про себя. Онъ старался обучить и Матвѣя,—но тому давалось трудно. Только и выучилъ по-англійски «три»,—потому что у нихъ три называется по нашему.

А потомъ отъ стараго чеха Дыма узналъ, что такое свобода. [illegible], говоритъ, сдѣлана у нихъ на островѣ такая мѣдная ста[illegible]. Стоитъ—выше самыхъ высокихъ домовъ и церквей, под[illegible]а руку кверху. А въ рукѣ—факелъ, такой огромный, что [illegible]титъ далеко въ море. Внутри лѣстница,—и можно войти въ [illegible]ову, и въ руку, и даже на верхушку факела. Вечеромъ [illegible]гаютъ огонь во лбу — и изо лба выходитъ сіяніе, точно

отъ мѣсяца и даже много ярче. И называется эта мѣдная женщина „Свобода“.

Лозинскій выслушалъ, но и это не пришлось ему по мысли. Одинъ говоритъ: „рвутъ горло“, другой говоритъ: „статуя“. А видно, оба сами не знаютъ толкомъ, въ чемъ дѣло.

На седьмой день палъ на море страшный туманъ. Такой туманъ, что носъ парохода упирался будто въ бѣлую стѣну, и едва было видно, какъ колышется во мглѣ притихшее море. Раза два-три, прямо у самаго парохода, проплыли какія-то водоросли, и Лозинскій подумалъ, что это уже близко Америка. Но Дыма узналъ черезъ своего чеха, что это какъ разъ середина океана. Только не очень далеко на полдень—мелкое мѣсто. И здѣсь струя отъ полудня ударяется въ мель и идетъ на полночь, а тутъ же встрѣчается и холодная струя съ полночныхъ морей. И отъ того надъ моремъ въ этомъ мѣстѣ все гнѣздится туманъ. Пароходъ шелъ тихо, и необыкновенно громкій свистокъ ревѣлъ гулко и жалобно, а стѣна тумана отдавала этотъ крикъ, какъ эхо въ густомъ лѣсу. И становилось всѣмъ жутко и страшно.

И было, правду сказать, чего бояться. Одинъ разъ,—небольшая парусная посудина только-только успѣла вывернуться изъ-подъ носа у парохода. Но это еще ничего. Люди на кораблѣ махали шляпами и смѣялись на разстояніи какихъ нибудь пяти саженей. Но другой разъ чуть не вышло хуже. Середи бѣлаго дня, въ молочномъ туманѣ что-то видно почудилось капитану. Пароходъ остановили, потомъ отошли назадъ, какъ будто убѣгали отъ кого-то, кто двигался въ туманѣ. Потомъ стали въ ожиданіи. И вдругъ Лозинскій увидѣлъ вверху, какъ будто во мглѣ, встало облако съ сверкающими краями, а въ воздухѣ стало холоднѣе и повѣяло острымъ вѣтромъ. Пароходъ повернулся и тихо, будто украдкой, сталъ уползать въ глубь тумана налѣво. А направо было не облако, а ледяная гора. Лозинскій не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было видѣть разомъ такую огромную гору чистаго льда. Но это видѣли всѣ. На пароходѣ все притихло, даже винтъ работалъ осторожнѣе и тише. А гора плыла, тихонько покачиваясь, и вдругъ расплылась, будто растаяла въ молочной мглѣ...

Наши двое лозищанъ и чехъ тотчасъ же сняли шапки и перекрестились. Нѣмцы и англичане не имѣютъ обычая креститься, кромѣ молитвы. Но и они также вѣрятъ въ Бога и также молятся, и когда пароходъ пошелъ дальше, то молодой господинъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ на шеѣ (ни за что не сказалъ бы, что это священникъ) всталъ посреди людей, на носу, и громкимъ голосомъ сталъ молиться. И люди молились съ нимъ, и пѣли какіе-то канты, и священное пѣніе смѣшивалось съ гулкимъ и жалобнымъ крикомъ корабельнаго

ревуна, опять посылавшаго впередъ свои предостереженія, а стѣна тумана опять отвѣчала, только еще жалобнѣе и еще глуше...

А море тоже все болѣе стихало и лизало бока корабля, точно ласкалось и просило у людей прощенія...

Женщины послѣ этого долго плакали и не могли успокоиться. Особенно жалко было Лозинскому одну молодую дѣвушку, которая сидѣла въ сторонѣ и плакала, какъ ребенокъ, закрывая лицо угломъ шерстяного платка. Онъ уже и самъ не зналъ, какъ это случилось, но только онъ подошелъ къ ней, положилъ ей на плечо свою тяжелую руку и сказалъ по нашему, не подумавши даже, что вѣдь она можетъ быть не пойметъ:

— А, брось ты плакать, малютка. Богъ милостивъ. Видишь сама,—ничего не случилось...

А дѣвушка подняла голубые глаза, посмотрѣла на Лозинскаго и отвѣтила по польски:

— А! Какъ же мнѣ не плакать, когда я ѣду одна на чужую сторону. На родинѣ умерли отецъ и мать, а въ Америкѣ гдѣ-то есть братья, да гдѣ же они,—я и не знаю... Подумайте сами, какая моя доля.

Лозинскій постоялъ, посмотрѣлъ и не сказалъ ей ничего. Онъ не любилъ говорить на вѣтеръ, да и его доля была тоже темна. А только признавался мнѣ впослѣдствіи, что съ этихъ поръ, гдѣ бы ни стоялъ, гдѣ бы ни сидѣлъ, что бы ни дѣлалъ, а все думалъ объ этой дѣвушкѣ и слѣдилъ за нею глазами. А можетъ, если бы не эта льдина, которая какъ-то тронула у всѣхъ сердца,—такъ вотъ, можетъ быть никогда бы ему и въ голову не пришло, что тутъ же рядомъ есть еще человѣческая душа, которая тоскуетъ, какъ и онъ, да еще почти землячка.

И тогда же Лозинскій сказалъ себѣ самому: «а вотъ-же, если я найду тамъ въ широкомъ и невѣдомомъ свѣтѣ свою долю, то это будетъ также и твоя доля, малютка. Потому что человѣческому сердцу хочется кого-нибудь жалѣть и любить, а особенно когда человѣкъ на чужбинѣ».

VI.

На двѣнадцатый день народъ началъ все набираться на носу, какъ муравьи на пловучей щепкѣ, когда ее прибиваетъ вѣтромъ къ берегу разлившагося ручья. Изъ этого наши лозищане поняли, что должно быть недалеко уже американская земля. И дѣйствительно, Матвѣй, у котораго глаза были острые, увидѣлъ первый, что надъ синимъ моремъ направо встала будто бѣлая игла. Потомъ она поднялась выше и уже ясно что видно, что это бѣлый маякъ. По волнамъ то и дѣло

неслись лодки съ косымъ парусомъ, бѣлые пароходы, съ окнами, точно въ домахъ, маленькіе пароходики, съ коромыслами наверху, какихъ никогда еще не приходилось видѣть лозищанамъ. А тамъ въ синеватой мглѣ стало проступать что-то, что-то заискрилось, что-то забѣлѣло, что-то вытягивалось и пестрѣло. Пошли острова съ деревьями, пошла длинная коса съ бѣлымъ пескомъ. На косѣ что-то громыхало и стучало и черный дымъ валилъ изъ высокой трубы.

Дыма толкнулъ Лозинскаго локтемъ:

— Видишь? Чехъ говорилъ правду.

Матвѣй посмотрѣлъ впередъ. А тамъ, возвышаясь надъ самыми высокими мачтами самыхъ большихъ кораблей, стояла огромная фигура женщины, съ поднятой рукой. Въ рукѣ у нея былъ факелъ, который она протягивала навстрѣчу тѣмъ, кто подходитъ по заливу изъ Европы къ великой американской землѣ.

Пароходъ шелъ тихо, среди другихъ пароходовъ, сновавшихъ точно водяные жуки по заливу. Солнце сѣло, а городъ все выплывалъ и выплывалъ навстрѣчу, дома выростали, огоньки зажигались рядами и въ безпорядкѣ, дрожали въ водѣ, двигались и перекрещивались внизу и стояли высоко въ небѣ. Небо тихо темнѣло, но на немъ ясно еще рисовалась высоко въ воздухѣ тонкая сѣтка огромнаго, невиданнаго моста.

Исполинскіе дома въ шесть и семь этажей ютились внизу, подъ мостомъ, по берегу; фабричныя трубы не могли достать до него своимъ дымомъ, и онъ повисъ надъ водой, съ берега на берегъ, и огромные пароходы пробѣгали подъ нимъ, какъ ничтожныя лодочки, потому что это самый большой мостъ во всемъ божіемъ свѣтѣ... Это было направо; а налѣво уже совсѣмъ близко высилась фигура женщины,—и во лбу ея, еще споря съ послѣдними лучами угасавшей въ небѣ зари, загоралась золотая діадема, и вѣнокъ огоньковъ освѣщалъ факелъ въ высоко поднятой рукѣ...

А сердце Лозинскаго трепетало и сжималось отъ ужаса. Только теперь онъ понялъ, что такое эта Америка, на берегу которой онъ думалъ встрѣтить Лозинскую. Онъ ждалъ, что она будетъ сидѣть тутъ гдѣ-то со своимъ узелкомъ. Боже мой, Боже мой,—думалъ Матвѣй. Да здѣсь человѣкъ,—какъ иголка въ травѣ, или капля воды, упавшая въ море... Пароходъ шелъ уже часа два въ виду земли, въ виду построекъ и пристаней, а городъ все развертывалъ надъ заливомъ новые ряды улицъ, домовъ и огней... И съ берега, сквозь шумъ машины, неслось рокотаніе и гулъ. Казалось, кто-то дышетъ огромный и усталый, то опять кто-то жалуется и сердится, то кто-то ворочается и стонетъ... И опять только гудитъ и катится, какъ вѣтеръ въ степи, то опять говоритъ смѣшанными голосами...

Лозинскій отыскалъ Анну,—молодую дѣвушку, съ которой онъ познакомился, и сказалъ:

— Держись, малютка, меня и Дымы. Видишь, что тутъ дѣется въ этой Америкѣ. Не дай Боже!

Дѣвушка схватила его за руку, и не успѣлъ сконфуженный Матвѣй оглянуться, какъ ужъ она поцѣловала у него руку. Потому что бѣдняжка видно испугалась этой Америки еще хуже, чѣмъ Лозинскій.

Пароходъ остановился на ночь въ заливѣ, и никого не спускали до слѣдующаго утра. Пассажиры долго сидѣли на палубахъ, потомъ большая часть разошлась и заснула. Не спали только тѣ, кого, какъ и нашихъ лозищанъ, пугала невѣдомая доля въ незнакомой странѣ. Дыма, впрочемъ, первый заснулъ себѣ на лавкѣ. Анна долго сидѣла рядомъ съ Матвѣемъ и порой слышался ея тихій и робкій голосъ. Лозинскій молчалъ. Потомъ и Анна заснула, склонясь усталой голой на свой узелъ.

И только Матвѣй просидѣлъ всю теплую ночь, пока свѣтъ на лбу статуи не померкъ и по водѣ залива не заиграли отблески зари на волнахъ, оставляемыхъ бороздами возвращавшихся съ долгой ночной работы пароходовъ...

На слѣдующее утро пришли на пароходъ американскіе таможенные чиновники, давали подписывать какую то бумагу, а между тѣмъ корабль потихоньку стали подтягивать къ пристани. И было какъ-то даже грустно смотрѣть, какъ этотъ морской великанъ лежитъ теперь на водѣ, безъ собственнаго движенія, точно мертвый, а какой-то маленькій пароходишко хлопочетъ около него, какъ живой муравей около мертваго жука. То потянетъ его за хвостъ, то забѣжитъ съ носу, и свиститъ, и шипитъ, и вертится... А пристань оказалась — огромный сарай, какихъ много было на берегу. Онѣ стояли рядами, некрасивыя, огромныя и мрачныя. Только на одной толпились американцы, громко визжали, свистѣли и кричали «ура». Матвѣй посмотрѣлъ туда съ остаткомъ надежды увидѣть сестру—и махнулъ рукой. Гдѣ ужъ!..

Наконецъ пароходъ подтянули. Какой-то матросъ, ловкій, какъ дьяволъ, взобрался кверху, подъ самую крышу сарая, и потомъ закачался въ воздухѣ вмѣстѣ съ мостками, которые спустились на корабль. И пошелъ народъ выходить на американскую землю...

Скучно было нашимъ... Пошли и они,—извѣстно, не оставаться же на кораблѣ вѣчно. А если сказать правду, то Матвѣю приходило въ голову, что на кораблѣ было лучше. Плывешь себѣ и плывешь... Небо, облака, да море, да вольный вѣтеръ,—а впереди, за гранью этого моря,—что Богъ дастъ... тутъ вотъ тебѣ и земля, а что въ ней... Всѣхъ кто-нибудь

встрѣчаетъ, цѣлуютъ, обнимаются, плачутъ. Только нашихъ лозищанъ не встрѣчаетъ никто и приходится идти самимъ искать невѣдомую долю. А гдѣ она, куда ступить, куда податься, куда поставить ногу и въ какую сторону повернуться, неизвѣстно. Стали наши, въ бѣлыхъ свитахъ, въ большихъ сапогахъ, въ высокихъ шапкахъ и съ большими палками въ рукахъ,—съ палками, вырѣзанными изъ родной лозы, надъ рѣчкою Лозовой,—и стоятъ, какъ потерянные, и дѣвушка со своимъ узелкомъ жмется межъ ними.

VIII.

— Жидъ! А ей же Богу, пусть меня разобьетъ яснымъ громомъ, если это не жидъ,—сказалъ вдругъ первый Дыма, указывая на какого-то господина, одѣтаго въ круглую шляпу и въ кургузый, потертый пиджакъ. Хотя рядомъ съ нимъ стоялъ молодой барчукъ, одѣтый съ иголочки и уже вовсе не похожій на жиденка,—однако, когда господинъ повернулся, то уже и Матвѣй убѣдился съ перваго взгляда, что это непремѣнно жидъ, да еще свой, изъ подъ Могилева или Житоміра, Минска или Смоленска, вотъ будто сейчасъ съ базара, только переодѣлся въ нѣмецкое платье.

Такъ они этому человѣку обрадовались, будто родному. Да и жидъ, замѣтивъ бѣлыя свитки и барашковыя шапки,—тотчасъ подошелъ и поклонился.

— Ну, поздравляю съ пріѣздомъ. Какъ ваше здоровье, господа? Я сразу вижу, что это пріѣхали земляки.

— А что,—сказалъ Дыма, съ торжествующимъ видомъ.—Не говорилъ я? Вотъ вѣдь какой это народъ хорошій. Гдѣ нужно его, тутъ онъ и есть. Здравствуйте, господинъ еврей, не знаю какъ васъ назвать.

— А! Звали когда то Борухъ, а теперь зовутъ Боркъ, мистеръ Боркъ,—къ вашимъ услугамъ,—сказалъ еврей и какъ то гордо погладилъ бородку.

— А! Чтобъ тебя! Ну, слушай же ты, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей съ еще большею гордостью.

— Ну, пускай такъ, мистеръ, такъ и мистеръ, чтобъ тебя взяло за бока... А гдѣ-же тутъ хорошая заѣзжая станція, чтобы, знаешь, не очень дорого и не очень ужъ плохо. Потому что, видишь ты... Мы хоть въ простыхъ свиткахъ, а не совсѣмъ уже простяки... Отцы когда то были шляхта... И притомъ еще съ нами, видишь самъ, дѣвушка...

— Ну, — развѣ я ужъ самъ не могу различить, съ кѣмъ имѣю дѣло,—отвѣтилъ мистеръ Боркъ съ большою политикой...

Что вы обо мнѣ думаете?.. Пхе! Мистеръ Боркъ дуракъ, мистеръ Боркъ не знаетъ людей... Ну, только и вамъ я скажу: это ваше большое счастіе, что вы попали сразу на мистера Борка. Я вѣдь не каждый день хожу на пристань, зачѣмъ я сталъ бы каждый день ходить на пристань?.. а у меня вы сразу имѣете себѣ хорошее помѣщеніе, и для барышни найдемъ комнатку особо, вмѣстѣ съ моею дочкой.

— А, вотъ видите вы, какъ оно хорошо,—сказалъ Дыма и оглянулся, какъ будто это онъ самъ выдумалъ этого мистера Борка.—Ну, веди-же ты насъ, когда такъ, на свою заѣзжую станцію.

— Можетъ вамъ нужно взять еще вашъ багажъ?

— Э! Какой тамъ багажъ! Правду тебѣ сказать, такъ и все вотъ тутъ, съ нами.

— Гэ, это не очень много. Джонъ!.. — крикнулъ онъ на молодого человѣка, который таки оказался его сыномъ. Ну, чего ты стоишь, какъ какой нибудь болванъ. Таке ту бэгеджъ офъ миссъ.

Молодой человѣкъ оказался не гордый, тотчасъ схватилъ изъ рукъ Анны узелокъ, и они пошли съ пристани.

Прошли черезъ улицу и вошли въ другую, которая, правду сказать, показалась нашимъ какой-то пещерой. Дома темные, высокіе, выходы изъ нихъ узкіе, да еще въ половину домовъ поверхъ улицы сдѣлана на столбахъ настилка, загородившая небо...

— А, Іисусъ, Марія, святой Іосифъ,—взвизгнула вдругъ въ испугѣ Анна и схватила за руку Матвѣя.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа, — сказалъ про себя и Матвѣй,—а что же это еще такое?

— Ай-ай, чего вы это испугались,—сказалъ жидъ.—Да это только трэйнъ. Ну, ну, идите, что такое за важность... Пускай себѣ трэйнъ идетъ своей дорогой, а мы пойдемъ своей. Здѣсь, я вамъ скажу, такая сторона, что зѣвать некогда...

И мистеръ Боркъ пошелъ дальше. Пошли и наши, скрѣпя сердце, потому-что столбы кругомъ дрожали, улица гудѣла, вверху лязгало желѣзо о желѣзо и—прямо надъ головами лозищанъ по настилкѣ—на всѣхъ парахъ летѣлъ поѣздъ. Они посмотрѣли съ разинутыми ртами, какъ поѣздъ изогнулся въ воздухѣ змѣей, повернулъ за уголъ, чуть не задѣвая за окна домовъ,—и полетѣлъ опять по воздуху дальше, то прямо, то извиваясь по площади...

И показалось нашимъ, привыкшимъ только къ шуму родного бора, да къ шопоту тростниковъ надъ тихою рѣчкой Ловою,—что они теперь попали въ самое пекло. Дома—шапка валится, какъ посмотришь, взглянешь назадъ,—корабельныя мачты, какъ горѣлый лѣсъ, поднимаешь глаза къ небу,—небо

закопчено и еще закрыто этой настилкой воздушной дороги, отъ которой въ улицѣ вѣчныя сумерки. А впереди человѣкъ видитъ опять, какъ въ воздухѣ наперерѣзъ съ улицы въ улицу летитъ уже другой поѣздъ, а воздухъ весь изрѣзанъ храпомъ, стономъ, лязганіемъ и свистомъ машинъ.

— Господи, Іисусъ, Марія, духъ святой,—шептала Анна блѣдными губами. Матвѣй только закусилъ усъ, а Дыма мрачно понурилъ голову и шагалъ, согнувшись подъ своимъ узломъ. А за ними бѣжали кучи какихъ то уличныхъ дьяволятъ, даже иной разъ совсѣмъ черныхъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и заглядывали имъ прямо въ лица, и подпрыгивали и смѣялись, а одинъ большой негодяй кинулъ въ Дыму огрызокъ банана.

— А ну, это человѣкъ, наконецъ, можетъ потерять всякое терпѣніе, сказалъ Дыма, ставя свой узелъ на землю. Послушай, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей...

— А что же, мистеръ Боркъ, у васъ тутъ дѣлаетъ полиція?

— А что вамъ за дѣло до полиціи, — отвѣтилъ еврей съ неудовольствіемъ.—Зачѣмъ вамъ безпокоить полицію всякими пустяками. Здѣсь не такая сторона, чтобы сейчасъ звать полицію...

— Это называется свобода, — сказалъ Дыма очень язвительно.—Человѣку кинули въ лицо огрызокъ,—это свобода... Ну, когда здѣсь уже такая свобода, то, послушай, Матвѣй, дай этому висѣльнику хорошаго пинка, можетъ тогда они насъ оставятъ въ покоѣ.

— Ну, пожалуйста, не надо этого дѣлать, — взмолился Берко, къ имени котораго теперь все приходилось прибавлять слово «мистеръ».—Мы уже скоро дойдемъ, уже совсѣмъ близко. А это они потому, что... какъ бы вамъ сказать... Имъ непріятно видѣть такихъ очень лохматыхъ, такихъ шорстких, такихъ небритыхъ людей, какъ ваши милости. У меня есть тутъ по близости цирюльникъ... Ну, онъ васъ приведетъ въ порядокъ за самую дешевую цѣну. Самый дешевый цирюльникъ въ Нью-Іоркѣ.

— А это, я вамъ скажу, хорошая свобода, — чтобъ ее взяли черти,—сказалъ Дыма, сердито взваливая себѣ мѣшокъ на спину.

А въ это время въ Дыму опять полетѣла корка банана. Пришлось терпѣть и идти дальше. Впрочемъ, прошли немного, какъ мистеръ Боркъ остановился.

— Ну, а теперь, пожалуйста, пойдемъ на эту лѣстницу...

— Да куда же это мы пойдемъ, когда эта лѣстница не въ домѣ,—сказалъ Дыма. И дѣйствительно, лѣстница вела съ улицы наверхъ, на ту самую настилку, что была у нихъ надъ головами.

— Ну, намъ надо сѣсть сюда въ вагонъ.

— Не пойду, — сказалъ Дыма рѣшительно.—Богъ создалъ человѣка, чтобы онъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ. Довольно и того, что человѣкъ проѣхалъ по этому проклятому морю, которое чуть не вытянуло изъ человѣка душу. А тутъ еще лети, какъ какая нибудь сорока, по воздуху... Веди насъ пѣшкомъ.

— Ай, ай,—сказалъ мистеръ Боркъ нетерпѣливо,—что же мнѣ съ вами дѣлать. А! Я знаю, что я съ вами сдѣлаю. Я васъ сейчасъ вотъ тутъ брошу, дѣлайте себѣ, что хотите. Мнѣ время дорого, мое время — деньги. Зачѣмъ я стану терять съ вами мое дорогое время. Джонъ, отдай бэгеджъ офъ миссъ.

Джонъ усмѣхнулся, но не торопился отдавать Аннѣ багажъ. Матвѣй взялъ Дыму за руку и сказалъ:

— Пойдемъ уже.

— Пойдемъ, панъ Дыма,—робко сказала и Анна.

— Га! Что дѣлать. Въ этой сторонѣ, видно, надо ко всему привыкать, — отвѣтилъ Дыма и, взваливъ мѣшокъ на плечи, сердито пошелъ на лѣстницу.

На первомъ поворотѣ за конторкой сидѣлъ равнодушный американецъ, которому еврей далъ монету, а тотъ выдалъ ему 5 билетовъ. Эти билеты Боркъ кинулъ въ стеклянную коробку, и всѣ поднялись еще выше и вышли на платформу.

Поѣзда еще не было. Платформа была вровень съ третьими этажами домовъ. Внизу шли люди, ѣхали большіе фургоны, проходили, позваниваа, вагоны конно-желѣзной дороги; вверху, по синему небу плыли облака, бѣлыя, свѣтлыя, совсѣмъ какъ наши. «Вотъ, думалъ Матвѣй, — полетитъ это облако надъ землей, надъ моремъ, пронесется надъ Лозищами, заглянетъ въ свѣтлую воду Лозовой рѣчки, увидитъ лозищанскіе дома и поле, и людей, которые ѣдутъ въ поле и съ поля, какъ Богъ велѣлъ, въ пароконныхъ телѣгахъ съ драбинами. Подумаетъ ли кто нибудь въ Лозищахъ, что двое лозищанъ стоятъ въ эту минуту въ чужомъ городѣ, гдѣ надъ ними сейчасъ издѣвались, точно они не христіане и пріѣхали сюда на посмѣшище... Стоятъ ни на землѣ, ни на горѣ и собираются летѣть по воздуху въ какой-то машинѣ». «Господи,—думала въ это время и Анна, — а ну, какъ это провалится, а ну, какъ полетимъ мы всѣ съ этой машиной внизъ, на каменную мостовую. Іисусъ, Марія, святой Іосифъ. Всякая душа хвалитъ Господа». Дыма отрѣлъ и кусалъ длинный усъ...

На рельсахъ показался какой-то кругъ, покатился, сталъ ростать, приближаться, желѣзо зазвенѣло и заговорило подъ ногами и скоро передъ платформой пролетѣлъ цѣлый поѣздъ... визжалъ, остановился, открылись затворки — и нѣсколько десятковъ людей торопливо прошли мимо нашихъ лозищанъ. Потомъ они вошли въ вагонъ, заняли пустыя мѣста и поѣздъ

сразу опять кинулся со всѣхъ ногъ и полетѣлъ такъ, что только мелькали окна домовъ...

Матвѣй закрылъ глаза. Анна крестилась подъ платкомъ и шептала молитвы. Дыма оглядывался кругомъ вызывающимъ взглядомъ. Онъ думалъ, что американцы, сидѣвшіе въ вагонахъ, тоже станутъ глазѣть на ихъ шапки и свитки и, пожалуй, кидать огрызками банановъ. Но видно эти американцы были люди серьезные: никто на нихъ не пялилъ глаза, никто не усмѣхался. Дымѣ это понравилось, и онъ немного успокоился...

А тамъ поѣздъ опять остановился, и наши вышли благополучно и опять спустились по лѣстницѣ на улицу...

Заѣзжій дворъ мистера Борка совсѣмъ не походилъ на наши. Наши, т. е. тѣ, что въ западномъ краѣ—гораздо лучше: привѣтливый невысокій домикъ, на бѣлой стѣнѣ чернѣютъ широкія ворота какъ-то такъ привѣтливо и пріятно, что лошади приворачиваютъ къ нимъ сами собой. За въѣздомъ — прямо крытый дворъ, съ высокою, соломенною стрѣхой; между стропилами летаютъ тучи воробьевъ и голуби воркуютъ гдѣ-то такъ сладко, а гдѣ—и не увидишь... А тамъ—колодезь съ воротомъ, ясли съ «драбинами» для лошадей, куры, коза, корова, запахъ лошадинаго поту, запахъ дегтя и душистаго сѣна... Вспомнить, такъ и то до самой старости пріятно...

Тутъ — ничего подобнаго не было. Просто на просто, большая комната, съ окнами, мимо которыхъ летѣли поѣзда, такъ что стекла то и дѣло застилало дымомъ. Комната развѣ тѣмъ и походила на нашу, что было въ ней не очень чисто. Для Анны мистеръ Боркъ нашелъ постель на своей половинѣ, а Дыма и Матвѣй помѣстились, разумѣется, въ общей.

Вл. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДРУЗЬЯМЪ.

Наши думы были полны
Жизни горькою отравой,
И ея сѣдыя волны
Увлекали наши челны
Въ бездну... съ ласкою лукавой...

—

Но мы пѣли стройнымъ хоромъ
Славу вѣрѣ, насъ сгубившей,
Славу юности погибшей,
Не запятнанной позоромъ...

—

Славу силамъ, догоравшимъ
Въ битвѣ съ пошлостью людскою,
Славу грезамъ потухавшимъ
Подъ грозою роковою.

Влад. Мартовъ.

МОРЕ.

Разсказъ Маріи Конопницкой.

Переводъ съ польскаго Е. Т.-Б.

Любимой мечтой пана Проспера Капуткевича была постановка шекспировской «Бури» на сценѣ театра, въ которомъ онъ имѣлъ счастье быть машинистомъ и декораторомъ.

Что его впервые натолкнуло на эту мысль—трудно сказать. Вѣроятно, она стала занимать его вслѣдствіе тождественности его имени съ именемъ благороднаго Просперо, героя «Бури»; къ этому заключенію приводитъ и тотъ замѣчательный фактъ, что съ нѣкотораго времени онъ не только подъ недавно имъ написанной декораціей для самой популярной въ сезонѣ трагедіи подъ названіемъ «Валентина, или туфля безъ пары», но даже и на квитанціяхъ въ полученіи своего скуднаго жалованья, подписывался: «Просперо» Капуткевичъ, дѣлая приэтомъ странный росчеркъ въ видѣ корабельнаго каната! Такъ или иначе, но несомнѣнно то, что мысль эта овладѣла имъ съ тѣхъ поръ, какъ однажды, въ поискахъ за лѣстницей, большей чѣмъ та, на которой онъ сидѣлъ, онъ влѣзъ на театральный чердакъ; тамъ онъ среди всякаго хлама, нагроможденнаго съ давнихъ поръ, нашелъ нѣсколько книжекъ, еще съ той юной поры романтизма, которая проходитъ для каждаго провинціальнаго театра, и послѣ которой директоръ приходитъ къ убѣжденію, что, только играя «Туфлю безъ пары», можно разъ въ годъ купить себѣ пару сапогъ...

Лѣстницы онъ не нашелъ, но часъ спустя, сильно взволнованный, спустился съ чердака по узкимъ и скрипучимъ ступенькамъ, сжимая подъ мышкой недогрызенный мышами томъ, въ старомъ, когда то позолоченномъ переплетѣ, на которомъ виднѣлся портретъ безсмертнаго Шекспира.

Легкости, съ какой старый машинистъ сбѣжалъ съ лѣс-

ницы, могъ бы вполнѣ позавидовать панъ Пуздерко, первый любовникъ труппы, изъ за котораго надо было выбросить изъ репертуара всѣ любовныя сцены на балконахъ, оттого что послѣ его возгласа: «О, приди въ объятія мои!» проходило три, четыре минуты пока онъ вскарабкивался на ступеньки балкона; а слова млѣющей отъ упоенія возлюбленной: «Ахъ, какъ сильно ты сжимаешь меня!» приходились въ ту минуту, когда онъ съ трудомъ преодолѣвалъ третью ступень. Нѣтъ сомнѣнія, что это въ сильной степени должно было портить эффектъ подобныхъ сценъ. Но приэтомъ страдала не одна эстетическая сторона—не менѣе терпѣла и этическая, такъ какъ слишкомъ сильно и совершенно деморализующимъ образомъ бывала подчеркнута традиціонная слѣпота обманутыхъ мужей, въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, когда одинъ изъ нихъ, сжимая кулаки, кричалъ: «О, еслибъ онъ не скрылся съ глазъ моихъ!» или «О ночь, укрывшая его!»—тогда какъ панъ Пуздерко съ своей обычной неповоротливостью, наполовину отвернувшись, ставилъ ногу только еще на первую ступень, приготовляясь къ небезопасной переправѣ съ балкона на землю.

Но Капуткевичу никто не завидовалъ, такъ какъ никто его не видѣлъ. Сойдя съ лѣстницы, онъ вбѣжалъ въ свою каморку, заперъ двери на ключъ, оттолкнулъ декорацію седьмого акта «Валентины», бросился на стулъ передъ окномъ и, съ трясущимися еще отъ волненія руками, сталъ отчищать отъ грязи Шекспира; и по мѣрѣ того, какъ онъ чистилъ, его лобъ, изрытый глубокими морщинами, прояснялся и въ глазахъ заблестѣлъ огонь молодости. Очистивъ книгу, панъ Просперъ разложилъ ее передъ собою, откинулъ назадъ костлявыми руками свои рѣдкіе, уже сильно сѣдѣющіе волосы, оперся худыми, заостренными локтями на подоконникъ, голову опустилъ на руки, наклонился впередъ, вздохнулъ какъ передъ молитвою—и сталъ читать «Бурю».

Онъ изрѣдка поводилъ плечами и шевелилъ лопатками отъ холода. Это было время, когда онъ обыкновенно снималъ свой старый сюртукъ и надѣвалъ еще болѣе старый клѣтчатый шлафрокъ, на которомъ верхъ и подкладка въ нѣсколькихъ мѣстахъ висѣли клочьями, но вата была цѣла. Шлафрокъ лежалъ у него подъ рукой и такъ притягивалъ къ себѣ взглядъ Капуткевича, что онъ помимо своей воли нѣсколько разъ оборачивался въ его сторону. Однако же старый машинистъ не надѣлъ шлафрока—ему казалось неприличнымъ читать Шекспира въ шлафрокѣ; онъ только сжался весь, чтобъ было теплѣе, заложилъ ногу на ногу, плечи поднялъ до ушей и продолжалъ читать.

Часы били одинъ за другимъ на ближайшей башнѣ, осенніе сумерки наполняли углы каморки сгущающимися тѣнями,

и на книгу упалъ тонкій лучъ мѣсяца, высоко заблиставшаго на ясномъ небѣ, а Капуткевичъ все читалъ, то низко опуская голову, то сильнѣе сжимая ее руками и широко раскрывая глаза.

Только подъ конецъ стали путаться буквы въ его глазахъ, выскакивая изъ строчекъ и превращаясь въ какія-то арабески, раковины, цвѣты, а мѣсячный лучъ развернулъ два прозрачныхъ крылышка, зашелестѣлъ ими подъ самымъ концомъ длиннаго носа пана Проспера, и вдругъ превратившись въ Аріеля, ухватился за край книги, голову закинулъ внизъ и разсыпалъ свои золотые волосы по всей книгѣ и даже по впалой груди и потертому сюртуку стараго машиниста...

Прищурилъ глаза Капуткевичъ и сталъ смотрѣть на легкое видѣнье съ блаженной, съ юныхъ лѣтъ припомнившейся усмѣшкой. Его длинная, морщинистая, съ сильно выдавшимся кадыкомъ шея, казалось, вылѣзала изъ обмотаннаго вокругъ нея синяго бумажнаго платка, а мелкія морщинки, собранныя вокругъ глазъ и рта, вдругъ приняли блаженное, растроганное выраженіе...

Гдѣ они, гдѣ тѣ годы, когда онъ такіе-же волосы...

Вздохнулъ старый машинистъ, провелъ рукой по лбу и, вскочивъ со стула, сталъ бѣгать по своей загроможденной каморкѣ, опрокидывая по дорогѣ рамы, кисти, доски и другіе предметы своей ежедневной работы.

Отъ времени до времени онъ хватался за голову, какъ-бы пораженный какимъ то видѣньемъ, и изъ дрожащихъ устъ его вылетало сдержаннымъ шопотомъ—«прекрасно, велико, велико!»...

Это была какъ бы молитва безконечно слабаго духа передъ духомъ безконечно могучимъ...

Послѣ этого перваго порыва успокоился старый декораторъ, набилъ свою короткую трубку, и выискавъ себѣ мѣстечко между окномъ и печью, гдѣ было меньше хлама, сталъ ходить по немъ болѣе свободными шагами. Тихій свѣтъ мѣсяца скользилъ по немъ, отбрасывая на стѣну тѣнь отъ его длинной, сгорбленной фигуры...

Капуткевичъ мечталъ...

Ахъ, и у него была молодость, и у него были великіе порывы! Еще на школьной скамьѣ писалъ онъ кровавую драму, но ни драмы, ни школы не окончилъ, оттого что пришло время великой трагедіи, въ которой героевъ было столько же сколько дѣйствующихъ лицъ, но изъ которой вышли одни суфлеры.....

Задумался Капуткевичъ...

Вдругъ онъ остановился и ударилъ себя рукой въ лысѣющій лобъ.

— А что если поставить этого Шекспира? поставить эту «Бурю», а? или провалится, или пойдетъ; кто знаетъ?

— Можетъ быть и пойдетъ! А можетъ быть и нѣтъ... Шекспиръ—это не шутка! кто его пойметъ въ этой ямѣ? хотя, опять же, и здѣсь люди живутъ. Нельзя же вѣчно давать эту старую «Туфлю безъ пары»! Такой театръ—это стыдъ одинъ!..

Онъ покосился въ сторону, ткнулъ ногой декорацію, въ которой онъ долженъ былъ дописать нѣкоторыя подробности, и давъ такимъ образомъ выраженіе своему презрѣнію, снова сталъ разсуждать самъ съ собой.

— Буря, буря... только какъ-бы ее сдѣлать? буря на морѣ, вотъ въ чемъ дѣло!... безъ моря ни на шагъ...

Онъ опустилъ голову и еще скорѣе забѣгалъ по своей каморкѣ.

— Нужна новая машина, это ужъ такъ вѣрно, какъ аминь послѣ молитвы. То, что у насъ здѣсь есть—ни къ чорту не годно. Правда, въ кладовой есть около двадцати аршинъ воды, въ общемъ недурно написанной, въ общемъ не дурно... но это не для Шекспира! то какая то спящая, стоячая, мертвая вода! для лодки еще ничего, но для корабля—не годится... Нѣтъ, нѣтъ, ни къ чорту не годится!...

Онъ напишетъ море. Онъ его сдѣлаетъ живымъ, бушующимъ, ревущимъ. Онъ съ глубины подниметъ волны, закрутитъ водовороты, разнесетъ въ воздухѣ ревъ морской, разбрызгаетъ пѣну, валы на валы нагонитъ—онъ сдѣлаетъ бурю.

Онъ подошелъ къ окошку, отворилъ его и до половины высунулся на улицу. Душно ему было въ комнатѣ. Грудь его поднималась, ноздри остраго носа широко раздувались, въ вискахъ стучало, въ глазахъ блестѣлъ огонь. На улицѣ была тишина.... Нѣсколько блѣдныхъ звѣздъ мерцало на осеннемъ, легкой мглой подернутомъ небѣ, на которомъ вырисовывался блестящій серпъ мѣсяца.

Капуткевичъ вдохнулъ въ себя воздухъ, какъ-бы желая набраться бушующаго вихря, глаза его, казалось, вызывали грозы и молніи, онъ быстрымъ движеніемъ откинулъ назадъ голову, будто отряхая съ волосъ соленыя брызги, выпрямилъ грудь, сжалъ кулаки и среди глубокой ночной тишины издалъ нѣсколько громкихъ, отрывистыхъ звуковъ, похожихъ на крикъ морского хищника, рѣющаго надъ тонущимъ кораблемъ... Въ эту минуту на улицѣ послышались шлепающіе шаги и хрипѣніе живущаго напротивъ портного, который всегда въ эту пору возвращался пьяный домой.

Капуткевичъ вздохнулъ, ему стало стыдно, и, отодвинувшись отъ окна, онъ сталъ ждать, пока портной не пройдетъ мимо. Потомъ онъ со вздохомъ заперъ окно, и фантазія его приняла болѣе покойный полетъ. Онъ сталъ ходить медленно,

спокойно; опустивъ голову и заложивъ за спину руки съ погасшей трубкой, комбинировалъ, считалъ, вычислялъ, усмѣхаясь про себя и хмурясь, пока, наконецъ, не засвѣтивъ даже огня, бросился на свое твердое ложе и попробовалъ заснуть... Но на этотъ разъ сонъ не скоро посѣтилъ каморку стараго машиниста. Не успѣлъ онъ закрыть глаза, какъ шумъ морскихъ волнъ наполнилъ всю комнату. Капуткевичу ясно казалось, что вода ему заливается въ уши, и онъ вскакивалъ, затыкалъ пальцами уши и протиралъ глаза; но видѣніе и тутъ не прекращалось. Стоящая, облитая луннымъ сіяніемъ декорація седьмого акта «Туфли безъ пары» казалась ему растянутымъ парусомъ; его клѣтчатый шлафрокъ превращался въ прекрасную дѣвушку, а дырявые на локтяхъ рукава казались ему ея заломленными руками.

Наконецъ, онъ заснулъ, но и сонъ не принесъ ему успокоенія. Ему снилось, что онъ боцманъ изъ шекспировской «Бури», и что отъ него зависитъ спасеніе корабля.

— Быстрѣе, ребята, быстрѣе!—кричалъ онъ во снѣ,—шевелитесь; шевелитесь! Спускайте большую мачту! Живѣй, живѣй! Ниже! Распустите большой парусъ! Живо!... А, чтобъ ихъ чортъ побралъ съ ихъ крикомъ!—прибавлялъ онъ по адресу безпокойнаго экипажа.

— Въ каютахъ сидѣть, въ каюты! Въ каюты!

Самъ онъ работалъ за десятерыхъ и чувствовалъ, какъ потъ градомъ съ него льется.

— Назадъ, назадъ!—кричалъ онъ охрипшимъ отъ напряженія голосомъ.

— Прибавьте еще два паруса!

— Назадъ, въ открытое море! Назадъ, назадъ!..

И вдругъ—тррр! Главная мачта рухнула съ страшнымъ шумомъ, а Капуткевичъ вскочилъ и сѣлъ на своей кровати. Сердце у него сильно билось, губы высохли отъ крику, со лба струился потъ.

Сообразивъ однако, что онъ находится въ своей каморкѣ, онъ успокоился, вздохнулъ, проглотилъ слюну, отеръ себѣ лобъ, осѣнилъ себя святымъ крестомъ и снова заснулъ. Теперь ему снилось, что онъ шекспировскій Просперо и вызываетъ бурю.

Онъ видѣлъ себя почтеннымъ старцемъ въ широкой, обшитой мѣхомъ одеждѣ, и ломалъ себѣ голову, не будучи въ состояніи припомнить, на какой срокъ платежа взялъ онъ ее у Клемфиша, который на него шилъ.

Сначала это его страшно мучило, но потомъ онъ совершенно успокоился, такъ какъ при его серебристой, развѣваемой вѣтромъ бородѣ и орлиномъ взглядѣ Клемфишъ ни за что не узналъ бы его. Сидя на прибрежной скалѣ сво го

острова, онъ опирался ногами на коралловый рифъ и жемчужныя раковины, между которыми виднѣлась надпись: «Сочиненія Вильяма Шекспира, изданіе Пашковскаго, томъ III-й».

Одна рука его покоилась на открытой книгѣ, а другая, держащая жезлъ, простиралась надъ моремъ, управляя бушующей стихіей. Волны морскія бѣшено ревѣли и пѣнились, только изрѣдка слышался скрипъ машины. Гонимыя вѣтромъ тучи сгущали и безъ того грозную тьму, а вдали, на самомъ краю горизонта, какой-то корабль отчаянно боролся съ волнами. Среди шума взбудораженныхъ волнъ и вторящаго имъ грома, который этотъ негодный Ясекъ не во время пустилъ въ дѣло, слышались крики тонущихъ. Ухо спящаго ясно различало среди нихъ испуганные голоса пана Пуздерко и пани Модесты Трикотовичевой,—примадонны труппы. Ночь, мракъ, вихрь, ахъ, что за буря! Что за великолѣпная буря!.. Онъ оглянулся вправо и волны заметались, какъ таборъ бѣшеныхъ коней, глянулъ влѣво и онѣ стали прибѣгать къ его ногамъ, какъ ручные львы.

И вотъ онъ поднялъ жезлъ.

Раздался раскатъ грома, фосфористый свѣтъ залилъ весь горизонтъ, и на разорванныхъ тучахъ блеснула огненнымъ змѣемъ надпись: «Капуткевичъ fecit». Неудержимая радость закипѣла въ впалой груди стараго машиниста, лишая его дыханія, почти душа его. Онъ сталъ могучимъ, онъ сталъ создателемъ, онъ сталъ великимъ!...

Шекспиръ казался ему школьникомъ, а директоръ театра—зерномъ песку, ничтожнымъ зерномъ песку—и ничего больше.

Онъ проснулся разгоряченный, дрожащій, и такъ какъ день уже наступилъ, то, приведя себя въ болѣе или менѣе приличный видъ и сунувъ подъ мышку Шекспира, побѣжалъ къ директору.

Директоръ безъ сапогъ бѣгалъ по кухнѣ, раздувалъ самоваръ и вытиралъ стаканы. Пара блестящихъ, только что вычищенныхъ ботинокъ стояла на кухонномъ столѣ. Капуткевичъ влетѣлъ, какъ вихрь.

— Панъ директоръ,—закричалъ онъ еще съ порога.—Или поставимъ «Бурю», или чтобъ мнѣ на мѣстѣ провалиться!

И онъ такъ ударилъ себя въ грудь, что даже эхо отозвалось.

— Ти-ише, ти-ише!—зашипѣлъ сквозь зубы панъ директоръ.—Разбудишь, панъ, Магдусю, чтобъ тебя!..

И онъ подскочилъ къ дверямъ жениной комнаты, чтобы тихонько запереть ее, ступая на пальцахъ, хотя и былъ безъ сапогъ, то присѣдая, то выпрямляясь, для большей плавности, при ходу.

Сконфуженный Капуткевичъ закрылъ рукою ротъ, пока

директоръ съ такими-же присѣданіями не вернулся обратно. Теперь можно было говорить свободнѣе.

— А развѣ пани директорша еще спитъ?—шопотомъ спросилъ старый машинистъ.

— А что-же ты думаешь?—зашипѣлъ директоръ.—Чай еще не готовъ...

Онъ сталъ, какъ паровикъ, дуть въ самоваръ, потомъ, нагнувшись, вытащилъ изъ подъ стула сильно запачканныя туфли Магдуси и, почесывая себѣ голову, нѣсколько минутъ молча оглядывалъ ихъ.

— Что ты, панъ, такъ рано?—обратился онъ, наконецъ къ Капуткевичу, съ покорностью принимаясь за вытертую отъ долгой службы щетку.

— Панъ директоръ!—началъ горячимъ шопотомъ машинистъ.—Эту ночь я имѣлъ откровеніе, будто... нужно намъ поставить «Бурю»!..

Директоръ замахалъ щеткой и быстро взглянулъ на старика.

— Что за буря? Какъ? что? Что за буря опять? Никогда я не былъ поклонникомъ бурь... Магдуся давно уже заставила меня ихъ возненавидѣть.

— Безсмертная, великая, шекспировская «Буря»,—поднимая на полъ-тона выше голосъ, зашепталъ Капуткевичъ въ самое ухо директора, нагнувшись своимъ худымъ корпусомъ къ его неказистой фигуркѣ.—Море я беру на себя!..

И онъ снова такъ ударилъ себя въ грудь, что въ ней что-то екнуло.

Директоръ слушалъ, нахмуривъ брови и не опуская поднятой съ щеткой руки.

— А знаешь, панъ,—сказалъ онъ, подумавъ немного,—вѣдь это мысль!

— Еще бы!—крикнулъ Капуткевичъ, забывъ о спящей Магдусѣ и выпрямляясь во весь ростъ.

— Ти-и-шш-е!—засвисталъ директоръ, какъ изъ флейты.

Машинистъ опять закрылъ себѣ ротъ рукой.

— Пусть панъ директоръ подумаетъ хорошенько,—зашепталъ онъ снова.—Вѣдь мы покроемъ себя славой, въ бараній рогъ согнемъ Краковъ и Варшаву! Это будетъ тріумфъ! Это будетъ конецъ свѣта, это будетъ...

У него не хватило выраженій, но губы дрожали отъ словъ высказать которыя онъ не могъ.

Директоръ размашисто чистилъ щеткой искривленную туфлю Магдуси. На него тоже начало дѣйствовать воодушевленіе машиниста.

— А знаешь ли, панъ,—засвисталъ онъ легкимъ фальцетомъ,—вѣдь въ іюлѣ исполнится ровно двадцать лѣтъ, какъ нашъ театръ...

— И въ самомъ дѣлѣ, чортъ возьми!—опять во все горло крикнулъ Капуткевичъ.—Будетъ юбилей!..

— Ш-ш ш-ш,—зашипѣлъ опять, какъ змѣя, мужъ Магдуси, тревожно оглядываясь на дверь.—Не кричи, панъ, чтобъ тебя. Можно же по-людски разговаривать...

Онъ поставилъ вычищенную туфлю на столъ и взялся за другую. Капуткевичъ постоялъ нѣсколько минутъ, закрывъ ротъ своей костлявой рукой, но такъ какъ въ комнатѣ царила глубокая тишина, нарушаемая только храпомъ, то онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и зашепталъ:

— Вотъ что значитъ, когда живешь одинъ, какъ перстъ на свѣтѣ, такъ и забываешь... Что же я хотѣлъ сказать? да! юбилей! что панъ директоръ скажетъ насчетъ юбилея?

— Юбилей, какъ юбилей,—процѣдилъ сквозь зубы директоръ.—Но юбилейчикъ, такъ себѣ, маленькій юбилейчикъ можно бы устроить...

Онъ наклонилъ голову и, высоко поднявъ брови, сталъ осматривать сильно запачканный въ грязи каблукъ жениной туфли.

— Да кстати еслибы бенефисикъ для меня... То есть не столько для меня, сколько для Магдуси...

— Да, конечно, бенефисъ,—опять громче началъ машинистъ,—бенефисъ непремѣнно, только—поставить «Бурю»! безъ этого ни шагу! а что за море я сдѣлаю! что за море... Господи Іисусе Христе!..—и онъ схватился обѣими руками за голову, будто боясь, что она не выдержитъ и лопнетъ.

Они замолкли, и въ наступившей тишинѣ слышно было только сильное шарканье щеткой, на которую вспотѣвшій мужъ Магдуси отъ времени до времени поплевывалъ съ своимъ обычнымъ посвистываньемъ.

Наконецъ, обѣ туфли были вычищены и панъ директоръ сѣлъ на стулъ, чтобы надѣть сапоги. Но едва онъ взялся за нихъ, какъ изъ-за дверей супружеской комнаты послышался грубый голосъ пани:

— Людвигъ, Людвигъ! Самоваръ готовъ?

Панъ директоръ вскочилъ въ одномъ сапогѣ, зашипѣвъ, какъ гремучій змѣй:

— Готовъ! Готовъ, душечка!.. Шумитъ уже!—и онъ началъ с лстѣть въ самоваръ на всевозможные тоны.

Капуткевичъ на цыпочкахъ подошелъ къ директору.

— Коли такъ,—зашепталъ онъ,—то я бы попозже...

— Ш-ш-ш ,—прервалъ его директоръ, поворачивая къ н ну свое напряженное и раскраснѣвшееся лицо.

— Я самъ зайду вечеркомъ... Спокойнѣй поговоримъ. Е жно посовѣтываться, подумать. Но до тѣхъ поръ ни слова н ому.

— Людвигъ, Людвигъ,—кричала Магнуся. — Съ кѣмъ ты тамъ разговариваешь?

— Ничего, ничего, душечка!—отвѣчалъ ей панъ директоръ, набирая полныя легкія воздуха, чтобы потомъ съ шипѣньемъ и свистомъ вдунуть его въ самоваръ, тогда, какъ старый машинистъ, вытянувъ свою длинную шею и поднявъ плечи, какъ аистъ, поспѣшно шагалъ къ дверямъ.

Но на порогѣ онъ еще разъ обернулся къ директору. Оба молча кивнули другъ другу головой и Капуткевичъ совершенно счастливый вернулся въ свою каморку.

Такъ возникла и была принята мысль постановки шекспировской «Бури».

Но между мыслью и ея выполненіемъ была длинная тернистая дорога.

Съ этой поры жизнь Капуткевича какъ бы раздѣлилась на двѣ половины.

Въ одной половинѣ, которая называлась днемъ, старый машинистъ малевалъ на большихъ и малыхъ полотнахъ деревья, церкви, дворцы, сады гарема, колонны, фонтаны. Устраивалъ трапы, въ которые проваливаются духи, гробы, изъ которыхъ встаютъ мертвецы, и апоѳеозы, полные бѣлыхъ и розоватыхъ ангелочковъ.

Въ другой же половинѣ, которая называлась ночью, онъ запирался со своимъ Шекспиромъ въ своей еще больше загроможденной каморкѣ, читалъ, мечталъ, обдумывалъ, а потомъ взлѣзалъ на чердакъ, куда недавно перенесъ часть своихъ инструментовъ, и при свѣтѣ коптящей лампы до поздней ночи долбилъ, стругалъ, пилилъ, точилъ, пока наконецъ, совершенно изнеможенный, возвращался къ себѣ на кровать.

Такой образъ жизни стараго машиниста имѣлъ двоякія послѣдствія. Во первыхъ—утроенное потребленіе Гельбъ Виргинія и необходимость устроить себѣ особый кредитъ при ближайшей раздачѣ, а во-вторыхъ, общее между товарищами убѣжденіе, что онъ помѣшался.

И дѣйствительно, этому легко было повѣрить, видя, какъ онъ въ своемъ старомъ, подбитомъ вѣтромъ сюртукѣ, цѣлыми часами простаивалъ на мосту, склонившись надъ гнилыми перилами и смотря въ рѣку.

Въ это время его можно было трясти, больше того, переѣхать, затоптать, а онъ-бы и не почувствовалъ. На что онъ такъ смотрѣлъ—это было для всѣхъ загадкой.

Одни говорили, что онъ уронилъ въ рѣку большія деньги, другіе, что онъ хочетъ утопиться.

Жалкія существа! Никто изъ нихъ не могъ догадаться, что вода должна была открыть старому машинисту величайшую изъ всѣхъ тайнъ, тайну своей жизни, своего движенія.

Но рѣка ему этого не открыла... Это была маленькая, ничтожная рѣченка, которая лѣтомъ почти совершенно высыхала и только весной текла немного быстрѣе. Чтобы вывести ее изъ ея осенней неподвижности, Капуткевичъ приносилъ съ собой на мостъ полные карманы собранныхъ по дорогѣ камней, большихъ и маленькихъ, которые должны были, падая въ воду, производить брызги и движеніе. Онъ бросалъ ихъ въ воду, крупные—съ высоты и съ большимъ размахомъ, чтобы производить маленькіе водовороты; а мелкіе пускалъ наискось, такъ, чтобы они, летя надъ самой поверхностью воды, погружались, будто бы ныряя. Послѣднее изъ такихъ упражненій, называемое «*качкой*», Капуткевичъ доводилъ до большого совершенства.

Во время этихъ упражненій онъ имѣлъ всегда за собой цѣлую армію дѣтей. Но онъ, казалось, совсѣмъ не замѣчалъ ихъ и только, когда послѣ мастерской «качки» подымался крикъ восторга, старикъ оглядывался, какъ пробужденный, подымалъ плечи, опускалъ голову и возвращался въ свою каморку.

Съ давнихъ поръ уже, для увеличенія своихъ скудныхъ доходовъ, онъ бралъ постороннія работы и даже снисходилъ до писанія вывѣсокъ. Теперь же онъ все это забросилъ, чтобы имѣть больше досуга. Онъ не доѣдалъ, не досыпалъ, терпѣлъ всяческія лишенія.

Подъ конецъ онъ такъ похудѣлъ и почернѣлъ, что тѣ, которые прежде называли его «засохшей кистью», теперь пришли къ заключенію, что это сравненіе слишкомъ лестно для него.

День проходилъ въ торопливой, лихорадочной работѣ; ночь еще въ болѣе лихорадочныхъ мечтахъ и пробахъ. Тайныя совѣщанія съ директоромъ еще подбавляли масла въ огонь, пожиравшій душу и тѣло стараго декоратора. Условлено было держать дѣло въ тайнѣ до той поры, пока Капуткевичъ не выдумаетъ машины, которая бы написанной водѣ придавала видъ настоящей. Тогда только можно было списывать и раздавать роли.

Понукаемый Магдусей, директоръ остался бы совершенно доволенъ тѣми изображеніями моря, какія употреблялись до сихъ поръ, лишь бы только маленькій бенефисникъ.

Но Капуткевичъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ. Юная жажда славы ожила въ немъ и совершенно поглотила его. Онъ и засыпалъ, и просыпался съ одной мыслью—какъ-бы сдѣлать море. Неизмѣнно лежащій на столикѣ Шекспиръ былъ его демономъ, его злымъ духомъ.

— Если-бы было лѣто! Если-бъ буря! Но нѣтъ... Осеннее оловянное небо, отражающееся въ лѣниво текущей водѣ, не приносило желаемаго вдохновенія. Онъ, какъ паукъ, дол-

женъ былъ все извлечь изъ себя самого, и это его заѣдало. Онъ уже замалевалъ около пятидесяти аршинъ полотна, купленнаго на кровные гроши, намоталъ ихъ на валы, дергалъ справа налѣво и слѣва направо, но все безъ всякаго толка! Все-таки это было только полотно, только намалеванная вода. Тогда онъ рвалъ на себѣ волосы и впадалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Однако, мысли своей все-таки не бросалъ. Она таилась въ немъ и жгла его днемъ и ночью, цѣпою бѣднаго, по-донкихотски исхудавшаго тѣла.

Голодъ, безсонница и горячка давно бы свалили его съ ногъ, если-бы не надежда, шептавшая ему, что въ счастливую миниту явится ему мысль, которая покроетъ его имя славой...

И эта мысль пришла...

Былъ уже поздній часъ, когда Капуткевичъ, страшно изнуренный, собирался слѣзать съ театральнаго чердака, какъ вдругъ, валекъ, бывшій у него въ рукѣ, закачался подъ растянутымъ полотномъ, производя необыкновенно эффектную волнистость. Схватился за голову Капуткевичъ и сталъ, какъ вкопанный, съ разинутымъ ртомъ и остановившимися глазами, а въ сердцѣ его будто игла какая-то стала колоть...

Это было море!.

Въ одно мгновеніе скомбинировалась въ его головѣ цѣлая система двигающихся подъ полотномъ валовъ, которые должны были передавать бурныя волны взбудораженнаго моря. Въ одно мгновеніе онъ почувствовалъ себя великимъ, безсмертнымъ. Сердце его такъ сжималось, что онъ съ трудомъ дышалъ, худыя, длинныя ноги тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Онъ боялся шевельнуться, чтобы не разрушить того, что онъ считалъ откровеніемъ, боялся выпустить изъ рукъ свою старую голову, чтобы она не закружилась отъ опьяняющаго впечатлѣнія торжества.

Буря, громъ, вихрь, бенгальскіе огни, а среди нихъ сіяющая молніею надпись: „Капуткевичъ fecit“...

Все это кружило ему голову, путало мысли. Сколько времени онъ простоялъ такъ, и что привело его въ себя—онъ не могъ-бы сказать. Но когда онъ вернулся въ свою каморку, его трясущіяся руки не могли отыскать ручки двери, а ноги его такъ заплетались и подгибались, что онъ едва стоялъ.

Поздно проснулся на слѣдующее утро старый машинистъ и, вспомнивъ о томъ, что произошло прошлую ночь на чердакѣ, схватилъ шапку и побѣжалъ на улицу, чтобы не ошалѣть отъ радости.

А впрочемъ, нельзя было терять ни минуты. Нужно было пользоваться каждымъ мгновеніемъ, торопиться, дѣйствовать. А прежде всего,—нужно было удержаться отъ соблазна раз-

сказать обо всемъ директору, пока все не будетъ надлежащимъ образомъ скомбинировано.

— Комбинація — вотъ что главное!—повторялъ онъ про себя, совершенно уже забывъ о роли случая въ своемъ великомъ открытіи, и настолько упоенный своей будущей славой, что чуть не натыкался носомъ на прохожихъ.

Недавно, вчера еще, онъ бы у каждаго покорнѣйше попросилъ извиненія за подобное неуваженіе, сегодня же ему казалось, что онъ имѣетъ особую привиллегію не взирать ни на кого и ни на что.

Развѣ не былъ онъ великимъ изобрѣтателемъ, творцомъ громаднаго переворота, да что я говорю! творцомъ новой эры въ театральномъ мірѣ! Развѣ не былъ онъ Капуткевичемъ, который «fecit» море?

Если-бы знали эти люди, какую мысль онъ несетъ въ своей головѣ, то развѣ не сторонились-бы они съ его пути, съ восторженнымъ шопотомъ: «Капуткевичъ, Капуткевичъ идетъ!».

Имя это, которое прежде въ сравненіи съ такими именами, какъ, напримѣръ, «Веллингтонъ», казалось ему незначительнымъ, приняло теперь въ его воображеніи всѣ признаки тѣхъ великихъ, незабвенныхъ именъ, которыя въ дѣяніяхъ людскихъ стоятъ высоко, какъ издалека видныя пирамиды.

— Капуткевичъ, Капуткевичъ...—повторялъ онъ сначала про себя, потомъ шопотомъ, наконецъ вполголоса, съ горячимъ, почти умоляющимъ выраженіемъ уваженія и преклоненія, наслаждаясь этими звуками, какъ лучшей музыкой.

Наконецъ онъ замолкъ, такъ какъ это становилось почти болѣзненнымъ и выше его силъ. Онъ выпрямился, поднялъ брови, прищурилъ глаза, стараясь выпрямить свою впалую грудь. Но усилія его не дали надлежащихъ результатовъ, и панъ Просперъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что вытянулъ свою худую шею, насколько возможно поднялъ вверхъ свой острый носъ и давно невидавшій бритвы подбородокъ.

Онъ сожалѣлъ, что такъ мало людей встрѣчается ему на улицѣ. И гдѣ это они сидятъ? Въ какія мышиныя норы залѣзли они?

Правда, еще вчера, обходя кругомъ рынокъ, онъ пробирался задами къ театральной улицѣ, чтобы, какъ онъ говорилъ, «никому не мозолить глазъ». Но вчера было одно, а сегодня совсѣмъ другое.

Тутъ ему пришло въ голову, что напрасно онъ остается въ этомъ «городишкѣ». Это не Варшава!

Въ эту минуту онъ проходилъ мимо погреба, хозяинъ котораго стоялъ на порогѣ въ тепломъ ватномъ тулупѣ и басомъ пожелалъ ему добраго дня. Капуткевичъ съ неудовольствіемъ

принялъ это привѣтствіе, надвинулъ шапку, скривилъ ротъ какъ-бы съ усмѣшкой и кивнулъ головой. Его непріятно задѣло вольное обращеніе этого „кабатчика". Онъ находилъ это просто неприличнымъ. Въ Варшавѣ не случилось бы ничего подобнаго. Тамъ умѣютъ цѣнить людей!

Въ сущности, чего онъ здѣсь сидитъ? Что его здѣсь ожидаетъ? Какая здѣсь для него будущность? Геніальныя мысли развиваются должнымъ образомъ только у яркаго очага искусства.

Это мнѣніе, такъ удачно пришедшее ему въ голову, было имъ вычитано изъ какой-то театральной критики высокаго стиля, авторъ которой въ изобиліи запасся ими въ оптовомъ магазинѣ. Теперь же старый машинистъ отдалъ бы голову на отсѣченіе, что это мнѣніе принадлежитъ ему, есть его собственная, оригинальная мысль, и даже остановился, чтобы еще разъ повторить ее про себя. Онъ былъ совершенно ослѣпленъ и дошелъ до того, что сталъ видѣть въ своемъ мозгу какую то золотую жилу.

Богъ знаетъ, что еще могло ему придти въ голову. Онъ пробѣжалъ въ умѣ всѣ извѣстныя ему открытія и жалѣлъ, что они были сдѣланы до него. Книгопечатаніе, желѣзная дорога, телеграфъ,—все это казалось ему дѣтской забавой.

Онъ чувствовалъ, что ему ничего бы не стоило изобрѣсти все это, если бы оно уже не было изобрѣтено.

Вдругъ онъ увидѣлъ на углу улицы витрину съ фотографіями, и это дало его мыслямъ другой оборотъ.

Ему слѣдуетъ сняться въ большомъ и маломъ форматѣ. Онъ обязанъ это сдѣлать для потомства. Можетъ быть нужно будетъ снять и внутренность домика, гдѣ онъ живетъ. Придется снять его старый сундукъ, его постель, столъ, шлафрокъ, гитару... каждую мелочь, которую онъ употреблялъ, до которой дотрогивался.

Эта мысль растрогала его. Ему казалось, что со дня его смерти уже протекли длинные, длинные годы. Онъ видѣлъ послѣдующія поколѣнія, идущія къ его домишку, входящія въ него съ преклоненными головами, замирающимъ дыханіемъ и бьющимися сердцами.

Блаженное чувство наполнило его душу, затуманенные глаза его смотрѣли далеко передъ собой.

Пройдя такимъ образомъ нѣсколько шаговъ, онъ завернулъ за уголъ и остановился въ нерѣшительности передъ фотогр. фической витриной, недоумѣвая, какое бы выраженіе прид своему лицу.

Наилучшимъ ему казался видъ глубокаго мыслителя, и брѣтателя. Онъ нахмурилъ лобъ, сдвинулъ брови и устреми взоръ въ пространство. Но едва успѣлъ онъ принять это в

раженіе, какъ ему показалось, что онъ уже слышитъ громъ рукоплесканій, несущихся изъ толпы.

Онъ опустилъ глаза, губы его сложились въ полную скромной гордости усмѣшку, и приложивъ руку къ груди, онъ склонилъ голову.

Рукоплесканія не прекращались. Они потрясали театръ, театральную улицу, рынокъ, площадь передъ магистратомъ. Старая колокольня костела качалась на своемъ фундаментѣ. Однимъ словомъ, весь городъ дрожалъ.

Обивъ себѣ ладони, толпа стучала палками, выла, впадала въ неистовство. Такого сумасшедшаго восторга, такой бѣшеной экзальтаціи еще не бывало, какъ свѣтъ стоитъ.

Вѣнки и букеты дождемъ летѣли подъ ноги Капуткевича; цѣлыя горы розъ и лилій засыпали, давили, чуть не душили его. Старый машинистъ ясно слышалъ ихъ сильный, одуряющій ароматъ.

Онъ закрылъ глаза, раскрылъ ротъ и тяжело дышалъ. Но тутъ его схватили подъ руки, высоко подняли надъ толпой и крикъ тысячи голосовъ прогремѣлъ: «да здравствуетъ Капуткевичъ!».

Тогда онъ поднялъ голову съ торжествующимъ взглядомъ, и взглядъ этотъ наполнилъ весь міръ счастьемъ и славой. Эти короткія мгновенія заплатили ему за цѣлую жизнь труда, невзгодъ и униженія. Онъ стоялъ на морозѣ въ своемъ старомъ потертомъ сюртукѣ, не ѣвши ничего съ утра, но не чувствовалъ ни голода, ни холода.

Въ эту минуту кто-то изъ прохожихъ толкнулъ его и это вернуло его къ дѣйствительности. Капуткевичъ вздохнулъ, повернулъ голову и сталъ смотрѣть безсмысленнымъ взглядомъ человѣка, который только что проснулся отъ глубокаго сна.

Въ первую минуту онъ, казалось, совсѣмъ не сознавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ творится. Въ это время, проходящій мимо него толстый, сопящій мужчина въ медвѣжьей шубѣ вдругъ остановился, вытаращилъ свои круглые, заплывшіе глаза, уставился на Капуткевича, сплюнулъ и снова уставился на него.

— Будто Просперъ, а будто и не Просперъ, пробормоталъ онъ про себя.—Тьфу, чортъ возьми—кажется, Просперъ!

Онъ наклонилъ голову и заступилъ дорогу собирающемуся уйти Капуткевичу, сталъ близко приглядываться къ нему.—Просперъ! какъ пана Бога люблю, Просперъ!—гаркнулъ онъ какъ изъ бочки, и не успѣлъ старый декораторъ опомниться, какъ очутился въ желѣзныхъ объятіяхъ, прижатый къ медвѣжьей шубѣ.

— Игнатій, Игнатій...—бормоталъ сдавленнымъ голосомъ Капуткевичъ.—Игнатій... братъ!

— А вотъ же я тебя узналъ!—кричалъ панъ Игнатій, ото-

двигая Капуткевича отъ себя, но не выпуская его изъ рукъ.— А вѣдь мы двадцать лѣтъ какъ не видѣлись! Двадцать лѣтъ... повторялъ онъ, качая головой.—Помнишь подъ кузницей? Эхъ братъ, было время!

Такъ неожиданно пробужденный отъ своихъ мечтаній, Капуткевичъ съ страдающимъ видомъ принималъ бурныя изліянія пана Игнатія. Въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ переживалъ за минуту до этого и что наполняло все его существо, стушевались и былые годы, и кузница, и встрѣча съ другомъ молодости. Все это казалось ему какимъ то сномъ. Правда, и онъ качалъ головой, но взглядъ его выражалъ разсѣянность.

— Эхъ, было время!..—началъ опять панъ Игнатій и вздохнулъ.—Но что мы здѣсь на холодѣ стоимъ! Не зайти ли намъ куда нибудь? А?

Капуткевичъ колебался.

— Признаться сказать,—началъ онъ невѣрнымъ голосомъ,— у меня есть работа!.. А это будетъ баловство.

— Что тамъ за работа,—закричалъ панъ Игнатій.—Черти, что ли, унесутъ твою работу! Ты думаешь, у меня ея нѣтъ, работы? По сіе мѣсто у меня работы,—сказалъ онъ, проводя грубой рукой по своему бычачьему горлу.

— Но ты успокойся, никакого баловства не будетъ.

Они вошли въ ближайшій трактиръ.

— Ну какъ же ты поживаешь?—спросилъ панъ Игнатій, опрокинувъ въ себя рюмку водки.

— Не дурно,—коротко отвѣтилъ Капуткевичъ.

Онъ не былъ расположенъ къ откровенности. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ овладѣла мысль постановки «Бури», онъ сталъ жить въ какомъ то особомъ мірѣ мыслей и чувствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ окружающимъ. Однако-же онъ понялъ, что не слѣдуетъ показывать себя такимъ безучастнымъ и, принудивъ себя, спросилъ пана Игната:

— А ты какъ?

— Да что я?—сказалъ панъ Игнатъ, набивъ себѣ ротъ закуской.—Какъ видишь, здоровъ, какъ левъ, женился, имѣю имѣньице, кусокъ хлѣба... Только дѣтей нѣтъ,—прибавилъ онъ, закрывъ ротъ рукой и нагибаясь къ Капуткевичу.

Съ минуту они ѣли молча.

— Не я въ этомъ виноватъ,—сказалъ онъ, наконецъ, отирая ротъ салфеткой.—Жена моя все хвораетъ, ноетъ, что ни день, то докторъ и аптека; то воды, то порошки, то еще какая нибудь дрянь... Вотъ и теперь тоже—бѣда меня изъ дому выгнала. Велятъ къ морю ѣхать, чтобъ имъ пусто было. У меня молотьба, работа, а тутъ бросай все и поѣзжай! Наказанье Божье!

Онъ тяжело засопѣлъ, что у него замѣняло вздохъ.

При упоминаніи о морѣ у Капуткевича загорѣлись глаза. Рука его, направленная ко рту съ какимъ-то кускомъ, замерла въ воздухѣ и онъ весь наклонился впередъ.

— Къ морю?—переспросилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Ему казалось, что выговаривающіе это слово попираютъ его права и привиллегіи, втираются въ его владѣнія, поддѣлываютъ его документы.

Всѣ мысли его сосредоточились на одномъ этомъ словѣ, какъ на какомъ-то якорѣ, и онъ чувствовалъ, что якорь этотъ погружается въ самую глубь его мозга. Теперь его пошевелили и мысли его спутались.

Съ минуту онъ сидѣлъ, нагнувшись надъ столомъ, вытянувъ шею и безпокойно смотря въ лоснившееся лицо пана Игнатія. Взглядъ его выражалъ какую то странную смѣсь задумчивости, удивленія, зависти и сожалѣнія. Да... есть люди, которые говорятъ о морѣ, какъ о кружкѣ пива... Они не видятъ, не понимаютъ, не знаютъ.

Да и откуда имъ знать! изъ театра? Изъ того, что тамъ до сихъ поръ называли моремъ?

Горькая усмѣшка мелькнула на его губахъ. Онъ откинулся на спинку кресла и, барабаня пальцами по столу, сталъ насмѣшливо смотрѣть въ перечницу.

Тѣмъ временемъ панъ Игнатій развязалъ поясъ своей бекеши и громко сопѣлъ.

— Но скажи, братъ, какъ же ты живешь? По прежнему возишься съ своими михалками?

Михалками панъ Игнатій называлъ всякую мелочь, пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить.

— По прежнему!—отвѣтилъ Капуткевичъ, не измѣняя своего ироническаго взгляда.

— И какъ это тебѣ не надоѣло, а? сказалъ панъ Игнатій, съ участіемъ смотря на худое лицо машиниста.

Капуткевичъ нахмурился и быстрѣе забарабанилъ по столу. Съ нѣкотораго времени онъ не любилъ, чтобы его такъ осматривали. Слишкомъ упорный взглядъ казался ему выслѣживающимъ, а онъ хранилъ въ себѣ тайну. Къ тому-же этотъ тонъ участія теперь, когда онъ былъ на дорогѣ къ величію и славѣ, казался ему не у мѣста.

— А знаешь, братъ,—продолжалъ добродушно панъ Игнатій,—брось ты къ чорту всю эту дрянь, пріѣзжай къ намъ и живи съ нами по-людски въ деревнѣ!..

Капуткевичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Не могу,—сказалъ онъ сухо.

Но чувствуя, что дѣлаетъ гадость по отношенію къ товарищу, прибавилъ мягко:

— Благодарю тебя, Игнатъ, но не могу.

— Что за не могу,—рѣшительно сказалъ панъ Игнатъ, махнувъ своей большой рукой.—Вотъ бы вмѣстѣ съ моей женой и ныли. Изъ васъ вышла бы хорошая пара. Ты худой, и она худая. Ты желтый, и она желтая. Или знаешь что?—вдругъ воскликнулъ онъ, пораженный новой мыслью и вскочивъ со стула.—Поѣзжай съ нами къ морю! Какъ пана Бога люблю, поѣзжай! Тебѣ это ни гроша не будетъ стоить, а мнѣ окажешь истинную милость, истинную услугу, выручишь меня, братъ!

Онъ бросился къ Капуткевичу, душа его въ своихъ объятіяхъ, заклиная, умоляя его, чуть не плача.

— Смилуйся, Просперко, не откажи, если въ Бога вѣришь! Никогда тебѣ этого не забуду! До гроба буду благодарить! Вѣдь мы друзья еще со школьной скамьи, товарищи... Помнишь кузницу, э, братъ! Да не будь-же такимъ каменнымъ, вѣдь я тебя 20 лѣтъ не видалъ, братъ...

Капуткевичъ боролся самъ съ собой. Съ одной стороны ему не хотѣлось принимать то, что могло казаться одолженіемъ, но съ другой—что за искушеніе! Увидѣть море, настоящее, живое море! Имѣть передъ глазами такую модель! Творить съ натуры!

Потъ выступилъ у него на лбу, ноги дрожали, но онъ высоко держалъ голову, обороняясь отъ объятій пана Игната и только повторяя:—Ну что ты! Что ты!..

Но у пана Игната было такъ, что если разъ онъ рѣшилъ что нибудь, то нужно, чтобы это исполнилось.

Отъ выпитой водки и бутылки вина, на него нахлынули воспоминанія молодости, и Капуткевичъ сталъ ему теперь такъ дорогъ, что онъ просто не могъ себѣ представить жизни безъ него. А кромѣ того ему улыбалась мысль, что будетъ кого оставлять при женѣ, а самому пожить на свободѣ; и онъ сильнѣй напиралъ на Капуткевича своими изліяніями и аргументами.

— Имѣй же, совѣсть Просперко, дорогой!—кричалъ онъ.—Сжалься надо мной! Что я тамъ буду дѣлать одинъ, между этими разбойниками итальянцами? Обкрадутъ они насъ, какъ пана Бога люблю, обкрадутъ, купятъ и продадутъ, жиды! Не съ кѣмъ будетъ по-людски поговорить, не съ кѣмъ выпить... Пропаду, какъ мышь пропаду безъ тебя! Не откажи, братъ если въ Бога вѣришь, не откажи!..—Онъ всей своей тяжестью повисъ на шеѣ Капуткевича, цѣлуя его въ небритыя щеки

Капуткевича въ жаръ бросило, онъ видимо сталъ сдаваться...

— Что ты!.. Что ты!—повторялъ онъ слабѣющимъ голосомъ.—А работа? а директоръ? а театръ?

— Къ чорту все, братъ!—кричалъ панъ Игнатъ, на кото-

раго сильнѣе еще стала дѣйствовать крѣпкая водка.—Сейчасъ ѣдемъ къ директору! такое ему устроимъ, что—смерть ему!... Я уже видѣлъ его, директора! а если онъ не захочетъ пить, то къ чорту его! Станемъ мы его просить! Заберемъ тебя и баста! Ну, не крути носомъ, Просперко! какъ католикъ—великое слово—не крути носомъ! А хочешь? Я знаю доктора, который, только кивни ему, онъ тебѣ свидѣтельство въ десяти болѣзняхъ выдастъ! Не только въ Италію, къ самому дьяволу рогатому поѣдешь! Я ужъ знаю! Плюнь ты въ директора!..

Голова Капуткевича не могла вмѣстить разомъ всего этого. Такъ неожиданно, такое путешествіе... Онъ перекрестился и пожалъ плечами, но сердитый шляхтичъ не далъ ему опомниться...

— Ты крестись себѣ или не крестись, Просперко, а ѣхать долженъ. Самъ Господь-Богъ на небесахъ устроилъ такъ, чтобы мы встрѣтились. Столько лѣтъ... столько лѣтъ. Товарищи... какъ братья родные.

Онъ сталъ всхлипывать, отирая кулаками глаза. Капуткевичъ былъ побѣжденъ и отговаривался только для формы.

— Но вѣдь я такъ, по старо-кавалерски, въ чемъ меня видишь, въ томъ и бери...

Онъ поднялъ плечи, разставилъ руки и сталъ смотрѣть на концы своихъ заплатанныхъ сапогъ.

— Жалованье маленькое, не на что одѣваться, а тамъ можетъ быть элегантность большая...

— Что? Гдѣ? Какая? Что за элегантность? Развѣ тамъ шуба нужна? Какъ пана Бога люблю, бери тогда эту шубу. Она для меня слишкомъ тяжела, ходить къ ней не могу! У меня есть старая одежда, и я ее не отдамъ, а ты ходи себѣ въ медвѣжьей шубѣ, и баста!

Сердито нахмурился старый машинистъ.

— Слушай Игнатъ, сказалъ онъ сухимъ, твердымъ голосомъ.—Если ты хочешь меня прогнать, то не лѣзь ко мнѣ съ этой шубой. Еще неизвѣстно, кто въ какой шубѣ будетъ ходить. Будущее это покажетъ, и можетъ быть это не такъ далеко! А теперь, что имѣю, то мое собственное, а ты меня не оскорбляй!

— Боже милосердный!—сложа руки жалобно началъ панъ Игнатій.—Я тебя оскорбляю? Просперко, дорогой, да не будь же такъ обидчивъ! Я бы для тебя съ неба досталъ что хочешь! Я бы тебѣ все отдалъ. Развѣ я тебѣ не братъ? Не другъ? Боже милосердный!—И панъ Игнатій не на шутку расплакался, а Капуткевичъ бросился ему на шею.

— У-у-у!..—всхлипывалъ шляхтичъ на груди машиниста.—Двадцать лѣтъ!.. у... у... у... двадцать лѣтъ, братецъ? Серебро,

золото видѣлъ, а тебя не видѣлъ! хочешь денегъ?—бери деньги! И онъ бросилъ на столъ свой набитый бумажникъ.

— Хочешь сюртукъ?—бери сюртукъ! И онъ сталъ стаскивать съ себя бекешу. Капуткевичъ билъ себя въ грудь, просилъ прощенія, и, наконецъ, они порѣшили на томъ, что завтра ѣдутъ.

Уже наступила ночь, и послѣ морознаго дня сталъ идти снѣгъ, когда Капуткевичъ вернулся въ свою нетопленную каморку. Вѣтеръ развѣвалъ его старый сюртукъ, но радость и надежда согрѣвали его, наполняя его душу тепломъ и свѣтомъ. То, что онъ сегодня пережилъ, то, что онъ узналъ сегодня, принимало въ его головѣ дивные, райскіе образы. И странное дѣло! панъ Игнатій, его водка, его медвѣжья шуба и даже задуманное путешествіе не имѣли для него той реальности, тѣхъ ясныхъ, яркихъ очертаній, какъ полная упоенія галлюцинація передъ фотографической витриной.

Стоило ему зажмурить глаза, чтобы снова увидѣть передъ собой толпы народа, охваченнаго восторгомъ. Онъ даже различалъ между ними нѣкоторыя знакомыя лица. Онъ ясно видѣлъ развѣвающіеся вуали дамъ, а между палками, которыми стучали мужчины, разглядѣлъ серебряный шаръ въ формѣ груши на трости президента.

Видѣніе было такъ ярко и неотразимо, что Капуткевичъ почувствовалъ потребность дать ему какое нибудь внѣшнее проявленіе.

Онъ схватилъ кисти, сталъ передъ полотномъ и при свѣтѣ коптящей лампы сталъ набрасывать эскизъ того, что должно было на-вѣки соединить его имя съ безсмертнымъ именемъ Шекспира.

Руки его окоченѣли, ноги страшно озябли, дыханіе его въ холодномъ воздухѣ нетопленной избы клубами пара выходило изо рта, но онъ не оставилъ работы до тѣхъ поръ, пока не блеснуло въ тучахъ огненнымъ змѣемъ: «Капуткевичъ fecit».

Тогда онъ бросился на свое твердое ложе и, подложивъ подъ голову старый клѣтчатый шлафрокъ, заснулъ, вспоминая о потрясающихъ городъ рукоплесканіяхъ, эхо которыхъ еще отзывалось въ его ушахъ.

. . . . . .

Былъ полдень жаркаго дня. Солнце жгло необыкновенно сильно въ ту пору, когда Капуткевичъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, размахивая рукою, въ которой несъ шапку, шелъ быстрыми шагами по обсаженной акаціями дорогѣ, которая пересѣкаетъ Лидо и ведетъ къ морю.

Съ ранняго утра небо было совершенно чисто, но будто заволочено легкимъ паромъ. Теперь же на краю горизонта стали

Богъ вѣсть откуда собираться и сгущаться легкія тучки, удлиняясь, округляясь и сбиваясь вмѣстѣ.

Сидящія по дорогѣ торговки фруктами, не переставая, перебранивались между собой, а большія желтыя мухи, летая надъ ними, казалось, жужжали съ равнымъ раздраженіемъ.

Въ это время легкій порывъ вѣтра зашумѣлъ листьями по верхушкамъ акацій, а мелкія птички, спящія въ нихъ, начали жалобно щебетать.

Новый порывъ вѣтра зашумѣлъ въ низшихъ вѣткахъ, наполняя ихъ шумомъ порхающихъ крыльевъ.

Третій порывъ заколебалъ траву и цвѣты, среди которыхъ однообразно затрещали стрекозы и забѣгали юркія ящерицы.

Панъ Просперъ ускорилъ шаги, не обращая вниманія на то, что творилось вокругъ него. Взглядъ его, горящій нетерпѣніемъ, былъ устремленъ далеко впередъ; вытянутая, длинная шея, сѣдая голова и острый носъ, все казалось стремилось впередъ, впередъ. Но ни шея, ни голова не могли поспѣть за мыслями стараго машиниста, такъ какъ, не пройдя еще и полпути, онъ мысленно былъ уже на берегу и видѣлъ волнующееся море. Онъ самъ себѣ не признавался въ томъ, что въ мечтахъ своихъ онъ уже создалъ море, въ сравненіи съ которымъ настоящее море должно было стушеваться.

Оно должно было быть или похожимъ на его декорацію или не похожимъ.

Установивъ такой критеріумъ, онъ уже не умѣлъ и не могъ выйти изъ него.

Море, похожее на его декорацію, было бы прекраснымъ, удивительнымъ, великимъ, моря же, не похожаго на его декорацію, онъ не могъ себѣ представить.

И это былъ пунктъ, дойдя до котораго, мысли его теряли равновѣсіе, путались и падали въ бездну...

И эта бездна была также моремъ... Чтобы отрезвить себя отъ этого охватывавшаго его водоворота, панъ Просперъ старался припомнить происшествія послѣднихъ дней. Но въ головѣ его все перепутывалось въ какой-то странный хаосъ, и этимъ хаосомъ было опять море... Новый порывъ вѣтра поднялъ съ дороги пыль и закружилъ его въ воздухѣ. Трещаніе, кужжанье и щебетъ мгновенно замолкли.

Вся западная сторона неба казалась какимъ-то огромнымъ портомъ, полнымъ бѣлыхъ парусовъ, къ которымъ спѣшили присоединиться запоздавшіе. Вдругъ тучи потемнѣли и сбились въ кучу, какъ испуганное стадо, а солнце, яркое и безъ тучей, казалось раскаленнымъ углемъ.

Наступившій порывъ вѣтра поднялъ цѣлую лавину песку, сыпая имъ траву и со свистомъ разбрасывая его во всѣ

стороны. Всѣ люди, встрѣчавшіеся ему, шли въ противоположномъ направленіи. Всѣ они, казалось, убѣгали отъ моря. То были прачки съ корзинами на головахъ, поденщицы съ узлами въ рукахъ, перевозчики съ веслами и шестами на плечахъ. Они шли поспѣшно, пригибая голову противъ вѣтра, который то развѣвалъ ихъ одежду, то обвивалъ ее вокругъ ихъ гибкихъ, стройныхъ тѣлъ. Проходя мимо, они съ удивленіемъ смотрѣли на стараго человѣка, который спѣшилъ туда, откуда они бѣжали. Женщины съ любопытствомъ оглядывались на него, шепча про себя имя Мадонны.

Мракъ тѣмъ временемъ быстро увеличивался. Бѣлыя тучки превратились въ свинцовыя, покрывшія весь горизонтъ, сгущаясь на востокѣ въ синевато-черные клубы. Въ тяжеломъ воздухѣ пронесся шумъ, какъ бы отъ тысячи летящихъ крыльевъ, и среди этого шума чувствовались широкія, холодныя струи воздуха, какъ будто исходящія изъ пропасти.

Сердце Капуткевича сильнѣе забилось... Онъ шелъ нѣсколько минутъ въ напряженномъ ожиданіи, какъ вдругъ цѣлая лавина гонимаго вѣтромъ песку ударила въ него, ослѣпляя его и затемняя все кругомъ.

Когда онъ протеръ глаза, передъ нимъ было—море.

Капуткевичъ остановился, какъ вкопанный, и изъ устъ его вырвался какой-то отрывистый, сдавленный крикъ.

То, что онъ видѣлъ передъ собой, ни капли не походило на его декорацію. То была темная масса воды, колыхающаяся въ своихъ необозримыхъ границахъ широкимъ, медленнымъ движеніемъ, которое невозможно передать на маломъ пространствѣ. Движеніе это не вспѣняло волнъ, не покрывало гребни ихъ бѣлыми барашками, а плавно колыхало ихъ, открывая подъ ними пропасти.

У берега болѣе покойное, море могуче развертывалось на серединѣ, гоня отъ себя бушующія волны.

Мракъ, казалось, подымался отъ воды до неба, а отъ неба такой же мракъ спускался до самаго моря.

Среди этого сгущающагося мрака виднѣлись чайки на своихъ широко распростертыхъ крыльяхъ. Страшный вой вѣтра и воды потрясалъ воздухъ. Небо и море работали грудью, но еще не начали говорить...

Капуткевичъ стоялъ, какъ очарованный. Такого моря онъ не могъ понять, не могъ примириться съ нимъ. Онъ смотрѣлъ и не понималъ, чувствовалъ и не могъ постичь тайны, которая лежала передъ нимъ—неизмѣримая.

Грубая, сучковатая палка, на которой онъ сложилъ обѣ руки, давала опору его наклоненному впередъ корпусу; вѣтеръ развѣвалъ его длинные сѣдые волосы и полы его потертаго сюртука. На лбу его образовались глубокія морщины,

взглядъ былъ устремленъ впередъ, мускулы лица не двигались. Все его существо, казалось, принимало участіе въ работѣ стихій.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся глухой шумъ, которому отвѣтилъ ревъ волнъ. Раскатъ грома грянулъ изъ-за тучъ, море рыкнуло, какъ левъ... затѣмъ сильный пронзительный вѣтеръ, и тучи пронеслись по небу; ревъ моря усилился, и волны бѣшено стали обрушиваться на берегъ.

Капуткевичу казалось, что море поднимается и, темное и неизмѣримое, идетъ къ нему...

Онъ ступилъ на шагъ впередъ и сильнѣе облокотился на свою палку. Въ головѣ его совершалась сильная реакція... То, что онъ воображалъ себѣ геніальнымъ открытіемъ, казалось ему теперь просто глупостью... Валы? но какіе валы могли хоть приблизительно передать это волненіе и колыханье воды, сливающейся съ густѣющимъ мракомъ? Гдѣ краски, которыми можно было-бы написать эту живую принимающую тысячи разнообразныхъ образовъ, тьму? Гдѣ найти сцену, рамой которой было-бы такое небо?

И старый машинистъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, будто желая поглотить глазами это море...

Вдругъ страхъ передъ таинственной стихіей обуялъ его. Глаза его замигали, голова затряслась, и губы зашевелились, шепча полныя ужаса слова...

Съ какимъ-то болѣзненнымъ усиліемъ онъ оторвалъ взглядъ отъ моря и устремилъ его на плещущуюся у его ногъ волну. Но и эта волна казалась ему слишкомъ могучей, слишкомъ великой... Все сильнѣе тряслась его сѣдая голова, все выше подымалась и опускалась его сдавленная грудь...

Вдругъ страшный, грозный раскатъ грома потрясъ небо и землю. Бѣшеный вихрь сорвался и ударилъ въ море, вздымая волны на волны и разверзая пропасти. Грозные валы, казалось, подымались до неба; черныя, гонимыя вѣтромъ тучи, казалось, спускались до моря. Море ревѣло, какъ раненый звѣрь, и съ ревомъ обрушивалось на берегъ. Тысячи яркихъ, мгновенныхъ молній прорѣзывали небо...

Наступила тишина. Волны отхлынули отъ берега, только по-серединѣ еще яростно бушуя.

Капуткевичъ стоялъ попрежнему неподвижно, склонясь впередъ. Палка его на четверть ушла въ песокъ, сложенныя въ ней руки дрожали отъ изнеможенія, а онъ все смотрѣлъ то на небо, то на море и неподвижные до тѣхъ поръ глаза его горѣли отъ сдержаннаго волненія.

Вдругъ, среди наступившей тишины, какъ пушечный залпъ, раздался раскатъ грома. Все зашумѣло, заклокотало, закружилось въ какомъ-то бѣшеномъ ураганѣ.

Шумъ, ревъ, свистъ наполняли небо и землю, а золотые змѣи отвѣсно падающихъ молній раздирали ежеминутно густую, глубокую тьму...

Старый машинистъ не спускалъ съ нихъ глазъ. Онъ читалъ въ нихъ какія-то громадныя буквы, которыя проникали ему въ самое сердце и выжигали въ его мозгу огненные знаки...

Наконецъ, онъ выпустилъ палку, поднялъ кверху свои дрожащія руки и, устремивъ глаза въ огненное небо, безъ звука зашевелилъ губами.

* * *

Черезъ мѣсяцъ Капуткевичъ вернулся въ свою каморку. Онъ сильно измѣнился и состарился. Первый его взглядъ, вернувшись домой, упалъ на Шекспира. Онъ покачалъ головой, взялъ со стола книгу, поцѣловалъ ее, завернулъ въ бумагу и спряталъ на самое дно своего сундука. Потомъ тяжелыми шагами побрелъ на чердакъ, валы спряталъ въ уголъ, свернулъ и заложилъ за печь полотно, разобралъ станокъ и по частямъ снесъ его внизъ. Потомъ бросился на скамейку и глубоко заснулъ. А на слѣдующій день съ ранняго утра принялся дописывать нѣкоторыя подробности въ декораціи седьмого акта «Туфли безъ пары»...

Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи.

Прежде чѣмъ приступать къ реформамъ въ той или иной области экономической жизни, практичные и осторожные англичане имѣютъ обыкновеніе производить всестороннее и основательное изслѣдованіе существующаго положенія вещей черезъ посредство такъ называемыхъ «Королевскихъ Коммиссій». И нынѣ, когда рабочій вопросъ въ столь сильной степени сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всей Европы, англійское правительство не отступило отъ этого правила, и 21 апрѣля 1891 года была назначена королевская коммиссія для изслѣдованія положенія рабочаго класса въ Соединенномъ Королевствѣ. Труды этой коммиссіи, и сейчасъ еще не совсѣмъ законченные, лежатъ теперь передъ нами въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ и представляютъ богатѣйшій источникъ свѣдѣній для всякаго желающаго ознакомиться съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ.

Цѣль настоящаго очерка—изложить нѣкоторыя главнѣйшія данныя, добытыя коммиссіей при изученіи условій труда на фабрикахъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ. Но предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ объ организаціи самой коммиссіи, и о томъ, какимъ образомъ она производила свои изысканія.

Въ составъ «Royal Commission on Labour» вошли 27 членовъ по назначенію королевы. Просматривая списокъ этихъ членовъ, мы находимъ въ немъ, рядомъ съ политическими дѣятелями: маркизомъ Гартингтономъ, Мунделлой, Гиксъ-Бичемъ и другими, извѣстныхъ ученыхъ: экономиста Маршаля и юриста Фред. Поллока. Далѣе слѣдуютъ представители обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: предпринимателей и рабочихъ; среди первыхъ мы встрѣчаемъ имя Давида Дэля, такъ много потрудившагося надъ улучшеніемъ отношеній между трудомъ и капиталомъ въ Англіи; въ качествѣ представителей отъ рабочаго класса въ коммиссіи засѣдаютъ нѣкоторые

изъ извѣстнѣйшихъ лидеровъ: Maudsley, секретарь союза бумагопрядильщиковъ, Abraham, популярный вождь углекоповъ, и Tom Mann, организаторъ «новыхъ трэдсъ-юніоновъ». Участіе представителей заинтересованныхъ сторонъ въ составѣ коммиссіи въ высшей степени важно: оно служитъ, во-первыхъ, ручательствомъ безпристрастія изслѣдованія; во-вторыхъ, оно придаетъ всей дѣятельности коммиссіи болѣе практичный, жизненный характеръ, котораго часто недостаетъ коммиссіямъ, составленнымъ исключительно изъ политическихъ дѣятелей, чиновниковъ или ученыхъ.

Составленная такимъ образомъ коммиссія, въ виду громадности того поля, которое должно было обнять изслѣдованіе, раздѣлилась на три подкоммиссіи или группы: А, В и С. Группа А изслѣдовала положеніе труда въ горномъ дѣлѣ, въ металлическихъ производствахъ и въ кораблестроеніи; группа В отмежевала себѣ сухопутные и водяные пути сообщенія и, наконецъ, группа С занялась изученіемъ быта рабочихъ въ «волокнистыхъ производствахъ» (textile trades) и въ прочихъ разнообразныхъ отрасляхъ народнаго труда. Это распаденіе коммиссіи какъ бы на три самостоятельныя коммиссіи до извѣстной степени ослабляетъ силу главнаго упрека, который можно было сдѣлать организаторамъ коммиссіи съ точки зрѣнія требованій методологіи такихъ «анкетъ»; именно, упрека въ недостаточной спеціализаціи предмета изслѣдованія: задавшись цѣлью изучить положеніе рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ труда и со всѣхъ сторонъ жизни рабочаго, коммиссія брала на себя такую колоссальную задачу, что можно было съ полнымъ правомъ усомниться въ возможности ея успѣшнаго выполненія.

Раздѣлившись на секціи, коммиссія приступила къ собиранію свѣдѣній о положеніи рабочихъ. Изслѣдованіе велось двоякимъ путемъ: письменнымъ и устнымъ. Письменное изслѣдованіе заключалось въ томъ, что свѣдущимъ людямъ: фабрикантамъ и рабочимъ разсылались циркуляры съ вопросными пунктами, касавшимися нѣкоторыхъ главнѣйшихъ сторонъ рабочаго быта. Полученные отвѣты были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Но это письменное изслѣдованіе играло второстепенную роль сравнительно съ устнымъ опросомъ экспертовъ; въ устномъ опросѣ лежитъ центръ тяжести всего изысканія, и на него было обращено главное вниманіе коммиссіи. И такое предпочтеніе, оказываемое устному опросу, вполнѣ раціонально. Письменное изслѣдованіе должно, по необходимости, ограничиваться лишь такими вопросами, которые допускаютъ совершенно категорическіе, простые и ясные отвѣты. Въ противномъ случаѣ, сообщающій свѣдѣнія всегда рискуетъ или не понять вопроса, или уклониться въ сторону и дать показанія, не имѣющія отношенія къ сути дѣла. Напротивъ, при устномъ изслѣдованіи, допрашивающій, такъ сказать, постоянно держитъ эксперта въ рукахъ: онъ не позволяетъ ему уклоняться въ сторону, добивается отъ него отвѣтовъ прямыхъ, точныхъ и ясныхъ; въ случаѣ если вопросъ не по-

нять сразу экспертомъ, имѣется возможность представить его въ другой, болѣе понятной формѣ. Поэтому, устный опросъ даетъ несравненно лучшіе результаты, чѣмъ письменный. Что касается приглашенныхъ экспертовъ, то слѣдуетъ отдать справедливость членамъ коммиссіи, что въ выборѣ свидѣтелей они были чужды всякой односторонности: они одинаково приглашали и предпринимателей и рабочихъ и съ одинаковымъ вниманіемъ выслушивали показанія и тѣхъ и другихъ. Здѣсь невольно напрашивается на сравненіе другое, аналогичное по своему назначенію изслѣдованіе, производившееся одновременно съ засѣданіями англійской «Коммиссіи Труда», именно, изслѣдованіе положенія сельскихъ рабочихъ въ Германіи, предпринятое ученымъ «Verein für Socialpolitik». Отчеты Verein'а были составлены исключительно на основаніи данныхъ, сообщенныхъ работодателями; рабочіе не были спрошены вовсе; не были спрошены также и другія лица, незаинтересованныя, но, по своему общественному положенію, близко знакомыя съ жизнью сельскихъ рабочихъ, какъ-то: деревенскіе врачи, пасторы... Понятно, что нѣтъ возможности отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ результатамъ такого совершенно односторонняго изслѣдованія и нельзя не согласиться съ тѣми членами Verein'а, которые подвергли такіе пріемы изслѣдованія безпощадной критикѣ на послѣднемъ общемъ собраніи Verein'а весною 1893 года. Нужно дѣйствительно обладать необыкновеннымъ запасомъ оптимизма, чтобы приступить къ чтенію трехъ громадныхъ томовъ, изданныхъ Verein'омъ, зная, какимъ путемъ собирались эти свѣдѣнія. Ни тѣни подобнаго упрека нельзя сдѣлать «Коммиссіи Труда». Кромѣ рабочихъ и фабрикантовъ, Коммиссія слушала также показанія фабричныхъ инспекторовъ, врачей, школьныхъ учителей; словомъ, привлекались всѣ лица, которыя могли сообщить цѣнныя свѣдѣнія. Кромѣ приглашенныхъ экспертовъ, всякій желающій могъ явиться въ засѣданіе и дать свое показаніе. Опросъ свидѣтелей происходилъ въ формѣ свободной бесѣды: члены Коммиссіи, по желанію, одинъ за другимъ задаютъ эксперту вопросы, не стѣсняясь опредѣленной программой.

Засѣданія Коммиссіи происходили публично. Публичность засѣданій позволяла всякому, интересующемуся сообщеніями экспертовъ, слушать показанія и, въ случаѣ своего несогласія съ ними, представить свои возраженія. Но, конечно, не всѣ интересующіеся предметомъ изслѣдованія имѣютъ возможность воспользоваться правомъ лично присутствовать въ засѣданіяхъ; поэтому было обращено особое вниманіе на возможно скорое обнародованіе показаній свидѣтелей: показанія записывались стенографами и день за днемъ, тотчасъ же печатались и выпускались въ продажу по крайне дешевой цѣнѣ; кромѣ того и газеты посылали своихъ репортеровъ въ засѣданія и давали о нихъ болѣе или менѣе подробные отчеты. Такимъ образомъ общество немедленно знакомилось съ показаніями экспертовъ, и всякій желающій могъ сдѣлать свои возраженія, или лично

явившись въ Коммиссію, или приславъ письменное опроверженіе. Безусловная гласность является характерной чертой дѣятельности англійскихъ коммиссій; въ гласности англичане видятъ самый вѣрный залогъ правдивости показаній. Гласность здѣсь замѣняетъ присягу, къ которой обыкновенно не считаютъ нужнымъ приводить экспертовъ: сознаніе, что невѣрное показаніе можетъ быть тотчасъ опровергнуто, заставляетъ свидѣтелей остерегаться намѣреннаго искаженія истины.

По окончаніи засѣданій секцій, «Коммиссія Труда» соединилась и начались ея общія засѣданія, на которыхъ были допущены эксперты, показанія которыхъ относились не къ тѣмъ или инымъ отраслямъ промышленности, а касались нѣкоторыхъ общихъ сторонъ рабочаго вопроса. Такъ, въ этихъ засѣданіяхъ давали показанія представители кооперативнаго движенія, нѣкоторые изъ вождей англійскаго соціализма: Sidney Webb, Hyndman; ученые статистики: Giffen и Gould; регистраторы «дружественныхъ союзовъ», извѣстный Ch. Booth и др.

Въ заключеніе своей дѣятельности, коммиссія изготовляетъ отчетъ, въ которомъ резюмируются главнѣйшіе изъ добытыхъ результатовъ и формулируются тѣ предложенія, которыя коммиссія считаетъ нужнымъ сдѣлать для устраненія путемъ законодательства тѣхъ или иныхъ обнаруженныхъ изслѣдованіемъ золъ. Отчетъ «Коммиссіи Труда» еще не вышелъ до сихъ поръ, и мы не имѣли возможности воспользоваться имъ при составленіи настоящаго очерка *). Онъ составленъ почти исключительно на основаніи протоколовъ засѣданій коммиссіи. (Minutes of Evidence).

Въ послѣднемъ оффиціальномъ отчетѣ (Return of the number of Factories 1890 г.) находимъ слѣдующія цифровыя данныя:

ПРОИЗВОДСТВА:	Число фабрикъ.	Число веретенъ.	Число станковъ.	Число рабочихъ.
Хлопчатобумажное . .	2,538	44.504,819	615,714	528,795
Шерстяное	2,671	6.574,347	131,506	301,556
Льняное, пеньковое и джутовое	578	1.530,046	63,337	162,965
Шелковое	623	1.029,353	11,464	41,277
Остальныя волокнистыя производства (чулочное, кружевное, волосяное и пр.) . . .	780	2,497	468	50,038
Всего . . .	7,190	53.641,062	822,489	1.084,631

*) Отчетъ коммиссіи вышелъ въ іюнѣ 1894 г.; настоящая статья окончена въ февралѣ 1894 г.

Такимъ образомъ, число рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества, превышаетъ 1 милліонъ; вмѣстѣ со своими семьями они составятъ не менѣе пяти милліоновъ человѣкъ, т. е. болѣе $^1/_3$ всего населенія Соединеннаго Королевства *).

По полу и возрасту, рабочіе волокнистыхъ производствъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Мужчины:		Женщины:	
Дѣти (работающіе half-time) . . .	40,558	*Дѣти* (работающія hafl-time) . . .	45,941
Подростки (моложе 18 лѣтъ, работающіе full-time) . .	88,696	*Старше 13 лѣтъ*, (работающія full-time)	610,608
Взрослые мужчины старше 18 лѣтъ .	298,828		
Всего муж. п. .	428,082	Всего жен. п. . .	656,549
Всѣхъ рабочихъ	1.084,631		

Эти цифры показываютъ, что, во-первыхъ, въ разсматриваемыхъ отрасляхъ промышленности женскій трудъ значительно преобладаетъ надъ мужскимъ, и, во-вторыхъ, въ нихъ играетъ большую роль работа дѣтей и подростковъ.

Характерная черта англійскихъ волокнистыхъ производствъ заключается въ томъ, что отдѣльныя отрасли ихъ географически весьма концентрированы. Такъ, *хлопчатобумажная* промышленность почти всецѣло сосредоточивается на сѣверо-западѣ Англіи, въ Ланкаширѣ. Изъ 44,5 милліоновъ бумагопрядильныхъ веретенъ на долю Ланкашира приходится около 33 милліоновъ; изъ 615,714 бумажныхъ станковъ — 514,088. Все это громадное производство ютится на весьма небольшомъ пространствѣ вокругъ Манчестера, который является главнымъ центромъ сбыта хлопчатобумажныхъ издѣлій, между тѣмъ какъ Ливерпуль снабжаетъ все производство хлопкомъ. Изъ отдѣльныхъ городовъ и мѣстечекъ Ланкашира, одни, именно болѣе близкіе къ Манчестеру, занимаются преимущественно пряденіемъ, таковы города Oldham и Bolton; въ одномъ Oldham число прядильныхъ веретенъ доходитъ до 11 милліоновъ, т. е. превышаетъ число веретенъ Франціи и Германіи, вмѣстѣ взятыхъ. Главная часть ткачества сосредоточивается на сѣверо-востокѣ Ланкашира, въ городахъ Burnley, Blackburn и др.

Какъ Ланкаширъ играетъ подавляющую роль въ хлопчатобумажной промышленности, такъ *шерстяное* производство расположено главнымъ образомъ въ сосѣднемъ съ Ланкаширомъ западномъ Іоркширѣ; его важнѣйшіе центры: Лидзъ, Брадфордъ, Галифаксъ и Хадерсфильдъ (Huddersfield).

*) The Statesman's Jearbook 1892 г., стр. 74.

Изъ 116 *джутовыхъ* фабрикъ, 103 находятся въ Шотландіи. Центромъ джутоваго производства является городъ Дунди.

Наконецъ *льняная* промышленность принадлежитъ главнымъ образомъ ирландскому графству Ульстеръ, съ его главнымъ городомъ Бельфастомъ.

I. Заработная плата.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, перейдемъ къ характеристикѣ положенія рабочихъ и прежде всего сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о заработной платѣ.

Рабочіе *хлопчатобумажнаго* производства, съ котораго мы начнемъ описаніе, раздѣляются, на три большіе класса: 1) рабочіе приготовительныхъ отдѣленій прядиленъ (card-room operatives), 2) прядильщики (spinners) и 3) ткачи (weavers).

Въ *приготовительномъ отдѣленіи* хлопокъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ операцій, предшествующихъ самому пряденію: хлопокъ сортируется, и разные сорта его смѣшиваются; затѣмъ на трепальныхъ машинахъ онъ разрыхляется и очищается отъ пыли; далѣе онъ поступаетъ на карды, которыя прочесываютъ его и безформенную массу превращаютъ въ длинную, узкую ленту параллельно расположенныхъ волоконъ. Эти ленты проходятъ затѣмъ черезъ дальнѣйшій рядъ машинъ (ленточныя машины, банкаброши), которыя ихъ вытягиваютъ, соединяютъ съ другими такими же лентами и слегка скручиваютъ, превращая въ такъ называемую ровницу, чѣмъ и заканчиваются подговительныя операціи.

Многочисленный классъ рабочихъ, занятый въ приготовительныхъ отдѣленіяхъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ женщинъ. Въ Ланкаширѣ на 47,500 женщинъ приходится только 12,500 мужчинъ: мужчины выполняютъ первыя операціи по обработкѣ хлопка: сортировку, работу на трепальныхъ машинахъ и на кардахъ; все остальное предоставляется женщинамъ.

Въ главномъ прядильномъ центрѣ Ланкашира Oldham'ѣ «*Card-room-hands*»—*мужчины* (трепальщики, чесальщики и др.) зарабатываютъ отъ 17 до 32 шиллинговъ *) *въ недѣлю*, причемъ, однако, число рабочихъ, получающихъ менѣе 20 s. и болѣе 30, по словамъ эксперта, совершенно ничтожно. Средній заработокъ = 26 s. 4 d. (около 13 р.). Приблизительно тѣ же предѣлы колебанія заработной платы (19—30 s. въ недѣлю) даетъ и другой экспертъ, показаніе котораго относится ко всему Ланкаширу; но средніе заработки неодинаковы въ разныхъ прядильныхъ округахъ. Исключительно низкій уровень платы имѣютъ два небольшіе дистрикта: Wigan и

---

*) 1) 1 фунтъ стерл. (L) = 20 шиллингамъ (s) = около 10 рублей кр.
2) 1 шиллингъ (s) = 12 пенсамъ (d) = около 50 копеекъ.

Bacup, которые лишь въ самое послѣднее время примкнули къ союзу рабочихъ приготовительнаго отдѣленія: здѣсь мужчины—card-room-hands зарабатываютъ въ среднемъ только около 16 шиллинговъ въ недѣлю.

Для ознакомленія съ заработками *женщинъ*, работающихъ въ приготовительныхъ отдѣленіяхъ бумагопрядиленъ (ленточницъ, банкаброшницъ и др.), мы можемъ воспользоваться, кромѣ показаній экспертовъ, данными, собранными на мѣстѣ, въ Ланкаширѣ, miss Abraham, которая была командирована коммиссіей для спеціальнаго изученія женскаго труда. На большинствѣ (77%) посѣщенныхъ изслѣдовательницей 109 бумагопрядильныхъ фабрикъ средніе заработки женщинъ—card-room-hands были равны 15—20 шиллингамъ въ недѣлю и только на остальной четверти общаго числа фабрикъ заработки были частью ниже 15 s. и частью выше 20 s. Въ Oldham'ѣ, какъ видно изъ таблицы эксперта Silk, средніе заработки взрослыхъ женщинъ: ленточницъ, банкаброшницъ и др.=17—20 s. въ недѣлю. Дѣвочки-подростки, помогающія взрослымъ работницамъ, зарабатываютъ 9—9½ s.

Переходимъ теперь къ прядильщикамъ. 2) *Прядильщики* (*mule-spinners*) составляютъ аристократію ланкаширскихъ рабочихъ. Число ихъ доходитъ до 20,500 человѣкъ, и почти всѣ они (19,000) принадлежатъ къ могущественному союзу «Amalgamated Association of operative Cotton spinners». Секретарь этого союза Maudsley, состоявшій въ то же время членомъ коммиссіи, былъ допрошенъ въ качествѣ эксперта и сообщилъ слѣдующія данныя о заработкахъ прядильщиковъ. Каждый прядильщикъ (всѣ прядильщики—взрослые мужчины) работаетъ съ двумя подручными, такъ наз. присучальщиками (piecers), изъ которыхъ одинъ малолѣтній, а другой по большей части молодой человѣкъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года. Получая сдѣльную плату за всѣхъ троихъ, прядильщикъ уже отъ себя платитъ изъ нея обоимъ присучальщикамъ. При среднемъ числѣ веретенъ на машинѣ (85 дюжинъ), прядильщикъ съ двумя присучальщиками зарабатываетъ въ среднемъ около £. 3, 3,0 (три ф. стерл., три шиллинга)=63 шилл. въ недѣлю: изъ этого общаго заработка прядильщикъ отдаетъ своимъ помощникамъ 27 s., а ему самому остается около 35 шиллинговъ (=17½ рублей въ недѣлю; почти по 3 рубля въ день).

Таковъ заработокъ средній, при среднемъ числѣ веретенъ на сельфакторѣ; на машинахъ съ большимъ числомъ веретенъ онъ доходитъ до £. 2 и даже болѣе; наоборотъ, при меньшемъ числѣ веретенъ заработокъ понижается до 30 s.

Оставшіеся отъ общаго заработка 27 s. дѣлятъ между собою *присучальщики*, число которыхъ въ Ланкаширѣ=41,000 человѣкъ. Младшій присучальщикъ (the little piecer) можетъ быть при прядильщикѣ одинъ, если это малолѣтній старше 13 лѣтъ, уже имѣющій право работать впродолженіи цѣлаго рабочаго дня (fule timer),

въ противномъ случаѣ младшихъ piecer'овъ бываетъ 2, работающихъ посмѣнно (half-timers): старшій присучальщикъ, какъ уже было упомянуто, обыкновенно молодой человѣкъ 16—21 года. Къ сожалѣнію, Maudsley не даетъ прямого указанія на то, какъ дѣлится общій заработокъ между младшимъ и старшимъ присучальщиками. Но, если предположить, что пропорція дѣленія осталась та же, какая была въ 1886 году, когда было произведено подробное изслѣдованіе заработной платы въ волокнистыхъ производствахъ подъ руководствомъ Giffen'a, то окажется, что на долю старшаго присучальщика выпадаетъ 16 шиллинговъ, а на долю младшаго 11 s., если же этого послѣдняго замѣняютъ два half-timer'a, то каждый изъ нихъ получаетъ около 4 sh. 6 d. въ недѣлю.

Итакъ старшіе присучальщики зарабатываютъ въ среднемъ около 16 шилл. въ недѣлю. Такой заработокъ, какъ мы далѣе увидимъ, можно считать достаточнымъ для удовлетворенія потребностей подростка или молодого, холостого человѣка, даже при относительно высокомъ standart of Life ланкаширскихъ рабочихъ. Но среди присучальщиковъ можно встрѣтить и женатыхъ людей. Дѣло въ томъ, что число присучальщиковъ, ежегодно достигающихъ совершеннолѣтія, всегда въ сильной степени превосходитъ число освобождающихся мѣстъ прядильщиковъ, и лишь немногіе, наилучшіе изъ присучальщиковъ получаютъ эти мѣста. Изъ остающихся за флагомъ, большинство совсѣмъ покидаетъ хлопчатобумажное производство и идетъ искать пропитанія въ другихъ отрасляхъ труда; но нѣкоторые предпочитаютъ оставаться присучальщиками на всю жизнь; если такой рабочій женится, положеніе его семьи бываетъ часто очень тяжелое: по словамъ Maudsley, многіе женатые присучальщики зарабатываютъ только 15—16 шиллинговъ въ недѣлю, а въ Bolton'ѣ, гдѣ трудъ присучальщика оплачивается особенно низко, бываютъ случаи, правда, очень рѣдкіе, когда женатый piecer долженъ довольствоваться 13—14 шиллингами. Такой порядокъ подготовки къ профессіи прядильщиковъ, при которомъ, какъ видимъ, много званыхъ, но мало избранныхъ, представляется, правда, весьма цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія возможно большей успѣшности труда, такъ какъ работодатель имѣетъ всегда обширный выборъ подготовленныхъ рабочихъ для исполненія высоко квалифицированной работы прядильщика; но съ точки зрѣнія самихъ рабочихъ такое преобладаніе предложенія труда надъ спросомъ оказывается весьма прискорбнымъ явленіемъ: потративъ молодость на изученіе пряденія, большинство присучальщиковъ лишено возможности примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенное искусство и должно искать себѣ новаго занятія.

Чтобы покончить съ пряденіемъ, необходимо еще упомянуть о заработкахъ *ватерщицъ*. Какъ извѣстно, существуютъ двѣ главныя разновидности прядильныхъ машинъ; мюль (сельфакторъ) и ватеръ. Между тѣмъ какъ на мюляхъ работаютъ мужчины, пряденіе на ватерахъ,

играющее, впрочемъ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ второстепенную роль, составляетъ занятіе женское. По словамъ miss Abraham, ватерщицы заработываютъ въ Ланкаширѣ 14 или 15 шиллинговъ въ недѣлю.

3) Третій многочисленный классъ рабочихъ составляютъ *ткачи*. Объ ихъ заработной платѣ имѣется довольно много данныхъ въ Minutes of Evidence коммиссіи. Прежде всего остановимся на показаніи эксперта Th. Birtwistle. Онъ—одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ вождей англійскихъ рабочихъ и бывшій делегатъ Англіи на берлинской конференціи. Онъ секретарь большого союза ткачей Сѣверо-восточнаго Ланкашира и членъ правленія еще болѣе обширной «федераціи союзовъ ткачей сѣверныхъ графствъ». Такимъ образомъ, по своему положенію, этотъ свидѣтель—лицо весьма компетентное; его показаніе относится не къ тому или другому округу ткацкаго производства, а ко всей бумаготкацкой промышленности Сѣверной Англіи. По сообщаемымъ имъ даннымъ, общее число механическихъ ткацкихъ станковъ въ городахъ и мѣстечкахъ, принадлежащихъ къ сѣверной федераціи ткачей (въ Ланкаширѣ и трехъ сосѣднихъ графствахъ),=424,500. Общее число рабочихъ, какъ ткачей въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и другихъ непосредственно связанныхъ съ ткачествомъ цеховъ, какъ-то размотальщицъ, сновальщицъ, шлихтовальщиковъ и др.,=199,764 чел.; изъ этого числа: мужчинъ—75,910 = 38% и женщинъ—123,854 = 62%, причемъ half-timer'овъ, т. е. дѣтей моложе 13—14 лѣтъ, работающихъ половину рабочаго дня: среди мужчинъ—5%, среди женщинъ—8%. Изъ общаго числа рабочихъ ткачи въ тѣсномъ смыслѣ составляютъ болѣе трехъ четвертей: именно число ихъ=152,826 ч. Прежде чѣмъ говорить объ ихъ заработкахъ, необходимо замѣтить слѣдующее: 1) ткачествомъ занимаются и мужчины и женщины безъ всякаго различія, и плата тѣмъ и другимъ совершенно одинакова; 2) большинство ткачей («the great bulk»), какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, люди молодые, не старше 25 лѣтъ.

По Birtwistle заработная плата взрослыхъ ткачей maximum 28—30 s. (14—15 р.), minimum 12 s. (6 р.). По 12 s., по словамъ эксперта, получаютъ самые плохіе ткачи, работающіе на наихудшихъ станкахъ и изъ самаго низкаго матеріала.

Средній недѣльный заработокъ взрослаго ткача (старше 18 лѣтъ)==20 шиллингамъ (10 рублей).

Кромѣ показанія Birtwistle, относящагося ко всей ткацкой промышленности Сѣверной Англіи, имѣются еще показанія другихъ экспертовъ для отдѣльныхъ ткацкихъ округовъ. Такъ о заработкахъ въ округѣ Burnley представитель мѣстнаго союза ткачей сообщаетъ слѣдующее:

«При обыкновенномъ состояніи промышленности, средній заработокъ ткача=5 шиллингамъ на каждый станокъ; если ткачъ имѣетъ два станка, то онъ заработаетъ 10 s. въ недѣлю, но на двухъ

станкахъ работаютъ большею частью подростки; взрослые же ткачи, мужчины и женщины, работаютъ на 4 или на 6 станкахъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ ткачъ имѣетъ помощника: малолѣтняго full-timer'а или двухъ смѣнныхъ half-timer'овъ, которымъ онъ платитъ отъ себя. Такимъ образомъ, при четырехъ станкахъ, заработокъ ткача=20 s., а при шести, валовой заработокъ будетъ равняться 30 s., но изъ этой суммы ткачу придется уплатить 6 s. своему подручному full-timer'у (или по 3 s. двумъ half-timer'амъ) и ему самому останется 24 шиллинга». Таковы средніе заработки ткачей въ зависимости отъ числа станковъ. Но каковъ средній заработокъ ткачей въ Burnley вообще? Одинъ изъ спрошенныхъ объ этомъ экспертовъ рабочихъ затрудняется опредѣлить среднюю величину, потому что, по его мнѣнію, разница между ткачемъ, работающимъ на 2 станкахъ и работающимъ на 4 или 6 станкахъ, слишкомъ велика, чтобы можно было говорить о какой-либо средней; но другой экспертъ (Booth) полагаетъ, что можно считать средній заработокъ ткача въ Burnley равнымъ 22 шиллингамъ. Очень близкую къ этой цифру заработка даетъ фабрикантъ Rawlinson. Онъ утверждаетъ, на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нѣкоторыхъ изъ самыхъ большихъ фабрикъ Burnley, что среднее число станковъ, приходящееся на одного ткача=3,9 (при этомъ разсчетѣ на каждаго подручнаго (tenber) скинуто по 1 станку). Средній заработокъ на каждый станокъ=5 s. 3 d. Умножая 5 s. 3 d. на 3, 9, находимъ, что средній недѣльный заработокъ ткача=21 s.

Итакъ, въ Burnley заработки ткачей на 1—2 s. выше средняго; точно также они нѣсколько выше 20 шиллинговъ въ округѣ Aschton-unther-Lyne; съ другой стороны въ округѣ Hasligden ткачъ заработываетъ на станокъ только по 4 sh. 4 d., что при 4-хъ станкахъ составитъ 17 s. 4 d. въ недѣлю.

Таковы колебанія заработной платы по отдѣльнымъ раіонамъ ткацкаго производства; какъ видимъ, они незначительны и въ общемъ подтверждаютъ показаніе Birtwistle.

Что касается другихъ, второстепенныхъ по своей численности, разрядовъ рабочихъ ткацкихъ фабрикъ, то мы имѣемъ еще возможность привести заработки *развивальщицъ* (winders) и *сновальщицъ* *) (warpers). Взявъ среднія ариѳметическія изъ данныхъ, собранныхъ съ разныхъ фабрикъ miss Abraham, мы находимъ, что развивальщицы заработываютъ 14 s. 6 d, а сновальщицы около 19 s. въ недѣлю.

Мы можемъ теперь резюмировать вкратцѣ данныя о заработной платѣ въ хлопчатобумажномъ производствѣ. Располагая различныя категоріи рабочихъ по полу и возрасту и ограничиваясь средними цифрами заработковъ, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

---

*) Развивальщицы наматываютъ основную пряжу на катушки, сновальщицы перематываютъ ее съ катушекъ на навой.

I. *Мужчины:*

1) Рабочіе приготовительнаго отдѣленія прядиленъ (card-room-operatives)	26 s. 4 d. (въ Oldham).
2) Прядильщики (mule spenners)	35 s.
3) Ткачи (4 ст.)	20 s.

II. *Мужчины и подростки* (16—21 года).

Старшіе присучальщики (b. piecers)	16 s.

III. *Женщины:*

1) Приготов. отд. прядиленъ	15—20 s.
2) Ватерщицы	14—15 sh.
3) Размотальщицы	14 s. 6 d.
4) Сновальщицы	19 s.
5) Ткачи (4 станка)	20 s.

IV. *Подростки* (young persons=14—18 лѣтъ).

1) Въ приготовит. отдѣленіи	9—9½ s.
2) Младшіе присучальщики	11 s.
3) Ткачи (2 станка)	10 s.
4) Подручные ткачей	6 s.

V. *Дѣти:*

1) Въ приготовит. отд.	4 s. 6 d.
2) Младшіе присучальщ.	4 s. 6 d.
3) Подручные ткачей	3 s.

Въ хлопчатобумажной промышленности безусловно преобладающей является плата *сдѣльная*. Такъ, изъ трехъ главныхъ категорій рабочихъ, прядильщики и ткачи получаютъ исключительно сдѣльную плату, что же касается «card-room-hands», то изъ нихъ женщины получаютъ также сдѣльную плату, и только мужчины окладную (повременную—«time wage»).

Таксы, которыми опредѣляется высота сдѣльной платы, представляютъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности нѣкоторую особенность. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи каждая фабрика имѣетъ свою особую таксу, совершенно независимую отъ другихъ фабрикъ, на англійскихъ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ преобладаютъ таксы, общія для цѣлыхъ промышленныхъ раіоновъ; эти таксы устанавливаются не одностороннею волею предпринимателя, а соглашеніемъ рабочихъ союзовъ съ ассоціаціями фабрикантовъ, соглашеніемъ, которое достигается то мирнымъ путемъ переговоровъ, то путемъ упорной и продолжительной борьбы.

Конечно, не всѣ фабриканты даннаго округа подчиняются установленной общей таксѣ, и это, какъ увидимъ, является одной изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ стачекъ, но все же фирмы, не соблюдающія общей таксы, составляютъ исключеніе.

Выдача заработной платы съѣстными припасами, другими предметами потребленія или товаромъ—такъ называемое Truck-system—въ хлопчатобумажной промышленности въ настоящее время уже вполнѣ отошла въ область преданія. Эксперты, спрошенные объ этомъ, категорически заявляютъ, что Truck-system не существуетъ вовсе. Окончательное искорененіе этой системы составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ чертъ современнаго положенія англійскаго рабочаго. Truck является въ весьма различныхъ видахъ: начиная съ прямой выдачи части заработка припасами или товаромъ и кончая той смягченной формой, когда фабрикантъ, нисколько не обязывая своихъ рабочихъ получать плату не въ денежномъ видѣ, только открываетъ имъ кредитъ въ фабричной лавкѣ и стоимость забраннаго товара вычитаетъ изъ заработка при расплатѣ. Это послѣднее видоизмѣненіе Truck-system весьма распространено на русскихъ фабрикахъ и не только на такихъ, которые пользуются этимъ для эксплуатаціи рабочаго. Существованіе фабричныхъ лавокъ, помимо выгодъ, доставляемыхъ ими фабриканту, обусловливается у насъ также и тѣмъ, что сроки расплаты съ рабочими на русскихъ фабрикахъ сравнительно длинны; это заставляетъ рабочаго пользоваться кредитомъ при покупкѣ предметовъ потребленія. При такихъ условіяхъ отсутствіе фабричной лавки должно часто вести только къ еще болѣе тяжелой эксплуатаціи рабочаго мелкими лавочниками, для которыхъ кредитъ всегда сопряженъ со значительнымъ рискомъ. Если въ Ланкаширѣ не существуетъ болѣе и этой формы Truck'a, и рабочіе отъ этого ни мало не теряютъ, то это объясняется тѣмъ, что на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ *расплата съ рабочими производится еженедѣльно*, что даетъ рабочему возможность обходиться безъ кредита фабричной лавки или мелкихъ торговцевъ и запасаться всѣмъ необходимымъ въ магазинахъ потребительныхъ обществъ, гдѣ, какъ извѣстно, торговля ведется только за наличныя деньги.

День выдачи заработной платы не вездѣ одинъ и тотъ же; на прядильняхъ весьма обыкновеннымъ днемъ расплаты является пятница. По словамъ одного изъ экспертовъ, этотъ день недѣли весьма удобенъ для разсчета, потому что, получивъ деньги въ пятницу, жены рабочихъ могутъ въ тотъ же вечеръ сдѣлать закупки, необходимыя на воскресенье, и такимъ образомъ субботній полупраздникъ остается у нихъ свободнымъ

Возвратимся къ вышеприведеннымъ цифрамъ заработной платы рабочихъ хлопчатобумажнаго производства. Конечно, сами по себѣ эти цифры еще далеко недостаточны для сужденія о дѣйствительномъ положеніи рабочаго.

Кромѣ размѣра недѣльнаго заработка для рабочаго имѣетъ громадное значеніе *степень постоянства работы*. Если онъ вынуж-

денъ сидѣть безъ работы значительную часть года, то и при сравнительно высокой недѣльной платѣ его годовой доходъ будетъ незначителенъ, и экономическое положеніе далеко не столь удовлетворительно, какъ могло бы казаться при взглядѣ на одну недѣльную заработную плату. Въ хлопчатобумажной промышленности, по единогласному свидѣтельству экспертовъ, какъ рабочихъ, такъ и фабрикантовъ, работа отличается постоянствомъ. Изъ 52 недѣль года она продолжается 50 недѣль; остановки фабрикъ, за исключеніемъ случаевъ поломки, пожара или банкротства, не часты; сокращеніе рабочихъ часовъ (short time) въ послѣднее время также встрѣчается рѣдко. Такимъ образомъ хлопчатобумажнымъ рабочимъ въ общемъ не приходится жаловаться на непостоянство работы.

Зная недѣльные заработки и степень постоянства работы, мы легко можемъ вывести годовую денежную плату. Но и цифра годового заработка сама по себѣ еще очень мало говоритъ о положеніи рабочаго. Чтобы судить о томъ, высока или низка плата въ англійскомъ хлопчатобумажномъ производствѣ, слѣдуетъ *сравнить ее съ заработною платой тѣхъ же рабочихъ въ другихъ странахъ*, и приэтомъ постараться опредѣлить, насколько различіямъ въ платѣ денежной соотвѣтствуютъ различія въ платѣ реальной, путемъ сравненія цѣнъ на главные предметы потребленія.

Въ книгѣ Schulze-Gaevernitz «Der Grossbetrieb» находимъ таблицу, въ которой сопоставлены фактическіе заработки на нѣкоторыхъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ Oldham'a и Bolton'a съ заработками на нѣсколькихъ нѣмецкихъ фабрикахъ, работающихъ соотвѣтственные номера пряжи. На англійскихъ фабрикахъ прядильщики зарабатываютъ отъ 34 до 46 марокъ, а на нѣмецкихъ фабрикахъ заработокъ равенъ 18—22 маркамъ (и только въ Мюльгаузенѣ, въ Эльзасѣ, доходитъ до 24 марокъ). Такимъ образомъ, прядильщикъ зарабатываетъ въ Англіи вдвое больше, чѣмъ въ Германіи.

Средняя заработная плата нѣмецкихъ ткачей, по Schulze-Gaevernitz=12 марк. въ недѣлю; англійскій ткачъ, какъ мы знаемъ, зарабатываетъ въ среднемъ 20 s.=20,43 марки; разница въ платѣ въ пользу англичанина=8 маркамъ; онъ получаетъ на 66% больше нѣмца. Таковы различія въ денежной платѣ. Для сужденія о разницѣ въ реальныхъ заработкахъ, Schulze-Gaevernitz даетъ слѣдующую сравнительную табличку цѣнъ жизненныхъ припасовъ въ Англіи и въ Германіи для февраля 1892 г.

	Въ Hyde (близъ Манчестера).		Въ Chemnitz.	
Пшеничная мука за 1 ф. . . .	16 pf.		22 pf.	
Хлѣбъ . . . . . » » »	18 »	(пшен.).	15 »	(рж.).
Мясо . . . . . » » »	75—80 »		80 »	
Копч. свинина . . » » »	63—73 »		80—90 »	
Сахаръ . . . . . » » »	27—28 »		30—34 »	
Картофель . . . » » »	5,2 »		5,2 »	
Молоко за 1 литръ . . .	15—22 »		20 »	

Приэтомъ выплачивается дивиденда на закупленный товаръ: въ Hyde 14%, въ Chemnitz: въ лавкахъ 6⅔, въ потребительныхъ обществахъ 8,3%.

Такимъ образомъ продовольствіе стоитъ въ Англіи дешевле, чѣмъ въ Германіи, и разница въ реальной платѣ между этими странами никакъ не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ разница въ платѣ денежной.

«Болѣе высокіе заработки въ связи съ болѣе низкими цѣнами на жизненные припасы, говоритъ Schulze Gaevernitz, дѣлаютъ возможнымъ хорошее питаніе англійскаго рабочаго (хлопчато-бумажной отрасли). Англійскій рабочій питается мясомъ и пшеничнымъ хлѣбомъ, между тѣмъ какъ для нѣмецкаго фабричнаго рабочаго по большей части картофель составляетъ главную пищу».

Для сравненія англійскихъ заработковъ съ русскими, мы можемъ воспользоваться данными проф. Янжула и д-ровъ Пескова и Дементьева. Правда, эти данныя относятся къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, но болѣе позднихъ, сколько-либо удовлетворительныхъ данныхъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

Для заработной платы русскихъ прядильщиковъ, всѣ три источника свѣдѣній даютъ весьма близкія цифры: прядильщики зарабатываютъ въ среднемъ въ мѣсяцъ: по даннымъ г. Янжула (моск. ф. окр.) 19 р. 50 к., г. Дементьева (3 у. Моск. г.) 19 р. 76 к., г. Пескова (Владимір. окр.) 18 р. 88 к.

Такимъ образомъ русскій бумагопрядильщикъ зарабатываетъ около 19 руб. въ мѣсяцъ. Англійскій, какъ мы знаемъ, получаетъ 35 s=17½ рублей въ недѣлю=70 рублей въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ заработокъ англійскаго прядильщика въ три съ половиной раза больше заработка русскаго.

Для заработной платы ткачей данныя трехъ русскихъ источниковъ не такъ близки между собой; поэтому мы возьмемъ сперва среднюю ариѳметическую изъ двухъ данныхъ по Московскому округу, а затѣмъ среднюю между Московскимъ и Владимірскимъ округомъ. По г. Янжулу средній заработокъ ткача въ Московскомъ округѣ= 15 руб., по д-ру Дементьеву для 3 у. Моск. г.=12 р. 48 к. Средняя плата по Московск. окр.=13 р. 74 к. По д-ру Пескову средняя плата по Владимірскому округу 11 р. 91 к. Слѣдовательно, средняя зар. пл. по Моск. и Влад. окр. 12 р. 82 к.

Въ Англіи ткачи получаютъ 20 s=10 руб. въ недѣлю=40 руб. въ мѣсяцъ, т. е. втрое больше своихъ русскихъ собратьевъ.

Дѣлая эти сравненія, надо имѣть въ виду: 1) русскія данныя относятся къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, а данныя Labour Commission къ 1891 году; съ 1885 года плата на русскихъ фабрикахъ могла нѣсколько измѣниться и, такъ какъ вторая половина десятилѣтія была въ общемъ благопріятна для русской промышленности, то можно скорѣе ожидать нѣкотораго повышенія платы; но съ другой стороны слѣдуетъ помнить, что послѣ изданія закона,

запрещающаго ночную работу подростковъ и женщинъ, въ 1885 г., нѣкоторыя изъ нашихъ большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ перешли къ смѣнной девятичасовой работѣ, что должно было безъ сомнѣнія нѣсколько понизить заработки. Такимъ образомъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ настоящее время заработная плата была значительно выше, чѣмъ въ 1882—5 годахъ; 2) «Къ заработку русскаго рабочаго, говоритъ г. Янжулъ, слѣдуетъ еще приложить арендную плату за жилое помѣщеніе, которымъ онъ въ большинствѣ случаевъ пользуется безплатно, а въ Англіи обыкновенно нанимаетъ на сторонѣ на собственный счетъ, но это составляетъ во всякомъ случаѣ относительно размѣровъ заработковъ разницу ничтожную: 1 или 2 рубля въ мѣсяцъ, самое большее».

И такъ денежная заработная плата на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ втрое выше, чѣмъ на русскихъ. Но какова разница въ реальной платѣ; насколько большая дороговизна жизни въ Англіи уравновѣшиваетъ преимущество болѣе высокихъ денежныхъ заработковъ? По мнѣнію г. Янжула, главнѣйшіе жизненные продукты, и притомъ высшаго качества, стоятъ въ Англіи никакъ не болѣе 50% дороже, чѣмъ въ Россіи. По даннымъ г. Дементьева, изъ 14 важнѣйшихъ предметовъ потребленія 8 дороже въ Англіи, чѣмъ въ Россіи, именно: говядина на 46,66%, солонина на 108,00%, свинина свѣжая на 69,60%, свинина соленая на 47,14%, масло коровье на 16.00%, сало свиное на 8,50%, яйца на 142,40%, картофель на 146,80%.

Остальные 6 предметовъ стоятъ дороже въ Россіи:

Мука ржаная на 19,05%, пшеничная на 57,89%, молоко на 8,82%, сахаръ на 119,78%, мыло на 40%, керосинъ на 49,25%.

Такимъ образомъ общераспространенное убѣжденіе относительно большей дороговизны жизни въ Англіи оказывается вѣрнымъ не для всѣхъ предметовъ потребленія, и даже такой наиважнѣйшій продуктъ, какъ мука, въ Англіи дешевле, чѣмъ въ Россіи. Если къ тому же еще принять во вниманіе дешевизну всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій: одежды, обуви, въ Англіи, то придется вывести заключеніе, что во всякомъ случаѣ разница въ стоимости жизни далеко не соотвѣтствуетъ разницѣ въ заработной платѣ англійскаго и русскаго рабочаго хлопчатобумажнаго производства.

Впослѣдствіи, когда мы познакомимся съ заработною платою въ другихъ волокнистыхъ производствахъ Англіи, мы получимъ еще новый матеріалъ для сужденія объ относительной высотѣ заработковъ въ хлопчатобумажной промышленности.

Ланкаширскіе эксперты были также допрошены о томъ, *какъ*, ихъ мнѣнію, *измѣнилась заработная плата въ хлопчатобумажномъ производствѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ?* Показанія экспертовъ сводятся къ тому, что за это время заработная плата увели-

чилась. Такъ, уже извѣстный намъ Birtwistle говоритъ, что втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ «заработки постоянно возрастали», но поштучная плата (за фунтъ пряжи, за ярдъ миткаля) притомъ не увеличивалась; возростаніе же недѣльныхъ заработковъ обусловливалось во-первыхъ усовершенствованіемъ машинъ и во-вторыхъ увеличеніемъ напряженности труда, вслѣдствіе примѣненія такъ называемаго «driving» (см. далѣе). Слова Birtwistle вполнѣ подтверждаютъ представители фабрикантовъ. Одинъ изъ нихъ утверждаетъ, на основаніи своего личнаго 35-ти-лѣтняго опыта, что за это время заработки увеличились на 25—50%. Въ частности о заработной платѣ ткачей, свидѣтель сообщаетъ слѣдующее: «когда я былъ мальчикомъ (a lad), лишь немногіе ткачи работали на 4-хъ станкахъ и въ такомъ случаѣ всегда имѣли помощника; средній заработокъ на станокъ равнялся 4 шиллингамъ. Теперь мы имѣемъ множество ткачей, работающихъ на 4-хъ станкахъ безъ помощника, и ихъ средній заработокъ=5 s на станокъ. Такимъ образомъ 35 лѣтъ тому назадъ ткачъ съ четырьмя станками зарабатывалъ 16 s. въ недѣлю и изъ этого заработка платилъ еще своему помощнику; теперь ткачъ безъ помощника зарабатываетъ 20 s. и ткачей, работающихъ на 4 станкахъ гораздо больше, чѣмъ прежде». По словамъ другого фабриканта, «съ 1854 года, когда онъ впервые поступилъ на фабрику, произошло очень большое улучшеніе въ заработной платѣ». Это улучшеніе было постепенное: хотя, какъ показываетъ приводимая экспертомъ таблица, таксы заработной платы то повышались, то понижались, дѣйствительные заработки возростали все время или почти все время; возрастаніе прерывалось лишь рѣдкими отливами. Такое почти непрерывное поступательное движеніе впередъ недѣльныхъ заработковъ, несмотря на періодическія пониженія таксъ, Kawlinson объясняетъ также, какъ и Birtwistle, усовершенствованіемъ машинъ и методовъ производства.

Возвышеніе денежныхъ заработковъ сопровождалось, какъ говоритъ экспертъ Simpson, удешевленіемъ цѣнъ на съѣстные припасы, между тѣмъ, какъ арендная плата за жилище мѣстами (въ ткацкихъ округахъ) также уменьшилась, а мѣстами (въ Oldham'ѣ) увеличилась. Такъ какъ расходъ на пищу составляетъ главную статью въ бюджетѣ рабочаго, и такъ какъ стоимость одежды и обуви, какъ мануфактурныхъ издѣлій, также несомнѣнно понизилась, то изъ этихъ показаній экспертовъ слѣдуетъ заключить, что увеличенію денежныхъ заработковъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ соотвѣтствовало еще большее увеличеніе заработковъ реальныхъ.

Въ связи съ фактомъ повышенія заработной платы можно поставить два вопроса: 1) какую роль играли рабочіе союзы въ этомъ повышеніи платы и 2) какъ отразилось повышеніе платы на положеніи хлопчатобумажной промышленности и предпринимателей?

Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то, по мнѣнію большинства экспертовъ, рабочіе обязаны повышеніемъ своихъ заработ-

ковъ главнымъ образомъ своей организаціи. Такъ свидѣтель Mullin говоритъ, что не будь рабочихъ союзовъ, фабриканты воспользовались бы одни всѣми выгодами отъ усовершенствованія машинъ. Того же убѣжденія относительно значенія рабочихъ союзовъ держатся и эксперты-предприниматели. Только одинъ изъ нихъ. Rawlinson, не признаетъ, чтобы trades-union'ы возвысили плату; онъ полагаетъ что это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы они были сильнѣе ассоціацій фабрикантовъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Вліяніе рабочихъ союзовъ на заработную плату, по его убѣжденію, было иное: они не возвысили плату, а только сдѣлали ее болѣе постоянной; безъ организацій рабочихъ и предпринимателей колебанія заработной платы и въ ту, и въ другую сторону были бы больше. Въ доказательство того, что не trades-union'амъ рабочіе обязаны увеличеніемъ своихъ заработковъ, свидѣтель приводитъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ разрядовъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ, или вовсе не организованныхъ или организовавшихся лишь въ самое послѣднее время, какъ-то у card-room operatives, у ватерщицъ, съемщиковъ (doffers), подмастерьевъ, заработная плата возросла въ еще большей пропорціи, чѣмъ у прядильщиковъ и ткачей.

Еще рѣшительнѣе отрицаетъ вліяніе рабочихъ союзовъ на заработную плату одинъ изъ экспертовъ рабочихъ, Wilcock. Wilcock—ярый противникъ союзовъ: онъ не признаетъ за ними ни малѣйшаго значенія и находитъ, что рабочіе поступали бы гораздо благоразумнѣе, если бы сберегали, каждый за себя, возможно больше изъ недѣльной платы, а не тратили деньги на безполезные разъѣзды представителей trades-union'овъ по странѣ. Wilcock полагаетъ, что и безъ trades-union'овъ заработная плата была бы нисколько не ниже. Высказывая такое мнѣніе, онъ, однако, не можетъ привести въ его защиту ни тѣни доказательства и вынужденъ даже въ концѣ-концовъ допустить, что, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лично получалъ увеличеніе платы, онъ былъ этимъ обязанъ союзу.

Другіе эксперты напротивъ вполнѣ признаютъ, что возвышеніе заработной платы—дѣло рабочихъ союзовъ. Эксперты-фабриканты (Simpson, Russel, Noble) утверждаютъ даже, что рабочіе союзы настолько возвысили заработную плату, что сдѣлали хлопчатобумажное производство совершенно безвыгоднымъ для фабрикантовъ и заставили капиталистовъ извлекать свои капиталы изъ этой отрасли промышленной дѣятельности. Остановимся нѣсколько на этомъ пунктѣ, который, если вѣрить фабрикантамъ, составляетъ оборотную сторону медали, угрожающую въ будущемъ упадкомъ промышленности и ухудшеніемъ положенія рабочихъ.

Simpson и Russel утверждаютъ, что втеченіе послѣднихъ 10 лѣтъ средняя прибыль въ хлопчатобумажной промышленности не превышала 5%, и даже эта цифра, по мнѣнію Simpson, больше дѣйствительный, потому что акціонерныя фирмы составляютъ очень

часто неправильные отчеты, списываютъ недостаточно въ амортизацію и выдаютъ такимъ образомъ дивиденды на самомъ дѣлѣ не заработанные (unearned). Если бы эти фирмы производили надлежащую амортизацію, средняя прибыль Ланкаширскихъ фабрикъ была бы не болѣе 2% (?!). Вслѣдствіе такой совершенно недостаточной прибыли, говоритъ далѣе Simpson, солидные частные капиталисты, которые понимаютъ и какъ слѣдуетъ ведутъ дѣло и достаточно списываютъ амортизацію, не расширяютъ болѣе своихъ предпріятій, не строятъ новыхъ фабрикъ, а напротивъ, стараются по возможности извлекать свои капиталы изъ безвыгоднаго дѣла. Увеличиваютъ старыя и начинаютъ новыя предпріятія лишь акціонерныя компаніи, но этимъ компаніямъ рано или поздно грозитъ неминуемый крахъ вслѣдствіе несолиднаго веденія дѣлъ.

Столь ничтожный процентъ прибыли въ хлопчатобумажной промышленности объясняется, по словамъ экспертовъ, съ одной стороны неблагопріятными условіями мірового рынка: сбытъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій все болѣе и болѣе затрудняется усиливающейся съ каждымъ годомъ конкурренціей другихъ странъ и особенно Индіи, протекціонными тарифами, паденіемъ цѣнности серебра. Съ другой стороны Ланкаширскаго фабриканта тѣснятъ рабочіе союзы, которые рѣшили «извлекать въ свою пользу каждое penny прибыли» (Simpson) и «захватили себѣ такую заработную плату, какую промышленность не въ состояніи платить»; правда, этотъ захватъ былъ сдѣланъ съ согласія предпринимателей, но согласіе это было вынужденное, и «такимъ образомъ ланкаширскіе частные прядильные фабриканты превратились на дѣлѣ въ филантроповъ, конечно, невольныхъ, втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ продолжающихъ вести дѣло въ убытокъ для себя» (Russel).

Такое положеніе дѣла можетъ продолжаться только до поры до времени, «trades-union'ы постепенно изгоняютъ капиталъ изъ хлопчатобумажной промышленности», и «рано или поздно рабочіе почувствуютъ на себѣ послѣдствія этого изгнанія».

Такъ плачутся на свою судьбу и сѣтуютъ на рабочіе союзы ланкаширскіе фабриканты; они, въ противоположность рабочимъ, совсѣмъ недовольны своимъ положеніемъ и въ высшей степени мрачно смотрятъ на будущее хлопчатобумажной промышленности.

Не входя въ разсмотрѣніе справедливости этихъ жалобъ, мы замѣтимъ только, что имъ, повидимому, противорѣчатъ два слѣдующіе факта, на которые указываетъ фабрикантамъ предсѣдатель коммиссіи Мунделла: во 1-хъ, ростъ хлопчатобумажной промышленности, все еще поодолжающійся, хотя и не столь быстрый, какъ въ прежніе годы, и во 2-хъ, значительныя поступленія incometax съ прибылей ланкаширскихъ фабрикъ. Правда, и эти факты фабриканты объясняютъ несолидною, спекулятивною дѣятельностью акціонерныхъ обществъ.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію заработной

платы въ *шерстяной промышленности*, которая сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ сосѣднемъ съ Ланкаширомъ западномъ Іоркширѣ. Въ Minutes of Evidence коммиссіи мы находимъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о заработной платѣ для округа Bradford. Bradford есть центръ такъ называемаго *камвольнаго производства*, которое отличается отъ другой отрасли шерстяной промышленности:— «суконнаго производства» тѣмъ, что камвольныя издѣлія фабрикуются изъ длинной чесанной шерсти, а суконныя изъ короткой. Общее число англійскихъ камвольныхъ фабрикъ, по Factory Return 1890 года = 753; число прядильныхъ веретенъ на этихъ фабрикахъ = 2.402,922; число станковъ = 67,391 и число рабочихъ = 148,324, что составляетъ около половины всѣхъ рабочихъ шерстяной промышленности. Почти все камвольное производство концентрируется на очень небольшомъ пространствѣ (200 кв. миль) западнаго Іоркшира, въ городахъ Bradford, Halifax, Keighley и ихъ окрестностяхъ. Но первенствующую роль играетъ Bradford, и заработки въ Bradford'ѣ являются типичными для камвольной промышленности.

Мы прослѣдимъ заработную плату отдѣльныхъ категорій Bradford'скихъ рабочихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣхъ процессовъ, черезъ которые проходитъ шерсть при переработкѣ въ пряжу и ткань.

1) Прежде всего шерсть *сортируется;* сортировка производится частью на фабрикахъ, но главнымъ образомъ у оптовыхъ торговцевъ, — различіе, какъ увидимъ далѣе, весьма существенное для рабочихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Сортировкою шерсти занимаются только взрослые мужчины; число ихъ въ брадфордскомъ районѣ отъ 3 до 4 тысячъ чел. По словамъ эксперта Hatton, среди сортировщиковъ слѣдуетъ различать двѣ категоріи: одни сортировщики работаютъ за поденную плату, другіе сдѣльно. Первые являются какъ бы привиллегированными рабочими. Они работаютъ безъ перерывовъ круглый годъ, и ихъ недѣльные заработки сравнительно высоки: они зарабатываютъ въ среднемъ около 29 шиллинговъ въ недѣлю *). Совсѣмъ иное положеніе сдѣльныхъ сортировщиковъ: во-первыхъ, ихъ *работа очень непостоянна*; во-вторыхъ, и за полную рабочую недѣлю они получаютъ значительно меньше поденныхъ рабочихъ: именно ихъ средній заработокъ за полную недѣлю не превышаетъ 1 L.; есть даже такія фирмы, у которыхъ нельзя заработать на этой сдѣльной работѣ болѣе 12—15 sh. въ недѣлю. Можно себѣ представить, какъ низки должны быть заработки этихъ рабочихъ, если принять еще во вниманіе частые перерывы въ работѣ. А между тѣмъ сортировщики взрослые мужчины, отцы семействъ.

*) На фабрикѣ другаго эксперта-фабриканта Arn. Forster'a отъ 28 до 32 sh. въ недѣлю.

Низкіе заработки значительной части сортировщиковъ въ настоящее время объясняются избыткомъ предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ. Вслѣдствіи того, что колоніальная шерсть, прежде всегда подвергавшаяся сортировкѣ, теперь часто поступаетъ въ обработку не сортированная, требованіе на сортировщиковъ сократилось; на рынкѣ этого спеціальнаго вида труда разразился тяжелый кризисъ: заработки пали, и многіе рабочіе принуждены были искать себѣ иного занятія. Это произошло лишь въ послѣдніе годы. Другая причина избытка рабочихъ рукъ заключается, по мнѣнію Hatton'a, въ томъ, что сортировкѣ обучается постоянно слишкомъ много учениковъ, которые, выучившись, усиливаютъ конкурренцію.

Итакъ, цехъ сортировщиковъ не однороденъ: между тѣмъ, какъ положеніе поденныхъ рабочихъ можно назвать удовлетворительнымъ, положеніе сдѣльныхъ рабочихъ далеко не отрадное. И вотъ, здѣсь наблюдается довольно обыкновенное проявленіе человѣческаго эгоизма: сдѣльные сортировщики, страдающіе отъ непостоянства работы и низкихъ заработковъ, образовали недавно рабочій союзъ; но этотъ союзъ не встрѣчаетъ поддержки со стороны тѣхъ, которые могли бы всего скорѣе его поддержать: поденные рабочіе, довольные своимъ личнымъ положеніемъ, быть можетъ опасаясь скомпрометтировать себя участіемъ въ союзѣ, остаются совершенно равнодушными къ общему дѣлу.

Выше мы привели среднія величины заработной платы; но было уже упомянуто, что у нѣкоторыхъ фирмъ заработная плата много ниже средней. У сортировщиковъ и вообще, какъ мы далѣе увидимъ, въ шерстяной промышленности *не существуетъ такихъ общихъ для цѣлыхъ округовъ таксъ заработной платы, какъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ.* Каждый предприниматель платитъ по своей таксѣ. Но, не говоря уже объ отсутствіи общихъ таксъ, сортировщики жалуются еще на нѣчто несравненно болѣе серьезное. У нѣкоторыхъ изъ оптовыхъ торговцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ одна крупнѣйшая фирма не только Bradford'a, но и всей Англіи, *опредѣленныхъ таксъ заработной платы не существуетъ вовсе.* Сортировщикъ, придя утромъ на работу, не знаетъ, сколько онъ долженъ за нее получить; сортъ шерсти постоянно мѣняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и плата. Между тѣмъ, сортировщикъ не смѣетъ спросить у хозяина, что онъ получитъ за свою работу. За такую дерзость онъ рискуетъ лишиться мѣста или въ лучшемъ случаѣ услышать грубый отвѣтъ: «вы получите то, что мнѣ будетъ угодно вамъ дать!» Свидѣтель Hatton разсказываетъ, что у вышеупомянутой крупнѣйшей брадфордской фирмы однажды дѣло дошло до стачки изъ-за этого отсутствія таксы. Время было горячее; хозяинъ уступилъ и вывѣсилъ таксу; черезъ три недѣли такса исчезла, и все опять пошло по старому. Такое вопіющее злоупотребленіе встрѣчается, впрочемъ, только у оптовыхъ торговцевъ шерстью; на

прядильныхъ фабрикахъ сортировщики всегда работаютъ по опредѣленной таксѣ.

2) Слѣдующій разрядъ рабочихъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ показаніяхъ экспертовъ, составляютъ *чесальщики*. Всѣхъ чесальщиковъ въ Брадфордскомъ округѣ немного болѣе 3,000; изъ нихъ 40% женщинъ и 60% мужчинъ. Такъ какъ чесальщики получаютъ вознагражденіе по часамъ, то намъ приходится, для выясненія ихъ заработковъ, забѣжать немного впередъ и поговорить о числѣ рабочихъ часовъ чесальщиковъ втеченіе недѣли. Чесальщики-женщины и часть мужчинъ работаютъ днемъ, согласно фабричному закону, $56^1/_2$ часовъ въ недѣлю. Остальные мужчины составляютъ ночную смѣну и работаютъ почти безъ перерывовъ всю ночь, съ $5^1/_4$ часовъ вечера до 6 утра. Такая работа производится втеченіе 5 ночей въ недѣлю, что составитъ въ суммѣ 60 часовъ. Кромѣ того эта же смѣна иногда работаетъ еще по субботамъ съ 1 ч. пополудни до 10 или 11 часовъ вечера и по понедѣльникамъ съ 12 часовъ ночи до 6 ч. утра; такимъ образомъ работа еще удлиняется до 69 или 75 часовъ въ недѣлю.

Заработная плата чесальщикамъ мужчинамъ одинакова за ночную и денную работу и равна въ среднемъ $3^3/_4$ пенсамъ въ часъ, что для денной смѣны составитъ 17 s. 6 d. въ недѣлю, а для ночной, смотря по различной продолжительности работы, отъ 17 до 22 шиллинговъ. Женщины-чесальщики получаютъ въ часъ по $2^1/_2$ d.; это составляетъ въ недѣлю 12 s. Но таковы заработки за полную недѣлю; между тѣмъ и въ этой отрасли шерстяной промышленности *работа непостоянна*: періодически повторяющаяся безработица должна значительно понижать годовой и соотвѣтствующій ему *фактическій средній недѣльный заработокъ*. Къ сожалѣнію, въ Min. of Evidence не имѣется данныхъ о средней продолжительности прогульнаго времени чесальщиковъ, равно какъ и сортировщиковъ, и потому фактическіе недѣльные заработки и тѣхъ и другихъ (а также и всѣхъ прочихъ категорій рабочихъ, за исключеніемъ ткачей) остаются неизвѣстными. Различіе въ заработной платѣ мужчинъ и женщинъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что женская работа легче мужской. Но вполнѣ достаточнымъ это объясненіе признать нельзя, потому что ночью мужчины исполняютъ и женскую работу, но все же получаютъ за нее мужскую плату.

Наконецъ слѣдуетъ еще замѣтить, что вышеприведенныя цифры заработной платы: $3^3/_4$ и $2^1/_2$ d. за часъ выражаютъ среднюю плату; фактически плата различна на разныхъ фабрикахъ: *общихъ таксъ не существуетъ*.

3) Переходимъ къ *пряденію шерсти;* пряденіе въ Bradford'ѣ сосредоточивается въ рукахъ женщинъ и дѣтей. Подробныя свѣдѣнія о заработной платѣ на прядильныхъ фабрикахъ сообщаютъ представители союза брадфордскихъ (прядильныхъ) подмастерьевъ. Изъ данныя мы можемъ свести въ слѣдующую таблицу:

Категоріи рабочихъ.	*Полъ и возрастъ.*	*Заработн. плата.*
1) Съемщики	Дѣти (half-timers), мальчики и дѣвочки.	minimum 1 s. 6 d. maximum 4 s. Средняя 2 s. 9 d.
2) Id.	Подростки (full-timers) 13—15 лѣтъ. Обоего пола.	Отъ 7 s. 6 d. до 8 s. 6 d.
3) Ватерщицы	Молодыя дѣвушки 15—17 лѣтъ; взрослыхъ женщинъ немного; замужнихъ почти совсѣмъ нѣтъ.	a) работающія на двухъ сторонахъ ватера отъ 8 s. 6 d. до 9 s. b) работающія на 3 стор. отъ 10 s. 6 d. до 11 s. 6 d.
4) Ленточницы 5) Мотальщицы 6) Сновальщицы	Женщины. (въ эти разряды переходятъ ватерщицы по достиженіи 18 лѣтъ)	9 s.—12 s. 9 s. 6 d.—10 s. 6 d. 13—14 s., ср. 13 s. 6 d.

Что касается степени постоянства работы на камвольныхъ прядильняхъ, то она вообще «довольно непостоянна». Здѣсь рабочіе заняты не 50 недѣль въ году, какъ въ хлопчатобумажной промышленности,—то одно, то другое отдѣленіе фабрики стоитъ, хотя вся фабрика, какъ цѣлое, и работаетъ круглый годъ. Особенно велико непостоянство работы на тѣхъ фабрикахъ, которыя работаютъ для сезона.

4) Сообщенныя экспертами данныя о заработной платѣ брадфордскихъ ткачей, къ сожалѣнію, весьма противорѣчивы; на этотъ разъ представители рабочихъ и предпринимателей сильно разошлись въ своихъ показаніяхъ.

Число ткачей въ брадфордскомъ округѣ, простирающемся отъ Halifax до Skipton.=32.000, причемъ каждый ткачъ обыкновенно работаетъ на двухъ станкахъ. Три четверти ткачей—женщины; онѣ работаютъ совершенно ту-же работу, какъ и мужчины, и получаютъ одинаковую съ ними заработную плату. Какова-же эта плата?

Свидѣтель Drew, представитель союза ткачей, сообщилъ о ней слѣдующее: «если взять *средній недѣльный заработокъ* всѣхъ ткачей на пространствѣ отъ Halifax'а до Skipton'а *за цѣлый годъ*, то онъ окажется равнымъ 9 шиллингамъ». Столь низкій заработокъ объясняется главнымъ образомъ непостоянствомъ работы: «въ теченіи года ткачи прогуливаютъ вслѣдствіе безработицы отъ 12 до 13 недѣль». Но непостоянство работы не единственная причина низкихъ заработковъ. Заработки крайне низки и за *полную* рабочую недѣлю: «хорошій ткачъ, на хорошей работѣ и у хорошей фирмы, проработавъ всѣ $56^1/_2$ часовъ въ недѣлю, получитъ не болѣе 16 s.». Это—maximum недѣльнаго заработка брадфордскаго ткача; minimum-же, при недостаточной работѣ, опускается до 2 s.

Это показаніе эксперта Drew встрѣтило самый рѣшительный отпоръ со стороны брадфордскихъ фабрикантовъ. При своемъ первомъ допросѣ ихъ представители не имѣли подъ руками статистическихъ данныхъ о заработкахъ на фабрикахъ Bradford'а, за исключеніемъ своихъ собственныхъ; поэтому, на этотъ разъ они ограничились тѣмъ, что высказали свое крайнее удивленіе по поводу показанія Drew, но черезъ нѣсколько времени фабрикантъ Forster появился снова передъ коммиссіей труда и на этотъ разъ во всеоружіи статистическихъ данныхъ, собранныхъ особою коммиссіей, составленной изъ представителей брадфордскихъ предпринимателей и рабочихъ. Эта коммиссія разослала по фабрикамъ циркуляры съ вопросами о среднихъ недѣльныхъ заработкахъ и количествѣ прогульнаго времени за два послѣдніе года. Изъ отвѣтовъ 108 фирмъ, занимающихъ болѣе 11000 ткачей, получился слѣдующій выводъ. Въ 1890 году средній недѣльный заработокъ ткачей былъ 13 s. 5,880 d., а прогульное время 7,825%; въ 1891 году средній заработокъ 13 s. 3,840 d. и прогульное время 9,316%. Т. е. средній заработокъ ткача, по опредѣленію брадфордской коммиссіи, оказался въ полтора раза выше цифры, данной экспертомъ Drew. Какъ объяснить такое противорѣчіе, и на чьей сторонѣ истина? Несомнѣнно, съ одной стороны, что цифра Drew слишкомъ низка; самъ экспертъ призналъ это въ концѣ концовъ въ засѣданіи брадфордской коммиссіи и объяснилъ тѣмъ, что, при своемъ исчисленіи, онъ не принималъ во вниманіе одной категоріи шерстяныхъ фабрикъ (работающихъ т. н. worsted coatings), на которыхъ заработная плата сравнительно выше, чѣмъ на прочихъ ткацкихъ. Но, съ другой стороны, и цифры, добытыя коммиссіей, допускаютъ нѣкоторыя возраженія. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ точности этихъ данныхъ для тѣхъ 108 фирмъ, которыя отвѣтили на вопросы коммиссіи, но легко могло случиться, что на тѣхъ фабрикахъ, которыя не прислали отвѣтовъ, заработная плата ниже, а пропорція прогульнаго времени больше, чѣмъ выведенныя коммиссіей среднія. Такое возраженіе на данныя коммиссіи, кромѣ Drew, дѣлаютъ еще представители союза ткацкихъ подмастерьевъ, мнѣніе которыхъ, какъ лицъ не заинтересованныхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Они рѣшительно возстаютъ противъ пропорціи прогульнаго времени, опредѣленной въ отчетѣ брадфордской коммиссіи, и полагаютъ, что, если-бы были доставлены данныя со всѣхъ фабрикъ, то эта пропорція оказалась-бы значительно выше, и полученный результатъ былъ-бы менѣе б гопріятенъ. Принимая это во вниманіе, слѣдуетъ нѣсколько уменьш ть данныя коммиссіи, и мы, по всей вѣроятности, немного уклон ся отъ истины, если примемъ средній фактическій заработокъ б дфордскаго ткача равнымъ 11 или 12 шиллингамъ въ недѣлю.

5) Послѣднюю категорію рабочихъ, о которыхъ сообщаются свѣд ія, составляютъ *красильщики*. Опытный работникъ заработаетъ 2 s. въ недѣлю: это—maximum платы; но такихъ работниковъ

немного; minimum платы красильщику=15 s., многіе женатые работники зарабатываютъ не болѣе 16 s. Причину столь низкой платы эксперты видятъ: 1) въ отсутствіи рабочихъ союзовъ, 2) въ избыткѣ предложенія рабочихъ рукъ и въ 3) въ конкурренціи подростковъ со взрослыми рабочими. Работа красильщиковъ непостоянна, и это непостоянство особенно сильно отражается на взрослыхъ рабочихъ: при сокращеніи работы ихъ прежде всего отпускаютъ, оставляя подростковъ.

Пскончивъ разсмотрѣніе данныхъ о заработной платѣ въ Bradford'ѣ, мы въ заключеніе сведемъ ихъ въ таблицу, располагая разряды рабочихъ по полу и возрасту.

	За полную рабочую недѣлю.	Постоянна-ли работа.	Средній факт. зараб.
Мужчины.			
1) Сортировщики.			
a) поденные	Ср. зараб. 29 s.	Да	—
b) сдѣльные	Ср. » 20 s.	Нѣтъ	—
2) Чесальщики			
a) денные ($56^1/_2$ ч.)	Ср. » 17 s. 6 d.	Нѣтъ	—
b) ночные (60—75)	Ср. » 17—22 s.	Нѣтъ	—
3) Ткачи	Maximum 16 s.	Нѣтъ	11—12 s.
4) Красильщики	Max. 24 s. Min. 15 s.	Нѣтъ	—
Женщины.			
1) чесальщицы	Ср. з. 12 s.	Нѣтъ	—
2) ленточницы	Ср. 9—12 s.		
3) мотальщицы	Ср. 10 s.		
4) сновальщицы	Ср. 13 s. 6 d.		
5) ткачихи	Maxim 16 s.	Нѣтъ	11—12 s.
Подростки.			
1) Ватерщицы (15—18 лѣтъ)	Ср. з. 8 s. 6 d.—11 s: 6 d.	Нѣтъ	—
2) Съемщики (13—15 лѣтъ)	Ср. з. 8 s.		
Дѣти (half timers)			
1) Съемщики	Ср. з. 9 d.		

Какъ Bradford есть центръ камвольнаго производства, такъ іоркширскіе города Huddersfield и Leeds играютъ роль *въ суконной промышленности*. По Factury rèturns 1890 г., общее число суконныхъ фабрикъ въ Соединенномъ Королевствѣ—1,793; число прядильныхъ веретенъ—3.107,209; число станковъ—61,831 и число рабочихъ—148,729. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о заработной платѣ, сообщенныя экспертами изъ Leegs и Huddersfield, крайне скудны въ количественномъ отношеніи и весьма неудовлетворительны въ качественномъ. Мы можемъ воспользоваться только данными о заработкахъ Huddersfield'скихъ ткачей.

Число ткацкихъ станковъ въ округѣ Huddersfield доходитъ до 9,000, и той-же цифры достигаетъ и число ткачей, такъ какъ, по свойству производимыхъ здѣсь издѣлій, ткачъ справляется только съ однимъ станкомъ. Въ Huddersfield пропорція мужчинъ ткачей значительно больше, чѣмъ въ Bradford, и заработная плата мужчинъ и женщинъ на совершенно-тождественной работѣ не одинакова. Существуютъ особыя таксы для мужчинъ и для женщинъ, и женская ниже мужской на 15—30% (для нѣкоторыхъ сортовъ товара даже на 50%). На тѣхъ фабрикахъ, которыя соблюдаютъ эту таксу, хорошій ткачъ—мужчина зарабатываетъ *въ полную рабочую недѣлю* 24 s., но, если взять всѣхъ Huddersfield'скихъ мужчинъ-ткачей и вычислить *ихъ средній недѣльный заработокъ за цѣлый годъ*, принимая во вниманіе прогулы, то онъ окажется, по мнѣнію эксперта, равнымъ 17—18 шиллингамъ. Maximum недѣльнаго заработка женщины-ткача=18 s., при непостоянной работѣ женщины зарабатываютъ отъ 6 до 16 s. въ недѣлю.

Какъ видимъ, мужчины получаютъ въ Huddersfield'ѣ значительно больше, чѣмъ въ Bradford'ѣ: 17—18 шиллинговъ вмѣсто 11—12. Что касается женщинъ, то Huddersfield'скіе эксперты не приводятъ цифры ихъ средняго заработка, но maximum недѣльной платы женщинъ въ Huddersfield'ѣ лишь на 2 s. выше, чѣмъ въ Bradford'ѣ.

Что касается показаній свидѣтелей изъ Лидза, то они крайне отрывочны, и по нимъ нѣтъ возможности составить себѣ сколько-либо опредѣленное понятіе о заработкахъ въ этомъ важномъ центрѣ суконной промышленности. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, обратимся къ отчету miss Abraham. На 26 ткацкихъ *Лидза*, посѣщенныхъ ею, *заработки женщинъ-ткачей* (здѣсь какъ и въ Bradford'ѣ великое большинство ткачей женщины) были въ 4 случаяхъ менѣе 12 s. въ недѣлю, въ 18 случаяхъ(=$^2/_3$ общ. числа) отъ 12 до 15 s. и въ 4 случаяхъ—болѣе 15, но менѣе 18 шиллинговъ.

Хотя эти данныя страдаютъ неточностью, такъ какъ изслѣдовательница въ большинствѣ случаевъ не указываетъ, что означаютъ приводимыя ею цифры: средній заработокъ за полную недѣлю, или фактическій средній заработокъ съ зачетомъ прогульнаго времени, тѣмъ не менѣе, изъ нихъ можно вывести заключеніе, что заработки женщинъ-ткачей въ Лидзѣ, во всякомъ случаѣ, не выше, чѣмъ въ Huddersfield.

Въ отчетѣ miss Abraham можно также найти кое-какія цифры заработной платы на прядильныхъ фабрикахъ Huddersfield'a, Halifax'a и Leeds'a. Насколько можно судить по этимъ,—правда, крайне скуднымъ даннымъ,—заработки чесальщицъ, ленточницъ, ватерщицъ, мотальщицъ и сновальщицъ въ этихъ центрахъ шерстяной промышленности такіе-же, какъ и въ Bradford'ѣ.

Познакомившись съ данными о заработной платѣ отдѣльныхъ категорій рабочихъ шерстяной промышленности, мы теперь перейдемъ къ тѣмъ заключеніямъ, которыя можно вывести изъ этихъ

данныхъ, и также къ тѣмъ общимъ сужденіямъ о заработкахъ іоркширскихъ рабочихъ, которыя были высказаны свидѣтелями Коммиссіи Труда.

1) Первый фактъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, — это *низкій уровень заработковъ въ шерстяной промышленности Іоркшира сравнительно съ хлопчатобумажною промышленностью Ланкашира.*

Для объясненія этого факта эксперты приводятъ различныя причины, изъ которыхъ однѣ являются спеціальными для того или иного разряда рабочихъ, а другія имѣютъ общее значеніе.

Одна изъ общихъ причинъ низкихъ заработковъ несомнѣнно кроется въ *непостоянствѣ работы* на шерстяныхъ фабрикахъ. На непостоянство работы жалуются всѣ безъ исключенія эксперты изъ Іоркшира, и оно объясняется самымъ характеромъ производимыхъ товаровъ: между тѣмъ какъ хлопчатобумажная промышленность изготовляетъ главнымъ образомъ предметы массового потребленія, шерстяное производство въ гораздо большей степени подчинено вліянію сезоновъ и моды, — такихъ факторовъ, которые дѣлаютъ невозможной равномѣрную работу.

Но одной этой причины еще недостаточно для объясненія всего различія заработковъ въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. Сравнивая наши таблицы заработной платы, мы замѣчаемъ, что и *за полную недѣлю работы* Ланкаширскій рабочій получаетъ въ большинствѣ случаевъ больше Іоркширскаго. Такъ, напр., въ Ланкаширѣ многія женщины-ткачи зарабатываютъ по 24 s. въ недѣлю; въ Іоркширѣ максимумъ заработка ткачихи = 18 s. (въ Huddersfield); въ приготовительныхъ отдѣленіяхъ прядиленъ женщины получаютъ: въ Ланкаширѣ отъ 15 до 20 s., въ Bradford'ѣ не болѣе 12 s.

Такимъ образомъ, должны быть еще другія причины болѣе низкой заработной платы въ шерстяной промышленности. Schulze-Gaevernitz объясняетъ отсталость соціальнаго положенія Іоркширскихъ рабочихъ общеэкономическою и техническою отсталостью шерстяной промышленности сравнительно съ хлопчатобумажной: въ первой размѣры фабрикъ гораздо меньше, рынокъ далеко не такъ обширенъ, техника и искусство рабочихъ далеко не такъ совершенны, какъ въ хлопчатобумажной промышленности. Въ Ланкаширѣ ткачъ работаетъ на 4 или на 6 станкахъ; въ Іоркширѣ на 1 или на 2-хъ, въ шерстопряденіи число веретенъ, приходящихся на одного рабочаго, гораздо меньше, чѣмъ въ бумагопряденіи.

Но не въ этомъ «меньшемъ развитіи крупнаго производства видятъ вторую главную и общую причину низкихъ заработковъ іоркширскіе эксперты-рабочіе; они усматриваютъ ее въ отсутствіи или сравнительной слабости рабочихъ союзовъ въ Іоркширѣ, на развитіе и укрѣпленіе которыхъ они и возлагаютъ всѣ свои надежды въ будущемъ.

2) Та же причина обусловливаетъ, по мнѣнію большинства экспертовъ-рабочихъ, и вторую замѣчательную особенность шерстяной промышленности. *Заработная плата въ этой отрасли по сравненію съ семидесятыми годами не только не увеличилась, но даже уменьшилась.* Вотъ что говоритъ объ этомъ экспертъ Allen Gee: «двадцать лѣтъ тому назадъ шерстяные ткачи зарабатывали больше, чѣмъ хлопчатобумажные, но съ тѣхъ поръ заработки первыхъ уменьшились процентовъ на 20, а заработки вторыхъ увеличились, и такимъ образомъ, теперь іоркширскіе ткачи зарабатываютъ значительно менѣе ланкаширскихъ».

Относительно движенія заработковъ на шерстопрядильныхъ фабрикахъ Bradford'a, мнѣнія экспертовъ немного расходятся: одинъ изъ нихъ утверждаетъ, что заработная плата была уменьшена при введеніи «56½ hours Act'a» въ 1875 г.: до этого времени минимальный заработокъ ватерщицы равнялся 9 s., теперь этотъ minimum = 8 s. 6 d. Другой экспертъ не признаетъ, чтобы плата на брадфордскихъ прядильняхъ понизилась; по его словамъ, въ заработной платѣ были небольшія колебанія (она то повышалась на 6 d., то понижалась настолько же), но въ общемъ она осталась безъ измѣненія за послѣдніе тридцать лѣтъ. Наконецъ, представитель красильщиковъ сообщаетъ слѣд.: въ семидесятыхъ годахъ средній заработокъ красильщика равнялся 24 s. въ недѣлю; minimum былъ равенъ 22 s. Въ настоящее время лишь очень немногіе опытные работники зарабатываютъ 24 s., minimum платы опустился до 15 s., и многіе женатые работники получаютъ только 16 шиллинговъ въ недѣлю. Вообще этотъ свидѣтель отрицаетъ, чтобы положеніе рабочихъ улучшилось: «въ крашеніи это не такъ; приходится работать усиленнѣе за меньшую плату», и вообще условія работы «менѣе благопріятны, чѣмъ прежде».

Итакъ, съ 70-хъ годовъ заработная плата не повысилась ни въ ткачествѣ, ни въ пряденіи, ни въ крашеніи, мало того, въ ткачествѣ и въ крашеніи заработки теперь ниже, чѣмъ 15 — 20 лѣтъ тому назадъ. Связь этого факта съ отсутствіемъ могущественныхъ союзовъ среди іоркширскихъ рабочихъ признается большинствомъ ихъ представителей. Что касается экспертовъ-фабрикантовъ, то они объясняютъ пониженіе заработной платы угнетеннымъ состояніемъ шерстяной промышленности, вызваннымъ покровительственными тарифами иностранныхъ государствъ.

3) Но если еще можно спорить о причинахъ низкаго уровня платы въ шерстяной промышленности, а также о причинахъ пониженія этой платы сравнительно съ 70-ми годами, то зависимость этой весьма невыгодной особенности въ заработной платѣ іоркширскихъ рабочихъ отъ слабости ихъ организаціи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Эта особенность, о которой мы не разъ упоминали, заключается въ слѣдующемъ. Въ хлопчатобумажной промышленности существуютъ общія для цѣлыхъ округовъ

таксы заработной платы, устанавливаемыя путемъ взаимнаго соглашенія между ассоціаціями предпринимателей и рабочихъ, а *въ шерстяной промышленности такихъ таксъ, которымъ бы слѣдовало большинство фабрикъ извѣстнаго дистрикта, не существуетъ*: здѣсь каждая фабрика слѣдуетъ своей таксѣ, и, такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ неразборчивому на средства удешевленія производства фабриканту притѣснять своихъ рабочихъ, понижая до minimum'а ихъ плату.

Правда, въ *Huddersfield есть общая такса*, но это такое исключеніе, которое лишь подтверждаетъ правило. Эта такса въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ ланкаширскими таксами: тѣ служатъ для защиты интересовъ рабочихъ, а Huddersfield'ская такса установлена одними только фабрикантами исключительно въ ихъ интересѣ; она составляетъ предметъ горькихъ сѣтованій Huddersfield'скихъ рабочихъ и лучше всего показываетъ, какъ рабочіе обездолены тамъ, гдѣ силы ихъ разъединены; поэтому стоитъ остановиться подольше на ея характерныхъ чертахъ.

Во-первыхъ эта такса максимальная: фабриканты не имѣютъ лишь права платить выше этой таксы, но ниже — сколько угодно; и дѣйствительно, по крайней мѣрѣ 60% всѣхъ предпринимателей округа платятъ менѣе таксы.

Вторая замѣчательная особенность Huddersfield'ской таксы заключается въ томъ, что ткачи, работающіе на быстроходныхъ, усовершенствованныхъ станкахъ, заработываютъ не больше, а меньше, чѣмъ тѣ, которые работаютъ на станкахъ съ медленнымъ ходомъ, несмотря на то, что работа на первыхъ требуетъ гораздо болѣе вниманія и напряженія силъ. Объясняется этотъ странный фактъ просто: поштучная плата на быстроходныхъ станкахъ понижена пропорціонально большему числу ударовъ челнока этихъ станковъ сравнительно со старыми, съ такимъ разсчетомъ, чтобы теоретически заработки на тѣхъ и на другихъ станкахъ оставались одинаковыми. Но на практикѣ оказывается, что дѣйствительное увеличеніе выработки на усовершенствованныхъ станкахъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ теоретическому увеличенію, потому что быстроходные станки приходится чаще останавливать, и такимъ образомъ на усовершенствованныхъ станкахъ ткачи зарабатываютъ меньше, чѣмъ на станкахъ старой системы. Слѣдовательно, здѣсь *техническій прогрессъ не приноситъ рабочему никакой пользы* и даже служитъ ему во вредъ: приходится усиленнѣе работать за меньшую плату, вся же выгода отъ усовершенствованія выпадаетъ на долю фабриканта или потребителя.

Само собою разумѣется, что будь рабочіе хорошо организованы, они не допустили бы такой несправедливости. Какъ изъ показаній экспертовъ коммиссіи труда, такъ въ особенности изъ книги Schulze-Gaevernitz, явствуетъ, что въ хлопчатобумажной отрасли рабочіе получили свою долю пользы отъ усовершенствованія машинъ. Од-

нимъ изъ ланкаширскихъ экспертовъ было высказано, «что они обязаны этимъ своей организаціи, безъ которой всѣ плоды техническаго прогресса были бы монополизованы работодателемъ». Это мнѣніе находитъ себѣ блестящее подтвержденіе въ Huddersfield'ской таксѣ.

Не мудрено, что въ Huddersfield'ѣ рабочіе совсѣмъ иначе относятся къ усовершенствованію машинъ, чѣмъ въ Ланкаширѣ: въ Huddersfield было нѣсколько стачекъ противъ увеличенія скорости станковъ—фактъ для насъ теперь понятный.

Наконецъ, третья характерная черта Huddersfield'ской таксы заключается въ томъ, что за ту же самую работу женщина получаетъ менѣе мужчины на 15—30 и иногда даже на 50%. Эта разница отчасти объясняется тѣмъ, что работа женщинъ нѣсколько менѣе выгодна для фабриканта, во-первыхъ, потому, что для ткачихъ нужно держать особыхъ подмастерьевъ, такъ называемыхъ tuner, которые приводятъ станокъ въ порядокъ въ случаѣ его неисправности, между тѣмъ, какъ ткачъ-мужчина въ помощи tuner'а не нуждается, и во-вторыхъ, потому, что женщины по временамъ должны ждать, пока освободится tuner и вслѣдствіе этого ихъ выработка нѣсколько меньше мужской. Но эти недостатки женской работы могли бы, по мнѣнію эксперта, объяснить разницу таксы въ какіе-нибудь $2^1/_2$%, а никакъ не существующую, для которой экспертъ не находитъ иного объясненія, кромѣ укоренившагося обычая. О томъ, какъ этотъ обычай тяжело отражается на рабочихъ, какъ онъ извращаетъ весь естественный строй ихъ семейной жизни, мы скажемъ подробно въ другомъ мѣстѣ; теперь прибавимъ только, что рабочіе все болѣе и болѣе сознаютъ всю несправедливость и вредъ неодинаковой оплаты мужского и женскаго труда, но не рѣшаются настаивать на уравненіи женщинъ съ мужчинами изъ опасенія, чтобы могущественные фабриканты не произвели этого уравненія путемъ пониженія мужской платы до уровня женской, что было бы конечно немыслимо, если бы рабочіе были такъ хорошо организованы, какъ въ Ланкаширѣ.

Итакъ, сравненіе заработковъ въ шерстяной и въ хлопчатобумажной промышленности даетъ результаты весьма неблагопріятные для первой. Въ шерстяномъ производствѣ Іоркшира:

1) Заработки низки. 2) Они не увеличились и скорѣе даже уменьшились сравнительно съ 70-ми годами; усовершенствованіе машинъ не пошло на пользу рабочимъ. 3) Общихъ таксъ заработной платы нѣтъ, и все это, по убѣжденію экспертовъ-рабочихъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ слабости рабочихъ союзовъ.

Чтобы покончить съ заработной платой въ шерстяной промышленности, приведемъ еще два краткіе отзыва экспертовъ объ общемъ положеніи брадфордскихъ рабочихъ. На вопросъ одного изъ членовъ коммиссіи: «каково общее положеніе ткачей въ вашемъ округѣ», свидѣтель Drew отвѣчаетъ: «очень плохое съ точки зрѣнія

удовлетворенія потребностей не только роскоши, но и первой необходимости». По словамъ другого эксперта, Sutteliffe, положеніе рабочихъ въ Bradford'ѣ «бѣдное» (poorish) за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда глава семьи принадлежитъ къ такъ называемымъ «ученымъ» (skilled) рабочимъ. Съ этими отзывами экспертовъ можно въ заключеніе сопоставить выводъ, сдѣланный Schulze-Gaevernitz на основаніи личныхъ наблюденій: «недѣльный заработокъ и Lebenshaltung (уровень жизни) рабочихъ, говоритъ нѣмецкій изслѣдователь, въ англійской хлопчатобумажной промышленности почти вдвое выше, чѣмъ въ суконной и камвольной промышленности. Переѣзжая изъ Ланкашира въ Брадфордъ, мы попадаемъ въ совершенно иной экономическій и соціальный міръ, хотя ихъ отдѣляетъ только часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ».

Центромъ англійской джутовой промышленности является шотландскій городъ Дунди съ окружающимъ дистриктомъ. Здѣсь сосредоточивается 90% всего производства джутовыхъ издѣлій и 90% всѣхъ рабочихъ джутовой отрасли, общее число которыхъ доходитъ для всей Великобританіи, по словамъ эксперта Walker, до 65 или 70 тысячъ человѣкъ (по Factury Returns 1890 г.—44,810 чел.).

Бокъ о бокъ съ джутовыми фабриками въ Дунди и сосѣднихъ съ нимъ шотландскихъ городахъ: Forfar, Arbroath, Brechin и др. расположены *и льняныя*, вырабатывающія преимущественно низкіе сорта полотенъ: парусину, мѣшки и т. п. По Fact. Returns, въ 1890 году насчитывалось во всей Шотландіи до 136 льняныхъ фабрикъ, занимавшихъ около 34 тысячъ рабочихъ рукъ. Связь между льнянымъ и джутовымъ производствомъ въ Шотландіи самая тѣсная: многія фабрики, нынѣ джутовыя, были прежде льняными; часто на одной и той же фабрикѣ перерабатываются и джута и ленъ; методы работы и машины и въ томъ и въ другомъ производствѣ почти тождественны, а издѣлія изъ джуты и изъ льна конкуррируютъ другъ съ другомъ на рынкѣ. При такой близости обоихъ производствъ, конечно, не можетъ быть существенной разницы въ заработной платѣ между льняными и джутовыми фабриками, расположенными въ одной мѣстности.

Обстоятельныя свѣдѣнія о заработкахъ на джутовыхъ фабрикахъ *Дунди* мы можемъ почерпнуть изъ показанія фабриканта Walker'а. Этотъ свидѣтель даетъ слѣдующую таблицу заработной платы на своей собственной фабрикѣ:

I. *Пряденіе*. Въ этой отрасли 90% всѣхъ рабочихъ получаютъ плату сроковую (понедѣльно) и только 10% сдѣльную. Заработки слѣдующіе: *мужчины* неквалифиц. рабочіе получаютъ отъ 15 до 17 s. въ недѣлю, подростки отъ 9 s. 6 d.—12 s. 6 d., мальчики 3 s. 6 d., и еще за нихъ платится по 2 d. въ школу. Мужчины-подмастерья (owerlookers) отъ 25 до 36 s. *Женщины* приготовит. отдѣленія отъ 10 s. до 12 s. 6 d., ватерщицы отъ 11 s. 6 d. до 12 s., мотальщицы отъ 14 до 15 s., сновальщицы 14—18 s., жен-

щины-надсмотрщицы 15 s., дѣвочки-подростки 8 s. 6 d, дѣвочки 3 s. 6 d. или немного болѣе.

II. *Ткачество.* Здѣсь, наоборотъ, 90% рабочихъ получаютъ сдѣльную плату и лишь 10% понедѣльную. Заработки слѣд.

Ткачи (всѣ женщины)	Средн. зар.	Maximum.
на 1 станкѣ	13 s.	17 s.
» 2 »	17 s.	20 s.
на 1 широкомъ станкѣ	19 s. 6 d.	24 s.

Средній фактическій заработокъ всѣхъ ткачихъ у Walker за 4 недѣли равнялся 16 s. 9 d.

Мужчины въ ткацкомъ отдѣленіи получали: tenters 28 s., ихъ помощники (assist. tent) 18 s. 3 d., подростки (lads) 8 s., шлихтовальщики (warp. dressers) 30 s. 6 d., ихъ помощники 12 s.

Въ дополненіе Walker замѣчаетъ слѣдующее: 1) на другихъ джутовыхъ фабрикахъ въ Дунди заработки могутъ быть на 5% ниже или на 5% выше только что указанныхъ, т. е. разница вообще очень незначительна. 2) Заработки *) на джутовыхъ фабрикахъ подвергаются нѣкоторымъ колебаніямъ въ зависимости отъ а) времени года: лѣтомъ джута работается лучше, чѣмъ зимою, выработка бываетъ больше, и заработки соотвѣтственно выше на $2^1/_2$—5%; вышеприведенная таблица относится къ шести лѣтнимъ мѣсяцамъ; в) отъ качества матеріала; матеріалъ плохого качества понижаетъ выработку и заработную плату.

Что касается степени постоянства работы, то, по показаніямъ экспертовъ Walker и Roy, работа въ джутовомъ производствѣ вполнѣ постоянна: она продолжается круглый годъ; единственное «short time» было въ 1888 году, когда въ теченіе полугода не работали по субботамъ.

Теперь мы имѣемъ всѣ данныя для сравненія заработковъ на джутовыхъ фабрикахъ Дунди съ извѣстными намъ заработками въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности.

Такое сравненіе приводитъ къ заключенію, что, *по уровню заработной платы, джутовое производство занимаетъ промежуточное положеніе между хлопчатобумажнымъ и шерстянымъ.* Несомнѣнно уступая Ланкаширскимъ рабочимъ, рабочіе джутовыхъ фабрикъ въ Дунди должны быть поставлены выше Іоркширскихъ, особенно, если принять еще во вниманіе сравнительное постоянство ихъ работы.

Что касается *измѣненія заработной платы въ джутовой промышленности за послѣдніе годы*, то экспертъ Walker сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: съ 1875 года заработки въ Дунди понижались и достигли minimum'а въ ноябрѣ 1886 года; въ этомъ году кризисъ окончился, и началось быстрое повышательное движеніе заработной платы: съ тѣхъ поръ она на прядильныхъ фабрикахъ

*) Сдѣльныхъ рабочихъ.

была повышена 5 разъ по 5% = на 25%, а у ткачей 4 раза по 5% = на 20%; и, такимъ образомъ, въ настоящее время въ джутовой промышленности плата почти та же, какая была въ 1875 году, до начала кризиса. Это показаніе Walker'a вполнѣ подтверждаетъ другой свидѣтель-священникъ Williamson, главный организаторъ и почетный президентъ союза джутовыхъ рабочихъ въ Дунди; по его словамъ, заработная плата теперь выше, чѣмъ въ 1886 году, на 25% (или даже на 30%, если принимать во вниманіе проценты на проценты), и это повышеніе было достигнуто мирнымъ путемъ, безъ всякихъ стачекъ: пользуясь благопріятною конъюнктурою, вожди образовавшагося въ 1886 году союза до пяти разъ обращались къ фабрикантамъ съ требованіемъ увеличить плату, и каждый разъ фабриканты уступали безъ борьбы. Такимъ образомъ молодой союзъ уже успѣлъ оказать большую услугу рабочему классу.

На джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ сосѣднихъ съ Дунди небольшихъ шотландскихъ городовъ Forfar, Arbroath, Brechin и др. заработки значительно ниже, чѣмъ въ Дунди. Такое различіе въ заработкахъ не можетъ быть объяснено большею дешевизной жизни правда, квартиры тамъ дешевле, чѣмъ въ Дунди, но за то продовольствіе дороже. Поэтому рабочіе въ Forfar считаютъ крайне несправедливымъ такое различіе въ заработной платѣ и пытаются устранить его путемъ стачекъ.

Такимъ образомъ, если въ Дунди заработки на джутовыхъ фабрикахъ выше, чѣмъ въ шерстяной промышленности Іоркшира, то нельзя сказать того же о заработкахъ на джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ маленькихъ шотландскихъ городовъ: здѣсь рабочіе получаютъ едва ли больше, чѣмъ въ Bradford'ѣ.

Общихъ таксъ заработной платы въ джутовой и льняной промышленности Шотландіи, такъ же какъ и въ шерстяной промышленности, пока *не существуетъ*; онѣ составляютъ лишь pium desiderium возникающихъ здѣсь въ послѣднее время довольно дѣятельныхъ рабочихъ союзовъ.

Чтобы не оставить большого пробѣла въ нашемъ очеркѣ, необходимо еще сказать нѣсколько словъ о заработкахъ въ *ирландской льняной промышленности*, которая, какъ видно изъ Factury returns, занимаетъ болѣе 64 тысячъ рабочихъ и играетъ безусловно первую роль въ льняной промышленности Соединеннаго королевства. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ Minutes of Evidence коммиссіи показаній экспертовъ изъ Ирландіи и должны поэтому обратиться къ другимъ источникамъ.

Giffen даетъ слѣдующія цифры заработной платы на льняныхъ фабрикахъ Belfast'a:

Мужчины: чесальщики—18 s. 6 d., сортировщики—23 s. 1 d. *Подростки*: помощники чесальщиковъ—6 s. 3 d. *Женщины*: приго

товит. отд.—6 s. 10 d.—7 s. 7 d., ватерщицы—8 s. 5 d., ткачи—9 s. 5 d. *Дѣвочки-съемщики* (Doffers): подростки—5 s. 11 d. Дѣти—2 s. 6 d.

Таковы были заработки въ 1886 году; но эти заработки и въ настоящее остаются приблизительно тѣ же.

Несомнѣнно, что ирландская льняная промышленность занимаетъ самое послѣднее мѣсто въ ряду волокнистыхъ производствъ по высотѣ заработковъ рабочихъ. Только высоко-квалифицированный трудъ мужчинъ: чесальщиковъ и сортировщиковъ оплачивается въ ней выше, чѣмъ въ камвольномъ производствѣ Bradford'a.

Сравнимъ заработки ватерщицъ, ткачихъ и чесальщиковъ въ Ирландіи съ заработками тѣхъ же категорій рабочихъ на одной русской фабрикѣ.

I. Ватерщицы.

Ирландія: 9 s. въ недѣлю. =$1^1/_2$ s.=*75 к.* въ день. *Россія*: въ 1892—1893 году ср. зар. былъ=*47 к.* въ день.

II. Ткачихи.

Ирландія: 9 s. въ недѣлю. =$1^1/_2$ s.=*75 к.* въ день. *Россія*: въ 1892—1893 году ср. зар.=*50 к.* въ день.

III. Чесальщики.

Ирландія: 18 s. 6 d. въ недѣлю. =3 s. 1 d.=*1 р. 53½ к.* въ день. *Россія*: въ 1892—1893 году ср. зар.=*72 к.* въ день.

Такимъ образомъ мужчины-чесальщики получаютъ въ Ирландіи вдвое больше, чѣмъ въ Россіи, а женщины: ватерщицы и ткачихи въ $1^1/_2$ раза больше. Слѣдовательно, различіе въ денежныхъ заработкахъ между Россіей и Англіей въ льняной промышленности далеко не столь велико, какъ въ хлопчатобумажной.

Итакъ, изъ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами производствъ заработки всего выше въ хлопчатобумажномъ (Ланкаширѣ), всего ниже въ льняномъ (Ирландія); промежуточное положеніе занимаютъ джутовое (Дунди) и шерстяное (Іоркширъ) производства. Сопоставляя еще разъ, для наглядности, заработки женщинъ-ткачей въ четырехъ производствахъ, мы получаемъ слѣдующую табличку, въ которой указанныя различія въ платѣ выступаютъ особенно рѣзко и характерно:

Хлопчатобумажное	производство	(Ланкаширъ)	20 s.
Джутовое	»	(Дунди)	17 s.
Шерстяное	»	(Іоркширъ)	12—13 s.
Льняное	»	(Ирландія)	9 s.

Такимъ образомъ, заработная плата ткачей въ хлопчатобумаж- промышленности слишкомъ въ два раза превышаетъ плату льня- ъ ткачей, и всѣ четыре производства составляютъ, по уровню боткoвъ, довольно правильную ариѳметическую прогрессію.

Что касается объясненія различій въ заработной платѣ, то, какъ мы видѣли, они могутъ зависѣть отъ весьма разнообразныхъ факторовъ. Не только опредѣлить долю вліянія каждаго, но даже рѣшить, который изъ нихъ въ томъ или другомъ случаѣ играетъ главную роль,—задача чрезвычайно трудная. Можно высказывать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, воздерживаясь отъ рѣшительныхъ сужденій.

Главнѣйшіе факторы, опредѣляющіе высоту заработной платы въ волокнистыхъ производствахъ Англіи, можно, на основаніи вышесказаннаго, свести къ слѣдующимъ:

1) Степень постоянства работы въ данномъ производствѣ втеченіе года; этимъ до извѣстной степени объясняется сравнительно низкій уровень заработковъ въ шерстяной промышленности.

2) Состояніе промышленности въ данное время: застой или оживленіе промышленныхъ дѣлъ; этимъ обусловливаются колебанія заработной платы по годамъ и десятилѣтіямъ. Въ частности быстрое возвышеніе заработной платы, наблюдаемое въ джутовомъ производствѣ за послѣдніе годы, находится несомнѣнно въ зависимости отъ прекращенія кризиса, тяготѣвшаго надъ этимъ производствомъ.

3) Состояніе техники, искусство и трудолюбіе рабочихъ. Въ хлопчатобумажномъ производствѣ ткачъ работаетъ на 4 станкахъ; въ шерстяномъ, джутовомъ и льняномъ только на двухъ; не мудрено, что въ первомъ заработокъ его больше. Тамъ, гдѣ въ хлопчатобумажномъ производствѣ ткачи имѣютъ два станка, заработки ихъ не выше, чѣмъ въ другихъ волокнистыхъ производствахъ. Вотъ что пишетъ въ своемъ отчетѣ за 1890 годъ фабричный инспекторъ Henderson, сравнивая положеніе хлопчатобумажной промышленности въ Ланкаширѣ и въ Шотландіи. «Усиливающаяся конкурренція Ланкашира составляетъ самое серьезное затрудненіе для шотландскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, и я долженъ признаться, что не вижу выхода изъ этого затрудненія, ибо оно болѣе зависитъ отъ рабочихъ, чѣмъ отъ предпринимателей. Въ такъ называемомъ fancy weaving (жакардовомъ ткачествѣ) шотландскій рабочій еще выдерживаетъ соперничество; но въ ткачествѣ обыкновенныхъ миткалей, гдѣ главную роль играетъ вырабатываемое количество, онъ совершенно пассуетъ передъ своимъ ланкаширскимъ собратомъ. Я не знаю другого класса рабочихъ, который работалъ бы съ такой энергіей, какъ ланкаширцы, и контрастъ между шотландскою и ланкаширскою фабрикой въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ. Ланкаширская ткачиха работаетъ усердно, она зарабатываетъ высокую плату (въ среднемъ вдвое противъ своей шотландской сестры на одной и той же работѣ) и старается удержать эту плату. Она не колеблясь, берется работать на 4 станкахъ. Въ Шотландіи же наоборотъ, обыкновенно видишь опытныхъ ткачихъ, работающихъ на 2 станкахъ, и лишь съ трудомъ удается убѣдить ихъ взять третій». Высокая техника и большая интенсивность труда рабочаго поз-

воляютъ работать дешево, несмотря на большіе заработки рабочихъ; при низкомъ уровнѣ техники, при малой интенсивности труда, заработки рабочихъ малы, а производство стоитъ всетаки дорого.

4) Высота заработной платы можетъ зависѣть отъ того, насколько въ томъ или иномъ разрядѣ рабочихъ преобладаютъ женщины. Чѣмъ больше пропорція женщинъ, тѣмъ ниже, caeteris paribus, падаютъ заработки. Женщина почти всегда согласна работать за меньшую плату, нежели мужчины: ея потребности меньше. Какъ бы ни былъ низокъ заработокъ мужчины, при его установленіи всегда болѣе или менѣе принимается во вниманіе, что онъ имѣетъ семью, которую долженъ прокормить; женскій заработокъ, въ нормальныхъ условіяхъ, не имѣетъ такого назначенія,—предполагается, что онъ служитъ только для удовлетворенія собственныхъ потребностей работницы, если она одинокая, или является лишь подспорьемъ къ заработку мужа. Весьма возможно, что низкій уровень заработной платы ткачей въ Bradfrod, Leeds, Batley зависитъ, между прочимъ, и отъ того, что ткачество стало здѣсь почти исключительно женскимъ занятіемъ.

5) Мѣстонахожденіе промышленности. Низкая заработная плата въ льняной промышленности, безъ сомнѣнія, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что она расположена въ Ирландіи,—странѣ очень бѣдной, гдѣ Standart of life всего населенія, какъ сельскаго, такъ и городскаго, несравненно ниже, чѣмъ въ Англіи.

6) Наконецъ, послѣдній изъ существенныхъ факторовъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы, это—организація рабочихъ въ союзы. Безъ организаціи рабочіе часто не могли-бы воспользоваться благопріятными экономическими и техническими условіями: и оживленіе промышленныхъ дѣлъ, и успѣхи техники—все это можетъ пропадать для рабочихъ безслѣдно тамъ, гдѣ они не организованы. Мы знаемъ, какъ у насъ въ Россіи фабриканты изъ года въ годъ получаютъ крупные барыши, а рабочіе все продолжаютъ оставаться на той-же скудной платѣ. Мы видѣли на единичномъ, но тѣмъ не менѣе весьма характерномъ примѣрѣ Huddersfield'ской таксы, какъ фабриканты монополизируютъ всѣ выгоды отъ усовершенствованія машинъ тамъ, гдѣ рабочіе не могутъ противопоставить имъ силу своихъ союзовъ.

А. Зотовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ ЛѢСУ.

(Въ лѣтопись голоднаго года).

Разсказъ.

I.

Поднимался буранъ...

Усталыя лошадки едва выволакивали неуклюжія «розвальни» изъ сугробовъ рыхлаго снѣга, поминутно вязли и останавливались. Цѣлыя горы снѣга со скрипомъ вылѣзали изъ-подъ передковъ саней и, какъ волны, разсѣкаемыя носомъ парохода, ложились по обѣимъ сторонамъ, убѣгая назадъ... Полозья саней жалобно повизгивали, кузовъ потрескивалъ, а Ѳома спрыгивалъ съ облучка и, помогая своимъ усталымъ клячамъ, припрягался самолично сбоку, въ качествѣ второй пристяжки, и задушевно-уныло покрикивалъ своимъ слабымъ и сиплымъ теноркомъ:

— Ого-го, Боговы!..

И свистѣлъ продолжительной трелью...

Впрочемъ и крикъ, и свистъ Ѳомы теперь совершенно терялись, уносимые вѣтромъ, и казались такими же жалкими, ничтожными, какимъ выглядѣлъ и самъ Ѳома... Хотя Ѳома и сидѣлъ на облучкѣ, но онъ вовсе не былъ «въ тулупѣ и красномъ кушачкѣ»: на Ѳомѣ былъ обыкновенный мужицкій кафтанъ кофейнаго цвѣта и съ дырами, чрезъ которыя синѣла пестрядина мужицкой «тужурки» на облѣзшемъ овечьемъ мѣху; на рукахъ Ѳомы были закорузлыя великаны-рукавицы съ однимъ неподвижнымъ пальцемъ, на ногахъ—трепавшіеся отъ вѣтра синіе штаны, онучи и облѣпленныя снѣгомъ лапти, а на шеѣ—грязный красный платокъ; голова Ѳомы казалась огромной отъ нахлобученной шапки, изъ-подъ которой былъ видѣнъ только одинъ носъ да заиндивѣвшіе усы съ бороденкой... Эта бороденка «клинышкомъ» трепалась отъ вѣтра въ

стороны въ сторону вмѣстѣ съ концами шейнаго платка... Вообще, въ этомъ безбрежномъ океанѣ снѣга, въ этомъ безлюдномъ царствѣ бурана, фигура Ѳомы казалась миніатюрной и ничтожной былинкой, которую ежеминутно можетъ сдуть могучій и злобный порывъ метели и безпощадно, безслѣдно уничтожить разгулявшійся въ полѣ буранъ...

— Нно, Боговы!.. Иэхъ, погодка-же, въ ротъ ей каши немазанной!.. Нно, милыя!..

Слабо брякнулъ колокольчикъ; казалось, онъ прозвучалъ гдѣ то далеко, далеко—и лошадки... встали.

— На вотъ! Не-йдутъ.. Нно!.. Гдѣ у васъ совѣсть-то?—возмущенно произнесъ Ѳома и огрѣлъ кнутомъ пристяжную.

Пристяжка рванулась впередъ, дернула сани, но и только... Она стала поперекъ дороги и съ упрекомъ обернулась на Ѳому; потомъ мотнула хвостомъ и начала что-то шептать на ухо угрюмому кореннику.

— Кобыла, такъ кобыла она и есть,—печально произнесъ Ѳома и спрыгнулъ съ облучка.

— Эхъ, голова!.. Надо быть,—безъ пути ѣдемъ,—грустно, но покорно добавилъ онъ и, сдвинувъ со лба свое «воронье гнѣздо», сталъ обозрѣвать окрестности.

— Ничаво не видать, т. е. ни зги!.. чисто!.. Эка оказья... а!..

Уже начинало смеркаться и разглядѣть что-нибудь не было никакой возможности: въ воздухѣ кружились миріады снѣжныхъ хлопьевъ и носились облака «пороши», которая слѣпила глаза не только намъ съ Ѳомой, но и лошаденкамъ.

— Безъ пути,—это вѣрно... Надо-бы лѣсу быть, а его непримѣтно... Все бы, чай, чернѣлся, маячилъ онъ, лѣсъ-отъ... проговорилъ Ѳома, похлопывая рукавицами, поправилъ шапку и добавилъ:

— Прикурить надо... Закуривай-ка покуда что... А тамъ разсудимъ, какъ намъ съ тобой быть.

Ѳома снялъ рукавицы, вытащилъ изъ-за пазухи кисетъ, набилъ трубочку «крошкой» и, присѣвъ возлѣ саней, началъ раскуривать и ругать вѣтеръ, задувавшій спичку.

— На вотъ! Опять! Не дуй, сдѣлай милость, повремени малость... Ахъ ты, въ ротъ тебѣ каши немазанной!..

Наконецъ Ѳомѣ удалось перехитрить вѣтеръ.

— Да-а, безъ пути... А ты что не раскуришь папиросочку?..

Видимо, Ѳома былъ весьма спокойнаго темперамента человѣкъ: онъ не особенно тревожился тѣмъ обстоятельствомъ, что мы сбились съ дороги, и совершенно равнодушно резонерствовалъ о лѣшемъ и прочей «погани», съ которой ему доводилось таки на своемъ вѣку имѣть дѣло, о какомъ то ка-

зенномъ лѣсѣ и о хворостѣ, о какомъ то «мошенствѣ», о притворствѣ своей пристяжки, которая «быдта везетъ, а сама только глаза отводитъ, постромки натягатъ» и т. д.

Совершенно другое настроеніе было у меня на душѣ. Ноги уже мерзли, лицо саднило, разбирала досада и на буранъ, и на Ѳому, и на его кобылу-притворщицу; говорить не было совсѣмъ охоты, хотѣлось поскорѣй въ тепло, къ огоньку, къ шипящему самоварчику...

Поэтому я не безъ сердца отвѣтилъ:

— Нечего закуривать... Ѣхать надо... Замерзъ я.

— Какъ не замерзнуть! Смотри, какъ разбушевала! Вѣдьмы въ чихарду играютъ... Ты вылѣзъ-бы да пѣшечкомъ пошелъ,— духомъ нагрѣлся-бы...

— Ѣхать надо, а не вылѣзать...

— Знамо,—ѣхать... только вотъ куда ѣхать то, милый?— спокойно проговорилъ Ѳома, поправляя шлею на коренникѣ.

— Нно! Стой, что-ли! Баловать! — прикрикнулъ онъ на «притворщицу».

Постоявъ еще нѣсколько минутъ въ раздумьи, Ѳома вдругъ рѣшительно прыгнулъ на облучкѣ, подсѣлъ какъ то бочкомъ, крикнулъ на лошадокъ, круто повернувъ ихъ влѣво, — и мы двинулись.

— Чай, куда-нибудь да пріѣдемъ-же,—произнесъ онъ мнѣ въ утѣшеніе.

— «Куда-нибудь»!—проворчалъ я.—А еще говоришь, что тебѣ эта дорога «съ измальства» знакома!

— Знамо, съ измальства... Слава Богу, ѣзжали достаточно... Не въ этаку непогодь доводилось.

Лошадки шли шажкомъ, понуривъ головы. Буранъ крутилъ въ воздухѣ снѣгомъ и хлесталъ по лицу иглами, свистѣлъ гдѣ-то вверху и бѣшено мчался дальше. Съ каждымъ новымъ порывомъ вьюги становилось какъ-то тревожнѣе на душѣ и настойчивѣе рисовалась въ мозгу картинка уютнаго семейнаго очага.

Не знаю, о чемъ думалъ Ѳома... Быть можетъ, въ его воображеніи тоже вставалъ семейный очагъ, хотя и далеко не уютный: старая избенка, нетопленная печь, вѣчно скорбная больная жена Ѳекла, съ безмолвнымъ укоромъ судьбѣ во взорѣ и съ слабою надеждою на кого-то и на что-то въ глубинѣ сердца, бѣлоголовый малецъ Микитка, съ большимъ отвислымъ животомъ и грязнымъ носомъ... А можетъ быть... впрочемъ— трудно сказать о томъ, что таилось теперь на душѣ непризнаннаго «ѣдока» Ѳомы... Только «розвальни» неожиданно ткнулись во что-то мягкое, Ѳому сбросило съ облучка, а лошади встали.

— Что случилось?—спросилъ я, очнувшись отъ чуткой

дорожной дремы и выглядывая однимъ глазомъ въ оставленную въ башлыкѣ для вентиляціи дырочку.

— На вотъ! — сердито буркнулъ Ѳома, поднимаясь на ноги и отряхая рукавицей снѣгъ съ кафтана.

— Что такое?

— Увязли, братецъ... Ахъ, драть тебя съ хвоста, мягко, совсѣмъ мягко... Плохи, братецъ, дѣла наши... Сугробы, нѣтъ ни пути, ни дороги... Доржи возжи!..

— Ты куда же?

— Пойду—дорогу поищу... Тпру!—напутственно произнесъ Ѳома лошадкамъ и пошелъ прочь.

Лошадки проводили его взглядами и стали пофыркивать и «прясть» ушами... Донеслось нѣсколько отрывочныхъ ворчаній удалявшагося Ѳомы, а потомъ остались только: буранъ, лошади и я...

Уже совсѣмъ стемнѣло. Вьюга не унималась. Вѣтеръ злобно налеталъ на лошадокъ, трепалъ имъ гривы и сыпалъ мнѣ за воротъ холодную «крупу». Розвальни стояли на боку и мнѣ было неудобно сидѣть, однако я не рѣшался измѣнить положеніе, изъ боязни открыть вѣтру еще новые пути къ тѣлу, и застылъ въ позѣ падающаго куля съ мякиной... Пристяжка изрѣдка оглядывалась на сани, какъ-бы спрашивая меня, «что будетъ дальше и зачѣмъ ушелъ Ѳома», а я чувствовалъ къ ней нѣжность, какъ къ другу, съ которымъ связанъ общимъ несчастьемъ, одной бѣдою...

— Тпру, миленькая... Озябла?—спрашивалъ я лошадку, а она въ отвѣтъ фыркала и мотала хвостомъ.

Прошло минутъ десять, но мнѣ показалось, что я уже цѣлый часъ сижу въ одиночествѣ... Становилось немного жутко въ этой снѣговой пустынѣ, и я подумывалъ уже подать голосъ Ѳомѣ, ушедшему на поиски «жесткаго мѣста». Однако кричать было лѣнь, и я отложилъ...

Прошло еще минутъ пять... Я сталъ уже бояться, что Ѳома ушелъ слишкомъ далеко и можетъ совсѣмъ не возвратиться. Лошадки жались другъ къ другу и мнѣ казалось, что и лошадкамъ страшно и жутко... Я тревожно направлялъ взоры вправо и напрягалъ зрѣніе, томимый желаніемъ поскорѣе разглядѣть темный силуэтъ возвращающагося Ѳомы... Съ Ѳомой какъ-то спокойнѣе... Хилый, невзрачный мужиченко, а когда онъ тутъ, рядомъ, дѣлаешься совсѣмъ храбрымъ.

Но вотъ лошади вздрогнули и брякнули колокольчиками. Вздрогнулъ и я.

— Лѣшій подшутилъ,—раздался вдругъ голосъ Ѳомы близко-близко.—Только вретъ, бабій сынъ, меня, братъ, не обойдешь!...

Я обернулся. Ѳома стоялъ у лошадей. Страхъ исчезъ, тревога смѣнилась молчаливой благодарностью къ Ѳомѣ.

— Что, Ѳома Иванычъ?

— Я, братецъ, Иванычемъ съ рожденья не былъ... Я—Гарасимычъ, Ѳома Гарасимычъ, а Ивановъ—это прозванье мое, хвамелія,—отвѣтилъ Ѳома, похлопывая рукавицами.

— Нашелъ?

— Я да не найду!.. Ѣзжали, слава тѣ, Господи!.. Только настоящей дороги всетаки нѣтъ...

— Какъ-же мы?

— Поѣдемъ... Тутъ къ людямъ попадемъ: на Воротниковскую дачу... Тамъ и заночуемъ... Тамъ двѣ избы новыхъ поставлены, прикащикъ живетъ,—лѣсомъ торгуетъ. У него, братецъ, и самоварчикъ найдемъ, и водченки.

— Далеко?

— Верстовъ шесть... Надо вотъ лошадей-то вывести. Ты, ужъ, сдѣлай милость, вылѣзай: тяжело—сугробы.

Пришлось оставить теплое насиженное мѣстечко. Ѳома оправилъ лошадокъ, выволокъ сани изъ сугроба, и мы двинулись.

Ноги вязли въ снѣгу, вѣтеръ хлесталъ прямо по лицу, руки коченѣли отъ холода... Но впереди открывалась пріятная перспектива погрѣться, закусить, выпить чайку и расправить одеревенѣвшіе члены... Ѳома велъ лошадокъ подъ уздцы. Онъ шелъ крупнымъ тяжелымъ шагомъ впереди, я плелся за санями. Черезъ четверть часа мы выѣхали на «жесткое мѣсто»—глухую малоторную дорогу въ лѣсъ.

Поскрипываніе саней, визжаніе подрѣзей, колокольчики, задушевныя покрикиванія Ѳомы, покачиваніе изъ стороны въ сторону,—все это дѣйствовало такъ успокоительно, такъ пріятно убаюкивало... Успокоенный, я снова потонулъ въ теплой енотовой шубѣ, надвинулъ башлыкъ и, закрывъ глаза, отдался сладкой дремотѣ.

Я очнулся, когда мохнатая лапа сосны зацѣпила меня за голову и осыпала снѣгомъ... Мы ѣхали уже лѣсомъ. Дорога была такъ узка, что пушистыя вѣтви сосенъ висѣли шатромъ надъ нашими головами и поминутно стряхивали на насъ снѣжные хлопья. Казалось, лѣсъ высился до самыхъ небесъ и стоялъ плотными стѣнами по обѣимъ сторонамъ дороги. Ночная тѣнь затушевала вершины и прятала контуры и перспективу. Порой казалось, что ѣхать некуда,—впереди сплошная снѣгогая преграда...

Здѣсь не было простору взбалмошному вѣтру, и онъ только изрѣдка врывался откуда-то сердитымъ порывомъ, крутилъ на мѣстѣ снѣгомъ и уносился къ небесамъ. Здѣсь было теплѣе и не ощущалось того жуткаго одиночества и безсилія, какъ то было въ чистомъ полѣ, среди безбрежнаго океана снѣговъ. Колокольчики звучали рѣзче и веселѣе, свистъ Ѳомы казался

удалымъ, да и самъ Ѳома пріободрился и опять возобновилъ прерванные было разговоры со своими лошадками.

— Куда прешь?.. На-ко, на дерево лѣзетъ... Ослѣпла, что-ли? Ну, прибавь, прибавь! О чемъ думаешь, непутная? выкинь изъ башки дурь-то... У-у!.. Чего испугалась? Пень это, дура... возьми зенки-то въ зубы!..

Я вслушивался въ эти разговоры и причитанія, въ тоны и переливы колокольчиковъ и бубенцовъ, въ поскрипываніе саней,—и забылся, улетѣлъ изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ... Въ сознаніи смутно ощущалось движеніе саней; порой казалось, что онѣ катятся назадъ, и надо было употребить усиліе, чтобы разрушить эту иллюзію; порой чудилось, что мы поднимаемся въ гору, а гора такая крутая, что вдругъ все тѣло вздрагивало отъ испуга и инстинктивно порывалось впередъ, чтобы не упасть черезъ спинку саней. Голосъ Ѳомы звучалъ все тише и дальше... И казалось, что мы ѣдемъ безконечно долго и никогда никуда не пріѣдемъ... Да и не хотѣлось пріѣзжать, а хотѣлось такъ вотъ сидѣть безъ движенія, безъ воли и покачиваться...

— Тпру!

Сани обо что-то стукнулись, а я стукнулся головой о спинку саней и раскрылъ отяжелѣвшія вѣки...

— Вылазь! прибыли...

— Что?

— Прибыли, говорю...

Ночь... Передъ глазами темнымъ расплывчатымъ контуромъ рисуется фасадъ избы съ двумя привѣтливо мигающими чрезъ окна огоньками. Свѣтъ падаетъ изъ оконъ двумя полосами на землю и по-пути освѣщаетъ лошадиный крупъ съ мотающимся хвостомъ, нагруженныя хворостомъ дровни, еще лошадь... Далѣе—часть сложенныхъ въ полѣнницы дровъ и штабелей лѣса... На свѣтломъ фонѣ оконъ вертятся и прыгаютъ бѣлые снѣжные хлопья, а порой мелькаютъ силуэты человѣческихъ головъ и рукъ... Лошадокъ тутъ много: слышно, какъ онѣ позваниваютъ бубенчиками и пофыркиваютъ... Однако темень и пурга не позволяютъ видѣть дальше нѣсколькихъ шаговъ рѣшительно ничего, кромѣ какой то бѣлесоватости, туманныхъ пятенъ,—и приходится догадываться... Вотъ хлопнула дверь,—кто-то вышелъ изъ избы. Слышно, какъ прошлепали мужицкіе лапти по ѣстницѣ и какъ они захрустѣли по снѣжку...

— Кто такіе будете?—спросилъ голосъ неизвѣстнаго.

— Дальніе!—небрежно бросилъ Ѳома, помогая мнѣ вылѣзть изъ саней.

— По какимъ дѣламъ?—спросилъ голосъ.

— По собственнымъ, по своимъ... уже съ досадою буркнулъ Ѳома.

— Такъ...—неопредѣленно произнесъ голосъ и лапти снова захрустѣли по снѣгу, а входная дверь крѣпко хлопнула...

— Ну, пойдемъ къ Павлу Петровичу въ избу... Шагай за мной!—предложилъ Ѳома.

Мы направились къ крыльцу.

II.

Съ большимъ трудомъ отыскали мы дверь въ темныхъ сѣняхъ и вошли вмѣстѣ съ облаками ворвавшагося въ избу бѣлаго пара.

Изба была биткомъ набита: на лавкахъ вдоль стѣнъ, у стола въ переднемъ углу, на полу, на палатяхъ—всюду копошились люди. Головы, бороды, руки мелькали передъ глазами, а въ ушахъ стоялъ гамъ отъ нѣсколькихъ одновременно разговаривающихъ грубыхъ голосовъ... Какъ обухомъ, ударило по носу...

— Канпанія!—произнесъ не безъ юмора Ѳома, предварительно перекрестившись въ передній уголъ.

— Миръ вамъ!—добавилъ онъ, стряхивая со своей бороденки снѣжныя сосульки.

— Подите-ка къ намъ!—отвѣтило нѣсколько голосовъ разомъ на это привѣтствіе.

«Канпанія» нѣсколько притихла, оживленіе сразу спало...

Насъ встрѣтилъ низенькій худощавый господинъ лѣтъ подъ сорокъ, въ сильно затасканномъ длиннополомъ сюртукѣ и валеныхъ сапогахъ. Слегка прихрамывая на одну ногу, онъ засуетился около меня и, какъ-то виновато улыбаясь, заговорилъ съ запинками:

—Милости прошу къ нашему шалашу... Раздѣвайтесь!.. Тѣсновато будетъ, да слава Богу, мѣста всѣмъ хватитъ... Пропустите-ка, ребята!..

— Мы къ тебѣ, Палъ Петровичъ!.. Лѣшій насъ обошелъ, въ ротъ ему каши немазанной!..—сказалъ Ѳома.—Барина совсѣмъ заморозилъ... Чай, отогрѣешь насъ съ нимъ?..

— Пожалуйте, пожалуйте... ко мнѣ въ кабинетъ-съ... Здѣсь негдѣ, а тамъ все-таки поприличнѣе...—торопливо заговорилъ Павелъ Петровичъ и не безъ нѣкоторой строгости замѣтилъ столпившимся мужикамъ:

— Дайте дорогу-то!..

Кабинетъ Павла Петровича отдѣлялся отъ остальной избы легонькой переборкой и представлялъ собою обыкновенный «чуланъ» крестьянской хаты съ тою разницею, что здѣсь были двери. Однако, сюда уже вторглась нѣкоторая культура: кровать съ тюфякомъ и подушкою, столъ, покрытый скатертью,

лампа съ бѣлымъ стеклянымъ абажуромъ, на стѣнѣ—зеркало, ружье и олеографія картины Рѣпина «Бурлаки».

— Выдь на Волгу-съ, чей стонъ раздается—съ виноватою улыбкою замѣтилъ Павелъ Петровичъ, когда я остановилъ свой взоръ на этой картинѣ...

Я промолчалъ и лишь вопросительно взглянулъ на Павла Петровича...

— Бурлаки-съ бичевой идутъ... Въ прежніе годы-съ...—счелъ необходимымъ пояснить растерявшійся отъ моего вопросительнаго взгляда Павелъ Петровичъ.

— Ты, Палъ Петровичъ, вотъ что: нечего тутъ картинки-то смотрѣть, водченкой угости,—промерзли, милый!—сказалъ стоявшій въ дверяхъ Ѳома.

— Ахъ, извините!.. Это можно... А... а... затрудняюсь назвать?..

Я сказалъ свое имя...

— Садитесь къ столу... вотъ сюда!..

Павелъ Петровичъ взялъ съ подоконника графинъ и поставилъ его передъ нами.

— И рюмочка вотъ!.. Одна только, ужъ не взыщите, въ лѣсу живемъ...

— Была-бы водка-то, а выпить съумѣемъ,—замѣтилъ Ѳома и, предвкушая грядущее удовольствіе, расправилъ двумя пальцами свои усы.

Выпили по рюмкѣ водки. Ѳома крякнулъ и вытеръ усы...

— Гдѣ бралъ?..—спросилъ онъ зачѣмъ-то, но, не дождавшись отвѣта, пошелъ ставить самоваръ.

— У васъ и чтеніе имѣется?—замѣтилъ я, увидя на полкѣ нѣсколько книжекъ.

— Есть-есть... Обрывки-съ... Двѣ книги «Отечественныхъ Записочекъ», нашъ поэтъ Некрасовъ есть, Левъ Толстой—томикъ...

Признаться, я былъ пораженъ: въ этомъ глухомъ медвѣжьемъ углу, среди лѣсовъ, въ какой-то несчастной избенкѣ, при такой обстановкѣ и у такого, повидимому, очень незамысловатаго человѣчка, нахожу «Записочки» и «нашего поэта Некрасова».

Знакъ вопроса застылъ на моемъ лицѣ, и когда Павелъ Петровичъ вышелъ изъ кабинета, а Ѳома вернулся, я спросилъ:

— Кто онъ такой, хозяинъ-то?..

— Да онъ не хозяинъ, а всего только прикащикъ...

— Нѣтъ, гдѣ учился?..

— Онъ—ученый... Поди, въ училищѣ учился... Гдѣ—окромя уч лища?!. Человѣкъ хорошій...

Іока Павелъ Петровичъ объяснялся съ «канпаніей», а Ѳо а хлопоталъ около самовара, я прилегъ на постель, съ

удовольствіемъ задымилъ папироской и предался пріятному ощущенію теплоты, свѣта, уютности... Стоило закрыть глаза, и казалось, что снова ѣдешь куда-то, только ѣдешь спокойно, безъ тряски, какъ на мягкой койкѣ въ вагонѣ поѣзда. За перегородкой понемногу возобновилось оживленіе, опять заговорили разомъ и безъ всякаго стѣсненія... Одинъ осипшій теноркъ рѣзко выдѣлялся въ общемъ гамѣ голосовъ, горячился и порой переходилъ въ какой-то жалобный визгъ...

— Нѣтъ такого закону... Не имѣетъ никакого полнаго права...

— О?

— Вотъ-те и «о»!.. Жалобу надо написать... Нешто это можно?.. Царская милость...

Прислушиваясь къ осипшему тенорку, я понялъ только, что волновавшимъ «кампанію» вопросомъ былъ какой-то хворостъ.

— Лѣсъ подъ бокомъ, а поѣзжай за двѣнадцать верстъ... Рази это правильно?—горячился теноркъ, и въ моемъ воображеніи невольно рисовался захудалый плюгавенькій мужиченко съ козлиной бородкой, юркій, горячій, съ сверкающими глазками и размахивающими руками.

Павелъ Петровичъ пояснилъ мнѣ, въ чемъ заключалось дѣло.

Высочайше дарованную крестьянамъ по случаю голодовки милость, заключавшуюся въ разрѣшеніи безвозмездно собирать для топлива хворостъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, мѣстное начальство *) свело, какъ говорится, на нѣтъ... Дѣло въ томъ, что «Высочайшая милость» вела за собою новыя хлопоты для лѣсной охраны... Пусти мужика въ лѣсъ, да не присмотри за нимъ,—онъ и лыкъ надеретъ, и дровецъ нарубитъ, а то и цѣлое дерево свалитъ; между тѣмъ дарованное разрѣшеніе должно было только помочь дѣлу очистки лѣсныхъ дачъ отъ валежника, падали и мусора... Чѣмъ принимать на себя лишнюю обузу и хлопоты по надзору за мужикомъ, лучше сдѣлать такъ, чтобы онъ, мужикъ, самъ отказался отъ дарованныхъ милостей. Такъ и сдѣлали: тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ имѣется казенный лѣсъ подъ бокомъ, отвели для сбора хвороста и валежника участокъ верстъ за 15—20, а крестьянамъ, живущимъ въ окрестностяхъ этого послѣдняго участка, «дозволили» брать хворостъ въ первомъ участкѣ... Такимъ образомъ «милость» обратилась въ фикцію по существу, хотя на бумагѣ оставалась неприкосновенною... Никто изъ мужичковъ ѣхать на своей голодной заморенной клячѣ за возомъ даровомъ хвороста не пожелалъ, ибо слишкомъ дорого обошелся-бы ему

*) Происходитъ въ Симбирской губ., Алатырскомъ уѣздѣ.

этотъ подарокъ; мужикъ предпочиталъ топить избу остатками плетней и тѣмъ валежникомъ, который продавался въ ближайшихъ частныхъ лѣсныхъ дачахъ весьма недорого... во всякомъ случаѣ дешевле «дарового-казеннаго»... Чтобы съѣздить мужику за даровымъ топливомъ, надо было употребить почти двое сутокъ, втеченіи которыхъ приходилось кормить себя и свою скотинку... Между тѣмъ оборотливые лѣсовладѣльцы открыли дешевую распродажу негоднаго лѣсного матеріала (сушь, обгорѣлый лѣсъ, щепа), возъ котораго стоилъ всего какой-нибудь гривенникъ-пятіалтынный...

— Вотъ тебѣ и самоварчикъ,—отогрѣвай душу-то!—сказалъ Ѳома, торжественно опуская на столъ небольшой пыхтѣвшій самоварчикъ...

Принялись «отогрѣвать душу», причемъ Павелъ Петровичъ предпочиталъ отогрѣвать свою душу посредствомъ графинчика. То и дѣло «канпанія» требовала Павла Петровича къ себѣ и онъ возвращался къ намъ взволнованный.

— Тошно-съ, тошно-съ...—говорилъ онъ, дрожащей рукою наполняя рюмку.

— А позвольте спросить, гдѣ служите?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Гм... Нигдѣ не служу...

— Чѣмъ-же изволите заниматься?

— Чѣмъ придется...

Павелъ Петровичъ какъ то сконфуженно улыбнулся.

— Вотъ такъ же, какъ я... Постояннаго занятія въ жизни не имѣлъ, а всю жизнь чѣмъ-нибудь занимался. Кѣмъ только я не былъ-съ?! И въ «мальчикахъ», и по коммерческой части, и по водочному дѣлу, въ трактирѣ сидѣлъ, и управляющимъ въ номерахъ былъ, и библіотекаремъ въ клубѣ нашемъ былъ (въ уѣздномъ городѣ-съ)... А теперь вотъ, какъ изволите видѣть, лѣсъ продаю голодающимъ... Тошно, тяжело, а вотъ приходится: подневольный человѣкъ-съ!.

Я вглядывался въ лицо Павла Петровича, въ худое, блѣдное лицо, съ рѣзко очерченными морщинами на лбу и въ углахъ рта, съ рѣденькой подернутой сѣдиною бородкой и съ дѣтски-ясными добрыми глазами, совсѣмъ юными глазами, — и чѣмъ больше вглядывался, тѣмъ больше оно мнѣ нравилось...

— Своихъ средствъ никогда не имѣлъ, учиться было не на что, образованія—никакого... Ну и живи вотъ, какъ прикажутъ... Всю-то жизнь свою прожилъ не для себя, да и не для хорошаго дѣла, а такъ... зря прожилъ... Все словно изъ милости выходило... Самостоятельности въ жизни никогда не имѣлъ и настоящимъ человѣкомъ никогда не былъ..

Какъ это «настоящимъ человѣкомъ»?..

— А такъ, чтобы дѣло-то съ душой въ ладу было, чтобы все дѣлать по совѣсти и по разуму...

— Почему-же?..

— Подневольный человѣкъ-съ!.. Богатый сродственникъ воспиталъ, т. е. выкормилъ, а за это вотъ и помыкаетъ мной... Сунетъ туда,—не гожусь, сунетъ сюда,—тоже... Не могъ всю жизнь къ чему нибудь одному приспособиться; негоденъ ни къ какому дѣлу оказываюсь... Вотъ и теперь, послали деньгу зашибать, а мнѣ, вѣрите-ли, тошно, изъ души претъ-съ!.. Это съ голоднаго-то, ободраннаго, чуть-живого человѣка, брата своего во Христѣ, послѣдній пятіалтынный за возишко негодной рухляди тянуть?! Кровь въ немъ, въ этомъ пятіалтынномъ-то, вижу-съ... Серебренники это тѣ самые, за которые Іуда своего Учителя продалъ!..

— Палъ Петровичъ! Подь-ка сюда на часъ! — таинственнымъ шопотомъ произнесла заглянувшая въ кабинетъ физіономія «брата во Христѣ».

Павелъ Петровичъ какъ-то сорвался съ мѣста и вышелъ изъ «кабинета».

— Добрый человѣкъ!—произнесъ Ѳома, сосредоточившій все свое вниманіе на блюдцѣ съ чаемъ.

— А ты его хорошо знаешь?

— Я-то?—спросилъ Ѳома, не измѣняя своего напряженнаго вниманія къ блюдечку, и оторвавшись вдругъ отъ него, тихо добавилъ:

— Многіе его считаютъ за поврежденнаго, придурковатымолъ, а оно выходитъ наоборотъ: мудрости въ немъ сколь хочешь!.. И отъ доброты сердца да отъ большого ума на свѣтѣ, братецъ, бываетъ сиротска сума,—такъ старики сказываютъ... Вотъ оно что! А ему по настоящему-то надо бы не хуже сродственниковъ жить...

Проговоривъ это, Ѳома опять обмакнулъ усы въ блюдечко съ чаемъ и уставился взоромъ на кончикъ своего обмороженнаго и обшелушившагося носа...

— А ему развѣ плохо живется?..

— Какое житье?.. Вѣкъ свой прожилъ, а своего угла нѣтъ... У собаки, братецъ, и у той свое мѣстечко есть... Все изъ за чужой спины гляди, такъ и помирай, съ чѣмъ родился... Зашибать сталъ сильно: восейка я пріѣхалъ за дровишками, а онъ пластомъ лежитъ... Плачетъ... скулитъ, милый, ровно баба... Инда за сердце беретъ!..

— О чемъ же?..

— Экій ты, братецъ мой!.. А затѣмъ, что на недоброе дѣло поставили... Никита-то Захарычъ, сродственникъ-то его, наровитъ нынѣшнимъ годкомъ попользоваться, ну!.. А Палъ

Петровичъ должонъ его интересъ соблюдать. Вотъ ему и обидно: хошь, не хошь,—а грѣхъ на душу примай...

Въ кабинетъ вошелъ большой серьезный песъ, кудрявый черный пудель, посмотрѣлъ на насъ, сладко зѣвнулъ и, понуривъ голову, какъ скучающій, не знающій, куда дѣть себя человѣкъ, лѣниво побрелъ куда-то, видимо, совершенно безцѣльно.

— Другъ! Дружокъ!—позвалъ Ѳома собаку.

Пудель полуобернулся, вскинулъ взоры на Ѳому, но сейчасъ же отвернулся и, не обративъ вниманія, вышелъ вонъ.

— Умнѣющая собака!—рекомендовалъ мнѣ Ѳома пуделя.

— А что?

— Очень просто: человѣка спасъ!..

— Какъ такъ?

— Очень просто!.. Замерзъ было восейка человѣкъ, мужичекъ... Въ овражекъ попалъ да увязъ. Отъ дороги-то всего саженъ двадцать... А Палъ Петровичъ изъ городу ѣхалъ. Кобель, обыкновенно, позадъ бѣжалъ... Ночью... Только-что вдругъ Дружокъ лаять зачалъ. Побѣжитъ, полаетъ, и назадъ! Что за оказія? А тоже пурга была... Вѣтеръ... Свѣту божьяго не видно... Палъ Петровичъ сперва думалъ,—волкъ. Нѣтъ: не такъ брехатъ, проклятущій... Волка учуетъ,—инда стонетъ, визжитъ, а это—разовъ пять брехнетъ, да побѣжитъ,—воротится и опять на Павла Петровича брехать зачнетъ... Взялъ онъ ружье на всякій случай, пошелъ... Подошелъ къ овражку,—что за штука? Чернѣется что-то... Никакъ лошадь? Лошадь и есть... Увязла... Догадался Палъ Петровичъ, скричалъ Микитку, парня своего,—вытащили человѣка. Совсѣмъ застывать кровь въ немъ стала. Отогрѣли. Онъ, знаешь, сперва-то все лошадь хотѣлъ вытащить, бился-бился, усталъ... Видно, и самъ-отъ ужъ вылѣзтъ не можетъ...

Пудель опять заглянулъ въ кабинетъ. Я невольно проникся къ этому псу уваженіемъ и какъ-то заискивающе обратился со своими ласками къ «герою». Пришелъ Павелъ Петровичъ. Его лицо и движенія отражали только что пережитое «сильное ощущеніе»: глаза какъ-то безпокойно перескакивали съ предмета на предметъ, кисти рукъ потрясывались, а сами руки тыкались какъ-то машинально, невпопадъ...

— Что, бишь, я хотѣлъ?—произнесъ онъ, потирая лобъ, потомъ вспомнилъ, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда какой-то темно-бурый комокъ и, сердито стукнувъ имъ о доску стола, сказалъ:

— Намъ на закуску! Извольте откушать!

И съ любопытствомъ взялъ въ руки этотъ твердый, какъ камень, комъ.

— Хлѣбецъ это-съ... Братья наши во Христѣ кушаютъ—

съ горькой ироніей замѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Не видали? Полюбопытствуйте! Собаки не жрутъ... Ей-Богу!...

Съ этими словами онъ вырвалъ изъ моихъ рукъ «хлѣбецъ» и свистнулъ:—Дружокъ!..

Лохматый пудель охотно подошелъ къ хозяину и, любезно поматывая хвостомъ, ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

— Пиль!—скомандовалъ Павелъ Петровичъ и бросилъ хлѣбецъ на полъ.

Другъ понюхалъ кусокъ хлѣба, которымъ питаются наши братья во Христѣ, разочарованно отвернулся, потянулся и зѣвнулъ...

— Извольте видѣть: не жретъ!..

— Да...

— Ну, пиль!.. Жри!..

Пудель окончательно и тихо отошелъ въ уголъ.

— Не жретъ?..

— Да...

— Зайцовъ все, поди, лопаетъ—вставилъ Ѳома и вздохнулъ.

До сихъ поръ мнѣ приходилось только слышать и читать о «голодномъ хлѣбѣ», теперь я видѣлъ его собственными глазами...

Да, я не повѣрилъ бы, что это — хлѣбъ и что имъ питаются люди, такіе же люди, какъ и мы съ вами, если бы можно было не вѣрить!.. Но не вѣрить было нельзя, ибо этотъ хлѣбъ употребляла въ пищу вся голодавшая за перегородкой «канпанія»...

— Вы позвольте мнѣ этотъ кусочекъ... Я пошлю его, Павелъ Петровичъ, одному ученому человѣку, профессору, для изслѣдованія...

Павелъ Петровичъ скептически улыбнулся.

— Конечно-съ, любопытно... Пусть полюбопытствуютъ... Можно и еще достать... Чего-другого, а этой дряни—сколько вамъ угодно...

Павелъ Петровичъ засмѣялся и опять потянулся къ графинчику, а Ѳома тихонько всталъ съ мѣста и вышелъ къ «канпаніи». Я слышалъ, какъ онъ сдержаннымъ, но радостнымъ шопотомъ оповѣстилъ братьевъ во Христѣ:

— Хлѣбъ вашъ, робята, покупатъ баринъ!.. У кого что-ни-на есть пакостный — тащите, больше уплотитъ... Баринъ добрый... Ему любопытно... Самый пакостный!..

Робята быстро сообразили, въ чемъ дѣло. Они дружно зашевелились, зашептались и стали покашливать...

А Ѳома, желая замаскировать свое «подстрекательство», вышелъ изъ избы и долго не возвращался.

Между тѣмъ «робята» уже приступили: въ дверь просунулась рыжая рябая физіономія и съ подобострастною, глупою улыбкою произнесла:

— Это еще ничаво, баринъ... А ты вонъ погляди энтотъ! На-ко!..

Рыжая физіономія просунула въ дверь мозолистую грязную руку и подала большой комокъ «голоднаго хлѣба».

Дѣйствительно, этотъ образецъ былъ еще «интереснѣе».

— Я у тебя маленько отломлю, а тебѣ вотъ гривенничекъ...

— Нашто «маленько»? Ты весь бери!—За дешево отдамъ... Давай пятнадцать за весь!..

— Куда мнѣ!.. Мнѣ кусочекъ только...

Мужиченко подошелъ ближе. Съ его физіономіи не сходила улыбка, которая казалась совершенно неумѣстной на этомъ худомъ, изможденномъ лицѣ землистаго цвѣта, изрытомъ оспою.

— Что, баринъ, хлѣбецъ покупашъ? — произнесъ появившійся Ѳома и, вздохнувъ, добавилъ:

— Лошадокъ провѣдать ходилъ... Пуржитъ...

Получивъ сверхъ ожиданія двугривенный за кусочекъ своего хлѣба, рыжій мужиченко выпустилъ какое-то междометіе и чмокнулъ губами.

— Благодаримъ! — сказалъ онъ и, почесывая въ затылкѣ, нехотя вышелъ.

А въ дверь заглянула уже новая физіономія.

— Нѣтъ, ты, братецъ, вотъ энтотъ посмотри: пакостнѣй энтого нѣтъ ужъ!.. Не найдешь ужъ! Самый тебѣ подходящій, ежели для любопытства...

Я вскинулъ глаза на вошедшаго и замѣтилъ, что за спиной его трется еще одинъ продавецъ «голоднаго хлѣба», который, вѣроятно, представитъ мнѣ еще болѣе «пакостный и подходящій для меня» образецъ.

— Вотъ что, мужички: вотъ вамъ еще полтинникъ и пусть всякій дастъ мнѣ по кусочку, а деньги раздѣлите, какъ знаете...

— Это обидно будетъ, ваше степенство! — выкрикнулъ тотъ самый осипшій тенорокъ, который давеча горячился изъ-за хвороста.

— Вотъ тебѣ и разъ! — отвѣтилъ я, пораженный оборотомъ дѣла.

— Да какъ же?.. Насъ теперича всѣхъ еще девять человѣкъ... Ты одному двугривенный далъ, а намъ всѣмъ-то полтину... Не подойдетъ...

— А ты—будетъ!.. Не болтай зря!—послышались голоса, озлобившіе горячаго мужиченку.

— Не подходитъ... Надо по божески! — не унимался мужиченко.

Началось галдѣніе. Ѳома вступился въ дѣло.

— Что вы?.. Даетъ полтину,—и бери!.. Нешто на базарѣ?!

Положеніе мое было поистинѣ комичное... Я попросилъ Ѳому отдать «кампаніи» рублевку и дать мнѣ, считая по двугривенному за образецъ, еще пять кусковъ голоднаго хлѣба. Тогда весь вопросъ уже перешелъ на разрѣшеніе исключительно «кампаніи», а я остался въ сторонѣ. Долго продолжалось въ избѣ галдѣніе, шумъ и ругань; наконецъ вопросъ разрѣшили: я получилъ еще девять образцовъ, а цѣлковый былъ раздѣленъ по-ровну, причемъ, чтобы никому не было обидно, продавцы возвратили мнѣ копѣйку серебромъ.

— Тебѣ... сдачи!—сказалъ Ѳома.

Такимъ образомъ у меня составилась цѣлая коллекція «голоднаго хлѣба». Однако, большого разнообразія въ этой коллекціи не было и, хотя каждый мужикъ убѣдительно говорилъ, что «энтотъ еще пакостнѣй», но въ сущности всѣ образцы были одинаково пакостны и рѣшить, который изъ нихъ былъ пакостнѣе, можно было только путемъ химическаго анализа.

Ѳома бралъ въ руки то одинъ, то другой кусокъ хлѣба, разсматривалъ, нюхалъ и глубокомысленно резюмировалъ:

— Камень!

— Кизякъ, больше ничаво!.. Ахъ, братецъ мой, грѣхъ какой!..

— Ты мало взялъ,—закончилъ Ѳома, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мнѣ? Куда?

— Куда!.. Для знакомыхъ, для пріятелевъ купилъ бы... Въ подарокъ... Раздѣлили бы промежду господами, которымъ любопытно... За двугривенный въ городу не купишь его...

А Павелъ Петровичъ незамѣтно наливалъ изъ графинчика рюмку за рюмкой, опрокидывалъ ихъ въ ротъ и тихонько, осторожно отставлялъ въ сторонку.

— Несправедливо-съ... Грѣшно-съ...—говорилъ онъ и начиналъ очень плохо декламировать: «Назови мнѣ такую обитель»...

Ѳома, при всемъ желаніи, не могъ больше пить чай (не лѣзло больше) и, вспотѣвшій и красный, сидѣлъ за столомъ съ тупымъ посоловѣлымъ взоромъ, устремленнымъ на поверхность самовара... Долго онъ сидѣлъ такъ, безъ движенія, въ глубокомъ молчаніи; наконецъ, неожиданно разсмѣялся и сказалъ:

— Рожа-то какая показыватъ въ самоварѣ... а? Оказія, братецъ мой!..

III.

Было далеко за полночь.

Въ передней избѣ уже висѣлъ дружный храпъ «братьев

во Христѣ», а мы съ Павломъ Петровичемъ все еще не окончили разговоровъ. Мой собесѣдникъ сильно захмѣлѣлъ и это сдѣлало его чрезвычайно общительнымъ и словоохотливымъ. Наболѣвшая въ долгомъ нравственномъ одиночествѣ душа его, видимо, чувствовала страстную потребность передъ кѣмъ нибудь «излиться», — и Павелъ Петровичъ не смолкалъ, утоляя эту духовную жажду... Легко было замѣтить, что вся «горечь души» сосредоточивалась у него на одномъ пунктѣ, вертѣлась вокругъ одной главной точки: «нельзя человѣку жить по совѣсти»...

— Батюшка вы мой!—говорилъ Павелъ Петровичъ, понуривъ голову,—да развѣ я сталъ бы такимъ дѣломъ заниматься, какимъ теперь приходится?.. Эхъ, если бы вотъ сейчасъ вы могли въ душу мою заглянуть!.. Ушелъ бы... бросилъ бы... да куда? Куда уйти?.. Некуда бѣдному человѣку уйти: куда ни ткнись, все попадешь въ услуженіе, все придется отъ зла жить и отъ неправды кормиться... Еще съ образованіемъ кое-какъ можно бы... И то спрошу васъ: много ли образованныхъ людей настоящей-то правдѣ служатъ?.. Мало, батюшка мой!.. Больше и они—въ услуженіи... Рабы-съ!!.

Павелъ Петровичъ выкрикнулъ послѣднее слово и сильно стукнулъ кулакомъ по доскѣ стола.

Проснулся лохматый песъ, посмотрѣлъ соннымъ взоромъ на Павла Петровича и, успокоившись, снова спряталъ морду... Кто-то изъ «братьевъ во Христѣ» глубоко вздохнулъ и зашепталъ въ просоньи слова молитвы... Маленькіе стѣнные часы застукали маятникомъ какъ-то рѣзче, тревожнѣе въ наступившей тишинѣ... Прошло нѣсколько минутъ въ обоюдномъ молчаніи.

— Глухо, батюшка мой, по нашимъ мѣстамъ, — началъ Павелъ Петровичъ нѣсколько упавшимъ голосомъ, — никакихъ заработковъ нѣтъ, народъ очень темный, мордвы много... А тутъ неурожаи да неурожаи, — полное разореніе... Надѣялись на желѣзную дорогу, вотъ, молъ, строить будутъ,—всѣмъ работа достанется, всѣ сыты будутъ... Сколько разговоровъ было, сколько въ газетахъ писали, — обнадеживали... А оно вышло вонъ какъ: работай почитай даромъ... И тутъ голоднымъ годомъ попользовались... Стало быть, ужъ нельзя было работать, если нашъ мордвинъ, глупый, терпѣливый, запуганный-съ, съ работы бѣгалъ съ?! На хлѣбъ не хватало... двугривенный за цѣлыя сутки платили,—вотъ какъ бывало! А хлѣбецъ-то, сами знаете, сколько стоилъ въ глухихъ мѣстахъ... Два двугривенныхъ человѣку съ лошадью платили!.. А кормъ-то для скотины чего стоилъ?.. Голодную дорогу строили по-истинѣ-съ... Цѣлыми артелями народъ бѣжалъ!.. Вотъ они, заработки-то!.. Да-съ, милый папаша-съ, зачѣмъ въ обаяніи вашего Ваню держать-съ». потомъ и кровью эта дорожка полита... За то господа инже-

неры пировали, по двѣнадцати да по двадцати тысячъ преміи получили! А откуда, позвольте спросить, эта премія-съ?.. Изъ барышей? А откуда-съ эти барыши да экономіи?.. а? Вотъ то-то и есть... А вѣдь народъ образованный дѣлами завѣдывалъ... Тутъ и инженеры, и техники, и доктора... Сколько народу на постройкѣ изуродовало: кого на смерть, кому руку, кому ногу... И все выходило, что по собственной неосторожности... Ни одного случая не было по ихъ неосторожности!.. Изуродуютъ человѣка,—сейчасъ въ свою больницу, къ своему фельдшеру или доктору... Актъ тамъ или протоколъ какой-то составятъ... Все свои люди, другъ дружку уважаютъ, въ картишки вмѣстѣ хлыщатся, партнеры... И все выходитъ, что самъ виноватъ: не суйся! Скажи спасибо, что на свой счетъ руку тебѣ отпилятъ или похоронятъ, а ужъ если красненькую на поминъ души родителямъ дадутъ,—чистое благодѣяніе!.. А почему?.. Некому заступиться: всѣ въ услуженіи...

Павелъ Петровичъ замолкъ. За окномъ по прежнему бушевала непогода. Вѣтеръ билъ въ стекла снѣгомъ и жалобно плакалъ о чемъ-то. Ставень методично постукивалъ, словно путникъ, просившійся въ избу заночевать и укрыться отъ бурана...

Кто-то завозился въ сѣняхъ, пристукнулъ снѣжными лаптями и отворилъ дверь.

— Кого-то еще Богъ послалъ,—сказалъ Павелъ Петровичъ.

Вошедшій покряхтѣлъ и началъ что-то шептать...

Павелъ Петровичъ вышелъ изъ «кабинета».

За перегородкой начался малопонятный для меня разговоръ по-русски и по-мордовски въ перемежку. По слезливому тону и вздохамъ мордвина пока можно было заключить только о томъ, что его постигло какое-то страшное несчастіе.

— Пуланка помрилъ, тенька фесь пошелъ...

— Хм... да... хм...

— Ай, бачька, польно тфой просимъ: тафай минѣ тенька!.. Ай, бачька, пожалуста тафай!..

Когда я вышелъ въ переднюю избу, моимъ глазамъ предстала слѣдующая картина:

Маленькій тщедушный человѣчекъ валялся въ прахѣ, у ногъ Павла Петровича, и стукался головой о полъ... Павелъ Петровичъ, наклонившись, старался поднять этого жалкого человѣчка на ноги, а стоявшій позади «Дружокъ» старательно обнюхивалъ его съ разныхъ сторонъ.

— Ну, вставай!..—убѣждалъ Павелъ Петровичъ.

— Ай, бачька, не пуду фстафать... Пажалуста тенька тафай...

— Отдамъ, говорю!—закричалъ Павелъ Петровичъ, совершенно выведенный изъ терпѣнія.

Окрикъ Павла Петровича разбудилъ кое-кого изъ спавшихъ на полу въ повалку братьевъ во Христѣ. Двое-трое тревожно приподняли головы, но сейчасъ-же опять опустили ихъ на руки; одинъ даже привскочилъ и, усѣвшись на мѣстѣ, началъ обѣими руками чесать свою голову...

— Али померъ кто?—спросилъ онъ послѣ продолжительнаго чесанія.

— Лошадь упала, слышишь?!.—пояснилъ лежавшій на брюхѣ сосѣдъ...

— Перцу-бы всыпать ей!.. Живо встала-бы...

— Ты дуракъ, али умный?.. Лошадь съ голоду околеватъ, а ты—«пер—цу!»...

— Софсѣмъ помрилъ, бачька... Карачунъ пришолъ...

— Видишь: издохла, а ты—перцу!.. Жрать нечего, такъ сколь не сыпь тебѣ перцу, плясать не будешь... Перцу!.. выдумалъ!..

Павелъ Петровичъ сунулъ въ руку мордвина пятіалтынный, и несчастный человѣкъ часто-часто застукался лбомъ о доски пола и началъ ловить руками валеный сапогъ Павла Петровича съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать этотъ грязный сапогъ...

Что-то невыразимо тяжелое, удручающе-оскорбительное скользнуло мнѣ въ душу при видѣ этой сцены, и какъ-то стыдно стало передъ самимъ собою и передъ этимъ жалкимъ мордвиномъ...

Онъ пріѣзжалъ на хуторъ за хворостомъ, купилъ возъ его за пятіалтынный и поѣхалъ, разсчитывая вернуться къ ночи домой. Но до дому онъ не доѣхалъ, такъ какъ заморенная лошаденка упала на дорогѣ и рѣшительно отказалась вставать... Мордвинъ возился около нея до вечера—и билъ, и гладилъ, ругалъ и усовѣщевалъ, но кляча только тяжело отдувалась и грустно смотрѣла на своего «Василь Ифаныча»...

Когда «Василь Ифанычъ» понялъ, что кляча околѣваетъ, онъ сталъ просить Кереметь прогнать смерть отъ лошади, но когда увидѣлъ, что кляча издохла, сталъ съ плачемъ бѣгать вокругъ нея и причитать... До сумерекъ онъ плакалъ, а потомъ вспомнилъ, что теперь и пятіалтыннаго нѣтъ... Вспомнилъ и воротился къ Павлу Петровичу, умоляя его отдать «ѣнька»...

Такова эта драма, маленькая обыденная драма ничтожнаго человѣка...

Дома—голодная семья... У «Василь Ифаныча» полна изба [illegible]двинятъ; печь не топлена, въ избѣ холодно... Всѣ ждутъ «Василь Ифаныча»: онъ привезетъ дровъ, затопятъ печь и [illegible]ятъ горячую похлебку изъ отрубей...

Но теперь все рушилось: пала послѣдняя животинка и на-

прасно пропалъ послѣдній пятіалтынный... Нѣтъ «Буланки», нѣтъ дровишекъ и нѣтъ «тенька»...

Герой этой незамысловатой драмы стоитъ посреди избы, смиренный и пришибленный несчастіемъ... Тупо смотритъ онъ своими слезящимися глазами въ землю, безсвязно шепчетъ что-то губами и, падая на колѣни, молитъ о возвращеніи ему пятіалтыннаго... Теперь несчастному мордвину кажется, что все спасеніе его—въ этомъ пятіалтынномъ, и онъ ползаетъ по полу и ловитъ валеный сапогъ своего «брата во Христѣ» для лобызанія...

Плохо спалось мнѣ въ эту ночь, долго я возился съ боку на бокъ на скрипучей постели... Метель выводила заунывныя нотки какой-то тоскливой пѣсни; ставень какъ-то судорожно постукивалъ въ стѣнку, а «братья во Христѣ» что-то шептали въ просоньи и вздыхали тяжело, со стономъ...

И въ этой похоронной мелодіи завывавшаго вѣтра, и въ этихъ словно отъ души отрывавшихся вздохахъ и стонахъ голодающихъ братьевъ моя совѣсть слышала какой-то упрекъ, какую-то жалобу... Тутъ близко, рядомъ со мною таилась какая-то безграничная неправда, несправедливость; какое-то громадное зло скрывалось здѣсь, подъ покровомъ ночи, въ глухомъ лѣсу, и мою душу не покидало странное смутное сознаніе, скорѣй даже—ощущеніе, что я повиненъ въ какомъ-то страшномъ безчеловѣчномъ преступленіи...

Лишь только я немного забывался и смыкалъ вѣки, лишь только мой слухъ отвлекался отъ тоскливой мелодіи вѣтра,—какъ проклятый ставень своимъ тревожнымъ «тукъ-тукъ-тукъ!» опять возвращалъ мнѣ прежнее душевное настроеніе и опять насильственно направлялъ слухъ къ похороннымъ напѣвамъ метели и къ стонамъ спавшихъ братьевъ... Въ утомленномъ мозгу вставали уродливыя физіономіи, рисовались только что видѣнныя сцены и создавались новыя... То маленькій человѣчекъ съ слезящимися глазами подползалъ къ моей кровати и просилъ «тенька», стукался головой о полъ, то въ дверь протягивались руки и совали мнѣ ломти «голоднаго хлѣба», то вдругъ страдальческій обликъ изуродованнаго, окровавленнаго рабочаго наклонялся надъ моимъ изголовьемъ и глухо спрашивалъ:

— Какъ-же на-счетъ способія, преміи?

— По собственной неосторожности!—произносилъ я уже въ полусознаніи и сердито переворачивался на другой бокъ, лицомъ къ стѣнѣ...

Наконецъ, измученный, я заснулъ крѣпко-крѣпко...

— Эй, баринъ!.. Будетъ спать-то!..

Я раскрылъ глаза. Передъ кроватью стоялъ Ѳома.

— Вставай, пора ѣхать...

— Еще-бы часикъ уснуть... Успѣемъ...

— Не охота?.. А ты вскинься, сразу вскинься!.. Самоварчикъ давно попыхиватъ, тебя дожидатся...

Самоварчикъ дѣйствительно «попыхивалъ». Павелъ Петровичъ съ перекинутымъ черезъ плечо полотенцемъ стоялъ у стола и мылъ чайную посуду.

— Проснулись?..—спросилъ онъ, не отрываясь отъ дѣла.

— Не совсѣмъ еще—отвѣтилъ я, сладко потягиваясь.

— Я думаю,—душно было вамъ почивать?.. Невѣжды-съ...

— Нѣтъ, ничего...

— А другіе не выносятъ...

Наскоро освѣживъ лицо водою, я подсѣлъ къ самовару. Ѳома послѣдовалъ моему примѣру...

«Братьевъ во Христѣ» уже не было; всѣ они давно разъѣхались и только грязные слѣды по полу, окурки «цыгарокъ» и солома изъ лаптей напоминали мнѣ исчезнувшую «кампанію»...

Павелъ Петровичъ былъ неузнаваемъ. Лицо—серьезное, даже нѣсколько суровое; молчаливъ, ограничивается односложными фразами и словами; ковыляетъ какъ-то по-старчески на своей хромой ногѣ и покашливаетъ въ кулакъ... Даже старается не смотрѣть на меня, словно стыдится за свои недавнія изліянія... Предупредительно вѣжливъ, но холоденъ... Даже Ѳома замѣтилъ эту перемѣну въ Павлѣ Петровичѣ...

— Ты выпилъ-бы рюмочку съ похмѣлья-то!.. Поди, тоска въ брюхѣ-то?..—сочувственно посовѣтовалъ онъ Павлу Петровичу.

Павелъ Петровичъ промолчалъ...

— И я съ тобой проглотилъ-бы стаканчикъ...—продолжалъ свои совѣты Ѳома.

— Вся...—буркнулъ Павелъ Петровичъ, не оглядываясь...

Напились чаю.

— Гусемъ запрягу... Поди, нанесло за ночь снѣгу-то, не продерешь—разсуждалъ Ѳома, опоясывая кафтанъ пояской.— Надо будетъ только хворостину подлиннѣе прихватить... Не забыть-бы!.. Кнутомъ ничаво не сдѣлашь, если гусемъ... Лѣсомъ теперь не проѣдешь, сугробы...

Спустя четверть часа мы съ Ѳомой были уже далеко отъ хутора.

Буранъ стихъ... Природа была величаво-спокойна и торжественна... Легкій морозецъ подбадривалъ отдохнувшихъ за ночь лошадокъ и они весело и бойко бѣжали впередъ... Снѣгъ похрустывалъ подъ полозьями и отливалъ алмазными кристалами на гладкой поверхности сугробовъ... Ѳома выпускалъ свои «трели» и время отъ времени подхлестывалъ хворостиной подпрыгивающую и брыкающуюся при каждомъ ударѣ «гусевую»...

Навстрѣчу попадались убогія кляченки и дровнишки, тянущіяся на хуторъ къ Павлу Петровичу за хворостомъ.

Вотъ и лѣсъ остался позади, опушенный сверху до низу серебристымъ инеемъ.

Впереди безбрежная поляна... Кругомъ снѣгъ и снѣгъ...

— Смотри: никакъ мордвинъ это?.. замѣтилъ Ѳома, показывая хворостиной на чернѣвшій впереди предметъ...

— Все около своей кобыленки похаживатъ...

Черная точка—все ближе и ближе... Вотъ уже ясно обрисовывается контуръ человѣческой фигурки...

— Онъ и есть!..—говоритъ Ѳома...

Еще пять-шесть минутъ,—и мы поровнялись съ человѣкомъ... Это былъ дѣйствительно мордвинъ... Онъ стоялъ около воза хвороста, почти совершенно засыпаннаго снѣгомъ, и своей павшей лошаденки... Заслыша колокольчики, мордвинъ выпрямился, разставилъ широко ноги, снялъ шапку и ждалъ, когда мы проѣдемъ...

Ѳома круто свернулъ съ дороги и мордвинъ съ павшей лошаденкой остались позади...

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?

— А кто его знатъ!.. Поди шкуру хочетъ ободрать...

Больше мы съ Ѳомой не разговаривали...

Я плотно вдвинулся всѣмъ корпусомъ тѣла въ уголъ саней и закрылъ глаза.

Колокольчики пѣли такъ монотонно и грустно, а снѣжокъ такъ хорошо поскрипывалъ подъ полозьями саней, что пріятная дрема начинала овладѣвать мною...

— Эй-эхъ! Милыя!—задушевно выкрикивалъ Ѳома.

«Динь-динь, донъ-динь, ди-ди-динь»—пѣли колокольчики...

А я покачивался изъ стороны въ сторону, впередъ и назадъ, и о чемъ-то думалъ... Думалъ о чемъ-то неясномъ и совершенно безсвязномъ... То были обрывки воспоминаній далекаго дѣтства, расплывчатые портреты знакомыхъ и чужихъ лицъ, слова, фразы, предметы... И эти безсвязныя думы куда то убѣгали, оставались назади, вмѣстѣ съ убѣгавшей изъ подъ саней дорогой...

Евгеній Чириковъ.

Свѣча горитъ и меркнетъ, и вновь горитъ сильнѣй.
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ —
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ и святыхъ.

К. Бальмонтъ.

СТУДЕНТЫ.

(Изъ семейной хроники *).

I.

— Одинъ ксендзъ исповѣдывалъ молодую даму... Она призналась ему, что измѣнила мужу... Онъ прочелъ ей суровую нотацію... Кончивъ, онъ спросилъ ее: «кто же вашъ обольститель?» Она назвала имя его начальника. Тогда ксендзъ заговорилъ: «лестно, лестно, это даже очень лестно»...

Карташевъ заерзалъ на стулѣ, изображая ксендза...

— Тема?!

Дѣйствіе происходило въ деревнѣ у Карташевыхъ въ столовой во время обѣда. Мать Темы, Аглаида Васильевна, положивъ ножъ и вилку, смотрѣла на сына, но тотъ, успокоившись, предпочиталъ въ это время смотрѣть въ раскрытое окно въ садъ, потому что тамъ въ саду была тѣнь и было солнце, было весело, какъ только можетъ быть весело лѣтомъ въ деревенскомъ саду, такъ же весело, какъ было теперь на душѣ Карташева, и мысль, что онъ успѣлъ таки разсказать то, что вдругъ подвернулось ему на языкъ, еще больше веселила его.

Корневъ, гостившій опять у Карташевыхъ, не могъ удержаться отъ улыбки, глядя то на глуповато-довольное лицо пріятеля, то на огорченно строгое лицо его матери. Онъ улыбался, хотя въ то же время и старался, чтобъ Аглаида Васильевна не видѣла его улыбки и тѣмъ не разсердилась на сына еще больше. Наташа кончила ѣсть свое жаркое и равнодушно задумчиво смотрѣла предъ собой. Ея лицо какъ бы говорило: не стоитъ обращать вниманія на Темины глупости, а только жаль, что онъ съ каждымъ днемъ дѣлается все меньше похожимъ на того идеальнаго Тему, котораго она такъ любила когда то.

---

*) См. «Русское Богатство» 1893 г.

И Аглаида Васильевна, точно прочитавъ мысли Наташи, принимаясь за прерванную ѣду, замѣтила съ горечью:

— Было время, я мечтала, что изъ моего сына выйдетъ альтеръ Скоттъ...

— А вышелъ просто скотъ,—отвѣтилъ Карташевъ въ тонъ матери и уныло комично опустилъ голову.

Удержаться было нельзя: всѣ разсмѣялись и даже Аглаида Васильевна, улыбнувшись, произнесла:

— Это только потому хорошо, что вѣрно.

— Да, скотина порядочная, — сказалъ весело Корневъ и тотчасъ прибавилъ:— Прошу извинить за выраженіе... Такіе господа, какъ Темка, невольно выводятъ изъ рамокъ приличій... Гм! Гм!

— Всѣ вы хороши, — отвѣтила Аглаида Васильевна. — Я часто думала... Мнѣ даже разъ сонъ приснился: будто масса молодежи... и все такая прекрасная, и я говорю: «господа, столько прекрасной молодежи, а гдѣ же хорошіе люди?»

— Да, хорошихъ людей мало,—согласился Корневъ.

Когда обѣдъ кончился, и всѣ встали, Корневъ запѣлъ:

Быстро молодость промчится,
Такъ не лучше ли пока
Жизнью вдоволь насладиться:
Жизнь ужасно коротка.

— Это откуда?—поинтересовалась Аглаида Васильевна.

— Изъ Прекрасной Елены, — предупредительно отвѣтилъ Корневъ.

Аглаида Васильевна только рукой махнула и пошла къ себѣ.

Это былъ послѣдній обѣдъ передъ отъѣздомъ изъ деревни сперва въ городъ, а затѣмъ и въ Петербургъ.

Подъ вечеръ въ послѣдній разъ собрались прокатиться въ степь.

Тема, поѣдемъ верхомъ,—предложила Наташа.

— Я верхомъ не поѣду,—рѣшительно заявилъ Корневъ.

— Я не васъ и зову.

— Я согласенъ,—отвѣтилъ Карташевъ.

Наташа поѣхала на своей Голубкѣ, Карташевъ на Орликѣ.

— Хочешь, поѣдемъ,—предложилъ братъ,—въ Криницы... Можетъ Одарку увидимъ... Какъ странно: Одарка замужемъ...

— Хорошо... Маму надо спросить...

Аглаида Васильевна разрѣшила, и братъ съ сестрой, сворачивъ, поѣхали въ Криницы.

Солнце садилось, Орликъ избалованно шелъ полурысью, и Карташевъ, зная, что мать наблюдаетъ за нимъ изъ экипажа,

съ красивой посадкой, рисуясь и маскируя это, лѣниво щурился въ ту сторону, гдѣ сверкали пруды Криницы. Наташа, худенькая и граціозная, держала себя просто и естественно.

— Зачѣмъ ты все хочешь увидѣть Одарку? Ты говорилъ, что она тебѣ больше не нравится?—спросила его сестра.

— А можетъ быть она мнѣ опять понравится?

— А еслибы понравилась, ты сталъ бы за ней ухаживать?

— Я не знаю...—отвѣтилъ Карташевъ тономъ, задѣвшимъ цѣломудренную Наташу.

— Ну, такъ поѣзжай одинъ.—И Наташа повернула свою лошадь.

Карташевъ засмѣялся.

— Ну, не буду.

Наташа остановила лошадь.

— Честное слово?

— Ну, какое тебѣ дѣло?

— Уѣду.

— Ну, честное слово,—разсмѣялся Карташевъ...

Наташа опять повернула свою лошадь въ Криницы и братъ и сестра поѣхали рядомъ.

Залитая солнцемъ, уютно сверкала опрятная деревня съ высокими тополями, бѣлыми хатками, темными аккуратными крышами, на которыхъ почти на каждой торчало обычное гнѣздо аистовъ и стоялъ самъ аистъ на одной ногѣ, задумчиво смотря на знакомый лѣтній закатъ, на знакомую панораму рѣки Выси съ ея селами и церквами. Точно туманъ или пыль отъ лучей подымалась надъ рѣкой и окутывала ее золотистою дымкой заката. Солнце спокойно исчезало за горой. Высокая перекладина колодца у въѣзда въ деревню на широкой лужайкѣ, равномѣрно поскрипывая, медленно поднималась и опускалась подъ усиліемъ какой то бабы.

— Вотъ Одарка!—показала на нее брату Наташа.

Карташевъ не сразу повѣрилъ. Эта неуклюжая повязанная загорѣлая дурнушка—Одарка?

Но это было она.

— Одарка?!—воскликнулъ пораженный Карташевъ.

Одарка подняла сконфуженно свои все еще прекрасные глаза. Но вдругъ, увидя по дорогѣ пару воловъ и возъ, она испуганно заговорила:

— Ѣдьте, ѣдьте, ради Бога... Кононъ!

— Ѣдемъ, Тема,—строго приказала Наташа.

Они повернули своихъ лошадей и оба смущенные молча поѣхали назадъ мимо Конона, мужа Одарки. Карташевъ возмущенно отвелъ отъ него глаза.

— Въ одинъ годъ всего, что онъ съ ней сдѣлалъ...

Они долго молча ѣхали.

— Еслибъ я зналъ, лучше бы не ѣздилъ. Одарка оставалась бы все такой прекрасной... — И дуракъ Кононъ воображаетъ, что еще можно ухаживать за ней.

Наташа не сразу отвѣтила.

— А душевная перемѣна еще тяжелѣе переживается,— разсѣянно проговорила она.

Съ своей обычной болѣзненной гримасой она посмотрѣла впередъ и опять замолчала.

— Ты на мою перемѣну намекаешь?—спросилъ уже серьезно вдругъ задѣтый Карташевъ.

— Это нечаянно само собой вышло... да. Не только на твою... у васъ всѣхъ перемѣна...

Братъ напряженно сдвинулъ брови и искалъ отвѣта.

— Нѣтъ... если серьезно говорить, то вѣдь это только поверхностно... Ну, подразнить что ли иногда захочется...

— Нѣтъ. Тема... громадная перемѣна.

Карташевъ пожалъ плечами.

— Можетъ... И вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— А нехорошая штука жизнь—портитъ людей.

Наташѣ еще тяжелѣе стало отъ словъ брата. Она выпрямилась, точно хотѣла сбросить съ себя эту тяжесть, и энергично проговорила:

— Нѣтъ, это пройдетъ... Ты опять будешь такой же идеальный... Но!

Она подняла свою лошадь въ галопъ, Карташевъ тоже поскакалъ съ ней рядомъ и все думалъ о томъ, что дѣйствительно ли онъ перемѣнился и въ чемъ было то идеальное, чего теперь нѣтъ въ немъ, конечно. Онъ былъ прежде моложе... Теперь, старѣя, онъ грубѣетъ... Вѣдь ему на дняхъ будетъ девятнадцать... Въ немъ нѣтъ прежней чистоты, давно нѣтъ, онъ чувствуетъ самъ, какъ грубѣетъ въ немъ что-то, что было такимъ свѣтлымъ, прозрачнымъ и неуловимымъ. Теперь все грубо, такъ грубо, что, казалось ему, онъ все въ себѣ могъ бы ощупать и осязать... Это жаль, конечно, и еслибы можно было всегда остаться чистымъ, идеальнымъ, свѣтлымъ...

Наступалъ вечеръ, въ степи гдѣ то замирала пѣсня. Воздухъ звенѣлъ отъ кузнечиковъ, стрекотавшихъ безъ умолку гдѣ то близко по обѣимъ сторонамъ пыльной дороги. По временамъ вдругъ выше поднималась пѣсня и звонко неслась по степи. Звонкій голосъ парубка пѣлъ:

Нехай кажутъ, нехай кажутъ
Мусятъ перестаты,
Якъ уйду я на Украйну
Иншую шукаты.

, да, думалъ Карташевъ, онъ уѣдетъ въ Петербургъ и про ай все прошлое... то далекое, милое...

Затихла пѣсня, степь замерла въ неподвижномъ очарованіи вечера, сердце больно и сладко сжималось о миломъ далекомъ прошломъ и такъ рвалось къ нему, такъ звало его теплое, ясное...

Наташа любящими глазами посмотрѣла на брата и съ упрекомъ себѣ сказала:

— Нѣтъ, Тема, ты все такой же...

— Нѣтъ, я перемѣнился, хотя знаешь, Наташа... вотъ тебѣ честное слово!.. Чувствую, что это только такъ... Если бы я почувствовалъ, что до конца другимъ сталъ... такимъ, какъ всѣ—я застрѣлился бы... Это я тебѣ какъ самому себѣ говорю.

— Никогда этого, Богъ дастъ, и не будетъ... Я за тебя и не боюсь... Ну, залѣзешь въ грязь, увидишь, что грязь, и назадъ вылѣзешь...

Они замолчали и уже молча доѣхали до усадьбы. Карташевъ любилъ въ эти минуты свою сестру той идеальной, сознательной любовью брата, которая такъ рѣдко охватываетъ людей въ обычной прозаичной жизни.

Онъ помогъ ей соскочить у подъѣзда съ сѣдла, и когда она встала на землю, онъ обнялъ ее и горячо поцѣловалъ. Наташа тоже быстро, горячо поцѣловала брата и съ манерой матери, махнувъ рукой, быстро смущенно прошла въ домъ.

Карташевъ же, передавъ лошадей Грицько, пошелъ въ садъ и, гуляя по аллеѣ взадъ и впередъ, все думалъ о томъ, что вотъ онъ теперь большой уже, и это онъ сегодня особенно почувствовалъ. Черезъ мѣсяцъ онъ уѣдетъ въ Петербургъ и будетъ жить новой, совсѣмъ новой, особенной жизнью. Тамъ онъ будетъ другимъ человѣкомъ. Онъ станетъ серьезнымъ, будетъ заниматься, будетъ ученымъ,—новый міръ откроется передъ нимъ, захватитъ его своимъ интересомъ, и забудется онъ въ немъ и потеряетъ все то, что пошлитъ людей, что беретъ верхъ надъ духовнымъ только въ пустой, безсодержательной жизни.

Карташевъ возбужденно ходилъ, жадно и энергично вдыхалъ въ себя ночной ароматъ стараго сада, и когда его окрикнулъ съ терассы Корневъ, онъ весело и возбужденно отвѣтилъ:

— Иду!

Изъ мягкой темноты онъ попалъ въ яркую столовую, гдѣ сидѣли за чаемъ всѣ и смотрѣли на него—Наташа ласково и повеселѣвшая, Корневъ добродушный, мать, Маня. И всѣ казались ему и оживленными, и жизнерадостными и онъ съ наслажденіемъ принялъ свой стаканъ чая, пилъ его и все думалъ о Петербургѣ, а когда кончилъ, подошелъ къ матери и горячо поцѣловалъ ей руку. Онъ былъ скупъ на ласки и, какъ отецъ его, не сообщителенъ на чувства, и этотъ поцѣлуй и удовлетвореніе его души передались матери и всѣмъ. Вечеръ прошелъ незамѣтно, всѣ были въ духѣ, въ томъ настроеніи,

когда все кажется такимъ уютнымъ, когда такъ хорошо поются, въ знакомой наложенной обстановкѣ, грустныя малороссійскія пѣсни. И Корневъ съ Маней ихъ пѣли, а Карташевъ съ матерью сидѣли на террассѣ и Аглаида Васильевна говорила сыну:

— Ты у меня умный и добрый, и хорошій, Тема, и я не сомнѣваюсь, что Господь благословитъ твою жизнь... Но, милый Тема, повѣрь ты мнѣ... Я много видѣла въ жизни и кому же какъ не тебѣ передать мнѣ свой опытъ? Помни, Тема, что единственная опасность, которая грозитъ тебѣ—это, если увлечешься въ Петербургѣ и попадешь въ тѣ кружки, откуда выходъ на эшафотъ, въ каторгу...

— Мама!

— Все, Тема, погибнетъ тогда... все! и ты, и твоя семья, для которой ты радость жизни превратишь въ тяжелое горе... такое горе, котораго не выдержу я, Тема.

— Мама, не бойся за меня... Конечно, не все такъ хорошо, какъ могло бы быть, но я... я вѣдь тоже хорошо сознаю, что я слишкомъ мальчикъ еще, чтобы могъ серьезно вѣрить себѣ.

Аглаида Васильевна, взявъ руками голову сына, поцѣловала его горячо въ лобъ. Разговоръ продолжался, но уже о молодыхъ—Зинаидѣ Николаевнѣ и Неручевѣ. У нихъ не все шло такъ гладко какъ хотѣлось Аглаидѣ Васильевнѣ, и она жаловалась на Неручева.

Въ послѣдній разъ на другой день утромъ обходили Корневъ, Наташа и Карташевъ садъ, заглядывали въ конюшню, прощались съ лошадьми. Корневъ смотрѣлъ на все равнодушно, какъ на что то уже чужое для него, оторванное, къ чему онъ не возвратится больше никогда. Тамъ ждала другая жизнь, тамъ въ ней большая или маленькая, но его доля, и интересно было увидѣть скорѣй эту долю.

Наташа была равнодушна, сдержанна и какъ будто разсѣянна. Корневъ иногда пытливо останавливалъ на ней взглядъ, иногда по лицу его пробѣгало сомнѣнье, но чаще онъ говорилъ себѣ: «ерунда» и старался держаться непринужденно, какъ человѣкъ, который и въ мысляхъ не держитъ посягать на что либо. Наташа же только видѣла его желаніе подчеркнуть это и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій какъ бы отвѣчала: то вѣдь и я не ищу ничего. И когда имъ удавалось убѣдить въ этомъ другъ друга, они оба еще болѣе становились спокойными, равнодушными и скучными.

— Спойте на прощанье,—обратилась Наташа къ Корневу, когда они возвратились въ домъ.

— Нѣтъ, не хочется... Надоѣло... Надоѣло все.

— Ну, вотъ ужъ скоро, скоро въ Петербургъ,—отвѣтила Наташа съ своей обычной гримасой.

— Что жъ Петербургъ? Я и отъ него ничего не жду. Высылать мнѣ будутъ тридцать рублей въ мѣсяцъ, при такихъ деньгахъ не разживешься. Комнатка гдѣ нибудь на пятомъ этажѣ да лекціи... въ театръ и то не на что будетъ ходить.

— Уроки будете давать.

— Какіе уроки? Нашего брата тамъ, какъ сельдей въ бочкѣ.

— Но другіе же даютъ?

— Даютъ, кому бабушка ворожитъ.

— Даютъ, кто брать умѣетъ.

Наташа подумала.

— Ну, кто брать умѣетъ,—желчно и ѣдко согласился Коренев,—а намъ куда? Мы люди маленькіе...

— Не говорите же такъ...

— Отчего не говорить? Истина тяжела, но еще тяжел отсутствіе сознанія этой истины, Наталья Николаевна... Нѣт ужъ лучше знать...

— Да, вѣдь откуда вы знаете?

— Э-э! Знаю...

Въ городъ ѣхали только Аглаида Васильевна, Карташевъ и Наташа. Маня оставалась старшей въ домѣ.

Маня была серьезна, какъ можетъ быть только серьезенъ подростокъ въ пятнадцать лѣтъ. Она мечтала о своемъ голосѣ, о будущей карьерѣ.

— Маня, не пой безъ учительницы, — говорила Аглаида Васильевна.

— Мама, я знаю: она мнѣ объяснила передъ отъѣздомъ все...

Что до Сережи и Аси, то все происходившее со старшими ихъ не касалось: они жили своей особенной жизнью. Двѣнадцатилѣтняя Ася бѣгала по двору, доила коровъ, собирала яйца, такъ какъ у нея съ Сережей были у каждаго свои куры. Сережа, чутьемъ умѣвшій разыскивать, гдѣ и въ какомъ еще хламѣ курица забросить свое яйцо, былъ неразборчивъ въ понятіяхъ «твое и мое» и если никто не видѣлъ, то яйца отъ Асиныхъ куръ забиралъ себѣ. Поэтому у Аси всегда было мало яицъ, а у Сережи много. Ася подозрѣвала Сережу, и нерѣдко ихъ споры доходили до Аглаиды Васильевны. Тогда Сережа увѣрялъ, что у него яйца только отъ его куръ, но мать настаивала и часть своихъ онъ уступалъ Асѣ. Въ утѣшеніе онъ старался дать ей хоть похуже: изъ болѣе лежалыхъ. Братъ и сестра изъ яицъ дѣлали себѣ гоголь-моголь, пирожныя, а если не хватало яицъ для дома, то продавали изъ своего запаса. Се-

режа былъ бережливъ и пряталъ деньги. Мать была этимъ довольна и говорила:

— Эти лучше васъ справятся въ жизни...

— Буржуа? — презрительно спрашивалъ Корневъ.

— Ну, что жъ? И безъ буржуа не проживемъ.

— Это вопросъ!—отвѣчалъ Корневъ.

— На который жизнь и даетъ отвѣтъ.

— Жизнь можно и повернуть.

— Ну, вотъ и поворотите.

II.

Карташевы пріѣхали въ городъ, и текущіе интересы дня поглотили все ихъ вниманіе. Карташева обшивали съ ногъ до головы, какъ на свадьбу. Шили ему бѣлье, платье, пальто, шубу. Съ матерью онъ ѣздилъ выбирать полотно на рубашки: на грудь по рублю двадцати коп., на остальную рубашку по 80 коп. Карташеву хотѣлось еще дороже. Въ немъ вдругъ проснулась страсть къ франтовству. Онъ искалъ самыхъ модныхъ фасоновъ платья, пальто, воротничковъ въ картинкахъ модъ, и дѣло доходило у него чуть не до лихорадки въ ожиданіи примѣрки. Всѣ уголки его фантазіи были заполнены его экипировкой, онъ самъ рисовался себѣ то въ томъ, то въ другомъ своемъ костюмѣ. Въ пиджакѣ онъ будетъ ходить на лекціи, въ сюртукѣ въ театръ, къ знакомымъ. Необходимо перчатки и pince-nez. Перчатки онъ купилъ, но pince-nez не рѣшился и мечталъ только о немъ. Тамъ въ Петербургѣ онъ его купитъ. Онъ остригся, потому что при примѣркѣ новаго платья все было новое, кромѣ старыхъ волнъ его густыхъ, не желавшихъ держаться аккуратно, русыхъ волосъ. Такъ какъ онъ требовалъ отъ портныхъ, чтобъ тѣ шили какъ можно уже въ талію, то платья его и смахивали въ концѣ концовъ на платье съ младшаго брата. Самъ Карташевъ, впрочемъ, этого не замѣчалъ,— его стягивало какъ въ корсетѣ, но онъ этого и желалъ. Ему показались рукава длинными: недостаточно виднѣлись изъ подъ нихъ манжеты—ему обрѣзали и рукава.

Когда ему говорили родные, что узко, онъ торопливо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я же чувствую...

Наконецъ, все было готово: и платье, и бѣлье, и пальто, и шуба, и башлыкъ, и даже кожаныя калоши. Непремѣнно кожаныя. Человѣкъ хорошаго тона не надѣнетъ резиновыхъ. Груда вещей занимала кабинетъ, лежала на стульяхъ, столахъ, и Карташевъ въ избыткѣ чувства самъ ложился тутъ же на диванъ, поверхъ какого нибудь новаго сюртука, положивъ ноги

на новые штаны, и въ какихъ то волнахъ безъ образовъ плавалъ въ своемъ удовлетворенномъ черезъ край чувствѣ. Какой то темной точкой были развѣ мысли вродѣ тѣхъ, что не очень ли узко сшито платье, отчего калоши, когда онъ ходитъ, постоянно хлопаютъ задками и вообще кажутся болѣе грубыми, чѣмъ тѣ, которые онъ видѣлъ у франтовъ. Перчатки ему дали номеромъ ниже, и онѣ не обтягивали руку, а морщились, и рука казалась больше. Но это были мелочи.

Въ новомъ платьѣ онъ ходилъ къ знакомымъ и пытливо смотрѣлъ, какое онъ производитъ впечатлѣніе. Онъ жалѣлъ, что нельзя сразу все надѣть: всѣ платья, и шубу, и башлыкъ, и калоши. О послѣднихъ и рѣчи не могло быть въ концѣ іюля,— и въ черномъ сюртукѣ была невыносимая духота. Но тѣмъ не менѣе какъ то вечеромъ передъ самымъ отъѣздомъ, провожая одну изъ Наташиныхъ подругъ, Горенко, Карташевъ под предлогомъ прохладной ночи (ночь была даже удушлив дня) надѣлъ и пальто, и калоши. Хотѣлъ даже надѣть и ба лыкъ, и барашковую шапку, потому что въ зеркалѣ онъ такъ нравился себѣ въ этой шапкѣ.

— Вамъ не жарко? — спросила его участливо Горе

— Нѣтъ,—отвѣтилъ серьезно и озабоченно Карташев у меня маленькая лихорадка, — и, чтобы быть вполнѣ е веннымъ, онъ даже засунулъ свои руки въ перчаткахъ кава своего пальто.

Горенко жила далеко, ночь была лунная, улицы пустынныя, щелканье калошъ оглашало далеко кругомъ неподвижный воздухъ и доставляло ихъ владѣльцу порядочное-таки неудобство. Было жарко и отъ ходьбы, и отъ теплаго платья, но Карташевъ мужественно переносилъ все и думалъ только о томъ, чтобы его дама не замѣтила испытываемыхъ имъ неудобствъ. Но подруга Наташи, казалось, ничего не замѣчала,— она была вся погружена въ какія то свои мысли.

Когда они подошли къ дому, гдѣ жила Горенко, Карташевъ позвонилъ, и они ждали, пока имъ отворятъ.

— Нѣтъ, вы сегодня не разговорчивы, — усмѣхнулась Горенко и вскользь сбоку окинула взглядомъ снисходительнаго сожалѣнія комичную фигуру Карташева.

— Я вамъ говорю, что у меня лихорадка.

По двору раздались шаги дворника.

— Ну, желаю вамъ всего лучшаго. Я всетаки хочу вѣрить что не ошиблась въ васъ... У кого есть такая сестра, как Наташа...

Горенко говорила съ своей обычной манерой думать вслухъ

— Прощайте...

Она быстро пожала руку Карташева и скрылась прежде чѣмъ что нибудь сообразилъ закутанный Карташевъ.

Возвращеніе домой было еще печальнѣе. Онъ всегда былъ увѣренъ, что въ глазахъ Горенко стоитъ на высотѣ. Ея послѣднія слова однимъ взмахомъ сшибли его съ подмостковъ... Теплое пальто давило плечи, калоши, утихшія было, стали снова отбивать такой назойливый тактъ, что Карташевъ съ воплемъ: «а будьте вы прокляты!» вдругъ махнулъ сперва одной ногой, затѣмъ другой и калоши улетѣли и гдѣ то далеко посреди улицы шлепнулись одна за другой. Но калоши всетаки представляли изъ себя капиталъ, и Карташевъ, удовлетворивъ своему гнѣву, отправился на розыски и, найдя ихъ, держа ихъ въ рукахъ, пошелъ дальше.

Неожиданная выходка Горенко оскорбила и унизила его, Карташева. Что она понимаетъ, дѣвчонка, въ жизни? Кажется ей, съ ея точки зрѣнія, все просто и легко, потому что сама совершенно не знаетъ, что такое жизнь. Ей не нравится, что онъ сталъ заниматься своей внѣшностью: что жъ изъ этого?

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

Всему свое время... Конечно, съ годами, когда онъ почувствуетъ свои силы, онъ тоже не пойдетъ по избитой дорогѣ. Не пойдетъ, или до могилы потянется шагъ за шагомъ за всѣми, откладывая поворотъ все дальше, до новаго случая, до тѣхъ поръ, пока волосы вылѣзутъ и пропадетъ вся вѣра въ себя?

Карташевъ уже подходилъ къ дому. Онъ тяжело вздохнулъ и подумалъ: «во всякомъ случаѣ я знаю, что я честный человѣкъ и такимъ всегда останусь, а тамъ, что хотятъ, пусть то и думаютъ обо мнѣ».

III.

Завтра отъѣздъ... Завтра все это исчезнетъ и совсѣмъ другая обстановка уже будетъ окружать его, Карташева. Эта теперешняя никогда ужъ не возвратится. Пріѣздъ на каникулы будетъ только временнымъ пребываніемъ въ гостяхъ, но своя жизнь будетъ уже не здѣсь,—пойдетъ отдѣльно и такъ до конца. Всѣ счеты такимъ образомъ сведены съ этой жизнью,—съ гимназіей, матерью, семьей. Все—что пошлило жизнь, что дѣлало ее будничной, теперь ужъ назади. Теперь это только близкіе люди, которые ничего не жалѣли и не жалѣютъ, чтобъ дать все, что могутъ. Карташевъ въ первый разъ замѣтилъ, что мать его состарѣла и какъ будто меньше стала. Она нервно, озабоченно возилась около его вещей, старалась не смотрѣть на него и боролась съ собою. Онъ видѣлъ это, видѣлъ, какъ всетаки жалѣлъ ей былъ его отъѣздъ и нѣсколько разъ тянуло его

обнять мать, расцѣловать, обласкать. Прежде его ласкали, а теперь его ласки ждали. И онъ зналъ, что для матери такая его ласка была бы большимъ утѣшеньемъ, счастьемъ была бы. И тѣмъ не менѣе онъ не могъ себя заставить быть нѣжнымъ и ласковымъ, не могъ вырваться изъ какого то прозаическаго настроенія. Что-то мѣшало. Конечно, не то доброе чувство, которое теперь въ немъ было, но можетъ быть страхъ, что иллюзія этого чувства разлетится, когда онъ исполнитъ свое желанье. Можетъ быть этого чувства хватило бы только, чтобы сдѣлать первый шагъ, а затѣмъ онъ остался бы лицомъ къ лицу съ той матерью, передъ которой стоялъ, когда удалили Таню изъ дома, когда его высылали вонъ, когда насиловали его волю, когда къ такой пошлой прозѣ сводились его порывы... Боже сохрани, онъ не хотѣлъ ничего помнить, не хотѣлъ ни въ чемъ упрекать, онъ любилъ всей душой, но слѣдъ, слѣдъ оставался и, какъ тяжело экипажу свернуть съ наѣзженной глубокой колеи, такъ было трудно вырвать что-то изъ сердца, что не зависѣло больше отъ Карташева. И мать это какъ-то инстинктивно чувствовала и, ничего не требуя, испытывала въ то же время непріятное раздраженіе.

Доставалось Наташѣ, горничной, но съ сыномъ она была все такъ же озабоченна и при немъ больше обращала вниманія на его вещи, чѣмъ на него.

Пришелъ Корневъ прощаться, тоже въ новомъ костюмѣ, задумчивый и сосредоточенный. Онъ сидѣлъ, грызъ ногти, отвѣчалъ односложно.

— Ну-съ...—проговорилъ онъ и съ неестественной улыбкой поднялся.

И въ эту минуту и онъ и всѣ поняли, что пришло время разлучиться, а съ разлукой пришла и новая жизнь. Это стоялъ уже не мальчикъ, не гимназистъ Корневъ,—это стоялъ молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ. Его лицо поблѣднѣло и по обыкновенію, какъ то бывало съ нимъ въ минуты сильнаго волненія, слегка перекосилось.

— Ничего не подѣлаешь... надо прощаться...

Голосъ его хотѣлъ быть шутливымъ, но дрожалъ отъ волненія. Наташа стояла передъ нимъ блѣдная, большіе глаза ея почернѣли еще и она точно испуганно смотрѣла въ него, точно стараясь вдругъ вспомнить то, что все время до этого мгновенья вертѣлось у ней въ головѣ.

— Вотъ какъ время летитъ, Наталья Николаевна, а впереди что?

Онъ на одно мгновенье пытливо, напряженно заглянулъ ей въ глаза.

Наташа все продолжала во всѣ глаза смотрѣть на Корнева и врядъ ли сознавала, когда пожала ему руку.

Корневъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто, вышелъ на подъѣздъ, перешелъ улицу, а Наташа безсознательно подошла къ окошку и смотрѣла вслѣдъ ему. Корневъ вдругъ повернулся, точно какая то сила толкнула его и, увидѣвъ Наташу, сорвавъ свою шляпу, нѣсколько разъ низко и быстро поклонился. Вѣроятно, все, что надо было, они успѣли въ этихъ поклонахъ передать другъ другу, потому что и Корневъ пошелъ дальше удовлетворенный и глаза Наташи сіяли такъ, какъ будто зажглись въ нихъ вдругъ какіе то волшебные огоньки.

IV.

День отъѣзда насталъ. Уѣзжали: Корневъ, Карташевъ, Ларіо, Дарсье и Шацкій.

Шацкій, несмотря на то, что познакомился очень недавно со всей компаніей, уже съумѣлъ вызвать къ себѣ общее нерасположеніе. Онъ собственно не былъ ученикомъ гимназіи и держалъ со всѣми только выпускной экзаменъ. Онъ былъ, слѣдовательно, то, что называется, экстернъ или футурусъ. Выдержалъ Шацкій экзаменъ хорошо, но крайней эксцентричностью своихъ манеръ поражалъ и часто возмущалъ всѣхъ. Болѣе другихъ возмущался Корневъ, не могшій выносить этой высокой, развинченной фигуры, во всегда невозможномъ по безвкусію костюмѣ, съ претензіей на какой то шикъ, котораго не только у него не было, но, напротивъ, все было каррикатурно и уродливо до непозволительности. Ко всему Шацкій какъ то безъ смысла и цѣли лгалъ; сегодня онъ графъ, завтра князь, а въ то же время всѣ знали, что его родня занимается въ городѣ торговлей: дядя держалъ винный погребъ, а другой дядя велъ какую то оптовую торговлю.

Корневъ со всей силой и искренностью, на какую былъ только способенъ, выказывалъ Шацкому на каждомъ шагу свое презрѣніе. Иногда ему удавалось смутить этимъ Шацкаго, но чаще тотъ глупо и нахально хохоталъ и тогда Корневъ, грызя ногти, ядовито говорилъ ему:

— Послушайте, вы окончательный идіотъ.

Мысль, что и Шацкій ѣдетъ съ ними, отравляла все удовольствіе Корневу. Онъ обвинялъ Карташева.

— Ну, зачѣмъ ты ему сказалъ объ нашемъ отъѣздѣ? Зачѣмъ связываться съ этимъ идіотомъ? Что онъ намъ, и что мы ему?

— Да можетъ быть онъ и не поѣдетъ еще,—утѣшалъ Карташевъ,—онъ самъ говорилъ, что родные денегъ ему не хотѣть давать на поѣздку.

— Главное, что общаго между нами и имъ?

— Да, чортъ съ нимъ,—утѣшалъ Ларіо,—ну, пусть ѣдетъ... Я не знаю, что ты противъ него имѣешь...

— Ну, да брось!—сердился Корневъ.

Въ прозрачномъ, неподвижномъ, точно уснувшемъ, воздухѣ вырисовывался городъ, морской берегъ и безконечное синее море. На лужайкѣ, противъ вокзала желѣзной дороги растянулись бѣлыя солдатскія палатки и еще рельефнѣе оттѣняли синее небо.

На вокзалѣ начинали проявляться первые признаки жизни по поводу предстоящаго отхода поѣзда. Рѣдкіе извозчики, выѣзжая на станціонную мостовую, оглашали воздухъ рѣзкимъ, непріятнымъ трескомъ и дребезжаніемъ. Озабоченные пассажиры, большею частью евреи, греки, караимы, съ массою вещей и подушекъ слѣзали съ пролетокъ, стаскивали свой багажъ тутъ же въ кучу и начинали свой долгій, звонкій разсчетъ съ извозчиками.

На платформѣ въ особомъ отдѣленіи, заставленномъ зеленью, было прохладно и свѣжо. Рѣдкіе пассажиры разбросанно сидѣли по скамьямъ.

Первымъ пріѣхалъ Шацкій, одѣтый въ полосатый костюмъ въ обтяжку, долженствовавшій изображать англичанина.

Худой, высокій, съ маленькой рысьей физіономіей, съ вѣчно бѣгающими глазками, съ каррикатурно длинными руками и ногами, Шацкій, безобразно ломаясь, быстро ходилъ взадъ и впередъ, что-то безъ голоса, фальшиво напѣвая себѣ подъ носъ. Иногда онъ вдругъ останавливался, широко разставляя свои длинныя ноги, вытягивалъ свою рысью голову, усиленно мигалъ вѣками, точно соображая что-то, и затѣмъ, весело щелкнувъ пальцами передъ своимъ носомъ, еще каррикатурнѣе раскачиваясь и чуть не выкрикивая какой то дикій безсмысленный мотивъ, продолжалъ свою бѣготню по платформѣ.

Въ дверяхъ показались Корневъ и Ларіо.

— Здѣсь уже?!—брезгливо проговорилъ Корневъ, увидѣвъ Шацкаго.—Готовъ пари держать, что его всѣ принимаютъ за идіота.

Корневъ, свѣтлый блондинъ, въ кожаной, какія носятъ машинисты, шапочкѣ, въ парусиновомъ грязномъ и поношенномъ пиджакѣ, съ маленькими заплывшими и слегка воспаленными глазами, былъ полною противуположностью добродушному Ларіо, широкоплечему, коренастому, съ круглымъ румянымъ лицомъ, съ большими близорукими карими глазами.

Ларіо, бойкій только въ своей компаніи, былъ въ сущности очень конфузливъ и всегда чувствовалъ себя очень смущенно въ большомъ обществѣ. Въ отвѣтъ на слова Корнева онъ прищурился, оглянулъ платформу и поспѣшно съ наивностью произнесъ:

— Послушай, сядемъ вотъ въ томъ уголкѣ.

Усѣвшись на зеленую скамейку подальше отъ публики, Ларіо на мгновеніе почувствовалъ себя удовлетвореннымъ, но вскорѣ опять заерзалъ.

— Рано пріѣхали...—сказалъ онъ, прищурившись.

Помолчавъ еще, онъ, съ напускной бойкостью, спросилъ Корнева:

— А что, Вася, какъ на счетъ пивка?

— Пивка, такъ пивка,—отвѣтилъ Корневъ.

— Молодецъ,—вдругъ оживился Ларіо,—люблю такихъ. Гарсонъ, пару пива! Терпѣть я, Вася, не могу всякаго этакого собранія.

— А я вотъ терпѣть не могу такихъ, какъ этотъ Шацкій.

[illegible]кій, не обращая вниманія на товарищей, продолжалъ [illegible]дъ и впередъ.

[illegible], что ты противъ него имѣешь? Въ сущности, ей [illegible], онъ ничего себѣ.—Корневъ подумалъ.

— Послушайте, вы,—снисходительно окликнулъ онъ Шацкаго,—подите сюда!

Шацкій, засунувъ руки въ карманы своей англійской куртки, подошелъ къ сидѣвшимъ и, широко разставивъ свои длинныя ноги, уставился въ Корнева, стараясь замаскировать нѣкоторое смущеніе пренебрежительнымъ выраженіемъ лица.

— Ну, однимъ словомъ, настоящій англичанинъ, — сказалъ пренебрежительно Корневъ, по своей привычкѣ начиная грызть и безъ того уже обгрызанные ногти.—Вы сегодня кто: графъ, князь, баронъ?

Шацкій разсмѣялся, но сейчасъ же, скорчивъ серьезную физіономію, церемонно отвѣтилъ:

— Маркизъ, вы слишкомъ любезны...

— А вы, князь, шутъ гороховый... то бишь я хотѣлъ вамъ предложить одинъ вопросъ: пріѣдетъ ли ваша пышная родня васъ провожать сегодня?

— Нѣтъ, лордъ, я уѣзжаю инкогнито.

— Это значитъ, что вы всетаки не добились разрѣшенія [illegible] вашъ отъѣздъ. Откуда же вы въ такомъ случаѣ достали [illegible]ньги? Мнѣ страшно подумать, князь, неужели, вы рѣшились [illegible] преступленіе и, говоря этимъ грубымъ жаргономъ обита[illegible]ей тюрьмы, вы попросту украли у вашего батюшки [illegible]ьги?

— Ну и слава Богу,—перебилъ ее Корневъ,—вотъ я сейчасъ заплачу и пойдемъ.

— Нѣтъ, я плачу,—перебилъ его Ларіо.

— Ну чортъ съ тобой, плати ты.

— Ахъ, Васенька, опять ты эти слова.

— Полноте, маменька, все это пустяки. Слова, какъ слова. Это вотъ дворянамъ надо слова разбирать, потому что они дворяне, а мы съ вами, маменька, люди маленькіе.

— Маленькіе, сыночекъ, маленькіе... Васинька! Только зачѣмъ же ты всетаки это пиво пьешь—нѣтъ въ немъ добра, Вася. Охъ, ножки мои, ножки, совсѣмъ не могу стоять—посади меня, Васинька!

И старушка Корнева тяжело опустилась на скамью.

Пріѣхали, наконецъ, и Карташевы. Аглаида Васильевна, Наташа, Тема и братъ Аглаиды Васильевны, невысокій господинъ съ большимъ добрымъ, рябымъ лицомъ. Аглаида Васильевна выписала брата изъ его маленькаго имѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ поселился у нея и велъ ея дѣла. Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ тотъ день, когда уѣзжалъ Карташевъ. Онъ говорилъ сестрѣ «вы» и, видно, былъ въ полной отъ нея зависимости.

— Я не перевариваю, — сказалъ Корневъ, — Карташева возлѣ матери: она вьетъ изъ него веревки.

— А Наташу перевариваешь?—спросила сестра.

— Ну, Наташа,—кивнулъ головой Корневъ.—Онъ въ подметки не годится своей сестрѣ. Она цѣльная натура. Впрочемъ, и онъ отличный парень и люблю я его отъ души.

Корневъ благодушно махнулъ рукой.

— Но только чувствую...

— А вы не чувствуете, Васинька, что отъ васъ, какъ изъ пивного боченка, несетъ пивомъ?..—спросила его сестра.

— Это не вашего ума дѣло,—отвѣтилъ ей братъ.—Вы вотъ слушайте, что вамъ говорятъ, и ладно будетъ.

— Ахъ, Вася, не обижай сестру на прощанье.

— Маменька, ее никто не обижаетъ, она сама всякаго обидитъ...

— Послушайте, Семеновъ, уведите его и приведите въ чувство, а то онъ что нибудь да выкинетъ передъ Карташевыми,—обратилась сестра Корнева къ Долбѣ.

— Ерунда,—отвѣтилъ увѣренно Корневъ.

— Ничего не выкинетъ,—авторитетно сказалъ и Семеновъ,—вотъ развѣ два, три зернушка жженаго кофе, чтобъ духъ отшибить.

— Ладно и такъ,—пренебрежительно отвѣтилъ Корневъ

Семейство Карташевыхъ подошло и всѣ начали между собой здороваться.

— А гдѣ же Ларіо?—спросила Наташа.

Сестра Корнева насмѣшливо посмотрѣла на брата.

— Ну что же ты молчишь? Гдѣ Ларіо?

— Ларіо? Онъ скрылся. Знай, несчастная, что онъ ненавидитъ такихъ, какъ вы.

И Корневъ запѣлъ выразительнымъ и вѣрнымъ голосомъ:

„Насъ вѣнчали не въ церкви...

— Ничего не понимаю.

— И не надо тебѣ понимать.

— Противный!

Семеновъ забилъ тревогу о томъ, что надо вспрыснуть отъѣздъ.

Незамѣтно компанія оставила платформу и скрылась подъ навѣсомъ буфета. Когда налили всѣмъ по рюмкѣ водки, Долба, тряхнувъ волосами, произнесъ:

— Ну, за отъѣзжающихъ... Дай же Боже, щобъ наше теля да вивковъ съило.

Когда выпили, Семеновъ предложилъ:

— Ну, наливайте еще за остающихся.

Карташевъ, не любившій водки, отказался:

— Нѣтъ, я больше не буду.

— Что? мама?—спросилъ его вызывающе Ларіо.

— Дуракъ,—отвѣтилъ Карташевъ и залпомъ выпилъ другую рюмку.

Водка обожгла ему горло и онъ нѣсколько мгновеній стоялъ, не будучи въ силахъ сказать что нибудь.

— Скажи, мама!—посовѣтовалъ ему Ларіо, вызвавъ общій хохотъ.

Карташевъ въ отвѣтъ хлопнулъ его по спинѣ и проговорилъ, наконецъ:

— Чортъ меня побери—я передумалъ поступать на математическій, потому что все равно срѣжусь.

— Инженеръ путей сообщенія значитъ тю-тю?! Куда жъ? Неужели на юридическій? — весело поразился Корневъ.

— Угадалъ!

— О-о! Легкомысліе!

— Водки!—рѣшилъ по этому поводу Ларіо. — Что умно, то умно.

— Въ такомъ случаѣ, — вмѣшался вдругъ Шацкій, — я поступаю въ институтъ путей сообщенія.

— Вотъ это хорошо, — быстро отвѣтилъ Корневъ,—васъ та ь только не доставало! Первая умная вещь, которую отъ вас слышу. Согласенъ даже еще выпить по поводу такого счастливаго случая.

Послѣ четвертой рюмки Корневъ, порядочно охмѣлѣвшій, сказалъ Карташеву:

— Ну, пьяницы, довольно, пошли всѣ вонъ назадъ.

Когда они вернулись на платформу, Корнева встрѣтилась глазами съ Карташевымъ... Онъ подъ вліяніемъ выпитаго вина особенно нѣжно посмотрѣлъ на нее.

— Карташевъ, подите сюда,—подозвала его Корнева.

И Карташевъ съ Корневой пошли по платформѣ. Аглаида Васильевна, собравшаяся было что то сказать сыну, только махнула рукой и, обратившись къ брату, замѣтила:

— И не слушаетъ даже. Посади меня гдѣ нибудь.

Братъ подвелъ сестру къ скамейкѣ, стоявшей въ сторонѣ и проговорилъ, усаживаясь рядомъ:

— Да ужъ, сестра, такой возрастъ, что не насъ съ вами ему хочется слушать, на всякую юбку промѣняетъ насъ.

— Ни на кого онъ меня не промѣняетъ, сказала, помолчавъ, Аглаида Васильевна,—онъ любящій, добрый мальчикъ.

— Такъ то такъ, да года то его не любящіе.

— Глупости говоришь ты,—отвѣтила Карташева,—если ужъ хочешь знать, могу тебѣ сообщить характеръ ихъ отношеній онъ ея повѣренный въ ея любви къ Рыльскому.

И Аглаида Васильевна бросила насмѣшливый взглядъ на брата.

— Самъ признался мнѣ. Совершенный еще ребенокъ,— усмѣхнулась Карташева.—Разсказываетъ мнѣ, какъ онъ сталъ ея повѣреннымъ.

— Разиня какой...

Сестра видимо разсчитывала не на этотъ эффектъ и вызывающимъ голосомъ спросила:

— Почему разиня?

— Но помилуйте, сестра, въ его годы...

— Ну вотъ опять его годы... только-что ты говорилъ, что въ его годы онъ меня съ тобой промѣняетъ на всякую юбку, а теперь... Дѣло не въ годахъ здѣсь, а въ воспитаніи.

И Аглаида Васильевна съ нѣкоторой пренебрежительностью отвернулась отъ брата и стала искать глазами сына.

— Послушайте, Карташевъ, — говорила между тѣмъ Корнева,—я замѣчаю, что съ тѣхъ поръ, какъ... Ну, однимъ словомъ, съ тѣхъ поръ, вы помните, вы совсѣмъ перемѣнили со мной свое обращеніе. Я хочу знать, почему это? Если въ вашихъ глазахъ я пала...

— Богъ съ вами, что вы говорите, — горячо заговорилъ Карташевъ.—Я былъ бы негодяемъ, если бы, узнавъ такъ довѣрчиво открытую мнѣ тайну, вдругъ позволилъ бы себѣ... Да, наконецъ, что тутъ дурного? Повѣрьте, что всякій на его мѣстѣ только...

Карташевъ замолчалъ.

— Что только?

Сердце Карташева замерло отъ какого то вдругъ охватившаго его чувства.

— Послушайте, — сказалъ онъ рѣшительно, — мы сейчасъ уѣзжаемъ. Неужели вы никогда не догадывались, что я былъ въ васъ какъ сумасшедшій влюбленъ?

— Вы?! А теперь?

Карташевъ поднялъ на нее свои глаза.

— Послушайте, — растерялась Корнева, — что я вамъ хотѣла сказать?

Горячая волна крови прилила къ ея лицу.

Они оба молчали и стояли другъ передъ другомъ. Карташевъ испытывалъ какое то совершенно особенное опьяненіе.

— Какъ хотите, сестра, но съ такимъ лицомъ не повѣряютъ и не принимаютъ повѣряемыхъ тайнъ, — лукаво замѣтилъ братъ Аглаиды Васильевны.

Мать сама давно замѣтила что то особенное и теперь громко и строго позвала сына:

— Тема, мнѣ надо съ тобой поговорить.

Карташевъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на Корневу. Все вихремъ закружилось передъ нимъ и, не помня себя, онъ прошепталъ:

— Да, я люблю васъ и теперь!

Взволнованный подошелъ онъ къ матери.

Карташева встала и недовольно сказала сыну:

— Ты могъ бы и раньше переговорить съ посторонними (на этомъ словѣ она сдѣлала особое удареніе), а послѣднія минуты можно, кажется, и съ матерью побыть...—Пойдемъ со мной.

Сынъ пошелъ рядомъ съ нею. Онъ ходилъ по платформѣ, ему что то говорила мать, но онъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ, или лучше сказать — видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ только одну Корневу, ея голубенькое въ мелкихъ клѣткахъ платье, ея жгучіе глаза. По временамъ отъ избытка чувства онъ поднималъ голову, смотрѣлъ въ ясное небо, вдыхалъ въ себя нѣжный ароматъ начинающагося вечера, влюбленными глазами слѣдилъ за проходившей повременамъ Корневой, и все это было такъ ярко, такъ сильно, такъ свѣжо, такъ не похоже съ тѣмъ настроеніемъ, котораго мать требовала и желала отъ уѣзжающаго въ первый разъ отъ нея сына.

— Ты на прощанье сталъ совершенно невозможнымъ человѣкомъ. Ты ничего не слушаешь, что я тебѣ говорю. Скажи пожалуйста, что она съ тобой сдѣлала?

— Ничего не сдѣлала,—угрюмо отвѣтилъ Карташевъ.

— Ты пьянъ?!

— Ну, вотъ и пьянъ, — растерянно сказалъ Карташевъ.

Аглаида Васильевна, какъ ужаленная, отошла отъ сына. Она была потрясена. Она всю себя отдала дѣтямъ, она дѣлила съ ними ихъ радости и горе, она только и жила ими, волнуясь, страдая, переживая съ ними все до послѣдней мелочи. Сколько горя, сколько муки перенесла она, работая надъ сыномъ. И что жъ? Когда она считала, что работа ея почти окончена, что вложенное прочно и надежно, что же видитъ она? Что первая подвернувшаяся пустая дѣвчонка и кутилы-товарищи сразу дѣлаютъ съ ея сыномъ, такъ же, какъ и она, все, что хотятъ. Увѣренная въ себѣ, она точно потеряла вдругъ почву. Слезы подступили къ ея глазамъ.

«Я, кажется, дѣлаю крупную ошибку,—я рано, слишкомъ рано отпускаю его на волю»,—подумала она.

А Карташевъ, отойдя отъ матери, со страхомъ думалъ о томъ, чтобы скорѣе былъ звонокъ — поскорѣе уѣхать. Онъ боялся, что мать вдругъ возьметъ и оставитъ его. Онъ вдругъ какъ то сразу почувствовалъ весь гнетъ опеки матери и ему казалось, что больше переносить этой опеки онъ не могъ бы. Даже Корнева, если бъ онъ остался,не утѣшила бы его. Напротивъ, ради нея онъ хотѣлъ бы еще скорѣе уѣхать. Это признаніе, которое такъ неожиданно вырвалось, которое такъ сладко обожгло его, начинало уже вызывать въ немъ и къ ней, и къ себѣ какое то непріятное чувство сознанія, что они оба точно украли что то такое, что ужъ ни ей, ни ему не принадлежитъ. Карташевъ вслѣдъ за другими угрюмо подошелъ къ кассѣ и лихорадочно ждалъ своей очереди. Но вотъ и билетъ въ рукахъ. Сданъ и багажъ. Ужъ везутъ его сундукъ на телѣжкѣ.

Сомнѣнія больше нѣтъ: онъ ѣдетъ!

Черезъ нѣсколько минутъ все это ужъ будетъ назади. Передъ нимъ жизнь, свѣтъ, безконечный просторъ!

Онъ тревожно искалъ глазами мать.

Взглядъ его палъ на ея одинокую затертую фигурку. Она стояла, облокотившись о рѣшетку, ничего передъ собоюне видѣла, слезы одна за другой капали по ея щекамъ. А у нея что впереди?!

Карташевъ стремительно бросился къ ней.

— Мама! Милая, милая... дорогая моя мама...

Слезы душатъ его, онъ цѣлуетъ ея голову, лицо, руки, а мать отворачивается, и, наконецъ, счастливая, любящая — рыдаетъ на груди своего сына. Всѣ стараются не замѣчать этой бурной сцены между сыномъ и матерью, всегда такой сдержанной; Аглаида Васильевна уже вытираетъ слезы; Карташевъ старается незамѣтно вытереть свои. Слабый, какъ стонъ,

уже несется ударъ перваго звонка и уже раздается голосъ кондуктора:

— Кто ѣдетъ, пожалуйте въ вагоны.

Толпа валитъ въ вагоны.

— Сюда, сюда,—кричитъ Долба.

Нагруженная за нимъ бѣжитъ подвыпившая компанія и бурно врывается въ вагонъ, и уже несется изъ открытыхъ оконъ вагона звонкое и веселое «ура!»

Жандармъ спѣшитъ къ вагону и, столкнувшись въ дверяхъ съ Шацкимъ, набрасывается на него:

— Господинъ, кричать нельзя!

— Мой другъ,—отвѣчаетъ ему снисходительно Шацкій,— ты не ошибешься, если будешь говорить мнѣ прямо: ваша свѣтлость!

Фигура и слова Шацкаго производятъ на жандарма такое ошеломляющее впечатлѣніе, что тотъ молча, заглянувъ въ вагонъ, уходитъ. Встревоженныя лица родныхъ успокаиваются и чрезъ нѣсколько мгновеній опять отъѣзжающіе возлѣ своихъ родныхъ и надъ ними острятъ.

— Вотъ отлично бы было, — говоритъ Наташа, — еслибы вдругъ жандармъ арестовалъ васъ всѣхъ.

— Что жъ, остались бы,—говоритъ философски Корневъ,— что до меня я бы былъ радъ.

Онъ вызывающе смотритъ на Наташу, и оба краснѣютъ.

— Смотрите, смотрите,—кричитъ сестра Корнева, — Вася краснѣетъ! первый разъ въ жизни вижу... ха-ха!

Всѣ смѣются.

— Дѣточки мои милыя, какія жъ вы всѣ молоденькія, да худыя, да какъ же мнѣ васъ всѣхъ жалко!—и старушка Корнева, рыдая, трясетъ головой, уткнувшись въ платокъ.

— Маменька, оставьте!—тихо успокаиваетъ сестра Корнева,—смотрятъ всѣ.

— Ну, и пусть смотрятъ!—горячо не выдерживаетъ Корневъ,—не ругается жъ она!

— Голубчикъ ты мой ласковый,—бросается ему на шею мать.

— Ну, мама, ну... Богъ съ вами: какой я ласковый,— грубіянилъ я вамъ не мало.

Второй звонокъ замираетъ тоскливо.

Начинается быстрое лихорадочное прощанье. Аглаида Васильевна креститъ, цѣлуетъ сына, смотритъ на него, опять креститъ, захватываетъ воздухъ, креститъ себя, опять сына, опять цѣлуетъ и опять смотритъ и смотритъ въ самую глубину его глазъ.

— Мама, мама... милая... дорогая,—какъ маленькую, ласкаетъ и цѣлуетъ ее сынъ и тоже заглядываетъ ей въ глаза, а

она серьезна, въ лицѣ тревога и въ тоже время крѣпкая сила въ глазахъ, но точно не видитъ она ужъ въ это мгновеніе никого предъ собой и такъ хочетъ увидѣть. Она судорожно нерѣшительно и безконечно нѣжно, еще и еще разъ гладитъ рукой по щекѣ сына и растерянно все смотритъ ему въ глаза.

У Карташева мелькаетъ въ лицѣ какой-то испугъ, Аглаида Васильевна точно приходитъ въ себя и уже своимъ обычнымъ голосомъ ласково и твердо говоритъ сыну:

— Довольно... я довольна: ты любишь... Богъ не оставитъ тебя... Иди, иди, садись...

Вотъ они всѣ ужъ въ окнахъ вагона и опять точно забыли, что чрезъ минуту-другую тронется поѣздъ.

Въ толпѣ провожающихъ быстро мелькаетъ цилиндръ Дарсье.

— Дарсье, Дарсье!

Всѣ, возбужденные, высовываются изъ оконъ.

— Ѣдешь?!.

— Ѣду, но безъ разрѣшенія: сорокъ рублей всего въ карманѣ!

— Уррра...а-а-а!!!—залпомъ вылетаетъ изъ всѣхъ оконъ вагона.

Жандармъ опять спѣшитъ съ другого конца.

— А багажъ?

— Ничего!

— Уррра-а-а-а!

— О-ой!—завываетъ отъ восторга Корневъ.

Дарсье влетаетъ въ вагонъ, и на мгновенье всѣ лица исчезаютъ въ окнахъ.

Слышны оттуда полупьяные, веселые крики и возгласы:

— Кар! Кар!

— Французъ!

— Ворона!

— А это видѣлъ,—вытаскиваетъ Ларіо бутылку водки и колбасу.

— Урра-а-а!

— Господа!!—кричитъ жандармъ.

Всѣ опять бросаются къ окнамъ.

— Виноватъ!! Никогда больше не буду!!—кричитъ ему изъ окна Корневъ и корчитъ такую идіотскую рожу, что всѣ и отъѣзжающіе, и остающіеся хохочатъ.

Жандармъ уходитъ впередъ. Раздается уже третій звонокъ и всѣ сразу стихаютъ. И отъѣзжающіе, и остающіеся впиваются другъ въ друга глазами, точно желая сильнѣе запечатлѣть милые, близкіе сердцу образы. Тихо трогаются вагоны и одинъ за другимъ все быстрѣе катятся и проходятъ предъ глазами провожатыхъ.

— Лови!—бросаетъ Ларіо огрызокъ колбасы въ лицо жандарма, мимо котораго проносится теперь ихъ вагонъ, и, какъ бы помогая жандарму въ его недоумѣніи, что ему дѣлать, кричитъ изъ окна, разводя руками:

— Э, э, э...

А тамъ на платформѣ стоятъ и все смотрятъ вслѣдъ исчезающему поѣзду. Ужъ только площадка послѣдняго вагона виднѣется. И ея ужъ нѣтъ, и весь поѣздъ скрылся за закругленіемъ въ садахъ, окружающихъ городъ. Только бѣлое облако пара не успѣло еще расплыться въ неподвижномъ, горящемъ всѣми переливами огней, тихомъ закатѣ.

А двѣ матери все еще стоятъ и сквозь туманъ слезъ все еще смотрятъ въ опустѣлую даль, вслѣдъ исчезнувшимъ, какъ дымъ, какъ сладкій сонъ, милымъ сердцу дѣтямъ.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Символъ смерти, символъ жизни, бьетъ полночный часъ:
Чтобы новый день зажегся, старый день угасъ.

Содрогнулась ночь въ зачатьи новыхъ бодрыхъ силъ,
И заплаканныя тѣни вышли изъ могилъ.

Лишь на краткія мгновенья мраку власть дана,
Чтобъ созрѣла возрожденья новая волна.

Каждый день понынѣ видимъ чудо изъ чудесъ:
Всходитъ солнце, свѣтитъ міру, гонитъ мракъ съ небесъ.

Міръ исполненъ восхищенья милліоны лѣтъ,
Видя тайну превращенья тьмы въ лучистый свѣтъ.

К. Бальмонтъ.

Историческій матеріализмъ.

(Фр. Энгельсъ. «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Спб. 1894).

Въ предисловіи къ 1-му изданію своей книги «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» Энгельсъ говоритъ, что еще К. Марксъ намѣревался результаты антропологическихъ изслѣдованій Моргана привести въ связь съ матеріалистическимъ воззрѣніемъ на исторію, и издавая эту книгу, онъ, Энгельсъ, въ значительной мѣрѣ исполняетъ завѣщаніе своего друга. Можно поэтому съ нѣкоторымъ правомъ полагать, что непосредственная цѣль Энгельса заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться данными Моргана для подтвержденія своей исторической гипетезы или, какъ выражаются марксисты, теоріи. Желая въ предлагаемой статьѣ прослѣдить, насколько Энгельсъ успѣшно выполнилъ свою задачу, я пришелъ къ заключенію, что для этого нужно предварительно познакомить читателя съ самой теоріей историческаго матеріализма, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, въ русской литературѣ нѣтъ болѣе или менѣе послѣдовательнаго ея изложенія *). Приэтомъ считаю нужнымъ добавить, что я буду излагать ее чисто догматически, не подкрѣпляя изложенія какими бы то ни было доказательствами въ пользу или противъ нея, такъ какъ моя задача—познакомить читателя съ основными ея принципами, а не убѣдить его въ ея вѣрности или ложности **).

---

*) Статья г. П. Николаева «Одна изъ гипотезъ о сущности историческо процесса», помѣщенная въ его книгѣ «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ», заключаетъ изложеніе взглядовъ Вейзенгрюна, многомъ отступающихъ отъ Маркса.

*) За критикой марксизма отсылаю читателя къ статьямъ Н. К. Михайловскаго въ «Рус. Бог.» за 1894 г. и Н. Карѣева въ «Вѣстн. Евр.» за то же годъ.

I.

Историки и философы съ давнихъ поръ прилагаютъ особенныя старанія къ тому, чтобы разобраться въ сложной, запутанной сѣти историческихъ фактовъ. Съ того времени, какъ ученые пришли къ заключенію, что исторія тогда только станетъ наукой, когда удастся открыть законосообразность историческихъ явленій, съ тѣхъ поръ какъ перестали смотрѣть на процессъ исторіи, какъ на простой калейдоскопъ не имѣющихъ внутренней связи событій,—съ этихъ поръ съ особымъ усердіемъ стали искать метода для раскрытія основныхъ пружинъ всего того, что совершалось въ исторической жизни человѣчества. Обратиться съ этой цѣлью къ болѣе развитой наукѣ—біологіи было вполнѣ естественно въ ту эпоху, когда теорія Дарвина дала ключъ къ объясненію многихъ таинственныхъ дотолѣ явленій въ органическомъ мірѣ; грандіозные успѣхи другихъ отраслей естественныхъ наукъ и въ частности химіи, повидимому, оправдывали желаніе историковъ обратиться къ естествознанію за методомъ для философскаго изслѣдованія исторіи. Принципъ единства силъ, который въ послѣднее время съ такой настойчивостью и такимъ успѣхомъ проводится въ естественныхъ наукахъ, съ давнихъ поръ смутно чувствовался натуралистами, выражавшими его на первыхъ порахъ въ видѣ приведенія сложныхъ явленій къ простѣйшимъ, элементарнымъ. Въ настоящее время вся совокупность естественныхъ наукъ стремится утвердиться на одномъ фундаментѣ—теоріи молекулярнаго движенія. Гипотеза, поставившая одинъ родъ естественныхъ явленій—движеніе—во главу всего совершающагося въ природѣ, объявившая его первичнымъ факторомъ по отношенію ко всѣмъ сложнымъ проявленіямъ органическаго и неорганическаго міра,—эта гипотеза, получая все новыя подтвержденія, близка къ обращенію въ теорію. Тѣмъ же путемъ пошла философія исторіи. Она, во первыхъ, признала необходимымъ созданіе гипотезы, не ограничиваясь однимъ изученіемъ фактовъ, и, во вторыхъ, устремилась за поисками *одной* какой-либо категоріи явленій, *одного* фактора, который можно было бы признать краеугольнымъ камнемъ всего историческаго движенія. Одни выдвинули Божественный Промыселъ, какъ начало, управляющее всѣмъ міромъ (Боссюэтъ), другіе видѣли основной двигатель прогресса въ работѣ человѣческаго мозга, третьи поставили на первый планъ заботу человѣка объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ К. Марксъ. Нѣмецкій экономистъ высказалъ свою точку зрѣнія на историческій процессъ мимоходомъ и не подкрѣпилъ ее фактической аргументаціей, безъ которой невозможна никакая теорія. Благодаря крайней сжатости изложенія, она даетъ широкій просторъ для комментарій всякаго рода, и потому въ воззрѣніяхъ многихъ «марксистовъ» оказывается достаточная доза собственныхъ до-

вленій. Въ виду этого на нижеслѣдующихъ страницахъ я буду по возможности держаться той формулировки, которую далъ своей гипотезѣ самъ авторъ ея, и только изрѣдка прибѣгать къ помощи наиболѣе компетентныхъ его послѣдователей, выдѣляя, однако, все, что принадлежитъ ихъ собственному творчеству. Мы такимъ образомъ познакомимся съ историческимъ матеріализмомъ въ его чистомъ видѣ, освобожденномъ отъ личныхъ элементовъ того или другого послѣдователя Маркса,—въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ большинство такъ называемыхъ марксистовъ, масса, по преимуществу нѣмецкая.

Въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній К. Марксъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ гипотезу историческаго матеріализма. «Въ организаціи своей общественной жизни,—говоритъ онъ,—люди становятся другъ къ другу въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли не зависящія отношенія—отношенія производства, соотвѣтствующія степени развитія матеріальныхъ силъ общества въ данную эпоху. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго самосознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальныя, политическія и духовныя явленія жизненнаго процесса. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ—общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной стадіи развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ наличными производственными отношеніями или, выражаясь юридическимъ языкомъ—съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ двигались. Отношенія, составлявшія прежде формы развитія производительныхъ силъ, становятся теперь ихъ тормазами. Тогда наступаетъ эпоха переворотовъ. Чтобы понять такіе перевороты, нужно строго отличать матеріальныя измѣненія въ экономическихъ условіяхъ производства—измѣненія, которыя можно констатировать съ естественно-научной опредѣленностью,—отъ юридическихъ, политическихъ, религіозныхъ, художественныхъ, философскихъ, словомъ, идеологическихъ формъ, въ которыхъ люди познаютъ наступившій конфликтъ и изыскиваютъ средства для борьбы съ нимъ. Какъ объ индивидуумѣ нельзя судить по тому, что онъ о себѣ думаетъ, такъ и объ эпохѣ переворотовъ нельзя судить по ея самосознанію, но необходимо это послѣднее объяснить на основаніи противорѣчій матеріальной жизни, на основаніи наступившаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Данная общественная форма никогда не погибнетъ, не развивши предварительно всѣхъ производительныхъ силъ, для которыхъ у нея достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія займутъ ея мѣсто не прежде, чѣмъ въ нѣдрахъ

стараго общества зародятся матеріальныи условія ихъ существованія. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ лишь такія задачи, которыя оно въ состояніи разрѣшить, ибо при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи всегда окажется, что задачи возникаютъ только тогда, когда матеріальныя условія ихъ разрѣшенія уже на лицо или находятся, по крайней мѣрѣ, въ періодѣ зарожденія. Вообще, на различные способы производства—азіатскій, античный, феодальный и новѣйшій, капиталистическій—можно смотрѣть, какъ на послѣдовательныя стадіи экономическаго развитія. Производственныя отношенія въ буржуазномъ обществѣ представляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго процесса производства, антагонистическую не въ индивидуальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ антагонизма, вытекающаго изъ условій общественной жизни индивидуумовъ, но производительныя силы, развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества, создаютъ въ то же время матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. Съ этой общественной формаціей кончается введеніе въ исторію (die Vorgeschichte) человѣчества» *).

Такова квинтъ-эссенція историческаго процесса, какъ онъ представляется при проникновеніи въ основныя его тайны, скрытыя отъ обыкновеннаго наблюдателя. Но для послѣдняго видна только внѣшняя поверхность,—историческія лица и группы, которыя олицетворяютъ таинственные историческіе процессы, придаютъ имъ видимую для всѣхъ оболочку. Съ этой точки зрѣнія, «конфликты между производительными силами и отношеніями производства» принимаютъ форму борьбы классовъ. «Исторія всякаго общества,—пишетъ Марксъ въ 1848 году,—до сихъ поръ есть исторія борьбы классовъ. Свободный и рабъ, патрицій и плебей, баронъ и крѣпостной, мастеръ и подмастерье, стояли всегда другъ противъ друга, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, — борьбу, которая всякій разъ кончалась преобразованіемъ всего общества или совмѣстной гибелью борющихся классовъ... Современное буржуазное общество, возникшее на развалинахъ феодализма, не уничтожило классовыхъ противорѣчій. Оно только поставило на мѣсто старыхъ новые классы, новыя условія, новыя формы борьбы... Все общество расщепляется на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ, другъ другу противостоящихъ класса—буржуазію и пролетаріатъ».

Итакъ, матеріалистическое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ два элемента, имѣющихъ первостепенную важность для отличія марксовой точки зрѣнія отъ прочихъ историческихъ теорій: во-первыхъ, процессы производства, какъ фундаментъ всей общественной жизни, и во-вторыхъ, непрерывное развитіе общества, его эволюція, какъ результатъ развитія процессовъ производства, ихъ приспособленія къ производительнымъ силамъ общества. Поэтому сказать, что въ

*) Zur Kritik der Politischen Oekonomie 1859. Предисловіе.

основѣ общественной жизни лежитъ экономическій факторъ вообще, не значитъ еще держаться историческаго матеріализма въ томъ видѣ, какъ его понималъ Марксъ: экономическій факторъ и процессы производства, хотя однородны, но не тождественны; первый относится къ послѣднимъ, какъ общее понятіе къ частнымъ; процессы производства—это только одно слагаемое, хотя и первенствующее, среди многихъ другихъ, составляющихъ сумму экономическаго фактора. Это находится въ полномъ соотвѣтствіи съ экономической теоріей, изложенной Марксомъ въ «Капиталѣ», гдѣ онъ настаиваетъ на томъ, что распредѣленіе и обмѣнъ продуктовъ составляютъ только постулатъ способовъ производства. Сваливать поэтому въ одну кучу разныя экономическія категоріи, оставлять экономическій факторъ не расчлененнымъ, игнорировать первичность производства во всей совокупности экономическихъ явленій—значитъ грѣшить противъ всей теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиться, при провѣркѣ справедливости матеріалистической гипотезы, указаніемъ на экономическую (въ общемъ смыслѣ) основу историческаго факта—не значитъ еще доказать воззрѣніе Маркса. Съ другой стороны, стремиться указать во всякомъ отдѣльномъ фактѣ его историческую подкладку не только не обязательно для сторонниковъ марксизма, но, напротивъ, противорѣчитъ его основной точкѣ зрѣнія, имѣющей въ виду не отдѣльные частные историческіе факты, а группы фактовъ, цѣлыя историческія эпохи, историческія формаціи (въ динамическомъ отношеніи) и общественныя состоянія (въ статическомъ). Кромѣ того, такъ какъ эволюціонный принципъ составляетъ вторую отличительную черту теоріи, черту, въ которой сказывается его принадлежность къ лѣвому крылу гегельянцевъ, — то для ея провѣрки необходимо показать, какъ развитіе процессовъ производства всегда сопровождалось и сопровождается соотвѣтствующимъ развитіемъ прочихъ соціальныхъ элементовъ, какъ та или другая стадія въ эволюціи первыхъ имѣютъ соотвѣтствующую стадію въ эволюціи послѣднихъ, какъ переходъ одной стадіи развитія способовъ производства въ другую неизбѣжно вызываетъ рано или поздно соотвѣтствующій переворотъ въ соціальномъ развитіи.

Марксъ не обосновалъ и не аргументировалъ своего положенія о первичности способа производства по отношенію ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни. Онъ много разъ собирался это сдѣлать, но его теорія такъ и осталась безъ аргументировки, остовомъ, скелетомъ безъ крови и мускуловъ. Послѣдователи его ограничивались выясненіемъ экономической подкладки отдѣльныхъ историческихъ движеній, не давая, однако, полной, удовлетворяющей научнымъ требованіямъ теоріи зависимости соціальныхъ явленій отъ способовъ производства. Если бы даже было доказано, что большое количество фактовъ свидѣтельствуетъ объ этой зависимости, всетаки осталось бы еще выяснить ея раціональныя причины; кромѣ во-

проса: какъ? необходимо еще отвѣтить на вопросъ: почему? Непосредственный исполнитель литературнаго завѣщанія Маркса, Фр. Энгельсъ, также не исполнилъ этой задачи, хотя онъ довольно часто полемизировалъ по поводу историческаго матеріализма. Намекъ на существенный мотивъ, лежащій въ основѣ марксовой теоріи, мы находимъ въ рѣчи, произнесенной Энгельсомъ надъ могилой своего друга. «Какъ Дарвинъ открылъ законы развитія органической природы, сказалъ онъ, такъ Марксу мы обязаны открытіемъ закона развитія исторіи человѣчества; онъ открылъ тотъ простой фактъ, остававшійся до него скрытымъ подъ идеологической накипью, что люди должны прежде всего имѣть пищу, платье и жилище, для того, чтобы быть въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ и пр., что, слѣдовательно, тотъ или другой способъ производства матеріальныхъ средствъ къ жизни или—что одно и то же—данная степень экономическаго развитія народа составляетъ основу, изъ которой развились государственныя учрежденія, правовыя теоріи, искусство и даже религіозныя представленія; ею одной они могутъ быть объяснены, а не, какъ полагали до сихъ поръ, наоборотъ». Эту попытку едва-ли можно признать удачной: изъ того, что голодное брюхо къ ученію глухо, трудно вывести категорическое заключеніе, что человѣкъ всегда главнымъ образомъ руководствуется побужденіемъ желудка. Тотъ же странный аргументъ мы встрѣчаемъ у Энгельса въ разныхъ мѣстахъ его «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft»; болѣе удачнаго ему, очевидно, найти не удалось.

Мысль о первенствующей роли экономическаго фактора въ ряду общественныхъ явленій высказывалась еще задолго до Маркса, но стройную формулировку, опредѣленный характеръ она получила только у него. Изъ его предшественниковъ укажу на одного, мало знакомаго русскому читателю—на Lavergne-Peguilhen'a. «Наука объ обществѣ, говоритъ онъ, до сихъ поръ сдѣлала такіе ничтожные успѣхи потому можетъ быть, что мало вниманія обращали на хозяйственныя формы, не замѣчали, что онѣ составляютъ основу всей общественной и государственной организаціи. Упускали изъ виду, что производство и распредѣленіе продуктовъ, культура и ея распространеніе, законодательство и формы государства получаютъ свое содержаніе и развитіе всецѣло отъ хозяйственныхъ формъ, что эти весьма важные общественные моменты такъ же неизбѣжно вытекаютъ изъ формъ хозяйства и ихъ надлежащаго примѣненія, какъ плодъ изъ взаимодѣйствія мужскихъ и женскихъ производительныхъ силъ, и что общественныя болѣзни проистекаютъ изъ противорѣчія между общественными и государственными формами» *). На первый взглядъ Пегиленъ высказываетъ то же самое, что Марксъ. Но присмотрѣвшись ближе, нахо-

*) Lavergne-Peguilhen. «Die Bewegungs-und Productionsgesetze», 2[illegible].

демъ, что здѣсь отсутствуютъ отличительные моменты марксовой теоріи: основой соціальной жизни являются не способы производства, а хозяйственныя формы (какія именно, увидимъ ниже),—болѣе того, эти послѣднія считаются даже первичнымъ факторомъ по отношенію къ производству; затѣмъ здѣсь нѣтъ эволюціоннаго принципа, играющаго громадную роль не только въ исторической теоріи Маркса, но и во всемъ его міросозерцаніи. Вотъ почему сходство между Пегиленомъ и Марксомъ только кажущееся, и вотъ почему подстановка экономическаго фактора вообще вмѣсто способовъ производства противорѣчитъ марксизму. Первая черта отличія между взглядами Маркса и Пегилена ясна изъ приведеннаго отрывка; вторая же—отсутствіе идеи эволюціи—требуетъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія.

Историко-романтическая школа, къ которой принадлежитъ Пегиленъ, была реакціей противъ буржуазной политической экономіи, которая объявляла капиталистическій способъ производства и капиталистическую форму хозяйства вѣчными категоріями, соотвѣтствующими самой природѣ вещей. Противъ этого возведенія субъективныхъ вожделѣній въ законъ природы возстали писатели историко-романтической школы, выставившіе на своемъ знамени интересы феодальнаго дворянства и прославлявшіе патріархальную старину съ ея экономически зависимыми отношеніями помѣщиковъ и крѣпостныхъ; требованію либеральной школой политической свободы они противопоставили то положеніе, что бумажная конституція еще не опредѣляетъ политическаго строя государства, что этотъ послѣдній основывается на соотношеніи экономическихъ силъ, стало быть—въ данномъ случаѣ, на перешедшихъ отъ феодальной эпохи отношеніяхъ крѣпостныхъ къ помѣщикамъ. Теоретическая борьба между буржуазными экономистами и историко-романтиками была, употребляя терминологію Маркса, идеологическимъ отраженіемъ классовой борьбы между буржуазіей и родовой аристократіей. Каждое изъ этихъ направленій объявляло способы производства и хозяйственныя формы *его* класса—вѣчными, естественными, неизмѣнными законами. То обстоятельство, что буржуазные экономисты пускали при этомъ въ ходъ абстрактныя иллюзіи, а историко-романтики оперировали надъ фактами, что первые имѣли нѣсколько идеалистическій характеръ, а вторые матеріалистическій,—это вытекаетъ непосредственно изъ различія тѣхъ историческихъ эпохъ, къ которымъ принадлежали борющіеся классы: буржуазія стремилась только *стать* господствующимъ классомъ и изображала по-своему свое царство всеобщимъ благоденствіемъ, аристократія *была* господствующимъ классомъ, и ей оставалось довольствоваться провозглашеніемъ тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, на которыхъ зиждилась ея власть. По мнѣнію Пегилена, *феодальныя* хозяйственныя формы должны быть основой всей общественной и государственной организаціи; изъ нихъ вытекаютъ государственныя формы и законо-

дательство; разъ послѣднія отъ нихъ отступаютъ, то общество находится въ болѣзненномъ состояніи. Въ дальнѣйшемъ положеніи Пегиленъ вполнѣ раскрываетъ свои карты. Онъ устанавливаетъ три формы хозяйства: принудительное хозяйство, изъ части продуктовъ (феодальное) и денежное, которымъ соотвѣтствуютъ государственныя формы: деспотія, аристократія и монархія, и нравственныя чувства: боязнь, любовь, эгоизмъ. Стало быть, любовь господствуетъ при феодальномъ хозяйствѣ. Ясно, что вся теорія Пегилена клонится къ реставрированію феодальныхъ отношеній. Для историко-романтической школы характерно ея нежеланіе допустить другую хозяйственную форму, кромѣ феодальной; всѣ правовыя, религіозныя и др. отношенія она хотѣла связать съ этой одной хозяйственной формой; она не понимала идеи эволюціи экономическихъ явленій *).

По мнѣнію марксистовъ, матеріалистическое воззрѣніе на исторію могло возникнуть лишь недавно: устанавливая эволюціонный принципъ въ исторіи, оно и само подчинялось закону развитія. Оно—продуктъ историческаго прогресса, — въ прежнее время и геніальнѣйшій умъ не могъ бы его выдумать. Исторія человѣчества могла приподнять завѣсу съ своихъ тайнъ только на извѣстной стадіи развитія. Въ то время, какъ во всѣ предъидущіе періоды почти невозможно было изслѣдованіе движущихъ пружинъ въ исторіи—невозможно было вслѣдствіе запутанной и скрытой связи причинъ со слѣдствіями,—современная эпоха настолько упростила эту зависимость, что загадку не трудно было разрѣшить. Со времени введенія крупной индустріи, т. е. съ европейскаго мира 1815 года, ни для кого въ Англіи уже не составляло тайны, что тамъ политическая борьба вращается исключительно вокругъ стремленія къ господству двухъ классовъ — земельной аристократіи и буржуазіи. Во Франціи этотъ фактъ былъ сознанъ съ возвращеніемъ Бурбоновъ. Съ 1830 года на арену борьбы за власть въ обѣихъ странахъ выступаетъ третій классъ — пролетаріатъ. Отношенія до того упростились, что надо было преднамѣренно закрывать глаза, чтобы не видѣть въ борьбѣ этихъ трехъ классовъ и въ противорѣчіи ихъ интересовъ движущей силы новѣйшей исторіи, по крайней мѣрѣ, въ обѣихъ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ **). Такимъ образомъ теорія Маркса могла, по мнѣнію Энгельса, возникнуть только на извѣстной стадіи историческаго развитія—въ новѣйшій періодъ обостренія борьбы экономическихъ классовъ за преобладаніе.

Матеріализмъ, какъ историческое воззрѣніе, нельзя смѣшивать ни съ морально-практическимъ матеріализмомъ, ни съ естественно-научнымъ. Въ философскомъ смыслѣ, идеализмъ и матеріализмъ—

*) Ср. Fr. Mehring. Der historische Materialismus, стр. 437—9.

**) Engels. «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutsche Philosophie» стр. 55.

это два противоположныхъ отвѣта на великій основной вопросъ въ философіи объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ,—вопросъ о томъ, духъ или матерія составляетъ основу всего сущаго. Сами по себѣ они не имѣютъ ничего общаго съ нравственными идеалами. Матеріалистъ, какъ приверженецъ извѣстной философской школы, можетъ имѣть высокіе, чистые идеалы, тогда какъ идеалистъ можетъ принадлежать къ низменнымъ натурамъ. Но съ теченіемъ времени противоположеніе матеріализма и идеализма стало примѣняться къ области морали. Люди, проповѣдывавшіе главенство духа и пренебреженіе къ матеріи, объявившіе грѣховность плотскихъ вожделѣній, заклеймили матеріализмъ,—теорію, признававшую главенство за матеріей, плотью,—источникомъ всего безнравственнаго, терминъ этотъ сталъ синонимомъ приверженности къ низменнымъ благамъ земли, отрицанія высшихъ идеаловъ, и въ такомъ же смыслѣ перешелъ въ обыденную рѣчь и даже въ науку. «Филистеръ понимаетъ подъ матеріализмомъ ѣду, похоть, жажду наживы, себялюбіе, словомъ всѣ тѣ пороки, которымъ онъ самъ предается; а подъ идеализмомъ онъ разумѣетъ вѣру въ добродѣтель, всеобщую любовь, вообще «лучшій міръ», въ который онъ вѣритъ до тѣхъ только поръ, пока еще не прошелъ Katzenjammer, необходимо слѣдующій за его обычными матеріалистскими выходками». (Энгельсъ). Матеріализмъ, какъ способъ объясненія историческаго процесса, разумѣется, не имѣетъ никакого отношенія къ нравственному матеріализму, и смѣшивать оба понятія значитъ смѣшивать двѣ различныя области—философію исторіи и этику; матеріализмъ, какъ терминъ философско-историческій, не можетъ выражать то же самое, что матеріализмъ съ точки зрѣнія этической. Марксисты утверждаютъ, что именно ихъ способъ отношенія къ исторіи даетъ возможность познать и понять значеніе нравственнаго элемента. «Матеріальные перевороты въ экономическихъ условіяхъ производства» даютъ единственно вѣрный, по ихъ мнѣнію, масштабъ для изслѣдованія видоизмѣненій, происходящихъ въ моральныхъ принципахъ. Понятія «нравственнаго» и «безнравственнаго» измѣняются вмѣстѣ съ процессами производства, и что на данной экономической стадіи считается нравственнымъ, это самое на другой стадіи относится къ области безнравственнаго. Вѣчныхъ правилъ морали нѣтъ, они находятся въ зависимости отъ экономическихъ отношеній, способовъ производства. По мнѣнію марксистовъ, историкъ въ изслѣдованіяхъ не долженъ примѣнять свои этическіе взгляды. Пусть онъ покажетъ, какъ факты совершались, на основаніи объективнаго научнаго изслѣдованія, а что онъ объ нихъ думаетъ съ своей субъективно-этической точки зрѣнія, считаетъ-ли онъ ихъ хорошими или дурными, это насъ мало интересуетъ, заявляютъ они. «Нравственные масштабы» находятся въ процессѣ постояннаго измѣненія и нынѣшній историкъ не можетъ мѣрять прошедшее на *свой* аршинъ. Шлоссеръ, Гервинусъ, Ранке, Янсенъ имѣютъ различные

идеалы, каждый изъ нихъ придерживался особой классовой морали, и въ ихъ трудахъ гораздо вѣрнѣе отражаются тѣ общественные классы, къ которымъ они принадлежали, чѣмъ изображаемыя ими эпохи *).

Нужно также отличать историческій матеріализмъ отъ естественно-научнаго. Послѣдній не замѣчаетъ, что люди живутъ не только въ природѣ, но и въ обществѣ. Историческій матеріализмъ включаетъ въ себя естественно-научный, но не наоборотъ. Естественно-научный видитъ въ человѣкѣ изолированное существо, одаренное сознаніемъ, но онъ не изслѣдуетъ, чѣмъ сознаніе человѣка опредѣляется внутри человѣческаго общества. Зная только индивидуальное сознаніе, онъ въ области исторіи обращается въ свою противоположность—идеализмъ чистой воды. Онъ вѣритъ въ волшебную силу великихъ людей, которые дѣлаютъ исторію. Достаточно припомнить отношеніе Бюхнера къ Фридриху II и благоговѣніе Геккеля передъ Бисмаркомъ. Напротивъ, историческій матеріализмъ исходитъ изъ того факта, что человѣкъ не просто животное, а соціальное животное, что онъ достигъ самосознанія въ общественныхъ союзахъ (ордѣ, родѣ, классѣ) и только въ нихъ можетъ жить какъ соціальное существо, что, стало быть, матеріальныя основы этихъ союзовъ обусловливаютъ его самосознаніе и что ихъ послѣдовательное развитіе опредѣляетъ прогрессивное движеніе человѣчества **).

Понятно, что эта точка зрѣнія не отрицаетъ значенія личности въ исторіи. Не признавая человѣка творцомъ исторіи, не создавая себѣ изъ него кумира, осмѣивая такъ называемый Personenkultus, она, однако, не считаетъ историческаго процесса безличнымъ, не думаетъ, что общественное развитіе самодѣятельно, совершается безъ вмѣшательства отдѣльныхъ лицъ. Общество не организмъ въ физіологическомъ смыслѣ, но соединеніе индивидуумовъ, и каждое измѣненіе въ немъ производится черезъ посредство человѣка. Развитіе капиталистическаго производства, напр., совершается по опредѣленнымъ законамъ, но не само собой: оно предполагаетъ, что изобрѣтатели вызываютъ все новые техническіе успѣхи, что капиталисты спекулируютъ и «воздерживаются»... Соціальное развитіе независимо отъ воли людей, но не отъ ихъ дѣятельности. Направленіе историческаго процесса дано матеріальными отношеніями, но способъ и быстрота его поступательнаго движенія въ извѣстной степени зависятъ отъ дѣятельности человѣка. Но человѣкъ человѣку рознь. Уже отъ природы люди различно одарены эти естественныя отличія уступаютъ, однако, въ классовомъ государствѣ неравенствамъ, вытекающимъ изъ неодинаковыхъ соціальныхъ положеній. Чѣмъ выше положеніе, занимаемое человѣкомъ в

*) Ср. Mehring, назв. соч., 464—5.
**) Ср. Mehring, назв. соч. 443—4.

государствѣ или обществѣ, чѣмъ больше у него власти и силы, тѣмъ болѣе онъ въ состояніи своей дѣятельностью споспѣшествовать историческому развитію или тормазить его, уменьшать или умножать страданія и жертвы, которыхъ оно требуетъ, «облегчать муки родовъ». Одни вліяютъ на ходъ исторіи помощью той власти, которую имъ даетъ оффиціальное положеніе,—наслѣдственное или избирательное; сила другихъ заключается въ богатствѣ. Но есть и такіе, которые оказываютъ вліяніе своимъ далеко выдающимся изъ ряда обыкновеннаго проникновеніемъ въ общественныя отношенія, или своей способностью соединять въ одное цѣлое разсѣянныя, изолированныя силы. Если эти люди сами и не владѣютъ оффиціальной властью, то они могутъ, однако, ускорять общественное развитіе и уменьшать его жертвы, указывая человѣчеству истинные пути, отклоняя отъ недостижимыхъ или безполезныхъ задачъ, или давая движенію постоянство, единство и цѣлесообразность. Чѣмъ рельефнѣе выразились классовыя противорѣчія въ обществѣ, чѣмъ больше вслѣдствіе этого преимущество отдѣльныхъ лицъ передъ массой въ силѣ, богатствѣ и знаніяхъ, тѣмъ болѣе исторія развитія этого общества должна быть исторіей дѣйствій отдѣльныхъ личностей. Наполеонъ, Ротшильдъ, Дарвинъ, Марксъ,—какъ ни странно это сопоставленіе,—каждый изъ нихъ безспорно вліялъ на характеръ времени,—одинъ шумно, на поляхъ сраженій, другой на аренѣ всемірной спекуляціи, третій въ тиши своего кабинета *).

Но *понять* дѣятельность историческихъ личностей возможно только, если знать ея матеріальную основу. Идеи и страсти, которыми онѣ руководились, возникли въ сферѣ общественной жизни, управляемой законами производства, и слѣд., сами по себѣ представляютъ продуктъ экономическихъ процессовъ. Историческій матеріализмъ, будучи далекъ отъ отрицанія роли идей въ процессѣ исторіи, указываетъ только на послѣднюю инстанцію, которая служитъ ихъ основой; съ его точки зрѣнія законы духовнаго развитія открываются въ законахъ экономическаго развитія. Задача, цѣль, идея, возникшія въ умѣ человѣка, осуществлены только тогда, когда имѣются на-лицо соотвѣтствующія матеріальныя условія. Великіе умы, геніи часто предугадываютъ общественныя задачи, когда матеріальныя условія ихъ разрѣшенія еще не созрѣли и данная общественная формація «еще не развила всѣхъ своихъ производительныхъ силъ». Вотъ почему выдающіеся умы обыкновенно встрѣчаются лицомъ къ лицу съ глубокой неблагодарностью современниковъ; вотъ почему исторія открытій и изобрѣтеній представляетъ цѣлый мартирологъ. Въ Данцигѣ, въ 1529 году, Антонъ Мюллеръ изобрѣлъ станокъ (Bandmühle), который давалъ сразу отъ 4 до 6 пряжъ, но такъ какъ магистратъ боялся, что это изобрѣтеніе лишитъ хлѣба массу рабочихъ, то станокъ былъ уничтоженъ, а изобрѣтателя задушили или потопили;

* См. «Die neue Zeit» за 1891 г. В. I, 226—227.

въ Германіи станокъ Мюллера былъ запрещенъ императорскими эдиктами 1685 и 1719 гг. «Эта машина, надѣлавшая столько шуму, была предшественницей ткацкихъ машинъ, стало быть—промышленной революціи XVIII столѣтія» *). Не менѣе трагична была судьба другого изобрѣтателя—Дениса Папина, профессора математики въ Марбургѣ, построившаго машину, весьма полезную для промышленныхъ цѣлей; въ виду всеобщаго протеста, съ которымъ было встрѣчено его изобрѣтеніе, онъ не далъ хода своей машинѣ. Въ 1707 году онъ построилъ паровую лодку, на которой онъ отправился изъ Касселя по Фульдѣ въ Англію; въ Мюнденѣ ему было запрещено ѣхать дальше и лодка его была уничтожена. Папинъ умеръ въ Англіи въ нищетѣ, всѣми забытый. Ясно, что станокъ Мюллера въ 1529 году и паровую лодку Папина въ 1707 году слѣдуетъ считать болѣе крупными открытіями, чѣмъ дженни Гаргрэва въ 1764 г., и пароходъ Фультона въ 1807 г. Если они, однако, не имѣли успѣха и не произвели промышленныхъ переворотовъ, то это произошло, по мнѣнію марксистовъ, оттого, что не изобрѣтеніе обусловливаетъ экономическое развитіе, а наоборотъ—экономическое развитіе вызываетъ къ жизни открытія и изобрѣтенія.

Изъ того, что теорія историческаго матеріализма разсматриваетъ человѣка, какъ существо живущее не только въ природѣ, но и въ обществѣ, ясно, что она ни въ какомъ случаѣ не игнорируетъ значенія физической природы: климата, почвы, расовыхъ отличій и пр. Марксъ пишетъ въ своемъ «Капиталѣ»: «Если исключить болѣе или менѣе развившуюся форму общественнаго производства, то производительность труда остается въ зависимости отъ естественныхъ условій. Эти послѣднія включаютъ въ себя природу самаго человѣка, какъ раса и пр., и окружающую его природу, какъ почва, вода, лѣсъ и т. п.» **). Но какъ тотъ, такъ и другой родъ естественныхъ условій *въ послѣдней инстанціи* подчиняются процессамъ производства. Какъ виды животныхъ подчиняются закону развитія природы, такъ человѣческія расы подчиняются закону развитія общества. Чѣмъ болѣе человѣкъ освобождаются отъ непосредственной власти природы, тѣмъ болѣе сливается и перемѣшиваются между собою расы; чѣмъ выше господство человѣка надъ природой, тѣмъ полнѣе расы отождествляются съ соціальными классами. При современномъ капиталистическомъ способѣ производства расовыя отличія все болѣе разрѣшаются въ классовыя противорѣчія. Въ человѣческомъ обществѣ раса не естественное, а историческое понятіе, которое въ послѣдней инстанціи опредѣляется матеріальнымъ способомъ производства и подчиняется законамъ его развитія ***). То же слѣдуетъ сказать объ условіяхъ внѣшней природы.

---

*) K. Marx. «Das Kapital» 3 Aufl. I, 438.
**) K. Marx. «Das Kapital», I, 528.
***) K. Kautsky. «Die moderne Nationalität». См. «Die Neue Zeit». 5 Jahrg., 392 и сл.

Разъ условія природы въ данномъ мѣстѣ допустили возникновеніе культуры, они захватываются процессами производства, видоизмѣняются, подчиняются имъ. Вліяя на производительныя силы общества, внѣшняя природа играетъ свою роль въ исторіи черезъ посредство процессовъ производства. Одинаковые способы производства опредѣляютъ одинаковые жизненные процессы общества, какъ бы различны ни были климатъ, раса и прочія естественныя условія, и наоборотъ — различные способы производства опредѣляютъ различныя формы общественнаго развитія, хотя бы естественныя условія были тождественны. «У всѣхъ народовъ съ коллективной собственностью, несмотря на различіе расы и климата, мы находимъ одинаковые пороки, страсти и добродѣтели, почти тождественные обычаи и способы мышленія. Искусственныя условія (т. е. соціальныя) вызываютъ у различныхъ расъ, живущихъ при разныхъ условіяхъ природы, одинаковыя явленія» *). Мерингъ приводитъ въ видѣ иллюстраціи слѣдующій примѣръ. Въ сѣверной части Камчатки живетъ племя коряковъ, занимающееся разведеніемъ оленьихъ стадъ; этотъ способъ добыванія средствъ вынуждаетъ ихъ къ кочевому образу жизни. По словамъ одного путешественника **), стадо въ 4—5 тысячъ оленей раскапываетъ въ нѣсколько дней снѣгъ на разстояніи мили въ окружности и истребляетъ весь имѣющійся на лицо кормъ, вслѣдствіе чего приходится искать новое мѣсто. Коряки вынуждены перекочевывать съ мѣста на мѣсто, подъ опасеніемъ лишиться стадъ—единственнаго своего богатства. Они отличаются большимъ гостепріимствомъ и великодушіемъ; къ женщинамъ и дѣтямъ они относятся съ любовью и нѣжностью; втеченіе своего двухлѣтняго пребыванія среди нихъ Кенанъ ни разу не замѣтилъ, чтобы корякъ побилъ жену или ребенка, и онъ самъ былъ ими принятъ съ такимъ радушіемъ и дружелюбіемъ, какихъ не приводилось ему видѣть въ цивилизованныхъ странахъ. На-ряду съ этимъ у коряковъ существуетъ жестокій обычай — убивать стариковъ и больныхъ, если нѣтъ надежды на ихъ выздоровленіе. При кочевой жизни старики и больные представляютъ чрезвычайную тягость для всего племени и ихъ убіеніе предписывается необходимостью. Но вотъ около 3—400 коряковъ потеряли отъ эпидеміи всѣ свои стада и стали вести осѣдлую жизнь. Они живутъ на берегу моря и занимаются ловлей рыбы и морскихъ собакъ. Они ведутъ торговлю съ русскими крестьянами и купцами, а также съ американскими китоловами. Кенанъ свидѣтельствуетъ, какъ радикально измѣнились ихъ нравы подъ вліяніемъ перехода къ другому способу производства: они безспорно грубѣе и испорченнѣе всѣхъ обитателей сѣверной Сибири. Они жестоки, мстительны, нечестны, лживы и грубы ко всякому. Съ кочевыми коряками они составляютъ прямую противо-

*) P. Lafargue, Materialisme économique de Ch. Marx.
**) Zeltleben in Sibirien, 151 и сл.

положность». Такъ рѣзко расходятся осѣдлые коряки съ кочевыми, несмотря на то, что они принадлежатъ къ одной и той же расѣ и живутъ при одинаковыхъ почти естественныхъ условіяхъ *).

Мы видѣли, что историческій матеріализмъ считаетъ процессы производства первичнымъ факторомъ по отношенію къ другимъ элементамъ прогресса, они въ послѣдней инстанціи опредѣляютъ ходъ общественнаго развитія. Спрашивается: производные факторы, какъ политическій, интеллектуальный, религіозный и пр., могутъ ли оказывать въ свою очередь обратное дѣйствіе на экономическую основу вообще и способъ производства въ частности, вліяютъ ли они другъ на друга непосредственно, безъ помощи экономическихъ силъ и, наконецъ, могутъ ли они сами по себѣ зарождать, призывать къ жизни третичные и пр. факторы? Какъ эти вопросы разрѣшаются матеріалистической теоріей?

Предисловіе къ «Zur Kritik», которое служитъ главнымъ источникомъ для формулировки воззрѣнія Маркса, не заключаетъ прямыхъ указаній на поставленные нами вопросы. Мы тамъ находимъ только, что процессы производства составляютъ фундаментъ, а все остальное надстройку. Если мы сдѣлаемъ логическое заключеніе изъ этого сравненія, то должны будемъ признать, что Марксъ не считаетъ производныхъ факторовъ лишенными всякой самостоятельности, что онъ признаетъ за ними способность воздѣйствія. Надстройка можетъ весьма и весьма вліять на фундаментъ, то или иное состояніе одной ея части далеко не безразлично для другихъ: обвалившійся потолокъ въ одной квартирѣ грозитъ опасностью другимъ; покосившійся этажъ можетъ нанести сильный ущербъ не только прочимъ этажамъ, но и фундаменту...

Историческое воззрѣніе Маркса было часто неправильно понято, а еще чаще невѣрно истолковано. Ограниченные умы, лишенные обширныхъ философскихъ знаній Маркса, представили себѣ его гипотезу въ видѣ какого-то шаблона, по которому не только можетъ, но и должна быть конструирована вся многосложная сѣть историческаго развитія. Они, такимъ образомъ, подходили къ исторіи съ готовой рамкой и втискивали въ нее то, что было можно, а остальное спокойно оставляли въ сторонѣ. Къ нимъ приложимы слова Мишле: «Исторіи не отгадываютъ. Тотъ, кто наскоро ее пробѣгаетъ, чтобы въ ней найти доказательство уже готовой теоріи, слишкомъ ограничиваетъ свое чтеніе и даже не понимаетъ того немногаго, что прочиталъ» **). Марксъ, конечно, не можетъ быть отвѣтственъ за то непреднамѣренное злоупотребленіе, которое сдѣлали изъ его теоріи ограниченные умы, объявившіе себя его учениками. Онъ самъ неоднократно открещивался отъ выводовъ, которые они ему навязывали, и повторялъ съ своимъ обычнымъ юморомъ: je ne suis

*) Mehring, назв. соч., 495—498.
**) Michelet. «Histoire de la révolution française». P. 1868. II. 421.

pas marxiste. На историческій матеріализмъ нужно смотрѣть, какъ на *методъ* изслѣдованія историческихъ явленій, какъ на способъ разобраться въ запутанныхъ историческихъ фактахъ; онъ пытается дать руководящую нить для изученія исторіи *), побуждаетъ проникать въ глубочайшія пружины развитія человѣческаго общества, предостерегаетъ отъ поверхностнаго отношенія къ исторіи, и экономическую основу онъ выставляетъ, какъ задачу изслѣдователя, но никоимъ образомъ не требуетъ, чтобы эта подкладка была создана фантазіей тамъ, гдѣ не удается пока ее найти, или чтобы вовсе игнорировались факты, не поддающіеся экономическому объясненію. Марксизмъ далекъ отъ искусственнаго конструированія исторіи или ея фальсифицированія; онъ предлагаетъ гипотезу, обладающую всѣми достоинствами и недостатками гипотезъ вообще. Химики признаютъ атомистическую гипотезу, хотя она не объясняетъ цѣлой категоріи явленій, такъ называемыхъ неопредѣленныхъ соединеній; эта недостаточность гипотезы не даетъ однако права отвергать ее вовсе, пока она помогаетъ при изученіи опредѣленныхъ соединеній, ни тѣмъ болѣе игнорировать классъ неопредѣленныхъ соединеній. Пусть, съ одной стороны, ею руководятся, какъ нитью, при всестороннемъ и детальномъ изслѣдованіи опредѣленныхъ соединеній и, съ другой стороны, пусть ее развиваютъ и модифицируютъ для объясненія другой категоріи химическихъ соединеній. Выдержитъ она искусъ — хорошо; нѣтъ — она сойдетъ со сцены, какъ только будетъ найдена болѣе подходящая замѣстительница. «Гипотезы, составленныя ранѣе законовъ, ведутъ нерѣдко къ открытію этихъ послѣднихъ, становятся иногда, современемъ, законами... Науки выигрываютъ наиболѣе въ томъ случаѣ, когда двѣ здравыя, но несогласныя между собою гипотезы представляются уму разныхъ изслѣдователей. Тогда являются въ лѣтописяхъ наукъ лучшія страницы: противники, руководимые своими нерѣдко противоположными мнѣн ія, отыскиваютъ новыя данныя, говорящія въ пользу того или другого мнѣнія. Такою борьбою нерѣдко быстро подвигается наука **). Такъ долженъ поступать истинный ученый, которому дорога не та или другая теорія, а интересы науки вообще; такъ должны бы относиться и къ историческому матеріализму какъ сторонники его, такъ и противники. Однако, въ литературѣ о «марксизмѣ» ***) на первомъ планѣ стоитъ страстный элементъ, обѣ стороны ударились въ крайность: одни смотрятъ на него, какъ на

---

*) «Матеріалистическій методъ обращается въ свою противоположность, если на него смотрятъ не какъ на руководящую нить при изученіи исторіи, а какъ на готовый шаблонъ, по которому выкраиваютъ историческіе факты». Engels. «Vorwärts» отъ 5 октября 1890 года.

**) Д. Менделѣевъ. «Основы химіи», 2 изд., стр. 356.

***) Я говорю о Зап. Европѣ и, прежде всего, о Германіи, но мнѣ и дѣла до русскихъ марксистовъ, у которыхъ, кажется, свои своя и познаша, да и проникъ-то марксизмъ въ Россію больше по наслышкѣ.

догму, святую библію, въ которой нельзя поступиться ни одной буквой, какъ на неуязвимую теорію, открывающую тайны всего бывшаго и сущаго; другіе не менѣе страстно отрицаютъ за нимъ всякое значеніе, объявляютъ его безсмысленной выдумкой досужаго фантазера. Чѣмъ объяснить, что этотъ въ сущности научный споръ сдѣлался ареной разгорѣвшихся страстей, безумной игры личнаго самолюбія и мелочныхъ интересовъ,—что его вовлекли въ политическую борьбу, къ которой по существу онъ не имѣетъ отношенія,—что его отождествляютъ съ соціализмомъ и чуть ли не съ анархизмомъ, хотя творецъ его, Марксъ, былъ заклятымъ врагомъ анархическихъ ученій? *). То, что творцомъ его явился соціалистъ,—чистая случайность, слѣпая игра природы; подобное воззрѣніе на историческій процессъ могъ высказать сторонникъ любой партіи, любыхъ идеаловъ, какъ это мы и видѣли съ Пегиленомъ, у котораго матеріалистическое отношеніе къ исторіи уживалось съ крайними феодальными тенденціями. Съ другой стороны, соціалистическій строй проповѣдывался людьми, которые смотрѣли на исторію, въ противность матеріалистамъ, съ чисто идеалистической точки зрѣнія (Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе). Между историческимъ матеріализмомъ и соціализмомъ нѣтъ никакой внутренней связи, и если ихъ такъ упорно ставятъ рядомъ и предполагаютъ между ними необходимую зависимость, то это—недоразумѣніе, объясняемое тѣми историческими условіями, при которыхъ эта теорія была впервые высказана.

Рабочая партія выставила на своемъ знамени, какъ извѣстно, прежде всего экономическія требованія. Экспропріація средствъ производства въ пользу общества, какъ конечный идеалъ, введеніе восьмичасоваго рабочаго дня, нормальной заработной платы и фабричнаго законодательства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ ближайшія задачи,—вотъ основные пункты программы, выработанной на конгрессѣ въ Эрфуртѣ. Въ той ожесточенной борьбѣ партій, ареной которой еще съ 1848 г. служитъ Германія, эта односторонность партійной программы не замедлила сдѣлаться мишенью, въ которую направлялись стрѣлы политическихъ противниковъ. Историческая гипотеза Маркса сдѣлалась орудіемъ партійной агитаціи, и разъ она была ввергнута въ водоворотъ борьбы партій, то о хладнокровномъ, безпристрастномъ къ ней отношеніи не могло быть и рѣчи. И противники, и сторонники ея одинаково слили философскую гипотезу съ практической программой, и какъ первые перенесли на нее ту вражду, которую они питаютъ къ соціалистическому ученію, такъ послѣдніе отстаиваютъ ее съ такою же стр -

*) «Неужели благомыслящіе люди могутъ смѣшивать анархизмъ с ъ моимъ ученіемъ?.. Всякому, кто знаетъ меня, извѣстно, что я съ юныхъ лѣтъ гнушался и преслѣдовалъ анархистовъ». Изъ письма К. Маркса къ Томасу Синдерсу.

стностью, съ какою борются за существованіе своей программы. Ни тѣ, ни другіе не отнеслись къ ней объективно, и вотъ почему, съ одной стороны, она не пользуется тѣмъ признаніемъ, котораго заслуживаетъ всякая гипотеза въ темной до сихъ поръ области философіи исторіи, а съ другой стороны — вмѣсто добросовѣстныхъ попытокъ обосновать ее научно, мы имѣемъ безплодныя поползновенія съ ея помощью конструировать исторію.

II.

Гипотеза историческаго матеріализма, изложенная въ сжатыхъ, общихъ выраженіяхъ, не обоснованная ни фактически, ни раціональнымъ путемъ, не разработанная въ деталяхъ, представляетъ, какъ я уже упомянулъ, широкій просторъ для субъективныхъ толкованій, видоизмѣненій и дополненій сообразно со вкусомъ того или другого писателя. Открывается новый рядъ фактовъ, не вмѣщающійся въ формулу матеріализма—и марксистъ вноситъ въ нее поправку или, правильнѣе, совершаетъ какой-нибудь ловкій маневръ съ оригинальной терминологіей Маркса, чтобы показать, что матеріалистическая гипотеза вполнѣ подтверждается и новыми научными открытіями. Марксистъ pur sang приэтомъ торжественно обращаетъ наше вниманіе на особую упругость и гибкость историческаго матеріализма, его способность приспособляться къ новымъ даннымъ науки. Но дѣло въ томъ, что поправки, вносимыя адептами Маркса въ его теорію, нерѣдко совершенно ее видоизмѣняютъ, вставляя такіе элементы, которые отнимаютъ у нея ея специфически-экономическій характеръ. Подобное явленіе мы видимъ у Энгельса въ его «Происхожденіи семьи». Не довольствуясь установленіемъ, въ качествѣ опредѣляющаго момента въ исторіи, производства матеріальныхъ продуктовъ, онъ вводитъ еще одинъ элементъ—воспроизведеніе человѣческой жизни, т. е. семейныя отношенія. И это онъ дѣлаетъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто историческій матеріализмъ всегда принималъ во вниманіе оба элемента, какъ будто и самъ Марксъ подъ производствомъ разумѣлъ возсозданіе не только средствъ къ жизни, но и живыхъ существъ. Между тѣмъ всякій, кто прочтетъ въ оригиналѣ введеніе къ «Zur Kritik», гдѣ Марксъ излагаетъ свое историческое profession de foi, вынесетъ единственное убѣжденіе, что онъ здѣсь имѣетъ въ виду исключительно экономическое производство, а не половое *). Энгельсъ произвелъ только игру словъ, сказавъ болѣе—сыгралъ съ терминологіей своего друга злую шутку и, основываясь на этимологическомъ значеніи слова «производство», ни чтоже сумняся ставитъ рядомъ съ производствомъ продуктовъ отношенія мужчины къ женщинѣ. Ярый врагъ метафизики, онъ

*) Онъ напр. говоритъ: «Mit der Veränderung der *ökonomischen* Grundlage wälzt sich der ganze ungeheuere Ueberbau langsamer oder rascher um».

самъ незамѣтно для себя употребилъ метафизическій пріемъ, оперируя надъ словами вмѣсто фактовъ, выведя послѣдніе изъ первыхъ, а не наоборотъ. Въ «Происхожденіи семьи» Энгельсъ не замѣчаетъ также, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Первое изданіе «Происхожденіе семьи» появилось въ 1884 году, а не больше какъ однимъ годомъ раньше онъ говорилъ въ надгробной рѣчи у могилы Маркса: «люди должны прежде всего имѣть пищу, жилище и одежду для того, чтобы быть въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствами и пр.». Въ первой половинѣ выдержки не вставлено: «любить», нѣтъ также «и т. п.», слѣд., основные мотивы человѣческой дѣятельности считаются здѣсь, повидимому, исчерпанными, напротивъ, въ концѣ добавлено «и т. п.», значитъ здѣсь, наряду съ другими производными факторами, можно поставить и половой. Нѣсколько дальше Энгельсъ высказывается еще опредѣленнѣе: «стало быть, производство матеріальныхъ средствъ къ жизни или—что одно и то же—данная степень экономическаго развитія народа составляетъ основу» и пр. Одно изъ двухъ: или въ надгробной рѣчи Энгельсъ изложилъ воззрѣніе Маркса, считая введеніе половыхъ отношеній своимъ собственнымъ добавленіемъ, или въ 1883 году онъ не зналъ еще, что изслѣдованія Моргана заставятъ его ввести новый элементъ въ теорію. Первое едва ли допустимо, въ виду того, что въ предисловіи же къ первому изданію «Происхожденія семьи» Энгельсъ называетъ историческій матеріализмъ «нашей» (т. е. его *и* Маркса) теоріей, и онъ вообще нигдѣ не отдѣляетъ себя отъ Маркса какъ въ теоретическихъ работахъ, такъ и въ агитаціонной дѣятельности; онъ себя сливаетъ со своимъ другомъ, какъ бы отнимая у себя самостоятельное значеніе. Остается допустить, что Энгельсъ воспользовался «гибкостью» гипотезы, чтобы приноровить ее къ открытіямъ Моргана,—открытіямъ, произведшимъ, по его мнѣнію, эпоху въ наукѣ,—что въ первоначальномъ видѣ она не могла вмѣстить весь рядъ явленій, относящихся къ области изслѣдованія Моргана. Такое отношеніе къ собственной теоріи говорило бы только въ пользу научнаго безпристрастія Энгельса, если бы поправка его была сдѣлана не помощью игры словъ, а обоснована научно, если бы въ то же время была сознана недостаточность старой формулировки, а не настаивалось по прежнему на ея непогрѣшимости. Это, съ одной стороны, производитъ значительный сумбуръ въ читателѣ, желающемъ усвоить основныя черты историческаго матеріализма, а съ другой—возбуждаетъ естественный вопросъ: прогрессирующая наука, все размножающіяся новыя изслѣдованія и открытія не проломятъ ли новыхъ брешей въ этой исторической теоріи, не вызовутъ ли новыхъ дополненій, которыя, пожалуй, и вовсе лишатъ ее старой физіономіи? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе естественъ, что никто еще (какъ не разъ мною было упомянуто) не обосновалъ и не доказалъ справедливости теоріи и при нынѣшнемъ состояніи общественныхъ наукъ.

«Происхожденіе семьи» не оригинальное произведеніе Энгельса; по его собственному признанію, это только изложеніе изслѣдованій Моргана съ матеріалистической точки зрѣнія. Мало того, самая идея о роли семейныхъ отношеній въ историческомъ процессѣ заимствована, повидимому, у Моргана. Въ своемъ трудѣ «Ancien Society», появившемся задолго до 1884 года, когда Энгельсъ внесъ свою поправку въ теорію Маркса, американскій ученый настаиваетъ на той мысли, что «супружескія права и привиллегіи выросли въ чудную систему, образовавшую основу, на которой конструировалось общество» *). Конечно, Морганъ вовсе не имѣлъ въ виду придать этой идеѣ тотъ универсальный характеръ, который былъ приданъ ей Энгельсомъ. Онъ вообще мало заботится о выясненіи основныхъ причинъ тѣхъ или другихъ измѣненій; онъ довольствуется изображеніемъ, какъ происходила эволюція соціальныхъ явленій, но что касается вопроса, почему она совершалась такъ, а не иначе, онъ часто ограничивается смутнымъ отвѣтомъ въ родѣ: «старая форма перестала удовлетворять общественнымъ потребностямъ» **),—и ни слова въ подтвержденіе или разъясненіе этого несоотвѣтствія. Морганъ также далекъ отъ того, чтобы считать одинъ какой-либо факторъ основнымъ двигателемъ всѣхъ процессовъ, которые онъ изображаетъ. Энгельсъ почему-то заявляетъ въ предисловіи къ первому изданію «Происхожденія», что «Морганъ независимо отъ Маркса открылъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію», и основываетъ свое заключеніе на одномъ мѣстѣ его Ancien Society' гдѣ говорится: «Большее или меньшее искусство въ производствѣ средствъ къ жизни опредѣляетъ степень превосходства человѣка надъ природой... Всѣ великія эпохи прогресса совпадаютъ болѣе или менѣе съ эпохами расширенія средствъ къ существованію». Но Энгельсъ упускаетъ изъ виду, что въ томъ же трудѣ американскій ученый многократно обращаетъ вниманіе читателя на значеніе идей въ прогрессѣ. «Главнѣйшіе институты человѣчества,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—развились изъ нѣсколькихъ идей-зародышей и ихъ развитіе совершалось въ извѣстныхъ предѣлахъ въ силу естественной логики человѣческаго ума и необходимой ограниченности его силъ» ***). Нѣсколькими страницами ниже мы опять читаемъ: «Изъ немногихъ идей-зародышей, которыя возникли въ человѣческомъ мозгу въ прежнія времена, вышли главнѣйшіе институты человѣчества... Развитіе этихъ идей-зародышей происходило подъ руководствомъ естественной логики, составляющей существенный аттрибутъ ума» ****). И это Морганъ повторяетъ вездѣ, гдѣ только имѣетъ къ тому поводъ.

---

*) Lewis H. Morgan. «Die Urgesellschaft», пер. съ англійскаго Эйхгофа при содѣйствіи К. Каутскаго. Stuttg. 1891. Стр. 41.

**) Ibid. 54.

***) Ibid. 15,

****) Ibid. 51.

Едва ли поэтому Энгельсъ имѣлъ основаніе причислить его къ адептамъ своей теоріи. Скорѣе можно сказать, что американскій ученый выдвигаетъ на первый планъ интеллектуальный факторъ. Вообще, не разобравшись, повидимому, въ относительной цѣнности историческихъ факторовъ, онъ довольно смутно представляетъ себѣ основныя пружины тѣхъ процессовъ, которые онъ изучилъ съ такой обстоятельностью.

Перехожу къ разсмотрѣнію самаго содержанія «Происхожденія семьи».

Въ началѣ своей книги «Древнее общество» Морганъ устанавливаетъ пять послѣдовательныхъ стадій въ производствѣ средствъ къ существованію. На зарѣ жизни, въ періодъ ранняго дѣтства, люди питались исключительно плодами и кореньями, которые они находили въ готовомъ, сыромъ видѣ. Незначительные по числу, они населяли ограниченную область и не знали никакихъ искусствъ, кромѣ развѣ языка. Такъ какъ готовыя средства къ существованію можно было находить только въ тропическихъ лѣсахъ, то колыбелью человѣчества нужно считать тропическія страны. Въ эту пору собственно еще не было производства продуктовъ въ настоящемъ смыслѣ. Его зачатки слѣдуетъ отнести къ слѣдующему періоду, когда люди стали употреблять въ пищу рыбу, извѣстнымъ образомъ приготовленную. Это первое примѣненіе искусства съ цѣлью приспособленія продуктовъ природы къ человѣческимъ потребностямъ. Съ новымъ родомъ пищи люди стали независимы отъ климата и мѣста; слѣдуя вдоль береговъ рѣкъ и морей, они могли распространиться по большей части земного шара. О такихъ перемѣщеніяхъ свидѣтельствуютъ остатки орудій, находимые на обоихъ континентахъ. Переселеніе съ мѣста на мѣсто было бы немыслимо, если бы люди ограничивались сырыми плодами и кореньями. Третью стадію въ производствѣ продуктовъ составляетъ взращиваніе полевыхъ плодовъ и растеній. Этому способу приготовленія средствъ къ существованію предшествовало у арійцевъ прирученіе животныхъ, что́ видно изъ того, что въ разныхъ нарѣчіяхъ арійскаго языка имѣются одинаковыя обозначенія для домашнихъ животныхъ, тогда какъ культурныя растенія носятъ разныя названія. Первоначально почва стала воздѣлываться, вѣроятно, на открытыхъ участкахъ наносной земли, а затѣмъ перешла постепенно къ огородничеству и земледѣлію при помощи скота и орудій. За этимъ періодомъ слѣдуетъ періодъ мясного и молочнаго питанія. Въ эту эпоху открывается существенная разница между восточнымъ и западнымъ полушаріемъ. Отсутствіе въ послѣднемъ животныхъ, способныхъ къ прирученію, за исключеніемъ лама, имѣло большое вліяніе на специфическій характеръ его развитія. Разведеніе домашняго скота вело къ новому образу жизни—пастушеству, которое мы находимъ въ равнинахъ Мессопотаміи, Индіи и въ степяхъ Центральной Азіи, тогда какъ Америка осталась при воздѣлываніи полевыхъ и ого-

родныхъ растеній, главнымъ образомъ маиса. Наконецъ, человѣчество дошло до земледѣлія. Домашній скотъ составляетъ значительное дополненіе къ мускульной силѣ человѣка, изобрѣтеніе желѣзнаго плуга дало возможность воспользоваться животной силой для воздѣлыванія почвы; такъ за огородничествомъ появилось земледѣліе, доставившее впервые не ограниченный случайными условіями запасъ средствъ къ жизни *).

Въ такомъ видѣ Морганъ изображаетъ послѣдовательное развитіе способовъ производства въ первобытное время. Сторонникъ матеріалистическаго воззрѣнія долженъ былъ, очевидно, обратить большое вниманіе на это мѣсто въ книгѣ американскаго ученаго. Желая установить зависимость соціальныхъ явленій отъ способовъ производства, онъ долженъ былъ показать, какъ вышеуказанныя послѣдовательныя измѣненія вліяли на весь ходъ жизни первобытнаго человѣка, какъ критическіе моменты въ производствѣ вызывали рано или поздно разложеніе старыхъ формъ и возникновеніе новыхъ. Если нельзя установить полный параллелизмъ между стадіями развитія способовъ производства съ одной стороны и прочихъ сферъ жизни съ другой, то необходимо, по крайней мѣрѣ, показать, что «вмѣстѣ съ измѣненіемъ экономической основы рано или поздно наступалъ переворотъ во всей громадной надстройкѣ». Мы имѣли право ожидать этого отъ Энгельса, предпринявшаго свой трудъ съ единственной цѣлью—разсмотрѣть изслѣдованія Моргана съ матеріалистической точки зрѣнія. Онъ, однако, этого не сдѣлалъ и даже вовсе выпустилъ въ своей книжкѣ очеркъ способовъ производства первобытнаго міра. Безъ сомнѣнія, если бы была возможность воспользоваться этимъ очеркомъ Моргана въ пользу историческаго матеріализма, то Энгельсъ, вообще столь чуткій ко всякимъ открытіямъ, имѣющимъ хотя бы отдаленное значеніе для его излюбленной теоріи, не замедлилъ бы это сдѣлать со всей страстностью и категоричностью, на которыя онъ способенъ. Если же онъ считалъ изображеніе Моргана не вѣрнымъ, не стоящимъ на высотѣ современной науки, то долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, отмѣтить это, изложить свой взглядъ и критическія замѣчанія, какъ онъ дѣлаетъ въ другихъ мѣстахъ своей книги. Разъ этого нѣтъ, то остается весьма страннымъ, что марксистъ какъ бы забываетъ о такомъ фактѣ, который составляетъ краеугольный камень его міросозерцанія. Правда, для Энгельса есть оправданіе, и это оправданіе лежитъ въ томъ добавленіи, которое онъ сдѣлалъ, какъ я показалъ выше, спеціально для изслѣдованій Моргана. Онъ говоритъ: «чѣмъ меньше развитъ трудъ человѣка, чѣмъ ограниченнѣе количество его произведеній, тѣмъ большій перевѣсъ въ общественномъ устройствѣ имѣютъ семейныя связи» **). Другими словами, въ раннемъ періодѣ

*) Ibid. 16—22.

**) «Ursprung der Familie», предисл. къ 1-му изданію.

жизни человѣчества общественное устройство опредѣляется семейными или, лучше сказать, половыми отношеніями, и только позже, на болѣе высокой степени развитія, выдвигается экономическій факторъ. Слѣдовательно, на первыхъ порахъ задача Энгельса должна была состоять въ томъ, чтобы установить зависимость между общественнымъ и половымъ отношеніями. Посмотримъ, какъ онъ ее выполнилъ.

Древнѣйшей формой половыхъ отношеній была кровосмѣсительная семья, основывавшаяся на брачномъ сожительствѣ братьевъ и сестеръ. Родные братья и сестры, также двоюродные первой, второй и высшихъ степеней считаются между собою братьями и сестрами и въ силу этого одного—мужьями и женами. Отношеніе брата къ сестрѣ уже само собою включаетъ половыя сношенія между ними. Прогрессъ этой формы сожительства въ сравненіи съ болѣе древней, о которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, заключается, вѣроятно, въ томъ, что здѣсь исключены половыя сношенія между матерью и сыновьями или отцомъ и дочерью. Дальнѣйшее движеніе впередъ выразилось въ исчезновеніи брачнаго сожительства между сестрами и братьями, какъ родными, такъ и двоюродными, и постепенномъ образованіи новой формы семьи—паналуа. Здѣсь половыя сношенія происходятъ уже не между членами одной и той же группы, семьи, а между лицами, принадлежащими къ разнымъ группамъ, причемъ всѣ братья въ одной и той же группѣ имѣютъ общихъ женъ (изъ числа которыхъ исключены сестры этихъ братьевъ), а всѣ сестры—общихъ мужей (изъ числа которыхъ исключены братья этихъ сестеръ). Третья форма семьи—парная семья. На этой стадіи развитія мужъ живетъ съ одной женой, но ему дозволяется входить въ половыя сношенія и съ другими женщинами, тогда какъ отъ жены требуется строгая вѣрность мужу. Бракъ, однако, можетъ быть легко расторженъ, по желанію одной изъ сторонъ. Переходную ступень отъ парной семьи къ моногамической составляетъ патріархальная семья, основанная на многоженствѣ и нерасторжимости брака. Наконецъ, появляется моногамія—семья цивилизованныхъ народовъ, основанная на союзѣ одного мужчины съ одной женщиной съ цѣлью производства дѣтей, при нерасторжимости брака и правовомъ господствѣ мужа и отца. Нравственная связь, любовь въ истинномъ ея значеніи, начинаетъ выступать въ бракѣ лишь въ послѣднее время.

Какъ же изложенная эволюція семьи отражалась на общественномъ устройствѣ? Дѣйствительно-ли поступательный ходъ ея вызывалъ неминуемое разложеніе старыхъ общественныхъ элементовъ? Дѣйствительно ли новыя семейныя формы рано или поздно влекли за собою новыя общественныя учрежденія? Дѣйствительно-ли можно установить соотвѣтствіе между семейной и соціальной эволюціей и дѣйствительно-ли фазы послѣдней вытекаютъ изъ первой?

Для отвѣта на эти вопросы необходимо предварительно познакомиться съ развитіемъ общественнаго устройства.

Всѣ соціальныя формы могутъ быть, по мнѣнію Моргана, сведены къ двумъ главнымъ типамъ, изъ которыхъ одинъ, болѣе ранній, можно назвать общественнымъ, а другой, позднѣйшій, политическимъ. Первый основанъ на личныхъ отношеніяхъ и составляетъ общество, органы котораго входятъ въ непосредственныя личныя отношенія къ его членамъ. Ядромъ этой организаціи является родъ (gens), который есть ни что иное, какъ совокупность людей, связанныхъ узами родства и происходящихъ отъ общихъ предковъ. На ранней ступени развитія члены рода связаны между собою происхожденіемъ отъ одной матери, и во всѣхъ отношеніяхъ господствовало такъ называемое материнское право. Дѣти оставались въ томъ родѣ, къ которому принадлежала ихъ мать, и наслѣдованіе происходило по материнской линіи, такъ что собственность умершаго доставалась не его дѣтямъ, а его братьямъ и др. Позднѣе, материнское право замѣнилось отцовскимъ, и родъ въ такомъ случаѣ состоялъ изъ родственниковъ по отцу и изъ дѣтей братьевъ, а наслѣдство переходило по мужской линіи. Изъ рода послѣдовательно развились фратрія, племя и племенной союзъ, образовавшій націю. Фратрія—это органическое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ родовъ для общихъ цѣлей, касающихся, главнымъ образомъ, дѣлъ управленія. Нѣсколько фратрій соединялось въ племя, характерные признаки котораго—отличительное имя, собственное нарѣчіе, общее для всѣхъ составляющихъ его фратрій, высшее управленіе и территорія, которую оно считаетъ своей собственностью. Этотъ же самый принципъ агломераціи, проявившійся въ образованіи изъ рода фратрій и племенъ, въ дальнѣйшемъ развитіи привелъ къ племенному союзу, въ основѣ котораго лежала полная самостоятельность племенъ въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, отдѣльныя территоріи и принадлежность нарѣчій, на которыхъ они говорили, къ общему языку. Наконецъ, въ позднѣйшій періодъ у нѣкоторыхъ народностей имѣло мѣсто полное сліяніе племенъ на общей территоріи въ націю. Указанныя стадіи общественнаго развитія образовались изъ рода, какъ изъ ячейки, и этотъ родъ составляетъ здѣсь звено, черезъ посредство котораго органы правленія входятъ въ сношенія съ отдѣльными лицами. Каждый индивидуумъ имѣетъ значеніе въ общественной жизни именно какъ индивидуумъ даннаго рода, независимо отъ того, каково его матеріальное положеніе, какой профессіей онъ занимается, гдѣ его постоянное мѣстожительство и проч. Картина мѣняется, когда племя переходитъ къ слѣдующему типу развитія—политическому съ формой государства. Его основу составляютъ два элемента: мѣстожительства и частная собственность, изъ которыхъ, однако, первый, по мнѣнію Энгельса, играетъ преобладающую роль: «распредѣленіе политическихъ правъ по имуществу не является непремѣннымъ учрежденіемъ, безъ котораго

государство не можетъ существовать. И въ Аѳинахъ оно играло лишь преходящую роль» *). Ядро государства составляетъ городская община съ ея точно опредѣленными границами и содержащейся въ ней собственностью. Отношеніе органовъ государства къ собственности и личности опредѣляется его мѣстомъ жительства, составляющимъ посредствующую инстанцію. Послѣдовательныя стадіи развитія этого типа слѣдующія: городская община, какъ единица организаціи; кантонъ или провинція, составляющая союзъ нѣсколькихъ общинъ, и наконецъ національная территорія, составленная изъ многихъ кантоновъ или провинцій. «Требовалось сильное напряженіе умственныхъ способностей грековъ и римлянъ, говоритъ Морганъ, чтобы изобрѣсти Demos, или городскую общину, и дойти до второй основной формы общественнаго развитія, сохранившейся до сихъ поръ у цивилизованныхъ народовъ».

Сопоставляя соціальную эволюцію съ семейной, мы замѣчаемъ, что отдѣльные этапы той и другой не только не совпадаютъ, но и не параллельны. Общественное устройство имѣетъ свои стадіи развитія, не соотвѣтствующія стадіямъ развитія семьи. Ни Морганъ, ни Энгельсъ не показываютъ намъ, какъ критическіе моменты въ эволюціи семьи отражались на общественномъ организмѣ, мы не видимъ изъ ихъ изображенія, чтобы напр. переходъ отъ семьи паналуа къ парной семьѣ привелъ къ какимъ-либо основнымъ измѣненіямъ въ общественной организаціи, чтобы онъ въ соціальной сферѣ вызвалъ «рано или поздно» переходъ отъ одной стадіи къ другой, чтобы, благодаря перевороту въ семейной эволюціи, наступилъ переворотъ и въ соціальной. Для выполненія своей задачи Энгельсъ долженъ былъ показать, что возникновеніе напр. фратріи, или племени, или націи совершилось подъ вліяніемъ замѣны одной формы семейныхъ отношеній другой, и не только совершилось, но неизбѣжно должно было совершиться, ибо, по его теоріи, въ раннюю пору жизни человѣчества семейныя связи опредѣляютъ общественное устройство. Этого однако, въ «Происхожденіи семьи» сдѣлано не было. У Энгельса, такъ же, какъ у Моргана, обѣ эволюціи изображаются независимо другъ отъ друга, между ними не указывается внутренней связи, и единственное заключеніе, къ которому можно придти, это то, что политическій организмъ жилъ собственной жизнью, проходилъ самостоятельный путь. Въ книгѣ Энгельса мы находимъ только слабыя попытки объяснить послѣдовательное чередованіе фазъ соціальнаго развитія,—попытки, которыя онъ считаетъ достаточными, разъ ему удалось найти малѣйшій намекъ на участіе семейнаго фактора (а не его измѣненія) въ данномъ измѣненіи. Такъ, происхожденіе фратріи онъ вмѣстѣ съ Морганомъ объясняетъ расщепленіемъ рода на нѣсколько частей и сохраненіемъ тѣсной связи между образовавшимися дочерними ро-

*) Ibid., стр. 114.

дами. «Вслѣдствіе запрещенія браковъ между членами одного рода, говоритъ онъ, племя необходимо должно было состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ родовъ. По мѣрѣ того какъ племя размножалось, каждый родъ въ свою очередь дѣлился на два, три другихъ и т. д. *). Вообразимъ себѣ тотъ отдаленный моментъ, когда фратрія еще не образовалась, существуетъ только *одинъ* родъ; какъ же могло при такихъ условіяхъ произойти запрещеніе браковъ внутри рода? Это значило бы обречь себя на вымираніе, ибо между совершенно чужими родами тогда еще не было никакихъ сношеній. Очевидно, образованіе фратрій должно было предшествовать указанному измѣненію въ брачномъ сожительствѣ, а если такъ, то нельзя утверждать, что семейныя отношенія вызвали возникновеніе фратріи, и Энгельсъ въ данномъ случаѣ не только не подтверждаетъ своего положенія о роли семьи, но отрицаетъ его. Онъ далѣе указываетъ на размноженіе племени, вызывавшее новое расщепленіе родовъ. Но, во-первыхъ, остается неяснымъ, почему новые роды должны были стать другъ къ другу въ такія именно отношенія, которыя сложились внутри фратріи; во-вторыхъ, сказать, что размноженіе населенія есть причина образованія фратрій, не значитъ подтвердить правило, что тотъ или другой переворотъ въ *семейныхъ* отношеніяхъ неизбѣжно влечетъ за собою рано или поздно извѣстное измѣненіе въ общественной жизни. Подставлять размноженіе на мѣсто семьи и обратно значитъ производить неимовѣрную путаницу въ понятіяхъ. Размноженіе, съ одной стороны, можетъ обусловливать самыя разнообразныя явленія, а съ другой—не оказывать никакого вліянія на семейныя формы. Если Энгельсъ въ предисловіи къ «Происхожденію семьи» выставляетъ въ качествѣ опредѣляющаго момента въ исторіи «воспроизведеніе человѣческой жизни», то онъ это дѣлаетъ для того, чтобы подвести семейный факторъ подъ терминъ «производство», и сейчасъ же разъясняетъ: «общественныя учрежденія обусловливаются обоими видами производства: развитіемъ труда съ одной стороны и *семьи*— съ другой». И во всей своей книгѣ Энгельсъ имѣетъ дѣло не съ размноженіемъ, а съ семьей. Еще болѣе страннымъ образомъ объясняетъ нашъ авторъ происхожденіе племени и союза племенъ. Что касается перваго, то онъ ограничивается ничего не значащей фразой: «какъ нѣсколько родовъ составляло фратрію, такъ фратріи соединялись въ племена» **). А вотъ что онъ говоритъ о племенномъ союзѣ: «Союзы между родственными племенами образовывались тамъ и сямъ изъ возникавшей въ данную минуту нужды и исчезали вмѣстѣ съ ней. Но въ нѣкоторыхъ странахъ первоначально родственныя племена снова соединились въ продолжительные союзы и сдѣлали такимъ образомъ первый шагъ къ образованію

*) Ibid., 81.
**) Ibid., 83.

націй» *). Почему именно въ «нѣкоторыхъ странахъ» племенные союзы воскресли, а въ другихъ погибли безвозвратно, какую роль здѣсь играло развитіе семьи—это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Я исчерпалъ все, что можно найти въ книгѣ Энгельса относительно связи общественнаго строя съ развитіемъ семьи. Мы видѣли, что попытка его подтвердить эту сторону матеріалистической теоріи не увѣнчалась успѣхомъ. Посмотримъ теперь, удачнѣе ли его стараніе подтвердить роль второго элемента—экономическаго фактора. Изъ предисловія къ 1-му изданію «Происхожденіе семьи» мы знаемъ, что производство матеріальныхъ продуктовъ начинаетъ играть преобладающую роль тогда, когда трудъ достигъ значительной степени развитія, когда появилось уже скопленіе богатствъ, т. е. въ довольно позднюю эпоху жизни человѣчества. Такимъ образомъ, въ соціальной эволюціи экономическій факторъ начинаетъ участвовать позже, чѣмъ семейный, первыя стадіи общественнаго развитія возникали подъ вліяніемъ семейныхъ отношеній, а послѣднія—подъ вліяніемъ экономическихъ или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Если же Энгельсъ одинъ, весьма ранній, переворотъ въ общественномъ строѣ объясняетъ *только* экономическимъ развитіемъ, а послѣдующіе, позднѣйшіе, *только* семейнымъ, то это крайняя непослѣдовательность и противорѣчіе собственной теоріи. Это именно произошло по вопросу о замѣнѣ материнскаго права отцовскимъ,—переворотѣ, происшедшемъ на рубежѣ между парной семьей и патріархальной. Чѣмъ было обусловлено это весьма важное измѣненіе, оказавшее огромное вліяніе на весь ходъ родовой жизни? Энгельсъ даетъ исключительно экономическое объясненіе, а послѣ этого, переходя къ позднѣйшимъ образованіямъ—фратріи, племени, племенному союзу, онъ говоритъ исключительно о вліяніи семьи. Не будемъ однако долго останавливаться на этой непослѣдовательности нашего автора и перейдемъ къ самой его аргументаціи. Искусство разведенія домашняго скота создало, по словамъ Энгельса, въ Старомъ Свѣтѣ невиданный дотолѣ источникъ богатствъ и совершенно преобразовало общественныя отношенія. Раньше богатство заключалось лишь въ жилищѣ, одеждѣ, грубомъ убранствѣ и немногихъ орудіяхъ для добыванія и приготовленія пищи. Теперь съ возникновеніемъ скотоводства получился источникъ богатствъ, который при незначительномъ уходѣ и наблюденіи размножается въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и доставляетъ обильную пищу въ видѣ мяса и молока. Кому принадлежало это богатство? Конечно, роду. «Но уже въ раннюю пору должна была развиться частная собственность». Разъ богатства перешли въ частную собственность семьи, то они дали обществу, основанному на парной семьѣ и материнскомъ правѣ, могучій толчокъ. По господствовавшему тогда раздѣленію труда въ семьѣ, на мужа выпадало добываніе пищи и пріобрѣтеніе необходимыхъ для этого орудій по-

*) Ibid., 86.

этому ему же досталось право собственности на эти вещи. Когда явился новый источникъ пропитанія—скотъ, то собственникомъ его неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться мужъ. Но, въ силу материнскаго права, въ случаѣ смерти всѣ его богатства доставались не дѣтямъ его, а родственникамъ жены. По мѣрѣ скопленія богатствъ въ рукахъ мужа, его положеніе въ семьѣ усиливалось, и у него явилось желаніе воспользоваться своей силой, чтобы преобразовать порядокъ наслѣдованія въ пользу дѣтей. Преобладаніе матери должно было исчезнуть, и оно исчезло *).

Итакъ, основнымъ мотивомъ, вызвавшимъ господство мужа въ семьѣ, было возникновеніе частной собственности. Но что вызвало этотъ новый институтъ, почему богатства перестали принадлежать всему роду,—этого Энгельсъ не объясняетъ. Онъ говоритъ только, что частная собственность *должна* была развиться, но нисколько, повидимому, не озабоченъ тѣмъ, что читателю можетъ показаться страннымъ такое категорическое утвержденіе, остающееся не обоснованнымъ, тѣмъ болѣе, что это утвержденіе лежитъ въ основѣ всей аргументаціи. Мы можемъ не согласиться съ нимъ въ этой посылкѣ—и тогда падаютъ всѣ его послѣдующія заключенія. Такой способъ доказательства характеренъ для адепта матеріалистической теоріи, представляющей рядъ выводовъ изъ нѣсколькихъ необоснованныхъ положеній, принимаемыхъ марксистами a priori въ видѣ аксіомъ. Затѣмъ, благодаря размноженію домашняго скота, мужчина пріобрѣлъ, по мнѣнію Энгельса, силу, которою и воспользовался для своихъ выгодъ. Казалось бы, что разведеніе стадъ, которое не требуетъ почти никакого труда, не могло послужить причиной усиленія власти мужчинъ въ обществѣ, въ которомъ трудъ цѣнился выше всего. Это скорѣе могло имѣть мѣсто при звѣроловствѣ, требовавшемъ отъ мужчины особой снаровки, связанномъ даже съ опасностями. Наблюдать за скотомъ можетъ и женщина и подростокъ, тогда какъ для охоты за дичью нужны значительныя физическія силы. Если частная собственность на скотъ отвела мужчинѣ особенно видное мѣсто въ семьѣ, то не понятно, почему это не могло произойти при возникновеніи права собственности мужчины на оружіе, лодки и пр.—эти первые предметы личнаго присвоенія. Безъ этихъ вещей жизнь семьи была невозможна, и такъ какъ охота была по силамъ только мужчинѣ, то данныя для его преобладающаго положенія на-лицо. Наконецъ, Энгельсъ связываетъ введеніе порядка наслѣдованія по отцу съ возникновеніемъ скотоводства, тогда какъ Морганъ не ограничивается этимъ однимъ. «Послѣ того, говоритъ онъ, какъ стали разводить цѣлыя стада домашнихъ животныхъ, которыя сдѣлались предметомъ пищи и личной собственности, и послѣ того какъ хлѣбопашество повело къ частной собственности на жилище и пашню, необходимо долженъ былъ возникнуть

*) См. Ursprung u. S. w. 38—43.

противовѣсъ наслѣдованію внутри рода»*). Почему же Энгельсъ изъ двухъ моментовъ, приведенныхъ Морганомъ, взялъ только одинъ? Почему онъ не обратилъ вниманія на ту роль, которую Морганъ приписываетъ земледѣлію во введеніи новаго порядка наслѣдованія. Ларчикъ открывается просто: новѣйшія изслѣдованія по исторіи культуры устанавливаютъ тотъ фактъ, что земледѣліе первоначально находилось въ рукахъ не мужчинъ, а женщинъ **). Понятно, что этимъ нельзя было объяснить усиленія власти мужчины, и Энгельсъ не нашелъ ничего лучше, какъ просто опустить земледѣліе изъ своей аргументаціи. Нельзя приэтомъ не выразить удивленія, что онъ не счелъ нужнымъ оправдать свою операцію съ Морганомъ, изслѣдованія котораго легли въ основу всей его книги, составляющей, по его собственному признанію, лишь изложеніе открытій американскаго ученаго.

Чѣмъ же въ дѣйствительности объясняется происхожденіе власти мужа и отца въ семьѣ? Обратимся за рѣшеніемъ этого вопроса къ М. Ковалевскому, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекать въ недостаткѣ вниманія къ матеріальной сторонѣ исторіи, и намъ вмѣстѣ съ тѣмъ представится случай видѣть разницу между настоящимъ ученымъ, ищущимъ только истину, и писателемъ, желающимъ во что бы то ни стало доказать апріорную теорію.

«Охотники и пастухи, говоритъ нашъ знаменитый соотечественникъ, не могли долго жить вмѣстѣ, потому что истощалась дичь въ лѣсахъ и кормъ для скота на пастбищахъ. Нужда заставляла ихъ раздѣлиться. Небольшіе отряды отдѣлялись отъ соціальнаго ствола и уходили искать счастья. Библія слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о томъ, какъ разлучились Авраамъ и Лотъ: «И у Лота,— читаемъ мы въ XIII главѣ Бытія,—который ходилъ съ Авраамомъ, также былъ мелкій и крупный скотъ и шатры. И не помѣстительна была земля для нихъ, чтобы жить вмѣстѣ, ибо имущество ихъ было такъ велико, что они не могли жить вмѣстѣ». И они разошлись въ разныя стороны. Аналогичныя явленія замѣчаются въ настоящее время между краснокожими. Powel утверждаетъ, что при разложеніи материнской группы, выдѣляющіяся пары теряютъ мало-по-малу сознаніе общаго происхожденія. Родители женщины, ея братья не могутъ теперь ей оказывать защиту и ей въ концѣ концовъ приходится отъ нея отказаться. Единственнымъ защитникомъ остается для нея мужъ и отъ него одного она можетъ ожидать помощи въ случаѣ нужды. Мужъ становится, такимъ образомъ, ея покровителемъ и пріобрѣтаетъ соотвѣтствующія права. Съ того момента, какъ мужъ поселился вмѣстѣ съ женой, возникаютъ новыя отношенія между нимъ и дѣтьми, которыхъ она ему рождаетъ. Вмѣсто дяди, отецъ беретъ на себя обязанности ихъ воспитанія и содержанія;

---

*) «Die Urgesellschaft», 292.

**) См. Липперта «Исторія культуры», пер. съ нѣм., Спб. 1894 г. Стр. 28.

онъ становится ихъ защитникомъ и покровителемъ. За то они обязаны ему повиновеніемъ, которое они оказывали раньше дядѣ по матери. Такъ постепенно развилась наряду съ manus (властью мужа) patria potestas—власть отца надъ дѣтьми» *). Такимъ образомъ, М. Ковалевскій, не забывая экономическаго фактора, обращаетъ должное вниманіе и на другія условія, къ нему не относящіяся.

Много мѣста удѣляетъ Энгельсъ вопросу о происхожденіи государства. Это—кардинальный пунктъ, служащій излюбленнымъ конькомъ для нѣмецкихъ марксистовъ. Враги современнаго государства, они естественно прилагаютъ всѣ старанія, чтобы доказать преходящее его значеніе и тѣсную связь его съ формой капиталистическаго производства. Съ другой стороны, государство—это сравнительно новое соціальное образованіе и, по теоріи Энгельса, причину его возникновенія слѣдуетъ искать уже не въ развитіи семьи, а исключительно въ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя неизбѣжно должны были произвести переворотъ въ соціальной и политической жизни. Энгельсъ, приступая къ выясненію причинъ, по которымъ родовой бытъ въ Аѳинахъ замѣнился государственнымъ, такъ и начинаетъ съ перечисленія новыхъ элементовъ, вошедшихъ въ экономическія отношенія.

«Возникшая частная собственность на скотъ и предметы роскоши, говоритъ онъ, привела къ обмѣну между индивидуумами, къ обращенію продуктовъ въ товаръ. И въ этомъ лежитъ корень всего послѣдующаго переворота. Какъ скоро производители перестали сами непосредственно потреблять свои продукты, но начали обмѣнивать ихъ на другіе, они потеряли власть надъ ними. Они не знали, что съ ними стало, и получилась возможность обращать продуктъ противъ самаго производителя, для его эксплуатированія и подчиненія. Вмѣстѣ съ товарнымъ производствомъ явилось воздѣлываніе почвы частными лицами на собственный счетъ, а затѣмъ личная собственность на землю. Появились далѣе деньги—всеобщій товаръ, на который всѣ другіе обмѣнивались... Что было дѣлать? Старое родовое устройство показало себя не только безсильнымъ противъ побѣдоноснаго шествія денегъ, но оно было также абсолютно неспособно внутри своихъ рамокъ найти мѣсто для такихъ явленій, какъ деньги, кредиторъ и должникъ, съ котораго выколачиваютъ принудительнымъ образомъ долги» **). Это одна изъ причинъ, но «корень всего переворота». Спрашивается: почему обращеніе продукта въ товаръ и появленіе денегъ несовмѣстимы съ родовымъ бытомъ? Почему администрація рода, фратрій, племени оказалась безсильной въ виду такихъ новыхъ элементовъ, какъ кредиторъ и должникъ? Чтобы справиться съ ними, почему должно быть

*) Maxime Kovalevsky. «Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la proprieté» Stockholm. Стр. 106—114.

**) Ursprung u. s. w. 109—110.

опрокинуто все родовое устройство? Наконецъ, если родъ дѣйствительно долженъ былъ прекратить свое существованіе, то почему онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто именно такому политическому тѣлу, организація котораго основана на принципѣ мѣстожительства и на городской общинѣ, какъ основной клѣточкѣ? Почему не могъ возникнуть какой либо иной modus политической жизни? На эти вопросы мы не находимъ отвѣта у Энгельса. Онъ просто констатируетъ фактъ возникновенія новыхъ экономическихъ явленій, указываетъ на зародившееся государство и, не установивъ между ними необходимой внутренней связи, считаетъ себя вправѣ утверждать, что въ этомъ именно «корень всего переворота». Онъ забываетъ, что post hoc не есть propter hoc.

Пойдемъ далѣе за нашимъ авторомъ и прослѣдимъ другія, второстепенныя («подчиненныя», какъ выражается Энгельсъ) причины, вызвавшія происхожденіе государства. «Разбросанность членовъ родовъ и фратрій по всей области увеличивалась изъ поколѣнія въ поколѣнія... Раздѣленіе труда между разными отраслями производства развивалось все болѣе на-ряду съ успѣхами индустріи и сообщеній; населеніе дѣлилось по своимъ занятіямъ на опредѣленныя группы, и каждая изъ нихъ имѣла свои особые интересы, для которыхъ въ родѣ и фратріи не было мѣста, которые, слѣд., требовали новыхъ должностей... Число рабдовъ значительно увеличилось и превосходило число свободныхъ аѳинянъ, родовое усройство не знало первоначально никакого рабства, а, значитъ, и средства удерживать въ должныхъ предѣлахъ эту массу несвободныхъ людей... Наконецъ, торговля привлекла въ Аѳины множество иностранцевъ, которые поселились тамъ для легкой наживы, но по родовому строю были безправны и беззащитны и оставались чуждымъ элементомъ въ народѣ. Словомъ, родовой бытъ пришелъ къ концу... Новыя группы, образовавшіяся отъ раздѣленія труда сначала между городомъ и деревней, а потомъ между разными видами городского хозяйства, вызвали новые органы для гарантированія ихъ интересовъ. Были учреждены должности всякаго рода. Задолго еще до Солона возникли навкраріи — небольшіе округи, которые должны были доставлять военные корабли, солдатъ и пр... Въ нихъ впервые народъ раздѣленъ не по родственнымъ группамъ, а по мѣстному сожительству» *). Здѣсь опять-таки не доказано, что новые органы не могли укладываться въ рамки родового устройства, что они должны были потрясти послѣднее въ основаніи. Обратите затѣмъ вниманіе на слѣдующую неожиданность: раздѣленіе труда между городомъ и деревней вызвало новые органы для огражденія интересовъ новыхъ группъ населенія; что же появилось? Появился органъ, соотвѣтствующій новымъ экономическимъ отношеніямъ? Нѣтъ, появились навкраріи, т. е. особая форма военно-морской орга-

*) Ibid. 111 и 112.

низаціи, которая могла служить потребностямъ морской торговли, но не имѣла ничего общаго съ нуждами, возникшими, благодаря раздѣленію труда между городомъ и деревней и между разными видами городского хозяйства. Очевидно, нѣтъ внутренней связи между навкраріями, въ которыхъ впервые обнаружился принципъ новой политической формы—распредѣленіе по мѣсту жительства, и раздѣленіемъ труда. Причина не соотвѣтствуетъ слѣдствію... Далѣе. Вся аргументація Энгельса сводится въ сущности къ двумъ положеніямъ: 1) многіе члены рода жили внѣ родины и не могли поэтому участвовать въ родовой жизни; 2) иностранцы были чужды роду и стояли отъ него въ сторонѣ; слѣд., родовое устройство оказалось тѣснымъ и не могло включать въ себя новые элементы. Но, во-1-хъ, то обстоятельство, что многіе члены рода покидали свою родину, не должно еще *неизбѣжно* повлечь за собою разложеніе родового быта. Могутъ образоваться новыя группы, которыя сохранятъ у себя старую родовую организацію. По словамъ Моргана, образованіе новыхъ племенъ у туземцевъ Америки происходило слѣдующимъ образомъ: «Какъ только въ какой-нибудь мѣстности наступалъ избытокъ населенія, часть его эмигрировала. Съ теченіемъ времени составлялось значительное населеніе въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ первоначальнаго мѣстожительства. Интересы эмигрантовъ обособлялись отъ интересовъ ихъ прежнихъ родственниковъ; наступало отчужденіе и даже различіе въ языкѣ... Такъ создавалось новое племя» *). Энгельсъ не приводитъ причины, почему то же самое не могло произойти съ аѳинянами. Во-2-хъ, что касается иностранцевъ, то родовая организація вовсе не отличалась такой замкнутостью, чтобы чужестранный элементъ по необходимости долженъ былъ оставаться чуждымъ аѳинской жизни. Родъ имѣлъ право принимать новыхъ, совершенно чужихъ членовъ, и этому придавался характеръ усыновленія, которое «давало не только всѣ родовыя права, но даже и національность племени». Ирокезы усыновляли обыкновенно военно-плѣнныхъ, и усыновленное лицо становилось братомъ или сестрой усыновившаго, сыномъ или дочерью усыновившей, и послѣ того къ новымъ членамъ относились такъ, какъ будто они родились въ этихъ степеняхъ родства. Нерѣдко случалось, что родъ, въ которомъ почему либо произошло уменьшеніе числа членовъ, пополнялъ составъ свой путемъ усыновленія **). Слѣд., появленіе иностранцевъ не могло составлять такой проблемы, въ виду которой родовая организація оказалась бы безсильной и должна была вовсе сойти со сцены.

Но что же обусловливало это массовое передвиженіе? Энгельсъ отвѣчаетъ: «купля и продажа земельной собственности, прогрессирующее раздѣленіе труда между земледѣліемъ и ремесломъ, торгов-

*) Die Urgesellschaft, 88.
**) Ibid. 68.

лей и мореходствомъ» *) и приходитъ такимъ образомъ къ исключительно экономическому объясненію. Если же мы обратимся къ Моргану, то откроемъ обычную односторонность Энгельса. По мнѣнію американскаго ученаго, передвиженіе «должно было время отъ времени повторяться, въ силу ли личной склонности къ приключеніямъ, или изъ торговыхъ цѣлей, или благодаря разнымъ превратностямъ войны» **). Здѣсь, такимъ образомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, Энгельсъ выхватилъ одинъ элементъ и отбросилъ остальные, нисколько, однако, не мотивируя этой операціи.

Итакъ, указанныя Энгельсомъ экономическія явленія нельзя считать достаточнымъ объясненіемъ происхожденія государства; попытка его найти экономическую подкладку такому соціальному перевороту, какъ замѣна родового быта государственнымъ, оказалась столь же безуспѣшной, какъ стараніе уловить въ разныхъ фазахъ развитія рода вліяніе семейныхъ отношеній. «Происхожденіе семьи» ничего не даетъ для подтвержденія историческаго матеріализма, онъ по прежнему остается необоснованной гипотезой, ждущей своего Дарвина. Главная цѣль, съ которой Энгельсъ предпринялъ свою работу, не достигнута и завѣщаніе Маркса осталось не исполненнымъ. На «Происхожденіе семьи» приходится смотрѣть, какъ на простую популяризацію изслѣдованій Моргана, — популяризацію, которую можно было бы считать удачной, еслибы авторъ ея не позволялъ себѣ тѣхъ операцій надъ многими мѣстами труда американскаго ученаго, о которыхъ мы говорили выше. Стараясь во что бы то ни стало всѣ явленія привести къ экономическимъ или семейнымъ отношеніямъ, онъ урѣзываетъ замѣчанія Моргана и опускаетъ то, что не соотвѣтствуетъ его воззрѣнію. Получается односторонность, тѣмъ болѣе печальная, что Энгельсъ нигдѣ не мотивируетъ своихъ операцій, не упоминаетъ даже о нихъ, такъ что читатель можетъ приписать его объясненія и выводы самому Моргану. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы обвинять Энгельса въ преднамѣренномъ искаженіи изслѣдованій Моргана, но таково уже положеніе человѣка, подходящаго къ научному труду съ предвзятой теоріей, что факты, соотвѣтствующіе его воззрѣнію, выростаютъ въ его глазахъ въ крупную величину, а всѣ прочіе совершенно стушевываются. Предвзятая теорія представляетъ много подводныхъ камней, которыхъ не замѣчаетъ самъ авторъ ея. Требуется много проницательности и научнаго безпристрастія, скажу даже—самообладанія, нужна очень сильная любовь къ истинѣ, чтобы смотрѣть одинаковыми глазами на то, что подтверждаетъ ваше воззрѣніе и что его опровергаетъ чтобы не придать слишкомъ мало значенія фактамъ, не согласующимся съ святою святыхъ вашего міросозерцанія. Почти вся лите-

*) Ursprung u. s. w. 106.
**) Urgesellschaft, 225.

ратурная дѣятельность Энгельса (за исключеніемъ «Положенія рабочаго класса въ Англіи») носитъ памфлетическій, полемическій характеръ, и въ «Происхожденіи семьи» ему уже трудно было отрѣшиться отъ усвоеннаго имъ за долгое время тона. Отъ человѣка, занимавшаго всегда боевое положеніе на литературной аренѣ, привыкшаго размахивать направо и налѣво мечомъ, нельзя было ожидать полной объективности въ такомъ вопросѣ, на который направлено больше всего стрѣлъ изъ непріятельскаго лагеря. Немало этому способствовала и принадлежность его къ соціалъ-демократической партіи, смотрящей на него, какъ на своего почетнаго главу.

Сообразно своей предвзятой теоріи Энгельсъ смотрѣлъ на семью, какъ на первичный факторъ въ исторіи, и считалъ поэтому свою задачу выполненной при одномъ констатированіи разныхъ стадій развитія семьи, не пытаясь вовсе обнаружить вліянія на нее другихъ факторовъ, не заботясь о постороннихъ элементахъ, которые содѣйствовали или вызывали переходъ одной фазы въ другую. Онъ такимъ образомъ оставилъ безъ вниманія цѣлую область изслѣдованій, отчего его книга еще болѣе теряетъ не только въ научномъ отношеніи, но и какъ популяризація. Отъ послѣдней требуется, чтобы она стояла на высотѣ уровня знаній въ данный моментъ, чтобы она дала читателю полное изложеніе вопроса въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится въ послѣднее время. Книга Энгельса не удовлетворяетъ этому требованію. Читатель не находитъ въ ней указанія на такія положенія, которыя принадлежатъ къ общепризнаннымъ фактамъ въ наукѣ. Даже тѣ ученые, которые относятся съ извѣстнымъ сочувствіемъ къ матеріалистической теоріи (напр. Липпертъ), признаютъ вліяніе, оказываемое, напр., религіознымъ культомъ на развитіе семьи, тогда какъ Энгельсъ не обмолвился объ этомъ ни словомъ. Приведу примѣръ. М. Ковалевскій въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Стокгольмѣ, ставитъ такой вопросъ: въ силу какимъ причинъ многоженство уступило свое мѣсто моногаміи, какимъ образомъ внутри полигамической семьи мало-по-малу возвысилась роль одной изъ женъ, какъ она сдѣлалась единственной хозяйкой дома, единственной подругой мужа, какъ она привела, наконецъ, другихъ женъ къ положенію простыхъ наложницъ? Указавъ далѣе на то, что почти всѣ религіозные кодексы древности проповѣдуютъ единоженство, онъ приходитъ къ заключенію, что отвѣтъ на поставленный вопросъ нужно искать въ (ѣрѣ религіозныхъ обрядностей, и это предположеніе вполнѣ под-] ерждается историческими и юридическими памятниками, дошед-] ими до насъ отъ патріархальной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, въ культѣ] редковъ женщина принимала видное участіе. Она приготовляла] иношенія, на ней же лежала обязанность поддерживать домаш-] (огонь,—обязанность, въ высшей степени отвѣтственная по по-] тіямъ того времени. Если огонь потухалъ, то культъ предковъ] ерывался, они оставались безъ пищи, и семья лишалась покро-

вительства. Естественно, что та изъ женъ, которая исполняла эту важную функцію, считалась выше другихъ. Обыкновенно это была самая старшая «жена юности», какъ выражается библія. Всякій новый бракъ не приводилъ, слѣд., ни къ какимъ измѣненіямъ въ культѣ, развѣ только первая жена принадлежала къ низшей кастѣ, чѣмъ одна изъ послѣдующихъ. Первая жена, такимъ образомъ, одна считалась равной мужу, потому что только она допускалась вмѣстѣ съ нимъ къ самымъ священнымъ функціямъ—культу предковъ. Это обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на ея судьбу. Она дѣлается главной женой, и союзъ между ней и мужемъ составляетъ семью въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ она понимается римскими юристами подъ названіемъ divini juris communicatio; такъ какъ это возвышало ее надъ другими женами, то она мало-по-малу становится госпожей дома. Германцы ее называютъ «Herrin», славяне—государыней. По мѣрѣ того, какъ первая жена пріобрѣтала власть, другія падали до уровня наложницъ, назначеніе которыхъ состояло въ услажденіи мужа въ часы досуга. Нерѣдко она сама рекомендовала мужу наложницъ, какъ, напр., Лея доставила Якову Сильфу. Съ теченіемъ времени, торжественный обрядъ бракосочетанія начинаетъ производиться только при вступленіи въ бракъ съ первой женой, и вмѣстѣ съ этимъ только ея дѣти считаются законными. «Такъ патріархальная семья, полигамическая въ началѣ, замѣняется моногамической, единственно соотвѣтствующей культу предковъ» *). М. Ковалевскій подтверждаетъ свои заключенія библіей, обычаями осетовъ, кельтовъ и ссылками на законодательства германцевъ и славянъ.

У Энгельса этотъ вопросъ даже не затронутъ. Онъ много мѣста удѣляетъ мечтаніямъ о формѣ семьи въ будущемъ, когда капиталистическій строй будетъ замѣненъ коллективизмомъ, и забываетъ, что мечтаніямъ не мѣсто въ научной работѣ, что читатель былъ бы ему благодарнѣе, еслибы вмѣсто этого онъ не выпустилъ изъ своей книги рядъ фактовъ, безъ которыхъ немыслимъ въ настоящее время трудъ о «происхожденіи семьи, частной собственности и государства»

Л. Закъ.

---

*) См. M. Kovalevsky. «Tableau des origines» etc.. Стр. 106—113.

Писаревъ.

Сочиненія **Д. И. Писарева.** Полное собраніе въ шести томахъ. Спб. 1894.

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Лермонтовъ.

Ну, братъ,—обратился князь Николай Андреичъ къ сыну, хлопая по плечу Пьера,—молодецъ твой пріятель, я его полюбилъ! Разжигаетъ меня. Другой и умныя рѣчи говоритъ, а слушать не хочется, а онъ и вретъ, да разжигаетъ меня, старика.

Л. Толстой (*«Война и миръ»*).

I.

Въ 1859 году, при выходѣ въ свѣтъ перваго тома сочиненій Бѣлинскаго, Добролюбовъ писалъ въ «Современникѣ:» «Давно мы ждали изданія сочиненій Бѣлинскаго и наконецъ дождались! Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности и искренно надѣялись встрѣтить когда нибудь такихъ людей и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святого восторга, тотъ вдохновенный трепетъ, тѣ чистыя, безкорыстныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно»...

Мы выражаемъ увѣренность, что эти слова Добролюбова найдутъ откликъ и теперь, при изданіи сочиненій Писарева, столь долго остававшихся подъ спудомъ.

Для факсимиле Писарева выбранъ слѣдующій его афоризмъ: «слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются». Мы выдвинемъ противоположный афоризмъ: факты гибнутъ, иллюзіи остаются. Мы не то только хотимъ сказать, что всякая иллюзія есть тоже фактъ и именно фактъ нашей внутренней жизни; мы говоримъ, что есть иллюзіи, которыя долговѣчнѣе и непоколебимѣе, нежели какіе бы то ни было историческіе факты и какія бы то ни было общественныя формы. Въ ряду этихъ иллюзій золотыя мечты юности о безкорыстномъ служеніи обществу, о самоотверженіи, о подвигахъ любви и т. п. занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Какъ разъ на глазахъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Писаревъ, гибли *факты*, которымъ, казалось, и вѣку не будетъ, факты въ родѣ крѣпостного права, и въ то же время расцвѣтали *иллюзіи*, повидимому, навсегда похороненныя. Природа человѣческая живуча и въ глубинѣ ея лежитъ неискоренимое стремленіе къ иллюзіямъ, которыя, оставляя даже въ сторонѣ ихъ содержаніе, всегда являются показателемъ недовольства человѣка тѣмъ или другимъ существующимъ фактомъ. Вся исторія человѣчества представляетъ собою рядъ послѣдовательныхъ смѣнъ или поочередной гибели конкретныхъ фактовъ, рядъ, черезъ который красной и непрерывной нитью проходитъ *иллюзія* всеобщаго благосостоянія. Замѣните въ формулѣ Писарева слово «иллюзія» (не сказки же Шехеразады онъ подразумѣвалъ подъ нимъ!) словомъ «идеалъ» и ея несостоятельность станетъ очевидной.

Между тѣмъ, эта формула была у Писарева не случайна. Она должна была представлять собою какъ бы резюме того «реализма», который съ такимъ пыломъ проповѣдывалъ Писаревъ. Что же значитъ это? Это значитъ—и это обстоятельство нужно установить теперь же, съ перваго шага—что «реализмъ» Писарева является нынѣ не болѣе какъ фактомъ прошедшаго; это значитъ, что вышедшія шесть довольно полновѣсныхъ томовъ сочиненій Писарева могутъ быть дороги намъ именно только по лучшимъ воспоминаніямъ нашей юности; это значитъ, наконецъ, что для Писарева наступила исторія, которая допускаетъ обсужденіе, но не вызываетъ на борьбу, не требуетъ полемики. *Наступила исторія*... Этимъ очень много сказано, очень много писателю воздано. Завоевать себѣ мѣсто въ исторіи литературы—это значитъ сыграть такую роль въ дѣлѣ общественнаго развитія, какою можетъ удовлетвориться самая строгая и щепетильная требовательность. А если мы напомнимъ приэтомъ читателю, что Писаревъ умеръ всего какихъ нибудь 27 лѣтъ отъ роду, то этого будетъ достаточно, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ блестящую даровитость этого замѣчательнаго писателя.

II.

Какъ всякое сложное и крупное историческое явленіе, такъ называемая эпоха шестидесятыхъ годовъ имѣла своихъ дѣятелей и

выразителей въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ умственной жизни нашего общества. Она имѣла практическихъ дѣятелей, какъ Ростовцевъ, Милютинъ, Унковскій и др., своихъ ученыхъ, какъ Сѣченовъ Овсянниковъ, своихъ философовъ, какъ Чернышевскій, Лавровъ, литературныхъ критиковъ, какъ Добролюбовъ, сатириковъ и обличителей, какъ Щедринъ-Салтыковъ, беллетристовъ и аналитиковъ, какъ Тургеневъ, поэтовъ, какъ Некрасовъ, историковъ, какъ Щаповъ и Костомаровъ, популяризаторовъ, какъ Шелгуновъ, Зайцевъ, Антоновичъ, даже своихъ художниковъ, какъ Ге, своихъ композиторовъ, какъ Даргомыжскій, и своего художественнаго критика въ лицѣ г. Стасова. Между этими дѣятелями столь различныхъ спеціальностей и столь неравныхъ силъ можно было бы безъ труда найти нѣкоторую идейную связь, которая именно и дѣлаетъ ихъ типическими представителями достопамятной эпохи. Они играли различныя роли и далеко не съ одинаковымъ блескомъ, но эти роли были изъ одной и той же пьесы. Въ этомъ грандіозномъ историческомъ спектаклѣ какое амплуа досталось на долю Писарева?

Въ формальномъ смыслѣ Писаревъ былъ литературнымъ критикомъ. Этимъ, однако, ровно ничего не сказано. По волѣ судебъ, предѣлы литературной критики у насъ такъ же широки и, пожалуй, неопредѣленны, какъ и предѣлы беллетристики, которая можетъ вмѣщать въ себѣ и психологію, и психіатрію, и соціологію, и философію. Критическія статьи Бѣлинскаго зачастую проникнуты философскимъ элементомъ; критическія статьи Добролюбова представляются иногда чисто соціологическими этюдами. А Писаревъ... Любимѣйшимъ поэтомъ Писарева былъ Гейне, у котораго мы возьмемъ вотъ какое стихотвореніе (переводъ Плещеева):

Возьми барабанъ—и не бойся,
Цѣлуй маркитанку звучнѣй!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей!
Сильнѣе стучи, и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства!
А самъ маршируй впереди!
Вотъ Гегель! Вотъ книжная мудрость!
Вотъ духъ философскихъ началъ!
Давно я постигъ эту тайну,
Давно барабанщикомъ сталъ!

Это не портретъ во весь ростъ, но это довольно точный контуръ литературной физіономіи Писарева. Да, онъ былъ и барабанщикомъ и застрѣльщикомъ, и партизаномъ нашего поступательнаго движенія] естидесятыхъ годовъ. Гейне адресовалъ свое стихотвореніе самому (бѣ или вообще поэту своего типа, но это не измѣняетъ дѣла: мы] товы назвать Писарева и поэтомъ, потому что не тотъ поэтъ, кто] шетъ риѳмованныя строчки, а тотъ, кто «сердца волнуетъ, му- ' ъ, какъ своенравный чародѣй». Этимъ искусствомъ Писаревъ ◄ адалъ въ высокой степени.

«Цѣлуй маркитанку звучнѣй!» Этотъ возгласъ жизнерадостнаго сенсуализма былъ однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ писаревской *поэзіи*. Писаревъ съ необыкновенною горячностью защищалъ своего любимаго литературнаго героя—Базарова во всѣхъ его любовныхъ авантюрахъ—и тогда, когда тотъ насильственно цѣловалъ чужую жену (Ѳеничку), и тогда, когда насильственно же заключалъ въ свои объятія губернскую львицу (Одинцову). «Нравится тебѣ женщина—старайся добиться толку»—это великолѣпное изреченіе Базарова пришлось Писареву очень по душѣ. Не довольствуясь дѣйствительными авантюрами Базарова, Писаревъ любилъ ставить его въ положеніе другихъ влюбленныхъ литературныхъ героевъ (напр. Молотова) и обсуждалъ—какъ поступилъ бы Базаровъ при такихъ обстоятельствахъ? Разумѣется, всегда оказывалось, что Базаровъ поступилъ бы превосходно. Въ тріединой формулѣ своего реализма—«любовь, знаніе и трудъ» Писаревъ, какъ видите, поставилъ «науку страсти нѣжной» на-ряду съ дѣйствительной наукой и даже впереди ея. Все это было бы чрезвычайно странно, если бы мы взглянули на «реализмъ» Писарева, какъ на нѣкоторую философскую систему или хотя бы только какъ на программу личнаго поведенія, но въ томъ и дѣло, что на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на лирическую поэму. Да здравствуетъ любовь, знаніе и трудъ!

Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ
Съ *знаньемъ*, съ любовью въ ладу!
Слава святому труду!

Въ этомъ рефренѣ Беранже мы только замѣнили слово «дружба» словомъ «знанье» и получили цѣликомъ писаревскую формулу. Въ довершеніе всего, подобно тому, какъ поэтъ Языковъ, по свидѣтельству Тургенева, воспѣвалъ вино, сидя въ кабинетѣ и кушая воду, Писаревъ воспѣвалъ любовь, сидя въ четырехъ стѣнахъ своей уединенной кельи. Его диѳирамбы любви были не болѣе, какъ выраженіемъ его общаго радостнаго настроенія, его взгляда на жизнь какъ на «разумное» наслажденіе, какъ на какое то непрерывное пиршество, которымъ люди не пользуются какъ слѣдуетъ только по своему невѣжеству и по своей умственной неразвитости. «Отлично жить на свѣтѣ!» ни съ того, ни съ сего восклицалъ Иртеньевъ, юный герой Льва Толстого, и этотъ, немножко телячій восторгъ очень понятенъ: силы такъ свѣжи, работа такъ спорится, впереди еще столько неиспытаннаго и заманчиваго, столько надеждъ, не омрачаемыхъ никакими сожалѣніями,—отлично жить на свѣтѣ! Это не убѣжденіе, а ощущеніе, подъ вліяніемъ котораго можно написать лирическое стихотвореніе, но нельзя теоретизировать, какъ это дѣлалъ Писаревъ.

Сильнѣе стучи и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
А самъ маршируй впереди!

Въ распоряженіи Писарева имѣлись всѣ средства, чтобы блестящимъ образомъ исполнить эту часть своего амплуа. Не въ томъ было дѣло, что онъ былъ талантливъ, уменъ, остроуменъ, хорошо образованъ и обладалъ замѣчательной діалектикой, а въ томъ, что онъ былъ преисполненъ энтузіазма ко всѣмъ проявленіямъ умственной жизни. Хорошимъ образчикомъ этого энтузіазма можетъ служить отзывъ Писарева въ «Реалистахъ», объ извѣстной книгѣ Брема «Иллюстрированная жизнь животныхъ». «Когда я пріобрѣлъ себѣ эту книгу, говорилъ Писаревъ, то я втеченіе нѣсколькихъ дней ни о чемъ не могъ думать, кромѣ Брема. Просто ошалѣлъ отъ радости. Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ слыслѣ этого слова. Невозможно представить себѣ, какое море живой мысли и свѣжаго чувства хлынетъ вмѣстѣ съ этой книгой въ умы всего читающаго человѣчества». Вы видите—человѣкъ просто захлебывается отъ восторга и этотъ восторгъ такъ хорошъ, его источникъ такъ чистъ, что у васъ не хватаетъ духу охладить его скептицизмомъ, если вы стары, и не хватитъ силъ устоять противъ него, не заразиться имъ, если вы молоды и отзывчивы. А это и значитъ—«тревогой спящихъ отъ сна пробудить». Какой тутъ сонъ, когда съ вами говоритъ человѣкъ, всѣ фибры котораго трепещутъ отъ волненія—почти всегда радостнаго—когда онъ съ воспламененнымъ лицомъ, съ сверкающими глазами, съ отчаянной жестикуляціей, что-то такое разсказываетъ вамъ прерывающимся голосомъ... Что случилось?! Вы еще не разобрали этого хорошенько, но вы уже взволнованы, вашу дремоту какъ рукой сняло и вы готовы спѣшить навстрѣчу грядущему «историческому событію». Черезъ немного времени вы узнаете, что это *историческое событіе* всего только книга ученаго нѣмецкаго натуралиста, книга хорошая, но ровно ничего особеннаго собою не представляющая, и готовы, пожалуй, попенять на своего черезчуръ ужъ пылкаго друга, но... дѣло сдѣлано. Черезъ мѣсяцъ этотъ другъ явится передъ вами съ новымъ «историческимъ событіемъ» того же калибра, съ какимъ нибудь новымъ фактомъ нашей или западно-европейской умственной жизни, опять и опять расшевелитъ васъ своимъ непритворнымъ волненіемъ, вы опять и опять готовы будете разсердиться на него, но навѣрно не разсердитесь. Какъ князь Болконскій (см. эпиграфъ) вы скажете: «я его полюбилъ. Разжигаетъ меня. Другой и умныя рѣчи говоритъ, а слушать не хочется, а онъ и вретъ, да разжигаетъ меня».

Другой и умныя рѣчи говоритъ, а слушать не хочется... Примѣ-
-я эти слова къ Писареву, мы вовсе не хотимъ сказать, что его
-чи были глупыя: глупыми рѣчами никого не разожжешь. Несом-
-нно, однако, что рѣчи Писарева очень часто бывали наивны и
-ивность ихъ заключалась именно въ несоотвѣтствіи между значе-
-мъ предмета, о которомъ шелъ разговоръ, и тѣмъ страстнымъ
-ушевленіемъ, съ какимъ Писаревъ обсуждалъ этотъ предметъ.
-чантливый и горячій человѣкъ съумѣетъ по поводу какого ни-

будь выѣденнаго яйца написать нѣсколько страницъ, преисполненныхъ ума и огня, но эти страницы непремѣнно будутъ наивны, потому что изъ пушекъ по воробьямъ не стрѣляютъ и бисера передъ свиньями не мечутъ. Вспомните, напр., статьи Писарева: «Сердитое безсиліе» и «Кукольная трагедія». Позволимъ себѣ одно сравненіе, которое, надѣемся, не оскорбитъ людей, чтущихъ память Писарева. Въ разсказѣ Глѣба Успенскаго «Раззоренье» главную роль играетъ заводскій рабочій Михайла Ивановичъ, который «имѣетъ большое роптаніе» и выгнанъ съ завода «за непокорство». Этотъ Михайла Ивановичъ (пользующійся полной симпатіей автора) днемъ и ночью, на площади, въ кабакѣ, въ вагонѣ, съ кѣмъ, гдѣ и когда угодно готовъ разсуждать о «прижимкѣ» и о томъ, что «пора простому человѣку дыханіе дать». Онъ преисполненъ протестантскаго пыла, который стремится выразиться независимо отъ какихъ бы то ни было побочныхъ соображеній. «Часто случается, говоритъ Успенскій, что, во время этихъ разсужденій Михаила Иваныча, слушатель успѣетъ заснуть, или уйти, но можно сказать навѣрное, что въ пылу гнѣва на прошлыя времена Михаилъ Иванычъ рѣшительно не замѣчаетъ этого; слушателемъ его можетъ быть курчавый затылокъ спящаго цѣловальника, ползущій по стойкѣ тараканъ— все равно. Теперь уже нужно имѣть только точку опоры для взора; ни вопросовъ, ни отвѣтовъ не требуется; все, что накопилось въ его груди, вырвалось наружу и хлынуло рѣкой». Это не фанатизмъ, а именно энтузіазмъ. Фанатикъ идеи нуждается не въ томъ, чтобы высказаться, а въ томъ, чтобы доставить торжество своей идеѣ и для этого онъ долженъ быть разсчетливъ, сдержанъ и остороженъ. Энтузіастъ, какъ Бэда-проповѣдникъ, готовъ проповѣдывать хотя камнямъ, лишь бы проповѣдывать, лишь бы дать исходъ «всему, что накопилось въ груди». Это самое мы видимъ и въ Писаревѣ. «Вѣдь это что такое? разсуждаютъ о Михайлѣ Ивановичѣ купцы. Вѣдь это не человѣкъ, а пуля!» Писаревъ былъ въ литературѣ своего рода *пулей* или, возвращаясь къ первому, болѣе точному сравненію нашему, храбрымъ гейневскимъ барабанщикомъ, который не только другихъ воодушевляетъ на битву, но и самъ сражается лучше всякаго солдата.

А самъ маршируй впереди!

На счетъ этого, т. е. на счетъ обязанности *маршируй впереди*, Писаревъ былъ исправенъ даже гораздо болѣе, чѣмъ было нужно, иногда даже прямо-таки во вредъ дѣлу. Онъ безъ всякой надобности забѣгалъ далеко впередъ, увлекаемый единственно пылкостью своего темперамента. «Если бы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глаза на глазъ, съ полной откровенностью то они разошлись бы между собою на очень многихъ пунктахъ. А если бы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, т мы не сошлись бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ», такъ писалъ Писаревъ въ статьѣ «Реалисты». Какая прыткость, подумаешь

Это значило просто на-просто давать противъ себя оружіе своимъ противникамъ, напрашиваться на насмѣшку, которая и не заставила себя ждать. Въ романѣ «Преступленіе и наказаніе» Достоевскій заставляетъ глупаго прогрессиста Лебезятникова высказаться такимъ образомъ: «Мы пошли дальше въ своихъ убѣжденіяхъ! Мы больше отрицаемъ! Если бы всталъ изъ гроба Добролюбовъ, я бы съ нимъ поспорилъ. А ужъ Бѣлинскаго закаталъ бы!» Пародія ядовита, потому что справедлива. Добролюбовъ умеръ въ концѣ 61-го года, а Писаревъ писалъ свою статью въ концѣ 64-го. Въ этотъ трехлѣтній промежутокъ въ отечествѣ нашемъ произошли довольно крупныя историческія событія, но совсѣмъ не такого свойства, чтобы произвести расколъ между мыслящими людьми того времени. Теперь, съ высоты истекшаго тридцатилѣтія, мы ясно видимъ, что «возъ и нынѣ тамъ», до такой степени *тамъ*, что если бы современный передовой человѣкъ переговорилъ глазъ на глазъ съ Бѣлинскимъ, умершимъ въ 1848 году, они сошлись бы на очень многихъ пунктахъ, а на самыхъ существенныхъ—на всѣхъ рѣшительно. Ясно, что слова Писарева были не болѣе какъ фраза, самоувѣренная фраза молодого таланта, которому, по неопытности, и чортъ не братъ и море по колѣно. Парадоксы Писарева, къ которымъ онъ вообще питалъ несчастную слабость, были не безъэффектны, но легкомысленны и ненужны. Въ данномъ случаѣ объ этой ненужности засвидѣтельствовалъ самъ Писаревъ, всего черезъ какихъ нибудь полгода послѣ «Реалистовъ» заявивши («Пушкинъ и Бѣлинскій») слѣдующее: «критика Добролюбова и теперешняя критика «Русскаго Слова» по своему основному принципу совершенно соотвѣтствуютъ стремленіямъ Бѣлинскаго. Критика Бѣлинскаго, критика Добролюбова и критика «Русскаго Слова» оказываются развитіемъ одной и той же идеи». Большей солидарности, разумѣется, нельзя и требовать.

Писаревъ, скажемъ мы извѣстнымъ выраженіемъ Лермонтова, былъ «весь въ будущемъ». Вся его дѣятельность была въ сущности только подготовкою къ настоящей дѣятельности, огромною «пробою пера». Точно романтическій поэтъ 30-хъ годовъ, хорошо освѣдомленный о томъ, что дѣлается на Олимпѣ и ничего не знавшій о дѣйствительной жизни, Писаревъ, по собственному признанію, *становился въ тупикъ* передъ очень элементарными нравственными вопросами и явленіями. «Презрѣніе или благоговѣніе» должны мы чувствовать, напр., къ извѣстной Сонечкѣ Мармеладовой Достоевск ю? Этотъ глубокомысленный вопросъ, достойный резонирующаго ги назиста, совсѣмъ было подавилъ Писарева: «противуположныя во рѣнія и доказательства сталкиваются между собою; мысли пута ся и мѣшаются въ моей головѣ; я теряю способность оріентиро аться и анализировать; начинается тревожное и мучительное ис ніе какой нибудь твердой точки и какого нибудь возможнаго выода изъ заколдованнаго круга». И это Писаревъ говорилъ въ

одной изъ *послѣднихъ* своихъ статей («Борьба за жизнь»), стало быть въ пору наибольшей умственной своей зрѣлости! Презрѣніе или благоговѣніе должны мы чувствовать къ ушибленному человѣку? Рѣшая этотъ головоломный вопросъ, Писаревъ пришелъ къ какимъ то таинственнымъ, особеннымъ выводамъ, о которыхъ даже сказать нельзя: «кончается ли это исканіе какимъ нибудь положительнымъ результатомъ, нахожу ли я точку опоры и удастся ли мнѣ замѣтить выходъ—объ этомъ я не скажу моимъ читателямъ ни одного слова».

Зачѣмъ же такъ секретно? Это намъ, впрочемъ, все равно. Важно здѣсь то, что такую осторожность и нерѣшительность мысли обнаружилъ здѣсь тотъ самый писатель, который до тѣхъ поръ грѣшилъ противоположнымъ недостаткомъ, любилъ не развязывать, а разрубать всяческіе теоретическіе узлы. Дѣло въ томъ, что, какъ ни кратковременна была литературная дѣятельность Писарева (7—8 лѣтъ), она далеко не отличается единствомъ идеи и характера. *До* катастрофы, постигшей Писарева въ половинѣ 62 года (см. біографію), *въ теченіи* катастрофы (т. е. съ іюля 1862 по ноябрь 1866 года) и *послѣ* катастрофы (т. е. до смерти, послѣдовавшей въ іюлѣ 1868 года), мы видимъ Писарева въ очень различныхъ настроеніяхъ, которымъ соотвѣтствовали очень различныя системы воззрѣній. Въ первомъ фазисѣ (1859 — 1862) Писаревъ является даровитымъ, вдумчивымъ, самостоятельно-мыслящимъ, но нисколько не эксцентричнымъ писателемъ. Статьи Писарева, относящіяся къ этому времени, какъ, напр., «Стоячая вода», «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ», «Женскіе типы»—очень хорошія, очень *разсудительныя* критическія статьи, въ которыхъ юный авторъ степенно и проницательно анализируетъ произведенія корифеевъ тогдашней беллетристики. Статьи написаны одушевленно, но совсѣмъ не страстно. Во второмъ фазисѣ, очутившись въ самомъ ненарушимомъ уединеніи, Писаревъ какъ бы явилъ собою живое подтвержденіе извѣстнаго изреченія на счетъ того, что характеръ вырабатывается на людяхъ, среди общества, а талантъ созрѣваетъ въ тиши кабинета. Къ этому періоду времени относятся его бурнопламенныя, наиболѣе нашумѣвшія статьи, какъ «Реалисты», «Мотивы русской драмы», «Цвѣты невиннаго юмора», «Пушкинъ и Бѣлинскій», «Промахи незрѣлой мысли» и т. п. Въ этихъ статьяхъ все на иной ладъ, начиная съ манеры изложенія до самаго содержанія. Писательскія манеры Писарева становятся здѣсь очень развязными, даже черезчуръ, до какого то амикошонскаго братанья съ читателемъ а что касается идей, то достаточно сказать, что именно въ это время Писаревымъ была провозглашена, напр., та *идея*, что «родительская палка лучше родительской ласки» («Мотивы русской драмы»). Какъ только подвертывался парадоксъ почуднѣе, покурьезнѣе, эксцентричнѣе, такъ Писаревъ немедленно бралъ его подъ свою защиту и готовъ былъ ломать за него копья, напрягая всѣ силы ея

несравненной діалектики. Именно Писаревъ этого періода и остался въ памяти читателей, какъ читателей-враговъ, такъ и читателей-друзей: враги запомнили его парадоксы, увлеченія и ошибки, друзья—его кристальную искренность, его пророческій экстазъ, его постоянную боевую готовность. Статьи третьяго и послѣдняго фазиса отличаются опять совсѣмъ инымъ характеромъ: «Образованная толпа», «Борьба за жизнь», «Старое барство» написаны до послѣдней степени сухо и даже вяло, а по содержанію онѣ представляютъ собою въ однѣхъ своихъ частяхъ нѣчто очень банальное и казенное, а въ другихъ свидѣтельствуютъ о какой-то борьбѣ, происходившей въ понятіяхъ автора. Очевидно, все то, что казалось такъ просто и легко въ четырехъ стѣнахъ уединенной кельи, представилось и труднымъ, и сложнымъ на широкой аренѣ дѣйствительной жизни, въ столкновеніяхъ съ живыми людьми. Благодатная, богатѣйшая натура Писарева, конечно, справилась бы еще разъ съ нахлынувшими сомнѣніями и вопросами... Да, повторяемъ, дѣятельность Писарева, была только эффектной и увлекательной увертюрой къ оперѣ, оставшейся ненаписанной.

Обращаясь затѣмъ къ идеямъ Писарева, мы остановимся лишь на его взглядахъ на нашъ народъ, на искусство и науку и, наконецъ, на вопросы личной и общественной нравственности. Для цѣлей простой характеристики этого болѣе чѣмъ достаточно.

III

Относительно народа и его потребностей выслушаемъ прежде всего того скромнаго двадцатилѣтняго юношу, который писалъ безпритязательныя библіографическія статейки въ журналахъ «Разсвѣтъ» и «Русское Слово». Услышимъ мы вотъ что:

«Наконецъ общество начинаетъ сознавать, что на немъ лежитъ обязанность—дѣлиться съ народомъ знаніемъ и идеями. Необходимость народнаго образованія вошла въ общественное сознаніе, но между теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса лежитъ цѣлая бѣздна. Давно ли въ нашихъ журналахъ разсуждали и спорили о томъ, нужна ли и полезна ли для народа грамотность? Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно, но самая возможность подобнаго спора, самая необходимость доказывать аксіому служитъ осязательнымъ примѣромъ того, какъ ново и непривычно для насъ дѣло народнаго образованія. Исторія разлучила насъ съ народомъ гораздо ранѣе Петра. Разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность непосредственнаго пониманія. Намъ достаточно было бы развернуть передъ народомъ наше міросозерцаніе во всей его полнотѣ, чтобы внушить ему недовѣріе и боязнь. Есть такія народныя вѣрованія и предразсудки, которыя невозможно затрогивать грубо и неосторожно; ихъ надо разрушать исподволь, надо вести народное развитіе, не касаясь ихъ прямо и предоставляя ихъ устраненіе времени и здравому смыслу. Стало быть, надо дѣйствовать педагогически, т. е. принаравливать свое изложеніе къ понятіямъ слушателя и не сходить съ его точки зрѣнія. Но для педагогической дѣятельности необходимо, чтобы, во-первыхъ, воспитатель зналъ своего воспитанника вдоль и поперекъ и чтобы,

во-вторыхъ, между воспитателемъ и воспитанникомъ существовало полное довѣріе. Въ послѣднемъ случаѣ намъ представляется величайшее затрудненіе. Мы можемъ возвратить довѣріе народа только тогда, когда станемъ къ нему снисходительными братьями. Доселѣ мы искали только однихъ правъ и расширенія произвола въ отношеніи массы, но не хотѣли знать, что кромѣ правъ есть и обязанности съ нашей стороны».

Превосходно! Вотъ твердый голосъ обдуманнаго убѣжденія, вотъ спокойный анализъ трудной задачи и вотъ прекрасное выраженіе того благороднаго чувства, которое напоминаетъ намъ, что по отношенію къ народу, «кромѣ правъ, есть и обязанности съ нашей стороны». Возвращаясь, около того же времени, въ другой статьѣ, къ вопросу объ изученіи народа и о сближеніи съ нимъ, Писаревъ выражался не менѣе рѣшительно: «идеѣ этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ словахъ не видѣть великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи». Черезъ нѣсколько страницъ, впрочемъ, *великая задача времени* превращается какимъ то діалектическимъ фокусомъ въ *безплодную мечту*: «наши журналисты мечтаютъ о гражданской жизни и о сближеніи съ народомъ и эти безплодныя мечты отвлекаютъ ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ живого общенія съ той сферой читателей, которая ждетъ отъ нихъ притока знаній и идей». Эта неожиданная оговорка внушаетъ безпокойство. Критикъ, очевидно, начинаетъ отступать съ своей первоначальной позиціи и отступать безъ уважительныхъ причинъ. Неужели *гражданская жизнь* съ ея безчисленными вопросами выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія журналистики? И неужели *живое общеніе* журналистовъ съ читателями, которые ждутъ и пр., не можетъ происходить на почвѣ именно изученія народа, его нуждъ, быта, міросозерцанія? Странно... Подождите удивляться, читатель: это еще только цвѣточки 61-го года, а ягодки поспѣютъ не ранѣе начала 64-го года. Въ февралѣ этого года, въ статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора», въ которой въ пухъ и прахъ разносится Салтыковъ, мы находимъ, напр., такіе «фрукты уединеннаго размышленія»: «изданіе книгъ по естествознанію и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ». Гм! Почему-жъ бы это? А потому, что естествознаніе есть не естествознаніе, а волшебный талисманъ, который превращаетъ дураковъ въ умнѣйшихъ, а подлецовъ въ честнѣйшихъ людей. Когда, благодаря талисману, общество поголовно будетъ состоять изъ «мыслящихъ реалистовъ», тогда и народу будетъ хорошо. «Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, так и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они по-

мутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ вымаливать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты, во-первыхъ, будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ, будутъ находить наслажденіе въ полезной работѣ». Все это будетъ, *если* и т. д. и будетъ *тогда, когда* обезпеченные классы «выучатся мыслить», «поймутъ» и «будутъ находить наслажденье». Ну, а *если* не поймутъ и не выучатся? И во всякомъ случаѣ что дѣлать народу до тѣхъ поръ, пока его господа соблаговолятъ выучиться и понять? Отвѣтъ одинъ: подожди и потерпи, любезный. Тысячу лѣтъ терпѣлъ, можешь и еще сколько нибудь потерпѣть.

Ну, какъ вамъ это нравится, читатель? Я очень хорошо понимаю, что опровергать заднимъ числомъ мысли, въ дребезги разбитыя самою жизнью, слишкомъ легко. Но вѣдь я и не опровергаю, не спорю, не полемизирую: развѣ такъ полемизируютъ? Я только, на основаніи подлинныхъ документовъ, характеризирую и слегка ретуширую и комментирую. Продолжимъ это занятіе наше и дальше. Въ статьѣ «Мотивы русской драмы» надъ головами народолюбцевъ разражается настоящая гроза. *Великая задача времени*, превратившаяся было въ безобидную *безплодную мечту*, является уже теперь доказательствомъ дерзости и глупости людей, озабоченныхъ просвѣщеніемъ народа. Вотъ подлинныя слова Писарева:

«Дерзость наша равняется только нашей глупости, и только глупостью нашей можетъ быть объяснена и оправдана. Мы — просвѣтители народа?!.. Что это—невинная шутка или ядовитая насмѣшка? Да сами то мы что такое? Неправда ли, какъ мы много знаемъ, какъ мы основательно мыслимъ, какъ превосходно мы наслаждаемся жизнью, какъ умно мы установили наши отношенія къ женщинѣ, какъ глубоко мы поняли необходимость работать на пользу общую? Да можно ли перечислить всѣ наши достоинства? Вѣдь мы такъ безподобны, что, когда намъ покажутъ издали, въ романѣ, поступки и размышленія умнаго и развитого человѣка, тогда мы сейчасъ въ ужасъ придемъ и глаза зажмуримъ, потому что примемъ неискаженный человѣческій образъ за чудовищное явленіе. Вѣдь мы такъ человѣколюбивы, что великодушно забывая свою собственную неумытость, лѣземъ непремѣнно умывать нашими грязными руками младшихъ братьевъ, о которыхъ болитъ наша нѣжная душа и которые, само собою разумѣется, выпачканы также до помраченія человѣческаго образа. И усердно мажемъ мы грязными руками по грязнымъ лицамъ, и велики наши труды, и пламенна наша любовь, о-первыхъ, къ чумазымъ братьямъ, а во-вторыхъ — къ ихъ пятакамъ и ривнамъ, и человѣколюбивые подвиги темныхъ просвѣтителей могутъ съ величайшимъ удобствомъ продолжаться вплоть до второго пришествія, не анося ни малѣйшаго ущерба тому надежному слою грязи, который съ полнымъ безпристрастіемъ украшаетъ какъ хлопотливыя руки учителей, такъ неподвижныя лица учениковъ. Глядя на чудеса нашего народолюбія, поволѣ прибѣгнешь къ языку боговъ и произнесешь стихъ Полонскаго:

Тебѣ ли съ рыломъ
Суконнымъ да въ гостиный рядъ.

Лучшіе наши писатели очень хорошо чувствуютъ, что было у насъ дѣйствительно суконное и что въ гостиный рядъ намъ покуда ходить не зачѣмъ. Они понимаютъ, что имъ самимъ слѣдуетъ учиться и развиваться и что вмѣстѣ съ ними должно учиться то русское общество, которое для красоты слога называетъ себя образованнымъ. Они видятъ очень ясно двѣ вещи: первое—то, что наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно безсильно и слѣдовательно неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія ни въ дурную, ни въ хорошую сторону, а второе—то, что если бы даже, по какому-нибудь необъяснимому стеченію случайностей, теперешнему обществу удалось переработать народъ по своему образу и подобію, то это было бы для народа истиннымъ несчастіемъ».

Въ главной своей сущности это только перифразъ того, что Писаревъ говорилъ выше: когда мы, интеллигенція, будемъ «много знать», «основательно мыслить» и «превосходно наслаждаться», тогда можно будетъ подумать и о народѣ. Это мы уже слышали. Но нѣкоторыя подробности и варіаціи здѣсь новы и ихъ необходимо подчеркнуть.

Прежде всего въ глаза бросается совершенно фантастическое представленіе Писарева о просвѣтительной миссіи интеллигенціи. Дѣло стояло очень просто: вмѣсто «темныхъ просвѣтителей» народа, заботившихся больше всего о «пятакахъ и гривнахъ», нужно было привлечь людей идеи, искренно преданныхъ народу. Вся задача ихъ состояла бы въ томъ, чтобы передать народу элементарныя научныя свѣдѣнія, хотя бы, на первыхъ порахъ, даже въ видѣ простой грамотности. Для исполненія этой простой задачи не требовалось никакихъ особенныхъ нравственныхъ доблестей. Для того, чтобы выучить неграмотнаго человѣка читать, писать и считать, совсѣмъ не нужно было предварительно «умно установить отношенія къ женщинѣ» и выучиться «основательно мыслить», а требовалось только живое, не формальное, любовное отношеніе къ своему дѣлу. Равнымъ образомъ, для того, чтобы написать популярную книжку, принаровленную къ требованіямъ и понятіямъ народа, совсѣмъ не обязательно обладать широкимъ научнымъ образованіемъ, а нужно только знать предметъ, о которомъ взялся бесѣдовать, и въ достаточной мѣрѣ владѣть формою изложенія. Если филологъ Писаревъ нашелъ возможнымъ (и вполнѣ справедливо) взяться за разъясненіе образованному обществу законовъ прогресса въ мірѣ животныхъ и растеній, то почему же любой образованный и доброжелательный человѣкъ не можетъ взять на себя роль популяризатора въ средѣ темнаго народа? Читатели популярныхъ статей Писарева по естествознанію вѣдь и говорили, что такъ какъ авторъ не получилъ спеціальнаго естественно-научнаго образованія, то его дерзость равняется только его глупости и только глупостью можетъ быть объяснена и оправдана; они и освѣдомлялись — достаточно ли разумны его отношенія къ женщинамъ и умѣетъ ли онъ «наслаждаться жизнью». Они читали талантливыя статьи популяризатора-неспеціалиста, пріобрѣтали новыя свѣдѣнія, расширяли свои понятія и все обстояло благополучно. Почем

же мы должны отталкивать народъ отъ безгрѣшной чаши чистаго знанія? Я говорю—*отталкивать*, потому что не только во времена Писарева, т. е. 30 лѣтъ назадъ, но и гораздо раньше народъ нашъ усиленно стремился къ этой чашѣ. Это обстоятельство придаетъ теоріи Писарева оттѣнокъ такой жестокости, которая была бы возмутительна, если бы только сама теорія не была такъ наивна.

«Наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно безсильно и неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія ни въ дурную, ни въ хорошую сторону». Ахъ, скажите, какія нѣжности при нашей бѣдности! Народъ грамоты, *грамоты* не знаетъ, толкуетъ о какой то упавшей съ неба кобылѣ, въ версту длиной, объ антихристѣ, объ «англичанкѣ», требующей къ себѣ нашихъ дѣвокъ, о вольныхъ земляхъ и водахъ и пр., а мы, видите ли, недостаточно образованы, чтобы противопоставить этому невообразимому сумбуру положительные факты и здоровыя понятія! Со стороны научныхъ свѣдѣній между гимназистомъ четвертаго класса и Гельмгольцемъ разстояніе меньше, нежели между этимъ гимназистомъ и человѣкомъ, не знающимъ азбуки. Гельмгольцъ можетъ ли сообщить гимназисту что нибудь новое хотя бы, напр., изъ области физики? Надо такъ думать. Почему же человѣкъ съ гимназическимъ образованіемъ не можетъ быть ровно ничѣмъ полезенъ для безграмотнаго мужика? Или уровень образованія нашего общества стоитъ ниже требованій даже средней школы? Въ такомъ случаѣ для кого же и для чего писалъ Писаревъ?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Писаревъ по тому же вопросу высказался еще рѣшительнѣе въ статьѣ «Реалисты». «Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ. Распространеніе грамотности, конечно, ничему не мѣшаетъ, но жаль, если на этотъ трудъ употребляются такія силы, которыя могли бы дѣйствовать въ высшихъ сферахъ мысли и въ болѣе обширномъ кругу. Филантропическими вспышками увлекаться не слѣдуетъ. Надо дѣлать то, что цѣлесообразно, а не то, что красиво, трогательно и похвально съ точки зрѣнія сердечной мягкости». Предчувствуя, какъ будетъ принято такое откровеніе, Писаревъ тутъ же удостовѣряетъ, что онъ «долго и упорно размышлялъ объ этомъ предметѣ». Плоды этого долгаго и упорнаго размышленія можно расположить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1) народъ—братъ нашъ, къ которому мы должны быть снисходительны и по отношенію къ которому мы имѣемъ обязанности, главнымъ образомъ обязанность дѣлиться съ нимъ знаніями; 2) сближеніе съ народомъ—бесплодная мечта; 3) мечта о сближеніи съ народомъ доказываетъ нашу глупость и нашу дерзость; 4) распространеніе въ народѣ грамотности—дѣло филантропическаго увлеченія, красиваго, но не цѣлесообразнаго. Неправда ли, это что то очень знакомое? Еще бы! У Глѣба Успенскаго имѣется цѣлая коллекція портретовъ благородныхъ господъ, которые, преисполнившись писаревской «снисхо-

дительности» къ народу, отправлялись въ деревню съ цѣлью дѣлиться знаніями, сблизиться, слиться съ народомъ и черезъ нѣсколько лѣтъ опрометью возвращались въ городъ, вопія: «съ вами не сольешься, а только сопьешься!» Какъ человѣкъ очень даровитый, Писаревъ продѣлалъ эту трагикомедію чисто теоретически, безъ пособія практическаго опыта.

IV.

Развитіе—если только можно употребить здѣсь это слово—воззрѣній Писарева на науку и на искусство совершалось тѣмъ же путемъ, проходило тѣ же стадіи: отъ истины черезъ парадоксъ къ абсурду. Значеніе и современное положеніе естествознанія, сдѣлавшагося впослѣдствіи для Писарева чистѣйшимъ фетишемъ, очень правильно и трезво опредѣлялись молодымъ критикомъ въ его первыхъ статьяхъ. Въ статьѣ о физіологическихъ очеркахъ Молешота Писаревъ говорилъ: «Что можно разсмотрѣть микроскопомъ и разложить химическимъ анализомъ, то разсматривается и разлагается; что недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльныхъ фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ. Камень за камнемъ сносится на то мѣсто, гдѣ надо выстроить домъ; наблюденія и опыты не противорѣчатъ другъ другу, но часто лежатъ особнякомъ, не обнаруживая между собой видимой связи и необходимаго соотношенія. Неизвѣстнаго еще такъ много, что даже не обозначены общія линіи того зданія, которое выстроится современемъ и въ которое войдутъ, какъ строительные матерьялы, всѣ песчинки, добытыя правильнымъ трудомъ человѣческой мысли. Ничто не построено, но многое собрано и, главное, многое разрушено. Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, оно невольно старалось себѣ объяснить, что такое человѣкъ, міръ, природа и ея законы; любознательности было много, а знаній мало; поневолѣ приходилось добавлять фантазіей». Далѣе говорится объ «узколобомъ мистицизмѣ», которымъ часто бываютъ заражены «натуралисты, историки и поэты», и противъ котораго борятся «мыслители», т. е. выражаясь проще и яснѣе—научные матерьялисты.

Съ фактической стороны—характеристика не дурна; съ логической стороны она вызываетъ нѣсколько замѣчаній, которыя, впрочемъ, Писаревъ могъ бы принять безъ ущерба для своей основной мысли. Если свои небольшія свѣдѣнія о человѣкѣ, о мірѣ, о природѣ люди добавляли своей фантазіей *поневолѣ*, то за что же бранить ихъ узколобыми мистиками? А *неволя* дѣйствительно была и не только была, но и есть, и не только есть, но и будетъ до тѣхъ поръ, пока наука не построитъ того зданія, котораго пока «еще не обозначены общія линіи». Между тѣмъ «проклятые вопросы» не ждутъ. Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?

«Легче глупымъ людямъ спрашивать, нежели умнымъ отвѣчать»— правда. А я всетаки спрашиваю, потому что не могу не спрашивать,—кто я, гдѣ я, зачѣмъ я, почему я, и вы поостерегитесь называть меня за эти вопросы узколобымъ мистикомъ, иначе я укажу вамъ на широколобую корову, которая знать не знаетъ подобныхъ вопросовъ и для которой все ясно и просто. Кто она? Корова. Гдѣ она? Въ хлѣвѣ. Зачѣмъ она? Чтобы молоко давать. Но мыслящій человѣкъ чувствуетъ себя окруженнымъ великой тайной, и эта тайна представляется ему тѣмъ непроницаемѣе, чѣмъ онъ больше старается проникнуть въ нее. Мы очень опасаемся, что когда величественное зданіе науки, показываемое намъ Писаревымъ въ далекой перспективѣ, будетъ закончено, на фронтонѣ его напишутся великія, старыя слова: «я знаю только то, что ничего не знаю». «Умомъ громамъ повелѣвать и тѣломъ въ прахѣ истлѣвать»—этимъ противорѣчіемъ человѣкъ не можетъ не мучиться и если это вамъ смѣшно, то намъ за васъ стыдно.

Впрочемъ Писаревъ (т. е. Писаревъ этого, ранняго періода) готовъ на уступки, которыя идутъ даже такъ далеко, что мы, изъ любви къ истинѣ, и принять ихъ не можемъ. Въ статьѣ «Процессъ жизни», написанной около того же времени, Писаревъ говоритъ: «Цѣль естественныхъ наукъ—никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что мы называемъ жизнью». Конечно, эта фраза не отличается ясностью: въ первой ея половинѣ говорится объ *удобствахъ жизни*, которыя, во второй половинѣ, превращаются уже во *все то, что мы называемъ жизнью*. Въ составъ того, что мы называемъ жизнью, входитъ и наша умственная дѣятельность, въ результатѣ которой является именно извѣстное *міросозерцаніе*, такъ что если естественныя науки служатъ жизни вообще, то служатъ онѣ и просвѣтлѣнію нашего міросозерцанія. И это совершенно правильно: *удобствамъ жизни* служатъ науки прикладныя, но абстрактная наука вліяетъ на весь строй нашихъ понятій не только своими методами, но и своими открытіями. Если напр. способный къ мышленію человѣкъ только сегодня узналъ и убѣдился въ томъ, что земля наша не центръ, а не болѣе какъ одна изъ безчисленныхъ частицъ мірозданія—неужели этотъ научный фактъ не повліяетъ самымъ могущественнымъ образомъ на его міросозерцаніе?

Но уже близко время парадоксовъ. Въ статьѣ Писарева «Схо-
л стика» мы читаемъ: «когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь
в діалектическихъ доказательствахъ его существованія: *очевидность*
е *ть лучшее ручательство дѣйствительности*. Когда мнѣ говорятъ
о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидать или
о щупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не
с ществуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ*
д *ствительность существованія*» (курсивъ Писарева). Это очень

хорошо звучитъ въ сопоставленіи съ уже цитированными нами словами Писарева: «что недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльныхъ фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ». Не худо затѣмъ припомнить и извѣстное возраженіе Рудина Пигасову, какъ разъ по вопросу о достовѣрности чувственныхъ свидѣтельствъ: развѣ не *очевидно*, что солнце вокругъ земли, а не земля вокругъ солнца обращается? Развѣ не очевидно, что земля наша не шаръ, а плоскость? Развѣ не очевидно, что луна гораздо больше Сиріуса? Всѣ эти и подобныя имъ явленія мы буквально *очами видимъ*, изъ чего однако не слѣдуетъ, что они реальны. Значитъ, очевидность совсѣмъ не непогрѣшимый критерій. Но главная сущность дѣла лежитъ не здѣсь. Въ словахъ Писарева заключается нѣкоторая стрѣла, направленная по совершенно ясному адресу. Sapienti sat. Стрѣлу эту однако легко направить и противъ самого Писарева. «Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидать или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ». Ну, такъ я говорю, что Писаревъ для меня не существуетъ: я его никогда не видалъ, никогда не могу увидать или ощупать чувствами, а свидѣтельства постороннихъ людей для меня необязательны. Но шесть томовъ «Сочиненій Д. И. Писарева»? А, шесть томовъ! Да, для меня, *умѣющаго прочесть* эти шесть томовъ, это конечно вѣскій доводъ: я не ощупывалъ Писарева, но я знаю Писарева. Слѣдовательно, что же? А все тоже: Sapienti sat. Вещи познаются не только черезъ ощупываніе ихъ. Отрицаніе Писарева вполнѣ произвольно и ненаучно.

Переходя теперь къ «блестящему» періоду дѣятельности Писарева и именно къ 1864 году, мы сразу же погружаемся по вопросу о наукѣ въ цѣлую пучину абсурдовъ. Абсурды эти изложены большею частью съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и даже пафосомъ, который и играетъ роль отсутствующихъ доводовъ. Читатель не убѣждается, а увлекается авторомъ. Писаревъ самъ такъ глубоко убѣжденъ во всемогуществѣ естествознанія, что каждый разъ, какъ только заходитъ объ этомъ рѣчь, его голосъ начинаетъ вибрировать, красивыя слова льются бурнымъ каскадомъ, и устрашенный читатель сдается на капитуляцію, не подозрѣвая, что осада его была ведена при совершенномъ отсутствіи пороха у автора. Приведемъ въ одной цитатѣ два образчика писаревской тактики, взятые изъ двухъ различныхъ статей.

«Наука въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова получаетъ наконецъ свое полное право гражданства; она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной его жизни; она входитъ въ общество и семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства;

она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины, тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ и у которыхъ полнѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. *Я* исчезаетъ, потому что для этого *я* жить и любить есть одно и тоже, а если оно живетъ и любитъ, то оно стало быть живетъ милліонами жизней, живетъ въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлью той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчитъ страданія всемірныя. И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая передъ человѣкомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма и историческую жизнь человѣческихъ обществъ» (Цв. нев. юмора).

«Очень многіе читающіе и даже пишущіе люди серьезно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что можно сдѣлаться превосходнымъ человѣкомъ и чрезвычайно полезнымъ гражданиномъ помимо всякаго научнаго образованія. Не всѣмъ же быть учеными, толкуютъ они. Давайте намъ только добросовѣстныхъ практическихъ дѣятелей. Давайте намъ людей непосредственнаго чувства... Давайте намъ людей строго-нравственныхъ, преданныхъ своему долгу, проникнутыхъ желаніемъ добра, способныхъ жертвовать собой для пользы общества и т. д. Такими восклицаніями «давайте» можно наполнить цѣлыя страницы. Въ сущности, всѣ добрые люди, восклицающіе: давайте намъ того-то и того-то, требуютъ невозможнаго, потому что въ ихъ требованіи заключается внутреннее противорѣчіе. Они говорятъ: «не нужно топить въ кухнѣ печку. Давайте намъ только горячаго супу и жареныхъ рябчиковъ». Они относятся холодно и почти враждебно къ научному образованію и въ то же время требуютъ себѣ такихъ предметовъ, которые не могутъ быть изготовлены рѣшительно ничѣмъ, кромѣ того же самаго научнаго образованія» (Промахи незр. мысли).

Не будемъ говорить о томъ, какъ все это вяжется съ утвержденіемъ того же Писарева, что «цѣль естественныхъ наукъ никакъ не формированіе міросозерцанія»: за его противорѣчіями, наконецъ, не угоняешься. Вглядимся въ первую изъ приведенныхъ нами цитатъ; что это такое? Это какой-то гимнъ или хвалебная ода естествознанію. Сколько угодно красивыхъ фразъ, громкихъ словъ и ни единаго доказательства. Послѣ каждаго предложенія—я чуть не сказалъ послѣ каждаго стиха—вы имѣете полное право ставить вопросъ: почему? «Наука формируетъ человѣка»... почему? «Она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ» — почему? «Она создаетъ величайшихъ поэтовъ»...—почему? Да, почему, т. е. откуда все это видно, чѣмъ это все доказывается, на какихъ фактахъ или соображеніяхъ все это основывается? Ничего этого не имѣется, ни фактовъ, ни соображеній. Писаревъ просто представилъ рядъ патетическихъ клятвъ, что естествознаніе превосходнѣйшая вещь, и успокоился на этомъ.

Вторая цитата какъ будто содержательнѣе: хотя въ ней тоже нѣтъ никакихъ доказательствъ, но есть сравненіе (печка въ кухнѣ), набрисовывающее зависимость нравственнаго развитія человѣка отъ степени его образованности. Однако, только это одно и есть. Зависимость только указана, но не доказана, поставлена какъ догматъ, декретирована какъ законъ, но ровно ничѣмъ не мотивирована.

Это было бы странно для такого находчиваго діалектика, какъ Писаревъ, если бы причина не была совершенно ясна: поставленный тезисъ *нельзя* было доказать. Прекрасно образованными прохвостами и негодями хоть прудъ пруди. Съ другой стороны, свѣжесть непосредственнаго чувства, преданность долгу, желаніе добра, способность жертвовать собой для пользы общества зачастую уживаются съ очень невысокимъ умственнымъ развитіемъ и съ отсутствіемъ даже элементарнаго образованія. Кто-жъ этого не знаетъ? Замѣтимъ кстати, что поставленіе нравственнаго развитія въ зависимость отъ степени научнаго образованія особенно возмутительно именно у насъ, передъ лицомъ стомилліонной, повально безграмотной массы.

«Сапоги выше Шекспира». Втеченіе послѣдняго десятилѣтія эта чудесная фраза много разъ появлялась въ нашей журналистикѣ въ видѣ торжествующей улики «пресловутой эпохи шестидесятыхъ годовъ» вообще и «грубой писаревщины» въ частности. Все было такъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ:

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
Вчерашній другъ, качая головой...

Все то, что было живого, вѣрнаго и иногда истинно возвышеннаго въ воззрѣніяхъ Писарева на искусство—все это было сведено литературными выжлятниками къ формулѣ «сапоги выше Шекспира», ими же самими и сочиненной. Да, ими самими. Въ сочиненіяхъ Писарева *нѣтъ* этой фразы, а есть у него вотъ что: «я говорю совершенно искренно, что желалъ бы лучше быть русскимъ сапожникомъ или булочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ». Вамъ не нравится эта мысль? Намъ она тоже не нравится, хотя бы уже по одному тому, что въ сапожникахъ и булочникахъ никогда не было и не будетъ недостатка, а Рафаэли родятся даже до странности рѣдко. Можно возразить и по существу, хотя бы напр. такимъ образомъ: Писаревъ «съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ: поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина—потерянное время, заниматься музыкой—смѣшно; наслаждаться природой—нелѣпо. Очень можетъ быть, что онъ, человѣкъ затертый трудовою жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ. Выкраивать людей на одну мѣрку съ собой значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ. Отрицать совершенно произвольно ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ удаляться отъ чистаго эмпиризма». *Ликующіе враги* Писарева должны быть довольны этимъ основательнымъ возраженіемъ. Да будетъ же имъ стыдно, когда я сообщу имъ, что это возраженіе принадлежитъ не другому кому, какъ Писареву, который выдвинулъ его про-

тивъ дѣйствительнаго отрицателя искусства—Тургеневскаго Базарова. Вотъ вамъ и легенда (а точнѣе говоря—сплетня) о сапогахъ, поставленныхъ выше Шекспира!

Однако же, скажетъ читатель, вѣдь у Писарева въ самомъ дѣлѣ есть рѣзкія выходки противъ искусства, отъ которыхъ самъ Базаровъ не отказался бы. Есть у Писарева отождествленіе «вранья» и «поэзіи»; есть у него откровенное заявленіе, что къ пластическимъ, тоническимъ и мимическимъ искусствамъ онъ «чувствуетъ глубочайшее равнодушіе»; есть у него, наконецъ, такой насмѣшливый перечень «великихъ людей самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря». Правда, отвѣтимъ мы, все это у Писарева есть. Но, во-первыхъ, еще въ началѣ статьи я сказалъ, что Писаревъ былъ «весь въ будущемъ», что его міроразумѣніе только еще вырабатывалось и въ этомъ обстоятельствѣ заключается разгадка его многочисленныхъ противорѣчій самому себѣ даже въ вопросахъ несравненно важнѣйшихъ, нежели вопросъ объ искусствѣ. Во-вторыхъ, къ Писареву совершенно примѣнимо его собственное замѣчаніе, которое онъ сдѣлалъ въ объясненіе ошибокъ (мнимыхъ или дѣйствительныхъ—это все равно)—Бѣлинскаго. Вотъ что говорилъ онъ въ статьѣ «Пушкинъ и Бѣлинскій»:

«Главная причина неосновательнаго пристрастія Бѣлинскаго къ Татьянѣ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что Бѣлинскому приходится защищать какъ самого Пушкина, такъ и Татьяну, противъ тупыхъ и пошлыхъ нападеній тогдашняго филистерства. Въ увлеченіи полемики трудно сохранять постоянно трезвость критическаго взгляда. Опровергая глупыя замѣчанія филистеровъ, Бѣлинскій вдается часто въ противоположную крайность. Филистеры говорятъ, напримѣръ: такой то поступокъ отвратителенъ. Бѣлинскій, въ пику имъ, утверждаетъ, что онъ великолѣпенъ. А при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что филистеры, конечно, городятъ ужасный вздоръ, но что и Бѣлинскій совершенно не правъ, потому что въ разбираемомъ поступкѣ нѣтъ ничего ни отвратительнаго, ни великолѣпнаго. Это вліяніе филистерскихъ толковъ на процессъ мысли, совершавшійся въ головѣ великаго бойца Бѣлинскаго, выразилось очень ясно въ многихъ мѣстахъ его критическихъ статей о Пушкинѣ».

Все это слово въ слово примѣнимо къ самому Писареву, вплоть до эпитета—«великій боецъ». Вліяніе филистерскихъ толковъ на процессъ мысли Писарева замѣчается въ огромномъ большинствѣ его статей, а статья «Пушкинъ и Бѣлинскій» прямо полемическая и нисколько не критическая статья. Раньше того Писаревъ защищалъ Пушкина противъ Базарова, но филистеры сдѣлали изъ имени Пушкина свой лозунгъ, свое знамя, и Писаревъ счелъ нужнымъ затоптать это знамя. Не Пушкина, а именно тогдашнихъ филистеровъ—«Русскій Вѣстникъ» «Время» «Эпоху» «Библіотеку для чтенія», дудышкинскія «Отечественныя Записки» и др.—поражалъ Писаревъ своими сарказмами и, какъ извѣстно, достигъ цѣли: втеченіе многихъ лѣтъ статья Писарева о Пушкинѣ была для филистеровъ тѣмъ

же, чѣмъ кусокъ красной матеріи для быка. Въ томъ же положеніи дѣло находится даже теперь.

Истинный взглядъ Писарева на искусство, собственно на поэзію, былъ выраженъ имъ въ слѣдующихъ горячихъ словахъ:

«Истинный» «полезный» поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этой ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священный смыслъ всего его существованія и всей его дѣятельности. Я пишу не чернилами, какъ другіе, говоритъ Берне: я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ. Такъ, и только такъ, долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно, не можетъ составлять исключенія изъ этого правила».

И объ этомъ критикѣ, столь высоко поставляющемъ призваніе поэта и значеніе поэзіи, десятки лѣтъ утверждали, что онъ предпочитаетъ сапоги Шекспиру! Хороши были «ликующіе враги» Писарева, но не правъ былъ и самъ Писаревъ, который, безпрестанно замахиваясь на «филистеровъ», не съумѣлъ удержаться даже на этой превосходной позиціи. Черезъ какихъ нибудь полгода, онъ, въ полемическомъ азартѣ противъ Пушкина, написалъ слѣдующія несчастныя строки: «различіе между поэтами и не-поэтами, которое хотятъ установить эстетики и вмѣстѣ съ ними полу-эстетикъ Бѣлинскій, оказывается пустымъ оптическимъ обманомъ. То извѣстное латинское изреченіе, что ораторомъ можно сдѣлаться, а поэтомъ надо родиться, оказывается чистой нелѣпостью. Поэтомъ можно *сдѣлаться* точно такъ же, какъ можно сдѣлаться адвокатомъ, профессоромъ, публицистомъ, сапожникомъ или часовщикомъ». Тутъ, конечно, остается только руками развести. Можно сдѣлаться, какъ дѣлаются сапожникомъ,—чѣмъ? «Самымъ страстнымъ и впечатлительнымъ изъ всѣхъ писателей»...

V.

Эту главу мнѣ приходится начинать небольшимъ споромъ моимъ коллегой по журналу—Н. К. Михайловскимъ. Ни читатели «Русскаго Богатства», ни редакція этого журнала, ни самъ г. Михайловскій не удивятся этому моему намѣренію, когда узнаютъ, в чемъ дѣло.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Во вступительной статьѣ к «Сочиненіямъ» Шелгунова, г. Михайловскій говоритъ: «можно,

видимому, уличать дѣятелей шестидесятыхъ годовъ въ противорѣчіи, въ несоотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ. Никто не откажетъ имъ въ самоотверженіи, слишкомъ ясно засвидѣтельствованномъ ихъ жизнью, хотя бы оно, по иному мнѣнію, было дурно направлено, но можетъ показаться, что самоотверженіе это не вязалось съ ихъ теоретическими посылками. Шелгуновъ утверждаетъ, однако, что они *тѣсно слили слово съ дѣломъ*. И онъ правъ».

Я чувствую здѣсь недоумѣніе, выразить которое я предоставлю Достоевскому. Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскій разсказываетъ объ одной старушкѣ, проживавшей въ томъ городѣ, гдѣ находился «мертвый домъ»: «казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ. Она какъ будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многаго она конечно не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сидя въ острогѣ, чувствовали, что тамъ, за острогомъ, есть у насъ преданнѣйшій другъ. Говорятъ иные, что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время и величайшій эгоизмъ. Ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ—никакъ не пойму». Когда умеръ Добролюбовъ, его друзья сообщали въ некрологѣ, что болѣзнь его (чахотка) развилась такъ быстро потому, что его «убивала гражданская скорбь». Гражданская скорбь есть наивысшее проявленіе альтруистическихъ чувствъ, доступныхъ человѣку, и «ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ—никакъ не пойму». Когда... впрочемъ, не стоитъ приводить примѣры: эпоха шестидесятыхъ годовъ преизобилуетъ этого рода примѣрами и о каждомъ изъ нихъ можно сказать: ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ—никакъ не пойму.

Для того, чтобы защитить мнѣніе Шелгунова, г. Михайловскому пришлось подняться очень высоко и слѣдовательно удалиться отъ земли очень далеко. Какъ истый шестидесятникъ, Шелгуновъ выразилъ свое мнѣніе категорически: «злого человѣка безъ ошибки можно назвать глупымъ, точно такъ же, какъ глупаго—злымъ». *Это* мнѣніе вѣрно или нѣтъ? Нѣтъ, говоритъ г. Михайловскій, невѣрно,—«это наивно, потому что кто же не знавалъ злобныхъ умниковъ и глупыхъ добряковъ». Ну, больше намъ ничего и не надо. «И, однако—продолжаетъ г. Михайловскій—несомнѣнно, что въ высшемъ смыслѣ Шелгуновъ правъ. Истинное, глубокое пониманіе своихъ человѣческихъ, то есть гуманныхъ интересовъ исключаетъ злобу». Въ высшемъ смыслѣ Шелгуновъ, конечно, правъ, какъ и всѣ люди безъ исключенія, въ высшемъ смыслѣ нѣтъ разницы между альтруизмомъ и эгоизмомъ, добромъ и зломъ, умомъ и глупостью, подвигомъ и злодѣяніемъ, нѣтъ ничего кромѣ общей великой картины, въ которой сочетаніе свѣта и тѣней обусловливаетъ собою высшую красоту и гармонію. Но... но не лучше ли намъ возвратиться поскорѣе на землю, возвратиться къ нашему человѣческому *низшему* смыслу, съ точки зрѣнія котораго г. Михайловскій только что сказалъ Шелгунову: «это наивно»? И конечно—наивно!

Passez moi la rubarbe et je vous passerai le séné. Уступите мнѣ мой ревень—Писарева и я уступлю вамъ на-счетъ александрійскаго листа, т. е. на-счетъ нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ. Одинъ изъ этихъ дѣятелей, устами героя своего единственнаго романа, пытался объяснить аскетизмъ въ людяхъ, проповѣдующихъ наслажденіе, но Писаревъ, въ статьѣ объ этомъ романѣ (этой статьи нѣтъ въ новомъ изданіи), горячо вооружился противъ этого объясненія и привелъ въ примѣръ Лютера, который, проповѣдуя противъ безбрачія монаховъ, женился на монахинѣ. Надо жить такъ, какъ учишь жить, думалъ Писаревъ, и если онъ жилъ какъ чистый альтруистъ, проповѣдуя въ тоже время самый крайній эгоизмъ, то это доказываетъ, во-первыхъ, благородство его натуры, а, во-вторыхъ, идейную несостоятельность самой проповѣди. Чистѣйшій идеалистъ по натурѣ, Писаревъ воображалъ себя крайнимъ реалистомъ, очевидно, на томъ основаніи, что былъ не просто идеалистомъ, а, по удачному выраженію Шелгунова, идеалистомъ *земли*.

Проповѣдь своего реализма Писаревъ началъ очень рано, почти съ первыхъ шаговъ въ литературѣ. Приведемъ два-три выразительныхъ примѣра изъ ранней статьи Писарева: «Схоластика XIX вѣка». «Литература, во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, должна бить въ одну точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, стремленіе къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны». Нужно ли вскрывать внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ этихъ словахъ? Если всѣ живые люди имѣютъ право свободно дышать, т. е. жить сообразно своимъ вкусамъ и влеченіямъ, то почему одна только литература *должна* стремиться къ какой то общей цѣли? Развѣ литераторы не живые люди? Позвольте же одному воспѣвать глазки и ножки, другому луну и звѣзды, третьему еще что нибудь—лишь бы это воспѣваніе происходило по искреннему влеченію. Изгоняя общій идеалъ изъ жизни, весьма непослѣдовательно оставлять его въ литературѣ, которая есть только отраженіе жизни. Ужъ если приглашать «бить въ одну точку», то приглашать всѣхъ, а не однихъ только литераторовъ. Далѣе Писаревъ весьма кстати задается вопросомъ: «какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству?» Вопросъ серьезный, но для Писарева нѣтъ трудностей: «Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы—существо очень доброе и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. по

доброй волѣ, а не по нравственному принужденію». Необузданный идеализмъ, кажется, не можетъ идти дальше. Откуда вы, юный философъ, знаете, что «человѣкъ отъ природы—существо очень доброе»? Разные бываютъ люди и во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ чистой, дѣвственной природой человѣка, а съ природой именно *окисленной* длиннымъ-длиннымъ историческимъ процессомъ, въ результатѣ котораго получились отношенія, которыя характеризуются изреченіемъ: homo homini lupus. Крупнѣе этого факта въ жизни нѣтъ, а вѣдь реалистъ на то и реалистъ, чтобы считаться съ реальными фактами. *Если* не окислять, *если* не дрессировать, *если* не требовать... Но вѣдь это даже не идеализмъ, а просто фантазерство: никакихъ этихъ вашихъ *если* дѣйствительная жизнь знать не хочетъ, окисляетъ, дрессируетъ и ломаетъ насъ въ полное свое удовольствіе, и мы должны, вынуждены приспособляться къ ней въ силу элементарнаго инстинкта самосохраненія. Изъ этой коллизіи личности и общества вытекаетъ цѣлый рядъ трудныхъ вопросовъ, о которыхъ слишкомъ легкомысленно говорить: «нечего заботиться».

Писаревъ нашелъ осуществленіе своего идеала всесовершенно свободнаго человѣка въ личности Базарова. Люди базаровскаго типа, по характеристикѣ Писарева, «могутъ быть честными и безчестными, гражданскими дѣятелями и отъявленными мошенниками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Базаровъ вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется выгоднымъ. Имъ управляютъ только личная прихоть или личные разсчеты». А знаете ли, Дмитрій Ивановичъ, сказали бы мы Писареву, вѣдь вашему фавориту не миновать столь или не столь отдаленныхъ мѣстъ. У общества есть всѣ средства постоять за себя и ужъ, конечно, оно не потерпитъ въ своей средѣ человѣка, который признаетъ за собою только права, личные свои вкусы и не хочетъ знать никакихъ обязанностей. Базаровъ догадался во время умереть, но и то немногое, что мы о немъ знаемъ, доказываетъ его полную непригодность къ жизни. Всего два-три каникулярныхъ мѣсяца провелъ онъ въ обществѣ и съумѣлъ всѣхъ, начиная съ родителей и кончая Ситниковымъ и Кукшиной, или оскорбить, или возстановить противъ себя, до того, что даже его жизни грозила серьезная опасность. Подчиняясь своему вкусу, онъ поцѣловалъ Ѳеничку, но такъ какъ его вкусы ни для кого изъ посторонних людей святыни не составляютъ, то ему пришлось подставить свой лобъ подъ пулю (дуэль съ Павломъ Кирсановымъ), которая миновала его только по счастливой случайности. Вкусы и влеченія могутъ быть не только у Базарова, но и у васъ, и у меня, и у А., и у В., и если всѣ мы дадимъ полную волю *своимъ* влеченіямъ, не заботясь о другихъ, то мы всѣ не на животъ, а на

смерть передеремся между собою и больше ничего, т. е. возвратимся къ тому состоянію общества, къ которому возвращаться не хотѣлось бы. На песцѣ, на песцѣ построена ваша общественная философія. Дайте понять вашему протеже, что на всякое хотѣнье есть терпѣнье и что мудрость жизни заключается не въ томъ, чтобы только хотѣть, и не въ томъ, чтобы только терпѣть, а въ томъ, чтобы между своимъ хотѣньемъ и своимъ терпѣньемъ найти справедливое равновѣсіе. Этимъ именно вопросомъ и занимается между прочимъ та *нравственность*, которой вы съ такимъ легкимъ сердцемъ дали было чистую отставку.

Я сказалъ: *дайте понять*. Писареву и его послѣдователямъ дѣйствительно было *дано понять* въ одномъ романѣ, что нравственная безшабашность совсѣмъ не составляетъ идеала. Герой этого романа назывался въ кругу своихъ знакомыхъ «ригористомъ» и онъ, дѣйствительно, былъ ригористомъ и даже аскетомъ: за единственнымъ исключеніемъ, вполнѣ къ тому же безобиднаго свойства, онъ отказался отъ всѣхъ наслажденій, хотя всѣ наслажденія были у него подъ рукой. Почему отказался? Потому что онъ былъ человѣкъ идеи, а не утробы, долга, а не похоти. Этотъ урокъ прошелъ для Писарева совершенно безслѣдно. Мало того, онъ ухитрился обратить его въ пользу своего «реализма». Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой, сколько были различны эти два литературныхъ представителя эпохи, но Писаревъ привелъ ихъ къ одному знаменателю: и аскетъ оказался «реалистомъ», и сенсуалистъ оказался «реалистомъ». Какимъ образомъ Писаревъ достигъ этого изумительнаго результата? Для цѣлей характеристики этотъ вопросъ очень важенъ, потому что возникаетъ такая дилемма: или Писаревъ былъ недостаточно проницателенъ, чтобы подмѣтить даже въ глаза бьющее различіе между двумя героями, или онъ былъ просто неискрененъ, восторгаясь и тѣмъ, и другимъ одновременно. Къ счастью, есть третье объясненіе, компрометирующее «реализмъ» Писарева, но не компрометирующее творца этого реализма. Основной идеей Писарева было главенство ума надъ всѣми прочими человѣческими способностями. «Умъ—дороже всего или вѣрнѣе умъ — все» — вотъ какова была фундаментальная идея Писарева, которую онъ находилъ «больно драгоцѣнной». Если «умъ — все», то критеріемъ достоинства человѣка служитъ исключительно степень его умственнаго развитія; въ то же время программа писаревскаго реализма («любовь, знаніе и трудъ») была до того неопредѣленно широка, что подъ нее подходили люди самыхъ различныхъ нравственныхъ категорій: кто же не любитъ, не пріобрѣтаетъ знаній, не трудится? Такимъ образомъ паспортомъ или билетомъ для входа въ реалистическую храмину Писарева могла служить только извѣстная степень умственнаго развитія. Тургеневскій сенсуалистъ, равно какъ и его антиподъ, вполнѣ удовлетворяли этому условію, какъ люди замѣчательно умные,

благодаря этому, нашли у Писарева одинаково восторженный пріемъ. Вотъ и все объясненіе. Широкое гостепріимство Писарева было для него логически обязательно, но если бы Базаровъ и Никитушка Ломовъ повстрѣчались подъ реалистическимъ кровомъ—ихъ встрѣча, къ изумленію добродушнаго хозяина, была бы недобрая.

Писареву предстояла страшная умственная ломка. Въ статьѣ о «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго, одной изъ послѣднихъ по времени, онъ писалъ: «Теорія Раскольникова не имѣетъ ничего общаго съ тѣми идеями, изъ которыхъ складывается міросозерцаніе современно развитыхъ людей». Такъ ли? Такъ ли? Этотъ страшный вопросъ долженъ былъ терзать чуткую совѣсть Писарева, а не возникнуть онъ не могъ, потому что если нравственность — предразсудокъ, то «все дозволено», какъ говорилъ Иванъ Карамазовъ. «Базаровъ не украдетъ платка по тому же самому, почему онъ не съѣстъ кусокъ тухлой говядины. Если бы Базаровъ умиралъ съ голоду, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое»—чьи это слова? Базаровъ—реалистъ: почему же не реалистъ Раскольниковъ? Онъ изголодался и... «съѣлъ кусокъ тухлой говядины». О, братья—писатели, взвѣшивайте свои слова и не забывайте не умирающей притчи о сѣятелѣ!

М. Протопоповъ.

Письма изъ Англіи.

Предлагаемыя письма будутъ касаться событій англійской жизни представляющихъ интересъ, по нашему мнѣнію, и для русскихъ читателей. Положеніе политическихъ партій, эволюція общественной жизни народа, новыя теченія въ литературѣ, наукѣ, драматическомъ искусствѣ—вотъ предметы, о которыхъ мы собираемся говорить въ своихъ письмахъ. Письма эти будутъ писаться сообща сотрудниками различнаго пола. Мужчины и женщины смотрятъ на вещи съ различныхъ точекъ зрѣнія. Быть можетъ, для того, чтобы получить наиболѣе широкій взглядъ на человѣческое общество, было-бы не лишнее взглянуть на него съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія,—отнюдь не противоположныхъ,—мужской и женской. Такой методъ совмѣстнаго изслѣдованія напоминаетъ намъ то, что въ физикѣ называется стереоскопическимъ видѣніемъ. Если вы посмотрите на какой-нибудь предметъ однимъ глазомъ, закрывъ въ это время другой, и затѣмъ поступите наоборотъ, то вы получите два совершенно различныхъ, но живыхъ представленія объ этомъ предметѣ. Смотря-же на предметъ обоими глазами, вы получаете такое представленіе о немъ, которое составляетъ уже результатъ комбинаціи двухъ отдѣльныхъ представленій, и такая именно комбинація нужна для того, чтобы получить наиболѣе вѣрное представленіе о предметѣ. Въ стереоскопѣ оси зрѣнія обоихъ глазъ раздѣляются непрозрачною перегородкой. Каждый глазъ смотритъ съ одной стороны на рисунокъ, приспособленный къ точкѣ зрѣнія этого глаза. Если же закрыть одинъ глазъ и смотрѣть другимъ въ стереоскопъ, то рисунокъ кажется совершенно плоскимъ; исчезаетъ перспектива и передній планъ картины кажется на такомъ же разстояніи, какъ и задній. Но стоитъ только взглянуть на рисунокъ обоими глазами, и все это немедленно измѣняется, и получается вполнѣ реальное представленіе о предметѣ.

Въ Англіи, и особенно въ Лондонѣ, мы находимся въ настоящее время въ самомъ разгарѣ выборовъ. Возбужденіе, вызванное

выборами въ школьную коммиссію, до сихъ поръ еще не улеглось. Въ самомъ началѣ декабря должны были произойти въ первый разъ выборы въ приходскіе и областные совѣты для сельскихъ округовъ. Мы поговоримъ объ этихъ выборахъ подробнѣе потомъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о той горячей битвѣ, которая возникла по поводу выборовъ въ лондонскую школьную коммиссію.

Ни разу еще, съ 1871 года, не наблюдалось ничего подобнаго тому возбужденію, которое вызвали выборы этого года. Лондонская школьная коммиссія состоитъ изъ 55 членовъ и составляетъ главное начальство 327 лондонскихъ школъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Board Schools» или вѣрнѣе правительственныхъ школъ, въ отличіе отъ другихъ, составляющихъ частное предпріятіе. Въ Англіи и въ Уэльсѣ существуетъ 2392 школьныхъ комиссіи, управляющихъ разными школами. Мы, однако, ограничимся, въ данномъ случаѣ, только тѣми вопросами, которые касаются лондонской системы школьнаго воспитанія. До 1871 года всѣ школы въ Лондонѣ были частнымъ предпріятіемъ. Каждый, кто только желалъ, могъ открыть школу, гдѣ ему угодно, и вслѣдствіе этого, многіе, потерпѣвшіе неудачу на другихъ поприщахъ, пробовали счастья на педагогическомъ. Организаціей вышеупомянутыхъ «Board Schools» стремились достигнуть болѣе высокаго идеала въ дѣлѣ раціональнаго воспитанія. Родители, конечно, желаютъ посылать своихъ дѣтей въ такія школы, гдѣ дается лучшее воспитаніе. До сихъ поръ, особенно среди людей, принадлежащихъ къ англиканской церкви, очень прочно держалось предубѣжденіе въ пользу частныхъ школъ, находящихся подъ руководствомъ пастырей этой церкви. Кромѣ того, многіе были предубѣждены противъ школъ съ болѣе широкой программой воспитанія. Такъ, напримѣръ, одна заботливая мать написала учителю одной изъ правительственныхъ школъ, гдѣ въ старшихъ классахъ преподавалась физіологія, хотя и въ очень малыхъ дозахъ: «Не учите мою дочь физіологіи, это ей добра не принесетъ и это грубая наука». Между тѣмъ въ частныхъ школахъ, до учрежденія школьной коммиссіи въ 1871 году, кромѣ дурного преподаванія, во многихъ случаяхъ приходилось еще наталкиваться на небрежное содержаніе дѣтей въ физическомъ отношеніи и на такое дурное обращеніе съ дѣтьми, о которомъ даже трудно составить себѣ понятіе. Къ сожалѣнію, страшная картина такой частной школы въ Іоркширѣ, которую нарисовалъ Чарльзъ Диккенсъ въ своемъ романѣ «Николай Никльби», далеко не преувеличена.

Парламентскій актъ, учредившій лондонскую школьную комиссію, прошелъ въ Палатѣ Общинъ въ 1870 году послѣ очень долгихъ и горячихъ преній. Консерваторы боролись что есть силы противъ учрежденія какой-бы то ни было школьной коммиссіи. Но когда уже не существовало болѣе сомнѣній въ томъ, что они проиграли сраженіе, новая борьба возникла по поводу того самаго

вопроса, который 23 года спустя снова былъ выдвинутъ на сцену и вызвалъ новыя ожесточенныя столкновенія. Вопросъ этотъ касается религіознаго обученія въ школахъ. Въ 1870 году огромное большинство наиболѣе серьезныхъ защитниковъ учрежденія правительственныхъ школъ горячо возставало противъ какого-бы то ни было обученія религіи въ этихъ школахъ. Противники религіознаго обученія говорили, что въ виду существованія множества сектъ различныхъ наименованій въ Англіи, самое лучшее было-бы, еслибы въ правительственныхъ школахъ дѣти обучались лишь такимъ предметамъ, относительно которыхъ состоялось соглашеніе съ общиной. Однако либеральное правительство, тогда находившееся у власти, воспротивилось этому. Въ концѣ концовъ билль прошелъ, но въ него былъ включенъ параграфъ, предоставлявшій каждой школѣ право обучать начаткамъ религіи въ такой формѣ, въ какой она найдетъ это удобнымъ для себя. Это былъ своего рода компромиссъ, парламентскій или вѣрнѣе національный. Какъ вамъ извѣстно, англійскій народъ питаетъ страсть ко всякаго рода компромиссамъ. Къ этому параграфу билля были сдѣланы два примѣчанія: въ первомъ исключалось преподаваніе какого-бы то ни было спеціальнаго катехизиса въ школѣ, во второмъ-же, извѣстномъ подъ именемъ «статьи, касающейся совѣсти», родителямъ предоставлялось право, если они захотятъ, избавить своихъ дѣтей отъ обученія Закону Божьему въ школѣ. Впрочемъ родители очень рѣдко пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ этой статьей. Дѣло въ томъ, что многіе родители полагаютъ, что ихъ дѣти, если они не будутъ участвовать въ урокахъ Закона Божія, лишаются многихъ правъ; въ силу такихъ соображеній и заботы объ интересахъ дѣтей, родители заставляютъ ихъ посѣщать классъ Закона Божія и учиться тому, относительно чего у нихъ зачастую существуютъ совершенно противоположныя воззрѣнія. Поведеніе либеральнаго правительства въ этомъ вопросѣ, какъ говорятъ—и притомъ не безъ основанія,—имѣло вліяніе на пораженіе, понесенное Гладстономъ и либеральною партіей на общихъ выборахъ 1874 года.

Закономъ 1870 года установлено, что всѣ дѣти, отъ 5 до 13-лѣтняго возраста, должны посѣщать какую нибудь школу, правительственную или частную, удовлетворяя, такимъ образомъ, не слишкомъ чрезмѣрныя требованія правительственной инспекціи. Образованіе, такимъ путемъ, сдѣлалось обязательнымъ, а спустя 20 лѣтъ, т. е. въ 1891 году, парламентскій актъ отмѣнилъ взиманіе платы за обученіе въ школахъ. Къ сожалѣнію, благодаря изобрѣтательности противниковъ этой системы, засѣдавшихъ въ школьной коммиссіи и мѣстныхъ школьныхъ комитетахъ, это освобожденіе воспитанія отъ всякихъ налоговъ оставалось болѣе или менѣе мертвою буквой. Совмѣстная дѣятельность силъ реакціи лучше всего освѣщается тѣмъ фактомъ, что какъ только въ 1891 году

парламентскій актъ утвердилъ безплатное обученіе, въ рабочихъ округахъ ландлорды немедленно повысили арендную и наемную плату за помѣщенія для рабочихъ. Тѣ гроши, которые матери надѣялись скопить и израсходовать на увеличеніе скудныхъ запасовъ семьи, такимъ образомъ попали въ карманы ландлордовъ.

Тотъ-же самый парламентскій актъ 1871 года, которымъ учреждались школы, постановилъ и организацію лондонской школьной коммиссіи. Интересъ къ вопросамъ воспитанія, въ то время, когда была учреждена эта комиссія, выразился главнымъ образомъ въ выборѣ ея членовъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что все это были или извѣстные педагоги или люди, составившіе себѣ репутацію недюжиннаго ума. Но во всякомъ случаѣ все это были люди, что называется, съ положеніемъ, и даже, въ одномъ случаѣ, въ комиссіи участвовали лица, занимавшія весьма высокое положеніе въ научномъ и педагогическомъ мірѣ. Такъ, первымъ предсѣдателемъ комиссіи былъ избранъ лордъ Лауренсъ, бывшій вице-король Индіи, а вице-предсѣдателемъ—мистеръ Чарльзъ Ридъ, впослѣдствіи сэръ Чарльзъ Ридъ, чрезвычайно богатый негоціантъ изъ Сити, занимавшій очень высокое положеніе среди партіи диссидентовъ. Про Чарльза Рида разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: на церемоніи возобновленія одного изъ лондонскихъ кладбищъ, на которомъ хоронятъ почти исключительно только диссидентовъ и гдѣ похоронены всѣ вожди диссидентскаго движенія, начиная съ 1662 года—эпохи, когда произошелъ расколъ въ установленной церкви, вплоть до нынѣшняго времени,—былъ выбранъ предсѣдателемъ сэръ Чарльзъ Ридъ. Въ своей рѣчи онъ упомянулъ о Даніелѣ Дефоэ, котораго онъ назвалъ своимъ слушателямъ авторомъ двухъ сочиненій: Робинзона Крузоэ и «Piligrim's Progress» *). Въ избраніи лорда Лауренса, послѣдователя англиканской церкви, въ предсѣдатели первой лондонской школьной комиссіи, а мистера Рида, диссидента, въ вице-предсѣдатели, нельзя не видѣть результата духа компромисса, заключеннаго двумя главными религіозными партіями, рѣшившимися совмѣстно работать въ данномъ случаѣ. Кромѣ того въ комиссію избраны были два епископа, докторъ Ангусъ, имѣющій литературную репутацію, и Самюэль Морлей, негоціантъ Сити, очень богатый и авторитетъ для диссидентовъ; затѣмъ—мистеръ Смитсъ, который возвысился впослѣдствіи, или вѣрнѣе, былъ вознесенъ цинизмомъ Дизраэли, поставившимъ его во главѣ торійской аристократіи и сдѣлавшимъ его руководителемъ торійской партіи въ Палатѣ Общинъ. Въ комиссіи участвуетъ и такой человѣкъ, какъ профессоръ Гексли, научный авторитетъ котораго признается во всѣхъ странахъ.

Парламентъ согласился на компромиссъ и нѣсколько позднѣе компромиссъ этотъ былъ принятъ и комиссіей, учрежденной пар-

*) Авторъ этого романа есть, какъ извѣстно, Буніанъ.

ламентомъ. Однако резолюція, вотированная по этому поводу комиссіей, именно и явилась причиною недавней горячей борьбы во время выборовъ въ эту комиссію. Въ резолюціи говорится, что въ школахъ, устраиваемыхъ комиссіей, должно быть введено чтеніе Библіи, сопровождаемое такими объясненіями и наставленіями въ области нравственности и религіи, которыя вполнѣ отвѣчаютъ способностямъ и понятіямъ дѣтей. Слѣдуя старому доброму англійскому принципу прибѣгать всегда къ компромиссамъ, членъ англиканской церкви мистеръ Смитсъ предложилъ эту резолюцію, а либеральный диссидентъ, Самюэль Морлей, поддержалъ ее. Весьма незначительное храброе меньшинство въ комиссіи упорно все таки боролось противъ этой резолюціи, требуя полнаго исключенія религіознаго преподаванія въ школахъ, устраиваемыхъ и существующихъ на деньги народа, взгляды котораго въ религіозномъ отношеніи такъ рѣзко расходятся между собой. Однимъ словомъ это меньшинство въ комиссіи, также какъ и въ парламентѣ, стояло за то, что называется свѣтскимъ воспитаніемъ (Secular education), въ которое входитъ преподаваніе обычныхъ предметовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, но совершенно исключается какое-бы то ни было преподаваніе, благопріятствующее или не благопріятствующее установленнымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Вообще преподаваніе религіи считалось частнымъ дѣломъ, не касающимся общественной власти. Но школьная комиссія, въ этомъ отношеніи, зашла еще дальше, нежели парламентъ, и въ первые-же дни своего существованія выпустила программу, и теперь еще находящуюся въ употребленіи, которая поставила всѣмъ учителямъ школъ въ обязанность читать и объяснять Библію, не взирая на то, что многія секты въ Англіи объясняютъ эту книгу по своему. Въ 1878 году одинъ фабрикантъ, составившій себѣ огромное состояніе путемъ эксплуатаціи своихъ рабочихъ и полагавшій вѣроятно, что ему надо что нибудь сдѣлать, чтобы оправдать себя передъ небесами, задумалъ слѣдующее: вмѣсто того, чтобы пожертвовать деньги на церкви, онъ ассигновалъ ихъ на выдачу ежегодныхъ премій тѣмъ изъ учениковъ школъ, которые выказали наибольшіе успѣхи въ урокахъ Закона Божія. Въ награду за ихъ прилежаніе дѣтямъ раздавались Библіи. Благодаря этому нововведенію, школьная комиссія въ концѣ концовъ постановила, что во всѣхъ школахъ ежедневно три четверти часа посвящается на уроки религіи и притомъ обыкновенно утренніе часы, когда дѣти являются въ школу со свѣжею головою, еще не утомленною дневными занятіями.

Теперь вернемся къ недавнимъ выборамъ. Чтобы сдѣлать понятными эти выборы, мы должны прибавить, что двѣ соперничествующія партіи называются: консервативная и партія церкви—«умѣренными» (Moderates), а диссидентская либеральная партія—«прогрессистами». Кромѣ кандидатовъ, выставленныхъ этими партіями, были еще кандидаты, не принадлежащіе, строго говоря, ни к

той, ни къ другой партіи, и представившіе избирателямъ свою собственную программу свѣтскаго воспитанія. Ни одинъ изъ этихъ «секуляристовъ» не былъ избранъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать въ высшей степени характернымъ для будущаго то, какъ происходило голосованіе въ нѣкоторыхъ избирательныхъ коллегіяхъ. Прежняя комиссія состояла изъ 28 умѣренныхъ, 22 прогрессистовъ и 5 такъ называемыхъ «независимыхъ», которыхъ въ сущности слѣдуетъ поставить рядомъ съ умѣренными. Новая же комиссія, избранная въ ноябрѣ, состоитъ уже изъ 26 умѣренныхъ, 26 прогрессистовъ и 3 независимыхъ. Несмотря на то, что на сторонѣ реакціонеровъ оказывается всетаки незначительное большинство, самые выборы очень знаменательны, въ виду значительнаго увеличенія числа вотирующихъ въ Лондонѣ. Въ общемъ число голосовъ, поданныхъ за прогрессистовъ, возросло, сравнительно съ прежними выборами, въ огромныхъ размѣрахъ и значительно превысило число голосовъ, поданныхъ за умѣренныхъ; умѣренные въ 1894 г.—671,134 голоса, прогрессисты въ 1894 г.—807,632. Между тѣмъ на сторонѣ умѣренныхъ всетаки оказывается, хотя и весьма незначительное, большинство. Это противорѣчіе объясняется дурною организаціею выборовъ, недостаткомъ тщательности въ разсчетахъ, вслѣдствіе чего сотни и тысячи голосовъ затерялись прогрессистами. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что у насъ въ Англіи нѣтъ перебаллотировокъ, такъ что большинство рабочихъ, подавшихъ голоса за прогрессистовъ, съ цѣлью провести партію, находящуюся въ открытой оппозиціи системѣ правительственныхъ школъ, вѣроятно, при вторичной баллотировкѣ, распорядились бы своими голосами иначе. Чтобы покончить разъ навсегда съ сухими цифрами, мы должны еще упомянуть, что на послѣднихъ четырехъ выборахъ опредѣлилось постоянное наростаніе голосовъ на сторонѣ прогрессистовъ, тогда какъ число это, на сторонѣ ихъ оппонентовъ, оставалось почти неподвижнымъ. Но еще болѣе знаменательно огромное увеличеніе числа вотирующихъ въ этомъ году, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на пробужденіе интереса въ рабочихъ классахъ Лондона къ выборамъ, которые имѣютъ огромное значеніе для настоящаго и будущаго ихъ дѣтей. Прежде рабочіе относились довольно-таки индифферентно къ этимъ выборамъ. Слѣдующія цифры, относящіеся къ четыремъ послѣднимъ выборамъ, указываютъ, какъ постепенно возростало число вотирующихъ и какъ увеличивалось число голосовъ на сторонѣ прогрессистовъ:

1885 г.	1888 г.
умѣренныхъ—468,579	умѣренныхъ—471,815
прогрессистовъ—261,195	прогрессистовъ—381,475
1891 г.	**1894 г.**
умѣренныхъ—470,915	умѣренныхъ—671,134
прогрессистовъ—391,726	прогрессистовъ—807,632

Каковы же въ дѣйствительности должны быть послѣдствія горячей, возбужденной борьбы, вызванной выборами въ лондонскую школьную комиссію? Главный вопросъ, около котораго группировались всѣ остальные, касался религіознаго преподаванія въ школахъ. Задолго, лѣтъ за 50 до парламентскаго акта 1870 года, обѣ главныя и наиболѣе могущественныя религіозныя секты въ Англіи оспаривали другъ у друга обладаніе школами, Англиканская или государственная церковь и нонконформисты или диссиденты, подраздѣляющіеся на множество сектъ различныхъ наименованій, связующимъ звеномъ для которыхъ служилъ лишь антагонизмъ къ англиканской церкви, вели постоянную борьбу между собою. Диссиденты, вообще, готовы были принять компромиссъ, о которомъ мы говорили выше, такъ какъ опасались, что, въ противномъ случаѣ, школьный законъ будетъ составленъ, пожалуй, въ смыслѣ, еще болѣе благопріятствующемъ англиканской церкви. Втеченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ существованія школьной коммиссіи, умѣренное большинство ея выказало довольно явственное стремленіе добиться чего нибудь болѣе опредѣленнаго, болѣе соотвѣтствующаго взглядамъ англиканской церкви въ дѣлѣ религіознаго преподаванія. Умѣренные члены комиссіи попробовали, путемъ резолюціи, истолковать пресловутый компромиссъ въ желанномъ для себя смыслѣ и это удалось имъ. Учителямъ были даны соотвѣтствующія инструкціи и они должны были внушать своимъ ученикамъ идеи умѣренныхъ членовъ комиссіи. Въ циркулярѣ, изданномъ по этому поводу, говорилось, что тѣ изъ учителей, «которые не могутъ, по совѣсти, преподавать Библію въ духѣ умѣреннаго большинства комиссіи, избавляются отъ этой обязанности, что впрочемъ не должно отражаться невыгоднымъ для нихъ образомъ на ихъ положеніи въ комиссіи». Такимъ образомъ устанавливался извѣстный критеріумъ въ дѣлѣ религіознаго преподаванія, противъ чего всегда возставали диссиденты. Впрочемъ прогрессисты не были противъ введенія религіознаго преподаванія въ школахъ; они также, какъ и умѣренные, стояли за это преподаваніе, только разница заключалась въ томъ, что прогрессисты желали его ограничить какъ можно больше, такъ чтобы нельзя было преподавать дѣтямъ какія нибудь религіозныя доктрины, несогласныя съ доктринами прогрессистовъ, между тѣмъ какъ умѣренные, всегда бравшіе верхъ, стремились заставить учителей преподавать дѣтямъ свои спеціальныя доктрины. Единственный логическій исходъ изъ такого положенія могъ бы быть лишь тотъ, если бы религіозное преподаваніе было совершенно исключено изъ школъ и ограничено лишь сферой семьи. Въ концѣ концовъ вѣроятно такъ и будетъ.

Говоря по правдѣ, весь этотъ религіозный споръ сильно тормозитъ прогрессъ въ дѣлѣ воспитанія и задерживаетъ разрѣшеніе другихъ практическихъ вопросовъ, относящихся къ устройству новыхъ школъ, именно такихъ, въ которыхъ дѣти получали бы вполнѣ

нормальное воспитаніе. Умѣренные стоятъ за сохраненіе частныхъ школъ; прогрессисты же, что конечно говоритъ въ ихъ пользу, желаютъ поддержать правительственныя школы. Умѣренные всячески старались затормозить примѣненіе парламенскаго акта, прогрессисты же, наоборотъ, сдѣлали конечно все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы актъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, какъ слѣдуетъ. Поэтому-то въ интересахъ умѣренныхъ затягивать и поддерживать какъ можно болѣе этотъ несчастный религіозный споръ, заставляющій школьную коммиссію откладывать настоящее дѣло въ долгій ящикъ и грозящій сдѣлать безплодною дѣятельность и новой комиссіи. Еще нѣсколько словъ по поводу постыдной небрежности, съ которою реакціонеры относятся къ важному, священному дѣлу, находящемуся на ихъ попеченіи: какъ оказывается, они даже не заботятся должнымъ образомъ о частныхъ школахъ, состоящихъ подъ ихъ покровительствомъ, и совершенно не наблюдаютъ за ними. За послѣдніе годы много говорилось о томъ, сколько кубическихъ футовъ воздуха потребно каждому человѣческому существу, и въ настоящее время физіологи опредѣлили это количество воздуха не менѣе какъ въ десять кубическихъ футовъ. При постройкѣ общественныхъ зданій и особенно школъ этотъ разсчетъ, конечно, долженъ быть принятъ въ соображеніе и архитекторы руководствуются имъ при постройкѣ правительственныхъ школъ; однако въ частныхъ школахъ правило это не соблюдается и тамъ на каждаго ребенка приходится не болѣе восьми кубическихъ футовъ.

Теперь позвольте намъ сказать о томъ, что было сдѣлано, или вѣрнѣе, что не было сдѣлано въ отношеніи такъ называемыхъ экстренныхъ школъ (extra-schools). Такъ называются вечернія школы и школы высшаго разряда. Вечернія школы были основаны нѣкоторыми изъ прогрессистовъ, и именно учителями комиссіи. Первоначальная ихъ цѣль была—дать мальчикамъ и дѣвочкамъ, переступившимъ предѣльный возрастъ для поступленія въ обыкновенную правительственную школу, возможность пріобрѣсти необходимыя познанія по программамъ этихъ школъ. Безъ всякаго сомнѣнія, при возникновеніи правительственныхъ школъ, сотни и тысячи дѣтей ремесленниковъ и рабочихъ классовъ оказались слишкомъ уже большими для поступленія въ эти школы. Вотъ для нихъ-то и были основаны вечернія школы. Впослѣдствіи эти школы получили большое распространеніе въ различныхъ направленіяхъ, благодаря мистеру Акланду, министру просвѣщенія при нынѣшнемъ либеральномъ правительствѣ. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что мистеръ Акландъ—единственный изъ всего теперешняго кабинета, который, въ извѣстномъ смыслѣ, оправдалъ вполнѣ розовыя надежды радикальныхъ сторонниковъ, поддержавшихъ нынѣшнее министерство. Въ вечернія школы поступали также дѣти, не вышедшія изъ обыкновенныхъ школъ. Къ сожалѣнію, опять таки благодаря обструкціонистской тактикѣ умѣренныхъ, лишь очень не-

большой процентъ дѣтей попадаетъ въ вечернія школы. Печальная истина заключается въ томъ, что для огромнаго большинства дѣтей лондонскаго населенія всякое ученіе прекращается по достиженіи ими тринадцатилѣтняго возраста. Въ этомъ-то и заключается рѣзкій контрастъ, такъ какъ тринадцать лѣтъ—это именно и есть тотъ возрастъ, въ которомъ дѣти среднихъ и высшихъ классовъ общества поступаютъ въ «публичныя школы» Итонъ, Горроу, Регби и т. д. Слѣдовательно, наиболѣе ранній возрастъ, въ которомъ дѣти привиллегированныхъ классовъ поступаютъ въ публичныя школы, будетъ именно тотъ, въ которомъ дѣти рабочихъ классовъ навсегда оставляютъ школу. Прискорбный фактъ небреженія, въ которомъ находятся вечернія школы въ Лондонѣ, лучше всего доказывается слѣдующими цифрами: процентъ посѣщающихъ вечернія школы въ Брадфордѣ—5,9; Ноттингамѣ—3,9; Манчестерѣ—3,3; Лидсѣ—2,6; Бирмингэмѣ—1,8; Лондонѣ—0,4. Между тѣмъ, въ Лондонѣ, по сравненію съ другими большими городами, по крайней мѣрѣ 100,000 дѣтей должны были бы посѣщать вечернія школы, тогда какъ въ 1892—93 году посѣщало эти школы всего лишь 11,000 дѣтей. Въ этомъ, какъ и вообще во всемъ, что касается воспитанія, Лондонъ далеко отсталъ отъ провинцій; точно также Англія оказывается позади Шотландіи и даже позади Ирландіи въ этомъ отношеніи. Что касается платы за ученіе въ вечернихъ школахъ, то одна изъ предшествующихъ комиссій, лучшая по своему составу, нежели ея предшественники, вотировала въ іюлѣ 1891 года резолюцію, устанавливающую и въ этихъ школахъ безплатное обученіе. Новая комиссія, избранная въ ноябрѣ того же года, поспѣшила отклонить эту резолюцію.

Высшія школы, какъ указываетъ самое ихъ названіе, имѣютъ цѣлью дать возможность наиболѣе способнымъ и умнымъ дѣтямъ, прошедшимъ курсъ обыкновенной школы, продолжать свое образованіе. И въ этомъ отношеніи Лондонъ находится позади провинціальныхъ городовъ. Такихъ школъ въ Лондонѣ всего только три, тогда какъ должно было бы быть не менѣе сорока. Къ числу любопытныхъ фактовъ принадлежитъ, между прочимъ, тотъ, что зачисленная въ первый разрядъ въ этомъ году, въ Кэмбриджѣ, по экзамену изъ высшихъ математическихъ наукъ, нѣкая миссъ Джонсонъ, получила свое первоначальное образованіе—въ правительственной школѣ.

Но противники всякой болѣе широкой системы воспитанія виновны еще во многихъ другихъ прегрѣшеніяхъ, не менѣе серьезнаго характера. Такъ напримѣръ, они даже не позаботились о томъ чтобы въ школахъ было достаточно мѣста для дѣтей. Даже цифры школьной комиссіи указываютъ, что не хватаетъ по крайней мѣрѣ 17,000 мѣстъ. На это реакціонеры возражаютъ, что скопленіе школъ въ одной мѣстности Лондона компенсируетъ недостатокъ ихъ въ другой. Но въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, съ его сутолокой омнибусовъ и головокружительнымъ водоворотомъ всякаго рода экі

пажей, съ его изумительными разстояніями, страшными даже для взрослыхъ, дѣти совершенно не могутъ ходить въ школу изъ одного округа въ другой. Болѣе точный разсчетъ указываетъ, что въ Лондонѣ не хватаетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ школъ для удовлетворенія нуждъ населенія; между прочимъ эти вычисленія указываютъ тщательно игнорируемый реакціонерами фактъ, что школьное населеніе Лондона возрастаетъ ежегодно на 11,000.

Притомъ школы недостаточно хорошо обставлены. Число учителей совершенно не соотвѣтствуетъ числу учениковъ. Вычислено, что для того, чтобы преподаваніе шло успѣшно, число учениковъ на каждаго учителя не должно превышать сорока. Опытные учителя, однако, находятъ это число чрезмѣрнымъ, и въ высшихъ школахъ,— школахъ наилучшаго типа, существующихъ для дѣтей среднихъ классовъ, — 15 считается максимумомъ числа учениковъ, приходящихся на одного учителя. По самому скромному вычисленію, въ настоящее время не хватаетъ по крайней мѣрѣ 400 учителей въ лондонскихъ школахъ. Не слѣдуетъ забывать, что огромное большинство дѣтей является въ школы въ состояніи крайняго изнуренія по причинѣ дурного питанія. Кромѣ того, самыя условія домашней жизни большинства этихъ дѣтей таковы, что способствуютъ развитію въ нихъ многихъ нежелательныхъ сторонъ характера, поэтому въ школѣ такія дѣти требуютъ особеннаго вниманія къ себѣ, между тѣмъ этого вниманія имъ не можетъ быть оказано. Въ классѣ, въ которомъ число учениковъ доходитъ до 100, а иногда и болѣе, учителю или учительницѣ приходится тратить свое время не столько на ученіе, сколько на поддержаніе порядка. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ поставить тотъ, почти невѣроятный фактъ, что въ лондонскихъ школахъ не хватаетъ учебниковъ для раздачи ученикамъ. И вотъ почему въ школахъ, управляемыхъ комиссіей, состоящей изъ 55 уважаемыхъ гражданъ, можно встрѣтить въ 1894 году такія же точно условія, какія описаны Диккенсомъ въ Іоркширскихъ школахъ, существовавшихъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Лондонская школьная комиссія, кромѣ того, виновна въ пренебреженіи многими существенными санитарными правилами и постановленіями. Напримѣръ, вентиляція во многихъ школахъ очень плоха. Зимою комиссія находила не нужнымъ отапливать школы, несмотря на холодъ и на то, что большинство дѣтей является въ школу въ тонкой одеждѣ, не защищающей отъ холода, въ дырявыхъ башмакахъ, и не можетъ согрѣться въ школѣ. Въ періодъ дѣятельности послѣдней комиссіи постоянно поступали доклады изъ разныхъ школъ о томъ, что помѣщенія ихъ грязны и сыры. Все это оставлялось безъ вниманія, и благополучно покончившая свое существованіе въ этомъ году комиссія, незадолго до выборовъ, отказалась утвердить расходъ небольшой суммы, потраченной учителями школъ на стрижку и мытье головъ учениковъ. Одинъ изъ членовъ комиссіи, больше всего ратовавшій за введеніе религіоз-

наго преподаванія, предложилъ, кромѣ того, вотировать резолюцію, въ которой отказъ учителямъ пополнить сдѣланный ими расходъ на приведеніе въ порядокъ учениковъ мотивированъ тѣмъ, что такого рода поведеніе учителей отзывается соціалистскими теоріями.

Эта же самая коммиссія воспротивилась тому, чтобы въ школахъ были заведены музыкальные инструменты. Между тѣмъ въ большихъ школахъ фортепіано, конечно, было бы очень полезно, какъ во время гимнастики, такъ и для пѣнія, особенно въ маленькихъ классахъ. Но мудрая коммиссія рѣшила иначе. Ея члены, дрожащіе надъ каждою копѣйкой, доказывали, что музыкальный инструментъ составляетъ роскошь, которую нельзя допустить въ безплатной школѣ. Съ большими затрудненіями былъ также проведенъ въ этой же коммиссіи вопросъ объ устройствѣ купаленъ и при нихъ школы для плаванія. Не говоря уже о томъ, какъ важно устройство такихъ купаленъ въ гигіеническомъ отношеніи, тутъ выдвигается на сцену еще другое обстоятельство—огромное большинство учениковъ лондонскихъ школъ поступаетъ впослѣдствіи въ рабочіе на докахъ и на судахъ и поэтому для нихъ весьма важно умѣть плавать. Въ концѣ концовъ коммиссія разрѣшила устроить такія купальни и школы для плаванія, но лишь въ четырехъ округахъ.

Отношенія коммиссіи къ рабочимъ классамъ имѣли всегда враждебный характеръ, хотя коммиссія принадлежитъ къ числу очень крупныхъ работодателей и требуетъ много рабочихъ рукъ для постройки и ремонта школъ. Однако, во все время своего существованія коммиссія всячески старалась препятствовать рабочимъ союзамъ. Члены ея не хотѣли признавать никакого соглашенія, заключеннаго рабочими строительнаго цеха съ ихъ мастерами относительно числа рабочихъ часовъ и заработной платы. Коммиссія нанимала подрядчиковъ и разрѣшала имъ заключать вторичные контракты на производство работъ. Часто такой подрядчикъ, номинально взявшійся за производство строительныхъ работъ, отдавалъ ихъ на подрядъ другому, а тотъ въ свою очередь третьему лицу и такая система, конечно, вела къ самой безсовѣстной эксплуатаціи рабочихъ и къ тому, что работы производились кое-какъ, дома для школъ строились очень плохо и оказывались никуда негодными въ санитарномъ отношеніи. Поэтому то въ школахъ такъ часто возникали всевозможныя эпидеміи, причины которыхъ санитарные инспектора прямо приписывали дурнымъ санитарнымъ условіямъ. Еслибы не существовало никакихъ другихъ поводовъ къ обвиненію коммиссіи, то одного нерадиваго отношенія ея къ содержанію школъ къ ихъ санитарному устройству и т. д. было бы достаточно для осужденія ея дѣятельности. Увидимъ, какъ будетъ поступать новая коммиссія и будетъ ли она, вопреки общественному мнѣнію, идти по прежнему пути, игнорируя самые существенные интересы дѣтей, враждуя противъ нихъ и теряя время и энергію на безплодныя пререканія по поводу отвлеченныхъ вопросовъ.

Кромѣ выборовъ въ школьную коммиссію, вся Англія была возбуждена въ послѣднее время первыми выборами въ приходскіе или общинные совѣты. Согласно новому парламентскому акту, такого рода совѣты должны управлять всѣми мѣстными дѣлами прихода или общины. Общинный совѣтъ имѣетъ право назначать должностныхъ лицъ и обязанъ наблюдать за освѣщеніемъ улицъ, за хорошимъ состояніемъ дорогъ, пожарныхъ инструментовъ и т. д., и, кромѣ того, долженъ заботиться о пріобрѣтеніи мѣстъ для публичныхъ игръ, гуляній, объ устройствѣ библіотекъ, прачешныхъ, о правильномъ водоснабженіи и соблюденіи санитарныхъ постановленій въ домахъ и деревняхъ. Каждый приходъ съ 300 и болѣе жителей будетъ управляться отдѣльнымъ совѣтомъ. Приходъ, имѣющій не менѣе ста, но менѣе трехсотъ жителей, получаетъ право избрать свой отдѣльный совѣтъ въ такомъ лишь случаѣ, если общее собраніе членовъ прихода вотируетъ резолюцію въ этомъ смыслѣ. Недавно былъ такой случай. Одинъ изъ приходовъ опустѣлъ въ послѣднее время вслѣдствіе того, что массы рабочихъ отправились на постройку канала между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. На мѣстѣ остался только одинъ резидентъ, но такъ какъ онъ былъ членомъ прихода, то воспользовался своимъ правомъ устроить митингъ и самъ себя избралъ, соединивъ въ своемъ лицѣ весь общинный совѣтъ.

Однимъ изъ выдающихся фактовъ, обнаруженныхъ выборами въ приходскіе совѣты, слѣдуетъ считать общее пораженіе клерикальнаго элемента. Выборы происходили на митингахъ, безъ баллотировки, а только поднятіемъ рукъ. Тамъ, гдѣ такіе выборы не удовлетворили хотя бы только одного изъ членовъ митинга, было рѣшено прибѣгнуть къ закрытой баллотировкѣ, для того, чтобы никто изъ стоящихъ во главѣ въ сельскихъ округахъ, ни хозяева рабочихъ, ни фермеры, ни эсквайры, ни духовныя лица, не знали, за кого подаются голоса. Недавно одинъ пасторъ заявилъ своимъ прихожанамъ, что онъ готовъ служить въ приходскомъ совѣтѣ, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы туда были избраны его два главныхъ помощника, главное, чтобы въ совѣтѣ не было ни одного диссидента. Во многихъ округахъ большинство совѣта составляютъ рабочіе-земледѣльцы. Господствующіе классы сельскаго населенія, хозяева рабочихъ, фермеры, эсквайры и пасторы, разумѣется, всячески стараются помѣшать населенію извлечь для себя полную выгоду изъ новаго парламентскаго постановленія. Съ этою цѣлью пущены въ ходъ всевозможныя средства, интриги, и тамъ, гдѣ это возможно, вышеназваннымъ лицамъ помогаютъ разныя учрежденія и крупныя промышленныя общества. Такъ одна изъ главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ компаній «Great Nortturn of England» запретила своимъ служащимъ выступать кандидатами въ общинные совѣты, подъ страхомъ быть уволенными отъ службы.

Скоро должно послѣдовать открытіе парламента и потому, въ

послѣднее время, министры стали часто собираться для совѣщанія. Какъ извѣстно, они должны выработать родъ программы для предстоящей сессіи. Но положеніе министровъ либеральнаго кабинета въ данную минуту почти безнадежное. Въ самой либеральной партіи глубоко распространилось неудовольствіе вслѣдствіе того, что такъ мало было сдѣлано кабинетомъ и такъ плохо были выполнены имъ обѣщанія. Относительно того, какія новыя законодательныя мѣры будутъ предложены парламенту въ предстоящую сессію, господствуетъ полная неизвѣстность. Одинъ изъ органовъ печати, довольно хорошо освѣдомленный съ тѣмъ, что дѣлается за кулисами политической сцены, заявляетъ, что три главныхъ пункта, относительно которыхъ внесены будутъ предложенія въ парламентъ, заключаются въ слѣдующемъ: вознагражденіе членовъ парламента, давно уже обѣщанный новый фабричный законъ и реформа лондонскаго управленія. Такъ называемое лондонское «Сити» занимаетъ весьма ограниченное пространство въ самомъ Лондонѣ; втеченіе шести дней въ недѣлѣ въ Сити устраиваются всевозможныя дѣла, главная суть которыхъ—торговые обороты. По воскресеньямъ же Сити совершенно пустѣетъ. Вокругъ этого небольшого пространства, въ разныхъ направленіяхъ группируются обширные кварталы настоящаго Лондона, но Сити, представляющее старинный Лондонъ, управляется спеціально юрисдикціей, корпораціей, въ составъ которой входятъ богатѣйшіе и самые реакціонные изъ коммерсантовъ Сити. Другіе округа подчиняются большею частью юрисдикціи совѣта лондонскаго графства, члены котораго выбираются всѣми гражданами, въ томъ числѣ и женщинами. До сихъ поръ этотъ совѣтъ всегда былъ проникнутъ въ лучшемъ смыслѣ прогрессивнымъ духомъ, во внѣшнихъ же лондонскихъ округахъ, такъ называемомъ «внѣшнемъ Лондонѣ» въ отличіе отъ «внутренняго Лондона», о которомъ только что шла рѣчь, существуютъ предмѣстья, имѣющія свое собственное, отдѣльное управленіе. Вотъ въ настоящее время и поднятъ вопросъ объ объединеніи Лондона, о подчиненіи всѣхъ округовъ, внутренняго, внѣшняго Лондона и Сити—юрисдикціи одной корпораціи, избираемой всѣми гражданами. Другая газета, тоже считающаяся довольно компетентной въ вопросахъ о намѣреніяхъ либеральной партіи, сообщаетъ «грозный слухъ», что правительство имѣетъ намѣреніе въ будущую сессію заняться только вопросами объ отдѣленіи церкви отъ государства въ княжествѣ Уэльскомъ, ирландскимъ земельнымъ вопросомъ и вопросомъ контроля надъ продажею спиртныхъ напитковъ. Неопредѣленность положенія выражается въ томъ, что вышеупомянутая газета требуетъ строгихъ мѣръ по отношенію къ палатѣ лордовъ, которая задерживаетъ ходъ либеральнаго законодательства. Однако, относительно конечной цѣли агитаціи противъ палаты лордовъ въ самой либеральной партіи существуютъ большія разногласія, И надо правду сказать, что лидеръ либеральной партіи, лордъ Розберри, не даетъ

ей никакихъ указаній по всѣмъ этимъ интересующимъ ее вопросамъ. Онъ или ничего не говоритъ, или говоритъ то, что не нравится либеральной партіи. Впрочемъ, ему надо всетаки отдать справедливость, что что бы онъ ни говорилъ, онъ всегда говоритъ хорошо. Онъ дѣйствительно прекрасный ораторъ; своимъ гладко выбритымъ лицомъ, своимъ умѣньемъ владѣть жестами и игрою лица, своимъ прекраснымъ голосомъ, которымъ онъ управляетъ съ большимъ искусствомъ, своимъ знаніемъ всѣхъ ораторскихъ пріемовъ, онъ чрезвычайно напоминаетъ Кокелена старшаго. Онъ обладаетъ еще и другимъ качествомъ государственнаго человѣка, которымъ въ совершенствѣ обладалъ Дизраэли — умѣньемъ сказать много и не сказать ничего.

Торійская партія усердно готовится къ предстоящей борьбѣ; новая же рабочая партія, несмотря на свою разнородность, отсутствіе дисциплины и неопредѣленность своихъ цѣлей и намѣреній, несомнѣнно будетъ играть замѣтную роль на политической сценѣ будущаго. Главный принципъ этой партіи, выдвигаемый ея лучшими руководителями, это—антагонизмъ къ обѣимъ стариннымъ политическимъ партіямъ. Объ этомъ новомъ движеніи мы будемъ говорить подробнѣе въ другой разъ.

Совѣтъ лондонскаго графства, о прогрессивномъ направленіи котораго мы уже говорили, недавно принялъ очень важное рѣшеніе для соціальной жизни Лондона. Совѣтъ намѣренъ заняться вопросомъ цѣлесообразности и практичности организаціи въ Лондонѣ муниципальныхъ ссудныхъ кассъ, на такихъ же основаніяхъ, на какихъ устроено «Mont de Piété» во Франціи. До сихъ поръ ссудныя кассы въ Англіи были частнымъ предпріятіемъ, цѣль котораго—личная нажива. И нажива была всегда очень велика, такъ какъ проценты, взимаемые за ссуду въ этихъ учрежденіяхъ, вчетверо превышаютъ проценты, существующіе на континентѣ. Резолюція лондонскаго совѣта, конечно, должна вызвать ожесточенное сопротивленіе со стороны всѣхъ закладчиковъ и содержателей ссудныхъ кассъ, которыхъ въ Англіи много. Закладчики имѣютъ вліяніе и главное—деньги. Поэтому-то проведеніе мѣропріятія, вредящаго ихъ интересамъ, не обойдется ни въ какомъ случаѣ безъ упорной борьбы. Но если разныя практическія соображенія, которыя навѣрное будутъ выдвинуты на сцену въ данномъ случаѣ лондонскимъ совѣтомъ, подѣйствуютъ на чувства англійскаго народа, то содержатели ссудныхъ кассъ и закладчики непремѣнно потерпятъ пораженіе въ этой борьбѣ.

Мы полагаемъ не лишнимъ прибавлять къ нашимъ политическимъ корреспонденціямъ, если только политическія событія въ Англіи не представляютъ поглощающаго интереса, замѣтки о новыхъ англійскихъ книгахъ, могущихъ, по нашему мнѣнію, заинтересовать русскихъ читателей.

«*Life's Little Ironies*» Tomas Hardy (Osgood M'Cilvaine and C°

London, prix 4 chillings and six pence), «Маленькая иронія жизни»—новѣйшее произведеніе Тома Гэрди, писателя, котораго мы считаемъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ англійскихъ беллетристовъ. Въ книгѣ заключается восемь коротенькихъ разсказовъ, соединенныхъ подъ вышеупомянутымъ общимъ названіемъ, и девять другихъ, еще болѣе короткихъ, названныхъ общимъ именемъ «A few crusted characters» или «Some colloquial sketcheis» (нѣсколько разговорныхъ очерковъ). Названіе первыхъ восьми главныхъ разсказовъ вполнѣ подходитъ къ ихъ содержанію, каждый изъ нихъ полонъ жизни, каждый касается какого нибудь событія, которое должно служить иллюстраціей къ главной идеѣ автора и подтвердить вѣчную истину, что мы являемся игралищемъ судьбы. Въ данномъ случаѣ событія, иллюстрирующія идею автора, касаются не большихъ массъ народа, а лишь отдѣльныхъ личностей, и притомъ не занимающихъ никакого особеннаго выдающагося положенія въ свѣтѣ. Однако событія, изображенныя авторомъ, достаточно ярки, хотя и не выходятъ за предѣлы ограниченнаго круга, и поэтому все же производятъ впечатлѣніе. Передать, даже въ общихъ чертахъ, содержаніе этихъ разсказовъ, очень трудно, но мы попытаемся изложить содержаніе одного изъ нихъ, хотя разумѣется такое изложеніе всегда будетъ страдать необработанностью и не дастъ понятія о тонкости и художественной отдѣлкѣ произведенія Гэрди. Разсказъ, содержаніе котораго мы хотимъ передать, называется «The Melancholy Husar» (Печальный гусаръ) и относится къ первому періоду нынѣшняго столѣтія, къ царствованію Георга III. Въ ганноверской королевской арміи былъ въ то время нѣмецкій легіонъ, который составлялъ главную часть отряда, сопровождавшаго короля на югъ Англіи, въ приморскій городъ Веймутъ. Въ пяти миляхъ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ расположились лагеремъ солдаты, жилъ докторъ со своею дочерью Филлисъ, невѣстою богатаго англичанина Гульда. Филлисъ дала слово этому англичанину отчасти противъ воли. Женихъ ея уѣхалъ въ Батъ и оттуда, втеченіе зимы, аккуратно писалъ ей письма, имѣвшія, однако, совершенно сухой формальный характеръ. Наконецъ до Филлисъ дошелъ слухъ, что женихъ измѣнилъ ей. Филлисъ имѣетъ привычку сидѣть у стѣны сада и смотрѣть въ долину. Тутъ то ее и увидалъ нѣмецкій капралъ, гусаръ Матеусъ Тиндъ. Молодые люди познакомились и полюбили другъ друга. Но отецъ молодой дѣвушки и слышать не хочетъ о ея замужествѣ съ нѣмецкимъ капраломъ и грозитъ сослать ее навсегда въ домъ тетки, который замѣнитъ для нея тюрьму. Гусаръ уговариваетъ молодую дѣвушку бѣжать съ нимъ. Онъ страдаетъ тоскою по родинѣ и вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, другимъ солдатомъ, рѣшается дезертировать, переплыть каналъ на лодкѣ и отправиться на континентъ. Филлисъ соглашается. Въ опредѣленный часъ, ночью, она отправляется въ назначенное мѣсто, гдѣ поджидаетъ бѣглецовъ

Случаю угодно, чтобы какъ разъ мимо этого мѣста, въ этотъ же самый часъ, проходилъ ея бывшій женихъ Гульдъ, только что возвратившійся изъ Бата и ничего не подозрѣвающій объ измѣнѣ невѣсты. Филлисъ видитъ его, скрытая отъ его взоровъ, и слышитъ его разговоръ съ пріятелемъ, изъ котораго узнаетъ, что женихъ никогда не измѣнялъ ей и возвращается къ ней полный любви и надежды. Въ промежутокъ времени между тѣмъ моментомъ, когда она увидала своего жениха, и тѣмъ, когда пришелъ ожидаемый ею возлюбленный, настроеніе Филлисъ проясняется и она объявляетъ пришедшему за ней гусару, что перемѣнила рѣшеніе. Гусаръ находитъ безчестнымъ настаивать и, покорившись ея рѣшенію, удаляется вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ. Филлисъ возвращается домой. Къ ней является Гульдъ и объявляетъ ей, что онъ уже женатъ. Слухъ оказался справедливымъ. Филлисъ грустить и дольше, чѣмъ прежде, засиживается у стѣны сада. Однажды она видитъ, что на площади, гдѣ находится лагерь, вырыты двѣ могилы, гусары выстроились въ линію. Она видитъ далѣе, какъ приводятъ ея возлюбленнаго гусара и его друга и ихъ обоихъ разстрѣливаютъ, какъ дезертировъ.

Вторая часть книги, состоящая изъ девяти маленькихъ разсказовъ, написана въ разговорномъ стилѣ. Нѣсколько мелкихъ городскихъ обывателей, возвращаясь домой, занимаютъ другъ друга разсказами. Въ этихъ разсказахъ много юмора, свойственнаго Гэрди, но много также истиннаго, глубокаго драматизма. Передать въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ разсказовъ еще труднѣе, чѣмъ предъидущихъ, такъ какъ въ такой передачѣ совершенно теряется впечатлѣніе, производимое ими. Нельзя въ сухомъ изложеніи передать всѣ тонкости и дать правильное понятіе о драматизмѣ положенія, какъ нельзя въ одной сценѣ Гамлета, хотя бы она и служила величайшимъ образцомъ драматизма въ литературѣ, передать характеръ этого великаго произведенія, не разсказавъ предварительно всей исторіи и не ознакомивъ со всѣми необыкновенно сложными и разнообразными чувствами и ощущеніями дѣйствующихъ лицъ.

У Гэрди каждая выведенная имъ личность настолько индивидуальна, настолько неразрывно связана съ самымъ дѣйствіемъ разсказа, что составляетъ неотъемлемую принадлежность того драматическаго положенія, которое развивается въ разсказѣ. Объ этихъ разсказахъ можно сказать то, что сказано о Полоніи: «Говорятъ, онъ хорошо кончилъ». Гэрди оканчиваетъ свои разсказы всегда очень искусно и въ духѣ «драматическаго заключенія». Такъ, напримѣръ, заключительныя слова его повѣсти «Melancholy Husar» слѣдующія: «Деревенскіе старожилы еще помнитъ мѣсто, гдѣ зарыты трупы разстрѣлянныхъ солдатъ. Могила Филлисъ находится тутъ же». Но «драматическое заключеніе» не всегда оставляетъ впечатлѣніе конца. Подобно пьесамъ Ибсена, многіе изъ произведеній Гэрди заканчиваются вопросительнымъ знакомъ.

Это собраніе разсказовъ, какъ и многія другія произведенія Гэрди, возбудило рѣзкіе нападки критики. Нѣкоторыя мѣста были признаны критикою не совсѣмъ приличными. Особенно эти господа возстали противъ слѣдующей фразы: «То, что онъ былъ способенъ въ какіе нибудь два дня соблазнить и другую женщину, составляло въ ея глазахъ, хотя и не сознанное, но главное его очарованіе, которому она поддавалась, какъ «женщина-самка». Странно, однако, что подобную же фразу можно найти въ высшей степени приличномъ журналѣ «Spectator» 180 лѣтъ тому назадъ. Въ письмѣ, будто бы написанномъ какою то вдовой, есть слѣдующія строки: «Тамъ былъ молодой гвардейскій офицеръ, соблазнившій двухъ или трехъ изъ моихъ знакомыхъ, и я не могла удержаться отъ нѣкотораго чувства тщеславія, когда онъ началъ ухаживать за мной».—Гэрди питаетъ священный ужасъ ко всякаго рода условностямъ, «которыя служатъ лишь средствомъ обдѣлывать свои дѣлишки, соблюдая всѣ приличія». «Если вы хотите имѣть успѣхъ въ англиканской церкви, говоритъ Гэрди, то прежде всего вы должны быть джентльменомъ, т. е. принадлежать къ такъ называемому высшему классу, во-вторыхъ,—вамъ должны вѣрить, какъ человѣку со средствами, въ третьихъ—какъ ученому, въ-четвертыхъ—какъ проповѣднику и уже въ-пятыхъ, быть можетъ, какъ христіанину, но всетаки прежде всего вы должны быть джентльменомъ въ выше указанномъ смыслѣ».

Во всѣхъ произведеніяхъ Гэрди поражаетъ его удивительная наблюдательность. Даже въ коротенькихъ разсказахъ эта способность рѣзко выражается. Каждый характеръ, каждое положеніе очерчены очень ярко и опредѣленно, такъ что нельзя, какъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ другихъ писателей, замѣнить одно дѣйствующее лицо другимъ. Вотъ, напримѣръ, маленькая сценка: группа изъ четырехъ человѣкъ, отправляется на парусной лодкѣ въ море; двое заболѣваютъ морскою болѣзнью. Въ чертахъ старика и молодой дѣвушки, страдающихъ тошнотой, возлюбленный молодой дѣвушки читаетъ тайну ихъ родства и узнаетъ, что они—отецъ и дочь...

Av.

Изъ Германіи.

Когда въ 1871 году князь Бисмаркъ возвращался во главѣ побѣдоносной арміи въ предѣлы соединенной подъ прусскимъ главенствомъ германской имперіи, то въ немъ возникла мысль о томъ, чтобы долю добытыхъ французскихъ милліардовъ употребить на созданіе колоссальнаго памятника объединенному отечеству. Нѣмецкій архитекторъ съ французскимъ именемъ — Пауль Валло (Wallot) былъ призванъ спустя нѣсколько лѣтъ выполнить задуманную Бисмаркомъ мысль. Вновь сооруженное зданіе германскаго рейхстага, заложенное еще десять лѣтъ тому назадъ и обошедшееся болѣе чѣмъ въ 30 милліоновъ марокъ изъ французской контрибуціи, является самымъ свѣжимъ памятникомъ былыхъ успѣховъ нѣмецкаго оружія.

Грандіозное зданіе новаго рейхстага занимаетъ поверхность въ 12,000 квадратныхъ метровъ и находится за Бранденбургскими воротами, составлявшими нѣкогда предѣлъ разросшейся теперь германской столицы. Администрація знаменитаго Thiergarten'а, прилегающаго къ этой мѣстности, называемой королевской площадью, воспротивилась тому, чтобы зданіе рейхстага было нѣсколько отодвинуто въ глубь площади, и это обстоятельство роковымъ образомъ повліяло на весь видъ новаго дворца: нѣтъ ни одного пункта, съ котораго рейхстагъ былъ бы виденъ во всей его могучей величинѣ. Благодаря этому обстоятельству, еще рѣзче обнаруживаются недостатки симметріи въ зданіи. Золоченый куполъ, самъ по себѣ довольно низкій, совершенно заслоняется расположенными по угламъ четырехъ-угольными башнями. Съ внѣшней стороны это одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ недостатковъ новаго зданія, — и если этому послѣднему предстояло быть воплощеніемъ нѣмецкаго искусства, то положительно начинаешь думать, что нѣмцамъ симметрія трудно дается. Въ этомъ убѣждаешься еще, когда наблюдаешь гораздо раньше сооруженную колонну побѣды (Siegsäule), къ которой новый рейхстагъ обращенъ своимъ главнымъ фасадомъ. И тутъ статуя Германіи, вѣнчающая колонну, представ-

лена въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что ея поразительная непропорціональность съ размѣрами и высотой самой колонны вызываетъ чувство досады, хотя самъ по себѣ памятникъ красивъ. Если такимъ образомъ общій видъ зданія получается и не совсѣмъ удовлетворительный, то отдѣльныя части его, какъ, напримѣръ, главный порталъ, да и самый куполъ, если взять его самого по себѣ,—прекрасны. Внутри новый рейхстагъ обставленъ съ такой роскошью, какую себѣ можно было позволить лишь на чужія деньги. Пышныя фойэ, изящныя галлереи, ротонды, группы колоннъ, ресторанъ, библіотека, заключающая въ себѣ свыше 300,000 томовъ, кабинетъ для чтенія съ массою нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ, наконецъ разукрашенный геральдическими фигурами, фресками и разноцвѣтными гербами залъ засѣданія, на акустическіе недостатки котораго однако горько жалуются бѣдные журналисты. По сравненію со старымъ, чрезвычайно скромнымъ помѣщеніемъ рейхстага на Лейпцигской улицѣ, новый рейхстагъ свидѣтельствуетъ о колоссальномъ прогрессѣ Германіи и прежде всего—на поприщѣ милитаризма. Извѣстный парламентарій и писатель Людвигъ Бамбергеръ отмѣчаетъ различіе въ декоративныхъ украшеніяхъ стараго и новаго зданія: стѣны стараго украшались изображеніями передовыхъ нѣмецкихъ поэтовъ—Шиллера, Лессинга и др., новый рейхстагъ весь пестритъ всевозможнаго рода знаменами и гербами. Если со стороны колонны побѣды наблюдать главный фронтъ новаго рейхстага, то нельзя не поражаться блескомъ его архитектуры, гдѣ все расчитано на возвеличеніе новой имперіи, гдѣ всѣ детали сливаются въ вѣнчающей ихъ императорской коронѣ. Но и по идеѣ, и по плану строительной коммиссіи новому зданію предстояло быть не дворцомъ, а храмомъ народнаго представительства. Это назначеніе архитекторъ Валло выразилъ въ предложенной имъ и одобренной строительной коммиссіей надписи: «Dem deutschen Volke», которая должна была значиться на широкой плитѣ главнаго фасада подъ имперскимъ орломъ. Во всѣхъ первоначальныхъ планахъ, на всѣхъ изображеніяхъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и иностранныхъ иллюстрированныхъ изданій, эта надпись быта вездѣ отмѣчена, но въ дѣйствительности ея не оказалось, и предназначенная для нея плита осталась пустой. Это было большимъ огорченіемъ для нѣмцевъ. Какъ въ печати, такъ и на первыхъ засѣданіяхъ рейхстага, слышались вопросы: кто воспрепятствовалъ выполненію первоначальнаго плана? Развѣ германскій народъ, проливавшій свою кровь для тѣхъ побѣдъ, памятникомъ которыхъ является новый рейхстагъ, не заслужилъ намѣченнаго строителями посвященія? Отсутствіе надписи на пустой плитѣ дѣйствительно бросается въ глаза при первомъ взглядѣ. Неудивительно поэтому, что органы различныхъ партій настоятельно предлагаютъ заполнить плиту. Антисемиты говорятъ: если надпись «Dem deutschen Volke» почему либо непріятна, тогда слѣдуетъ ее

по крайней мѣрѣ замѣнить словами: «Dem Wohl des deutschen Volkes» или: «Für das deutsche Volk». Другіе ехидно предлагаютъ, не надписать ли: «Dem deutschen Heere» (нѣмецкому войску)? Соціалъ-демократы съ своей стороны злорадствуютъ, что плита осталась вакантной, такъ какъ при случаѣ можно будетъ тамъ поставить слова: «Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit». Архитекторъ Валло во всемъ этомъ конечно нисколько не повиненъ и художественное жюри имѣло всѣ основанія присудить ему высшую премію. По существующимъ же на этотъ счетъ статутамъ, окончательное рѣшеніе вопроса о присужденіи преміи есть право императора, который можетъ согласиться съ предложеніемъ жюри, но также можетъ руководиться своимъ собственнымъ усмотрѣніемъ. Вильгельмъ II воспользовался въ этомъ случаѣ своимъ правомъ въ томъ смыслѣ, что отклонилъ предложеніе жюри и предложенную для Валло премію назначилъ молодой австрійской художницѣ Вильмѣ Парлаги, нарисовавшей портретъ Вильгельма,—портретъ, который, по мнѣнію компетентныхъ судей, признается наименѣе удачнымъ изъ существующихъ портретовъ молодого монарха.

5 декабря истекшаго года было назначено освященіе новаго зданія. Новую парламентскую сессію рѣшили открыть въ новомъ рейхстагѣ. Въ старое зданіе собрались лишь для того, чтобы сказать ему послѣднее прости. Здѣсь протекли первые 23 года законодательной работы со времени упраздненія сѣверно-нѣмецкаго союза и созданія вмѣсто него единой германской имперіи. Эти стѣны были свидѣтелями не малыхъ бурь, не легкихъ схватокъ съ первымъ желѣзнымъ канцлеромъ имперіи, партійной розни, но и совокупнаго плодотворнаго труда. Эти, такъ сказать, медовыя два десятилѣтія германской имперіи выдвинули также рядъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей, изъ которыхъ 21 человѣкъ, безпрерывно засѣдавшіе съ 1871 года, еще и теперь входятъ въ составъ дѣйствующаго народнаго представительства. Достаточно будетъ назвать такія имена, какъ Рудольфъ фонъ-Беннингсенъ, Евгеній Рихтеръ, Августъ Бебель, баронъ Штуммъ, баронъ Гееремана и д-ръ Гаммахеръ, являющіеся и теперь еще главными руководителями и вліятельнѣйшими вождями парламентскихъ партій.

Церемонія освященія новаго рейхстага была обставлена такъ, какъ обыкновенно обставляются теперь въ Пруссіи всякаго рода парадныя предпріятія: артиллерія, кавалерія, инфантерія и всѣ тѣ многообразные роды оружія и войска, которые, разъ собравшись, поражаютъ блескомъ своихъ касокъ, ослѣпляютъ яркостью своего убора и оглушаютъ шумомъ своихъ сабель и прочихъ аттрибутовъ. Толпы собравшагося на королевскую площадь обыкновеннаго штатскаго народа должны были довольствоваться ролью скромныхъ зрителей, въ почтительномъ отдаленіи отъ главной сцены дѣйствія. Простой народъ могъ тѣмъ болѣе удовольствоваться созерцаніемъ издалека этого блестящаго парада, напоминавшаго второе дѣйствіе

Лоэнгрина, если принять въ соображеніе, что повелители союзныхъ германскихъ государствъ—короли и герцоги—предпочли остаться у себя дома, а на самомъ торжествѣ освященія ближайшія прикосновенныя къ рейхстагу лица — его депутаты, составляли лишь скромное меньшинство гостей. Многіе изъ нихъ и главнымъ образомъ представителя фабричнаго, сельскаго и вообще трудящагося населенія, не то со скорбью, не то съ горечью, заявили, что должны себѣ отказать въ удовольствіи принять участіе въ освященіи рейхстага, такъ какъ не располагаютъ фраками, цилиндрами и прочимъ туалетомъ, указаннымъ на пригласительныхъ билетахъ.

Съ такого рода освященіемъ рейхстага, получившимъ характеръ военнаго парада, нѣмцы, быть можетъ, хотя скрѣпя сердце да примирились бы, такъ какъ все большее оттѣсненіе гражданскаго элемента военнымъ представляетъ здѣсь рожонъ, противъ котораго уже не попрешь. Но всего болѣе огорчилъ здѣшнюю статскую публику тотъ фактъ, что самъ президентъ рейхстага, всѣми уважаемый фонъ-Левецовъ, нашелъ нужнымъ въ этомъ случаѣ облачиться въ мундиръ отставного прусскаго майора. До сихъ поръ не можетъ уняться жгучая досада, вызванная въ обществѣ и въ печати этимъ дѣйствительно страннымъ поступкомъ президента. Что общаго у президента рейхстага съ отставнымъ майоромъ?—спрашиваютъ себя здѣсь многіе. Президентъ прежде всего есть воплощеніе функцій народнаго представительства, между тѣмъ какъ прусскій майоръ означаетъ прежде всего военную субординацію. Если нельзя найти такого президента, который не былъ бы отставнымъ майоромъ или капитаномъ, то, какъ предлагаютъ теперь органы мѣстной прессы, слѣдуетъ разъ навсегда установить торжественную форму, обязательную для президента во всѣхъ парадныхъ случаяхъ. Въ событіяхъ, сопровождавшихъ начало настоящей парламентской сессіи, президентъ игралъ одну изъ главныхъ ролей. Будетъ поэтому кстати отмѣтить здѣсь же, что какъ президентъ рейхстага, такъ и все президентское бюро избирается на каждую сессію изъ среды депутатовъ самимъ рейхстагомъ. Фонъ-Левецовъ принадлежитъ къ консервативной партіи и, только благодаря своему безпристрастію, привлекшему къ нему симпатіи всѣхъ партій, онъ уже болѣе восьми лѣтъ состоитъ президентомъ. Партія центра, первая по численности, имѣетъ формальное право на избраніе президента изъ ея среды, въ виду же указаннаго обстоятельства, жертвуетъ своимъ правомъ и ограничивается тѣмъ, что представлено въ бюро въ лицѣ перваго вице-президента, баденскаго судьи барона фонъ-Буля. Второй вице-президентъ д-ръ Бюркли представляетъ въ бюро партію націоналъ-либераловъ; наконецъ секретари президентскаго бюро набираются изъ состава остальныхъ болѣе мелкихъ парламентскихъ партій и группъ. Партія соціалъ-демократовъ, четвертая по численности, лишь въ этомъ году въ первый разъ воспользовалась своимъ правомъ и выставила своего

кандидата въ секретари бюро, который однако былъ забаллотированъ, такъ какъ не захотѣлъ принять обязательства по такъ называемой репрезентаціи, т. е. по участію въ представительствахъ передъ министрами, императоромъ и др.

Съ переселеніемъ рейхстага въ новое зданіе начинается какъ бы и новый періодъ въ его исторіи, а быть можетъ, и въ направленіи германской политики вообще. Настоящая парламентская сессія началась не только въ новомъ помѣщеніи, но, что гораздо важнѣе—при участіи новаго правительства, подъ знаменемъ такъ называемаго «новѣйшаго курса». Втеченіи парламентскаго сезона центръ тяжести общественной и политической жизни страны переносится обыкновенно подъ своды парламента. Ни одно болѣе или менѣе серьезное событіе въ государствѣ не проходитъ безъ того, чтобы не найти себѣ отзвука въ стѣнахъ рейхстага; здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ невзгоды и радости, всѣ интересы, страсти, стремленія и борющіяся теченія страны.

Рядъ образуемыхъ депутатскими креслами треугольниковъ, сходящихся своими вершинами у подножія президентской и ораторской трибунъ, представляетъ ту часть залы засѣданія, которая предназначена для народныхъ представителей. Этихъ послѣднихъ, избранныхъ на основаніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, всего числомъ 397. Конституція имперіи предписываетъ, что отъ каждыхъ 100,000 населенія и отъ каждаго излишка въ 50,000 душъ въ составѣ населенія отдѣльнаго союзнаго государства, должно быть по одному депутату, для каковой цѣли вся Германія была раздѣлена на 397 избирательныхъ округовъ. Изъ болѣе чѣмъ 20 союзныхъ государствъ и вольныхъ городовъ, одна Пруссія представлена въ рейхстагѣ въ лицѣ 236 депутатовъ. Дѣйствительное распредѣленіе населенія по избирательнымъ округамъ въ настоящее время уже болѣе не соотвѣтствуетъ прежней ихъ группировкѣ и не находится ни въ какой пропорціи съ численностью отдѣльныхъ парламентскихъ партій. Такъ, напримѣръ, по послѣдней народной переписи отъ 1 декабря 1890 года, среднее количество населенія округа опредѣлялось въ 124,454 души, между тѣмъ какъ во многихъ округахъ населеніе достигало $^1/_4$ милліона, въ нѣкоторыхъ $^1/_2$ милліона и только въ немногихъ менѣе 50,000 душъ. Реформа избирательныхъ округовъ отразилась бы прежде всего на консервативныхъ партіяхъ, которыя, преобладая въ теперешнемъ рейхстагѣ, имѣютъ всѣ основанія противиться измѣненію существующаго порядка выборовъ.

Германскій рейхстахъ, еще при самомъ основаніи имперіи, былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ по числу партій парламентовъ. Эти партіи разнились по національнымъ, религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ основаніямъ. Съ тѣхъ поръ число партій еще болѣе увеличилось, причемъ замѣчается, что въ то время какъ демократическія группы все болѣе сливаются въ одну партію, такъ назы-

ваемыя буржуазныя партіи, напротивъ, все болѣе дробятся въ различныя группы. Такъ, напримѣръ, передъ послѣдними выборами 1893 года свободомыслящая партія Евгенія Рихтера выдѣлила изъ себя группу такъ называемаго свободомыслящаго союза, подъ руководствомъ Риккерта, нашедшаго, въ противоположность Рихтеру, возможнымъ голосовать за военный законъ. И въ нѣдрахъ партіи центра постепенно увеличиваются элементы, грозящіе расколомъ. Въ общемъ германскій рейхстагъ состоитъ изъ: 1) нѣмецко-консервативной партіи, къ которой также примыкаютъ депутаты «союза сельскихъ хозяевъ» (Bund der Landwirthe) всего 60 депутатовъ; 2) анти-семитическая и христіанско-соціальная партія, идущія также во многихъ случаяхъ рядомъ съ консервативной партіей, всего 15 депутатовъ; 3) 28 депутатовъ имперской партіи; 4) 100 депутатовъ партіи центра; 5) 15 поляковъ; 6) 52 націоналъ-либерала; 7) 23 депутата свободомыслящей народной партіи (Рихтеръ); 8) 14 депутатовъ свободомыслящаго союза (Риккертъ); 9) 11 депутатовъ южно-германской народной партіи (Пайеръ); и 10) 46 соціалъ-демократовъ. Слѣдуетъ кромѣ того упомянуть маленькія группы—ганноверскихъ партикуляристовъ или такъ называемыхъ вельфовъ, далѣе—эльзасцевъ, добивающихся равноправности для рейнскихъ провинцій, наконецъ—датчанъ изъ присоединенной области сѣвернаго Шлезвига. Намѣченный здѣсь порядокъ соотвѣтствуетъ и порядку, въ которомъ занимаютъ свои мѣста названныя партіи. Крайнюю правую образуютъ консерваторы, крайнюю лѣвую—соціалъ-демократы. Между этими крайними предѣлами бродитъ еще нѣсколько дикихъ (wilde) и госпитантовъ, не сходящихся вполнѣ ни съ одной группой и находящихся съ той или другой партіей лишь во внѣшней платонической связи. Здѣсь есть и дикіе либералы, и консервативные госпитанты.

Этому многообразію въ группировкѣ парламентскихъ партій и оттѣнковъ далеко не соотвѣтствуютъ различія въ массѣ избирателей. Большую роль играютъ здѣсь также личные счеты и разногласія. Однако, внѣ соціалъ-демократіи, которая противопоставляетъ себя всѣмъ остальнымъ партіямъ, какъ «сплошной реакціонной массѣ»,—можно всетаки отмѣтить двѣ большія категоріи интересовъ, обусловливающихъ борьбу партій. Это именно—интересы недвижимаго капитала, крупно-помѣстнаго владѣнія съ одной стороны и интересы капитала движимаго, торговли и промышленности—съ другой.

Нѣмецкіе консерваторы любятъ о себѣ говорить, какъ о «небольшой, но могущественной партіи». Секретъ ихъ могущества лежит дѣйствительно не въ ихъ многочисленности, но и не въ выдаі щихся талантахъ, ни даже въ симпатіяхъ стоящихъ за ними крестьяг скихъ массъ. Онъ гораздо болѣе заключенъ въ традиціонномъ п литическомъ вліяніи прусскаго юнкерства, распространяющем на высшія сферы. Консервативная партія, хотя и пользуется д

своихъ цѣлей услугами парламентаризма, но есть правительственная партія по преимуществу. Однако разъ на карту поставлены ея классовые интересы, она не останавливается ни передъ какою оппозиціей коронѣ, она не пощадитъ никакое правительство, она свергнетъ его, если нужно; ея девизъ: der Köning absolut, wenn er unseren Willeu thut. Этой ходячей поговоркой какъ нельзя лучше охарактеризована основная тенденція прусскаго консерватизма.

Втеченіи только что истекшаго года можно было наблюдать двоякое зрѣлище, какъ оппозиціи консервативныхъ элементовъ, такъ и проявленія съ ихъ стороны чувствъ, ничего общаго съ оппозиціей не имѣющихъ. Сторонники бисмарковскаго режима не могли примириться съ тѣмъ, что генералъ Каприви отважился унаслѣдовать власть желѣзнаго канцлера. Нѣмецкіе аграріи и прусское юнкерство, для которыхъ ихъ экономическія выгоды являются рѣшающимъ двигателемъ ихъ общей политики, подъ этимъ именно паролемъ и вели свою аттаку противъ такъ наз. новаго курса. Торговая политика ушедшаго теперь на покой гр. Каприви вызывала неумолимый гнѣвъ тѣхъ слоевъ нѣмецкаго общества, а формы, въ которыхъ выражался этотъ гнѣвъ, знаетъ каждый, кто слѣдилъ за настроеніемъ Германіи въ послѣднее время. Императоръ Вильгельмъ былъ въ то время всецѣло на сторонѣ Каприви. Онъ открыто объ этомъ заявлялъ и открыто хвалилъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и дворянъ, которые сторонились отъ агитаціи сельскихъ хозяевъ. Эти послѣдніе тѣмъ временемъ все сильнѣе увлекались на путь оппозиціи и въ одномъ изъ нумеровъ ихъ органа «Correspondenz des Bundes der Landwirthe» можно было, во время дебатовъ о русско-нѣмецкомъ торговомъ договорѣ, читать слѣдующую отповѣдь: «Германская имперія покоится на конституціонныхъ основахъ,—и такъ это должно остаться. Мы же видимъ, что императорская воля, личные взгляды императора предрѣшаютъ почти каждый важный вопросъ раньше, чѣмъ свѣдущіе представители парламента успѣли собраться для совѣщанія. Многочисленныя рѣчи императора по различнымъ поводамъ служатъ тому доказательствомъ. Отсюда происходитъ давленіе на народныхъ представителей, которые впослѣдствіи голосуютъ вопреки своимъ убѣжденіямъ и противно обѣщаніямъ, даннымъ ими своимъ избирателямъ. Въ этихъ абсолютистскихъ склонностяхъ заключена большая опасность. Мы являемся свидѣтелями чрезвычайно тревожнаго явленія, когда нѣмецкій сельскій хозяинъ, стоявшій донынѣ въ совершенно враждебныхъ отношеніяхъ какъ к соціалъ-демократіи, такъ и къ либерализму, видитъ себя теперь в нужденнымъ считать и императора своимъ политическимъ протвникомъ. Всѣ нападки, которымъ подвергся канцлеръ Каприви в время дебатовъ о русско-нѣмецкомъ торговомъ договорѣ, вполнѣ за служены имъ, его гибельною хозяйственною политикою. Но депутаты рейхстага, какъ и всякій мыслящій человѣкъ изъ народа, до жатся того мнѣнія, что Каприви въ этомъ случаѣ являлся не

самостоятельнымъ государственнымъ человѣкомъ и дѣйствительнымъ канцлеромъ имперіи, но генераломъ своего повелителя, исполнявшимъ высшую волю. Тяжелыя сомнѣнія, которыя внушаетъ настоящее положеніе страны, побуждаютъ насъ къ слѣдующему заявленію: мы и сердцемъ и разумомъ стоимъ за конституціонную монархію, какъ она сложилась въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ и во всей имперіи. Но мы видимъ большую опасность для монархіи во все большемъ проникновеніи абсолютистскихъ тенденцій. Абсолютной имперіи у насъ нѣтъ и мы ея не желаемъ».

Торговые договоры были между тѣмъ заключены и торговыя отношенія съ большинствомъ странъ на продолжительный срокъ урегулированы при содѣйствіи правительству главнымъ образомъ со стороны такъ называемыхъ «враговъ отечества» — либераловъ и соціалъ-демократовъ. Скрежетъ зубовный противъ Каприви на время улегся, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ выступить съ удвоенной силой.

Тѣмъ временемъ наступила смутная пора. Убійство Карно, анархистскіе ужасы во Франціи, Испаніи и Италіи вселили и здѣшнимъ филистерамъ непобѣдимый страхъ. Германія же анархистовъ въ ихъ романской оболочкѣ рѣшительно не знаетъ, здѣсь въ общемъ все обстоитъ благополучно и порядокъ ни на іоту не былъ нарушенъ. Его не могутъ нарушить и тѣ антисемитическіе скандалы, которые отъ времени до времени здѣсь происходятъ, его не нарушилъ даже тотъ знаменитый Bierboykot, который длился 8 мѣсяцевъ и теперь благополучно прекращенъ. Пресловутая пивная война между рабочими и пивоварами происходила въ совершенномъ порядкѣ. Но какъ было успокоиться неспокойнымъ противникамъ Каприви? Вѣдь это такой прекрасный предлогъ возобновить аттаку противъ канцлера и по возможности свергнуть его. Угроза порядку, при совершенно несомнѣнномъ господствѣ его, раздувается въ анархію. Требуются рѣшительныя мѣры противъ «партій переворота». Изъ бисмарковской эры возстаютъ старые образы почти забытыхъ охранителей со своими проектами всяческихъ панацей. Нѣкій профессоръ «стараго курса» Константинъ Ресслеръ пишетъ книгу, въ которой предлагаетъ на-время упразднить рейхстагъ и установить диктатуру. Какой то графъ пишетъ статью, въ которой предлагаетъ изгнать изъ парламента представителей рабочихъ. Въ самое послѣднее время, бывшій придворный проповѣдникъ Штеккеръ съ своей стороны предлагаетъ распустить рейхстагъ, избрать новый и если это не поможетъ — прибѣгнуть къ coup d'état, тѣм болѣе, что ни императоръ, ни повелители отдѣльныхъ государств не присягали на вѣрность имперской конституціи. Императоръ устоялъ противъ аттаки аграріевъ и знати. Одной рукой покарал ихъ за ихъ непохвальное поведеніе противъ избраннаго имъ пр вительства, онъ другую протянулъ для примиренія съ тѣми, «кот рыхъ считаетъ главной опорой престола Гогенцоллерновъ». Он

указалъ имъ приэтомъ, что оппозиція знати противъ правительства — безсмыслица, что оппозиція знати только тогда мыслима, когда имѣетъ своимъ главой императора и короля. Нужды сельскаго хозяйства были всегда близки его сердцу. Въ заключеніи онъ предлагалъ примкнуть къ нему для защиты религіи, морали и порядка противъ общаго врага. Прусскіе юнкера немедленно перемѣнили фронтъ. Въ намѣченной программѣ борьбы они почуяли близость осуществленія своихъ основныхъ желаній и съ усиленнымъ рвеніемъ принялись за интригу противъ Каприви.

Планъ борьбы «противъ общаго врага», въ своемъ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ встрѣтилъ наибольшее сочувствіе въ такъ называемыхъ среднихъ партіяхъ, у свободныхъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Свободные консерваторы, называющіе себя еще имперской партіей, представляютъ осколокъ обще-консервативной партіи. Они стоятъ на почвѣ тѣхъ же принциповъ, но отличаются большей безхарактерностью и меньшей послѣдовательностью. Какъ консервативная, такъ и имперская партія являются по преимуществу прусскими партіями; въ южной Германіи онъ почти не имѣютъ представителей. Составъ же имперской партіи отъ состава консервативной отличается тѣмъ, что ядро послѣдней состоитъ изъ юнкеровъ, а въ рядахъ имперской партіи кромѣ юнкеровъ имѣются еще высшіе чиновники и такіе крупные промышленники, какъ Штуммъ и Круппъ. Баронъ Штуммъ пользуется громаднымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ. На его заводахъ работаютъ цѣлые десятки тысячъ рабочихъ, которыхъ онъ держитъ подъ своимъ строгимъ отеческимъ попеченіемъ: съ его разрѣшенія и по его выбору читаютъ они газеты, женятся, выходятъ замужъ, голосуютъ на выборахъ и пр. Въ своей области онъ царитъ не раздѣльно; онъ поэтому извѣстенъ въ Германіи подъ именемъ König Stumm.

Съ другой стороны націоналъ-либералы представляютъ самое правое крыло нѣмецкаго либерализма. Здѣсь сосредоточены самые крупные фабриканты, горно-промышленники и представители крупной колоніальной торговли. То, сравнительно со старымъ курсомъ, болѣе свободное теченіе, которое Каприви предоставлялъ рабочему движенію, было не по душѣ націоналъ-либераламъ. Все болѣе ростущія претензіи труда приводили ихъ въ раздраженіе. Бремя, возложенное на предпринимателей законодательствомъ по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзней, по обезпеченію инвалидовъ труда и пр.—это лучшее наслѣдіе бисмарковскаго режима вызываетъ со стороны представителей крупнаго капитала все болѣе энергическій протестъ. Они требуютъ, чтобы сдѣлана была «пауза» въ соціально реформаторской дѣятельности, и ничего лучшаго не придумали для этой цѣли, какъ отвлечь вниманіе въ сторону репрессивныхъ мѣропріятій противъ Umsturzbestrebungen. На своемъ послѣднемъ съѣздѣ во Франкфуртѣ, въ концѣ прошлаго года, они это безъ обиняковъ высказали.

На полную солидарность Каприви съ затѣваемой борьбой разсчитывать было невозможно. Каприви долженъ былъ поэтому пасть.

За такъ называемой министерской скамьей въ новомъ рейхстагѣ народные представители не досчитались многихъ своихъ знакомыхъ изъ стараго зданія. Тамъ, гдѣ привыкли долгое время видѣть или импозантную фигуру желѣзнаго князя, или, по крайней мѣрѣ, широкоплечаго генерала Каприви, возсѣдаетъ теперь маленькій, 75 лѣтній старичокъ, съ склоненной на сторону головой, съ усталыми чертами лица и со страшной обузой, соединяющей власть имперскаго канцлера и прусскаго министра-президента. Этотъ старый, богатый аристократъ—князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингфюрстъ, занимавшій въ свое время разные выдающіеся государственные и дипломатическіе посты, до своего назначенія канцлеромъ былъ намѣстникомъ Эльзаса и Лотарингіи. Говорятъ, что онъ неохотно оставлялъ спокойный и почетный постъ, вознаграждаемый 180 тысячами ежегоднаго содержанія и на «репрезентацію». Должность канцлера вознаграждается всего 36 тысячами ежегоднаго жалованія и 18 тысячами на репрезентацію. Вильгельмъ намѣревался поэтому сдѣлать къ канцлерскому жалованію прибавку въ 100 тысячъ марокъ изъ диспозиціонныхъ имперскихъ средствъ. Кто то, узнавъ объ этомъ намѣреніи, разболталъ его въ анонимныхъ письмахъ по адресу корреспондентовъ и редакторовъ газетъ. Печать подняла гвалтъ: какъ, изъ какихъ средствъ и на какомъ основаніи! Бисмаркъ, дескать, довольствовался назначенной по бюджету суммой въ 54 тысячи и Каприви прекрасно сводилъ на эти деньги концы съ концами! А теперь вдругъ прибавка, когда жалуются на плохое положеніе финансовъ, когда проектируется рядъ новыхъ налоговъ, ложащихся бременемъ на бѣдные классы и пр., и пр. Положеніе получилось неловкое и князь приказалъ своимъ оффиціозамъ оповѣстить страну что, въ случаѣ если ему будетъ сдѣлано предложеніе насчетъ прибавки, онъ его отклонитъ.

Изъ Страсбурга Гогенлоэ прибылъ не одинъ. Съ нимъ переселился сюда и его правая рука по управленію Эльзасомъ — нѣкій фонъ-Келлеръ. Здѣсь онъ замѣнилъ отставленнаго прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Эйленбурга, но ему очевидно предстоитъ сдѣлаться душою не только прусскаго, но и имперскаго правительства. Фонъ-Келлеръ, впрочемъ, старый знакомый въ германскомъ рейхстагѣ. Одно время онъ былъ его депутатомъ и вождемъ консервативной партіи. Тогдашнія Келлеровскія рѣчи вошли въ поговорку; его выходки противъ либераловъ вызывали тогда и столько гнѣвъ, сколько смѣхъ своей развязной безцеремонностью которую онъ вообще возводилъ въ принципъ для истиннаго парламентарія. Забаллотированный на выборахъ, онъ исчезъ на нѣсколько лѣтъ съ политической арены, служилъ затѣмъ по вѣдомству полиціи и теперь, наконецъ, нѣсколько остепенившійся, возвратился на постъ руководящаго прусскаго министра.

Рядомъ съ фонъ-Келлеромъ появился еще новичокъ, замѣнившій прусскаго министра юстиціи фонъ-Шеллинга. Этотъ постъ занялъ теперь нѣкій предсѣдатель провинціальнаго окружнаго суда Шенштедтъ, воплощеніе чиновнаго достоинства и бюрократической дѣловитости. Далѣе слѣдуетъ еще одинъ новичокъ, крупный землевладѣлецъ баронъ Гаммерштейнъ, смѣнившій министра земледѣлія фонъ-Гейдена.

На такъ называемыхъ генеральныхъ дебатахъ объ имперскомъ бюджетѣ, посвящаемыхъ обыкновенно не столько бюджету, сколько вопросамъ общаго политическаго характера, народные представители пытались добиться кое-какихъ разъясненій насчетъ всѣхъ этихъ внезапныхъ перемѣнъ въ составѣ правительства...

На министерскихъ скамьяхъ ни звука въ отвѣтъ; тамъ въ виду такихъ запросовъ, воцаряется какая-то робость, нерѣшительность.

Да къ тому же среди новичковъ нѣтъ ни одного человѣка, который по части краснорѣчія могъ бы помѣряться съ самыхъ второстепеннымъ ораторомъ лѣвой и центра. Лучшіе говоруны консервативной партіи, какъ «бѣдные крестьяне»—графы Каницъ, Мирбахъ, Гаммерштейнъ и др. теперь почти совсѣмъ не говорятъ. Да и что имъ сказать? Въ эпоху оппозиціи и борьбы съ курсомъ Каприви—другое дѣло. Тогда говорилось: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И это «нѣтъ» приходилось подробно обосновывать. Теперь же, когда новѣйшій курсъ сулитъ имъ и возвышеніе премій на сахаръ, на вино, и столь желанную имъ государственно-монопольную торговлю хлѣбомъ, обезпечивающую возвышеніе цѣнъ на него, и много другихъ благъ,—теперь можно ограничиться однимъ «да», а для этого много краснорѣчія не требуется.

Объявленіе президента рейхстага о томъ, что das Wort hat der Herr Reichs-Kanzler!—не производитъ теперь былой сенсаціи. Самовластная могучая личность перваго канцлера имперіи князя Бисмарка представляла крупную, оригинальную индивидуальность. Тотъ же отпечатокъ носила его рѣчь—мощная, рѣзкая, захватывающая. Каждая парламентская рѣчь его представляла выдающееся государственное событіе въ широкомъ значеніи этого слова. Но вѣдь и практика его государственной дѣятельности длилась за то около трехъ десятковъ лѣтъ. Тѣмъ поразительнѣе талантъ второго канцлера графа Каприви, пробывшаго въ этомъ званіи всего какихъ-нибудь $4^1/_2$ года. Здѣсь преобладала не сила самовластія, не стремленіе добиться положенныхъ цѣлей путемъ желѣза и крови, такъ или иначе понятые идеалы справедливости, мирнаго культурнаго развитія, общаго блага, а не классовыхъ интересовъ. Этимъ особенностямъ характера Каприви соотвѣтствовала и его рѣчь — плавная, задушевная. Часъ, два часа говорить по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, безъ всякихъ бумажныхъ замѣтокъ, безъ малѣйшей запинки, держа все время рейхстагъ на высотѣ вниманія— ія Каприви не составляло никакого труда.

Каково же послѣ этого разочарованіе въ виду новѣйшаго Демосѳена Германской имперіи, князя Гогенлоэ! За все бурное время, протекшее съ начала настоящей парламентской сессіи, онъ «бралъ слово» всего три раза. Его самая большая программная рѣчь длилась ровно 13 минутъ и была имъ считана съ бумажки. Его другія двѣ рѣчи длились по 5—6 минутъ.

Таково краснорѣчіе этого единственно отвѣтственнаго передъ рейхстагомъ премьера имперіи. Между тѣмъ, § 45 парламентскихъ регламентовъ дозволяетъ прочтеніе заранѣе написанныхъ рѣчей лишь тѣмъ депутатамъ, которые не владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ. Этотъ § очевидно разсчитанъ на представителей польскихъ, рейнскихъ и другихъ присоединенныхъ областей, которые, впрочемъ, въ наличномъ ихъ составѣ, всѣ хорошо говорятъ по нѣмецки. Для канцлера имперіи, надо полагать, этотъ § не обязателенъ. Съ 4-й минуты послѣ начала рѣчи модуляція звуковъ въ голосѣ канцлера постепенно начинаетъ замирать. Депутаты, поднявшись съ своихъ мѣстъ, толпятся у самой трибуны оратора. прикладываютъ руки къ ушамъ, напрягаютъ все вниманіе, чтобы разслушать его. Рѣчь совершенно затихаетъ. Служитель пододвигаетъ кресло, въ которое съ полузакрытыми глазами опускается усталый старецъ. Что онъ сказалъ, объ этомъ можно лишь съ достовѣрностью справиться въ отчетѣ острыхъ на ухо стенографовъ рейхстага. Это была программная рѣчь, воспроизведшая тронную рѣчь, которою былъ открытъ рейхстагъ. Здѣсь обѣщано прежде всего прійти на помощь аграріямъ въ ихъ сельско-хозяйственной нуждѣ, причемъ стенографическій отчетъ отмѣчаетъ: браво! браво! со скамей консервативной правой. Далѣе по адресу католическаго центра слѣдуетъ раскаяніе въ старыхъ либеральныхъ грѣхахъ Гогенлоэ, въ его проступкахъ по части Kulturkampf'a; завѣреніе насчетъ того, что по нынѣшнимъ временамъ церковь и государство должны идти сообща рука объ руку. Браво! браво! отмѣчаетъ отчетъ со скамей центра. Національ-либераламъ открываются перспективы по части колоніальной политики, на что слѣдуетъ браво! изъ этихъ рядовъ. И меньшой братъ не забытъ: бѣднымъ классамъ также обѣщано содѣйствіе и отеческое попеченіе;—какое именно—въ точности не сказано. За то рядомъ слѣдуетъ довольно точное указаніе на необходимость новыхъ источниковъ для улаженія финансовъ страны; на увеличеніе табачнаго налога, значеніе котораго въ смыслѣ сокращенія производства и потребленія въ этой отрасли труда, а также созданія новой арміи безработныхъ въ 30 тысячъ сигарочныхъ рабочихъ—было еще въ прошлогоднюю сессію выяснено съ полною несомнѣнностью. Конецъ программной рѣчи вѣнчаетъ призывъ всѣхъ охранительныхъ и охраненныхъ партій на борьбу съ разрушительными стремленіями.

Для начала настоящей парламентской сессіи въ новомъ зданіи рейхстага можно бы пожелать болѣе пріятныхъ сюжетовъ, чѣмъ тѣ

которые ему выпали на долю въ дѣйствительности. Не подъ счастливой звѣздой началась въ немъ парламентская дѣятельность. Это можно было заключить уже по инциденту, сопровождавшему открытіе перваго засѣданія. То было 6 декабря прошлаго года, когда президентъ рейхстага фонъ-Левецовъ обратился къ депутатамъ съ нѣсколькими теплыми словами, заключивъ ихъ провозглашеніемъ hoch за императора. Въ этихъ случаяхъ соціалъ-демократы обыкновенно заблаговременно оставляютъ залу засѣданія. Да и консерваторы, если они по тѣмъ или другимъ причинамъ находятся въ оппозиціонномъ настроеніи, предпочитаютъ во время «hoch» оставаться въ средѣ Fraktion Schulze, какъ въ шутку называютъ депутаты свой ресторанъ въ рейхстагѣ съ рестораторомъ Шульце. На этотъ разъ случилось такъ, что старый семидесятилѣтній Либкнехтъ съ нѣсколькими своими «товарищами» (Genossen) остался въ залѣ, погруженный по обыкновенію въ писаніе передовицы или полемическихъ замѣтокъ для центральнаго органа партіи Vorwärts'а, редакторомъ котораго онъ состоитъ. Между тѣмъ, рѣчь президента заканчивается, слышится троекратное hoch вставшихъ со своихъ мѣстъ депутатовъ. Либхнехтъ, очевидно, не ожидавшій такого конца рѣчи президента, лишь при наступившемъ шумѣ подымаетъ глаза отъ своей бумаги и, убѣдившись, что застигнутъ врасплохъ, остается сидѣть на своемъ мѣстѣ. Его «товарищи», слѣдуя его примѣру, также не подымаются со своихъ мѣстъ. Возникаетъ тяжелая сцена: на скамьяхъ консерваторовъ слышится крикъ: pfui! heraus! Со скамей центра и свободомыслящихъ стараются унять и успокоить расходившихся юнкеровъ; Либкнехтъ машетъ имъ рукой: довольно, стыдитесь! Одинъ изъ болѣе молодыхъ и горячихъ «Genossen», сжавъ кулакъ, кричитъ: замолчите же, лакейскія души!.. Нѣчто небывалое въ степенномъ нѣмецкомъ парламентѣ, грозившее чуть-ли не «дракой въ домѣ». На этотъ шумъ сбѣгаются въ залу прохлаждавшіеся у г. Шульце депутаты. Президентъ фонъ-Левецовъ дѣлаетъ строгое внушеніе соціалъ-демократамъ за ихъ поведеніе, «оскорбляющее чувства парламентскаго большинства и нарушающее добрые нѣмецкіе нравы». Нѣтъ сомнѣнія, что поступокъ Либкнехта и товарищей не былъ предумышленъ. Но крики консерваторовъ и внушеніе президента показались имъ слишкомъ обидными и произошли сцены, представляющія, конечно, лишь слабый намекъ на тѣ крупные скандалы, которые сплошь да рядомъ случаются въ п ламентахъ другихъ странъ, но составляющія большую рѣдкость н чинномъ собраніи германскаго рейхстага. Въ интересахъ страны и достоинства ея представительнаго учрежденія слѣдовало желать в зможно скораго забвенія этого злополучнаго инцидента. Но не т ъ-то было. «Новѣйшему курсу» было угодно дать ему ужъ со- в мъ небывалое продолженіе и предпринять экспериментъ, сильно в волновавшій страну. По иниціативѣ Гогенлоэ и Келлера, мѣстный п курноръ вноситъ предложеніе въ рейхстагъ о возбужденіи судеб-

наго преслѣдованія противъ Либкнехта и товарищей. Предложеніе передается въ особую коммиссію изъ 15 депутатовъ, которая значительнымъ большинствомъ постановляетъ отклонить предложеніе прокурора съ указаніемъ на статьи 27 и 31 имперской конституціи, по которымъ, во-1-хъ депутатъ рейхстага неприкосновененъ и не отвѣтственъ передъ судомъ за свои мнѣнія и дѣйствія при отправленіи депутатскихъ полномочій, и во-2-хъ, самъ рейхстагъ намѣчаетъ для себя регламентный уставъ и слѣдитъ за соблюденіемъ порядка въ стѣнахъ парламента. Постановленіе коммиссіи разсматривалось затѣмъ на общемъ собраніи рейхстага. Подобные дни принято здѣсь называть «большими парламентскими днями». Ихъ главные признаки: приподнятый тонъ и высокая температура преній; изъ ораторовъ выступаютъ первые нумера; галлереи переполнены, журналисты, насторожив уши, перевѣсились далеко черезъ барьеръ своей трибуны; въ министерскихъ и придворной ложахъ рѣдкіе гости въ лицѣ отставленныхъ министровъ, дѣйствующихъ и потухшихъ сановниковъ, дамъ изъ высшей аристократіи и др.

Болѣе 7 часовъ длились пренія по этому злосчастному поводу. Была перелистана вся парламентская исторія Германіи, разобранъ весь ея парламентскій опытъ, указаны разные прецеденты невставанія не только соціалистовъ, но и болѣе благонадежныхъ элементовъ въ эпохи острыхъ конфликтовъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ.

Подавляющимъ большинствомъ всѣхъ партій противъ консерваторовъ предложеніе прокурора было отклонено. Въ другихъ конституціонныхъ странахъ это означало бы кризисъ кабинета. Въ Германіи же оно означаетъ моральное пораженіе правительства, пріуготовившаго лишнюю моральную побѣду соціалъ-демократамъ. И въ самомъ дѣлѣ: до прокурорскаго вмѣшательства всѣ партіи одинаково осуждали поступокъ соціалъ-демократовъ. Покушеніе же на одну изъ основныхъ привиллегій рейхстага вывело соціалъ-демократовъ изъ ихъ изолированнаго положенія и поставило рядомъ съ большинствомъ парламентскихъ партій на защиту неприкосновенности ихъ правъ. Рихтеръ имѣлъ всѣ основанія заявить, что несчастнѣе, чѣмъ въ этомъ случаѣ, не могъ дебютировать канцлеръ Гогенлоэ на своемъ новомъ посту.

Новый законопроектъ, которымъ имѣется въ виду затормозить ростъ соціалъ-демократіи, по внѣшней своей формѣ оставляетъ путь исключительныхъ мѣропріятій и касается нѣкоторыхъ существенныхъ дополненій въ области общаго уголовнаго законодательства. Соотвѣтственно съ этимъ онъ и носитъ названіе «проекта закона, касающагося измѣненій и дополненій уголовнаго кодекса, военнаго уложенія о наказаніяхъ и закона о печати». Добавленіе къ § 30 уложенія о наказаніяхъ грозитъ, по новому проекту, штрафомъ въ 600 марокъ и заключеніемъ до двухъ лѣтъ «всякому, кто въ угрожающей общественному спокойствію формѣ позволитъ себѣ оскор-

бительно выражаться относительно религіи, монархіи, семьи, брака или собственности». Измѣненія, касающіяся § 131 уголовнаго уложенія отразятся, главнымъ образомъ, на печати. До сихъ поръ наказуемымъ признавалось дѣйствіе, когда кто либо утверждалъ или распространялъ вымышленные или искаженные факты съ цѣлью оскорбительнаго умаленія государственныхъ учрежденій и распоряженій высшаго начальства, «*зная, что эти факты вымышлены или искажены*». Новый же законопроектъ назначаетъ наказаніе и въ томъ случаѣ, когда данное лицо «должно было по всѣмъ видимостямъ (den Umständen nach) предполагать, что распространяемые имъ факты вымышлены или искажены». Дальнѣйшія добавленія грозятъ тяжелыми наказаніями тѣмъ, кто пытается лицъ, принадлежащихъ къ арміи и флоту, привлечь на сторону стремленій, направленныхъ къ насильственному перевороту существующаго порядка.

Далѣе слѣдуетъ усиленіе наказаній за восхваленіе преступленій, расширеніе права предварительной конфискаціи произведеній печати и пр.

Только что закончилась бурная недѣля преній по поводу этого перваго законодательнаго проэкта новѣйшаго курса. Правительство утверждаетъ, что оно не имѣетъ въ виду новыми параграфами ограничить свободу мнѣній, печати и слова, но что оно хочетъ ими противодѣйствовать разрушительнымъ стремленіямъ, безразлично откуда бы они ни исходили. «Король Штуммъ», стоящій близко къ правительственнымъ сферамъ, придалъ однако дебатамъ характеръ болѣе рѣзко опредѣленный. Консерваторы, центръ и даже націоналъ-либералы поспѣшили образумить не въ мѣру расходившагося Штумма. Съ своей стороны они готовы конечно бороться съ разрушительными стремленіями. Но, говорятъ они, предложенные параграфы для этого плохое средство: они неопредѣленны, растяжимы, каучукообразны. Какую намъ монархію защищать? Монархію Вильгельма, или шаха персидскаго? Какую религію? Католическую, протестантскую или іудейскую? Какую семью? Какой бракъ? тѣ ли, что заключаются въ посредническихъ брачныхъ бюро? Какую собственность? Собственность подлинныхъ тружениковъ или биржевыхъ матадоровъ? Мы готовы, говорятъ они, бороться за религію, мораль и порядокъ, но предложенные параграфы насъ связываютъ по рукамъ и ногамъ; мы и сами сплошь да рядомъ можемъ подпасть подъ ихъ карающую силу.

Для теперешняго запутаннаго политическаго положенія въ Германіи характерно, между прочимъ, то, что главнымъ адвокатомъ правительственнаго законопроэкта является военный министръ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ, котораго послѣ отставки гр. Каприви называли однимъ изъ кандидатовъ на канцлерскій постъ. Правда, изъ наличнаго состава министровъ, это наиболѣе бойкій и развязный говорунъ. Онъ къ тому же словоохотливъ. Но со стороны ста-

новится даже нѣсколько жутко отъ его военнаго краснорѣчія. Особенно онъ не ладитъ съ крайней лѣвой. Въ этихъ случаяхъ вызывающій тонъ его рѣчи, сопровождаемой выпячиваніемъ груди, прищелкиваніемъ шпоръ и символическими движеніями сабли, такъ мало соотвѣтствуетъ основному духу парламентаризма, что болѣе независимый президентъ рейхстага на каждомъ шагу призывалъ бы такого оратора къ порядку.

Борьба противъ разрушительныхъ стремленій началась, какъ извѣстно, съ призыва къ соединенію всѣхъ охранительныхъ элементовъ. Между тѣмъ послѣдніе дебаты объ Umsturzvorlage со страшной очевидностью обнаружили весь разладъ, всю непримиримую разноголосицу и въ средѣ самого общества. Сколько различныхъ интересовъ, претензій, жалобъ, недовольства! Столько же, сколько различныхъ группъ и партій. Даже одинокіе дикіе ставятъ участь правительственнаго законопроэкта въ ту или иную зависимость отъ удовлетворенія ихъ требованій. Юнкера требуютъ своего, центръ хлопочетъ объ изгнанныхъ іезуитахъ и т. п., націоналъ-либералы жаждутъ колоніальныхъ аферъ и просятъ оставить ихъ въ покоѣ отъ соціальныхъ реформъ, либералы требуютъ этихъ послѣднихъ, поляки жалуются на германизацію, антисемиты требуютъ ея, эльзасцы стонутъ подъ бременемъ «диктатуры», а представители южной Германіи заявляютъ, что не въ моготу стало прусское господство. При такихъ условіяхъ шансы на полный успѣхъ того или иного законопроэкта сомнительны.

Князь Гогенлоэ сказалъ о настоящемъ проэктѣ, что это тотъ минимумъ, на которомъ можетъ покуда примириться правительство. Несомнѣнно однако, что коммиссія, куда теперь перешелъ проэктъ, изъ этого минимума исключитъ значительную его долю. Проглотитъ ли тогда Гогенлоэ пилюлю, или будетъ аппеллировать къ націи?

Въ германской націи, кромѣ общаго недовольства, становится особенно замѣтнымъ еще одно спеціальное теченіе, съ которымъ приходится считаться. Это именно—партикуляризмъ, стремящійся не къ тому, чтобы порвать связь съ объединенной Имперіей, но не выносящій ужъ болѣе преобладаніе прусскаго капральства. Отставка Каприви произошла внезапно. Полномочные министры союзныхъ государствъ о томъ узнали лишь спустя время; да и короли, и герцоги союзныхъ государствъ не были о томъ предупреждены. Германія, какъ извѣстно, государство союзное. Президентство въ этомъ союзѣ принадлежитъ прусской коронѣ. Императоръ не есть носитель имперскаго суверенитета, но, какъ прусскій король, дѣлитъ его со всѣми прочими правителями союзныхъ государствъ, какъ императоръ же—является его органомъ. Такимъ образомъ понятно, что правители отдѣльныхъ союзныхъ государствъ истолковываютъ имперскую конституцію такъ: назначеніе имперскаго канцлера есть формально дѣло доброй воли императора; но такъ какъ канцлеръ служитъ государству вблизи императорскаго престола, то

было бы правильнѣе, чтобы смѣна канцлера являлась не совершенной для всѣхъ неожиданностью, а результатомъ обмѣна мнѣній между правительствами союзныхъ государствъ.

Въ признакахъ такого толкованія положенія дѣлъ—недостатка теперь нѣтъ. На глазахъ у всѣхъ совершается все болѣе тѣсное сплоченіе правительствъ южной Германіи. Короли и герцоги чувствуютъ себя слишкомъ оттѣсненными носителемъ прусской короны. Масса же населенія самымъ недвусмысленнымъ образомъ вопіетъ противъ Пруссіи, въ которой видитъ олицетвореніе солдатчины. Извѣстна школьная исторія, которая теперь часто повторяется на югѣ Германіи. Вотъ ея содержаніе:—Учитель: назови мнѣ внѣшнихъ враговъ Германской имперіи?—Ученикъ: французы и русскіе.—Учитель: а какъ зовутся ея внутренніе враги?—Ученикъ: пруссаки!—И дѣйствительно, вюртембержецъ, баденецъ, баварецъ и др. хотятъ остаться нѣмцами объединенной имперіи, а не опруссачиться. Къ новѣйшему курсу также питаютъ мало довѣрія. Новый законопроэктъ называютъ попреимуществу прусскимъ продуктомъ.

А. К.

Новыя книги.

Сочиненія А. Луговаго. Томъ первый. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и драматическія произведенія. Томъ второй. Грани жизни. Романъ въ пяти частяхъ. Спб. 1894 г.

Когда какой нибудь поработавшій писатель задумываетъ собрать свои, разсѣянныя по разнымъ журналамъ, сочиненія и издать ихъ отдѣльно — онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о томъ, во-первыхъ, что для его дѣятельности наступила пора подведенія нѣкоторыхъ общихъ итоговъ, и о томъ, во-вторыхъ, что онъ придаетъ этой дѣятельности не журнальное только, быстро преходящее значеніе, а значеніе литературное, болѣе или менѣе устойчивое и твердое. Насколько правъ г. Луговой по этимъ двумъ пунктамъ?

По второму пункту онъ правъ несомнѣнно: г. Луговой обладаетъ безспорнымъ литературнымъ талантомъ, — не яркимъ, не первоклассным, но всетаки настолько значительнымъ, чтобы по праву занять въ литературѣ извѣстное положеніе. Но не слишкомъ ли торопится г. Луговой? Мы хотимъ сказать, что г. Луговому еще рано подводить итоги сдѣланной имъ работы, рано представлять читателю свою дѣятельность во всемъ ея ансамблѣ, потому рано, что сдѣлано г. Луговымъ, вообще говоря, пока еще немного. Свою литературную правоспособность г. Луговой доказалъ; читатель съ полнымъ основаніемъ можетъ зачислить его въ небольшой списокъ своихъ вѣроятнѣйшихъ литературныхъ надеждъ; литературная критика обязана съ вниманіемъ слѣдить за развитіемъ его таланта. Но это и все, или почти все. Говорить о г. Луговомъ, на основаніи его „сочиненій", какъ о вполнѣ законченномъ „сочинителѣ", для критики было бы трудно, а для самого автора невыгодно и непріятно. Повторяемъ: г. Луговой слишкомъ поторопился.

Все это мы говоримъ отчасти pro domo sua: критику и рецензенту неудобно безъ уважительныхъ причинъ сказ

что онъ не понимаетъ писателя, а въ данномъ случаѣ мы должны сказать именно это. Да, мы не имѣемъ удовольствія понимать г. Лугового. Стихотворенія, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія и одинъ романъ въ пяти частяхъ... казалось бы, что тутъ не понимать, надъ чѣмъ тутъ ломать голову? Журнальная практика выработала извѣстные, очень простые шаблоны критики, вооружившись которыми, можно въ полчаса удовлетворительно *разобрать* любую драму самого Шекспира. Въ приступѣ—нѣсколько прочувствованныхъ словъ на счетъ талантливости или геніальности автора, въ изложеніи — смотрите здѣсь, смотрите тамъ, нравится-ль все это вамъ? причемъ необходимо иллюстрировать этотъ вопросъ выписками побольше и почаще, наконецъ, въ заключеніи — что нибудь общее и неголоволомное, но буквально *что нибудь*, въ родѣ хотя бы того, что просвѣщеніе — полезно и что счастливы тѣ страны, которыя способны порождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ. Кто сказалъ бы о такомъ рецензентѣ, что онъ не понялъ писателя? Сказалъ бы только, быть можетъ, самъ писатель, если бы не былъ подкупленъ рецензентскими комплиментами и если бы стоялъ на той высотѣ самосознанія, которая даетъ возможность сказать себѣ: „ты самъ свой высшій судъ" (Пушкинъ). Большинство читателей осталось бы предовольно рецензіей и дѣло, такимъ образомъ, устроилось бы ко всеобщему удовольствію.

И вотъ, обладая даже сокровенными тайнами рецензентскаго искусства, мы всетаки говоримъ, что не понимаемъ г. Лугового, и эту нашу осторожность г. Луговой долженъ принять, какъ величайшій комплиментъ себѣ. Мы лучшаго мнѣнія о г. Луговомъ, нежели самъ г. Луговой: онъ считаетъ себя писателемъ и человѣкомъ оконченнымъ, мы считаемъ его писателемъ и человѣкомъ съ будущностью. Вотъ что говоритъ г. Луговой о себѣ:

Въ поискахъ счастья, на ложномъ пути,
Тщетно растратилъ я лучшія силы;
Тяжкій недугъ въ наболѣвшей груди
Мучитъ жестоко..... и, кромѣ могилы,
Мнѣ уже нечего ждать впереди.

Это отрывокъ изъ большого стихотворенія „Опять на Волгѣ", представляющаго собою какъ бы лирическую исповѣдь автора передъ читателемъ. Задушевная искренность этой исповѣди ручается за ея совершенную правдивость и мы узнаемъ изъ нея, что г. Луговому дѣйствительно живется не легко: его преслѣдуютъ угрызенія совѣсти, воспоминанія о „ложномъ пути", которымъ шелъ г. Луговой „въ поискахъ

счастья". О какомъ ложномъ пути говорится тутъ? А вотъ послушайте—это очень интересно, и характерно, и поучительно:

Роскошью, блескомъ, приманкой пустою
Я увлеченъ былъ, богатства искалъ,
Торной дорогой идя за толпою,
Въ тотъ очарованный кругъ я попалъ,
Гдѣ люди—братья, во имя наживы
Рвутъ другъ у друга послѣдній кусокъ,
Гдѣ безупречная честность—порокъ;
Гдѣ увѣренья безчестны и лживы;
Гдѣ надо всѣмъ безгранично царитъ
Алчность, бевстыдство, обманъ и коварство.....

И такъ далѣе. Кратко говоря, г. Луговой попалъ въ кругъ дѣльцовъ, самъ сдѣлался дѣльцомъ — и добился, чего добивался:

Долго вертѣлся я въ омутѣ этомъ...
Душу свою продавалъ я—отвѣтомъ
Былъ мнѣ чарующій золота звонъ.

То есть г. Луговой разбогатѣлъ. Но.....

Но въ унизительной битвѣ до цѣли
Я не дошелъ—изнемогъ и упалъ;
Все, что добыто борьбой, потерялъ—
Пятна позора одни уцѣлѣли.
Поздно созналъ я ошибку свою...
Нищій, больной, я теперь одиноко,
Чуждый богатымъ и бѣднымъ, стою.

То есть г. Луговой раззорился. Перебивая главную нить нашего изложенія, мы торопимся выяснить здѣсь одно обстоятельство. Невольно возникаетъ злое и ядовитое сомнѣніе: покаяніе г. Лугового не было ли результатомъ его раззоренія? Если такъ, то цѣна *такого* покаянія очень невысокая, потому что оно походитъ гораздо болѣе на сожалѣніе, чѣмъ на покаяніе. Если бы „чарующій золота звонъ" продолжалъ услаждать слухъ автора, то голосъ внутренняго сознанія, протестующій голосъ совѣсти, не былъ ли бы заглушенъ этимъ звономъ? Очень многіе разсудятъ такимъ образомъ, но мы думаемъ иначе, потому что лучшаго мнѣнія о человѣческой природѣ вообще: не потому г. Луговой покаялся, что раззорился, а, наоборотъ, потому онъ раззорился, что покаялся. Настоящіе *нераскаянные* дѣльцы не смущаются неудачами, а начинаютъ плести свою паутину съизнова, въ справедливомъ убѣжденіи, что былъ молодцу не въ укоръ и что если разъ была удача, то она можетъ явиться и еще разъ. Для г. Лугового, къ счастію для насъ и для него, возвратъ на старую дорогу, на „ложный путь", невозможенъ, потому что, какъ говоритъ онъ,

Мнѣ мучительно больно сознанье,
Что я когда то, въ порывѣ стяжанья,
Пользуясь силой, бралъ жадной рукой
У бѣдняка его грошъ трудовой.

Очевидно—для насъ, по крайней мѣрѣ — это мучительное сознаніе не оставляло г. Лугового въ самый разгаръ его дѣятельности на „ложномъ пути“ и оно то и именно и явилось главнѣйшей причиной спасительной неудачи нашего *дѣльца по недоразумѣнію.* Какое торжество совѣсти, какая поучительная и прекрасная картина нравственнаго возрожденія! Такъ разсуждаемъ мы, люди посторонніе, а г. Луговой близокъ къ полному отчаянію, отъ котораго намъ хотѣлось бы предохранить его. Благо тому, въ покаянномъ порывѣ восклицаетъ г. Луговой.

Благо тому, кто не идолу злата,
Кто безкорыстно лишь правдѣ служилъ,
Кто въ этотъ вѣкъ грабежа и разврата
Честности свѣтлое знамя носилъ;
Кто, умирая, въ наслѣдье откажетъ
Братской любви вдохновенный завѣтъ:
Путь къ его гробу потомкамъ укажетъ
Дружной толпою протоптанный слѣдъ.
Я же, въ минуту послѣдней расплаты
Съ жизнью—за свой добровольный позоръ—
Горькій, обидный услышу укоръ.
Словно небеснаго грома раскаты
Онъ надо мною въ тотъ мигъ прозвучитъ—
Всѣ прегрѣшенья мои воскреситъ;
Дума о жизни, безплодно разбитой,
Въ сердце вопьется змѣей ядовитой,
Встанутъ толпой надъ могилой открытой
Мрачные образы прожитыхъ лѣтъ—
И, позабывши предсмертныя муки,
Въ злобѣ сожму я безсильныя руки
И прокляну и себя, и весь свѣтъ!

Объ этомъ можно сказать словами Тургенева о стихахъ Добролюбова: это не поэзія, но это не хуже поэзіи. Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Каково, подумайте, положеніе писателя, имѣющаго за своими плечами такой грузъ? Литература—дѣло чистое, за которое надо браться чистыми же руками. Литература — это храмъ вѣрныхъ, въ который не должны вступать оглашенные. Писатель — это проповѣдникъ добра, права и справедливости, обязанный не только словомъ, но и дѣломъ *свидѣтельствовать о свѣтѣ,* по евангельскому выраженію. Таково понятіе о литературѣ по своей миссіи всѣхъ призванныхъ писателей, въ категорію которыхъ мы безъ колебаній зачисляемъ г. Лугового, потому что онъ достаточно талантливъ для этого и достаточно искрененъ. Но если писатель, готовый повиноваться своему призванію, чувствуетъ въ то же время, что не упорядоченъ его собственный внутренній міръ, что прежде, чѣмъ учить, ему нужно переучиться, перерадаться, совлечь съ себя ветхаго человѣка, то естественно, что въ его произведеніяхъ не будетъ той цѣльности и полноты убѣжденія, которая дается людямъ, согласовавшимъ свои

идеи съ своими нравственными инстинктами, не будетъ и той властности слова, которая тоже не отъ одного таланта зависитъ, но также и отъ законно-гордой готовности когда угодно, кому угодно и гдѣ угодно отдать отчетъ въ каждомъ словѣ и каждомъ дѣйствіи своемъ. Безгрѣшныхъ людей нѣтъ и не бывало, но были и есть люди не преступные, есть, были и будутъ писатели, которымъ нѣтъ надобности восклицать: „прости меня, о, родина, прости!“ У такихъ писателей могутъ найтись логическія противорѣчія, какъ простыя ошибки ума, но у нихъ не найдется нравственныхъ диссонансовъ, которые бы парализировали силу ихъ рѣчи.

Г. Луговой отъ этихъ диссонансовъ далеко не свободенъ, и вотъ почему мы сказали, что не понимаемъ его, т. е. не можемъ съ увѣренностью сказать: камень или хлѣбъ онъ даетъ своему читателю. Приведемъ примѣръ. Мы только что слышали отъ г. Лугового энергическія проклятія тѣмъ общественнымъ сферамъ, „гдѣ безупречная честность — порокъ, гдѣ увѣренья безчестны и лживы“ и пр., и пр. Уходя съ „ложнаго пути“, г. Луговой, казалось, отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и ужъ, конечно, отъ него менѣе, чѣмъ отъ кого либо другого, мы должны ожидать приглашеній вступить именно на этотъ опозоренный путь. Это „омутъ“, говорилъ намъ г. Луговой, это „унизительная битва“: не станетъ же г. Луговой толкать въ этотъ омутъ неопытныхъ людей, не станетъ восхвалять „унизительную битву“ какъ долгъ, какъ нравственный подвигъ. Не станетъ... Нѣтъ, господа читатели, даже очень и очень станетъ, съ жаромъ, съ эмфазомъ, съ убѣжденіемъ даже! Въ драмѣ „Озимь“ одинъ изъ персонажей слѣдующимъ образомъ убѣждаетъ интеллигентную дѣвушку выйти замужъ за влюбленнаго въ нее купеческаго савраса:

— „Эхъ, не знаете вы, что такое любовь настоящая, что такое любовь воображаемая! Съ такими то соображеніями и чувствами не пойдетъ за него и другая. Тогда онъ озлобится и возьметъ себѣ такую, какую за него отдадутъ, не спрося ее, возьметъ нравственное ничтожество, съ придачей мѣшка денегъ, и скажетъ, что оно такъ то лучше. Пройдутъ года и онъ, какъ и отецъ его, „своимъ умомъ дойдетъ“, что и образованіе, и всякіе порывы—все это блажь одна, а сила въ деньгѣ. И будетъ изъ него Данило Макарычъ номеръ второй. А при вашемъ вліяніи Иванъ Данилычъ можетъ сдѣлаться достойнымъ мужемъ и отцомъ. Лучшимъ людямъ, какъ вы, не бежать надо изъ этой среды, не смотрѣть на нее свысока и издали, а вторгаться въ нее, становиться въ ряды, завоевывать себѣ въ ней положеніе и подчинять ее себѣ. При этомъ у васъ, кромѣ силы духовной, будетъ и другая сила—деньги, а это въ наше время много значитъ. Не упускайте же слу-

который вамъ теперь представляется. На мѣста учительницъ, акушерокъ, врачей, пойдутъ многія и кромѣ васъ: однѣ по нуждѣ, другія потому, что имъ нѣтъ другого пути совершить тотъ подвигъ, котораго онѣ не могутъ не совершить; пойдутъ на это дѣло въ провинцію и изъ Петербурга и будутъ онѣ на немъ не хуже васъ; пойдутъ даже и землю пахать, и сѣно съ бабами косить. Но въ жены Иванамъ Данилычамъ имъ попасть гораздо труднѣе; съ одной стороны, по великому заблужденію, онѣ будутъ считать это не подвигомъ, а нравственнымъ паденіемъ, а съ другой стороны и Данилы Макарычи не будутъ брать ихъ въ жены своимъ сыновьямъ, потому что онѣ пришлыя, чужія, не родныя. Вы должны воспитать здѣсь новое, лучшее поколѣніе и, если будетъ нужно, принести ему въ жертву и ваше личное счастье, и всю вашу жизнь, не требуя себѣ за это награды. Вы знаете — у насъ на сѣверѣ мы не сѣемъ весной рожь, чтобы собрать къ осени урожай отъ нея. Мы прежде сѣемъ озимь и пережидаемъ зиму. Будьте же и вы этой озимью, укрѣпите корни, а жатву соберутъ ваши дѣти и внуки. Идите-ка за Ивана Данилыча!"

Краснорѣчиво, возвышенно и убѣдительно! Въ этомъ монологѣ — основная идея всей драмы, идея, съ которой мы автора совсѣмъ не поздравляемъ. По существу дѣла мы не будемъ спорить съ г. Луговымъ, а предоставимъ разсудить насъ съ нимъ лицу достаточно авторитетному и компетентному въ вопросахъ этого рода — Глѣбу Успенскому. Въ разсказѣ „Скучающая публика" купецъ Таракановъ выражается на этотъ счетъ съ простодушною откровенностью: „Мнѣ маменька давно зудитъ: „женись, женись"... Зачѣмъ? По хозяйству у меня полонъ домъ бабъ: маменька, двѣ сестры. А ежели не для хозяйства, такъ я даже и опасаюсь... Самъ-то дуракъ, да дуру возьмешь—будетъ два дурака... Имназистку? Такъ она училась, понимаетъ... А я даже ежели цифру которую подлиннѣй написать, и то ошибусь сто разъ... Нѣшто насъ чему учили родители? Только боемъ однимъ съ малыхъ денъ и пользовали! — Такъ вотъ я и думаю, что самое подходящее нашему брату — арфистка. Мусоръ къ мусору — и обѣхъ въ помойную яму, туда и дорога! Ежели эдакая-то мусорная дама другой разъ и по мордѣ тебѣ дастъ, подгулямши, и то смолчишь: свой своему... А попадись нашему брату добрая да умная, да смирная, да сохрани Господи, ученая, такъ, вѣдь, мы ее должны на части разорвать, съ одного, что она хорошая... Нашъ братъ тоже, вѣдь, ухъ, какой дьяволъ бываетъ!" Вотъ это, кажется, болѣе похоже на дѣло, нежели идиллическая картина г. Лугового. Но мы опять говоримъ: кому бы ужъ кому рисовать эту идиллію, только не г. Луговому. На опытѣ извѣдавъ развращающее вліяніе извѣстной

среды, онъ съ легкимъ сердцемъ посылаетъ туда молодую дѣвушку на несомнѣнную гибель. Это не противорѣчіе понятій, не простая недодуманность — это наглядное выраженіе той нравственной неустойчивости, которая заставляетъ насъ недоумѣвать передъ произведеніями г. Лугового.

Не останавливаясь на разсказахъ г. Лугового, не представляющихъ ничего значительнаго ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ, мы скажемъ въ заключеніе, что огромный романъ „Грани жизни" не разсѣеваетъ, а усиливаетъ наши сомнѣнія относительно истинныхъ намѣреній автора. Романъ написанъ хорошо, литературно, хотя и переполненъ разнаго рода разсужденіями дѣйствующихъ лицъ, поголовно страдающихъ неудержимою наклонностью къ многословному резонерству. Но въ чемъ идея романа? Эта идея олицетворена въ образѣ нѣкоторой предпріимчивой и очаровательной дѣвицы Лидіи Александровны, которая, стремясь къ самостоятельности, хотя невинности не сохранила, но капиталъ пріобрѣла. А такъ какъ, въ концѣ концовъ, ея обольститель сочетался съ нею законнымъ бракомъ, то можно сказать, что удачливая дѣвица и невинность свою возвратила безъ всякаго ущерба капиталу. Радуемся за дѣвицу, но останавливаемся передъ ея образомъ съ недоумѣніемъ: представителемъ какой собственно *грани жизни* она является?

Поживемъ — увидимъ. Г. Луговому нужно много работать надъ собою, чтобы его міроразумѣніе перестало напоминать собою „хаоса бытность довременну" и освободилось окончательно отъ того идейнаго мусора, которымъ оно засорилось и омрачилось, вѣроятно, въ періодъ пребыванія автора на „ложномъ пути". По выходѣ въ свѣтъ третьяго тома „Сочиненій" г. Лугового мы, быть можетъ, возвратимся къ этому интересному писателю въ особой статьѣ.

Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1895. Ц. 2 р.

Книга представляетъ собою сборникъ статей и замѣтокъ историко-литературнаго характера, если не ошибаемся, предварительно уже напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ. Большинство ихъ такъ или иначе касается Пушкина, къ памяти котораго авторъ относится трогательно-благоговѣйно,—„Бесарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ", „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ", „Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ" „Пушкинъ о Батюшковѣ", „О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году", „Пушкинъ и Даль", „О стихотвореніяхъ Пушкина: „Туча" и „А ви-

лонъ". Послѣдняя изъ названныхъ статей можетъ служить образчикомъ тщательности работы г. Майкова.

Двѣ послѣднія строки стихотворенія „Туча" печатаются во всѣхъ изданіяхъ такъ:

И вѣтеръ, *лаская листочки* древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Г. Майковъ обратилъ вниманіе на хранящійся въ публичной библіотекѣ въ числѣ автографовъ Пушкина листокъ, на которомъ написано: „И вѣтеръ, *колебля вершины* древесъ" и т. д., но этотъ варьянтъ зачеркнутъ и сверху чужой рукою написано: „лаская листочки". Г. Майковъ и полагалъ поэтому, что зачеркнутый варьянтъ есть подлинный. Но дальнѣйшія изысканія убѣдили его, что измѣненіе сдѣлано хотя и чужою рукой (Краевскаго), но по желанію самого Пушкина. Затѣмъ г. Майковъ собралъ все, когда нибудь, кѣмъ нибудь сказанное о стихотвореніяхъ „Туча" и „Аквилонъ" и далъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о житейскихъ дѣлахъ, отразившихся въ этихъ двухъ, близкихъ по мотиву и различныхъ по формѣ, стихотвореніяхъ.

Можетъ показаться, что г. Майковъ уже слишкомъ пристально слѣдитъ за каждой мелочью изъ жизни поэта и за каждою строчкою его произведеній. Но будущій біографъ Пушкина, полагаемъ, скажетъ нашему автору спасибо за многое; напримѣръ, за образцовое слѣдствіе, произведенное имъ по дѣлу о показаніяхъ г. Мартьянова о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ (Марлинскимъ) на Кавказѣ (стр. 227—230). Поддѣльность рукописи, которою пользовался г. Мартьяновъ, доказана здѣсь исчерпывающимъ образомъ. Это напоминаетъ намъ появившееся недавно въ газетахъ сенсаціонное извѣстіе о найденномъ гдѣ то полномъ спискѣ второй части „Мертвыхъ душъ". Лѣтъ двадцать тому назадъ надѣлала уже большого шуму и многихъ ввела въ обманъ подобная же находка. Будемъ надѣяться, что новый списокъ, если онъ вообще существуетъ, не минуетъ рукъ г. Майкова.

Чтобы привести еще образчикъ тщательности работы г. Майкова, остановимся на знаменитомъ стихотвореніи Пушкина „Чернь", возбуждавшемъ и столько восторговъ, и столько нареканій на поэта. Г. Майковъ пишетъ: „Обвиненія такого рода (въ безнравственности) начались еще очень давно, съ появленія „Руслана и Людмилы"; не прекращались они и во торой половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки, различныя обстоятельства обязывали го къ особливой осторожности, чтобы не подвергаться новымъ тѣсненіямъ: это было время, когда онъ получалъ моральныя литературныя наставленія даже отъ графа Бенкендорфа и казывался въ необходимости оправдываться противъ выго-

воровъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что стихотвореніе „Чернь“ есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризнаннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной черни, а къ пустой толпѣ свѣтской“ (181—182). Въ подтвержденіе этого своего мнѣнія г. Майковъ собралъ весьма много историко-литературныхъ данныхъ.

Изъ статей, не относящихся къ Пушкину, въ высшей степени интересенъ очеркъ „Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ“. Авторъ задается такими вопросами: „То праздное благоразуміе, та безжизненная мудрость, то равнодушіе къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, тотъ покой безстрастія—не симпатичныя черты, которыя Плетневъ и Галаховъ видятъ въ окончательно сложившемся характерѣ Крылова и въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, были-ли онѣ коренными, исконными свойствами его духовной природы, или же онѣ образовались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ какихъ либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Другими словами: какимъ человѣкомъ Крыловъ былъ смолоду, испыталъ-ли онъ порывы и увлеченія, свойственныя юнымъ годамъ, и что подавило въ немъ живую дѣятельность ума и потушило душевный огонь? Что, наконецъ, заставило его творчество замкнуться въ узкую сферу одного поэтическаго рода, гдѣ онъ проявилъ себя великимъ мастеромъ слова, но въ то же время холоднымъ мудрецомъ, который въ глубинѣ души, кажется, ничего ни любилъ, ни ненавидѣлъ?“ (5). Г. Майковъ не даетъ отвѣтовъ на эти вопросы, но сообщаетъ очень интересные и мало извѣстные матеріалы для отвѣтовъ.

Графъ Алексисъ Жасминовъ. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. Спб. 1895.

Произведенія графа Алексиса Жасминова всегда вызываютъ въ насъ двойственное чувство. Его не только версификаторское мастерство, а прямо недюжинный талантъ и ѣдкое остроуміе могли-бы доставлять большое удовольствіе, если-бы не та неряшливая неразборчивость, съ которою онъ ихъ пускаетъ въ ходъ. Особенно силенъ онъ въ пародіяхъ, съ чрезвычайною легкостью, почти помимо воли, усваивая тонъ, манеру и форму пародируемаго имъ писателя. Но страдая нравственнымъ безвкусіемъ, онъ, повидимому, не способенъ дать себѣ отчетъ ни въ причинахъ, вызвавшихъ его насмѣшку ни въ ея цѣляхъ, а это часто ведетъ и къ художественному безвкусію. Въ лежащемъ передъ нами изящно изданномъ томикѣ „Голубыхъ звуковъ и бѣлыхъ поэмъ“ есть группа пародій

на произведенія декадентовъ и символистовъ. Вотъ первая изъ этихъ пародій:

Въ золотистыхъ предмѣстіяхъ моей души
Гуляютъ голубыя курицы съ бѣлокурыми волосами:
Онѣ клохчутъ въ сонной нѣгѣ, а зеленое сомнѣніе
Запѣваетъ свою печальную, трупную пѣсню.

* * *

Бѣлыя думы, оранжевыя мечты о счастіи,
Будто мотыльки въ вечерній часъ надъ тростникомъ,
Кружатся и трепещутъ надъ лазурью моего сердца,
Отражающаго теплыя муки и отблески любви. И т. д.

Это—весьма поучительная для нашихъ доморощенныхъ декадентовъ и весьма удачная пародія, то есть ироническое подражаніе, въ законныхъ предѣлахъ преувеличивающее комическія стороны якобы поэзіи Метерлинка. Понятно и почему эта группа стихотвореній носитъ названіе „Голубыхъ звуковъ". Но это спеціальное названіе совершенно уже не пристало къ другой группѣ, имѣющей еще подзаглавіе: „Пѣсни весны". Здѣсь есть, напр., такіе стихи:

Я пришелъ къ тебѣ поутру,
Легкимъ кутаясь халатомъ,
Разсказать, что мы жаркое
Нынѣ будемъ ѣсть съ салатомъ!
Разсказать, что отовсюду,
Парника усыпавъ гряды,
Огурцовъ зелено-сочныхъ
Вышли юные отряды!

Есть, конечно, люди, встрѣчающіе весну именно съ этой огуречно-салатной стороны, и отчего же не посмѣяться надъ ними, но едва-ли понятно, почему эта насмѣшка приняла форму пародіи на извѣстное стихотвореніе: „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, разсказать, что солнце встало". Въ тѣхъ же „Пѣсняхъ весны" есть такая:

Темнымъ сводомъ сомкнувшись надъ нами,
Шелестятъ золотыя акаціи,
И меня обвила ты руками,
Полна граціи.
Свѣтъ луны серебристыми пятнами
Палъ на плечи твои обнаженныя,
Полны звуками, сердцу понятными,
Колыхаются листья зеленые.
Закатились назадъ кудри пышныя,
И уста, удержаться не властныя,
Шепчутъ трепетно рѣчи чуть слышныя,
Поцѣлуи прервавъ сладострастные...
Темнымъ сводомъ сомкнувшись надъ нами,
Шелестятъ золотыя акаціи,
И мена обвила ты руками,
Полна граціи.

Это было бы просто красивое стихотвореніе и хорошень-

кая картинка, подъ которою не отказались бы подписаться многіе весьма серьезные современные поэты,—еслибы не слишкомъ декадентски-„вольная“ и очень неграціозная строка: „Полна граціи“. Зачѣмъ она, эта строка? или зачѣмъ къ ней придѣлано несоотвѣтственное стихотвореніе? и почему оно попало въ „Голубые звуки“?

Еще образчикъ изъ тѣхъ же „Пѣсенъ весны“:

Отъ зари до полуночи
У меня одно мечтанье
Все о томъ, что я чахоткой
Въ маѣ мѣсяцѣ скончаюсь.

Судя по этому началу, вы ждете одной изъ тѣхъ неприличныхъ выходокъ, которыя г. Жасминовъ не разъ позволялъ себѣ по адресу житейскихъ положеній, не только не комическихъ, а глубоко трагическихъ. И дѣйствительно, далѣе слѣдуетъ:

О, какъ это интересно!
Я лежу больной и блѣдный,
Взоръ горячешнымъ сіяньемъ,
Взоръ слезою смерти блещетъ.

Но еще далѣе эта ядовитая насмѣшка не поддерживается уже ни тономъ, ни содержаніемъ стихотворенія, которое поэтому оказывается невыдержаннымъ ни съ какой точки зрѣнія.

Смѣшно разсуждаетъ Агафья Тихоновна, что хорошо бы было, если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича. Но невольно всетаки приходитъ въ голову, что еслибы къ мастерству гр. Алексиса Жасминова прибавить настоящаго содержанія, настоящей, искренней вѣры во что нибудь, то мы имѣли бы однимъ хорошимъ писателемъ больше.

И. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб. 1895 г.

Московскій профессоръ Янжулъ былъ командированъ въ 1893 году на всемірную выставку въ Чикаго министерствомъ финансовъ. Какъ узнаемъ изъ предисловія названной книжки, на первомъ мѣстѣ его программы занятій стояло изученіе вопроса о синдикатахъ, „который давно уже созрѣлъ въ Америкѣ“. Г. Янжулъ не ограничился, однако, простымъ фактическимъ изслѣдованіемъ названнаго явленія въ Америкѣ, а прибавилъ общую его оцѣнку и коснулся того отношенія, которое должно быть установлено къ нему законодательствомъ. „По

слѣдняя, восьмая глава сочиненія („Государство и синдикаты") представляетъ, говоритъ г. Янжулъ, общіе выводы изъ моего изслѣдованія безъ спеціальнаго отношенія къ Америкѣ". Это-то и представляетъ особый интересъ для русскаго читателя. Извѣстный профессоръ, имѣющій имя, изучалъ одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ современной экономики, для чего ѣздилъ спеціально въ Америку, и излагаетъ общіе выводы не съ академическими только цѣлями, а для министерства финансовъ. Очевидно, эти выводы могутъ оказать вліяніе и на практическую политику страны и служить основаніемъ для тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Чѣмъ авторитетнѣе авторъ такого изслѣдованія, тѣмъ болѣе увеличивается такая вѣроятность и вмѣстѣ—серьезнѣе его нравственная отвѣтственность.

Въ бѣглой библіографической замѣткѣ невозможно дать обстоятельный разборъ объемистаго изслѣдованія въ 450 стр., богатаго фактическимъ содержаніемъ. Ограничимся поэтому той оцѣнкой синдикатовъ вообще, которую даетъ упомянутая послѣдняя глава.

Если бросить взглядъ на историческій ходъ развитія промышленности, говоритъ авторъ (387), то онъ представится въ такомъ видѣ: на раннихъ ступеняхъ стоитъ производитель-рабочій, затѣмъ—отдѣльный капиталистъ, еще далѣе—союзы капиталистовъ (товарищества, компаніи и пр.) и наконецъ—синдикаты, „*такъ сказать, послѣдняя* (?) и наиболѣе сложная форма промышленнаго развитія". Очевидно, хронологія у почтеннаго автора, въ данномъ случаѣ, нѣсколько хромаетъ: едва-ли вѣрно, что въ исторіи промышленности былъ сначала періодъ господства единоличной формы капиталистическихъ предпріятій, а затѣмъ — періодъ формы компанейской. Справедливо, однако, то, что особенное развитіе синдикатовъ въ ихъ современныхъ размѣрахъ и видѣ составляетъ особенность послѣдняго времени, хотя трудно сказать, съ какой точки зрѣнія ихъ можно назвать „послѣдней" формой промышленнаго развитія.—Такимъ образомъ, синдикаты суть продуктъ исторіи. Въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается и, несмотря на это, немало есть людей, утверждающихъ, что продуктъ этотъ очень вреденъ для народнаго хозяйства. Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Янжулъ, это неправда, синдикаты полезны и заслуживаютъ поощренія. Такое утвержденіе извѣстнаго профессора является совсѣмъ неожиданнымъ и побуждаетъ читателя живо заинтересоваться его аргументаціей.

Сначала разрушаются разные предразсудки, въ силу которыхъ составилось предубѣжденіе противъ синдикатовъ. Такъ, нѣкоторые утверждаютъ, что синдикаты монополизируютъ отдѣльныя отрасли производства и влекутъ за собой всѣ послѣдствія обыкновенныхъ монополій. Г. Янжулъ при-

знаетъ самъ, что они носятъ „характеръ относительной (?) монополіи". Но есть монополіи, которыхъ мы не „проклинаемъ", а „благословляемъ", говоритъ профессоръ, напр.,... правительственныя (почтовая, телеграфная, выпуска денегъ, желѣзнодорожная и пр.). И если онѣ хороши въ рукахъ правительства, то почему онѣ должны представлять лишь одни недостатки въ рукахъ частныхъ лицъ подъ контролемъ правительства? побѣдоносно восклицаетъ авторъ (389). То обстоятельство, что однимъ долженъ быть чуждъ моментъ наживы, образованія прибыли, а другія только изъ-за этой цѣли и организуются, что одни устанавливаются въ интересахъ массы, а другія—въ интересахъ капиталистовъ, словомъ, элементарныя различія между общественно-хозяйственнымъ и частно-хозяйственнымъ предпріятіемъ, и другіе мотивы установленія государственныхъ регалій—упущены изъ виду профессоромъ финансоваго права....

Далѣе, авторъ признаетъ, что синдикаты „вытѣсняютъ полезные классы мелкихъ и самостоятельныхъ предпринимателей", но... вѣдь это достойно „полнаго сожалѣнія" только съ этической точки зрѣнія, а „интересы массы народа—всѣхъ потребителей стоятъ превыше этого. (390)". Замѣтьте, однако, что польза синдикатовъ для „массы народа" еще пока не доказана. На этомъ основаніи мимоходомъ въ примѣчаніи въ нѣсколькихъ строчкахъ уничтожается и объявляется „наивною" всякая поддержка нашего кустарнаго производства „безъ разбору". Вообще, „общество не имѣетъ никакого интереса предпочитать мелкаго капиталиста крупному", да впрочемъ „нѣкоторые" изъ мелкихъ отъ учрежденія синдикатовъ ничего не теряютъ, „становясь пайщиками или членами синдиката, *или его служащими* (!), а ихъ предпріятія присоединяются къ общему дѣлу". Т. е. если сотни или тысячи мелкихъ производителей съ 1—2 рабочими принуждены будутъ закрыть свое производство и изъ нихъ „нѣкоторые" пойдутъ рабочими въ синдикатъ, то этимъ смущаться нечего. Отъ этого выигрываетъ... синдикатъ. Вѣдь о пользѣ „массы" еще, повторяемъ, рѣчь впереди.

Но вотъ мы доходимъ и до выигрыша потребителей. Утверждаютъ, что синдикаты, какъ всякія монополіи, поднимаютъ цѣны на продукты. Оно и понятно-бы: если конкурренція убита, такъ зачѣмъ и спускать цѣны на продукты,—все равно покупатели найдутся. Такъ думали до сихъ поръ. Московскій профессоръ подходитъ къ этому возраженію съ должной осторожностью; онъ говоритъ, что „обсужденіе этого вопроса вызываетъ самыя противорѣчивыя рѣшенія, часто на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ. Разнообразныя вліянія... затрудняютъ точность истолкованія" (чего?) (393). Да-тѣ

приводятся примѣры. О причинахъ пониженія въ Америкѣ цѣнъ на керосинъ идетъ споръ—упали они подъ вліяніемъ синдиката или другихъ причинъ. Авторъ думаетъ, что это явленіе—дѣло синдиката. О цѣнахъ сахара „довольно единодушно всѣ изслѣдователи пришли къ заключенію, что сахарный синдикатъ *не уменьшилъ*, а *скорѣе увеличилъ*" ихъ (397). Водочный синдикатъ почти не поднялъ цѣны на алькоголь при крупномъ подъемѣ цѣны на кукурузу. „Менѣе ясными по недостатку полныхъ данныхъ считаются результаты" синдиката хлопчатобумажнаго масла (398—9). Вотъ и всѣ примѣры. На основаніи ихъ г. Янжулъ дѣлаетъ такой выводъ: „приведенные факты доказываютъ, что синдикаты... не только не ведутъ непремѣнно къ повышенію цѣнъ продуктовъ, *но часто даже понижаютъ ихъ въ весьма значительной степени, какъ въ трехъ указанныхъ трестахъ*" (399). Изъ четырехъ (всего) случаевъ, въ одномъ (4-мъ) вліяніе синдиката „неясно", въ другомъ (1-мъ) оно спорно, въ третьемъ (2-мъ) цѣны увеличились, а въ послѣднемъ (3-мъ) не увеличились, а почтенный профессоръ старается насъ увѣрить, что синдикаты „часто" понижаютъ цѣны, даже еще „въ весьма значительной степени" какъ въ трехъ (?) указанныхъ случаяхъ.

Такъ доказана польза синдикатовъ для потребителей. На очереди польза для рабочихъ. „Зависимость рабочихъ отъ синдиката должна рости съ одной стороны пропорціонально съ ихъ безпомощностью, съ другой—со степенью обширности синдиката", говоритъ авторъ. „Чѣмъ болѣе монопольный характеръ онъ (синдикатъ) имѣетъ, тѣмъ, разумѣется, такой союзъ предпринимателей можетъ быть опаснѣе для интересовъ рабочаго". А такъ какъ синдикаты ростутъ и принимаютъ болѣе монопольный характеръ, а безпомощность рабочихъ даже въ странахъ съ рабочей организаціей умаляется туговато, то казалось-бы, à la longue синдикаты становятся все „опаснѣе" интересамъ рабочихъ. Но г. Янжулъ дѣлаетъ иной выводъ. Регулированіе цѣнъ производства, говоритъ онъ, содѣйствуетъ установленію большей устойчивости цѣнъ, слѣд., устраняетъ (?) или ограничиваетъ промышленные кризисы, отнимающіе заработокъ у рабочаго. „Помимо того, выигрываютъ всѣ тѣ рабочіе, *разумѣется* (?), которые находятся при дѣлѣ: *положеніе ихъ упрочивается (?), шансы безработицы уменьшаются (??)* *) *и лучшіе доходы даютъ возможность синдикатамъ выплачивать своимъ рабочимъ и служащимъ сравнительно высокую плату и жалованіе*" (403). Вы думаете, что эти важ-

*) Одной страницей раньше упомянуто, что въ видахъ поддержанія цѣнъ на продукты одинъ синдикатъ закрылъ 3 завода, другой—72 (sic) завода, а третій прекратилъ совсѣмъ работы на цѣлый годъ (401—402).

ныя заявленія чѣмъ нибудь доказаны, приведены цифры и данныя, указывающія на большую прочность рабочихъ при синдикатахъ, на уменьшеніе безработицы, на подъемъ у нихъ заработной платы? Ошибаетесь. Поставлена точка и мы должны вѣрить на слово: magister dixit. Но этого мало. *Непосредственно* за этимъ читаемъ: „*такимъ образомъ* (стало быть все предшествующее принимается за доказанное), если часть рабочихъ, *меньшая*, проигрываетъ" отъ безработицы, „то другая *большая* выигрываетъ, получая болѣе обезпеченное и выгодное положеніе" (403). Можно-бы подумать, что г. Янжулъ хотя здѣсь приведетъ доказательства того, почему „меньшая" часть рабочихъ проигрываетъ, а „большая" выигрываетъ, а не наоборотъ. Къ сожалѣнію, и это положеніе подтверждено не больше предыдущихъ.—Но авторъ, очевидно, въ этомъ случаѣ самъ не былъ увѣренъ въ убѣдительности своей точки зрѣнія и поспѣшилъ прибавить: „очевидно, однако, что это не можетъ считаться вознагражденіемъ для тѣхъ, которые остаются безъ работы, и это обстоятельство является лишнимъ *поводомъ къ установленію большаго контроля правительства надъ синдикатами и возложенію на нихъ болѣе строгихъ обязанностей въ отношеніи къ рабочимъ*, чѣмъ это требовалось отъ промышленниковъ доселѣ" (403) (курсивъ авторъ). Въ чемъ должны заключаться эти „болѣе строгія обязанности", къ сожалѣнію, не объяснено, хотя и было-бы весьма интересно. Особенно важно это было бы автору развить поподробнѣе въ виду того, что онъ вслѣдъ затѣмъ даже какъ-бы сомнѣвается въ значеніи правительственнаго надзора надъ отношеніями хозяевъ съ рабочими. „Никакая *искусственная* (?) комбинація, говоритъ г. Янжулъ—бывшій фабричный инспекторъ,—въ данномъ случаѣ, вродѣ, напр., *вмѣшательства фабричной инспекціи*, при сложности настоящихъ экономическихъ отношеній, не можетъ замѣнить переговоровъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ". Какъ-же могутъ осуществиться такіе переговоры? Очень просто: стоитъ только „допустить" развитіе союзовъ рабочихъ. Когда союзы будутъ „допущены", они, конечно, должны сразу вырости, какъ грибы, и пріобрѣсти силу и значеніе англійскихъ союзовъ; а на почвѣ „продолжительнаго" дѣйствія союзовъ и фабрикантовъ, и рабочихъ на почвѣ „солидарной (sic) дѣятельности" тѣхъ и другихъ организуются и „примирительныя камеры" для рѣшенія споровъ между хозяевами и рабочими, „крайне важныя для общественнаго спокойствія". Значитъ, и солидарная дѣятельность, и самостоятельные союзы рабочихъ, и полюбовное рѣшеніе споровъ хозяевъ съ рабочими. Вотъ только опять на счетъ хронологіи: есть страны, въ которыхъ синдикаты уже существуютъ, а союзы рабочихъ едва-ли скоро будутъ допущены. Какъ тамъ быть? у малороссовъ

есть хорошая пословица: „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ занятномъ мѣстѣ книжки въ примѣчаніи (402) авторъ бросаетъ (опять безъ доказательствъ, а такъ, въ родѣ какъ-бы оракулъ) замѣчаніе, что „общее благосостояніе“ промышленныхъ рабочихъ развивается вмѣстѣ съ концентраціей капитала въ странѣ. „*Поэтому* оно выше всего въ Америкѣ, затѣмъ въ Англіи, Франціи и т. д. и несравненно ниже въ Россіи, несмотря (а можетъ быть, благодаря?) на связь съ землей“ (чью?). Засимъ слѣдуетъ расшаркиваніе передъ извѣстной брошюрой г. Струве.

Послѣ столь блестяще доказанной пользы синдикатовъ (не для капиталистовъ, нѣтъ!) для потребителей и рабочихъ, авторъ всетаки старается выяснить, откуда-же происходитъ предубѣжденіе противъ нихъ даже американской публики. Надо думать, что и недостатки ихъ не малы (нельзя-же предположить, что даже и американцы всѣ настолько недальновидны, что рѣшительно не хотятъ понять той очевидной пользы, которую имъ оказываютъ ихъ синдикаты). Вотъ напр. „несомнѣнно и подтверждается множествомъ случаевъ“, что синдикаты „продаютъ иностранцамъ продукты дешевле, нежели внутри страны“ (404). Авторъ этимъ нѣсколько смущенъ. Онъ не желаетъ этого, „какъ постояннаго явленія“. Но... во-первыхъ, это дѣлаютъ многіе крупные промышленники, не принадлежащіе къ синдикатамъ, а во-вторыхъ... *какъ исключеніе это даже полезно*: открываетъ внѣшній рынокъ (405—6). Наконецъ, авторъ надѣется, что „*несомнѣнно*“ эти случаи сдѣлались-бы рѣже, если-бы синдикаты находились подъ контролемъ правительства... Остается вѣрить и надѣяться.—Или еще говорятъ, что синдикаты скупаютъ изобрѣтенія и, судя по надобности, или держатъ ихъ въ секретѣ, или совсѣмъ даже не утилизируютъ („собака на сѣнѣ“). Г. Янжулъ полагаетъ, что этотъ фактъ, конечно, „достоинъ сожалѣнія“, но, *вѣроятно*, „гласность и прямое вмѣшательство государства (!) въ состояніи уменьшить возможность такихъ случаевъ“... (407—408).

И вотъ послѣ всего этого авторъ только рѣшается поставить точку надъ *i*: „при всѣхъ указанныхъ и, *нѣтъ сомнѣнія, многихъ другихъ недостаткахъ* синдикатовъ, *конечно, не даромъ навлекающихъ* (*на кого?*) *недовольство публики*... синдикаты соединяютъ въ себѣ *столь наглядныя для каждаго* промышленника *выгоды и преимущества*, что размноженіе ихъ совершается быстро“ и т. д. (408). Наконецъ-то мы съ точностью узнали, кому именно выгодны синдикаты... Зачѣмъ-же было говорить раньше о потребителяхъ, рабочихъ и пр. Научному изслѣдователю этого дѣлать, пожалуй, не слѣдовало-бы.

Какъ понятно изъ всего сказаннаго, авторъ прежде всего

рекомендуетъ государству „регламентировать“ синдикаты, а далѣе и „признать“ промысловые синдикаты, „*какъ полезную и даже желательную форму ассоціаціи*, такъ или иначе предназначенную для предупрежденія въ странѣ крупнаго народнаго бѣдствія, называемаго промышленнымъ кризисомъ“; синдикаты торговые должны быть „терпимы и допускаемы подъ строгимъ контролемъ государства“ и только третій ихъ видъ по классификаціи автора, временные торгово-спекулятивные синдикаты, „являются чистымъ зломъ и подлежатъ преслѣдованію уголовными карами“ (423—4). А контроль государства надъ синдикатами, къ которому такъ часто прибѣгаетъ г. Янжулъ, не объясняя его содержанія, долженъ сводиться къ четыремъ пунктамъ. Первые три отличаются нѣкоторымъ, непозволительнымъ для взрослаго человѣка оптимизмомъ: 1) отчетность по спеціально составленному образцу, 2) право контроля продажныхъ цѣнъ синдиката (таксы, что-ли?), опредѣленныхъ на годъ впередъ по соображенію съ прибылями синдиката за прошлый годъ (?), 3) гласность „важнѣйшихъ дѣйствій синдиката“, ибо „лишь дурное боится свѣта“... Вѣроятно, сознавая чрезмѣрную академичность этихъ своихъ пожеланій, г. Янжулъ наполняетъ четвертый пунктъ болѣе существеннымъ матеріаломъ: онъ требуетъ, чтобы „извѣстная часть дивиденда“ по указанію правительства шла на составленіе фонда въ пользу рабочихъ,—на больницы, школы, обязательное страхованіе, больничныя кассы, пенсіонный фондъ и пр. (427—9). Онъ, къ сожалѣнію, не прибавилъ, какъ велика должна быть эта часть дивиденда и какъ быть въ томъ случаѣ, когда дивидендовъ вовсе не будетъ, въ родѣ, какъ у насъ это бывало съ гарантированными желѣзными дорогами. Выразивъ, однако, столь „радикальное“ пожеланіе и облагодѣтельствовавъ имъ рабочихъ, авторъ спѣшитъ извиниться передъ членами синдикатовъ: „*всѣ улучшенія*, которыя могутъ быть сдѣланы вообще въ бытѣ рабочихъ, въ данномъ случаѣ сторицею вернутся промышленности въ видѣ улучшеннаго качества труда и высшаго размѣра потребленія, обезпечивающаго самое существованіе промышленности“ (429). Синдикаты должны успокоиться съ этой стороны. По крайней мѣрѣ не даромъ они будутъ давать „полное обезпеченіе участи своихъ рабочихъ“, котораго столь энергично отъ нихъ требуетъ авторъ.

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. Изданіе второе дополненное. Спб. 1895.

Ровно черезъ годъ послѣ перваго изданія проф. Исаев выпустилъ уже и второе изданіе своего курса, совершен правильно назвавъ его только „дополненнымъ“, но не испр

леннымъ, какъ это обыкновенно бываетъ и должно бывать при послѣдующихъ изданіяхъ курсовъ и другихъ научныхъ сочиненій. Ради достиженія этой цѣли—исправленій—и пишутся критики, рецензіи, разборы и т. д., а авторы обыкновенно выражаютъ желаніе получить эти указанія критики на недостатки ихъ сочиненій, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать необходимыя исправленія въ послѣдующихъ изданіяхъ. Проф. Исаевъ, вѣроятно, однако, считаетъ свой курсъ безупречнымъ, можетъ быть въ виду его быстрой распродажи. Но такое мѣрило успѣха не примѣнимо по отношенію къ учебникамъ, имѣющимъ всегда болѣе или менѣе быстрый и широкій сбытъ и распространеніе. Всѣмъ этимъ мы ничуть не желаемъ умалить значеніе тѣхъ достоинствъ этого курса, на которыя было совершенно справедливо указано въ подробномъ разборѣ, помѣщенномъ въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году *). Ничего не имѣя прибавить къ указаннымъ въ этомъ разборѣ достоинствамъ, мы въ то же время и ничего не можемъ убавить по отношенію къ указаннымъ тамъ же недостаткамъ, и именно потому, что въ курсѣ сдѣланы только нѣкоторыя дополненія, но не исправленія. Дополненія обусловлены главнымъ образомъ измѣненіями, происшедшими въ законодательствѣ и учрежденіяхъ, относящихся къ народному хозяйству, и лишь отчасти касаются теоріи. Въ общей сложности дополненія занимаютъ около 40 страницъ, и касаются они слѣдующихъ вопросовъ: объ экономическихъ законахъ, о высотѣ прибыли и воззрѣніяхъ на нее Джорджа, это по теоріи, а остальное относится къ тому, что самъ проф. Исаевъ считаетъ экономической политикой и потому, по его мнѣнію, даже не должно входить въ политическую экономію, *какъ науку*. Тѣмъ не менѣе эту часть онъ,—съ нашей точки зрѣнія совершенно умѣстно,—расширилъ и отъ этого курсъ его только еще больше выигралъ. Послѣдняго рода дополненія суть слѣдующія: о законахъ, упорядочивающихъ передѣлы и затрудняющихъ отчужденіе надѣловъ, объ измѣненіяхъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, о новомъ уставѣ государственнаго банка, о новомъ законѣ противъ ростовщиковъ и о торговомъ договорѣ Россіи съ Германіей. Изъ всѣхъ этихъ добавленій мы остановимся только на двухъ, потому что противъ остальныхъ ничего не имѣемъ возразить. Первое, касающееся новыхъ законовъ, регулирующихъ выше общинное землевладѣніе, обнаруживаетъ нѣсколько странный взглядъ автора на значеніе законодательнаго регулированія этого важнаго вопроса, а именно взглядъ чисто отрицательный и противорѣчащій взглядамъ самого автора на нашу

*) *В. Яроцкій*. Новый курсъ политической экономіи (А. А. Исаевъ) «Русское Богатство» № 2, 1894 г.

крестьянскую земельную общину. Вообще проф. Исаевъ является ея горячимъ проверженцемъ, но не слѣпымъ, такъ какъ признаетъ многіе присущіе современнымъ общиннымъ порядкамъ недостатки. Онъ видитъ въ общинѣ наиболѣе дѣйствительное средство противъ „обезземеленія народныхъ массъ, которое составляетъ въ Западной Европѣ одно изъ страшныхъ хозяйственныхъ золъ“ (157). Онъ справедливо указываетъ на обнаруживающіеся признаки разложенія общины въ видѣ образованія различій въ составѣ ея членовъ, раздѣляющихся на болѣе и менѣе богатыхъ крестьянъ, причемъ первые обогащаются на счетъ послѣднихъ и т. д. Далѣе онъ привѣтствуетъ тотъ фактъ, что „государственная власть начинаетъ сознавать, что безземельный и бездомный людъ служитъ источникомъ народнаго безсилія“ и т. д. Но когда это „сознаніе“ правительства выразилось у насъ въ первыхъ практическихъ попыткахъ нѣсколько упорядочить и упрочить общинное землевладѣніе, то проф. Исаевъ начинаетъ выражать свое неудовольствіе по этому поводу, полагая, что искусственными, т. е. законодательными, мѣрами недостатки общины не могутъ и не должны быть устраняемы. Таковъ общій смыслъ его критики новыхъ законовъ объ общинѣ. При этомъ проф. Исаевъ полагаетъ, что даже и отмѣнна ст. 165 пол. о выкупѣ (въ сущности не всей, какъ пишетъ проф. Исаевъ, а только ея второй половины) не спасетъ общину отъ разложенія и крестьянъ отъ обезземеленія (157); посему и этой мѣрѣ проф. Исаевъ не придаетъ должнаго значенія. Конечно, одна эта мѣра спасти общину не можетъ.—если бы она на самомъ дѣлѣ находились въ серьезной опасности,—но несомнѣнно, что отмѣна второй половины этой статьи вполнѣ раціональна, такъ какъ теперь *безъ согласія міра* отдѣльные домохозяева не могутъ уже досрочно выкупать свои надѣлы или, что чаще бывало, такимъ путемъ отчуждать ихъ въ пользу сельскихъ богатѣевъ, пріобрѣтавшихъ эти земли у лицъ, выкупавшихъ ихъ нерѣдко на деньги этихъ же скупщиковъ. Какъ предупрежденіе такого явленія, мѣра эта должна быть признана дѣйствительной и посему можно только удивляться недовѣрію къ ней проф. Исаева.

Второе, подлежащее нашему разсмотрѣнію дополненіе есть единственное, которое можетъ имѣть значеніе нѣкотораго „исправленія“. Оно касается методологіи и въ частности типовъ и законовъ экономическихъ явленій. Что касается до методологіи проф. Исаева вообще, то, не желая повторять всего того, что было по сему поводу высказано въ прошлогодней вышеуказанной рецензіи, мы только вкратцѣ напомнимъ главную суть высказанныхъ тамъ возраженій, а именно: вопреки весьма удачному соединенію въ своемъ курсѣ теоріи

и экомической политики и правильному освѣщенію вопросовъ съ исторической точки зрѣнія, проф. Исаевъ въ своей методологической главѣ говоритъ совсѣмъ не то, что дѣлаетъ на протяженіи всей своей книги. Онъ безусловно отвергаетъ включеніе въ науку (политическую экономію) экономической полотики, которая должна составлять совершенно особое ученіе, равно какъ исторія хозяйственнаго быта. Для теоріи въ виду этого признается единственно правильнымъ методъ абстрактной дедукціи. Разсматриваемое второе изданіе во всемъ своемъ цѣломъ,—за исключеніемъ вышеуказанныхъ дополненій,—есть буквальная перепечатка перваго изданія. Дополненіе «о законахъ» просто вклеено въ методолоческую главу и потому въ составѣ ея является такимъ же ей противорѣчіемъ, какъ и вся эта глава по отношенію ко всему курсу. Новыя пять страницъ никакъ не вяжутся съ сохранившимися во второмъ изданіи утвержденяіми проф. Исаева о томъ, что абстрактный методъ по отношенію къ теоріи даетъ абсолютно вѣрныя положенія, истины, типы и законы экономическихъ явленій, одинаково приложимыя ко всѣмъ временамъ и народамъ. Между тѣмъ, въ этомъ дополненіи говорится уже о томъ, что въ самой теоріи надо признать три вида законовъ и типовъ, какъ обоснованныхъ на троякаго рода основныхъ посылкахъ, а именно: 1) на отношеніяхъ человѣка къ природѣ, 2) на свойствахъ тѣлесной природы человѣка и 3) на особенностяхъ духовной природы человѣка, проявляющихся въ общежитіи (стр. 33). И тутъ уже оказывается, что только по отношенію къ первымъ двумъ типамъ и законамъ возможны положенія, выражающія *«истины вѣчно реальныя, никогда не могущія представлять только историческій интересъ, но всегда и вездѣ отражающія въ себѣ жизнь дѣйствительную»* *) (стр. 34). Что же касается до типовъ и законовъ третьей категоріи (куда авторъ относилъ явленія и законы обмѣна, заработной платы, денегъ и т. п.), то тутъ: «Духовныя силы человѣка, проявляющіяся въ общежитіи, сознательно или безотчетно, творятъ формы хозяйства. На сценѣ исторіи выступаютъ подъ вліяніемъ этой творческой дѣятельности такіе типы, которые обусловливаются характеромъ духовныхъ силъ, *преобладающихъ въ данномъ періодѣ.* **) Разница между этими двумя типами, конечно, громадная, что признаетъ и самъ авторъ, въ концѣ коновъ говорящій слѣдующее (чего онъ не допускалъ раньше): Такимъ образомъ теорія получаетъ въ свое вѣдѣніе двоякій матеріалъ. Одинъ обнимаетъ ученіе о постоянныхъ естественно-экономическихъ типахъ и законахъ хозяйственныхъ явленій; къ

*) Курсивъ автора.
**) Курсивъ нашъ.

другому относятся исторически измѣняющіеся типы и факты" (стр. 37). И далѣе, къ положеніямъ второй группы авторъ относитъ все ученіе о распредѣленіи и обмѣнѣ, а равно и нѣкоторые отдѣлы ученія о производствѣ (о его формахъ), т. е. можно сказать болѣе трехъ четвертей всей науки, съ присоединеніемъ сюда же (имъ самимъ) ученія о государственныхъ доходахъ и кредитѣ. Очевидно, это уже не будутъ абсолютныя, неизмѣнныя истины, добываемыя однимъ абстрактно-дедуктивнымъ методомъ. И при разрѣшеніи относящихся сюда вопросовъ, очевидно, нельзя уже обходиться безъ соединенія теоріи и политики, равно какъ и безъ историческаго освѣщенія матеріала. Но зачѣмъ же тогда буквально повторяются и во второмъ изданіи прежнія слова автора, въ родѣ того, что „плодотворность работы экономиста останавливается тамъ, гдѣ онъ намѣревается пополнить теорію изъ исторіи или вдвинуть историческія явленія въ рамки, которыя ставитъ теорія" (стр. 21)? „Смѣшеніе этихъ областей (теоріи и политики), какъ разнородныхъ величинъ, является уже крупной логической ошибкой" (стр. 22). Авторъ даетъ этому такое оправданіе (новая фраза): „Памятуя о самостоятельности трехъ отдѣловъ политич. экономіи, мы считаемъ себя въ правѣ, изъ соображеній педагогическихъ, внести въ эту книгу нѣсколько главъ, относящихся къ ученію объ экономической политикѣ" (стр. 22). Другими словами, правильное построеніе теоріи приносится въ жертву педагогическимъ соображеніемъ, причемъ послѣднія, значитъ, могутъ идти въ разрѣзъ съ требованіями логики! Намъ кажется, что всѣ эти новыя противорѣчія могутъ быть объяснены поспѣшностью второго изданія, которое слѣдовало бы поосновательнѣе переработать въ этой наиболѣе слабой его методологической части. Авторъ видимо сознается въ указанныхъ ему ошибкахъ, но только ему было некогда или лѣнь поработать надъ ихъ исправленіемъ и потому онъ ограничился дополненіями—сирѣчь взаимными противорѣчіями. Очень жаль также, что авторъ по прежнему называетъ капиталистическія предпріятія „хозяйскимъ производствомъ" и совершенно неправильно продолжаетъ относить къ нимъ хозяйства общественныя, въ родѣ земскаго, городского и казеннаго.

За всѣми указанными раньше и теперь недостатками, мы всетаки можемъ присоединиться къ высказанному въ прошлогоднемъ разборѣ общему сужденію объ этомъ курсѣ, что онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, существующихъ на русскомъ языкѣ.

Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ. Проф. **С. І. Залѣскій.** Томскъ. 1894.

Большинствомъ наблюдателей констатировано, что питаніе

рабочихъ на золотыхъ пріискахъ недостаточно, зачастую даже рабочіе получаютъ недоброкачественную провизію. Не разъ гнилое мясо, капуста съ червями, или плохой хлѣбъ были причиною безпорядковъ на пріискахъ. Однообразіе пищи на пріискахъ явленіе общее; въ положеніе (раціонъ) пріисковаго рабочаго входитъ лишь ржаная, въ исключительныхъ случаяхъ пшеничная мука, крупа, мясо, поваренная соль, поразительно малыя количества масла. Овощи, картофель, капуста, молочные продукты, рыба не отпускаются вовсе, или же отпускаются въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Даже чай, и тотъ можно получить только за плату, да и то съ накидкою значительнаго процента въ пользу хозяина. Свѣжее мясо получается рабочими только въ теченіи 4 мѣсяцевъ. Но особенно рабочіе терпятъ нужду въ жирахъ и, чтобы пополнить этотъ недостатокъ въ своемъ раціонѣ, рабочіе всюду на промыслахъ выбираютъ въ свой счетъ значительное количество коровьяго масла. Вообще о пищѣ пріисковаго рабочаго можно сказать, что она неудовлетворительна, „и если рабочіе не голодаютъ, говоритъ д-ръ Крутовскій, то благодаря прибавочному питанію на свой счетъ". Другой изслѣдователь, д-ръ Вырубовъ, (почему-то совсѣмъ не упоминаемый въ названномъ трудѣ) говоритъ, „что ежедневный раціонъ пріисковаго рабочаго во многихъ отношеніяхъ не даетъ возможности организму сохранить равновѣсіе и, совершенно не соотвѣтствуя количеству рабочихъ часовъ и производимой работы, не можетъ вознаградить избытокъ потерь, который произведенъ напряженнымъ трудомъ, каковымъ является работа на пріискахъ". Для сохраненія здоровья пріисковаго рабочаго, необходимо измѣненіе его раціона со стороны качественной и количественной. Разработкой настоящаго вопроса и занялось Томское общество врачей и естествоиспытателей, которое избрало изъ среды своей особую коммиссію „по вопросу объ изученіи и улучшеніи быта пріисковыхъ рабочихъ". Имѣя въ виду важность настоящаго вопроса, отъ рѣшенія котораго зависитъ здоровье десятка тысячъ рабочихъ, мы ожидали, что Общество располагаетъ болѣе вѣскими и доказательными данными, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись у него въ рукахъ. Не умаляя значенія и имѣющихся свѣдѣній по данному вопросу, мы тѣмъ не менѣе находили бы необходимымъ произвести изслѣдованія о питаніи рабочихъ на мѣстѣ на подобіе того, какъ это сдѣлано въ Московской губерніи. Коммиссія вначалѣ приводитъ нѣкоторыя данныя о питаніи вообще, сопоставляетъ ихъ съ имѣющимися по этому же вопросу о питаніи пріисковаго рабочаго и на основаніи всего этого приходитъ къ заключенію, „что въ нынѣ нормированномъ пайкѣ пріисковаго рабочаго, различномъ на различныхъ пріискахъ, необходимо ввести существенныя видо-

измѣненія" (15). Видоизмѣненія эти должны быть направлены къ тому, чтобы нормы питанія рабочаго на всѣхъ пріискахъ, т. е. суточное количество бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, было, по мѣрѣ возможности, одинаково, чтобы пища отличалась большимъ разнообразіемъ, чѣмъ до сихъ поръ, чтобы въ ней было больше столь необходимыхъ, какъ источникъ мышечной силы, жировъ и чтобы по качествамъ своимъ и санитарнымъ условіямъ пища представлялась во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительною и цѣлесообразно и раціонально приготовленною". Послѣднее положеніе о цѣлесообразности и раціональности приготовленія—конечно, такъ и останется въ области мечтаній. Хорошо было бы хотя и то, чтобы была доброкачественная пища и въ достаточномъ количествѣ. Коммиссія, желая, чтобы въ пищѣ было больше разнообразія, составила два примѣрныхъ суточныхъ пайка на каждаго пріисковаго рабочаго. Не входя въ подробный разборъ этихъ пайковъ, замѣтимъ, что разница между ними самая незначительная, да и то касается только жировъ, которыхъ въ общемъ назначено *недостаточно* для рабочаго на пріискахъ, работа на которыхъ требуетъ желѣзнаго здоровья и необычайнаго напряженія силъ. Далѣе, коммиссія не предлагаетъ постныхъ пайковъ. Извѣстно, что нашъ рабочій въ большинствѣ случаевъ строго придерживается постовъ. Независимо отъ пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ, вошедшихъ въ упомянутые пайки, коммиссія высказываетъ пожеланіе, чтобы пріисковымъ рабочимъ обязательно, „т. е. безъ взиманія платы", выдавался сахаръ около $1^1/_2$—2 ф. въ мѣсяцъ и пшеничный хлѣбъ. Кромѣ того рекомендуетъ выдавать вина отъ $^1/_{100}$—$^1/_{50}$ ведра въ недѣлю (своеобразныя разсужденія объ алкоголѣ см. на 10 стр.). Благодаря вышеуказаннымъ нормамъ, въ организмъ рабочаго будетъ вводиться въ сутки пищи отъ $4^1/_2$ до $5^3/_4$ ф. вмѣсто прежнихъ—$6^1/_2$—$7^3/_4$ ф.; пища будетъ „не отягощающая пищеварительныхъ органовъ, легче усваиваемая и не требующая большихъ затратъ живой силы на актъ пережевыванія".

Такимъ образомъ, благодаря этимъ „желательнымъ нормамъ" суточнаго довольствія пріисковыхъ рабочихъ, далекимъ отъ идеала, будетъ выгода для золотопромышленниковъ—по цѣнности это довольствіе *не выше* практикуемаго въ настоящее время, а съ другой стороны, они избавятся отъ придирокъ начальства за плохое питаніе рабочихъ. Хозяева будутъ имѣть основаніе указать на выработанныя ученымъ обществомъ „нормы".

Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Инж.-технолога **А. А. Прессъ.** Вып. III. 1894 г.

За границею значительнымъ большинствомъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній давно уже усвоена мысль, что санитарныя мѣры всегда ведутъ или къ уменьшенію расходовъ производства, или къ увеличенію производительности предпріятій. У насъ дѣло обстоитъ иначе: большинство нашихъ промышленниковъ смотритъ на самыя необходимыя предохранительныя и санитарныя мѣры и средства, какъ на претензіи досужихъ людей, выдуманныя съ цѣлью тормозить отечественную промышленность. Одною изъ главныхъ причинъ такого печальнаго явленія служитъ то, что во главѣ громаднаго большинства нашихъ фабрично-заводскихъ предпріятій, даже крупныхъ, стоятъ лица съ слабымъ и подчасъ, какъ замѣчаетъ авторъ вышеуказаннаго труда, и безъ всякаго техническаго образованія, имѣющія самое поверхностное понятіе о производствѣ, и въ особенности о машинахъ и объ обращеніи съ ними. Поэтому однимъ изъ средствъ для предохраненія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ является возможно болѣе широкое распространеніе свѣдѣній о предупредительныхъ мѣрахъ при обращеніи съ машинами, двигателями, приводами и т. п. Помимо этого, не менѣе важнымъ стимуломъ къ огражденію рабочихъ явится законъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній за смерть и увѣчье рабочихъ, а также усиленіе фабричной инспекціи.

Настоящій трудъ является отвѣтомъ на первое требованіе, объ огражденіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Авторъ разсматриваетъ вредные и опасные моменты, указываетъ на предохранительныя мѣры и средства для слѣдующихъ производствъ: стеклянное, зеркальное, керамическое (куда входятъ: фарфоровое, фаянсовое и гончарное), обработка костей и клееваренное производство, салотопенное и мыловаренное, кожевенное, пивоваренное и винокуренное. Въ концѣ приложены обязательныя постановленія С.-Петербургскаго и Владимірскаго по фабричныхъ дѣламъ присутствія. Кромѣ описанія самыхъ предохранительныхъ мѣръ при названныхъ производствахъ, авторъ по нѣкоторымъ изъ нихъ указываетъ и на санитарныя условія самаго производства, основываясь на изслѣдованіяхъ другихъ авторовъ. Несмотря даже на краткость подобныхъ свѣдѣній, мы все же можемъ составить себѣ понятіе о томъ, что санитарныя условія фабричнаго производства у насъ находятся въ крайне жалкомъ состояніи. Напр. въ бродильномъ отдѣленіи костянаго производства всѣ посторонія примѣси, какъ стекло, камни и, въ особенности, желѣзо, удаляются руками работницъ, вслѣдствіе чего не мало бываетъ

поврежденій; или въ керамическомъ производствѣ рабочіе, при шлифовкѣ изразцовъ и т. п., часто смачиваютъ слюною лощило, которое дѣлается изъ агата, „что, разумѣется, ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ“ (38). На такіе же вредные моменты можно указать въ стекляномъ и зеркальномъ производствѣ (18, 8, 9) по обработкѣ костей (47, 62, 65) салотопенномъ (78 и др.) и др. На санитарныя условія нѣкоторыхъ производствъ авторомъ удѣлено много мѣста (ртутное, клееваренное, пивоваренное), на другія же очень мало. Кромѣ того, при указаніи нѣкоторыхъ аппаратовъ, служащихъ защитою для рабочаго, авторъ не даетъ достаточно подробнаго описанія, напр., рекомендуя отъ пыли респираторы (33), не указываетъ, какіе изъ нихъ лучше. До сихъ поръ, насколько извѣстно, нѣтъ ни одного респиратора, который бы защищалъ рабочихъ отъ вдыханія пыли и въ то-же время не препятствовалъ рабочему работать.

Особенное вниманіе авторомъ обращено на пивоваренное производство, которое по количеству увѣчій и смертей рабочихъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ (13 человѣкъ на 1,000 рабочихъ), уступая лишь рудникамъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ. Это по германской статистикѣ,—у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ по этому вопросу. Для объясненія такого явленія, почему рабочіе на пивоваренныхъ заводахъ чаще подвергаются увѣчьямъ—указываютъ на двѣ главныя причины: 1) рабочіе слишкомъ много пьютъ пива (дается даромъ по 3 большихъ кружки въ день и даже болѣе); причемъ значительная часть рабочихъ подвергается разнымъ болѣзнямъ, являющимся послѣдствіемъ неумѣреннаго потребленія этого напитка. Подъ вліяніемъ пива у рабочихъ притупляются осторожность и внимательность при обращеніи съ машинами и аппаратами. Вторая причина—пивоваренное производство находится обыкновенно подъ руководствомъ химика, который обращаетъ, сравнительно, меньше вниманія на механическую сторону дѣла и не предпринимаются мѣры предосторожности.

Не останавливаясь на другихъ деталяхъ настоящаго труда г. Пресса, замѣтимъ, что указанный выпускъ, какъ и предъидущіе два, явится хорошимъ руководствомъ для техниковъ и завѣдующихъ заводами и фабриками. Въ текстѣ находятся прекрасно исполненные чертежи (61), что еще болѣе облегчаетъ пользованіе. Нельзя пройти молчаніемъ одинъ недостатокъ и, по нашему, весьма существенный—это отсутствіе литературнаго указателя и ссылокъ на первоисточники.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Paul-Armand Hirsch. Sonnets et chansons. Paris.

М. Б. Полиновскій. Мечты. Вторая книга стихотвореній. Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 95. Ц. 75 к.

Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Томъ третій. Выпускъ XII. Спб. 94.

Изъ жизни и фантазіи. (Романъ, повѣсть, разсказы). **Маріи Сковронской.** М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

А. Бахтіаровъ, Пролетаріатъ и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки. Спб. 95. Ц. 1 р.

Дѣвочка Лида. Разсказъ для дѣтей. **Л. Нелидовой.** Изданіе второе. М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Элиза Ожешкова. Повѣсти и разсказы. Переводъ В. М. Лаврова. Изд. ред. журнала «Русская Мысль». М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія 1891—1894. Е. Молодовъ. Спб. 94.

Ричардъ Шериданъ. Соперники. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго Ч. Вѣтринскаго. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. 15 к.

Онъ въ отставкѣ. Сцены въ одномъ дѣйствіи. **А. С. Суворина.** Спб. 94. Ц. 50 к.

Чарльзъ Диккенсъ. Замогильныя записки Пикквикскаго клуба. Новый переводъ съ англійскаго. 2 тома. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. за два тома 1 р.

А. П. Стороженко. Марко проклятый. Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій и повѣрій запорожской старины. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. 15 к.

Графъ Алексисъ Жасминовъ. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. Спб. 95. Ц. 1 р.

Басни Крылова. Полное собраніе съ біографіей и примѣчаніями. Изд. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. 15 к.

Басни Крылова. Полное собраніе съ біографіей и примѣчаніями. Изд. А. С. Суворина. Спб. 95. Ц. 65 к.

К. М. Станюковичъ. Новые морскіе разсказы и маленькіе моряки. (Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ). Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб. 95. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Сибирскіе разсказы. М. 95. Ц. 1 р.

В. Свѣтловъ. Золоченая Богема. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Сочиненія Виктора Гюго въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей А. М. Скабичевскаго. Сокращенный переводъ [illegible]. А. Брагинской. Томъ I Бюгъ-Жаргаль.—Послѣдній день приговореннаго [illegible] смерти.—Соборъ Парижской Богоматери.—Клодъ Ге.—Исторія одного преступленія.—Человѣкъ, который смѣется. Томъ II. Труженики моря.—Несчастные.—Девяносто третій годъ. Спб. 95. Ц. за два тома 2 р. 50 к.

Изданія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. — **Крутиковъ.** [illegible]зсказъ **А. Г. Коваленской** (5-е изданіе) 94. Ц. 7 к. — **Батрачка.** [illegible]повѣсть **Т. Г. Шевченко.** (2-е изданіе) 94. Ц. 3 к. —**Злодѣй и Петька.**

Повѣсть **А. Ѳ. Погосскаго** (4-е изданіе) 94. Ц. 8 к.—**Сказъ о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ.** Изданъ подъ редакціей О. Ф. Миллера (2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное И. А. Шляпкинымъ). 94. Ц. 6 коп.—**Соловки.** Очерки **В. И. Немировича-Данченко.** (2-е изданіе) 94. Ц. 6 к.—**Безоброчный.** Повѣсть **Ф. Д. Нефедова.** 94. Ц. 8 к.—**Шестеро.** Разсказъ **И. Н. Потапенко.** 94. Ц. 5 к.—**Трусъ.** Разсказъ **В. М Гаршина.** 94. Ц. 3 к.—**Аясларское дѣло.** Разсказъ **В. М. Гаршина.** 94. Ц. 3 к.—**Четыре дня.** Разсказъ **В. М. Гаршина.** 94. Ц. 3 к. — **То, чего не было и лягушка путешественница.** Сказки **В. М. Гаршина.** 94. Ц. 3 к.—**Гордая пальма и сказаніе о гордомъ Аггеѣ.** Сказки **В. М. Гаршина.** 94. Ц. 3 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Томъ девятый. Вып. первый. Артаксерксъ. Аратъ. Изд. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. 15 к.

Сто великихъ людей. Книга VI. (Блаженный Августинъ, Бернардъ Клервоскій, Францискъ Ассизскій). Изд. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Спб. 94. Ц. 20 к.

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, какъ историческій романистъ. Критико-біографическій этюдъ **Евгенія Гаршина.** Спб. 95.

Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. — Крыловъ.—Жуковскій.—Батюшковъ.—Пушкинъ.—Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ). Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 2 р.

Путешествіе по Туркестану Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ. **М. А. Лялиной.** Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 94.

По средней Азіи. Записки художника **Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго.** Съ 199 рисунками автора. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 94.

А. Я. Максимовъ. На далекомъ востокѣ. Разсказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Томъ II-й. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Поѣздка въ южно-русскія еврейскія колоніи. (Путевые наброски). **Л. М. Брамсона.** Съ приложеніемъ собранныхъ на мѣстѣ матеріаловъ. Спб. 94. Ц. 25 к.

Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Сочиненіе воспитанника IV класса Туркестанской Учительской Семинаріи **Ходабая Кустанаева,** подъ редакціей Н. А. Воскресенскаго. Ташкентъ. 94. Ц. 40 к.

Элизе Реклю. Земля. Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія А. В. Мезіеръ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубанина. Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 95. Ц. 1 р. 30 к.

В. Я. Данилевскій. Чувство и жизнь. Изд. кн. маг. П. Л. Брейтигама. Харьковъ. 95. Ц. 50 к.

Очерки теоретической экономіи. В. В. Спб. 95. Ц. 2 р.

Мелкое производство въ Россіи. I. **Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В.** Спб. 95. Ц. 1 р.

И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ на

ціональныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу) Кіевъ. 94.

Фр. Іодль. Этика и политическая экономія. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Спб. 95. Ц. 20 к.

Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. Спб. 95. Ц. 2 р.

В. Ф. Залѣсскій. Міровой законъ цѣнности. Отвѣтная рѣчь, сказанная оппоненту проф. А. А. Исаеву во время магистерскаго диспута въ С.-Петербургскомъ университетѣ 30-го октября 1894 г. Казань. 94. Ц. 15 к.

И. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб. 95.

Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ. **Обзоръ бакинской нефтяной промышленности и свѣдѣнія объ американской нефтяной промышленности за 1893** г. Съ приложеніемъ 6-ти графическихъ таблицъ и карты. Баку 94. Ц. 3 р.

Council of congress of the russian petroleum produces. Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ. **Сравнительныя статистическія данныя о бакинской нефтяной промышленности.** 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894. Баку. 94. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности совѣта, избраннаго на VIII съѣздѣ нефтепромышленниковъ. Баку. 94.

Нефтяная промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ связи съ общимъ промышленнымъ развитіемъ страны. Съ приложеніемъ карты распредѣленія нефтяныхъ мѣсторожденій и нефте- и керосинопроводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а также сравнительной таблицы русскихъ и иностранныхъ мѣръ и вѣсовъ. Составилъ **Ст. Гулишамбаровъ** инженеръ-технологъ. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб. 94. Ц. 2 р.

Мальцевскіе заводы. Составилъ **В. К. Стукаличъ.** Витебскъ. 94.

Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи. Вып. I. **Д. Н. Жбанковъ.** Изданіе Смоленскаго губернскаго земства. Смоленскъ. 94.

Отчетъ о дѣятельности училищныхъ врачей по предупрежденію и пресѣченію заболѣваній остро-заразными болѣзнями. (Старшаго училищнаго врача **Н. Ф. Михайлова**).

Отчетъ училищнаго врача Н. Ф. Михайлова за 1893—1894 учебный годъ. М. 94.

Статистическій сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1893 г. Новгородъ. 94.

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Вып. II. Тобольскъ. 94. Ц. 1 руб.

Алтайскій сборникъ. Вып. I. Изданіе общества любителей изслѣдованія Алтая. Томскъ. 94. Ц. 2 р.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. 1894 г.

№№ 7-й и 8-й. Іюль—Августъ. Изданіе Черниговской губернской земской управы. Годъ двадцать шестой. Черниговъ. 94.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Томъ девятнадцатый. **Частное землевладѣніе Тамбовскаго уѣзда.** Изд. Тамбовскаго губернскаго земства. Тамбовъ. 94. Ц. 2 р.

Статистическое отдѣленіе Орловской губернской земской управы. **Сельскохозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1894 г. Вып. I. Виды на урожай. Вып. II. Результаты урожая.** Орелъ. 94. Ц. 75 к.

Агрономъ К. Д. Дмитріевъ. Какъ устроиться съ землею сельскому духовенству въ разсчетахъ на доходъ отъ хлѣбопашества. Изд. книжн. склада П. К. Прянишникова. М. 95. Ц. 20 к.

Агрономъ К. Д. Дмитріевъ. Обезпеченный доходъ съ имѣнія безъ капитала на веденіе хозяйства. Изд. книжнаго склада П. К. Прянишникова. М. 95. Ц. 30 к.

Труды подсекціи статистики IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей Москва 8 — 11 января 1894 года. Черниговъ. 94.

Труды 4-го съѣзда агрономовъ Вятскаго губернскаго земства съ приложеніями 1894 г. Изд. Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 94.

Доклады Вятской губернской земской управы губернскому земскому собранію XXVIII-й очередной сессіи 1894 года.—**О безплатной раздачѣ крестьянскому населенію полезныхъ книгъ для чтенія.—О Вятской газетѣ.—О распространеніи сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. — О сельскихъ библіотекахъ.—О воскресно-повторительныхъ занятіяхъ при начальныхъ школахъ. — О мѣрахъ по улучшенію пчеловодства въ губерніи.—О дѣятельности агрономическихъ учрежденій. — О земскомъ кустарномъ музеѣ и складѣ кустарныхъ издѣлій.—Объ улучшеніи кустарныхъ промысловъ въ Вятской губерніи.** Вятка. 94.

Карманный словарь иностранныхъ словъ. Составилъ **Н. Гавкинъ.** Изд. 4-ое книгопр.-издателя Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 94. Ц. 50 коп.

Народный календарь на 1895 г. Изд. книжн. склада П. К. Прянишникова. М. 94. Ц. 100 экз.—6 р. 25 к.

О дурной болѣзни. Н. С. Сперанскаго. Изд. книжн. склада П. К. Прянишникова. М. 95. Ц. 100 экз.—2 руб.

Популярное руководство къ общедоступному сельско-хозяйственному счетоводству по способу «время—деньги». А. Е. Мороховца. Харьковъ. 94. Ц. 1 руб. Для учащих[illegible] 50% скидки.

Таблицы примѣрнаго учета хозяйства по спосо[illegible] «время—деньги» къ руководству **А. Е. Мороховца.** Харьковъ.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящ[illegible] при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. **Программы домашняго чтенія на 1894—95 г.** М. 94. Ц. 25 [illegible] (Извлечено изъ журнала «Книговѣдѣніе» за 1894 годъ).

Сборникъ примѣровъ и задачъ для усвоенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ. Составилъ **В. Гебель.** М. 95. Ц. 10 коп.

Темы и планы ученическихъ сочиненій. Составилъ **Н. Цуриновъ,** преподаватель Александровскаго коммерческаго училища. Ч. I. М. 95. Ц. 50 к.

Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. П. Христіановичъ. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». М. 94. Ц. 40 к.

Обзоръ дѣятельности Комитета Грамотности состоящаго при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. М. 94.

Я. В. Абрамовъ. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Второе дополненное изданіе. Ставрополь. 94.

Литература и жизнь.

Въ комедіи Островскаго «Не сошлись характерами» есть одно загадочное дѣйствующее лицо; собственно не дѣйствующее, потому что оно даже не появляется, а только говоритъ объ немъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ: «у меня знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ... Не угодно ли купить, онъ мнѣ дешево отдастъ; широкій такой, добротный». И только...

Я—большой почитатель Островскаго и рѣшительно не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Михневича и другихъ просвѣщенныхъ критиковъ, что творецъ «Грозы», «Бѣдной невѣсты», «Своихъ людей» и проч. такъ-таки совершенно устарѣлъ и упраздненъ современными драматургами. Не отрицая многоразличныхъ достоинствъ этихъ современниковъ, я всетаки по старой памяти перечитываю больше Островскаго. Перечитываю, а не смотрю въ театрѣ, потому что изъ нынѣшняго театра онъ, кажется, совсѣмъ изгнанъ, и новыя птицы тамъ новыя пѣсни поютъ. Прекрасныя птицы, прекрасныя пѣсни; я вѣрю... Тѣмъ не менѣе и въ простомъ чтеніи Островскій, какъ магъ и волшебникъ, всегда вызываетъ передо мной цѣлый рядъ живыхъ образовъ, чего я, къ сожалѣнію, не могу сказать обо всѣхъ современныхъ драматургахъ. Я ужъ не говорю о фигурахъ, нарисованныхъ Островскимъ во весь ростъ. Но вотъ даже этотъ не показывающійся на сценѣ «знакомый человѣкъ», который «дюми-терьмо дѣлаетъ»,—широкій, добротный дюми-терьмо,—даже этотъ закулисный человѣкъ встаетъ передо мной живымъ. Ни этого человѣка, ни этой матеріи никто изъ насъ не видалъ, они только въ творческой фантазіи Островскаго мелькали. Но сила ли первокласснаго художника тутъ дѣйствуетъ, или сила моего пристрастія къ любимому писателю, пристрастія, разжигающаго и собственное воображеніе, а мнѣ кажется, что я знаю человѣка, который дюми-терьмо дѣлаетъ; типъ этотъ знаю.

И кажется мнѣ, что къ этому типу принадлежатъ очень многіе современники, въ томъ числѣ г. Ѳедоръ Шперкъ...

Знаете ли вы г. Ѳедора Шперка? Нѣтъ, вы не знаете г. Ѳедора Шперка. Хотя имя его навѣрное очень скоро прогремитъ по всему міру, но затѣмъ, по его собственной трогательной просьбѣ, очень тоже скоро покроется «цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны», по просту говоря—забудется. Торопитесь-же знакомиться...

Г. Ѳедоръ Шперкъ написалъ и издалъ слѣдующія произведенія: «Система Спинозы», «Метафизика міровыхъ процессовъ» и—«Мысль и рефлексія. Афоризмы». Первому изъ этихъ произведеній онъ назначилъ цѣну въ 20 копѣекъ, второму въ 40, третьему въ 30. По размѣру этихъ произведеній, то есть по затраченной на нихъ бумагѣ, типографской краскѣ и проч.,—это немножко дорого, потому что, напримѣръ, въ «Афоризмахъ» всего 36 страничекъ разгонистой печати и формата, слишкомъ въ половину меньше обыкновеннаго нашего журнальнаго. Но, о матеріалистъ!—«на вѣсъ кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій!» Согласитесь, что получить на нѣсколькихъ страничкахъ ни больше, ни меньше, какъ «Систему Спинозы» за 20 к.,—это почти такъ же дешево, какъ широкій, добротный дюмитерьмо, купленный у знакомаго человѣка. И г. Ѳедоръ Шперкъ самъ понимаетъ, что онъ дешево отдаетъ, дешевле, пожалуй, чѣмъ себѣ стоитъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ въ «Афоризмахъ» опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность другого своего произведенія—«Метафизика міровыхъ процессовъ»:

«Реформа философіи, произведенная «Метафизикой міровыхъ процессовъ», сосредоточивается въ ея идеѣ сознанія (и воли), *какъ небытія* *). То, что до меня опредѣлялось только общимъ, абстрактнымъ образомъ—*какъ чистая форма*—приведено мною къ *конкретному* опредѣленію—*какъ небытія*. До меня не было именно очевиднымъ, что разъ сознаніе (или воля) опредѣляется *чистой формой*, оно и необходимо должно быть признано *небытіемъ*». (Стр. 22, афоризмъ XLVII).

Понятно, что если исторія философіи отнынѣ раздѣляется на два періода: до Ѳедора Шперка и послѣ Ѳедора Шперка,—то самое скромное, что можетъ сдѣлать Ѳедоръ Шперкъ, это сопоставить себя по крайней мѣрѣ съ послѣднимъ моднымъ европейскимъ мыслителемъ. Онъ такъ и поступаетъ. Не входя въ подробности, кратко, лапидарно, онъ объявляетъ: «Актуальное въ Ницше—потенціально во мнѣ; актуальное во мнѣ—потенціально въ Ницше». (Стр. 36, афоризмъ LXV).

Кромѣ, однако, этой разницы между двумя претендентами на послѣднее слово въ философіи, разницы, на которую самъ г. Шперкъ указываетъ, есть еще и другая, объ которой онъ не говоритъ, но для установленія которой даетъ весьма цѣнный матеріалъ. Ницше жаждалъ славы, и не только для себя, ибо и въ принципѣ полагаетъ, что люди должны стремиться «на тысячелѣтіяхъ отпечатать

*) Курсивъ въ цитатахъ вездѣ г. Шперка.

свою руку». Г. Шперкъ не хочетъ тысячелѣтій, уклоняется отъ безсмертія. Онъ говоритъ: «То, что наиболѣе драгоцѣнно человѣку, онъ хранитъ не въ памяти своей, а въ своемъ сердцѣ. Очевидно, и то, что наиболѣе дорого человѣчеству—оно хранитъ не въ памяти, а въ душѣ своей. Сокровенныхъ друзей своихъ оно покрываетъ не блескомъ *холоднаго безсмертія*, а сердечнымъ забвеніемъ, цѣломудрымъ безмолвіемъ *и тѣмъ, что не можетъ быть суетно,—тайной*. И если мнѣ только *дано* просить—о, материнское сердце человѣчества,—и меня, и мою истину покрой забвеніемъ, цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны. Не въ памяти, а въ чувствѣ, въ *несознаваемомъ чутьѣ своемъ* удѣли мнѣ *тихое*, удѣли мнѣ *скромное* мѣсто—тамъ близь несравненнаго для меня Гильшера, близь глубокомысленнаго и чистаго друга Suarez».

Это заключительныя строки «Афоризмовъ».

Читатель, можетъ быть, догадывается теперь, почему г. Ѳедоръ Шперкъ напоминаетъ мнѣ того человѣка, который у Островскаго дюми-терьмо дѣлаетъ. Какъ и тотъ, онъ дѣлаетъ что то «широкое такое, добротное»—«реформу въ философіи», «истину»; но, какъ и тотъ, онъ окруженъ таинственностью, и если и появляется на сценѣ, то тотчасъ же умоляетъ «материнское сердце человѣчества» освободить его отъ «холоднаго безсмертія», забыть и его, и его реформу философіи, и его истину, удѣлить ему въ безпредѣльной области неизвѣстнаго мѣсто рядомъ съ несравненнымъ Гильшеромъ и глубокомысленнымъ Suarez, которые, надо думать, тоже дюми-терьмо дѣлали.

Не насъ съ вами, читатель, умоляетъ г. Ѳедоръ Шперкъ о забвеніи; не насъ, а «материнское сердце человѣчества». Съ другой стороны, однако, отчего же и намъ ему въ этомъ дѣлѣ не помочь. Какъ съ міру по ниткѣ—голому рубаха, такъ можетъ быть удастся и это устроить: я забуду, вы забудете, онъ, они, онѣ забудутъ, и такимъ способомъ, можетъ быть, наконецъ и человѣчество согласится выпустить г. Ѳедора Шперка изъ темницы безсмертія на волю забвенія. Это даже чрезвычайно вѣроятный исходъ при нѣкоторомъ усиліи. Забудемъ же дѣленіе исторіи философіи на два періода: до Ѳедора Шперка и послѣ Ѳедора Шперка; покроемъ «цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны» и его реформу философіи, и его истину. Но воспользуемся всетаки случаемъ хоть немножко присмотрѣться къ самому типу и къ характеру изготовляемой имъ матеріи.

Шутка сказать: сдѣлалъ кусокъ дюми-терьмо и такъ дешево его отдаетъ, что даже безсмертія не хочетъ! Нынѣ много такихъ скромныхъ людей развелось и много варьянтовъ ихъ есть (иные и от безсмертія не отказываются). Я бы хотѣлъ въ настоящей бесѣд обратить ваше вниманіе на тотъ именно варьянтъ, который, требу. себѣ благодарности отечества или человѣчества (или, что то же, в ликодушно отказываясь отъ нея, какъ г. Шперкъ), вмѣстѣ съ тѣм въ мутной водѣ рыбу ловятъ. Это и г. Шперкъ дѣлаетъ.

Все въ тѣхъ же «Афоризмахъ» находимъ слѣдующія глубокія соображенія:

«Мы не думаемъ отрицать, напротивъ, мы будемъ утверждать, что христіанская любовь (категорія Духа), во всестороннемъ осуществленіи своемъ, составляетъ предметъ индивидуальныхъ стремленій и потребностей русскаго народа и смыслъ и цѣль его исторической жизни. *Но неужели не на самоуваженіи личности будетъ построено милосердіе*, неужели мы отвергнемъ западно-европейскій фундаментъ для своего построенія?» И далѣе: «Семитическое сознаніе осуществило въ исторіи категорію Плоти. Римъ, въ своемъ правѣ, выработалъ сознаніе основныхъ элементовъ категоріи Личности; вполнѣ реализована эта категорія западно-европейской цивилизаціей. Осуществленіе закона третьей сферы души человѣческой—категоріи Духа или любви предстоитъ, по всей видимости, *нашему народу*. Естественное слѣдованіе душевныхъ сферъ (первая—категорія Плоти или сфера цѣломудрія, вторая—категорія Личности или сфера самоуваженія, третья—категорія Духа или сфера любви) вполнѣ совпадаетъ съ историческимъ слѣдованіемъ носителей ихъ. Первоначально выступаетъ въ исторіи семитическое племя; вторымъ выдвигается романскій духъ, затѣмъ его дополняющій—германскій; третьимъ, послѣднимъ, выступаетъ славянство».

Это въ «Афоризмахъ» изложено. А затѣмъ въ «Гражданинѣ» г. Ѳедоръ Шперкъ далъ и образчикъ практическаго примѣненія своей философско-исторической схемы. А именно: «Кто знаетъ,—тѣ безобразія, которыя происходятъ на Западѣ и столь краснорѣчиво говорятъ намъ о несомнѣнномъ паденіи личности, о затмѣніи въ ней чувства уваженія къ себѣ, не суть ли они послѣдствія того, что цивилизація отвергла розгу и съ ней единственное средство возстановленія разрушенной совѣсти человѣка».

Вотъ. Вы видите, что всѣ эти категоріи и сферы европейскаго самоуваженія и русской или вообще славянской любви,—все это только взбаломученная словесная вода, изъ которой г. Ѳедоръ Шперкъ неожиданно выудилъ рыбу—розгу, повидимому, ничего общаго не имѣющую ни съ самоуваженіемъ, ни съ любовью. Но ловля рыбы въ мутной водѣ—это только метафора, а въ дѣйствительности мы получили образчикъ той матеріи, которую изучить хотимъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ въ такомъ именно видѣ представляется тотъ дюми-терьмо, выдѣлкой котораго у Островскаго «знакомый человѣкъ» занимается: совершенно фантастическій переплетъ я ɔбы спеціально русскихъ и якобы спеціально иностранныхъ нитей с вытканными на немъ вполнѣ произвольными узорами, отвѣчаю- п ми, однако, извѣстнымъ современнымъ вкусамъ. Но вкусы бываютъ р ные, а потому производители означенной матеріи ткутъ и узоры р зные, совсѣмъ даже противоположнаго характера, но одинаково т ɔбуютъ себѣ, если не безсмертія, то титула патріотовъ, спаси-

телей отечества, или же—съ другой стороны—защитниковъ тѣхъ или другихъ общечеловѣческихъ началъ...

Въ одной изъ бесѣдъ 1893 г. съ читателями «Русскаго Богатства» мнѣ пришлось говорить о книгѣ нѣкоего Виктора Гена (De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele). Этотъ долго жившій въ Россіи нѣмецъ, обливъ «русскую расу» всевозможными помоями, выразилъ надежду, что она будетъ совсѣмъ истреблена, а въ ожиданіи этого счастливаго для цивилизаціи момента онъ предлагаетъ всѣхъ русскихъ людей сѣчь розгами и иными способами «физически поступать» съ ними. Генъ самымъ искреннимъ образомъ безъ всякихъ прикрасъ ненавидитъ и презираетъ все русское. Но вотъ люди, объявляющіе себя нарочитыми сынами отечества, держащіе, какъ они искренно думаютъ или лицемѣрно говорятъ, знамя Россіи особенно высоко, направо и налѣво разсыпающіе укоры въ недостаткѣ патріотизма, — они сходятся на этомъ пунктѣ съ злобнымъ ненавистникамъ «русской расы»: физически поступать съ русскимъ человѣкомъ надо. Правда, нѣкоторые (какъ и г. Ѳедоръ Шперкъ) простираютъ розгу далеко за предѣлы Россіи, предлагая и западной Европѣ вспомнить это «единственное средство возстановленія разрушенной совѣсти человѣка»: дескать, внесли вы во всемірную сокровищницу плоды «категоріи личности и сферы самоуваженія» и теперь пора вамъ пріобщиться къ «категоріи духа и сферы любви», пора вамъ сѣчься. Однако, это только безнадежныя pia desideria, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши «патріотъ своего отечества» (тоже Островскаго словечко!) именно для русскаго народа требуютъ розги, для того самаго избраннаго народа, который призванъ «вверху стоять, что городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ былъ», который окраситъ будущее человѣчество принципомъ любви...

Надо замѣтить, что современные патріоты своего отечества совершенно напрасно усиливаются установить свое происхожденіе отъ славянофиловъ. Какъ бы ни были эти послѣдніе односторонни и неправо-притязательны, но они съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ своихъ самозванныхъ преемниковъ. Напримѣръ, Константинъ Аксаковъ писалъ: «Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы. Побои, равно какъ и драка, и всякое (прямое) проявленіе грубой силы, могутъ быть признаны въ мірѣ, какъ случайность; такой взглядъ отнимаетъ у нихъ общее значеніе безнравственное, въ томъ смыслѣ, что осуждаетъ ихъ. Но побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно бе нравственнымъ, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ и утвер: даетъ... Прибавимъ сюда весьма важное обстоятельство. Имени древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія. Въ ней грубая си являлась, какъ случайность, но никогда, какъ законъ. Тѣлесное на казаніе—это подарокъ татарскій» («Русь» 1883, № 5).

Вѣрно ли послѣднее замѣчаніе Аксакова, — я не знаю, да

данную минуту не это для насъ и интересно. Интересно желаніе одного изъ первоучителей славянофильства смыть съ русскаго имени позорное пятно даже въ глубокой исторической дали. Спрашивается, какъ бы взглянулъ этотъ человѣкъ на нынѣшнихъ сыновъ отечества, столь единомысленныхъ съ злобными ненавистниками Россіи, въ родѣ Виктора Гена? Съ точки зрѣнія такого ненавистника понятно желаніе видѣть насъ, русскихъ, даже съ урѣзанными языками или лишенными дара членораздѣльной рѣчи, битыми и всячески униженными. Но какъ связать это желаніе съ разсужденіями на тему о «любви къ отечеству и народной гордости»? Каковы бы ни были грѣхи славянофиловъ, но то своеобразное, мистически величавое освѣщеніе, въ которомъ имъ рисовались далекое прошлое и будущее русскаго народа, обязывало ихъ ко многимъ дѣйствительно возвышеннымъ требованіямъ въ практической программѣ настоящаго. И нынѣшнимъ патріотамъ своего отечества слѣдовало бы прежде всего самымъ рѣзкимъ образомъ отгородить себя отъ славянофиловъ. Это я теперь не о г. Ѳедорѣ Шперкѣ говорю: онъ то себя, пожалуй, и отгораживаетъ. Онъ говоритъ: «Славянофилы наши проглядѣли *общее*, къ чему стремился и что созидалъ Западъ; они уразумѣли только обстановку, только средство и потому то возненавидѣли его». Затѣмъ онъ прибавляетъ, какъ мы уже видѣли: «*Неужели не на самоуваженіи личности будетъ построено милосердіе*, неужели мы отвергнемъ западно-европейскій фундаментъ для своего построенія?» А еще далѣе онъ, подобно фокуснику, неожиданно выливающему яичницу изъ пустой шляпы, достаетъ изъ категоріи духа и сферы любви розгу и предлагаетъ ее самоуважающейся личности. У г. Ѳедора Шперка разныя сферы и категоріи въ чехарду играютъ, а потому и его отгораживаніе отъ славянофильства не въ счетъ. Въ большинствѣ случаевъ патріотическіе рыцари розги и кулака позорятъ тѣни славянофиловъ своими претензіями на родство съ ними и своими чадными фиміамами по ихъ адресу. Они опираются притомъ на славянофильское отношеніе къ Западу и къ иностраннымъ вліяніямъ въ Россіи. Многогрѣшны въ этомъ направленіи славянофилы, но, несмотря на глухіе переулки, въ которые они попадали, они по крайней мѣрѣ въ принципѣ разумѣли свой народъ именно тѣмъ народомъ, который долженъ «жить и жить давать другимъ». Весьма далеки отъ такого отношенія къ иноплеменникамъ современные патріоты своего отечества.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что вся Европа переживаетъ въ своих международныхъ дѣлахъ какой то странный кризисъ. По случ кончины императора Александра III, европейская печать съ б годарностью поминала тринадцать лѣтъ его царствованія, какъ б ъ перерыва мирное время, причемъ указывалось на рѣшающую р ь русской внѣшней политики. Роль эта была тѣмъ труднѣе, ч какъ разъ за это время въ семьѣ европейскихъ наро-

довъ накопился давно небывалый запасъ взаимной національной ненависти. Это, конечно, наслѣдіе прошлаго, той жестокой схватки, которая нанесла Франціи незалечимую рану, но вмѣстѣ съ тѣмъ это факторъ настоящаго и, можно опасаться, будущаго. Національный принципъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, получить и очень благородную, и очень низменную окраску. Стоитъ только сопоставить моментъ объединенія Италіи, которое было дѣломъ освобожденія, съ моментомъ созданія германской имперіи, которое было дѣломъ поглощенія и насилія. Этотъ послѣдній, истинно несчастный моментъ исторіи надолго наложилъ свою печать на жизнь европейскихъ народовъ, не только въ видѣ чудовищныхъ военныхъ бюджетовъ, подъ тяжестью которыхъ задыхается цивилизація, но и въ видѣ нѣкотораго внутренняго переворота въ національной психикѣ Европы. До того могло казаться, притомъ людямъ отнюдь не утопическаго склада мысли, что національному вопросу въ острой, кровавой формѣ предстоитъ имѣть лишь освободительный характеръ, какой и имѣли впослѣдствіи герцеговинское возстаніе и русско-турецкая война. Въ старой же Европѣ, казалось, международныя перегородки если не совсѣмъ рухнули, то вотъ-вотъ рухнутъ и останутся лишь междусословныя, которыми и опредѣлится дальнѣйшее теченіе европейской исторіи. Международное единеніе торжествовало, казалось, въ наукѣ, въ промышленности, въ средѣ рабочихъ классовъ и проч. Интересы и идеалы англичанина, француза, итальянца, нѣмца стояли, повидимому, на пути къ тому, чтобы раствориться въ общеевропейскихъ интересахъ и идеалахъ землевладѣльца, капиталиста, рабочаго и т. д. Ужасы франко-прусской войны рѣзко повернули Европу съ этого пути, разбудили готовое задремать сознаніе племенныхъ особенностей въ неприглядной формѣ самомнѣнія, взаимнаго недовѣрія, ревности, ненависти и объединили этими отрицательными чувствами группы населенія, по существу имѣющія мало общаго между собою. Все это, понятно, должно было ярче, чѣмъ гдѣ-нибудь, сказаться во Франціи, и не только по отношенію къ Германіи. Здѣсь дѣло стоитъ просто и ясно, слишкомъ просто и ясно — и въ оффиціальной, и въ, такъ сказать, интимной Франціи. Но зараза распространяется во всѣ стороны. Вспомнимъ ту слѣпую ярость, съ которою, послѣ убійства Карно, французы набрасывались на все итальянское, какъ будто итальянская нація отвѣтственна за убійство и какъ будто въ самой Франціи не было людей, готовыхъ на это кровавое дѣло. Вспомнимъ злорадство, — которымъ отмѣчалось еврейское происхожденіе Дрейфуса, да и вообще антисемитическое движеніе. Въ этихъ частностяхъ общее сказывается. Само собой складывается то положеніе, котораго искусственными мѣрами всегда добивался Наполеонъ III: общественное вниманіе отвлекается отъ внутреннихъ дѣлъ къ внѣшнимъ и даже внутреннія, домашнія дѣла получаютъ оттѣнокъ какъ бы иностранной политики. Это даже на художественной литературѣ отражается

Послѣ германскаго погрома Франція широко растворила было двери для иностранныхъ вліяній въ литературѣ, — русскихъ, скандинавскихъ, нѣмецкихъ, признавъ, что и въ чуждыхъ ей дотолѣ литературахъ, на которыя она привыкла смотрѣть сверху внизъ, даже не зная ихъ, ей есть чему поучиться. Но теперь уже раздаются протестующіе голоса, и между ними есть довольно громкіе. Такъ напримѣръ, извѣстный критикъ Жюль Леметръ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ Revue des Deux Mondes за прошлый годъ статью, въ которой выражаетъ опасеніе за будущность національнаго французскаго генія, но и надежду, что онъ скоро воспрянетъ въ своей оригинальности; вмѣстѣ съ тѣмъ Леметръ старается доказать, что вклады иноплеменниковъ во французскую литературу давно ею самою предвосхищены, что Ибсенъ самъ есть какъ бы порожденіе Жоржъ Зандъ и Дюма-сына, Толстой и Достоевскій — Флобера и т. д. Дѣло не въ вѣрности или невѣрности этихъ послѣднихъ разсужденій,—въ частностяхъ тутъ много вздора и прямого незнанія, но въ общемъ несомнѣнно Франція дала человѣчеству столько, что кое-что изъ получаемаго ею теперь извнѣ—въ ней же имѣетъ свои корни. Но для насъ теперь любопытна звучащая въ статьѣ Леметра нота ревности и враждебности по отношенію къ иноплеменникамъ со включеніемъ столь, повидимому, громогласно дружественныхъ, какъ мы, русскіе. Съ этою нотою собственно у Леметра русскіе читатели могли познакомиться изъ изданныхъ зачѣмъ то въ Одессѣ его статей о «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго и «Грозѣ» Островскаго (№ 4 «Международной библіотеки»), въ каковыхъ статьяхъ онъ, между прочимъ, обнаружилъ совершенное непониманіе перловъ русской литературы. Это не мѣшаетъ ему въ статьѣ Revue des Deux Mondes утверждать, что французы—«единственный народъ, склонный предпочитать другихъ себѣ». Казалось бы, о французахъ то ужъ никакъ нельзя сказать это, но такъ всегда говорятъ подобные патріоты своего отечества въ благопріятные для нихъ историческіе моменты. Безмѣрно предаваясь національному самохвальству, они видятъ, однако, въ своемъ народѣ «единственный», непремѣнно единственный народъ, «склонный предпочитать другихъ себѣ», и берутъ на себя обязанность восполнить этотъ недостатокъ уличеніемъ иноплеменниковъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, въ разныхъ козняхъ.

Не будемъ слѣдить за этимъ болѣзненнымъ обостреніемъ національнаго чувства въ другихъ европейскихъ странахъ, хотя на нѣкоторыхъ особенныхъ его формахъ было бы очень любопытно остановиться. Вернемся въ Россію.

Ахъ! намъ тамъ знакомо изреченіе Леметра о единственномъ народѣ, и эти ревнивыя и злобныя рѣчи, и это распространеніе діемовъ внѣшней политики на внутреннія дѣла. «Все французъ видитъ»,—говорилъ Гоголевскій почтмейстеръ, а самъ почтмейстеръ Сквозникъ-Дмухановскій, и Тяпкинъ-Ляпкинъ, и Держиморда, и

Добчинскій съ Бобчинскимъ превосходны. Выходятъ иногда вещи поистинѣ изумительныя. Напримѣръ, извѣстная часть нашей печати, мнящая себя патріотическою по преимуществу, уже много лѣтъ съ пѣною у рта говоритъ о Финляндіи. $2^1/_2$ милліона населенія этой суровой страны никогда не причиняло Россіи ни малѣйшаго безпокойства, и тѣмъ не менѣе мы придираемся къ каждому, даже совершенно неподходящему случаю, чтобы въ чемъ-то уличить это маленькое, трудолюбивое, хорошо у себя устроившееся населеніе. Если въ Финляндіи кто-нибудь чихнетъ по своему, то въ Москвѣ уже бьютъ въ набатъ, серьезно, повидимому, полагая, что это патріотическій подвигъ, за который надо требовать титула спасителя отечества. Я бы еще понималъ, если бы руководящимъ чувствомъ была при этомъ зависть, потому что намъ дѣйствительно есть чему позавидовать въ Финляндіи, хотя бы, напримѣръ, тому, что тамъ меньше нищеты и больше грамотности, чѣмъ у насъ. И это, конечно, не хорошее чувство, но оно всетаки можетъ быть связано съ любовью къ родинѣ и, при этомъ условіи, требовало бы по крайней мѣрѣ заботъ объ умаленіи нищеты и усиленіи грамотности и чувства собственнаго достоинства у себя дома. Но означенная часть нашей печати въ большинствѣ случаевъ считаетъ грамотность дѣломъ вреднымъ и раздѣляетъ мнѣніе г. Ѳедора Шперка о розгѣ, какъ о «единственномъ средствѣ возстановленія разрушенной совѣсти человѣка». Она поэтому вовсе не расположена завидовать Финляндіи. Но точно также не думаетъ она объ томъ, чтобы пріобрѣсти или укрѣпить добрыя отношенія Финляндіи къ Россіи и ко всемурусскому. Она съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобы возбудить въ Финляндіи ненависть къ русскому имени. И такимъ образомъ, ея претензія не только на монополію патріотизма, но даже на самую простую, естественную любовь къ родинѣ не оправдывается ни съ какой точки зрѣнія.

Я не буду распространяться на эту тему и укажу только, да и то вкратцѣ, на одно изъ послѣдствій такого отношенія къ иноплеменникамъ. Оно порождаетъ противоположную крайность—какую-то странную конфузливость по отношенію къ какимъ бы то ни было русскимъ достоинствамъ, къ самой возможности признанія ихъ («что ужъ! гдѣ ужъ намъ!»), и столь же прямолинейную защиту иноплеменнаго, сколь прямолинейны въ противоположномъ лагерѣ нападки на него. Если тамъ, въ томъ лагерѣ, стремятся зажать всѣмъ ротъ монополіей патріотизма, то здѣсь тоже зажимаютъ всѣмъ ротъ, но монополіей гуманныхъ идей.

Читатель можетъ быть помнитъ нѣсколько словъ, сказанныхъ мною въ замѣткахъ о книжкѣ г. Струве совсѣмъ мимоходомъ о инородцахъ, дурно пишущихъ по русски, которые однако берутся учить русскому языку русскихъ писателей. Эти нѣсколько словъ вызвали слѣдующую отповѣдь г. Л. С. въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Считаю нужнымъ прибавить, что лишь

большой неохотой поднимаю перчатку, брошенную мнѣ г-мъ Струве, такъ какъ бросилъ онъ ее въ «Вѣстникѣ Европы», съ которымъ «Русское Богатство» меньше всего желало бы имѣть въ настоящее время какое бы то ни было столкновеніе. Г. Л. С. пишетъ:

Г. Струве будто бы «инородецъ», и ему не подобаетъ учить русскихъ писателей русскому языку. «А между тѣмъ,—говоритъ далѣе г. Н. Михайловскій,—у насъ къ инкрустаціи вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ въ цитатахъ изъ русскихъ писателей чаще всего прибѣгаютъ «шествующіе по всѣмъ языкамъ инородцы». Эти мнимыя притязанія «инородцевъ», задѣвающихъ г. Михайловскаго своей критикой, кажутся ему неумѣстными, надоѣдливыми и скучными. До сихъ поръ мы думали, что разъискивать «инородцевъ» въ литературѣ и примѣшивать національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ свойственно лишь извѣстной части «патріотической» печати; оказывается, однако, что въ этомъ отношеніи даже такой прогрессистъ, какъ г. Михайловскій, не брезгаетъ полемическими пріемами, составляющими спеціальность худшихъ элементовъ нашей журналистики. Насколько намъ извѣстно, г. Струве такой же «инородецъ», какъ и многіе другіе русскіе люди съ нѣмецкими фамиліями. Мы уже не говоримъ о нелѣпости самой мысли о томъ, что писатели съ не-русскими фамиліями, какъ Даль или Я. Гротъ, не могутъ быть лучшими знатоками русскаго языка, чѣмъ люди чисто русскіе по имени, но «беззаботные» насчетъ россійской грамотности; да и самъ академикъ Востоковъ, несомнѣнный знатокъ русскаго, родился съ инородческимъ именемъ — Остенъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго—Востоковъ. Какъ бы ни были мало основательны вопросительные и восклицательные знаки г. Струве, но дѣлаемый по этому поводу г. Михайловскимъ розыскъ объ «инородцахъ» еще менѣе основателенъ и раскрываетъ лишь печальную и не симпатичную черту нашихъ литературныхъ нравовъ или, лучше сказать, отсутствіе всякихъ нравовъ.

Г. Струве въ своей книжкѣ замѣтилъ, «что г. Михайловскому всякій націонализмъ былъ всегда совершенно чуждъ». Приведя эти его слова, я прибавилъ, что «всегда готовъ у всякаго инородца поучиться тому, что онъ знаетъ, и почтить въ немъ тѣ достоинства, которыми онъ обладаетъ». Для знакомыхъ съ моей литературной дѣятельностью, полагаю, несомнѣнно, что это не фраза. Но г. Л. С. принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ, чтобы кто-нибудь сказалъ слово «инородецъ», дабы немедленно зазвонить въ колокола гуманныхъ идей. Я цѣликомъ выписалъ все замѣчаніе г. Л. С. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ этой взбаламученной словесной воды, изъ которой авторъ благополучно выуживаетъ нужную ему рыбу—«розыскъ объ инородцахъ». А нужна она ему для того, чтобы рядомъ съ тѣми, кто высоко держитъ «патріотическое» знамя, явиться знаменосцемъ гуманизма...

Г. Л. С. даже «не говоритъ о нелѣпости самой мысли о томъ», Даль, Гротъ, Востоковъ могутъ знать русскую грамоту лучше, ть люди съ русскими фамиліями. Онъ «не говоритъ» и однако оритъ. Но и то, и другое совершенно напрасно, ибо упомянутой елѣпой мысли» я не высказывалъ и даже вообще *ни единаго* не сказалъ о не-русскихъ или русскихъ фамиліяхъ. Г. Л. С.

заговорилъ объ этомъ сюжетѣ исключительно для того, чтобы взмутить воду. Г. Л. С. проливаетъ слезы объ упадкѣ или даже объ «*отсутствіи* всякихъ нравовъ» (это ужъ что-то очень сильно) въ нашей литературѣ, ибо, дескать, вотъ и я «розыскиваю инородцевъ въ литературѣ и примѣшиваю національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ». Г. Л. С. очень трогательно плачетъ; почти также трогательно, какъ тотъ актеръ, котораго расхваливаетъ Гамлетъ:

Не дивно-ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ,
Въ глазахъ слеза дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ,
И весь составъ его покоренъ мысли,
И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ, что она ему?

Да, что ему Гекуба? что г. Л. С. литература и ея нравы, когда онъ тутъ же являетъ образчикъ самыхъ низменныхъ литературныхъ нравовъ? «Литературный споръ» у насъ съ г. Струве шелъ объ томъ, должна ли Россія «идти на выучку къ капитализму», и въ этомъ спорѣ, во всей его обширности и со всѣми его развѣтвленіями, я опять таки *ни единымъ* словомъ не помянулъ объ инородчествѣ г. Струве. Но когда г. Струве поучаетъ меня при помощи вопросительныхъ знаковъ русскому языку, то я именно отказываюсь съ нимъ спорить, ибо «до сихъ поръ онъ былъ больше нѣмецкій писатель, чѣмъ русскій, и въ настоящей своей работѣ употребляетъ иногда нѣмецкія слова, когда ихъ очень легко сказать по-русски (слѣдуютъ примѣры), а по-русски онъ можетъ говорить о «побѣдоносномъ шествіи по всѣмъ языкамъ». Это послѣднее, невозможное по-русски словосочетаніе принадлежитъ не мнѣ, какъ можно думать по ковычкамъ г. Л. С., а г. Струве. И спрашивается, неужели же въ самомъ дѣлѣ можетъ меня учить русскому языку человѣкъ, «шествующій по всѣмъ языкамъ», хотя бы онъ и обладалъ въ другихъ отношеніяхъ всевозможными достоинствами и знаніями? И неужели сказать ему это—значитъ производить розыскъ объ инородцахъ и примѣшивать національно-племенные вопросы къ литературному спору? Но когда труба трубитъ, боевой конь бьетъ копытомъ и ржетъ, и то же самое дѣлаютъ господа вродѣ Л. С., когда услышатъ слово «инородецъ». Имъ кажется, что въ самомъ этомъ словѣ заключается уже обида, тогда какъ оно есть простое обозначеніе факта, ничего дурного въ себѣ не заключающаго. У насъ было одно время въ модѣ выписывать изъ Чехіи и Галиціи учителей древнихъ языковъ. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ перевелъ знаменитое изреченіе Сенеки—ars longa vita brevis—такъ: штука длинна, животъ коротокъ. Этотъ учитель могъ быть прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ и прекрасно знать латинскій языкъ,

въ учителя русской гимназіи онъ, очевидно, не годился именно въ качествѣ инородца, на что литература уже прямо обязана была обратить вниманіе. Но господа, вродѣ Л. С., могли, конечно, и по этому поводу мутить воду и звонить въ колокола гуманизма, и лить слезы о Гекубѣ...

Но я пойду дальше, оставляя совершенно въ сторонѣ г. Струве и его русскій языкъ. Помните ли вы удивительные стихи Лермонтова:

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку поднималъ!

Воображаю какія слезы долженъ проливать по поводу этихъ стиховъ г. Л. С. Это вѣдь явный розыскъ инородцевъ. И такъ удобно по этому случаю говорить или «не говорить» о «нелѣпой мысли», будто только у людей съ не-русскими фамиліями или даже только у завѣдомыхъ инородцевъ «пустое сердце бьется ровно», когда они «не щадятъ нашей славы». Доказательство на лицо: самъ разыскивавшій инородцевъ г. Лермонтовъ былъ убитъ чисто русскимъ человѣкомъ, Мартыновымъ... О, г. Лермонтовъ, какъ низокъ вашъ нравственный уровень въ сравненіи съ тѣмъ, на которомъ высится величавый образъ г. Л. С.!. Я думаю, однако, что въ извѣстной степени г. Лермонтовъ всетаки защитимъ. Ибо вѣдь «нелѣпой мысли» и т. д. онъ и не высказывалъ. Онъ, какъ и изъ всей его поэзіи видно, очень хорошо понималъ, что среди его соотечественниковъ и соплеменниковъ даже слишкомъ много людей съ пустымъ сердцемъ, а среди иноплеменниковъ есть люди и великаго сердца, и великаго ума. Но достовѣрно, что Пушкина убилъ иноплеменникъ другого сорта, что онъ дѣйствительно былъ «издалека, подобно сотнямъ бѣглецовъ, на ловлю счастья и чиновъ заброшенъ къ намъ по волѣ рока», что дѣйствительно, «смѣясь, онъ дерзко презиралъ земли чужой языкъ и нравы». И хотя въ числѣ «свободы, генія и славы палачей», которымъ Лермонтовъ грозилъ, что они не смоютъ всей своей черной кровью «поэта праведную кровь», были коренные русскіе, но иноплеменность убійцы съиграла всетаки свою роль въ этой грустной и гнусной исторіи. Я поэтому не рѣшился бы привлечь Лермонтова къ суду г-на Л. С. по поводу о розыскѣ инородцевъ. Не рѣшился бы притянуть и, напри-

мѣръ, историка Соловьева хотя бы за слѣдующія его слова: «Биронъ и Левенвольды, по личнымъ своимъ средствамъ вовсе недостойные занимать высокія мѣста, вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ, ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые производили болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Биронъ не былъ развращеннымъ чудовищемъ, любившимъ зло для зла; но достаточно было того, что онъ былъ чужой для Россіи, былъ человѣкъ, не умѣрявшій своихъ корыстныхъ стремленій другими высшими; онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ случаемъ, своихъ временемъ, фаворомъ, чтобы пожить хорошо на счетъ Россіи».

Читатель понимаетъ, что такихъ страницъ, подлежащихъ суду г. Л. С. за розыскъ объ инородцахъ, я могъ бы привести очень много, притомъ изъ писателей, отнюдь не принадлежащихъ къ числу «патріотовъ своего отечества». Увы! русская исторія представляетъ достаточно матеріаловъ для подобныхъ страницъ. Начиная монголами, инородцы не разъ распоряжались на Руси, причемъ, «смѣясь, дерзко презирали земли чужой языкъ и нравы», и уже фактъ этого властнаго презрѣнія не могъ не отражаться печальнѣйшими послѣдствіями. Однимъ изъ этихъ послѣдствій является почти презрительное и во всякомъ случаѣ недовѣрчивое отношеніе къ самимъ себѣ, къ своимъ силамъ: «что ужъ! гдѣ ужъ намъ!» Многіе у насъ лишь съ большимъ трудомъ, и то только послѣ аттестаціи, выданной европейцами, признали огромную всемірную цѣнность нѣкоторыхъ нашихъ художниковъ слова. Это отзывается и въ практической области. Мы иной разъ боимся пальцемъ о палецъ ударить хотя бы ради той же литературы, паденіе нравовъ которой готовы оплакивать: «гдѣ ужъ намъ!» Я не хочу этимъ сказать, разумѣется, чтобы мы въ дѣйствительности были вообще превосходны и въ частности никогда не презирали земли чужой языкъ и нравы,— нѣтъ, это очень часто бывало и посейчасъ продолжается,—или что намъ слѣдуетъ замкнуться китайской стѣной отъ иностранныхъ вліяній, — это была бы смерть. Но неужели же такъ трудно разобраться во всемъ этомъ и установить точку зрѣнія, которой свое и чужое добро и зло находятъ себѣ надлежащее мѣсто? Дѣло, повидимому, чрезвычайно просто: Востоковъ или Остенъ превосходно изучилъ русскій языкъ, и мы учились по его грамматикѣ; г. Струве очень плохо выражается порусски, а потому не его дѣло учить насъ русскому языку. Но у насъ этого нельзя даже мимоходомъ сказать безъ риска вызвать странное замѣчаніе о неприличіи розыска инородцевъ. И это будетъ сдѣлано во имя гуманныхъ идей, которыя, однако, тутъ совершенно не причемъ. Съ другой стороны нельзя сказать доброе слово о финнахъ, евреяхъ и проч., не рискуя вызвать громы «патріотовъ», тогда какъ опять таки любовь къ отечеству тутъ рѣшительно не причемъ. Въ результатѣ идея патріотизма, столько разъ призывавшая людей къ великимъ подвигамъ, это, по выраженію Щедрина, «звено, которое пріобщаетъ насъ

извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя во многихъ случаяхъ могутъ затрогивать насъ лишь самымъ отдаленнымъ образомъ; эта школа, въ которой человѣкъ развивается къ воспринятію идеи о человѣчествѣ»,—у насъ совершенно опошлилась. Еще немного, — и такъ же опошлятся общечеловѣческія, гуманныя идеи... Когда же это кончится? Когда получимъ мы возможность свободно говорить о своемъ и чужомъ свѣтѣ и мракѣ?

Недавно въ «Новомъ Времени» сдѣлано было замѣчаніе, что я слишкомъ избалованъ снисходительностью своихъ читателей, въ разсчетѣ на которую, дескать, позволяю себѣ отрывочную и скачкообразную рѣчь. Я думаю, что этотъ мой недостатокъ слѣдуетъ объяснять другими, менѣе для меня пріятными обстоятельствами, но всетаки не жалуюсь: «читатель-другъ» у меня есть, и я шлю ему мой искреннѣйшій привѣтъ и благодарность. Съ другой стороны однако я подвергаюсь время отъ времени цѣлому потоку энергическихъ протестовъ—не печатныхъ и содержащихъ въ себѣ чуть-чуть что не непечатныя выраженія. Въ такомъ именно положеніи нахожусь я теперь. Среди произведеній пера, обращенныхъ ко мнѣ разными марксистами, есть и краткія извѣщенія, что вотъ, дескать, въ такомъ-то городѣ проживаетъ несогласный Петръ Ивановичъ Бобчинскій и требуетъ, чтобы объ этомъ было заявлено въ печати, и непремѣнно «объективно» заявлено,—иначе онъ не согласенъ; есть и цѣлыя диссертаціи, весьма различной цѣнности, авторы которыхъ тоже иногда выражаютъ желаніе, чтобы ихъ взгляды были опубликованы. Выдавая здѣсь общую росписку въ полученіи всего этого, я долженъ сказать, что рѣшительно не могу удовлетворить всѣхъ,—какъ комическихъ Петровъ Ивановичей Бобчинскихъ, такъ и серьезныхъ людей, какъ прибѣгающихъ къ почти непечатному жаргону, такъ и умѣющихъ выражаться прилично. Во-первыхъ, всего этого слишкомъ много; во-вторыхъ, многое здѣсь для печати неудобно; въ-третьихъ, наконецъ, я уже имѣю въ этомъ отношеніи нѣкоторый не очень поощряющій опытъ. Въ прошломъ году я привелъ нѣсколько писемъ въ подлинникѣ (кажется, чего ужъ «объективнѣе»?), но затѣмъ открылось, что мои корреспонденты или писали мнѣ о «не настоящихъ» марксистахъ, или сами были «не настоящіе». А нѣкоторые стали даже выражать неудо-льствіе и подозрѣніе, что я намѣренно компрометирую русскихъ ıркситовъ, публикуя письма никому неизвѣстныхъ людей; были же подозрѣнія въ фальсификаціи съ моей стороны. Это ужъ, наете, черезчуръ, и я рѣшилъ ждать печатнаго исповѣданія ѣры. Таковое скоро явилось въ видѣ книжки г. Струве, на которую и поспѣшилъ отозваться. Но теперь оказывается, что и г. Струве настоящій. Оказывается это изъ только что вышедшей инте-

ресной книги г. Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и Комп.».

«Комп.» состоитъ изъ гг. Николая —она, Кривенко и В. В. Позволю себѣ выдѣлиться изъ «Комп.» и говорить только о себѣ, ибо не имѣю смѣлости г. Бельтова, пишущаго «мы» отъ лица русскихъ марксистовъ. Притомъ же если количественно мнѣ достается можетъ быть и не больше другихъ отъ грознаго пера г. Бельтова, то обвиняетъ онъ меня въ преступленіяхъ совершенно исключительныхъ.

Изъ книги г. Бельтова оказывается, что г. Струве «не настоящій», хотя первый выступаетъ съ защитой второго, беретъ его подъ свое покровительство. Все, повидимому, хорошо въ книжкѣ г. Струве, одно не ладно,—зачѣмъ онъ сказалъ: «пойдемъ на выучку къ капитализму». Это онъ «очень неосторожно выразился», говоритъ г. Бельтовъ (стр. 286). Не будь этой неосторожности, все въ книжкѣ г. Струве обстояло бы вполнѣ благополучно. Вотъ г. Бельтовъ гораздо осторожнѣе, до такой степени осторожнѣе, что даже не упоминаетъ о другой неосторожности г. Струве. Вы помните, что г. Струве призналъ философскую необоснованность и фактическую непровѣренность теоріи экономическаго матеріализма. Г. Бельтовъ умалчиваетъ объ этой неосторожности, но, обрушиваясь своимъ страшнымъ гнѣвомъ и ядовитой ироніей на тѣхъ, кто уже раньше говорилъ о «необоснованности и непровѣренности», онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что г. Струве, по крайней мѣрѣ на этомъ пунктѣ,—«не настоящій». А вѣдь это пунктъ основной. Найдутся, какъ увидимъ, и другіе.

Книга г. Бельтова имѣетъ полемическій характеръ по преимуществу, а потому надлежитъ прежде всего взглянуть на его полемическіе пріемы.

Г. Бельтовъ человѣкъ талантливый и не лишенный остроумія, но оно, къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство. Приведу образчикъ. Выбираю для этого то мѣсто, въ которомъ онъ меня изображаетъ въ особенно комическомъ видѣ, а другихъ въ особенно величественномъ Приведя мое чисто фактическое указаніе на то, что Марксомъ изслѣдованъ только одинъ историческій періодъ, г. Бельтовъ продолжаетъ:

«Это-то и сердитъ г. Михайловскаго. Подбоченясь, онъ начинаетъ читать нотацію знаменитому мыслителю: «какъ же это ты такъ, братецъ?.. только одинъ періодъ... И притомъ не вполнѣ... Не могу, не могу одобрить... Брат. бы ты примѣръ съ Дарвина!» На всю эту субъективную рацею бѣдны авторъ «Капитала» отвѣчаетъ лишь глубокимъ вздохомъ, да печальнымъ пр знаніемъ: Die Kunst ist lang, und kurz ist unser Leben! Г. Михайловск быстро и грозно поворачивается къ «толпѣ» послѣдователей: въ таком случаѣ вы чего же смотрѣли, почему не поддержали старика, отчего н исчерпали всѣхъ періодовъ? — Некогда намъ было, г. субъективный про въ поясъ кланяясь и держа шапки на отлетѣ, отвѣчаютъ послѣдовател

другимъ мы были заняты, мы боролись противъ тѣхъ отношеній производства, которыя лежатъ тяжелымъ гнётомъ на современномъ человѣчествѣ. Не взыщи! А между прочимъ мы кое что всетаки и сдѣлали, и вотъ дайте срокъ,—сдѣлаемъ и еще больше» (216).

Если принять во вниманіе, что ничего подобнаго «субъективной рацеѣ» я не говорилъ, что и сравненіе съ Дарвиномъ принадлежитъ не мнѣ, а я его только коментировалъ, то очевидное и само по себѣ шутовство г. Бельтова получаетъ сугубо дурной оттѣнокъ. А «субъективный герой»,—это, конечно, чрезвычайно ядовито, даже, пожалуй, излишне ядовито по отношенію къ скромному журналисту со стороны одного изъ «мы», которые и т. д. Желаю имъ всякаго успѣха, но не думаю, чтобы шутовской колпакъ ему способствовалъ.

Г. Бельтовъ не только остроуменъ, но и грозенъ, «грозенъ и немилостивъ». Впрочемъ, онъ въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ нѣкоторымъ моимъ корреспондентамъ, и мнѣ хочется сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Рѣзкость въ полемикѣ—дѣло неизбѣжное, но и тутъ est modus in rebus, или, по-русски сказать, надо же и честь знать. Если полемическая рѣзкость истекаетъ изъ темперамента и сопровождается талантомъ, то и тогда можетъ хватать черезъ край. Примѣръ тѣ же учителя г. Бельтова или ихъ антагонистъ Дюрингъ. Читатель помнитъ можетъ быть, какъ «обработалъ» Марксъ мимоходомъ въ «Капиталѣ» Герцена. Выходило, что «полу-русскій и вполнѣ «москвичъ» Герценъ ревностно пророчествуетъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой». Здѣсь «кнутъ» и «калмыцкая кровь», не имѣющіе ничего общаго съ идеями Герцена, пущены въ ходъ единственно ради полемической рѣзкости. Къ чести автора надо сказать, что въ послѣдующихъ изданіяхъ «Капитала» эта неприличная выходка выкинута. Но и у него, и у Энгельса, и у Дюринга можно найти вещи въ такомъ же родѣ, или совершенно безплодныя, или даже извращающія предметъ и отталкивающія своею грубостью. Тѣмъ паче негодна рѣзкость полемики, когда она становится дѣломъ подражанія, моды, своего рода приличія. Такъ было у насъ одно, къ счастію, недолгое время въ шестидесятыхъ годахъ, когда полемизирующіе безъ всякаго смысла швыряли другъ въ друга разными «лукошками», «бутербродами», а то и площадной руганью. Нѣмцы всегда были грубы въ полемикѣ, что еще Берне замѣтилъ. И я боюсь, что, вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ и эта традиціонная нѣмецкая грубость, осолившись еще собственною нашею дикостью, и полемика превратится въ реплику, влагаемую гр. А. Толстымъ въ уста царевнѣ по адресу Потока-богатыря:

Шеромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!

Поросенокъ, теленокъ, свинья, эеіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощалыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

Это я только къ слову. Отнюдь не требую бѣлыхъ перчатокъ отъ полемиста и считаю ихъ даже невозможными. Не утверждаю также, чтобы г. Бельтовъ былъ лишенъ «дѣвичьяго стыда». Тѣмъ не менѣе иногда и ему слѣдовало бы нѣсколько больше взвѣшивать свои слова,—въ своихъ же собственныхъ интересахъ и въ интересахъ защищаемаго имъ дѣла.

Г. Бельтовъ утверждаетъ, что въ моихъ «новыхъ словахъ» (объ нихъ потомъ) «русскій умъ и русскій духъ» подлинно «зады твердитъ и лжетъ за двухъ» (225). Сильно сказано! Очень сильно, съ сохраненіемъ, однако, «дѣвичьяго стыда», потому что вѣдь что же дѣлать—подвернулись подъ перо стихи, ну а изъ пѣсни слова не выкинешь. Можно бы, конечно, сказать, что если г. Бельтовъ не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то отвѣтственъ за ея выборъ, но это ужъ будетъ, пожалуй, тонкость по нашимъ полемическимъ нравамъ. Собственно въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ, онъ просто такъ, сболтнулъ, чтобы горячѣе вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, стыдливо прикрылся. А когда онъ дѣйствительно во лжи меня обличаетъ, то дѣлаетъ это въ перчаткахъ.

Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли», я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. И. Зиберомъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведя эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и ни разу не слышали мы отъ него ссылокъ на «діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому показаніе г. Михайловскаго неопровержимо!» (77—78, примѣчаніе).

Вотъ что значитъ надѣть перчатки для обличенія во лжи,—даже изящно выходитъ! Не такъ, однако, изящно, какъ кажется съ перваго взгляда, потому что перчатки у г. Бельтова грязныя...

«Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому показані г. Михайловскаго неопровержимо»... Я скажу иначе: на мертвыхъ н всегда все валить можно, и показаніе г. Бельтова вполнѣ опровержимс

Можно ли допустить, чтобы я рѣшился приписать человѣку столь многимъ, кромѣ насъ съ г. Бельтовымъ, извѣстному, стол сравнительно недавно умершему, мысли, которыхъ онъ не толь

не имѣлъ, но даже о существованіи которыхъ не зналъ?—Можно, отвѣчаетъ г. Бельтовъ, потому что русскій духъ лжетъ за двухъ. Но г. Бельтовъ любезно сообщаетъ, что и у него «русская душа» (286). И неужели же въ самомъ дѣлѣ таковъ ужасный рокъ, что русскій духъ долженъ лгать за двухъ, потому что кто нибудь изъ насъ—я или г. Бельтовъ—навѣрное лжетъ за себя и за Зибера. Но пойдемъ далѣе: можно ли допустить, чтобы столь трудолюбивый и вдумчивый ученый, какъ Зиберъ, такъ таки до конца дней своихъ и не догадался о связи «новѣйшей экономіи» съ Гегелемъ? чтобы, даже наталкиваемый на этотъ сюжетъ разговоромъ, онъ имъ не заинтересовался и отдѣлывался отвѣтомъ: «мнѣ совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ новѣйшей экономіи»? На мертвыхъ все валить можно, поучаетъ насъ г. Бельтовъ. Можно, это мы ясно видимъ, но если ужъ кто хочетъ заниматься этимъ непохвальнымъ дѣломъ, то надо его дѣлать осторожнѣе, чѣмъ г. Бельтовъ.

Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (не оконченная) представляетъ собою пересказъ, даже почти сплошной переводъ книги Энгельса «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переведя эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно таки мудрено не только для Зибера, а даже и для Потока-богатыря въ вышепреведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова понятно. Но на всякій случай приведу все таки нѣсколько строкъ изъ маленекаго предисловія Зибера: «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности проводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она даетъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемымъ и въ то же время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

Итакъ: Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполнѣ разрѣшающая пикантный вопросъ о томъ кто лжетъ за двухъ.

Австралійскіе дикари употребляютъ метательное оружіе, называемое бумерангомъ и устроенное такъ, что, въ случаѣ промаха, оно само возвращается къ бросившему. Бумерангъ г. Бельтова отличается отъ австралійскаго тѣмъ, что не просто возвращается къ бросившему, а поражаетъ его самого. Желая вышутить, г. Бельтовъ

самъ наряжается въ шутовской колпакъ; желая обличить во лжи, самъ въ ней обличается. А вдобавокъ, желая защитить покойнаго ученаго, онъ обвиняетъ его въ незнаніи того, что онъ зналъ, и въ отсутствіи интереса къ тому, чѣмъ онъ очень интересовался. Это ужъ совсѣмъ не хорошо.

Я привелъ характерные образчики полемики г. Бельтова и долженъ буду привести ихъ еще нѣсколько. Да не подумаетъ читатель, что я это дѣлаю съ злорадствомъ. Напротивъ, я достаточно обстрѣлянъ, чтобы съ презрительнымъ хладнокровіемъ относиться къ направленной противъ меня брани. Вмѣстѣ съ тѣмъ я такъ люблю русскую литературу, что, ничего не имѣя противъ кувырканій разныхъ злонамѣренныхъ бездарностей, скорблю, когда кувыркаются люди болѣе или менѣе талантливые; наконецъ, какъ видно будетъ ниже, я имѣю спеціальныя причины скорбѣть объ томъ, что г. Бельтовъ систематически подрываетъ довѣріе къ себѣ и къ своимъ показаніямъ. Я боюсь именно, что съ нимъ случится нѣчто въ родѣ исторіи того пастуха, который такъ часто шутилъ или лгалъ, крича: «волкъ»—что когда волкъ и взаправду явился, пастуху уже никто не повѣрилъ. Тѣмъ не менѣе я вынужденъ продолжать на эту же тему о полемическихъ или, пожалуй, критическихъ пріемахъ г. Бельтова.

Есть у меня работа о герояхъ и толпѣ, къ сожалѣнію моему, очень разбросанная, такъ какъ я возвращался къ ней неоднократно и съ большими перерывами. Въ воспоминаніяхъ мнѣ случалось говорить о причинахъ, какъ нѣкоторыхъ изъ этихъ перерывовъ, такъ и нѣкоторыхъ изъ возобновленій. Дѣло было такъ. Очень уже давно натолкнутый на означенную тему чисто теоретическимъ ходомъ мысли (слѣды чего имѣются въ самыхъ раннихъ моихъ статьяхъ), я вплотную принялся за ея разработку лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, подъ впечатлѣніемъ безобразій и ужасовъ еврейскихъ погромовъ. Самый этотъ поводъ исключалъ возможность постановки вопроса на исключительно «героическую» почву въ общепринятомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ чего то великаго и благодѣтельнаго. Я и оговорилъ, что мой «герой» есть просто вожакъ, увлекающій толпу можетъ быть и на великое, а можетъ быть и на гнусное и глупое дѣло. Это было самымъ точнымъ образомъ установлено въ статьѣ «Герои и толпа», гдѣ я пытался опредѣлить объективныя условія, необходимыя для возникновенія той группы явленій, которая суммируется въ словахъ «Герои и толпа». «Научныя письма» продолжали ту же тему. Въ «Патологической магіи» мнѣ пришлось говорить, между прочимъ, о разныхъ шарлатанахъ, злоупотребляющихъ склонностью «толпы» къ гипнозу. Наконецъ уже здѣсь, на страницахъ «Русскаго Богатства», мнѣ пришлось указывать на многосторонне различіе понятій «толпы» и «народа». Что же изъ всего этого сдѣлалъ г. Бельтовъ? Моими героями и толпой онъ занятъ на всемъ протяженіи своей книги, причемъ, однако, воздерживается и о ъ

изложенія, и отъ критики теоріи, а только, такъ сказать, щиплетъ ее походя, съ помощью все того же шутовства и той же лжи. Онъ до такой степени не понялъ теоріи или перевралъ ее, что рѣшается написать, напримѣръ, слѣдующія строки:

«Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой... Субъективная философія кажется намъ вредной потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію самосознанія производителя, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя. Было бы болото, черти будутъ, говоритъ народная пословица. Были бы герои, толпа для нихъ найдется, говорятъ субъективисты, и эти герои, это—мы, это субъективная интеллигенція. На это мы отвѣчаемъ: ваше противопоставленіе героевъ толпѣ есть простое самомнѣніе и потому самообманъ» (234—235).

Но, мой бѣдный г. Бельтовъ, вы вѣдь понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ. Какъ разъ наоборотъ: была бы толпа, а герои найдутся и поведутъ ее, напримѣръ, «бить жидовъ» или докторовъ. Можетъ быть, конечно, и на что нибудь совсѣмъ другое поведутъ, но это дѣло настолько ненадежное, что, конечно, благомыслящимъ людямъ надлежитъ «содѣйствовать развитію самосознанія» въ людяхъ вообще, въ «производителяхъ» въ частности. Вотъ только это слово «производители» не хорошо, — конюшней отдаетъ отъ него. Мы привыкли употреблять въ такихъ случаяхъ слово «народъ», въ смыслѣ трудящейся массы. Но если мы съ вами и сходимся на выводѣ о необходимости «содѣйствовать» и проч., то замѣтьте, что это выводъ вполнѣ субъективный, тогда какъ теорія героевъ и толпы содержитъ въ себѣ и чисто объективное изслѣдованіе законовъ коллективной психологіи. И напрасно вы думаете, что этими пустяками только «россійская соціологія» занимается: европейская литература ими въ настоящую минуту очень интересуется. Я понимаю, что вамъ «некогда», но удосужьтесь всетаки какъ нибудь заглянуть хоть въ три первыя странички статьи «Герои и толпа», это и двухъ минутъ времени не займетъ. Тамъ вы найдете такія строки: «Не въ похвалу или въ поруганіе выбраны нами термины «герой» и «толпа». Если пьянаго звѣря Василія Андреева (зачинщикъ убійства архіерея Амвросія въ 1771 г.) мы называемъ героемъ, на-ряду съ благороднымъ образомъ Бланки Бастильской, то, конечно, читатель не найдетъ у насъ такъ называемаго культа героевъ».

Ну вотъ, а г. Бельтовъ нашелъ... Написано: «пьяный звѣрь», а онъ читаетъ: «субъективная интеллигиеція». При такомъ способѣ чтенія можно, конечно, гдѣ угодно и что угодно найти, но все таки это будетъ только ложь, осложненная вдобавокъ шутовствомъ. Шутовскія комбинаціи словъ въ родѣ «субъективный герой», «субъективная интеллигенція»—кажутся г. Бельтову чрезвычайно прон-

зительными и онъ назойливо уснащаетъ ими свою рѣчь, хотя такимъ шутовствомъ можно бы было и правду скомпрометировать и ужъ, конечно, нельзя украсить ложь.

Г. Бельтовъ не разъ возвращается къ той темѣ, что «субъективная интеллигенція» и «субъективные герои» не желаютъ «содѣйствовать самосознанію производителей» и даже препятствуютъ этому благому дѣлу, Но такъ какъ это его фантазія (вѣроятно объективная), то никакихъ доказательствъ онъ, конечно, не приводитъ. Да и откуда же ихъ ему взять? Однако онъ до такой степени эту свою фантазію ненавидитъ (она бы этого и заслуживала, еслибы не была фантазіей), что донимаетъ ее и лирикой, и громами своего гнѣва, и мытьемъ и катаньемъ. Особенно хочется ему компрометировать «новое слово» «субъективной интеллигенціи» предполагаемымъ родствомъ ея съ Бруно Бауеромъ. Онъ то утверждаетъ, что я свое «новое слово» заимствовалъ у Бруно Бауера, то рекомендуетъ мнѣ еще только познакомиться съ Бруно Бауеромъ. На «новое слово», какъ хорошо извѣстно моимъ читателямъ, я никогда не претендовалъ и всегда другимъ рекомендовалъ отказаться отъ этихъ претензій и стараться говорить лишь вѣрное слово, а тамъ ужъ другіе разберутъ; поэтому ироническія ковычки г. Бельтова не имѣютъ по отношенію ко мнѣ никакого смысла. Что касается героевъ и толпы, то я старался собрать все, что только есть въ литературѣ сколько нибудь цѣннаго по этому предмету. Но Бруно Бауера дѣйствительно не принялъ во вниманіе и ни мало объ этомъ не жалѣю. Насколько можно судить по цитатамъ г. Бельтова и насколько ему можно вѣрить, Бруно Бауеръ и его послѣдователи противопоставляли «героевъ» въ Карлейлевомъ смыслѣ этого слова— великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, полубоговъ—«массѣ» или «большинству» въ смыслѣ историческаго матеріала, чего нибудь стоющаго лишь при условіи полной покорности «героямъ» *Такія* противопоставленія дѣлались весьма часто въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, и не зачѣмъ обращаться къ разнымъ Опицамъ и Шелигамъ, развивавшимъ этотъ взглядъ въ нѣмецкой литературѣ 40-хъ годовъ, когда существуетъ такая блестящая разработка его въ «культѣ героевъ» Карлейля. Но какъ уже изъ вышеприведенныхъ словъ о «пьяномъ звѣрѣ Василіи Андреевѣ» видно, я совершенно устранилъ точку зрѣнія Карлейля изъ своей работы. Съ другой стороны я тщательно и неоднократно старался отгородить понятіе «толпы» отъ сопредѣльныхъ понятій. Еще не очень давно въ «Русскомъ Богатствѣ» (1893, № 4) я писалъ: «Какъ много путаницы въ нашихъ разговорахъ о народничествѣ и о многомъ другомъ происходитъ отъ того, что подъ словомъ «народъ» мы сплош и рядомъ безразлично разумѣемъ то этнографическую группу, т государственно-національную,то исключительно «мужика»,то «чернь» «простонародье», то представителей труда («производителей» г. Бел това), то *толпу*, которая такъ эффектно «безмолвствуетъ» въ п

слѣдней строкѣ Пушкинскаго «Бориса Годунова» и съ такою слѣпою яростью рветъ и мечетъ въ холерныхъ, еврейскихъ и т. п. безпорядкахъ... Толпа—не народъ, а самостоятельное общественно-психологическое явленіе, подлежащее спеціальному изученію».

Зачѣмъ же, спрашивается, пристаетъ ко мнѣ г. Бельтовъ съ Бруно Бауеромъ, Шелигой, Опицемъ? Да вотъ именно затѣмъ, чтобы смѣшать все въ кучу, сдѣлать изъ «героевъ», «интеллигенціи», «толпы,» «производителей», «большинства» и проч.—окрошку, облить ее ядомъ эпитета «субъективный» и приправить пряностями лжи и шутовства. Но зачѣмъ ему самая эта окрошка нужна,—этого я уже рѣшительно не понимаю. Должно быть для собственнаго употребленія,—такая ужъ ему пища по вкусу.

Есть у меня, кромѣ «Героевъ и толпы», еще другая большая и опять таки, къ сожалѣнію моему, разбросанная работа. Это—теорія прогресса. Она тоже не удовлетворяетъ г. Бельтова. Да я и самъ считаю ее неудовлетворительной, отнюдь однако не съ той стороны, съ которой къ ней подходитъ мой грозный обличитель. На стр. 61 онъ сѣтуетъ на «злоупотребленіе біологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной соціологической, а особенно въ русской quasi-соціологической литературѣ». Слѣдуютъ доказательства и критика, оканчивающаяся ниспроверженіемъ предложенной мною формулы прогресса (66). При этомъ однако г. Бельтовъ, кромѣ самой этой формулы, не приводитъ *ни одного слова* ни изъ статьи «Что такое прогрессъ?», ни изъ послѣдующихъ на ту же тему. А обращается онъ къ моимъ воспоминаніямъ и къ полубеллетристическимъ набросками «Въ перемежку» и тамъ находитъ сообщеніе, что нѣкій Бухарцовъ (онъ же Ножинъ) «мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея». Этотъ же Бухарцовъ-Ножинъ писалъ въ примѣчаніи къ одной своей литературной работѣ: «Обращаю вниманіе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбріологическая теорія имѣетъ главною своею цѣлью отысканіе законовъ физіологіи общества». А такъ какъ я съ лучшими чувствами вспоминаю даровитаго, хотя и увлекающагося юношу Бухарцова-Ножина и говорю, что много обязанъ ему въ своемъ умственномъ развитіи, то ясно, что я принадлежу къ представителямъ той «русской quasi-соціологической литературы», которая «особенно злоупотребляетъ біологическими аналогіями».

Апеллирую къ читателю, даже вполнѣ ко мнѣ неблагосклонному, но сколько нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?» Неправда, что русская литература *особенно* злоупотребляетъ біологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комическихъ аналогій Бл ччли съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше анало-

гическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лиліенфельда («Соціальная наука будущаго»), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ капля меду есть». Ибо никто не потратилъ столько усилій на борьбу и біологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что и нынѣшняя гроза въ свое время минуетъ...

Читатель, не вы — «читатель другъ», а вы — неблагосклонный читатель, съ перваго раза можетъ быть обрадованный книгой г. Бельтова, какъ вы только что радовались книгѣ г. Струве,—будьте «объективны» и пересмотрите еще разъ съ чисто фактической, только съ фактической стороны приведенные эпизоды съ Зиберомъ, героями и толпой, біологическими аналогіями. Должны же вы будете согласиться, что г. Бельтовъ дѣйствительно понимаетъ вещи какъ разъ «наоборотъ». Но хотя у него и «русская душа», не вѣрьте ему все-таки, что «русскій духъ» такъ таки ужъ всегда и непремѣнно «лжетъ за двухъ»...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ полемическими и критическими пріемами г. Бельтова. Разоблаченіе этихъ пріемовъ не доставляетъ никакого удовольствія, но намъ поневолѣ придется и еще встрѣтиться съ ними, а теперь обратимся къ собственнымъ взглядамъ г. Бельтова, къ положительной части его труда.

Г. Бельтовъ желаетъ изложить «монистическій взглядъ на исторію», а монизмъ, говоритъ онъ, возможенъ двоякій: идеализмъ и матеріализмъ. Оба эта ученія, въ качествѣ монистическихъ, противополагаются дуализму, признающему «духъ» и «матерію» отдѣльными, самостоятельными субстанціями. Идеализмъ же и матеріалимъ признаютъ лишь одну субстанцію, первый—духъ, второй—матерію. «Наиболѣе послѣдовательные и глубокіе мыслители всегда склонялись къ монизму... Въ первой половинѣ нашего столѣтія господствовалъ *идеалистическій* монизмъ; во второй половинѣ его—въ *наукѣ*, которая тѣмъ временемъ совершенно слилась съ *философіей*, восторжествовалъ *матеріалистическій* монизмъ, далеко впрочемъ не всегда послѣдовательный и откровенный (2). Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество матеріалистическаго монизма установлено такъ называемой теоріей экономическаго матеріализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «общефилософскимъ» матеріализмомъ. Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторію философіи. О степени безпорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ, ей посвященныхъ: «Французскій матеріализмъ XVIII вѣка», «Французскіе историки временъ реставраціи», «Утописты», «Идеалистическая нѣмецкая философія», «Современный матеріализмъ». Но ве-

курсія еще слабѣе, чѣмъ можно бы было думать, судя по этимъ заглавіямъ.

Одинъ изъ центральныхъ пунктовъ ея гласитъ: «Гегель называлъ *метафизической* точку зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или матеріалистовъ, — которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *діалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи» (71).

Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля *). Я радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы Гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаюсь утверждать, что онъ мнѣ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей, лежащей за предѣлами опыта и наблюденія, о сокровенномъ субстратѣ явленій. Правда, онъ слилъ ее съ діалектикой, обработалъ ее діалектическимъ методомъ, то есть путемъ послѣдовательнаго вскрытія заключающихся въ жизни и мысли, въ бытіи и мышленіи противорѣчій. Это сліяніе метафизики съ діалектикой составляетъ существенную особенность философіи Гегеля, но метафизика и при этомъ остается метафизикой, и Гегель отнюдь не питалъ къ ней того презрѣнія, которое сквозитъ въ приведенномъ г. Бельтовымъ будто бы Гегелевомъ опредѣленіи. Онъ не противополагалъ діалектику метафизикѣ, а напротивъ сливалъ ихъ въ одно цѣлое. Свое якобы Гегелово опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики признакомъ неподвижности или текучести. Всякая философская система, утверждающая, вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы» (233), что по этому она открыла безусловную сущность вещей,—будь это матерія или духъ—есть система метафизическая. Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предполагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то діалектическій ли путь она усвоиваетъ этому развитію или

*) Я, конечно, подобной претензіи не имѣю. Но не могу всетаки воздержаться отъ слѣдующаго замѣчанія. Г. Бельтовъ почему то увѣренъ, что я знакомъ съ Гегелемъ по учебнику уголовнаго права Спасовича и «по Льюису». Приведя мои слова объ «уничтожающемъ презрѣніи и холодной жестокости», съ которыми система Гегеля относится къ личности, онъ замѣчаетъ, что «это вѣрно развѣ только по Льюису» (283) Г. Бельтовъ, повидимому, очень презираетъ этого бѣднаго Льюиса, но еслибы онъ освѣжилъ въ своей памяти его «Исторію философіи», то убѣдился бы, что тамъ объ отношеніи философской системы Гегеля къ личности *нѣтъ ни одного слова*. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый, такъ какъ книга Льюиса имѣется въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ.

какой иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не измѣняетъ ея метафизическаго характера. Метафизическая печать лежитъ и на выросшей изъ гегельянства доктринѣ такъ называемаго экономическаго матеріализма, и діалектика отнюдь не стираетъ этой печати. Г. Бельтовъ думаетъ, что утверждать это могутъ лишь «россійскіе соціологи», «субъективисты» и проч. Мнѣ пріятно сослаться на нѣмецкаго писателя, котораго г. Струве въ своей книжкѣ горячо рекомендовалъ. «Труды Зиммеля—писалъ онъ—показываютъ, какъ плодотворно внесеніе въ соціологію *философскаго критицизма и научнаго психологическаго анализа*». (Курсивъ г. Струве. «Критическія замѣтки» и проч., стр. 35). Я не имѣю теперь времени извлечь изъ трудовъ Зиммеля все, заключающееся въ нихъ плодотворное, но нѣсколько строкъ изъ одной его работы приведу:

«Даже то историческое воззрѣніе, которое энергичнѣе всего должно было отбиваться отъ обвиненія въ метафизическихъ предположеніяхъ,—матеріалистическое,—достигаетъ этого лишь посредствомъ самообмана. Истолкованіе историческаго движенія противорѣчіемъ экономическихъ интересовъ есть гипотеза, спускающаяся далеко глубже доступныхъ наблюденію явленій... Предположеніе, что всѣ исторически дѣйствующіе интересы суть только преобразованія или замаскированія матеріальныхъ—никогда не можетъ быть доказано... Но если бы и можно было доказать, что экономическіе интересы суть тайныя или явныя пружины всѣхъ историческихъ дѣйствій, то было бы всетаки чисто метафизическимъ произволомъ останавливаться на этомъ пунктѣ и объявлять его послѣдне достижимымъ и самопонятнымъ... Это догматизмъ, подобный теоретическому матеріализму. Ибо и послѣдній есть метафизика, такъ какъ эмпирически отличныя отъ матеріи явленія онъ чисто гипотетически сводитъ къ ней и затѣмъ объявляетъ матерію послѣднимъ самопонятнымъ принципомъ, тогда какъ она ничуть не менѣе загадочна, чѣмъ другіе абсолюты, которые пробовали класть въ основаніе игры явленій» (Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 85—86).

Именно къ этому мѣсту относится замѣчаніе г. Струве, что Зиммель, при всей плодотворности его трудовъ, «иначе, чѣмъ мы (т. е. чѣмъ г. Струве), понимаетъ метафизичность». Я цитирую Зиммеля собственно въ виду горячей рекомендаціи г. Струве, ради которой можетъ быть и г. Бельтовъ воздержится отъ громовъ по адресу Зиммеля. Но я могъ бы привести многихъ первоклассныхъ ученыхъ, тоже «понимающихъ метафизичность иначе, чѣмъ мы», тоже признающихъ матеріализмъ такою же метафизикою, какъ и идеализмъ, независимо отъ того, осложненъ ли онъ идеей развитія или нѣтъ. Я боюсь, что г. Бельтовъ стоитъ на уже давно пройденной ступени. Боюсь, что онъ ошибается, говоря: «во второй половинѣ нашего вѣка *въ наукѣ*, которая тѣмъ временемъ совершенно

слялась съ *философіей*, восторжествовалъ *матеріалистическій* монизмъ».

Мнѣ какъ то случилось употребить выраженіе: «объ этомъ можно спорить». Эти, казалось бы, столь обыкновенныя слова приводятъ г. Бельтова въ чрезвычайное негодованіе; онъ добрый десятокъ разъ повторяетъ ихъ съ непонятною для меня ядовитостью, Ну, я не буду спорить. Я приведу только мнѣніе такого умнаго, тонкаго, свѣдущаго и добросовѣстнаго критика, какъ Ф. А. Ланге. Собственно вся его книга направлена къ тому, чтобы, признавъ относительныя достоинства матеріализма, какъ философіи, и его услуги наукѣ, показать, что нынѣ наука уже переросла и отвергла его. Но для образчика приведу одну, достаточно выразительную фразу: So sehen wir wie allerdings die gründliche Naturforschung durch ihre eignen Consequenzen über den Materialismus hinausführt. (Geschichte des Materialismus 2 Aufl, II, 167).

Разумѣя монизмъ исключительно въ метафизической формѣ идеализма и матеріализма и ошибочно отождествляя послѣдній съ наукою, г. Бельтовъ, однако, и къ идеализму очень благосклоненъ, главнымъ образомъ, конечно, къ Гегелю. Это понятно, такъ какъ доктрина экономическаго матеріализма изъ Гегеля проистекаетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ всетаки, чтобы г. Бельтовъ имѣлъ право написать слѣдующія строки: «До сихъ поръ еще трудно сказать, насколько взгляды нѣмецкихъ идеалистовъ непосредственно повліяли въ указанномъ (эволюціонномъ) направленіи на нѣмецкое естествознаніе, хотя несомнѣнно, что въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка даже натуралисты въ Германіи занимались втеченіе университетскаго курса философіей» (88). Что вліяніе нѣмецкой идеалистической философіи на всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія было громадно, — это вѣрно, но было ли оно такъ ужъ вполнѣ благотворно,—объ этомъ, не въ обиду г. Бельтову будь сказано,— можно спорить. Впрочемъ, напримѣръ, Гельмгольцъ, человѣкъ, достаточно, кажется, компетентный, считаетъ это дѣло даже внѣ спора. Онъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Шеллингъ сталъ господствовать надъ наукой на югѣ Германіи, а Гегель на сѣверѣ, началась распря между философіей и естествознаніемъ. Недовольная положеніемъ, указаннымъ ей Кантомъ, философія полагала открыть новые пути, съ цѣлью найти, заранѣе и безъ помощи опыта, путемъ чистаго мышленія, тѣ результаты, къ которымъ, въ концѣ концовъ, должны были бы придти опытныя науки. Философія ни мало не отчаявалась въ возможности включить въ свою область всѣ величайшіе вопросы о небѣ и землѣ, о настоящемъ и будущемъ. Противорѣчіе между этими философскими школами и естествознаніемъ особенно рѣзко выразилось въ крайне не философской страстной полемикѣ Гегеля и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ противъ Ньютона». (Приведено въ «Научномъ Обозрѣніи» 1895, № 1).

Въ виду всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что экскур-

сія г. Бельтова въ область исторіи философіи не дорого стоитъ. Входить во всѣ подробности ея я, разумѣется, не стану. Но кое что всетаки отмѣчу.

Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ, и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Страннымъ однако образомъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи Бланѣ, хотя одного предисловія къ Histoire de dix ans достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ и намекаетъ на какія то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ. А во-вторыхъ, идеи Луи Блана имѣли у насъ, въ Россіи, вліяніе еще въ сороковыхъ годахъ. («Это цѣлое откровеніе», писалъ Бѣлинскій объ «Histoire de dix ans»). Слѣды этого, равно какъ и другихъ подобныхъ вліяній можно найти и въ позднѣйшей нашей литературѣ, когда объ экономической основѣ общественныхъ явленій писалось очень много и очень опредѣленно. Почему же люди, исходя изъ этого общаго, столь опредѣленнаго положенія, приходятъ къ очень различнымъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ выводамъ? Любопытный вопросъ, для отвѣта на который г. Бельтовъ не даетъ, однако, никакихъ матеріаловъ, да и не задается имъ.

Г. Бельтовъ вообще говоритъ обо многомъ ненужномъ и умалчиваетъ обо многомъ нужномъ. Вотъ, напр., онъ приводитъ слова Георга Бюхнера, свидѣтельствующія о томъ тяжеломъ настроеніи, въ которое впалъ этотъ несчастный юноша, изучая исторію великой французской революціи. При этомъ онъ дѣлаетъ «*Примѣчаніе для г. Михайловскаго* (курсивъ г. Бельтова): это не тотъ Бюхнеръ, который проповѣдывалъ матеріализмъ въ «общефилософскомъ смыслѣ». Это его рано умершій братъ, авторъ знаменитой трагедіи «Смерть Дантона» (162). Надо замѣтить, что приводимыя г. Бельтовымъ слова Бюхнера, хотя и очень трогательны, но заключаютъ въ себѣ мысль, весьма часто и весьма многими выражавшуюся. И если г. Бельтовъ остановился именно на мало извѣстномъ у насъ Бюхнерѣ, то, мнѣ кажется, главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать «примѣчаніе для г. Михайловскаго». Я, конечно, очень польщенъ попечительною заботливостью г. Бельтова, изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ избравшаго единственно меня для сообщенія тайны о разницѣ между Георгомъ Бюхнеромъ и Людвигомъ Бюхнеромъ. Но, откровенно то говоря, это вѣдь всетаки только совершенно ненужное шутовство.

А между тѣмъ, если ужъ г. Бельтову подвернулся подъ перо Георгъ Бюхнеръ, то остановиться на этой мало извѣстной у насъ фигурѣ стоило бы. И біографія этого юноши, и его скудное по количеству, но достойное вниманія литературное наслѣдство—были бы для насъ очень поучительны въ связи съ тѣмъ кругомъ идей, который занимаетъ г. Бельтова. Впрочемъ, это тема, достойная пера болѣе добросовѣстнаго.

Я избавляю себя отъ разбора всего содержанія книги г. Бельтова. Мѣста у меня остается мало, кое-что мы уже видѣли, къ коечему можно и въ другой разъ вернуться, кое-что относится спеціально къ «комп.», которая сама за себя отвѣчаетъ. Наконецъ, мнѣ хочется и доброе слово сказать о книгѣ. Къ сожалѣнію, и для этого надо сдѣлать небольшое недоброе предисловіе.

Нѣкоторыя мои чисто фактическія указанія на разницу между судьбою экономическихъ и историческихъ воззрѣній Маркса г. Бельтовъ передаетъ въ такомъ видѣ: «Что вы лѣзете ко мнѣ съ Дарвиномъ! кричитъ онъ. — Дарвиномъ увлекались хорошіе господа, его многіе профессора одобряли, а за Марксомъ кто идетъ? Одни рабочіе, да никѣмъ не патентованные приватъ-звонари науки» (217). Ни шутовство, ни лживость этой передачи моихъ словъ ни удивляютъ уже, конечно, читателя послѣ всего вышеприведеннаго. Надоѣдаетъ это только немножко. Но дальше идетъ нѣчто интересное. Я говорилъ, между прочимъ: «теоретическая часть «Капитала» очень быстро заняла уже безспорно высокое мѣсто въ общепризнанной наукѣ». Иными словами, кому такія шутовскія слова нравятся: «увлекаются хорошіе господа, многіе профессора одобряютъ», все равно, какъ Дарвина. Но г. Бельтовъ съ этимъ не согласенъ. Онъ утверждаетъ, что среди нѣмецкихъ профессоровъ нѣтъ настоящаго почтенія къ автору «Капитала», «да и не можетъ быть его въ профессорѣ, потому что не сдѣлаютъ въ Германіи профессоромъ человѣка, проникнутаго имъ» (219).

Я такъ напуганъ г. Бельтовымъ, что не смѣю съ нимъ спорить, Можетъ быть оно такъ и есть въ Германіи. У насъ въ Россіи, кажется, не совсѣмъ такъ. Есть, напр., у насъ профессоръ Янжулъ, извѣстный своею солидностью, бывшій одно время фабричнымъ инспекторомъ, командированный въ 1893 г. министерствомъ финансовъ въ Америку, словомъ — человѣкъ на виду. Подъ редакціей этого самаго профессора Янжула въ 1892 г. вышла «Книга о книгахъ», представляющая собою указатель чтенія по разнымъ отраслямъ. Въ отдѣлѣ политической экономіи тамъ рекомендуются и «Капиталъ», и Zur Kritik der politischen Oekonomie, и Misère de la Philosophie, и сочиненія популяризаторовъ и комментаторовъ Маркса: Каутцкаго, Гросса, Эвелинга, Зибера. Въ сочиненіи «Промысловые синдикаты», изданномъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, тотъ же профессоръ Янжулъ называетъ книжку г. Струве «талантливымъ и остроумнымъ очеркомъ, съ главнѣйшими выводами котораго нельзя

вполнѣ не согласиться» (стр. 402). (Мимоходомъ сказать, весьма одобрена книжка г. Струве въ 12-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за истекшій годъ, въ статьѣ г. Орловскаго). Ну, а въ какой мѣрѣ г. Струве проникнутъ Марксомъ, объ этомъ говорить нечего. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ профессору Янжулу быть профессоромъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Отнюдь, я думаю, не то, что свобода университетскаго преподаванія такъ стѣснена въ Германіи, какъ утверждаетъ г. Бельтовъ, а лишь то, что изъ Маркса разные люди могутъ и разное извлекать. Это въ особенности относится къ его исторической теоріи, которой самъ онъ не разработалъ и съ которою у насъ часто знакомятся даже не изъ вторыхъ рукъ. Этимъ именно и объясняется, что «мы, марксисты» оказываются сплошь и рядомъ «не настоящими». Приведенныя мною въ прошломъ году письма свидѣтельствуютъ, что эти «не настоящіе» разныхъ степеней дѣйствительно существуютъ. Вотъ для нихъ то мнѣ и хочется извлечь нѣчто поучительное изъ книги г. Бельтова.

Прежде всего оказывается, что и г. Струве не настоящій, и не только потому, что неосторожно проговорился насчетъ «выучки» и насчетъ необоснованности и непровѣренности историческаго матеріализма. Вы помните назойливость, съ которою г. Струве твердилъ, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину» и что «соціологія можетъ игнорировать личность». Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ это «повторялъ», онъ «настаивалъ» на этомъ. Г. Бельтовъ, возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: «Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства» (222). И далѣе, уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: «Матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической» (234).

Неосторожность г. Струве: «пойдемъ на выучку къ капитализму»—г. Бельтовъ исправляетъ такъ: «существуетъ капиталистическая проза (въ противоположность поэзіи идеаловъ), а мы спрашиваемъ себя: какъ бороться съ этой прозой, какъ поставить народъ въ положеніе, хоть немного приближающееся къ идеальному?» (262). Съ этой точки зрѣнія, какъ поясняетъ г. Бельтовъ, вовсе не желательны ни «выкуриваніе лишняго мужика изъ деревни на фабрики», ни капитализація промысловъ, ни обезземеленіе крестьянъ. Г. Бельтовъ даже допускаетъ, что «должно стараться мѣшать ихъ обезземеленію» (правда, въ уклончивой формѣ: «*положимъ*, должно стараться» 161). Все это,—и капитализація, и обезземеленіе и проч.—неизбѣжно будетъ развиваться, въ этомъ г. Бельтовъ убѣжденъ, но «настоящимъ» вовсе не полагается принимать въ этомъ процессѣ

активное участіе какою бы то ни было помощью ему, какъ и не полагается быть его безучастными созерцателями. Задача ихъ вотъ какая: «Развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! вотъ что нужно прежде всего» (234). «Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте самосознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь» (тамъ же). «Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и попытки созданія производительныхъ ассоціацій едва-ли облегчили положеніе хотя бы сотни нѣмецкихъ производителей. Но они содѣйствовали пробужденію самосознанія этихъ производителей и тѣмъ принесли имъ большую пользу. Такую же пользу, и уже прямымъ, а не обходнымъ путемъ, принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. п... Хлопоты г. Кривенко неуклюжи, неловки, безплодны, но если онѣ, несмотря на всѣ эти отрицательныя качества, разбудятъ самосознаніе хоть одного производителя, онѣ окажутся полезными, и тогда выйдетъ, что г. Кривенко жилъ на свѣтѣ не затѣмъ только, чтобы дѣлать логическія ошибки» (278).

Послѣднее, мнѣ кажется, уже слишкомъ любезно. Но ничего, разумѣется, не имѣю противъ этой любезности, и тѣмъ паче противъ просвѣтленія производителей. Думается мнѣ только, что для программы, столь простой и ясной, не зачѣмъ было «подниматься за облака» Гегелевой философіи и «опускаться на дно» окрошки изъ субъективнаго и объективнаго... Страшная мысль: вдругъ да и г. Бельтовъ окажется не настоящимъ!

Однако, и въ этомъ случаѣ, для другихъ не настоящихъ окажется полезнымъ, напримѣръ, напоминаніе объ «антифизикѣ» Даламбера. Этотъ мыслитель «говаривалъ, что онъ, на основаніи самыхъ безспорныхъ физическихъ законовъ, докажетъ неизбѣжность явленій, совершенно невозможныхъ въ дѣйствительности. Надо только, слѣдя за дѣйствіями каждаго даннаго закона, забыть на время, что существуютъ другіе законы, видоизмѣняющіе его дѣйствіе» (274). Или еще такія слова: «Трудное это дѣло—объяснить весь историческій процессъ, послѣдовательно держась одного принципа. Но что прикажете? Наука вообще дѣло не легкое... Можетъ быть въ вопросахъ, касающихся идеологій, самые лучшіе знатоки «экономической струны» окажутся подчасъ безсильными, если не будутъ обладать нѣкоторымъ особымъ дарованіемъ, именно художественнымъ чутьемъ... Много, очень много еще темнаго для насъ въ этой области!» (223). Г. Бельтовъ надѣется, конечно, разсѣять эту темноту, но для многихъ не настоящихъ поучительно уже то, что темнота пока еще существуетъ, что разсѣять ее—дѣло не лег-

кое, для выполненія котораго нужно поработать въ разныхъ сферахъ духовной жизни: и художественное чутье не помѣшаетъ, и антифизику Даламбера помнить слѣдуетъ, и даже вырвать у исторіи тайну разницы между двумя Бюхнерами полезно.

Къ сожалѣнію, все это утоплено въ окрошкѣ и компрометировано тѣмъ «русскимъ духомъ», который однако, повторяю, не непремѣнно «лжетъ за двухъ».

Ник. Михайловскій.

Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени.

L'ignorance est moins eloignée de la verité que le préjugé.

Diderot.

Было время,—время очень къ намъ близкое, можно сказать, что это было чуть ли не вчера,—когда значеніе побѣднаго шествія капитализма не только не требовало какого бы то ни было объясненія, но всякія попытки взглянуть на разрушительное вліяніе капиталистической формы хозяйства на народныя его формы въ лучшемъ случаѣ встрѣчались, со стороны идеологовъ новой формы, презрительнымъ молчаніемъ.

Да и дѣйствительно, зачѣмъ было вступать въ какую то ненужную, безцѣльную полемику, когда сама жизнь, все окружающее, способствовало развитію представленія, что внѣ капитализма нѣтъ спасенія. Ранняя молодость его ознаменовалась чрезвычайнымъ развитіемъ торговли, быстрымъ ростомъ промышленности, высокимъ подъемомъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, слѣдовательно увеличеніемъ податной и платежной способности населенія. Увеличеніе податной способности дало возможность посодѣйствовать дальнѣйшему росту капитализма.

Но это продолжалось не долго. То тутъ, то тамъ начали замѣчаться изъяны. 1891 годъ изрядно таки поубавилъ наше увлеченіе этой формой.

Голодъ этого года натянулъ до крайняго напряженія всѣ наши хозяйственныя связи и отношенія. Вся страна въ хозяйственномъ отношеніи оказалась въ значительной степени изолированной. Во многихъ случаяхъ хозяйственныя связи были порваны, все наше хозяйственное зданіе было потрясено до самаго основанія. Но для каждаго безпристрастнаго наблюдателя было очевидно, что причина такого потрясенія, причина такого бѣдствія скрывалась въ самомъ способѣ постройки зданія, что для украшенія фасада и

внѣшней отдѣлки матеріалы постоянно брались изъ-подъ его основанія.

Но чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891 г., тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію.

И дѣйствительно, все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства. Но *большинство*, какъ бы велико оно ни было, не значитъ еще *всѣ*. Большинство не входитъ въ детальное разсмотрѣніе вопросовъ: что, какъ и почему? Оно только видитъ, что не все въ порядкѣ, что общественныя усилія должны быть направлены на нѣчто совсѣмъ иное, а не на то, на поддержаніе и развитіе чего они были направляемы до сихъ поръ.

Какъ же должны были отнестись къ такому направленію общественныхъ стремленій тѣ, кто привыкъ считать свое дѣло за дѣло національное, поддержку своихъ стремленій за обязанность государства. Очевидно, всякія попытки, даже крайне скромныя, были приняты ими за посягательство на выполненіе ихъ миссіи. Примѣромъ могутъ служить отзывы торгово-промышленнаго класса на проэктъ измѣненія промысловаго обложенія.

Къ чести нашей экономической литературы, она была *почти* свободна отъ упрека въ томъ, что принимаетъ на себя защиту представителей интересовъ сравнительно небольшой кучки промышленно-торговаго класса. Мы, конечно, при этомъ не имѣемъ въ виду тѣхъ публицистовъ, которые изо дня въ день въ продолженіи ряда лѣтъ проповѣдывали необходимость дальнѣйшаго обездоленія крестьянства при помощи законодательныхъ мѣръ, повышенія пошлины на главнѣйшіе предметы потребленія и т. д. «для поощренія развитія отечественной промышленности и торговли». Такіе публицисты въ счетъ не идутъ, не о нихъ идетъ рѣчь; рѣчь идетъ объ экономистахъ, лицахъ, изучающихъ наши общественно-хозяйственныя условія и приходящихъ къ тѣмъ или инымъ выводамъ не подъ впечатлѣніемъ минутнаго настроенія, но опираясь на факты, собранные и провѣренные путемъ научнаго изслѣдованія.

Такимъ экономистамъ въ большинствѣ случаевъ нельзя сдѣлать только что упомянутаго упрека. Дѣло представлялось въ такомъ видѣ. Почти всѣ изслѣдователи нашей хозяйственной жизни настаивали, на основаніи имѣвшихся данныхъ, на необходимости повышенія производительныхъ силъ всего народа, между тѣмъ какъ всѣмъ ходомъ этой жизни выдвигался классъ, развитіе котораго было обусловлено *пониженіемъ* производительныхъ силъ всего народа, такъ какъ увеличеніе производительности и потребленія одного незначительнаго класса происходило на счетъ уменьшенія

производительности и потребленія другого класса, наиболѣе многочисленнаго.

Такъ вотъ именно въ настоящее время, когда ненормальность, гибельность такого порядка вещей стала обнаруживаться съ особенною силою, потребовалось якобы научное обоснованіе для тѣхъ стремленій, которыя въ концѣ концовъ привели къ такому состоянію. Прежде такой потребности почти вовсе не ощущалось; повидимому, сама жизнь оправдывала такія стремленія.

Старыя доказательства потеряли силу, они были опровергнуты фактами, ихъ пришлось сдать въ архивъ. Потребовалась аргументація новая, опирающаяся на новые факты. Идеологи плутократіи прибѣгли къ пріему на первый взглядъ крайне ловкому. Они не задумываясь стали почерпать аргументацію, якобы оправдывающую необходимость развитія капиталистической формы производства, а слѣдовательно, обезземеленія крестьянства, изъ авторовъ, всѣ научные труды которыхъ приводятъ къ заключенію, что конечная цѣль всякаго производства—имущественное благосостояніе большинства населенія—невозможна при капиталистической его формѣ, несовмѣстима съ ней.

Съ такого рода логомахіей въ русской экономической литературѣ явился г. П. фонъ Струве («Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». Спб. 1894).

Взявъ на себя задачу примирить непримиримое, г. П. фонъ Струве по необходимости долженъ былъ довольно самобытно отнестись къ своей задачѣ и ея выполненію.

Намъ нѣтъ необходимости слѣдить за всею оригинальною аргументаціей его. Для полученія понятія о значеніи всѣхъ критическихъ замѣтокъ, укажемъ на главнѣйшія положенія его «критики».

I.

Въ нашей экономической литературѣ много разъ указывалось на недостатокъ и сокращеніе такого рода работъ, которымъ крестьянство въ состояніи было бы посвящать свое время, свободное отъ работъ земледѣльческихъ, что имѣетъ особенную важность въ нашемъ климатѣ, при которомъ около полугода крестьянамъ приходится сидѣть безъ дѣла. Въ «Очеркахъ пореформеннаго хозяйства» сдѣланы были попытки фактическаго обоснованія и объясненія причинъ этого явленія. Основною причиною въ этихъ «Очеркахъ» выставлялось отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, именно то обстоятельство, что подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ (постройки желѣзныхъ дорогъ и сопряженнаго съ нею повышенія мѣстныхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, повышенія, усугубленнаго обезцѣненіемъ бумажнаго рубля, вызваннаго выпускомъ кредитокъ и проч.) крестьянство

нашло болѣе выгоднымъ продавать земледѣльческіе продукты и на вырученныя деньги покупать предметы домашняго обихода, приготовлявшіеся прежде собственнымъ трудомъ. Затѣмъ, при пониженіи цѣнъ на хлѣба, для полученія той же самой денежной суммы, приходилось отчуждать продуктовъ земледѣльческаго труда все въ большемъ и большемъ количествѣ. Отсюда меньшее собственное потребленіе, меньшая возможность удовлетворить свои потребности не только въ покупныхъ продуктахъ, продуктахъ обрабатывающей промышленности, но и потребности въ пищѣ. Прежде потребности крестьянства удовлетворялись годовымъ его трудомъ. Въ настоящее время, при прежней или даже, вслѣдствіе обѣдненія, можетъ быть при уменьшенной производительности крестьянскаго труда, ему приходится удовлетворять свои потребности уже только полугодовымъ трудомъ. Вслѣдствіе отчужденія продуктовъ этого труда въ большемъ и большемъ количествѣ, ихъ остается на собственное потребленіе крестьянства все меньше и меньше. Такъ что если взять все валовое земледѣльческое производство Россіи, то окажется, что его хватало бы на пищевую потребность населенія; но неимѣніе внѣ-земледѣльческихъ занятій, освобожденіе полугодового рабочаго времени всего крестьянства, вынужденность отчуждать значительную часть продукта земледѣльческаго труда, потребнаго для него самого, понижаетъ его хозяйственное положеніе.

Г. П. фонъ Струве съ этимъ совершенно не соглашается. Въ этомъ явленіи, по мнѣнію критика, выражается «перенаселенность»: «*наши крестьяне производятъ недостаточно пищи*»—говоритъ критикъ—а г.—онъ приписываетъ ихъ жалкое положеніе тому, что они перестали заниматься домашнимъ пряденьемъ и ткачествомъ для собственнаго потребленія» (стр. 237).

Итакъ, крестьянство производитъ недостаточно пищи, а происходитъ это отъ «перенаселенности»; значеніе этой перенаселенности совершенно не понято, по мнѣнію критика, авторомъ «Очерковъ», который «конструируетъ это явленіе какъ капиталистическую перенаселенность».

Такимъ образомъ явленіе, которое каждый можетъ провѣрить, которое у всѣхъ передъ глазами, нашъ критикъ думаетъ объяснить понятіемъ о «перенаселеніи», заимствованнымъ у Мальтуса. Онъ даже не пожелалъ вникнуть въ причины того, что онъ называетъ «перенаселеніемъ»; безъ тѣхъ причинъ, о которыхъ только что шла рѣчь и которыя ухудшили матеріальное положеніе крестьянства, не было бы и «перенаселенія».

Крайне характерно, что въ то время, когда цѣлый рядъ фактовъ насильственно привелъ всѣхъ къ заключенію, что какъ будто мальтовъ для поглощенія всего производимаго хлѣба, выискался публицистъ, который совершенно серьезно утверждаетъ, что новая теорія населенія «нисколько не опровергаетъ, а исполняетъ теорію

населенія Мальтуса» (стр. 183—4). Послѣдняя, какъ извѣстно, основана на томъ, что на жизненномъ пиру многимъ не хватаетъ мѣста, что слишкомъ много ртовъ, сравнительно съ количествомъ производимаго хлѣба. Подобное игнорированіе фактовъ только лишній разъ показываетъ, какъ мало г. П. фонъ-Струве понимаетъ *экономическія* причины избытка производимаго хлѣба съ одной стороны, и нужды значительной части населенія—съ другой.

Съ этимъ вопросомъ тѣсно связана другая сторона дѣла, именно вопросъ о повышеніи производительности земледѣльческаго труда.

Вслѣдствіе условій, въ которыя мы были поставлены послѣ крымской кампаніи, наша страна была втянута въ круговоротъ мірового хозяйства. Нашимъ товарамъ пришлось считаться на всемірномъ рынкѣ съ товарами странъ, далеко опередившихъ насъ на пути техническихъ усовершенствованій. Но сначала, при сравнительно маломъ развитіи паровыхъ путей сообщенія, разница производительности труда мало давала себя чувствовать. Впослѣдствіи же, по мѣрѣ расширенія желѣзнодорожной сѣти и удешевленія перевозки моремъ, разница въ производительности труда отзывалась на насъ все съ большей и большей силою. По мѣрѣ того какъ распахивались земли, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ незаселенныя, по мѣрѣ того какъ усовершенствовалась техническая сторона земледѣлія, цѣны на земледѣльческіе продукты начали падать, начали притомъ падать на всемірномъ рынкѣ, часть котораго представляла собою Россія.

Что бы слѣдовало дѣлать намъ, чтобы не быть въ проигрышѣ? Очевидно, слѣдовало-бы повысить производительность земледѣльческаго труда нашего крестьянства; «*увеличеніе производительности земледѣльческаго труда является, поэтому, безотлагательною государственною потребностью*», говорится по этому поводу въ «Очеркахъ». Кажется слова достаточно ясныя. Между тѣмъ г. П. фонъ Струве, ссылаясь на ту-же 265 стр., гдѣ онъ могъ ихъ прочитать, говоритъ (стр. 207): «Вообще г. Николай—онъ напрасно такъ боится увеличенія производительности труда»; а на слѣдующей страницѣ (208) находимъ уже слѣдующее: «Г.—онъ... утверждаетъ, что отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія приводитъ къ ухудшенію положенія земледѣльческихъ классовъ... г—онъ *связываетъ фактъ ухудшенія положенія сельскаго населенія съ ростомъ производительности труда*».

И въ своей статьѣ въ «Socialpolitische Centralblatt» и въ Критическихъ Замѣткахъ» г. П. фонъ Струве съ особенною силою настаиваетъ на томъ, что авторъ «Очерковъ», смѣшавъ понятіе о напряженности труда съ понятіемъ о его производительности, «просмотрѣлъ одну изъ самыхъ блестящихъ теоретическихъ заслугъ» новой экономической школы.

Хотя объ этомъ вопросѣ мы имѣли уже случай говорить по поводу нѣмецкой статьи г. П фонъ Струве, но такъ какъ влія-

ніе развитія интенсивности труда онъ ставитъ въ основаніи всей своей «идеолого-плутократической миссіи», то посмотримъ еще разъ на это дѣло.

При большей напряженности труда тратится большее его количество въ данное время. «Поэтому болѣе интенсивный рабочій день воплощается въ большемъ количествѣ продуктовъ, чѣмъ рабочій день такой-же продолжительности, но менѣе напряженный. Хотя при повышеніи производительной силы тотъ-же самый рабочій день также производитъ большее количество продуктовъ, но въ послѣднемъ случаѣ стоимость единичнаго продукта понижается, такъ какъ на него потрачено труда меньше, чѣмъ прежде; между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ, при повышеніи напряженности труда, стоимость остается прежнею, такъ какъ, на приготовленіе продукта потрачено столько-же труда какъ и прежде. Въ этомъ случаѣ количество продуктовъ повышается, причемъ цѣна ихъ не падаетъ. Съ увеличеніемъ ихъ количества повышается сумма ихъ цѣнъ, между тѣмъ какъ при повышеніи производительности та же самая сумма стоимости выражается только въ большемъ количествѣ продуктовъ. При не измѣняющемся числѣ рабочихъ часовъ, болѣе напряженный рабочій день овеществляется въ большей суммѣ произведенныхъ стоимостей, слѣдовательно, при не измѣняющейся стоимости денегъ, въ большемъ количествѣ денегъ. Сумма стоимостей, произведенныхъ въ рабочій день, измѣняется вмѣстѣ съ отклоненіемъ напряженности его отъ нормальной общественной его степени. Слѣдовательно, тотъ-же самый рабочій день выражается не такъ, какъ прежде, въ постоянной величинѣ произведенныхъ стоимостей, но въ величинѣ измѣняющейся, напримѣръ, болѣе напряженный 12-часовый рабочій день выразится въ 7, 8 шиллингахъ, а уже не въ 6, какъ 12-ти-часовой день обычной напряженности». (Кар., 544).

Такъ какъ на этомъ положеніи г. П. фонъ-Струве строитъ всю свою программу, при исполненіи которой Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистическою страною, то несомнѣнно онъ самъ отлично понялъ и оцѣнилъ «одну изъ самыхъ блестящихъ теоретическихъ заслугъ» новой школы, тѣмъ болѣе, что и по изложенію и по смыслу только что приведенная выписка совершенно ясна и понятна.

Посмотримъ на примѣрѣ, что хотѣлъ выразить авторъ выписки. По его мнѣнію, при увеличеніи *производительности* труда вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, открытій, тотъ-же самый рабочій впродолженіи того-же числа рабочихъ часовъ въ состояніи изготовить товаровъ, скажемъ, на 50%, въ полтора раза больше прежняго. Оставивъ въ сторонѣ часть стоимости машинъ, переходящую на продуктъ вслѣдствіи изнашиванія ихъ, окажется, что товаръ можетъ быть проданъ на 33% ниже пре

ней своей цѣны. Если стоимость, производимая рабочимъ въ опредѣленный срокъ, равнялась скажемъ 100 руб. и онъ производилъ за это время 100 штукъ товара, то теперь, вслѣдствіи увеличенія производительности его труда, онъ хотя и производитъ все туже стоимость въ 100 руб., но она распредѣляется уже на 150 штукъ товара, такъ что каждая единица стоитъ теперь не рубль, какъ прежде, а только $66^2/_3$ коп. Если-же приэтомъ станетъ увеличиваться напряженность труда рабочаго, вслѣдствіи траты большаго количества рабочей силы въ единицу времени, то хотя вмѣстѣ съ этимъ и будетъ увеличиваться число штукъ производимаго имъ товара, но стоимость ихъ не упадетъ, именно вслѣдствіи траты большаго количества труда. Какъ-же выразится въ цѣнѣ совокупное вліяніе этихъ двухъ факторовъ увеличенія производительности и напряженности труда? Представимъ себѣ, что напряженность труда повысилась также на 50%, въ полтора раза. При не измѣнившейся производительности, вмѣсто прежнихъ 100 штукъ товара, стоившихъ 100 руб. такое увеличеніе напряженности труда выразится въ 150 штукахъ товара, стоющихъ 150 руб. Но по нашему предположенію производительность труда также повысилась на 50%, слѣдовательно теперь будетъ произведено вмѣсто прежнихъ 100 штукъ товара на 50% больше, вслѣдствіи увеличенія производительности и на 50% больше вслѣдствіи увеличенія напряженности, словомъ вмѣсто прежнихъ 100 шт. будетъ изготовлено 200 штукъ впродолженіи тогоже періода времени. Какая-же будетъ стоимость всего количества товара и каждой штуки въ отдѣльности? Увеличеніе производительности стоимости не измѣнило. Увеличеніе напряженности труда повысило ее на 50%, слѣдовательно всѣ 200 штукъ товара будутъ теперь стоить (при прежней стоимости денегъ и при соотвѣтственно увеличившемся спросѣ) 150 руб., а каждая штука 75 коп.

Все это до такой степени ясно, что иной читатель можетъ спросить, да зачѣмъ такъ много говорить о дѣлѣ, которое и безъ всякихъ примѣровъ совершенно понятно?

Каково же должно быть его удивленіе, если онъ, взявъ книгу г. П. фонъ-Струве, откроетъ стр. 208 и вслѣдъ за изложеніемъ въ четырехъ строчкахъ сущности вышеприведенныхъ фактовъ, найдетъ слѣдующую фразу: «*Если интенсивность и производительность растутъ въ одинаковой мѣрѣ, цѣнность продукта не можетъ упасть*», это слѣдуетъ, прибавляетъ онъ, «*по теоріи» новой школы*.

Слѣдовательно, если взять нашъ примѣръ, стоимость произведеннаго продукта, по мнѣнію г. П. фонъ-Струве, будетъ не 50 руб., а 200 руб., т. е. она *увеличится больше* возросшей напряженности труда, которая только и можетъ повысить сумму стоимостей, произведенныхъ въ единицу времени. Вотъ какъ глу-

боко и вѣрно понялъ г. П. фонъ-Струве «одну изъ самыхъ блестящихъ теоретическихъ заслугъ» новой школы.

Но пойдемъ дальше. «Поднятіе интенсивности труда,—говоритъ г. П. фонъ-Струве на стр. 210,—сопровождаемое повышеніемъ его производительности—*первое безъ второго не имѣетъ конечно смысла*—увеличиваетъ доходъ хозяйства».

Прочтя эти строки, мы прежде всего подумали, что здѣсь вкралась просто какая нибудь неточность, ошибка; однако на опечатку на этой страницѣ нѣтъ никакихъ указаній, и утвержденіе г. П. фонъ-Струве приходится понимать буквально, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ гармонируетъ со сбивчивостью понятій его по этому вопросу. Итакъ, по мнѣнію того, кто такъ прекрасно понялъ «значеніе одной изъ самыхъ замѣчательныхъ теоретическихъ заслугъ» новой школы, увеличеніе интенсивности труда, при не измѣняющейся производительности, не имѣетъ смысла? Итакъ, при тѣхъ-же самыхъ техническихъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ производительность труда, одно только повышеніе его напряженности «*конечно не имѣетъ смысла*»? Слѣдовательно стремленіе извлечь большее количество труда въ ту же единицу времени не имѣетъ смысла? Извлеченіе большаго количества труда при тѣхъ-же машинахъ при помощи увеличенія быстроты ихъ движенія, а также поручая меньшему рабочему персоналу наблюденіе за большимъ числомъ рабочихъ механизмовъ, конечно не имѣетъ смысла? Слѣдовательно сокращеніе рабочаго дня, при данныхъ техническихъ условіяхъ, сопровождаемое большимъ напряженіемъ, большею тратою рабочей силы, болѣе плотнымъ наполненіемъ поръ рабочаго времени, причемъ получится большее количество продуктовъ, стоимость которыхъ при прочихъ прежнихъ условіяхъ не измѣняется, все это не имѣетъ смысла? Слѣдовательно законодательное ограниченіе рабочаго дня, при которомъ болѣе напряженный рабочій день производитъ большее количество стоимости, выражающееся въ большемъ количествѣ денегъ, при прежнихъ техническихъ условіяхъ работъ также конечно не имѣетъ смысла?*).

Если, что не имѣетъ смысла, такъ это браться писать о предметѣ, и говорить съ чужого голоса, что разъясненіе его «составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ теоретическихъ заслугъ» новой школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не понять его, несмотря

---

*) По отчету англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ, напримѣръ, въ англійской мануфактурѣ при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ рабочій впродолженіе болѣе короткаго рабочаго дня тратитъ несравненно большее количество рабочей силы, чѣмъ континентальный, что вполнѣ уравновѣшиваетъ разницу въ продолжительности рабочаго дня въ 60 часовъ въ Англіи и 72—80 рабочихъ часовъ въ другихъ странахъ. Попытка фактическаго обоснованія того-же самаго явленія по нашимъ даннымъ сдѣлана нами нѣсколько тому назадъ (Юрид. Вѣст. 1889, № 3).

на то, что на его пониманіи основано также пониманіе одного изъ самыхъ существенныхъ явленій въ общественно-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Да кромѣ того на этомъ же явленіи самъ г. П. фонъ-Струве строитъ всю свою программу, по которой «Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической страной».

Дѣйствительно, велика заслуга того, кто своими теоретическими работами по этому вопросу, основанными на фактическомъ матеріалѣ, разсѣялъ предубѣжденіе и уничтожалъ предразсудокъ, будто законодательное регулированіе рабочаго дня при прежней производительности труда, при прежнихъ орудіяхъ производства, ведетъ къ сокращенію производства и прибыли. Это предубѣжденіе въ настоящее время настолько разсѣялось и мысль о цѣлесообразности такого сокращенія созрѣла въ умахъ фабрикантовъ настолько, что даже у насъ фабриканты лодзинскаго района составили проэктъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня, проэктъ, переданный на обсужденіе московскихъ фабрикантовъ.

А г. П. фонъ-Струве, ничего этого не разобравъ, утверждаетъ, что увеличеніе интенсивности труда безъ увеличенія производительности, «конечно не имѣетъ смысла».

Одно изъ наиболѣе первобытныхъ и распространенныхъ и дѣйствительныхъ средствъ увеличенія напряженности труда, это штучная, задѣльная плата, при которой, для полученіи бо́льшаго заработка самъ рабочій принужденъ болѣе напрягать свои рабочія силы. Если же приэтомъ является необходимость наблюдать за бо́льшимъ числомъ исполнительныхъ механизмовъ, то напряженіе рабочей силы доходитъ до крайности и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается какъ заработокъ рабочаго, такъ и прибыль фабриканта. Такъ, по даннымъ одной изъ фабрикъ восточныхъ штатовъ Сѣверной Америки, средній дневной заработокъ ткача за срѣзку ткани одинаковаго достоинства, наблюдающаго за 4-мя самоткацкими станками, составлялъ 72 цента, наблюдающаго за 5 станками—87 ц. за 6-ю—1 дол. 02 ц.; за 7-ю—1 дол. 13 ц.; за 8-ю—1 дол. 37 ц («Seventh Report of the Commis. of Labor», Vol. I p. 370—1) Рабочихъ, наблюдавшихъ меньше, чѣмъ за 4 станками, совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ, «если какой нибудь рабочій не обладаетъ средними способностями, если поэтому онъ не можетъ доставить минимума дневной работы, его увольняютъ» (Kapital гл. XXI). По словамъ владѣльца одной изъ суконныхъ фабрикъ Московскаго уѣзда, ткачи зарабатываютъ сдѣльно отъ 15 до 25 руб. въ мѣсяцъ; если ткачъ заработалъ меньше 15 руб., то его на фабрикѣ не оставляютъ, такой не годится, потому что «онъ либо нездоровъ, либо пьяница, либо вообще плохой работникъ» (Ѳ. Ѳ. Эрисманъ: Сб. ст. св. по Моск. губ. Отд. санитарный. Моск. у. Ч. III, с. 95). Но по достиженіи извѣстной средней степени напряженности труда, получается возможность понизить дневной заработокъ, хотя и не до прежнихъ

размѣровъ, такъ какъ большее напряженіе, большая трата рабочей силы требуетъ и большаго матеріала, въ видѣ болѣе питательной пищи и пр. для возстановленія потраченныхъ силъ. Приэтомъ, конечно, соотвѣтственно увеличивается размѣръ прибыли; но конкурренція можетъ заставить поступиться этою частью прибыли, причемъ стоимость продукта понизится.

Но съ другой стороны, при развитіи крупнаго машиннаго производства, когда для наблюденія за исполнительными механизмами не требуется уже той подготовки, какъ при работѣ, напримѣръ, на ручномъ станкѣ, рабочая плата понижается. Такъ, «чистый заработокъ ткача на ручномъ станкѣ на различныхъ (суконныхъ) фабрикахъ (Московской губ.) составляетъ отъ 15 р. 70 к. до 18 р. 58 к., а въ среднемъ для всѣхъ фабрикъ 17 р. 78 к. въ мѣсяцъ. Выработка самоткачей гораздо ниже, отъ 13 р. 60 к. до 15 р. 39 к. а въ среднемъ только 13 р. 80 к., хотя всетаки выше, чѣмъ на бумаготкацкой фабрикѣ» (гдѣ она = 12 р. 48 к.) (Сб. ст. св. по Моск. губ. Общая сводка. Т. IV, ч. II, стр. 409).

Намъ придется еще нѣсколько остановиться на значеніи производительности и напряженности труда, такъ какъ на совершенномъ непониманіи того, что кроется подъ этими словами, г. П. фонъ Струве дѣлаетъ свои практическіе выводы.

«Если напряженность труда,—читаемъ мы въ уже цитированномъ трудѣ,—повышается во всѣхъ отрасляхъ производства равномѣрно, то новая высшая степень напряженности становится обычною нормальною общественною степенью напряженности и перестаетъ играть роль величины экстенсивной. Среднія степени напряженности труда остаются между тѣмъ у разныхъ народовъ разными, измѣняя поэтому примѣненіе закона стоимости сообразно различію у каждаго народа рабочаго дня. Болѣе напряженный рабочій день одного народа выражается въ высшей денежной суммѣ, чѣмъ менѣе напряженный рабочій день другого народа» (стр. 545).

То, что относится ко всему рабочему дню, относится также къ каждой изъ его составныхъ частей. Абсолютная денежная цѣна труда можетъ слѣдовательно у одного народа стоять выше, чѣмъ у другого, хотя относительная заработная плата, т. е. заработная плата сравнительно съ произведенной прибавочной стоимостью, или со стоимостью всего произведеннаго продукта или съ цѣною средствъ существованія,—стоитъ ниже (585).

И далѣе. «Увеличившаяся производительная сила труда и растущая напряженность его дѣйствуютъ одинаково въ одномъ направленіи. И та и другая увеличиваетъ количество продуктовъ, изготовляемыхъ въ единицу времени. Повышеніе и той и другой сокращаетъ, слѣдовательно, ту часть рабочаго времени, которая требуется рабочему для производства средствъ его существованія или ихъ эквивалента».

Когда рѣчь идетъ о международномъ торгово-промышленномъ

соперничествѣ, все это имѣетъ огромное значеніе. Но приэтомъ не надо забывать, что авторъ, изучая значеніе того или другого фактора, разсматриваетъ явленіе по необходимости внѣ вліянія сопутствующихъ факторовъ, которые затемняли-бы иначе чистое его проявленіе. Чѣмъ далѣе подвигается авторъ въ своемъ теоретическомъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе онъ вводитъ мало по малу новые факторы, измѣняющіе чистое проявленіе того или другого закона, тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе приближаясь къ фактамъ дѣйствительной жизни, хотя стать къ нимъ вплотную по самой задачѣ невозможно: сама экономическая жизнь слишкомъ измѣнчива, проявленія ея слишкомъ разнообразны, сочетанія различныхъ факторовъ слишкомъ причудливы. Поэтому, когда требуется объяснить общее экономическое положеніе какой нибудь страны, то прежде всего требуется разчленить всю сложную совокупность взаимодѣйствующихъ факторовъ, и уже затѣмъ, сопоставляя вліяніе каждаго изъ нихъ на всю совокупность хозяйственныхъ явленій, изслѣдователь можетъ придти къ выясненію той роли, которую играетъ каждый изъ нихъ, при помощи тѣхъ выводовъ и положеній, которыя выработаны по данному вопросу наукою.

Совсѣмъ другое дѣло, если, выхвативъ какой нибудь выводъ экономической науки, мы вздумали-бы безъ дальнихъ разговоровъ прилагать его къ дѣлу и имъ объяснять явленіе. Этого способа придерживается г. П. фонъ-Струве. Отсюда выходитъ то, что научное объясненіе фактовъ, правильное при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно наблюдалось, отдѣленное отъ всякихъ вліяній видоизмѣняющихъ его, оказывается совершенно видоизмѣненнымъ и неприложимымъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя подверглись дѣйствію факторовъ, играющихъ болѣе вліятельную роль при направленіи хода наблюдаемаго явленія.

Однако, вернемся къ г. П. фонъ-Струве. Мы его оставили попавшимъ въ яму, которую онъ рылъ совсѣмъ не для себя. По его мнѣнію, «если интенсивность и производительность растутъ въ одинаковой мѣрѣ—цѣнность продукта не можетъ упасть», что совершенно противорѣчитъ дѣйствительности и согласуется только съ его собственною теоріей и ни съ чьей больше. Но пойдемъ дальше.

Мы настаивали въ «Очеркахъ» на неотложной необходимости государственной помощи для увеличенія производительности земледѣльческаго труда нашего крестьянства, чтобы не продешевлять своего товара, такъ какъ мы значительно отстали отъ нашихъ соперниковъ иностранцевъ въ производительности земледѣльческаго труда, а «на всемірномъ рынкѣ болѣе напряженный народный рабочій день считается за рабочій день большаго числа рабочихъ часовъ, за рабочій день болѣе экстенсивный, болѣе продолжительный, но также болѣе производительный народный рабочій день считается за болѣе напряженный (вырабаты-

ваютъ количество продуктовъ большей стоимости), пока болѣе производительная нація не будетъ принуждена конкурренціей понизить свои товары до ихъ дѣйствительной стоимости». (К. I, 584).

Вотъ почему мы говорили, что «каждое увеличеніе производительности земледѣльческаго труда, происшедшее у насъ, будетъ приближать на міровомъ рынкѣ стоимость нашего продукта къ стоимости средней общественной необходимой. Мы перестанемъ продавать продуктъ ниже нашей общественной стоимости. Наши конкурренты лишатся возможности пользоваться своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и будутъ принуждены понизить цѣну на свои продукты. Такъ что увеличеніе производительности земледѣльческаго труда произведетъ то, что только оно и можетъ произвести на стоимость товара: оно понизитъ его стоимость, а слѣдовательно и цѣну».

Г. П. фонъ Струве придерживается иного взгляда; по его мнѣнію, «для того, чтобы наши конкурренты были вынуждены понизить цѣну на свои продукты, производительность нашего земледѣльческаго труда должна обогнать... производительность земледѣльческаго труда нашихъ конкуррентовъ и притомъ имѣть доминирующее значеніе на международномъ рынкѣ».

Чтобы дать представленіе о той роли, которую играетъ Россія на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ, укажемъ г. П. фонъ Струве на слѣдующія цифры. По вычисленію департамента земледѣлія въ Вашингтонѣ, среднее количество пшеницы, обращавшейся внѣ предѣловъ ея производства, опредѣлилось за 1885—1890 гг., въ среднемъ, въ 248 мил. бушелей, изъ этого количества на долю Россіи приходилось 83,2 мил. буш., на долю С.-Америк. Штатовъ 83,3 м. б. Затѣмъ слѣдуетъ Индія съ 30 м. б. и др. государства уже съ меньшимъ вывозомъ. («Production and distribution of the principal agricultural products of the world», Washington, 1893, p. 13). Увеличеніе производительности земледѣльческаго труда въ Россіи произведетъ то, что производитъ всякое увеличеніе производительности: оно понизитъ цѣны на внутреннемъ рынкѣ, а такъ какъ Россія на хлѣбномъ всемірномъ рынкѣ занимаетъ «доминирующее» положеніе, то такое пониженіе принудитъ и американцевъ понизить цѣны на свою пшеницу. Не надо притомъ забывать, что, «понижательное настроеніе» исходило по большей части изъ Россіи. По мнѣнію же г. П. фонъ Струве выходитъ, что «мы будемъ только имѣть больше продукта и продавать его по прежней цѣнѣ; нашъ доходъ въ натурѣ и въ деньгахъ возрастетъ», а и все это случится «если стоять на почвѣ теоріи «новой школы» и оставить въ сторонѣ возможность переполненія рынка товаромъ, т. е. избытокъ предложенія надъ спросомъ». Жаль, что г. П. фонъ Струве не разъяснилъ какимъ образомъ можетъ, съ одной стороны, «нашъ доходъ въ натурѣ и

въ деньгахъ возрасти», причемъ, при прежней цѣнѣ, будетъ, слѣдовательно, продано больше, и это въ народныхъ размѣрахъ, но съ другой стороны это должно совершиться при томъ условіи, чтобы на рынокъ не поступило больше товара, чтобы не продавалось больше хлѣба, иначе цѣна упадетъ?!

Такая путаница понятій происходитъ у нашего критика вслѣдствіе все того-же непониманія значенія напряженности и производительности труда.

По мнѣнію г. П. фонъ Струве, «онъ (авторъ Очерковъ) не понимаетъ, что прочное повышеніе производительности земледѣлія требуетъ въ то же время его интенсивности—въ смыслѣ увеличенія затратъ труда и капитала на единицу пространства. И если... невѣрно знаменитое положеніе англійской политической экономіи, что повышеніе интенсивности земледѣлія сопровождается всегда пониженіемъ его производительности, то еще менѣе возможно принять мнѣніе г.—она, что ростъ производительности въ земледѣліи имѣетъ тенденцію постоянно понижать мѣновую цѣнность получаемыхъ съ данной площади продуктовъ, т. е. доходъ земледѣльца. Это положеніе было-бы вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибы ростъ производительности могъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и *роста интенсивности труда земледѣльца*, но эта возможность болѣе чѣмъ проблематична и противорѣчитъ эмпирическимъ даннымъ» (209).

Хотя г. П. фонъ-Струве положительно заявляетъ, что «интенсивность труда и интенсивность хозяйства конечно не одно и то же», и даже ссылается для подтвержденія такого взгляда на авторитетъ г. Скворцова, и хотя для насъ совершенно непонятна даже возможность перепутать такія различныя понятія, но, несмотря на то, какъ то случается такъ, что онъ самъ-же запутается въ томъ, что пожелаетъ разъяснить.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Что значитъ повысить интенсивность земледѣльческаго хозяйства? Значитъ, до извѣстныхъ предѣловъ разнообразить культуру земледѣльческихъ продуктовъ, вводить культуру болѣе цѣнныхъ растеній и т. д. Приэтомъ на ту же площадь требуется «увеличеніе затратъ труда и капитала». Увеличеніе затратъ труда обозначаетъ или увеличеніе числа рабочихъ, или увеличеніе числа рабочихъ дней уже имѣющихся рабочихъ, которые при низшей степени интенсивности хо- ства извѣстное число дней провели бы безъ работы; но от- да вовсе еще не слѣдуетъ, что интенсивность труда ихъ по- ится, что въ данный рабочій день будетъ произведено боль- той самой работы. Каждая отдѣльная работа будетъ произ- дить самостоятельную стоимость, большее число рабочихъ ей будетъ занято, увеличится экстенсивность труда, а на- женность, интенсивность не измѣнится только благодаря пе-

ремѣнѣ системы хозяйства. Трудъ можетъ стать гораздо болѣе производительнымъ, интинсивность хозяйства можетъ очень повыситься, но производительность его труда можетъ не сопровождаться его напряженностью, такъ какъ вообще напряженность труда въ земледѣліи не измѣняется такъ значительно, какъ въ обрабатывающей и добывающей промышленности.

Всякое стремленіе повысить производительность труда въ земледѣльческомъ хозяйствѣ при помощи большой затраты труда и средствъ производства имѣетъ цѣлью увеличеніе количества продуктовъ, которые однако могутъ быть проданы только при томъ условіи, если будутъ стоить дешевле. Это можетъ не произойти только въ томъ случаѣ, если вслѣдствіи какихъ бы то ни было причинъ потребность въ такихъ продуктахъ будетъ превышать предложеніе ихъ на продажу. Такъ было въ Англіи въ началѣ настоящаго столѣтія. Если же такого условія нѣтъ, то цѣна ихъ должна понизиться.

Ростъ производительности земледѣльческаго труда, въ противность мнѣнію г. П. фонъ Струве, можетъ совершаться независимо отъ повышенія интенсивности хозяйства и напряженности труда. Это значитъ, что при помощи меньшаго количества живого труда при экстенсивномъ хозяйствѣ получается съ большей площади большее количество продуктовъ. И это станетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ заняты всѣ земли, могущія быть распаханными.

«Очерки» имѣли цѣлью показать современное состояніе общественнаго хозяйства въ Россіи, это не ученый трактатъ, имѣющій цѣлью дать какія нибудь научныя положенія, слѣдовательно имъ приходилось считаться съ существующими условіями мірового хозяйства, а условія эти таковы, что въ земледѣльческомъ хозяйствѣ «ростъ производительности имѣетъ тенденцію понизить мѣновую цѣнность получаемыхъ... продуктовъ» (хотя и не съ данной площади). Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы кто нибудь возводилъ эту историческую фазу земледѣльческой промышленности въ «законъ развитія», какъ это утверждаетъ г. П. фонъ Струве (стр. 207).

II.

Капитализмъ, говоритъ г. П. фонъ Струве «дѣлаетъ возможнымъ и вынуждаетъ техническую раціональность. Въ этомъ его великая историческая миссія въ области производства вообще сельско-хозяйственнаго въ частности» (стр. 225). «Паровой транспортъ, дѣлая сельскохозяйственное производство товарнымъ, требуетъ его экономической и технической раціональности» (стр. 110).

Итакъ капитализмъ требуетъ технической и экономическ

раціональности сельскаго хозяйства, въ этомъ «его великая историческая миссія». Но, какъ г. П. фонъ Струве вѣроятно не безъизвѣстно, требованіе и удовлетвореніе этого требованія двѣ вещи совершенно разныя: требованіе можетъ быть очень настоятельное, какъ требованіе желудка, но удовлетвореніе этого требованія можетъ совсѣмъ не осуществиться.

Капитализмъ, напримѣръ, требуетъ для своего развитія расширенія рынковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ при своемъ развитіи онъ сокращаетъ ихъ.

Мы уже раньше имѣли случай показать, какъ капитализмъ выполняетъ свою «историческую миссію» въ другомъ отношеніи, именно какъ онъ, у насъ, наперекоръ своей «миссіи», приписываемой ему г. П. фонъ Струве, не уменьшаетъ, а увеличиваетъ разницу въ относительной численности рабочихъ, занимающихся сельскохозяйственными промыслами и въ обрабатывающей и добывающей промышленности *). Теперь у него оказывается еще одна «историческая миссія». Посмотримъ какъ онъ выполняетъ ее.

Н. А. Каблуковъ въ своемъ изслѣдованіи «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ» выяснилъ одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ упадка англійскаго сельскаго хозяйства. Онъ показалъ, что по мѣрѣ развитія капиталистической обрабатывающей промышленности, по мѣрѣ развитія въ ней производительности труда, явилась необходимость повысить производительность труда и въ сельскомъ хозяйствѣ. Повышеніе производительности равнозначуще сокращенію расхода на трудъ, а сокращеніе расхода на трудъ было вызвано увеличивавшейся разностью какъ производительности, такъ и интенсивности труда въ этихъ двухъ крупныхъ отдѣлахъ народнаго хозяйства, такъ какъ при усовершенствованіи технической стороны, при введеніи новыхъ машинъ, увеличивающихъ производительность труда, рабочій день выражается, подобно увеличенію напряженности труда, не такъ, какъ прежде, «въ постоянной величинѣ произведенныхъ стоимостей, но въ величинѣ измѣняющейся и болѣе напряженной (а при введеніи новыхъ машинъ и болѣе производительныхъ) 12-ти-часовой рабочій день выразится въ 7, 8 и т. д. рубляхъ а уже не въ 6, какъ 12-часовой обычной напряженности».

Слѣдовательно болѣе производительный и напряженный рабочій день одной отрасли промышленности, именно обрабатывающей, сталъ на рынкѣ выражаться въ большемъ количествѣ денегъ, чѣмъ въ менѣе напряженный и производительный рабочій день въ земледѣліи. Но то, что относится ко всему рабочему дню, относится также и къ каждой изъ его отдѣльныхъ частей. Поэтому абсолютная величина доли, получаемой рабочими, ста-

*) «Русское Богатство» 1894 г № 6.

новилась выше въ обрабатывающей промышленности (К. I, 584—5). Отсюда необходимость сократить расходы на трудъ въ сельскохозяйственной промышленности. Но здѣсь то и начинается разница между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью. Въ послѣдней рабочій занятъ круглый годъ, онъ круглый годъ занимается производствомъ продуктовъ вообще, а слѣдовательно и той ихъ доли, которая приходится ему. Въ сельскомъ хозяйствѣ не то. Рабочій занятъ часть года, онъ только впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изготовляетъ продукты и только въ этотъ свой рабочій періодъ вырабатываетъ эквивавлентъ своей доли, свою рабочую плату. Вотъ почему, рабочіе принуждены искать болѣе постоянныхъ занятій, вотъ почему лишаясь поддержки въ тѣхъ промыслахъ, которыми были заняты зимою, и которыя обратились въ фабричные, они стремятся въ города, и земледѣліе все болѣе и болѣе лишалось этихъ силъ... Если «земледѣліе вообще поставлено при капиталистическомъ строѣ менѣе благопріятно, нежели другія отрасли производства, то при ухудшеніи рабочаго состава оно проигрывало еще болѣе... въ концѣ концовъ оно должно было поворотить назадъ. Издержки на матеріалъ, изъ котораго извлекалась прибыль, становились неизмѣримо велики; надо было ихъ сократить. И вотъ обработанная земля обращается въ пастбище. Пространство пашни уменьшается и абсолютно и относительно. Посѣвы пшеницы сокращаются... разведеніе корневыхъ корнеплодовъ, требующихъ тщательной обработки, уменьшается» (Каблуковъ). Словомъ, появляется то, что по англійской терминологіи называется «depression», угнетеніе сельскаго хозяйства. По мѣрѣ того, какъ мануфактуры выдѣляются отъ земледѣлія, существованіе сельскаго рабочаго становится въ исключительную зависимость отъ его земледѣльческихъ занятій и стало быть цѣликомъ ложится на сельское хозяйство (Каблуковъ). Что весь процессъ ухудшенія сельскаго хозяйства находится въ полнѣйшей зависимости отъ роста капиталистической формы сельскаго хозяйства именно въ данной странѣ, совершенно независимо отъ увеличенія производительности сельскаго труда и сопровождающей его дешевизны хлѣба въ странахъ, вывозящихъ хлѣбъ, другими словами, что процессъ ухудшенія сельскаго хозяйства въ Англіи, въ странѣ высшей сельско-хозяйственной культуры, совершался совершенно независимо отъ иностранной конкурренціи,—это положеніе блестяще доказалъ г. Каблуковъ.

«Основная идея г. Каблукова кажется мнѣ вполнѣ правильной, пишетъ одинъ ученый экономистъ, сельскій рабочій, у котораго нѣтъ собственной или арендованной земли, находитъ занятіе только впродолженіи части года и, если онъ *получаетъ плату только за эту работу*, ему придется голодать все незанятое время, если подъ руками не найдется на это время какой нибудь

другой работы; но современное капиталистическое производство отнимаетъ у него всякую возможность такой работы. Въ западной и центральной Европѣ это затрудненіе обходится, насколько это возможно, слѣдующимъ образомъ: 1) Землевладѣлецъ или фермеръ-капиталистъ содержитъ на своей фермѣ *часть* рабочихъ круглый годъ, и продовольствуетъ ихъ насколько возможно продуктами своего фермерскаго хозяйства, чтобы издерживать наличныхъ денегъ елико возможно меньше. Это дѣлается въ значительной степени въ сѣверо-восточной Германіи, въ гораздо меньшей степени здѣсь въ Англіи, гдѣ однако климатъ дозволяетъ совершать значительную часть земледѣльческихъ работъ зимою, тѣмъ болѣе, что при капиталистическомъ фермерскомъ хозяйствѣ есть достаточно работъ, которыя могутъ совершаться даже зимою. 2) Затѣмъ то, что требуется для поддержанія существованія сельскаго рабочаго настолько, чтобы онъ не умеръ съ голоду впродолженіи зимы, зачастую пріобрѣтается трудомъ женщинъ и дѣтей во вновь возникающихъ отрасляхъ кустарной промышленности (domestic industry). Это происходитъ въ южной и западной Англіи, а также среди мелкаго крестьянства въ Ирландіи и Германіи». «Въ Германіи крестьянъ поддерживаютъ кустарные промыслы всякаго рода; они занимаются приготовленіемъ трубокъ, игрушекъ, корзинъ и пр. и пр. по заказу и за счетъ капиталистовъ; свободное время, оставшееся послѣ обработки ихъ небольшихъ участковъ, они не цѣнятъ ни во что, такъ что каждый грошъ, полученный ими за подсобныя занятія, составляетъ для нихъ чистый доходъ; этимъ объясняются разорительно низкіе заработки и невѣроятная дешевизна такого рода издѣлій въ Германіи». (Ф. Энгельсъ).

Итакъ и эта великая историческая миссія, которую навязываетъ г. П. фонъ Струве капитализму въ области сельскаго хозяйства, имъ не выполняется. Хотя онъ и требуетъ «технической раціональности», но требованіе это не осуществляется. Съ одной стороны раціональное сельское хозяйство даже такой передовой страны въ этомъ отношеніи, какъ Англія, регрессируетъ; а съ другой—главнѣйшій контингентъ рабочаго персонала даже въ ней принужденъ для поддержанія своего существованія искать иныхъ, внѣземледѣльческихъ занятій.

Англія не единственная страна, въ которой развитіе экстенсивнаго, хищническаго земледѣльческаго хозяйства убиваетъ раціональное интенсивное земледѣліе. Точно такой же процессъ наблюдается въ предѣлахъ С.-Американскихъ Штатовъ. Если всю площадь, занимаемую штатами, раздѣлимъ на двѣ неравныя части, восточную и западную, принявъ за раздѣльную линію теченіе Миссисипи, а на сѣверѣ западную оконечность Верхняго озера; и если, затѣмъ, на основаніи данныхъ переписи 1880 и 1890 годовъ сравнимъ измѣненіе, происшедшее за это десятилѣтіе въ числѣ фермъ,

ихъ цѣнности (земли, строеній и изгородей) а также площади занимаемой ими, то, сопоставивъ всѣ эти данныя, получимъ слѣдующую таблицу.

Измѣненіе числа фермъ, ихъ цѣнности, занимаемаго ими пространства, величины ихъ, цѣнности акра находящейся подъ ними земли, въ западной и восточной части С.-Американскихъ Соед. Штатовъ, отдѣляющихся между собою теченіемъ Миссиси, происшедшее въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1880 до 1890 г.

	1880 г. Число фермъ тысячъ		1890 г.		Увеличеніе + или уменьшеніе — въ %
Въ восточныхъ штатахъ . .	2895,0	72,2%	3079,6%	67,5	+6,3
» западныхъ » .	1113,8	27,8%	1485	32,5	+33,2
Во всѣхъ штатахъ .	4008,9	100	4564,6	100	+13,9

	1880 г. Число акровъ въ милліонахъ	%	1890 г.	%	+ или — %	1880 г. Цѣнность фермъ въ мил. долл.	%	1890 г.	%	+ или— въ %
На востокѣ . .	352	65,6%	347,7	55,8	— 1,2%	7999,3	78,4	8596,9	64,7	+7,4%
На западѣ . . .	184,0	34,4%	275,5	44,2	+49,8%	2197,8	21,6	4682 3	35,3	+113%
Всего въ штатахъ.	536	100	623,2	100	+16,3%	10197,1	100	13279,2	100	+301,2

	1880 г. Цѣнность акра въ долларахъ.	1890 г.	Увелич. въ %	1880 г. Цѣнность формы.	1890 г.	Увелич. въ %	1880 г. Число акровъ на 1 ферму.	1890 г.	Уменьш. + или увелич. — акр. въ %.	
На востокѣ . .	22,72	24,73	+ 8,8%	2763	2791	+1%	121,6	112,9	— 8,70	—7,2%
На западѣ . .	11,94	17	+42,3%	1973	3153	+59,8	165,2	185,5	+20.3	+12,3
Въ штатахъ . .	19,02	21,29	+11,4	2543	2909	+14,4	133,7	136,6	+ 2,9	+ 2,1
Разница въ пользу:										
Восточныхъ . .	10,78	7,73	—	790	—	—	—	—	—	—
Западныхъ . .	—	—	—	—	362	—	43,6	72,6	29	19,5
Тоже въ %										
Восточныхъ . .	90%	45%	—	40	—	—	—	—	—	—
Западныхъ . .	—	—	33,5%	—	13	58,8	35,8	64,3	—	19,5

*) Составлена по даннымъ переписей, изданій земледѣльческаго Д-та въ Вашингтонѣ, Statistical Abstract.

Итакъ площадь подъ фермами въ мѣстности сельско-хозяйственной культуры, въ восточныхъ штатахъ, за десять лѣтъ уменьшилась на

(4,3 мил. акровъ) 1,2%; площадь подъ фермами западныхъ штатовъ увеличилась за это время въ полтора раза, на 91,5 мил. акровъ. Число восточныхъ фермъ увеличилось всего на 63%, а западныхъ на 33,2%. Несмотря на сильно возросшее и безъ того плотное населеніе, цѣнность фермъ восточныхъ штатовъ увеличилась всего на 7,4%, цѣнность же западныхъ фермъ болѣе чѣмъ удвоилась (возросла на 113%).

Обращаясь къ величинѣ фермъ каждаго изъ этихъ районовъ, видимъ, что въ восточныхъ штатахъ она уменьшилась съ 121,6 до 112,9 акровъ на ферму или на 8,7 акровъ; въ западныхъ же штатахъ она увеличилась съ 165 до 185 акровъ или на 20 акровъ. Цѣна одного акра въ восточныхъ штатахъ повысилась всего на 8,8%, а въ западныхъ на 42,3%; въ 1880 г. разница цѣны акра обоихъ районовъ доходитъ до 90%, а въ 1890 г. она понизилась до 45,5%. Цѣнность каждой фермы на востокѣ увеличилась всего на 1%, а на западѣ на 59,0%.

Изъ всего этого слѣдуетъ во-первыхъ, что въ восточныхъ штатахъ размѣръ фермъ мельчаетъ, что цѣнность ихъ, обусловленная ихъ доходностью, повышается крайне незначительно, отсюда—сокращеніе общей культивируемой площади этого района.

Въ западномъ районѣ, напротивъ того, размѣръ фермъ увеличивается. Въ отдѣльныхъ штатахъ, какъ напримѣръ въ обѣихъ Дакотахъ, гдѣ находятся крупныя капиталистическія фермы, несмотря на чрезвычайный наплывъ эмигрантовъ, онъ увеличивается еще значительнѣе. Вмѣстѣ съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, которая за разсматриваемое десятилѣтіе шла особенно быстро на западѣ, возростала цѣнность акра, а вмѣстѣ съ нею, но въ гораздо большей степени, соразмѣрно увеличенію размѣра, возростала цѣнность фермъ.

И все это въ то время, когда въ восточныхъ штатахъ уже установилась болѣе высокая раціональная культура, которой пришлось уступить мѣсто продукту культуры хищнической, экстенсивной.

Все это совершается въ такихъ обширныхъ районахъ, какъ группы восточныхъ и западныхъ штатовъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ были и отступленія отъ общаго стремленія, характеризующаго каждый изъ районовъ. Но такія отступленія только еще болѣе подтверждаютъ основную тенденцію. Такъ напримѣръ, во всѣхъ штатахъ Новой Англіи, въ среднихъ приатлантическихъ штатахъ цѣнность акра и цѣнность фермъ не только не повысилась, но даже у ала.

Для иллюстраціи возьмемъ штатъ и абсолютно и относительно б лѣе населенный, въ которомъ расположенъ къ тому же наиболѣе н селенный городъ, представляющій при томъ портъ, захватившій в свои руки значительнѣйшую часть внѣшней торговли,—именно Н ю-Іоркъ. Если сравнить движеніе цѣнъ за десятилѣтіе между д мя переписями, то получимъ слѣдующую таблицу.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ:	Въ 1880 г.	Въ 1890 г.
Одна средняя ферма занимала акровъ . . .	98	97
Средняя цѣнность фермы (долл.)	4.377	4.279
» » акра »	44,4	44
Число всѣхъ фермъ (тысячъ)	241	226
» акровъ подъ ними (тыс. дол.)	23.780	21.961
Цѣнность всѣхъ фермъ (мил. долл.)	1.056	968

Такимъ образомъ, несмотря на уменьшеніе средняго размѣра фермы всего на одинъ акръ, средняя цѣнность фермы уменьшилась на 98 долларовъ, благодаря тому, что цѣнность каждаго акра упала. Уменьшилось также число акровъ подъ всѣми фермами штата (на 7,6%) и число ихъ (на 6,2%) и, наконецъ, ихъ цѣнность (на 8,2%).

Все это дѣлается въ странахъ, климатъ которыхъ несравненно мягче нашего. Что-же приходится сказать о нашемъ крестьянствѣ, время сельско-хозяйственныхъ работъ котораго раза въ полтора, если не больше, короче напр. англійскаго? Не очевидно-ли для каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя, что чѣмъ болѣе ускользаютъ изъ крестьянскихъ рукъ подсобные внѣземледѣльческіе промыслы, чѣмъ болѣе они капитализируются, тѣмъ болѣе крестьянамъ приходится существовать однимъ земледѣльческимъ трудомъ, который даже въ странѣ съ наиболѣе производительнымъ и интенсивнымъ трудомъ не можетъ дать возможность существованія. Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать «освобожденіе неимовѣрнаго количества рабочихъ рукъ и рабочаго времени».

А г. П. фонъ Струве, несмотря на то, что капиталистическая организація сельскаго хозяйства ведетъ къ регрессу, настаиваетъ на томъ, что капитализмъ требуетъ раціональнаго сельскаго хозяйства (которое однако онъ-же разрушаетъ). «Земледѣльческая производительность должна быть повышена, а это должно произойти только на почвѣ дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія всего народнаго хозяйства, т. е. при условіи прогресса обрабатывающей промышленности» (стр. 211).

«Сельское хозяйство всего лучше развивается тамъ, говоритъ онъ словами Листа, гдѣ оно всего тѣснѣе связано съ всесторонней фабричной промышленностью» (стр. 122). Все это совершенно вѣрно и справедливо. Но тотъ выводъ, который дѣлаетъ изъ этихъ посылокъ г. П. фонъ Струве вслѣдъ за Листомъ, ужъ совсѣмъ не вяжется съ ними. Вотъ что онъ говоритъ: «Дальнѣйшее развитіе раздѣленія труда, «отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія»... словомъ формула экономической эволюціи, данная Листомъ, есть формула экономическаго развитія Россіи». (211).

Итакъ, для хозяйственнаго развитія данной страны требуется тѣсная связь развитія сельскаго хозяйства съ обрабатывающею

промышленностью той-же страны. Но та форма сельскохозяйственнаго производства, которая развилась въ западной Европѣ, исключаетъ возможность развитія раціональнаго сельскаго хозяйства. Эта форма, будучи основана на полнѣйшемъ отдѣленіи рабочихъ, занимающихся въ сельскомъ хозяйствѣ, отъ рабочихъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности, по самому характеру земледѣльческихъ работъ все болѣе и болѣе освобождаетъ рабочее время такихъ рабочихъ, причемъ они для поддержанія своего существованія, даже въ странахъ наиболѣе культурныхъ, принуждены прибѣгать къ занятіямъ ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣющимъ. Каково положеніе такого рода земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи, можно видѣть изъ описанія такъ называемыхъ gang-system, системы группъ бродячихъ рабочихъ, при которой они ведутъ образъ жизни мало чѣмъ отличающійся отъ чисто животной, образъ жизни, сопровождаемый всяческими лишеніями.

Такъ вотъ вмѣсто того, чтобы видѣть залогъ народно-хозяйственнаго развитія въ соединеніи двухъ крупныхъ отраслей народной промышленности, г. П. фонъ Струве находитъ, «что дальнѣйшее раздѣленіе труда, отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія», сопровождаемое неимовѣрно громаднымъ расточеніемъ рабочихъ силъ, освобожденіемъ рабочихъ рукъ, «есть формула экономическаго развитія Россіи»!

Но и это еще не все.

На основномъ фонѣ, тормозящемъ развитіе капиталистическаго раціональнаго сельскаго хозяйства, указанномъ г. Каблуковымъ, проявляется кромѣ того множество другихъ вліяній, усугубляющихъ дѣйствіе этой основной причины. На нѣкоторыя изъ нихъ, хотя онъ и указываетъ, но по характеру своей задачи не развиваетъ подробнѣе.

Здѣсь не мѣсто перечислять ихъ всѣ; достаточно будетъ посмотрѣть, какая-же система сельскаго хозяйства наиболѣе развивается при капиталистической формѣ и дѣйствительно прогрессируетъ?

Развиваться можетъ только такая система сельскаго хозяйства, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ капиталистическому производству, такая система, продуктъ которой можетъ разсчитывать на наибольшее распространеніе, такая, которая производитъ продуктъ наиболѣе дешевый. А такая дешевизна достигается наибольшимъ развитіемъ производительности труда, наименьшею затратою рабочей силы для полученія наибольшаго количества продукта. Это достигается крупною экстенсивною системою сельскаго хозяйства.

Что при такой системѣ истощается почва, до этого предпринимателю мало дѣла, такъ какъ впродолженіи ряда лѣтъ такого хозяйствованія не только съ избыткомъ окупаются всѣ затраты, и получаются огромные барыши. А пока еще имѣются дѣвственныя

степи, такія хозяйства будутъ существовать и развиваться, доставляя все болѣе и болѣе дешевый продуктъ, такъ что къ основной причинѣ, тормозящей развитіе раціональнаго сельскаго хозяйства, указанной г. Каблуковымъ, надо въ числѣ другихъ прибавить еще растущую дешевизну сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, производимыхъ въ новыхъ и во вновь населяющихся странахъ *).

Такая конкурренція дешевыхъ товаровъ въ старыхъ странахъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на сельское хозяйство, которое уже и безъ того не способно раціонально развиваться въ капиталистической формѣ. Насколько развивающаяся производительность труда должна дѣйствовать подавляющимъ образомъ на англійское раціональное сельское хозяйство, можно видѣть изъ слѣдующаго. «Втеченіе 6 лѣтъ отъ 1869—70 по 1874—75 г.: средняя цѣна за квартеръ пшеницы была 53 шил. 4 пенса (отъ 1854—57 г. она была даже отъ 70 до 80 шил. 2 пенса за квартеръ, но это объясняется восточной войнѣ). Втеченіе слѣдующаго шестилѣтія отъ 1875—76 по 1880—81 г. она равнялась 47 ш. 1 п.; въ періодъ отъ 1881—82 по 1886—87 г. квартеръ пшеницы стоилъ 37 ш. 4 п.; втеченіе 6 лѣтъ отъ 1887—88 по 1892—93 г. цѣна упала до 31 ш. 4 п. Начиная съ 1883 г. средняя цѣна за квартеръ пшеницы ни въ одинъ годъ не достигала 40 ш.; въ 1892—93 г. она упала до 26 ш. 8 п., въ 1893—94 г. (съ 1 сентября прошлаго года по 31 августъ нынѣшняго) квартеръ пшеницы стоилъ въ среднемъ 26 ш. Послѣдняя опубликованная цѣна была только 18 ш. 2 п. за квартеръ, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственную недѣлю прошлаго года она стоила 27 ш. 10 п.».

Такое паденіе англійскихъ цѣнъ нисколько не будетъ удивительнымъ, если принять во вниманіе, что «Южная Австралія можетъ доставлять пшеницу въ Англію по цѣнѣ въ 24 ш. за квар-

*) Г. П. фонъ-Струве утверждаетъ, что крупныя капиталистическія фермы—bonanza farms—распадаются на мелкія, и что дни ихъ сочтены. Между тѣмъ посѣтители выставки въ Чикаго (большая часть коммисаровъ отдѣльныхъ правительствъ въ томъ числѣ) имѣли случай побывать на одной изъ такихъ фермъ въ С. Дакотѣ, именно принадлежащей «Обществу фермы Лосиной долины» (Elk valley farm company). По объясненію управляющаго г. Ларимора, въ ней всего 15000 акровъ (около 4400 десятинъ), обработывается она съ 1881 г. Всѣ издержки по обработкѣ и уборкѣ, принимая въ разсчетъ процентъ на капиталъ, доходятъ для пшеницы до 4 долл. 50 цент. съ акра; средній сборъ съ акра 20 бушелей; даже при такой низкой цѣнѣ какъ 44 цент. за бушель такая цѣна была на мѣстѣ осенью 1893 г.), акръ даетъ 8 дол. 80 цент., поч вдвое болѣе стоимости производства. При 60—65 центахъ прибыль, конечно, отвѣтственно повышается. На этой фермѣ въ 1892 г. было получено 1750 буш. (болѣе 30000 четвертей) пшеницы, 40000 буш. (7000 четв.) овса, 10000 бу (1750 четв.) ячменя. Рабочаго скота на ней 200 головъ; во время убор хлѣба занято 150 рабочихъ. Одновременно работаютъ 45 жатвенныхъ маши убирая до 1000 акровъ (около 300 дес.) въ день. («Chicago Herold», 30 авгу 1893 г.).

теръ; Викторія по 27 ш., Новый Южный Валлисъ по 21 ш. 8 п., Новая Зеландія по 24 ш.; Манитоба и сѣверо-западныя мѣстности Соед. Штатовъ по 21 ш. 6 п.; Калифорнія по 23—24 ш., Аргентина по 20 ш., между тѣмъ какъ производство пшеницы въ Англіи можетъ окупиться только при цѣнѣ 44 — 45 ш.». (Изъ доклада королевской коммиссіи для изслѣдованія вопроса о причинахъ угнетенія земледѣлія 1894 г., цитировано по «Русс. Вѣд.» 1894 г. № 278).

Посмотримъ на дѣло поближе. Стоимость товаровъ опредѣляется количествомъ общественно необходимаго труда, потраченнаго на его производство. Но такъ какъ *каждый разъ товаръ* производится при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, то рыночная его стоимость есть алгебраическая сумма всѣхъ индивидуальныхъ стоимостей его. Такъ, если напримѣръ, значительнѣйшее большинство товаровъ, требуемыхъ рынкомъ, производится при среднихъ общественныхъ условіяхъ, то часть ихъ, производимая при условіяхъ худшихъ, чѣмъ среднія, будетъ продаваться ниже своей индивидуальной стоимости, а другая часть, произведенная при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ среднія общественныя, будетъ продаваться выше своей индивидуальной стоимости, такъ что въ среднемъ минусъ одной стороны будетъ покрываться плюсомъ другой.

Если же которое нибудь изъ крайнихъ условій (лучшія или худшія) будетъ преобладать при прежнемъ спросѣ, то рыночная стоимость болѣе приблизится къ стоимости товаровъ, произведенныхъ при преобладающихъ условіяхъ производства. Но рыночная или общественная стоимость опредѣляется этимъ способомъ только въ томъ случаѣ, когда предложеніе товара и запросъ на него совершенно совпадаютъ, равны между собою, причемъ рыночная цѣна совершенно совпадаетъ съ рыночною стоимостью. Въ дѣйствительности этого не было никогда. Такъ что если запросъ на товаръ будетъ больше предложенія его, или наоборотъ, то рыночная цѣна товара перестанетъ совпадать съ рыночной общественной стоимостью, такъ какъ труда потрачено на него больше или меньше того, сколько общественно необходимо, рыночная цѣна станетъ выше, если предложеніе недостаточно, или наоборотъ. (Ср. Кап. III, ч. I, стр. 160—6).

Если этотъ научный выводъ примѣнить къ международному производству хлѣба, то окажется, что при условіи совпаденія предложенія и спроса на хлѣбъ всетаки индивидуальная его стоимость будетъ выше рыночной, въ томъ случаѣ, если онъ въ какой-нибудь странѣ произведенъ при худшихъ условіяхъ, т. е. если трудъ, потраченный на его производство, менѣе производителенъ; а такъ какъ рыночная стоимость опредѣляется алгебраическою суммою стоимости всего хлѣба, вынесеннаго на рынокъ, то на всемірномъ рынкѣ такой товаръ долженъ продаваться ниже своей индивидуальной стои-

мости, и чѣмъ трудъ на производство хлѣба въ другихъ странахъ становится производительнѣе, тѣмъ больше увеличивается разница между индивидуальною и рыночною стоимостью товара, произведеннаго въ странѣ съ трудомъ менѣе производительнымъ.

Если же, какъ это происходитъ въ послѣдніе два-три года, подъ вліяніемъ перепроизводства капитала, застоя промышленности и сопровождающей ихъ безработицы,—запросъ на произведенія сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ хлѣба, понижается, то и рыночная цѣна начинаетъ все болѣе и болѣе понижаться сравнительно съ общественною стоимостью, и на рынкѣ получитъ преобладающее значеніе стоимость, а потому и цѣна товара (хлѣба), произведеннаго при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. товаръ наиболѣе дешевый.

Вотъ одна изъ причинъ рѣзкаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ за послѣдніе два года. Если для противодѣйствія такому паденію предлагаютъ перейти къ культурѣ торговыхъ растеній, къ скотоводству, молочному хозяйству и проч., то этимъ только лишній разъ показывается недостаточное пониманіе взаимодѣйствія различныхъ факторовъ общественнаго хозяйственнаго производства; такъ какъ уменьшеніе мірового потребленія хлѣба есть очевидный признакъ уменьшенія мірового потребленія животной пищи, а также предметовъ одежды (ведущей къ удешевленію сырого матеріала на ея производство: хлопка, шерсти и проч., причемъ повышеніе пошлины на хлопокъ дѣлу, конечно, помочь не можетъ, а напротивъ, ухудшитъ его), т. е. дальнѣйшее сокращеніе производства въ области обрабатывающей промышленности *).

Единственнымъ выходомъ изъ такого затрудненія представляется такая организація производства, при которой продукты будутъ приготовляться не въ видѣ товаровъ, а для потребленія самого же производящаго общества.

Итакъ и великая историческая миссія капитализма въ области сельско-хозяйственнаго производства, развитіе раціональнаго сельскаго хозяйства, не только не выполняется имъ, но онъ ведетъ

---

*) Для иллюстраціи сказаннаго могутъ послужить слѣдующія данныя. Если сравнить наши мѣстныя осеннія цѣны нынѣшняго 1894 года, главнаго продовольственнаго хлѣба, ржи, со средними осенними цѣнами за послѣднія 13 лѣтъ (по даннымъ министерства финансовъ и министерства земледѣлія), то окажется, что онъ въ нынѣшнемъ году составляетъ около 55% цѣнъ послѣднихъ 13 лѣтъ. Между тѣмъ, мѣстныя осеннія цѣны главнѣйшаго продовольственнаго хлѣба С.-Американскихъ Штатовъ, пшеницы, въ нынѣшнемъ году составляетъ 61,5% средней цѣны за послѣднія 13 лѣтъ. Другими словами, нашъ хлѣбъ подешевѣлъ значительнѣе американскаго, рыночная цѣна передвинулась въ сторону индивидуальной стоимости продукта, производящагося при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и понизительное движеніе охватываетъ наши рынки болѣе, чѣмъ американскій. Если же сравнить мѣстныя американскія цѣны хлопка, то окажется, что въ то время, когда цѣна его нынѣшней осенью составляетъ 58% средней цѣны за послѣднія 13

даже не только къ регрессу его въ странахъ старой культуры, но къ истощенію почвы при помощи экстенсивнаго хищническаго хозяйства во вновь населяющихся странахъ.

Въ виду такихъ фактовъ, какимъ буквоѣдствомъ представляются разсужденія г. П. фонъ Струве, что при повысившейся производительности земледѣльческаго труда у насъ, «мы будемъ имѣть больше продукта и будемъ продавать его по прежней цѣнѣ; нашъ доходъ въ натурѣ и въ деньгахъ возрастетъ», и это еще при томъ условіи, чтобы былъ соблюдена формула экономическаго развитія Россіи, «чтобы произошло дальнѣйшее раздѣленіе труда, дальнѣйшее отдѣленіе обработывающей промышленности отъ земледѣлія». (207—211). Вотъ до чего можетъ договориться идеологъ власти денегъ, недостаточно вникшій въ тайну защищаемой имъ формы хозяйствованія, которая однако съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживается *).

Этотъ процессъ настолько очевиденъ, что для борьбы съ его послѣдствіями всѣ страны западной Европы стали прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ: этотъ процессъ вызвалъ, между прочимъ, такъ называемой аграрный протекціонизмъ. Но дѣло этимъ однимъ ограничиться не могло. Хищническая культура во всѣхъ странахъ свѣта продолжаетъ развиваться и производить все болѣе и болѣе угнетающее дѣйствіе на культуру раціональную. При такомъ положеніи дѣла немудрено, что въ странахъ съ падающимъ раціональнымъ земледѣліемъ общественная мысль все болѣе и

лѣтъ, осенняя цѣна пшеницы нынѣшняго года составляетъ, какъ мы видѣли, 61,5% средней цѣны взятаго періода времени; несмотря на то, что никакихъ значительныхъ техническихъ усовершенствованій въ нынѣшнемъ году въ культурѣ хлопка произведено не было (данныя взяты изъ Statistical Abstract департамента земледѣлія въ Вашингтонѣ) что опять-таки указываетъ на относительно большее уменьшеніе потребности въ немъ. Но во всякомъ случаѣ, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что удешевленіе хлѣба, хлопка и вообще всякихъ продуктовъ, удовлетворяющихъ какую-нибудь общественную потребность, ведетъ къ увеличенію запроса на нихъ, такъ что такое удешевленіе нѣсколько умѣряетъ нужду, которая безъ этого выразилась бы въ болѣе острой формѣ.

*) Замѣчанія г. П. фонъ-Струве относительно изслѣдованія г. Каблукова «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ» довольно забавны. Онъ говоритъ: «г. Каблуковъ какъ будто не замѣчаетъ, что его теорія уничтожаетъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій ренту». Не теорія г. Каблукова уничтожаетъ ренту, а система сельскаго хозяйства въ капиталистической ея формѣ, въ настоящемъ историческомъ моментѣ развитія, уничтожаетъ ее. Развитіе паровой перевозки товаровъ, уничтожая или сокращая разстоянія между странами густонаселенными и такими, въ которыхъ населеніе рѣдко, между странами, земли которыхъ уже давнымъ давно ускользнули изъ рукъ непосредственныхъ производителей, и такими, земли которыхъ прямо попадаютъ въ руки такихъ земледѣльцевъ, развитіе парового транспорта, доставляя продуктъ, произведенный съ меньшей затратой труда, въ страны, гдѣ этого произойти не можетъ, понижаетъ въ послѣднихъ цѣны, а слѣдовательно прежде всего ту часть стоимости продукта, въ которую овеществляется рента.

болѣе приходитъ къ сознанію необходимости передать право на землю въ руки непосредственныхъ производителей, какъ это мы видимъ и въ Англіи, и въ Германіи. Но этого не видитъ г. П. фонъ-Струве, который упрекаетъ напротивъ того въ близорукости г. Каблукова, будто бы выдумавшаго какую то теорію, «которая уничтожаетъ безъ всякихъ разсужденій ренту», но который въ дѣйствительности только констатировалъ фактъ, происходящій у всѣхъ на глазахъ.

Г. П. фонъ Струве, не желая видѣть совершающагося въ сферѣ земельныхъ отношеній, не понимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ того, что само капиталистическое земледѣльческое хозяйство, уничтожая ту форму земельныхъ отношеній, которая основана на трехчленномъ раздѣленіи продукта, допускаетъ возможность существованія только такого раціональнаго сельскаго хозяйства, которое основано на соединеніи непосредственнаго производителя съ орудіемъ производства, земледѣльца съ землею, и въ особенности, какъ въ общинѣ,—группъ земледѣльцевъ съ землею.

Крупное капиталистическое земледѣльческое экстенсивное хозяйство въ данный историческій моментъ разрушаетъ мелкое малопроизводительное крестьянское хозяйство, но въ то же время разрушаетъ также и высокопроизводительное и интенсивное фермерское капиталистическое. Одною изъ причинъ этого явленія является вынужденное сокращеніе расхода на трудъ, вызванное общимъ развитіемъ капиталистическихъ отношеній и болѣе глубокимъ общественнымъ раздѣленіемъ труда, а также развитіемъ паровой перевозки и увеличивающейся дешевизной ея.

Но г. П. фонъ-Струве скажетъ, что американскій фермеръ «сокращаетъ площадь пшеничныхъ посѣвовъ и начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ, въ который вложено и больше труда—скотъ; пшеницу-же продолжаетъ производить не дороже, а можетъ быть и дешевле прежняго» (стр. 210). Что касается до послѣдняго утвержденія, то въ дѣйствительности пшеница восточныхъ штатовъ производится настолько дороже, что она не окупаетъ затратъ, какъ это видно изъ данныхъ, собранныхъ департаментомъ земледѣлія (Report № 113, мартъ 1894, стр. 108—110), несмотря на то, что урожаи ея тамъ выше, благодаря большимъ затратамъ капитала.

Обратимся поэтому къ утвержденію г. П. фонъ-Струве, что съ уменьшеніемъ площади пшеничныхъ посѣвовъ увеличивается количество скота.

Таблица, показывающая увеличеніе числа молочныхъ коровъ и лошадей въ двухъ взятыхъ нами районахъ американскихъ штатовъ: восточныхъ и западныхъ:

	1880	1890	1880	1890	1880	1890
	Число мол. кор. (тысячъ)		На 100 акр. пл. фермъ		Число лошадей. (тысячъ)	
На востокѣ	8.407	9.892	2,67	2,86	6.292	7.193
— западѣ	4.036	6.061	2,18	2,20	4.065	7.020
Во вс. штат.	12.443	15.953			10.357	14.213

	1880	1890	1880	1890
	Лошадей на 100 акровъ площади фермъ.		Лошадей и коровъ на 100 акровъ.	
На востокѣ. . . .	1,78	2,07	4,45	4,34
— западѣ	2,20	2,55	4,38	54,7

И эта таблица показываетъ, насколько быстрѣе ростъ западнаго района въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Даже число молочнаго скота на востокѣ повысилось незначительно, несмотря на сосѣдство огромнаго потребительнаго рынка, какимъ являются быстро растущіе города, большинство которыхъ лежитъ въ этомъ районѣ, какъ Чикаго, затѣмъ всѣ пріатлантическіе: Нью-Іоркъ, Бостонъ и т. д. Въ этомъ отношеніи крайне любопытенъ примѣръ перваго по населенію штата Нью-Іоркъ, въ которомъ по переписи 1870 г. было 1350 тыс. молочныхъ коровъ, въ 1880 г.—1437 тыс., а въ 1890 г. 1552 тыс., т. е. за послѣднее десятилѣтіе это число увеличилось всего на 8%. Количество изготовленнаго сыра, напримѣръ, на фермерскихъ сыроварняхъ этого штата за это время измѣнилось такъ: въ 1870 г. было произведено 22,7 мил. фунтовъ, въ 1880 г. 8,4 мил. фунт., а въ 1890 г. всего 4,3 мил. фун. Во всѣхъ штатахъ соотвѣтственныя числа были въ 1870 г.—53,5 м. фунт., въ 1880 г.—27,2 мил. фунт., а въ 1870 г. всего 18,7 мил. фун. Такъ что въ штатѣ Нью-Іоркъ въ 1890 г. приготовлялось на фермахъ немного меньше половины всего количества фермерскаго сыра.

Отчего же произошло такое незначительное увеличеніе числа молочныхъ коровъ на фермахъ и такъ упало фермерское сыровареніе въ штатахъ наиболѣе высокой земледѣльческой культуры? Оттого, что эти отрасли сельскаго хозяйства перешли изъ фермъ въ крупныя капиталистическія сыроварни и «скотные заводы». Вотъ, между прочимъ, почему, несмотря на чрезвычайный ростъ населенія и національнаго богатства цѣнность фермъ восточнаго района не увеличилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ не возросло и богатство фермеровъ, несмотря на ихъ болѣе раціональное хозяйство, несмотря на большія затраты капитала.

Теперь можно задать вопросъ, на чемъ основывался г. П. фонъ Струве, утверждая, что, сокращая площадь пшеничныхъ посѣвовъ, американскій фермеръ начинаетъ производить болѣе цѣнный продуктъ—скотъ, если приведенные факты прямо и положительно утверждаютъ, что въ восточныхъ штатахъ, штатахъ съ высшей

сельско-хозяйственной культурой, хотя площадь посѣвовъ и сокращается, но такое сокращеніе не возмѣщается приростомъ числа скота, который слишкомъ ничтоженъ, что и выражается въ относительномъ уменьшеніи цѣнности фермъ и ихъ числа въ наиболѣе культурной мѣстности, въ штатахъ Новой Англіи и среднихъ пріатлантическихъ штатахъ *).

На чемъ-же основывался г. П. фонъ Струве?

Да ровно ни на чемъ иномъ, какъ на доктринерскомъ предразсудкѣ, что это должно быть именно такъ, какъ онъ говоритъ. Этого требуетъ его теорія.

Весь ходъ развитія сельскаго хозяйства въ западной Европѣ приводитъ къ тому заключенію, что будущность земледѣльческаго хозяйства принадлежитъ не капиталистическимъ фермамъ, культура которыхъ падаетъ, а крестьянскимъ земледѣльческимъ хозяйствамъ. Даже въ Англіи, этой странѣ высокой культуры сельскаго хозяйства фермера, капиталиста начинаетъ вытѣснять арендаторъ крестьянинъ (Ср. отчетъ Royal Commission of Agriculture 1894). Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отдѣльныя крестьянскія хозяйства будутъ соединяться въ группы такихъ хозяйствъ, чтобы имѣть возможность вводить болѣе раціональную культуру и болѣе производительное, а слѣдовательно болѣе дешевое молочное и иное хозяйство, невозможное при мелкихъ размѣрахъ хозяйствъ **). Но разрѣшеніе этого вопроса для нихъ будетъ крайне затруднительно, приэтомъ будутъ замѣшаны самые разнообразные противуположные интересы. И только наше общинное землевладѣніе даетъ совершенно простое его рѣшеніе. Между тѣмъ какъ г. П. фонъ Струве находитъ въ культурномъ отношеніи желательнымъ разрѣшеніе общины, той самой общины, которая какъ разъ и можетъ послужить непосредственнымъ основаніемъ для болѣе высокой культуры. «Мораль исторіи (промышленности),—которую мы можемъ также извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія,—заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію или раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой

*) Цѣнность всѣхъ фермъ Нью-Гампшира и Массачуетса понизилась за десятилѣтіе на 12,3%, Родъ-Айланда—на 15,5%, Нью-Джерси—на 16,6%, Вермонта—на 26,4%.

**) До сихъ поръ въ сельскомъ хозяйствѣ машины примѣнялись только къ земледѣлію. Въ настоящее время онѣ начинаютъ прилагаться къ откармливанію скота. Одинъ изъ видѣвшихъ такой «скотный заводъ» пишетъ: «хлѣва представляютъ собою зданіе въ 400 футовъ ширины, 600 ф. длины, занимая площадь болѣе двухъ гектаровъ, въ нихъ откармливается 3,750 головъ рогатаго скота... Дача корма и чистка производится при помощи машинъ. Солому, нарѣзанную и смѣшанную машинами, сгоняютъ въ кормушку сжатымъ воздухомъ; туда-же накачивается при помощи насоса барда. Навозъ удаляется два раза въ день при помощи воды, направленной нагнетательнымъ насосомъ». (Kautsky. Erfurt Programm 1892 г. p. 22).

(хотя она и способствуетъ ея техническому развитію), и требуетъ рукъ или самихъ работающихъ мелкихъ крестьянъ или контроля объединившихся, (associirte) производителей (Кар. III, 98, 1 ч.).

Вотъ почему крайне забавное впечатлѣніе производитъ утвержденіе со стороны такого великаго знатока денежно мѣновыхъ отношеній, какъ г. П. фонъ Струве, что «всѣ попытки въ экономической литературѣ присвоить мелкому земледѣльческому хозяйству особое положеніе, такъ сказать, сдѣлать для него неписанными законы раціональности, въ концѣ концовъ опираются на фактъ... низкихъ потребностей крестьянскаго населенія, на то, что самостоятельный производитель можетъ довольствоваться болѣе низкимъ доходомъ, чѣмъ вообще всякій, хозяйничающій на коммерческомъ основаніи» (111). Г. П. фонъ Струве и видѣть не хочетъ, что единственно способное къ развитію сельское хозяйство въ капиталистической его формѣ есть хищническое экстенсивное, что это послѣднее убиваетъ раціональное сельское хозяйство, основанное на разобщеніи земли и земледѣльца, что оно само по себѣ при дальнѣйшемъ развитіи капиталистическихъ отношеній, при «дальнѣйшемъ раздѣленіи труда», дальнѣйшемъ «отдѣленіи обработывающей промышленности отъ земледѣлія» существовать не можетъ; что формула «экономической эволюціи, данная Листомъ», формула, основанная на такой дифференціаціи, не можетъ стать «формулой экономическаго развитія Россіи», что само капиталистическое развитіе уничтожаетъ возможность осуществленія такой формулы.

Какъ бы ни были сбивчивы понятія г. П. фонъ-Струве о томъ, что онъ защищаетъ, и какъ бы мало ни понималъ онъ того, что самъ онъ называетъ «одной изъ самыхъ замѣчательныхъ теоретическихъ заслугъ» Маркса, онъ, очевидно, желаетъ выразить слѣдующее.

Такъ какъ вмѣстѣ съ развитіемъ интенсивнаго земледѣльческаго хозяйства повышается напряженность труда, и такъ какъ вмѣстѣ съ повышеніемъ напряженности труда увеличивается количество производимыхъ потребительныхъ стоимостей, причемъ мѣновая стоимость продукта не измѣняется, то получится больше продукта, который будетъ продаваться по прежней цѣнѣ, слѣдовательно, у земледѣльческаго класса повысится покупательная способность, которая поведетъ къ расширенію рынка обработывающей промышленности. Но если далѣе къ этому еще присоединить увеличеніе производительности труда (полученіе бо̀льшаго количества продукта при прежней затратѣ труда, но при большемъ развитіи техническихъ приспособленій), которое увеличиваетъ количество продукта, производимаго въ единицу времени, слѣдовательно, удешевляетъ его, и принять вмѣстѣ съ г. П. фонъ-Струве, что «поднятіе интенсивности труда, сопровождаемое повышеніемъ его производительности—первое безъ второго не имѣетъ конечно

смысла—увеличиваетъ доходъ хозяйства», и что «если интенсивность и производительность растутъ въ одинаковой мѣрѣ, цѣнность продукта не можетъ упасть»; если, говоримъ, принятьвсѣ эти самостоятельныя «оригинальныя» дополненія г. П. фонъ-Струве, то доходъ земледѣльческаго класса долженъ по его теоріи возрасти еще въ гораздо большей степени, что вмѣстѣ съ нимъ возрастутъ и потребности его въ предметахъ обрабатывающей промышленности и наступитъ необычайное процвѣтаніе торговли и промышленности.

Но, къ сожалѣнію, такую картину могло только нарисовать пылкое воображеніе г. П. фонъ-Струве, не составившаго себѣ яснаго представленія о томъ, о чемъ онъ взялся говорить. Не говоря уже о томъ, что стоимость продукта при равномѣрномъ ростѣ напряженности и производительности труда должна упасть и падаетъ соразмѣрно съ увеличеніемъ производительности, не надо вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что увеличеніе напряженности труда можетъ увеличить количество получаемыхъ продуктовъ при большей затратѣ труда въ единицу времени только при всѣхъ остальныхъ неизмѣняющихся условіяхъ, какъ это всегда и принимается при теоретическомъ изученіи каждаго явленія, связаннаго въ своихъ отправленіяхъ съ тысячами другихъ. Но въ томъ то и дѣло, что остальныя то условія не остаются неизмѣняющимися: во-первыхъ, при развитіи капиталистическаго хозяйства происходитъ такъ высоко цѣнимое г-мъ П. фонъ-Струве, «общественное раздѣленіе труда», что въ переводѣ на слова обыденной рѣчи въ сельскомъ хозяйствѣ обозначаетъ необходимость сельскому рабочему существовать круглый годъ на заработокъ, получаемый только за время сельско-хозяйственныхъ работъ; затѣмъ необходимостью со стороны фермера сокращать расходы на трудъ для полученія болѣе дешеваго продукта, что производитъ отливъ рабочихъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ и уменьшеніе интенсивности хозяйства. Во-вторыхъ, увеличеніе производительности сельско-хозяйственнаго труда въ странахъ новой культуры, развитіе хищнической капиталистической сельско-хозяйственной культуры, чрезвычайно понижая стоимость, а слѣдовательно и цѣну продуктовъ сельскаго хозяйства, ведетъ къ дальнѣйшему уничтоженію вліянія, которое еще оказывала повышенная напряженность труда на полученіе большаго количества продуктовъ той же стоимости: стоимость продукта падаетъ, падаетъ притомъ настолько, что англійскіе статистики вычисляли потери, производимыя паденіемъ одной только ренты, въ сотни милліоновъ ф. ст. Потери капиталистовъ-фермеровъ также огромны, потери же сельскихъ рабочихъ никто не считалъ.

Такимъ образомъ и оказывается, что вся картина, нарисованная воображеніемъ г. П. фонъ-Струве, основной тонъ которой представляетъ предположеніе, что «если интенсивность и про-

изводительность растутъ въ одинаковой мѣрѣ—цѣнность продукта не можетъ упасть», есть не болѣе какъ результатъ невѣрнаго теоретическаго представленія и непониманія дѣйствительнаго хода совершающихся явленій.

Замѣчательно далѣе, что въ то время, когда г. П. фонъ-Струве предлагаетъ свою програму обезземеливанія крестьянства, какъ панацею, и на уничтоженіе общины смотритъ какъ на нѣчто желательное, въ Англіи, по даннымъ, собраннымъ парламентской сельско-хозяйственной коммиссіей, начинаетъ замѣчаться явленіе совсѣмъ иного характера: «земля переходитъ въ руки съемщика рабочаго», посредникъ, капиталистъ-фермеръ вытѣсняется. (Русск. Вѣд., № 292, 1894 г.).

Мы показали въ нашихъ «Очеркахъ», какое огромное значеніе имѣетъ для крестьянства повышеніе производительности его труда, какъ благопріятно дѣйствуетъ на всю его хозяйственную состоятельность каждый урожайный годъ, и въ особенности урожайный годъ, слѣдующій за урожайнымъ, и это только благодаря тому, что онъ еще не обезземеленъ. Поэтому то мы съ особенною силою настаивали на государственной необходимости способствовать повышенію производительности земледѣльческаго труда. Этой стороны вопроса г. П. фонъ-Струве совсѣмъ не пожелалъ замѣтить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждали, что, какъ продавецъ своихъ продуктовъ, при увеличеніи производитель ости труда, крестьянинъ (или проэктируемый г. П. фонъ-Струве фермеръ) ничего не выиграетъ, такъ какъ вмѣстѣ съ такимъ увеличеніемъ производительности онъ будетъ терять въ цѣнѣ, и это будетъ сказываться все съ большею и большею силою, по мѣрѣ дальнѣйшаго «общественнаго раздѣленія труда», по мѣрѣ дальнѣйшей капитализаціи промысловъ. Положеніе его можетъ исправиться и стать прочнымъ только при развитіи производительности и напряженности его труда, при занятіи его круглый годъ, но при занятіи *не* для рынка, а для непосредственнаго удовлетворенія потребностей каждаго изъ членовъ общества.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Николай—онъ.

1894 годъ.

Изъ современной хроники.

I. Физіономія 1894 года. — Проблеммы XX вѣка.—Обзоръ экономическихъ событій 1894 года и ихъ отношеніе къ событіямъ политическимъ.—Старыя формулы и новыя задачи.—Дифференцованіе націй на экономическіе классы.—Механизмъ дифференцованія.—Государственные займы.—Вселеніе капиталовъ. — Вселеніе культуртрегеровъ. — Морской транспортъ.—II. Простота прежнихъ формулъ международной экономической политики, фритредерство и протекціонизмъ. — Экономическая самостоятельность націй. — Политика странъ господствующихъ. — Политика странъ зависимыхъ.—Японская экономическая политика и война 1894 года. — Китайская экономическая политика. — Экономическая жизнь Италіи въ 1894 году. — Экономическая политика Россіи въ 1894 году.—Значеніе земледѣльческаго кризиса.—Новое явленіе въ экономической политикѣ Германіи, Россіи и Франціи. — III. Солидарность интересовъ экономически отсталыхъ странъ съ интересами народныхъ массъ странъ передовыхъ.—Невозможность полной капиталистической эволюціи для большинства странъ. — Крестьянскія движенія на Западѣ. — Вниманіе европейской мысли къ деревнѣ. — Новыя аграрныя программы.—IV. Великая армія Вильгельма I и великій флотъ В. II. — Возможныя задачи великаго германскаго флота.— Экономическая политика странъ группы переходной. — V. Внутреннія и внѣшнія дѣла Англіи. — Крутой поворотъ внѣшней политики Англіи. — Значеніе японской войны.—Политическія условія англо-франко-русскаго сближенія. — Ослабленіе Германіи.—Положеніе тройственнаго союза.—Внутреннее состояніе Германіи.—Внутреннее состояніе Франціи.—Post-Scriptum.

I.

Истекшій 1894 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ исторіи истекающаго XIX вѣка и будетъ не разъ помянутъ во введеніи историками XX вѣка. Легкіе узоры этой наступающей исторіи XX вѣка, для внимательнаго глаза замѣтные уже въ восьмидесятыхъ и первыхъ девятидесятыхъ годахъ, въ минувшемъ году выступили настолько ярко, что замѣчены были даже государственными людьми, которые, какъ извѣстно, такъ заняты злобами настоящаго момента, что изъ послѣднихъ обращаютъ вниманіе на приближающіяся событія. Государственные люди всѣхъ странъ Европы у

обратили вниманіе на новыя явленія всемірно-исторической жизни и это почти повсюду случилось въ 1894 году. Не достаточно ли этого, чтобы годъ этотъ сталъ историческимъ? И не достойно ли это, чтобы мы внимательнѣе всмотрѣлись въ его знаменательную исторію? Очень драматическая по такимъ событіямъ, какъ кончина русскаго Императора и воцареніе нынѣ благополучно царствующаго Государя, какъ двукратная смѣна правительства во Франціи, смѣна канцлера въ Германіи, удаленіе Гладстона отъ власти, смѣна министерства въ Венгріи, политическій кризисъ въ Италіи, coup d'état въ Сербіи и Болгаріи, кровопролитная война на далекомъ Востокѣ, армянскія звѣрства въ Курдистанѣ и многое другое, исторія 1894 года еще болѣе того замѣчательна по своему внутреннему смыслу, сказавшемуся въ совершенномъ обнаженіи факторовъ международной экономической борьбы, въ обостреніи классовой экономической борьбы въ Западной Европѣ, въ набѣжавшемъ шквалѣ анархизма, въ перегруппировкѣ партій почти во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, въ перегруппировкѣ державъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ паденіи германской гегемоніи... Крупныя событія эти постепенно подготовлялись въ теченіе болѣе десятилѣтняго періода. Признаки внутренняго процесса, ихъ подготовлявшаго, сказывались то здѣсь, то тамъ, но несомнительно и властно обнажились эти знаменательныя историческія явленія именно въ минувшемъ 1894 году. Они обнажились изъ-подъ обломковъ недавно прочнаго режима бисмарковской Европы, обнажились, но не завершились и не вылились въ окончательную форму. Они не завершатся и не отольются въ окончательную форму и въ ближайшіе годы, въ послѣдніе годы XIX вѣка. Это—проблемма вѣка двадцатаго.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ минувшій годъ и посмотримъ, въ какихъ фактахъ выразились упомянутыя историческія явленія, составляющія злобу дня современнаго человѣчества.

Необыкновенной важности *политическія* событія совершились въ отчетномъ году, но обзоръ нашъ мы начнемъ съ не менѣе крупныхъ событій *экономическихъ*, тоже обнаженныхъ минувшимъ годомъ. Экономическія событія проще и ихъ анализъ лучше введетъ насъ во внутреннюю лабораторію современной исторіи, дастъ ключъ къ пониманію событій политическаго и моральнаго значенія, а вмѣстѣ съ взглядомъ на движеніе идей позволитъ намъ хотя немножко приподнять завѣсу, прикрывающую проблемму двадцатаго вѣка.

Ожесточенная таможенная война между Германіей и Россіею въ началѣ 1894 года и начало подобной же таможенной войны между Германіей и Америкой въ концѣ года; таможенныя репрессаліи Австріи противъ балканскихъ государствъ; продолжающаяся таможенная война между Франціей и Италіей; торговые договоры между Россіею и Франціею, между Россіею и Германіей, между

получа за эти продукты золото, оставить его здѣсь-же въ банкахъ въ уплату процентовъ по государственнымъ займамъ. Но уплата процентовъ по государственнымъ займамъ составляетъ сравнительно незначительную часть подобныхъ-же уплатъ по другимъ помѣщеніямъ англо-франко-нидерландскихъ капиталовъ въ желѣзныя дороги, заводы, фабрики, разныя коммерческія, промышленныя и общественныя предпріятія отсталыхъ странъ. Все это требуетъ громадныхъ милліардныхъ капиталовъ и богатыя капиталами страны, какъ Англія, Франція и Нидерланды, доставляютъ ихъ всему міру въ изобиліи и по дешевому проценту. Однако, хотя и дешевые, проценты надо платить и ежегодно сотни милліоновъ за это уплачивается міромъ своимъ экономическимъ господамъ европейскаго запада. Зачастую сами иностранцы основываютъ предпріятія въ экономически отсталыхъ странахъ и тогда уже не одинъ только дешевый процентъ, но и всѣ высокія прибыли отливаютъ за границу. Въ Лодзи нѣмецкій капиталъ свилъ себѣ такое гнѣздо; у насъ на югѣ, въ горнозаводской промышленности, подобное же гнѣздо свиваетъ капиталъ французскій. Съ такими переселяющимися капиталами переселяются и сами иностранцы, какъ хозяева предпріятія, повѣренные, техники, мастера, иногда даже рабочіе. Сбереженія всего этого люда тоже отливаютъ на родину, составляя постоянное значительное теченіе капиталовъ изъ однѣхъ странъ въ другія. Экономически отсталыя страны суть вмѣстѣ съ тѣмъ и страны культурно-отсталыя. Поэтому, не только иностранныя предпріятія, но и туземныя привлекаютъ значительный контингентъ спеціалистовъ, техниковъ, мастеровъ, которые также направляютъ свои сбереженія на родину, а всѣ они имѣютъ значительныя сбереженія, и потому, что для этого только и ѣдутъ на чужбину, и потому еще, что получаютъ для того достаточное вознагражденіе. Даже тѣ немногіе изъ этихъ чужестранцевъ, призванныхъ экономически и культурно отсталыми странами, которые обживаются на новомъ мѣстѣ и не возвращаются на родину, помогаютъ на родинѣ роднымъ, выплачиваютъ долги, жертвуютъ родному городку суммы на общеполезныя дѣла, все усиливая и умножая этотъ потокъ богатствъ, стекающихся со всѣхъ концовъ міра все туда же, на берега Ламанша и Нѣмецкаго моря. Вселеніе въ экономически отсталыя страны капиталовъ экономически господствующихъ странъ, вселеніе туда-же и оттуда-же культурныхъ работниковъ, сопровождающееся постояннымъ отливомъ въ обратномъ направленіи процентовъ, дивидендовъ и сбереженій, едвали не должно считать самымъ важнымъ и самымъ распространеннымъ способомъ, благодаря которому богатства, создаваемыя экономически отсталыми странами, не остаются въ нихъ, а концентрируются въ Англіи, Франціи и Нидерландахъ. Но есть, конечно, и другіе способы. Морской транспортъ представляетъ одинъ изъ этихъ способовъ. Извѣстно, какія жертвы приносятъ экономически

отсталыя страны для развитія своихъ коммерческихъ флотовъ. Извѣстно, что жертвы эти какъ то не увѣнчиваются успѣхомъ. Не трудно разгадать причину.

Международный морской транспортъ является тою отраслью человѣческаго труда, которая болѣе всего свободна отъ мѣстныхъ условій и полнѣе всего подчинена условіямъ всемірнаго рынка. Если въ Англіи капиталистъ довольствуется двумя и даже однимъ съ половиною процентомъ на затраченныя средства, то не болѣе того онъ потребуетъ и съ капитала, затраченнаго въ корабль. Если-же въ Турціи годичный процентъ равенъ десяти или тринадцати, то не менѣе того турецкій капиталистъ потребуетъ и съ корабля. Ясно, что англичанинъ возьметъ настолько дешевле за провозъ, что турокъ не будетъ въ состояніи конкуррировать. Онъ или обанкротится, или получитъ правительственную субсидію, или продастъ свой корабль англичанину, а деньги затратитъ въ предпріятіе, гдѣ условія мѣстнаго рынка еще не такъ всецѣло подчинены условіямъ рынка всемірнаго. И дѣйствительно Англія, Франція, Нидерланды, да еще отчасти Германія, Соединенные Штаты и Скандинавскія государства держатъ въ своихъ рукахъ весь морской международный транспортъ, т. е. получаютъ въ свою пользу всю цѣнность, прибавляющуюся къ товару за его перевозку. И не только эту цѣнность, а и доходы отъ пассажирскаго движенія, и страховые платежи за передвигающіеся моремъ товары всего міра и пр., и пр. Указываю мимоходомъ на это значеніе международнаго морского транспорта лишь для того, чтобы отмѣтить, что и кромѣ вселенія капиталовъ и культурныхъ работниковъ, могутъ быть многіе и многіе методы обездоленія и обѣдненія экономически зависимыхъ странъ въ пользу обогащенія и возвышенія экономически господствующихъ. Повторяю, что я не пытаюсь раскрыть всего механизма этой эксплуатаціи, а лишь ставлю вѣхи, указующія направленіе общаго экономическаго теченія, столь новаго и столь знаменательнаго, уже сказавшагося въ международной жизни въ видѣ этой яркой и ожесточенной борьбы, особенно рѣзко обнажившейся въ событіяхъ истекшаго 1894 года.

Естественно спросить, однако, какими средствами располагаютъ обираемыя страны для защиты отъ этого экономическаго подчиненія? И насколько въ этомъ отношеніи была цѣлесообразна экономическая политика минувшаго года? Насколько она соотвѣтствовала дѣйствительнымъ интересамъ странъ, столь ожесточенно боровшихся въ 1894 году?

II.

Въ недавнее время справедливая формула для международныхъ экономическихъ отношеній была удивительно проста и удобопо-

нятна. Ясно было, что чѣмъ больше благосостояніе и богатство сосѣдей, тѣмъ больше они купятъ у насъ нашихъ продуктовъ и тѣмъ больше поэтому дадутъ намъ средствъ купить необходимаго намъ иностраннаго товара и сдѣлать сбереженія, т. е. поднимать свое благосостояніе и накоплять богатство. Изъ этого положенія и истекала проповѣдь свободы международныхъ экономическихъ отношеній. Равносильныя стороны, равноправно договаривающіяся, равновзаимно нуждающіяся другъ въ другѣ, должны получить свободу договора, не стѣсняемаго ни регламентаціей, ни фискальнымъ обложеніемъ, чтобы установить между собою наиболѣе взаимно выгодныя отношенія... Все это совершенно справедливо и осталось справедливымъ и въ настоящее время: бѣдность сосѣда и сопряженная съ нею его малокультурность невыгодна и даже опасна (оттуда, изъ некультурныхъ странъ,—и эпидеміи, и эпизоотіи, и саранча, и войны, и наплывъ дешеваго рабочаго люда и пр. и пр.), такъ что въ нашихъ интересахъ по возможности не вредить благосостоянію сосѣда; невыгодно также и стѣсненіе свободнаго обмѣна между сосѣдями, такъ какъ лишь свобода договора даетъ возможность каждой сторонѣ вполнѣ и всесторонне оградить свои интересы. Никакое самое дальновидное и проницательное правительство не въ силахъ предвидѣть всѣ частности сталкивающихся интересовъ. Между тѣмъ, суммируясь, эти частности представляютъ громадную цѣну, а слѣдовательно могутъ представить и громадную прибыль, и громадный убытокъ. Все это справедливо теоретически, но практически приложимо лишь при условіяхъ экономическаго и культурнаго равенства. Если сосѣди являются самостоятельными хозяевами, то имъ взаимно выгодно благосостояніе каждаго изъ сосѣдей и всѣхъ вообще; если же одинъ сосѣдъ—богатый, а другіе бѣдные, ему задолженные, на него работающіе, руками и хребтами своими созидающіе его богатства, то ему, этому богатѣю, нѣтъ никакой выгоды въ подъемѣ ихъ благосостоянія и культурности. Это можетъ лишить его и доходовъ и господства. Равнымъ образомъ, и свобода договора хороша и справедлива, когда договаривающіяся стороны равносильны и равноправны. Иначе, свобода превращается въ кабалу. Законодательство всѣхъ странъ цивилизованнаго міра уже признало въ принципѣ это положеніе и фабричные законы повсюду ограничили свободу договора въ пользу рабочаго, т. е. въ пользу стороны, экономически слабѣйшей. Между тѣмъ, то, что прежде мы наблюдали лишь въ отношеніяхъ личныхъ между богатыми и бѣдными обывателями, между хозяевами и батраками, ландлордами и фермерами, въ послѣднее время обнаружилось и между народами. Мы видимъ небольшую кучку народовъ — хозяевъ и затѣмъ большинство народовъ — работниковъ. Прежняя ясная и удобопонятная солидарность международныхъ экономическихъ отношеній этимъ фактомъ въ корнѣ нарушена. Явилась рознь экономическихъ отношеній, основанныхъ

не на доктринахъ, въ родѣ меркантилизма XVII и XVIII вѣковъ, а исходящая изъ вполнѣ реальныхъ фактовъ громадной силы и громаднаго значенія. Прежде могла быть *одна* формула международнаго экономическаго поведенія, годная для всѣхъ націй и лишь варьирующаяся въ практическомъ приложеніи сообразно мѣстнымъ условіямъ. Теперь такой одной формулы нѣтъ и быть не можетъ, потому что интересы однихъ прямо противоположны интересамъ другихъ. Страны, изъ года въ годъ получающія болѣе или менѣе значительный избытокъ цѣнностей изъ другихъ странъ, заинтересованы удержать этотъ порядокъ. Страны, изъ года въ годъ несущія эту дань и продуктами труда, и монетою, должны естественно стремиться отмѣнить этотъ порядокъ. Ясно, что для тѣхъ и для другихъ формула экономической политики далеко не одинаковая и задачи, которыя онѣ должны ставить въ своихъ международныхъ финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятіяхъ, должны быть очень различны. Взглянемъ же пристальнѣе на экономическую политику всѣхъ трехъ группъ, на которыя дѣлятся народы міра, на политику группы экономически господствующихъ странъ (Англія, Голландія, Бельгія и Франція), переходную группу (Германія, Соединенные Штаты, Скандинавія) и группу, экономически отсталую (Австрія, Италія, Россія, Балканскія и Пиринейскія государства, Мехика, Южно-американскія и центрально-американскія республики, туземныя государства и туземныя колоніи Азіи и Африки). Годъ 1894 тѣмъ и замѣчателенъ, что онъ обнажилъ эту политику съ особою силою.

Англія, Голландія, Бельгія совершенно не измѣнили за послѣднее полстолѣтіе своей политики въ экономической области: тоже полное фритредерство, таже колоніальная система, таже практическая морская монополія, такое же совершенное игнорированіе земледѣльческихъ интересовъ, тоже начало свободной конкуренціи, тоже стремленіе торговыми договорами (а гдѣ можно и оружіемъ) упрочить эту свободную конкуренцію, тоже рѣшающее значеніе биржи въ вопросахъ международныхъ... И въ этомъ отношеніи политика маленькихъ нидерландскихъ государствъ ничѣмъ не отличается отъ политики всесильнаго морского льва, кромѣ гораздо болѣе ограниченнаго простора для физическаго насилія (колоніальныя войны ведетъ, однако, и маленькая Голландія, и даже въ 1894 году вела на островѣ Лембокѣ). Мы не назвали здѣсь Францію, но потому только, что именно въ 1894 году ея международная экономическая политика сдѣлала одинъ знаменательный шагъ, несоотвѣтствующій этой программѣ. Мы говоримъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, установленныхъ весною 1894 года. Эта попытка (не въ удачныхъ, по плану и по идеѣ) обороны земледѣльческихъ интересовъ и явилась единственнымъ диссонансомъ во французской международной экономической политикѣ, вообще фритредерской, завоевательно-колоніальной, монопольно-морской, подчиненной

интересамъ биржи, стремящейся въ Европѣ договорами, а въ остальныхъ частяхъ свѣта оружіемъ утвердить свободную конкуренцію. Франція, подобно Англіи и обѣимъ Нидерландамъ, не опасается конкуренціи и экономической борьбы. Безпощадная экономическая репрессія, примѣненная французами къ Италіи, можетъ служить и лучшимъ доказательствомъ прочности англо-франко-нидерландски экономическаго господства надъ остальнымъ міромъ, и страшнымъ примѣромъ той участи, которой можетъ подвергнуться экономически отсталая страна, если возбудитъ противъ себя своего экономическаго хозяина. Объ этомъ подробнѣе ниже, а теперь лишь отмѣтимъ, что политика экономически господствующихъ странъ ясна, удобопонятна, даже очевидна. Она и примѣняется ими вполнѣ цѣлесообразно.

Отлагая болѣе сложный случай переходной группы, остановимся теперь на положеніи третьей группы, на возможной, желательной и дѣйствительной политикѣ странъ, экономически и культурно отсталыхъ, экономически зависимыхъ, тѣхъ странъ, которыя изъ года въ годъ вывозятъ всякихъ цѣнностей (товаровъ и монеты) больше, нежели ввозятъ, изъ года въ годъ выплачивая дань экономически господствующей группѣ. Каковы могутъ быть задачи экономической политики этихъ странъ? Ясно, что онѣ могутъ стремиться къ одному изъ двухъ: или сбросить экономически господствующихъ и стать на ихъ мѣсто (а можетъ быть и рядомъ съ ними, только потѣснивъ ихъ), экономически подчиняя остальной міръ и строя свое богатство на трудахъ другихъ народовъ; или же отмѣнить самый порядокъ, упразднившій экономическую самостоятельность народовъ и раздѣлившій ихъ на хозяевъ и батраковъ. Только эти два пути и доступны экономически отсталымъ странамъ. Только эти два критерія и могутъ руководить національно-цѣлесообразною, экономическою политикою такихъ государствъ. Который же изъ двухъ критеріевъ преобладалъ въ 1894 году въ экономической политикѣ экономически отсталыхъ странъ? Нечего и говорить, что не второй, а первый. Благосклонный читатель знаетъ это напередъ. Интересно только прослѣдить, въ чемъ выражается эта политика.

Минувшій годъ даетъ намъ чрезвычайно яркую иллюстрацію подобныхъ попытокъ со стороны экономически отсталыхъ странъ. Нападеніе Японіи на Китай является этою яркою иллюстраціею. Читатели «Русскаго Богатства», конечно, уже ознакомились съ любопытною статьею д-ра Эрнста, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ и трактующей экономическое современное состояніе Японіи. Статья написана до войны, до самой возможности ее предвидѣть и тѣмъ не менѣе исторія войны является какъ-бы прямымъ продолженіемъ очерка Эрнста. Нападеніе на Корею и Китай было естественнымъ исходомъ внутренняго экономическаго положенія Японіи, если критеріемъ экономической политики принять эко-

мическую эволюцію передовыхъ странъ европейскаго запада, т. е. если задачею ставить экономическое подчиненіе экономически слабѣйшихъ сосѣдей и въ этомъ подчиненіи искать разрѣшенія внутренняго кризиса, созданнаго паденіемъ экономической самостоятельности и подчиненіемъ условіямъ всемірнаго рынка. Напомнимъ читателямъ сущность экономическаго кризиса Японіи, приведшаго къ попыткѣ найти его разрѣшеніе въ войнѣ и завоеваніяхъ. Вовлеченная тому назадъ лѣтъ тридцать въ круговоротъ всемірнаго товарнаго обращенія, Японія быстро и неудержимо перешла отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Правительство реформировало страну, создавало регулярную армію, военный флотъ, просвѣщеніе, пути сообщенія, гавани, поощряло торговлю и промышленность. Все это требовало денегъ, а деньги долженъ былъ, конечно, внести народъ, который, почти сполна земледѣльческій, прежде платилъ налоги въ видѣ натуральной ренты, внося долю урожая. Когда отъ него потребовали денегъ, онъ долженъ былъ продавать долю урожая, но кому? Сосѣдніе китайцы, корейцы, ликейцы обезпечены собственнымъ хлѣбомъ. Наша Приморская область была пустынею. Лежащія за моремъ Америка и Австралія готовы сами предложить избытки своего хлѣба. Нуждающаяся въ хлѣбѣ Европа далека; конкуррирующія страны поставлены въ несравненно болѣе благопріятныя условія; наконецъ, рисъ, просо, японскіе овощи могли бы имѣть весьма ограниченный рынокъ въ Европѣ, спрашивающей другіе продукты. Японское земледѣліе было бы поставлено въ безвыходное положеніе реформою взиманія налоговъ, если бы не создался одновременно сначала небольшой, но все ростущій внутренній рынокъ. Прежде всего, сами правительственныя затѣи на европейскій ладъ создавали внутренняго потребителя, именно: личный составъ арміи и флота, рабочіе, занятые ремонтомъ, обмундированіемъ, всякими доставками и поставками; усилившійся персоналъ чиновничества; персоналъ школьной организаціи; всѣ, наконецъ, занятые на всяческихъ новыхъ правительственныхъ предпріятіяхъ... Рядомъ съ этимъ внутреннимъ рынкомъ, вызваннымъ и созданнымъ прямою дѣятельностью правительства, явился и другой внутренній рынокъ, созданный прежде почти несуществовавшею международною торговлею. Не говоря уже о наплывѣ иностранцевъ въ портовые города, тоже вѣдь нуждающихся въ пропитаніи, укажемъ только на обширный иностранный торговый флотъ съ многочисленными экипажами и пассажирами, который сталъ постояннымъ и постоянно ростущимъ гостемъ японскихъ приморскихъ городовъ. Все это многочисленное корабельное населеніе не только питается во время стоянки, но и запасается въ Японіи на длинные переходы. Оно требуетъ и другихъ удобствъ на берегу, развлеченій, увеселеній, разныхъ предметовъ потребленія, а всѣ японцы, занятые удовлетвореніемъ этихъ новыхъ потребностей, также умножаютъ численность новаго

потребителя. Еще болѣе значительное число японцевъ занято нагрузкою и разгрузкою судовъ; еще болѣе значительное транспортомъ товаровъ къ портамъ и отъ портовъ; едва-ли не еще большее число должно было заняться добычею каменнаго угля, его транспортомъ, храненіемъ и доставкою на суда, которыя запасаются углемъ въ Японіи на свои длинные переходы. Оживленная международня торговля, такъ внезапно смѣнившая прежнюю торговую изолированность, заняла значительный контингентъ населенія и, вмѣстѣ съ новою правительственною организаціей, создала внутренній рынокъ для земледѣлія, которое только благодаря этому могло безъ голоднаго кризиса совершить переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному.

Процессъ, однажды начавшійся, не останавливался и съ правильностью часового механизма совершалъ всѣ легко предвидимыя стадіи капиталистической эволюціи. Цивилизуясь и воспринимая всѣ успѣхи европейской культуры, Японія, страна морская, не могла, конечно, остаться при своихъ прежнихъ первобытныхъ парусникахъ. Основались компаніи, и пароходы запѣнили японскія воды. Вмѣстѣ съ этимъ, одинъ изъ важнѣйшихъ подсобныхъ промысловъ земледѣльческаго населенія прибрежныхъ мѣстностей, промыселъ каботажный, оказался подорваннымъ. Онъ еще не исчезъ, но сократился, а доходность его сократилась и того больше. Вслѣдъ за пароходами явились и желѣзныя дороги, сокращая извозный промыселъ, имѣвшій такое большое подсобное значеніе для внутреннихъ областей. Явились фабрики, угнетая и подрывая подсобные промыслы, кустарные, ремесленные и домашніе. Словомъ, все какъ слѣдуетъ быть, если капиталистическая эволюція становится закономъ экономическаго развитія страны. Происходила капитализація промысловъ, транспортныхъ и обрабатывающихъ. Возникала крупная промышленность. Однако, эта промышленность должна имѣть рынокъ для сбыта продуктовъ. Сначала для сравнительно незначительной капиталистической промышленности рынкомъ явилось земледѣльческое населеніе, еще не лишенное подсобныхъ промысловъ, еще не разоренное этимъ лишеніемъ. Эволюція продолжалась; капиталистическая промышленность росла, подсобные промыслы исчезали; налоги увеличивались; земледѣльческое населеніе разорялось; этотъ единственный внутренній рынокъ промышленныхъ продуктовъ сокращался; кризисъ земледѣлія начиналъ сказываться и кризисомъ промышленнымъ; естественнаго мирнаго исхода на почвѣ капиталистической эволюціи, повидимому, не оставалось. Попытка замѣнить сокращающійся внутренній рынокъ внѣшнимъ, завоевывавъ его оружіемъ, и явилась единственнымъ исходомъ. Если рынки будутъ завоеваны, эволюція можетъ продолжаться. Если нѣтъ, странѣ грозитъ банкротство и голодный кризисъ. Японія видимо рѣшилась завоевать внѣшній рынокъ. Такъ до нея поступали и поступаютъ Англія, Франція, Голланді;

такъ пробуютъ поступать не только Германія, но даже Австрія и Италія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Японія рѣшила пренебречь земледѣліемъ и опереть свое экономическое развитіе на обрабатывающей промышленности, повторяя и въ этомъ отношеніи эволюцію передовыхъ странъ Западной Европы.

Большой интересъ представляетъ вопросъ, удастся ли японцамъ силою оружія избѣгнуть кризиса, но это разрѣшитъ недалекое уже будущее, а въ настоящее время для насъ важно отмѣтить, что японская политика является наиболѣе распространеннымъ типомъ экономической политики отсталыхъ странъ, стремящихся повторить эволюцію передовыхъ странъ и основать свое благосостояніе на экономическомъ подчиненіи сосѣдей. Цѣлесообразна ли такая политика для Японіи, покажетъ исходъ войны и ея послѣдствія. Что она невозможна для всѣхъ странъ, совершенно очевидно. Не могутъ всѣ господствовать, потому что гдѣ есть господство, тамъ есть и подчиненіе. Могутъ быть всѣ экономически самостоятельны, какъ и были недавно, но разбираемый типъ экономической политики имѣетъ въ виду не самостоятельность только, а господство. Воюющій съ Японіей Китай является примѣромъ экономической политики, совершенно отличной. Китай не строитъ желѣзныхъ дорогъ, не создаетъ парового водяного транспорта, не заводитъ фабрикъ, всячески стѣсняетъ международную торговлю, всячески изолируя себя отъ всемірнаго рынка. Тысячелѣтія Китай держится этой системы изолированія, но оружіе европейцевъ въ 1844 и 1858 годахъ, оружіе японцевъ въ 1894 году уже пробили серьезную брешь въ китайской системѣ и, если японская война и не кончится ни паденіемъ, ни распаденіемъ Китая, какъ многіе ожидаютъ, то такой исходъ всетаки останется лишь вопросомъ времени, или Китай самъ выйдетъ на дорогу всемірно-исторической эволюціи. Экономическая отсталость есть по необходимости и отсталость культурная и слабость государственная. Если Китай не преобразуется, то его раздѣлятъ, или онъ распадется, или произойдетъ отчасти раздѣлъ, отчасти распаденіе, и та же эволюція, которой всячески избѣгалъ соединенный Китай, начнется въ его раздѣлившихся частяхъ. Это ясно, и ясно, стало быть, что китайская политика еще менѣе японской цѣлесообразна. Надо имѣть политику, не препятствующую, а содѣйствующую экономическому и культурному прогрессу, или готовиться къ политическому подчиненію съ полнымъ экономическимъ порабощеніемъ въ перспективѣ. Судьба Индіи тому печальный примѣръ. Французы въ Индокитаѣ, Голландцы — въ Малайскомъ Архипелагѣ, Англичане — въ Египтѣ нынѣ продѣлываютъ ту же эволюцію, которую уже прошла Индія и которую готовитъ себѣ Китай, если не вступитъ самъ на путь культурнаго и экономическаго прогресса. Турція, Персія, Марокко отчасти стоятъ на томъ же пути. Этотъ китайскій путь слѣпого некритическаго охраненія древнихъ устоевъ экономической жизни, очевидно, еще

гораздо опаснѣе японскаго метода. Не онъ рѣшитъ проблемму экономической самостоятельности отсталыхъ народовъ.

Японскій методъ очень распространенъ въ отсталыхъ странахъ Европы. Удерживаясь въ предѣлахъ 1894 года, мы должны съ этой точки зрѣнія прежде всего заняться Италіею, гдѣ сицилійское и умбрійское аграрное возстаніе, франко-итальянскіе торговые переговоры, колоніальныя предпріятія, банковые крахи, парламентская финансовая борьба даютъ на пространствѣ одного года цѣлый рядъ необыкновенно яркихъ картинъ, рисующихъ роковую экономическую эволюцію этой благодатной страны. Экономическое развитіе и экономическое состояніе Италіи имѣетъ очень много общаго съ экономическимъ развитіемъ и состояніемъ Японіи, какъ мы выше очертили. Страна земледѣльческая и натуральнаго хозяйства, Италія, лѣтъ 30—40 тому назадъ, тоже вступила на путь денежнаго хозяйства, капитализаціи промысловъ, транспортныхъ (каботажнаго и извознаго) и кустарныхъ, разоренія земледѣлія и развитія обрабатывающей промышленности, но точно такъ же натолкнулась на отсутствіе рынковъ и точно такъ же переживаетъ жестокій кризисъ, не имѣя только подлѣ себя ни Кореи, ни Китая, чтобы искать исхода въ завоеваніяхъ. Абиссиніи, конечно, недостаточно. За то Италія имѣетъ рядомъ экономически господствующія страны, наложившія на нее свои тяжелыя руки въ гораздо большей степени, нежели на отдаленную Японію. Торгово-таможенная война между Игаліей и Франціей вскрыла по истинѣ ужасную картину экономическаго порабощенія.

Обычные пути экономической зависимости всѣ здѣсь пройдены, конечно: и помѣщенія государственныхъ займовъ во Франціи, и громадное многомилліардное вселеніе французскаго капитала въ Италію, и французское культуртрегерство, и французскій коммерческій флотъ, и все прочее. Только бѣшеныя субсидіи пароходнымъ обществамъ кое-какъ охраняютъ итальянскій коммерческій флагъ, но на счетъ и безъ того разореннаго народа. Все это, впрочемъ, извѣстно и общераспространено въ отношеніяхъ между экономически господствующими и зависимыми странами. Въ отношеніяхъ Италіи къ Франціи есть, однако, одна спеціальная черта, которая и обращаетъ зависимость въ порабощеніе. Мы уже упомянули, что Италія страна земледѣльческая. Общія всему міру причины вызвали и въ Италіи земледѣльческій кризисъ. Онъ обострился и достигъ степени голоднаго кризиса и аграрныхъ возстаній, благодаря торгово-таможенной войнѣ съ Франціей. Итальянское земледѣліе, кромѣ маиса и апельсиновъ, не производитъ продуктовъ, которые могли бы прямо поступить на всемірный рынокъ. Она вывозитъ главнымъ образомъ виноградное вино, оливковое масло, шелкъ-сырецъ, фрукты. Все это закупала исключительно Франція. Изъ плохого итальянскаго вина она дѣлала свои превосходныя вина; изъ невозможнаго оливковаго масла —

первоклассное прованское; изъ шелка — свои знаменитыя ткани; изъ фруктовъ—марсельскіе консервы. Торгово-таможенная война, вызванная политическими причинами, закрыла или почти закрыла итальянцамъ французскій рынокъ. Французы нашли необходимые имъ сырые продукты, взамѣнъ итальянскихъ, въ Испаніи, Греціи, Бессарабіи, Крыму, на Кавказѣ и т. д. Въ Италіи же это сказалось невиданнымъ кризисомъ, пронесшимся надъ всею страною и выразившимся въ 1893 и 1894 годахъ кровавыми событіями въ Сициліи, Этруріи и Умбріи. Событія эти имѣли, конечно, и политическія причины (злоупотребленія администраціи, ненормальное земельное распредѣленіе), и умственныя (движеніе революціонныхъ идей), но несомнѣнно и указанныя экономическія причины имѣли свое громадное значеніе. Онѣ не устранены доселѣ, и торгово-таможенная война съ Франціею до сихъ поръ угнетаетъ итальянское земледѣліе, но итальянская экономическая политика, повидимому, такъ же пренебрегаетъ интересами земледѣлія, какъ и японская. На что, однако, могутъ разсчитывать государственные дѣятели Италіи?

Гораздо удачнѣе, нежели франко-итальянская таможенная война, завершилась въ 1894 году русско-германская таможенная война. Она тоже была вызвана политическими причинами и въ началѣ была просто попыткою со стороны Германіи сдѣлать давленіе на Россію. Боевыя пошлины кн. Бисмарка и походъ противъ русскихъ фондовъ былъ хорошо задуманнымъ планомъ. Онъ нанесъ Россіи громадные убытки и, если исходъ вышелъ иной, нежели въ столкновеніи Италіи съ Франціей, то потому главнымъ образомъ, что Германія экономически слабѣе и что французскій капиталъ вступилъ въ борьбу съ германскимъ. Борьба была явно неравная. Германія потерпѣла убытки и должна была пойти на уступки. Поддержка французскаго капитала, а теперь и англійскаго, значительно ослабила нашу экономическую зависимость отъ нѣмцевъ, но за то создаетъ постепенно зависимость отъ французовъ и англичанъ.

Экономическое положеніе Россіи, какъ страны земледѣльческой, замѣняющей натуральное хозяйство денежнымъ, создающей капиталистическую промышленность и втягивающейся въ круговоротъ всемірнаго товарнаго обращенія, обрисовывается этими данными довольно ясно. Гораздо болѣе обширная, заключающая въ своихъ предѣлахъ громадное разнообразіе условій, Россія не можетъ такъ быстро свершить всѣ стадіи экономической эволюціи, по которымъ съ такою стремительностью пробѣжали Италія и Японія, но болѣе медленнымъ шагомъ, менѣе властнымъ, колеблющимся, свершается та же эволюція и у насъ. Натуральное хозяйство замѣняется денежнымъ; растетъ капиталистическая промышленность; падаютъ подсобные промыслы, извозные и кустарные; земледѣліе терпитъ кризисъ... Черты того же развитія и того же

исхода; только покуда еще нельзя считать развитія этого, а слѣдовательно и этого исхода, безповоротнымъ. Эволюція еще не настолько подвинулась, чтобы невозможны были иные пути. Конечно, эти пути не должны быть ни китайскими, ни японскими.

Защитники японскаго типа экономической политики, у насъ по недоразумѣнію называющіе себя марксистами, повидимому, воображаютъ, что, кромѣ излюбленной ими японской программы экономическаго развитія, возможна и мыслима только китайская. Съ большимъ успѣхомъ они воюютъ съ обскурантами, возстающими будто бы противъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, усовершенствованной техники, требующей крупной формы производства, даже противъ народнаго образованія... Однако, «съ кого они (эти японцы, костюмированные марксистами) портреты пишутъ? Гдѣ разговоры эти слышатъ?» Посмотримъ... Одинъ изслѣдователь народной жизни указываетъ, что развитіе желѣзныхъ дорогъ убило промыслъ извозный и чумацкій, въ недавнее время доставлявшій очень серьезное подспорье скудному бюджету крестьянина, который теперь бѣднѣетъ и разоряется въ значительной степени, благодаря этому лишенію подсобнаго зимняго промысла, т. е. благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Нашъ «марксистъ» читаетъ это изслѣдованіе и восклицаетъ съ негодованіемъ противъ обскурантизма, который не ясно-ли, не очевидно-ли считаетъ желѣзныя дороги вредными?! А между тѣмъ и т. д. и т. д. Милый защитникъ культуры и прогресса, вы проглядѣли только одно очень маленькое обстоятельство: дѣло идетъ не о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, а о вредѣ, происходящемъ отъ лишенія земледѣльческаго населенія *зимней* работы; надо не дороги уничтожать (какъ это дѣлаютъ китайцы); надо не населеніе приносить въ жертву «культурѣ» (какъ это дѣлаютъ японцы); надо только позаботиться доставить вмѣсто однихъ зимнихъ заработковъ другіе... Другой изслѣдователь народной жизни обстоятельно указываетъ, какъ капиталистическая фабрика лишаетъ земледѣльческое населеніе подсобныхъ кустарныхъ промысловъ и какъ постепенно ведетъ къ разстройству скромнаго народнаго хозяйства... Нашъ культуртрегеръ читаетъ это изслѣдованіе (чаще: объ этомъ изслѣдованіи) и снова вскипаетъ благороднымъ негодованіемъ: они, эти слѣпцы, не признающіе незыблемой трехчленной формулы экономической эволюціи (натуральное и мелкое производство, денежное и крупное капиталистическое, крупное общественное) и не желающіе «идти на выучку къ западно-европейскому капитализму» (не очень то онъ улыбнется нашему приходу на выучку, т. е. на смѣну), они эти неразумные друзья народа, не очевидно-ли возстаютъ противъ техническаго прогресса, возможнаго только въ крупномъ производствѣ? Любезный культуртрегеръ, вы опять не замѣтили одного маленькаго обстоятельства: эти слѣпцы вѣдь рекомендуютъ никакъ не коснѣть въ условіяхъ мелкаго кустарнаго промысла,

а спрашиваютъ, не должно-ли замѣнить его не мануфактурою Китъ Китыча, а артелью тѣхъ же кустарей, руководимыхъ образованнымъ спеціалистомъ и работающихъ тѣми же усовершенствованными орудіями? Общественныя молотилки, даже паровыя, очень распространены въ Новороссіи; общественныя мельницы составляютъ общее правило на Сѣверѣ; были сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ удачные опыты съ общественными сыроварнями, смолокурнями... Отчего не возможно примѣненіе того же принципа и къ другимъ отраслямъ народнаго труда?.. Третій изслѣдователь народной жизни констатируетъ печальный фактъ, что деревенскіе кулаки, давая школьное образованіе своимъ дѣтямъ, пользуются этимъ новымъ преимуществомъ своего положенія для всякой эксплуатаціи бѣднаго и невѣжественнаго населенія... Можете себѣ вообразить негодованіе нашего любезнаго культурника при чтеніи этого изслѣдованія. Ему ясно, что «друзья народа» являются противниками народнаго образованія, считаютъ его вреднымъ и т. д. и т. д. Нѣтъ, милый другъ, они считаютъ вреднымъ не народное образованіе, а его недоступность всѣмъ; они полагаютъ, что нужно всеобщее образованіе, которое и уничтожитъ преимущество образованнаго кулака надъ необразованнымъ сосѣдомъ... Четвертый изслѣдователь народной жизни... но не довольно-ли примѣровъ? Не ясно-ли, въ чемъ ошибка нашихъ псевдо-марксистовъ? Кромѣ китайской политики, всячески охраняющей неприкосновенность стародавнихъ экономическихъ устоевъ народной жизни, отстраняющейся поэтому отъ всякаго культурнаго, экономическаго и государственнаго прогресса и явно подготовляющей государственное паденіе и экономическое порабощеніе, можетъ быть предложена не только японская политика, опьяненная идеаломъ англійскаго экономическаго господства, слѣпо повторяющая печальныя стадіи англійской эволюціи безъ яснаго сознанія возможности достичь ея блестящихъ стадій, приносящая ради этого блестящаго миража въ жертву интересы народной массы и съ хищническимъ аппетитомъ взирающая на трудъ и достояніе сосѣда; кромѣ этихъ двухъ, одинаково неразумныхъ и опасныхъ программъ, можетъ быть и третья, истинно культурная и просвѣщенная, поставляющая своею цѣлью насаждать культуру и прогрессъ не въ ущербъ и въ разореніе собственнаго народа, а на его пользу, для общаго благосостоянія своихъ гражданъ, для мирнаго и солидарнаго общенія съ сосѣдями.

Не касаясь здѣсь задачъ внутренней экономической политики, [illegible]ьно ясныхъ со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія, отмѣтимъ лишь [illegible] фактъ, что на почвѣ международной экономической политики т[illegible]ья точка зрѣнія, по новизнѣ задачи, едва лишь возникающая изъ столкновеній противоположныхъ и разнородныхъ теченій, е[illegible]е нигдѣ не выработала ясной и твердой программы. Но важно, т[illegible] во многихъ мѣстахъ Европы, среди очень разнообразныхъ

условій экономическаго положенія, сказались въ недавнее время вообще, въ отчетномъ 1894 году въ частности, симптомы отреченія отъ той международной хищнической программы, блестящій примѣръ которой дали передовыя націи Запада и въ которую съ такимъ безразсудствомъ окунулись съ головою Италія и Японія. Въ смыслѣ такого симптома особенно интересенъ русско-германскій торгово-таможенный договоръ, заключенный въ февралѣ 1894 года послѣ ожесточенной таможенной войны. Не столько важно даже соглашеніе интересовъ, созданное договоромъ (вѣдь это соглашеніе можетъ еще оказаться и неудачнымъ), сколько главные стимулы борьбы и соглашенія. Оставляя въ сторонѣ политическіе мотивы, имѣвшіе могущественное вліяніе на ходъ и исходъ борьбы и соглашенія, главнымъ экономическимъ интересомъ, служившимъ объектомъ этой дипломатической игры, надо признать интересы земледѣлія обѣихъ боровшихся странъ. *Покровительство германскому земледѣлію*, выразившееся въ боевыхъ пошлинахъ кн. Бисмарка, было началомъ явной борьбы. При соглашеніи Россія имѣла въ виду, главнымъ образомъ, опять таки *покровительство русскому земледѣлію*, принося для того въ жертву интересы промышленности. Это значеніе интересовъ земледѣльческихъ въ международной экономической политикѣ есть новое явленіе, впервые ярко выразившееся въ 1894 году. Хлѣбныя пошлины во Франціи показываютъ, что весь континентъ Европы становится на эту точку зрѣнія. Вопросъ не въ томъ, удачны-ли первые шаги по этому новому пути. Важно, что эти шаги сдѣланы и что возникаетъ международная экономическая политика, имѣющая въ виду не одни торгово-промышленные интересы, но и земледѣльческіе. Эта новость послѣднихъ дней всемірной исторіи имѣетъ тѣсную и непосредственную связь съ выше констатированнымъ фактомъ дифференцованія народовъ на экономически господствующіе и экономически зависимые.

III.

Лѣтъ десять-восемь тому назадъ, когда впервые начало обнаруживаться распаденіе націй на народы-рантьеры, постоянно получающіе всяческія цѣнности, и народы-плательщики, постоянно теряющіе всяческія цѣнности въ пользу первыхъ, можно уже было предвидѣть все громадное значеніе этого новаго историческаго явленія, но трудно было предъугадать весь сложный переплетъ этого новаго экономическаго фактора съ многоразличными факторами экономической жизни народовъ обѣихъ группъ, господствующей и зависимой. Общія предвидѣнія можно было, правда, высказать, но не болѣе. Такъ тогда же, въ 1887 году, я указалъ, что та англо-франко-нидерландская плутократія (съ возможнымъ присоединеніемъ къ ней плутократіи германской и сѣверо-американ-

ской), которая держитъ въ экономической зависимости весь остальной міръ, всѣ остальныя страны и народы Европы, Америки, Азіи и Африки, что эта плутократія, держитъ въ такой же зависимости и народныя массы собственныхъ странъ, громадное большинство французовъ, англичанъ и нидерландцевъ. Такимъ образомъ, естественными союзниками экономически отсталыхъ странъ въ ихъ борьбѣ съ плутократіей береговъ Ламанша и Нѣмецкаго моря являются народныя массы этихъ самыхъ передовыхъ странъ міра. Однако, было бы затруднительно формулировать программу, которая нашла бы одинаково цѣлесообразное мѣсто и въ международной экономической политикѣ русской имперіи или итальянскаго королевства, и въ платформѣ четвертаго сословія Лондона или Парижа. Было бы даже затруднительно утверждать, чтобы даже самые справедливые международные экономическіе успѣхи Россіи или Италіи были непосредственно выгодны пролетаріату передовыхъ націй и наоборотъ. Видна была солидарность въ отдаленной задачѣ; не видна была солидарность программы и непосредственныхъ ближайшихъ выгодъ.

Съ другой стороны, фактъ дифференцованія націй на рантьеровъ и плательщиковъ уже тогда совершенно ясно обнаружилъ всю эфемерность трехчленной формулы экономической эволюціи, если въ ней видѣть не историческій фактъ, а историческій законъ, обязательный для всего человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если уже вторая стадія эволюціи въ полномъ своемъ развитіи необходимо должна привести свершающую эту эволюцію страну къ положенію рантьера, получающаго отъ другихъ цѣнности безъ возмѣщенія, то, очевидно, не могутъ *всѣ* народы земного шара достигнуть даже этой *второй* стадіи трехчленной эволюціи. Конечно, не могутъ въ томъ случаѣ, если не разсчитывать, что плательщиками будутъ обитатели Венеры и Марса... Если же полная эволюція второй стадіи невозможна для остальныхъ странъ, опоздавшихъ на этотъ пиръ плутократіи, то невозможно и говорить о третьей стадіи, о фазисѣ возстановленной экономической самостоятельности народнаго большинства. Очевидно, отсталыя страны должны эту третью стадію превратить во вторую, по возможности минуя марксовскую вторую, изъ которой для нихъ нѣтъ исхода и которая въ полнотѣ своего развитія для нихъ недостижима. И это можно было уже тогда, въ 1887 году, вывести изъ основныхъ положеній новаго историческаго теченія, но затруднительно было бы предвидѣть тѣ пути, которыми въ самомъ непродолжительномъ времени исторія привела народы къ необходимости ограничить недавно господствующую задачу международной экономической политики, задачу по возможности повторять блестящее развитіе Англіи. Земледѣльческій кризисъ, которымъ послѣдовательная въ своемъ плутократизмѣ Англія вполнѣ пренебрегаетъ, а за нею до послѣдняго времени пренебрегала и

вся Европа, этотъ кризисъ устранилъ послѣдовательность, заставилъ сдѣлать отступленія отъ заимствованной у передовыхъ націй плутократической политики и обнажилъ ея опасность не только для націй, экономически отсталыхъ, не только для группы переходной, какъ Германія, но даже для второго номера плутократической эволюціи, для такой экономически господствующей страны, какъ Франція.

Тогда же, лѣтъ десять тому назадъ, можно было замѣтить еще одно поучительное и знаменательное явленіе въ жизни Европы, именно возрастающее вниманіе къ интересамъ деревни. Не говоря уже о Россіи, гдѣ вниманіе къ деревнѣ составляло такое яркое явленіе умственной жизни семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, это вниманіе къ недавно еще забытой деревнѣ обнаруживалось все сильнѣе и на западѣ. Правда, деревня, такъ долго покорно молчавшая о своихъ нуждахъ и невзгодахъ, начала выходить изъ терпѣнія и заявлять о себѣ стихійными взрывами. Въ 1885 году взволновались шотландскіе крестьяне на островѣ Скаѣ; въ 1886 году возстали ихъ соотечественники въ Тайри; въ 1887 году разразилась цѣлая жакерія въ Галиціи; въ 1888 году были серьезныя крестьянскія волненія въ Гессенѣ; сельскій бунтъ разразился въ Ломбардіи въ 1889 году съ отголоскамъ въ Апуліи... Затѣмъ, мы слышали о печальныхъ крестьянскихъ волненіяхъ въ Румыніи, Босніи, Трансильваніи, Калабріи, пока все это опять не завершилось въ 1893 и 1894 гг. жестокимъ кровавымъ взрывомъ въ Сициліи и Этруріи. Крестьянскія волненія въ Ирландіи все это десятилѣтіе не прекращались. Наряду съ этими стихійными взрывами, которыми забытая деревня Западной Европы начала напоминать о себѣ, сказались и первыя попытки болѣе цѣлесообразнаго дѣйствія. Въ Англіи, по иниціативѣ извѣстнаго народнаго трибуна Арча, былъ основанъ союзъ деревенскихъ рабочихъ, уже успѣвшій показать свое значеніе. Въ Рейнской Германіи явилась идея крестьянскихъ союзовъ. Такіе же союзы возникли въ 1889 году въ Тиролѣ и Верхней Австріи.

Деревня не даромъ напоминала о себѣ. Движеніе передовой мысли уже само начало захватывать въ кругъ своего вниманія вопросы деревенской жизни. Эти вопросы все выростали въ глазахъ мыслящаго общества. Плодомъ этого вниманія явились, между прочимъ, и такіе законодательные акты, какъ ландбили ирландскій и шотландскій, и программа аграрныхъ реформъ въ Сициліи, и провозглашенная въ Англіи и Америкѣ идея націонализаціи земли, и наконецъ впервые появившаяся и во Франціи аграрная программа. Задуманныя аграрныя реформы въ Сициліи и включеніе аграрныхъ вопросовъ въ политическія программы во Франціи — новое явленіе, принадлежащее 1894 году, представляющееся новостью послѣднихъ дней всемірной исто

и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно примыкающее и къ только что намѣченному движенію идей за послѣднее десятилѣтіе, и къ сказавшимся въ это же время политическимъ фактамъ крестьянскаго движенія, и къ дифференцованію націй, и къ земледѣльческому кризису, этому послѣднему слову капиталистической эволюціи... Такъ все связывается въ этомъ мірѣ и самыя на первый взглядъ чуждыя другъ другу событія представляются различными проявленіями одного и того же историческаго теченія: таможенныя войны и торговые договоры, аграрныя реформы и дифференцованіе націй, капиталистическое развитіе и японская война, разореніе Италіи и французскіе хлѣбные законы, сицилійскія кровавыя событія, движеніе идей, китайское пораженіе... Бѣглое обозрѣніе экономическихъ и смежныхъ явленій за 1894 годъ обнаружило и эту связь событій, группирующихся около основного явленія, дифференцованія націй и яркое значеніе минувшаго года во всемірной исторіи, которая его будетъ считать въ числѣ поворотныхъ пунктовъ отъ исторіи XIX вѣка къ исторіи вѣка XX.

Читатель, быть можетъ, спроситъ, гдѣ же цѣлесообразная программа для экономически отсталыхъ странъ? Конечно, это не китайская программа страуса, прячущаго голову въ кусты отъ надвигающейся и неизбѣжной опасности. Конечно, это и не японская программа, легкомысленно гоняющаяся за миражемъ англійскаго экономическаго блеска и готовая принести благосостояніе своего народа въ жертву этому недостижимому миражу. Для отсталыхъ странъ не годится ни та, ни другая. Не мѣсто въ этомъ бѣгломъ обзорѣ минувшаго года обстоятельно, съ подобающею подробностью и доказательностью, трактовать эту новую задачу международной экономической жизни, выдвинутую послѣднимъ временемъ. И безъ того мы слишкомъ долго остановились на явленіяхъ экономическихъ отчетнаго года. Я надѣюсь въ особомъ этюдѣ возвратиться къ настоящему сюжету, но и теперь уже съ достаточною ясностью можно видѣть, что экономическая программа отсталыхъ странъ должна быть по преимуществу деревенская и земледѣльческая. Только на этой почвѣ можно еще надѣяться обойти «вторую стадію эволюціи» и обойти ее не потому только, что она сопряжена съ тяжелыми днями для народнаго большинства, но и потому также, что отсталыя страны могутъ вступить въ эту стадію развитія, но никогда не въ состояніи пройти ее всю и развить ту полноту процесса, который позволилъ бы надѣяться не на банкротство, а на естественный переходъ къ третьей стадіи возстановленной экономической самостоятельности, соединенной съ полнымъ торжествомъ техники и культуры. Для этого отсталыя страны опоздали. Упорствуя на путяхъ капиталистическаго развитія, онѣ рискуютъ навѣки остаться плательщиками и работниками передовыхъ народовъ.

IV.

«Мой дѣдъ создалъ великую армію. Я хочу создать великій флотъ». Этими словами императоръ Вильгельмъ завершилъ исторію Германіи въ 1894 году и открылъ исторію 1895 года. Онъ ими истолковалъ историческое значеніе канцлерскаго кризиса, составляющаго самое крупное событіе германской исторіи за минувшій годъ. Ими же охарактеризованъ «новѣйшій курсъ», по которому молодой германскій государь желаетъ отнынѣ направлять исторію своей державы.

Создать такой же великій флотъ, какую великую армію создалъ Вильгельмъ I,—задача столь громадная, столь трудная, столь опасная даже, что должны быть и соотвѣтственныя цѣли, ради которыхъ можетъ быть поднятъ германской націей этотъ великій трудъ и принесены въ жертву громадные интересы и капиталы... Единство Германіи, созданіе имперіи Гогенцолерновъ, гегемонія этой имперіи надъ всею континентальною Европою, — вотъ тѣ громадныя историческія задачи, ради которыхъ, постоянно враждуя съ народнымъ представительствомъ, старый Вильгельмъ создавалъ сначала прусскую, потомъ германскую армію размѣровъ, дотолѣ міромъ невиданныхъ. Какія же цѣли можетъ имѣть его внукъ и современное германское поколѣніе, приступая къ еще болѣе трудной и огромной задачѣ создать флотъ, своею великостью соотвѣтствующій великости созданной Вильгельмомъ I арміи? Устраненіе Австріи съ пути германскаго единства и низверженіе французской гегемоніи на европейскомъ континентѣ — было цѣлью великой арміи. Устраненіе морскихъ державъ съ пути колоніальной политики и низверженіе англійской гегемоніи на морѣ—только и можетъ быть цѣлью великаго германскаго флота. Очень трудное и очень опасное это дѣло, но не столь химеричное, какъ можетъ казаться, и не столь неосмысленное, какъ чудится при первомъ поверхностномъ взглядѣ на международное положеніе Германіи. Посмотримъ на дѣло пристальнѣе.

Мы уже сказали выше, что Германія принадлежитъ къ той переходной группѣ державъ, которыя еще имѣютъ право разсчитывать утвердиться въ группѣ экономически господствующихъ. Правда, въ послѣдніе годы Германія потерпѣла довольно чувствительныя экономическія пораженія и на русскомъ рынкѣ, гдѣ французскіе капиталы явились на помощь Россіи, и на итальянскомъ рынкѣ, гдѣ германскіе капиталы хотѣли было также помочь Италіи. И здѣсь, и тамъ Германія оказалась экономически слабѣе Франціи, которая извлекла выгоду, гдѣ Германія терпѣла убытки. Тѣмъ не менѣе эти удары не настолько были сильны, чтобы серьезно пошатнуть экономическое и финансовое положеніе Германіи, которая и теперь должна быть причислена скорѣе къ эко-

номическимъ господамъ, чѣмъ къ слугамъ. Упрочить это положеніе, окончательно гарантировать себя отъ перспективы понизиться въ категорію экономически зависимыхъ и достигнуть экономическаго блеска Англіи, Германія можетъ, только опираясь на широкую колоніальную систему и на господство надъ восточными и колоніальными рынками. Такой системой колоніальной обладаютъ уже Англія, Франція и Нидерланды. Такое господство надъ восточными рынками принадлежитъ имъ же. Нѣкогда ожесточенныя войны вели между собою эти колоніальныя и морскія державы, но теперь онѣ уживаются довольно мирно, строго размежевавъ рынки и раздѣливъ между собою экономически отсталыя страны. Хотя и соперники, онѣ одинаково заинтересованы сохранить по возможности это размежеваніе сферъ экономическаго вліянія и господства. Онѣ и уважаютъ, по возможности, размежеваніе, которое во многихъ случаяхъ оформлено трактатами, конвенціями, дипломатическими соглашеніями. Германія пришла позднѣе этого раздѣла міра между плутократами Лондона, Парижа и Амстердама и ей пришлось взять то, чѣмъ пренебрегли англичане, голландцы и французы. Это и не очень много и совсѣмъ не важно: голое и дикое населеніе экваторіальной Африки или Микронезіи—какой-же это рынокъ? Какое это поприще для помѣщенія капиталовъ, для дѣятельности культуртрегеровъ, для созданія колоніальнаго могущества?

Англія и Франція, открывъ силою оружія восточные рынки для себя, открыли ихъ на равныхъ правахъ и для всей Европы, отказываясь всюду отъ монополій и утверждая вездѣ свободу торговли. Онѣ это могутъ безбоязненно дѣлать, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ ихъ не опасна никакая конкурренція. Между собою онѣ размежевались, а остальныя націи экономически слабѣе, т. е. бѣднѣе капиталами, отсталѣе культурою, менѣе производительны трудомъ, съ болѣе дорогимъ рыночнымъ процентомъ... И Германія тоже экономически слабѣе. Производительность труда во Франціи и Нидерландахъ процентовъ на тридцать сильнѣе, нежели въ Германіи, въ Англіи же даже процентовъ на сорокъ. Англо-франко-нидерландскій капиталъ довольствуется двумя и менѣе процентами; въ Германіи же процентъ выше въ полтора и даже въ два раза. Широкая колоніальная система, всюду раскинувшая сѣть факторій, даетъ еще одно существенное преимущество англичанамъ, французамъ и голландцамъ, которые всюду имѣютъ опорные пункты, факторіи, склады, даже вооруженную защиту на національной территоріи. Все это ставитъ Германію въ положеніе, для конкурренціи невыгодное. Тѣмъ не менѣе она конкуррируетъ и даже успѣваетъ. Дѣлаетъ она это, производя низкопробный товаръ качествомъ гораздо хуже англо-французскаго, но и цѣною дешевле. Этотъ дешевый товаръ и открылъ для Германіи восточные рынки, но удерживать эти рынки за собою нѣмцы могутъ только до тѣхъ поръ, пока англичане и фран-

цузы не хотятъ изготовлять дешевый низкопробный товаръ, обходясь покамѣсть рынками высокопробнаго товара. Расширеніе производства при нерасширеніи рынковъ можетъ заставить англичанъ, если не французовъ, обратиться къ производству низкопробнаго товара и тогда, при дешевизнѣ англійскаго капитала и производительности англійскаго труда, конкурренція будетъ нѣмцамъ не подъ силу. Они и теперь постоянно испытываютъ на своей промышленности непріятныя и опасныя колебанія въ зависимости отъ хода дѣлъ въ Англіи. Выйти изъ этой зависимости отъ болѣе сильныхъ экономически странъ Германія могла бы только политическимъ подчиненіемъ рынковъ и политическимъ ихъ огражденіемъ отъ конкурренціи. Завоеваніе тѣхъ или другихъ независимыхъ странъ Востока, или заключеніе съ ними торговыхъ договоровъ на правахъ монопольной торговли — только и могли бы обезпечить Германіи рынокъ, опираясь на прочное господство на которомъ нѣмцы могли бы дѣйствительно продѣлать всю блестящую капиталистическую эволюцію Англіи. Для этого, однако, надо Англію устранить силою оружія; надо создать великій флотъ, способный вырвать у англичанъ морскую гегемонію, уже болѣе ста лѣтъ неоспоримо имъ принадлежащую. По плечу ли эта огромная задача современной Германіи? Согласится ли Англія допустить ея выполненіе? Все это вопросы, которые разрѣшитъ недалекое будущее. Несомнѣнно, однако, что только на этомъ пути Германія можетъ утвердиться въ группѣ экономически господствующихъ странъ и гарантировать себя отъ экономической зависимости. Несомнѣнно поэтому, что фраза Вильгельма II, которою мы начали эту главу, имѣетъ глубокій смыслъ. Не даромъ Вильгельмъ ссылался въ своей рѣчи на кн. Бисмарка, какъ на своего единомышленника въ этомъ вопросѣ. Не даромъ и новый канцлеръ, кн. Гогенлоэ, въ своей программной рѣчи въ рейхстагѣ, однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ своей программы поставилъ развитія колоній. Не даромъ также минувшій 1894 годъ видѣлъ два рѣзкихъ столкновенія между Англіей и Германіей на почвѣ колоніальной политики: изъ-за англо-бельгійской конвенціи о Конго и изъ-за англо-португальскаго спора о Делагоа (гдѣ прибывшее германское военное судно предлагало португальцамъ даже сдѣлать дессантъ въ ихъ защиту).

Ote toi que je m'y place—это существенная формула экономической политики для націй переходной группы и ôter надо силою оружія, потому что сила экономическая и культурная на сторонѣ Англіи и Франціи Нѣмцы, повидимому, начинаютъ понимать это и къ этому готовиться. Кажется, поняла это и Англія, круто измѣнивъ въ 1894 году свою международную политику, стремясь основать европейское положеніе на англо-франко-русском сближеніи. Политика всюду переплетается съ экономіей и анализъ экономической жизни Европы въ 1894 году незамѣтно

привелъ къ одному изъ крупнѣйшихъ политическихъ событій обозрѣваемаго года.

V.

1894 годъ засталъ Англію съ Гладстономъ во главѣ управленія и графомъ Розбери въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Страна была поглощена гигантскою борьбою, поднятою великимъ старикомъ за справедливость по отношенію къ Ирландіи и за права народнаго представительства, попираемыя наслѣдственными законодателями верхней палаты. Старый Вильямъ не выдержалъ этой борьбы. Корона была противъ него. Страна шла за нимъ, но не очень охотно, безъ энтузіазма, который одинъ могъ сломить упорство лордовъ и несочувствіе короны. Престарѣлый вождь оставилъ свой отвѣтственный постъ и удалился отъ дѣлъ. Эта драматическая страница современной исторіи вмѣстѣ съ ликвидаціей громаднаго наслѣдія, оставленнаго Гладстономъ въ видѣ многочисленныхъ законопроектовъ первостепенной важности, заняла большую часть года и большую часть вниманія англійскаго народа. Иностранная политика его мало занимала и направлялась она къ традиціонному пути вѣрнымъ ученикомъ Пальмерстона и Биконсфильда, извѣстнымъ сторонникомъ союза съ Германіей, графомъ Розбери. Гладстонъ и многіе вліятельные либералы, какъ Морлей, Гаркортъ, Лабушеръ и другіе, не одобряли джингоистской, хотя и умѣренно джингоистской политики министра иностранныхъ дѣлъ, но либераламъ нельзя было раздѣлять свои силы; нельзя было давать въ руки торіевъ козырь джингоизма, на который такъ легко улавливается англійское общество; нельзя было вступать въ конфликтъ и съ короною, стоявшею на сторонѣ графа Розбери. Внутренніе вопросы требовали согласія и солидарности, требовали не осложнять и безъ того сложнаго положенія борьбою за иностранную политику. Поэтому, быть можетъ никогда иностранная политика англійскаго кабинета не находила такой единодушной поддержки всѣхъ трехъ верховныхъ властей страны. Трудно было предвидѣть поэтому, что именно этотъ самый 1894 годъ, видѣвшій такую трогательную солидарность всѣхъ партій въ иностранной политикѣ, основанной на единеніи съ тройственнымъ союзомъ, увидитъ и радикальную крутую перемѣну фронта, отчужденіе отъ тройственнаго союза и сближеніе съ державами, этому союзу оппозиціонными. Мы видѣли основную причину этого поворота. Имѣютъ значительный интересъ и другія причины, соединившіяся во второй половинѣ 1894 года, чтобы внушить англичанамъ мысль о сближеніи съ Россіей и Франціей.

Японско-китайская война должна быть поставлена во главѣ важнѣйшихъ. Выше мы говорили объ экономическихъ условіяхъ этой войны. Остановимся нѣсколько на условіяхъ политическихъ

и культурныхъ. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что Японія давно замыслила это нападеніе, давно готовясь къ нему. Она лучше Европы была освѣдомлена о дѣйствительномъ военномъ могуществѣ Китая. Въ Европѣ считали Китай силою, которую можно принимать въ разсчетъ даже въ европейскихъ столкновеніяхъ. Бисмаркъ и Биконсфильдъ возлагали на него надежды на случай войны съ Россіей. Въ знаменитомъ Eisenring'ѣ, которымъ Бисмаркъ стремился опоясать Россію (Швеція, Германія, Австрія, Турція, Персія, Афганистанъ, Англо-Индія, Китай и океаны во власти Англіи), китайцамъ отводилось не послѣднее мѣсто. Японцы, однако, отлично знали, что китайцы, въ ихъ настоящемъ культурномъ, экономическомъ и политическомъ состояніи, не способны занять никакого мѣста. Сами японцы не только создавали армію и флотъ, но и совершенствовали культуру, вводили свободныя учрежденія, заботились о просвѣщеніи. Все это сказалось такимъ перевѣсомъ въ пользу японцевъ, что крахъ китайской имперіи совершенно врасплохъ захватилъ Европу. Говорили, что въ 1870 году нѣмецкій школьный учитель одержалъ побѣду. Несомнѣнно, что въ 1894 году свободный японскій гражданинъ одержалъ побѣду надъ отсталымъ китайцемъ.

Англія также была застигнута врасплохъ японскимъ торжествомъ и китайскимъ ничтожествомъ. Соглашеніе съ Россіей и Франціей, которыя, подобно Англіи, являются непосредственными сосѣдями пошатнувшейся небесной имперіи, стало въ высшей степени желательно и выгодно. Нельзя предвидѣть, чѣмъ можетъ кончиться этотъ рядъ потрясающихъ событій. Люди, хорошо знакомые съ Востокомъ, ненаходятъ не возможнымъ ни паденіе манджурской династіи, ни распаденіе китайской имперіи, ни жестокихъ и опасныхъ мятежей и кровавыхъ движеній. А если это возможно, то надо быть ко всему готовымъ. Соединенныхъ англо-франко-русскихъ силъ на дальнемъ Востокѣ совершенно достаточно для встрѣчи всякихъ случайностей. Достаточно ихъ и на тотъ случай, если бы Японія, опьяненная успѣхами, пожелала воспользоваться въ ущербъ интересамъ которой либо изъ этихъ державъ. А и этого ожидать возможно... Панмонгольская идея уже проникла въ Японію, идея, не безопасная для европейскихъ сосѣдей панмонголизма. Не надо забывать и того, что Соединенные Штаты ведутъ свою особую политику на дальнемъ Востокѣ и что нѣмцы склонны тоже стать въ особое отношеніе. Въ связи съ возможными кровавыми событіями въ Китаѣ и съ честолюбивыми стремленіями Японіи, э американскія и европейскія оппозиціи создаютъ положеніе, тр бующе и большой осторожности, и большой дальновидности, большой энергіи. Только дѣйствительное прочное соглашеніе меж Россіей, Англіей и Франціей можетъ явиться комбинаціей, солид гарантирующей интересы этихъ державъ. Англія, наиболѣе зан тересованная, естественно, взяла иниціативу сближенія. Если

не англо-французскій антагонизмъ въ Египтѣ, это сближеніе, вѣроятно, скоро превратилось бы въ сердечное согласіе. Египетскій вопросъ будетъ покуда служить препятствіемъ къ тому, чтобы англо-франко-русская группа превратилась въ прочную союзную комбинацію, окончательно отмѣняющую значеніе и вліяніе тройственнаго союза.

Можно было-бы указать еще на нѣсколько международныхъ вопросовъ, какъ памирскій, сіамскій, мадагаскарскій, гдѣ сближеніе съ Россіей и Франціей можетъ принести нѣкоторыя выгоды Англіи, но все-таки главная выгода—это ослабленіе Германіи, явно выступающей соперницею Англіи. Ослабленіе Германіи началось гораздо раньше, съ конца восьмидесятыхъ годовъ, когда съ одной стороны начались попытки франко-русскаго сближенія, а съ другой начались колебанія въ лагерѣ тройственнаго союза, финансовый кризисъ въ Италіи, разрывъ съ Ватиканомъ. Все это подрывало блескъ германскаго первенства, которое вдобавокъ истомило Европу постояннымъ напряженнымъ ожиданіемъ войны. Германія, какъ держава, еще не исчерпавшая своихъ внѣшнихъ политическихъ задачъ, ищущая и колоній, и завершенія единства, не могла группировать вокругъ себя силы, заинтересованныя въ сохраненіи statuquo, а слѣдовательно и желающія міра. Она должна была сгруппировать силы, стремящіяся нарушить въ свою пользу установившійся порядокъ. Такова была Австрія съ ея наступательными видами на балканскій полуостровъ. Таковою оказалась Италія съ честолюбивыми планами ея короля. Естественно, если время германской гегемоніи было временемъ постоянной тревоги и въ «лигѣ мира» всѣ видѣли призракъ войны. Тревога эта, однако, отразилась пагубнѣе всего на самихъ союзникахъ, непомѣрныя военныя приготовленія которыхъ привели ихъ къ серьезному кризису и въ внутренней борьбѣ самаго остраго характера. Годъ 1894 изобилуетъ въ этомъ отношеніи особенно горестными и тягостными событіями. Въ Италіи аграрное возстаніе и невиданная по ожесточенію парламентская борьба. Въ Австріи паденіе венгерскаго министерства, жестокая національная вражда въ Трансильваніи, такая-же борьба въ Истріи и Богеміи. Въ Германіи канцлерскій кризисъ; борьба короны съ аграріями, значительное усиленіе соціалистическаго движенія, сказавшагося бурными парламентскими сценами и вызывающаго со стороны правительства проэктъ репрессивныхъ мѣръ. Внутренняя исторія Германіи въ минувшемъ году не менѣе полна драматизма и всемірно-историческаго значенія, чѣмъ внутренняя исторія Англіи, выше отмѣченная, и Франціи, о которой два слова ниже.

Говоря выше о канцлерскомъ кризисѣ въ Германіи, мы остановились только на одной его сторонѣ, хоти и очень важной. Другія стороны не менѣе значительны. Канцлерство Каприви было временемъ такъ называемаго «новаго курса». Его смѣна явилась

прекращеніемъ этого курса. Не очень послѣдователенъ, даже не очень оригиналенъ былъ этотъ новый курсъ, нынѣ отмѣненный, но все-таки сравнительно съ режимомъ бисмарковской Германіи былъ онъ значительнымъ облегченіемъ внутреннему культурному росту Германіи. Бисмарковская система была системою безпощадной жертвы всѣхъ сторонъ культуры на алтарь одной государственности, ея внѣшняго могущества и внутренняго всевластія. Это переразвитіе государственности, опасное для будущности страны, какъ всякое одностороннее развитіе, было однако нужно Пруссіи для достиженія объединенія Германіи и первенства въ Европѣ. Система переразвитія государственности продолжалась, однако, и послѣ объединенія, все болѣе и болѣе искажая и понижая высокую умственную культуру Германіи, все болѣе и болѣе подчиняя умственную, религіозную, матеріальную, общественную жизнь единому кумиру государственнаго могущества. Знаменитый культуркампфъ былъ борьбою не столько противъ клерикализма, сколько за государственное главенство даже въ дѣлахъ совѣсти. Все значеніе «новаго курса» и заключалось въ ослабленіи этого культа государственности. Ничего прочнаго и значительнаго не совершено въ эпоху новаго курса, но развитіе, не исключительно государственное, стало легче, удобнѣе, возможнѣе. Движеніе идей усиливалось въ обществѣ и явилась надежда, что правильное мирное развитіе всѣхъ сторонъ общественной и государственной жизни постепенно подготовляетъ мирное и цѣлесообразное рѣшеніе тѣхъ грозныхъ вопросовъ современности, которые можно искусственно снять съ очереди, но которые тѣмъ съ большею силою и опасностью поставитъ на очередь исторія. Одностороннее развитіе Бисмарковской Германіи именно и состояло въ этомъ искусственномъ устраненіи важныхъ и настоятельныхъ вопросовъ. Ничего для нихъ не сдѣлалъ и новый курсъ, но онъ далъ обществу досугъ объ нихъ серьезно подумать... И это, однако, надо считать уже заслугою съ его стороны. Что-же несетъ Германіи курсъ новѣйшій? Сколько можно судить по немногимъ даннымъ, его обрисовывающимъ, этотъ новѣйшій курсъ ищетъ повидимому союза съ клерикалами, въ остальномъ стремясь повторить бисмарковскіе пути. Времена уже не тѣ, однако... Само появленіе новаго курса четыре года тому назадъ было послѣдствіемъ перераспредѣленія внутренняго равновѣсія политическихъ силъ Германіи. Съ тѣхъ поръ это перераспредѣленіе только рѣзче и полнѣе обозначалось. Такое столкновеніе никогда не принесетъ странѣ ничего, кромѣ горя въ настоящемъ и жестокихъ потерь въ будущемъ. Ближайшее будущее покажетъ, насколько проченъ этотъ новѣйшій курсъ. Или быть можетъ это скоропроходящій шквалъ, набѣжавшій изъ стрины, уже сдаваемой въ архивъ? Во всякомъ случаѣ, событ 1894 года готовятъ для Германіи исторію, очень отличную о недавно прошедшей.

Значительно болѣе выяснились событія у зарейнской соперницы нѣмцевъ. Двукратная смѣна президентства во Франціи и ожесточенная парламентская борьба обнажила основные элементы современной французской исторіи съ такою отчетливостью, какъ не обнаружилось даже въ эпоху памятнаго буланжизма. Разрывъ между демократіей и буржуазіей становится все яснѣе и оппортунистская заплата, выдуманная когда-то Тьеромъ и Гамбеттой, болѣе не держитъ вмѣстѣ элементы, соединившіеся было во имя національнаго патріотизма въ печальную годину прусскаго разгрома. Буржуазія покуда при власти. Она выбрала Казиміра Перье. Она же выбрала и Фора. Недалеко время, когда она попытается выбрать военнаго генерала, если раньше нея не изберетъ новаго Буланже отчаявшаяся демократія. Борьба такъ обострилась; поведеніе избранниковъ буржуазіи такъ изнервило французскій народъ; терпѣніе его такъ долго испытываютъ вильсонисты, панамисты, шантажисты и какъ ихъ тамъ еще называютъ, что трудно предвидѣть, какой оборотъ могутъ принять французскія событія даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Французскій народъ никогда не отличался терпѣніемъ, можно пожелать современнымъ французамъ терпѣнія, исполненнаго дѣятельной энергіи, которымъ отличаются заламаншскіе сосѣди французовъ, увѣренные, что рано или поздно, а избирательные бюллетени принесутъ побѣду правдѣ и добру. Искать новаго Марія значитъ вызывать новаго Суллу и кончить новымъ Цезаремъ. Горестный опытъ и высокая культурность французскаго народа даютъ надежду, что не на этомъ опасномъ пути онъ будетъ искать исхода. Старые неумѣлые вожди понемногу сходятъ со сцены. Есть всѣ основанія думать, что новое поколѣніе отнесется серьезнѣе и умѣлѣе къ великимъ задачамъ, стоящимъ для разрѣшенія передъ французскимъ народомъ, давно привыкшимъ указывать пути другимъ народамъ. Тяжелый кризисъ растлѣнія, внесеннаго плутократическимъ режимомъ, переживаетъ Франція, но уже видна и несомнѣнная ея рѣшимость отмѣнить этотъ порядокъ.

С. Южаковъ.

P. S. На мою замѣтку въ ноябрьской книжкѣ о могилахъ Добролюбова и Бѣлинскаго «Вѣстникъ Европы» отвѣчаетъ въ январѣ. Почтенный журналъ не раздѣляетъ моего взгляда. Это его дѣло. Моя обязанность сдѣлать одну поправку: мѣсто для могилы Тургенева выбиралъ не г. Стасюлевичъ, выѣзжавшій встрѣчать тѣло Тургенева, а покойный Гаевскій и г. Григоровичъ.

Извлеченія изъ отчетовъ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I. Съ 24 октября по 26 декабря Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 4 засѣданія, въ коихъ разсмотрѣно было 109 дѣлъ. На этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1) Пенсія въ 300 р. въ годъ одному писателю.

2) Срочная ссуда въ 125 р. на 2 мѣс. одному писателю.

3) Безсрочныя ссуды: одному писателю въ 200 р., одному писателю 125 р., двумъ писателямъ по 100 р. и двумъ писателямъ по 50 р.

4) Продолжительныя пособія: по 15 р. въ мѣс.: одному писателю на 3 мѣс., вдовамъ двухъ писателей на 6 мѣс.; по 5 р. въ мѣс.: одной писательницѣ на 6 мѣс. и матери одного покойнаго писателя и вдовѣ одного писателя на годъ.

5) Единовременныя пособія: два въ 100 р. одному писателю и одной писательницѣ, одно въ 60 р. вдовѣ одного писателя; пять въ 50 р. тремъ писателямъ, семьѣ одного писателя и одной писательницѣ; одно въ 30 р. одному писателю; шесть въ 25 р. тремъ писателямъ, семьѣ одного писателя и вдовамъ одного ученаго и одного писателя; два въ 10 р. двумъ писателямъ.

6) Платы за обученіе: одна въ 45 р. за дочь одного писателя и три въ 30 р. за трехъ сыновей одного писателя. Затѣмъ, за дочь одного покойнаго писателя рѣшено платить до окончанія ею курса, а дочь одного писателя помѣщена на безплатную вакансію.

Кромѣ того, по разнымъ дѣламъ было совершено три ходатайства, не считая одного случая посредничества съ одною газетой по вопросу объ уплатѣ гонорара одному писателю.

Отказано было всего въ 23 просьбахъ: въ 19 случаяхъ — въ пособіяхъ, въ 4—въ ссудахъ.

II. Съ 1 января по 20 декабря текущаго года поступило в капиталы Общества:

Неприкосновенный . .	100 р. — к.	
Именные *)	19,156 » 05 »	
Расходный	24,047 » 77¼ »	
Ссудн. (возвратъ ссудъ)	1,625 » — »	
На счетъ переходящихъ суммъ	3,277 » 44 »	48,206 р. 26¼ к.
За то же время выдано изъ капиталовъ:		
Именныхъ (на памятникъ Г. Е. Елисееву) . .	774 р. — к.	
Расходнаго	24,128 » 69 »	
Ссуднаго	2,330 » — »	
Со счета переходящихъ суммъ.	5,903 » 43 »	33,136 » 12 »
Перерасходъ расходнаго капитала, бывшій къ 1 января въ 1,047 р. 74 к., составилъ къ 20 декабря		1,128 » 65¾ »
Свободный остатокъ ссуднаго капитала представлялъ		143 » 40 »
Въ долгахъ по ссудамъ числилось . . .		2,856 » 60 »
Наличныя же средства Общества заключались:		
Въ процентныхъ бумагахъ на номинальную сумму		289,325 » — »
На текущихъ счетахъ въ касѣ Общества.		11,263 » 90½ »

---

*) Въ именныхъ капиталахъ 10,000 руб. (въ капиталъ имени М. Е. Салыкова), а въ расходномъ 5,000 руб. поступили отъ г. Левисъ—офъ Менаръ о сдѣлкѣ съ нею Общества.

Отъ конторы «Русскаго Богатства».

На исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ, поступило:

Отъ	А. Н. Давыдовой.	15 р.
»	М. И. Зоти	10 »
»	П. К. Тульчіяновой.	5 »
»	И. А. Павловскаго	1 »
»	Г. Н. Терещенко.	1 »
»	А. Ѳ. Саликовскаго	1 »
»	Подписчика Н. М.	1 »
	Итого	34 р.
А съ прежде поступившими		201 р.

Пожертвованія принимаются какъ въ конторѣ «Русскаго Богатства» такъ и въ Литературномъ фондѣ. Въ употребленіи ихъ будетъ своевременно данъ отчетъ.

Издательницы: Н. Михайловская. О. Попова.

Редакторы: П. Быковъ С. Поповъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

IV-й годъ изданія.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13 — 14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой — пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ **Д. Мамина-Сибиряка**; «Исторія одной жизни», повѣсть **К. Станюковича**; «Изъ прошлаго», повѣсть **А. Лугового**; «Князь и нищеты», историческій романъ **Крашевскаго**: «Таинственная исторія», романъ **Оноре Бальзака**; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. **И. Бородина**; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. **Холодковскаго**, «Мозгъ и мысль», проф. **Челпанова**; «Неорганическій міръ» (съ рисунками), очерки **В. Агафонова**; «Основы психологіи» съ франц. подъ ред. проф. **Г. Челпанова**; «Исторія цивилизаціи до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), **Дюкудрэ**, перев. подъ ред. **Д. Коропчевскаго**; «Очерки русской культуры» проф. **Н. Милюкова**; «Біографія **Ив. Серг. Тургенева**» (съ нѣск. портрет.) **А. Иванова**; «Изъ исторіи прессы» **А. Слѣпцова**; Маркъ Аврелій», очеркъ **Красноперова**; «Добрые обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), **Щербины**; «Очерки народнаго труда», **Н. Мурашкинцева**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 р., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

(семнадцатый годъ изданія).

на еженедѣльную политическую и литературную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ"

(50 №№ въ годъ).

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 6 р. || На полгода . . . 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе какъ НА ГОДЪ со дня подписки по 1-е января 1895 г. получаютъ газету БЕЗПЛАТНО. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ НАЧАЛЬНЫХЪ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ, именно: за годъ **4** рубля, за полгода **2** руб. **50** коп.

Втеченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни. 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Пріуралья и Сибири. 5) Статьи научнаго содержанія. 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Пріуралья и Зауралья. 7) По Россіи. 8) За-границей. 9) Изъ газетъ. 10) Политическое обозрѣніе. 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ. 12) Критика и библіографія. 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и ученыхъ обществъ Пермской губерніи. 14) Фельетонъ. 15) Литературный отдѣлъ (повѣсти, разсказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія). 16) Смѣсь. 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія свѣдѣнія. 18) Объявленія. 19) Приложеніе: «Записки Уральскаго общества любителей естествознанія».

Втеченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Екатеринбургской Недѣли», по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено с иностраннаго спеціально для «Екатеринбургской Недѣли».

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель **А. М. Симоновъ.** Редакторъ **П. Н. Галинъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„НАУЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Въ 1895 г. «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» будетъ выходить по прежней программѣ и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Объ журнала нѣсколько расширяется, вслѣдствіе измѣненій, котор произойдутъ въ составѣ «Приложеній». Редакція рѣшилась дать

95 году **шесть** крупныхъ приложеній (по одному каждые два сяца) каждое объемомъ до 10 печатныхъ листовъ (150—160 стр.).

Въ «Приложеніяхъ» будутъ даны капитальныя сочиненія по разнымъ ѣламъ наукъ. Съ этою цѣлью нами пріобрѣтены уже переводы слѣдующихъ иненій:

1) **Чарльзъ Дарвинъ.** Естественный подборъ. Перев. съ послѣдняго стого) англ. изданія.

Замѣтимъ, что переводъ А. Рачинскаго, не имѣющійся болѣе въ продажѣ, гъ сдѣланъ съ перваго изданія, впослѣдствіи значительно дополненнаго змѣненнаго Дарвиномъ.

2) **Рибо.** Современная германская психологія. Еще не была переведена русскій языкъ; была переведена П. Боборыкинымъ «Англійская психоло» того же автора.

3) **Уэббъ.** Астрономическіе объекты для любительскихъ телескоповъ.

Переводъ съ послѣдняго (пятаго) англ. изданія, недавно вышедшаго. Это иненіе стало въ Англіи классическимъ. Оно содержитъ подробное описаніе о, что можно наблюдать съ помощью слабыхъ увеличеній, а частью и прогмъ глазомъ.

Что касается изложенія, мы сдѣлаемъ все, что только возможно съ цѣлью цедоступности, насколько это не въ ущербъ научному направленію журнала. ежду прочимъ предположено дать краткій словарь научныхъ терминовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **семь** руб. съ перес. и доставкою. За мцу **десять** рублей. На полгода: **4** руб., на четверть года (съ 1 января, прѣля, 1 іюля и 1 октября) **2** руб. съ перес. и доставкою. На четверть а можно подписываться только въ главной конторѣ. При обращеніи въ **дакцію** допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы поднній взносъ былъ сдѣланъ не позднѣе 1 сентября.

ресъ ред. и главной конторы. С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24

Ред.-Изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ.**

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

дать ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 15-ти листовъ. Первая книга выйдетъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя продаются по 1 рублю.

олжностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкой рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи ихъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

сѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ ются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была веденa въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

туденты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, воспитан Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и тели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

нижные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10 проц.

авная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, евскій островъ, 5 линія, д. 28.

ъявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной конъ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

акція «Журнала Министерства Юстиціи», С.-Петербургъ, Екатерининлица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы акцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднымъ никамъ по почтѣ.

дакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной Профессоръ **Н. Сергѣевскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи въ 1895 году

НОВАГО ЖУРНАЛА

ПОСВЯЩЕННАГО ВОПРОСАМЪ КРИТИКИ И БИБЛІОГРАФІИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Задача новаго изданія — путемъ критико-библіографическаго разбор всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся и интересныхъ новинокъ русско литературы помочь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатна матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печат Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности сл дить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержані новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерных отрывковъ изъ нихъ, можетъ до извѣстной степени замѣнить непосре ственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены будутъ особы заботы о томъ, чтобы №№ новаго изданія доставляли возможно болѣ интереснаго для чтенія матеріала. Въ составъ журнала войдутъ межд прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Руководящія литературно-критическія и научныя статьи общ характера, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русско литературѣ.

2) Журнальное обозрѣніе. Разборъ статей и произведеній изящной сл весности, появляющихся въ періодической печати. При этомъ будут обозрѣваемы не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные и иллюстриро ванные журналы, а также и ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣтит что либо выдающееся или интересное въ литературномъ отношеніи.

3) Книжная лѣтопись. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдѣл ныхъ изданіяхъ.

4) Смѣсь. Мелкія статьи и замѣтки. Литературныя и научныя новост Біографіи выдающихся дѣятелей литературы и науки. Свѣдѣнія о вс вновь выходящихъ достойныхъ вниманія книгахъ (съ указаніемъ ихъ мата, числа страницъ, цѣны и пр.). Перечень журнальныхъ статей.

5) Отвѣты редакціи.

6) Объявленія исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще пр веденіяхъ печати.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, нач съ 1-го января 1895 года, нумерами, заключающими въ себѣ (смотр количеству матеріала, подлежащаго обзору) отъ 32 до 64 и болѣе с цовъ текста.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ пять руб полгода три руб. Заграницу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ Маѣ.

Адресъ редакціи и конторы С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ц. 10. кв. 10, Иногородные обращаются исключительно по указа адресу; отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается кромѣ ко редакціи (открыта ежедн. отъ 12 до 3 ч. пополудни) также въ луч кн. магазинахъ столицы).

Чрезъ редакцію можно выписывать слѣдующія книги, сост. Скворцовымъ: 1) Статьи и изслѣдованія (1876—1892 г.) по вопросам тики, общественной жизни и литературы. Спб. 1894 г. ч. I., ц. 1 р. съ пер. 2) Въ области практической философіи ц. 60 коп. съ пер. писки по педагогикѣ Изд. 4 е Спб. 1893. (Складъ при кн. маг. Ду ц. 1 р. 4) Русская исторія т. I. (до Іоанна III) Спб. 1894. ц. 1 р. 2 съ пер. Мелочь можно прилагать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель И. В. Скво ръ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
на общественную, политическую и литературную
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КУРЯНИНЪ“

ВЪ ГОРОДѢ КУРСКѢ.

(III годъ изданія).

ЦѢНА 7 РУБЛЕЙ ВЪ ГОДЪ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ и послѣ праздничныхъ дней; въ эти дни будутъ **разсылаться** подписчикамъ **ежедневныя телеграммы**. Стремленіе доставить возможность сельскимъ учителямъ и церковнослужителямъ имѣть доступную по цѣнѣ и разнообразную по содержанію газету побуждаетъ редакцію удѣлять значительную долю вниманія всѣмъ вопросамъ педагогическаго дѣла и духовнаго вѣдомства.

Подписная цѣна годовому изданію съ пересылкой—7 р.; полугодовому—4 р.; допускается разсрочка платежей помѣсячно. Лицамъ, подписавшимся на годовое изданіе, газета будетъ высылаться немедленно, а съ января 1895 года и телеграммы. Одновременно всѣмъ ГОДОВЫМЪ подписчикамъ будетъ выслано по экземпляру книжекъ съ выдающимися статьями газеты «Курянинъ» за 1893 и 1894 гг.

Подписка принимается по цѣнамъ редакцій на всѣ столичныя и провинціальныя газеты и другія періодическія изданія въ редакціи, по 1-й Сергіевской улицѣ, въ д. Андреевой, противъ 1-й полиц. части.

Плата за иногородныя объявленія на 1-й страницѣ 20 к., на 4-й стр. 15 коп. за строку петита.

Всѣ объявленія, помѣщенныя въ газетѣ «Курянинъ», будутъ расклеиваться и на городскихъ колоннахъ въ теченіи 5-ти дней.

Редакторъ-издатель Ѳед. Гр. Подоба.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СТАВРОПОЛѢ-КАВКАЗСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

XI г. изданія. **СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,** XI г. изданія.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	р.	к.	Съ доставкой и пересылкой:	р.	к.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

= Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей. =

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи «Сѣвернаго Кавказа».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Знамя газеты: Люди — братья; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества — вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой для иногороднихъ: на годъ — 9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца — 3 р., одинъ мѣсяцъ — 1 р.; для городскихъ — 8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода — 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, и на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ — при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

XI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г. XI г.

на газету

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ИЗДАЮЩІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Въ 1895 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

годъ **9** р., 1/2 года **4** р. **50** к., 3 мѣс. **2** р. **25** к., 1 мѣс. 7.5 к.

Подписка принимается въ Томскѣ въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и заграницы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и К° въ Москвѣ. Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другія города

На годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

Для ознакомленія—газеты высылаются №№ безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ — за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Адресъ редакціи: г. Орелъ, Зиновьевская улица, д. № 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ТИФЛИССКУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

«НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкой.

На 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.		На 6 мѣсяцевъ	6 р. — к.
11 »	9 » 50 »		» 5 »	5 » 25 »
10 »	8 » 75 »		» 4 »	4 » 75 »
9 »	8 » — »		» 3 »	3 » 50 »
8 »	7 » 25 »		» 2 »	2 » 75 »
7 »	6 » 50 »		» 1 »	1 » 50 »

За границу: на годъ — 17 р., на полгода — 9 р., на три мѣсяца — 5 руб. (подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа любого мѣсяца).

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится — 3 р., къ 1-му марта — 2 р., къ 1-му мая — 3 р. и къ 1-му сентября — 2 р.

Гг. иногородные обращаются по слѣдующему адресу: ТИФЛИСЪ, въ редакцію газеты «Новое Обозрѣніе».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА

«ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ»

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою **семь руб.**

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** р. и къ 1-му апрѣля—остальные, **3** рубля.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. — Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ. — Вѣсти и слухи. — Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).— Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.). — Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ. — Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія). — Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія). — Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ «Юридической Газетѣ» въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика» и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

«СТЕПНОЙ КРАЙ»

Газета выходитъ въ ОМСКѢ два раза въ недѣлю: по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ и ЧЕТВЕРГАМЪ, а въ остальные дни (кромѣ неприсутственныхъ) подписчики получаютъ телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическому, этнографическому, санитарному и др. 4) Фельетонъ: повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр. 5) Отчеты о засѣданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ учрежденій, городской думы и ученыхъ обществъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденціи. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое движеніе. 12) Метеорологическія наблюденія въ Степномъ краѣ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія. 15) Частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ (съ телеграммами); За годъ — 7 р. 50 к.; за полгода — 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца — 3 р.; за 1 мѣсяцъ — 2 р. Безъ телеграммъ. за годъ—5 р. 50 к.; за полгода—3 р. 50 к.; за 3 мѣсяца — 2 р. 50 к.; за 1 мѣсяцъ — 1 р. 50 к. ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ (съ телеграммами): за годъ — 7 р.; за полгода — 4 р.; за 3 мѣс. — 2 р. 50 к.; за 1 мѣсяцъ — 1 р. 50 к. Безъ телеграммъ: за годъ — 5 р.; за полгода — 3 р.; за 3 мѣс. — 2 р.; за 1 мѣсяцъ — 50 к.

Адресъ писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты «Степной Край».

Издатель И. Г. Сунгуровъ. Редакторъ П. Б. Яшеровъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

«ВРАЧЪ»

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Аксентьевича Манассеина (С.-Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ 9 р.; за полгода 4 р. 50 коп.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя — Карла Леопольдовича Риккера С.-Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

Издается съ 1889 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Изданія годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія. 52 №№ по 16 стран. журнальнаго формата съ иллюстраціями. 12 книгъ литературныхъ приложеній. Каждая книга 120—180 стр. съ рисунками.

Цѣна за годъ 4 р. безъ доставки. Съ доставкой на домъ и пересылкой по Россіи 5 р., за границу 8 р.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать БЕЗПЛАТНО СТОЛЬ ЦѢННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ»:

1) «Въ глубь Абиссиніи». Юрія Кази-Бека. 2) «Начало и конецъ міра». Ш. Ришара. 3) «Домашняя лабораторія». Ф. Федо. 4) «Письма изъ Африки». Генриха Сенкевича. Перев. съ польскаго. 5) «Астрономъ-любитель». Е. Предтеченскаго. 6) «Полярный міръ». Лебатейля. 7) «Телескопъ и микроскопъ». Цюрхера и Марголе. 8) «Комнатное цвѣтоводство». Ѳ. Медвѣдева. 9) «Чудеса растительнаго міра». Ф. Груздева. 10) «Спортъ во всѣ времена года». В. Семенова. 11) «Драгоцѣнные камни». И. Святскаго. 12) «Колоссы». Лебатейля.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «За гранью льдовъ». Большой историческій романъ въ трехъ частяхъ Н. Н. Соколова. «На рифѣ». Разсказъ Рейналя. «Таукъ». (Изъ записной книжки развѣдчика). Большой разсказъ изъ жизни первыхъ изслѣдователей Центральной Азіи Н. Н. Каразина, иллюстрированный самимъ авторомъ. «По роднымъ краямъ». Рядъ очерковъ извѣстнаго писателя В. А. Тихонова, посвященныхъ интереснѣйшимъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, съ иллюстраціями художниковъ В. Г. Казанцева, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго и И. И. Шишкина. «Поклонники діавола» и «Русскія колоніи въ Малой Азіи». Д-ра А. В. Елисѣева, съ иллюстраціями Э. К. Соколовскаго. «Вѣрить или не вѣрить?» Очерки В. В. Битнера. «На Сахалинѣ» и «По Алтаю». Проф. А. М. Никольскаго. «Жертвы моря». Разсказы о кораблекрушеніяхъ. А. Я. Максимова. «Дерево-людоѣдъ». Разсказъ В. П. Желиховской. «Очерки М. И. Пыляева», автора «Стараго Петербурга» и др. «Живая машина». Очеркъ І. І. Ясинскаго. «Призваніе доктора Чилищева». Разсказъ А. Е. Зарина. «Лагерная жизнь въ Бенгаліи». Живописные очерки и картины изъ индійской жизни и природы. В. Джонстонъ-Желиховской. «Величайшіе телескопы». Проф. С. П. фонъ-Глазенапа. «Небесныя явленія». Рядъ популярно-астрономическихъ очерковъ Е. А. Предтеченскаго. «Восьминогіе хищники». Очерки изъ жизни и нравовъ пауковъ. П. Вольногорскаго. «Метаморфозы земли». Очеркъ Камилла Фламмаріона. «Страна амазонокъ» и «Марокко». Живописные очерки, посвященные исторіи, природѣ и нравамъ жителей Дагомеи и Марокко. «Тайны цвѣтовъ». Очерки изъ жизни растеній. П. Вольногорскаго. «Самозащита растеній» и «Свѣтящіяся растенія» Очерки А. Карицкаго. «Народы-пигмеи» и «Волосатые люди». Очерки Д. А Коропчевскаго. «Три брата желѣзнаго вѣка» (желѣзо, сталь и чугунъ). Очерки И. Святскаго и мн. др.

Контора и редакція журнала „ПРИРОДА и ЛЮДИ“

С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ С. Груздевъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февр. 1 р. и къ 1 мая остальные.

За 1889—1890 гг. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ въ брошюрованномъ видѣ СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ 4 р. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 р. Перес. съ налож. платеж. по вѣсу и разстоянію.

НА 1895 Г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ НА 1895 Г.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„РУССКАЯ МЕДИЦИНА"

(выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ по Воскресеньямъ).

Редакторы-издатели: приватъ-доцентъ **Д. П. Косоротовъ** и докторъ медицины **И. Я. Ѳоминъ**.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оффиціальныя извѣстія—перемѣны въ служебномъ персоналѣ врачей, Высочайшія награды и административныя распоряженія по медицинской части. 2) Оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины и по вопросамъ врачебнаго быта. 3) Лекціи русскихъ и иностранныхъ клиницистовъ. 4) Отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ. 5) Новости медицинской литературы; этотъ отдѣлъ посвященъ вопросамъ, могущимъ наиболѣе интересовать врача-практика. 6) Земско-медицинское дѣло. 7) Врачебная казуистика — описаніе замѣчательныхъ случаевъ изъ медицинской практики въ Россіи и заграницей. 8) Критика и библіографія. 9) Эпидеміологія и статистика—больничные отчеты и обозрѣнія по санитарному дѣлу. 10) Хроника и смѣсь — извѣстія, мелочи и слухи изъ медицинской жизни въ Россіи и заграницей. 11) Письма въ редакцію. 12) Объявленія.

Подписная цѣна: на годъ — **8** р.; на полугодіе — **4** р.; на три мѣсяца — **2** руб.

Авторы *оригинальныхъ статей* получаютъ 30 руб. за печатный листъ и 25 оттисковъ. Статьи, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, сохраняются въ теченіе полугода; для обратной высылки статей авторы благоволятъ прилагать соотвѣтственную сумму марками. Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Плата за *объявленія* — 15 коп. за строку петита (въ страницѣ 3 столбца.)

Адресъ редакціи: Фурштадтская улица, д. 10, кв. 10, входъ съ Друскеникскаго пер. Туда просятъ адресовать статьи и всякую переписку, не касающуюся хозяйственной части газеты. Редакція открыта отъ 10 до 12 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ; личные переговоры съ редакторомъ по *средамъ* и *субботамъ* въ тѣ же часы.

Адресъ конторы: Васильевскій островъ, Большой проспектъ, д. 71 (Биржевая больница). Туда просятъ обращаться по вопросамъ, касающимся хозяйственной части газеты — гонораръ, отдѣльные оттиски, подписка. Кромѣ того, подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Риккера (Невскій, 14), Петрова (Нижегородская, 15), Карбасникова (Литейный пр., 46) и въ конторѣ Метцль (Спб. и Москва). Иногородныхъ подписчиковъ покорнѣйше просятъ обращаться исключительно въ контору газеты «Русская Медицина» (Вас. О., Б. просп., д. 71). Контора открыта отъ 10 до 12 ч. утра ежедневно, кромѣ праздниковъ; телефонъ конторы—№ 3697 (Биржевая больница).

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ въ контору 40 к. почтовыми марками.

Въ случаѣ неполученія нумера газеты, заявленія должны быть посылаемы въ контору по полученіи слѣдующаго нумера.

О книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается безплатно объявленіе въ ближайшемъ № газеты.

Объявленія отъ лица врачей, ищущихъ мѣстъ, печатаются безплатно 3 раза.

Открыта подписка на 1895 г.

НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XVI годъ.

„ИГРУШЕЧКА“

XVI годъ.

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» **допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В.** канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА», вступая въ **шестнадцатый годъ изданія**, будетъ выходить по той же программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ и художниковъ.

Въ журналѣ помѣщаются повѣсти, разсказы, стихотворенія, статьи научнаго содержанія изъ жизни и природы, путешествія, статьи по исторіи, сказки, переводныя статьи съ европейскихъ языковъ. Ручной трудъ. Игры на воздухѣ и дома. Разсказы на **французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ** съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ

Годъ VII. **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“** Годъ VII.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» въ продолженіе года получатъ ОДНУ премію, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» двѣ преміи.

Особой подписки на отдѣлъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» нѣтъ.

Съ 1894 года выходитъ при журналѣ «ИГРУШЕЧКА», а также и по отдѣльной подпискѣ, особое педагогическое изданіе

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

Годъ 2-й.

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и элементарному обученію дѣтей. Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч. Обзоръ выдающихся книгъ по первоначальному воспитанію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки. Чертежи и объявленія.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: Д-ръ **С. П. Верекундовъ**, Д-ръ **А. С. Виреніусъ**, **М. М. Волкова** (женщ.-врачъ), **В. П. Воленсъ**, Д-ръ **Горяневскій**, Д-ръ **П. Д. Енько**, **С. С. Иванова** (женщ.-врачъ), **О. Ю. Каминская**, (женщ.-врачъ), Д-ръ **А. Г. Лаврентьевъ**, Проф. **П. Ф. Лесгафтъ**, **М. М. Манасеина**, Д-ръ **И. В. Маляревскій**, **Е. Х. Маляревская** (женщ.-врачъ), **А. Х. Образцова**, **Викторъ Острогорскій**, **А. Н. Паевская** (женщ.-врачъ), **Н. І. Паульсонъ**, **В. Португаловъ**, **Э. К. Пименова** (женщ.-врачъ), **Д. Д. Семеновъ**, **М. М. Соколова**, Проф. **И. Р. Тархановъ**, Проф. **В. Ф. Якубовичъ** и другіе.

Изданіе «На помощь матерямъ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, выпусками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:	въ Россіи.	За границу.
«Игрушечка» съ ОДНОЮ преміею	3 р.	5 руб.
«Игрушечка» съ отдѣломъ «Для Малютокъ» и ДВУМЯ преміями	5	7
«Игрушечка» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ»	5	7
«Игрушечка» съ отдѣломъ «для Малютокъ», ДВУМЯ преміями и съ изданіемъ «На помощь матерямъ».	7	9
Педагогическое изданіе «На помощь матерямъ».	3	5

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчики и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться со своими требованіями.

Авторъ-издательница А. Н. ПѢШКОВА-ТОЛИВѢРОВА. Редакторъ В. П. ВО

„ВОЛГАРЬ“

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА И НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ.

Ежедневная газета «Волгарь» выходитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ежедневно, въ форматѣ большихъ изданій. Воскресные №№ «Волгаря» въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ съ иллюстраціями въ текстѣ.

ПРОГРАММА «ВОЛГАРЯ»:

1) «Передовыя статьи». 2) «Правительственныя извѣстія». Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью. 3) «Послѣдняя почта». Телеграфныя извѣстія и выдержки изъ спеціальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ. 4) «Телеграммы» внутреннія и заграничныя, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ и отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5) «Мѣстная хроника». 6) «Обо всемъ». Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни. 7) «Всероссійская выставка 1896 года». 8) «Фельетонъ». Повѣсти, разсказы и стихотворенія. 9) «Поволжскія вѣсти». Корреспонденціи изъ городовъ Поволжья. 10) «По роднымъ палестинамъ».—Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья. 11) «Внутреннія извѣстія». Административныя новости изъ Петербурга, а также сообщенія о выдающихся событіяхъ въ Россіи. 12) «Наблюденія и замѣтки». 13) «Театръ и музыка». 14) «Бѣга и скачки». 15) «Наука и искусство». 16) «Изъ прошлаго». Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п. 17) «Судебная хроника». 18) «Смѣсь». 19) «Заграничныя извѣстія». 20) «Письма въ редакцію». Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч. 21) «Биржевой отдѣлъ». 22) «Справочный отдѣлъ». 23) «Объявленія».

Изданіе «Волгаря» 1895 года будетъ въ значительной своей части посвящено интересамъ предстоящей Всероссійской выставки.

Подписная цѣна на газету «ВОЛГАРЬ» на 1895 годъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкою: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.,—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. Иногороднимъ съ пересылкою: на 12 мѣс.—8 р., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 2 м. — 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Цѣна печатанія казенныхъ и частныхъ объявленій: ниже текста по 10 коп. за строку мелкаго шрифта. Разсылка отдѣльныхъ объявленій, въ видѣ приложенія въ текстѣ, по 5 руб. за каждую тысячу экземпляровъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ редакціи «Волгаря» на Малой Покровкѣ и въ Рождественскомъ газетномъ киоскѣ на Нижнемъ базарѣ.

Редакторъ-издатель С. И. Жуковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ,

имѣющій цѣлію — распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты). — 4) Хроника. — 5) Приложенія—литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. — 6) Объявленія.

Въ „Приложеніяхъ" между прочимъ будутъ напечатаны: «Мирная армія» (очерки изъ быта просвѣтителей деревни) А. В. Круглова. — «Наблюденія надъ жизнью дѣтей» (Письма къ другу) Скифа и друг.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ дост. и перес. 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-Издатель д-ръ Е. А. Покровскій.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго края» и извѣстія другихъ газетъ. XII Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справоч-

ныя свѣдѣнія; дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.—11 р., на 11 м.—10 р. 50 к., на 10 м.—10 р., на 9 м.—9 р. 20 к., на 8 м.—8 р. 50 к., на 7 м.—7 р. 80 к., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р., на 4 м.—5 р., на 3 м.—4 р., на 2 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.—10 р., на 11 м.—9 р. 50 к., на 10 м.—9 р., на 9 м.—8 р. 25 к., на 8 м.—7 р. 50 к., на 7 м.—6 р. 75 к., на 6 м.—6 р., на 5 м.—5 р. 25 к., на 4 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—3 р. 40 к., на 2 м.—2 р. 40 к., на 1 м.—1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Титры.

Редакторъ-Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1895 году

(33-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ остается при той же программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*
Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ	6 — 50 —	— 11 мѣсяцевъ	7 — — —
— 10 —	6 — — —	— 10 —	6 — 50 —
— 9 —	5 — 50 —	— 9 —	6 — — —
— 8 —	5 — — —	— 8 —	5 — 50 —
— 7 —	4 — 50 —	— 7 —	5 — — —
— 6 —	4 — — —	— 6 —	4 — 50 —
— 5 —	3 — 50 —	— 5 —	4 — — —
— 4 —	3 — — —	— 4 —	3 — 50 —
— 3 —	2 — 50 —	— 3 —	3 — — —
— 2 —	2 — — —	— 2 —	2 — 40 —
— 1 —	1 — — —	— 1 —	1 — 20 —

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.; иногородные: при подпискѣ 4 р. и 1-го мая 4 р.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи; Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ.* принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль. въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ
ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ
„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ 1895 году газета будетъ выходить въ форматѣ большаго печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1. **Мѣстный отдѣлъ:** Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2. **Внутренній отдѣлъ:** Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства», корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Пріазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3 **Иностранный отдѣлъ:** Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. **Судебная хроника.** 5. **Смѣсь.** 6. **Фельетоны:** Статьи беллетристическаго характера оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7. **Справочный отдѣлъ.** 8. **Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки.		Съ дост. и пересылкой.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	7 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	5 » 50 »	» 11 мѣсяцевъ	6 » 50 »
» 10 »	5 » 25 »	» 10 »	6 » — »
» 9 »	4 » 75 »	» 9 »	6 » 50 »
» 8 »	4 » 50 »	» 8 »	5 » — »
» 7 »	4 » — »	» 7 »	4 » 50 »
» 6 »	3 » 50 »	» 6 »	4 » — »
» 5 »	3 » — »	» 5 »	3 » 50 »
» 4 »	2 » 75 »	» 4 »	3 » — »
» 3 »	2 » 25 »	» 3 »	2 » 50 »
» 2 »	1 » 50 »	» 2 »	1 » 70 »
» 1 »	— » 75 »	» 1 »	— » 85 »

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5 и въ отдѣленіи редакціи въ Ростовѣ на Дону, уголъ Соборнаго переулка и Темерницкой ул., при типо-литографіи И. Я. Алексанова.

Издатель *А. Мироновъ.* Редакторъ *М. Красновъ.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Ноября 1894 года.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

ПОДПИСКА
НА
ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

на 1895 годъ.

Съ доставкою въ Воронежѣ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 коп., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Съ перес. въ другіе города: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1895 годъ
ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Главнѣйшая задача этой единственной ежедневной и самой распространенной газеты сѣверо-западнаго края—служить вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ выдающихся явленій культуры и быта этой окраины нашего отечества и, по возможности, содѣйствовать всесторонней разработкѣ и выясненію мѣстныхъ вопросовъ и нуждъ. Оставаясь вѣрнымъ этой своей основной задачѣ, «Виленскій Вѣстникъ» ставитъ себѣ цѣлью, наравнѣ съ другими газетами, ежедневно давать своимъ читателямъ полный обзоръ всѣхъ выдающихся фактовъ политической и гражданской жизни культурныхъ народовъ міра. Редакція обезпечила себя значительнымъ числомъ сотрудниковъ и спеціальныхъ корреспондентовъ, получая притомъ и телеграммы «Сѣвернаго телеграфнаго агентства».

Помимо того, въ газетѣ помѣщаются всѣ правительственныя распоряженія, назначенія, награды и всевозможныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному Краю, а также спеціальныя корреспонденціи изъ Либавы о торговыхъ цѣнахъ на разные сорта хлѣба и проч. Что особенно важно для гг. подрядчиковъ и поставщиковъ: въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. 1, ч. 2, учр. прав. сен., изд. 1892 г., независимо отъ Сенатск. С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, печатаются обязательно всѣ безъ исключенія объявленія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій о торгахъ по подрядамъ, поставкамъ и другимъ хозяйственнымъ операціямъ по девяти губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской,—каковыя объявленія считаются равносильными съ напечатанными въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Вильнѣ: на годъ 6 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс. 7 р., на 9 мѣс. 6 руб., на 8 мѣс. 5 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 руб.; а 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 2 мѣс. 1 р. 80 к., на 1 мѣс. 1 р.

За границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ перваго числа каждаго мѣсяца въ редакціи «Виленскаго Вѣстника».

[Редакторъ-Издатель *П. Бывалькевичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКІЙ КРАЙ

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія.
II. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ.
III. Спеціальныя телеграммы курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи.
IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ.
V. Политическое обозрѣніе.
VI. Иностранныя извѣстія.
VII. О чемъ пишутъ.
VIII. О чемъ говорятъ.
IX. Злобы дня.
X. Летучіе листки.
XI. Зигзаги.
XII. Протоколы жизни.
XIII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣленій редакціи.
XIV. Корреспонденціи.
XV. По Россіи.
XVI. Мелочи (сценки и наброски).
XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др.
XVIII. Театръ и музыка.
XIX. Наука и литература.
XX. Торговыя свѣдѣнія. Биржа.
XXI. Справочный отдѣлъ.
XXII. Объявленія и рекламы.

Въ «ПРІАЗОВСКОМЪ КРАѢ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи.

Безъ доставки: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 руб. 75 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 р.

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СЪ КАЖДАГО 1-ГО ЧИСЛА.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодная при подпискѣ 5 р и къ 1-му іюля 4 руб. и 2) въ три срока — при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му августа 2 р

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ нумеровъ «Пріазовскаго Края» въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ провѣрки и группировки, контора редакціи проситъ подписываться заблаговременно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ростовѣ на Дону—въ главной конторѣ газеты «Пріазовскій Край», уголъ Большой Садовой и Братскаго переулка, собств. домъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Таганрогѣ—у М Н. Псалти, типографія Рази, въ Новочеркасскѣ—въ Донской книжной торговлѣ П. Ананьевой, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ѳ. Галладжіанцъ, въ Маріуполѣ—у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у С. И. Розенштейна, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Каменской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

СЧАСТЬЕ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ПО НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

К. Гильти, профессора Бернскаго Университета. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго.

2-ое исправленное изданіе цѣна 50 к., съ пер. 65 к. Выписывающіе отъ переводчика (Спб., Басковъ пер., д. 22) пользуются безплатной пересылкой.

Вышла НОВАЯ КНИГА и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

ЭТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Проф. Ф. ІОДЛЯ, перев. съ нѣмецк. А. Острогорскаго. Ц. 20 коп. съ перес. 30 коп.

Выписывающіе отъ переводчика (Спб., Басковъ пер., д. 22) платятъ 25 к. съ пересылкою.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(32-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой: на 12 мѣсяцевъ 10 р., на 6 мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца 3 р, на 1 мѣсяцъ 1 р. 30 к.

На города съ пересылкой: на 12 мѣсяцевъ 11 р., на 6 мѣсяцевъ 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к.

За границу съ пересылкой: на 12 мѣсяцевъ 18 р., на 6 мѣсяцевъ 9 р., на 3 мѣсяца 4 р. 80 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 90 к.

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер, д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ носомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ ловіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ ижные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1 іюня 5 руб. или б) при дписке 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ неноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

„АРТИСТЪ“,

(ГОДЪ 7-Й)

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «АРТИСТЪ» будетъ попрежнему выходить ежемѣсячно по той-же программѣ.

Въ 1895 г. въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. А. Лугового, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, Н. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виллiе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ; А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, П. В. Жуковскій, профессоръ Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н Д. Кашкин А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ. Т. Л. Б перникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Ле девъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линниченко. А. А. говой, В. Е. и К. Е. Маковскіе, В М. Максимовъ, Д. Н. М минъ (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Направникъ; П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Н мировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Перепл

чиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. Н. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицони, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ, (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И, Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

Подписная цѣна остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода 7 руб.; съ перес. за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣсячно не менѣе 1 р. до уплаты полной подписной суммы.

Редакція и главная контора: Москва у Арбатскихъ вор., д. Шмитъ.

Отдѣленіе конторы—Петровскія линіи, № 15—16, маг. (бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакціи № 890, телефонъ Главной конторы № 1490.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

(9-й годъ изданія).

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

общественно-литературная и политическая газета Донского края.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ. Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, хроника; телеграммы, новости Донского края и сосѣднихъ губерній, Фельетонное обозрѣніе, очерки, разсказы, стихотворенія, отдѣлъ историческій, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ «Донская Рѣчь» помѣщаются свѣдѣнія о всѣхъ заслуживающихъ вниманія фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Держась вышеприведенной программы, Редакція въ 1895 году, какъ и въ минувшія восемь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія.

Отдѣлъ телеграммъ будетъ пополненъ телеграммами собственныхъ корреспондентовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 5 р. | На ½ года 3 р. | На 3 мѣс. 2 р. | 1 мѣс. 1 руб.

Съ подпиской адресоваться: Новочеркасскъ, въ Редакцію «Донской Рѣчи».

Редакторъ-Издатель Ив. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издающуюся въ городѣ Севастополѣ. (Годъ изданія восьмой). Газета выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи. Въ случаѣ особенно важныхъ событій въ дни послѣпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки.		Съ доставкою и пересылкою.	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 1/2 года	4 » — »	» 1/2 года	5 » — »
» 1/4 »	2 » 50 »	» 1/4 »	3 » — »
» мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 25 »

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская ул., д. Спиро, въ гор. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской ул., домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Синани, въ Мелитополѣ—въ книжномъ магазинѣ Лифшица, въ Бахчисараѣ—у г. Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и К°. въ Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника» при типографіи Спиро, Полицейская улица, домъ Карабанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(годъ второй)

НА КІЕВСКУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО,

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

Условія подписки. Съ пересылкой и доставкой: на годъ — **8** р., на полгода — **5** р., на три мѣс. — **3** р., на одинъ мѣсяцъ — 1 р. Безъ доставки: на годъ—**6** р., на полгода—**3** р. **75** к., на три мѣс.—**2** р. **75** к. на одинъ мѣсяцъ — **75** коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб., къ 1 мая 2 руб., и къ 1 іюля — 2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 р. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 А.

Издатели: **І. П. Мануковъ** и **М. Е. Кранинскій.**

Редакторъ: **М. Е. Кранинскій.**

Открыта подписка на 1895 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
(XIII годъ изданія).

Въ 1895 г. «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго раіона, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложеній, разрѣшены фототипическіе—исполняемые въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды поволжья, историческихъ памятниковъ и сооруженій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Въ гор. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 5 р., на полгода 3 руб., на одинъ мѣсяцъ 50 к.

Съ пересыл. въ друг. гор. и уѣзды на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ Петрова (бывшій Бахъ).

Редакторъ-издатель Н. К. РЕУТОВСКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Сибирскій листокъ
НА 1895 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.

Городскіе подписчики ежедневно получаютъ телеграммы безъ всякой добавочной платы; иногородніе—съ доплатой за пересылку.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую или полугодовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 г. со дня полученія въ конторѣ редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ редакціи «Сиб. Листка» (у Кокуя, д. Глушкевича) и въ библіотекѣ Суханова.

Вышла и поступила въ продажу въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы новая книга.

СОЧИНЕНІЯ Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Томъ второй. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895 г. стр. 4+448. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ у издателя: Москва, Мясницкая улица, тамъ-же продаются оставшіеся экземпляры I тома сочиненій того же автора, ц. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩІЙСЯ **безъ предварительной цензуры**

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСХОДЪ

И ГАЗЕТУ „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“

15-й годъ изданія.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. Заграницей на годъ 12 р., на полгода 7 руб. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 руб.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

Новые подписчики, подписавшіеся до 15 Декабря 1894 г., получаютъ безплатно 1-ю часть романа К. Е. Француза «Сендеръ Глатейзъ», составляющую книгу въ 20 печатныхъ листовъ слишкомъ. Но приэтомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе шести руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

Въ послѣднихъ четырехъ книгахъ «Восхода», между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: I. «Старинное средство». Обвиненіе евреевъ въ убіеніи младенцевъ въ Литвѣ и Польшѣ въ XIV—XVII столѣтіи. Профессора С. А. Бершадскаго.—II. «Сендеръ Глатейзъ». Романъ К. Э. Француза.—III. «Поѣздка на Литву». Путевыя впечатлѣнія. Бенъ-Ами. — IV. Дѣти Гетто. Романъ. И. Зангвиля. Перев. съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ. — V. «Изъ воспоминаній вольноопредѣляющагося». Очеркъ. А. Гольдмана. — VI. «Власть денегъ». Леруа-Болье. Перев. Р. И. Сементковскаго. — VII. «Историческія сообщенія». № 8. Ограниченіе и самоограниченіе: постановленія польскихъ сеймовъ, подтверждаемыя еврейскимъ синодомъ (1538—1580). № 9. Насилія польской администраціи надъ евреями. № 10. Еврейская старина въ гор. Острогѣ. С. М. Дубнова. — Итоги. Надежды и упованія передовой части русскихъ евреевъ за послѣднія 50 лѣтъ. Рук Кулишера.—VIII. «Евреи-врачи въ Средніе вѣка». Читано въ еврейскомъ кружкѣ въ Харьковѣ д-ра Ф. Л. Германа. — IX. «Ученый и пахарь». Стихотвореніе. С. Г. Фруга. — X. «Псалмы Давида». Стихотвореніе А. М. Федорова. — Корова Ребъ-Айзика. Очеркъ П. Жука. — Величіе Бога. Стих. К. Лядова.—Пѣвцу гонимаго народа. Стих. В. А. Миллера.—Высшая награда. Стих. С. Г Фруга.—Королевская милость. Стих. Ап. Коринфскаго.—Изъ премудрости Соломона. Стих. Ф. Соллогуба.—XI. «Р. Саадія Гаонъ». Опытъ характеристики его произведеній. Г. Г. — XII. «Книгоноша». Очеркъ. Л. Ру нова.—XIII. «Письмо къ матери». Стихотвореніе. И. Тагера. XIV. «Легенды стока». Стихотвореніе. С. Г. Фруга. — XV. «Іудейская война». Соч. Іосиф Флавія. (Въ особомъ приложеніи). СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.—XVI. « вопросу объ экономическомъ положеніи евреевъ въ западныхъ губерніяхъ М. П. — XVII. «Новые запросы нашего воспитанія». Я. Каценельсона. — У ловъ черты осѣдлости. Цифры и силуэты. И. Тагера.—XVIII. «Изъ иностранн журналистики». Барухъ Спиноза. Читано въ «Обществѣ Еврейской Науки

въ Парижѣ. Р. Вормса.—Адольфъ Франкъ. Чтеніе Гар. Деренбурга. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: — XIX. «Евреи и наука въ Сре ніе вѣка». Еврейскіе переводы въ Средніе вѣка и евреи-переводчики. Къ исторіи средневѣковой литературы. Обработано преимущественно по рукописнымъ источникамъ *Морицомъ Штейншнейдеромъ*. Я. И.—XX. «Евреи и географическія открытія португальцевъ и испанцевъ». Христофоръ Колумбъ и участіе евреевъ въ испанскихъ и португальскихъ открытіяхъ. На основаніи еще отчасти неизданныхъ источниковъ, обработано М. Кайзерлингомъ. Я. И. — XXI. Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій. Критикуса.— XXII. БИБЛІОГРАФІЯ. Разборъ новыхъ книгъ. XXIII. Литература и жизнь. О. Ѳ. Грузенберга.

Редакторъ-издатель **А. Ландау**.

1895 годъ. **Изданія годъ VI**

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛЪ

Вопросы Философіи и Психологіи.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ журналѣ за 1894 годъ напечатаны, между прочимъ статьи:

Гр. Л. Н. Толстого. Къ вопросу о свободѣ воли.—Вл. С. Соловьева Смыслъ любви.—Его же. Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ.—Его же. Первичныя данныя нравственности.—Н. Я. Грота. О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.—Его же. О времени (3 статьи).—А. А. Козлова. Французскій позитивизмъ (2 статьи) —Его же. Густавъ Тейхмюллеръ —Н. Н. Страхова. О задачахъ исторіи философіи. — В. Я. Цингера. Недоразумѣнія во взглядахъ на основаніи геометріи.—Н. А. Умова, Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ.—С. С. Корсакова. Къ психологіи микроцефаловъ.—П. Д. Боборыкина. Формулы и термины въ области прекраснаго.—В. Р. Буцке. Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей.—А. А. Токарскаго. Заклинаніе со стрѣлой тибетскихъ ламъ.—Его же. Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей.—Его же. Сознаніе и воля.—В. А. Гольцева. Психологія идеи-силъ.—Н. И. Шишкина. Пространство Лобачевскаго и др.

Къ помѣщенію въ ближайшихъ книгахъ предполагаются: Вл. С. Соловьева. «Философскій аскетизмъ».—Н. Я. Грота. «Основанія ученія о нравственномъ долгѣ».—Кн. С. Н. Трубецкого. «Этюды изъ области морали».—А. А. Токарскаго. «Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ».—Л. О. Даркшевича. «Объ интеллектуальной сферѣ женщины» и друг.

Изданіе будетъ продолжаться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, какъ и прежде.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Москва, Арбатъ, д. Расцвѣтовой) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1895 г. по 1 января 1896 г.) безъ доставки — **6** р., съ доставкой въ Москвѣ — **6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу — **8** р.

Члены Психологическаго Общества, пользуются скидкой въ **2** руб.

Редакторы: проф. **Н. Я. Гротъ**, проф. **Л. М. Лопатинъ**.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
САМУЮ БОЛЬШУЮ И САМУЮ РАСПРОСТРАНЕННУЮ НА ЮГѢ РОССІИ

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 300 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газетное дѣло не любитъ застоя. Памятуя это, мы стремились постоянно къ улучшенію нашей газеты въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчающимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами Возраставшее съ каждымъ днемъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Гери-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е Кауфманъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), проф. А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, проф. Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ, (Оса), И. М. Хмѣльницкій, проф. Н. Е. Чижовъ, проф. В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки: На 1 мѣсяцъ 90 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50. на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на годъ 8 р.

Съ доставкой и пересылкой въ другіе города: На 1 мѣсяцъ 1 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 6 мѣсяцевъ 5 р., на годъ 9 р.

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 к. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Одессѣ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Винницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомірѣ, Измаилѣ, Киліи, рив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальномъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи.

Редакторъ-издатель *А. Старковъ.*

VII г. изданія. VII г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

Выходитъ въ гор. Красноярскѣ, Енис. губ., еженедѣльно.

1. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому, земскому и сельскому хозяйствамъ, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.
2. Дѣйствія и распоряженія правительства.
3. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».
4. Недѣльная хроника.
5. Судебная хроника.
6. Торговый отдѣлъ.
7. Справочныя свѣдѣнія.
8. Смѣсь. Отвѣты редакціи.
9. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія.
10. Объявленія частныя и казенныя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 р. на полгода 4 р., на четверть года 2 р., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Красноярскѣ въ конторѣ редакціи «Енис. Листка», домъ Кудрявцевой, Воскресенская ул., въ Омскѣ въ книжномъ магазинѣ Александрова, въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи «Енис. Листка», Почтамтская улица, домъ Окулова и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Минусинскѣ въ отдѣленіи редакціи «Енисейск. Листка», въ Иркутскѣ въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль.

Редакторъ-Издатель Е. КУДРЯВЦЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

„ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ“

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ,

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

ГОДЪ X. ГОДЪ X.

Въ теченіе 1895 г. «Дѣловой Корреспондентъ» выходитъ ежедневно въ количествѣ 350 номеровъ въ годъ.

Телеграммы отъ вновь открываемыхъ телеграфныхъ агентствъ будутъ получаться «Дѣлов. Корресп.» и по полученіи ихъ съ телеграфной станціи немедленно печататься въ газетѣ, а резолюціи окружнаго суда и съѣздовъ—вскорѣ по закрытіи засѣданій или сессій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой на годъ 5 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 7 коп., а за февраль (во время Ирбитской ярмарки) 1 руб.

Издатель В. Н. Алексѣевъ. Редакторъ-Издатель А. П. Степановъ.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проэкты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Корреспонденціи.
8. Новости науки, литературы и искусства.
9. Театръ и музыка.
10. Внутреннія извѣстія.
11. Земская и городская хроника.
12. Внѣшнія извѣстія.
13. Судебный отдѣлъ.
14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.).
15. Библіографическія замѣтки.
16. Смѣсь.
17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкой: на 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс., 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р., на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Съ доставкою въ Харьковѣ: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р., на 8 мѣс. 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 50 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р., на 4 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р.

Безъ доставки: на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 11 мѣс. 8 р., на 10 мѣс. 7 р. 50 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и КОММЕРЧЕСКУЮ

ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.
Обзоръ текущей прессы и журналистики.
Ежедневныя политическія телеграммы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство.

Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія, корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли.

На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Сельско-хозяйственные вопросы и торговые интересы края будутъ представляться редакціей всесторонне и полно.

Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ попрежнему будутъ помѣщаться Воскресныя бесѣды Милюбова; кромѣ того съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе, въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Беллетристическія произведенія какъ нашихъ писателей, такъ и переводныя—лучшихъ иностранныхъ писателей попрежнему найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ.

Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П Бородинъ, проф. Булдэ, С. И Васюковъ, Н Г. Гаринъ, И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ѳ. Гусевъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Островская-Онгирскій, Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. Н. Штукенбергъ. Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода — 3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к. Для иногороднихъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1895 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1895 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Волж. Вѣстника» на углу Кузнецкой и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской пассажъ, А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи у секретаря и въ правленіи общества приказчиковъ у К. П. Алексѣева, въ Симбирскѣ (Стрѣлецкая ул., д. Романова). Въ Вяткѣ въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція «Волжскаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель Н. Рейнгардтъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСК. КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

(Жирнымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія).

№№

3. Приключенія Робинзона Крузе. Сост. А. Н Яхонтовымъ. 4 изд. 15 к.
5. **Крутиковъ**. Разсказъ А. Г. Коваленской. 5 изд. . . . . 7 »
6. **Батрачка**. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2 изд. . . . . 3 »
8. **Злодѣй и Петька**. Повѣсть А. Ѳ. Погосскаго. 4 изд. . . . 8 »
11. Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2 изд. . . . . 10 »
16. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Гр. Л Н. Толстого. 2 изд. 18 »
25. Судъ людской и Божій. Два разск. А. Ѳ. Погосскаго и Г. Полисадова . . . . . 10 »
26. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ Гр. Л. Н. Толстого . . . . 5 »
27. Два старика Разсказъ Гр. Л. Н. Толстого . . . . . 6 »
28 Полтава. Поэма А. С. Пушкина . . . . . 10 »
29. **Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ**. Подъ ред. проф. Ор. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина. 2 изд. . . . . 6 »
31. **Соловки**. Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2 изд. . . . . 6 »
32. Невольный убійца. Разсказъ В Г. Короленко. . . . . 10 »
33. Царь Алексѣй съ соколомъ. Разсказъ Г. П. Данилевскаго . . 5 »
34. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Разсказъ Г. П. Данилевскаго. . . . . 5 »
35. Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова . . . . . 9 »
36. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова . . . . . 25 »
37. Голодовка и зимовка на новой землѣ. Разск. С. В. Максимова . . 10 »
39. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина . . 30 »
40. Зимовье на Студеной. Разсказъ Д, Н. Мамина-Сибиряка . . . . 3 »
41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленко . . . . . 3 »
42. Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича . . . . . 5 »
43. Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича . . . . . 3 »
44. **Безоброчный**. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). . 8 »
45 **Шестеро**. Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картиновъ) . . . 5 »
46. **Трусъ**. Разсказъ В М. Гаршина . . . . . 3 »
47. **Аксларское дѣло**. Разсказъ В. М. Гаршина . . . . . 3 »
48.
49. **То, чего не было**, и **Лягушка-путешественница**. Сказки В. М. Гаршина . . . . . 3 »
50 **Гордая пальма** и **Сказаніе о гордомъ Аггеѣ**. Сказки В. М. Гаршина . . . . . 3 »

Басни И. А Крылова (съ біографіей) . . . . . I вып. 10 »
Басни И. А. Крылова . . . . . II вып. 8 »
Басни И. А. Крылова . . . . . III вып. 8 »
Басни И. А. Крылова . . . . . IV вып. 8 »

Сверхъ того, находятся въ продажѣ слѣдующія изданія Комитета:

1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями Комитета Грамотности . . . . . 50 »

2) Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ (читальняхъ). 2-е изданіе 10

При покупкѣ изъ склада Спб. Комитета Грамотности дѣлается уступ (на новыхъ изданіяхъ) — 15 %. Учрежденія и книгопродавцы, обращающіеся непосредственно въ складъ Комитета, получаютъ особую уступку.

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50-лѣтія со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунков извѣстныхъ художниковъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ **83.** — Открыта подписка — **1895.**

ежедневная политическая, ученая и литературная газета

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматѣ и дополнены всѣ отдѣлы. Въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, спеціальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ,

а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ и по обилію литературнаго матеріала, вполнѣ замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, годовые подписчики получатъ:

1) 52 нумера воскресныхъ приложеній въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается втеченіе года до 300 рисунковъ, а также и каррикатуры.
2) 40 нумеровъ «Романы и Повѣсти» русскихъ и иностранныхъ писателей, что составитъ въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
3) 12 нумеровъ «Моды и Рукодѣлія», замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ».
4) «Стѣнной календарь» (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ):
На годъ **8** р. На полгода **4** р. **50** к. На три мѣс. **2** р. **50** к. На 1 мѣс. **1** р.

ВТОРОЕ изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО листами даже и въ дни, слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 нумеровъ), въ форматѣ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый нумеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной военной, ученой, внутренней и иностранной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики,

оригинальные романы, повѣсти, разсказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ):

На годъ — 4 р. | На полгода — 2 р. 50 к. | На три мѣсяца — 1 р. 50 к.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ газеты «Сынъ Отечества» могутъ получать, какъ новыя большія акварельныя картины: «Бурлаки на Волгѣ», проф. И. Рѣпина и «Жертва Волги», худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой) — одинъ рубль.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Ѳеодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій. ПИСАТЕЛИ: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна каждаго бюста на выборъ, для подписчиковъ — четыре рубля, не подписчиковъ — пять рублей (безъ доставки).

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ДОНЪ

(*ВЪ ВОРОНЕЖѢ*)

НА 1895 ГОДЪ.

(28-й годъ изданія).

Съ 1895 года газета «Донъ» начинаетъ 28-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 27-мь лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1895 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты — то будетъ сдѣлано:

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежѣ: на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 коп., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 7 р., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1894 года.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи, такъ какъ книжные магазины и конторы, принимающіе подписку, только передаютъ деньги въ редакцію и въ отправкѣ журнала никакого участія не принимаютъ.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ** бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается **1** р.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской — **50** к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію или контору, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

(С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставк. и перес. . . . . 9 р.
Безъ доставки . . . . . 8 »
За границу . . . . . 12 »

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать: въ контору журнала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается **разсрочка:**

Для иногородн. и город. подписчиковъ съ доставкой— при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 8 р., въ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ **безъ доставки** принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, **никакой уступки не дѣлается.**

За своевременную высылку журнала **контора редакціи отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ**, если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно въ контору редакціи.

Издательницы: Н. Михайловская. О. Попова.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

ФЕВРАЛЬ. 1895.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ. Очерки. Продолженіе. . . . . Н. А. Лухмановой.
2. ГЛАВЫ ИЗЪ КНИГИ О ЖОРЖѢ-ЗАНДѢ. I. Жоржъ-Зандъ и г. Дюдеванъ. Окончаніе . . . . . В. Каренина.
3. МОНОЛОГИ . . . . . А. Баранова.
4. НѢТЪ, НЕ СОНЪ, НЕ СОНЪ ВСЕ ЭТО СЧАСТЬЕ. Стихотвореніе . . . С. Александрова.
5. СТАРАЯ ДѢВА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. I—V . . . . . А. Е. Гольдворсъ.
6. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ. II. Рабочее время. III. Гигіеническія условія работы; несчастные случаи; штрафы и вычеты . . . . . А. В. Зотова.
7. БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. Продолженіе . . . В. Г. Короленко.
8. НОЧНОЕ. Стихотвореніе . . . . . А. Ѳедорова.
9. СТУДЕНТЫ. (Изъ семейной хроники). Продолженіе . . . . . Н. Гарина.

(*См. на оборотъ*).

10. НОЧИ, НОЧИ БЛАГОДАТНЫЯ. Стихотвореніе. . . . . С. Александрова.
11. АПОЛОГІЯ ВЛАСТИ ДЕНЕГЪ, КАКЪ ПРИЗНАКЪ ВРЕМЕНИ. Окончаніе . . . . . Николая—она.
12. НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАБРОСКИ. XVII. Крестьянское землевладѣніе и община въ Херсонской губ. Н. А. Карышева.
13. НОВЫЯ КНИГИ:
Сочиненія Ф. Д. Нефедова. Томъ второй.—Стихотворенія Е. Молодова.—Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. Женскіе силуэты.—Якутскіе разсказы. Вацлава Сѣрошевскаго.—Люцій Апулей. Золотой оселъ.—Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый.—Государственное право европейскихъ державъ. Лекціи А. Д. Градовскаго.—О развитіи рахитизма и рахитическихъ уродствъ среди дѣтей рабочаго населенія Петербурга. Д-ра В. П. Жуковскаго.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
14. ЗАМѢТКА О ПЕРЕВОДѢ КНИГИ ШОПЕНГАУЭРА . . . . . Ф. В. Черниговца.
15. ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ. . . . . Av.
16. ИЗЪ ФРАНЦІИ. . . . . М. М. Ковалевскаго.
17. ИЗЪ ГЕРМАНІИ. . . . . А. К.
18. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. . . . . Н. К. Михайловскаго.
19. ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ . С. Н. Южакова.
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. . . . . А. Орловой.
21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ. 1895.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕГИИ ПОЛЬСКОЙ ... ПЕТЕРБУРГ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка, 92.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Февраля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Въ глухихъ мѣстахъ.** Очерки. *Н. А. Лухмановой.* Продолженіе . . . . . 5— 43
2. **Главы изъ книги о Жоржъ-Зандъ.** *В. Каренина.* I. Жоржъ-Зандъ и г. Дюдеванъ. Окончаніе . . . 44— 76
3. **Монологи.** *А. Баранова* . . . . . 77— 86
4. **Нѣтъ, не сонъ, не сонъ все это счастье.** Стихотвореніе *С. Александрова* 87
5. **Старая дѣва.** Романъ *А. Е. Гольдворсъ.* Переводъ съ англійскаго. I—V. . . . . 88—119
6. **Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи.** *А. В. Зотова.* II. Рабочее время. III. Гигіеническія условія работы; несчастные случаи; штрафы и вычеты. . . . . 120—147
7. **Безъ языка.** Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. *В. Г. Короленко.* Продолженіе . . . . . 148—167
8. **Ночное.** Стихотвореніе. *А. Ѳедорова* 168
9. **Студенты.** (Изъ семейной хроники). *Н. Гарина.* Продолженіе . . . . . 169—206
10. **Ночи, ночи благодатныя.** Стихотвореніе. *С. Александрова* 207

. **Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени.** *Николая—она.* Окончаніе. . . . . 1— 34
. **Народно-хозяйственные наброски.** *Н. А. Карышева.* XVII. Крестьянское землевладѣніе и община въ Херсонской губ. . . . . 35— 62

См. на оборотъ.

СТРАН.

13. Новыя книги:
Сочиненія Ф. Д. Нефедова. Томъ второй. — Стихотворенія Е. Молодова.—Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. Женскіе силуэты.—Якутскіе разсказы. Вацлава Сѣрошевскаго.—Люцій Апулей. Золотой оселъ. — Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый.—Государственное право европейскихъ державъ. Лекціи А. Д. Градовскаго.—О развитіи рахитизма и рахитическихъ уродствъ среди дѣтей рабочаго населенія Петербурга. Д-ра В. П. Жуковскаго.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . 63— 87
14. Замѣтка о переводѣ книги Шопенгауэра. *Ф. В. Черниговца* 88— 95
15. Письма изъ Англіи. *Av.* . . . . . 96—109
16. Изъ Франціи. *М. М. Ковалевскаго* . . . . . 110—116
17. Изъ Германіи. *А. К.* . . . . . 117—136
18. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго* . . . . 137—154
19. Изъ современной хроники. *С. Н. Южакова* . . . . 155—179
20. Письмо въ редакцію. *А. Орловой* 180
21. Объявленія.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

въ 1895 году выходитъ въ прежнемъ объемѣ 25—26 листовъ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р.
„ „ безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . . **8** „
„ „ за границу . . . . . **12** „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать:
въ контору журнала „Русское Богатство“
С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается **разсрочка:**

Для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой—при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р.,

или

при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ **безъ доставки** принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, **никакой уступки не дѣлается.**

Примѣчанія: 1) За своевременную высылку журнала **контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ**, если подписныя деньги были присланы или сданы *непосредственно* въ контору.

2) **Квитанціи на полученіе журнала** высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписныхъ денегъ 19 к. почтовыми марками.

здательницы: Н. В. Михайловская, О. Н. Попова.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

Складъ изданій

въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

С.-Петербургъ, Бассейная, 10.

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	Цѣна.		Съ пересылкой.		Уступка подписч. «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ въ пользу «Общества вспомоществованія переселенцамъ». (*На простой бумагѣ*)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (*На веленевой бумагѣ*)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I.	1	25	1	50	—	50
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изданіе шестое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе	1	50	1	75	—	25
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе разсказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
А. Шабельская. Наброски карандашомъ	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири	1	—	1	25	—	25
Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:* I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія	1	50	1	75	—	35
Э, Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды	2	—	2	3	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Вып. I.	—	90	1	10	—	20
— Вып. II.	1	30	1	60	—	30
Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Безродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	4

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI по 2 р.; т. III 3 р. 75 к.

Складъ въ книжн. магаз. *А. Я. Панафидина:*

Москва, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе всю подписную сумму 9 р., пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. *Н. К. Михайловскаго* (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться *исключительно въ Москву* въ книжный складъ *г. Панафидина*, представляя или копію съ билета на полученіе «Русскаго Богатства», или печатный адресъ, по которому высылается журналъ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО: **Щедринъ.** Критическій опытъ. Ц. 1 руб.

Складъ въ конторѣ журнала «Русская Мысль»—Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

— **Литература и жизнь.** Цѣна 1 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова, Спб., Лештуковъ пер.).

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и разсказы. Книга первая, 6 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Склады: Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

СВѢТЪ АЗІИ.

ЖИЗНЬ и УЧЕНІЕ БУДДЫ.

ПОЭМА ЭДВИНА АРНОЛЬДА.

Перев. **А. Н. Анненской**, подъ редакціей **В. В. Лесевича**, съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ же.

Изданіе 2-е, иллюстрированное. Цѣна **2** руб., съ перес. **2** р. **30** к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ *и въ конторѣ журнала «Русское Богатство».*

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой **50** коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

О. Н. Поповой.

Н. И. КАРѢЕВЪ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжн. магаз. **Карбасникова** — Спб., Москва Варшава.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала «Русское Богатство» — Спб., Бассейная, 10.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ послѣдн. франц. изд., съ рисунками и картами, подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Складъ изданія въ книжн. магаз. **Карбасникова** — Спб., Москва, Варшава.

Подписчики журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

С. Н. КРИВЕНКО. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки.

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ. Сочиненія. 2 тома.

Е. ДЮРИНГЪ. Великіе люди въ литературѣ. Исторія современ. литературы съ новыхъ точекъ зрѣнія, критически изложенная. Перев. Ю. М. Антоновскаго.

ГИББИНСЪ. Промышленная исторія Англіи. Перев. А. В. Каменскаго.

Ш. ЛЕТУРНО. Соціологія, основанная на этнографіи.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Вып. III. Подземныя силы. Вып. IV. Океаны. Вып. V. Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ.

За справками по дѣламъ изданій О. Н. Поповой обращаться къ Н. А. Рубакину—Спб., уг. Б. Садовой и Б. Подъяческой, 24, библіотека Л. Т. Рубакиной.

ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ.

(Очерки).

VI.

Мужняя жена Фелицата Григорьевна.

Почти двое сутокъ, считая съ остановкой въ Тобольскѣ, ѣхала старуха Овечиха съ своею невѣсткою Фелицатою въ Ивановскій монастырь.

Громадная кошева съ широчайшими отводами ныряла на выбоинахъ, накренялась на косогорахъ, и двѣ женщины, укутанныя въ шубы и одѣяла на медвѣжьемъ мѣху, то лежали, то сидѣли, и не перекатывались, только благодаря тому, что были крѣпко укупорены середи всякой поклажи. Лица ихъ, почти сплошь закрытыя платками и капорами, поприпухли и потемнѣли отъ встрѣчнаго вѣтра, а всетаки Фелицата была довольна, что старуха храбро ѣхала въ открытыхъ саняхъ, не желая запереться въ возокъ, душный и тѣсный, какъ курятникъ. Всю дорогу свекровь и невѣстка избѣгали разговора, перекидываясь только нужными словами на остановкахъ и ночевкахъ.

— Молчать-то лучше,—высказалась старуха въ самомъ началѣ пути,—зубы не распростудишь, да и я на своемъ вѣку ужъ наговорилась, а тебѣ расторабарывать еще рано...

А Фелицатѣ было и не до разговоровъ; такъ смутно было нея на сердцѣ, что хоть ложись да помирай. Ея думушку авѣтную разговорить было некому, ни у нея родной матушки, ни сестрицы старшей, какъ есть сирота круглая. Вскормили, оспоили въ чужомъ дому, не дали дѣвичьей красѣ расцвѣсть, не дали съ подруженьками по секрету себѣ милаго выглядѣть, приказали къ вѣнцу собираться и за постылаго да богатаго мужъ выдали. И всѣмъ-то она и теперь чужая, живутъ то

они, какъ волкъ съ волчихой, на заводѣ средь лѣса, а вывезетъ онъ ее куда—въ городъ, убереть ее въ щелкъ да каменья, да потомъ и изведетъ ревностью да попреками... А теперь... на-кось, какой грѣхъ случился... И снова при одномъ воспоминаніи кровь полымемъ залила ея лицо, тѣло въ жаръ ударило и колыхнулась грудь. Вспомнилось ей красивое, веселое лицо, глаза лучистые, губы красныя, вспомнились ей слова ласковыя, какихъ въ жизнь свою она не слыхала. Весь разговоръ съ мужемъ въ утро охоты, смерть Пашки, отъѣздъ гостей и пьянство мужа, все, вплоть до пріѣзда свекрови, у нея какъ туманомъ покрыто, все какъ во снѣ пережито; за то съ мельчайшими подробностями она помнила вечеръ въ клубѣ, какъ она съ «нимъ» танцовала, какъ «онъ» за ея стуломъ стоялъ, да ей такія срамныя и сладкія рѣчи шепталъ прямо въ затылокъ, такъ что волосы ея шевелились и уши рдѣли, да потомъ когда къ нимъ на заводъ пріѣхали... да потомъ... А-а-ахъ!—сжалась острою болью грудь у Фелицаты и заметалась она по кошевѣ такъ, что старуха спросила:

— Ты чего?

— Ничего, маменька, такъ... маятно стало отъ пути, больно здѣсь раскаты велики.

— А ты не все лежи, присядь, будетъ легче...

Фелицата приподнялась и присѣла, а неотвязныя думы опять за ней.

— Ну хоть глазкомъ взглянуть мнѣ на моего погубителя, хоть бы еще послушать его... А что, вѣдь бываетъ же и такъ, что вотъ эдакій молодецъ возьметъ да и выкрадетъ мужнюю жену и увезетъ на свою сторону... да еще и повѣнчается съ нею... Тьфу, тьфу...—мысленно отплюнулась она.—Въ какое святое мѣсто ѣду и какія думы думаю... Навожденіе, чисто навожденіе на меня... забыть все надо... покаяться, очиститься и вернуться къ мужу, какъ примѣрная жена...

А что теперь, небось, говорятъ-то про меня... что звону-то по городу!.. Развѣ что вотъ маменька не выдастъ, отгрызется... Охъ, спасибо ей, она и Евменья-то живо отверезила... А ужъ и постылъ же онъ мнѣ!.. Теперь закатится въ «Пашенку», знаю я это гнѣздо благочестивое, слыхала объ честномъ житьѣ вѣковушъ-то этихъ... и все ему ничего,—поѣзжай... на тебя ни грѣха, ни стыда не ляжетъ... Эхъ, Александръ ты мой Павловичъ, думаешь ли ты обо мнѣ, соколъ мой ясный?..

И снова думы ея, подхваченныя волной воспоминаній унеслись къ тому, кто такъ мимоходно, какъ путникъ срываетъ красивый цвѣтокъ, пришелъ, да и взялъ ея душу...

Не успѣла мать привратница отворить ворота и съ благословеніемъ пропустить мимо себя кошеву, въ которой пріѣхали «пріятныя» гости, какъ кругленькая веселая послуш

ница Аглая, пробѣгавшая по двору въ кладовую, повернула назадъ и стремглавъ понеслась докладывать матери игуменьѣ, что «пріѣхали гостьи купеческія, должно издалека, судя по поклажѣ».

Овечиху съ Фелицатою проводили во флигелекъ для гостей и отвели имъ свѣтлую, уютную комнату съ двумя кроватями, ковромъ сибирскаго тканья, комодомъ, столомъ и стульями.

— Хорошо у нихъ тутъ...—сказала старуха, глядя на бѣлую штору, герань и бальзамины на окнѣ.

— Хорошо!..—подтвердила Фелицата, на которую тоже сразу благодатно подѣйствовала послѣ дороги тишина и чистота помѣщенія.

Помывшись, прибравшись съ дороги, Овечкина отправилась къ матери игуменьѣ, а Фелицата Григорьевна прилегла на кровать и первый разъ со времени катастрофы забылась спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

Келья игуменьи была большая, свѣтлая комната, единственную роскошь которой составляли цвѣты. Громадные олеандры цвѣли душистыми пунсовыми и бѣлыми гроздьями, большія блѣдныя и ярко-красныя розы, раскинувшія, какъ въ истомѣ, широкіе лепестки, занимали у оконъ цѣлую скамейку, резеда, гіацинты, левкои тѣснились всюду на подоконникахъ и столахъ. Въ углахъ, въ огромныхъ кадкахъ росли цѣлыя дерева китайскихъ розъ, на нихъ, казалось, было больше цвѣтовъ, чѣмъ листьевъ. Сладкій, пріятный ароматъ могъ непривычнаго человѣка довести до одури. Громадное распятіе слоновой кости на крестѣ изъ чернаго дерева стояло въ углу, окруженное перистыми туями; надъ нимъ висѣлъ образъ Аболакской Богоматери и передъ нимъ цѣлыми рядами звѣздъ горѣли неугасимыя лампады; сквозь грань ихъ хрусталей всюду кругомъ искрились и играли свѣтящіяся пятна. На окнахъ висѣли бѣлоснѣжныя пышныя занавѣси, сквозь нихъ виднѣлось безоблачное небо, казавшееся далекимъ и холоднымъ голубымъ пологомъ. Простая мебель, вся покрытая бѣлыми чехлами, бѣлыя вязаныя скатерти на столахъ и узенькая кровать за бѣлымъ же пологомъ дополняли скромное убранство комнаты.

Суровость и бѣдность монастырской обстановки скрадывались цвѣтами, и чувство покоя, благоговѣнія и надежды на что-то лучшее охватывало каждаго, кто переступалъ порогъ этой горницы.

Игуменья, знавшая уже давно «Овечиху», встрѣтила ее ласково; обѣихъ женщинъ связывали строгость жизни и общность ихъ несложныхъ, простыхъ взглядовъ.

Молодая послушница Аглая, постучавъ съ молитвою въ дверь и услышавъ «аминь» отъ игуменьи, вошла въ келью,

стараясь держать внизъ свои лукавые черные глаза, неся подносъ передъ своею пышной грудью; она поставила его на столъ, сбѣгала за самоваромъ, быстро разсовала по всему столу тарелочки съ медомъ, грибами, пышками, засахаренными орѣхами и другою снѣдью, и вышла, плотно затворивъ за собою дверь.

— Не ждала я тебя, Минодора Феодоровна, нонче къ себѣ въ гости, думала лѣтомъ, авось, въ Петровки свидимся, а ужъ теперь, зимнимъ путемъ, и въ умѣ не было...

— Не думала и я, мать Досифея, этакую путину въ зимнюю стужу осилить, да видно «человѣкъ-то молчкомъ, а нужда-то его толчкомъ». Не поѣхала бы и я, кабы нужда не вызвала... Наши дѣла-то до твоей святой обители не дошли еще?..

— Ничегохонько я не слыхала. Всѣ ли вы тамъ въ добромъ здоровьѣ?.. Круторогoвы, Ситкины, Бровкины?..

— Всѣ, всѣ въ вождѣленномъ здравіи, тебѣ поклоны съ гостинцами прислали. Ужо зашли Аглаю къ намъ, чтобъ обобрала все, да къ тебѣ предоставила.

— Спаси тя Христосъ. Не забываютъ меня добрые люди...—Игуменья взглянула на образъ и перекрестилась.— Ну, а сынокъ твой какъ съ своей красавицей Фелицатой поживаетъ?..

— О-охъ, стряслась надъ нами бѣда неминучая, привезла я къ тебѣ Фелицату... что, говорить то здѣсь можно?..—Овечиха опасливо взглянула на дверь.

Игуменья встала и сама еще разъ плотно заперла тяжелую дубовую дверь.

— Любопытны онѣ, правда, да только теперь ужъ не услышатъ. Ты пересядь-ко сюда...—И игуменья съ гостьей, пересѣвъ въ самый уголъ комнаты, близъ кровати, повели тихую душевную бесѣду. Все высказала Овечкина, и обиду свою на Круторoговыхъ, которые съумѣли обойти ея сына и женить его на своей безприданной воспитанницѣ, и недовѣріе свое къ невѣсткѣ, которая, даромъ, что тихоня, «а вонъ какихъ дѣловъ то теперь надѣлала». Она разсказала всѣ слухи, всѣ сплетни и собственныя догадки насчетъ инженера, охоты, убійства Пашки, въ которомъ она, впрочемъ, видѣла только пьяный промахъ своего сына.

— Кабы не я,—закончила она,—тутъ и конца края и нашли бы... вся теперь моя надежда на тебя, мать Досифея. Поговори ты съ ней, вразуми ты ее, мужнюю жену, что от этакаго бѣсовскаго навожденія одна погибель бываетъ, вс спроси ты ее, что, да какъ, заставь покаяться и эпитемь наложи, верни ты ее снова въ разумъ и покорность... И ч намъ съ этими чужими людьми возжаться? а не повѣриш мать, всѣ наши бабы и дѣвки въ городѣ голову потеряли.

плясы да игры, изъ клуба не выходятъ... Вонъ ужъ, жена пароходчика Натарова, да начальница гимназіи Звѣрева, да учительница ея какая-то, верхами на лошадяхъ стали ѣздить; чего отъ роду въ городѣ не было, и того теперь насмотришься... Бѣса они намъ съ чугункой своей провели, прости Господи!..

Долго бесѣдовали обѣ женщины. Мать Досифея обстоятельно выспросила обо всѣхъ знакомыхъ и пообѣщала Овечкиной навести на путь истинный невѣстку ея Фелицату.

А Фелицата спала, раскинувшись, и видѣла странный, диковинный сонъ. Стоитъ длинная галлерея съ колонками, «должно это Круторогoвская», думаетъ во снѣ Фелицата, и много на ней народу ходитъ, говорятъ, а на ступенькахъ, на самомъ вотъ юру, гдѣ проходить надо, усѣлся старикъ, странникъ: борода, что ленъ, бѣлая, а глаза синіе, какъ небо, и благостные такіе, и смотритъ онъ на нее, Фелицату, а она по-прежнему, по-дѣвичьи, косы распустивъ, тутъ же съ ключами бѣгаетъ, то въ амбаръ, то въ кладовую.

— И чего ты, дѣвонька, суетишься только, чего мечешься?

— А какъ-же,—говоритъ она,—дѣдушка, вѣдь всякому что-нибудь требуется, а я про всѣхъ одна...

— Полно, дѣвонька, ты посмотри, что ты несешь-то!

А она глядитъ: въ рукахъ ея чашка большая, да вся полная крови. Куда ей кровь эту дѣвать, куда спрятать, чтобы люди не видали, что кровь она въ чашкѣ несетъ... Бѣжитъ она къ дверямъ, а онѣ открылись и изъ нихъ ея мужъ выходитъ.

— Вотъ,—говоритъ, — спасибо, жена, а я-то измаялся, пить хочу..,—и припалъ онъ губами къ чашкѣ и пьетъ, пьетъ онъ кровь, а у нея руки трясутся, въ умѣ мутится, въ груди ноетъ-ноетъ, точно пьетъ онъ кровь не изъ чашки, а изъ самой ея молодой груди. Напился онъ, поднялъ голову, устато у него кровавыя, а онъ смѣется, усы рукою утираетъ:— «вотъ теперь, говоритъ, хорошо, ублаготворила ты меня, женушка».

Смотритъ Фелицата на старца, а у того изъ глазъ слезы капаютъ.

— Жаль мнѣ тебя, молодка, говоритъ онъ, не зналъ я, [illegible] ты замужемъ, не зналъ я, что и грѣхъ на тебѣ такой [illegible]кить, что только съ послѣдней капелькой крови и выдти [illegible] изъ тебя можетъ. Ну что, легче-ль тебѣ?..

А у Фелицаты и руки, и ноги, что стебель сухой у цвѣтка [illegible]кошеннаго, ни жизни, ни силы, и чувствуетъ она, легче-легче [illegible]ала, вотъ совсѣмъ что перо, поднялась на воздухъ и летитъ-[illegible]титъ куда-то, а за ней вдругъ крылья шумятъ, голоса кру[illegible]мъ раздаются, а въ глазахъ свѣтло-свѣтло, словно солнце

лѣтнее все озарило, и слышитъ она: «весь грѣхъ въ крови, весь грѣхъ въ крови, отдала всю кровь свою и грѣхъ свой смыла».

Пришла Овечиха въ комнату и ахнула: лежитъ Фелицата на кровати, лицо блѣдное, что платъ, дышетъ тяжело, со стономъ, и слезы, что дождь, и текутъ, и текутъ изъ закрытыхъ очей. Еле добудилась она ее, а какъ очнулась молодуха, залилась слезами.

— Маменька, весь грѣхъ въ крови, только съ кровью съ моей и грѣхъ мой изведешь,—повторяла она,—смерть за мною, маменька, приходила и не долго мнѣ больше землю топтать...

Едва успокоила ее старуха, едва въ себя привела, водой святой отпоила и велѣла ей умыться, одѣться и идти къ игуменьѣ...

Фелицата Григорьевна вошла въ келью игуменьи и остановилась, переступивъ порогъ, въ комнатѣ никого не было.

— Матушка игуменья вышла въ мастерскую,—доложила ей послушница Аглая,—а васъ просила обождать. Милости просимъ войти.

Молодая женщина вошла и опустилась въ ближайшее кресло; ароматъ цвѣтовъ дѣйствовалъ опьяняюще на ея возбужденные нервы. Она закрыла глаза и ею овладѣла сладкая истома. Съ дѣтства незнавшая любви и ласки, она познакомилась со страстью только въ той грубой, чувственной формѣ, которая была доступна ея мужу. Первыя слова любви, первую нѣгу поцѣлуя она узнала изъ мимолетнаго сближенія съ Александромъ Павловичемъ. Красавцемъ инженеромъ безспорно руководила та же чувственность, но облеченная въ утонченныя манеры, прикрытая свѣтскимъ лоскомъ, та же низменная страсть явилась передъ нею въ такой изящной, незнакомой ей формѣ, говорила ей такимъ сладкимъ гармоничнымъ языкомъ, что сердце бѣдной женщины проснулось, откликнулось и переполнилось неизвѣданнымъ ей счастьемъ.

Теперь, когда она знала, что между нею и мужемъ легло большое разстояніе, ужасъ и холодъ, которые онъ внушалъ ей, разсѣялись, сердце ея оттаяло и снова съ непобѣдимою силою требовало любви.

О! Господи, кажется босикомъ прошла бы она весь этот обратный путь, если бы только знала, что увидитъ синіе глаз услышитъ его ласковый голосъ. Она вспомнила его слова за ужи номъ:- Вотъ возьму я тебя на руки, унесу въ кошеву, удар по лошадямъ, только тебя и видѣли здѣсь на заводѣ... Спряч что никто въ мірѣ тебя у меня не отниметъ...

И зачѣмъ она тогда не сказала „ему," что согласна, ч весь свѣтъ ей теперь безъ „него" опостылѣетъ?

— Что-то теперь „онъ" подѣлываетъ?.. А кабы Евмен

да убилъ его?.. Вѣдь она хорошо поняла изъ вырвавшихся у мужа словъ, въ кого онъ мѣтилъ, кого хотѣлъ проучить и какъ, только случайнымъ образомъ, зарядъ попалъ въ Пашку. Не попустилъ Господь Милостивый!

А только еслибы онъ „его“ убилъ, и она бы не стала жить на свѣтѣ. Кровопивецъ онъ, вотъ и ея сонъ! Да и ея кровь выпьетъ онъ, потому изведетъ онъ ее своими попреками и ревностью!..

А-а-ахъ; житье мое горькое!..

— Чему размечталась, Фелицата Григорьевна, иль заскучала по мужу, родная?..—раздался около нея ласковый голосъ матери Досифеи.

Фелицата вздрогнула и вскочила съ мѣста. Только теперь, когда она очнулась, ей бросились въ глаза большое распятіе и рядъ хрустальныхъ лампадъ передъ потемнѣлымъ ликомъ Аболакской Божьей Матери. И въ эдакомъ-то святомъ мѣстѣ, она предалась такимъ мечтаніямъ!

— Грѣшница, окаянная я грѣшница,—вырвалось у нея изъ груди и она, рыдая, упала на колѣни передъ игуменьей.

Мать Досифея вдругъ выпрямилась и приняла суровый видъ. Она подняла за руку Фелицату и подвела ее къ распятію.

— Не мнѣ кланяйся, не я разрѣшать буду... Вотъ, гляди на страданія Христовы, гляди на плоть распятую, на Того, кто смерть предпочелъ грѣхамъ и соблазнамъ! Вотъ,—она крѣпко сжала плечо рыдавшей Фелицаты и нагнула ее къ полу,—вотъ, вспомни, какъ въ пустынѣ голоднаго и безпріютнаго Христа смущалъ дьяволъ, предлагая всѣ камни превратить въ хлѣбъ, вспомни, какъ на горѣ Елеонской молился и страдалъ Христосъ, до пота кроваваго... гляди какъ Его распяли, какъ гвозди вонзили въ руки и ноги... какъ кровь изъ подъ терноваго вѣнца падаетъ на Его очи... какъ бокъ прободали ему копьемъ... гляди и кайся. Что сдѣлала ты, чтобъ быть достойной такихъ страданій за тебя, за ны, за весь міръ... ты боролась-ли... молилась-ли?.. страдала-ли?..

Голосъ игуменьи былъ низкій, хриплый, и Фелицатѣ казалось, что это снова сонъ, что она снова несется вверхъ, что ее настигаютъ шумящія крылья, и страшные голоса ангеловъ, сзывающихъ на судъ живыхъ и мертвыхъ, кричатъ ей всѣ эти вопросы. Страстно и съ рыданіями вырвалась у нея вся исповѣдь, въ головѣ ея помутилось, имена Александра Павловича, мужа и Пашки срывались съ языка, она безсвязно разсказывала всю повѣсть своего грѣха, она рыдала, что нѣтъ у нея ни папеньки, ни маменьки. И вдругъ и сонъ, и дѣйствительность, и всѣ напряженія послѣднихъ дней, и усталость, и простуда, схваченная ею въ дорогѣ, все сразу охватило ея

пошатнувшійся молодой организмъ, и съ страшнымъ крикомъ Фелицата покатилась по полу въ истерическомъ припадкѣ.

Игуменья схватила икону и стала надъ нею, громко читая молитвы.

Дверь кельи отворилась, въ нее высунулись головы старыхъ монахинь и молодыхъ послушницъ. Всѣ широко-открытыми глазами слѣдили за движеніями матери Досифеи и побѣлѣвшими устами шептали за нею молитву.

По корридору бѣжала, переваливаясь, какъ индюшка, толстая мать ризничая, за нею едва поспѣвала мать экономка, ихъ перегнала сухая и желтая клирошанка сопранная.

— Что кончила, выгнала?..—спрашивали онѣ на ходу, отмѣривая громадные шаги.

— Еще выгоняетъ... выгоняетъ бѣсовъ-то,—шептала ризничая, до которой долетѣли нервные, высокіе звуки голоса матери Досифеи.

— Слава Тѣ, Господи, застали еще, застали...—шептала экономка, поддавая ходу.

Мать Досифея, отступивъ отъ Фелицаты и выпрямляясь, толкнула нечаянно головою одну изъ висѣвшихъ лампадъ и весь рядъ закачался, заколыхался и въ почти темной уже комнатѣ побѣжали, запрыгали цвѣтныя, огненныя пятна.

Смотрѣвшія въ двери монахини шарахнулись, первые ряды наступили на послѣдніе, Аглая толкнула въ бокъ набѣжавшую на нее сопранную клирошанку, та осѣлась на мать ризничую, которая громко вскрикнула и повалилась на мать экономку.

— Что, что... что, видѣли?..—спрашивали однѣ.

— Пролетѣлъ, пролетѣлъ,—лепетали другія,—сами видѣли, какъ бѣсъ изъ нея вылетѣлъ... те-е-емный, да стра-а-ашный... объ лампадку ударился... отпрянулъ, да въ трубу... да какъ завоетъ, заво-о-оетъ...

— А-ахъ!..—Молодыя заплакали, а старухи, закрывъ лицо руками, тихо стонали и шептали молитвы. Игуменья подняла обезсилѣвшую Фелицату и почти перенесла ее къ себѣ на диванъ, подложила ей подъ голову подушку и заперла снова свои двери.

Прошло три дня. Въ монастырѣ всѣмъ было извѣстно, что Овечиха привезла свою невѣстку къ матери Досифеѣ, что выгнать изъ нея бѣса.

Бѣсъ оказался упрямый и игуменьѣ пришлось долго бороться съ нимъ и только съ помощью трехъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, удалось ей его выгнать, только теперь молодая женщина ос-

бѣла и стала какъ бы не въ себѣ. И точно, Фелицата была не въ себѣ; ее угнеталъ страхъ за содѣянный грѣхъ, тоска по своему погубителю, красивое лицо котораго день и ночь стояло передъ ея воображеніемъ. Холодный ужасъ охватывалъ ее при одной мысли снова вернуться къ постылому убивцу мужу.

Фелицата почти ничего не ѣла, ходила на всѣ службы въ церковь и ночью по-долгу простаивала на колѣняхъ и безъ словъ, безъ мыслей, со страстной мольбой смотрѣла на ликъ Богоматери.

Овечиха молчала и, не понимая душевнаго состоянія невѣстки, радовалась видимымъ признакамъ ея раскаянія и то тѣмъ, то другимъ жесткимъ словомъ старалась подчеркнуть и уяснить ей ея вину передъ мужемъ. Прошло еще три дня, Овечиха полагала, что достаточно нагостились и стала собираться домой. Теперь она рѣшила, что невѣсткѣ довольно каяться, что она о своей душѣ намолилась, пора и о тѣлѣ подумать.

— Мы, Фелицатушка, еще недѣльку погостимъ и домой пора... ты,—старуха положила руку на исхудалое плечо молодой женщины,—тоску свою отбрось, будетъ, теперь ѣшь хорошенько, да на воздухъ выходи, нагуляй тѣла-то себѣ, а то краше въ гробъ кладутъ... Какъ мужъ-то ласкать станетъ, что, спросить, съ моей кралею подѣлали, гдѣ ея грудь пышная, гдѣ щеки румяныя?..

Въ строгомъ и несложномъ умѣ старухи все складывалось ясно:—согрѣшила, покаялась, отмолилась и забыла. На всякій грѣхъ есть и отпущеніе. Все своимъ порядкомъ и въ свое время.

Фелицата густо покраснѣла и снова поблѣднѣла отъ словъ свекрови. Въ ея душѣ процессъ выздоровленія еще не наступалъ; она переживала, напротивъ, самое острое чувство тоски. Если бы она смѣла кинуться въ ноги свекрови и умолять ее оставить ее здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ,—можетъ быть покой и вернулся бы къ ней. Тишина, молитва, суровая обстановка и величественная картина окружающаго лѣса залечили бы, можетъ, ея больную душу, изгнали бы тревожные образы изъ ея сердца, и молодость вмѣстѣ съ возстановленнымъ здоровьемъ уравновѣсили бы снова поколебленную и стомленную душу молодой женщины.

Ѣхать теперь назадъ, опять на заводъ, къ мужу—Фелицатѣ казалось ужаснымъ.

— Какъ встрѣтиться, какъ говорить?.. И онъ вздумаетъ для того, чтобы прекратить сплетни, въ городъ съ нею пріѣхать... въ клубъ... а какъ тамъ „его“ встрѣтишь?—задрожала вся Фелицата и сжала руками голову.

— Нѣтъ, не вынесетъ она этого... не въ силахъ она будетъ на „него“ глядѣть и съ „нимъ“ говорить... Увидитъ она „его“ и помретъ со стыда, съ радости, съ горя... съ чего тамъ, все равно... а только разорвется сердце ея... не вынесетъ...

Черезъ два дня старая Овечиха назначила отъѣздъ. Фелицата покорно выслушала приказъ собираться въ обратный путь; въ послѣдній разъ она рѣшила выйти за ограду монастыря и подышать на просторѣ вольнымъ воздухомъ.

Поверхъ своей мѣховой шубки, одѣтой въ накидку, Фелицата набросила на голову большой, сѣрый пуховый платокъ и, привѣтливо поздоровавшись съ матерью привратницей, вышла за ограду.

Монастырь лежалъ на узкой равнинѣ, отрѣзанной какъ ломоть отъ окружающаго его лѣса. Направо шла скованная морозомъ, безгранично широкая лента рѣки, а влѣво, совсѣмъ близко, начинался лѣсъ; передовыя громадныя сосны, одиноко, отчетливо вырѣзываясь на ясномъ фонѣ зимняго дня, протягивали къ монастырю, какъ объятія, свои широкія лапы съ тяжелой пеленою снѣга, за ними стоялъ сплошной стѣною вѣчно-зеленый лѣсъ пихтъ, елей и сосенъ, а за лѣсомъ шла глухая тайга, и когда сильный вѣтеръ бушевалъ въ ней, она колотилась своими обледенѣлыми иглами и выла протяжно, долго, какъ стая голодныхъ волковъ. Прямо передъ монастыремъ равнина замыкалась перелѣскомъ съ „колками“, въ которыхъ крестьяне изъ ближайшихъ „заимокъ“ засѣвали пшеницу; дальше тянулись высокія „гривы“, длинныя, узкія, покрытыя блестящимъ снѣгомъ.

Холодное зимнее солнце безстрастно стояло надъ всею этой картиной, золотя верхушки лѣса, скользя румяной полосой по „гривамъ“, раздвигая окрестность, какъ волшебную панораму.

— Словно сказка,—подумала Фелицата,—безмолвно, тихо все кругомъ... ни человѣчьяго голоса, ни крика звѣринаго...

Она пошла дальше, миновала сторожевыхъ великановъ и вошла въ самый лѣсъ; надъ ея головой съ ели снялась громадная ворона и, помахавъ тяжелыми крыльями, понеслась надъ лѣсомъ съ пронзительнымъ громкимъ карканьемъ.

— Смерть предвѣщаетъ...—мелькнуло обычное суевѣріе въ душѣ Фелицаты.

Она пошла лѣсомъ, крѣпкій снѣгъ хорошо выдерживалъ ея шаги и она незамѣтно углубилась въ чащу.

— Должно по этой дорогѣ въ монастырь дрова возятъ-подумала она,—полозья видны... а это въ сторонѣ заячій слѣд ишь крестовъ-то крестовъ поотпечаталъ... кружилъ, косоглазы видно!..

Долго Фелицата шла все впередъ, безсознательно поворачивая то направо, то налѣво, двигаясь какъ въ забытьи.

Лѣсъ впереди ея разступался, а позади смыкался, словно отрѣзалъ ее понемногу отъ міра скорбей, изъ котораго она уходила. Подъ вліяніемъ величественнаго покоя природы, утихало ея наболѣвшее сердце, и ослабѣвшій умъ не вызывалъ больше ни манящихъ, ни пугающихъ призраковъ. Сухіе тревожные глаза ея теперь снова приняли свое прежнее прекрасное выраженіе доброты и нѣжности, на истомленномъ лицѣ ея появилась улыбка, и чувство тихаго, счастливаго покоя туманило ея голову.

Однако холодъ пробирался подъ шубку и платокъ и пронизывалъ ее, она инстинктивно куталась плотнѣе и шла быстро, постукивая замерзавшими ногами. Рѣсницы ея побѣлѣли, брови легли сѣдою полосой, дыханіе перехватывало въ груди. Кутаясь, вздрагивая, она смутно чувствовала, что надо вернуться; остановилась, оглядѣлась кругомъ и, увидя плотный сугробъ подъ громаднымъ кедромъ, раскинувшимся, какъ шатеръ, подошла къ нему и опустилась, невольно повинуясь страшной усталости и холоду, сковывавшему ея тѣло.

Присѣвъ на сугробъ, Фелицата оперла голову о стволъ кедра и сквозь спустившіяся вѣтви стала глядѣть вверхъ на клочокъ голубого неба.

— Хорошо... тихо, какъ въ пустомъ храмѣ!.. и не холодно... вотъ теперь, совсѣмъ не холодно, только спать хочется... Что, какъ теперь вотъ по этой дорожкѣ...—она слипающимися глазами стала глядѣть впередъ себя.—Да и дорожки-то нѣтъ никакой... какъ это я только шла-то?..—ей стало смѣшно, она тихо, по-дѣтски разсмѣялась.—Ровно меня кто за руку велъ... И что, какъ по этой дорожкѣ, да придетъ сейчасъ... сюда, Александръ Павловичъ... да возьметъ меня на руки да обниметъ, подыметъ и унесетъ... Куда унесетъ?.. А туда, далеко далеко... гдѣ никто насъ не найдетъ... Александръ... Павловичъ... Александръ...—Ей показалось, что красивое лицо инженера нагибается къ ней, синіе ласковые глаза смотрятъ близко-близко, вотъ румяныя уста коснулись жарко ея устъ...

Затрепетала она вся, руки разомкнулись, платокъ упалъ съ головы, черныя пышныя косы скользнули, что двѣ змѣи, и легли на снѣгъ бѣлый, распахнулась шубка и истома блаженства охватила всю грудь.

— Милый... милый...—шепчутъ побѣлѣвшія губы.

— Ахъ, что же это?..—судорожно метнулась она,—милаго нѣтъ...—исчезъ. И вдругъ слышитъ она шумъ, стукъ, словно въ ушахъ, въ головѣ у нея колеса какія-то вертятся, и видитъ она по дорожкѣ, прямо на нее бѣжитъ Евменій, лицо страшное, бѣлое, вихры рыжіе торчатъ за ушами, а глаза раскосые,—моя, говоритъ, жена Фелицата, не отдамъ, никто не смѣй трогать мужнюю жену... собакамъ скормлю, а „ему“

не отдамъ...—и кинулся къ ней, а кедръ, старый громадный кедръ, у пня котораго она сидѣла, спустилъ вдругъ вѣтви и и заплелъ ее, закрылъ, что стѣною, и ужъ только глухо-глухо слышитъ она, какъ шумитъ и рвется мужъ ея, и все тише, тише кругомъ, ничего не видно, только... ахъ!..—Сквозь вѣтви сіяютъ звѣзды, синія, красныя, нѣтъ, то не звѣзды — это неугасимыя лампады, а вотъ изъ-за нихъ видны чьи-то благостныя очи, глядятъ... глядятъ... и ровно солнечные лучи изъ нихъ исходятъ, свѣтло кругомъ стало и тепло-тепло, что лѣтомъ на припекѣ, и вотъ пальцемъ не шевельнуть, губы не размыкаются, совсѣмъ разомлѣла Фелицата подъ жаркими лучами синихъ очей. Чу!.. звонъ тихій... далекій, словно музыка, нѣтъ, это не звонъ и не музыка, это—„его“ голосъ, зоветъ... Иду... иду... и...ду...

Фелицата замолкла. Кругомъ нея стоялъ суровый лѣсъ, и деревья, поникнувъ вѣтвями, словно приглядывались къ своей нежданной гостьѣ, словно прислушивались къ ея лепету. Страшно, тихо въ лѣсу, только изрѣдка прыгнетъ бѣлка и съ гибкой верхушки посыпятся иглы снѣга, щелкнетъ гдѣ вѣтка сухая и снова все тихо тихо и только изрѣдка далекой музыкальной волной пронесется звукъ монастырскаго колокола, нѣжно, протяжно ударитъ и замретъ, и снова ударитъ и снова замретъ, какъ робкій и нѣжный призывъ, не получившій отвѣта...

VII.

Пашенка.

Неподалеку отъ города Т., верстахъ въ 7, а не то въ 10, тянется невеликій поселокъ, такъ домовъ пятнадцать, всѣ тесомъ шитые, всѣ съ вышками, крышами въ два ската, и всѣ глухой стороной на дорогу смотрятъ, а окнами во дворъ, да на широкія божьи поля. Странный то поселокъ: ни сѣютъ въ немъ, ни жнутъ, ни бороны, ни сохи тамъ ни въ одномъ домѣ не найдется, а въ поляхъ привольныхъ ходятъ кони сытые, да лосные, за изгородями пасутся круторогія холмогорскія коровы, а въ амбарахъ и закромахъ стѣнки трещатъ отъ насыпного хлѣба, въ клѣтяхъ и гумнахъ, что сѣмена огурцѣ, стоятъ мѣшокъ къ мѣшку съ крупчаткой, съ круп разныхъ сортовъ. Въ ледникахъ пересѣки надѣланы и леж. тамъ осетры да бѣлуги, а кругомъ нихъ, что дѣтки мал ютятся максуны, нельма, толстопузые золотые караси. Въ хихъ кладовыхъ висятъ жирные донскіе балыки, вязига, леные судаки, лещи да сазаны, такъ и мотаются безъ сч

а въ половушахъ и пряники медовые найдутся, и урюкъ, и медъ пчелиный, и вареные меда, и брага, и квасъ сыченый; все на своемъ мѣстѣ стоитъ и круглый годъ не переводится. Въ боковушахъ стоятъ ящики съ катанными свѣчами желтаго воску, бочки дубовыя съ лампаднымъ масломъ, чистымъ, какъ слеза праведника; лежатъ тамъ и мѣшечки ладона роснаго, висятъ запасныя лѣстовки, расшитыя шелкомъ и бисеромъ.

Урожай ли Господь пошлетъ на окрестную страну, или гнѣвъ Его голодомъ разразится, въ Пашенкѣ ни думушки, ни заботы. Никому изъ ея обитателей не надо будетъ печалиться какъ концы съ концами свести: была ночь, будетъ день, были полны закрома и впредь будутъ; и съ юга, и съ запада, и съ востока, и съ сѣвера пришлютъ друзья вѣсточку, а въ той вѣсточкѣ и капиталецъ будетъ завернутъ. Къ каждому празднику придутъ возы на околицу, и косой, хромоногій пастухъ Филимонъ заковыляетъ къ угловой избѣ, ударитъ въ било деревянное, и побѣгутъ изъ домовъ женщины въ черныхъ сарафанахъ съ бѣлыми рукавами, въ черныхъ платкахъ на головахъ. Станутъ онѣ встрѣчать возы, отбирать грамотки и благодарить христіанъ благодѣтелей, никогда, ни къ какому празднику не забывающихъ своими дарами тихую Пашенку.

Мужчинъ, кромѣ стараго Филимона, нѣтъ въ Пашенкѣ. Это старообрядческое женское общежитіе, гдѣ только вдовы да дѣвушки, есть и дѣти, сироты—при общежитіи воспитываются. Дѣвочекъ ростятъ, учатъ пѣнію, уставу, разнымъ бѣлоручнымъ работамъ, а затѣмъ — какая хочетъ при общежитіи останется, какая бѣличкой куда въ какую другую обитель уйдетъ, у иной голосъ объявится и пойдетъ она въ «головщицы» на клиросъ въ какой нибудь богатый скитъ. Иная собой выйдетъ, и грамота дастся ей, такую въ любой городъ пошлютъ къ богатымъ старообрядцамъ стоять «негасимую свѣчу» *), да грамотѣ учить малолѣтнихъ дѣтокъ.

Сиротъ мальчиковъ въ Пашенкѣ не держутъ дольше 5—7-лѣтняго возраста, ихъ охотно берутъ ближніе и дальніе купцы сибирскіе въ воспитанники, и надо правду сказать, что въ этихъ семьяхъ воспитанника мало чѣмъ отличаютъ отъ своихъ дѣтей, а коли хорошъ выйдетъ, такъ и въ наслѣдствѣ стоитъ на правахъ родного сына.

Образовалась Пашенка уже полвѣка тому назадъ и разрослась она вся отъ одной избы.

О ту пору жило въ городѣ Т. семейство истыхъ христіанъ Телятниковыхъ. Сыновей имъ Богъ не далъ, а одна дочь Глафира росла и воспитывалась въ истинной вѣрѣ, только лицомъ она не вышла, да и вся какъ бы съ изъянцомъ была.

*) Стоять «негасимую свѣчу»—читать заупокойныя и другія молитвы.

Здоровья плохого и лѣтъ 16-ти порѣшила она съ родительскаго согласія въ «вѣковушахъ» остаться. Прожили старики годовъ до шестидесяти и рѣшили промежъ себя, что пора оставить міръ грѣховный, очистить тѣла свои послѣднимъ огнемъ смертнымъ и предстать предъ Господомъ чистыми, какъ сосудъ елейный.

Даромъ что Парамонъ Степановичъ былъ тысячникъ, имѣлъ свои крупчатые постава и рыбный промыселъ, онъ не пожалѣлъ ничего оставить, распредѣлилъ всѣ свои „богачества" по разнымъ дѣламъ богоугоднымъ, обезпечилъ свою Глафиру, купилъ ей по ея собственному желанію небольшую землицу съ пашнями, лугами и лѣскомъ прилежащимъ, выстроилъ ей двѣ большія, бревенчатыя избы, отдѣленныя одна отъ другой тесовыми холодными сѣнями и крытыми переходами. Обѣ избы съ чуланами, съ каморками, тайниками, а внизу, въ теплой половушѣ съ толстыми глухими стѣнами, устроилъ ей скрытую часовню, иконостасъ въ два «тябла» съ иконами въ дорогихъ золото-серебряныхъ ризахъ съ неугасимыми лампадами.

Порѣшила Глафира жить въ этой избѣ послѣ смерти родителей и принимать къ себѣ туда такихъ же дѣвицъ, голубицъ чистыхъ, какъ она сама, или брать дѣтей-сиротъ на воспитаніе и обученіе. Назвала она свое убѣжище Пашенкой.

Между тѣмъ родитель ея, Парамонъ Степановичъ, наложилъ на себя сорокадневный постъ, втеченіе котораго онъ ежедневно послѣ «часовъ» и долгаго «метанія» передъ иконами, ѣздилъ въ лѣсъ, рубилъ собственноручно намѣченныя заранѣе сосны, обдиралъ ихъ, обтесывалъ бревна и клалъ у себя во дворѣ въ сушильню. Когда все было готово, онъ самъ, безъ всякой помощи, на заднемъ огородѣ, сложилъ себѣ срубъ небольшой «безоконный», а затѣмъ въ одинъ зимній день, хорошій да тихій, когда солнышко ясно, словно божье око, глядѣло на землю, простились старики, и мужъ и жена, съ своей милой дочерью Глафирой, расчистили снѣгъ кругомъ новаго сруба, обложили его весь соломой сухой, взошли туда въ бѣлыхъ домотканныхъ рубашкахъ и заперли за собою низенькую дверь, а срубъ внутри по колѣно или больше былъ полонъ всѣми стружками, что отъ работы накопились. Долго молились тамъ старики, затѣмъ открылась тихонечко дверь, поджегъ Парамонъ Степановичъ «смолянкой» *) солому кругомъ сруба снова заперъ за собою на-глухо дверь, поджегъ и стружк внутри и запѣлъ онъ съ женою источнымъ голосомъ канун пустыннику Парамону.

Набѣжали сосѣди и Глафира тутъ же стоитъ среди всѣх

*) «Смолянка»—скатанная береста, пропитанная смолой.

поснимали всѣ шапки, двуперстнымъ знаменіемъ крестятся и громко воздаютъ хвалу Создателю за христіанскую кончину Парамона и супруги его Евпраксіи.

Такъ и сгорѣли Глафирины родители и, хоть это было давно, полвѣка тому назадъ, а до сихъ поръ помнятъ въ городѣ Т. смерть этихъ, какъ оказалось, послѣднихъ самосожигателей.

Слава о Глафирѣ, какъ объ начетчицѣ и дѣвицѣ самого чистаго житья, разнеслась далеко. Скрытая молельня ея, не имѣвшая тогда и «била», стала служить мѣстомъ сборища для многихъ «вѣрныхъ». Умиралъ ли кто, болѣлъ ли кто тяжко, всѣ посылали за Глафирой и получали большую усладу и помощь отъ ея тихаго ровнаго чтенія, отъ ея поучительныхъ бесѣдъ.

Были и такіе случаи, что доставалось ей и выморочное наслѣдство, и возлѣ ея первыхъ избъ стали строиться и другія.

Уже давно померла Глафира, изъ Пашенки выстроился цѣлый поселокъ; въ большихъ, просторныхъ домахъ и въ высокихъ свѣтлицахъ живутъ вдовы, вѣковуши и дѣвицы-сироты, молельня разрослась. Сзывая всѣхъ на моленье, громко бьетъ въ деревянное «било» старица Софья. Всякіе дары въ избыткѣ стекаются въ Пашенку, два раза въ годъ съѣзжаются туда и гости, все купцы, молодые и старые, изъ близка и изъ далека, слушаютъ службу въ часовнѣ, которую правятъ старицы, хвалятъ пѣніе молодыхъ клирошанокъ, а затѣмъ устраиваютъ по избамъ посидки. Словомъ, живетъ Пашенка не тужитъ, а только далеко-далеко ей отъ того духа и нрава, который придавала ей умершая ея устроительница мать Глафира...

Смеркалось; на землю ложилась вечерняя тѣнь; тамъ за полями, темной, кудрявой полосой вытянулся лѣсъ и окаймилъ небо. Вспыхнула звѣздочка, одна, другая, изъ-за лѣса выкатился полный мѣсяцъ и сталъ на небѣ, все серебря и освѣщая кругомъ. Высокія острыя крыши домовъ въ Пашенкѣ пересѣкли дорогу черными прерывчатыми тѣнями. Въ небольшихъ оконцахъ замигали огоньки керосиновыхъ лампочекъ подъ цвѣтными самодѣльными колпачками. У домиковъ послышалось движеніе, топотъ ногъ, голоса. Степенно шмыгали окутанныя въ теплые платки матери, старицы и Христовы невѣсты. Накинувъ на плечи шубейки, повязавъ въ роспускъ шерстяные платочки на голову, въ перегонку бѣгали келейныя дѣвицы, молоденькія клирошанки, сироты и воспитанницы; всѣмъ было дѣла вдосталь. Сегодня къ ночному бдѣнію ждали гостей наѣзжихъ, нужно было все досмотрѣть и приготовить. Три «стоящія» сбились съ ногъ у кухонныхъ очаговъ, а заботливыя «матери» все подносили провизію, да все разнообразили кушанья, готовившіяся къ ужину. Паранюшка, крестная дочь Фаины Сергѣевны, что пріѣзжала къ Круторого-

вымъ звать Ивана Артамоновича въ Пашенку, то и дѣло выбѣгала за околицу и зоркими черными глазками всматривалась въ темную даль дороги и, отстранивъ съ головы теплый платокъ, чуткимъ ушкомъ вслушивалась, не несутся ли издали знакомые кони...

По ровной, какъ бѣлая скатерть, дорогѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, летятъ казанскія расписныя саночки и въ нихъ сидятъ два друга: Иванъ Артамоновичъ Круторогов и Евменій Федоровичъ Овечкинъ, оба тверезые, веселые, оба въ романовскихъ, мягкихъ, какъ бархатъ, полушубкахъ, въ смушчатыхъ шапкахъ-папахахъ и въ ирбитскихъ рукавичкахъ, разшитыхъ поверху цвѣтистой синелью; на шеѣ намотаны шарфы шолковые, двуличные, кушаки опоясные тоже шолковые съ аграмантными кистями. Въ ногахъ у нихъ и въ ящикѣ подъ сидѣньями стоятъ короба съ разными тонкими гостинцами, съ конфетами въ затѣйныхъ коробкахъ отъ Трамбле изъ Москвы, съ шоколадомъ, пряниками, съ мороженнымъ, виноградомъ и яблочками, со свѣжими лимонами и другими дорогими лакомствами. Для Ванюшки Круторогова это все наплевать, такъ, дѣвичьи заѣдки, у него сердце болитъ, какъ бы не разбились бутылки съ ликерами и винами, которыя онъ самъ тщательно перевернулъ соломою и уложилъ рядышкомъ въ ящикъ, подъ кучерское сидѣнье. Ванюшка очень нервенъ и воображеніе его часто играетъ, иную минуту ему такъ ясно представится, какъ вдругъ осядетъ простая доска, обитая сукномъ, на которой сидитъ кучеръ, и толстый Тимофей рухнетъ всей тяжестью на корзинку съ бутылками. Ванюшка даже крикнетъ: сиди легче, проклятый! и тутъ же одумается, отплюнется и сотворитъ въ сторону молитву.

Евменій Федоровичъ хоть и расчесалъ свою рыжую бороду на двѣ стороны по-московски, хоть и болтаетъ и зубоскалитъ, а всетаки на душѣ его грусть тоска черной кошкой свернулась и нѣтъ-нѣтъ да и подавитъ его. Гдѣ-то его ясынька Фелицата?.. то-то, поди, кается, да плачетъ... а маменька, да мать Досифея въ два хвоста ее началятъ, изведется моя молодуха постомъ да молитвой!.. весь жирокъ свой пуховый сдастъ!.. Эхъ! думы невеселыя, выпить бы теперь, да забыться... да выпить-то нельзя: обѣщали они сразу на большое стояніе въ часовню прибыть. Ну погоняй что ли, Тимофей! И подхватили кони грудастые, далеко выкидываютъ ногами передними, пофыркивая, быстрѣй несутъ легкія казанскія саночки-самокаточки. А за этими санями другія летятъ съ гиксами, перегнать стараются, а тамъ и еще, и еще, а вотъ изъ поселка совсѣмъ имъ на-перерѣзъ вылетѣлъ конь соловый и понесъ впередъ легкій коробокъ молодого купца желѣзнорговца, Тетеркина.

— Анъ врешь!—крикнулъ Ванюшка,—наддай, Тимофей!

Рванулись звѣри круторогoвскіе и оставили позади себя солового.

— Нако-сь, выкуси! — кричитъ ему съ хохотомъ Овечкинъ.

Хромой Филимонъ два раза дернулъ деревянное било въ знакъ того, что гости пріѣхали, и заковылялъ отпирать околицу. Чинно, шагомъ, кони за конями, въѣхали гости званные и, повернувъ налѣво отъ поселка, остановились передъ большой двухэтажной «въѣзжей», гдѣ для всѣхъ готовъ былъ и пріютъ, и ночлегъ.

Помылись гости, поприправились, прифрантились и слышатъ, какъ бьетъ било и зоветъ ихъ въ часовню на большое стояніе.

Рѣзче и рѣзче въ сухомъ морозномъ воздухѣ сыплятся удары деревяннаго била. Съ узкаго крыльца въ глубь по лѣстницѣ, идущей въ молельню, сходятъ старицы, матери, пѣвчія дѣвицы, словомъ все общежитіе, кромѣ тѣхъ, что задержала неотступная домашняя работа. Вмѣстѣ съ ними, тѣснясь немного въ сторонку, идутъ и гости, разглядывая въ полутьмѣ румяныя лица и лукаво потупленные ясные глазки молодыхъ богомолокъ.

Ванюшка Круторогoвъ чуть не нарушилъ весь чинъ вхожденія въ молельню, метнулся, придавилъ ноги Овечкину, а тотъ не стерпѣлъ, — выругался. Параня, какъ шла мимо, больно - пребольно щипнула за руку Ивана Артамоновича и, глазъ не поднявъ, не улыбнувшись, такъ и прошла въ молельню.

Давно уже часовня въ Пашенкѣ расширилась и украсилась, хотя по прежнему оставалась скрытою въ обширномъ подпольѣ. Вся передняя стѣна ея обставлена образами стариннаго темнаго письма въ дорогихъ тяжелыхъ кованыхъ ризахъ, украшенныхъ и камнями самоцвѣтными. Иконостасъ въ четыре тябла, подъ каждымъ образомъ виситъ пелена, бархатная или атласная, шитая жемчугомъ и золотою битью. Передъ иконами горятъ лампады неугасимыя, а кругомъ ихъ большіе «налѣпы» *) темно-желтаго воска, катанные руками богомольныхъ старицъ.

Мать Фаина правитъ службу, читаетъ громко, ясно; у ставщица Аглая отвѣчаетъ ей; клиръ подхватываетъ. Параня в сокимъ, чистымъ сопрано ведетъ весь хоръ, а молящіеся— я щины направо, мужчины налѣво — кладутъ поясные и з ные поклоны.

) Свѣчи.

Часа $1^1/_2$ продолжалась служба, затѣмъ мать Фаина провозгласила прощу.

Пропуская мимо себя всѣхъ гостей, мать Августа, завѣдывавшая столовою, съ поклономъ просила всѣхъ въ келарню откушать вечернюю трапезу.

За ужиномъ гости сидѣли опять-таки отдѣльно, молодыя сироты да воспитанницы обносили ихъ кушаньями и угощали, ласково прося откушать, попринудиться, не брезгать хлѣбомъ-солью сиротскою. Подавали четыре блюда: капуста краснозапеченая и капуста просто квашеная съ осетриной и бѣлужиной, уха съ налимьими печенками и молоками, пироги со стерлядью, съ нельмой и лукомъ, съ вязигой и бѣлужиной,— крытые, съ сухой коркой, нѣжные, какъ пухъ, съ растегнутой середочкой. Затѣмъ шли пельмени съ рыбьимъ фаршемъ, затѣмъ пшенная каша съ изюмомъ и молокомъ. Обносили всѣхъ и брагой, и квасомъ сыченымъ, только вина не было, и у Ванюшки вся внутренность горѣла: давно уже жаждалъ онъ и съ тоской вспоминалъ, что у него на въѣзжей все стоитъ приготовленнымъ.

Окончилась трапеза, гости сотворили обычное метаніе передъ матерями и всѣ удалились во въѣзжую. Матери попрощались съ молодыми дѣвицами и всѣ разошлись. Смолкла Пашенка, загасли всюду огни и только мѣсяцъ, чуть-чуть скрививъ лицо свое и съ какою-то лукавой недовѣрчивой улыбкой, глядѣлъ на поселокъ...

Видно, крѣпко спали матери и христовы невѣсты, видно, спокойныя были имъ сновидѣнія, коли ни одна изъ нихъ не слыхала ни стука, ни шума, ни смѣха взрывчатаго по всѣмъ тайникамъ и переходамъ. Всюду на вышкахъ, въ свѣтлицахъ зажглись, замелькали снова огоньки пестренькіе, подъ цвѣтными колпачками; столы накрылись бѣлыми, вышитыми столешниками и молодыя клирошанки-сироты, послѣ сытнаго ужина въ келарнѣ, забавлялись съ пріѣзжими гостями сладкими «заѣдками», да выпивали одну-другую рюмочку дорогого иноземнаго вина.

Въ большой просторной комнатѣ, что занимала Параня черноглазая, да подруга ея, толстая бѣличка изъ сосѣдняго скита, Секлетея, ожидали тоже гостей. Параня сбросила платокъ съ головы и черная густая коса ея упала и до пол вины разсыпалась причудливыми кольцами; открыла Пара свою маленькую шкатулочку, достала оттуда коралловыя с режки и вдѣла въ уши, встряхнула пышные кисейные рука бѣлой сорочки и оправила синій кубовый сарафанъ. Глядя нее, и Секлетея сняла головной платокъ, со смѣхомъ швы нула «покрывашку» на комодъ и стала помогать подругѣ с бирать чай.

Параня давно знала семью Круторoговскую, она родилась и выросла на ихъ кожевенномъ заводѣ, не разъ гащивала въ большомъ домѣ, сладко ѣла, сладко пила и свободно съ Ванюшкой играла въ прятки да жгуты. Ванюшка хоть и старше былъ ея, да духомъ простъ и любилъ возиться съ ребятами.

Когда Параня подросла, между нею и Ванюшкой промелькнуло что-то похожее на болѣе нѣжное чувство, но тутъ умеръ Парашинъ отецъ, старшій приказчикъ кожевеннаго завода, и пока шли суды до толки, какъ быть съ сиротой, пріѣхала ея крестная мать Фаина изъ Пашенки и увезла ее въ общежитіе. Съ тѣхъ поръ она всего три раза видала Ванюшку и то все подъ надзоромъ.

У Парани были свои завѣтныя мечты, хотѣлось ей войти въ домъ Круторoговыхъ невѣсткою, женою старшаго сына, Ивана Артамоновича. Знала она, что Ванюшка пьетъ, и потому хорошая невѣста не пойдетъ за него, знала она и то, что самъ онъ ни за кого не посватается, а потому и хотѣлось ей такъ подвести, чтобы иного выхода, какъ подъ вѣнецъ, не было для Ванюшки.

— Идутъ!—громкимъ шопотомъ упредила Секлетея Параню, вертѣвшуюся передъ маленькимъ зеркаломъ. По лѣстницѣ послышались шаги и въ свѣтелку вошли Иванъ Артамоновичъ Круторoговъ и Евменій Федоровичъ Овечкинъ. Оба успѣли «освѣжиться» на въѣзжей и теперь являлись веселые, нагруженные пакетами, тюричками и кулечками; изъ всѣхъ кармановъ, даже изъ растегнутой пазухи, глядѣли бутылки съ винами, романеями и ликерами.

— Паранюшка, черноокая, помоги... родная!.. Сей же часъ все изъ рукъ выскользнетъ...—шепталъ Ванюшка.

— Свѣтъ—Секлетеюшка, потревожьте ваши пышности, опростайте карманы мои...—молилъ Овечкинъ.

Дѣвушки съ хохотомъ принялись освобождать гостей отъ ихъ сладкой ноши.

Вскорѣ весь столъ покрылся тарелочками и блюдцами, поставецъ посудный стоитъ пустой, обѣ его распахнутыя дверцы, какъ раскрытыя руки человѣка, казалось, говорили: «ну, господа, все, что имѣлъ, отдалъ, больше не спрашивайте».

Овечкинъ съ Секлетеюшкой откупоривали бурачки съ зернистою икрой, рѣзали розовую, нѣжную, какъ масло, семгу и тихонько, какъ изъ подъ полы, оглядываясь по всѣмъ сторонамъ, разложили на мелкія тарелки ветчинку вестфальскую и скорѣе прикрыли «погань» другою, глубокою тарелкой.

Ванюшка раскупоривалъ бутылки, а Параня возилась со ластями, ровно кошечка игривая, то съ тѣмъ, то съ другимъ бращаясь къ Круторогову: то нагнется къ нему и прилется пышною грудью, то коса ея обовьется вокругъ его шеи,

то жаркое дыханье обожжетъ его щеку. Ванюшка отодвигается, бормочетъ: святъ... святъ... но заигрываніе красивой дѣвушки бросаетъ его въ жаръ и въ холодъ. Онъ съ самаго пріѣзда изъ «поганаго» Парижа соблюдаетъ себя и, не выходя изъ своей боковушки, молится, постится,—пьетъ, правда, но отъ всѣхъ другихъ грѣховъ воздерживается.

Овечкинъ, усадивъ Секлетеюшку, угощаетъ ее ванильнымъ ликеромъ и глупая дѣвушка пьетъ съ удовольствіемъ вкусный, сладкій сиропъ. Пышныя, рыжеватыя кудри выбились изъ ея косы, длинными кольцами висятъ на лбу, за ушами; полныя щечки, покрытыя, какъ персикъ, нѣжнымъ пушкомъ, такъ и пылаютъ, большіе голубые глаза стали влажны, пунцовыя губы свѣжаго рта открылись, высокая грудь такъ и волнуется. Овечкинъ пьетъ и смѣется и смѣшитъ дѣвушку, точно стараясь забыть горе горькое, что шевелится на сердцѣ. Секлетея чуть-чуть напоминаетъ его красивую тихую Фелицату, и Овечкинъ льнетъ къ дѣвушкѣ тѣснѣе, тѣснѣе... Дѣвушка съ короткимъ нервнымъ смѣхомъ встаетъ и направляется къ низенькой двери.

— Ты куда?..—кричитъ ей Параня.

— Самоваръ ставить,—говоритъ Секлетея.

— А ты куда же?..—вопитъ Ванюшка.

— Безъ меня гдѣ же ей управиться съ самоваромъ!..—смѣется Овечкинъ и исчезаетъ за дѣвушкой.

— Ванюшка, кусъ ты мой сахарный, соколъ мой поднебесный... сластенъ мой!..—шепчетъ Параня и вдругъ обвивается руками вокругъ шеи Ванюшки и начинаетъ жарко-жарко цѣловать его.

Ванюшка все тише и рѣже шепчетъ: святъ... святъ... истома охватываетъ его, руки горячо, жадно обвиваетъ стройный дѣвичій станъ.

Борется Ванюшка съ соблазномъ, но силенъ дьяволъ, что промежъ людей ходитъ и, аки левъ рыкающій, ищетъ кого поглотить и—поглощаетъ Ванюшку. Гдѣ же и бороться слабому человѣку съ дьявольскими кознями!..

На другой день солнышко всходитъ ясное, холодное и далекое отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, одинаково свѣтитъ и правымъ, и неправымъ.

Изъ всѣхъ силъ старается старица Софья бить въ «клепало» и чинно, пара за парой, идетъ все общежитіе слушать и пѣть утреню. Изъ гостей никто не присутствуетъ, вся въѣзжая спитъ и храпитъ, какъ одинъ человѣкъ.

Проснулся Ванюшка Круторороговъ поздненько, схватил свой халатикъ на лисьемъ мѣху, да валенки, одѣлся, подстелилъ коврикъ подъ ноги, всталъ около столика, на которомъ съ минуты своего пріѣзда, поставилъ икону Моисея Мурин

того самаго, кому отъ виннаго запойства молятся, взялъ лѣстовку въ руки и сталъ справлять уставные поклоны. Стукнулся разъ лбомъ объ полъ, стукнулся два—да вдругъ его и осѣнило, остался онъ на полу лежать и все, что произошло ночью, какъ въ огненной картинѣ, передъ нимъ предстало.

— Уловила таки меня въ сѣти свои прелестница окаянная!.. мысленно завопилъ онъ.—Погубилъ я дѣву чистую, овцу стада истиннаго!.. Ждетъ меня теперь на томъ свѣтѣ тьма кромѣшная, червь безконечный, тягучій станетъ точить меня... дьяволы зеленые станутъ меня на жгучемъ огнѣ поджаривать!...— и залился Ванюшка горючими слезами.

— Чего ревешь.... чего ревешь?..—спрашивалъ его Евменій, трясь за руку.

Ванюшка всталъ и повѣдалъ другу своему Евменью Федоровичу весь свой грѣхъ окаянный.

У Овечкина и безъ него сосало подъ ложечкой и самому ему было и соромно, и тяжко за свое житье непутевое, горько во рту было, хоть снова напиться: онъ и потянулся за бутылкою и сталъ наливать себѣ стаканчикъ за стаканчикомъ.

— Знаешь, братъ Ванюшка, что! Поправь ты бѣду свою, жалко мнѣ стало Паранюшку... женись на ней!.....

— Жениться?... Мнѣ?...—Иванъ Артамоновичъ вскочилъ на ноги, хмѣль его почти прошелъ; худой, высокій, съ впалыми темными глазами, горѣвшими недобрымъ огнемъ, онъ былъ теперь настоящій фанатикъ, воспитанникъ своихъ бабушекъ и тетушекъ.

— Да знаешь ли ты, что всякъ грѣхъ, кромѣ еретическаго, оплаканный, не только прощается, но еще и возвышаетъ душу провинившагося черезъ слезное покаяніе!.. Но бракъ есть грѣхъ, тягчайшій изъ всѣхъ, и никакими искупленіями не очищается, ибо въ бракѣ человѣкъ каждый день блудъ совершаетъ и не кается, а въ похвальбу себѣ грѣхъ тотъ смертный считаетъ!... А мой грѣхъ замолимый, покаюсь я—и снова чистъ отъ грѣха буду...—И, бросившись передъ иконою, Ванюшка сталъ бить поклоны покаянные.

— Окстись, окстись....—бормоталъ Овечкинъ,—это ужъ ты, братъ, перехватилъ!... выходитъ, что мы съ тобой одного полка, да разнаго вѣрованія люди... нѣтъ, братъ, бракъ— дѣло святое... Спаситель сказалъ...

— Отступись!...—крикнулъ на него Ванюшка и, бросивъ лѣстовку, принялся тоже опохмѣляться.

Три дня Круторогов и Овечкинъ вели душеспасительные пиры и пили, не выходя изъ въѣзжей; на четвертый пора шло гостямъ по домамъ, и Тимофей, распрощавшись съ Евсталіей, молодой стряпущей изъ общенской кухни, снялъ

сидѣнье въ казанскихъ саночкахъ, навалилъ туда вровень сѣна, прикрылъ запаснымъ ковромъ, положилъ два тѣла хозяйскихъ, сѣлъ на облучокъ, свистнулъ и помчалъ обратно изъ Пашенки купецкихъ сыновей, съѣздившихъ на богомолье.

Поплакала Паранюшка и завила горе веревочкой, не по силамъ вѣтку клонила, ну та и вырвалась, а, вырвавшись, ее же въ лобъ и хватила. Что будешь дѣлать?.. Всяко бываетъ...

На пятый день и остальные всѣ гости распростились съ добрыми хозяевами, поблагодарили кто чѣмъ могъ за хлѣбъ-соль и чинно, какъ въѣхали конь за конемъ, такъ и выѣхали на широкую, ровную дорогу, и до 23 іюня, до самой Аграфена Купальницы, заперъ за ними хромой Филимонъ околицу.

Закурились трубы у двухъ большихъ избъ, что стояли въ Пашенкѣ на самомъ выгонѣ. Это сироты топили баню и съ закатомъ солнечнымъ все общежитіе перепарилось, перемылось и съ молитвой отошло на мирный сонъ.

На другой день, послѣ бани, всѣ сходили на часы, пропѣли канонъ на два лика съ катавасіями и всѣ принялись за обычную работу. Кто ткетъ коверъ, кто золотомъ облаченье вышиваетъ, кто на ручномъ станкѣ пояски съ молитвою прядетъ, всѣ чинно, смирно, всѣ при дѣлѣ, вездѣ кипитъ непокладная работа. Мать Фаина съ матерью Софьей счетъ сводятъ. Первая смотритъ въ роспись прихода, гдѣ поименовано все, что гости привезли съ собою въ даръ общежитію, а вторая читаетъ все, что израсходовано за эти 5 дней на пріемъ гостей. Лицо матери Фаины стало свѣтлѣе да добрѣе, потому ясно видитъ она, что далеко приходъ деньгами и яствами превысилъ расходъ. Мать Софья крестится—слава Тебѣ Господи, не оскудѣла еще рука дающаго.

VIII.

Бѣглый дьяконъ Савка.

На чистой Круторогoвской кухнѣ сумерничали. Въ большомъ домѣ хозяева отобѣдали и полегли отдыхать: теперь, значитъ, вплотную до «паужина» стряпущія были свободны

По лавкамъ, покрытымъ чистымъ рядномъ, сидѣли бабы дѣвки и мужики, работавшіе на Круторогoвскомъ дворѣ. Все собрались послушать разсказовъ бѣглаго дьякона Савки. Сам Савка, мужчинище матерый, что твой медвѣдь, сидѣлъ на ко ротенькой лавкѣ, промежъ двухъ оконъ и, опершись на тяжелую, суковатую палку, перекидывался словами съ собравшими слушателями.

Савка появился въ городѣ Т. всего два года тому назадъ, да и то проживалъ тутъ не сплошь, а такъ набѣгами.

— Нѣтъ Савки, провалился, собачій сынъ,—скажетъ о немъ, кто-нибудь. Глядь, Савка ужъ въ городѣ объявился и въ чьей-нибудь молельнѣ правитъ службу. Купцы его любили, особенно за голосъ. Какъ выпьетъ онъ, да во всю, какъ есть, гаркнетъ «Многая лѣта», такъ по ту сторону рѣки лошади съ перепугу шарахаются. Вотъ какой голосина!

Всѣ называютъ Савку бѣглымъ, а никто доподлинно не знаетъ, откуда онъ бѣжалъ. Самъ онъ говоритъ, что убѣгъ изъ града первопрестольнаго, отъ лютыхъ враговъ вѣры истинной, а людишки болтаютъ,—бѣжалъ онъ отъ плетей изъ подъ самаго Березова, куда угодилъ по приговору односельчанъ за конокрадство. Онъ себя дьякономъ величаетъ, ну, а по обличью—чистый варнакъ, ничего въ немъ духовнаго нѣтъ, кромѣ подрясника, да и тотъ на теплой зайчинѣ. Волосы у Савки короткіе, клочьями и съ плѣшиной, мѣстами на головѣ пролысины, словно моль выѣла. Лицо корявое, носъ толстый, а глаза острые, черные, сидятъ во впадинахъ глубоко, какъ мыши въ норахъ.

Иванъ Артамоновичъ первый другъ и покровитель Савки, за то, что тотъ хорошо объ адѣ разсказываетъ. Такъ у него все ясно и толково выходитъ, словно онъ самъ родомъ оттуда. Весь адъ, по его словамъ, на восемь частей раздѣленъ. Семь округовъ по числу семи смертныхъ грѣховъ, и въ каждомъ округѣ свой набольшій съ мелкими чертенятами и съ особыми пріемами, какъ и чѣмъ кого мучить. А восьмой округъ—это какъ бы главная квартира сатаны и канцелярія, гдѣ онъ судитъ и правитъ.

Какъ заберется Савка въ боковушку къ Ивану Артамоновичу, такъ домашніе и знаютъ, что теперь заюродствовалъ Ванюшка, станетъ кадить, пѣть стихи покаянные, бить себя въ грудь, плакать и пить мертвую. Тутъ ужъ никто не суйся, припасай только бутылки, да всякую кислую и соленую прикуску и ставь все снаружи, на полъ, около дверей. Просунется волосатая лапища Савки, захватитъ что ни на-есть и снова запретъ двери. И такъ бодрствуютъ они, и молятся, смотря по силѣ и вѣрѣ, сколько выдержатъ. Какъ затихнуть окончательно, такъ значитъ—готово: отпирай дверь всѣло, входи и поступай съ двумя тѣлами, лежащими безъ движенія, какъ знаешь.

Съ Савкой—короткій разборъ: выволокутъ на дворъ, кликнутъ татарина Юшку и велятъ ему лить на буйную дьяконскую головушку ушатъ за ушатомъ студеной воды, пока очуется. Ну, а Ванюшка всецѣло поступаетъ въ вѣдѣніе своей матушки родимой и тетушекъ. Его отчитываютъ, оттираютъ

масломъ четверговымъ, отпаиваютъ водою съ наговоромъ и мало по малу приводятъ снова въ человѣческій видъ.

— Саввушка, я те «спасенной» бражки приготовила...— говоритъ румяная кухарка Матрена Сидоровна и ставитъ передъ дьякономъ большой берестовый туесъ, полный пѣнящейся браги.

— Спаси тя Христосъ!—отвѣчаетъ Савка и, облизавъ губы, расправивъ щетину свою, отхлебываетъ браги.—То ись гдѣ ни дей, а ужъ такой бражки, какъ Матрена Сидоровна варитъ, въ жизть не найдешь... Вотъ и «шанички» тоже...

— Ахъ ты, роженый!.. А вѣдь «шанички»-то есть. Нонесь къ полднику пекла. Сейчасъ въ закуткѣ еще тепленькія небось лежатъ... Глянь, Акулинушка!..

Толстая, какъ ступа, Акулина, съ тихимъ смѣхомъ поднялась со скамейки, отодвинула заслонку русской печи и изъ «закута» (бокового круглаго отверстія) достала плошку съ «шаньгами» и поставила ее передъ Савкой.

— Ровно ты, Савушка, у насъ дѣдъ-всевѣдъ, такъ скрозь печку и увидѣлъ наши шаньги... Кушай во славу божью...

Дьяконъ мигомъ спроворилъ двѣ-три ватрушки сдобнаго, крутого тѣста, отхлебнулъ чуть не половину туеса браги, обтеръ ротъ полою, перекрестился трижды двуперстнымъ знаменіемъ.

Матрена Сидоровна подсѣла къ нему.

— Дѣльце есть до тебя, Саввушка...

— Секретное, что ль?..—спросилъ Савка, уписывая шаньги и запивая брагой.

— Каки таки у меня съ тобой секреты?..—разсмѣялась стряпуха.—Алена Митревна утресь прибѣгала, тебя спрашивала...

— Глазиха? Ну, чего такъ?

— Бѣда неизбытная... ужъ она сердешная выла-выла, у тебя все совѣту спрашивать хотѣла. Вѣдь ихъ изъ свово-то гнѣзда родного гонятъ.

— Знаю.—Савка погладилъ бороду.—И выгонятъ, ничего тутъ не подѣлаешь, предѣлъ, значитъ.

— Да какую же они такую праву имѣютъ, собственное, родителями нажитое гнѣздо срыть и землю, въ которой ихъ, значитъ, кости лежатъ, взять въ казну?

— Да вотъ поди тутъ судись! Такъ и будетъ, не уйду: сами—выгонятъ ихъ изъ дому, домъ какъ есть сроютъ и і землѣ той пойдетъ чугунка. Знаю я это, не впервой виж проводили ужъ такую дорогу и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бр дить пришлось... Отчужденіемъ это они называютъ, то ис было твое, а теперь, молъ, чужое, получай деньги и отхо въ сторонку.

— Чудакъ человѣкъ, да коли она продавать не хочетъ!..— послышался чей-то голосъ.

— Все едино—возьмутъ,—отвѣчалъ Савка.

— Ну вотъ, вотъ и она говоритъ,—продолжала стряпуха,—прислали ей, вишь, бумагу, сколько она хочетъ за домъ съ землицей, ну она и говоритъ: золотомъ засыпьте, свой домъ не отдамъ, да еще и плюнула на посланнаго, безстыдники, говоритъ, въ правду безстыдники... тутъ у меня подъ спудницей дѣдовская душа живетъ, а они—на!.. Продай домъ!.. да только этимъ, Саввушка, она не отбоярилась; за плевокъ онъ содралъ съ нея своимъ порядкомъ, иначе, говоритъ, засужу, а коли, говоритъ, такого-то числа ты не выйдешь, выволокутъ тебя за хвостъ и на твоихъ глазахъ крышу ломать учнутъ... Вотъ съ эвтого дня Глазиха какъ бы ума рѣшилась, воетъ да ищетъ все, кто бы защитилъ.

— Ужъ тутъ вой не вой, а защиты ей не найти, потому казна!.. Всѣ дома по берегу сроютъ и тутъ пойдетъ подъѣздной путь, товары, значитъ, съ рѣки, съ барокъ и пароходовъ будутъ грузить и перевозить на главную чугунку, а съ главной чугунки обратно на рѣку.

— Да тамъ не одинъ домъ Глазихи,—вступился конюхъ Сергѣй.—Тамъ домовъ, почитай, тридцать, аль сорокъ будетъ; окромя хозяевъ, сколько тамъ темненькихъ (безпаспортныхъ) ютится, потому мѣсто вольготное, по пристанямъ имъ заработокъ есть. Дадутъ они такіе дома раззорить-то!.. Ребята теплые, въ топоры пойдутъ...

— Въ топоры?.. А солдаты на што? Ружья на што? Бунтъ, сопротивленье?.. Н-н-ѣ-ѣ-тъ, братъ, шалишь, локти назадъ.

— Да что это за страсти такія стали говорить,—заголосили женщины.

— Чтобъ ей пусто было этой самой чугункѣ,—вступился второй конюхъ Василій.—Еще ничего отъ нея не видали, а ужъ сколько озорства отъ этихъ самыхъ анженеровъ натерпѣлись! Роютъ, роютъ, какъ кроты, прости Господи, всю округу изрыли, ровно кладъ ищутъ, а толку все нѣтъ. Надысь возвращался я съ нашимъ прикащикомъ Михалъ Петровичемъ изъ-за юртъ, куда онъ на рыбалку ѣздилъ... ну, выпили мы тамъ здорово, онъ пилъ и мнѣ подносилъ. Ладно... ѣдемъ... мѣста знакомыя... вѣрите, родные, три часа плутали, да гдѣ! У самого города. Ѣдешь вправо—канавищу вырыли, возьмешь влѣво—гору вздули, прямо взялъ, знаю, мосточекъ тутъ былъ—глянь, сняли его и запруду тутъ сдѣлали... Взвылъ я, ни тебѣ дороги, ни проѣзду. Опаскудили, можно сказать, весь нашъ городъ! Сижу это я на козлахъ и вою, а Михалъ Петровичъ сидѣлъ въ «коробкѣ», да и то же заплакалъ, потому обидно: видимъ городъ, а попасть въ него никакъ нельзя.

— Ну и какъ же вы выбрались?—спросилъ Савка.

— Да какъ, сказать зазорно... Баба вывела... идетъ это съ коромысломъ, да и остановилась. Поставила ведра на землю, да и къ намъ.—Чего, говоритъ, оголтѣлые, въ рѣку лѣзете?..— Повернула лошадь взадъ, да и хлестанула, ну та извѣстно и побѣгла. Я едва возжи собралъ, а тамъ, хвать, а ужъ мы и у своихъ воротъ.

— Да можетъ это и не баба была, а оборотень,—сказалъ кто-то.

— Я и самъ мѣкаю, оборотень... гдѣ жъ бабѣ такого ума набраться, чтобъ двумъ мужикамъ дорогу указать... а только ничего изъ этого не выйдетъ, выстроютъ они дорогу, а только чугунка бѣгать не будетъ...

— Почему, почему такъ?..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А потому, что слыхалъ я отъ вѣрныхъ людей. Ямщики да гужевые изъ лѣсовъ такого старика праведнаго привозили, онъ по всей той линіи въ самое новолунье на черной кобылѣ проѣхалъ и такое слово сказалъ, что шабашъ! Будетъ шипѣть эта чугунка, а съ мѣста не двинется. Потому ее дьяволъ везетъ, а дьяволу отъ такого слова ходу нѣтъ.

— Полно молоть-то тебѣ, Василій, чего зря звонишь-то! При чемъ тутъ дьяволъ, паромъ та чугунка ходитъ...

— Ладно, паромъ! Въ банѣ-то сколько пару бываетъ, дыхнуть нельзя, а небось баня-то съ мѣста не бѣжитъ, а ты говоришь, паромъ!..

— Да буде вамъ, буде,—вступилась Матрена Сидоровна,— ужъ ладно тамъ, сами увидимъ, чѣмъ она, проклятая, побѣжитъ... А ты лучше, Саввушка, скажи, правду-ль Глазиха говоритъ, будто у нихъ въ подпольѣ живетъ душа дѣда ея Самсона Силыча?

— Слыхалъ я...—протянулъ дьяконъ.—Вѣрно... говорятъ, ту душу слыхали многіе.

— Разскажи, роженый,—пристали всѣ кругомъ къ Саввѣ.

Въ мигъ передъ Савкой появился новый туесъ браги и всѣ сдвинулись на лавкахъ тѣснѣе, ближе къ разсказчику. Савка отхлебнулъ, отеръ рушникомъ густую пѣну съ усовъ и крякнулъ...

Не успѣлъ Савка ротъ раскрыть, какъ въ наружную дверь кухни раздался громкій стукъ, кто-то нетерпѣливо дубасилъ въ дверь. Всѣ повскакали съ мѣстъ и въ смятеніи металис крестились и ахали. Неистовый стукъ повторился, слышалс заглушенный шумъ голосовъ.

— Да кто-жъ ее, проклятую, заперъ?—очнулась, наконец Матрена Сидоровна,—гдѣ жъ это видано, чтобъ дверь въ кухн запиралась изнутри на крюкъ?..

— Я заперъ, тетенька,—откликнулся рыжій дворовый мал

чишка Петръ.—Хотѣлъ, чтобы заводскіе не шныряли за всякимъ дѣломъ, пока дяденька Савва разсказываетъ.

— О, чтобъ те розорвало! Отпирай скорѣй, вѣдь это никакъ Никифоровъ голосъ, видно изъ Пашенки оборотились.

Всѣ бросились отпирать дверь и теперь ясно услышали со двора крикъ.

— Ишь сумерничаютъ, оголтѣлые, и дверь на крюку держатъ... примайте что ли, Ивана Артамоновича привезли!..

Матрена Сидоровна метнулась въ боковушку.

— Саввушка, будь брательникъ, пособь внести, Ивана то Артамоновича, чать, безъ чувствіевъ привезли...

Саввушка пошелъ къ санямъ. Тамъ рядомъ, чинно, какъ двѣ селедки на блюдѣ, лежали и спали богатырскимъ сномъ свѣтъ Иванъ Артамоновичъ Круторогов и Евменій Феодоровичъ Овечкинъ. Саввушка окинулъ ихъ холоднымъ взглядомъ: строгъ онъ былъ къ людямъ, когда они безъ него напивались.

— Вымàй прежде всего Божье Милосердіе, что съ собой въ путинку брали...—приказалъ онъ.

Открылъ Никифоръ сбоку, въ саняхъ, ящикъ подъ изголовьемъ и вытащилъ оттуда завернутыя въ пелены и сверху еще въ чистый убрусъ три иконы. Савка съ трехкратнымъ крестнымъ знаменіемъ принялъ ихъ и затѣмъ распорядился:—теперь тасшите осторожно за мною напередъ хозяина, а потомъ и гостя!..

Вытащили и разложили тѣла купецкихъ сыновей, вернувшихся съ богомолья: Вàнюшку—на кровать, Евменія на сундукъ, крытый толстой кошмой. Матрена Сидоровна послала за тетушками, а сама стала приготовлять все, что полагалось для вытрезвленія.

— Эхъ народъ, народъ...—говорилъ Савка собравшемуся люду,—ничего то вы не уразумѣете... иконъ выбрать для дороги не смогли, а туда же истинными христіанами зоветесь... Съ чего Моисея Мурина съ собою таскали?.. Нешто ему отъ виннаго запойства молиться?.. Вонифатія мученика должны были съ собой взять...

И Савка, доставъ съ тябла Св. Вонифатія, поставилъ его на подмогу рядомъ съ Моисеемъ Муриномъ. Затѣмъ, не обращая никакого вниманія на прибѣжавшихъ женщинъ и на всю ихъ возню кругомъ пьяныхъ, онъ наложилъ ладона роснаго въ кадильницу, разжегъ его углемъ запаснымъ, что въ особомъ горшечкѣ припасенъ былъ, затѣмъ засвѣтилъ налѣпы кругомъ иконъ и сталъ громко молитвы править...

Прошло три дня. Вàнюшка, вытрезвленный, худой, желтый, какъ «упокойникъ», слонялся по боковушкѣ; онъ больше не пилъ, а только каялся. Когда, какъ лучъ солнца сквозь темную непогодь, въ душѣ его вставалъ образъ Парани и непо-

корная плоть загоралась отъ воспоминанія ея страстныхъ ласкъ, Ванюшка хваталъ лѣстовку, становился передъ дѣвственникомъ цѣлителемъ Пантелеймономъ и клалъ до изнеможенія уставные поклоны.

Протрезвился и Овечкинъ. Хмурый и гнѣвный, собирался онъ домой. До него дошла страшная, непонятная вѣсть: мать его вернулась на заводъ изъ Ивановскаго монастыря одна и ни слова никому не сказала про Фелицату. Тряслись руки Овечкина, когда онъ затягивалъ послѣдніе ремни своего чемоданчика. Простившись въ большомъ домѣ со стариками Круторговыми, онъ расцѣловался съ Ванюшкой и нетерпѣливо ждалъ почтовой тройки, за которою послалъ Юшку.

На чистой круторговской кухнѣ Матрена Сидоровна съ Акулиной пекли «пряженцы» и «шанички» къ полднику; въ крошечное оконце въ стѣнѣ, закрытое деревянной втулкой, то и дѣло раздавался стукъ «подожка» — и тихая Агафья отпыкала отверстіе и подавала положенную «тайную» милостыню хлѣбомъ и всякой оставшейся снѣдью. На лавкахъ, покрытыхъ рядномъ, сидѣли двѣ странницы,—сегодня недосугъ было впускать всѣхъ нищихъ: въ большомъ домѣ ждали гостей къ обѣду. Странницы были старыя знакомыя, ихъ «пещуры» стояли открытыми на столѣ и то Матрена Сидоровна, то Акулина наполняли ихъ горячими «пряженцами» и «шаньгами», туеса ихъ уже были до краевъ налиты темною брагой.

— А ты, Матрена Сидоровна, жди скоро радости себѣ... гость нежданный, но желанный у тебя будетъ,—говорила на распѣвъ странница Анафролія.

— Ой-ли!..—отозвалась Матрена Сидоровна и съ повеселѣвшими глазами отложила ухватъ въ сторону.—Кого такого милаго гостя ждатъ надо?.. ужъ не Сидорка-ль прибудетъ?

— Вѣрно твое слово, вѣщунъ, баба, у тебя сердце. Бредемъ мы изъ-подъ Тобольска отъ самого монастыря пресвятой Аболакской Божьей Матери и слышали тамъ отъ вѣрныхъ людей, что идетъ изъ-подъ самой Кяхты твой сыночекъ Сидорка съ караваномъ чаевъ... идетъ онъ на Катеринбургъ черезъ вашъ городъ и у васъ и остановку имѣть будетъ.

— О-о-охъ, мнѣ, тошнехонько...—причитывала Матрена Сидоровна и, опустившись на лавку, закрыла голову передникомъ.—Идетъ ли соколъ ясный гужевымъ по далекой пути дороженькѣ... притомилися рѣзвыя ноженьки его, попритуманились ясные глазыньки... и нудно, и стужно дитятку безъ родимой матушки...

— Чего убиваешься, Матрена Сидоровна, вотъ ужъ имено сказано: баба, что мѣшокъ, что въ нее положатъ, то и тащитъ. Да ты на-перво узнай еще правду-ль тебѣ сорока то на хвостѣ принесла?

— Не грѣши, святъ человѣкъ... — остановила Савку вторая странница Виринея.—Не пустымъ сорочьимъ словомъ обмолвилась, а правду истинную сказала. Вышелъ тотъ караванъ давно изъ китайщины и будетъ онъ, сказывали намъ, не позже какъ черезъ пятокъ дней здѣсь въ городѣ. Крюку мы дали съ мать Анафроліей, чтобы только ту радостную вѣсть донести до Матрены Сидоровны.

— Ну, инъ быть по вашему, слыхалъ я тоже о томъ караванѣ, какъ сюда брелъ, да думалъ пустая молвь—и Савка, протянувъ руку, потрясъ за плечо плакавшую:

— Будетъ надрываться то, Матрена Сидоровна, Акулина то одна съ шаньгами и не управится.

Очнулась Матрена Сидоровна, сбросила передникъ съ головы и снова хватилась за ухватъ и сковородники.

— Спаси Пресвятая Богородице ихъ по пути гужевому, въ Ежовскомъ перелѣскѣ близь Овечкинскаго завода, вотъ гдѣ бѣлые волки озорничаютъ. Не у одного каравана тамъ поотрѣзали они цибики, а чью душеньку такъ и вовсе порѣшили.

— Ладно, ладно, будетъ причитывать то, молись лучше. Молись да милостыни подавай, а крикомъ своимъ бабьимъ не утруждай Господа Бога...—перебилъ ее Савка и вышелъ изъ кухни.

Спустившись въ теплую повалушу, что изъ подъ крыльца шла подъ кухней, онъ досталъ тамъ свой посохъ странническій, пещуръ свой, который хранилъ отъ всѣхъ глазъ и рукъ человѣческихъ, взвалилъ его на плечи и, никому не сказавъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, побрелъ по двору, вышелъ на улицу, спустился мимо Емелькина дома на мостъ: будто въ городъ собрался, и только миновавъ Царскую улицу, гдѣ шелъ поворотъ къ городищу, остановился и присѣлъ на лавочкѣ у знакомаго кабака.

Не прошло двадцати минутъ, какъ услышалъ онъ скачъ лихой тройки и, вышедъ на дорогу, сталъ по самой серединѣ и замахалъ палкой. Осадилъ ямщикъ лошадей и изъ кошевы высунулась сердитая голова Овечкина—чего такого стали? Дьяконъ Савка подошелъ къ нему съ низкимъ поклономъ.

— Яви, Евменій Феодоровичъ, божескую милость, возьми съ собой, пробраться хочу въ дальній Аболакскій монастырь, довези до своего завода...

— Садись!..—махнулъ ему Овечкинъ,—да лѣзь проворнѣй!.. Ну пошелъ!..—и тройка снова поднялась и замелькали передъ ними дома, низенькіе заборы, огороды, все мельче и мельче, словно таялъ передъ ними городъ, пока съ послѣдней банькой, вросшей въ землю, не перешелъ въ низины, покрытыя снѣгомъ.

IX.

Бунтъ и покаяніе Овечкина.

Крупнымъ шагомъ, тяжело ступая на ногу, ходила по горницамъ заводскаго дома Овечиха и все думала свою тяжелую думу. Волосы ея, со смерти Фелицаты, посѣдѣли, лицо осунулось и еще строже, еще суровѣе глядѣли большіе черные глаза изъ глубокихъ впадинъ.

Третій день такъ ходитъ старуха... Положила она на себя постъ великій и, кромѣ хлѣба, да похлебки изъ кваса, никакой пищи не принимаетъ, спитъ мало, и утромъ, и вечеромъ, и въ полудни бьетъ поклоны. Не хотѣлось ей подымать гомонъ по городу и посылать къ Круторговымъ за сыномъ. Спѣшить нечего, горе всегда слишкомъ рано придетъ, содѣланнаго не вернешь и не уму человѣческому вершить судьбу людскую, на все промыселъ божій.

Порѣшивъ это въ умѣ, старуха стала ждать сына и— дождалась.

Ворвалась тройка въ заводскія ворота, что звѣри бѣшеные, и осѣли кони лихіе на хвосты у самаго крыльца дома; турманомъ вылетѣлъ Овечкинъ и, какъ былъ въ шубѣ, валенкахъ и шапкѣ, такъ и предсталъ передъ матерью. Глаза красные, лицо блѣдное, нижняя губа трясется.

— Фелицата?..—проговорилъ онъ хрипло.

Овечиха выпрямилась, подошла близко къ сыну, положила обѣ руки ему на плечи и, уставивъ свои властные, сухіе глаза въ самую глубь тревожнаго взгляда сына, проговорила:

— Умерла!

Ровно подкошенный, метнулся въ сторону Овечкинъ и побѣлѣлъ, какъ платъ.

— Какъ умерла?.. Кто умерла? Маменька, ой, не шути со мной смертной шуткой!.. тебѣ довѣрилъ я свою Фелицату!.. гдѣ жена моя?.. гдѣ моя ясынька?.. гдѣ?..—И, какъ безумный, сжавъ кулаки, онъ напиралъ на мать.

— Окстись, непутевый!.. чего на мать съ кулачищами лѣзешь!..—крикнула старуха.—Померла твоя жена Фелицата въ одночасье, видно, такъ Богу угодно было покарать и ее, и тебя... Пашкину-то кровь помнишь?..

Евменій грузно упалъ на колѣни и поползъ къ матери.

— Маменька, маменька, не пытай меня... все забуду, все прощу, пальцемъ не трону, духомъ суровымъ не дохну на жену... пить перестану, постъ положу сорокадневный, отдай мнѣ мою Фелицату!.. отдай, маменька, горлинку мою, ластовку бѣлую, жену мою милую...

Подернулись туманомъ суровые очи матери, впервые съ пріѣзда крупныя капли слезъ полились по худымъ ея щекамъ.

— Евменьюшка, сынъ мой роженый, не вольна я отдать тебѣ того, что Господь Богъ къ себѣ прибралъ... не въ силушкахъ я вырыть изъ сырой земли тѣло усопшей жены твоей и снова вложить въ нее душу отлетѣвшую... Молиться ты долженъ!.. склони свою голову, прими крестъ Господень на рамена свои... Покорись, Евменій, покорись, какъ христіанинъ... Умерла твоя Фелицата... умерла и землѣ предана на кладбищѣ святого Ивановскаго монастыря...

Глухо зарыдалъ Овечкинъ, забился головою объ полъ, не смирялся духъ его строптивый съ такой смертной новостью, не налаживались мысли его, чтобъ представить себѣ мертвой пышную красоту жены своей, распалилось гнѣвомъ его сердце и противъ людей, и противъ Бога, вскочилъ онъ на ноги.

— Сказывай, маменька, какъ померла... какая такая болѣзть приключилась?.. Сказывай, какъ извели вы ее!?..

Поблѣднѣла еще больше Овечиха и крѣпко взяла за руку сына. Инстинктивно она какъ бы искала этимъ прикосновеніемъ снова покорить его себѣ.

— Вотъ тѣ Христосъ и Пресвятая Матерь Божія порукой, что поколь не покоришься ты, не отдашь себя въ руки промысла божія, не услышишь ты отъ меня ни слова!.. Иду я въ молельню и тамъ буду молиться... ни крохи хлѣба, ни капли воды не возьму въ уста, пока не придешь ты къ ногамъ моимъ и не станешь покоренъ и кротокъ, какъ агнецъ!.. Лучше мнѣ умереть, чѣмъ слышать богохульныя рѣчи и брань строптивую отъ сына родного!.. Пошла твоя Фелицата въ царство небесное, очистилась она отъ грѣховъ своихъ горниломъ страданія и стоитъ она теперь околъ отца твоего, и смотрятъ они на тебя и ждутъ молитвъ твоихъ за себя...—сказала Овечиха и ушла въ моленьню, не обернувъ больше головы къ сыну.

Овечкинъ остался одинъ, какъ громомъ приглушенный. Только теперь онъ созналъ всѣмъ существомъ своимъ, что Фелицата умерла, исчезла, утрачена для него навсегда. Снова безумный гнѣвъ охватилъ его.—Замучили... запилили... говорятъ, умерла въ одночасье, а что коли она да руки на себя наложила?.. Маменька!..—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ и ринулся къ молельной.

Со стономъ, крикомъ, съ мольбой и проклятіями рвалъ онъ дверь, заклиная мать открыть ее, но дверь молельной была изъ цѣльнаго дуба, снаружи не имѣла ни ручки, ни щеколды, вся, какъ литая, а извнутри запиралась громаднымъ желѣзнымъ болтомъ. Съ налитыми кровью глазами бросился Евменій на кухню и схватилъ топоръ, но тутъ его за руку, какъ клещами желѣзными, стиснулъ Савка.

— Положъ...—сказалъ онъ ему громко.—Положъ, Евменій Федоровичъ, не искушай Бога. Подумай, съ кѣмъ на брань идешь и за оружіе хватился... Супротивъ матери идешь... что теперь передъ аналоемъ божіимъ за тебя молитвы правитъ!..

Опустились руки у Овечкина, выпалъ топоръ изъ нихъ и залился онъ слезами, а Савка налилъ ему громадный стаканище вина и подноситъ:

— Выпей.

Пьетъ Евменій и будто сердце его на огнѣ расплавляется и легче ему становится, выпилъ онъ и самъ теперь протянулъ стаканъ: налей, говоритъ. И Савка снова налилъ, и снова выпилъ Овечкинъ, и горе съ виномъ надломили силы его, упалъ бы, какъ пластъ, да Савка подхватилъ его и снесъ, какъ дитя малое, въ спальню и положилъ на кровать. И тотъ день, и ту ночь, и слѣдующій день до ночи пилъ Евменій мертвую и лежалъ безъ движенія, и тотъ день, и ту ночь, и слѣдующій день стояла на молитвѣ мать его, и когда не въ силахъ были держать ее ноги, лежала она на полу передъ иконами и шептала молитвы. Ни крохи хлѣба, ни капли воды не вкусила она, губы ея запеклись и растрескались, лицо ровно земля потемнѣло, въ ушахъ шумъ стоялъ, въ глазахъ круги огненные мелькали, она все стояла и молилась.

Къ вечеру второго дня, когда Овечкинъ хрипло крикнулъ: «водки», Савка подалъ ему стаканъ ледяной воды съ каплями нашатырнаго спирта. Овечкинъ, мучимый жаждой, проглотилъ съ наслажденіемъ холодную влагу. Черезъ четверть часа густой туманъ хмѣля сталъ рѣдѣть, разрываться на клочки и сознаніе, какъ блѣдный лучъ солнца, прояснило мысли Овечкина. Онъ выпилъ еще квасу, всталъ и долго держалъ свою голову подъ струею холодной воды. Пройдясь по комнатѣ, онъ спросилъ, не глядя на Савку, сидѣвшаго сумрачно у окна:

— Маменька?..

— Въ молельной, такъ и не отпирала дверей.

Овечкинъ направился къ молельной. Онъ постоялъ минуту, прижавшись лбомъ къ двери и вдругъ, опустившись на полъ, зарыдалъ съ глухимъ стономъ.

Услышало чуткое сердце матери рыданье сыновнее, открылась дверь молельни и, едва держась на ногахъ, но все такая же прямая, такая же непреклонная, мать позвала его къ себѣ.

— Подь, Евменьюшка, подь, дитятко... Выплачь свое горькое, авось со слезами то и сердце твое непокорное умонится...

Старуха опустилась на лавку, покрытую ковромъ. Евменій на колѣняхъ доползъ до нея, положилъ на колѣни матери свою рыжую, всклокоченную голову и рыдалъ уже безъ злобы,

безъ отчаянія, рыдалъ, проникаясь покорностью. Овечиха сидѣла прямо, своими жесткими, жилистыми руками она гладила голову сына, а сухіе черные глаза ея съ страстной вѣрой были устремлены на почернѣлый ликъ Спасителя. Въ темной молельнѣ пахло ладономъ, налѣпы желтаго воску горѣли трепетнымъ краснымъ огонькомъ, играя и отражаясь въ камняхъ самоцвѣтныхъ, украшавшихъ иконы. Изъ золотыхъ сканныхъ ризъ сурово глядѣли темные лики святыхъ, какъ бы осуждая людское отчаяніе по бреннымъ земнымъ радостямъ.

Овечиха, подкрѣпивъ силы свои пищей, такъ и заночевала въ ту ночь на скамьѣ въ молельной. Евменій Федоровичъ ушелъ къ себѣ и, не прикасаясь больше къ вину, въ первый разъ послѣ катастрофы заснулъ мертвымъ крѣпящимъ сномъ.

На другое утро мать снова позвала его въ молельню, заперла дверь и все передала ему: страстное покаяніе Фелицаты, ея слезы, постъ, молитву неустанную, ея прогулку одинокую, во время которой она видно заблудилась въ лѣсу,— и то, какъ только на другой день монастырскій работникъ Кузьма, поѣхавъ по дрова, нашелъ ее въ лѣсу, подъ развѣсистымъ кедромъ; разсказала, какъ плакали монахини, какъ торжественно справили по ней послѣднюю службу, какъ сама она, Овечиха, раздала все, что при ней было, на свѣчи, милостыню и поминанье. Въ гробу Фелицата лежала бѣлая, да ясная, словно душенька ея, очистившись отъ грѣха, витала надъ тѣломъ ея просвѣтленнымъ.

Все, все разсказала Овечиха, а одно утаила. Утаила она свой испугъ смертный, когда пропала Фелицата, страшныя, завѣтныя подозрѣнія, что не обошла ли всѣхъ невѣстка хитрая, не дала-ль себя выкрасть чуженину проклятому, смутьяну ненавистному анженеришкѣ. Трупу то ея найденному обрадовалась Овечиха, смерть то любѣе позорища!..

Ой-ой-ой какъ смутились людишки на заводѣ и въ городѣ, да и всюду, куда только залетала вѣсть о томъ, что въ Ивановскомъ дальнемъ монастырѣ умерла въ одночасье молодая красавица, мужняя жена, Фелицата Григорьевна, но только всѣ помалкивали,—богаты были Овечкины да и суровы, и мать и сынъ, тягаться съ ними ни кому не было охоты!

Евменій Федоровичъ съѣздилъ въ Тобольскъ, сдѣлалъ богатый вкладъ въ церковъ Ивановскаго монастыря, поставилъ часовенку съ неугасимой лампадой на могилѣ своей Фелицагушки и надпись на ней вырѣзалъ:

«Отъ неутѣшнаго супруга и почетнаго гражданина Евменія Федоровича Овечкина, незабвенной супругѣ его Фелицатѣ Григорьевнѣ».

А на другой сторонѣ Тобольскій мастеръ монументовъ и стиховъ на надгробныхъ памятникахъ высѣкъ на мраморѣ:

Млада душа, взлетѣвъ на небеса,
На супруга своего взглянула,
Съ ней канула слеза
И снова въ небо упорхнула.

X:

Конецъ Савки.

Ежовскій перелѣсокъ шелъ верстахъ въ трехъ отъ стеклянаго завода Овечкина-сына и примыкалъ какъ разъ къ Ежовкѣ, деревнѣ, лежавшей у глубокаго оврага, на днѣ котораго бѣжитъ рѣченка Пагуба. Сонная маловодная рѣченка въ концѣ лѣта, а весной, какъ хлынутъ въ нее снѣга окрестные, бурлитъ, реветъ, пѣнится, что брага хмѣльная, и рѣдко, рѣдко, что годъ обойдется съ ней безъ грѣха: либо заборъ чей по пути взмоетъ, либо скотъ потопитъ, а то такъ и ребетёнка какого слизнетъ съ берега и закрутитъ. Бѣдовая рѣка, не даромъ и Пагубой зовется! Дома въ Ежовкѣ все небольшіе, невысокіе, стоятъ врозь, словно разсорившись, каждый своимъ дворомъ окруженъ. Всѣхъ то ихъ не больше сотни наберется, широкая проѣзжая дорога столбовая идетъ посередь села и за выгономъ въ лѣсъ уходитъ. И въ той, и въ другой половинѣ деревни идутъ переулки, тамъ домики еще бѣднѣе, однотесомъ крытые, тутъ все больше вдовы да бобылки живутъ.

Не хорошая слава идетъ про Ежовскихъ крестьянъ, разбойниками да бѣлыми волками ругаютъ ихъ, а только можетъ и за напраслину обносятъ ихъ, потому ни одного еще не поймали. Гужевые куда не любятъ Ежовскаго перелѣска и въ самой Ежовкѣ никогда безъ нужды ночлегъ не держатъ, все наровятъ какъ бы въ тѣ мѣста еще засвѣтло попасть, а ужъ ночевать дальше, въ богатомъ селѣ Сватьянскомъ, верстахъ въ пяти за Ежовкой лежитъ. Мужики Ежовскіе всѣ медвѣжатники, народъ здоровый, лобъ на лобъ на медвѣдя идетъ, у каждаго ружье есть, порохъ съ оказіей изъ Екатеринбурга достаютъ, а замѣсто пуль идетъ свинецъ рубленый.

Пала на землю зимняя ночь, ранняя и холодная, тихо въ лѣсу, только морозъ по старымъ елямъ пощелкиваетъ. Вышелъ мѣсяцъ молодой, блѣдный, ровно испуганный, освѣтилъ широкую гужевую дорогу, что пересѣкала Ежовскій лѣсъ. Чуть не у начала лѣса, въ самомъ темномъ густомъ чернолѣсьѣ, межъ трехъ громадныхъ сосенъ сидятъ люди, тѣ самые, что

бѣлыми волками прозываются, и ведутъ промежъ себя тихій разговоръ.

— Доподлинно-ль ты знаешь, Савка,—говоритъ здоровенный, краснорожій дѣтина, Илья-Кузнецъ, первый пьяница и кулачный боецъ всей Ежовки,—доподлинно-ль, говорю, ты извѣстенъ, что понѣшней ночью здѣсь пойдутъ гужевые съ чаями?

— Кабы не зналъ,—говоритъ бѣглый дьяконъ Савка,—не приперъ бы на овечкинскій заводъ. Мнѣ какая корысть съ нимъ возжаться. Три дня съ пьянымъ протенькался, а что взялъ? Ѣлъ да пилъ развѣ, такъ и то не больно сладко, стряпня то у нихъ на одинъ заводъ идетъ. У нихъ ничего и не смажешь, все на запорѣ.

— Что говорить, сами загребисты, съ нихъ не разживешься. А гдѣ-жъ тебѣ слухъ подали о гужевикахъ то?

— Круторогoвыхъ зналъ?

— Это старика то кожевенника, Артамона Степаныча? какъ не знать, не разъ шкуру медвѣжью сбывалъ ему. О-охъ, торговаться охочь онъ, все наровитъ на грошъ пятаковъ намѣнять. Умный мужикъ!

— Ну вотъ, у него на кухнѣ, странницы говорили; старшей то стряпущей, Матрены, сынъ Сидорка съ караваномъ идетъ, такъ имъ и лестно было упредить ее—все за добрую вѣсть кусокъ послаще въ пещуръ перепадетъ.

— Та-акъ!

— Я справлялся,—продолжалъ Савка, выколачивая о пень трубочку, набивая ее табачнымъ зельемъ и закуривая съ видимымъ наслажденіемъ,—безпремѣнно будутъ они сегодня къ ночи здѣсь.

— А какъ крюку дадутъ на Котловины, да тамъ и заночуютъ?

— Небось не заночуютъ, ужъ коли я на дорогу вышелъ, такъ пустого мѣста не будетъ, не таковъ Савка молодецъ. У нихъ по пути и такъ заминки въ дорогѣ были, теперь гнать будутъ до Сватьяновки, тамъ заночуютъ.

— Раскаты попріустроили?

— Ужъ говорилъ, не безпокой себя. Коли съ Савкой вышли, такъ все дѣло обтяпаю, что яичко облуплю. Раскаты приснoровлены и загруды снѣговыя при нихъ наложены, не миновать отводинамъ о нихъ шарахаться, только знай на отводину привались и работай, отрѣзай цыбики да сваливай.

— Какъ погляжу я на тебя, Савка, да послухаю тебя,—заговорилъ третій товарищъ, Ванька Козелъ, сухопарый длинный кабатчикъ изъ Ежовки,—дивлюсь только, какъ тебя земля досель поверхъ себя носитъ, тоись нѣтъ, и не будетъ такого второго чортова сына какъ ты!

— Ты что пасть то распустилъ, чего лаешься? — огрызнулся Савка.

— Чего мнѣ лаяться, диву даюсь, какъ тебя на все хватаетъ? Службу по молельнамъ правитъ, уставъ ихный слопалъ такъ, что никто за нимъ не угоняется,—а самъ на большой дорогѣ варначитъ!..

— Нашелъ чему дивиться. Вѣру перемѣнить, не рубаху смѣнить,—а я и ту промѣнялъ—только я насчетъ Господа Бога такихъ мыслей держусь: что чѣмъ тяжче я нагрѣшу, тѣмъ горячѣй отмолюсь, и кто бы я ни былъ и чтобъ я ни дѣлалъ, услышитъ Онъ, коли горячо я ему молюсь, потому я тоже созданье рукъ Его. А теперь возьмемъ купцовъ толстопузыхъ, не варначатъ они, не выходятъ съ доброй дубиной на большую дорогу, а всетаки плутъ на плутѣ, мошенникъ на мошенникѣ, чревожадники, развратники...

— Да не ори ты, оглашенный, не «многая лѣта» поешь, распустилъ горло, на три версты небось слышно. Помѣшался что-ль?—И Козелъ, прервавъ разговоръ, первый вышелъ на дорогу, за нимъ тронулся Савка, все еще ворча, а за ними полѣзъ и Илья-кузнецъ.

Къ самому лѣсу Ежовскому подходилъ караванъ чаевъ. Доверху нагружены были возы громадными цыбиками, обшитыми толстой кожей. Вся кладь хорошо прилажена, надежными веревками поприкручена. У каждаго воза свой гужевой шагаетъ, все здоровый народъ, матерый, все люди, много, много пути исходившіе, много видовъ перевидавшіе; одинъ промежъ нихъ слетышъ, впервые съ караваномъ идетъ, — Сидорка, Матренинъ сынъ.

Сидоркѣ всего 19 лѣтъ, а силищи онъ непомѣрной. Густые кудрявые волосы что шапкой золотой прикрываютъ его голову, глаза голубые да ласковые, сердце горячее да отходчивое и на всѣ руки расторопный парень. Ни ему устали, ни ему скуки—первый пѣсельникъ и балагуръ. Всѣ Сидорку любятъ, вездѣ онъ гость желанный и не одна дѣвка рукавомъ прикрываетъ заалѣвшее лицо въ ту пору, какъ мимо нее идетъ красавецъ молодецъ Сидорка...

— Тпру-у, стой что-ль!—остановилъ сѣдобородый великанъ Софроній свой первый возъ. Обозъ началъ стягиваться, мужики, видя, что Софроній отошелъ къ сторонкѣ, стали по одному подходить къ нему. Софроній снялъ свой мѣховой треухъ, перекрестился и снова надѣлъ его.—Вотъ что «хрещеные»—началъ онъ,—какъ никакъ, а доводится намъ къ ночи идти Ежовскимъ лѣсомъ. Мѣсто—хвалить погодить, пошаливаютъ здѣсь волки бѣлые, а потому слышь, всѣ быть на сторожѣ. Кто въ хвостѣ идетъ?

— Я, дяденька!—отозвался Сидорка.

— Тебя, паренекъ, не перенять ли къ себѣ, туда Вавилу поставить разѣ? бывалъ въ передѣлкѣ.

— Не трошь дядинька, за себя постоимъ, не слопаетъ никакая скотина, и Сидорка съ тихимъ смѣхомъ показалъ свой богатырскій кулакъ.

— Ну ладно, пожалуй, что и справишься,—согласился Софроній, окинувъ ласковымъ взглядомъ всю стройную, здоровую фигуру парня.—Слухай всѣ: поляжьте на возы и зорко глядите кругомъ. На возу то безопаснѣй. Кистени всѣ на готовѣ держать, запримѣтить куда раскатъ и съ той отводины глазъ не спущать. Лежать, не шелохнуться, покель ворогъ на возъ не полѣзетъ, тутъ и глуши его, проклятаго, кистенемъ, да не по шапкѣ, навачена она, а прямо въ рыло нарови, чтобъ о всю жисть память была. Оглушишь и, коль скатится, не прыгай съ воза, не вались на душегуба, у волка поганаго завсегда ножъ на готовѣ, а свисти, что мочи значитъ, чтобы каждый на опаскѣ бывъ, каждый за себя стоялъ, отъ возовъ отбѣгать не смѣй. Ну, кажись, все! лошадей не распускать, сдвигай ближе. Крестись, робята—полѣзай на возы.

Всѣ поснимали шапки и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, затѣмъ забрались на возы, полегли, ровно спятъ. Потянулись кони одинъ за другимъ длинной вереницей, вступилъ безмолвный караванъ въ лѣсъ и пошелъ широкой дорогой, промежъ угрюмыхъ черныхъ сосенъ да елей. Бѣлѣетъ снѣговая дороженька подъ трепетнымъ лучомъ мѣсяца, тянутся по ней рѣзкія тѣни деревъ придорожныхъ. Бьется, колотится сердце Сидоркино, зорко глядитъ паренекъ направо, куда раскатъ забѣгаетъ, гдѣ бѣлѣютъ большія снѣговыя загруды.

Вотъ раскатились сани Сидоркины, всей своей громадой хватили о загруду, лошадь его пѣгая чуть не поперегъ дороги стала и напряглась выравнивать возъ. Слышитъ Сидоръ, какъ дышетъ волкъ бѣлый и, уцѣпившись за перетяжку, старается ее пересѣчь *). И вдругъ по лѣсу свистъ раскатился и еще и еще со всѣхъ возовъ несется—знать, и впереди дѣло завязалось—шарахнулся Сидорка, вскочилъ на колѣна, а передъ нимъ, какъ угли, глаза черные разбойничьи горятъ. Взмахнулъ Сидорка кистенемъ тяжелымъ, какъ звѣздонетъ сверху внизъ, такъ и покатилась съ воза груда бѣлая, и стона не разслышалъ Сидорка. Глядь, мужики съ возовъ повскакали,—забыли слова Софронія вожатаго, галдятъ, голосятъ, лѣсъ словно ожилъ, реветъ эхомъ отвѣтнымъ, стонетъ отъ топота коней и людей. Мужики лошадей погоняютъ, понатужилась скотина сердечная, словно тоже чуетъ, что изъ мѣста недобраго выбираться надо. Сидоркина пѣгашка спѣшитъ, такъ вся и вытя-

---

*) Перерѣзать веревку.

нулась, а парень лежитъ на возу и тупо смотритъ на свой кистень, по которому багрецъ по каплямъ стекаетъ...

Вотъ и конецъ лѣсу, зарѣдѣли деревья, заперемежились, потянулись кусты низкорослые и снова лежитъ дорога открытая, широкая, подъ необъятнымъ звѣзднымъ небомъ. Въѣхалъ обозъ въ Ежовку, всѣ мужики поспѣшились, идутъ сурово околъ своихъ возовъ, лошадей даже не понукаютъ, одна дума у всѣхъ—до Сватьяновки добраться. Въ трехъ, четырехъ избахъ деревни мелькаетъ еще огонекъ, стукнуло гдѣ-то волоковое оконце, выглянуло чье-то лицо на проходящій обозъ и снова все тихо, собака не лайнетъ.

Еще часъ шелъ обозъ тѣмъ же спѣшнымъ шагомъ и, наконецъ, достигъ деревни Сватьяновки. Остановились гужевые, сняли шапки и истово перекрестились. «Слава тебѣ, св. Мироній, сохранилъ странныхъ людей въ далекой путинѣ отъ злой напасти».

Далеко откатился Илья Кузнецъ, когда его, какъ молотомъ по уху, оглушилъ здоровенный гужевой, что шелъ третьимъ возомъ. Кровь хлынула изъ уха Ильи, не ожидавшаго отпора отъ мужика, казалось, глубоко спавшаго на возу. Задалъ стрекача въ кусты кабатчикъ Козелъ и ничкомъ упалъ за загруду, какъ услыхалъ свистъ и гомонъ, что подняли гужевики. Какъ замолкъ опять лѣсъ, вышелъ онъ на дорогу и видитъ: сидитъ Илья подъ кедромъ развѣсистымъ и снѣгомъ голову третъ себѣ. Ну, этотъ очухается, и не изъ такихъ переналокъ живъ выходилъ! Пошелъ дальше Ванька, да и ахнулъ: лежитъ середь дороги, распластавъ руки и повернувъ къ небу искровяненное, безобразное лицо, дьяконъ Савка. Угодилъ ему Сидорка кистенемъ въ самый лобъ, да такъ, что и черепъ не выдержалъ, а какъ летѣлъ ничкомъ съ воза Савка, да хряснулся затылкомъ о земь, и душа изъ него вонъ выскочила. Потрогалъ кабатчикъ дьякона за руку, за другую, и сталъ сволакивать съ него доху заячью, валены бѣлыя и треухъ: не слѣдъ оставлять на мертвомъ позорную одежу волка бѣлаго, — пусть лучше люди думаютъ, что убили въ лѣсу разбойники бѣглаго дьякона Савку и обобрали его.

Зарылъ до время въ вѣрномъ мѣстѣ кабатчикъ и свою, и снятую съ Савки одежу и поспѣшилъ домой на деревню,—поплелся и Илья за нимъ, тоже снявъ и убравъ свою волчью шкуру.

Бѣжитъ ночь и близится алый разсвѣтъ. Побѣлѣлъ мѣсяцъ, слился съ облаками и исчезъ въ поднебесьѣ. Подернулись серебристой дымкой верхушки лѣса. Зарѣдѣла тѣнь промежъ густыхъ кустовъ; брызнулъ съ востока снопъ яркихъ солнечныхъ лучей и ожилъ лѣсъ, зачирикали воробьи, закаркали вороны, прыгнула бѣлка съ сучка на сучокъ, вылетѣлъ заяцъ-

бѣлякъ, попрядалъ ушами и снова скрылся. Поднялось выше солнышко и освѣтило дорогу проѣзжую и приласкало лучами своими богатырскій трупъ бѣглаго дьякона Савки. Лежитъ онъ, распластавшись, на мать сырой землѣ. Лежитъ одинъ одинехонекъ подъ холодными лучами зимняго солнца. Лежитъ силачъ, буйная головушка, Савка, и не крикнетъ онъ больше зычнымъ голосомъ на потѣху купцамъ «многая лѣта», не станетъ онъ Ванюшкѣ Круторогову про адъ разсказывать, хоть можетъ и побѣжала туда его многогрѣшная душенька. Не нуженъ ему больше его пещуръ завѣтный, куда опускалъ онъ всякій грошъ, добромъ и силой нажитый. Не кому объ Савкѣ плакать, не кому горевать. А былъ когда-то Савка отецкій сынъ! Въ далекой Россіи учился онъ въ семинаріи и затѣмъ въ уѣздномъ городскомъ соборѣ служилъ заправскимъ дьякономъ и тамъ любили его и баловали купцы за неслыханный голосище, да дьяволъ попуталъ: пилъ Савка и билъ свою кроткую Прасковью Петровну, да такъ разъ угодилъ ей въ грудь кулачищемъ, что покашляла кровью она денъ пять, да и отдала Богу душу. Закурилъ, закутилъ съ того дня Савка. Пріѣхалъ владыко въ тотъ городъ, сталъ его укорять, а Савка и молвилъ ему такое-то слово неподобное, что—ну! Уволили Савку за штатъ, а тамъ и покатилъ онъ отъ дѣла до дѣла, отъ суда до самосуда крестьянскаго, былъ онъ битъ боемъ смертнымъ за разныя дѣла свои пакостныя, угодилъ въ Сибирь,—бѣжалъ изъ-подъ самого Березова, скрывался годами по скитамъ у старцевъ,—свычаи и обычаи ихъ перенялъ; стакнулся Савка и съ молодцами придорожными. Понравились ему лѣса темные и вольная сибирская волюшка, раздвоилась жизнь его; умомъ понялъ онъ, гдѣ выгода лежитъ, и сталъ у купцовъ и кадить, и въ молельняхъ службу по старому обряду править, и божественные разсказы разсказывать, а буйная головушка его, да сила неизбытая потянули его на широкую дорогу, одѣли его въ шкуру волка бѣлаго, заложили за пазуху ему ножъ булатный, да и довели до лихого конца. Лежитъ Савкинъ трупъ на проѣзжей дорогѣ; изъ-подъ раны глубокой, что во лбу пробита, смотрятъ глаза его мертвые въ небо далекое и ждетъ Савка: либо добрый человѣкъ по дорогѣ пройдетъ, на него наткнется и, можетъ, христіанскому погребенію тѣло его грѣшное предастъ, либо волки сѣрые, да враны черные падаль почуютъ и придутъ, растерзаютъ, разнесутъ по клочкамъ тѣло добраго молодца, бѣглаго дьякона Савки.

Н. Лухманова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главы изъ книги о Жоржъ-Зандъ.

Жоржъ-Зандъ и г. Дюдеванъ.

(Окончаніе).

Зиму 1825—26 года Дюдеваны провели въ Гильери у отца Казиміра и опять веселились напропалую. Часто устраивались то охоты, то просто кавалькады и съ этою цѣлью даже выписали изъ Ногана любимую лошадь Авроры—«Колетту». Часто ѣздили къ разнымъ сосѣднимъ помѣщикамъ въ ихъ замки, гдѣ устраивались танцы, домашніе спектакли, шарады, на которыя съѣзжались родственники и знакомые не только изъ окрестныхъ имѣній, но и изъ Нерака и изъ Бордо. Аврора пишетъ матери 30 дек. 1825 г.: «Я только что вернулась изъ одного сосѣдняго замка, гдѣ я провела нѣсколько дней, охотясь верхомъ и участвуя въ шарадахъ по вечерамъ. Мое здоровье довольно плохо для всѣхъ этихъ безумствъ, отъ которыхъ я порядочно устала. Но теперь я вернулась, отдыхаю и рѣшила беречься и не вылѣзать изъ своей норы (de mon trou) ни для чего, какъ только для того, чтобы провести конецъ карнавала въ Бордо. Мы тамъ будемъ вѣроятно еще до конца января, всѣ тамъ къ намъ очень милы и любезны и ждутъ насъ. Казиміръ только что вернулся оттуда и присоединяется къ моимъ пожеланіямъ здоровья и удовольствій для Васъ» *). Казиміръ дѣйствительно втеченіе этой зимы и слѣдующихъ лѣтъ часто бывалъ въ Бордо, гдѣ у его отца былъ домъ, которымъ надо было управлять и который впослѣдствіи достался Казиміру. Въ Бордо же Дюдеванъ, какъ мы знаемъ, сошелся съ Дегранжемъ, судохозяиномъ (armateur) по профессіи и афферистомъ чистѣйшей воды, который не замедлилъ втянуть Казиміра въ цѣлый рядъ финансовыхъ предпріятій и операцій, доведшихъ Дюдевана мало по-малу до полнѣйшаго почти раззоренія. Что это была за личность и какія отношенія установились между нимъ и Дюдеваномъ, намъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Авроры **) къ повѣренному

---

*) Неиздан.
Неиздан.

Аккола́ (Accolas)—помощнику Мишеля въ веденіи ея бракоразводнаго процесса.

«Самое лучшее что было, это покупка корабля. Господинъ Дюдеванъ находился въ рукахъ мошенника (d'un escroc) по имени Дегранжа, котораго онъ немного зналъ въ юности и который забралъ его въ руки, угощая его шампанскимъ и... послѣ одного обѣда, во время котораго акціонеры увидѣли литографію, снятую съ очень хорошенькаго коммерческаго брига, каждый подписался согласно своимъ средствамъ на акціи, а г. Дюдеванъ подписался на 20000 фр. Впродолженіи двухъ лѣтъ ему пришлось много хлопотать изъ-за подписанныхъ имъ векселей, когда онъ уплатилъ ихъ всѣ, оказалось, что то судно никогда не существовало. Г. Дюдеванъ былъ корабельщикомъ *in partibus*».

Всѣ эти денежныя и не денежныя дѣла вызывали, какъ сказано, частыя поѣздки Казиміра въ Бордо, и Аврора, надо полагать, была болѣе, чѣмъ довольна, когда могла сопровождать своего мужа въ Бордо. У нея установились тоже самыя дружескія отношенія съ ея бордосскимъ пріятелемъ, но какъ непохожа была эта поэтическая дружба на прозаическія отношенія Казиміра и Дегранжа! И тѣмъ не менѣе обѣ эти дружбы, каждая по своему, способствовали все большему разъединенію Дюдевановъ.

Аврора очень привязалась къ старику Дюдевану. Это былъ справедливый и сердечный, немного вспыльчивый, но добрый человѣкъ. Жоржъ-Зандъ говоритъ, что охотно прожила бы всю жизнь подлѣ него и что вѣроятно онъ съумѣлъ бы оградить ее отъ тѣхъ семейныхъ бурь, которыя разрушили ея жизнь. И вслѣдъ затѣмъ она съ сожалѣніемъ говоритъ, что ей не суждено было долго сохранить и этого своего защитника и покровителя. Она потеряла его въ этомъ же году. Карнавалъ Дюдеваны проводили въ Бордо, Аврора часто видѣлась опять съ Зоей, ея сестрами и братьями, и у нихъ то въ домѣ и получила извѣстіе о смерти свекра *). Она съ Казиміромъ тотчасъ же уѣхала въ Гильери, къ его мачихѣ. Это была холодная, скупая и сухая женщина, которая никого на свѣтѣ не любила и всѣмъ старалась вредить просто изъ любви къ искусству. Будучи совершенно одинокой и бездѣтной, она тѣмъ не менѣе постаралась заранѣе о томъ, чтобы Казиміръ не получилъ ни копѣйки лишней противъ того, что ему приходилось по закону, какъ незаконному сыну, хотя она и знала, что онъ постоянно

---

*) Чтобы объяснить кажущееся противорѣчіе между тѣмъ, что говорится *о карнавалѣ въ Бордо* въ «Histoire» съ тѣмъ, что въ «Корреспонденціи» помѣщено подъ 26 января 1826 письмо къ Софіи Дюпенъ изъ *Ногана*,—мы должны указать, что это ошибка и что это письмо относится не къ 1826, а къ 1827 г. Въ немъ между прочимъ разсказывается о пребываніи въ Ноганѣ Дюплесси и о свадьбѣ Фаншонъ. Оба эти факта относятся къ зимѣ 1826—1827 года. Свадьба Фаншонъ произошла 20 декабря 1826 г. Слѣд. письмо къ m-me Дюпенъ написано 26 января 1827 года.

нуждался въ деньгахъ для веденія большого хозяйства. И въ тоже самое время, оказывая ему постоянные знаки своего нерасположенія, она взяла его сторону во время его процесса съ женой, постоянно, что называется, подзадоривала и возстановляла его противъ Авроры и была одною изъ причинъ, почему между супругами не состоялось, какъ надѣялись сначала друзья, миролюбиваго разлученія и раздѣла имущества, а дошло до суда. Между тѣмъ Аврора не только никогда ничѣмъ противъ нея не провинилась, но наоборотъ оказывала ей всевозможные знаки вниманія и почтенія, писала ей, ухаживала за ней, даже постоянно посылала ей маленькіе сюрпризы, вышитые ею самой тюлевые чепчики, воротнички и т. п. Идеализируя ее, Аврора даже любила ее, воображала глубокой, сдержанной натурой, и ея молчаливость и сухость принимала за признакъ скрытаго чувства и душевной силы. Для окончательнаго устройства дѣлъ по наслѣдству—между прочимъ для продажи дома, который ему достался въ счетъ приходившихся на его долю 4000 франковъ, Казиміръ съ Авророй еще разъ поѣхали въ Бордо, откуда весною отправились въ Ноганъ, но уже въ маѣ имъ пришлось опять на короткое время съѣздить въ Гильери *) и лишь къ лѣту окончательно вернулись они въ Ноганъ. Жоржъ-Зандъ говоритъ, что слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ—съ 1826 по 1831 г. она почти безвыѣздно провела въ Ноганѣ. Въ общемъ это указаніе почти вѣрно, хотя должно оговориться, что отлучки изъ Ногана то съ мужемъ, то одной Авроры, были довольно часты, а иногда и довольно продолжительны. Кромѣ того въ ея краткомъ разсказѣ объ этихъ годахъ встрѣчается много хронологическихъ неточностей и неясностей, а потому мы прежде всего, точно также кратко и съ самою историческою сухостью, отмѣтимъ внѣшніе факты изъ жизни Дюдевановъ за эти 5 лѣтъ.

Лѣтомъ 1826 года. Въ самый разгаръ жатвы 1826 года Казиміръ опять поѣхалъ для устройства своихъ дѣлъ въ Бордо и въ Парижъ, и Аврора должна была временно взять въ свои руки сельское хозяйство. 13 іюля она пишетъ матери, что занята съ утра до вечера и страшно устаетъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же году она стала заниматься леченіемъ крестьянъ. Этому занятію она стала посвящать многіе, многіе часы, дни и мѣсяцы своей жизни. Лѣто и осень этого года Дюдеваны провели въ Ноганѣ-же. Въ началѣ зимы сюда пріѣхала m-me Дюплесси со всѣмъ своимъ семействомъ и прогостила мѣсяца три. Въ Ноганѣ было очень весело, опять затѣялись игры, танцы, переодѣванья; праздновались двѣ крестьянскихъ свадьбы, между прочимъ вышла замужъ

*) Въ подстрочномъ примѣчаніи подъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1826 г. къ баронессѣ Дюдеванъ—опять ошибка. Это письмо относится не къ смерти ея мужа, которая, какъ сказано, случилась въ концѣ карнавала, а къ смерти другого лица, о которомъ баронесса письменно сообщила пасынку и невѣсткѣ въ Ноганъ. Это письмо и вызвало новую поѣздку Казиміра въ Гильери.

няня Мориса Фаншонъ, и «господа» принимали дѣятельное участіе въ деревенскихъ праздникахъ. Въ январѣ 1827 года, оставивъ Мориса на попеченіи «мамаши Анжель», Аврора ѣздила съ мужемъ на днѣ недѣли въ Парижъ *). Вернувшись въ Ноганъ, Дюдеваны прожили тутъ до августа, когда отправились на воды въ Клермонъ-Ферранъ, ибо Аврора опять сильно хворала, страдала удушьями, безсонницей и своей постоянно возвращавшейся горловой болѣзнью (esquinancies), а въ довершеніе всего еще, оступившись, вывихнула ногу, такъ что долго пролежала въ постели. По возвращеніи она чувствовала себя гораздо лучше **), но какъ только наступила зима,—она опять начала хворать, и ко всему прочему теперь присоединились ревматизмы, которыми она страдала еще втеченіе многихъ лѣтъ, такъ что зимою должна была кутаться во фланель съ головы до ногъ. Зиму 1827—28 года Дюдеваны провели въ Ла-Шатрѣ, по случаю выборовъ, въ которыхъ Казиміръ принималъ большое участіе и на которыхъ, именно благодаря усиліямъ его и его друзей, восторжествовала либеральная партія, проведшая въ депутаты своего кандидата, стараго республиканца Дюри-Дюфреня (Duris-Dufresne). Въ Ла-Шатрѣ Дюдеваны жили очень открыто, давали вечера и обѣды; домъ былъ вѣчно полонъ народу; всѣ интересовались избираемыми и избирателями, интриговали, кипятились, а въ промежуткахъ танцовали и сплетничали, какъ полагается во всякомъ благоустроенномъ провинціальномъ городкѣ. Въ «Histoire de ma Vie» къ этому времени отнесенъ одинъ эпизодъ, который въ «Корреспонденціи» разсказывается подъ 20 января 1829 года въ письмѣ къ Карону. Эпизодъ этотъ заключается въ томъ, что, находясь въ антагонизмѣ съ су-префектомъ, принадлежавшимъ къ правительственной партіи, тогда какъ Дюдеваны принадлежали къ соединившимся на сей случай съ либералами бонапартистамъ,—Аврора тѣмъ не менѣе была очень дружна съ су-префектомъ Периньи и его женой. И вотъ, не обративъ вниманія на дурацкія провинціальныя дѣленія на классы и кружки, и Периньи и Аврора возстановили противъ себя все «ла-шатрское высшее общество» тѣмъ, что на свои вечера стали звать *всѣхъ*, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ слоямъ. «Свѣтъ» наказалъ ихъ тѣмъ, что пересталъ у нихъ бывать и одинъ вечеръ выпалъ такой, что къ Периньи пришли 3 человѣка, изъ коихъ однимъ была сама Аврора. Но тогда Аврора отплатила «свѣту» тѣмъ, что удвоила приглашенія *второму* классу; вечера ея были

---

*) См. упомянутое нами письмо отъ *26 января 1827 года* къ Софіи Дюпенъ. Въ неиздан. письмѣ того же года отъ *30 января* Аврора пишетъ Карону: «Мы благополучно прибыли сюда, несмотря на холодъ и ужасныя дороги, и я нашла Мориса и «мамашу Анжель» въ добромъ здоровьи...»

**) 4 *сентября* она пишетъ матери: «всѣ здоровы на славу: зять, дочь и внукъ. У меня ужасающій аппетитъ и я пріобрѣла привычку спать, которую нахожу весьма пріятной...»

очень оживлены и многолюдны, а нѣсколько ужиновъ и обѣдовъ все уладили. Но тутъ сама Аврора чуть опять все дѣло не испортила, сочинивъ съ однимъ общимъ пріятелемъ, Дютейлемъ, юмористическую пѣсенку, въ которой осмѣяла все это происшествіе. Относилось ли это въ дѣйствительности къ 1827 г. или къ 1829 г.—трудно рѣшить, и я не берусь сказать, гдѣ ошибка: въ *Histoire* или въ *Correspondance;* дѣло въ томъ, что во всѣ три зимы, 1826—1827, 1827—28 и 1828—29 годовъ, Дюдеваны по долгу живали въ Ла-Шатрѣ, по крайней мѣрѣ карнавалъ всегда проводили тамъ и проводили его всегда очень веселымъ образомъ, давали обѣды и вечера—однимъ словомъ, какъ видно, держались своей прежней системы, старались какъ можно больше бывать *на людяхъ*. Письма этихъ лѣтъ (особенно неизданныя, къ матери и Карону) полны порученій: купить шляпку, мѣховую шапочку, новую кадриль, дуэтъ для баритона и контральто, заказать платье, выписать модный журналъ «*Petit Courier des Dames*», узнать, какой теперь въ Парижѣ самый модный покрой рукавовъ, прислать «рукава и воротникъ, вязанные изъ шелка тѣльнаго цвѣта, чтобы одѣвать подъ открытыя платья сверхъ фланели», безъ которой Аврора не рѣшалась выходить, все еще страдая ревматизмомъ. 12 января 1828 года Аврора сообщаетъ матери, что у нихъ былъ «прекрасный вечеръ», для котораго она сама нарисовала ширмы и разучила кадрили въ 4 руки. Дѣло въ томъ, что по случаю своей второй беременности, она въ этомъ году не танцовала, а зато тѣмъ охотнѣе играла для другихъ. Но чувствуя себя опять очень дурно, она ѣздила въ этомъ же январѣ въ Парижъ совѣтоваться съ медицинскими знаменитостями, изъ которыхъ одна нашла у нея чахотку, другая—аневризмъ, третья объявила, что она совсѣмъ здорова. Послѣ шумной зимы Дюдеваны провели очень тихое лѣто въ Ноганѣ, куда теперь окончательно переселился Ипполитъ со своей женой Эмиліей, страшно-болѣзненной, тихой женщиной, съ которой Аврора была очень дружна, и съ маленькой дочкой Леонтиной. Эту дѣвочку Аврора долгое время воспитывала съ Морисомъ и любила ее, какъ своего ребенка. «Le cher père (Казиміръ), пишетъ Аврора матери—поглощенъ своимъ урожаемъ. Онъ изобрѣлъ способъ молотить, посредствомъ котораго въ 3 недѣли кончаютъ то, на что обыкновенно идетъ 5—6 мѣсяцевъ. Но за то онъ и трудится въ потѣ лица своего. Съ ранняго утра онъ ходитъ въ блузѣ, съ граблями въ рукахъ. Рабочіе поневолѣ слѣдуютъ его примѣру, но они не жалуются, потому что для нихъ не жалѣют мѣстнаго вина. А мы, женщины—(этимъ лѣтомъ, кромѣ Эмилі въ Ноганѣ гостила м-мъ Сентъ-Аньанъ съ дочерями)—мы усаж ваемся на снопахъ, которыми заваленъ дворъ. Мы читаемъ, мно работаемъ и мало гуляемъ. Мы также много музицируемъ». В сентябрѣ у Дюдевановъ родилась дочь *Соланжъ*. Это событіе пр изошло, вслѣдствіе пережитаго Авророй испуга, раньше време

и такъ неожиданно, что Аврора едва успѣла собрать приданое для новорожденной, находившееся еще въ ея рабочей корзинкѣ; докторъ пріѣхалъ, когда и мать и дѣвочка уже спали. Несмотря на это, и Соланжъ съ первыхъ же дней жизни отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, да и Аврора настолько хорошо себя чувствовала, что «пролежала въ постели всего одинъ день, а черезъ недѣлю уже каталась верхомъ» *).

Проведя зиму частью въ Ноганѣ, а частью, какъ уже сказано, опять шумно и весело въ Ла-Шатрѣ, Дюдеваны всею семьею ѣздили въ началѣ лѣта 1829 г. на два мѣсяца въ Бордо и въ Неракъ; туда же проѣхала Аврора глубокою осенью того года, послѣ того, какъ прогостила нѣкоторое время въ *Периге* у своей пріятельницы Фелиси. Вернулась она домой лишь къ Рождеству (между 18 декабря—когда она еще пишетъ изъ Периге письмо маленькому Морису **)—и 29 декабря, когда она пишетъ матери уже изъ Ногана). Въ слѣдующемъ, 1830 году, она опять уѣзжала не надолго, на этотъ разъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Морисомъ, чтобы посовѣтоваться на счетъ серьезной глазной болѣзни, которою она страдала лѣтомъ и весною. За годъ передъ тѣмъ, 2 сентября 1829 г. она пригласила къ себѣ черезъ Дюри-Дюфренъ—нѣкоего Жюля Букоарана воспитателемъ къ Морису. Этотъ симпатичный юноша прожилъ въ Ноганѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался другомъ всего семейства, а особенно Мориса и самой Авроры, и впослѣдствіи, когда онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ былъ редакторомъ газеты «Courrier du Gard»—сохранилъ самыя сердечныя отношенія съ Авророй, переписывался постоянно, а въ 1836 году пріѣзжалъ нарочно съ юга, чтобы быть свидѣтелемъ во время процесса. Вотъ всѣ внѣшнія событія этихъ лѣтъ.

Повидимому, эти пять лѣтъ прошли совершенно спокойно, и ни малѣйшее происшествіе не взволновало гладкой поверхности этой ординарной и чуть-что не пошлой провинціальной жизни, гдѣ лѣтнія заботы о своевременной уборкѣ сѣна смѣнялись зимними заботами объ устройствѣ баловъ и обѣдовъ. На самомъ дѣлѣ эти пять лѣтъ были для Авроры полны событій, скрытой внутренней борьбы и такихъ глубокихъ нравственныхъ страданій, что надо удивляться, какимъ образомъ она находила въ себѣ силу, чтобъ и всѣхъ этихъ гостей принимать, и кадрили имъ играть, и спокойно заниматься своими дѣтьми, и казаться такой веселой, и веселыя шутливыя письма писать и матери, и Карону, и «тетушкѣ Сентъ-Аньанъ». Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны письма къ матери: они полны описаній всякихъ parties de plaisir, баловъ, вопросами о тряпкахъ, шутками, описаніями разныхъ смѣшныхъ происшествій;

*) Неиздан. письмо къ Шарлю Понси отъ 1 августа 1844 г.

**) Неизданное письмо, написанное *печатными буквами*, чтобы мальчикъ, только что научившійся читать, могъ самъ прочесть его.

въ нихъ самымъ легкомысленнымъ, беззаботнымъ тономъ говорится о чемъ угодно—но ни слова о внутренней жизни Авроры. Она положительно умышленно писала въ такомъ тонѣ, чтобы у матери не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что далеко не все обстоитъ благополучно въ ея семейной жизни *). Вѣрнѣе было бы сказать, что все было неблагополучно, что—за исключеніемъ любви къ дѣтямъ—эта жизнь ничего хорошаго не давала Аврорѣ, что съ каждымъ днемъ прибавлялись новые и новые поводы къ огорченіямъ и съ каждымъ часомъ жизнь ея въ Ноганѣ становилась невыносимѣе.

Во первыхъ Казиміръ началъ сильно пить и мало-по-малу въ Ноганѣ завелись настоящія оргіи, въ которыхъ кромѣ самого Дюдевана принимали участіе: Ипполитъ и Стефанъ Ажассонъ Грансень (Stéphane Ajasson de Grandsaigne **)—нѣкогда большой другъ и поклонникъ Авроры и первый пріохотившій ее къ занятіямъ стественной исторіей; въ Histoire de ma vie о немъ много говорится, но онъ названъ вымышленнымъ именемъ Клавдія (Claudius). Наконецъ, однимъ изъ собутыльниковъ былъ и Дютейль — прекраснѣйшій, но повидимому безхарактерный человѣкъ, большой пріятель и Казиміра и Авроры. О немъ будетъ рѣчъ ниже.

Сначала Аврора терпѣливо переносила эти кутежи. Она говоритъ въ «Histoire» (стр. 51—52), что вся эта компанія, а особенно ея братъ, инстинктивно питали къ ней уваженіе и сдерживались при ней, такъ что, «пока дѣло ограничивалось только тѣмъ, что болтали, шумѣли, надоѣдали или были нездоровы — и довольно отвратительно,—я старалась смѣяться и даже научилась переносить извѣстный шутливый тонъ въ разговорахъ, который въ сущности былъ мнѣ возмутителенъ». Но эти кутежи становились съ каждымъ днемъ все безцеремоннѣе и продолжительнѣе, «нервы начинали неповиноваться» и дѣло доходило до того, что въ присут-

---

*) Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1828 г. (неиздан.) Аврора пишетъ, напримѣръ, матери слѣдующее: «я много кашляла зимою и у меня сильно болѣла грудь; я держусь этой дурной привычки втеченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, но весна моя спасительница и, засыхая, какъ древесная листва, я, какъ она же, весною вновь зеленѣю. Не думайте, дорогая мама, что это разстройство здоровья происходитъ отъ какихъ-нибудь нравственныхъ причинъ. Я не скрывала бы этого отъ васъ, такъ какъ увѣрена, что въ васъ я нашла бы болѣе участія и снисхожденія, чѣмъ у кого бы то ни было. Но вѣдь хворать можно во всякомъ возрастѣ, и тѣло можетъ быть совсѣмъ больное, а голова здоровая. Моя голова очень покойна, хотя къ несчастью она довольно горячая, не знаю радоваться ли этому, или сокрушаться. Вы во всякомъ случаѣ не должны меня за это бранить, ибо это я получила въ подарокъ отъ васъ, это отъ васъ по наслѣдству мнѣ досталось. Говорятъ, что у людей, такъ созданныхъ, больше радостей, но и больше печалей....». На этомъ мѣстѣ бумага этого письма разорвана, а въ концѣ письма Аврора уже съ обычными шутками и беззаботнымъ тономъ сказываетъ о своихъ занятіяхъ медицинской и леченіемъ.

**) О немъ см. «*Histoire*»—т. III, стр. 330—34 и т. IV стр. 64 и *Correspondence* т. I, стр. 31, письмо къ Ипполиту 1827 г. мартъ; XIII.

ствіи Авроры веселая компанія становилась груба и неприлична, и даже Ипполитъ, который прежде раскаявался и слушался выговоровъ Авроры,—становился золъ и грубъ, такъ что Аврорѣ оставалось только незамѣтно стараться уйти изъ комнаты и скрываться въ бывшій маленькій будуаръ бабушки, который былъ непроходной и гдѣ Аврора могла запираться и быть поближе къ комнатѣ дѣтей. «Тутъ я могла заниматься и забывать о шумѣ, который иногда продолжался до 6—7 часовъ утра. Я привыкла работать по ночамъ, когда ходила за больной бабушкой, теперь я не ухаживала за больными, но бредъ слышала».

Потомъ это пьянство повело за собой и худшее. Казиміръ началъ въ самомъ грубомъ смыслѣ слова и самымъ грубымъ образомъ измѣнять женѣ, даже не стараясь особенно скрывать это. Такъ Аврора узнала сначала о его связи въ Бордо съ какой-то не называемой особой, бывшей въ то же время пріятельницей Дегранжа *). Затѣмъ Казиміръ не постѣснился и въ Ла-Шатрѣ и даже въ Ноганѣ продолжать то же. О его связяхъ съ двумя горничными—испанкой Пепитой, бывшей одно время няней Соланжъ, и берришонкой Клэръ зналъ не только весь городъ и весь Ноганъ, знали объ этомъ и друзья Авроры и Ипполитъ, и всѣ относились къ этому очень спокойно, какъ къ чему то очень простому и даже забавному, шутили очень мило надъ Казиміромъ; а когда одна изъ этихъ двухъ дѣвушекъ стала преслѣдовать Казиміра требованіемъ обезпеченія для своего ребенка,—то точно также трунили надъ Дюдеваномъ **) и никто не постарался даже быть поосторожнѣе въ словахъ. А самъ Казиміръ дошелъ въ своемъ цинизмѣ до того, что когда на другой день послѣ рожденія Соланжъ Аврора еще лежала въ постели, то услышала въ сосѣдней комнатѣ разговоръ мужа, не оставлявшій никакихъ сомнѣній на счетъ его отношеній къ собесѣдницѣ. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ разговоръ, называемый французами «conversation criminelle». Аврора была до глубины души оскорблена тѣмъ, что тотъ самый человѣкъ, изъ вѣрности которому она пожертвовала своей истинной, сердечной привязанностью, отплатилъ ей тѣмъ, что не остановился предъ самымъ возмутительнымъ, пошлымъ развратомъ и гдѣ же?—подъ кровлею того дома, гдѣ жили его жена и дѣти.

Разумѣется, съ этого же дня всякая интимная семейная жизнь между Дюдеванами прекратилась ***). Но изъ за дѣтей Аврора рѣшилась терпѣливо все переносить, замкнуться въ своей привязанно-

---

*) О ней упоминается въ уже приведенномъ нами письмѣ къ Аккола; но это мѣсто неудобно для печати.

**) Судебное слѣдствіе установило всѣ эти факты изъ показаній многочисленныхъ свидѣтелей.

***) Въ числѣ неизданныхъ писемъ Ж. Зандъ находится весьма интимное письмо къ Карону отъ 4 декабря 1828 г., гдѣ Аврора сообщаетъ этому старому другу, что между нею и Казиміромъ все кончено.

сти къ нимъ и сохранить для нихъ иллюзію семейной жизни, не подавая ничѣмъ виду, что между нею и ихъ отцомъ всякая духовная связь порвана. «Она страдала, но мужественно боролась со своимъ страданіемъ, затаивая бьющую ключемъ внутреннюю жизнь и призывая къ себѣ на помощь книги, верховую ѣзду и особенно великую книгу природы, къ разумѣнію которой у ней были особыя способности и даръ глубокаго проникновенія» *). Дѣйствительно, Аврора всѣ эти годы много читала, стараясь черезъ своихъ друзей выписывать все новое, что только выходило въ Парижѣ, много читала и историческихъ сочиненій. Продолжала она также и свои занятія естественной исторіей, но уже не со Стефаномъ де Грансень, а съ новымъ своимъ хорошимъ пріятелемъ Жюлемъ Неро́ (Neraud), котораго она прозвала *Мальгашемъ*, послѣ его пребыванія на островахъ Соединенія и Мадагаскарѣ. Стараясь какъ можно больше быть занятой и желая помочь мужу, который часто уѣзжалъ изъ за своихъ дѣлъ то въ Бордо, то въ Парижъ, — Аврора еще въ 1826 году взяла въ свои руки управленіе всѣми домашними дѣлами... «Домашнія заботы,—говоритъ она, никогда мнѣ не надоѣдали, и я не изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые не могутъ спускаться съ облаковъ. Я конечно много витаю въ облакахъ, но по этой то причинѣ я и чувствую потребность часто спускаться на землю»**). Но ея занятія хозяйствомъ продолжались не долго... «Экономничая во всемъ, какъ это было мнѣ предписано, я только убѣдилась, что въ иныхъ случаяхъ нельзя быть экономнымъ, не дѣлаясь эгоистомъ. Чѣмъ ближе я становилась къ землѣ, придумывая, какъ бы эта земля приносила какъ можно больше, тѣмъ болѣе я видѣла, что она приноситъ мало, а тѣ, у кого ея мало или вовсе нѣтъ, совсѣмъ не могутъ существовать работою рукъ своихъ. Заработная плата была слишкомъ низка, работа недостаточно обезпечена, истощеніе и болѣзни неотвратимы. Мой мужъ не былъ извергомъ и не препятствовалъ мнѣ въ иныхъ частныхъ издержкахъ, но когда въ концѣ мѣсяца онъ просматривалъ мои счеты, то выходилъ изъ себя и заставлялъ и меня терять голову, показывая, что мои доходы были въ половину менѣе моей щедрости, и что въ Ноганѣ и Ноганомъ нельзя просуществовать на такую широкую ногу. Это была правда, но я не могла по собственному побужденію уменьшить до крайности довольствіе тѣхъ, кѣмъ я управляла. Я не противилась ничему, что мнѣ совѣтовали или предписывали, но я не знала, какъ взяться за дѣло. Я или теряла терпѣніе, или была слишкомъ слаба. Это знали и злоупотребляли этимъ. Мое управленіе продолжалось годъ. Мнѣ предписали не выходить изъ 10,000 франковъ, я истратила 14,000, и была смущена этимъ, какъ ребенокъ, пойманный на шалости. Я подала въ отставку, ее приняли»... ***).

*) Ломени: Galérie des contemporains».
**) «Histoire» IV, стр. 61.
***) «Histoire» IV, стр. 62.

Тогда она стала дѣятельнѣе прежняго заниматься леченіемъ крестьянъ. Да будетъ мнѣ позволено здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Мнѣ совершенно непонятенъ тотъ снисходительный тонъ, которымъ объ этомъ говоритъ г. Скабичевскій въ своихъ статьяхъ о Жоржъ Зандъ *), точно также, какъ и о занятіяхъ подобнымъ леченіемъ крестьянъ нѣкоторыхъ нашихъ помѣщицъ. Крестьяне въ Берри въ 20 и 30 годахъ были точно также темны, дики и безпомощны, какъ и у насъ. И медицинская помощь, особенно въ томъ видѣ, какъ ее практиковала Аврора Дюдеванъ или русскія помѣщицы, къ чему г. Скабичевскій относится какъ къ какой-то заслуживающей улыбки филантропіи,—эта помощь являлась и является часто первымъ лучемъ, проникающимъ въ темную массу, первымъ шагомъ отъ знахарокъ, предразсудковъ, грязи и невѣжества къ болѣе человѣческой и разумной жизни. Такъ оно и было у Авроры Дюдеванъ по отношенію къ берришонцамъ. Обмывая и перевязывая раны и приготовляя сиропы и микстуры, Аврора исподволь знакомилась съ нуждами, развитіемъ, семейнымъ положеніемъ и потребностями каждаго изъ жителей Ногана въ отдѣльности; она становилась въ прямыя отношенія съ каждымъ крестьянскимъ семействомъ. И отношенія ея съ ними съ этихъ поръ и втеченіе всей ея жизни установились чисто *личныя*, человѣческія. Оттого впослѣдствіи, когда она стала полновластной хозяйкой въ Ноганѣ, — она могла не подачками и не издали, а существенно и цѣлесообразно помогать всѣмъ; оттого эта помощь ко времени ея смерти сказалась тѣмъ, что въ «Ноганѣ были крестьяне, но не было бѣдняковъ», какъ выразился тотъ крестьянинъ, который отъ имени своихъ односельчанъ положилъ вѣнокъ на могилу Жоржъ-Зандъ. Какъ бы ни казалась ничтожной такая помощь нѣсколькимъ десяткамъ семей, но эта помощь тѣмъ не менѣе чрезвычайно реальна, и дай Богъ всякому сдѣлать то, что Аврора Дюдеванъ сдѣлала въ своей маленькой общины Ноганъ-Викъ. Итакъ, начиная съ 1826 года въ особенности Аврора занималась леченіемъ крестьянъ. Большое затрудненіе при этомъ составляло то, что у ней не было или бывало очень мало своихъ денегъ. Судебнымъ слѣдствіемъ установлено, что она никогда не получала даже тѣхъ 1500 фр., которые она захотѣла получать вмѣсто выговоренныхъ ей брачнымъ контрактомъ 3000 фр. Но она никогда на это не жаловалась, ничего отъ мужа не требовала и, несмотря на то, что все состояніе было ея, никогда не истратила ни гроша, не испросивъ предварительно разрѣшенія мужа. А когда послѣ девятилѣтняго супружества она попросила мужа въ 1831 году уплатить ея личные долги, то они доходили всего до 500 франковъ» **). Но вслѣдствіе этого отсутствія собственныхъ денегъ

*) «Отеч. Зап.», 1881 г.

**) Histoire. IV, 63 стр.

занятія медициной требовали вдвое, втрое болѣе времени, чѣмъ еслибъ Аврора могла располагать небольшой суммой на это доброе дѣло. Потому что ей не только приходилось быть аптекаремъ, намазывать самой пластыри, составлять и варить микстуры и сиропы, но даже быть садовникомъ при аптекѣ — самой разводить нѣкоторыя необходимыя лекарственныя растенія. Аврора до того уставала иногда, что едва могла дотащиться до постели, но она на это не жаловалась бы, еслибъ ей при этомъ не приходило въ голову, что съ небольшими средствами она могла бы быть полезнѣе своимъ больнымъ, потому что пригласила бы доктора, и тогда леченіе и уходъ за больными были бы и разумнѣе, и успѣшнѣе.

Между тѣмъ мужъ ея, по ея словамъ, «не былъ скупъ. Онъ мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ, да я ни въ чемъ и не нуждалась, кромѣ денегъ на ежедневные домашніе расходы, имъ разъ навсегда установленные. Радуясь тому, что на мнѣ нѣтъ никакой отвѣтственности, я предоставила ему безграничную и безконтрольную власть. И онъ естественнымъ образомъ привыкъ на меня смотрѣть какъ на опекаемаго ребенка, а я не подавала ему поводовъ сердиться на такого покойнаго ребенка» *). Но не будучи рабою мужа, Аврора была «рабою даннаго положенія, отъ котораго мужъ ея не могъ ее избавить». Аврора все яснѣе стала сознавать, что ей необходимо найти себѣ занятіе, которымъ она могла бы зарабатывать себѣ деньги. Попробовавъ переводить, она увидѣла, что добросовѣстными переводами, отнимающими много времени, она не проживетъ.

Тогда она обратилась къ живописи. Унаслѣдовавъ отъ матери талантъ къ рисованію, она сначала стала рисовать портреты (такъ она послала матери портреты Мориса, свой, Каролины и т. д.). Портреты ея выходили очень похожими **), но въ нихъ не хватало оригинальности, и потому Аврора не могла надѣяться прожить на заработоки съ нихъ. Потомъ она стала разрисовывать деревянные ящички, вѣера и табакерки, что было одно время въ модѣ и на что былъ большой спросъ. Почти всѣ біографы Жоржъ-Зандъ разсказываютъ объ этомъ занятіи Авроры, какъ объ одномъ изъ тѣхъ занятій, къ которымъ она обратилась въ 1831 году, когда она должна была въ Парижѣ подумать о томъ, какъ зарабатывать

---

*) Это мѣсто изъ Histoire находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что Аврора говоритъ все въ томъ же письмѣ къ Аккола: «Онъ не имѣлъ привычки совѣтоваться со мною, когда пускался въ свои предпріятія. Онъ приносилъ мнѣ подписывать поручительства за него и раздражался, когда я хотѣла ихъ прочитывать прежде подписанія».

**) Впослѣдствіи Жоржъ-Зандъ сдѣлала нѣсколько портретовъ карандашомъ съ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, т. напр. Сандо, Шопена. Объ этомъ послѣднемъ, снимокъ съ котораго лежитъ передо мною, сестра Шопена отзывается какъ о наиболѣе похожемъ портретѣ геніальнаго музыканта.

свой хлѣбъ, и когда, прежде чѣмъ попасть на литературную дорогу, она перепробовала много разныхъ ремеслъ. Между тѣмъ и изъ «Histoire», и изъ «Корреспонденціи», а особенно изъ напечатанныхъ писемъ къ M-me Saint-Agnan видно, что этимъ рисованіемъ она занималась въ Ноганѣ задолго до того, что покинула его. Повидимому, это занятіе она переняла именно отъ «тетушки Сентъ-Аньянъ» и ея дочерей въ тотъ годъ, когда онѣ гостили въ Ноганѣ, ибо въ письмахъ Авроры къ нимъ она постоянно спрашиваетъ ихъ совѣтовъ на этотъ счетъ, проситъ ихъ прислать и выбрать ей краски, совѣтуется о наведеніи лака и т. д., и т. д. Сначала Аврора занималась этимъ просто изъ любви къ искусству и дарила свои табакерочки Карону, де-Сезу, г. Сентъ-Аньянъ или его женѣ. Потомъ она стала черезъ посредство M-me Сентъ-Аньянъ работать для ея знакомыхъ за деньги. Наконецъ, въ одно изъ своихъ путешествій въ Парижъ, подрядилась поставлять свою работу въ магазинъ Жиру. Но вскорѣ она убѣдилась, что матерьялъ едва окупается, мода на эти вещи проходитъ и разсчитывать на этотъ заработокъ тоже нельзя. Кромѣ того смутный инстинктъ направилъ ее въ другую сторону. Она чувствовала,—и можетъ быть и не такъ безсознательно, какъ увѣряетъ въ «Histoire»—что она рождена быть художницей. Она съ дѣтства пробовала писать; въ монастырѣ она написала цѣлый романъ; по выходѣ изъ монастыря, во время дружбы съ Рене де-Вильневомъ, она тоже не оставляла этого занятія; теперь, въ 1829 году, она вновь взялась за перо и написала романъ *La marraine*, который 22 декабря этого года послала на прочтеніе Эме Базуэнъ. Что нашла Эме—я не знаю, но сама Аврора убѣдилась, что она можетъ «написать и получше этого, что онъ былъ въ сущности не хуже тѣхъ, которыми ихъ авторы худо-ли, хорошо-ли, но зарабатываютъ деньги. Я замѣтила, что пишу легко, скоро, безъ устали, что мои мысли, вялыя въ мозгу, оживаютъ и логически текутъ одна за другой, когда я пишу; что въ своей тихой жизни я много наблюдала, довольно хорошо понимаю характеры, которые случайно оказывались передо мною, словомъ, что я достаточно знаю человѣческую природу и могу изображать ее; наконецъ, что изъ всѣхъ тѣхъ занятій, къ которымъ я была способна, литература въ тѣсномъ смыслѣ слова оказывалась ремесломъ, подающимъ наиболѣе надеждъ въ смыслѣ успѣха и, прямо говоря, въ смыслѣ заработка» *). А вѣрнѣе было-бы сказать, что просто къ этому времени Аврора сознала свое будущее призваніе и что *Жоржъ Зандъ* готова была явиться на свѣтъ божій. Однако нужны были серьезныя потрясенія, чтобы Аврора Дюдеванъ рѣшилась выступить на этотъ путь, и рожденіе будущаго генія, какъ и всякое рожденіе, сопровождалось страданіями и страхомъ.

*) «Histoire». IV 60—61.

Но всѣ эти занятія не могли-бы замѣнить Аврорѣ счастья, еслибъ ее не поддерживала дружба съ де-Сезомъ. Съ нимъ она постоянно переписывалась и почерпала въ этой перепискѣ отраду и утѣшеніе, силы и терпѣніе для своей тяжелой жизни. Къ нему относятся извѣстныя таинственныя страницы изъ «Histoire de ma Vie», на которыя намекаетъ д'Оссонвиль и которыя интриговали многихъ читателей.

«Мое нравственное одиночество было глубокимъ и совершеннымъ и сдѣлалось-бы смертельнымъ для моей цвѣтущей еще молодости и любящаго сердца, еслибъ его не наполняла мечта, сдѣлавшаяся почти страстью, не въ дѣйствительности, потому что жизнь моя была посвящена долгу, но въ грезахъ. Отсутствующее существо, съ которымъ я была въ постоянномъ общеніи, съ которымъ дѣлилась всѣми моими размышленіями, всѣми мечтами, которому посвящала всѣ мои платоническіе восторги и скромныя достоинства, существо въ самомъ дѣлѣ прекрасное, но къ тому-же еще украшенное мною всѣмъ, что есть прекраснаго въ человѣческой природѣ, словомъ, человѣкъ, котораго я ежегодно видѣла лишь втеченіе нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ часовъ*) и который, будучи со мной такимъ-же романтичнымъ, какъ я сама, ничѣмъ не возмутилъ ни моей религіи, ни моей совѣсти,—вотъ кто былъ моей поддержкой и утѣшеніемъ въ моемъ изгнаніи въ мірѣ дѣйствительности»...**).

Но, повидимому, во время лѣтней поѣздки 1829 года въ Бордо Аврора начала замѣчать, что въ Орельенѣ произошла какая-то перемѣна. Затѣмъ нѣчто подобное замѣтила Аврора и въ письмахъ де-Сеза... «Отсутствующій, я могла-бы сказать,—невидимый, который былъ *третьимъ* въ моемъ душевномъ мірѣ: *Богъ, онъ и я*,—онъ утомился этими сверхчеловѣческими стремленіями къ высшей любви. Нѣжный и великодушный, онъ не говорилъ этого, но письма его становились болѣе рѣдкими, а выраженія болѣе холодными или болѣе рѣзкими, смотря по тому, какой смыслъ я имъ придавала. Его страсть не могла довольствоваться восторженной дружбой

*) Такъ напр. онъ былъ въ Ноганѣ въ день рожденія Соланжъ. Разсказывая объ этомъ днѣ, Жоржъ Зандъ говоритъ: «я вспоминаю, какъ удивился *одинъ нашъ бордосскій другъ*, который пріѣхалъ повидаться съ нами, когда онъ увидѣлъ, что я рано утромъ, одна въ гостиной, складываю и приготовляю приданое для новорожденной, бывшее еще частью въ моемъ рабочемъ ящикѣ. «Что вы тутъ дѣлаете?»—спросилъ онъ.—«Вы видите, торопливо кончить для кого-то, кто пожалуетъ раньше, чѣмъ я думала» («Histoire» IV, стр. 48). Судя по письму къ Карону отъ 1 октября 1829 г., въ которомъ Аврора проситъ прислать ей разныя вещи съ «г. де-Сезом, который за ними зайдетъ и привезетъ ихъ мнѣ. Это ему доставитъ случ видѣть васъ, чего онъ очень желаетъ. Онъ у насъ взялъ вашъ адресъ», судя по этому письму, де-Сезъ былъ въ Ноганѣ и въ 1829 году. (Corr. I томъ, стр. 76).

**) «Histoire» IV, стр. 52.

или жизнью въ перепискѣ. Онъ мнѣ далъ клятву, которую свято держалъ,—безъ чего я бы съ нимъ порвала,—но онъ не клялся мнѣ быть такимъ-же сдержаннымъ и относительно счастья и радостей, которыя нашелъ-бы у другихъ. Я почувствовала, что я для него или тяжелая цѣпь или не болѣе какъ развлеченіе для ума. Я съ излишней скромностью склонялась къ этому послѣднему мнѣнію, но узнала впослѣдствіи, что я ошибалась. Тѣмъ болѣе я должна радоваться, что покончила съ тѣмъ, что являлось чувствомъ по принужденію или помѣхой въ его судьбѣ. Я еще долго любила его, покорно и молчаливо. Потомъ я стала думать о немъ спокойно, съ благодарностью, и я никогда не думала о немъ иначе, какъ съ глубокой дружбой и искреннимъ уваженіемъ»...*).

Есть основаніе предполагать, что желаніе убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній и заставило Аврору проѣхать глубокой осенью 1829 г. изъ Бериге въ Бордо. Въ письмѣ къ Жюлю Букоарану, бывшему повѣреннымъ всѣхъ сердечныхъ дѣлъ Авроры Дюдеванъ въ періодѣ между 1829 и 1837 годами, она пишетъ 8 декабря изъ Периге: «Мое здоровье довольно хорошо, *впрочемъ я теперь въ настроеніи пропѣть «Нынѣ отпущаеши»*. Вы не знаете, еретикъ, что это значитъ? Я объясню вамъ». Произошло-ли между молодыми людьми какое нибудь рѣшительное объясненіе—трудно сказать. Жоржъ Зандъ утверждаетъ, что нѣтъ... «Между нами не было ни объясненій, ни упрековъ, какъ только я узнала, на что мнѣ рѣшаться. Зачѣмъ стала я бы жаловаться, на что? Зачѣмъ стала бы мучить эту добрую и прекрасную душу, зачѣмъ стала-бы портить эту жизнь съ такой великой будущностью? Когда люди расходятся, то есть такой пунктъ, послѣ котораго не должно того, кѣмъ сдѣланъ первый шагъ, ни допрашивать, ни преслѣдовать—иначе заставишь его быть либо несчастнымъ, либо жестокимъ. Этого я не хотѣла. *Онъ* не заслуживалъ страданій: а *я* не хотѣла унизиться въ его глазахъ, раздражая его. Я не знаю, права-ли я, считая гордость обязательной для женщины,—знаю только, что не могу не относиться съ презрѣніемъ къ страсти, которая упорствуетъ. Мнѣ кажется, что это преступленіе противъ неба, которое ниспосылаетъ и вновь отнимаетъ истинныя привязанности. Нельзя бороться за обладаніе душой, какъ и за обладаніе рабомъ. Надо возвращать свободу—человѣку, душѣ—ея полетъ, Богу—огонь, отъ него нисшедшій. Когда этотъ спокойный, но безповоротный разрывъ совершился, я попробовала продолжать ту жизнь, которая по внѣшности ничуть не поколебалась, не измѣнилась, но это было невозможно. Моя маленькая комнатка болѣе меня не принимала (ne voulait plus de moi)».

И вѣдь затѣмъ Жоржъ Зандъ такими невыразимо-трогательными словами разсказываетъ о гибели своихъ задушевныхъ мечта-

*) Histoire IV стр. 58.

ній, что я опять таки не рѣшаюсь передавать своимъ прозаическимъ языкомъ эту поэтическую страницу ея жизни:

«Я тогда жила въ бывшемъ будуарѣ моей бабки, потому что въ немъ была одна лишь дверь, и никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ проходить туда. Мои дѣти помѣщались въ большой комнатѣ рядомъ; я слышала, какъ они дышали, и не должна была безпокоить ихъ сна. Эта комнатка была такъ мала, что изъ-за моихъ книгъ, гербаріевъ, бабочекъ и камешковъ (я по прежнему забавлялась естественной исторіей, ничему не учась толкомъ)—не хватало мѣста для кровати. Я ее замѣнила гамакомъ, а вмѣсто письменнаго стола мнѣ служилъ шкапъ, дверка котораго откидывалась какъ крышка бюро; въ немъ жилъ сверчокъ, который приручился, потому что привыкъ ко мнѣ. Онъ питался моими облатками, и я нарочно покупала бѣлыя, чтобъ онъ не отравился. Онъ приходилъ ѣсть, когда я писала; послѣ чего онъ отправлялся трещать въ свой любимый ящикъ. Иногда онъ прыгалъ по моей рукописи, и тогда я его прогоняла, чтобъ онъ не попробовалъ чернилъ. Однажды вечеромъ, не слыша и не видя его, я принялась его искать. Я нашла лишь двѣ ноги моего друга между рамой и створкой окна. Онъ не предупредилъ меня, что ходитъ гулять, и горничная раздавила его, закрывая окно. Я погребла эти бренные останки въ цвѣткѣ датуры, который долго сохраняла, какъ святыню. Я не умѣю выразить, какое впечатлѣніе произвело на меня это незначительное событіе по своему совпаденію съ гибелью моей поэтической любви. Я постаралась написать на это стихи, такъ какъ слыхала, что остроуміе утѣшаетъ всегда, но когда я писала «*Жизнь и смерть домашняго добраго духа*»—произведеніе неизданное и достойное оставаться таковымъ,—я не разъ замѣчала, что обливаюсь слезами. Поневолѣ мнѣ думалось, что голосокъ сверчка,—это истинная пѣснь домашняго очага, могъ-бы пѣть о моемъ дѣйствительномъ счастьи, что онъ баюкалъ послѣднія изліянія сладкихъ грезъ и что, вмѣстѣ съ ними, онъ навсегда исчезъ. Смерть сверчка какъ-бы символически положила конецъ моему пребыванію въ Ноганѣ»...

Жоржъ-Зандъ далѣе разсказываетъ, что она постаралась думать о другомъ, измѣнила образъ жизни, много гуляла и была на воздухѣ въ ту осень,—и сюда же относитъ написаніе своего романа. Но такъ какъ она послала его уже 22 декабря 1829 г. Эме, а вернулась въ Ноганъ лишь послѣ 18, то онъ былъ написанъ ранѣе. Или можетъ быть въ началѣ 1830 года Аврора принялась за новый романъ:—можетъ быть это даже была *Индіана*, очень напоминающая собою то, что произошло тогда въ жизни Авроры, и которую она впослѣдствіи лишь окончила. Какъ бы то ни было еще втеченіе цѣлаго года почти, Аврора мужественно переносила свое трудное положеніе, мучась сознаніемъ своей *ненужности*, безправія и униженія, и въ то же время поражая Букоэ-

рана той «упругостью и силой характера», которыя помогали ей послѣ самыхъ тяжелыхъ домашнихъ сценъ на другой день вновь смѣяться, какъ ни въ чемъ не бывало, и не сгибать головы подъ бременемъ несчастья. По ея мнѣнію, только эта «упругость» и спасала ее отъ окончательнаго отчаянія. Однако силы ея не выдержали этой непрестанной борьбы съ собою, постояннаго напряженія воли и нервовъ, и осенью 1830 года Аврора заболѣла сильной нервной горячкой и была втеченіе 48 часовъ безъ сознанія. А едва она оправилась, какъ ее поразилъ новый ударъ, и совершенно неожиданно для нея судьба приготовила ей выходъ изъ ея тягостной жизни, а многолѣтняя семейная драма Дюдевановъ внезапно приблизилась къ развязкѣ. Одинъ совершенно нечаянный случай открылъ ей глаза на то, что ея самопожертвованіе, терпѣніе и прощеніе обидъ не только не оцѣнены Казиміромъ, но что онъ платитъ ей совершенно необъяснимою ненавистью.

3-го декабря 1830 года Аврора Дюдеванъ пишетъ Букоарану: «Узнайте необыкновенную, невѣроятную новость... узнайте, что, несмотря на всю мою инертность, беззаботность, легкомысліе, которое мнѣ помогаетъ разсѣеваться, легкость, съ которой я прощаю, забываю огорченія и обиды, узнайте, что я рѣшилась на *крайнія мѣры*... Никто ничего не знаетъ. Все произошло безъ шума. Я просто нашла, отыскивая что то въ письменномъ столѣ моего мужа, пакетъ на мое имя. У него былъ торжественный видъ, который меня поразилъ: на немъ стояло: «*Не вскрывать до моей смерти*». У меня не хватило терпѣнія ждать, когда я стану вдовой. И не съ такимъ здоровьемъ, какъ мое, можно разсчитывать, что переживешь кого нибудь. Вдобавокъ я вообразила, что мой мужъ умеръ, и мнѣ захотѣлось узнать, что онъ думалъ про меня при жизни. И такъ какъ пакетъ былъ мнѣ адресованъ, то я имѣла право безъ всякой нескромности вскрыть его и прочесть завѣщаніе моего мужа совершенно хладнокровно, такъ какъ мой мужъ былъ совершенно здоровъ. Боже! какое завѣщаніе! Проклятія—и больше ничего! Тутъ онъ собралъ всѣ порывы своей злобы и досады на меня, всѣ размышленія о моей *безнравственности*, все свое презрѣніе къ моему характеру. И это то онъ оставлялъ мнѣ, какъ залогъ своей любви. Я думала, что грежу, я, которая на все закрывала глаза и старалась до сихъ поръ не замѣчать, что меня презираютъ. Чтеніе это разсѣяло мои грезы, я пробудилась, я себѣ сказала, что жить съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ ни уваженія, ни довѣрія къ женѣ—это желать воскресить мертвеца. Мое рѣшеніе было готово и, смѣю сказать, *безповоротно*. Вы знаете, что я этимъ словомъ не злоупотребляю. Не теряя ни дня, еще слабая и больная, я объявила о своемъ рѣшеніи и о причинахъ его съ такимъ апломбомъ и хладнокровіемъ, которыя заставили его окаменѣть. Онъ никакъ не ожидалъ, что такое существо, какъ я, встанетъ во весь свой ростъ, чтобы бороться съ нимъ. Онъ бранился, спорилъ, умолялъ. Я оста-

лась непоколебима. *Я хочу получать свою пенсію, я поѣду въ Парижъ, дѣти останутся въ Ноганѣ.* Вотъ результатъ нашего перваго объясненія...»

Далѣе Аврора сообщаетъ Букоарану, что, разумѣется, не думаетъ бросать дѣтей, что ей надо было только попугать Дюдевана, что она уѣдетъ лишь въ томъ случаѣ, если Букоаранъ тотчасъ же и окончательно переселится къ Морису въ Ноганъ, но что тѣмъ не менѣе ея дальнѣйшая жизнь рѣшена и опредѣлена: 6 мѣсяцевъ она будетъ жить съ дѣтьми, т. е. у мужа, и 6 мѣсяцевъ въ Парижѣ. Для Казиміра «это урокъ, чтобъ онъ впредь былъ поосторожнѣе. До сихъ поръ онъ обращался со мною, точно я была ему отвратительна. Какъ только я въ томъ убѣдилась,—я ухожу. Пусть онъ поплачетъ обо мнѣ—тѣмъ хуже для него. Я доказываю ему, что не хочу, чтобъ меня выносили, какъ бремя, но чтобъ меня искали и любили, какъ свободную подругу, которая будетъ жить съ нимъ только тогда, когда онъ будетъ этого достоинъ. Не находите меня дерзкой. Вспомните мое униженіе! Это продолжалось 8 лѣтъ!..» Она проситъ Букоарана пока все это держать въ тайнѣ и быть осторожнымъ съ письмами. «Моя переписка болѣе не въ безопасности...»

Итакъ было рѣшено, что Аврора будетъ по 3 мѣсяца проводить въ Ноганѣ и Парижѣ, что какъ только она тамъ устроится, то возьметъ къ себѣ и Соланжъ, что Морисъ пока останется съ отцомъ и Букоараномъ въ Ноганѣ, а затѣмъ его отдадутъ въ школу, наконецъ, что Дюдеванъ будетъ выговоренные контрактомъ 3,000 фр. выплачивать втеченіе тѣхъ 6 мѣсяцевъ, что жена будетъ въ Парижѣ.

Ипполитъ, Дютейль и нѣкоторые другіе, когда имъ объявили это рѣшеніе, старались отговорить и напугать Аврору. Одна Эмилія Шатиронъ, знавшая хорошо условія жизни Авроры, поняла, что это рѣшеніе самое лучшее, что только можно придумать, во избѣжаніе и для предотвращенія гораздо худшей развязки этой семейной драмы.

Въ «Histoire de ma Vie» о происшествіи съ письмомъ не говорится ни слова и обо всемъ этомъ разсказывается такъ, что окончательная причина рѣшенія Авроры остается не выясненной для читателя. Вслѣдствіи этого всѣ біографы (кромѣ миссъ Томасъ, о достоинствахъ сочиненія которой мною уже говорено было въ печати *), распространяются въ этомъ мѣстѣ жизнеописанія Авроры Дюдеванъ о ея желаніи самой зарабатывать свой хлѣбъ, слѣдовательно, принимаютъ за окончательную причину, вызвавшую отъѣзд изъ Ногана, то, что было лишь одною изъ подготовительныхъ пр чинъ. Наоборотъ, изъ этого письма къ Букоарону явствуетъ, ч

*) Миссъ Берта Томасъ, авторъ этюда объ Жоржъ-Зандъ въ издав момъ Инграмомъ рядѣ біографій: «Eminent Women Series».

Аврора Дюдеванъ прежде всего хотѣла спасти свою *личность*, поставить себя внѣ воздѣйствія воли, безволія и капризовъ Казиміра. На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе, потому что эта идея *освобожденія личности* есть, по моему мнѣнію, основаніе и краеугольный камень всѣхъ ея писаній. Это освобожденіе личности проповѣдовала она втеченіе всей своей жизни и подъ всевозможными видами, а вовсе не только освобожденіе женщины или тѣмъ паче—свободу любви, какъ полагали и полагаютъ многіе. И кажется, только одинъ Достоевскій вполнѣ понялъ и выразилъ, что, это-то и составляетъ то вѣчное и великое, что всегда останется дорого въ твореніяхъ Жоржъ-Зандъ и что переживетъ и романтизмъ и натурализмъ и всевозможныя направленія литературныя.

Конечно, исторія съ письмомъ была только послѣдней каплей, переполнившей чашу ея горечи, но какъ бы то ни было, а не упади эта капля, можетъ быть Аврора Дюдеванъ въ началѣ 1831 г. и не рѣшилась бы переселиться въ Парижъ. Теперь она какъ бы ухватилась за этотъ предлогъ, развязывавшій ей руки относительно Дюдевана, и 4 января 1831 года она уѣхала изъ Ногана. Вначалѣ разсказа о бракѣ Дюдевановъ мы указали на отсутствіе въ немъ трехъ причинъ, обусловливающихъ прочность брачнаго союза. Читатель видитъ, какъ это отсутствіе духовной гармоніи, истиннаго чувства и внѣшней порядочности въ отношеніяхъ привели Аврору къ разочарованію, охлажденію и разрыву съ мужемъ. Въ 1831 году Аврора и Эмилія Шатиронъ полагали, что этотъ разрывъ *de facto* является окончательнымъ разрѣшеніемъ сложнаго вопроса; Аврора не предвидѣла, что изъ-за другого вопроса—обезпеченія будущности дѣтей—ей придется впослѣдствіи разрѣшать его и *de jure* и что еще втеченіе долгихъ лѣтъ ей придется отстаивать интересы свои и дѣтей, даже и послѣ этого развода *de jure*. Во всякомъ случаѣ 1831 годомъ завершается цѣлая эпоха въ жизни Казиміра и Авроры Дюдевановъ и отнынѣ они становятся другъ относительно друга въ совсѣмъ иное положеніе.

Мы не будемъ здѣсь ничего говорить ни о томъ, какъ Аврора Дюдеванъ поселилась въ Парижѣ, ни о томъ, какъ она выступила на литературное поприще и изъ Авроры Дюдеванъ превратилась въ Жоржъ-Зандъ, не будемъ останавливаться ни на ея романахъ съ Сандо и Мюссе, ни на ихъ поѣздкѣ въ Италію. Все это не входитъ въ предметъ настоящей главы, а потому, оставивъ все это въ сторонѣ, мы прослѣдимъ далѣе исторію отношеній супруговъ Дюдеванъ.

Сначала, т. е. въ первые три года послѣ добровольнаго разъѣзда, все шло хорошо, и обѣ стороны, довольныя своей независимостью, относились другъ къ другу любезно и товарищески-спокойно. Казиміръ сохранилъ за собою то, чѣмъ, по словамъ одного *неиз-*

даннаго письма Авроры *), дорожилъ больше всего: имѣніе и доходы съ него, и посылалъ женѣ лишь небольшую ея пенсію. Она съ трудомъ жила на эти деньги, но не жаловалась, тѣмъ болѣе, что мало-по-малу становилась на свои ноги, пріобрѣтала извѣстность и кое-что заработывала. Каждые три мѣсяца она ѣздила въ Ноганъ, причемъ почти всегда Казиміръ, то одинъ, то съ Морисомъ, встрѣчалъ и провожалъ ее то до Ла-Шатра, а то и до Шатору. Въ 1832 году Аврора взяла къ себѣ Соланжъ, а въ маѣ 1833 года и Мориса привезли въ Парижъ и отдали въ коллежъ Генриха IV. Пріѣзжая въ Парижъ, Казиміръ обѣдалъ у жены и ходилъ съ нею въ театръ, но не останавливался у нея, чтобъ не стѣснять ни себя, ни ея. Онъ такъ и пишетъ ей въ одномъ изъ своихъ писемъ: ... «*5-го декабря 1831 г...* я получилъ твое письмо десять дней тому назадъ, оно мнѣ доставило удовольствіе, но не отвѣчалъ, потому что на другой день пришло твое письмо къ m-me Ипполитъ... Я выѣзжаю въ среду, или самое позднее въ четвергъ, буду въ Парижѣ въ субботу утромъ, остановлюсь у Ипполита, чтобы не стѣснять тебя, а слѣдовательно, чтобы и ты меня не стѣсняла... Дѣти здоровы, мы всѣ также. Прощай, обнимаю тебя отъ всего сердца...» Аврора въ свою очередь писала мужу, и въ письмахъ къ Морису никогда не забывала посылать поклонъ или поцѣлуй «à ton papa», все время старалась внушить сыну послушаніе къ отцу и не дать мальчику почувствовать что нибудь неладное въ отношеніяхъ отца и матери. Она исполняла порученія Казиміра и посылала ему маленькіе подарки; Казиміръ въ свою очередь въ своей любезности доходилъ до того, что въ концѣ 1832 года нанялъ или подарилъ ей фортепьяно, за что она въ письмѣ къ Морису отъ 20 декабря 1832 г. **) и проситъ передать благодарность отцу. Впрочемъ, дальше такихъ внѣшнихъ любезностей дѣло не шло. Казиміръ ничуть не безпокоился, какъ его жена справляется со своими маленькими средствами одна въ Парижѣ и какъ живетъ тамъ. Она въ свою очередь считала себя вполнѣ свободной, могущей располагать собой вполнѣ и потому ея отношенія къ Сандо, а потомъ и къ Мюссе были уже совсѣмъ иныя, чѣмъ ея неземная любовь къ Орельену де-Сезъ. Казиміръ не могъ не знать того, о чемъ знали всѣ и что Аврора со своей стороны не скрывала, но, повидимому, это его ничуть не огорчало и не измѣняло товарищескаго тона его писемъ. Такъ, 17 мая 1833 г., онъ пишетъ ей:

... «Всѣ очень разспрашиваютъ меня о тебѣ, и горожане, сельчане, я всѣмъ отвѣчаю соотвѣтственно пониманію и достоин

---

*) Письмо отъ 12 ноября 1835 г. къ Ипполиту Шатирону.

**) Неиздан.

ству каждаго... Прощай, будь здорова, обнимаю тебя отъ всего сердца, также какъ и толстушку Соланжъ,

весь твой Казиміръ.

Дружескій мой поклонъ Букоарану...»

А когда Аврора уѣхала съ Мюссе въ Италію, то и туда Казиміръ писалъ ей очень милыя письма и даже возвышался до совѣтовъ со вниманіемъ и любовью осматривать эту страну и не проходить безучастно мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда сражался ея отецъ, Морисъ Дюпенъ, гдѣ всѣ поля залиты кровью французскихъ солдатъ и гдѣ все говоритъ о быломъ величіи.

Одного только нельзя найти въ этихъ письмахъ: упрековъ въ чемъ бы то ни было, просьбъ вернуться домой или вообще сожалѣнія о разлукѣ. Повидимому Казиміръ, точно также, какъ Аврора, былъ вполнѣ доволенъ новымъ устройствомъ ихъ жизни.

Но эти миролюбивыя отношенія нарушались всякій разъ, какъ Аврора подольше оставалась въ Ноганѣ; еще въ первые дни все шло хорошо и мирно, затѣмъ опять начинали выступать на сцену прежняя грубость, брань, угрозы, окрики на жену. Къ этому нынче стали присоединяться упреки за то, что Аврора своимъ писательствомъ-де *унижаетъ* ихъ семью (*qu'elle déroge*). Все чаще обрушивался теперь Казиміръ также и на ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, особенно на Соланжъ, которую за что-то не взлюбилъ. Эти сцены стали очень часто повторяться осенью 1834 года, когда послѣ трагическаго финала своего итальянскаго путешествія, разбитая нравственно и больная физически, Аврора съ особенной силой почувствовала потребность пожить въ тишинѣ Ногана со своими дѣтьми. Грубыя выходки Казиміра стали въ это время принимать все болѣе дикій характеръ. Такъ, однажды, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, обѣдавшихъ въ Ноганѣ,—въ томъ числѣ и въ присутствіи Розаны Бургоанъ и ея мужа (то были большіе пріятели Авроры)—Дюдеванъ такъ безобразно закричалъ на Соланжъ, что перепуганная дѣвочка разрыдалась и, не кончивъ обѣда, ушла изъ комнаты, послѣ чего онъ принялся самыми неприличными словами бранить и жену, и дочь. Другой разъ по поводу уроненной бутылки и приказанія Авроры принести новую, — Дюдеванъ, опять при гостяхъ, закричалъ сначала на жену, а потомъ запретилъ слугамъ исполнять ея приказанія, потому что въ Ноганѣ онъ-де одинъ хозяинъ.

Въ это же самое время оказалось, что дѣла Казиміра пришли ь совершенное разстройство. «Онъ проѣлъ свои 80,000 фр. и не величилъ ни на полушку мое состояніе,—пишетъ Аврора Аккола— ю, что онъ прикупилъ земли, является лишь вынужденнымъ возмѣщеніемъ истраченныхъ имъ моихъ бумагъ. Онъ продалъ на 48,000 фр., ı купилъ всего на 46,000 фр. Итакъ онъ растратилъ и свой каиталъ и доходы какъ только могъ. Онъ всегда дѣлалъ неудачныя ıріобрѣтенія и не зналъ въ точности, что его бумаги приносятъ.

Онъ принялъ на себя обязательство сдавать въ аренду «Большую Мельницу» за 1,400 фр., а сдавалъ ее всего за 1,200 и т. д. и т. д.». У него отъ всего его состоянія оставалось въ это время только 1,200 фр. ренты. Замѣтивъ, что Казиміръ и вообще очень озабоченъ, Аврора стала его разспрашивать и, узнавъ, что его безпокоятъ долги, уступила ему часть своихъ бумагъ (un coupon de ses rentes patrimoniales). Онъ очень былъ доволенъ. Однако, Аврора стала безпокоиться за состояніе дѣтей. «Если такъ дальше пойдетъ,—писала она Ипполиту въ январѣ 1835 года (*неиздан. письмо*)—то раньше чѣмъ черезъ 10 лѣтъ я буду раззорена. Три года тому назадъ онъ объявилъ, что я буду просить милостыню, но я заработала отъ 12—20,000 фр. и у меня нѣтъ долговъ, а долги Казиміра опять доходятъ до 20,000 фр.»... И Ипполитъ и остальные друзья стали совѣтовать супругамъ произвести добровольный раздѣлъ имущества. Казиміръ этому обрадовался; онъ скучалъ въ Ноганѣ, ему было не по силамъ управлять имѣніемъ, ему хотѣлось пожить въ Парижѣ en garçon. Аврорѣ со своей стороны трудно жилось, несмотря на то, что она усиленно работала. И вотъ въ февралѣ 1835 года состоялось между супругами соглашеніе и былъ написанъ договоръ, по которому произведена была формальная сепарація: раздѣлъ имуществъ, раздѣлъ дѣтей и обязательная жизнь на разныхъ квартирахъ. Аврора получала Ноганъ, Казиміръ—«Hôtel de Narbonne», Соланжъ отдавалась въ полное распоряженіе матери, Морисъ долженъ былъ до окончанія курса проводить мѣсяцъ у матери во время вакацій и мѣсяцъ у отца. Аврора обязывалась выплачивать мужу 3,800 фр., что съ его 1,200 составляло 5,000 въ годъ; затѣмъ она должна была продолжать выплачивать прежнюю ренту матери и старымъ слугамъ. Въ томъ же письмѣ къ Ипполиту отъ января 1835 г. она по секрету сообщаетъ брату, что согласна даже мало по малу выплачивать долги мужа, «tout peu mignon qu'il est» (хотя онъ и очень «не миленькій»), хотя она знаетъ, что «онъ далъ бы ее засадить за 20 франковъ долгу», и хотя, выйдя замужъ «sous le régime dotal», она не отвѣтственна за долги мужа.

Договоръ долженъ былъ вступить въ силу 11 ноября 1835 года. Но едва онъ былъ подписанъ, какъ Дюдеванъ сталъ сожалѣть, что его доходы уменьшатся. Аврора, разумѣется, желала, чтобы договоръ былъ выполненъ, но по своей привычкѣ, не желая доставлять неудовольствія другимъ и готовая всегда себя ограничить, она разорвала договоръ и отослала ключи Дютейлю для передачи Казимір и требовала только небольшой прибавки къ содержанію на восп таніе Соланжъ. Но Казиміръ сказалъ, что не хочетъ отступатьс отъ договора, не беретъ его обратно, не хочетъ больше жить с Авророй или имѣть съ ней какое-нибудь дѣло и что какъ толь договоръ вступитъ въ силу, онъ уѣдетъ въ Парижъ и будетъ там жить. Онъ самъ переписалъ и подписалъ вновь договоръ и отослал

его женѣ. И Дютейль и Ипполитъ, помогавшіе переговорамъ между супругами, были убѣждены въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ, въ желаніи избѣжать скандала и шума и убѣждали и Аврору въ томъ, что Казиміръ не доставитъ ей болѣе никакихъ неудовольствій. Оставалось терпѣливо ждать ноября. На осеннія вакаціи Мориса Аврора пріѣхала въ старый домъ свой, который вскорѣ долженъ былъ вернуться въ ея владѣніе, и замѣтивъ, что Казиміръ какъ бы съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Ноганомъ, просила его, несмотря на договоръ, пріѣзжать сюда всегда, когда онъ этого захочетъ. Къ ея великому удивленію, отвѣтомъ на то были новыя грубости, новыя запрещенія прислугѣ «слушаться барыни», — однимъ словомъ, новыя доказательства того, что на слова Дюдевана особенно полагаться нельзя. Наконецъ, 19 октября 1835 года въ Ноганѣ произошла безобразнѣйшая сцена, какую только можно вообразить. Произошло дѣло опять за послѣобѣденнымъ кофе, какъ и въ 1824 году. Кому то не хватило сливокъ, отецъ приказалъ Морису идти за ними. Морисъ что-то помедлилъ и подсѣлъ къ матери; та ему сказала: «развѣ ты не слышишь, что папа тебѣ велѣлъ?» Неизвѣстно почему эти слова вывели изъ себя Дюдевана, и онъ принялся кричать что-то о томъ, какъ она дурно воспитываетъ дѣтей. Не желая, чтобы Морисъ слушалъ этотъ разговоръ, Аврора приказала мальчику идти въ свою комнату. Но Дюдеванъ на это пуще прежняго разозлился, крикнулъ: «Sors toi-même» и бросился на жену съ явнымъ намѣреніемъ ее ударить. Присутствующіе гости бросились между ними и одинъ изъ нихъ загородилъ Аврору, въ то время какъ другой сзади схватилъ Дюдевана, но онъ вырывался и изъ подъ рукъ защищавшаго Аврору больно схватилъ ее самое за руки. Однако, его оттащили. Тогда онъ, въ совершенномъ бѣшенствѣ, крикнулъ, что убьетъ жену и бросился въ переднюю за ружьемъ. Но тутъ Дютейль *), который вначалѣ этой сцены держалъ себя странно-пассивно и сидѣлъ спокойно у стола, опустивъ голову, и только когда Аврора крикнула ему: «чего же вы смотрите?» — тоже поднялся, — тутъ, видя вбѣгающаго съ ружьемъ Казиміра, Дютейль въ свою очередь, бросился ему навстрѣчу и вмѣстѣ съ другими обезоружилъ его **).

Аврора ушла къ себѣ, и съ плачемъ побѣжалъ за ней Морисъ.

---

*) Alexis-Pouradier Dutheil—большой другъ Казиміра Дюдевана, но также и пріятель Авроры,—былъ сначала адвокатомъ въ Ла-Шатрѣ, потомъ прокуроромъ въ Буржѣ, наконецъ, предсѣдателемъ аппеляціоннаго суда тамъ же. С: его женой Аврора также была большой пріятельницей.

**) 1) «Corresp. de G. Sand», томъ I, письмо къ графинѣ д'Агу 1 ноября 1835 года.

2) Revue Encyclop. «Lettre à Félicie St.-Agnan. 1835.

3) *Неизданныя письма:* къ Плане 20 октября, къ Ипполиту 4 ноября, къ Бокорану 17 ноября, къ Мишелю де-Буржъ конца октября 1835 года.

4) Отчетъ о засѣданіяхъ шатрскаго и шерскаго суда въ газетѣ «Le Droit», 1836 г., №№ 108, 240, 242.

5) «Histoire de ma Vie», IV, стр. 377—385.

Она его успокоила какъ могла, но въ душѣ тотчасъ же безповоротно рѣшила, что болѣе *никогда* такимъ насиліямъ не подвергнется, что дѣти ея разъ навсегда должны быть поставлены внѣ возможности быть свидѣтелями подобныхъ безобразныхъ сценъ, и что ввиду того, что на Дюдевана, несмотря на договоръ и данное слово, ничуть полагаться нельзя, — ввиду всего этого надо положить конецъ этой невозможной жизни, въ которой и она и Дюдеванъ уподоблялись двумъ скованнымъ вмѣстѣ и ненавидящимъ другъ друга каторжникамъ.

Дютейль пробовалъ еще уговаривать Аврору кончить дѣло миромъ, но она не согласилась. Она отправилась въ Шатору, къ старому адвокату Роллина—отцу ея любимаго друга Франсуа Роллина,— и въ Буржъ къ Мишелю, посовѣтовалась съ ними и рѣшила подать просьбу о разлученіи по суду.

Не желая оставаться ни одного часа подъ одной кровлей съ Дюдеваномъ, она слѣдующій день провела съ дѣтьми въ маленькой экскурсіи по окрестнымъ лѣсамъ; а затѣмъ Дюдеванъ увезъ ихъ въ Парижѣ къ началу зимнихъ занятій, а Аврора осталась одна въ тишинѣ своего стараго дома.

30 октября 1835 года «Аврора Дюпенъ, *dame* Дюдеванъ» предъявила въ шатрскій судъ противъ своего мужа искъ и требовала «séparation de corps» (разлученія) на основаніи «injures graves; sévices et mauvais traitements» (серьезныхъ оскорбленій, грубаго обращенія и поступковъ). Этимъ актомъ открылся процессъ между Казиміромъ и Авророй Дюдеванъ, который въ общей сложности тянулся болѣе двухъ лѣтъ и окончился лишь въ 1838 году. На 2 ноября была назначена явка сторонъ, но Дюдеванъ, чувствуя, что защищаться было бы невыгодно для него и лучше, чтобъ все прошло какъ можно незамѣтнѣе, не явился. Тогда опредѣленіемъ суда 1 декабря были признаны факты, выставляемые истицей, и ей предоставлено было доказать ихъ передъ слѣдственнымъ судьей (juge commissaire). Постановленіе это было объявлено Дюдевану 8 января черезъ его слугу и въ тотъ же день былъ назначенъ допросъ свидѣтелей на 14 января. 14 января была допрошена масса свидѣтелей, въ томъ числѣ: Дютейль, Папе, Бургоанъ—мужъ и жена, докторъ Шарль Делаво, Неро, Плане, садовники, лакеи, кучера и т. д., и т. д., а также пріѣхавшій къ этому дню Жюль Букоаранъ, о показаніи котораго впослѣдствіи прокуроръ Дегюзонъ сказалъ, что «показанія этого человѣка, сдержаннаго и холоднаго и изъ всѣхъ свидѣтелей наиболѣе безпристрастнаго и извѣстнаго во всемъ округѣ своей справедливостью—являются въ то же время, увы! и самымъ вѣскими и доказательными противъ г. Дюдевана». Копія съ протокола допроса была оставлена на квартирѣ Дюдевана вмѣстѣ съ объявленіемъ о явкѣ къ суду на 16 февраля. Но Дюдеванъ продолжалъ молчать и не подавалъ признаковъ жизни. Тогда 16-го февраля судъ постановилъ заочное рѣшеніе, призналъ доказанными

слѣдствіемъ 14 января «injures graves, sévices et mauvais traitements, на которыя г-жа Дюдеванъ опиралась въ своемъ искѣ, постановилъ раздѣльное житье супруговъ и поручилъ натаріусу произвести раздѣлъ имущества (de la communaute et des reprises de la femme) Къ нотаріусу, куда вызывали Дюдевана, онъ опять не явился, раздѣльный актъ былъ совершенъ и копія съ него была доставлена Дюдевану. Этимъ закончился первый актъ судебной драмы.

Дюдеванъ, повидимому, настолько былъ убѣжденъ въ своей неправотѣ и покорялся рѣшенію, которое можно было заранѣе предвидѣть, что въ самомъ началѣ слѣдствія отказался отъ должности мэра въ Ноганѣ и переселился въ Парижъ. Съ другой стороны Дютейль и Ипполитъ въ то самое время, какъ шло дѣло, хлопотали о томъ, чтобъ какой бы приговоръ судъ ни постановилъ, супруги миролюбиво раздѣлились, и съ этою цѣлью 12 ноября, на другой день вступленія въ силу перваго договора, былъ заключенъ новый, которымъ въ главныхъ чертахъ повторялись всѣ условія прежняго, а первый пунктъ гласилъ: «Предполагая, что искъ госпожи Дюдеванъ противъ ея мужа будетъ имѣть успѣхъ» и т. д.; въ заключительныхъ же словахъ стояло: «Эти условія будутъ добросовѣстно исполнены обѣими сторонами, которыя обязываются къ тому честью, хотя бы и послѣдовало противное тому распоряженіе въ приговорѣ или рѣшеніи суда»...

Казиміръ жилъ въ Парижѣ и былъ очень доволенъ оборотомъ дѣла 12-го декабря Ипполитъ писалъ сестрѣ:... «онъ сообщилъ мнѣ свой взглядъ на это: его сильнѣйшее желаніе заключается въ томъ, чтобъ избѣжать всякаго скандала при объявленіи разлученія, если только это возможно, но что судьи и адвокаты по его волѣ никогда не вмѣшаются въ его дѣла. Ты можешь хлопотать и добиться этого разлученія, котораго тебѣ такъ хочется, онъ будетъ держаться въ сторонѣ. Онъ, повидимому, очень доволенъ своимъ положеніемъ, только бы его не безпокоили. Со стороны правосудія въ этомъ дѣлѣ будетъ, конечно, много снисходительности, но что для тебя выгоднѣе: обратиться ли къ нему или придерживаться вашего перваго соглашенія? Я бы склонился въ пользу этого послѣдняго. Дѣлай въ этомъ отношеніи то, что тебѣ посовѣтуютъ. Было бы безмысленно предполагать, что твой мужъ заведетъ тяжбу съ тобой, получая содержаніе, которое дѣлаетъ его вполнѣ независимымъ и болѣе достаточнымъ, чѣмъ еслибъ у него оставалось все твое состояніе. Его болѣе всего угнетало, что онъ долженъ былъ поддерживать Ноганъ,—теперь онъ отъ этого вполнѣ избавленъ. Даю тебѣ честное слово, что онъ тебѣ оставитъ полную свободу дѣйствій».

Однако, оказалось, что напрасно и Ипполитъ давалъ слово за Казиміра и Дютейль такъ ручался за миролюбивыя намѣренія своего пріятеля. Самъ Казиміръ не очень, повидимому, считалъ для себя обязательнымъ исполнять то, въ чемъ «ручался честью». Съ другой стороны у него нашлись совѣтники, которые постарались

раздуть вражду его къ женѣ и воспрепятствовать разлученію супруговъ, хотя эти двѣ вещи взаимно одна другую исключали. Однимъ изъ главныхъ такихъ совѣтниковъ была мачиха Дюдевана, баронесса Дюдеванъ. Кажется также, если судить по нѣкоторымъ намекамъ въ письмахъ Авроры и Ипполита (между прочимъ и въ первыхъ строкахъ, непривиденныхъ нами, въ цитированномъ выше письмѣ отъ 12 декабря)—то и мать Авроры, Софія Дюпенъ, тоже подливала масла въ огонь.

Какъ бы то ни было, а 8 апрѣля 1836 года Казиміръ Дюдеванъ подалъ въ судъ отзывы на приговоры 1 декабря и 16 февраля, въ которыхъ опирался на неправильности въ производствѣ слѣдствія, а 14 апрѣля возобновилъ эти отзывы тѣмъ, что сообщилъ ихъ повѣренному противной стороны и представилъ въ судъ еще документъ, въ которомъ старался уже по существу протестовать противъ рѣшенія суда, просилъ о производствѣ контръ-слѣдствія, а женѣ въ искѣ отказать. Вслѣдствіе этого на 10 и 11 мая 1836 года дѣло супруговъ Дюдеванъ вновь назначено было къ слушанію въ Tribinal civil de la Châtre (въ гражданскомъ судѣ). Адвокатомъ со стороны мужа выступилъ Вернь (Vergne), а со стороны Авроры Мишель-де-Буржъ.

Вернь началъ съ того, что отказался отъ возраженій по существу, такъ какъ документъ 14 апрѣля (что-то вродѣ доноса какихъ то разсчитанныхъ служанокъ) оказался «d'une telle atrocité», что Вернь не рѣшился его прочесть, чувствуя, что этимъ онъ погубилъ бы своего кліента; и какъ на этомъ ни настаивалъ Мишель,—ограничился лишь тѣмъ, что указалъ на разныя ошибки въ производствѣ слѣдствія, словомъ, только на формальныя неправильности. Послѣ него выступилъ Мишель. Возразивъ сначала на рѣчь своего противника и указавъ, какъ опасно было бы для правосудія теперь, черезъ 4 слишкомъ мѣсяца, производить контръ-слѣдствіе, Мишель затѣмъ перешелъ къ изложенію сущности дѣла. И этою частью рѣчи онъ сразу же побѣдилъ всю залу. Онъ разсказалъ какъ бы всю біографію Авроры Дюдеванъ и вкратцѣ изложилъ все, что извѣстно читателю о супружеской жизни Дюдевановъ: разсказалъ о женитьбѣ, исторію брачнаго контракта и денежныхъ дѣлъ, исторію возникновенія разногласій, духовнаго одиночества и терпѣнія Авроры, представилъ образчики грубости Казиміра, указалъ на его пьянство, невѣрность, на то, что съ 1831 года Аврора съ вѣдома и согласія мужа жила совершенно самостоятельною жизнью и что онъ въ тѣ времена, пользуясь ея доходами и живя въ ея домѣ, не находилъ для себя этого ничуть предосудительнымъ, но и ея свободу не стѣснялъ и не выражалъ никакого желанія вернуть ее подъ свой кровъ; наконецъ Мишель передалъ происшествія 1834 и 35 годовъ. Коснувшись договоровъ, онъ указалъ на то, что на Дюдевана, какъ видно, полагаться нельзя и нельзя ожидать, что жизнь Авроры съ нимъ будетъ гарантирована отъ всякихъ новыхъ насилій—и вслѣд

ствіе всего этого просилъ судъ постановить приговоръ сходный съ приговоромъ 16 февраля, т. е. объявить разлученіе супруговъ. При этомъ, въ концѣ своей рѣчи Michel особенно остановился на документѣ 14 апрѣля. Онъ отдалъ справедливость благоразумію адвоката господина Дюдевана, отказавшагося отъ прочтенія этого акта, который содержитъ такія «faits diffamateires» и одинъ изъ пунктовъ котораго «можно бы и не заимствовать изъ знаменитаго процесса 1793 года—тотъ самый который былъ побѣдоносно опровергнутъ однимъ словомъ оскорбленной матери» *). «Ну, хорошо,—продолжалъ далѣе Мишель,—вы хотите, чтобъ слѣдствіе исчезло, вы находите въ немъ формальные недостатки, зная хорошо, что составъ свидѣтелей, ихъ нравственныя качества, примирительный духъ, который ими все время руководилъ, не позволили бы вамъ уничтожить ни одного слова изъ ихъ показаній. Вы ни слова не говорите о договорахъ, вы хотите отречься отъ всѣхъ винъ вашихъ, которыя слѣдствіе вызвало наружу. Ну хорошо! Предположимъ, что съ неба упала слеза, которая бы всѣ ихъ смыла; уничтожимъ слѣдствіе; но сохранимъ документъ 14 апрѣля. На землѣ не найдется ни одного судьи, который, по прочтеніи этого акта, могъ бы присудить вашу жену жить съ вами, потому что вы требуете, чтобъ разлученія не было, вы напротивъ требуете, чтобъ вашей женѣ въ немъ было отказано. Но вѣдь вы не можете допустить, чтобъ она была принуждена вступить въ вашъ домъ подъ тяжестью такой ненависти? Не хотите ли вы доставить себѣ удовольствіе, чтобы ваше прошеніе,—этотъ памятникъ мести, воздвигнутый вами,—было вывѣшено въ ея домѣ, на ея глазахъ? Если она вступитъ подъ ту крышу, подъ которой вы живете, можете ли вы обходиться съ женою съ почтеніемъ послѣ того, что вы сдѣлали? Нѣтъ, вы не можете. Оскорбленіе, нанесенное вами, неизгладимо. Оно доказываетъ, что вы и не домогаетесь жить съ нею. Слѣдовательно, вы не требуете вашей жены? А между тѣмъ противитесь разлученію. Значитъ, вы хотите пользоваться всѣми выгодами брака, всѣми его преимуществами, не неся никакихъ сопряженныхъ съ нимъ тягостей и обязанностей»... И упомянувъ затѣмъ о томъ, какъ съ 1831 года только порознь супруги и могли жить, а чуть бывали вмѣстѣ, какъ Аврора подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ,—Мишель, уже обращаясь не къ Казиміру, а къ судьямъ, вновь указывалъ на то, что актъ 14 апрѣля подчеркиваетъ то отвращеніе Казиміра къ женѣ, которое и раньше ярко высказывалось, а теперь и публично засвидѣтельствовано. «Одно это обвиненіе таково, что, и безъ всякихъ другихъ основаній, оно влечетъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, то, что вы, судьи, уже разъ сдѣлали, и потому и вновь должны оставить въ силѣ приговоръ, объявлявшій разлученіе».

---

*) Намекъ на извѣстныя подробности процесса Маріи Антуанетты.

По выслушаніи заключенія прокурора, судъ постановилъ, что отзывы г. Дюдевана противъ рѣшеній 1 декабря 1835 съ 16 февраля 1836 года слѣдуетъ принять, и, признавъ разныя нарушенія въ производствѣ, признать оба рѣшенія и слѣдствіе 14 января недѣйствительными. Но, принимая во вниманіе то, что въ отзывѣ 14 апрѣля, которымъ г. Дюдеванъ хотѣлъ не нападать, а защищаться,— изложены факты диффамирующіе, не оставляющіе никакой надежды на возможность сближенія между супругами,—судъ долженъ уже потому объявить разлученіе супруговъ, что оно признается необходимымъ обѣими сторонами. На этихъ основаніяхъ судъ принимаетъ отзывы г. Дюдевана, признаетъ ихъ подлежащими удовлетворенію, признаетъ слѣдствіе 14 января недѣйствительнымъ, но ввиду фактовъ, изложенныхъ въ актѣ 14 апрѣля, и признанія ихъ оскорбительными и посягающими на честь и репутацію госпожи Дюдеванъ,— объявляетъ разлученіе госпожи Дюдеванъ съ мужемъ de corps et d' habitation, запрещаетъ ему посѣщать ее подъ страхомъ установленной кары, повелѣваетъ чтобъ происшедшія отъ брака дѣти, оставались на попеченіи матери, которая должна доставлять средства на ихъ содержаніе и воспитаніе по своимъ средствамъ и возможности; и наконецъ предоставляетъ сторонамъ разобраться относительно ихъ правъ и т. д.

Съ тѣхъ поръ какъ Аврора подала просьбу о разлученіи и до дня объявленія приговора, она жила все время у Агаты Дютейль, жены Дютейля. Во Франціи обычаемъ установлено, чтобы женщина, расходящаяся съ мужемъ, на время слѣдствія и суда была поставлена, такъ сказать, въ невозможность подвергаться подозрѣніямъ, и потому она должна на это время либо поселяться въ монастырѣ (faire une retraite), либо отдаться подъ опеку какой нибудь всѣми уважаемой особы, которую обыкновенно указываетъ предсѣдатель суда. Предсѣдатель шартрскаго суда указалъ на m-me Дютейль, и Аврора съ радостью поселилась у этой симпатичной ей женщины, проводя время въ кругу друзей и родныхъ Дютейля и особенно много возясь съ дѣтьми, которыхъ въ домѣ собиралось до 14 человѣкъ. Въ «Histoire de ma Vie» (т. IV, стр. 383—97), въ письмахъ къ m-me д'Агу («Корреспонденція» т. I и II) и въ неизданныхъ письмахъ къ матери отъ 11 ноября 1833 г., къ Геру отъ января 1836 г. и наконецъ въ письмѣ къ m-me Сентъ-Аньянъ отъ 6 января 1836 г. («Revue Encyclopedique») Жоржъ-Зандъ подробно описываетъ свое пребываніе въ Ла-Шатрѣ, домъ, въ которомъ жила, и свое времяпровожденіе. Съ другой стороны она разсказываетъ, какъ строго она должна была слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы «гусей не раздразнить» и не подать повода разнымъ кумушкамъ своимъ злоязычіемъ возстановить противъ нея общественное мнѣніе и будущихъ судей. Письмо къ Геру особенно заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи: ...«Я не могу васъ звать къ себѣ, пишетъ она, потому что я не дома, а у Дютейля и должна вести

правильную жизнь въ глазахъ дураковъ (imbéciles), среди которыхъ живу. Къ счастью, это мнѣ очень легко теперь. Но еслибъ увидѣли, что вы пріхали изъ Парижа въ Ла-Шатръ, жена такого то судьи, кузина другого, дочь сестры служанки матери третьяго стали бы вопіять и ахать, объявляя, что вы и есть *любовникъ*, источникъ и причина моего разрыва съ мужемъ. Вотъ какъ я должна жить въ этомъ прелестномъ городишкѣ (bourgade charmante), надъ которымъ я столько разъ смѣялась, и уважать его нравы и обычаи. Вы бы хохотали, если-бъ видѣли какъ мило я это выполняю (avec quelle grâce je m'en acquitte) и съ какимъ невиннымъ видомъ (air patelin) я прохожу по улицамъ, на которыхъ булыжникъ торчитъ во всѣ стороны, и по площадямъ, покрытымъ зѣваками. Я смѣюсь не надъ ними, но надъ собою, и такъ какъ у меня хорошенькая, чистенькая комнатка, гдѣ я могу работать, то мнѣ и здѣсь такъ же хорошо, какъ и вездѣ...»

Дюдеванъ подалъ аппеляцію, и 25 и 26 іюня 1836 г. дѣло слушалось въ *Королевской Палатѣ* (Cour Royale) въ Буржѣ. Защитникомъ Авроры былъ тотъ же Мишель. За Дюдевана выступилъ Тіо-Варень (Thiot-Varennes). Народу въ залу суда набралась масса; кромѣ обитателей Буржа пріѣхали многіе друзья Жоржъ-Зандъ съ разныхъ концовъ Франціи. «Аврора вошла въ залу суда подъ руку съ Мишелемъ; на ней было бѣлое платье, бѣлая шляпка отложной кружевной воротникъ, шаль съ цвѣтами»,—разсказываетъ газета «Droit» въ № 240, а на слѣдующій день отмѣчаетъ даже, что «у нея былъ полуопущенный вуаль».

Тіо-Варень доказывалъ въ своей рѣчи, что вина вся на сторонѣ Авроры, что супруги жили хорошо, пока она не измѣнилась, стала искать счастья тамъ, гдѣ его не было и т. д. Говоритъ, что будто «у нея явилась склонность, которую она не захотѣла побороть, которая обратилась въ страсть, и она ей предалась. Дюдеванъ скоро узналъ, что она, «обожаемая имъ», измѣнила, но по великодушію все простилъ, и сама Аврора въ этомъ великодушіи сознается въ одномъ своемъ письмѣ»... Тутъ Тіо-Варень прочелъ отрывокъ изъ письма Авроры Дюдеванъ, о которомъ нами говорено по поводу де-Сеза,—но прочелъ лишь то мѣсто этого письма, гдѣ вначалѣ Аврора признается, что полюбила другого, и далѣе, гдѣ она обращается къ добротѣ, великодушію и помощи мужа и т. д. Затѣмъ объяснялъ причины холодности Казиміра нѣкоторымъ несходствомъ натуръ и характеровъ, разсказываетъ затѣмъ о разрывѣ, происшедшемъ въ 1 28 г., объ отъѣздѣ въ Парижъ въ 1831, о томъ, что Аврора получала отъ мужа пенсіонъ въ 300 фр. ежемѣсячно, хотя и сама зарабатывала много. Затѣмъ Тіо доказываетъ, что договоръ февральскій долженъ былъ исполняться съ 12 ноября, а уже 30 октября подана была жалоба, что 12 ноября состоялось новое соглашеніе, что Дюдеванъ могъ приводить въ свою защиту все, что угодно, даже и факты «не къ авантажу» Авроры, что въ интересахъ дѣ-

тей онъ хотѣлъ сохранить имущество и удержать дѣтей у себя; и въ подтвержденіе безнравственности проступковъ Жоржъ-Зандъ— Варенъ прочелъ какой то отрывокъ изъ одного ея романа, помѣщеннаго въ «Revue des deux Mondes», наконецъ требовалъ, чтобы ей было отказано въ искѣ и чтобы рѣшеніе суда 1-й инстанціи было признано недѣйствительнымъ.

Мишель началъ свою рѣчь сожалѣніемъ, что не самъ авторъ *Индіаны*, *Валентины* и *Андре* себя защищаетъ. Затѣмъ получивъ только что цитированное противникомъ и переданное ему въ руки письмо Авроры Дюдеванъ къ мужу, Мишель читаетъ его, но читаетъ уже цѣликомъ, всѣ 20 страницъ. Въ немъ разсказывается все, что уже извѣстно читателю, о развязкѣ романа, завязавшагося въ Котрэ и такъ трогательно окончившагося у подножія Пиренеевъ, передъ громаднымъ лурдскимъ гротомъ. «Этотъ отрывокъ, написанный въ 20 лѣтъ, съ волшебствомъ стиля и блескомъ красокъ, достойными самыхъ прекрасныхъ страницъ, которыя авторъ Жака написалъ съ тѣхъ поръ»,—говоритъ стенографъ засѣданія—«произвелъ впечатлѣніе, не поддающееся описанію». Затѣмъ Мишель снова возвращается къ характеристикѣ супружеской жизни Дюдевановъ, но уже не съ точки зрѣнія восхваленія великодушія Казиміра, а выражая сожалѣніе, что г. Дюдеванъ не обладалъ даромъ проницательности, когда осыпалъ жену названіями «идіотки», «дуры» и т. д. Разсказываетъ о событіяхъ 1828—1831 годовъ тоже—но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы увидѣть въ нихъ только великодушіе, какъ Варенъ, а чтобы придти къ тому заключенію, что Казиміръ гораздо больше, чѣмъ жену, любилъ Ноганъ и деньги, и что не о томъ надо упоминать, что Казиміръ ей выплачивалъ пенсію, а о томъ, что и послѣ предъявленія иска 30 октября 1835 г , онъ согласился на сдѣлку 12 ноября и выторговалъ себѣ 5,000 фр. Отзывъ его 14 апрѣля— «véritable mouvement de démence judiciaire» (истинный припадокъ тяжебнаго безумія). Во всемъ виновенъ Казиміръ, а не Аврора, она имѣетъ право требовать разлученія, такъ какъ на лицо всѣ три требуемыя закономъ причины: «excès, sévices, injures». И тутъ Мишель опять обратился къ Казиміру: «Не вы ли заставили ее желать судебнаго разлученія? Не вы ли заставили ее покинуть супружескій кровъ, преисполнивъ ее отвращеніемъ? Вы не только причина этого отъѣзда, вы еще его пособникъ и сообщникъ. Не предоставили ли вы вашу молодую и неопытную жену самой себѣ? не покинули ли вы ее? Вы уже не можете сказать судьямъ: «Дайте мнѣ вновь въ руки узду коня»—когда вы сами ее бросили. Чтобы руководить женой, надо обладать извѣстной силой разума, а кто г[illegible] кѣмъ вы себя мните рядомъ съ тою, которую вы не съумѣли оп[illegible]нить? Когда женщина готова упасть—надо быть способнымъ по[illegible]нять ее; когда она слаба—надо поддержать ее, подать ей хороший примѣръ, а какой примѣръ вы ей подавали? Можете вы требовать жену, которою вы цѣлыхъ 6 лѣтъ пренебрегали? Неужели виноват а

женщина, всю свою прекрасную душу вложившая въ письмо, которое вы сами же предали гласности? Не велики же ея проступки, если вы ихъ ищете въ этомъ письмѣ, оправдывающемъ ее, вмѣсто того, чтобы обвинять!» (Мишель вновь читаетъ отрывокъ изъ письма, встрѣченный публикой съ ропотомъ одобренія). «Съ тѣхъ поръ вы принимали у себя вашу жену, вы ей писали, вы дружески жили съ тѣмъ честнымъ и чистымъ человѣкомъ, который съумѣлъ уважать ее, вы подавали ему руку. Почему же покинули вы супругу, которая не заслуживала ни малѣйшаго упрека? Зачѣмъ заставили вы ее удалиться отъ васъ?»

Ссылаясь на дѣло Мирабо, который такъ любилъ свою жену что, затѣявъ съ ней процессъ, примирился съ нею на судѣ-же и отказался отъ своей жалобы, и вновь упомянувъ о недостойномъ подражаніи обвиненіямъ противъ Маріи Антуанетты, Мишель затѣмъ побѣдоносно отвергъ обвиненіе въ безнравственности на основаніи цитатъ изъ романовъ. Обновленіе стараго міра происходитъ и все обновляется, новыя, смѣлыя идеи проникаютъ и въ труды законодателя, и въ сочиненія моралиста и художника. «И потому только, что поэтъ поддается вдохновенію своего творческаго духа, капризамъ своей лиры—поэтому вы считали бы его неспособнымъ воспитывать своихъ дѣтей? Нѣтъ, господа, она не недостойна ихъ любви и заботъ о нихъ. Эти дѣти подъ руководствомъ этой матери пойдутъ по стезѣ чести и долга, я ручаюсь вамъ за это! А по той системѣ, которую намъ хотятъ навязать, пришлось бы не считать нѣжнымъ отцомъ того самого Дидро, автора нѣсколькихъ неприличныхъ страницъ и картинокъ, и столькихъ еще геніевъ, которые тѣмъ не менѣе являютъ собою примѣръ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей».—И въ заключеніе Мишель прочелъ нѣсколько писемъ Мориса къ матери и ея отвѣтовъ.

Послѣ перерыва засѣданія Тіо Варень поддерживалъ свое мнѣніе о безнравственности и легкомысленности Авроры, хотя уже отказался отъ обвиненія въ измѣнѣ мужу, и распространился на тему о добродѣтели Казиміра. Мишель снова блистательно его опровергалъ.

Прокуроръ Корбэнъ (Corbin) говоритъ, что до апрѣля вина падаетъ на г-жу Дюдеванъ. Письмо 1825 года имъ не одобряется; если она и не измѣнила мужу, то всетаки она сама себя можетъ обвинять въ *adultère moral*. Мужъ ее не покидалъ, она пользовалась полною независимостью. Общество можетъ упрекать мужа, то онъ не пользовался своими правами и не давалъ женѣ совѣтовъ. Но подлыя обвиненія (imputations infâmes) со стороны мужа даютъ женѣ полное право требовать разлученія. Онъ для своей защиты не нуждался въ обвиненіи жены и потому прокуроръ отвергаетъ слѣдствіе по фактамъ, взводимымъ на жену мужемъ, и требуетъ разлученія супруговъ. Только слѣдуетъ, чтобы Морисъ остался подъ присмотромъ отца, а Соланжъ—матери.

Судъ удалился и черезъ $^3/_4$ часа объявилъ, что такъ какъ голоса судей раздѣлились поровну, то дѣло назначается на слѣдующей недѣлѣ вновь, для новаго состязанія сторонъ.

Жоржъ Зандъ въ Histoire и въ письмахъ говоритъ, что почти вся публика въ Буржѣ была настроена противъ нея, однако къ концу дѣла всѣ были на ея сторонѣ, Мишель побѣдилъ всѣ сердца, всѣхъ заставилъ плакать: «Вы не можете себѣ представить, какую нравственную побѣду я одержала»—пишетъ она Букоарану 1 августа *). Такъ что, когда было объявлено о томъ, что голоса судей раздѣлились, то въ залѣ раздались «свистки и крики негодованія» (des huées et des sifflets **). Дюдеванъ, которому пришлось со стороны прокурора выслушать не мало горькихъ истинъ и опасаясь еще худшаго въ будущемъ, взялъ свою аппеляцію назадъ, и 29 іюля 1836 г. супруги подписали новый договоръ, повторившій старые, съ прибавкой лишь пункта, гласившаго, что за воспитаніе Мориса Казиміръ платитъ до его 20-лѣтняго возраста, а затѣмъ по 100 луидоровъ въ годъ на содержаніе. Жена будетъ платить ему въ годъ 5000 фр., точно такъ же какъ выплачивать ренту матери и слугамъ.

Но этимъ не кончились процессы Авроры Дюдеванъ съ мужемъ. Такъ какъ Морисъ былъ порученъ надзору отца, который хотѣлъ воспитывать его по солдатски, закалять его, а въ сущности мало заботился о немъ, а мать, видя, что мальчикъ хирѣетъ и не переноситъ жизни въ казенномъ заведеніи, хотѣла его взять оттуда—то между разошедшимися супругами начались вновь непріятности. Морисъ въ это время захворалъ, страдалъ галлюцинаціями, сердцебіеніями, отецъ не обращалъ на это вниманія и не вѣрилъ докторамъ, а мать черезчуръ кажется вѣрила или хотѣла вѣрить и нѣжничала съ мальчикомъ. Однако однажды случилось, что мальчикъ такъ сильно захворалъ на квартирѣ у отца, что перепуганный Дюдеванъ немедленно отвезъ его къ матери и отдалъ его на полное ея попеченіе. Но это его такъ раздосадовало, что когда лѣтомъ 1837 года Аврора уѣхала къ своей умирающей матери, то Дюдеванъ съ цѣлью мести *похитилъ* Соланжъ изъ Ногана, причемъ опять не обошлось безъ разныхъ грубостей и насилій, и увезъ ее въ Гильери. Разумѣется, Аврора поспѣшила немедленно туда-же и вернула дѣвочку, но ее возмущало, что и теперь она не могла считать себя спокойной отъ этихъ насилій, и она тотчасъ-же обратилась къ суду. Кромѣ того, такъ какъ въ этомъ году Дюдеванъ получилъ наслѣдство послѣ смерти своей мачихи, то Аврора находила справедливымъ, чтобъ ей, какъ воспитывающей общихъ дѣтей, болѣе не приходилось платить мужу половины своихъ доходовъ. Она отказывалась отъ пособія на воспитаніе М-

*) Неиздан.

**) Неиздан. письмо къ матери отъ 30 іюля 1836 г.

риса, но и отъ дальнѣйшей ренты мужу, т. е. требовала, чтобъ ей былъ возвращенъ уступленный мужу по договору 1836 года Hôtel de Narbonne. На этотъ разъ адвокатомъ ея былъ Chaix d'Est-Ange (Шедетанжъ), за Казиміра выступилъ Палье *). Сначала судъ ей отказалъ въ искѣ, т. к. «еще не выяснилось, какъ велико наслѣдство мужа и улучшилось-ли ея состояніе». До окончательнаго процесса дѣло не дошло, и вотъ что пишетъ объ этомъ Аврора своей сестрѣ Каролинѣ Казамажу, 15 мая 1838 г.: «Мой процессъ наканунѣ засѣданія окончился сдѣлкой между мною и г. Дюдеваномъ. Я уступаю ему мои государственные бумаги на сумму въ 40000 фр., а онъ мнѣ возвращаетъ Hôtel de Narbonne. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается отъ Мориса и Соланжъ и обязывается не преслѣдовать меня болѣе. Но полюбуйся на его родительскую любовь: онъ желаетъ ихъ видѣть ежегодно втеченіе нѣсколькихъ дней и желаетъ, чтобъ я *платила половину издержекъ на ихъ дорогу туда и обратно*. Нѣжный и великодушный отецъ! Когда мы ликвидировали общія дѣла, онъ не посовѣстился черезъ своего повѣреннаго въ числѣ своихъ требованій записать: *15 банокъ варенья и желѣзную печурку, стоимостью въ 1 фр. 50 сантимовъ!*..

Кажется дальше этого трудно было пойти въ своей жадности къ деньгамъ, но и тутъ Дюдеванъ не остановился, а еще черезъ 3 года, въ февралѣ 1841 года **), опять что-то требовалъ отъ жены. Она пишетъ Ипполиту:

... «Я ничего не понимаю въ этомъ требованіи Дюдеваномъ 125 франковъ. Привези мнѣ ясно редактированное требованіе съ его стороны, чтобъ я могла провѣрить и, если должно, то заплатить. Но вѣдь это никогда не кончится. Нужно-же быть жаднымъ и мелочнымъ, чтобы этого требовать! Развѣ Мартенъ (повѣренный въ Ла-Шатрѣ), который не мелоченъ, не долженъ это требованіе предать забвенію? Я не понимаю, почему я должна платить это. Впрочемъ, съ нимъ я привыкла ничему не удивляться»...

Не менѣе невѣроятный примѣръ скряжничества Дюдевана приводитъ Жоржъ Зандъ въ письмѣ къ Ипполиту, напечатанномъ во II томѣ Correspondance на стр. 162 и составляющемъ продолженіе только что приведеннаго письма.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ письмахъ Жоржъ Зандъ указанія на то, что когда Морисъ выросъ, то ежегодно ѣздилъ гостить къ отцу въ Гильери, а въ 1846 году супруги настолько забыли свои взаимныя обиды, что звали другъ друга въ гости, но когда въ годъ свадьбы Соланжъ онъ самолично пріѣзжалъ въ Ноганъ, Жоржъ Зандъ пишетъ объ этомъ слѣдующее:... «Никогда не было болѣе невеселой свадьбы, по крайней мѣрѣ по виду, благодаря присут-

---

*) 1) «Le Droit» 12 іюля 1837 г. 2) Неизданныя письма. 3) Correspondance томъ II. 4) «Histoire de ma Vie» IV стр.

**) Неиздан.

ствію этого милаго господина (барона съ его свитой); его злопамятность и отвращеніе точно также живы и сильны, какъ въ первый день. Слава Богу, что онъ уѣхалъ въ 4 часа утра на слѣдующій день»... (Неиздан. письмо къ M-lle de la Bosières—ученицѣ Шопена—21 мая 1847 года).

Жоржъ Зандъ однако впослѣдствіи, когда маленькій сынъ Мориса умеръ въ Гильери, сама ѣздила къ мужу и говоритъ, что онъ «показалъ столько сочувствія, на какое только способенъ». Послѣ этого печальнаго событія они болѣе не видались. Онъ умеръ въ 1871 году. Но даже въ послѣдніе годы своей жизни вновь велъ какой-то процессъ съ дѣтьми и опять по поводу какихъ-то денегъ. (См. письмо Жоржъ Зандъ отъ 28 марта 1871 г. Corresp. VI томъ). Лѣтописцу, старавшемуся въ разсказѣ о печальной исторіи Жоржъ Зандъ и г. Дюдеванѣ ни на шагъ не отступать отъ исторической точности, не хочется произносить приговора надъ Казиміромъ Дюдеванъ. Факты его осуждаютъ и этого довольно. «Лежачаго не бьютъ».

Владиміръ Каренинъ.

МОНОЛОГИ.

25 ноября. Полдень.

Водку—къ чорту! Съ глазъ долой эту гадость! Ахъ, какъ досадно, что онъ засталъ меня въ такомъ видѣ, — словно нарочно! Но до чего я радъ его пріѣзду! Совсѣмъ не ожидалъ, ей-Богу, то есть, никогда и свидѣться то не думалъ. Смотрю, входитъ кто то, высокій, сутуловатый этакій. Взглянулъ: что за чудо? Неужели Петровичъ?—Онъ, онъ!.. Своей собственной персоной!.. И даже нисколько не измѣнился, не постарѣлъ нисколько: и лицо, и фигура прежнія, только бороденка жиденькая выросла, а остальное все, все по старому: и такъ же вышагиваетъ, какъ журавль, такъ же кипятится, такъ же въ верхахъ все паритъ... Ахъ, ты, милый ты, хорошій чудачина! Скажи ты мнѣ: чѣмъ это ты такъ привлекаешь всѣхъ къ себѣ? Скажи, за что мы такъ любили тебя еще въ университетѣ?.. Въ жизни ты сущій ребенокъ; заговоришь—такъ такія утопіи разведешь, какъ будто съ луны соскочилъ, а, вотъ, милъ ты чѣмъ то, дорогъ! Только увидишь да послушаешь тебя, твои фантазеріи то несбыточныя, — такъ на душѣ то какъ будто растаетъ что, разогрѣется...

Ахъ, ты, Петровичъ, Петровичъ!

Право, кажется, давнымъ-давно не испытывалъ я уже такой радости. Я и теперь еще не могу хорошенько придти въ себя... Университетъ, товарищи, наша молодость, мечты, кипучая жизнь... Все это старое то взбудоражилось какъ то сразу, хлынуло и покатилось волной. Все перебрали съ Петровичемъ, даже Марью Александровну вспомнили, хозяйку нашу, которая насъ такими обѣдами кормила, что послѣ нихъ цѣлую недѣлю тошнило... Тогда, вотъ, бранили ее, а теперь бы, кажется, такъ и повидался съ ней, расцѣловалъ бы ее даже, право! Даже, куда ни шло, обѣдъ бы ея съѣлъ! Ей-Богу, славная была, въ сущности, и добрая: студіозовъ частенько въ долгъ кормила... Господи, какъ славно жилось тогда! Обитаешь, бы-

вало, гдѣ нибудь на голубятнѣ, питаешься, какъ птица небесная—больше насчетъ чаишку съ хлѣбцемъ прохаживаешься—нужда, лишенія, а тебѣ и горя мало! Заберешься въ компанію къ товарищамъ, а тамъ ужъ кипитъ: шумъ, смѣхъ, споры... Пристанешь къ кому нибудь, сцѣпишься не на животъ, а на смерть—и обо всемъ на свѣтѣ позабылъ!.. Эхъ, чортъ возьми! Все, все, какъ на ладони, опять представляется! Какъ будто отъ сна отъ какого очнулся, какъ будто послѣ того ничего—ни службы, ни паршивой жизни—и не бывало, какъ будто и себя то не узнаешь, словно это совсѣмъ другой человѣкъ... Что за свинство! Да гдѣ же я? Что со мною?..

Какое безобразіе вокругъ: на столѣ бутылки, на полу окурки, пробки, всякая мразь... Вчера, словно на зло, принесло Федора Иваныча и Пѣнкина—ну, и, какъ водится, чикнули... до ризъ положенія... Чортъ знаетъ, какое свинство! Петровичъ, вѣроятно, такъ ужъ меня въ пьяницы и записалъ: я замѣтилъ, какъ онъ все косился на четверть... Ну, нѣтъ, братецъ, погоди, не слѣдуетъ дѣлать скороспѣлыхъ выводовъ: я тебѣ покажу, что это вовсе не пьянство; то есть, я выпиваю, но выпиваю такъ себѣ... Мало ли люди пьютъ?—Ну, для развлеченія, что ли, отъ скуки... Но когда захочу—и брошу. Мнѣ это ровно ничего не стоитъ. Вотъ, съ сегодняшняго же дня—баста!—и больше ничего... Да и, въ самомъ дѣлѣ, пора за умъ взяться: какъ глупо тратилъ я все это время — ей-Богу, даже досада беретъ! Отъ всего отсталъ, ничего не читаю... Нѣтъ, нужно, нужно подтянуться! Если постараться,—можно скоро нагнать. А то просто совѣстно: онъ меня спрашиваетъ о томъ, о семъ, о журналѣ какомъ-то, о какихъ то писателяхъ новыхъ, а я о нихъ и не слыхивалъ... Онъ меня спрашиваетъ, а я только мычу, ей-Богу! Потомъ: «ты, говоритъ, сталкиваешься съ народомъ, — какъ по твоему?..» А какой чортъ сталкиваешься: пріѣдешь, пропишешь какой дряни — да поскорѣе удрать стараешься... Только бы съ рукъ сбыть, что по положенію требуется, потому что, коли правду говорить, такъ и вся медицина то наша — одно толченіе воды... Ну, всетаки, поддакиваю ему: «Да, да, молъ...» А самъ — ничего не понимаю! Ни въ зубъ! То есть, сижу дуракъ-дуракомъ!..

Теперь—кончено! Прежде всего «Врача» выпишу; новыхъ сочиненій по медицинѣ достану. Потомъ стану брать изъ управы журналы. Займусь наукой, стану что нибудь писывать. Вѣдь, не обдѣлилъ же меня Богъ способностями! Прежде, въ гимназіи, какія, бывало, сочиненія закатывал — листахъ на семи, да еще двумъ-тремъ товарищамъ наваляе.ъ! Меня одно время чуть не въ таланты мѣтили, «надежду по

давалъ»; было время, когда я и самъ подумывалъ... Э-эхъ, какъ вспомнишь, какого дурака валялъ, такъ смѣшно и грустно становится: мечтами то заносились, Богъ знаетъ, какъ высоко! на всю Россію — чего! — на весь міръ прогремѣть хотѣли, а пришлось... Впрочемъ, Петровичъ, вотъ, и не зѣваетъ: одно свое изслѣдованіе выпустилъ — и уже вниманіе на себя обратилъ. Онъ и другое напишетъ, и еще лучше. Онъ то далеко пойдетъ, потому что—умница и характеръ, и хорошій онъ парень, чортъ его возьми — дорогой человѣкъ!.. Что же? Я не завидую. Я радъ, по-товарищески радъ. Мнѣ не удалось—ну, ему... Хоть товарищъ прославится, и то пріятно. Залетитъ, можетъ быть, куда... эге!.. Рукой не достанешь! А ты, по крайней мѣрѣ, думать будешь: какова шишка! А, вѣдь, когда то товарищами были, на одной скамейкѣ сидѣли...

Да, онъ своего добьется... Гм!.. А почему бы не попробовать и мнѣ? Ну, напримѣръ, диссертацію, что ли, накатать или что нибудь этакое?.. Правда, много времени пропало зря, совсѣмъ глупо; многое перезабылось, писать то какъ будто разучился: перо то нѣтъ-нѣтъ да и запнется. Но, вѣдь, при стараніи можно преодолѣть все. Ей-Богу! Попробовать развѣ? Засѣсть, чортъ возьми? а?.. Можетъ, что нибудь и вытанцуется! Я еще не старикъ—тридцать пять лѣтъ. Вооружусь характеромъ, засяду за книги — и примусь... Вотъ, только на счетъ матеріаловъ то здѣсь чисто. Ну, такъ чтожъ?—Отпускъ можно взять, въ К* закатиться — тамъ источниковъ сколько угодно... А? Вѣдь не боги же горшки то обжигаютъ... А пока, для практики, стану кое-что записывать, вродѣ этакого дневника заведу... Стану записывать все, день за днемъ, свои впечатлѣнія, наблюденія, кое-что изъ своего прошлаго... Авось, что нибудь и полезное выйдетъ; ей-Богу! Я сегодня чувствую какой то особенный подъемъ духа... Э-э, мы еще покажемъ себя, чортъ возьми! А водку — къ чорту! Вотъ, сейчасъ же возьму и заткну покрѣпче бутылку, и спрячу. Духу даже терпѣть не могу. Только голова чертовски трещитъ послѣ вчерашняго. И подъ ложечкой сосетъ... Фу, какъ мерзко! Вотъ, теперь и испорченъ на цѣлыхъ два дня: у меня это скоро не проходитъ. Конечно, если бы выпить хотя одну рюмку, то, безъ сомнѣнія, облегчило бы, но... О, чортъ возьми, какъ опять ударило!.. Не выпить ли въ самомъ дѣлѣ?.. Впрочемъ, что же я? Вѣдь, не пьяница же я какой, прости Господи, чтобы одной рюмки бояться! Смѣшно даже! Выпью, какъ лекарство—и только. Опять закупорю и даже сургучемъ запечатать можно...

...Какъ будто стало полегче. И мысли какъ будто немного прояснились. Вотъ, что значитъ одна-двѣ рюмочки! Вообще, въ небольшихъ дозахъ—водка неоцѣненная вещь. Напримѣръ,

зимой, во время разъѣздовъ по участку: тоска, морозъ, однообразіе... А какъ хватишь косушку, да завалишься въ повозку, такъ просто благодать! Сразу по всѣмъ жилкамъ тепло пойдетъ переливаться, разогрѣетъ всего и тоски какъ будто не бывало. И въ головѣ пойдетъ совсѣмъ другое: мысли-то назойливыя словно затуманятся, смягчатся, а вмѣсто нихъ потянутся какія то иныя, неясныя, неопредѣленныя... И не чувствуешь тогда ни ныркoвъ, ни ухабовъ, и верстъ не считаешь, дожидая станціи... Особенно—ночью: сидишь этакъ то выпивши и такъ замечтаешься, что даже забудешь, гдѣ ты? Чувствуешь только, что тебя покачиваетъ этакъ пріятно, иногда потряхиваетъ легонько... Ямщикъ посвистываетъ... снѣгъ хруститъ... А колокольчика часто и не замѣчаешь или кажется, что звенитъ онъ гдѣ то вдали и такъ грустно, съ такимъ ропотомъ, какъ будто на что то жалуется своимъ маленькимъ язычкомъ... Откроешь на минуту глаза—кругомъ морозная, молочная мгла: не видно ничего ни впереди, ни по бокамъ... Но вотъ, побѣжали мимо громадныя трактовыя березы. Въ молочномъ туманѣ онѣ кажутся особенно громадными. Низъ ихъ тонетъ въ немъ, а вершины слабо серебрятся при свѣтѣ блѣдной луны... Засмотришься на все это и унесешься мечтами куда то, Богъ знаетъ... такъ что, наконецъ, не помнишь себя, не знаешь — зачѣмъ ты ѣдешь, куда, кто ты... Вотъ, — слушаешь, — колокольчикъ звякнулъ особенно гулко въ этомъ мѣстѣ. Это онъ забрался въ темный, засыпанный снѣгомъ, лѣсокъ... Что тамъ теперь?.. Холодно, жутко!.. Звонъ колокольчика такъ растерянно раздается въ мертвомъ ледяномъ затишьѣ... Но за то— какъ хорошо, должно быть, тамъ лѣтомъ! Глушь, зелень... Нога тонетъ въ пушистомъ мху. Груди такъ легко дышется въ ароматномъ, смолистомъ воздухѣ... И весь лѣсъ сладко грѣется и золотится подъ солнечными лучами. Отъ всего вѣетъ безмятежнымъ покоемъ, свободой, привольемъ... Хорошо, чортъ возьми! Прилечь бы... И растягиваешься, какъ тебѣ надо, на мягкой травѣ, и глазѣешь безпечно на небо, на какіе то цвѣточки, которые покачиваются прямо передъ твоимъ носомъ... Вотъ, какая то букашка ползетъ по стебельку... Тамъ треснула вѣтка—это усѣлась птичка,—усѣлась и залилась... А далѣе — краснѣетъ малина, выглядываетъ этакій почтенный грибъ... И въ голову забирается нелѣпая мысль,—какъ хорошо было б бросить свою службу, опротивѣвшій городишко, постыл жизнь, надоѣвшихъ знакомыхъ,—все, все!—и уйти сюда, спр таться отъ всѣхъ и всего, не видѣть и не слышать ничего и того, что наполняетъ теперь твою жизнь — и притаиться и всегда среди этой ясной, ласковой, безмятежной природы. О не обманетъ, эта природа, она не солжетъ, не продастъ...

Но лѣсокъ давно уже остался далеко позади: кругомъ оп

безграничная, снѣжная пустыня, залитая молочнымъ туманомъ. И опять повозка какъ будто хочетъ нырнуть въ эту мглу, но мгла все разступается и разступается... И, наконецъ, тебѣ начинаетъ казаться, что какая то невѣдомая сила обрекла тебя вѣчно двигаться все впередъ, впередъ... безъ конца!

Ѣдешь такъ то, да на каждой станціи и прикладываешься, такъ что, въ концѣ концовъ, въ глазахъ все спутается. Тогда ужъ ровно ничего не чувствуешь; такъ, фантастическое что то происходитъ: помнишь только, что темный дворъ, крыльцо, свѣтъ—станція, значитъ... А потомъ—опять—кибитка, спина ямщика, тьма... Такъ, какъ куль, отъ станціи до станціи и переваливаешься.

Но хуже всего ѣздить—осенью: слякость, сырость, муть и грязь... А потомъ начнутся заморозки,—тогда на кочкахъ чуть не вытрясываетъ всю душу. Ѣдешь, трясешься, какъ Каинъ, а по сторонамъ этакія угрюмыя, ободранныя поля. Земля этакая бурая, холодная... Колючій вѣтеръ такъ и рѣжетъ въ лицо и воетъ, да такъ, проклятый, заунывно, что всего тебя самой злой хандрой и пронижетъ. А тутъ еще торчитъ сухое жнитво; придорожная метлица надрывается, раскачивается, какъ будто баба надъ покойникомъ причитаетъ... Ощипанныя березы съ какимъ то отчаяніемъ хлещутся своими прутьями... Взглянешь на небо — оно какъ луженое: тусклое, сѣрое... Встрѣтишь деревнюшку — стоитъ, какъ разоренная, съ лохматыми крышами. Не смотрѣлъ бы! И все тогда кажется такъ безсмысленно, нелѣпо, ненужно... Зачѣмъ трясешься, зачѣмъ мучишься? — чортъ его знаетъ!.. Якшаться съ людьми, которыхъ презираешь въ душѣ, служить, не вѣря въ свое дѣло... жить, чортъ знаетъ для чего... и не жить, а прозябать... А тутъ еще старое вспомнится, какъ мечталъ когда то... Эхъ мерзко! Все мерзко, глупо, безсмысленно: и небо, и поля, и служба, и медицина... Къ чорту, къ чорту все!.. Тогда только одно желаніе: забыться и уснуть... А ужъ тутъ безъ водки не обойдешься...

Эхъ, не стоило бы вспоминать то обо всемъ этомъ! Выпью еще одну, чортъ съ ней!

...Разговорились съ Петровичемъ о товарищахъ. «Гдѣ, говоритъ, они? Я все время въ Москвѣ жилъ — всѣхъ изъ виду потерялъ. Пискаревъ гдѣ?»

— Гдѣ, молъ, Пискаревъ? Въ N-скѣ! Гонорары лихіе загребаетъ. Квартира министерская, рысаки...

Петровичъ удивляется: «Неужели?! — говоритъ, — а

прежде все о вольной практикѣ въ деревнѣ мечталъ... Ну, а Бровцевъ?»

— Онъ, вѣдь, не кончилъ—вытурили. Пошелъ въ фельдшера... Спился, говорятъ.

— Какая жалость! Эхъ, свинство! Такая даровитая личность... Ну, а нашъ Базаровъ-Иванищевъ? Онъ съ кѣмъ воюетъ?

— А онъ—говорю—акцизнымъ надзирателемъ служитъ—мѣстишка въ земствѣ не отыскалось; потолкался туда-сюда — нѣтъ ничего! А тутъ въ акцизѣ мѣсто открылось—онъ и поступилъ. Теперь въ гору идетъ..,

А Петровичъ, знай, свое твердитъ: «неужели, неужели?! Какъ такъ? Да почему?»

Гм! «какъ такъ»... Вотъ, забейся-ка въ такую дыру или безъ дѣла лѣтъ пятокъ помотайся, такъ узнаешь... Тогда не спросишь, небось, «отчего» да «какъ такъ»... Очень просто все это выходитъ. Вотъ, поживи-ка здѣсь... Дай Богъ, хоть образъ то человѣческій сохранить! Эхъ, жаль таланта то у меня нѣтъ такого, а то я показалъ бы вамъ всю правду, безъ всякихъ сантиментовъ да безъ прикрасъ. Это бы вышло не то, что гг. писатели въ своихъ кабинетахъ, гдѣ то тамъ въ Питерѣ, у чертей на куличкахъ, выдумываютъ... Тамъ имъ, со стороны то, все въ розовомъ свѣтѣ представляется: «ростъ провинціи», «широкое поле для дѣятельности», «благія начинанія»... Чортъ въ ступѣ, однимъ словомъ. А понюхали бы вы, что за всѣми этими красивыми словами таится, во что всѣ эти «благія» то начинанія превращаются въ дѣйствительности, на мѣстѣ... А то блажатъ, чортъ ихъ возьми,—ликуютъ, «отмѣчаютъ», «освѣщаютъ»... Эхъ, вы, теоретики пустые, жизни то вы настоящей не знаете—вотъ что! Сначала еще сами поучитесь, вотъ, въ такой дырѣ поживите—тогда мы и посмотримъ, что вы запоете! Тогда, вотъ, судьбы то и рѣшайте. А то мелко еще плаваете, читателей только надуваете. Оптимисты, курицыны дѣти!.. Попробуй-ка кто правду-матку выложитъ, такъ всѣ кагаломъ и накинутся: «дескать, односторонне! Краски слишкомъ сгущены! Утѣшительныя явленія»... ту-ту-ту!.. Заведутъ шарманку!.. Эхъ, просто, злость беретъ! Такъ и быть, хвачу одну съ досады... Балалайки!

... Даже двѣ пропустилъ. Очень ужъ желчь-то расшевелили. Ей-Богу, вотъ, взять описать все на чистоту да и вывести всѣхъ тѣхъ писакъ на свѣжую воду. Право, я сегодня чувствую чуть не вдохновеніе—такъ-бы все и описалъ: фантазія все разыгрывается, наплывъ мыслей замѣчательный. Разве

сцены и лица такъ вотъ и мелькаютъ передъ глазами, какъ мотыльки... Напримѣръ, описать, какъ пьянствуютъ у насъ, или какъ въ карты дуются, или какъ сплетничаютъ... Или взять хоть Семена Семеновича?—Вѣдь, это, батенька, типъ, самый чистѣйшій типъ мошенника, девяносто пятой пробы!.. Или Пѣнкина? Или Михалкина?.. Да, вѣдь, такихъ пролазовъ и плутовъ по всей Россіи другихъ трудно отыскать! Вѣдь, если только ихъ жизнь, ихъ карьеру описать—всѣ каверзы, подвохи, сплетни, плутни—такъ и то всѣ рты разинутъ! Положимъ, у Гоголя уже есть... а эти почище, чѣмъ у Гоголя выйдутъ!.. Трудно только начать, оформить. Ну, да наплевать! Послѣ все это обдумаю. И сюжетъ подъищу... Да!.. Эхъ, чортъ возьми! Не будь я, если не создамъ чего-нибудь этакого... Я ужъ и теперь ощущаю что-то этакое глубокое... вотъ-вотъ только схватить и положить на бумагу!.. И схвачу! Да! Я имъ покажу всѣмъ... Они увидятъ, чортъ возьми!.. Пьяница?—Гм! Посмотримъ!.. Захолустный служака?—Хорошо-съ!.. Отпѣтый человѣкъ?—Пусть будетъ по-вашему! Какъ-бы только вамъ не ошибиться... Вотъ, какъ уткну вамъ въ носъ-то вещицу этакую, чтобы вы всѣ зачихали,—вотъ, тогда-то мы и посмотримъ, что вы заговорите!.. Эхъ, вы, жалкіе людишки! Способны-ли вы цѣнить такого человѣка?.. «Нашъ collega, collega!!.» Чортъ бы васъ взялъ! Свинья вамъ collega, а не я! Я честенъ, я благороденъ, у меня есть возвышенные запросы, а у васъ?!. Вы уткнули свои тупыя рыла въ навозъ и хрюкаете, и довольны, чортъ бы васъ всѣхъ задралъ!.. Что я живу-то съ вами?—По необходимости! Жрать нечего! Такъ наша поганая жизнь устроена!.. А то плюнулъ-бы я вамъ прямо въ рожу—да и ушелъ-бы туда, куда и духу-то вашего не доносится. Съ вами и самъ, пожалуй, оскотинишься... Почему я пью?—Чтобы не такъ противно хороводиться съ вами было, а то мерзитъ, претитъ... Вѣдь, вы въ пропасть, въ пропасть толкаете, мертвую петлю накидываете!..

...Стой! Посуду бить ненужно. Горячиться не слѣдуетъ. Однако, водка уже начинаетъ дѣйствовать. Ну, тѣмъ лучше! Это проясняетъ мысли... Эхъ, кутнуть развѣ напослѣдкахъ? Ей-Богу! Куда ни шло...

Кажется три часа било, а впрочемъ—наплевать.

... Вотъ, такъ-то я просиживалъ самъ-другъ съ бутылочкой длинные, осенніе вечерочки... одинъ, безъ друзей... У, какъ скутко быть одинокимъ! Вотъ, и опять мнѣ стало такъ сквер... опять... Проклятая жизнь!.. Но—наплевать!.. Не стану давлять эти минуты... Да... Что, бишь, я хотѣлъ сказать?..

Да! Петровичъ... Конечно, ты хорошій человѣкъ и я тебя люблю отъ души, по-товарищески—люблю и уважаю. Свѣтлая личность!.. А все-таки, ты меня не понимаешь. Э, я замѣтилъ! Я все, все замѣтилъ... Отъ меня не скроешь, какъ ни хитри! Я видѣлъ, какъ ты поморщился и все на меня посматривалъ... Осудилъ, значитъ, въ душѣ-то: спился, дескать, опустился... Э, понимаю я все это, отлично понимаю! И сожалѣешь ты теперь обо мнѣ, это вѣрно, да только и сожалѣешь-то обидно, какъ будто праведникъ съ неба смотришь на насъ, грѣшныхъ... Разумѣется, ты не намъ чета, ты прекрасный, идеальный человѣкъ,—объ этомъ мы и не споримъ. Но ты, все-таки, съ нами-то помягче, подушевнѣе. Высоту-то свою покинь, снизойди... Вѣдь, мы ужъ и такъ много щелчковъ-то перенесли, мы ужъ и такъ побиты, а, вѣдь, лежачихъ ужъ не бьютъ... Ты, милый человѣкъ, въ мое нутро-то посмотри—каково тамъ! Возчувствуй всю канитель-то многолѣтнюю, которую я тянулъ... Многолѣтнюю! И того нѣтъ: пять-шесть лѣтъ какихъ-то всего... То-то, не передать тебѣ этого, если ты самъ не испыталъ! И ни битвъ, ни стычекъ крупныхъ тутъ не было, даже крупныхъ непріятностей почти не случалось, а все такъ что-то, какія-то мелочи.. Сѣро, сѣро и пошло, и еще галлерея Егоръ Егорычей, Семенъ Семенычей и проч., и проч. Вѣдь, ничего ужаснаго въ нихъ нѣтъ. Напротивъ, добродушные, милые люди,—встрѣтятъ, обласкаютъ каждаго, улыбаются такъ умильно, что просто плѣняютъ. Овечки, а не люди, чортъ ихъ возьми! И о литературѣ не прочь потолковать и объ «общественномъ благѣ» словечко ввернуть... А въ этомъ-то,—въ нихъ-то да во всей ихъ пошлости-то,—и сила... Да! По крошечкѣ, по булавочной головкѣ старыя-то дрожжи изъ тебя выдыхаются, старыя-то основы въ душѣ вытравливаются, пока тамъ не останется какая-то мразь... А ты, поди, думаешь, что пришелъ человѣкъ да такъ, вотъ, сбухты-барахты, и залѣзъ съ радостью въ это болото вмѣстѣ съ ногами?... А знаешь-ли, сколько невыносимѣйшихъ минутъ пережито вотъ въ этихъ самыхъ четырехъ стѣнахъ? Знаешь-ли, какая это мука—въ минуты просвѣтленія... а такія минуты бываютъ, не все-же мы пьемъ... каково въ такія минуты слѣдить, какъ зараза, словно гангрена, все больше и больше разъѣдаетъ твою душу? Знаешь, что значитъ видѣть, какъ оттуда отрываются лучшія чувства, лучшія побужденія—и опо[illegible]ляются навсегда... Знаешь-ли, каково слѣдить за этой медл[illegible]ной душевной растратой? Знаешь-ли... Но—довольно!.. [illegible]лянсъ! Ну, пережилъ... Ну, такъ что-жъ? И никому это [illegible] интересно! А, слѣдовательно, сиди и молчи!.. и водку п[illegible] Ого, какъ покачнуло: значитъ, готовъ,—настукался... И [illegible]атлично! Значитъ, и еще надо клюнуть... Чорта-ли мнѣ [illegible]

няться? Вотъ новости! Получше насъ были люди да и тѣ пьянствовали... А кто водку не пьетъ—у того душа засохла и тотъ подлецъ!!. Это—фактъ!..

... Взглянулъ въ зеркало, а оттуда какъ будто дразнится этакая красная, распухшая рожа... и лысина этакъ отсвѣчиваетъ... Даа... лысина... красная рожа... Это у меня? У Карелина? У даровитаго, умнаго et cetera, et cetera... Какъ такъ? Кто сказалъ?—Вздоръ! Не можетъ этого быть! Невѣроятно!.. Но, вѣдь, ты самъ видѣлъ, самъ, своими глазами... И вдобавокъ—вся рожа блеститъ, какъ будто смазана саломъ... Гм! А, вѣдь, былъ когда-то и свѣжъ, и красивъ... женщины влюблялись... и я любилъ... Да!.. «Ночи безумныя, ноги безсонныя»... Или нѣтъ, не то... какъ это? «Только утро любви хорошо, хороши только первыя робкія рѣчи»... робкія рѣчи... Да! Были и онѣ... все было... Было?.. Но гдѣ-же теперь? Гдѣ-то тамъ, далеко позади... И ужъ ничего не вернешь, ничего: молодость, надежды, мечты, любовь, вся жизнь... все прошло, потеряно, навсегда, навсегда!..

. . . . . .

Боже мой! Что-же это?! Неужели это правда?! Или я сплю? Или я грежу?.. Этотъ жалкій человѣкъ—я? Этотъ пьяница—я? Эта лысина—моя?.. О, что это, гдѣ я?.. О, дайте, дайте мнѣ мою молодость! О, верните мои золотые года!.. Вѣдь, я совсѣмъ почти не жилъ! Я не видалъ, куда и на что ушли тѣ годы, тѣ лучшіе, чудные годы!.. О, верните, верните мнѣ ту счастливую пору!.. Каждую минуту, каждый мигъ ея—я стану цѣнить какъ самое драгоцѣнное сокровище, то сокровище, которое я такъ безумно пропустилъ мимо себя, въ борьбѣ за кусокъ, за какое-то подлое «мѣсто», въ безсмысленной жизни!.. Ахъ, если-бы это было возможно, я побѣжалъ-бы, помчался-бы назадъ, я ухватился-бы за эти уходящіе безвозвратно годы, вцѣпился-бы въ нихъ обѣими руками—и остановилъ-бы ихъ ужасный ходъ... Я хочу жизни, молодости! Это не я, не я—лысый, пьяный, жалкій!.. О, нѣтъ! Это было-бы ужасно, это было-бы звѣрски-жестоко!.. За что? Почему?.. Жизнь и молодость погибли навсегда, а впереди жалкое прозябаніе, одиночество и... и... какъ глупо!—слезы... Зачѣмъ слезы? Кого оплакивать?—Себя, себя! Хоронить свое счастье, свою жизнь!..

Диссертація!.. Ха-ха-ха!.. Какую-то галиматью я написалъ-бы?.. Что училъ—забылъ, что читалъ—забылъ... По человѣчески говорить-то разучился...

Уходится!.. Обомнутъ!.. Въ лучшемъ видѣ... Нѣтъ, ты носъ-то не вороти!.. Идеалисты! Ха!.. А я, вотъ, возьму, хлопну рюмку—вотъ, вамъ и идеалъ!.. И другой идеалъ хвачу!.. Да! И наплевать мнѣ на всѣхъ васъ!.. На все плюю, плюю, плюю... и пью... и больше ничего!

А. Барановъ.

---

* * *

Нѣтъ, не сонъ, не сонъ все это счастье!
Не обманъ фантазіи больной
Та любовь, то теплое участье,
Что зажглись нежданно предо мной!..
Не обманъ и ты, мой югъ любимый,
Съ яснымъ небомъ, съ зеленью садовъ...
Вновь пришелъ къ тебѣ твой сынъ родимый
Изъ страны морозовъ и снѣговъ!
Боже мой! какъ долго это длилось,
Сколько лѣтъ насильственнаго сна!
Сколько лѣтъ душа моя томилась,
И тоской, и злобою полна!
Но — конецъ! стихаетъ боль удара
Подъ тепломъ и свѣтомъ ласкъ родныхъ...
Прочь бѣгутъ какъ призраки кошмара
Впечатлѣнья дней пережитыхъ...
Жизни даль полна не тьмой бездонной, —
Даль ясна, безоблачно ясна,
И въ душѣ, участьемъ озаренной,
Тишина, святая тишина...

С. Александровъ.

СТАРАЯ ДѢВА.

Романъ А. Е. Гольдворсъ.

(*Съ англійскаго*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Средство пристроиться.

— Любовь учитъ насъ жить!—взволнованно произнесла миссъ Трэль.

— Мужчины часто бываютъ глупы, а женщины—всегда!

Г-жа Крэнъ такъ же граціозно бросила сестрѣ эту фразу, какъ если бъ послала ей воздушный поцѣлуй.

— Право, Джоанна, ты довольно долго живешь на свѣтѣ, чтобы узнать, какая непрочная вещь—любовь.

— Не на твоемъ примѣрѣ, Сара.

Г-жа Крэнъ разсмѣялась.

— О, какой вздоръ! Для меня бракъ просто былъ легчайшимъ средствомъ прокормиться. Я была двадцати лѣтъ отъ роду и безъ гроша; при такихъ обстоятельствахъ поневолѣ влюбишься. Большая разница, когда есть доходъ и осѣдлость, и выходить замужъ нѣтъ нужды.

— Ты забываешь о чувствахъ, Сара.

— О чувствахъ? Ерунда! Твои понятія, Джоанна, такъ же старомодны, какъ твои платья. Я прихожу отъ тебя въ отчаяніе.

Г-жа Крэнъ краснорѣчиво пожала плечами и, отвернувшись отъ сестры, продолжала разматывать шелкъ для работы, которою забавлялась отъ нечего дѣлать. Миссъ Трэль изъ своего угла издала какой то звукъ, который былъ сочтенъ увеличивающимъ ея вину обстоятельствомъ и подвергъ ее нападенію изъ другого конца комнаты. Малорослая, пухленькая и краснощекая барынька, сидѣвшая въ углубленіи окна, положила

носокъ, который вязала, и направилась къ сестрамъ, восклицая на ходу:

— Слезы?! Джоанна, вѣдь, это — ребячество съ твоей стороны! Плачешь оттого, что отказала жениху? Да множество женщинъ было бы радо возможности сдѣлать это. И человѣку, который живетъ своимъ трудомъ и еще Богъ знаетъ чѣмъ!

— Или чортъ,—поправила г-жа Крэнъ.

Г-жа Протеро взглянула на нее съ упрекомъ.

— Сара! Впрочемъ, дѣтей здѣсь нѣтъ... Скажи мнѣ, Джоанна, неужели это—подходящая партія для миссъ Трэль, владѣлицы Хатча? На подобной мысли нельзя остановиться ни на секунду.

— Еще бы!—съ силою подтвердила г-жа Крэнъ.

— Бракъ, это—средство пристроиться, а у него нѣтъ ни гроша. Кромѣ того, онъ соціалистъ, какъ и почти всѣ нищіе, не воспитанъ, настоящая дубина, Корнваліецъ, кажется, и невозможенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Удивляюсь, Джоанна, какъ ты имѣла глупость допустить его до сватовства! Развѣ ты не знаешь, что положеніе женщины опредѣляется качествами мужчинъ, добивающихся ея руки? Нищій! Что тебѣ можетъ дать бракъ съ нимъ?

— Пріютъ въ любящемъ сердцѣ, — такъ онъ сказалъ. А этимъ не слѣдуетъ пренебрегать.

При послѣднемъ словѣ миссъ Трэль приложила платокъ къ глазамъ, которые весьма замѣтно отуманилась слезами.

— Если не можешь не плакать, милая,—любезно произнесла г-жа Крэнъ,—то позволь предложить тебѣ мой платокъ. Нѣтъ ничего интереснаго въ скорби, заключаемой въ плохо подрубленный каленкоръ.

Насмѣшка г-жи Крэнъ возвратила самообладаніе Джоаннѣ. Она подняла голову и обратила къ обѣимъ женщинамъ свое худое и, несмотря на покраснѣвшія вѣки, мало-выразительное лицо:

— Годъ назадъ вы отдали бы меня за кого угодно; только никто не сватался, никто! — она заломила руки и голосъ ея дрогнулъ.—А теперь, когда является человѣкъ, который меня любитъ, вы хотите помѣшать моему... моему счастью. Отъ тебя я могла ожидать этого, Сара; ты всегда была вся на разсчетѣ. Но ты, Рахиль, у тебя такой славный мужъ и ребятки, и ты... И обѣ вы много моложе меня,—заключила она довольно непослѣдовательно и съ мольбою взглянула на неуклюжую маленькую женщину, стоявшую передъ нею.

Г-жа Протеро не безъ добродушія отвѣтила на эту невысказанную мольбу:

— Видишь, Джоанна, очевидно, что этотъ женихъ гонится за твоимъ состояніемъ. Вотъ почему Фергусъ возстаетъ противъ вашего брака.

— А годъ назадъ у тебя не было ни гроша, и ты была въ тягость твоимъ друзьямъ,—перебила г-жа Крэнъ.

Голосъ ея былъ почти нѣженъ, а лицо имѣло такое выраженіе, съ которымъ говорятъ любезные пустячки; но у сестры ея задрожали губы.

— Стыдно тебѣ, Сара!—вскрикнула г-жа Протеро, а затѣмъ обратилась къ миссъ Трэль:

— Пойми, Джоанна, что владѣя этимъ имѣніемъ — одинъ домъ можетъ дать 240 фунтовъ годового дохода — ты ужъ не кое-кто и не должна дѣлаться добычею искателя приданыхъ! Мы всѣ, любя тебя, возстаемъ противъ этого брака. Больше нечего и толковать!

Миссъ Трэль протянула руки, точно желая удержать нѣчто ускользающее отъ нея.

— Такъ, значитъ, отказать?—прошептала она.

— Разумѣется,—сказала г-жа Крэнъ.

— Фергусъ говоритъ, что слѣдуетъ отказать,—произнесла свой приговоръ г-жа Протеро. Затѣмъ наступило продожительное молчаніе... Сквозь окна, заросшія дикимъ виноградомъ, пробился солнечный лучъ, и въ комнату проникло нѣжное благоуханіе жасмина, придавая особый оттѣнокъ чувствамъ каждой изъ сестеръ. Оно усилило печаль Джоанны и наложило печать какого то благородства какъ на меркантильные виды г-жи Крэнъ, такъ и на безжалостную рѣшительность г-жи Протеро.

Комната, темная, съ дубовою панелью и низкимъ потолкомъ, была полна мебели, недостаточно современной, чтобы понравиться г-жѣ Крэнъ, и недостаточно древней, чтобы стать снова модной. Яркій коверъ давно ужъ вылинялъ. Оттѣнокъ оригинальности въ формѣ дивана и стульевъ изъ краснаго дерева спасалъ ихъ отъ вульгарнаго вида.

Несмотря на выдающійся нарядъ г-жи Крэнъ, сама миссъ Джоанна Трэль была наиболѣе изящнымъ предметомъ въ комнатѣ. Въ ея безнадежномъ лицѣ съ безцвѣтными волосами и глазами была какая то прелесть неопредѣленности, составлявшая рѣзкій контрастъ съ очевиднымъ благополучіемъ ея сестеръ. Горе возвышало ее надъ этими молодыми и цвѣтущими женщинами, которыя произносили свой приговоръ надъ ея жизнью съ благонамѣренной и хладнокровной жестокостью.

Длинные пальцы г-жи Крэнъ лѣниво перебирали шелки, которыми она вышивала; но она не думала о своей работѣ. Она медленно покачивалась въ качалкѣ и съ задумчивымъ интересомъ глядѣла на сестру.

— Каково! Джоанна воображаетъ, что въ нее можно влюбиться ради нея самой!—думала она.—Конечно, этому проходимцу нужны ея деньги, а не поблекшая, унылая, тридцат

шестилѣтняя старая дѣва... Будь она на десять лѣтъ моложе... Но нѣтъ! Она никогда не была привлекательна. Всегда слабая и несуразная, а ея страсть къ самопожертвованію уничтожала въ ней послѣдніе проблески силы воли, какіе могли быть отъ природы. Кажется, она всѣмъ для насъ пожертвовала, и мы бы должны быть ей благодарны. А какое право имѣла она на дядино наслѣдство въ ущербъ мнѣ и Рахили? Старый медвѣдь! Онъ всегда ненавидѣлъ насъ. Ну, хорошо хоть то, что Хатчъ не выйдетъ изъ нашей семьи. Домъ, вообще, недуренъ, а эта комната—положительно, ничего! Съ другою мебелью она была бы очень прилична! Надо убрать этотъ хламъ.

Ея взглядъ обошелъ всю комнату и неодобрительно остановился на тучной фигуркѣ г-жи Протеро, сидѣвшей на высокомъ стулѣ и тщетно тянувшейся ногами къ полу.

— У Рахили совсѣмъ нѣтъ вкуса, ни капли! И ума нѣтъ. Кто подумалъ бы, что мы—сестры? — При этой мысли она взглянула на собственную изящную и томную внѣшность, отраженную зеркаломъ на противоположной стѣнѣ.

Г-жа Протеро была, дѣйствительно, совсѣмъ неизящна, но производила пріятное впечатлѣніе добросердечія и здоровья. А если она была не такъ умна, какъ г-жа Крэнъ, то и сама сознавала это; а такое сознаніе само по себѣ свидѣтельствуетъ о наличности нѣкоторой сообразительности и пониманія.

Она тоже думала объ этомъ сватовствѣ, которое, точно камень, брошенный въ прудъ, возмутило стоячую воду жизни миссъ Трэль.

— Бѣдная Джоанна!—говорила она себѣ.—Какъ она, въ самомъ дѣлѣ, одинока! Жаль, что человѣкъ-то неподходящій, она была бы счастливѣе при заботахъ мужа. Но невозможно! Онъ—отставной франтъ безъ денегъ и склоненъ къ апоплексіи, я увѣрена, какъ всѣ толстые люди. Изъ-за одной его шеи за него никакъ нельзя идти замужъ. Бѣдная Джоанна! Это — первый ея женихъ, а ей очень не хочется остаться старой дѣвой. Сама она врядъ ли любитъ этого стараго жуира, но ее привлекаетъ перспектива быть любимой. Да оно и привлекательно, признаюсь, если человѣкъ подходящій. Господи, какъ бы я была рада, если бы онъ былъ похожъ на моего Фергуса. Бѣдная Джоанна!.. Ну, стану почаще посылать дѣтей гостить ı ней. Имъ будетъ полезенъ деревенскій воздухъ, а ей все- ı ки развлеченіе. Бѣдная, голубушка, какая она измученная ı блѣдная! Ну, да все это пройдетъ.

Она взглянула на миссъ Трэль, которая уныло и грустно (дѣла на набитой конскимъ волосомъ кушеткѣ. На лицѣ ея (ло какое то напряженное, трагическое выраженіе, руки ни ı минуту не оставались въ покоѣ.

Свѣтъ солнечныхъ лучей образовалъ яркое пятно на поли-

нявшемъ коврѣ, и ея глаза устремлены были на это пятно. Въ сердцѣ ея смутно назрѣвало возмущеніе и шевелился слабый протестъ. Неужели она вѣкъ не освободится отъ тиранніи этихъ сестеръ, которымъ и такъ отдала лучшіе годы?

Онѣ замѣнили ей родителей и двадцать лѣтъ она была ихъ рабою. А теперь, когда независимость была въ ея рукахъ, когда одинъ шагъ могъ избавить ее отъ ихъ деспотизма, укоренившаяся привычка повиноваться сковывала ее точно цѣпями и подчиняла ихъ волѣ.

— Какъ бы го ни было, думала она,—но деспотизмъ мужа, какъ болѣе естественный, долженъ меньше унижать женщину, нежели тираннія сестеръ. Отчего бы не сдѣлать по своему, не настоять на своемъ?

Г-жа Кренъ и г-жа Протеро считали ее слабою и смиренною и понятія не имѣли о давно сдерживаемомъ негодованіи, которое теперь рвалось наружу. А между тѣмъ она не любила того человѣка: ей только хотѣлось его любви. Она была женщиною, со свойственною женщинѣ неистребимой жаждою любви; быть любимой—казалось ей раемъ.

Жизнь ея была пуста и не имѣла для нея никакой цѣнности. При помощи же любви она могла бы подняться на высоты самоотреченія и благородства.

Она думала все это, но румянецъ воодушевленія не выступалъ на ея щеки. Глаза ея были холодны и тусклы, когда она подняла ихъ при словахъ г-жи Крэнъ:

— Отказъ нужно написать сегодня же, Джоанна.

— Такъ... скоро?..—пролепетала она.

— Да. Лучше всего даже сейчасъ, чтобы намъ просмотрѣть письмо передъ уходомъ.

— Да, напиши сейчасъ же, Джоанна,—сказала г-жа Протеро. — Если дѣлать, то дѣлать сразу. Фергусъ говоритъ, что ничего нѣтъ хуже колебаній.

Негодованіе заклокотало въ сердцѣ Джоанны, но инстинктивная покорность взяла верхъ. Она слишкомъ долго была рабою, чтобы съумѣть воспользоваться позднею свободою. Привычка взяла верхъ надъ доводами разума: она сѣла къ старинному бюро и дрожащею рукою написала отказъ.

Два часа спустя г-жа Крэнъ и г-жа Протеро разошлись уже по домамъ, оставивъ ей въ печальное утѣшеніе ея дох и усадьбу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣкоторыя преимущества филантропіи.

Длинная, обсаженная тѣнистыми деревьями аллея вела отъ Ипсомской дороги къ старымъ вязамъ усадьбы Хатчъ. Домъ былъ изъ сѣраго камня, кое-гдѣ выглядывавшаго изъ-подъ мака и дикаго винограда, которые почти сплошь окутывали его. Даже ромбовидныя рамы въ окнахъ были скрыты зеленью, которая добралась уже до крыши. Подъ деревьями трава была низка и кое-гдѣ прерывалась цвѣточными грядами, на которыхъ розы и виноградъ возвращались въ дикое состояніе.

Благодаря ли густой листвѣ повсюду, преобладанію зелени или сырости подъ деревьями, — только зданіе имѣло неуютный видъ. Впрочемъ, причина была не въ томъ, такъ какъ внутренность дома, гдѣ и не было зелени, производила еще болѣе жуткое впечатлѣніе. Залъ, длинный, низкій, съ панелями, съ большимъ пустымъ каминомъ и закрытыми зеленью окнами, напоминалъ склепъ, и у посѣтителя, входившаго въ него впервые, вызывалъ ощущеніе мороза на кожѣ—ощущеніе, которое преодолѣвалось только при помощи милаго гостепріимства и непритворнаго добродушія миссъ Трэль. Таковы же были и прочія комнаты въ домѣ: просторныя, съ панелями, низкія, мрачныя.

Такіе дома встрѣчаешь иногда въ Сурреѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда еще не заходили городскіе строители. Какъ Хатчъ избѣжалъ репутаціи дома съ привидѣніями — было тайною для всѣхъ, кто не зналъ его послѣдняго владѣльца, полковника Смедлея, «стараго медвѣдя», по выраженію г-жи Крэнъ.

Шестьдесятъ лѣтъ назадъ онъ купилъ это имѣніе и уничтожилъ послѣдніе слѣды суевѣрія, которые еще существовали и отпугивали отъ него прочихъ покупателей. Съ того дня, какъ Хатчъ перешелъ въ руки полковника, никто уже не рѣшался намекать на какую либо тайну, — привидѣніе, убійство или скандалъ,—относящуюся къ его усадьбѣ.

Мѣстное населеніе, запуганное угрозами судебнаго преслѣдованія за клевету, жертвами которой по закону могутъ быть, яко-бы, не только люди, но и дома, погрузилось въ безучастное молчаніе. Прошло нѣкоторое время и преданіе забылось; когда, сорокъ лѣтъ спустя, три племянницы полковника были приглашены къ нему въ гости на цѣлый, правда, не особенно веселый, мѣсяцъ, сонъ ихъ не смущался боязнью сверхъестественныхъ явленій. Въ отсутствіи дяди дѣвочки наслаждались прохладою, зеленью и тѣнью послѣ камня и пыли Кенсингтона, и ихъ здоровыя натуры чужды были страха при-

видѣній. Джоанна, будучи романтичнѣе и сентиментальнѣе сестеръ, мечтала о влюбленныхъ парочкахъ, сидѣвшихъ подъ деревьями или бродившихъ вдоль длинныхъ корридоровъ; но мысль о призракахъ ни разу не приходила ей въ голову.

А между тѣмъ, по внѣшности дома можно узнать его исторію точно такъ же, какъ исторію человѣка по лицу; и какъ вертикальная морщина или склоненное чело выдаютъ людскія тайны, такъ стѣны дома повѣствуютъ о его быломъ, о трагедіи или комедіи, разыгравшейся въ немъ. У Хатча была своя легенда, которая смутно хранилась въ памяти весьма немногихъ и упоминалась очень рѣдко; она гласила, что надъ домомъ этимъ произнесено было проклятіе, въ силу котораго ни одна невѣста не могла переступить его порога, и поэтому всѣ дѣвицы, жившія въ Хатчѣ, умирали или покидали его незамужними, пока одна не вздумала возстать противъ судьбы и убрать домъ для своей свадьбы; но въ утро свадебнаго дня она найдена была мертвою на порогѣ, а темное пятно на полу библіотеки стало съ тѣхъ поръ указывать то мѣсто, гдѣ лишилъ себя жизни ея женихъ.

Долгіе годы усадьба простояла пустою, эта исторія стала путаться и забываться. Потомъ домъ нанялъ какой то французскій маркизъ и огласилъ его шумомъ тяжихъ оргій, которыя могли бы отпугнуть всякій призракъ, менѣе неумолимый, чѣмъ витавшій надъ Хатчемъ.

Но домъ былъ проклятъ. Никакое веселье не въ состояніи было уничтожить его печальный видъ. Маркизъ уѣхалъ развлекаться въ другое мѣсто, а послѣдующіе жильцы одинъ за другимъ поддавались мрачному впечатлѣнію, какое производила эта усадьба и связанное съ нею преданіе.

Наконецъ, она досталась полковнику Смедлею. У него не было дочерей, за которыхъ онъ могъ бы бояться; но онъ всетаки побѣдилъ духовъ и наслаждался безмолвіемъ, пока не промѣнялъ его на еще болѣе невозмутимое безмолвіе, населенное духами.

Можетъ быть ради того, чтобы показать свое полное презрѣніе къ суевѣрію, онъ завѣщалъ имѣніе и связанный съ нимъ доходъ своей единственной незамужней племянницѣ, Джоаннѣ. Получивъ это наслѣдство, миссъ Трэль стала богатой невѣстой и цѣлью стремленій обѣднѣвшихъ холостяковъ.

Съ того дня, какъ она отвѣтила на сватовство отказомъ, прошла недѣля, и все пережитое ею за это время не прошло для нея безслѣдно. Взоръ ея попрежнему выражалъ смиреніе и какъ бы мольбу о снисхожденіи, но изъ элементовъ любви, разочарованія и подавленныхъ желаній въ ея сердцѣ возникали зачатки самоувѣренности, которою современемъ ей суждено было удивить и себя, и всѣхъ своихъ близкихъ.

Она сидѣла въ той мрачной комнатѣ, гдѣ суроваго вида стулья были свидѣтелями ея спора съ сестрами, и мало-помалу поддавалась успокоительному вліянію окружавшаго ее однообразія. Линючій коверъ, темное дерево панелей и мебели, набитыя конскимъ волосомъ подушки и еле пробивавшійся сквозь листву свѣтъ—все это производило впечатлѣніе мягкости и тишины.

Большинство женщинъ содрогнулось бы при видѣ стульевъ съ высокими спинками, чинно разставленныхъ вдоль стѣнъ и украшенныхъ жесткими подушками; а красноватыя гардины могли оскорбить чье угодно эстетическое чувство; но Джоаннѣ все это было мило, какъ память прошлаго и вслѣдствіе сознанія, что она здѣсь хозяйка.

Она снова переживала тѣ дни, когда посѣщеніе Хатча означало освобожденіе отъ суеты, яркаго свѣта и шума.

Опять она стала мечтательною дѣвушкою, пріостанавливающеюся на пути жизни, чтобы отдохнуть на досугѣ и просторѣ романтической и тихой усадьбы. Она ускользнула на время отъ скудной обстановки родного дома въ Кенсингтонѣ и на жесткомъ диванѣ, забывая о суровомъ настоящемъ, грезила о будущемъ, нѣжныя очертанія котораго соотвѣтствовали ея потребности любви и сочувствія.

Въ память этихъ грезъ она тихонько погладила диванное сидѣнье, и знакомое покалываніе конскаго волоса доставило ей смутное удовлетвореніе. Можетъ быть, для нея уже закрыто будущее, но въ этомъ домѣ прошло лучшее изъ минувшаго, самые радостные дни ея жизни. Ей не такъ горько будетъ одиночество, пока возможно будетъ жить въ обстановкѣ милыхъ прошлыхъ дней...

Вдругъ мечты ея были прерваны. Г-жа Крэнъ вошла безъ доклада и теперь медленно и томно приближалась къ сестрѣ. Джоанна была недовольна перерывомъ, но взглянула на сестру съ чуждымъ всякой зависти восхищеніемъ. Ея высокую фигуру стройно и граціозно облегало черное шелковое платье, сработанное искусною портнихою; лицо, увѣнченное массою желтыхъ волосъ, было скорѣе аристократично, чѣмъ миловидно, такъ какъ ротъ былъ великъ, а щеки нѣсколько ввалились. За-то чудесные глаза, взоръ которыхъ смягчался длинными черными рѣсницами, и ослѣпительный цвѣтъ кожи оправдывали ея притязанія на красоту.

При бесѣдѣ съ нею бросалась въ глаза ея игра съ pince-nez, который она то надѣвала, то сбрасывала; когда же она не дѣлала этого, то близоруко прищуривала глаза, что было хорошо разсчитаннымъ маневромъ.

Она плавно приблизилась къ сестрѣ и, наклонившись, коснулась щекою ея щеки.

— Ну, Джоанна, ты не ждала меня, я знаю! Какъ темно въ этой комнатѣ! Я ничего не вижу.

— Тебѣ такъ кажется послѣ улицы, Сара.

— Должно быть. А ты совсѣмъ пожелтѣла и поблекла.

Миссъ Трэль слегка покраснѣла, но не разсердилась на г-жу Крэнъ за откровенность, такъ какъ привыкла къ ней.

— Я сегодня плохо спала,—отвѣтила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! А какъ ты находишь меня?

— Я никогда не видѣла тебя болѣе цвѣтущею. Это платье очень идетъ тебѣ.

— Кажется. А брала всего только у Шульбреда. Кстати, я ходила туда вчера посмотрѣть для тебя новую мебель.

— Для меня новую мебель?

— Ну, да! Не можешь же ты оставаться среди этого буржуазнаго старья.

— Мнѣ ничего не хочется мѣнять, Сара.

— О! это вздоръ! Никто не будетъ бывать у тебя, пока домъ загроможденъ этимъ хламомъ.

— Ректоръ и г-жа Синклеръ были здѣсь вчера.

— Еще бы! Это—визитъ по обязанности. Не глупи, Джоанна. Ты понимаешь, что я говорю о людахъ изъ общества, съ положеніемъ и... образованныхъ.

— Проповѣдь г-на Синклера въ воскресенье показала въ немъ хорошее образованіе. Онъ удачно охарактеризовалъ Бэкона, Данта и Мильтона. Онъ очень знающій человѣкъ.

— Джоанна, ты—просто дура! Теперь никто не зоветъ этого образованіемъ. Пора тебѣ понимать это.

— Я не знала; я всегда думала...

— Нечего думать, надо знать. Мы должны знать, что намъ говорить и дѣлать, что читать, чѣмъ восхищаться. Остальное-же все ни на что не нужно. Ты чрезвычайно отстала отъ вѣка. Я не удивлюсь, если тебѣ даже нравится эта отвратительная мебель.

— Признаюсь, что да. Когда я вспоминаю, какъ счастлива была здѣсь дѣвушкою и какъ мнѣ хорошо теперь, то не могу не относиться къ этой обстановкѣ съ любовью и...

— Ахъ, я такъ и думала. Вотъ въ этомъ то и ошибка твоя. Будь ты лучше воспитана, ты не восхищалась бы ничѣмъ, что не въ модѣ, только потому, что оно тебѣ нравится.

Миссъ Трэль сжала губы съ выраженіемъ такой твердости, что сестра ея съ изумленіемъ вскинула на носъ pince-nez. К счастью, появленіе г-жи Протеро произвело диверсію.

Г-жа Крэнъ сбросила pince-nez и сердито прищурила... Она хотѣла затѣять длинную бесѣду о преобразованіяхъ въ Хатчѣ и вполнѣ подчинить своимъ воззрѣніямъ свою безпомощную сестру. А г-жа Протеро, она знала, способна была не

согласиться съ ея планами и выразить свое неодобреніе, въ противоположность Джоаннѣ, которая молчаливо сносила всякое тиранство. Не замѣчая несвоевременности своего прибытія, г-жа Протеро вбѣжала въ комнату, тяжело дыша, горячая и красная. Г-жа Крэнъ, замѣтивъ контрастъ между собою и этою разгоряченною особою, простила ей вульгарность ея наружности.

— Какая у тебя здѣсь пріятная прохлада,—задыхаясь произнесла вошедшая.—Здравствуй, Джоанна! Я не стану цѣловать тебя: мнѣ слишкомъ жарко.

Она упала въ кресло и, только развязавши ленты у шляпы, замѣтила г-жу Крэнъ:

— Что это, Господи? Ты здѣсь, Сара? Я полагала, что ты ѣдешь въ Норвудъ сегодня?

— Я передумала,—протянула г-жа Крэнъ,—и пріѣхала сюда.

— О!—сказала г-жа Протеро.

Это восклицаніе выражало собою цѣлую гамму чувствъ, что не укрылось отъ г-жи Крэнъ. Она медленно разгладила свою юбку, но когда опять взглянула на сестру, то на лицѣ ея были написаны обычныя спокойствіе и благосклонность.

— Я не жалѣю о перемѣнѣ моихъ намѣреній, разъ это привело къ встрѣчѣ съ тобою, Рахиль. Намъ теперь очень удобно переговорить о дѣлахъ Джоанны.

— Спасибо.—Миссъ Трэль запнулась.—Но... но я думаю... что могу управиться съ моими дѣлами... сама.

— Что?!—взвизгнула г-жа Крэнъ, быстро выпрямляясь.—Управиться сама?

— Я... я такъ думаю, Сара. Я все устрою сама.

Г-жа Протеро добродушно всколыхнулась.

— Ахъ, ты, милочка, душечка! Да, вѣдь, ты не можешь. Фергусъ говоритъ, что ты ничѣмъ не заявила о своей личности втеченіе тридцати лѣтъ, Джоанна.

— Знаю,—сказала миссъ Трэль, и нѣжная краска выступила на ея щекахъ.—Но теперь у меня новыя обязанности, и я надѣюсь имѣть силу исполнить ихъ.

— Разумѣется,—быстро подхватила г-жа Крэнъ,—мы это знаемъ. Именно чтобы указать тебѣ твои обязанности передъ обществомъ, я и пришла сюда сегодня!

— Да,—подтвердила г-жа Протеро.—Фергусъ сказалъ вчера вечеромъ, что Джоанна должна стать самоувѣреннѣе и занять въ обществѣ подобающее ей мѣсто.

— Это самое говорила и я какъ разъ передъ твоимъ приходомъ, Рахиль. Джоанна не можетъ быть законодательницей моды, но отчего-бы ей не стать филантропкой? Теперь множество очень приличныхъ людей взялось за филантропію...

— Не... знаю...—отвѣтила г-жа Протеро, взвѣшивая каждое слово.—Можетъ быть, Джоаннѣ уже поздно приниматься за такое дѣло. Только совсѣмъ молоденькимъ удается сдѣлать его интереснымъ. Да люди отлично обходятся и такъ. Фергусъ говоритъ, что мы добиваемся популярности не тѣмъ, чѣмъ мы кажемся, а тѣмъ, что мы есть.

— Это все вздоръ,—рѣшительно объявила г-жа Крэнъ.—Не то, что ты есть, а то, чѣмъ ты кажешься, создаетъ тебѣ положеніе въ наше время.

— А я скажу, что самое полезное—не быть вотъ такою-то, а чтобы люди считали тебя такою,—сухо поправила г-жа Протеро.

— Да,—согласилась г-жа Крэнъ.—Напримѣръ, напрасно Джоанна стала бы представляться образованною...

— Образованные не представляются, — тихо замѣтила Джоанна.

— Нѣтъ, они только выставляются, — хихикнула г-жа Крэнъ.—Ну, какую пользу ты себѣ представляешь отъ образованія, Джоанна?

Снова нѣжный румянецъ покрылъ лицо миссъ Трэль.

— Оно можетъ показать мнѣ эфемерность и пустоту того, что ты зовешь обществомъ.

Орудіе было обернуто другимъ концомъ.

Г-жа Крэнъ пришла въ ужасъ, въ отчаяніе. Она сердито сощурилась.

— Джоанна, съ такими идеями ты *никогда* не добьешься успѣха въ обществѣ!

— Не знаю,—сказала г-жа Протеро своимъ практическимъ тономъ.—Пренебреженіе свѣтскими традиціями именно теперь въ модѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперешній лозунгъ—энтузіазмъ. Фергусъ говоритъ, что стоитъ тебѣ увлечься чѣмъ угодно,—благотворительностью, догматикой или рабочими союзами, все равно—и ты тотчасъ войдешь въ моду. Какъ разъ теперь всѣ преклоняются передъ искренностью.

— Но сами далеки отъ искренности,—замѣтила г-жа Крэнъ.

— Я хотѣла сказать: передъ увлеченіемъ серьезными вещами,—пояснила г-жа Протеро, сама хорошенько не зная, что она хотѣла сказать.—Боже, какая жара!.. Что ты дѣлаешь по цѣлымъ днямъ, Джоанна?

— Немножко пишу, навѣщаю бѣдныхъ и гуляю по сад А недавно клала кучеру припарки. Мнѣ это пріятнѣе, чѣ выставлять на видъ свою филантропію.

Г-жа Крэнъ пожала плечами.

— Не удивительно, что ты скучаешь. Клала припарки г черу! Джоанна, ты безнадежна.

— Я довольна. Я не скучаю. Такія дѣла мнѣ нравятся

съ живостью отвѣтила миссъ Трэль.—Пріятно быть полезною людямъ.

Лицо ея на минуту просіяло, а г-жа Протеро взглянула на нее съ благосклонностью.

— Я не думаю, чтобы тебѣ было полезно одиночество, Джоанна. Ты что-то блѣдна. Пріѣзжай въ понедѣльникъ къ намъ и погости денька два. Джо становится такимъ милочкой, а Сисси и Вилли еще сегодня спрашивали, когда увидятъ «голубушку тетю Джоанну». Они такъ зовутъ тебя.

Г-жа Крэнъ приподнялась, сіяя улыбкою, и направила пенснэ на сестру.

— Твои дѣти черезчуръ умны, Рахиль. Если бы я была завистлива, я бы пожалѣла, что у меня нѣтъ малютокъ, которыя умѣли бы такъ выразить любовь къ тетѣ Джоаннѣ. Но ты пробудешь у Рахили не болѣе двухъ дней, Джоанна. Я навѣщу тебя въ среду и отвезу обратно въ Хатчъ.

Миссъ Трэль пришла въ колебаніе и взволновалась.

— Я, кажется, вовсе не поѣду. Спасибо тебѣ, Рахиль, но, право, не надо. Я лучше останусь здѣсь на нѣсколько недѣль. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, лучше всего дома.

— Вздоръ! Я и слышать не хочу отказа. Пріѣду за тобою въ понедѣльникъ съ дѣтьми: это будетъ для нихъ большимъ удовольствіемъ. Фергусъ будетъ ждать тебя. Тутъ и говорить больше нечего.

Г-жа Протеро завязала шляпу, и больше ничего не было сказано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Энтузіастъ.

— Сегодня вечеромъ у насъ обѣдаетъ г. Боасъ,—сказала г-жа Протеро.

— Что это за г. Боасъ?—робко освѣдомилась миссъ Трэль.

— О! это смотря потому, какъ ты на него взглянешь,—отвѣтила г-жа Протеро.—Я слышала о немъ до полудюжины противорѣчивыхъ отзывовъ, и всѣ они совершенно вѣрны. Вотъ слушай: онъ не демократъ, не сальваціонистъ, не филантропъ, не литераторъ, не издатель газеты, а... Да, право, Джоанна, я затрудняюсь предсказать, въ какомъ фазисѣ ты увидишь его сегодня. Несомнѣнно, что онъ инженеръ, но это для тебя ничего не значитъ.

— Жаль, что онъ придетъ!—вздохнула Джоанна.—Я ужъ знаю, что мы не сойдемся.

— Нѣтъ, напротивъ. Онъ вообще нравится женщинамъ. Фергусъ объясняетъ это его страстью постоянно открывать въ женщинахъ всевозможныя добродѣтели. Я знаю, онъ очень вѣжливъ съ женщинами. Я видѣла, какъ онъ предложилъ руку какой-то связкѣ грязныхъ тряпокъ и перевелъ ее черезъ Оксфордскую площадь съ такимъ почтеніемъ, точно какую нибудь графиню. Да, онъ это сдѣлалъ, хотя зналъ, что лэди Карстэрзъ изъ своей кареты все видитъ и ждетъ его, чтобы посмѣяться надъ нимъ.

— А мнѣ это нравится,—сказала Джоанна съ жаромъ.

— Мнѣ также. Да и то сказать: онъ можетъ дѣлать что угодно, не обращая вниманія на лэди Карстэрзъ. Фергусъ говоритъ, что такіе люди сами задаютъ тонъ. Я позвала бы сегодня еще гостей, еслибы онъ не просилъ, чтобы никого не было. Онъ хочетъ завербовать Фергуса въ члены новаго общества для снабженія стариковъ въ рабочихъ домахъ чаемъ и табакомъ. Онъ самый занятой человѣкъ въ Лондонѣ, однако находитъ время для множества такихъ маленькихъ дѣлъ. Живетъ онъ гдѣ то въ Вестминстерѣ и вѣчно старается объ исправленіи людей. Фергусъ говоритъ, что онъ слишкомъ дитя нашего времени, чтобы вѣрить, будто исправленіе слѣдуетъ начинать съ себя.

— Онъ долженъ быть очень популяренъ.

Цинизмъ Джоанны былъ совершенно непреднамѣреннымъ. Г-жа Протеро пожала плечами подобно г-жѣ Крэнъ, но безъ непринужденной граціи послѣдней.

— Этого нельзя сказать. Мало кого такъ ненавидятъ. Но это ему все равно. Онъ страшно презираетъ притворство и гордится своимъ корнваллійскимъ происхожденіемъ.

— Это производитъ впечатлѣніе какой то свѣжести,—сказала Джоанна.—Онъ понравится мнѣ.

— Ну, не слишкомъ-то восхищайся имъ. Въ немъ, дѣйствительно, много свѣжести. Онъ—одинъ изъ привлекательнѣйшихъ людей въ городѣ и поэтому, какъ говоритъ Фергусъ, не женихъ. Лучше дай ему восхититься тобою.

Блѣдная улыбка скользнула по лицу Джоанны точно призракъ. Она полагала, что г. Боасъ на нее даже не взглянет и такъ искренно была въ этомъ увѣрена, что, къ досадѣ г-ж Протеро, вышла къ обѣду въ самомъ плохомъ изъ своих платьевъ.

За-то г-жа Крэнъ, вся въ пряжкахъ и въ пенснэ, вполн искупала всѣ недостатки туалета сестры.

Когда, послѣ взаимныхъ представленій, Джоанна рѣшила

поднять глаза на г. Боаса, то лицо ея вспыхнуло, а вѣки нервно опустились.

Она была совершенно разочарована.

Человѣкъ, о которомъ столько говорилось, былъ очень малъ, темноволосъ, рѣзкаго корнваллійскаго типа, съ хохломъ черныхъ кудрявыхъ волосъ на головѣ и глубоко сидящими глазами, сверкавшими изъ подъ низкихъ бровей. Что онъ былъ не салонный кавалеръ, ясно выразилось въ неловкости, съ которою онъ повелъ въ столовую г-жу Протеро.

Процессія, выступившая изъ гостиной, была смѣшна соединенными въ ней контрастами. Высокій ростъ и красивая фигура г-на Протеро прекрасно шли къ росту и стройности г-жи Крэнъ. Зато г-жа Протеро, темноволосая, полная, низенькая была женской копіей г-на Боаса.

Соединительною чертою между этими двумя парочками являлись безцвѣтныя личности миссъ Джоанны Трэль и супруга г-жи Крэнъ.

Втеченіе обѣда Джоанна съ удовольствіемъ замѣтила, что аппетитъ г-на Боаса много уступалъ его увлеченію предметами бесѣды. Когда взоръ его загорался воодушевленіемъ, она забывала о недостаткахъ его наружности и лучше другихъ постигала тайну его вліянія на людей.

Г-жа Крэнъ сидѣла молча и даже не щурилась на дикаря. Съ самаго начала обѣда она поняла, что онъ болѣе интересуется отвлеченною женщиною, нежели воплощеніемъ этой отвлеченной идеи въ ея лицѣ, и покарала его за это полнымъ невниманіемъ.

Г-жа Протеро любовалась «Фергусомъ» въ ущербъ супругу г-жи Крэнъ и г-ну Боасу. Итакъ, изо всѣхъ трехъ женщинъ одна Джоанна терпимо относилась къ гостю. Мужчинамъ же онъ казался несноснымъ.

Правда, онъ преступалъ всѣ правила приличія во время разговора: опирался локтями на столъ, сверкалъ глазами, и рѣчь его лилась, какъ быстрый огненный потокъ.

— Этимъ бѣднымъ созданіямъ нужны не общины сестеръ, а сестры,—говорилъ онъ.—Я ни гроша не дамъ за проповѣдника въ юбкѣ. Надо, чтобы къ нимъ пришли женщины, которыя нѣжною женскою ласкою успокоили бы ихъ истерзанныя сердца и сочувственными женскими слезами оплакали бы ихъ невыразимыя обиды. Имъ нужно сестеръ не по монастырскимъ обѣтамъ, а по человѣколюбію, женщинъ, которыя полюбили бы ихъ, стали бы жить съ ними и научили бы ихъ, чѣмъ можетъ быть женщина. Что толковать о цивилизаціи! Вотъ единственная цивилизація, возможная для трущобъ! Я былъ въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ. Я знаю Лондонъ вдоль и поперекъ, какъ мало кто его знаетъ, и говорю вамъ, что когда

среди этихъ несчастныхъ возникнутъ поселенія хорошихъ людей, то лишь тогда — тогда, а не ранѣе, — мы коснемся язвы съ надеждою на ея исцѣленіе.—Онъ порывисто раскрошилъ свой хлѣбъ и продолжалъ:

— Вотъ объ этомъ-то я и хлопочу теперь. Въ Шордитчѣ у меня строится домъ, и когда онъ будетъ готовъ, тамъ поселятся съ дюжину мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ у каждаго будетъ свой участокъ для работы по домамъ. Онъ станетъ другомъ каждому мужчинѣ, каждой женщинѣ, каждому ребенку въ своемъ участкѣ. Онъ станетъ земнымъ Провидѣніемъ, которому можно будетъ и вѣрить, и подражать. Онъ научитъ ихъ добывать хлѣбъ и выгодно помѣщать сбереженія. Онъ будетъ дѣлить всѣ ихъ радости и горести. И все это онъ будетъ дѣлать, даже не освѣдомляясь, къ какому исповѣданію они принадлежатъ, или во что вѣрятъ, лишь бы вѣрили въ самихъ себя и другъ въ друга.

— Это все пробовано и перепробовано, напримѣръ, въ Тойнби-Холлѣ. Это вовсе не ново, — сказала г-жа Протеро, начиная скучать.

— Не ново? Да это старо, какъ Духъ Божій въ Адамѣ! Тойнби-Холлъ принесъ много пользы, но нужно, чтобы одно такое поселеніе приходилось на каждую сотню, а не на пять милліоновъ жителей. Если бы я могъ набрать себѣ въ сотрудники пятьсотъ друзей, которые составили бы ядро нашего общества, то это дѣло сдѣлалось бы въ годъ.

Онъ скаталъ свой хлѣбъ въ маленькіе шарики и разбрасывалъ ихъ по скатерти въ различныхъ направленіяхъ, пока игривый голосокъ г-жи Крэнъ не прервалъ этого развлеченія.

— Пятьсотъ *друзей* вамъ въ сотрудники, г. Боасъ? Не черезчуръ ли вы оптимистичны? — спросила она, лукаво улыбаясь.—Я полагала, что люди дѣлятся на два класса: большинство стоитъ противъ васъ, а крошечное меньшинство за васъ. Развѣ не такъ?

— Именно,—отвѣтилъ г. Боасъ, не обращая никакого вниманія на ея кокетничанье,—и это большинство—дураки. Дураки! Да, самые глупые, безнадежные. Слушайте! Если бы намъ сказали, что завтра на Товеръ-гиллѣ будетъ принесена человѣческая жертва, что молодую дѣвушку и юношу отдадутъ на съѣденіе адскому чудовищу; что чудовище это пожретъ ихъ нѣжные члены и напьется ихъ горячей крови, — неужели мы сидѣли бы здѣсь спокойно и утверждали бы, что это неизбѣжно, что подобные ужасы составляютъ необходимый фазисъ цивилизаціи? Ахъ, вы, люди!.. Да развѣ весь народъ не возсталъ бы какъ одинъ человѣкъ, чтобы воспрепятствовать такому злодѣйству?.. Развѣ наши женщины перестали бы плакать, а мужчины трудиться, пока... Да развѣ?.. О, Боже!.. Развѣ...

Голосъ его прорвался, а самъ онъ откинулся на спинку стула въ страшномъ волненіи. Затѣмъ онъ овладѣлъ собою.

— Говорю вамъ,—продолжалъ онъ, и въ тонѣ его послышалось глубокое убѣжденіе,—говорю вамъ, что не одинъ или два а четыреста человѣкъ милыхъ дѣвушекъ и славныхъ юношей, *каждый день* приносятся въ этомъ городѣ въ жертву демону страсти и порока.

Голосъ его опять оборвался и крупныя слезы выступили на глаза. Онъ оглянулся на своихъ слушателей, но взоръ его упалъ на лица, не выражавшія никакого сочувствія.

Г-жа Крэнъ сидѣла прямо и гордо, и губы ея только что не шептали словъ: «Какъ неприлично!» Глаза г-жи Протеро взывали къ Фергусу. Послѣдній и супругъ г-жи Крэнъ предались удовлетворенію своего аппетита, и г. Боасъ напрасно посматривалъ то на того, то на другого. Вдругъ взглядъ его встрѣтилъ лицо, полное вниманія, и онъ убѣдился, что имѣетъ слушательницу.

Часъ назадъ «миссъ Трэль, сестра моя» не возбудила въ немъ никакого интереса. Онъ увидѣлъ не молодую, не изящно одѣтую женщину, робко отвѣтившую на его поклонъ, и забылъ о ней, какъ о безразличномъ членѣ вечерняго сборища. Теперь же глаза ея горѣли, щеки пылали, вся наружность дышала увлеченіемъ. Его мужественный энтузіазмъ овладѣлъ сердцемъ этой женщины и плодомъ должно было явиться благородное дѣло. Рѣчь его не пропала даромъ.

Когда, впослѣдствіи, мужчины пришли къ дамамъ въ гостиную, онъ тотчасъ подошелъ къ Джоаннѣ.

— Вы интересуетесь положеніемъ бѣдныхъ?—спросилъ онъ, садясь рядомъ съ нею.

— Нѣтъ... да...—пролепетала миссъ Трэль, нервно переплетая руки. — Т. е. я... не знаю. Я никогда не думала объ этомъ.

— Но, безъ сомнѣнія, оно интересно? За обѣдомъ мнѣ показалось, будто вы сочувствуете намъ.

— Нисколько. Т. е., знаете, я не могу. Мнѣ было бы невозможно... Мои сестры ни за что... О!..

Джоанна вдругъ совсѣмъ умолкла, охваченная мучительнымъ смущеніемъ. Г. Боаса раздражила ея нервность и онъ съ нетерпѣніемъ оглянулся, желая ускользнуть.

Какъ разъ явились въ комнату дѣти г-жи Протеро и ихъ нянька. Лицо его прояснилось, и какая то странная сила немедленно привлекла къ нему дѣтей. Онъ привелъ ихъ въ совершенный восторгъ. Черезъ пять минутъ Вилли сидѣлъ у него на одномъ колѣнѣ, а Сисси на другомъ, точно они знали его всю жизнь.

Г-жа Протеро сіяла, глядя издали на это тріо. Но г-жа

Крэнъ посмотрѣла на него далеко неблагосклонно, когда, минуту спустя, г. Боасъ очутился на четвереньках и поскакалъ вокругъ гостиной съ дѣтьми на спинѣ.

— Слава Богу, что мы въ своей семьѣ! — подумала г-жа Крэнъ.

— Тетя Джоанна, тетя Джоанна, возьми Сисси за ручку, Сисси ѣдетъ на слонѣ! Тетя, возьми Сисси за ручку! — воскликнула дѣвочка.

— Хорошо, если бы вы взяли ее за руку, миссъ Трэль. Она сидитъ нетвердо, — сказалъ «слонъ», приподнимая голову и поправляя спустившійся на глаза хохолъ.

Это было легче, чѣмъ разговаривать, и тетя Джоанна присоединилась къ веселому обществу, радость котораго вскорѣ стала раздѣлять и сама, такъ же искренно, какъ ея маленькіе племянникъ и племянница.

Когда эта игра имъ надоѣла, они усѣлись, причемъ Сисси съ удовольствіемъ помѣстилась на колѣняхъ г. Боаса, а Вилли усѣлся верхомъ на ручку теткинаго кресла.

Мало-по-малу отъ волшебницъ и карликовъ бесѣда перешла къ обитателямъ Истъ-Энда, и когда дѣтей противъ воли увели спать, то старшіе были совершенно увлечены тѣмъ самымъ разговоромъ, который незадолго до того такъ смутилъ миссъ Трэль. Теперь ей легко стало высказываться, и она сообщила своему собесѣднику, что съ радостью посвятила бы жизнь свою тому дѣлу, о которомъ онъ говорилъ, если бы ее не удерживало сознаніе ея новыхъ обязанностей.

Онъ почтительно слушалъ ее, а затѣмъ нѣсколькими вопросами выяснилъ себѣ природу этой женщины.

— Такой трудъ не по васъ, — сказалъ онъ, — сначала научитесь помогать отдѣльнымъ лицамъ, а потомъ ужъ начнете служить человѣчеству въ массѣ. Я знаю одну дѣвушку, которой вы можете быть очень полезны. Желаете ею заняться?

— Съ радостью, — отвѣтила Джоанна, и глаза ея загорѣлись.

Онъ посмотрѣлъ на нее испытующе, но она не смутилась.

— Да благословитъ васъ Богъ! — произнесъ онъ съ увлеченіемъ. — Приходите ко мнѣ въ контору, въ Вестминстеръ, на улицу св. Георгія, № 552, завтра, въ одиннадцать часовъ. Добрый вечеръ!

Онъ крѣпко пожалъ ей руку, а когда она оправилась съ смятенія, въ которое привели ее эти слова, то его уже не бы[illegible].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Миссъ Трэль находитъ оправданіе своему существованію.

Джоанна плохо спала ночь и встала въ нерѣшимости и страхѣ. Свобода оказалась для нея тяжелѣе оковъ, и задуманный ею самостоятельный поступокъ приводилъ ее въ настоящій ужасъ. Одѣваясь, она дрожала.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она себя помнила, она во всемъ подчинялась волѣ командовавшихъ ею сестеръ и не могла бы указать ни на одинъ важный шагъ, сдѣланный ею безъ ихъ одобренія. Кромѣ того, значительность предстоявшаго пугала ее. Она никогда не бывала въ городѣ одна. Ея экскурсіи изъ Кенсингтонскаго дома всегда предпринимались вмѣстѣ съ сестрами и имѣли цѣлью лишь выборъ платья или шляпки.

Теперь она не только пускалась безъ покровителя въ такія опасныя мѣста, каковъ кварталъ Викторіи, но еще должна была проникнуть въ таинственную дѣловую контору, и все это—безъ согласія и въ отсутствіи хранительницъ ея особы.

Такія соображенія могли взволновать и личность, менѣе привыкшую къ замкнутой жизни, чѣмъ она. Она одѣлась не безъ тревоги и явилась въ столовую съ такимъ виноватымъ и молящимъ о прощеніи лицомъ, что непремѣнно выдала бы себя г-жѣ Протеро, если бы эта дама не была поглощена собственнымъ горемъ: Фергусъ выпилъ всего одну чашку кофе, и она мучилась всевозможными предположеніями по этому поводу.

Жалкій видъ сестры вызвалъ у нея лишь слѣдующее замѣчаніе:—Джоанна, у тебя какъ будто болитъ голова.

— Тетя Джоанна такая смѣшная, точно киска, когда стащила что нибудь, — сказалъ Вилли, болѣе наблюдательный, чѣмъ мать.

Джоанна сѣла, неловко опуская свои сѣрые глаза подъ взглядомъ ребенка. Она избѣгала взоровъ сестры, но движенія ея были такъ нервны, что вилки и ложки зазвенѣли при ея прикосновеніи. По своему старосвѣтскому обыкновенію, она прочла благодарственную молитву, причемъ заученныя слова звучали искренней благодарностью при мысли, что ей приходится имѣть дѣло съ г-жею Протеро, а не съ г-жею Крэнъ.

— Я бы не выдержала, будь на ея мѣстѣ Сара,—сказала она себѣ и дождалась ухода дѣтей, чтобы приступить къ тяготившей ее темѣ.

Разъ или два она откашлялась, но напрасно, и наконецъ-

то, наконецъ, г-жа Протеро на минуту отвлеклась отъ своихъ супружескихъ тревогъ ради сестры.

— Ты какъ будто охрипла. Не простудилась ли ты?

— Нѣтъ,—сказала Джоанна,—надѣюсь, что нѣтъ, потому что у меня назначено дѣловое свиданіе нынче утромъ. Я иду къ г. Боасу.

— Къ г. Боасу!—Г-жа Протеро окаменѣла, поднявъ кверху свою ложку въ видѣ восклицательнаго знака.

— Да, въ его вестминстерскую контору,—сказала Джоанна тономъ извиненія.

— Ну!—воскликнула г-жа Протеро послѣ краснорѣчивой паузы.

— Онъ хочетъ, чтобы я потрудилась съ нимъ для бѣдныхъ.

— И это все?—Лицо г-жи Протеро вытянулось, а потомъ опять просіяло. — Значитъ, ты будешь работать вмѣстѣ съ нимъ? Въ самомъ дѣлѣ, Джоанна, я не ожидала отъ тебя такого умнаго рѣшенія. То есть, — поправилась она, — мы съ Сарою вполнѣ сошлись въ томъ, что роль филантропки самая для тебя подходящая.

— Я иду не ради филантропіи, а чтобы помочь тѣмъ, кому дѣйствительно нужна помощь, понимаешь?

— Ну, это иногда одно и то же; развѣ не такъ?

— Значитъ, ты ничего не имѣешь противъ, Рахиль?

— Противъ? Нѣтъ, нисколько. — Г-жа Протеро засмѣялась. — Я вполнѣ тебя одобряю. Ты хочешь просить меня пойти съ тобою?

— Н... нѣтъ, благодарю тебя, Рахиль. Я думаю, что справлюсь и одна.

Г-жа Протеро опять засмѣялась и игриво погрозила сестрѣ.

— Ахъ, Джоанна, мы еще увидимъ тебя свѣтской дамой! Что то скажетъ Фергусъ, когда узнаетъ.

Миссъ Трэль была не менѣе смущена такимъ отношеніемъ къ ея плану, чѣмъ прямымъ противорѣчіемъ. Но отсутствіе возраженій сохранило въ ней силы для предстоявшаго свиданія, и она отправилась въ городъ, волнуясь пріятнымъ ожиданіемъ. Къ собственному изумленію, она благополучно взяла билетъ, а потомъ кликнула извощика и, съ новымъ чувствомъ уваженія къ собственной особѣ, поѣхала одна по улицамъ Лондона.

Она очутилась въ конторѣ г-на Боаса прежде, чѣмъ успѣла разнервничаться, и хотя колѣни ея дрожали, когда она поднималась по лѣстницѣ, однако, волненіе переселило въ нѣй всякую робость. Она пріостановилась передъ дверью, на которой значилось: «Боасъ и компанія», затѣмъ постучалась, повернула ручку и вошла.

Два молодыхъ человѣка, стоя за высокими конторками,

посмотрѣли на нее, когда она вошла; затѣмъ одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и спросилъ ее, что ей угодно.

— Мнѣ нужно видѣть г-на Боаса,—сказала она.

Онъ съ видомъ полнаго пониманія улыбнулся товарищу, потомъ подробно осмотрѣлъ внѣшность Джоанны и покровительственно сказалъ:—Г-нъ Боасъ теперь отсутствуетъ.

— Я думаю, что вы ошиблись,—отвѣтила Джоанна съ достоинствомъ.—Будьте такъ добры, справьтесь.

Онъ не спѣша вышелъ изъ-за конторки и прошелъ въ сосѣднюю комнату, изъ которой показался вновь въ сопровожденіи молодой женщины, нахально уставившей глаза на Джоанну.

— Все изъ тѣхъ же,—довольно громко сказала она юношѣ; а затѣмъ весьма непринужденно обратилась къ Джоаннѣ:

— Вы должны заранѣе условиться о свиданіи, чтобы видѣть г-на Боаса.

— Г-нъ Боасъ ожидаетъ меня,—сказала Джоанна. По лицу молодой женщины было ясно, что она не повѣрила; однако, она повернулась и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ явился еще конторщикъ, изящный господинъ съ головою древняго грека.

— Вамъ назначилъ придти г. Боасъ?—любезно освѣдомился онъ.

— Да, въ одиннадцать. А теперь пять минутъ двѣнадцатаго,—сказала Джоанна, показывая свои часы, золотые и красивые, вслѣдствіе чего въ голосѣ ея собесѣдника послышалось болѣе уваженія.

— Прошу васъ пожаловать сюда. Г. Боасъ сейчасъ занятъ, но скоро приметъ васъ.

Онъ ввелъ ее въ пріемную, и Джоанна почувствовала облегченіе, когда осталась одна.

Она съ любопытствомъ осмотрѣла всю комнату: обитые кожей стулья, кучу газетъ и циркуляровъ на этажеркѣ и столѣ, шляпу и пальто, брошенныя на кушетку, въ углу.

Шумъ большого города почти не нарушалъ тишины; онъ доходилъ до ея слуха лишь въ видѣ едва замѣтнаго рокота. Вдругъ молчаніе было прервано голосами: низкимъ мужскимъ басомъ и страстнымъ женскимъ сопрано.

— О, г. Боасъ! вы—мой единственный другъ. Вы заставляете меня хотѣть стать хорошей. Ни отъ кого я не видала и мощи, кромѣ васъ. О! вы не знаете, какъ я люблю и обожаю васъ за вашу доброту.

— Милое дитя, не будьте такой глупенькой. Встаньте съ колѣнъ. Господи, неужели возможно видѣть, что женщина гибнетъ и не протянуть руки для ея спасенія. Довольно, довольно! Какъ вы легко волнуетесь! Теперь идите. Я позову васъ, когда дѣло уладится.

Дверь рѣзко хлопнула и, прежде нежели Джоанна успѣла скандализироваться слышаннымъ, за нею раздались шаги, а когда она обернулась, то увидѣла Боаса.

Онъ, какъ бы между прочимъ, подалъ ей руку.

— Жалко, что вамъ пришлось ждать... Бѣдная дѣвочка впала въ истерику. Сюда... Я проведу васъ въ мое святилище.

Онъ проводилъ ее въ комнату поменьше, гдѣ стѣны заставлены были книгами. Надъ каминомъ висѣла копія «Благовѣщенія» Россетти, обычный предметъ вниманія всякаго входившаго. Посреди стола, заваленнаго бумагами, стоялъ большой букетъ чайныхъ розъ.

— Садитесь,—сказалъ г. Боасъ.—Вы желаете дѣлать дѣло? Что же именно? Взять на себя заботу о моей истеричной дѣвочкѣ?

— Которая только что была у васъ?—спросила Джоанна, не скрывая неодобренія, вызваннаго въ ней словами дѣвушки. Боасъ внимательно взглянулъ на нее.

— А, вы слышали? Бѣдняжка такъ же первобытна въ выраженіи своей благодарности, какъ и во всемъ прочемъ. Она только что высказывала мнѣ свою безграничную преданность. Будь на моемъ мѣстѣ другой, это могло бы стать для нея опаснымъ.

Въ молчаніи Джоанны почувствовался оттѣнокъ высокомѣрія. Она была слишкомъ возвышенно настроена и не ожидала именно этого. Г. Боасъ оказался болѣе человѣкомъ, нежели она предполагала, и послѣдствіемъ явилось легкое разочарованіе.

— Я не могу взяться за такое дѣло, котораго не одобрили бы мои сестры,—сказала она.—Я не хочу огорчать ихъ.

Боасъ пристально посмотрѣлъ на нее съ минуту.

— Милая барышня, вы не можете жертвовать вашими стремленіями и свободою ради удовольствія вашихъ сестеръ. У васъ свои потребности, своя сфера. Исполните сначала вашъ долгъ въ отношеніи себя самой.

— Я знаю,—отвѣтила Джоанна,—но...

— Вопросъ въ слѣдующемъ: станете ли вы руководиться высшимъ стремленіемъ къ тому, что считаете цѣлью вашей жизни, или сдѣлаете цѣлью вашей жизни исполненіе желаній вашихъ сестеръ?

— Я всегда предоставляю имъ рѣшать за меня и...

— Прекрасно; но если вы не можете сразу возвыситься до осуществленія вашихъ стремленій, то вы, по крайней мѣрѣ, можете бороться съ вашей склонностью вѣчно покоряться. Вотъ дѣло передъ вами. Смотрите и дѣлайте его такъ, какъ я ожидаю. Эта дѣвочка шестнадцати лѣтъ попала въ [illegible] Я нашелъ ее тамъ полумертвою. Что же предпринять

ей теперь, если предоставить ее самой себѣ? Безъ отца, безъ матери—развѣ Богъ поможетъ ей! Тутъ нуженъ другъ, христіанинъ, чтобы спасти ее отъ того, что хуже смерти. Хотите вы помочь ей?

— Хочу,—отвѣтила Джоанна со слезами на глазахъ.

— Благослови васъ Богъ!

Онъ всталъ и позвонилъ.

— Позовите ту дѣвушку,—сказалъ онъ, когда вошелъ молодой человѣкъ съ греческимъ лицомъ. Дверь опять отворилась и на этотъ разъ Боасъ всталъ, чтобы поставить стулъ рядомъ со своимъ.

— Пожалуйте, садитесь, — сказалъ онъ дѣвушкѣ, которая робко прижалась къ притолокѣ. Затѣмъ, обратившись къ Джоаннѣ, онъ прибавилъ:

— Миссъ Трэль, это — Христина Доу. Подойдите сюда. Сядьте,—сказалъ онъ дѣвушкѣ. Джоанна робко взглянула на дѣвушку, и Боасъ, слѣдившій за выраженіемъ ея лица, убѣдился, что ему бояться нечего: этотъ взглядъ расположилъ Джоанну въ пользу его protégée. Онъ слегка подивился быстротѣ побѣды, потому что, хотя Христина и была ему симпатична, однако онъ вовсе не считалъ ее привлекательной. Теперь онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

Она была очень миніатюрна и глядѣла совсѣмъ дѣвочкой. Хорошенькія пухленькія губки и нѣжныя, румяныя съ ямочками щеки дѣлали ее похожей на маленькаго ребенка. Свѣтлые волосы были тщательно завиты надъ изящнымъ лбомъ, а глаза смотрѣли робко, довѣрчиво и трагически отъ недавнихъ слезъ. Черты этого дѣтскаго лица были тонки и нѣжны; зато платье и шляпа оскорбляли всѣ правила изящнаго вкуса.

Она быстро и застѣнчиво взглянула на миссъ Трэль, а затѣмъ опустила глаза и продолжала стоять до тѣхъ поръ, пока г. Боасъ не повторилъ, чтобы она сѣла. Тогда она вспыхнула, радостно на него взглянула и сѣла, въ нѣмомъ ожиданіи вопросовъ.

— Я хочу быть вашимъ другомъ, Христина,—дрожащимъ голосомъ произнесла Джоанна, — но сначала разскажите мнѣ свою жизнь.

— Тутъ нечего разсказывать,—отвѣтила дѣвушка, внезапно надувшись.—Отецъ былъ школьнымъ учителемъ, жилъ впроголодь и умеръ. Одна женщина взяла меня къ себѣ. Она тоже умерла. Я стала работать на спичечной фабрикѣ, но на житье не хватало, и я захворала. Тогда одна дѣвушка, Нелла, взяла меня къ себѣ въ домъ, и тамъ ходили за мною и были добры. Ѣсть давали много и пообѣщали хорошихъ платьевъ, когда поправлюсь. Хозяйкѣ я задолжала и не знала, какъ распла-

титься. А Неллѣ было хорошо, да и дѣло казалось не труднымъ. Ну вотъ, разъ вечеромъ...

Она остановилась, поблѣднѣла и опустила голову. Потомъ съ недовѣріемъ взглянула исподлобья и смахнула слезы съ рѣсницъ.

— А потомъ я убила бы себя, если бы меня не отыскалъ г. Боасъ,—прибавила она.

— Бѣдное, бѣдное дитя,—сказала Джоанна, плача. — Но теперь ты желаешь жить хорошо? Ты постараешься стать хорошей женщиной?

Христина закрыла лицо руками и начала рыдать и стонать.

— Мнѣ всегда не везло, всегда не везло! Я не виновата. Некому было сказать мнѣ. Я не знала. Богатые совсѣмъ не то, что бѣдные. Куда ужъ имъ судить насъ!—Она провела рукою по глазамъ и взволнованно устремила ихъ на Джоанну.

— Бѣдная моя дѣвочка, теперь для тебя откроется возможность лучшаго,—сказала миссъ Трэль.—Я тебѣ другъ.

— Мнѣ не нужно друзей, — сказала Христина, — кромѣ только него,—и указала пальцемъ на Боаса.—Онъ былъ добръ ко мнѣ. Мнѣ нужно денегъ, много ѣды и платьевъ. Вотъ я чего хочу!

— Ты—маленькая язычница,—сказалъ Боасъ, взявши листъ бумаги и начавши писать, пока она говорила.

— У тебя будетъ все это, милая: приличное платье и пища,—сказала Джоанна.—И сверхъ того, пріютъ, гдѣ ты сможешь стать порядочной женщиной.

— Не хочу!—Она топнула ногою и глаза ея загорѣлись гнѣвомъ. — Знаю я эти пріюты. Тамъ изведешься отъ благочестія. Порядочные люди не такъ добры, какъ дурные. Не пойду туда. Я не хочу дѣлаться порядочной женщиной,—по крайней мѣрѣ такой.

— Но потомъ я возьму тебя къ себѣ, и ты будешь моею маленькой прислужницей,—ободрительно сказала Джоанна.

Дѣвочка быстро взглянула на даму; лукавая насмѣшка засвѣтилась въ ея глазахъ и мелкнула въ выраженіи рта. Чтобы скрыть ее, она опустила голову и, перебирая бахрому платка, сказала нерѣшительно:

— Вы живете въ Вестъ-Эндѣ?

— Нѣтъ, въ Суттонѣ, что въ Сурреѣ, въ большомъ старомъ домѣ, совершенно отдѣльномъ. Прекрасное, тихое мѣсто. Тамъ никто и не бываетъ.

— А ваши гости?

— Ко мнѣ гостей не ходитъ, милая. Ты не бойся. Если будешь жить у меня, то никого не увидишь, и тебя не увидитъ никто. Тебѣ возможно будетъ забыть прошлое и стать хорошей женщиной, несмотря... несмотря на твою печальную юность

Послѣднія слова миссъ Трэль произнесла со смущеніемъ.

— И вы не отправите меня въ пріютъ?

Джоанна взглянула на Боаса и, полагая, что поняла его намѣренія, отвѣчала:

— Отправлю, но не надолго. А потомъ возьму къ себѣ.

Дѣвочка наклонила голову вбокъ и стала обсуждать положеніе. Моральныхъ мотивовъ для нея не существовало, такъ какъ она плохо отличала добро отъ зла. Ея страстный протестъ противъ дурной жизни былъ вызванъ столько же ея тягостью, сколько сознаніемъ грѣха. Это былъ честолюбивый и склонный къ наслажденіямъ ребенокъ; только инстинктивное стремленіе къ добру и сильная любовь къ чистоплотности удержали ее отъ крайнихъ степеней паденія.

Перспектива стать служанкою миссъ Трэль въ скучномъ деревенскомъ домѣ была вовсе не привлекательна и не согласовалась съ мечтами о будущемъ, возникшими на основаніи словъ г. Боаса. Она молча и быстро взвѣсила всѣ шансы на улучшеніе предложеннаго ей положенія.

Ея зоркіе глаза подмѣтили впечатлѣніе, произведенное ею на Джоанну; она снова пристально посмотрѣла на нее.

Блѣдное, непритязательное лицо ничего не обѣщало, и она ничего не прочла на немъ.

Спокойствіе Джоанны показалось ей непреклонностью. Рискованно было вступить въ борьбу съ этою молчаливою силою. Однако, она не рѣшилась оскорбить г. Боаса отказомъ идти по тому пути, которымъ онъ хотѣлъ ее вывести изъ бездны позора.

Она разразилась слезами и жалкими рыданіями.

— Я не хочу въ пріютъ! Не хочу! Я—не то, что грязныя дѣвки въ кварталѣ Семи Часовъ. Мнѣ всегда говорили, что я—барышня. Мнѣ не нужно благочестія; и если вы пошлете меня туда, то не нужно и вашей помощи.

Г. Боасъ поднялъ глаза съ бумаги:

— Милое дитя, вы поступаете и говорите очень глупо.

Джоанна встала съ видомъ утомленія. Она чувствовала, что ей не по силамъ задача управлять этой дикой, необузданной натурой. Отвѣтственность, которую она взяла бы на себя, согласившись руководить Христиною, пугала ее, а бурная страстность выходокъ дѣвочки сбивала ее съ толку.

Однако, ей горько было оставить Христину, не сдѣлавъ никакого усилія, чтобы направить ее къ добру.

— Если бы я задалась подобною цѣлью, если бы могла быть ей полезною, это послужило бы оправданіемъ тому, что я живу на свѣтѣ,—подумала она, а вслухъ произнесла дрожащими губами:

— Я напрасно васъ потревожила, г. Боасъ. Вы видите,

что Христинѣ не нужна та помощь, какую я могу предложить ей. Мнѣ очень жаль.

Боасъ всталъ со стула, сверкая глазами изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Вы не виноваты. Я жалѣю, что пригласилъ васъ сюда. Я не ожидалъ, чтобы дѣвочка стала вести себя такъ: я думалъ, что она хочетъ стать хорошей, а теперь вижу, что ошибся. Она обманула меня... Что жъ! Намъ больше нечего для нея дѣлать. Очень жаль.

— Очень, очень жаль, — сказала Джоанна со слезами въ голосѣ.—Я бы ничего для нея не пожалѣла... Прощай, Христина.

Она протянула руку дѣвушкѣ, которая сконфузилась отъ словъ Боаса и не взяла руки. Джоанна грустно поглядѣла на нее.

— О, милая, милая!—сказала она порывисто.—Я полюбила бы тебя, если бы ты того захотѣла. Я была бы тебѣ вмѣсто матери.

Она повернулась и пошла къ двери, но Христина въ одинъ прыжокъ догнала ее и схватила ея руку, которую стала покрывать слезами и поцѣлуями.

— Не уходите, не уходите!—повторяла она, рыдая.—Вы—хорошая, какъ и онъ; вы добрая. Вы научите меня быть хорошею. Я не хочу, чтобы онъ ошибся во мнѣ. Я хочу стать хорошей. Я не пойду въ пріютъ, но поѣду съ вами въ тотъ ужасный, скучный старый домъ, если онъ пообѣщаетъ навѣщать меня иногда. Я не хочу, чтобы онъ ошибся во мнѣ.

Джоанна въ нерѣшимости остановилась и взглянула на Боаса, но онъ сдѣлалъ ей знакъ уйти.

— Безъ истерикъ, Христина! — сказалъ онъ сурово. — Вы отказались отъ исхода, который представлялся вамъ.

Онъ отворилъ дверь Джоаннѣ и, провожая ее по сосѣдней комнатѣ, прошепталъ:

— Она больше будетъ дорожить тѣмъ, чего добьется не легко.

— Отдайте ее мнѣ!—сказала Джоанна, въ волненіи сжимая руки.—Она совершенно права. Въ пріютѣ для падшихъ женщинъ ей не мѣсто. Пусть живетъ со мною. У меня нѣтъ никого, никакой цѣли въ жизни. Она придастъ смыслъ моему существованію.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Боасъ съ притворною беззаботностью. Пусть идетъ. Будь она честная, она сдѣлала бы все, что убѣжать отъ соблазна. Ей былъ предложенъ исходъ, а теперь Богъ съ нею. Она — гадкая дѣвочка, и не думаю, чтобы можно было исправить.

Джоанна выпрямилась, и ея сѣрые глаза засверкали.

— Вы не можете помѣшать мнѣ въ томъ дѣлѣ, къ которому я чувствую призваніе — спокойно сказала она. — Богъ послалъ мнѣ эту дѣвочку, чтобы, любя ее, я научилась жить. Я возьму ее и безъ вашего согласія.

Боасъ круто повернулся и взялъ ее за руку, причемъ улыбка удовольствія освѣтила все его лицо.

— Вы быстро воспринимаете добрые совѣты, миссъ Трэль: прежде всего—вѣрность самой себѣ. Я не боюсь ни за васъ, ни за Христину; но ей еще не слѣдуетъ переѣзжать къ вамъ. Дайте мнѣ все устроить. Вы получите отъ меня извѣщеніе.

Онъ затворилъ дверь, и Джоанна осталась одна со своими мечтами.

Вернувшись въ Крэйдонъ, она застала у г-жи Протеро г-жу Крэнъ. Послѣдняя съ любопытствомъ посмотрѣла на сестру. Въ первый разъ въ жизни Джоанна внушала ей уваженіе тою кажущеюся ловкостью, съ какой она съумѣла поддержать интересъ, который возбудила въ Боасѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изящный вкусъ.

Г-жа Крэнъ рѣшила, что не позволитъ младшей сестрѣ перещеголять себя въ любезности къ Джоаннѣ. Когда послѣдняя собралась отъ г-жи Протеро домой, она пріѣхала изъ Каршантона нарочно, чтобы отвезти ее въ Хатчъ.

Г-жа Протеро также назвалась въ провожатые, и вышло, что Джоаннѣ пришлось сидѣть спиною къ лошадямъ. Впрочемъ, она къ этому привыкла, потому что такъ бывало каждый разъ, какъ она оказывалась третьею въ коляскѣ г-жи Крэнъ. Когда же она выѣзжала съ г-жею Протеро, то послѣдняя настойчиво усаживала ее поудобнѣе.

Всѣ трое сдерживали свое волненіе. Замужнихъ сестеръ тяготила тайна, Джоанна же еще переживала впечатлѣнія свиданія съ г. Боасомъ. Отнынѣ она глядѣла на міръ другими глазами, мысленно относя все къ Христинѣ. Она представляла себѣ, какъ дома ее встрѣтитъ ея дѣвочка, какъ засверкаютъ глазки, когда она начнетъ разсказывать ей о томъ, что видѣла и слышала. Она воображала себѣ, какъ та быстро и безмолвно сниметъ съ нея верхнее платье и станетъ порхать по комнатѣ, заваривая чай и оказывая сотню мелкихъ услугъ, которыми Джоанна никогда не рѣшалась обратиться къ

своей молчаливой служанкѣ. Первая потребность женщины, это — чтобъ было съ кѣмъ болтать.

Джоанна начинала понимать, что присутствіе Христины заполнитъ пробѣлъ въ ея существованіи, и съ нетерпѣніемъ ждала того времени, когда г. Боасъ позволитъ взять дѣвочку.

Преодолѣвъ первый ужасъ и отвращеніе, Джоанна рѣшила забыть исторію Христины. Прошедшее дѣвушки слѣдовало отбросить, какъ отсѣченный членъ, и рубецъ, который могъ остаться послѣ этой операціи, должно было скрывать. Исторія ея должна была остаться тайною. Ей слѣдовало вступить въ новую жизнь безъ этихъ тяжелыхъ оковъ. Пусть передъ нею откроются свѣтлыя перспективы незапятнанной жизни, а мрачное прошлое пусть изгладится, какъ будто его и не было.

Такъ разсуждала Джоанна, не принимая во вниманіе того суроваго закона, въ силу котораго прошедшее управляетъ настоящимъ и будущимъ, становится неизбѣжнымъ рокомъ, цѣпью, которая сковываетъ нерожденное еще дитя съ прегрѣшеніями отца. Но мрачной тѣни этого неумолимаго закона совсѣмъ не видно было на ея лицѣ во время переѣзда. Оптимизмъ довольнаго человѣка всецѣло овладѣлъ ею.

— Какъ ты интересна, Джоанна! У тебя появился румянецъ,—сказала г-жа Протеро послѣ продолжительнаго осмотра сестры.

Г-жа Крэнъ подняла къ глазамъ лорнетъ съ длинной ручкой.

— Никогда не видала тебя такой авантажной,—протянула она. — Право, лицо твое положительно оживилось.

Джоанна покраснѣла, но промолчала. Она еще не рѣшалась заговорить съ сестрами о Христинѣ, зная, что встрѣтитъ противодѣйствіе, и предпочитала начать борьбу съ поддержкою г. Боаса.

— Положительно оживилось,—продолжала г-жа Крэнъ. — Это доказываетъ, что тебѣ полезно встряхнуться. Въ Хатчѣ слишкомъ тихо и скучно. Кстати, Чарли говорилъ, что съ этимъ домомъ связана исторія о какомъ то привидѣніи; это очень обыкновенно въ такихъ усадьбахъ. Я не интересуюсь суевѣріями и призраками. Да и какіе призраки могутъ являться туда, гдѣ красиво, свѣтло... и оживлено?! Тебѣ необходимо общество.

— Да, — живо отвѣтила Джоанна. — Я сама такъ думаю. Прислуга черезъ-чуръ стара и неподвижна. Мнѣ пріятно бы имѣть въ домѣ существо молодое и веселое.

— Вилли и Сисси будутъ часто гостить у тебя,—сказала г-жа Протеро, обдавая ее лучами благосклонныхъ взоровъ.

— Вилли и Сисси не составляютъ всего міра,—рѣзко отвѣтила г-жа Крэнъ.—Джоаннѣ нужна компаньонка.

— Да, кого-нибудь постарше, чтобы быть при мнѣ по-

стоянно; не ребенка, а молодую дѣвушку,—прошептала Джоанна, чувствуя, что выдаетъ свою тайну.

— Молодую дѣвушку? да хоть двадцать! — И грудь г-жи Крэнъ приподнялась отъ прилива великодушныхъ чувствъ.

— Нужно, чтобы въ Хатчѣ бывали гости, способные оцѣнить твою новую обстановку.

— Я рѣшила не покупать ничего новаго, — мечтательно сказала Джоанна.

Ея сестры обмѣнялись взглядами.

— Вздоръ,—съ живостью отвѣтила г-жа Крэнъ,—мы этого не допустимъ. Одинъ этотъ старый хламъ на конскомъ волосѣ можетъ обречь любую женщину на безбрачіе, хотя бы и не было легенды. Тебѣ нельзя довольствоваться дядиною меблировкою, Джоанна. Счастье, что мы можемъ сдѣлать за тебя все нужное. У тебя нѣтъ ни идей, ни воображенія, ни честолюбія.

Джоанна покорно промолчала. Когда же, наконецъ, она отважится взять бразды правленія въ собственныя руки? Но она чувствовала себя слишкомъ счастливой, чтобы опечалиться надолго.

Обративши взоръ на поля, мимо которыхъ ѣхали, она съ наслажденіемъ смотрѣла, какъ изящно вырѣзывались стебли и листья на фонѣ неба и какъ синева его подергивалась туманной дымкой лѣтнихъ облаковъ.

Изгороди покрыты были мечтательными розами, а полевые цвѣты придавали идеальную прелесть каждому рву, каждому краю дороги. Все было зелено, свѣжо, полно красы недавняго расцвѣта; весенняя нѣжность еще не вполнѣ перешла въ зрѣлость юнаго лѣта. Обвитые плющемъ коньки крыши Хатча выглянули изъ-за деревьевъ слѣва, и сердце Джоанны забилось при видѣ ихъ. Это было ея первое возвращеніе домой послѣ того, какъ усадьба перешла въ ея руки.

Пока онѣ сворачивали съ дороги и въѣзжали въ ворота, гдѣ какая-то женщина привѣтствовала ее поклономъ, Джоанна, такъ сказать, почувствовала, что это имѣніе — ея. Вторично въ ней вспыхнуло стремленіе жить независимо отъ сестеръ. Она сознала себя чѣмъ-то отъ нихъ отдѣльнымъ, и сознаніе это стало рѣзче, когда слуги въ прихожей встрѣтили ее болѣе почтительно, нежели ея спутницъ.

Она застѣнчиво отвѣтила на ихъ поклоны, полу-извиняясь передъ г-жами Крэнъ и Протеро за такое преимущество передъ ними, и пошла впередъ, въ гостиную, а сестры послѣдовали за нею съ какимъ-то таинственнымъ и выжидающимъ видомъ. На порогѣ Джоанна остановилась и устремила передъ собою полный ужаса, неподвижный взоръ.

Потертая, полутемная гостиная, къ которой привыкла Джо-

анна, сіяла свѣтомъ и яркими красками; лучи солнца лились потоками изъ-подъ пышныхъ розовыхъ шелковыхъ гардинъ. Плющъ былъ срѣзанъ вокругъ оконъ, которыя стали похожи на лишенные бровей глаза, и необычный свѣтъ выставлялъ на видъ превращеніе, которому подверглась комната. Ея некрасивая уютность уступила мѣсто неуютному безобразію.

Прежде всего бросался въ глаза Акстминстерскій коверъ, рѣзкіе цвѣта котораго гармонировали съ покрышками стола и дивана. Полдюжины стульевъ въ стилѣ Людовика XIV, съ золочеными ножками и сидѣньями, обтянутыми малиновой парчей, соперничали въ великолѣпіи съ обитыми плюшемъ креслами. Маленькіе круглые столики, чередуясь съ квадратными, составляли, повидимому, потомство двухъ большихъ столовъ, красовавшихся на первомъ планѣ. Пучекъ павлиньихъ перьевъ торчалъ изъ голубой фарфоровой вазы, а на каминѣ, по обѣ стороны бронзовыхъ часовъ подъ стеклянымъ колпакомъ, красовались неизбѣжныя въ пригородныхъ домахъ луговыя травы.

Около двери японская ширмочка дополняла роскошь индійской портьеры.

Дубовыя панели были покрыты синей съ золотомъ инкрустаціей для соотвѣтствія съ атласистыми синими обоями, испещренными золотыми кружками. На этомъ фонѣ выдѣлялись самыя рѣзкія картины импрессіонистской школы, замѣнивъ собою старыя гравюры, которыми восхищалась Джоанна и стала бы восхищаться г-жа Крэнъ, если бы знала имъ цѣну. Словомъ, все убранство комнаты производило впечатлѣніе чего то рѣзкаго, крикливаго.

Джоанна при первомъ взглядѣ разинула ротъ, а потомъ, блѣдная и растерянная, обернулась къ сестрамъ.

— Неправда ли, превосходно? — торжествующе спросила г-жа Крэнъ.

— Я и представить себѣ не могла такой прелести,—сказала г-жа Протеро, пухлое лицо которой расплывалось въ улыбки радости и восхищенія,—какая перемѣна! Коверъ выбиралъ Фергусъ. Джоанна, развѣ ты не довольна?

— Комната стала совсѣмъ другою, — сказала г-жа Крэнъ.— Никто и не подумалъ бы, что въ Хатчѣ есть такой будуаръ.

— Дѣйствительно, никто,—спокойно отвѣтила Джоанна.

Ея тонъ заставилъ обѣихъ сестеръ остановить на ней долгіе и удивленные взгляды.

— Джоанна, развѣ ты не рада?

Г-жа Крэнъ сбросила пенснэ и стала всматриваться въ сестру невооруженными глазами.

— Не слѣдовало дѣлать этого безъ моего согласія, — сказала Джоанна, глядя на нее храбро, хотя все лицо ея трепетало.

— Безъ твоего согласія? — засмѣялась г-жа Крэнъ. — Да кто же могъ думать, что оно нужно? Мы оказывали тебѣ услугу, хотѣли сдѣлать пріятный сюрпризъ.

— Это очень мило съ вашей стороны, Сара; но если вамъ хотѣлось сдѣлать мнѣ подарокъ, то развѣ...

— Подарокъ!..—взвизгнула г-жа Крэнъ.

— Это не подарокъ,—объяснила г-жа Протеро. — Вещи взяты у Шульбреда, и его счетъ лежитъ вотъ здѣсь, въ ящикѣ. Мы только хотѣли избавить тебя отъ хлопотъ.

— Вы очень добры, — повторила Джоанна съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ.

Она была блѣдна и страшно разсержена, такъ что кусала губы, чтобы не высказать сестрамъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя такъ и просились на языкъ.

— Ну, Джоанна!

Съ этимъ восклицаніемъ г-жа Крэнъ упала въ кресло и погрузилась въ оскорбленное молчаніе.

Выраженіе льющагося черезъ край добродушія вдругъ покинуло лицо г-жи Протеро, которое сдѣлалось неподвижнымъ и безучастнымъ. Она внезапно сѣла на одинъ изъ стульевъ въ стилѣ XVIII вѣка, и тонкія ножки погнулись подъ тяжестью ея особы.

Миссъ Трэль стояла передъ ними, точно преступница въ ожиданіи приговора, пока не заговорила г-жа Крэнъ:

— Надо признаться, что съ тобою трудно ладить, Джоанна. Цѣлую недѣлю мы не имѣли покоя, какъ каторжныя, ради твоего удовольствія, и вотъ какое намъ спасибо. Но такъ всегда бываетъ: благодарности въ мірѣ нѣтъ.

Она сжала губы съ видомъ покорности судьбѣ.

— А Фергусъ употребилъ цѣлое утро на выборъ ковра!— патетически воскликнула г-жа Протеро.—Ему хотѣлось подобрать именно эти цвѣта. Ужъ не знаю, что онъ скажетъ...

— Я знаю, вы желали мнѣ добра, — сказала Джоанна, стараясь не возвышать голоса. — Несомнѣнно, вы полагали, что избавляете меня отъ какой нибудь тягости; вы забыли только объ одномъ: что хозяйка въ Хатчѣ—я!

— Хозяйка въ Хатчѣ? — повторила г-жа Крэнъ, широко раскрывъ глаза.

Г-жа Протеро поднесла къ лицу платокъ.

— Да,—проговорила Джоанна, садясь, съ нѣсколько ненатуральнымъ, но произведшимъ достаточное впечатлѣніе достоинствомъ.—Да, я здѣсь хозяйка. Пожалуйста, впередъ не забывайте этого. У тебя есть свой домъ, Сара, а у тебя, Рахиль, есть свой. Я не оскорбляю васъ вмѣшательствомъ въ ваши хозяйственныя распоряженія; поэтому прошу и васъ относиться ко мнѣ точно такъ же. Вы преступили всѣ границы дозволен-

наго, когда подрѣзали весь мой плющъ и перемеблировали комнату у меня въ домѣ.

Послѣ этой рѣчи прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи; затѣмъ она продолжала:

— Считаю нужнымъ предупредить, что на будущее время я во многомъ стану обходиться безъ вашего руководства. Ваши вкусы далеко не сходятся съ моими. Напримѣръ, эта обстановка кажется мнѣ немного... нѣсколько... пошловатой...

— Пошловатой! — вскричала г-жа Крэнъ, совершенно выпрямляясь.—Пошловатой?! Да это — верхъ, самый верхъ высшаго изящества! Обои лучшіе изо всѣхъ, какіе только есть у Вильяма Мориса; коверъ—по гинеѣ за ярдъ. Ты мало понимаешь изящное, если считаешь ихъ вульгарными. Здѣсь все—послѣднее слово моды. Если бы ты чаще бывала въ модныхъ гостиныхъ, то признала бы свою за совершенство.

— Очень возможно,—сухо отвѣтила Джоанна.—Но ты видишь, какъ мнѣ мало извѣстны весть-эндскія гостиныя.

Г-жа Крэнъ снова откинулась на спинку стула и долго моргала, прежде чѣмъ оправилась отъ этой поразительной рѣчи. Произнесенныя Джоанной, слова эти были ни на что не похожи, невѣроятны.

— Намъ будетъ очень неловко, если ты отошлешь все это обратно,—нервно проговорила г-жа Протеро. — Ты, вѣдь, не сдѣлаешь этого, Джоанна?

— Я еще не рѣшила, какъ мнѣ быть,—сказала Джоанна.

Первою ея мыслью было избавиться отъ этой пестрой выставки синевы, позолоты и атласа и вернуть комнату къ своей любимой первобытности и простотѣ; но этотъ планъ разрушило внезапное воспоминаніе о Христинѣ. Дѣвочкѣ не хотѣлось жить въ «скучномъ старомъ домѣ». Пестрота могла понравиться ей и разсѣять тотъ мракъ, который былъ пріятенъ утомленной душѣ Джоанны. Поэтому ради Христины она вознамѣрилась примириться съ ненавистнымъ ей притязательнымъ безвкусіемъ. Но она всетаки сердилась на вмѣшательство сестеръ въ ея «хозяйство», и гнѣвъ далъ ей силу сообщить то, о чемъ до тѣхъ поръ она боялась упомянуть. Она слегка дрожала, отвѣчая г-жѣ Крэнъ, но теперь заговорила смѣло, съ такою опредѣленностью въ голосѣ, которая не допустила сестеръ до возраженій:

— Очень возможно, что я оставлю здѣсь эту обстановку, не потому, чтобы она мнѣ нравилась, и не ради того, что это вашъ выборъ, но ради дѣвушки, которую беру къ себѣ на житье. Молодость любитъ свѣтъ и яркія краски.

Она остановилась, чтобы передохнуть и дать время разразиться ожидаемой бурѣ восклицаній. Но гроза еще не разражалась, и она продолжала, причемъ волненіе дѣлало рѣчь и сбивчивою и невнятной..

— Я разсчитываю взять сюда молодую дѣвушку. Она сирота, одинока. Я надѣюсь стать ей вмѣсто матери. Она составитъ для меня развлеченіе и цѣль въ жизни.

— Пріемышъ?—взвизгнула г-жа Крэнъ, толкуя слышанное наиболѣе понятнымъ для себя образомъ. — Ты сдѣлаешь ее своею наслѣдницей, такъ какъ никогда не выйдешь замужъ. Это судьба всѣхъ женщинъ въ Хатчѣ—оставаться старыми дѣвами. И безъ нашего совѣта...

— Ты одобряешь мое намѣреніе?—отнеслась Джоанна къ г-жѣ Протеро, не обративши ни малѣйшаго вниманія на г-жу Крэнъ, которая встала, въ величественномъ негодованіи шумя юбками.

— Намъ здѣсь не мѣсто, Рахиль. Пойдемъ!

Г-жа Протеро жалобно взглянула и начала рыдать.

— О, Джоанна! Этого я никакъ отъ тебя не ожидала. Устранить Вилли и Сисси, свою плоть и кровь, ради чужой! И послѣ всего, что Фергусъ для тебя сдѣлалъ: познакомилъ тебя съ Боасомъ, и выбралъ коверъ, и... и... — Она закрыла лицо платкомъ и, съ трудомъ вставши, пошла за г-жею Крэнъ вонъ изъ комнаты.

Джоанна не стала ихъ удерживать. Въ то время, какъ онѣ уходили, совершенно новое чувство правоты пересиливало въ ней волненіе, досаду и настоятельное желаніе попросить у нихъ прощенія. Ея смѣлость пугала ее самое, пока яркость обстановки снова не бросилась ей въ глаза и опять не разожгла ея гнѣва. Рѣшимость ея стала тверже. Нѣтъ, она не уступитъ! «Вы не можете жертвовать вашими силами и свободою единственно ради удовольствія вашихъ сестеръ. У васъ должна быть своя сфера. Исполните сначала ваши обязанности по отношенію къ себѣ самой»,—такъ сказалъ Боасъ.

Эти слова закалили ее противъ собственной слабости, и съ напускными твердостью и спокойствіемъ она подошла къ окну, глядя вслѣдъ коляскѣ, исчезавшей на поворотѣ дороги.

Тутъ вдругъ ею овладѣлъ ужасный страхъ.

— Что, если всѣ комнаты въ домѣ подверглись превращенію?

Она пробѣжала изъ корридора въ залу, изъ мезонина въ подвалъ и, наконецъ, упала на стулъ въ пріемной въ изнеможеніи, обезсилѣвъ отъ чувства облегченія.

Все было въ порядкѣ. Мракъ, красное дерево и конскій волосъ господствовали и во всѣхъ прочихъ комнатахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи.

II. Рабочее время.

Англійское фабричное законодательство, какъ извѣстно, регулируетъ только продолжительность работы женщинъ, подростковъ и дѣтей и вовсе не касается работы мужчинъ. Несмотря на это, въ волокнистыхъ производствахъ законодательныя постановленія, ограничивающія рабочіе часы женщинъ и дѣтей, вызвали въ великомъ большинствѣ случаевъ соотвѣтственное сокращеніе работъ мужчинъ. Это объясняется тѣмъ, что въ волокнистыхъ производствахъ работа мужчинъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ работою женщинъ и дѣтей. Эту связь хорошо понимали англійскіе рабочіе—бумагопрядильщики, когда они съ такимъ воодушевленіемъ боролись въ 40-хъ годахъ за десятичасовой билль для женщинъ: они были увѣрены, что благодѣянія этого закона неминуемо косвеннымъ образомъ распространятся и на мужчинъ. И они не ошиблись въ своемъ разсчетѣ: въ настоящее время болѣе продолжительная работа мужчинъ встрѣчается какъ обычное явленіе только у немногихъ, сравнительно второстепенныхъ по своей численности разрядовъ рабочихъ, трудъ которыхъ не связанъ съ трудомъ женщинъ и дѣтей.

По англійскому закону максимальная продолжительность рабочаго времени для женщинъ и подростковъ (young persons) на фабрикахъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества, равняется 10 часамъ въ день, за исключеніемъ субботы, когда продолжительность работы не можетъ превышать $6^1|_2$ часовъ.

Такимъ образомъ, максимальное число часовъ недѣльной работы $56^1/_2$. $56^1/_2$ часовъ (такъ назыв. factory hours) и составляютъ обычную продолжительность работы на англійскихъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Но кромѣ «максимальнаго рабочаго дня», т. е. наибольшей продолжительности эффективной работы въ теченіе сутокъ, законъ устанавливаетъ еще такъ называемый «нормальный

рабочій день», т. е. тѣ предѣльные часы утра и вечера, между которыми разрѣшается работать. Соотвѣтственная статья закона гласитъ: «Предприниматель имѣетъ право располагать работу по своему усмотрѣнію между 6 часами утра и 6 вечера или 7 утра и 7 вечера». По субботамъ работа должна оканчиваться никакъ не позднѣе 2 часовъ пополудни. Что касается перерывовъ работы, то законъ предписываетъ, чтобы въ теченіе 12-часоваго рабочаго періода было дано 2 часа на отдыхъ и на принятіе пищи, и притомъ 1 цѣльный часъ до 3-хъ пополудни *). «Вообще работа лицъ, пользующихся защитой закона, не можетъ продолжаться долѣе $4^1/_2$ часовъ безъ перерыва по меньшей мѣрѣ въ $^1/_2$ часа». Таковы параграфы закона, регулирующіе часы работы женщинъ и подростковъ (старше 14 лѣтъ full timers). Для дѣтей (10—14 лѣтъ, half-timers) законъ допускаетъ двоякую работу: или ежедневную, продолжающуюся половину рабочаго дня (1-я смѣна малолѣтнихъ до обѣда, 2-я послѣ обѣда), или черезъ день по цѣлому рабочему дню. Напомнивъ въ общихъ чертахъ содержаніе англійскаго фабричнаго закона, нормирующаго продолжительность дѣтскаго и женскаго труда въ волокнистыхъ производствахъ, мы возвратимся теперь къ показаніямъ свидѣтелей коммиссіи труда и прежде всего поищемъ въ нихъ отвѣта на вопросъ: вездѣ ли и всегда ли соблюдается законъ? Бываютъ ли нарушенія и, если да, то насколько они часты и какой носятъ характеръ? Прежде всего мы находимъ въ показаніяхъ экспертовъ хлопчатобумажной отрасли много жалобъ на такъ называемое «Cribbing time». Это своеобразное нарушеніе закона, повидимому, исключительно свойственное Ланкаширскимъ фабрикамъ, заключается въ слѣдующемъ. Работа начинается нѣсколькими минутами (5—7) ранѣе установленнаго закономъ часа и оканчивается нѣсколькими минутами позднѣе; точно также отнимается по нѣсколько минутъ отъ каждаго изъ перерывовъ. Изъ этихъ немногихъ минутъ составляется въ суммѣ въ теченіе дня минутъ 15—20, а въ недѣлю часа $1^1/_2$—2 лишней, противузаконной работы. Cribbing — не новое изобрѣтеніе. Изъ исторіи англійской фабричной инспекціи Weyer'а мы узнаемъ, что еще въ 60-хъ годахъ было обращено вниманіе на это злоупотребленіе и предлагались разныя мѣры для его устраненія. Но, какъ видно изъ показаній экспертовъ «коммиссіи труда», усилія инспекціи и до сихъ поръ еще далеко не достигли своей цѣли, и cribbing, хотя быть можетъ въ меньшей степени, чѣмъ въ прежніе годы, все еще процвѣтаетъ на бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ Ланкашира. Послушаемъ сперва представителей рабочихъ: «Хотя и есть фабриканты, которые точно соблюдаютъ часы работы, говоритъ извѣстный намъ Birtwistle, но въ большинствѣ случаевъ они работаютъ лишнихъ 15—20 минутъ въ день». Впрочемъ, прибавляетъ экспертъ въ другомъ мѣстѣ своего показанія, крупные

*) Въ субботу $^1/_2$ часа.

предприниматели, вообще говоря, не прибѣгаютъ къ cribbing; оно практикуется, главнымъ образомъ, но не исключительно, мелкими фабрикантами. По словамъ эксперта Silk, «въ Oldham почти не найдется фабриканта, который не пытался бы «to run overtime» (работать сверхъ урочнаго времени)». «Десять минутъ лишнихъ при началѣ работы, да десять при концѣ, говоритъ Silk, дадутъ до $2^1/_2$ часовъ въ недѣлю, что при постоянномъ капиталѣ въ 100,000 L., составитъ немалую выгоду для фабриканта». Но кромѣ выгоды отъ увеличеннаго производства, фабрикантъ выигрываетъ еще и на томъ, что за лишніе два часа недѣльной работы, составленные при помощи cribbing изъ микроскопическихъ дозъ рабочаго времени, онъ ничего не платитъ тѣмъ своимъ рабочимъ, которые получаютъ окладную, а не сдѣльную плату. т. е. эти рабочіе терпятъ явный ущербъ отъ cribbing, работая даромъ два лишнихъ часа».

Что касается экспертовъ-фабрикантовъ, то двое изъ нихъ: Simpson и Rawlinson довольно рѣшительно отрицаютъ, чтобы cribbing было общераспространеннымъ, обыкновеннымъ явленіемъ въ Ланкаширѣ. Simpson утверждаетъ, что «въ среднемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, часы соблюдаются какъ слѣдуетъ (fairly). Rawlinson не думаетъ, чтобы было много cribbing, чтобы оно примѣнялось систематически и преднамѣренно, напротивъ онъ полагаетъ, что часы соблюдаются замѣчательно хорошо. Совершенно иной отвѣтъ на вопросъ о «cribbing» даетъ третій фабрикантъ— Russel изъ Presbon'a. Подтверждая въ существенныхъ чертахъ показанія рабочихъ, онъ признаетъ, что несомнѣнно происходитъ довольно много cribbing», и только не думаетъ, чтобы оно достигало 15—20 минутъ въ день. Существованіе cribbing этотъ экспертъ объясняетъ тѣмъ, что хлопчато-бумажные фабриканты находятся въ очень стѣсненномъ положеніи, что имъ трудно сводить концы съ концами. Наконецъ онъ утверждаетъ, что за cribbing чаще отвѣтственны управляющіе, нежели хозяева фабрикъ, такъ какъ нерѣдко оно практикуется безъ вѣдома этихъ послѣднихъ. Показаніе Russel'я, какъ фабриканта, въ настоящемъ случаѣ особенно цѣнно. Оно заставляетъ насъ думать, что рабочіе правы въ своихъ жалобахъ на cribbing time; что же касается выраженій Simpson и Rawlinson, то не говоря уже о томъ, что они могли ошибиться bona fide, весьма возможно, что этимъ экспертамъ, какъ оффиціальнымъ представителямъ фабрикантовъ *), было неловко признаться публично въ столь неблаговидныхъ нарушеніяхъ закона. Наконецъ фактъ распространенности cribbing подтверждаетъ и ланкаширскій фабричный инспекторъ Henders Онъ полагаетъ только, какъ и Russel, что тѣ случаи, когда противо конная работа достигаетъ $1^1/_2$ часа въ недѣлю, — исключители серьезные случаи; обыкновенная продолжительность cribbing tir

*) Они явились въ коммиссію въ качествѣ должностныхъ лицъ ассо ацій предпринимателей.

по его убѣжденію, меньше, такъ какъ cribbing не можетъ производиться регулярно, при каждомъ началѣ и окончаніи работы: оно было бы слишкомъ замѣтно для инспектора. Иногда, говоритъ Henderson, сами рабочіе способствуютъ cribbing. Ему извѣстенъ одинъ случай, происшедшій 30 лѣтъ тому назадъ, когда рабочіе даже подкупили машиниста, чтобы онъ работалъ overtime; это объясняется тѣмъ, что при сдѣльной платѣ cribbing позволяетъ рабочему заработать лишнее, а прядильщики сверхъ того выигрываютъ еще на работѣ поденныхъ присучальщиковъ, которымъ они ничего не платятъ за «cribbed time». Этому сочувствію части рабочихъ инспекторъ приписываетъ даже тотъ фактъ, что до сихъ поръ не удалось искоренитъ cribbing. Но, если отдѣльные рабочіе порою ничего не имѣютъ противъ cribbing и даже способствуютъ ему, то рабочіе союзы, напротивъ, начали въ послѣднее время оказывать дѣятельную помощь инспекціи въ ея упорной и доселѣ малоуспѣшной борьбѣ съ этимъ злоупотребленіемъ: союзы указываютъ инспекторамъ на предпринимателей, практикующихъ cribbing, сообщаютъ объ этомъ данныя правительству, чтобы оно предписало инспектору усилить бдительность и т. п. Экспертъ Mullin полагаетъ даже, что если cribbing въ настоящее время менѣе распространено, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то это заслуга рабочихъ союзовъ.

Cribbing, какъ уже было упомянуто, составляетъ особенность хлопчатобумажныхъ фабрикъ; въ другихъ волокнистыхъ производствахъ почти совсѣмъ не прибѣгаютъ къ этому утонченному способу обхода закона, и поскольку бываютъ нарушенія, они отличаются болѣе простымъ и откровеннымъ характеромъ. Обратимся къ шерстяной промышленности, относительно которой имѣются по этому пункту кое какія данныя въ показаніяхъ экспертовъ. По словамъ представителей рабочихъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ шерстяной промышленности случаи противузаконной работы женщинъ, подростковъ и дѣтей довольно обыкновенны. Такъ, экспертъ изъ Huddersfield'а заявляетъ, что на ткацкихъ фабрикахъ этого города «законъ вообще соблюдается, но бываютъ и нарушенія»; такъ, напр., очень часто случается, что подростки-развивальщики работаютъ дольше указаннаго закономъ часа, чтобы приготовить пряжу для мужчинъ-ткачей, когда эти послѣдніе работаютъ «overtime», и пряжи не достаетъ. Свидѣтелю извѣстно также много случаевъ, когда фабрикантъ, при спѣшныхъ заказахъ, заставлялъ женщинъ-ткачихъ оставаться на фабрикѣ часа 2 лишнихъ вмѣстѣ съ мужчинами, чтобы докончить кусокъ и не задержать отправку товара. На брадфордскихъ фабрикахъ, по словамъ Drew, лица, пользующіяся защитой закона, часто работаютъ въ недозволенное время. При появленіи инспектора, его иногда обманываютъ, пряча женщинъ и малолѣтнихъ на чердакъ или даже прибѣгая къ слѣдующему «забавному» (pleasant) способу: противозаконно работающаго субъекта сажаютъ въ подъемную машину и опускаютъ или поднимаютъ ее,

смотря потому, въ какомъ этажѣ находится инспекторъ (!). Представители брадфордскихъ красильщиковъ также сообщаютъ о нелегальной работѣ подростковъ 13—18 лѣтъ въ красильняхъ; при входѣ инспектора они скрываются за машинами или, попавшись ему, увѣряютъ, что имъ уже исполнилось 18 лѣтъ.

«Въ Halifax, говоритъ экспертъ Hadwen, до промышленнаго совѣта (Trade & Labour Council) дошли слухи, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ женщины работаютъ overtime». Указанныя нарушенія закона ставятся почти всѣми свидѣтелями въ непосредственную связь съ недостаточною инспекціей фабрикъ. Какъ мы увидимъ далѣе, недостаточность инспекціи составляетъ предметъ единодушныхъ жалобъ представителей рабочихъ передъ коммиссіей труда.

Указанія іоркширскихъ рабочихъ на частые случаи нарушенія закона о работѣ женщинъ и малолѣтнихъ въ ихъ дистриктахъ не подтверждаются, однако, фабричными инспекторами: такъ, huddersfield'скій инспекторъ Prior говоритъ, что закону вообще повинуются и серьезныхъ нарушеній мало. Инспекторъ изъ Bradford'а заявляетъ, что и въ этомъ округѣ законъ исполняется очень хорошо, очень немногіе фабриканты (a very small proportion) причиняютъ инспектору хлопоты, да и то лишь при спѣшныхъ заказахъ и тому подобныхъ экстренныхъ обстоятельствахъ. Но съ другой стороны, и инспектора вполнѣ соглашаются съ рабочими, что силы инспекціи далеко недостаточны, что округа слишкомъ велики, что вслѣдствіи этого инспекторамъ приходится слишкомъ рѣдко посѣщать фабрики. Немудрено, поэтому, если многія нарушенія закона, извѣстныя рабочимъ, ускользаютъ отъ вниманія инспектора.

На тѣхъ фабрикахъ или отдѣленіяхъ фабрикъ, гдѣ взрослые мужчины работаютъ одни, независимо отъ женщинъ и малолѣтнихъ, фабриканты имѣютъ полное право и возможность продолжать работу дольше фабричныхъ часовъ и вообще располагать работу по своему усмотрѣнію, работать ночью и т. д. Какъ видно изъ показаній экспертовъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ шерстяной промышленности фабриканты дѣйствительно широко пользуются этой возможностью. Такъ, на красильныхъ фабрикахъ Bradford'а сверхурочная работа (overtime) мужчинъ весьма обыкновенна; въ крашеніи пряжи работа иногда продолжается съ 6 часовъ утра до 11 или $11^1/_2$ часовъ вечера; въ такъ наз. piece brade (крашеніи тканей) продолжительность overtime меньше, но всетаки и въ этой отрасли порою работаютъ до 8 час. вечера. Самому эксперту, сообщающему эти факты, пришлось нѣкогда работать на одной красильнѣ, гдѣ сверхурочна работа продолжалась почти круглый годъ. На красильняхъ Hali fax'а были случаи, когда работа продолжалась до 90 часовъ в недѣлю, а средняя продолжительность работъ на этихъ фабрикаг равна 70—80 часамъ въ недѣлю. О сверхсрочной работѣ мужчин въ ткацкой отрасли сообщаетъ экспертъ изъ Huddersfield, гдѣ, ка мы знаемъ, процентъ ткачей-мужчинъ значительно больше, чѣ

въ другихъ округахъ: «мужчины также по временамъ (occasionaly) работаютъ overtime; законъ имъ это не воспрещаетъ, и они очень рѣдко отказываются, когда предприниматель проситъ ихъ объ этомъ... Работа продолжается до 8, 9 или даже 10 часовъ вечера». Здѣсь же въ Huddersfield, у ткачей встрѣчается иногда и смѣнная работа, день и ночь, столь обыкновенная у насъ въ Россіи. Случается, что фирма, заваленная заказами, работаетъ такимъ образомъ 6 или 7 мѣсяцевъ подрядъ.

Весьма тяжелы условія труда у чесальщиковъ шерсти въ Bradford'ѣ. Какъ мы припомнимъ, чесальщики работаютъ день и ночь; работа денной смѣны, состоящей частью изъ женщинъ, продолжается «фабричные часы», но ночная, исключительно мужская смѣна работаетъ безъ остановокъ всю ночь съ $5^1/_4$ часовъ вечера до 6 утра; рабочіе подкрѣпляются пищей лишь въ урывки между работой, какъ придется. Такая страшно утомительная ночная работа производится втеченіе 5 ночей въ недѣлю, что составитъ въ суммѣ болѣе 60 часовъ труда; мало того: эта же смѣна иногда работаетъ еще днемъ по субботамъ съ 1 часа пополудни до 10 или 11 часовъ вечера и по понедѣльникамъ съ 12 часовъ ночи до 6 утра, т. е. работа еще удлиняется до 69—75 часовъ въ недѣлю.

Но эти факты чрезмѣрной ночной работы блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что сообщили коммиссіи представители союза трепальщиковъ (Willeyers & Feblers Union) въ Лидзѣ. У трепальщиковъ нормальная продолжительность работы = 60 часамъ, но по большей части бываетъ overtime, такъ что работаютъ обыкновенно не 60, а 66 часовъ. Это бы еще ничего. Но иногда сверхурочная работа продолжается дольше: работаютъ до 9, 10 часовъ вечера и даже еще болѣе. Эксперту извѣстна одна фирма, которая втеченіе 20 слишкомъ лѣтъ почти постоянно работала до 9, 10 и даже $10^1/_2$ часовъ вечера, причемъ работа до 9 часовъ не считалась за overtime, что видно изъ того, что недавно эта фирма угощала обѣдомъ тѣхъ своихъ рабочихъ, которые работали overtime, и работавшіе только до 9 часовъ не получили билетовъ на этотъ обѣдъ. Вообще въ этой отрасли время окончанія дневного труда совершенно неопредѣленно. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказываетъ экспертъ, приходя утромъ на работу, я рѣшительно не зналъ, когда придется ее кончить: можетъ быть она продолжится до 11 часовъ вечера, а можетъ быть и всю ночь». На одной фабрикѣ трепальщики работали въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ «горячаго времени» (busy season) по слѣдующему поразительному росписанію: въ *понедѣльникъ* работа начиналась въ 6 часовъ утра и съ 2-хъ-часовымъ перерывомъ продолжалась до 10 часовъ вечера. *Во вторникъ* работа начиналась въ 6 часовъ утра, продолжалась весь вторникъ и всю ночь съ вторника на среду и всю среду до 10 часовъ вечера, и за все это время сумма перерывовъ равнялась только 6 часамъ, а эффективная работа 34 часамъ. Въ *четвергъ* работа производилась такъ же,

какъ въ понедѣльникъ, т. е. съ 6 ч. утра до 10 вечера съ 2-хъ часовымъ перерывомъ=14 часовъ эффективной работы. Наконецъ въ *пятницу* трепальщики начинали работать въ 6 ч. утра, работали весь день и всю ночь съ пятницы на субботу и въ субботу до 2 часовъ пополудни; за все это время на отдыхъ давалось только $4^1/_2$ часа, и стало быть эффективная работа продолжалась 28 часовъ. Т. о. въ четыре пріема «turns of duby» трепальщики работали 90 часовъ въ недѣлю, причемъ 2 раза на недѣлю работа продолжалась подрядъ, съ самыми короткими перерывами 28 и 34 часа (!). Трудно повѣрить, чтобы такое чудовищное распредѣленіе рабочаго времени было возможно въ Англіи. Но что разсказанное не составляетъ измышленія фантазіи эксперта, въ этомъ мы убѣждаемся изъ показанія другого представителя того-же союза трепальщиковъ, которому также извѣстны случаи, правда нечастые, когда работа продолжалась весь день и всю ночь и весь слѣдующій день до 6 часовъ вечера.

Сравнительно большое распространеніе сверхурочной работы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ шерстяной промышленности несомнѣнно обусловливается ихъ «сезоннымъ» характеромъ: спросъ на многіе шерстяные товары подвергается сильнымъ колебаніямъ втеченіе года; естественно, что фабриканты стараются воспользоваться въ возможно большей степени короткими періодами усиленнаго спроса; притекающіе въ такое время массой заказы необходимо выполнить къ извѣстному сроку, по окончаніи котораго товаръ не будетъ болѣе нуженъ; и вотъ, фабрикантъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы сработать возможно больше къ данному времени: онъ ставитъ рабочихъ на сверхурочную работу. Проходитъ сезонъ, и нѣтъ болѣе заказовъ, а работать на складъ для слѣдующаго сезона крайне рискованно, вслѣдствіи постоянныхъ измѣненій моды. Поэтому фабриканты начинаютъ всячески сокращать производство: сокращаютъ рабочіе часы, останавливаютъ часть или даже всѣ свои машины и временно отпускаютъ рабочихъ. Т. о. сверхурочной работѣ въ горячее время года соотвѣтствуетъ безработица въ мертвый сезонъ. Понятно, что такое чередованіе чрезмѣрной работы съ болѣе или менѣе полною праздностью крайне нежелательно съ точки зрѣнія рабочаго: оно постоянно нарушаетъ какъ равновѣсіе его силъ, такъ и равновѣсіе его бюджета. Наиболѣе интеллигентные изъ рабочихъ, какъ, напр., вожди союзовъ, вполнѣ сознаютъ эту ненормальность и принципіально возстаютъ противъ сверхурочной работы; они полагаютъ, что отъ ея прекращенія ничего не потеряли бы ни промышленность, ни сами ра чіе; спросъ на шерстяные товары остался бы въ суммѣ все тѣмъ з но только примѣняясь къ новымъ условіямъ производства расп дѣлялся бы равномѣрнѣе втеченіе года: заказы на предстоя сезонъ стали бы поступать заблаговременно; и ни годовое произв ство фабрикъ, ни заработки рабочихъ ни мало не пострадали но только уменьшилось бы время безработицы.—Такое убѣжденіе р

дѣляется однако далеко не всѣми рабочими: по выраженію одного изъ экспертовъ, многіе изъ нихъ «недостаточно долгоголовы» (not longheaded enough), чтобы понять связь между overtime и безработицей; получая весьма низкую плату, они рады всякому случаю заработать лишній шиллингъ, хотя бы даже цѣною чрезмѣрнаго напряженія силъ; поэтому они въ большинствѣ случаевъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій соглашаются на предлагаемую предпринимателемъ сверхурочную работу и лишь изрѣдка протестуютъ противъ нея.

Итакъ, мы видимъ, что въ шерстяной промышленности работа мужчинъ иногда продолжается $56^1/_2$ часовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ даже почти невѣроятныхъ предѣловъ. Эти факты приводятъ къ тому заключенію, что даже въ волокнистыхъ производствахъ, гдѣ мужской трудъ тѣсно связанъ съ женскимъ и дѣтскимъ, изданіе закона, регулирующаго продолжительность труда взрослыхъ мужчинъ, является настоятельной потребностью. Такая мѣра была бы немалымъ благодѣяніемъ для нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ шерстяной промышленности, даже и въ томъ случаѣ, если бы законъ ограничился тѣмъ, что назначилъ бы и для мужчинъ ту же $56^1/_2$-часовую норму рабочаго дня, какая существуетъ въ настоящее время для женщинъ и подростковъ. Что идея о законодательномъ вмѣшательствѣ въ условія работы взрослыхъ мужчинъ въ настоящее время весьма популярна въ Іоркширѣ, это мы видимъ изъ того, что большинство іоркширскихъ экспертовъ рабочихъ являются горячими сторонниками движенія въ пользу *восьмичасового рабочаго дня.*

На вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, такъ сильно занимающій общественное мнѣніе Англіи, королевская коммиссія труда не могла не обратить особеннаго вниманія. Мнѣнія экспертовъ раздѣлились: на сторонѣ противниковъ реформы оказались, во 1-хъ, всѣ допрошенные объ этомъ фабриканты, во 2-хъ всѣ представители рабочихъ хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и въ 3-хъ немногіе изъ іоркширскихъ экспертовъ рабочихъ. Напротивъ, за восьмичасовой билль высказалось большинство представителей рабочихъ изъ Іоркшира и изъ Шотландіи.

Изъ многочисленныхъ противниковъ восьмичасоваго рабочаго дня только одинъ фабрикантъ, Jates изъ Лидза, рѣшается прибѣгнуть къ тому старинному, безусловно опровергнутому жизнью аргументу, что сокращеніе рабочаго времени будетъ не только безполезно для рабочихъ, но даже нанесетъ имъ прямой вредъ, потому что они не въумѣютъ сдѣлать надлежащаго употребленія изъ увеличеннаго досуга. Jates утверждаетъ *во первыхъ*, что и въ настоящее время рабочій имѣетъ совершенно достаточно свободнаго времени: оканчивая работу въ $5^1/_4$ часовъ и ложась спать въ 10, онъ проводитъ со своею семьею около 5 часовъ: «столько же, сколько и я самъ», говоритъ свидѣтель. *Во вторыхъ*, онъ полагаетъ, что въ настоящее

время работа въ волокнистыхъ производствахъ, благодаря машинамъ, вовсе не тяжела и нисколько не истощаетъ силы рабочаго, поэтому и съ этой точки зрѣнія онъ не видитъ никакой надобности въ сокращеніи рабочаго времени. Но, мало того, такая реформа будетъ, по его мнѣнію, вредна, и вотъ почему: «въ настоящее время, по окончаніи своего дневного труда въ $5^1/_4$ часовъ, рабочій идетъ прямо домой пить чай; если работа будетъ оканчиваться часомъ ранѣе, то, выйдя изъ фабрики, рабочій скажетъ себѣ: «чай пить еще рано; не выпить ли пока стаканчикъ вина?» (it is non tea time; let us have a pint) и вмѣсто того, чтобы идти домой, отправится въ трактиръ; а тамъ—гляди—уже и наступило время чая, а онъ все еще сидитъ въ трактирѣ уже за вторымъ pint'омъ». Такимъ образомъ послѣдствія сокращенія рабочаго времени будутъ самыя печальныя: «рабочій пострадаетъ и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи; его жена будетъ получать меньше изъ его заработка и самъ онъ сдѣлается менѣе исправнымъ въ работѣ». Мы привели здѣсь эту курьезную аргументацію для того, чтобы показать, къ какимъ натяжкамъ способны прибѣгать люди, когда дѣло касается защиты личныхъ интересовъ; сама по себѣ она, очевидно, не заслуживаетъ вниманія, и членъ коммиссіи Abraham безъ всякаго труда опровергъ ее, указавъ эксперту, что по всей вѣроятности ожидаемыя имъ пагубныя послѣдствія отъ сокращенія рабочаго времени предотвратятся тѣмъ, что рабочіе будутъ пить чай часомъ ранѣе, нежели теперь. Впрочемъ, самъ Jates, понимая слабость такихъ доводовъ, считаетъ ихъ второстепенными сравнительно съ соображеніями о вліяніи предлагаемой реформы на сбытъ англійскихъ товаровъ. Эта сторона вопроса, впрочемъ, гораздо подробнѣе и лучше обоснована другими экспертами—противниками 8-мичасового рабочаго дня; именно вождями ланкаширскихъ рабочихъ, къ показаніямъ которыхъ мы теперь и переходимъ. Всѣ эти эксперты съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказываются противъ восьмичасового рабочаго дня, высказываются противъ него, конечно, не потому, чтобы сокращеніе рабочаго времени было само по себѣ, по ихъ мнѣнію, нежелательно; они, безъ сомнѣнія, вполнѣ понимаютъ все значеніе досуга, который позволитъ рабочему человѣку въ большей степени пользоваться благами культурной жизни и исполнять какъ слѣдуетъ обязанности отца семейства и гражданина; но они убѣждены, что уменьшеніе рабочихъ часовъ затормозитъ сбытъ англійскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій на иноземныхъ рынкахъ и тѣмъ повредитъ англійской промышленности. «Мысль о сокращ ніи рабочаго времени, говоритъ свидѣтель Holmes, очень плѣн тельна для рабочихъ (very catching), но они думаютъ, что въ пр мышленности, которая поддерживается внѣшнимъ вывозомъ, сок тить часы—значитъ способствовать остановкѣ станковъ и верете у себя дома; они не хотятъ принести промышленность въ жертву По словамъ другого эксперта, «рабочіе съ радостью согласились

работать 8 часовъ, но они считаютъ это пагубнымъ (ruinous) для промышленности, вслѣдствіи конкурренціи съ другими странами и главнымъ образомъ съ Индіей». Секретарь союза прядильщиковъ Maudsley говоритъ, что, по убѣжденію прядильщиковъ всякое сокращеніе рабочихъ часовъ, при современныхъ условіяхъ хлопчатобумажной промышленности, «искалѣчитъ» (cripple) родное производство, а прядильщики не хотятъ «калѣчить» его. На чемъ же основано это единодушное убѣжденіе вождей ланкаширскихъ рабочихъ въ пагубности 8 час. дня для сбыта англійскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій и для національнаго производства? Они разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: сокращеніе рабочаго времени приведетъ неминуемо къ уменьшенію производства и къ увеличенію его стоимости. Увеличеніе стоимости производства можетъ быть уравновѣшено или уменьшеніемъ прибыли предпринимателей безъ измѣненія продажныхъ цѣнъ издѣлій, или же безъ измѣненія прибыли черезъ соотвѣтственное возвышеніе цѣнъ. Но при настоящихъ условіяхъ производства, распредѣленія и сбыта, для хлопчатобумажной промышленности, по мнѣнію ланкаширскихъ экспертовъ, невозможна ни та, ни другая альтернатива. Предпринимательская прибыль, по ихъ убѣжденію, не можетъ быть уменьшена потому, что ея и теперь едва хватаетъ на вознагражденіе капитала, и дальнѣйшее ея пониженіе должно повести къ отливу капитала изъ хлопчатобумажнаго производства и слѣдовательно къ остановкѣ фабрикъ. «Рабочіе хорошо знаютъ, говоритъ экспертъ Silk, цѣны хлопка и пряжи и такъ наз. «margin»—разность между этими цѣнами; они знаютъ съ точностью до $^1/_{100}$ penny, что стоитъ пряжа на складѣ; знаютъ, каковъ постоянный капиталъ и какая должна быть его правильная амортизація. Зная все это, они могутъ безошибочно опредѣлить, что остается предпринимателю послѣ расплаты съ рабочими, и видятъ, что ему нечѣмъ похвастаться» (he has nothing to make a great noise about). Точно то же повторяетъ Maudsley: «рабочимъ извѣстны всѣ подробности производства: цѣны хлопка, стоимость производства, цѣны пряжи, и «margin» между продажной цѣною и стоимостью... Если бы онъ, Maudsley, видѣлъ, что этотъ «margin» настолько великъ, что и при сокращеніи рабочаго времени можетъ дать достаточную прибыль на капиталъ, то онъ высказался бы за восьмичасовой день... Правда, прежнія сокращенія рабочаго времени не имѣли пагубныхъ послѣдствій для промышленности, но это объясняется тѣмъ, что 20 лѣтъ тому назадъ предпринимательская прибыль была гораздо больше, чѣмъ теперь; тогда Англія пользовалась фактическою монополіей на международномъ рынкѣ; теперь же цѣны на хлопчатобумажныя издѣлія сильно пали, вслѣдствіе конкурренціи, частью внутренней, но главнымъ образомъ внѣшней», и соотвѣтственно уменьшилась и прибыль. Такимъ образомъ эксперты полагаютъ, что увеличеніе стоимости производства не можетъ быть уравновѣшено уменьшеніемъ прибыли. Остается, слѣдовательно, лишь

вторая альтернатива—повышеніе цѣнъ издѣлій; но, по мнѣнію экспертовъ, даже исключительное повышеніе цѣнъ затруднитъ для англійской промышленности конкурренцію съ другими странами на международномъ рынкѣ: «мы не согласны на 8-ми-часовый день, говоритъ экспертъ Booth; мы не согласны уменьшить производство и увеличить его стоимость и тѣмъ допустить, чтобы новые станки и веретена задвигались въ Индіи, а наши остановились. Еслибы хлопчатобумажные товары изготовлялись только для внутренняго потребленія, рабочіе ничего не имѣли бы противъ 8-ми-часоваго рабочаго дня: вздорожаніе ярда миткаля на $^1/_2$ d. не повело бы къ сокращенію внутренняго потребленія; при крайней дешевизнѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій, англійскій покупатель не измѣнитъ своего спроса, будутъ ли они на $^1/_2$ d. дороже или дешевле. Но дѣло другое, когда товаръ предназначается для иностранцевъ: въ Индіи, Китаѣ, Японіи вздорожаніе издѣлій, хотя бы на одну пятую цѣны, вѣроятно совсѣмъ остановитъ ихъ сбытъ. Въ этомъ международномъ сбытѣ существенное отличіе хлопчатобумажной промышленности отъ «строительной» (building brade) и другихъ, произведенія которыхъ потребляются исключительно дома, и гдѣ поэтому сокращеніе рабочаго времени не встрѣчаетъ такого препятствія». «Рабочіе знаютъ, говоритъ другой экспертъ, что со введеніемъ восьмичасового рабочаго дня стоимость производства настолько возвысится, что не будетъ возможности продавать товары на иностранныхъ рынкахъ».

Такъ разсуждаютъ ланкаширскіе рабочіе и ихъ представители. Какъ видимъ, вся ихъ аргументація основана на той посылкѣ, что сокращеніе рабочаго времени уменьшитъ производство. Рабочіе считаютъ это неизбѣжнымъ; правда, имъ извѣстно, что уменьшеніе рабочихъ часовъ можетъ быть вознаграждено усовершенствованіемъ машинъ и методовъ производства; но они не считаютъ возможнымъ разсчитывать на это: всякія улучшенія совершаются медленно, сокращеніе рабочихъ часовъ само по себѣ еще не вызоветъ ихъ, а тѣмъ временемъ промышленность будетъ страдать (Maudsley).

Нельзя отказать въ строгой логичности приведенной аргументаціи. Можно только высказать нѣкоторое сомнѣніе относительно справедливости тѣхъ фактовъ, на которыхъ она основана: вѣрно ли, что прибыль такъ мала въ хлопчатобумажной промышленности? Вѣрно ли, что конкурренція на азіатскихъ рынкахъ такъ жестока, что даже незначительное повышеніе цѣнъ затруднитъ сбытъ англійскихъ товаровъ? Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Какъ уже было упомянуто, бблшинство экспертовъ-рабочихъ изъ Іоркшира и изъ Шотландіи, въ противуположность ланкаширскимъ рабочимъ, стоятъ за введеніе восьмичасового рабочаго дня; при этомъ одни изъ нихъ считаютъ возможнымъ ввести его въ Англіи независимо отъ другихъ странъ, въ увѣренности, что иностранцы вскорѣ послѣдуютъ за англичанами, такъ какъ они и въ настоящее

время уже выставляютъ требованіе 8 ч. дня въ своихъ политическихъ программахъ (Bean, представитель Brechin Factory Workers). Другіе высказываются за установленіе 8 час. дня путемъ международнаго соглашенія (союзъ ткацкихъ подмастерьевъ въ Bradford'ѣ). Но, если эксперты расходятся по вопросу о наилучшемъ способѣ установленія 8 ч. р. дня, то они въ большинствѣ случаевъ вполнѣ согласны между собою относительно цѣли этой важной реформы. Въ глазахъ представителей іоркширскихъ и шотландскихъ рабочихъ главная цѣль введенія восьмичасового рабочаго дня—дать занятіе не имѣющимъ работы. Они полагаютъ, что съ сокращеніемъ рабочаго времени потребуется большее число рабочихъ для того, чтобы производство осталось на томъ же уровнѣ, какъ и теперь, и, такимъ образомъ, избытокъ рабочихъ силъ, не находящихъ себѣ приложенія въ настоящее время, будетъ поглощенъ. «Если, говоритъ экспертъ Bean, человѣкъ работаетъ столько времени, что не даетъ возможности получить работу другому человѣку, то я говорю ему: стой! Я считаю справедливымъ остановить его тотчасъ же, и въ законѣ, требующемъ того же, не будетъ ничего жестокаго» (hard). Экспертъ Wilson говоритъ, что если послѣ «поглощенія» (absorbtion) незанятыхъ рабочихъ появится «новый урожай» не имѣющихъ работы (a new crop), то можно будетъ пойти еще далѣе по тому же пути и сократить рабочее время до 6 часовъ. Кромѣ этого главнаго результата іоркширскіе и шотландскіе эксперты ожидаютъ еще другихъ благихъ послѣдствій для рабочаго класса отъ введенія 8 ч. р. дня. Такъ членъ «Промышленнаго Совѣта» въ Halifax Beever полагаетъ, на основаніи своего 22-лѣтняго опыта, что «для фабричныхъ рабочихъ восьмичасовой трудъ достаточно продолжителенъ»; что сокращеніе рабочаго дня до этого предѣла отразится благотворно на физическомъ здоровьи рабочихъ. По мнѣнію эксперта Bean, за введеніемъ восьмичасового дня послѣдуетъ повышеніе заработной платы, такъ какъ, вслѣдствіе «поглощенія» surplus labor, уменьшится предложеніе труда...

Таковы нѣкоторыя изъ радужныхъ надеждъ, возлагаемыхъ на 8 ч. билль іоркширскими и шотландскими экспертами. Что касается иностранной конкурренціи, которая такъ смущаетъ ланкаширскихъ экспертовъ, то іоркширскіе и шотландскіе рабокіе *) не придаютъ ей большого значенія и считаютъ возможнымъ рискнуть экспериментъ.

III. Гигіеническія условія работы; несчастные случаи; штрафы и вычеты.

Переходя къ разсмотрѣнію гигіеническихъ условій работы, мы начнемъ съ *бумагопрядильныхъ фабрикъ*. «Когда возникало хлопчатобу-

*) За исключеніемъ союза ткацкихъ подмастерьевъ, который стоитъ за международное соглашеніе.

мажное производство, пишетъ Schulze Gaevernitz, врачи и синія книги сообщали о специфическихъ болѣзняхъ фабричныхъ рабочихъ. Нынѣ новыя прядильни Oldham'а представляютъ въ гигіеническомъ отношеніи образцовыя помѣщенія. Легочная чахотка была въ тридцатыхъ годахъ обыкновенной болѣзнью прядильщиковъ; теперь она встрѣчается у нихъ рѣже, чѣмъ у прочихъ классовъ населенія Oldham'а. Статистика показываетъ, что рабочіе хлопчатобумажной отрасли гораздо меньше подвержены чахоткѣ, чѣмъ остальное населеніе». Столь большое улучшеніе въ санитарномъ состояніи англійскаго рабочаго Schulze Gaevernitz объясняетъ главнымъ образомъ улучшеніемъ питанія и всего «уровня жизни» (Lebenshaltung), что въ свою очередь обусловливается возвышеніемъ денежныхъ и реальныхъ заработковъ въ хлопчатобумажной промышленности. Что касается другого фактора, имѣющаго также существенное вліяніе на здоровье рабочихъ и интересующаго насъ теперь — гигіеническихъ условій труда—то, какъ видимъ, Schulze Gaevernitz ограничивается краткимъ указаніемъ на образцовое устройство новыхъ бумагопрядиленъ въ Oldham'ѣ. Посмотримъ, насколько свидѣтели коммиссіи труда подтверждаютъ слова нѣмецкаго изслѣдователя: «На фабрикахъ, построенныхъ недавно, говоритъ представитель прядильщиковъ, уже извѣстный намъ Maudsley, сдѣлано въ гигіеническомъ отношеніи все, что могутъ предложить архитекторы; относительно старыхъ фабрикъ экспертъ можетъ также заявить, что предприниматели дѣлаютъ все возможное, чтобы привести ихъ въ удовлетворительное состояніе; конечно, иногда нужно оказывать на нихъ нѣкоторое давленіе». Но, если, какъ видно изъ этого несомнѣнно вполнѣ безпристрастнаго показанія, на англійскихъ бумагопрядильняхъ сдѣлано и дѣлается очень много для улучшенія гигіеническихъ условій, то всетаки и здѣсь цѣль еще далеко не достигнута, еще далеко не устранены всѣ неблагопріятныя вліянія фабричной работы. Такъ, miss Abraham, командированная коммиссіей для изслѣдованія на мѣстѣ женскаго труда, пишетъ въ своемъ отчетѣ, что «рабочіе приготовительнаго отдѣленія (card room operatives) повсюду въ Ланкширѣ жалуются на легкую, волокнистую пыль отъ кардъ. Употребленіе вентиляторовъ на кардахъ составляетъ исключеніе, даже на тѣхъ фабрикахъ, которыя были указаны изслѣдовательницѣ какъ наилучшія. Воздухъ въ этихъ помѣщеніяхъ былъ поэтому неизмѣнно жаркій и спертый». Послѣднее подтверждаетъ и одинъ изъ экспертовъ, заявляя, что обычная температура въ приготовительныхъ отдѣленіяхъ бумагопрядиленъ 80° Fahr. — 21° R. Но еще выше температура въ тѣхъ прядильныхъ залахъ, гдѣ работаютъ на рингъ-ватерахъ. На одной большой рингъ-ватерной прядильнѣ въ Oldham температура доходитъ до 120° Fahr и, по словамъ директора этой фабрики, никакими усиліями не удается понизить эту поистинѣ адскую температуру. Съ молодыми женщи

нами, работающими на рингъ-ватерахъ, нерѣдко дѣлается обморокъ, и ихъ выносятъ.

Вотъ и все, что мы находимъ въ показаніяхъ экспертовъ относительно гигіеническихъ условій на бумагопрядильняхъ; самая скудость сообщаемыхъ свѣдѣній служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что эта сторона фабричнаго быта не составляетъ болѣе для рабочихъ бумагопрядилень такой злобы дня, какъ въ старые годы.

Гораздо больше вниманія удѣляютъ вопросамъ фабричной гигіены представители ланкаширскихъ *ткачей*; въ ихъ показаніяхъ мы находимъ много жалобъ на вредъ, наносимый здоровью рабочихъ такъ называемымъ «*Steaming*» — *увлажненіемъ воздуха въ ткацкихъ залахъ посредствомъ пара*. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ не прибѣгаютъ къ этому пріему, гигіеническія условія работы вообще хороши: такъ, напр., экспертъ изъ Buruley заявляетъ, что въ этомъ городѣ steaming мало распространено, и рабочимъ нечего жаловаться на санитарное состояніе ткацкихъ. Steaming заключается въ слѣдующемъ: въ ткацкій залъ время отъ времени или непрерывно черезъ особо устроенныя трубки впускается паръ; дѣлается это съ цѣлью увлажненія воздуха, такъ какъ влажность способствуетъ ткачеству: пряжа, пропитываясь ею, пріобрѣтаетъ нѣкоторую упругость и гораздо меньше рвется. Особенно большое значеніе для производства увлажненіе воздуха имѣетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пряжа сильно шлихтуется. Сильно прошлихтованную пряжу почти невозможно ткать при недостаточной влажности воздуха; поэтому steaming особенно распространено въ тѣхъ ткацкихъ округахъ, гдѣ принято пропитывать пряжу обильнымъ количествомъ шлихты. Эксперты-рабочіе полагаютъ даже, что это «чрезмѣрное шлихтованіе» (oversizing) пряжи является не только главной, но и единственной причиной steaming; не будь этого чрезмѣрнаго шлихтованія пряжи (которое составляетъ, строго говоря, фальсификацію, такъ какъ его назначеніе придать пряжѣ лишній вѣсъ съ помощью постороннихъ веществъ, ничего не прибавляющихъ къ прочности ткани), не было бы, какъ утверждаютъ рабочіе, никакой надобности и въ увлажненіи воздуха. Послѣдняго мнѣнія не раздѣляютъ, однако, эксперты-фабриканты и фабричный инспекторъ Osborn, которому ввѣрено наблюденіе за исполненіемъ такъ называемаго Cotton Cloth Factories Act'a, спеціальнаго закона, изданнаго въ 1889 г. для урегулированія steaming. Эти эксперты также признаютъ, правда, что чрезмѣрное шлихтованіе пряжи есть главная причина steaming, но вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда oversizing вовсе не практикуется, steaming можетъ быть очень полезно для процесса ткачества, такъ какъ оно поддерживаетъ извѣстную равномѣрную влажность, что особенно важно при восточныхъ вѣтрахъ и въ морозы, когда воздухъ бываетъ очень сухъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что steaming въ послѣднее время полу-

чаетъ большее распространеніе, чѣмъ прежде, и въ такихъ округахъ, гдѣ oversizing не примѣняется, какъ напр. въ Preston'ѣ.

Но каковы бы ни были техническія причины steaming, несомнѣнно, что въ томъ видѣ, какъ оно практиковалось повсюду до 1889 года и какъ оно и сейчасъ практикуется на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ не соблюдается со всего строгостью Cotton Cloth Factories Act steaming наноситъ страшный вредъ здоровью рабочихъ.

Паръ нагрѣваетъ воздухъ до весьма высокой температуры (до 90, 95° Fahr=26—28 Reom.) и насыщаетъ его влагою, которая осѣдаетъ на одежду рабочихъ и на ихъ верхнее платье, обыкновенно висящее тутъ же на стѣнѣ ткацкаго зала. Рабочій, потный отъ жары, надѣваетъ мокрое платье и выходитъ въ немъ на воздухъ. Послѣдствія понятны сами собою. Очень много ткачей, особенно молодыхъ въ возрастѣ 15—25 лѣтъ, умираетъ отъ легочныхъ болѣзней: воспаленія легкихъ, бронхита и чахотки.

На зло, причиняемое steaming, было обращено вниманіе парламента, и для устраненія его былъ изданъ въ 1889 вышеупомянутый Cotton Cloth Factories Act. Этотъ законъ обязываетъ фабрикантовъ устраивать въ ткацкихъ такую вентиляцію и такъ регулировать инъекцію пара, чтобы температура и влажность воздуха не превышали извѣстной нормы. Въ настоящее время (1891 г.) Cotton Cloth Factories Act еще не вездѣ и не всегда соблюдается, какъ слѣдуетъ, но тамъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, послѣдствія его оказываются самыми благотворными для здоровья рабочихъ. Представители ихъ признаютъ, что самъ по себѣ этотъ законъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, но жалуются, что онъ часто вовсе не соблюдается вслѣдствіе крайней недостаточности инспекціи. Дѣйствительно, проведеніе въ жизнь этого закона и наблюденіе за его исполненіемъ поручено было всего только одному лицу: именно вышеупомянутому инспектору Osborn. Недостатокъ инспекціи позволяетъ фабрикантамъ безнаказанно уклоняться отъ исполненія закона—при извѣстіи о приближеніе инспектора все приводится въ порядокъ: термометръ и гигрометръ показываютъ надлежащую температуру и влажность; но лишь только инспекторъ вышелъ, паровые краны снова открываются, и никто не думаетъ болѣе обращать вниманіе на показанія этихъ инструментовъ. По мнѣнію свидѣтелей Birtwistle и Barker, для наблюденія за надлежащимъ исполненіемъ закона, нужно бы имѣть не одного, а по меньшей мѣрѣ шесть инспекторовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, если въ общемъ и справедливы слова Schulze Gavernitz'a относительно гигіеническихъ условій въ англійской хлопчатобумажной промышленности, то все же на этомъ свѣтломъ фонѣ есть нѣсколько темныхъ пятенъ: пыль и слишкомъ высокая температура на кардахъ, убійственная жара на ring-ватерахъ и наконецъ самое большое и темное пятно steaming въ ткацкихъ; и если правда, что чахотка встрѣчается въ настоя-

щее время у Oldham'скихъ прядильщиковъ рѣже, чѣмъ у другихъ классовъ населенія этого города, то приходится сказать какъ разъ обратное относительно ткачей въ Blackburn'ѣ и нѣкоторыхъ другихъ округахъ, гдѣ господствуетъ steaming. На *шерстяныхъ* фабрикахъ Іоркшира гигіеническія условія, по свидѣтельству экспертовъ, вообще удовлетворительны. «На камвольныхъ фабрикахъ (worsted), говоритъ брадфордскій инспекторъ, занятіе очень здоровое; фабричныя помѣщенія обыкновенно хорошо вентилируются и содержатся въ чистотѣ (are well cared for); эти фабрики причиняютъ инспектору очень мало хлопотъ. Что касается суконныхъ фабрикъ, то и онѣ очень улучшились за послѣдніе годы; постановленія закона исполняются охотнѣе, и условія на нихъ, по мнѣнію эксперта, въ общемъ весьма удовлетворительны; удовлетворителенъ и внѣшній видъ рабочихъ» Это подтверждаетъ и экспертъ изъ Huddersfild'a, секретарь союза Іоркширскихъ ткачей. По его словамъ, большинство шерстяныхъ фабрикъ «очень здоровы»; условія на нихъ лучше, чѣмъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, потому что нѣтъ ни такой высокой температуры, ни steaming. Наконецъ инспекторъ Osborn наблюдалъ въ Rochdale, гдѣ имѣются и хлопчатобумажныя и шерстяныя ткацкія, что ткачи, страдавшіе на первыхъ хроническимъ кашлемъ, совершенно выздоравливали по переходѣ на шерстяную фабрику; экспертъ объясняетъ это тѣмъ, что атмосфера на шерстяныхъ фабрикахъ чище: въ ней нѣтъ той мелкой волокнистой пыли, которая носится въ воздухѣ хлопчатобумажныхъ ткацкихъ и можетъ быть очень вредна для рабочихъ со слабыми легкими.

Но, если въ общемъ гигіеническую обстановку труда на шерстяныхъ фабрикахъ можно считать удовлетворительной, то никакъ нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ этихъ фабрикъ. Это именно тѣ отдѣленія, въ которыхъ производятся самыя первыя операціи по обработкѣ шерсти: сортировка шерсти, работа т. н. трепальщиковъ и чесальщиковъ.

Сортировщики шерсти подвержены особой профессіональной болѣзни, которою они заражаются отъ нѣкоторыхъ сортовъ шерсти; смертность отъ этой болѣзни очень значительна. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ брадфордскимъ городскимъ управленіемъ были изданы обязательныя правила предосторожности, которыя должны соблюдаться при сортировкѣ во избѣжаніе зараженія, но, въ настоящее время, какъ жалуется представитель сортировщиковъ, эти правила остаются мертвою буквой для многихъ работодателей, такъ какъ примѣненіе ихъ сопряжено съ нѣкоторыми расходами, и никто не наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ.

Работа *трепальщиковъ*, по словамъ представителя ихъ союза, очень грязная и нездоровая. Матеріалъ, привозимый съ континента, не дезинфецируется, и пыль отъ него причиняетъ т. н. «shoddy fever». Кромѣ этого трепальщики жалуются на высокую температуру въ помѣщеніяхъ, гдѣ они работаютъ (75° Fahr=19 Beaum.);

изъ этой жаркой атмосферы имъ постоянно приходится переходить во время работы въ т. н. blending room (гдѣ смѣшиваются разные матеріалы), въ которой зимою очень холодно, а въ сырую погоду съ потолка и со стѣнъ капаетъ дождь. Весьма естественно поэтому, что среди членовъ союза трепальщиковъ всегда бываетъ много больныхъ.

На пыль, недостаточную вентиляцію и чрезвычайно высокую температуру указываютъ, наконецъ, и чесальщики: вентиляція, по ихъ словамъ, часто бездѣйствуетъ вслѣдствіе распоряженій подмастерьевъ, а температура въ чесальныхъ въ среднемъ равняется 90—100° Fahr. (26—30° Reaum.), доходя иногда до 110° F.=35° R. и никогда не опускаясь ниже 80° (21° R.)

Но несравненно больше жалобъ, чѣмъ общія гигіеническія условія шерстяныхъ фабрикъ, вызываетъ одинъ спеціальный пунктъ: неудовлетворительное устройство ретирадъ. На это обстоятельство обращаютъ особое вниманіе почти всѣ представители Іоркширскихъ рабочихъ, и показанія ихъ подтверждаются фабричными инспекторами; ретирады часто не удалены на достаточное разстояніе отъ рабочаго помѣщенія и отдѣлены отъ него только одною дверью, такъ что запахъ проникаетъ въ рабочій залъ, и иногда даже нечистоты просачиваются въ него; часто нѣтъ отдѣльныхъ клозетовъ для мужщинъ и для женщинъ или же они помѣщаются рядомъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ, правда, исключительныхъ случаяхъ, ретирады вовсе отсутствуютъ, и устройство доведено до nec plus ultra простоты. Дурное состояніе ретирадъ не составляетъ однако особенности шерстяныхъ фабрикъ: какъ видно изъ отчета miss Abraham, на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Ланкашира оно еще болѣе обыкновенно. Фабричный инспекторъ Henderson объясняетъ дурное устройство ретирадъ на англійскихъ фабрикахъ отчасти тѣмъ, что на старыхъ фабрикахъ исправленіе ихъ, требуя коренныхъ перестроекъ, стоило бы слишкомъ дорого, и во-вторыхъ тѣмъ, что фабричный инспекторъ не имѣетъ власти предписывать такія передѣлки: онъ можетъ требовать только, чтобы соблюдалась чистота, но въ случаѣ необходимости передѣлки долженъ обращаться къ мѣстной санитарной власти, которая часто, особенно въ сельскихъ округахъ, остается совершенно инертной. Къ этимъ двумъ причинамъ рабочіе присоединяютъ еще и третью, быть можетъ самую главную: по ихъ словамъ, фабричные инспектора слишкомъ рѣдко посѣщаютъ фабрики и многое изъ того, что тамъ дѣлается, остается имъ неизвѣстнымъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о гигіеническихъ условіяхъ работы, нужно еще упомянуть о джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ Шотландіи. Хорошо извѣстно, что джутовое и льняное самыя вредныя изъ волокнистыхъ производствъ. «Работа на джутовой фабрикѣ, говоритъ инспекторъ Henderson въ своемъ отчетѣ за 1890 годъ, грязна и непріятна сравнительно какъ съ хлопчатобумажными, так и съ шерстяными фабриками». Въ показаніяхъ Шотландскихъ экспер-

товъ, которыя вообще крайне скудны, мы находимъ жалобы на отсутствіе вентиляціи и на слишкомъ высокую (до 112° въ чесальныхъ) или, наоборотъ, слишкомъ низкую температуру рабочихъ помѣщеній. Послѣднее бываетъ зимою, по утрамъ, и происходитъ отъ того, что изъ экономіи или по небрежности не впускаютъ паръ въ нагрѣвательныя трубы заблаговременно, до прихода рабочихъ; на нѣкоторыхъ фабрикахъ пользуются для нагрѣванія отработавшимъ паромъ, и тогда оказывается физически невозможнымъ нагрѣть помѣщеніе до начала работъ. Поэтому зимою по утрамъ бываетъ «ледяной холодъ». Что касается вентяляціи, то, по словамъ свидѣтеля Reid изъ Дунди, она тамъ очень мало примѣняется, за исключеніемъ старомоднаго способа открывать окна, и даже въ этомъ иногда отказываютъ рабочимъ, изъ опасенія, чтобы пряжа не вышла слишкомъ сухою и легкою. Наконецъ ретирады и здѣсь составляютъ такой же всеобщій предметъ жалобъ, какъ и въ Іоркширѣ. Эксп. Reid называетъ устройство клозетовъ для женщинъ «allmost scandalous»: «это обыкновенно узкіе, тѣсные ящики въ 2—3 квадр. фута; нѣтъ ни вентиляціи, ни свѣта, ни воздуха и запахъ отъ нихъ отвратителенъ и ужасенъ».

Такъ какъ машины, употребляемыя во всѣхъ волокнистыхъ производствахъ, весьма сходны между собою, то и *несчастные случаи*, угрожающіе жизни и здоровью рабочихъ на всѣхъ разсматриваемыхъ нами фабрикахъ, болѣе или менѣе одинаковы; одинаковы и ихъ причины.—Фабр. инсп. Henderson приводитъ слѣдующія любопытныя данныя, характеризующія степень опасности работъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ сравнительно съ другими отраслями труда: «Хотя, говоритъ инспекторъ, число несчастныхъ случаевъ въ хлопчатобумажной промышленности и весьма значительно, тѣмъ не менѣе это производство нельзя считать опаснымъ сравнительно съ другими. Въ 1889 году было:

1) На всѣхъ фабрикахъ вообще:
   a) несчастныхъ случаевъ . . . 1 на 434 ч. работающихъ.
   b) несч. случ. со смерт. исходомъ 1 на 7,609 » »
2) На хлопчатобумажн. фабрикахъ:
a) несчастныхъ случаевъ . . . . . 1 на 288 работающ.
б) » » со смертн. исход. 1 на 13,556 »
3) На желѣзныхъ дорогахъ:
a) несчастныхъ случаевъ . . . . . 1 на 51 »
б) » » со смертн. исход. 1 на 10,043 »
4) Въ рудникахъ:
a) несчастныхъ случаевъ . . . . . 1 на 37 работающ.
б) » » со смертн. исходомъ 1 на 538 »

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, работа на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ представляетъ несомнѣнно меньшую опасность, чѣмъ желѣзнодорожная служба или трудъ рудокоповъ; при сравненіи съ

другими фабриками, хлопчатобумажныя даютъ большее число несчастныхъ случаевъ вообще, но меньше случаевъ, имѣвшихъ роковой исходъ.

Въ 1887 году фабричнымъ инспекторомъ Whymper былъ составленъ отчетъ о причинахъ несчастныхъ случаевъ на разныхъ фабрикахъ. Въ этомъ отчетѣ онъ пришелъ, по словамъ Henderson, къ тому заключенію, что на фабрикахъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества, великое большинство несчастныхъ случаевъ относятся къ разряду легкихъ: поврежденіе пальцевъ и т. п.; на другихъ фабрикахъ (non textile) несчастія не такъ многочисленны, но обыкновенно гораздо серьезнѣе, такъ какъ машины на нихъ тяжелѣе.

Главными причинами несчастныхъ случаевъ на «текстильныхъ» фабрикахъ слѣдуетъ считать: 1) недостаточное огражденіе машинъ, 2) слишкомъ тѣсное ихъ размѣщеніе и 3) чистку машинъ на ходу.

Что касается огражденія машинъ, то, повидимому, въ этомъ направленіи довольно много уже достигнуто въ Англіи, благодаря усиліямъ фабричной инспекціи: по крайней мѣрѣ въ показаніяхъ экспертовъ мы почти не находимъ жалобъ на недостаточное огражденіе машинъ. Свидѣтель Moudsley категорически заявляетъ, что на бумагопрядильняхъ машины вообще достаточно ограждены. Въ Bradford, по словамъ фабричнаго инспектора Beaumont, число несчастныхъ случаевъ безъ сомнѣнія уменьшается вслѣдствіе лучшаго огражденія, и вслѣдствіе того, что сами машиностроители обращаютъ на это большее вниманіе. Но рабочихъ очень занимаетъ вопросъ объ огражденіи *ткацкихъ челноковъ*, и многіе ихъ представители, жалуясь на частыя пораненія глазъ челноками, высказываютъ пожеланіе, чтобы огражденіе челноковъ было сдѣлано обязательнымъ. Къ этому пожеланію присоединяется фабричный инспекторъ Beaumont и одинъ изъ экспертовъ-фабрикантовъ. Напротивъ, нѣкоторые другіе эксперты считаютъ такое обязательное постановленіе преждевременнымъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, до сихъ поръ еще не изобрѣтено такого приспособленія, которое ограждало бы рабочаго, не мѣшая ему въ то же время работать. Судя по тому, какъ много вниманія удѣляется экспертами этому вопросу, должно полагать, что поврежденія глазъ челноками весьма обыкновенны. По мнѣнію Birtwistle, ткацкое производство можно бы считать безопаснымъ, если бы не было частыхъ несчастныхъ случаевъ отъ выскакиванія челноковъ.

На тѣсное размѣщеніе машинъ, какъ на причину несчастныхъ случаевъ, указываютъ брадфордскіе ткацкіе подмастерья и чесальщики. Представитель первыхъ заявляетъ, что «the Cramming of machinery» отвѣтственно за многіе мелкіе несчастные случаи, а чесальщикъ Heptonsball разсказываетъ, что, благодаря тѣсному размѣщенію кардъ, онъ самъ однажды попалъ въ карду, поранилъ себѣ голову и пролежалъ въ больницѣ 8 недѣль. Что касается третьей главнѣйшей причины несчастныхъ случаевъ—чистки ма-

шинъ на ходу, то изъ показаній экспертовъ выяснилось, что жертвами такихъ несчастныхъ случаевъ бываютъ очень часто *дѣти*, несмотря на то, что англійскій фабричный законъ безусловно воспрещаетъ малолѣтнимъ чистить машины, находящіяся въ движеніи.

Фабричный инспекторъ Henderson возлагаетъ всю отвѣтственность за несоблюденіе этого закона и несчастія съ дѣтьми на тѣхъ взрослыхъ рабочихъ, прядильщиковъ и ткачей, при которыхъ дѣти работаютъ. Онъ утверждаетъ, что они, по непростительной небрежности, заставляютъ дѣтей чистить машины на ходу, а не въ то время, которое для этого назначено. Но представители рабочихъ совсѣмъ иначе объясняютъ причину несоблюденія закона: свидѣтель Drew заявляетъ, что на многихъ шерстяныхъ фабрикахъ (особенно мелкихъ) не дается достаточно времени для чистки машинъ; съ одной стороны въ мастерской виситъ объявленіе, запрещающее чистить машины на ходу, а съ другой на чистку полагается только полчаса въ недѣлю, время совершенно недостаточное. То же самое говоритъ и Maudsley, членъ коммиссіи и секретарь союза бумагопрядильщиковъ. Возражая на вышеприведенное обвиненіе Henderson'а, онъ объясняетъ, что на чистку сельфактора необходимо самое меньшее три часа въ недѣлю, а между тѣмъ на это полагается по всему Ланкаширу въ среднемъ менѣе часа, а въ Oldham'ѣ только полчаса; т. е. прядильщикамъ поневолѣ приходится или допускать чистку на ходу или нарушать другое постановленіе закона, заставляя дѣтей чистить машину въ обѣденное время или иные часы, когда пребываніе малолѣтнихъ на фабрикѣ запрещено: иного выхода нѣтъ, такъ какъ, по словамъ Maudsley, съ которыми соглашается и Henderson, фабриканты не позволяютъ останавливать машины для чистки во время работы. Поэтому, Maudsley высказываетъ пожеланіе, чтобъ законъ обязалъ фабрикантовъ удѣлять больше времени на чистку машинъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ причинъ несчастныхъ случаевъ, болѣе или менѣе общихъ для всѣхъ «textile trades» и для всѣхъ разрядовъ рабочихъ, экспертами, указываются еще нѣкоторыя частныя причины, относящіяся лишь къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности или отдѣльнымъ категоріямъ рабочихъ. Такъ представители подмастерьевъ, къ обязанностямъ которыхъ относится надѣваніе ремней на приводы, сообщаютъ о нѣсколькихъ очень серьезныхъ случаяхъ, происшедшихъ вслѣдствіе неудобнаго расположенія привода, неимѣнія лѣстницы и т. п. Въ красильняхъ занятіе сопряжено съ немалою опасностью вслѣдствіе густого пара, заполняющаго помѣщеніе и мѣшающаго видѣть; бывали случаи, что рабочіе падали въ варочные котлы.

Наконецъ, одинъ изъ экспертовъ чесальщиковъ разсказываетъ, что въ Bradford'ѣ и его окрестностяхъ имѣется до 50 такъ называемыхъ «Tumble-down places»; какъ показываетъ характерное названіе, это ветхія фабричныя зданія, грозящія разрушеніемъ и подпер-

тыя столбами, и въ такихъ помѣщеніяхъ приходится работать чесальщикамъ. «Здѣсь обращено очень мало вниманія на безопасность рабочихъ», заключаетъ экспертъ.

Теперь слѣдуетъ поговорить о *штрафахъ*, взимаемыхъ съ рабочихъ на англійскихъ фабрикахъ, переработывающихъ волокнистыя вещества.

Просматривая показанія экспертовъ, мы прежде всего замѣчаемъ, что въ Англіи нѣтъ того богатаго разнообразія штрафовъ, какимъ отличаются русскія фабрики. Въ то время какъ у насъ существуетъ обыкновенно цѣлая масса такъ называемыхъ дисциплинарныхъ штрафовъ (за опозданіе, за прогулъ, за куреніе табаку, за пьянство, за непослушаніе, за оскорбленіе подмастерья, за нарушеніе тишины и спокойствія, за сонъ во время работы), въ Англіи встрѣчается только одинъ сколько-нибудь распространенный видъ дисциплинарнаго штрафа: именно штрафуютъ *за опозданіе на работу*; другіе дисциплинарные штрафы, повидимому, почти никогда не взимаются: многочисленные эксперты коммиссіи нигдѣ не упоминаютъ о нихъ.

Вторую и, конечно, главную категорію штрафовъ составляютъ штрафы *за неисправную работу*, которая влечетъ за собою порчу товара и прямой убытокъ для фабриканта. Наконецъ кое-гдѣ еще встрѣчаются штрафы за поломку машины и за разбитіе оконнаго стекла.

Что касается области распространенія штрафовъ, то въ *пряденіи, какъ хлопка, такъ и шерсти*, штрафы играютъ очень незначительную роль. По словамъ эксп. Mullin, «лишь немногіе бумагопрядильные фабриканты, въ нѣкоторыхъ промышленныхъ районахъ, штрафуютъ своихъ рабочихъ». «Въ пряденіи штрафы составляютъ исключеніе», говоритъ хлопчатобумажный фабрикантъ Russel, и то же самое утверждаютъ представители союза подмастерьевъ относительно шерстопрядильныхъ фабрикъ Bradford'a.

Вмѣсто того, чтобы штрафовать за опозданіе или за порчу товара, прядильщики поступаютъ слѣдующимъ образомъ: вначалѣ неисправному рабочему дѣлаютъ замѣчаніе, предостерегаютъ его, а при повтореніи проступка разсчитываютъ. Повидимому это — несравненно болѣе суровая система наказанія, нежели штрафы; но,— удивительное дѣло,—рабочіе рѣшительно предпочитаютъ ее. Въ этомъ смыслѣ высказываются многіе эксперты. Они горячо возстаютъ противъ штрафовъ, и притомъ не только противъ слишкомъ высокихъ или несправедливыхъ штрафовъ, но противъ самой системы, какъ бы она ни примѣнялась. «Рабочіе принципіально противъ штрафовъ, говоритъ экспертъ Mullin; если рабочій не на мѣстѣ ко времени начала работы, то самое лучшее ему отказать и взять на его мѣсто другого». «Если рабочій виновенъ въ порчѣ товара, о

долженъ быть разсчитанъ» заявляетъ Gee, представитель Huddersfield'скихъ ткачей. Рабочіе возстаютъ противъ штрафовъ прежде всего потому, что штрафы уменьшаютъ ихъ заработки, но кромѣ того, они считаютъ наложеніе штрафа произволомъ; они полагаютъ, что фабрикантъ не имѣетъ никакого права своею властью штрафовать рабочаго.

«Если рабочій причинилъ ему убытокъ, фабрикантъ можетъ взыскивать съ него этотъ убытокъ только судебнымъ порядкомъ, подобно тому какъ и рабочій не имѣетъ иного пути для востребованія неправильно задержанной предпринимателемъ заработной платы. Права обѣихъ сторонъ должны быть одинаковы» (эксперты Gee и Downing). Эту точку зрѣнія представители рабочихъ упорно отстаиваютъ, несмотря на всѣ практическія соображенія, говорящія за удержаніе системы умѣренныхъ и справедливыхъ штрафовъ. Напрасно Leonhard Courtney, одинъ изъ членовъ коммиссіи, доказываетъ имъ, что «разсчетъ есть болѣе суровое наказаніе, нежели штрафъ», что «существуетъ много степеней плохой работы, и потому должна быть также извѣстная градація наказанія соразмѣрно со степенью вины», что, наконецъ, штрафы могутъ быть лишены своего произвольнаго характера, если размѣръ ихъ будетъ заранѣе опредѣленъ путемъ соглашенія между рабочими и предпринимателями,—рабочіе продолжаютъ настаивать на незаконности штрафовъ. Это враждебное отношеніе рабочихъ къ штрафамъ является повидимому одной изъ главныхъ причинъ отмѣны штрафовъ въ пряденіи: ланкаширскіе прядильщики прежде штрафовали своихъ рабочихъ, но, теперь, уступая настояніямъ Spinners Association, большинство замѣнило штрафы разсчетомъ.

Но если предприниматели поступились своимъ правомъ налагать штрафы въ пряденіи, то они тѣмъ упорнѣе держатся за него въ ткачествѣ, и ткачество является главною областью распространенія штрафовъ. По словамъ фабриканта Simpson'a, штрафы на ткацкихъ фабрикахъ потому такъ часты и серьезны, что плохая работа ткача наноситъ гораздо большій ущербъ, нежели плохая работа прядильщика: каждый испорченный кусокъ составляетъ бракъ и можетъ быть проданъ только по пониженной цѣнѣ. «Замѣнить систему штрафовъ разсчетомъ, какъ это практикуется въ пряденіи, въ ткачествѣ невозможно, потому что тогда пришлось бы смѣнять ткачей чуть не каждыя двѣ недѣли», говоритъ тотъ же фабрикантъ. Уже изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, насколько въ ткачествѣ обыкновенны штрафы.

Что касается размѣровъ и другихъ особенностей взимаемыхъ штрафовъ, то мы скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о штрафахъ за опозданіе на работу.

Эти штрафы обыкновенно не велики. Для примѣра, приведемъ размѣры штрафовъ у одного фабриканта изъ Лидза; примѣръ этотъ можно, повидимому, считать типичнымъ:

за опозданіе	на	5	мин.	штрафъ . .	1 d.
»	»	10	»	» . .	2 »
»	»	15	»	» . .	3 »
»	»	$^1/_2$	часа	» . .	6 »

Штрафъ въ 6 d. за опозданіе на $^1/_2$ часа, по словамъ одного фабриканта, приблизительно вдвое превышаетъ то, что ткачъ заработалъ бы въ эти полчаса (?), и такой размѣръ штрафа экспертъ считаетъ справедливымъ, потому что, какъ онъ объясняетъ: «не говоря уже о томъ, что за это время ткачъ не зарабатываетъ своей платы, у меня машина работаетъ, рента и налоги взимаются, и я не только теряю пользу отъ его производства, но еще трачу деньги, что составляетъ для меня чистый убытокъ».

Таковы обыкновенные размѣры штрафовъ за опозданіе. Но кое-гдѣ отношеніе размѣра штрафовъ за опозданіе къ заработку бываетъ и больше; такъ экспертъ Drew разсказываетъ, что ему извѣстенъ такой случай: маленькій мальчикъ, проработавъ на фабрикѣ цѣлую недѣлю, принесъ домой въ концѣ недѣли всего только 1 d.; всю остальную плату съ него вычли, такъ какъ онъ опаздывалъ каждый день! На чрезмѣрные штрафы за опозданіе жалуются еще представители брадфордскихъ чесальщиковъ; какъ мы знаемъ, чесальщики получаютъ заработную плату по часамъ; — и вотъ у нѣкоторыхъ фирмъ за опозданіе вычитаютъ слѣдующимъ образомъ:

Опозданіе		Вычетъ		
5	минутъ	плата за	$^1/_2$	часа
10	»	» »	1	»
$^1/_2$	часа	» »	$2^1/_2$	часа.

Такимъ образомъ штрафъ въ 5—6 разъ превышаетъ плату за пропущенное рабочее время.

Но несравненно большую роль играютъ штрафы за плохую работу и порчу товара.

На *бумаготкацкихъ* фабрикахъ, по показанію фабриканта Simpson, штрафъ за испорченный кусокъ товара далеко не равенъ причиненному убытку; въ среднемъ онъ составляетъ не болѣе $^1/_3$ этого убытка: такъ, напримѣръ, если испорченный кусокъ придется продать на 6 d. дешевле, то средній размѣръ штрафа будетъ равняться 2 d. По словамъ представителя ткачей изъ Burnley, штрафы пропорціональны нанесенному убытку и колеблются отъ 3 d. до полной поштучной платы за кусокъ, которая въ среднемъ равна 2 s. 6 d.—3 s.; часто ткачъ, испортившій кусокъ, ничего не получаетъ за него. Но несмотря на то, что штрафъ за неисправную работу достигаетъ порою столь значительной высоты, представители ланкаширскихъ рабочихъ жалуются не столько на высоту этихъ штрафовъ, сколько на то, что очень часто штрафы налагаются несправедливо, когда ткачъ неповиненъ въ порчѣ товара: случается, что ткачу выдается плохая пряжа, изъ которой нѣтъ возможности какъ

слѣдуетъ сработать кусокъ, и всетаки ткача штрафуютъ за испорченный товаръ. По словамъ эксперта Holmes, это—очень «больное мѣсто» ткацкихъ фабрикахъ Burnley; и оно обусловливается тѣмъ, что недостатки матеріала бываетъ часто трудно замѣтить до ткачества (Birtwistle). Какъ же поступаютъ рабочіе въ случаѣ наложенія такихъ несправедливыхъ штрафовъ? Гдѣ они ищутъ защиты? Иногда они обращаются въ судъ, но судьи, по ихъ словамъ, не могутъ достаточно вникнуть въ дѣло, за неимѣніемъ спеціальныхъ познаній, и потому обыкновенно признаютъ жалобы рабочихъ неосновательными. Что касается рабочихъ союзовъ, то такъ наз. joint committees (см. далѣе) не входятъ въ разсмотрѣніе вопросовъ о штрафахъ: такіе вопросы не считаются достаточно важными: но рабочіе часто обращаются съ жалобами къ своему мѣстному союзу, и его секретарь входитъ въ объясненіе съ фабрикантомъ, чѣмъ очень часто и улаживается дѣло.

Въ показаніяхъ іоркширскихъ экспертовъ мы находимъ несравненно больше горькихъ жалобъ на чрезмѣрную высоту и несправедливое взысканіе штрафовъ. Послушаемъ, напр., что говоритъ уже извѣстный намъ Drew, секретарь союза брадфордскихъ ткачей. По его словамъ, въ Bradford'ѣ штрафы за испорченный товаръ особенно серьезны: они во-первыхъ, такъ велики, что поглощаютъ порою весь недѣльный заработокъ ткача, и во-вторыхъ, они часто несправедливы. «Я знаю десятки случаевъ, говоритъ Drew, когда ткачъ проработалъ цѣлую недѣлю и соткалъ кусокъ, за который ему слѣдовало получить 17 s., но кусокъ оказался испорченнымъ, по мнѣнію фабриканта, вслѣдствіе нерадѣнія ткача, а по нашему мнѣнію, безо всякой его вины, и ткачъ лишился всѣхъ 17 s.; ему ничего не заплатили за недѣльный трудъ». Drew утверждаетъ, что ему извѣстно много такихъ случаевъ за послѣдніе годы, и фирмы, гдѣ совершались такія злоупотребленія, по его мнѣнію, вовсе не составляютъ исключенія. «Даже самый хорошій ткачъ, продолжаетъ экспертъ, можетъ быть оштрафованъ безо всякой вины съ его стороны: напримѣръ, станокъ не въ порядкѣ и работаетъ неровно: то рѣже, то плотнѣе; ткачъ въ этомъ неповиненъ, а между тѣмъ на него возлагается отвѣтственность и онъ лишается всего недѣльнаго заработка». Въ подобныхъ случаяхъ ткачи нерѣдко обращались въ судъ и судьи иногда рѣшали дѣло въ ихъ пользу; но чаще они высказывались за предпринимателей; да и при благопріятномъ для рабочаго рѣшеніи, онъ часто ничего не выигрывалъ, такъ какъ судебныя издержки поглощали весь отвоеванный штрафъ, а фабрикантъ, со своей стороны, возбуждалъ иногда, въ такихъ случаяхъ, встрѣчный искъ объ убыткахъ, причиненныхъ ему ткачемъ. Эти вопіющіе факты, сообщенные Drew, вполнѣ подтверждаются другимъ представителемъ іоркширскихъ рабочихъ, Ben Turner, и не встрѣчаютъ никакихъ прямыхъ возраженій со стороны экспертовъ-фабрикантовъ. Ben Turner приводитъ 2 недавніе случая: въ одномъ жен-

щина лишилась всего недѣльнаго заработка въ 11 s. 11 d. безо всякой вины съ ея стороны; въ другомъ ткачиха была оштрафована на 8 s. 3 d., но обратилась въ судъ и выиграла дѣло.

Что касается брадфордскихъ фабрикантовъ, то они ограничиваются тѣмъ, что приводятъ данныя о штрафахъ на своихъ собственныхъ фабрикахъ; правда, эти штрафы весьма умѣренны, но это ни мало не подрываетъ достовѣрности показанія Drew, такъ какъ по всему видно, что фабрики предпринимателей-экспертовъ принадлежатъ къ числу наиболѣе благоустроенныхъ.

Вышеизложенныя показанія свидѣтелей коммиссіи труда относительно штрафовъ несомнѣнно приводятъ къ заключенію, что парламентъ долженъ обратить серьезное вниманіе на эту сторону фабричнаго быта и послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ изъ европейскихъ законодательствъ, которыя съ одной стороны установили извѣстный maximum отношенія штрафовъ къ заработку и тѣмъ ограничили право фабриканта по произволу штрафовать рабочихъ, а съ другой стороны устранили главный поводъ къ злоупотребленію правомъ взысканія, лишивъ предпринимателей возможности пользоваться штрафными деньгами.

Штрафы уменьшаютъ заработки рабочихъ; къ тому же самому ведутъ и другіе *вычеты*, не имѣющіе характера наказанія. Вопросъ о такихъ вычетахъ занимаетъ довольно много мѣста въ показаніяхъ ланкаширскихъ экспертовъ: рабочихъ и предпринимателей. Наибольшее значеніе имѣютъ «вычеты за смазку станковъ» (deductions for oiling) на бумаготкацкихъ фабрикахъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ прежнее время ткачи вездѣ сами смазывали станки, но теперь многіе фабриканты перешли къ такому порядку: они вычитаютъ съ ткачей по $^1/_2$ d. со станка и нанимаютъ отъ себя особаго смазывальщика. Вычетъ по $^1/_3$ d. въ недѣлю съ каждаго станка составляетъ для ткача, имѣющаго 4 станка, 2 d. въ недѣлю и около 8 s. въ годъ. Рабочіе противъ этихъ вычетовъ за смазку: они утверждаютъ, во-первыхъ, что не все вычитаемое съ ткачей идетъ на плату смазывальщику, и во-вторыхъ, что смазывальщикъ исполняетъ, кромѣ своей прямой обязанности, еще разныя другія работы; напр. подметаетъ полъ и т. п., и такимъ образомъ предприниматель вдвойнѣ выигрываетъ на этихъ вычетахъ. Свидѣтель Holmes говоритъ, что вычетъ въ $^1/_4$ d. со станка былъ бы совершенно достаточенъ для оплаты той услуги, которою пользуется ткачъ, и что смазывальщики употребляютъ около половины своего времени на совершенно постороннія работы. Для иллюстраціи экспертъ приводитъ слѣдующій примѣръ: ему извѣстна одна фирма, которая имѣетъ 1800 станковъ, съ каждаго станка вычитается по $^1/_2$ d. въ недѣлю, что составитъ всего L. 3 . 15. Между тѣмъ смазывальщиковъ трое и они получаютъ по 18 s. въ недѣлю=54 s. Такимъ образомъ предприниматель вычитаетъ съ рабочихъ на 21 s. болѣе того, что онъ платитъ смазывальщикамъ, да вдобавокъ, эти три смазывальщика

подметаютъ полъ, собираютъ отбросы, нагружаютъ, выгружаютъ и исполняютъ тысячу другихъ работъ случайнаго характера, и весь этотъ лишній трудъ достается фабриканту даромъ. По мнѣнію Holmes, эти выгоды и составляютъ причину или одну изъ главныхъ причинъ, почему фабриканты ввели такой порядокъ. Что же отвѣчаютъ на это эксперты-предприниматели? Фабриканты Rawlinson и Noble отрицаютъ, чтобы жалобы на вычеты за смазку станковъ имѣли серьезное значеніе. Rawlinson говоритъ: «it is a manufactured grievance; it is not a practical grievance». «Не стоитъ такъ много толковать о вычетѣ въ 2 пенса съ заработка въ 30 s.». Онъ со своей стороны не слыхалъ, чтобы рабочіе были недовольны этими вычетами, и не думаетъ, чтобы была значительна польза, извлекаемая изъ нихъ фабрикантами; самое большое, если фабрикантъ выгадаетъ иной разъ шиллинга 2—3 въ недѣлю. Для доказательства онъ также приводитъ разсчетъ; по его словамъ, одинъ смазывальщикъ можетъ смазывать никакъ не болѣе 300 станковъ; по $^1/_2$ d. со станка, вычетъ съ рабочихъ составитъ 12 s. 6 d. въ недѣлю. Между тѣмъ смазывальщикъ получаетъ 16—18 s. въ недѣлю. Такимъ образомъ съ ткачей вычитается менѣе того, что платится смазывальщику. Также отрицаетъ Rawlinson и второе утвержденіе представителей рабочихъ: онъ говоритъ, что смазывальщикъ иногда дѣйствительно исполняетъ незначительныя случайныя работы, но наибольшую часть своего времени онъ употребляетъ на смазку. Сравнивая разсчетъ Rawlinson съ разсчетомъ Holmes, мы замѣчаемъ, что первый считаетъ 1 смазывальщика на 300, а второй на 600 станковъ, отсюда вся разница въ результатѣ ихъ вычисленій: разногласіе какъ видимъ, чисто фактическое. Кто изъ экспертовъ въ данномъ случаѣ правъ, мы, конечно, не можемъ сказать; и точно также неизвѣстно, какъ въ дѣйствительности употребляется время смазывальщиковъ.

Другой фабрикантъ, Noble, объясняетъ, что причина распространенности вычетовъ за oiling заключается не въ денежной выгодѣ, доставляемой ими фабрикантамъ, а въ томъ, что ткачи сами плохо смазывали станки, и это заставило фабрикантовъ нанимать особыхъ смазывальщиковъ, вычитая ихъ содержаніе изъ заработка рабочихъ.

Таковы доводы, приводимые предпринимателями въ защиту правильности вычетовъ за oiling.

Но какъ бы то ни было, въ заключеніе нельзя не замѣтить слѣдующаго. Конечно, фабриканты поступаютъ правильно, передавая смазку одному, спеціально къ этому приставленному человѣку: какъ и при всякомъ раздѣленіи труда, этимъ достигается экономія въ матеріалѣ (маслѣ) и, быть можетъ, также лучшее смазываніе. Но съ другой стороны, само собой разумѣется, что вычеты ни въ какомъ случаѣ не должны превышать заработную плату смазывальщика. И во всякомъ случаѣ, такъ какъ рабочіе вообще не любятъ вычетовъ изъ платы, и эти вычеты порождаютъ разныя недоразу-

нѣнія, то было бы гораздо лучше, если бы фабриканты плати смазывальщику отъ себя: это составило бы для нихъ, конечно, со вершенно ничтожный расходъ, а между тѣмъ вопросъ о вычетах за смазку былъ бы разрѣшенъ. Вообще странно видѣть, какъ ан глійскіе фабриканты обороняютъ себя отъ малѣйшаго лишняго рас хода даже тамъ, гдѣ этотъ ничтожный расходъ явно служилъ бы к прекращенію неудовольствія рабочихъ.

Еще болѣе яркій примѣръ такой неподатливости фабрикантов представляютъ вычеты съ рабочихъ за горячую воду для завтрака, которые также практикуются на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Въ прежнее время рабочіе обыкновенно приносили съ собою на фабрику чай въ жестянкахъ и разогрѣвали его на котлахъ; теперь многіе фабриканты доставляютъ своимъ рабочимъ кипятокъ, что позволяетъ имъ пить свѣже-заваренный чай. За доставку кипятка съ рабочихъ вычитается извѣстная сумма. Что сказать объ этомъ вычетѣ? Правда, какъ объясняетъ фабрикантъ Noble, доставленіе воды сопряжено съ нѣкоторыми расходами; бани, въ которыхъ кипятится вода, требуютъ ремонта; нужно платить человѣку, который наблюдаетъ за кипяченіемъ и т. д. Но всетаки, если принять во вниманіе, что на фабрикѣ всегда имѣется паръ, и стоитъ только пропустить струю его въ бакъ, чтобы вскипятить воду, нельзя не видѣть, что расходы по доставленію кипятка должны быть самые ничтожные. Поэтому довольно комичное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное впечатлѣніе производитъ отвѣтъ Noble на весьма естественный вопросъ предсѣдателя коммиссіи. «Не полагаете ли вы, что каждый гуманный фабрикантъ долженъ бы доставлять своимъ рабочимъ кипятокъ для завариванія чая или кофе, ничего не вычитая съ нихъ за это?» спрашиваетъ Мундела. «Видите ли, отвѣчаетъ Noble, состояніе хлопчатобумажной промышленности такое угнетенное (so very low), она такъ безвыгодна (я не думаю, чтобы за послѣднія 10 лѣтъ средняя прибыль достигала 4%), что всякій маленькій расходъ имѣетъ существенное значеніе». Должно полагать, что такая ссылка на угнетенное состояніе промышленности въ оправданіе вычетовъ съ рабочихъ за кипятокъ какъ нибудь нечаянно сорвалась съ языка свидѣтеля; и большинство англійскихъ фабрикантовъ едва ли согласится подписаться подъ этими словами. Если бы фабриканты раздѣляли такой взглядъ и вполнѣ сознательно (а не въ силу только установившагося обычая) придерживались такой грошевой расчетливости, то конечно не могло бы быть и рѣчи объ улучшеніи отношеній между рабочими и предпринимателями, о томъ грядущемъ соціальномъ мирѣ, который предсказываетъ для Англіи Schulze Gaevernitz. Грошовый разсчетъ и установленіе человѣчныхъ отношеній—несовмѣстимыя вещи.

Чтобы покончить съ затронутыми экспертами вопросами внутренняго фабричнаго быта, остается еще упомянуть о такъ называемомъ «*driving*», которое практикуется главнымъ образомъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ Burnley и Blacburn'a. Извѣстно, что при крупныхъ затратахъ на постоянный капиталъ и сильной конкурренціи, предприниматели въ высшей степени заинтересованы въ возможно большемъ производствѣ; этимъ и вызывается «driving». Чтобы достигнуть большаго производства, подмастерьямъ платится соотвѣтственно выработкѣ находящихся подъ ихъ наблюденіемъ станковъ (payment by results, poundage), или имъ выдается премія (bonus), соотвѣтственно выработкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ подмастерья оказываются, такъ же какъ и предприниматель, лично заинтересованными въ томъ, чтобы ткачи вырабатывали возможно болѣе, и вотъ они начинаютъ оказывать на нихъ давленіе, «погонять» ихъ. Въ ткацкой вывѣшиваются цифры заработковъ наилучшихъ работниковъ, и подмастерья постоянно повторяютъ своими ткачамъ, указывая имъ на эти заработки: «смотрите, вотъ сколько можно заработать, и вы должны стараться зарабатывать столько же». По окончаніи недѣльной работы подмастерье обходитъ ткачей и спрашиваетъ сколько они заработали, и очень часто, заработавшіе, по его мнѣнію, мало, слышатъ отъ него упреки и брань. Но этого мало. Тѣ ткачи, которые физически слабы и не могутъ, несмотря на всѣ усилія, поспѣвать за товарищами, нерѣдко получаютъ разсчетъ. Это самая обыкновенная причина увольненія ткача. Уволенный ткачъ, пришедшій узнать причину своего увольненія, чаще всего слышитъ отвѣтъ: «Вы недостаточно выработали». Поэтому тамъ, гдѣ господствуетъ это driving, ткачи, особенно подростки и женщины, находятся въ постоянномъ страхѣ, что недостаточно сработаютъ и получатъ разсчетъ. Вотъ какъ далеко заходитъ стремленіе къ увеличенію производства. Рабочій лично заинтересованъ въ возможно большей выработкѣ, такъ какъ онъ получаетъ сдѣльную плату, но этого недостаточно: его «погоняютъ», какъ раба.

А. В. Зотовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(Продолженіе).

IX.

Наконецъ, поднявшись по лѣстницѣ,—наши лозищане вошли въ помѣщеніе мистера Борка. Боркъ оставилъ ихъ въ большой комнатѣ, а самъ повелъ Анну кверху. Матвѣй и Дыма положили на полъ свои узлы и стали около, не зная, что съ ними будетъ дальше.

Нужно сказать, что оба они считались въ своихъ мѣстахъ людьми степенными, знающими, какъ обращаться въ свѣтѣ. Случалось имъ не разъ, на ярмаркѣ, или въ праздникъ, проѣздомъ въ мѣстечкахъ или въ какой нибудь корчмѣ на шляху—заставать полнымъ полно народу,—и это ихъ нисколько не смущало. Извѣстное дѣло,—всякій самъ себя знаетъ. Поставилъ человѣкъ лошадь къ мѣсту, кинулъ ей сѣна съ воза или подвязалъ торбу съ овсомъ, потомъ сунулъ кнутъ себѣ за поясъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы люди видѣли, что это не бродяга или нищій волочится на ногахъ по свѣту, а настоящій хозяинъ, со своей скотиной и телѣгой; потомъ вошелъ въ избу, поклонился и сѣлъ на лавку ожидать, пока освободится за столомъ мѣсто. А пока—оглядѣлъ всѣхъ и сразу видно—что за народъ послалъ Богъ на встрѣчу, и сразуже можно начать подходящій разговоръ: одинъ разговоръ съ простымъ мужикомъ, другой—со своимъ братомъ, третій—съ подпанкомъ. Разумѣется, знали и свое мѣсто: если уже за столомъ разсѣлся проѣзжій баринъ,—то, конечно, приходилось и пообождать, хотя-бы мѣста было и достаточно. Однимъ словомъ,—ходили всегда по свѣту съ открытыми глазами,—знали себя, знали и людей, а потому отъ равныхъ видѣли радушіе и уваженіе, отъ гордыхъ сторонились и если встрѣчали отъ господъ иногда какія нибудь непріятности, то всетаки не часто.

Но теперь они сразу стали какъ слѣпые. Не пришли они сюда пѣшкомъ и не пріѣхали на скотинѣ, а прилетѣли по воздуху. И дворъ мистера Борка не былъ похожъ на заѣзжій дворъ, и люди были неизвѣстнаго званія.

Ближе всѣхъ, на кровати лежалъ какой-то господинъ, задравши кверху ноги, и читалъ огромнѣйшую газету. А такъ какъ, вдобавокъ, во рту у него была очень большая сигара, то лозищане подумали, что это навѣрное по здѣшнимъ мѣстамъ важный баринъ, какой-нибудь американскій дворянинъ,— и боялись, чтобы какъ нибудь его не обидѣть. Они стояли у порога, переминались и покашливали. Если бы такъ у себя, дома, то Матвѣй непремѣнно бы поклонился и сказалъ бы:

— Прошу прощенія... а можетъ это жидъ завелъ насъ сюда по ошибкѣ.

Но Боркъ скоро опять сошелъ внизъ, устроивши гдѣ то Анну, и подвелъ лозищанъ къ кровати, совсѣмъ рядомъ съ важнымъ бариномъ.

— Вотъ эта кровать,—сказалъ онъ,—стоитъ вамъ одинъ долларъ въ недѣлю.

— А что я тебѣ скажу, мистеръ Боркъ,—сказалъ Дыма.— Хорошо ли это у насъ выйдетъ?

— Ну, что еще нужно за одинъ долларъ въ недѣлю. Вы можетъ быть думаете, это съ одного. Нѣтъ, это съ двухъ. Нигдѣ не найдете лучше...

— Богъ съ тобой, если уже нельзя дешевле, — сказалъ Дыма почти шопотомъ.—А только вотъ... этому господину не покажется ли непріятно. Всетаки мы люди простые.

— Ну, это вы можете себѣ быть спокойны,—отвѣтилъ Боркъ, засмѣявшись.—Здѣсь всѣ равные, кто платитъ деньги. А этого важнаго господина я, можетъ, и держать бы не сталъ, если-бы за него не платили отъ Тамани-Голла... Хе! Что дѣлать! У меня было здѣсь заведеніе,—прибавилъ Боркъ, глубоко вздохнувши.—Заведеніе пошло къ чорту, осталась одна квартира до срока. Приходится какъ нибудь колотиться со всякой дрянью...

— А когда такъ, то и хорошо,—ободрился Дыма. Клади, Матвѣй, узелъ сюда. Что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и наши деньги не хуже другихъ. А здѣсь притомъ же свобода.

И онъ сѣлъ противъ американскаго господина—вдобавокъ еще разставивши ноги. Матвѣй боялся, что американецъ всетаки обидится. Но онъ, услышавши, что разговоръ идетъ о Тамани-голлѣ,—сѣлъ на своей постели, привѣтливо улыбнулся и нѣкоторое время оба они сидѣли съ Дымой и пялили другъ на друга глаза.

— Гудъ-бай,—первый сказалъ американецъ и хлопнулъ Дыму по колѣну.

Дыма хлопнулъ его съ своей стороны и, очень мало подумавши, отвѣтилъ:

— Yes.

— Tammany-holl,—сказалъ опять американецъ, любезно улыбаясь,—вэри-уэллъ!

— Вэри-уэллъ, — кивнулъ головой Дыма. — Это значитъ очень хорошо... А кто тамъ за тебя платитъ мистеру Борку.— Тамани-голъ, или кто другой,—это намъ все равно.

— Well!

— Yes.

Ирландецъ опять подмигнулъ, похлопалъ Дыму по колѣну и они видно сразу стали пріятели.

X.

А Матвѣй подивился на Дыму (вотъ вѣдь какой даръ у этого человѣка), но самъ сѣлъ на постели, грустно понуривъ голову, и думалъ:

— Вотъ человѣкъ и въ Америкѣ... что же теперь будемъ дѣлать?

Правду сказать,—все не понравилось Матвѣю въ этой Америкѣ. Дымѣ тоже не понравилось и онъ былъ очень сердитъ, когда они шли съ пристани по улицамъ. Но Матвѣй зналъ, что Дыма—человѣкъ легкаго характера: сегодня ему кто нибудь не по душѣ, а завтра первый пріятель. Вотъ и теперь онъ крутитъ усъ, придумываетъ слова и посматриваетъ на американца веселымъ окомъ. А Матвѣю было очень грустно.

Да, вотъ и Америка! Еще вчера ночью она лежала передъ нимъ, какъ какое нибудь облако, и онъ не зналъ, что-то явится, когда это облако разступится... Но все ждали чего то чудеснаго и хорошаго... Правду сказать, на этомъ свѣтѣ человѣкъ думаетъ такъ, а выходитъ иначе, и если бы человѣкъ зналъ какъ выйдетъ, то можетъ вѣкъ бы свѣковалъ въ Лозищахъ съ родной бѣдою. Вотъ и облако разступилось, вотъ и Америка, а сестры нѣтъ, и той Америки нѣтъ, о которой думалось такъ много надъ тихою Лозовою рѣчкой и на морѣ, пока корабль плылъ, колыхаясь на волнахъ, и океанъ пѣлъ свою смутную пѣсню, и облака неслись по вѣтру въ высокомъ небѣ, то изъ Америки въ Европу, то изъ Европы въ Америку... А на душѣ пробѣгали такія же смутныя мысли о томъ, что было тамъ на далекой родинѣ, и что будетъ впередъ, за океаномъ, гдѣ придется искать теперь человѣку свое счастіе...

Ищи его теперь, этого счастія, въ этомъ пеклѣ, гдѣ люди летятъ куда то, какъ бѣшеные, по землѣ и подъ землей и высоко.

прости имъ Господи,—по воздуху... гдѣ все кажется не такимъ, какъ наше, гдѣ не различишь человѣка, какого онъ можетъ быть званія, гдѣ не хватишь ни слова въ человѣческой рѣчи, гдѣ за крещенымъ человѣкомъ бѣгаютъ мальчишки такъ, какъ въ нашей сторонѣ бѣгали бы развѣ за туркомъ...

— Вотъ что, Дыма,—сказалъ Матвѣй, отрываясь отъ своихъ горькихъ мыслей.—Надо поскорѣе писать письмо Іосифу Лозинскому. Онъ здѣсь уже свой человѣкъ,—пусть же совѣтуетъ, какъ сыскать сестру и что намъ теперь дѣлать съ собою.

— Да ужъ не иначе,—отвѣтилъ Дыма.

Попросили у Борка перо и чернилъ, устроились у окна и написали. Писалъ письмо Дыма, а такъ какъ и у него руки не очень то привыкли держать такую маленькую вещь, какъ перо,—то прописали очень долго.

Кончили писать, Дыма сталъ отирать потъ со лба и вдругъ остановился съ разинутымъ ртомъ. Матвѣй тоже оглянулся,—и у него какъ то пріятно замерло сердце.

Въ комнатѣ стояла старая барыня, въ поношенной, но видно что когда то шолковой мантильи, въ старой шляпкѣ съ желтыми цвѣтами и съ сумочкой на рукѣ. Кромѣ того, на ленточкѣ она держала небольшую бѣлую собачку, которая поворачивалась во всѣ стороны и нюхала воздухъ.

— Наша,—шепнулъ Дыма Матвѣю.

И дѣйствительно, барыня сѣла у двери на стулъ, отдышалась немного и сказала съ перваго слова:

— Проклятая сторона, проклятый городъ, проклятые люди. Ну, скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Наши очень обрадовались родной рѣчи, кинулись къ барынѣ и чуть не стукнулись головами, цѣлуя у нея руку.

Барынѣ видно это понравилось. Она сидѣла на стулѣ, не отнимала руки и глядѣла на лозищанъ, жалостно кивая головой.

— Подольскіе или изъ Волыня?

— Изъ Лозищей, милостивая госпожа.

— Изъ Лозищей! Прекрасно! А куда же это Богъ несетъ?

— Въ Миннезотѣ есть наши.

— Миннезота! Знаю, знаю. Болото, лѣсъ, мошка и лѣсные пожары... Ай люди, люди! И что вамъ только понадобилось въ этой Америкѣ? Жили бы въ своихъ Лозищахъ...

— Оно можетъ и правда,—подумалъ Матвѣй. А Дыма отвѣтилъ:

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

— Такъ... отъ этого то рыба попадаетъ въ неводъ, а люди въ Америку... Это очень глупо. А впрочемъ,—это не мое дѣло. А гдѣ же тутъ?.. Да вотъ и Бэрко.

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей, входя въ комнату.

— А, мистеръ Бэрко,—сказала барыня, и лозищане замѣтили, что она очень разсердилась...—Скажите, пожалуйста,—я и забыла! А впрочемъ, ваша правда, ясновельможный мистеръ Боркъ! Въ этой проклятой сторонѣ всѣ мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина.—Вотъ и эти (она указала на лозищанъ)—снимутъ завтра свои свитки, забудутъ Бога и тоже потребуютъ, чтобы ихъ звать господами...

— Это ихъ дѣло,—сказалъ Боркъ хладнокровно и прибавилъ, поглаживая свою бороду:—чѣмъ могу служить?

— Твоя правда, — сказала барыня.—Въ этой проклятой сторонѣ никто не долженъ думать о своемъ ближнемъ... Всякій знаетъ только себя, а другіе — хоть пропади въ этой жизни и въ будущей... Ну, вотъ я зачѣмъ пришла: мнѣ сказали, что у тебя тутъ есть польская дѣвушка. Или,— простите мистеръ Боркъ, не угодно ли вамъ позвать сюда молодую лэди изъ польскихъ крестьянокъ.

— Ну, а зачѣмъ вамъ миссъ Эни...

— Ты, кажется, самъ начинаешь вмѣшиваться въ чужія дѣла, мистеръ Бэрко.

Боркъ пожалъ плечами и черезъ минуту сверху спустилась Анна. Старая барыня надѣла стеклышки на носъ и оглядѣла дѣвушку съ ногъ до головы. Лозищане тоже взглянули на нее, и имъ показалось, что барыня должна быть довольна и испуганнымъ лицомъ Анны, и глазами, въ которыхъ дрожали слезы, и крѣпкой фигурой, и тѣмъ, какъ она мяла рукой конецъ передника.

— Умѣешь ты убирать комнаты?—спросила барыня.

— Умѣю, милостивая пани.

— И готовить кушанье?

— Готовила.

— И вымыть бѣлье, и выгладить рубашку, и заправить лампу, потому что я терпѣть не могу здѣшняго газа, и поставить самоваръ или сварить кофе...

— Такъ, милостивая пани.

— Ты пріѣхала сюда работать?

— Какъ же иначе,—отвѣтила дѣвушка совсѣмъ тихо.

— Почемъ я, милая, знаю, какъ иначе... Можетъ быть, ты разсчитывала выйти замужъ за президента... Только онъ, моя милая, уже женатъ.

Двѣ крупныя слезы скатились съ длинныхъ рѣсницъ Анны и упали на бѣлый передникъ, который она все переминала въ рукахъ. Матвѣю стало очень жаль дѣвушку и онъ сказалъ:

— Она сирота, милостивая госпожа.

А Дыма прибавилъ:

— У нея здѣсь гдѣ-то братъ, и она не знаетъ, гдѣ его искать.

— Найдетъ на томъ свѣтѣ. Много здѣсь дураковъ прилетало, какъ мухи на медъ... Ну, вотъ что. Мнѣ некогда. Если ты пріѣхала, чтобы работать, то я возьму тебя съ завтрашняго дня. Вотъ этотъ мистеръ Боркъ укажетъ тебѣ мой домъ... А эти—тебѣ родня?

— Нѣтъ, милостивая пани, но...

И Матвѣй видѣлъ, какъ испуганный глазъ дѣвушки остановился на немъ, будто со страхомъ и вопросомъ.

— Никакихъ «но». Я не позволю тебѣ водить ни любовниковъ, ни тамъ двоюродныхъ братьевъ. Впередъ тебѣ говорю: я строгая. Изъ за того и беру тебя, что не желаю имѣть американскую барыню въ кухаркахъ. Слышишь? Ну, а пока до свиданія. А паспортъ есть?

— Есть, милостивая пани.

— То-то.

Барыня встала, гордо кивнула головой и вышла изъ помѣщенія.

— Наша!—сказалъ Матвѣй, вздохнувши.

— А это видно и здѣсь такъ же, какъ и всюду на свѣтѣ,— прибавилъ къ этому Дыма.

Анна тихонько вытерла слезу концомъ передника.

Еврей посмотрѣлъ на дѣвушку съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Ну что вы плачете, миссъ Эни! Я вамъ прямо скажу, что это дѣло не пойдетъ.

— А почему же не пойдетъ?—сказалъ Матвѣй задумчиво, хотя и ему самому казалось, что не стоило ѣхать въ Америку, чтобы попасть къ такой строгой барынѣ. Можно бы, кажется, и пожалѣть сироту... А впрочемъ, въ сердцѣ лозищанина примѣшивалось къ этому чувству другое. «*Наша* барыня, наша,— говорилъ онъ себѣ,—даромъ что строгая, зато своя и не дастъ дѣвушкѣ ни пропасть, ни избаловаться...»

— Ну, почему же не идетъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Га! Если миссъ Эни пріѣхала сюда искать своего счастія, то я скажу, что его надо искать въ другомъ мѣстѣ. Я эту барыню знаю: она любитъ очень дешево платить и чтобы ей очень много работали.

— Эхъ, мистеръ Боркъ, а кто же этого не любитъ на свѣтѣ.

— Ну, это правда, а только всякій тоже любитъ получить больше, а работать меньше. А можетъ быть, вы думаете иначе, тогда мистеръ Боркъ будетъ молчать... это уже не мое дѣло...

И Боркъ поднялся съ своего мѣста и вскорѣ ушелъ, одѣвшись, на улицу.

Онъ былъ еврей серьезный, но неудачливый, и дѣла его шли неважно. Помѣщеніе было занято рѣдко и буфетъ работалъ мало. Дочь его прежде ходила на фабрику, а сынъ учился въ коллегіи; но фабрика стала, самъ мистеръ Боркъ мѣнялъ

уже третье занятіе и теперь подумывалъ о четвертомъ. Кромѣ того, это правда, что въ Америкѣ не очень любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, поэтому и мистеръ Боркъ не сказалъ лозищанамъ ничего больше, кромѣ того, что покамѣстъ миссъ Эни можетъ помогать его дочери по хозяйству, и онъ ничего не возьметъ съ нея за помѣщеніе.

— Подождемъ еще, малютка,—сказалъ Матвѣй.—Можетъ быть придетъ скоро отвѣтъ отъ Лозинскаго, тогда, пожалуй, и тебѣ найдется работа въ деревнѣ.

— Дай-то Боже,—отвѣтили въ одинъ голосъ дѣвушка и Дыма.

— А теперь,—прибавилъ Матвѣй,—напиши, Дыма, адресъ.

Но тутъ случилось такое дѣло, что у лозищанъ кровь застыла въ жилахъ. Дѣло въ томъ, что бумажка съ адресомъ хранилась у Матвѣя въ кисетѣ съ табакомъ. Да какъ-то, видно, терлась и терлась, пока карандашъ на ней совсѣмъ не стерся. Первое слово видно, что губернія Миннезота, а дальше ни шагу. Осмотрѣли этотъ клочокъ сперва Матвѣй, потомъ Дыма, потомъ позвали дѣвушку, дочь Борки, не догадается ли она, потомъ вмѣшался новый знакомый Дымы—ирландецъ, но ничего и онъ не вычиталъ на этой бумажкѣ.

— Что же это теперь будетъ?—сказалъ Матвѣй печально.

Дыма посмотрѣлъ на него съ великою укоризной и постучалъ себѣ пальцемъ по лбу. Матвѣй понялъ, что Дыма не хочетъ ругать его при людяхъ, а только показываетъ знакомъ, что̀ бы онъ сказалъ о головѣ Матвѣя. Въ другое время Матвѣй бы, можетъ, и самъ отвѣтилъ, но теперь чувствовалъ, что всѣ они трое, по его винѣ, идутъ на дно—и смолчалъ.

— Эхъ,—сказалъ Дыма, и заскребъ въ головѣ. Заскребъ въ головѣ и Матвѣй, но ирландецъ, человѣкъ видно рѣшительный, схватилъ конвертъ, написалъ на немъ: «Миннезота, фармерскому работнику изъ Россіи, Іосифу Лозинскому» и сказалъ:

— All right.

— Онъ говоритъ аллъ-райтъ,—обрадовался Дыма,—значитъ, дойдетъ.

— Дай-то Богъ,—это будетъ чудо Господне,—сказалъ Матвѣй.

А ирландецъ, вдобавокъ, предложилъ Дымѣ сходить вмѣстѣ, отдать письмо на почту.

XI.

Дѣло это было въ пятницу.

Матвѣй долго сидѣлъ у окна, глядя, какъ по улицѣ ходи народъ, ползутъ, какъ дома, фургоны, летятъ поѣзда. На не показалась звѣзда, въ комнату вошла дочь Борка, убрала

стола, за которымъ недавно обѣдалъ Матвѣй съ Анной и молодой Джонъ, и покрыла столъ въ сосѣдней комнатѣ бѣлою скатертью. Потомъ поставила двѣ свѣчки и одинъ приборъ. Тогда Матвѣй вспомнилъ, что вѣдь сегодня наступаетъ еврейскій шабасъ.

Мистеръ Боркъ вернулся изъ своей синагоги молчаливый и печальный. Онъ постоялъ у стола, въ фуражкѣ, покачался на ногахъ, чмокалъ и жужжалъ свои молитвы, съ закрытыми глазами, одинъ, между тѣмъ, какъ изъ сосѣдней комнаты доносился смѣхъ молодого Джона, вернувшагося изъ коллегіи и что-то разсказывавшаго сестрѣ. Дѣвушка выбѣгала порой изъ этой комнаты, веселая и съ раскраснѣвшимся лицомъ, подавала отцу кушанье и убѣгала опять. А Боркъ медленно и грустно ужиналъ одинъ за своимъ шабасовымъ столомъ, тихонько разрѣзывая то лукъ, то кусокъ бѣлаго хлѣба, и часто вздыхалъ.

Лозищанинъ глядѣлъ на еврея и вспоминалъ родину. Вотъ и шабасъ здѣсь не такой, думалъ онъ про себя, и родное мѣстечко вставало въ памяти, какъ живое. Вотъ засіяла вечерняя звѣзда надъ потемнѣвшимъ лѣсомъ, и городокъ стихаетъ, даже перестали дымиться трубы въ еврейскихъ домахъ. Вотъ засвѣтилась огнями синагога, зажглись желтыя свѣчи въ окнахъ лачугъ, вотъ евреи степенно идутъ по домамъ, вотъ смолкаетъ на улицахъ говоръ и топотъ шаговъ, а зато въ каждое окно можно видѣть, какъ хозяинъ дома благословляетъ трапезу, окруженный семьей. Въ это время двери всюду открыты, чтобы Авраамъ и другіе патріархи могли ходить невидимо отъ одной лачуги къ другой и заходить въ дома. Знакомые евреи говорили Матвѣю, что въ это время ангелы ходятъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, а черти, какъ вороны, носятся надъ крышами, не смѣя приблизиться къ порогу.

Разумѣется, въ своемъ мѣстѣ, Матвѣй смѣялся надъ этими пустяками; очень нужно Аврааму заходить въ грязныя лачуги некрещенныхъ жидовъ! Но теперь ему стало очень обидно за Борка и за то, что даже евреи, такой крѣпкій въ своей вѣрѣ народъ,—забыли здѣсь свой обычай... И у него защемило сердце при видѣ одинокой и грустной фигуры еврея.

Мистеръ Боркъ, какъ бы угадывая мысли Лозинскаго, вышелъ изъ за стола и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Послушай, Боркъ, что я тебѣ скажу,—обратился къ нему Матвѣй.—Отчего твои дѣти не шабасуютъ вмѣстѣ съ тобою?

Боркъ задумчиво погладилъ бороду и сказалъ:

— А! хотите вы знать, что я вамъ скажу? Америка—такая сторона, такая сторона... Она перемалываетъ людей, какъ хорошая мельница.

— Ага! Видно и здѣсь не очень-то любятъ вашу вѣру.

— Э, вы совсѣмъ не то говорите, что надо. Если бы вы захотѣли, я повелъ бы васъ въ нашу синагогу... Ну, вы увидѣли бы какая у насъ хорошая синагога. А нашъ раввинъ въ такомъ почетѣ, какъ и всякій священникъ.

— А вы бросаете всетаки свою вѣру? — сказалъ лозищанинъ. Ему не совсѣмъ-то вѣрилось, чтобы здѣсь можно было приравнять раввина къ священнику.

— Ну! это очень трудно вамъ объяснить. Видите что: Америка такая хитрая сторона, она не трогаетъ вѣры. Она беретъ себѣ человѣка. Ну, а когда человѣкъ станетъ другой, то и вѣра у него станетъ уже другая. Не понимаете? Ну, хорошо. Я вамъ буду объяснять еще иначе. Моя дочь кончила школу, а въ это время мои дѣла пошли очень плохо. Ну, мнѣ говорятъ, пусть ваша дочь идетъ въ фэктори, — это значитъ на фабрику. Плата будетъ 10 долларовъ въ недѣлю, а когда выучится—тогда плата будетъ и 12 долларовъ въ недѣлю. Ну, что вы скажете на это? Вѣдь это 24 рубля въ недѣлю,—хорошія деньги?

— Очень хорошія деньги,—подтвердилъ Матвѣй.

— Ну, вотъ. Она пошла на фабрику къ мистеру Бэркли. А мистеръ Бэркли говоритъ: хорошо. Еврейки работаютъ не хуже другихъ. Я могу принимать еврейку. Но только я не могу, чтобы у меня станокъ стоялъ пустой въ субботу. Это не платитъ. Ты должна ходить и въ субботу...

— Ну?

— Ну... Я сказалъ: лучше я буду помирать или выйду на улицу продавать спички, а не позволю дочери ломать святую субботу. Хорошо. А въ это время пріѣхалъ къ намъ мистеръ Мозесъ. Вы не знаете, разумѣется, кто такой мистеръ Мозесъ. Это одинъ еврей изъ Луисвилля. У него умъ, какъ огонь, а языкъ, какъ молотъ. Ну, онъ перековалъ всѣхъ своихъ евреевъ въ Луисвиллѣ и поѣхалъ въ другіе города. Собрались мы въ синагогу слушать этого Мозеса, а онъ и говоритъ: слышалъ я, что многіе изъ васъ терпятъ нужду и умираютъ, а не хотятъ ломать субботу. Мы говоримъ: ну, это и правда. А онъ говоритъ: вы похожи на человѣка, который собрался ѣхать, сѣлъ на осла задомъ напередъ и держится за хвостъ. Вы смотрите назадъ, а не впередъ и потому всѣ попадете въ яму. Но если бы вы хорошо смотрѣли назадъ, то и тогда вы бы могли догадаться, куда вамъ ѣхать. Потому что, когда сыновъ Израиля стали избивать язычники, а было это дѣло при Маккавеяхъ, то ваши отцы погибали какъ овцы, потому что не брали меча въ субботу. Ну, что тогда сказалъ Господь? Господь сказалъ: если такъ будетъ дальше, то всѣхъ моихъ людей перерѣжутъ, какъ стадо, и некому будетъ праздновать субботу... пусть ужъ лучше берутъ мечъ въ субботу, чтобы у меня оста-

лись мои люди. Теперь подумайте сами: если можно брать мечъ, чтобы убивать людей въ субботу, то отчего не взять въ руки станокъ, чтобы не помереть вамъ здѣсь, въ чужой сторонѣ?.. А! я вамъ говорю, это очень умный человѣкъ, этотъ Мозесъ!

Матвѣй поглядѣлъ на еврея, у котораго засверкали глаза, и сказалъ:

— И вы отступились отъ своей вѣры.

— Ну,—отвѣтилъ Боркъ, — послѣ этого у насъ поднялся большой гвалтъ. Моя дочь пришла ко мнѣ и говоритъ: теперь я пойду на фабрику, потому что это все правда...

Боркъ грустно провелъ руками по своей бородкѣ, посмотрѣлъ на Матвѣя долгимъ взглядомъ и сказалъ опять:

— Вотъ какая сторона Америка. Мистеръ Мозесъ сдѣлалъ изъ своей синагоги настоящую конгрегешенъ. И знаете что: онъ вѣнчаетъ тамъ христіанъ съ еврейками, а евреевъ съ христіанками!

— Что ты говоришь!

— А, вы увидите сами. Мы, старики, еще держимся, а молодые уже всѣ реформаты, или еще хуже — эпикурейцы.

— Джонъ, а поди сюда на минуту!—крикнулъ онъ сыну.

Смѣхъ и разговоры въ сосѣдней комнатѣ стихли и молодой Джонъ вышелъ, играя своей цѣпочкой.

— Послушай, Джонъ, — сказалъ ему Боркъ.—Вотъ господинъ Лозинскій осуждаетъ васъ, зачѣмъ ты не исполняешь вѣру отцовъ.

Джонъ, которому видно хотѣлось скорѣе уйти къ сестрѣ, поигралъ цѣпочкой и сказалъ:

— А развѣ господинъ тоже еврей?

Матвѣй выпрямился. У себя онъ бы можетъ быть поучилъ этого молокососа за такое обидное слово, но теперь онъ только отвѣтилъ:

— Я христіанинъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія, и дѣды и отцы были христіане—греко-уніаты...

— Оль райтъ!—сказалъ молодой Джонъ.—А какъ вы мнѣ скажете: можно-ли спастись еврею?

Матвѣй подумалъ немного и сказалъ:

— По совѣсти тебѣ, молодой человѣкъ, скажу: не думаю...

— Уэллъ! Такъ зачѣмъ вы хотите, чтобы я держался такой вѣры, въ которой моя душа должна непремѣнно пропасть...

И видя, что Матвѣй долго не соберется отвѣтить, — онъ повернулся и опять ушелъ къ сестрѣ.

— А, ну! Что вы скажете? — спросилъ Боркъ, глядя на лозищанина острымъ взглядомъ.—По нашему лучшая вѣра та, въ которой человѣкъ родился,—вѣра отцовъ и дѣдовъ. Такъ мы думаемъ глупые старики.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Матвѣй, обрадовавшись.

— Ну, а знаете, что онъ вамъ скажетъ на это?

— Ну?

— Ну, онъ говоритъ такъ: значитъ будетъ на свѣтѣ много самыхъ лучшихъ вѣръ, потому что ваши дѣды вѣрили по вашему... Такъ? Ага! А наши дѣды—по нашему. Ну, что же дальше? А дальше будетъ вотъ что: лучшая вѣра такая, какую человѣкъ выберетъ по своей мысли... Вотъ какъ они говорятъ, молодые люди...

— А чтобъ имъ провалиться,—сказалъ Матвѣй.—Да это значитъ, сколько головъ, столько вѣръ.

— А что вы думаете,—тутъ ихъ развѣ мало? Тутъ что ни улица, то своя конгрегешенъ. Вотъ нарочно подите въ воскресенье въ Бруклинъ, такъ даже можете не мало посмѣяться...

— Посмѣяться? Въ церкви?

— Ну, они и молятся и смѣются... Я вамъ говорю,—Америка такая сторона... Вотъ увидите сами...

И долго еще эти два человѣка: старый еврей и молодой лозищанинъ сидѣли вечеромъ и говорили о томъ, какъ вѣрять въ Америкѣ. А въ сосѣдней комнатѣ молодые люди все болтали и смѣялись, а за стѣной глухо гремѣлъ огромный городъ...

XII.

Городъ гремѣлъ, а Лозинскій, помолившись Богу и ложась на ночь, закрывалъ уши, чтобы не слышать этого страшнаго, тяжелаго грохота. Онъ старался забыть о немъ и думать о томъ, что будетъ, когда они розыщутъ Іосифа и устроятся съ нимъ въ деревнѣ...

Въ той самой деревнѣ, которая померещилась имъ еще въ Лозищахъ, изъ-за которой Лозищи показались имъ бѣдны и скучны, изъ-за которыхъ они проѣхали моря и земли, которая виднѣлась имъ изъ-за дали океана, въ туманныхъ мечтахъ, какъ земля обѣтованная, какъ вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, какъ и старая родина...

Такая же, какъ и старая, только гораздо лучше...

Такіе же люди, только добрѣе. Такіе же мужики, въ такихъ же свиткахъ, только мужики похожи на старыхъ лозищанъ, еще не забывшихъ о своихъ старыхъ правахъ и пахетствѣ, а свитки тоньше и чище; только дѣти здоровѣе и всѣ обучены въ школѣ, только земли больше и земля родитъ не по нашему: только лошади крѣпче и сытнѣе, только плуги берутъ шире и глубже, только коровы даютъ по ведру на удой...

И такія же села, только побольше, да улицы шире и

чище, да избы просторнѣе и свѣтлѣе, и крыты не соломою, а тесомъ... а можетъ быть и соломой,—только новой и свѣжей... И должно быть, около каждаго дома—садикъ, а на краю села у выѣзда корчма, съ привѣтливымъ американскимъ жидомъ, гдѣ по вечерамъ гудитъ басъ, тонко подпѣваетъ скрипка и слышенъ въ весенніе теплые вечера топотъ и пѣсни до ранней зари,—какъ было когда-то въ старые годы въ Лозищахъ. А посерединѣ села школа, а недалеко отъ школы—церковка, можетъ быть даже уніатская.

А въ селѣ такія же дѣвушки и молодицы, какъ вотъ эта Анна, только одѣты чище, и лица у нихъ не такія запуганныя, какъ у Анны, и глаза смѣются, а не плачутъ.

Все такое же, только лучше. И конечно, такіе же начальники въ селѣ, и такой же писарь, только и писарь больше боится Бога и высшаго начальства. Потому что и господа въ этихъ мѣстахъ должны быть добрѣе и все только думаютъ и смотрятъ, чтобы простому человѣку жилось въ деревнѣ какъ можно лучше...

Съ этими мыслями лозищанинъ засыпалъ, стараясь не слышать, что кругомъ стоитъ шумъ, глухой, непрерывный, глубокій. Какъ вѣтеръ по лѣсу, пронесся гдѣ то недалеко ночной поѣздъ, и окна тихо прозвенѣли и смолки,—а Лозинскому казалось, что это опять гудитъ океанъ за бортомъ парохода... И когда онъ прижимался къ подушкѣ, то опять что то стукало, ворочалось, громыхало подъ ухомъ... Это потому, что надъ землей и въ землѣ стучали безъ отдыха машины, вертѣлись чугунныя колеса, бѣжали канаты...

И вотъ, ночью Матвѣю приснилось, что кто то стоитъ надъ нимъ огромный, безъ лица и не похожій совсѣмъ на человѣка, стоитъ и кричитъ, совсѣмъ такъ, какъ еще недавно кричалъ въ его ушахъ океанъ подъ ночнымъ вѣтромъ:

— Глупые люди, бѣдные, темные люди. Нѣтъ такой деревни на свѣтѣ, и нѣтъ такихъ мужиковъ, и господъ такихъ нѣту, и нѣтъ такихъ писарей. И поле здѣсь не такое, и не то здѣсь въ полѣ родится, и люди иные. И нѣтъ уже тебя, Матвѣй Оглобля, и нѣтъ твоего пріятеля Дымы, и нѣту Анны!.. Прежній Матвѣй уже умеръ, и умеръ Дыма, и умерла ваша прежняя вѣра, и сердце у васъ станетъ другое, и иная душа и чужая молитва... И еслибы встала твоя мать изъ заброшенной могилы, на тихомъ кладбищѣ подъ лозищанскимъ лѣсомъ,—то здѣсь въ дѣтяхъ твоихъ она не признала бы своихъ внуковъ... Потому что они не будутъ похожи ни на отца, ни на тебя, ни на прадѣдовъ въ ихъ дѣтствѣ... А будутъ американцы...

Матвѣй проснулся весь въ поту и сѣлъ на своей постели. Онъ протиралъ глаза и не могъ вспомнить, гдѣ онъ. Въ

комнатѣ было темно, но кто то ходилъ, кто то топалъ, кто то сопѣлъ и кто то стоялъ надъ самой его постелью.

Потомъ вдругъ комната освѣтилась, потому что кто то зажегъ газовый рожокъ сѣрною спичкой. Комната освѣтилась, а Матвѣй все еще сидѣлъ и ничего не понималъ и говорилъ съ испугомъ:

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

— Ну, что еще... Чего ты это испугался?—сказалъ кто то знакомымъ голосомъ. Голосъ былъ какъ будто Дымы, но что то еще было въ немъ странное и чужое. И человѣкъ, стоявшій надъ кроватью Матвѣя, былъ тоже Дыма, но какъ будто какой то другой, на Дыму не похожій... Матвѣй думалъ, что это все еще сонъ, и сталъ протирать кулаками глаза... Когда онъ открылъ ихъ, въ комнатѣ было еще свѣтлѣе и по ней двигались люди, только что вернувшіеся цѣлой гурьбой... Странные люди, чужіе люди, люди непонятные и незнакомые, люди неизвѣстнаго званія, люди съ такими лицами, по которымъ нельзя было опредѣлить, добрые они или злые, нравятся ли они человѣку или не нравятся... Они нахлынули въ комнату, точно толпа странныхъ привидѣній, которыя человѣку видятся порой только во снѣ—и тихо, безъ шума занимали свои мѣста. И Матвѣй долго еще не могъ сообразить, кто это, откуда, что здѣсь дѣлаютъ, и что онъ самъ дѣлаетъ среди нихъ...

А потомъ вспомнилъ: да, вѣдь это американцы. Тѣ, что летаютъ по воздуху, что смѣются въ церквяхъ, что женятся у раввиновъ на еврейкахъ, что выбираютъ себѣ вѣру, кто какъ захочетъ... Тѣ, что берутъ себѣ всего человѣка и тогда у него мѣняется вѣра...

А тотъ, что стоялъ надъ самой постелью, — неужели это Дыма? Да, это и былъ Дыма, но только опять такой, какъ будто онъ приснился во снѣ. Онъ очень торопился раздѣваться и отворачивалъ лицо. Однако, отъ Матвѣя не ускользнуло, что этотъ Дыма скидаетъ съ себя совсѣмъ не свою одежду. На немъ не было ни бѣлой свитки, ни краснаго пояса, купленнаго передъ самымъ отъѣздомъ въ мѣстечкѣ, ни высокихъ сапогъ, смазанныхъ дегтемъ, ни широкихъ шароваръ изъ коричневой коломянки. Вмѣсто всего этого, онъ теперь старался поскорѣе вылѣзти изъ какой то нѣмецкой кургузой куртки, не закрывавшей даже какъ слѣдуетъ того, что должно быть закрыто хорошей одеждой, шею его подпиралъ высокій воротникъ крахмальной рубашки, а ноги нельзя было высвободить изъ узкихъ штановъ... Когда же онъ, наконецъ, раздѣлся и полѣзъ къ Матвѣю подъ одно одѣяло, — то Матвѣй даже отшатнулся, до такой степени самое лицо Дымы стало чужое. Волосы его были коротко острижены и торчали вихромъ на лбу, усы подстрижены надъ губой, а отъ бороды осталась только узкая американская лопатка.

— Побойся ты Бога, Дыма, — сказалъ Матвѣй, хорошо приглядѣвшись.—На кого ты похожъ и что ты это надъ собою сдѣлалъ!

Дыма видно чувствовалъ себя такъ, какъ человѣкъ, который вышелъ на базаръ, забывши надѣть штаны... Онъ какъ то косилъ глаза, закрывалъ ротъ рукою и говорилъ какимъ то виноватымъ и слащавымъ голосомъ:

— Да вотъ, какъ меня видишь... Зашелъ съ проклятымъ ирландцемъ въ цирюльню, чтобы меня тамъ немного подстригли. Повѣрь совѣсти, Матвѣй,—я хотѣлъ только чуть-чуть. А вышло вотъ что. Посадили они меня въ кресло. Кресло, знаешь, такое хорошее, а только какъ сѣлъ въ него, такъ уже кончено. Ноги сейчасъ захватило чѣмъ то и кинуло кверху, голову отвалило назадъ, ей-Богу, какъ баранъ на бойнѣ... Вижу, что дѣлаетъ надо мной нехорошо, а двинуться не могу. Посмотрѣлъ потомъ на себя въ зеркало: не я, да и только. Что ты, говорю, собачій сынъ, надъ человѣкомъ сдѣлалъ? А они оба съ ирландцемъ довольны. Хлопаютъ меня по плечу. Уэлъ, уэлъ, вери уэллъ!..

Дыма тихонько полѣзъ подъ одѣяло, стараясь улечься на самомъ краю постели. Однако, когда въ комнатѣ потушили огонь, онъ сначала вздохнулъ, потомъ поправился на своемъ мѣстѣ, а наконецъ сказалъ:

— Ну, а всетаки, признайся, Матвѣй... Всетаки этакъ человѣкъ какъ то больше похожъ на американца. И знаешь, когда я, вдобавокъ, вымѣнялъ въ лавочкѣ у еврея эту одежду на свою свитку, съ небольшой придачей... то уже на улицѣ подошелъ ко мнѣ незнакомый господинъ и сталъ что то спрашивать по-англійски.

— Ахъ, Дыма, Дыма,—сказалъ Матвѣй на это такъ горько, что Дыма даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.—Этакъ ты скоро, пожалуй, забудешь и нашу вѣру...

— Иные люди, — проворчалъ Дыма, отвернувшись, — такъ упрямы, какъ лозищанскій волъ... Думаютъ, что лучше, когда въ нихъ кидаютъ на улицѣ корками, лишь бы оставить на бородѣ клокъ шерсти.

— Вотъ онъ уже ругается Лозищами, — сказалъ Матвѣй про себя... Потомъ пріятели замолчали. Матвѣй не спалъ очень долго и все думалъ, слушая, какъ сопятъ американцы и какъ затихшій было городъ опять просыпается за стѣной, и быстрѣе ворочаются машины и чаще пролетаютъ поѣзда, шумя, какъ вѣтеръ въ бору передъ дождливымъ утромъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда Матвѣй взглянулъ на своего пріятеля. Лицо Дымы было красно, потому что его сильно подпиралъ тугой воротникъ неснятой на ночь крахмальной сорочки. Но всетаки Матвѣю показалось, что на лицѣ у Дымы виднѣется какое то легкомысленное тщеславіе...

XIII.

Съ этихъ поръ Матвѣй сталъ замѣчать, что у Дымы сильно портится характеръ.

Прежде всего онъ сталъ водить близкую компанію съ жильцами мистера Борка и проводилъ съ ними очень много времени и въ помѣщеніи и гдѣ то еще, куда они уходили гурьбой и уводили его съ собою.

Странное дѣло! Впослѣдствіи Матвѣй говорилъ мнѣ, что никогда уже болѣе не видѣлъ въ Америкѣ такой компаніи. Можетъ быть это оттого, что дѣйствительно люди собрались особенные, а можетъ и самъ Лозинскій смотрѣлъ послѣ совсѣмъ другими глазами. Тутъ были и нѣмцы, и итальянецъ, но больше всего было ирландцевъ. Народъ веселый, гордый, порядочно потертый и вспыльчивый. Они уходили и приходили по большей части гурьбой, остальное же время курили, играли въ карты, жевали табакъ и страшно плевались, иногда черезъ головы сосѣдей.

Между прочимъ этотъ народъ очень любитъ драку. Какъ только двое сильно заспорятъ, то сейчасъ остальные станутъ въ кружокъ, кто съ трубкой, кто съ сигарой, кто съ жвачкой, и смотрятъ. А тѣ скинутъ куртки, засучатъ рукава, отставятъ одну ногу назадъ, завертятъ-завертятъ руками и—хлопъ! Кто половчѣе, глядишь—уже и засвѣтилъ другому фонарь. И притомъ, больше всего любятъ бить по лицу, въ носъ или ужъ, если не удастся,—въ ухо. Всего удивительнѣе, однако, казалось всегда Матвѣю то, что дерутся какъ то не сердито, и какъ только одинъ полетитъ кверху пятками, такъ его сейчасъ поднимутъ, обмоютъ лицо и опять сядутъ вмѣстѣ за игру или тамъ за кружки, какъ будто ничего особеннаго не случилось. И начнутъ говорить, кто какъ ударилъ и какъ, по ихъ мнѣнію, можно бы ударить еще лучше.

— Такъ и по всей Америкѣ,—говорилъ Матвѣю мистеръ Боркъ.—А если выищутся какіе-нибудь необыкновенные силачи, то ѣздятъ даже изъ города въ городъ и тузятъ другъ друга на людяхъ, за деньги. А въ это время за ними ѣздятъ газетчики и все записываютъ и даже посылаютъ телеграммы: Въ 2 часа и 10 минутъ пополудни Джонъ подбилъ Джеку лѣвый глазъ вотъ такимъ то способомъ, а въ 2 часа и 15 минутъ Джекъ свалилъ Джона съ ногъ такъ то. И тогда по всей Америкѣ вы можете видѣть много людей, которые ждутъ телеграммъ и послѣ спорятъ: какъ бы можно ударить Джека и Джона еще лучше. И даже проигрываютъ на этомъ другъ другу большія деньги.

Дыму эти люди сразу приняли въ свою компанію, угощали

его и принимали отъ него угощеніе. Матвѣй только издали слѣдилъ за этимъ и замѣчалъ съ прискорбіемъ, что характеръ у Дымы портится все больше.

Правда, онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ языкѣ. За двѣ недѣли на морѣ и за нѣсколько дней у Борка онъ уже говорилъ цѣлыя фразы, могъ спросить дорогу, могъ поторговаться и при помощи рукъ и разныхъ движеній разговаривалъ съ ирландцами такъ, что они его понимали. Это, конечно, осуждать было еще не за что. Но Матвѣя огорчало и даже сердило, что Дыма говоритъ не просто, какъ то особенно ломаетъ языкъ, вытягиваетъ нижнюю губу, жуетъ, шипитъ и картавитъ, такъ что даже лицо у него какъ то противно мѣняется. Между тѣмъ, можно было легко обойтись безъ такого малодушія. Взялъ бы,— думалъ Матвѣй, — примѣръ хоть съ жида: онъ тоже говоритъ по-американски съ американцами, но какъ еврей серьезный и степенный: — говоритъ просто какъ всегда: «мистеръ» и «Боркъ»,—такъ это у него и выходитъ. Между тѣмъ Дыма выдѣлывалъ тѣ же слова иначе, такъ что у него выходило и шепеляво, и картаво:—мисте'гъ Бэг'къ. Случалось, что онъ картавилъ такимъ образомъ, даже обращаясь къ Матвѣю. Матвѣй смотрѣлъ тогда на него внимательнымъ взглядомъ, подъ которымъ Дыма начиналъ немного краснѣть и отворачиваться.

Однако, совѣсть просыпалась въ немъ ненадолго, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Дыма сталъ уже перенимать безпечныя и увѣренныя манеры ирландцевъ и въ то время, какъ Матвѣй все сидѣлъ въ помѣщеніи, ожидая со дня на день письма изъ Миннесоты, какъ спасенія,—Дыма то и дѣло уходилъ съ ирландцами, возвращался поздно, а когда возвращался, то Матвѣю рѣдко удавалось сказать съ нимъ два слова... Такъ что онъ даже не зналъ, куда это они уходятъ ежедневно...

А тамъ пошло уже и совсѣмъ плохо. Дыма сталъ учиться боксу. Матвѣй смотрѣлъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ, какъ Дыма полетѣлъ на полъ съ перваго же разу, но потомъ ему стало это такъ противно, что онъ вынулъ изъ угла старую отцовскую библію и, отвернувшись отъ этой компаніи, сталъ читать ее, тихо шевеля губами, у газоваго рожка.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ, что Дыма подходитъ къ нему.

— Послушай, Матвѣй, — сказалъ онъ какимъ то сконфуженнымъ голосомъ. Вотъ видишь что... Ты напрасно сторонишься. Они, право, хорошіе люди...

Матвѣй положилъ палецъ на то мѣсто, гдѣ читалъ и посмотрѣлъ на пріятеля. Дыма потупился, но потомъ всетаки сказалъ еще тише:

— Пожалуйста, Матвѣй. Не прими въ дурную сторону... Но они хотѣли бы съ тобой подраться.

Матвѣй разинулъ ротъ отъ удивленія, а Дыма прибавилъ:

— Это у нихъ здѣсь такой обычай.

— Послушай, Дыма,—отвѣтилъ Матвѣй очень серьезно. У нихъ здѣсь много обычаевъ, которыхъ не слѣдуетъ перенимать христіанину. Это говорю тебѣ я, Матвѣй Лозинскій, для твоей пользы. А твоимъ пріятелямъ скажи, пусть не просятъ своего Бога, чтобы я сталъ съ ними драться.

— А, вотъ видишь,—обрадовался Дыма.—Я имъ говорилъ, что ты у насъ самый сильный человѣкъ не только въ Лозищахъ, но и во всемъ уѣздѣ. Они не хотятъ вѣрить. Докажи имъ, Матвѣй, сдѣлай для меня такую милость.

Матвѣй смѣрялъ Дыму глазами и отвѣтилъ:

— Отъ тебя ли я это слышу, Дыма...

Дыма отошелъ къ ирландцамъ, а Матвѣй вынулъ старую библію, по которой читывалъ еще его отецъ, и сѣлъ на постель около свѣту.

Онъ раскрылъ книгу и сталъ читать, шевеля губами, о томъ, какъ двое молодыхъ людей пришли въ Содомъ къ Лоту и какъ жители города захотѣли взять ихъ къ себѣ. Потомъ онъ поднялъ голову и началъ думать. Онъ думалъ о томъ, что вотъ они съ Дымой какъ разъ такіе молодые люди въ этомъ городѣ. Только у Дымы сразу сталъ портиться характеръ и онъ самъ пошелъ къ жителямъ города...

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, кто то вдругъ погасилъ рожокъ, около котораго онъ сидѣлъ. Матвѣй оглянулся. За нимъ, недалеко, сидѣлъ мистеръ Падди, ирландецъ, пріятель Дымы,—и невинно улыбался.

Матвѣй досталъ спичку, зажегъ рожокъ и опять принялся за книгу. Однако, догадавшись, что Падди на этомъ не кончитъ,—онъ тотчасъ оглянулся. Падди стоялъ сзади и уже вытянулъ ротъ, чтобы дунуть на огонь изъ-за плеча Матвѣя.

Матвѣй не очень сильно двинулъ локтемъ—и Падди упалъ на постель.

— All right,—сказалъ онъ, подымаясь и скидая куртку.

— Wery well, — сказали его товарищи, отодвигая стулья и подходя къ тому мѣстѣ.

— Алъ райтъ, — повторилъ за другими и Дыма какъ то радостно.—Теперь, выходи, Матвѣй, на середину.

Но Матвѣй, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ опять и раскрылъ свою книгу.

Ирландцы были озадачены. Однако, видно у нихъ на и есть свои правила и вскорѣ Падди сталъ подходить къ Ма вѣю, присѣдая и вертя кулаками, точно мельницей.

— Ну, дѣлать нечего, подумалъ Матвѣй, если уже ты са этого хочешь.

И не успѣлъ еще Падди изловчиться, какъ уже лозищан...

всталъ во весь ростъ, точно медвѣдь на охотника, поднялъ надъ головой Падди обѣ руки, сгребъ его за волосы, зажалъ голову колѣнями и нѣсколько разъ шлепнулъ очень звонко по мягкому мѣсту.

Всѣ разинули рты, а потомъ, когда Падди поднялся, озираясь, точно новорожденный младенецъ, который не знаетъ, что съ нимъ было до этого времени,—всѣ покатились со смѣху.

Дыма тоже смѣялся вмѣстѣ съ другими, но потомъ пересталъ смѣяться, потомъ прислушался, что говоритъ Падди и какъ другіе обсуждаютъ этотъ поступокъ Матвѣя и затѣмъ сказалъ такъ, что Матвѣй слышалъ:

— Хорошо,—нечего сказать... драться, точно медвѣдь около берлоги... Это стыдъ передъ образованными людьми...

— Ничего,—отвѣтилъ Матвѣй,—хоть и по медвѣжьи, за то хорошо. Можетъ въ другой разъ не сунется.

И онъ уже хотѣлъ раздѣваться,—какъ вдругъ ирландцы опять поднялись, Падди опять вышелъ впередъ и пошелъ на Матвѣя, сжавъ плечи, опустивши руки и изгибаясь, точно змѣя. Матвѣй стоялъ, глядя на его ужимки, и уже опять было приготовился повторить прежній урокъ,—какъ вдругъ ирландецъ присѣлъ, руки Матвѣя напрасно скользнули въ воздухѣ, ноги сами собою поднялись и онъ полетѣлъ черезъ постель на другую сторону.

Постель подъ нимъ треснула и огромный лозищанинъ свалился на полъ.

— All right,—сказали опять ирландцы, а Падди сталъ надѣвать свою куртку. Но въ это время Матвѣй тяжело поднялся изъ-за постели. Глаза у него были дикіе, волосы торчали дыбомъ и онъ озирался, отыскивая что нибудь въ руку.

Ирландцы тревожно сомкнулись и взяли Падди въ середину. Они глядѣли съ испугомъ на этого огромнаго, раздраженнаго человѣка и чувствовали вѣроятно, что еще одна минута — и имъ не сдобровать съ лозищаниномъ, несмотря на все ихъ искусство.

Но глаза Матвѣя вдругъ упали на Дыму.

Онъ стоялъ съ ирландцами и на лицѣ у него было такое же замѣшательство, какъ и у нихъ. Взглядъ Матвѣя остановился на землякѣ; онъ посмотрѣлъ такъ нѣсколько секундъ и глубоко вздохнулъ. Потомъ отвернулся и сѣлъ у окна.

Падди оглянулся съ удивленіемъ на Дыму и видимо хотѣлъ подойти къ Матвѣю, протянуть ему руку. Но Дыма знакомъ остановилъ ирландца, и всѣ оставили Матвѣя въ покоѣ.

А за окномъ весь міръ представлялся тяжелою тьмой, усѣянной свѣтлыми окнами...

Окна большія и окна маленькія, окна свѣтились внизу и

окна стояли гдѣ-то высоко въ небѣ, окна яркія и веселыя, окна чуть видныя и будто прижмуренныя. Окна вспыхивали и угасали, наконецъ ряды оконъ пролетали мимо и въ нихъ мелькали, проносились и исчезали чьи-то фигуры, чьи то головы, чьи-то едва видныя лица...

XIV.

Вечеромъ Дыма осторожно улегся въ постель рядомъ съ Матвѣемъ, который лежалъ, заложивъ руки за голову, и о чемъ то думалъ, уставивши глаза и сдвинувши брови. Всѣ уже спали, когда Дыма, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— И чего бы, кажется, сердиться на пріятеля... Развѣ я тутъ виноватъ... Если уже какой-нибудь поджарый Падди можетъ повалить самаго сильнаго человѣка во всѣхъ Лозищахъ... Га! Это значитъ, такая уже въ этой сторонѣ во всемъ образованность. Тутъ сердиться нечего, ничего этимъ не поможешь, а видно надо какъ нибудь и самимъ ухитряться... Индѣйскій ударъ! Это у нихъ, видишь ли, называется индѣйскимъ ударомъ...

Матвѣй поднялся на постели, повернулъ лицо къ Дымѣ и спросилъ:

— А ты, Дыма Лозинскій, зналъ впередъ, что они мнѣ приготовили эту индѣйскую штуку?...

— А... развѣ я уже все понимаю по англійски,—отвѣчалъ Дыма уклончиво. И затѣмъ, обрадовавшись, что Матвѣй говоритъ спокойно, онъ продолжалъ уже смѣлѣе:

— Вотъ, знаешь что, — сходимъ завтра къ этому цирюльнику. Приведи ты и себя, какъ это здѣсь говорится, въ порядокъ и кончено, ей-Богу. А что я тебѣ скажу еще: знаешь ли ты, Матвѣй, что я дѣлалъ сегодня?..

Онъ подождалъ и потомъ сказалъ важно:

— Мы сегодня выбирали городского мэра, и я тоже подавалъ голосъ отъ Таммани-голла *). Они меня записали—и кончено! О, этотъ Тамани-голлъ важная штука! Эти вотъ всѣ, что теперь у Борка, собрались сюда, чтобы подать за него голоса. И знаешь, имъ ничего не стоитъ, потому что за нихъ заплатитъ Борку этотъ рыжій отъ Тамани-голла. И за меня

*) О-во «Таммани»—не совсѣмъ законная ассоціація, состоящая главн образомъ изъ ирландцевъ и имѣющая цѣлью руководство выборами. Пользуясь тѣмъ, что Нью-Іоркъ—одинъ изъ главныхъ пунктовъ высадки пер ленцевъ, не имѣющихъ еще въ Америкѣ прямыхъ интересовъ,—Тамм голлъ разными способами пользуется при выборахъ этой граждански не витой массой. Америка долго терпѣла эти злоупотребленія, не желая изъ частнаго случая касаться началъ общаго выборнаго права. Въ послѣд время «Таммани-голлъ» потерпѣлъ сильное пораженіе.

тоже онъ заплатитъ,—прибавилъ онъ сладкимъ голосомъ и уже собираясь заснуть.

Но вдругъ онъ съ испугомъ привскочилъ на кровати. Матвѣй тоже сидѣлъ. При слабомъ свѣтѣ съ улицы было всетаки видно, что лицо его блѣдно, волосы стоятъ дыбомъ, глаза горятъ, а рука приподнята кверху.

— Слушай ты, Дыма, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій. Пусть громъ разобьетъ твоихъ пріятелей, вмѣстѣ съ этимъ мерзавцемъ Таманиголомъ, или какъ тамъ его зовутъ. Пусть громъ разобьетъ этотъ проклятый городъ и выбраннаго вами какого-то тамъ мэра. Пусть громъ разобьетъ и эту ихъ мѣдную свободу, тамъ на островѣ... И пусть ихъ возьмутъ всѣ черти, вмѣстѣ съ тѣми, кто продаетъ имъ свою душу...

— Тише, пожалуйста, Матвѣй,—пробовалъ остановить его Дыма. Люди спятъ, и здѣсь не любятъ, когда кто кричитъ ночью...

Но Матвѣй не остановился, пока не кончилъ. А въ это время, дѣйствительно, и ирландцы повскакали съ кроватей, кто-то зажегъ огонь и всѣ, проснувшись, смотрѣли на разсвирѣпѣвшаго лозищанина.

— Смотрите, не смотрите, а это правда,—сказалъ онъ, повернувшись къ нимъ, и затѣмъ опять повалился въ постель.

Американцы пошушукались между собой, погасили огонь и въ помѣщеніи мистера Борка вскорѣ водворилась тишина... Только огни свѣтили съ улицы смутно и неясно, такъ что нельзя было видѣть, кто спитъ и кто не спитъ въ помѣщеніи мистера Борка.

Вл. Короленко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ночное.

Ночь... Манитъ къ небесамъ звѣздъ таинственный хоръ.
Степь въ отвѣтъ ароматами дышетъ...
Убѣжалъ въ небеса ея ровный просторъ...
Среди степи пылаетъ унылый костеръ...
Вѣтеръ пламя лѣниво колышетъ.

Свѣтъ и тѣни дрожатъ на травѣ... У огня
Дѣти сказкѣ товарища внемлютъ...
Промелькнулъ силуэтъ одинокій луня...
Хворостъ, ежась, трещитъ... Свѣтятъ звѣзды, маня...
Въ блѣдномъ сумракѣ лошади дремлютъ...

Ночь вплетаетъ въ ту сказку свои чудеса,
Ароматы и тайны, и звуки...
Страхъ, иль вѣтеръ, порой, шевелитъ волоса?
...Злой волшебникъ... царевичъ... дѣвица-краса...
Привидѣнья... блаженство и муки...

Коростель затрещалъ... Конь заржалъ въ полуснѣ...
Свѣтъ костра обнимается съ ночью...
Звѣзды все неотступнѣй манятъ къ вышинѣ...
Полновластная сказка при блѣдномъ огнѣ
Въ полумракѣ проходитъ воочью.

А. Ѳедоровъ.

СТУДЕНТЫ.

(Изъ семейной хроники).

V.

Первое впечатлѣніе отъ большого Петербурга было сильное и пріятное. Громадные дома, перспектива Невскаго, его беззвучная мостовая, этотъ «ванька», на которомъ точно скользишь или съѣзжаешь куда-то по гладкой мостовой, милліоны зеркальныхъ оконъ, экипажи, толпа... Затерянный Карташевъ ѣхалъ на своемъ извозчикѣ и какое-то смѣшанное чувство охватывало его. Сырой запахъ сосны и смолы, смѣшанный съ бодрящимъ морознымъ ароматомъ осени; небо въ влажныхъ разорванныхъ тучахъ и въ нихъ солнце, полосами освѣщающее и улицы, и громадные дома; свѣтъ и тѣни этого солнца и эта движущаяся толпа,—все это подымало энергію, звало къ жизни, къ дѣятельности, и Карташевъ радостно всматривался и думалъ: вотъ гдѣ жизнь бьетъ ключомъ, кипитъ! И ему хотѣлось поскорѣй броситься въ водоворотъ этой жизни. Радовала и мысль, что онъ теперь совершенно самостоятельный человѣкъ: когда хочетъ обѣдаетъ, когда хочетъ и куда хочетъ идетъ,—самъ себѣ полный хозяинъ.

Однако постепенно, рядомъ съ этимъ чувствомъ радости, стало закрадываться и другое. Карташева начинало тревожить сознаніе своей отчужденности отъ всей этой жизни, сознаніе своего одиночества. Люди идутъ, ѣдутъ, спѣшатъ куда-то,—одному ему некуда спѣшить, нечего дѣлать.

Пріемные экзамены кончились, но лекціи не начинались еще. Въ чистенькой комнатѣ на четвертомъ этажѣ на Гороховой тоже дѣлать было нечего. Читать не хотѣлось: въ этомъ водоворотѣ жизни тянуло не къ книгѣ. Этотъ шумъ улицы врывался въ комнату, и, несмотря на четвертый этажъ, лежащему на своей кровати Карташеву казалось, что онъ лежитъ

не у себя въ комнатѣ, а прямо на улицѣ: и кругомъ, и мимо него, и надъ нимъ, и по немъ ѣдутъ, громыхаютъ, дребезжатъ и приэтомъ не обращаютъ на него никакого вниманія. И точно, чтобъ убѣдиться въ этомъ, онъ опять бѣжалъ на улицу, а улица гнала его снова домой и опять таки только для того, чтобы, стремительно взбѣжавъ на лѣстницу, войти, раздѣться, оглянуться и сѣсть или лечь, почувствовавъ еще сильнѣе свою пустоту и одиночество.

Компанія какъ-то сразу разбрелась и затерялась въ большомъ городѣ.

Корневъ поселился на Выборгской и, успѣвъ уже срѣзаться по латыни, ходилъ уныло каждый день въ медицинскую академію узнавать о своей дальнѣйшей судьбѣ.

— Вѣроятно, придется уѣхать,—мрачно думалъ онъ и грызъ ногти, мучимый мыслью о своей неспособности выдержать даже вступительный экзаменъ.

Ларіо исчезъ совершенно съ горизонта. Шацкій выдержалъ экзаменъ въ институтъ путей сообщенія, но о дальнѣйшей его судьбѣ Карташевъ тоже ничего не зналъ.

— Способный, шельма,—съ завистью отдавалъ ему должное Корневъ.

Дарсье поселился въ домѣ своихъ дальнихъ родственниковъ, поступивъ въ технологическій институтъ, главнымъ образомъ потому, что здѣсь не требовалось никакихъ повѣрочныхъ испытаній.

Какъ-то не было и охоты даже видаться другъ съ другомъ.

Одиночество все охватывало Карташева сильнѣе. Онъ бѣгалъ отъ него, а оно его преслѣдовало. Побывалъ онъ въ театрѣ, въ Эрмитажѣ, въ Академіи Художествъ, но вездѣ была все та-же чужая ему, раздражавшая своей жизнью, толпа. Въ жизни этой толпы былъ, конечно, и большой интересъ и большое содержаніе—она кипѣла, но чѣмъ сильнѣе кипѣла, тѣмъ больше мучился Карташевъ, единственный между всѣми обреченный томиться пустотой и жаждой жизни. Иногда, вечеромъ, выгнанный скукой изъ своей комнатки, онъ шелъ по пустыннымъ улицамъ, и тогда въ стихающемъ шумѣ точно легче становилось на душѣ. Онъ вспоминалъ мирную налаженную жизнь своего городка, семью, былой кружокъ товарищей, гимназію и интересы, связывавшіе всѣхъ въ одно. Онъ съ тоской заглядывалъ въ освѣщенныя окна тѣхъ домовъ, которые своими размѣрами напоминали ему далекую родину. Тамъ за этими окнами маленькихъ домиковъ жили люди, у нихъ были свои интересы. И онъ ихъ имѣлъ когда-то. Вотъ сидитъ въ креслѣ какой-то молодой господинъ, дѣвушка прошла по комнатѣ,—какая-то счастливая семейная обстановка. Счастливы,

они живутъ и не знаютъ, что есть на свѣтѣ ужасный звѣрь—скука,—который бѣгаетъ по улицамъ и жадно карауритъ свои жертвы. Иногда Карташеву вдругъ страшно дѣлалось отъ сознанья своего одиночества. Въ этомъ большомъ городѣ было тяжелѣе, чѣмъ въ пустынѣ. Тамъ хоть знаешь, что никого нѣтъ, а здѣсь вездѣ, вездѣ люди и въ то-же время никого, въ комъ былъ-бы какой-нибудь интересъ къ нему. Заболѣй онъ, умри—никто даже не оглянется. И Карташеву хотѣлось вдругъ уложить свои вещи и бѣжать безъ оглядки отъ этого чужаго, страшнаго въ своемъ отчужденіи, города.

Но еще сильнѣе угнетали Карташева ужасные расходы и мысль, какъ-же жить и какъ это все впереди будетъ? Въ этомъ большомъ городѣ деньги плыли также быстро и неудержимо, какъ та вода большой рѣки, которую переплывалъ онъ въ яликѣ, навѣдываясь въ свой университетъ.

Сто пятьдесятъ рублей, данные ему на три мѣсяца, таяли, какъ снѣгъ весной: прошла всего недѣля, а въ карманѣ оставалось только девяносто. Онъ старался считать каждую копѣйку, но какъ ни считалъ, а къ вечеру двухъ, трехъ, пяти рублей не было. Куда уходили они? Онъ ломалъ голову, вспоминалъ и постепенно всѣ расходы всплывали въ памяти: конка, иногда извощикъ, лодка, папиросы, завтракъ, обѣдъ (никогда у него не было такого чудовищнаго аппетита!), газета, что нибудь сладенькаго, только на сегодня, конечно, хлѣбъ къ чаю утреннему и вечернему, непредвидѣнный расходъ по хозяйству,—лампа, щетка, бѣлье, чай, сахаръ и вся остальная масса мелочей, которыхъ ни въ какую смѣту не введешь, но которыя съѣдаютъ много, очень много денегъ. Эти мысли о расходахъ, о необходимости быть экономнымъ и это полное невѣдѣніе, какъ же быть экономнѣе, окончательно отравляли все его существованіе.

«Господи», тоскливо думалъ онъ, «жить въ такомъ громадномъ городѣ, въ такой пустотѣ—точно сидѣть подъ колоколомъ пневматической машины, въ пустотѣ, гдѣ дышать нечѣмъ, и въ то же время еще такъ дорого платить за это право. Платить и дрожать, что вдругъ не хватитъ денегъ на такую же жизнь и пытку. Не хватитъ и тогда что? Что дѣлать? Домой писать? Это немыслимо. А здѣсь умирать съ голоду? Ходить милостыню просить?» Карташевъ искалъ забвенія. И нерѣдко какъ разъ послѣ такихъ разсужденій онъ дѣлалъ новый совершенно непредвидѣнный расходъ: ѣхалъ въ театръ, покупалъ что-нибудь для своего хозяйства. Тогда онъ рѣшалъ наверстать этотъ расходъ будущей экономіей, торопливо подсчитывалъ, пока ѣхалъ на извощикѣ, урѣзанную смѣту и успокаивался, когда по новой получался даже остатокъ. Этотъ остатокъ въ тотъ же вечеръ исчезалъ, потому что какая нибудь телячья

котлетка такъ ярко вставала въ воображеніи, точно она уже была съѣдена... На другой день составлялась новая смѣта, на третій еще новая и, въ концѣ концовъ, Карташевъ въ отчаяніи говорилъ себѣ: «нѣтъ, лучше всѣ деньги истратить, не учитывая, чѣмъ такъ мучиться. Ну, когда останется три рубля, накуплю хлѣба—буду жить цѣлый мѣсяцъ». А потомъ?—подымался со дна души мятежный вопросъ.

«Потомъ, — растерянно думалъ Карташевъ, — потомъ... Я умру, или что нибудь случится, потому что нельзя же больше мѣсяца вынести такой каторги...»

VI.

Часто, гуляя, Карташевъ любовался съ набережной на выглядывавшее красное зданіе университета. Онъ уже зналъ исторію этого зданія, зналъ, что Петръ Великій былъ такъ огорченъ, что главнымъ фасадомъ зданіе было расположено не вдоль Невы, что избилъ или убилъ знаменитой дубинкой архитектора, строителя этого зданія.

Иногда Карташевъ въ своихъ прогулкахъ доходилъ и до самаго университета, бродилъ вокругъ него. Ему казалось, что такъ даже лучше, что фасадъ не обращенъ къ Невѣ. Онъ заглядывалъ въ длинный университетскій дворъ и испытывалъ то чувство, какое испытываетъ человѣкъ, осматривая что нибудь принадлежащее ему. Что то чужое, что онъ почувствовалъ въ университетѣ въ дни пріемныхъ экзаменовъ, уже изгладилось и снова уступило мѣсто потребности любить и привязаться всей душой къ тому, къ чему фантазія и мысль такъ давно и такъ жадно стремились. Это *его* университетъ, *его* alma mater и все въ немъ было хорошо: и длинный дворъ, и палисадникъ, и полукругъ подъѣзда, и даже этотъ узкій въ красный цвѣтъ окрашенный фасадъ.

Скоро начнутся лекціи, а съ ними и настоящая студенческая жизнь, общеніе съ профессорами, сходки, разговоры о лекціяхъ и прочитанномъ, выводы...

Въ пылкой фантазіи Карташева рисовалось, какъ онъ выдвигается уже своимъ знаніемъ, глубиной своихъ замѣчаній, какъ на него обращено вниманіе... Его любятъ товарищи, профессора и онъ готовъ за тѣхъ и за другихъ въ огонь и въ воду.»

Наступилъ, наконецъ, и давно ожидаемый день начала лекцій. Торопливо, съ ранняго утра, Карташевъ умывался, одевался, смотрѣлся въ зеркало и наряжался въ свое лучшее платье.

Было прекрасное, почти морозное утро. Умытое, ярко-синее небо охватило своими нѣжными объятіями городъ со всѣми его домами, башнями, золотыми куполами. Лучи солнца заставляли весело, ярко сверкать эти купола въ свѣжемъ утрѣ.

Несся глухой гулъ и городъ, какъ какой-то большой звѣрь, точно просыпался.

Вотъ и пустая еще Морская — мягкая мостовая и смолистый сырой ароматъ, этотъ возбуждающій и бодрящій ароматъ въ осеннемъ воздухѣ.

Вотъ и Нева. Плавно и беззвучно катитъ она свои воды, вся скованная гранитомъ, громадными домами, съ цѣлымъ лѣсомъ въ туманной дали мачтъ и судовъ. Лошадь гулко стучитъ по Дворцовому мосту и сердце радостно замираетъ при взглядѣ на знакомое красное зданіе.

Лекціи сразу начинаются знаменитымъ профессоромъ. Серьезныя, озабоченныя фигурки одна за другой торопливо исчезали въ громадныхъ входныхъ дверяхъ. Здѣсь, въ этой толпѣ, будущіе министры и писатели.

Карташевъ спѣшно, судорожно разсчитывался съ извощикомъ и вихри мыслей проносились въ его головѣ. Онъ точно видитъ вдругъ всю головокружительную высоту человѣческой жизни. Кто, кто взберется на вершину ея? Тотъ маленькій тихій, глаза котораго, какъ двѣ звѣздочки, ясно смотрятъ на него въ это мгновеніе, или этотъ въ золотомъ пенснэ, подкатившій на собственномъ рысакѣ? Да, жизнь въ этомъ большомъ городѣ не такая простая вещь, какой казалась тамъ въ знакомой обстановкѣ милой родины.

Карташевъ, раздѣвшись, быстро взлетѣлъ по лѣстницѣ и, остановившись на площадкѣ второго этажа, заглянулъ въ открытую конференцъ-залу. Тамъ было тихо, спокойно и вся зала, со всѣми своими стульями и хорами, точно спала еще.

За то съ лѣвой стороны изъ корридоровъ и аудиторій уже несся шумъ тысячной толпы.

Карташевъ прошелъ по корридорамъ, заглянулъ въ аудиторіи, розыскалъ свою аудиторію, громадную, большую, съ окнами на сѣверъ, темную, съ полукруглыми рядами амфитеатромъ расположенныхъ скамеекъ, попробовалъ присѣсть на одной изъ нихъ и опять вышелъ въ корридоръ.

Возбужденное и праздничное настроеніе Карташева смѣнилось какимъ-то знакомымъ уже чувствомъ пустоты и неудовлетворенности. Лица толпы были непривѣтливы или равнодушны. Встрѣчавшійся взглядъ или безучастно осматривалъ его фигуру, или сверкалъ угрюмо и даже враждебно.

Попадались такіе же одинокіе, какъ и онъ, и своей тоскливой фигурой говорили сильнѣе ему объ его собственномъ одиночествѣ. Въ общемъ это была уже знакомая, все та же

отчужденная толпа улицы, вызывавшая знакомое ощущеніе. Также на какомъ нибудь гуляньи, на Невскомъ, равнодушно смотрѣли и проходили дальше. Здѣсь даже было что-то худшее: точно собрались конкурренты на одну и ту же должность, собрались и уже мѣряли своихъ противниковъ, скрывая это подъ личиной равнодушія, пренебреженія, высомѣрія и раздраженія. Это уже не гимназическая толпа и не гимназическіе товарищи. Карташевъ чувствовалъ, что въ этой толпѣ нѣтъ и не можетъ уже и быть того связующаго, что дѣлаетъ изъ толпы одно сплоченное цѣлое. Всѣ они, какъ въ театрѣ или фойэ, пришли сюда на два-на три часа и потомъ унесутъ назадъ съ собой всѣ тѣ нити, которыя каждаго изъ нихъ связываютъ съ ихъ особой отъ другихъ жизнью.

Лучше другихъ чувствовали себя поступившіе изъ мѣстныхъ гимназій,—они и давали тонъ, потому что они одни составляли свой кружокъ. Это все въ большинствѣ случаевъ были красивые, выхоленные, хорошо одѣтые, молодые люди.

Карташевъ уныло возвратился въ аудиторію. Она уже была полна, отовсюду смотрѣли на него сотни глазъ, и смущенный Карташевъ, высмотрѣвъ гдѣ-то вверху свободное мѣсто, направился туда, съ непривычки спотыкаясь на ступенькахъ.

Около намѣченнаго имъ мѣста сидѣлъ какой-то бѣдно одѣтый, съ длинными волосами и задумчивымъ взглядомъ студентъ. Когда Карташевъ сѣлъ, студентъ брезгливо, съ подчеркиваніемъ отодвинулся и даже отвернулся отъ него.

«Отчего онъ отвернулся?—подумалъ Карташевъ. — Можетъ быть, радикалъ какой нибудь, — прочиталъ и узналъ, что есть Писаревъ и теперь воображаетъ, что Америку открылъ?»

И Карташевъ, уныло глядя на сновавшую тамъ внизу толпу, думалъ: «Нѣтъ, жизнь не Писаревъ, и здѣсь въ Петербургѣ это особенно ясно: несется франтъ и, навѣрно, халуй, но именемъ Писарева его не сбросишь на мостовую, именемъ Писарева его и покраснѣть не заставишь. А эта нарядная толпа, эти улицы, весь этотъ судорожный спѣхъ куда-то... Куда? къ Писареву? Нѣтъ, что-то иное руководитъ этой жизнью... Даже, чтобъ дѣйствительно сдѣлать что-нибудь, надо съумѣть сперва выбиться въ жизни... Одни выбьются, другіе погибнутъ».

И Карташевъ напряженно смотрѣлъ и угадывалъ, кто изъ тѣхъ, на кого онъ глядѣлъ, съумѣетъ пробить себѣ дорогу въ жизни. Вотъ тотъ, въ золотомъ пенснэ, котораго онъ уже [illegible]дѣлъ на лѣстницѣ. Онъ то садится, то уходитъ, разговарива[illegible]ъ и иногда ходитъ передъ аудиторіей, заложивъ руки такъ у[illegible]ренно и спокойно, точно здѣсь никого и нѣтъ. А еслибъ о[illegible], Карташевъ, вздумалъ такъ свободно погулять? Но онъ [illegible] сидя не знаетъ, что дѣлать ему со своими руками, ногами, [illegible]ъ выраженіемъ своего лица. Вотъ вошелъ, въ черномъ сюрт[illegible]

остановился въ дверяхъ и смотритъ на всѣхъ: — чѣмъ не министръ? Этотъ студентъ поздоровался съ тѣмъ въ золотомъ пенснэ. И у того, и у другого что-то особое въ покроѣ ихъ платья. Къ ужасу своему Харташевъ вдругъ замѣтилъ, что его кургузый и узкій фасонъ—единственный въ своемъ родѣ между всѣми покроями всѣхъ этихъ костюмовъ. Его бросило отъ такого открытія сразу и въ жаръ, и въ холодъ. Неудивительно, что на него съ такимъ пренебреженіемъ всѣ смотрѣли и даже этотъ его сосѣдъ такъ отодвинулся отъ него. Конечно, онъ правъ, его сосѣдъ: старый, безъ претензій, костюмъ лучше, конечно, чѣмъ кургузый, шутовской. И теперь, еслибы Карташеву отдали весь міръ, онъ уже не рѣшился бы опять встать и пройтись въ своемъ костюмѣ передъ толпой. А этотъ костюмъ могъ еще нравиться ему!.. И тамъ, на родинѣ, всѣмъ нравился...

Передъ нимъ сверкнулъ было образъ милой родины, солнце юга, родной очагъ и его былая радость отъ этого костюма, но большая, холодная аудиторія и эта чинная равнодушная, точно на какой-то спектакль собравшаяся толпа, словно вдругъ заглянула въ его душу и, увидавъ тамъ бѣдную картинку его родины, еще съ бо́льшимъ презрѣніемъ дала почувствовать ему всю неумѣстность его воспоминаній.

Карташевъ глубоко всей грудью вздохнулъ: сегодня-же онъ этотъ проклятый сюртукъ сожжетъ въ печкѣ, а затѣмъ будетъ не доѣдать, но прежде всего придастъ себѣ такой-же человѣческій видъ, какой имѣютъ и всѣ эти господа.

А тамъ внизу уже начался шумъ, — еще толпа народа ввалилась въ аудиторію, около Карташева сѣли, толкнувъ его, еще двое, многіе остались безъ мѣстъ и такъ и стояли у дверей, а по аудиторіи уже шелъ къ каѳедрѣ сосредоточенный, ежомъ остриженный, важный и строгій старикъ профессоръ. Каѳедра помѣщалась въ противоположной отъ двери сторонѣ, у окна, и профессоръ, взойдя и положивъ лекціи, началъ, не спѣша, крѣпко сморкаться и въ то-же время угрюмо и строго обводить аудиторію глазами. За профессоромъ и въ аудиторіи началось громкое сморканье и прокашливанье, затѣмъ все стихло и въ гробовой тишинѣ прозвучали глухо первыя слова профессора:

«Милостивые государи!»

Точно яркая молнія освѣтила повеселѣвшаго вдругъ Карташева. Это онъ-то милостивый государь? Но кто-же другой? Конечно, онъ, студентъ петербургскаго университета. Не гимназистъ, а студентъ; не мальчишка, а молодой человѣкъ, пришедшій вмѣстѣ съ другими сюда узнать то, что повѣдаетъ ему этотъ знаменитый старикъ. И только для этого и больше не для чего пришелъ и онъ, и всѣ другіе сюда, и все остальное,

всѣ эти фасоны—такая мелочь... пошлая и глупая... Радостное чувство охватило Карташева и онъ вдругъ впервые ощутилъ какую-то тѣсную связь съ этой толпой. Нѣтъ, всетаки это уже не толпа улицы, это *его* толпа. Эта аудиторія тоже не улица—это источникъ свѣта, знанія. Онъ молодой, во цвѣтѣ силъ и передъ нимъ длинная жизнь и все, все будетъ въ ней зависѣть отъ того, какой фундаментъ успѣетъ заложить онъ въ эти, въ сущности короткіе дни своего ученія. О, надо слушать обоими ушами, слушать и не терять ни одного дорогого слова!

Но прежде всего надо было привыкнуть слушать. Сперва слова сливались въ какой-то одинъ неясный гулъ. Но мало-по-малу звукъ сталъ яснѣе и Карташевъ уже различалъ и слова и отдѣльныя предложенія. Но на этомъ, впрочемъ, все и остановилось. Карташевъ слушалъ, различалъ слова, группировалъ ихъ въ предложенія, вникалъ въ смыслъ, а въ это время профессоръ говорилъ уже что-то новое. Тогда Карташевъ, бросая старое, хватался за это новое, напрягался изо всѣхъ силъ, точно бѣжалъ запыхавшись. Казалось сперва, что все шло хорошо, но вдругъ опять онъ спотыкался обо что-то, и въ его головѣ все собранное сразу разлеталось.

Чѣмъ дальше продолжалась лекція, тѣмъ все напряженнѣе и глупѣе чувствовалъ себя Карташевъ. Точно это не энциклопедію права онъ слушалъ, а какую-то высшую математику, рядъ непонятныхъ, Богъ вѣсть откуда взявшихся, формулъ.

А между тѣмъ профессоръ читалъ только еще вступленіе къ предмету, ко всѣмъ этимъ всевозможнымъ философскимъ системамъ отъ Ѳалеса до Тренделенбурга, собирался только приступить къ пространному введенію о методахъ діалектическомъ, органическомъ, историко-генетическомъ. Этотъ послѣдній былъ его собственный методъ, и Карташевъ смотрѣлъ съ широко раскрытыми глазами и думалъ, въ какую бездну надо погрузиться, чтобы не только понимать, но даже и изобрѣсти этотъ, какой-то страшный методъ.

Прочитавъ часъ, профессоръ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ опять возвратился. Карташевъ съ новымъ напряженіемъ принялся слушать, опять магически кольнуло его «милостивые государи», и опять онъ точно погрузился сразу въ какой-то бездонный хаосъ. Утомленный, онъ еще меньше понималъ теперь.

«Но вѣдь я—думалъ съ отчаяніемъ Карташевъ, —даже Бокля читалъ, читалъ Добролюбова, Чернышевскаго, Флеровскаго, Щапова, Антоновича, Писарева, Шелгунова, Зайцева, а вотъ этого не понимаю. Я считался однимъ изъ способныхъ, математика всегда для меня была легкимъ предметомъ. Пю-

фессоръ на повѣрочномъ экзаменѣ по словесности, какъ только я заговорилъ ему о Шишковѣ, о школѣ Кочѣновскаго, пришелъ въ восторгъ. А посмотрѣлъ-бы онъ теперь на меня— какимъ дуракомъ я сижу... А другіе,—они понимаютъ?»

«Карташевъ внимательно всматривался въ лица слушателей. Одни были напряжены, другіе безъ всякаго выраженія, равнодушно смотрѣли въ лицо профессору, третьи что-то чертили и два-три старательно записывали. Записывать въ надеждѣ сосредоточиться попробовалъ было и Карташевъ, но изъ этого ничего не вышло.

«Вотъ, этотъ понимаетъ или нѣтъ?»—подумалъ Карташевъ, внимательно всматриваясь въ студента, сидѣвшаго спокойно, съ равнодушнымъ лицомъ у окна. Глаза студента, красивые и выразительные, не смотрѣли на профессора, но не смотрѣли и на товарищей. Его взглядъ скользилъ надъ головами и терялся тамъ, въ толпѣ у входныхъ дверей. Это былъ не молодой уже человѣкъ, мягкая русая борода обрамляла его щеки, онъ смотрѣлъ равнодушно и, казалось, совершенно свободно понималъ, что читалось, иногда кивая головой. Но вдругъ Карташевъ поймалъ въ его лицѣ что-то уже знакомое ему, выраженіе какого-то скрытаго смущенія и радостно подумалъ: онъ тоже не понимаетъ. Иногда взглядъ его останавливался на освѣщенномъ мыслью лицѣ, оживленномъ интересомъ, и тогда Карташевъ съ грустью и завистью думалъ: этотъ вотъ понимаетъ.

Онъ вздыхалъ и начиналъ снова слушать. Онъ уже зналъ, что ничего не пойметъ, и думалъ только о томъ, чтобы придать своему лицу такое-же выраженіе, какъ у всѣхъ. Онъ чертилъ пѣтушка, отрываясь, дѣлалъ вдругъ вдумчивое лицо и, смотря въ потолокъ, кивалъ головой. И въ то же время онъ то и дѣло смотрѣлъ потихонько на часы.

Никогда въ гимназіи такъ мучительно не ползло время. Боже мой, еще цѣлыхъ двадцать минутъ осталось. Развѣ уйти?! какъ будто на минутку только вышелъ, а тамъ и поминай какъ звали. Туда на улицу, гдѣ шумъ, жизнь, гдѣ свѣжій воздухъ, а здѣсь... здѣсь точно воздуха не хватаетъ. Еще десять минутъ: надо досидѣть. Мимоходомъ, когда шелъ въ аудиторію, онъ видѣлъ внизу буфетъ, стаканы съ чаемъ, большіе бутерброды съ свѣжей ветчиной. Пока всѣ сидятъ здѣсь, захватить тамъ поудобнѣе мѣсто... Нѣтъ, надо дослушать.

И Карташевъ опять внимательно уставился въ профессора. И вдругъ произошло что-то странное. Профессоръ, относительно котораго Карташевъ рѣшилъ, что такъ никогда и не услышитъ отъ него ничего понятнаго, заговорилъ вдругъ простымъ и самымъ обыкновеннымъ языкомъ:

«Милостивые государи, я кончилъ сегодняшнюю лекцію...

Каждый годъ для однихъ я начинаю ихъ первую лекцію, для другихъ—кончаю ихъ послѣднюю... Для васъ, милостивые государи, новыхъ гражданъ вашей «alma mater», въ свою очередь начинается новый періодъ вашей жизни, лучшій періодъ, господа. Свѣтъ той идеальной правды, которой, если вы захотите, вы будете жить въ этихъ стѣнахъ, вспомнится вамъ въ жизни... Тамъ, за этими стѣнами васъ ждетъ иная жизнь, ждетъ тяжелая и неравная борьба за этотъ свѣтъ. Силы для этой борьбы вы почерпнете только здѣсь, у своей alma mater, милостивые государи, въ этомъ universitas literae literarum!.. И озаренные этимъ свѣтомъ, не разъ за мирными стѣнами этого зданія повторите вы, милостивые государи, вмѣстѣ со мной слова великаго поэта:

«So gieb mir die Leiden wieder
Da ich noch selbst im Werden war!»

Голосъ стараго профессора гулко задрожалъ и съ нимъ, казалось, задрожалъ воздухъ и холодныя стѣны большой аудиторіи, задрожали молодыя сердца молодыхъ его слушателей... Что-то вдругъ точно посыпалось и громъ дружныхъ аплодисментовъ огласилъ аудиторію.

Карташевъ обезумѣлъ: не помня себя, онъ аплодировалъ и кричалъ: браво, браво, браво...

Давно прекратились аплодисменты и теперь всѣ смотрѣли на него. Карташевъ услыхалъ вдругъ смѣхъ и смущенно оборвался. Въ его воображеніи вдругъ нарисовалась его комическая фигура въ кургузомъ сюртукѣ, отчаянно кричавшая не идущее къ дѣлу театральное привѣтствіе.

Карташевъ съ замершимъ полукрикомъ бросился въ коридоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже, застегивая на ходу пальто, шагалъ по панели такъ, точно кто-нибудь гнался за нимъ.

Онъ остановился только на Дворцовомъ мосту и сталъ осматриваться. Все такой же былъ прекрасный осенній день, тотъ же запахъ мороза, такъ же сверкалъ Петербургъ—*его* Петербургъ и онъ въ немъ попрежнему... вотъ и красное зданіе университета... И Карташевъ долго угрюмо всматривался въ это красное, вдругъ ставшее загадочнымъ, зданіе своей новой alma mater. Что-то другое было теперь, совершенно другое въ сравненіи съ тѣмъ, что такъ заманчиво рисовалось ему въ аллеѣ стараго деревенскаго сада.

Карташевъ тяжело вздохнулъ и пошелъ дальше.

«Мелочи все это»—утѣшалъ онъ себя.—«Мелочи, мелочи», въ то же время думалъ онъ подавленно и слезы сжимали ему горло:—«а развѣ вся жизнь не состоитъ изъ мелочей?»

И онъ блуждалъ уныло глазами, точно отыскивая или ис-

миная на чемъ бы остановиться и отдохнуть ему отъ этихъ мелочей. Но и кругомъ, и назади была одна пустота. Было, правда, время — жилъ и онъ иной жизнью, когда вѣрилъ въ книгу больше, чѣмъ въ жизнь, но, вѣдь, тогда онъ мальчишкой былъ, увлекался, а теперь... Теперь онъ больше не мальчишка... онъ вѣритъ въ жизнь.

VII.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Корневъ оставилъ на вокзалѣ вещи и отправился прямо на Выборгскую искать себѣ квартиру.

— Ну вотъ и отлично,—проговорилъ онъ въ первой же квартирѣ, на третьемъ этажѣ, услыхавъ объявленную цѣну—восемь рублей.—Вамъ оставить задатокъ?—обратился онъ къ маленькой, чистенькой старушкѣ—квартирной хозяйкѣ, въ черномъ платьѣ и черномъ чепчикѣ.

— Да, конечно, если вамъ понравилась комната.

— Комната понравилась.

Изъ маленькой, свѣтлой, продолговатой передней, прямо противъ входныхъ дверей и была его комната. Окнами она выходила на востокъ, и такъ какъ передъ домомъ былъ пустырь, то изъ окна открывался далекій видъ на Неву и на городъ.

Небольшая комната была свѣтла, а желтенькіе обои прибавляли, казалось, еще больше свѣта. Незатѣйливая обстановка: кровать, комодъ, письменный столъ и три стула—не блистали роскошью, но все было достаточно чисто, достаточно уютно и, главное, не дорого.

Корневъ поѣхалъ назадъ на вокзалъ за вещами и часа черезъ два уже сидѣлъ въ своемъ новомъ жилищѣ.

Онъ обстоятельно разспросилъ хозяйку, гдѣ купить ему чаю, сахару, въ какой кухмистерской обѣдать и гдѣ абонироваться на чтеніе книгъ.

Узнавъ все, Корневъ одѣлся и отправился исполнять свои хозяйскія дѣла.

Кухмистерская, гдѣ подавались два блюда за 20 коп., пришлась ему по вкусу и ѣдой, и обществомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ студентовъ-медиковъ и молодыхъ дѣвушекъ, собиравшихся поступить или уже поступившихъ на разные курсы. Тутъ же въ кухмистерской онъ познакомился кое съ кѣмъ изъ поступившихъ сверстниковъ и узналъ, что пріемные экзамены начнутся черезъ недѣлю. Уходя, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ молоденькой дѣвушкой, высокаго роста, блѣдной, съ голубыми, твердо, пытливо на него смотрѣвшими глазами. Что-то чувствовалось въ ея фигурѣ и задорное, и прямое, и требовательное, но рядомъ съ этимъ проглядывало и

что-то другое, что казалось силой воли, твердо и безповоротно затиснутое въ самые далекіе уголки ея души.

Такъ смотритъ ребенокъ, притиснувшій мышку: и жаль ему, и кровожадный инстинктъ сжимаетъ безсознательно крѣпче его руку. Такъ смотрѣла она, какъ-бы говоря: ты думаешь, я тебя цѣловать начну, а я тебя замучу.

— Ну-съ, Марья Васильевна,—услышалъ Корневъ обращенное къ ней привѣтствіе,—вы что-жъ запаздываете?

— Я?—переспросила Марья Васильевна. Глаза ея скользнули по Корневу и улыбка, очевидно, относившаяся къ спрашивавшему, пробѣжала по ея губамъ. Эта улыбка, въ связи съ своеобразной красотой дѣвушки, точно острымъ холоднымъ лезвіемъ проникла въ душу Корнева.

Вечеромъ послѣ чая, Корневъ, лежа на кровати, то читалъ какую-то статью «Отечественныхъ Записокъ», то, отложивъ книгу, грызъ ногти и думалъ объ оригинальной посѣтительницѣ кухмистерской.

Въ одиннадцать часовъ онъ кончилъ чтеніе, раздѣлся, потушилъ свѣчку и заснулъ съ тѣмъ особымъ удовлетвореніемъ, съ какимъ засыпаетъ человѣкъ въ первый разъ на новомъ и притомъ желанномъ мѣстѣ.

Утромъ на другой день онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ вещей: вынулъ изъ чемодана бѣлье, платье, книги. Бѣлье и платье спряталъ въ комодъ, аккуратно выстлавъ дно комода простынями, а книги уложилъ на письменномъ столѣ: Бокля, Писарева и «Письма» Миртова.

Приведя все въ порядокъ, онъ сѣлъ и написалъ письмо домой, извѣщавшее родныхъ о благополучномъ его прибытіи въ Питеръ, о томъ, что онъ уже поселился на своей квартирѣ и обѣдаетъ въ кухмистерской, и что экзамены начнутся черезъ недѣлю.

Кончивъ письмо, Корневъ посмотрѣлъ на часы. Былъ уже часъ—время назначенное имъ для обѣда, и онъ отправился въ кухмистерскую. Тамъ онъ быстро,—это дѣлалось какъ-то само собой, — завязалъ еще новыя знакомства, и такъ какъ разговоръ коснулся интересныхъ темъ, то послѣ обѣда еще долго оставался въ кухмистерской.

Марья Васильевна опять пришла, и опять тотъ-же контрастъ красиваго лица съ какимъ-то больнымъ, хищническимъ оттѣнкомъ непріятно поразилъ Корнева. Она встрѣтилась съ нимъ глазами и сѣла противъ него. Разговаривавшій съ Корневымъ молодой, съ густыми русыми волосами, студентъ, облокотившись на руку, небрежно протянулъ ей, не прерывая разговора, свою свободную руку, которую такъ-же небрежно пожала дѣвушка. Она опять, встрѣтившись глазами, съ смутившимся вдругъ Корневымъ, протянула ему руку и отрекомендовалась.

— Колпина.

— Корневъ, — отвѣтилъ, сдвинувъ брови и сдѣлавъ какое только могъ сосредоточенное лицо, Корневъ.

— О чемъ вы съ нимъ спорите?—спросила дѣвушка.

— Да вотъ,—замялся Корневъ,—собственно я вотъ не совсѣмъ согласенъ... то есть, если хотите, я и согласенъ, но не сторонникъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ крайнихъ ужъ взглядовъ...

— А вы предпочитаете не холодъ и не кипятокъ, а такъ... тепленькую водичку...—Марья Васильевна сдѣлала саркастическую мину и пренебрежительно добавила:—Что жъ? у каждаго свой вкусъ...

Корневъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, лицо его передернулось:

— Здѣсь кажется дѣло не во вкусѣ, а что раціональнѣе... Ванна изъ кипятка, напримѣръ...

— Дѣти играютъ въ мячикъ, а когда постарше дѣлаются, играютъ словами...

Губы Марьи Васильевны на мгновеніе скривились вчерашней ѣдкой улыбкой, сверкнули бѣлые, красивые зубы и опять она напряженно и рѣзко смотрѣла на Корнева взглядомъ, который одинаково говорилъ и о ласкѣ, и о неумолимой жестокости.

— Позвольте,—проговорилъ, красный отъ смущенія Корневъ,—если говорить объ игрѣ словъ...

Онъ сдѣлалъ недоумѣвающій жестъ въ воздухѣ.—То, вѣдь все можетъ быть въ концѣ концовъ объяснено, какъ игра. И нашъ разговоръ въ сущности только игра... вы, вѣдь не знаете даже, о чемъ у насъ споръ, а ужъ мы затѣяли съ вами по поводу него новый... и не споръ даже, а такъ именно какую-то игру словъ...

— Отчего-же это вышло такъ?—спросила Марья Васильевна и уставилась въ Корнева.

— Не знаю... можетъ быть кто нибудь изъ насъ охотникъ до споровъ.

— Что до меня—ни до споровъ, ни до пошлостей я не охотница.

Марья Васильевна произнесла это такъ рѣзко, что Корневъ замолчалъ, а такъ какъ разговоръ и со студентомъ оборвался, который въ это время всталъ и перешелъ къ другимъ, то Корневъ, посидѣвъ еще и молча попрощавшись съ Колпиной, отправился домой.

Въ тотъ же день пріѣхалъ къ нему Карташевъ.

Пріятели, за неимѣніемъ дивана, улеглись рядомъ на кровати и толковали.

— Въ этомъ домѣ даютъ чай?—спросилъ Карташевъ.

— Какъ же,—отвѣтилъ Корневъ, отрываясь отъ своего обычнаго занятія — грызенія ногтей и стуча кулакомъ въ стѣну.

На стукъ вышла громаднаго роста краснощекая, въ неимовѣрно большихъ и тяжелыхъ ботинкахъ—простая деревенская баба, нанятая хозяйкой для исполненія обязанностей горничной.

Ставъ какъ-то бокомъ въ дверяхъ и, слегка прикрывая лицо передникомъ, горничная Аннушка смотрѣла такъ, какъ будто не сомнѣвалась, что оба, и Корневъ, и Карташевъ вдругъ вскочатъ и, бросившись къ ней, начнутъ ее щекотать.

— Ну?—спросила она, и животъ ея вздрогнулъ.

— Произведеніе природы,—замѣтилъ Корневъ и, сосредоточенно постучавъ пальцемъ о стѣну, сказалъ:

— Во! Подойдите сюда ближе, мое сокровище...

Горничная нерѣшительно подвинулась.

— Аннушка, я долженъ вамъ сказать, къ величайшему моему прискорбію, что вы окончательная дура. Подойдите сюда ближе и не бойтесь, васъ никто не тронетъ.

Аннушка медленно подходила и весело въ упоръ все смотрѣла на Корнева.

Но по мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, лицо ея расплывалось все больше и больше въ плутовскую глуповато-довольную улыбку, — и вдругъ, не выдержавъ и завизжавъ, она присѣла на полъ. Корневъ и Карташевъ такъ и залились смѣхомъ.

Аннушка, увидѣвъ, что ее никто и не думалъ трогать, смутилась и обиженно огрызнулась:

— Что смѣетесь?

— Вы неисправимая дура, милая Аннушка, — хохоталъ Корневъ,—вотъ вамъ деньги: купите два фунта хлѣба и фунтъ колбасы... самоваръ поставьте... поняли?

Аннушка взяла деньги и успокоенная, направляясь къ двери, самодовольно произнесла:

— Да, дура: съ вами всякая дурой станетъ.

Въ дверяхъ она остановилась и, весело покосившись на молодыхъ людей, взвизгнувъ «ишь, жеребцы стоялые!», скрылась при новомъ взрывѣ смѣха.

Аннушка и впродолженіи остального вечера не переставала забавлять пріятелей своими выходками. Въ одно изъ своихъ появленій, въ отвѣтъ на новый смѣхъ, она подперлась рукой и со вздохомъ сказала:

— Ну что жъ? я женщина молодая, извѣстно... Что и не погуторить? Мужъ у меня плохой: хворый да недужный.

И вдругъ, перейдя опять въ веселый лукавый тонъ, она кончила:

— Ишь жеребцы... пра-а...

— Если хочешь она въ своей колоссальности и не дуй на собой,—сказалъ Карташевъ, когда она ушла.

— Ну,—пренебрежительно махнулъ рукой Корневъ.

— Её бы на арку Большой Морской.

— Вотъ именно... Что жъ, ты такъ таки ни съ кѣмъ и не познакомился въ университетѣ?

— Рѣшительно ни съ кѣмъ,—отвѣтилъ Карташевъ.

— Ну, вотъ лекціи начнутся, познакомишься... А я здѣсь уже кое съ кѣмъ свелъ знакомство.

— Ну?

— Да кто ихъ знаетъ... все, конечно, нашъ братъ... топчутся они на томъ же, на чемъ и мы когда-то...

— Неужели ничего новаго?

— Кажется, ничего... какое-то желаніе на стѣну лѣзть.

— Но, вѣдь, это же безсмысленно.

— То есть какъ тебѣ сказать.

— Вася, да ей-Богу же это мальчишество... Прямо смѣшно... Здѣсь особенно, въ Петербургѣ, такъ ясно... Что жъ это? Только шутовъ разыгрывать изъ себя...

Корневъ грызъ молча ногти...

— Да, конечно,—нехотя проговорилъ онъ... — А всетаки интересная компанія, ихъ стоитъ посмотрѣть... Оставайся ночевать... Пойдемъ завтра въ нашу кухмистерскую.

— Съ удовольствіемъ.

— Смутишь ты ихъ развѣ своимъ костюмомъ...

— Что жъ такое костюмъ? Я и перчатки надѣну.

— Только ты, все таки, будь остороженъ, а то, вѣдь, у нихъ тоже язычекъ хорошо дѣйствуетъ.

— А мнѣ что?

— Сконфузятъ.

— Ну...

— Есть и барышни...

— Конечно,—всѣ дураки, кромѣ нихъ?

— Послушай, откуда у тебя вдругъ эта нотка явилась? Если они и увлекаются, то, вѣдь, не платки же они таскаютъ изъ кармана... Нѣтъ, ты брось это раздраженіе...

— Можно создать и болѣе реальные интересы...

— Какіе?

— Вотъ поживемъ,—отвѣтилъ Карташевъ.

Корневъ пытливо посмотрѣлъ на него и раздумчиво пробормоталъ:

— Дай Богъ...

— Вася, согласись съ однимъ: у нихъ узко... а все, что узко, то не жизнь... Можетъ быть, я и ошибаюсь, но я не хочу вѣрить на слово—я хочу самъ жить и убѣдиться.

— Но что такое жизнь? Надо же ей ставить идеалы.

— Но взятые изъ жизни.

— А если эта жизнь мерзопакостна?

— Неужели такъ-таки вся жизнь мерзопакостна? Я не вѣрю... Я иду въ жизнь... ставлю свои паруса и что будетъ...

— Безъ компаса?

— Мой компасъ—моя честь. Я вчера у Гюго читалъ: онъ говоритъ, что двумъ вещамъ поклоняться можно—генію и добротѣ... Честь и доброта—Васька, право довольно этого!

— Посмотримъ... Конечно... А интересно—лѣтъ черезъ десять, что выйдетъ изъ насъ?. Конечно, жизнь не линейка—взялъ да провелъ черту... Я вотъ думаю: что изъ тебя выйдетъ?

Корневъ подумалъ:

— Глупое въ сущности наше время... Развитія въ насъ настоящаго нѣтъ... Въ сущности туманъ, большой туманъ у всѣхъ...

На другой день Корневъ повелъ Карташева въ кухмистерскую.

Пріемъ Карташеву былъ оказанъ такой холодный и пренебрежительный, что даже Корневъ смутился.

Послѣ двухъ-трехъ словъ, съ Карташевымъ прямо не хотѣли говорить.

Марья Васильевна едва протянула ему руку.

Карташевъ смущенно уткнулся въ газету.

Злое чувство охватило Карташева. Въ это время въ столовую вошло новое лицо, при взглядѣ на которое такъ и приросъ Карташевъ къ полу.

Это былъ худенькій студентъ, въ грязномъ, потертомъ вицмундирѣ, на плечахъ и спинѣ котораго была масса перхоти, волосы на головѣ торчали черной копной, косые черные глаза смотрѣли болѣзненно и твердо. Черная бородка пушкомъ окаймляла маленькое хорошенькое лицо, но, несмотря на бородку и мундиръ, это былъ все тотъ же маленькій другъ его—Карташева, другъ, котораго онъ когда-то...

— Ивановъ!—вырвалось изъ груди Карташева и сейчасъ же замѣнилось сознаніемъ и прошлаго, и отчужденности своей здѣсь, въ этой кухмистерской.

Ивановъ внимательно, спокойно всмотрѣлся въ Карташева, какъ во что-то, ради чего долженъ оторваться хоть на мгновенье отъ своего главнаго, что теперь поглотило всѣ его помыслы...

— А-а, Карташевъ...

Это было сказано такъ, что Карташевъ почувствовалъ, что передъ нимъ стоитъ чужой человѣкъ. Одна страстная мысль овладѣла имъ въ это мгновенье: прочь, скорѣе прочь отсюда.

— Кончилъ? — спросилъ его между тѣмъ Ивановъ.

Кончилъ, конечно, гимназію.

— Да кончилъ,—сухо испуганно отвѣтилъ Карташевъ.

— Куда-же? Въ путей сообщенія? — разсѣянно спросилъ Ивановъ.

Карташевъ сдвинулъ брови.

— Хотѣлъ, но струсилъ,—вызывающе отвѣтилъ онъ.

— Что же такъ?

Къ Иванову одинъ за другимъ подходили, здоровались и незамѣтно увели его въ другую комнату.

Карташевъ торопливо одѣвался.

Корневъ молча, уже одѣвшись, наблюдалъ его и грызъ ногти.

— Ко мнѣ пойдешь?—спросилъ Корневъ.

— Нѣтъ, домой, — отвѣтилъ, не смотря, Карташевъ и, торопя взятаго извощика, съ тяжелымъ чувствомъ поѣхалъ прочь отъ негостепріимныхъ мѣстъ Выборгской стороны.

Рѣдкая осень стояла въ Петербургѣ. Солнце играло въ рѣкѣ, на маленькихъ домикахъ Выборгской и Петербургской сторонъ, по которымъ ѣхалъ Карташевъ. По Каменноостровскому неслись легкіе красивые экипажи. Густая зелень пестрѣла; появились красные и желтые листья. Въ неподвижномъ воздухѣ все приникло, точно задумалось; иногда только вѣтерокъ шелестилъ листьями, и тогда они словно шептали нѣжно и тоскливо: «прощайте». И вся природа ласковая, тихая, манила и звала къ себѣ.

— А это что за дорога?—спросилъ извощика Карташевъ.

— На острова.

— Это далеко?

— Да вѣдь разные...

— А сколько возьмешь, чтобы объѣхать острова?

И сторговавшись, Карташевъ покатилъ по мягкому шоссе острововъ.

Въ русскомъ стилѣ дачи, масса богатой и сочной зелени. Стрѣлка, песчаный берегъ ея и водная даль — особенная, несхожая съ южнымъ моремъ, но полная своеобразной прелести, охватывали Карташева сильнымъ непередаваемымъ чувствомъ.

Онъ всегда любилъ природу, и теперь, опять лицомъ къ лицу съ ней, чувствовалъ себя хотя и грустно, хотя и угнетенно, но всетаки легче. Здѣсь, въ Петербургѣ, только одна природа оставалась его неизмѣннымъ другомъ: она одна, какъ и въ далекой степи, будила въ его душѣ и любовь къ ней, и слѣпую вѣру во что-то, куда такъ тянуло душу и чего не было во всей окружавшей его обстановкѣ. Онъ нашелъ уголокъ, гдѣ было тихо и безлюдно, оставилъ извощика, забрался еще въ большую глушь, улегся тамъ на траву и, подперши руками подбородокъ, смотрѣлъ на разливъ Малой Невки и думалъ. О чемъ? О томъ, что ему скучно, что его никто не понимаетъ и онъ никого не понимаетъ, точно говорятъ кругомъ на какомъ-то другомъ языкѣ. Думалъ о томъ, что на-

прасно онъ не поступилъ съ Касицкимъ и Даниловымъ въ моряки,—онъ уже навѣстилъ ихъ, но тѣ уже живутъ своей жизнью,—жалѣлъ, что напрасно тогда въ дѣтствѣ не удалось имъ всѣмъ троимъ уѣхать въ Америку... И онъ замечтался, какъ бы тогда сложилась его жизнь, какимъ независимымъ, сильнымъ, самостоятельнымъ чувствовалъ бы онъ себя теперь... Теперь! теперь онъ все тотъ же мальчикъ, неустойчивый и шаткій, съ очень бѣднымъ умственнымъ багажемъ... да и тотъ урывками, контрабандой достался... Онъ вспомнилъ гимназическаго надзирателя Ивана Ивановича... Семеновъ писалъ ему, что теперь гораздо строже насчетъ книгъ...

Какая-то парочка показалась. Карташевъ вскочилъ и пошелъ къ извощику.

Онъ ѣхалъ и думалъ: нѣтъ, надо всетаки наверстать, надо читать... Что читать?—тоскливо думалъ Карташевъ, съ чего начать? Какую книгу ни откроешь, все не понимаешь, не понимаешь, не понимаешь...

Корневъ ходилъ въ кухмистерскую, гдѣ продолжалъ встрѣчаться съ Ивановымъ. Ивановъ, студентъ второго курса, относился къ нему ласково, но какъ-то снисходительно и мимоходомъ.

Корневъ тоже былъ сдержанъ, и сами собой установились между ними далекія отношенія людей, которые когда-то были ближе другъ къ другу.

Колпина продолжала производить на Корнева впечатлѣніе своей непосредственной рѣзкостью, свѣжестью, молодостью.

— Какая вы еще зеленая, Марья Васильевна,—воскликнулъ какъ-то Корневъ.—Надѣли наглазники, чего не видите, того не признаете. Развѣ это рѣшеніе?

— А вы...—отвѣтила ему Марья Васильевна,—какая вы скороспѣлка... Знаете, вотъ вишни такія бываютъ: сморщенныя, красненькія и г-о-рькія.

Несмотря на то, что Корневъ даже сталъ бывать у Колпиной, они не сошлись, ихъ обоюдные уколы принимали все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ и все кончилось тѣмъ, что Корневъ пересталъ ходить къ ней, рѣшивъ, что это просто усердная исполнительница чужой воли. Для этой воли она и была хороша, а для другихъ—несносная, нетерпимая и рѣзкая Что до Марьи Васильевны, то, потерявъ къ нему всякій интересъ, она едва протягивала ему руку въ кухмистерской единственное мѣсто, гдѣ они встрѣчались. Неудачный экзаменъ Корнева еще больше охладилъ вспыхнувшій было въ самомъ началѣ интересъ къ нему Марьи Васильевны.

На самаго Корнева неудача подѣйствовала самымъ подавляющимъ образомъ. Удачу, неудачу онъ не признавалъ.

— Неудачникъ,—разсуждалъ онъ,—это чушь. Есть способности—выбьется человѣкъ изъ всякой мерзости, а нѣтъ, значитъ, чего нибудь не хватаетъ.

Чего у него не хватало?

Онъ попробовалъ развлечься Петербургомъ, но громадный и чужой Петербургъ давилъ и его, какъ Карташева, и вносилъ еще большій разладъ въ его душевный міръ.

Гдѣ дѣйствительно истина? Въ этой ли кипучей жизни или въ томъ духовномъ стремленіи къ чему-то высшему, чѣмъ жилъ когда-то онъ и весь кружокъ его, чѣмъ живетъ большинство тѣхъ, которыхъ онъ видитъ теперь вокругъ себя на Выборгской? Но тогда — отчего въ этихъ кружкахъ почти нѣтъ студентокъ старшихъ курсовъ? Это какъ бы подтверждало его мысль, что онъ уже успѣлъ пережить то, что переживается кружкомъ кухмистерской. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что знаетъ не все о нихъ и отъ него какъ будто скрывалось что-то.

Таинственная обстановка, которая окружала Иванова, была для него неясна, и онъ усиленно грызъ свои ногти и думалъ, думалъ. Думалъ и сомнѣвался, и становился втупикъ, кто же онъ, наконецъ: практикъ, идеалистъ, или просто-на-просто жалкая, Богомъ обиженная, посредственность? Онъ былъ увѣренъ, что послѣ экзаменовъ на него такъ и смотрѣли всѣ его новые сотоварищи.

— Ну, и чортъ съ тобой!—говорилъ онъ самъ себѣ.

Онъ съ ожесточеніемъ выслѣживалъ и ловилъ себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему казалось, что онъ что-то воображаетъ о себѣ. Даже свое прошлое значеніе и вліяніе въ гимназіи онъ приписывалъ случайности. Его вліяніе, его роль передовика, объяснялось только тѣмъ, что у него былъ двоюродный братъ—студентъ.

— А впрочемъ, все это ерунда и чушь, — думалъ Корневъ,—и не стоитъ терять даже время на такія мысли.

Онъ не хотѣлъ самъ себя знать и тѣмъ обиднѣе было, когда въ его голову лѣзли разныя, въ сущности нелѣпыя, унизительныя даже, съ его точки зрѣнія, мысли. Онъ гналъ ихъ и самъ возвращался къ нимъ. Одна изъ такихъ мыслей была о его некрасивой физіономіи и о томъ, можно ли нравиться съ такой физіономіей женщинамъ.

Онъ ходилъ по улицамъ, поглощенный своими больными вопросами и въ то же время часто, всматриваясь въ лица прохожихъ, тоскливо думалъ: даже эта рожа лучше моей. Иногда онъ заглядывалъ въ свое маленькое кривое зеркальце и возмущенно говорилъ себѣ:

— Господи, да чтобъ съ этакой рожей надѣяться нравиться, надо быть просто идіотомъ!

Сомнительнымъ для него было только отношеніе къ нему одной Наташи Карташевой. Какъ ни отбрасывалъ онъ все то, что могло быть отнесено къ области его собственной фантазіи, всетаки въ ихъ отношеніяхъ оставались такія мгновенія, которыя, при всемъ стараніи опровергнуть, онъ долженъ былъ истолковать въ свою пользу. Но и тогда Корневъ возмущенно говорилъ себѣ:

— Совершенно непонятное явленіе, просто одинъ изъ тѣхъ несомнѣнно болѣзненныхъ, капризныхъ моментовъ, когда именно безобразное лицо можетъ какъ будто нравиться. Викторъ Гюго это очень мѣтко и характерно изобразилъ въ «L'homme qui rit».

Тѣмъ не менѣе образъ Наташи часто и помимо его воли появлялся передъ нимъ.

Онъ шелъ однажды по улицѣ, возвращаясь изъ академіи, гдѣ надѣялся узнать свою судьбу относительно пріема и гдѣ ничего, по прежнему, еще не было извѣстно, и думалъ о томъ, что если ему придется уѣхать, съ какимъ лицомъ онъ покажется къ Наташѣ.

Въ одномъ не сомнѣвался онъ, что Наташа встрѣтитъ его радушно. Ему живо рисовалось какъ онъ будетъ студентомъ ближайшаго къ ихъ городу университета, какимъ частымъ гостемъ будетъ въ своемъ городѣ, какъ будетъ бывать у Карташевыхъ и, кто знаетъ, можетъ быть, настолько сблизится съ Наташей, что и женится на ней.

Корнева какъ-то цѣликомъ охватили эти мечты, что при его скептическомъ отношеніи къ себѣ и вообще было рѣдкостью, а въ послѣднее время и подавно. Тѣмъ непріятнѣе было грубое и рѣзкое пробужденіе и переходъ отъ грезъ къ дѣйствительности. Передъ нимъ вдругъ остановилась бредшая по улицѣ старушка и, съ ужасомъ крестясь, забормотала:

— Господи Іисусе Христе и Сыне Божій! спаси и помилуй...

— Что, что такое?—съ болѣзненнымъ испугомъ спросилъ не то старуху, не то себя Корневъ и, увидавъ, что ничего особеннаго не произошло, онъ быстро ушелъ отъ испугавшей его старухи.

Старуха могла быть просто сумасшедшей, Корневъ могъ быть похожимъ на какого нибудь умершаго, ей близкаго человѣка, но ея слова онъ приписалъ своему феноменальному уродству, такому уродству, что люди даже на улицахъ при встрѣчѣ съ нимъ крестятся. Корневъ несся по улицѣ и растерянно

смотрѣлъ по сторонамъ. Ему вдругъ вспомнилась нить его прерванныхъ мечтаній и онъ злобно выдавилъ ихъ куда-то вонъ совсѣмъ изъ себя и отъ напряженія и ненависти къ себѣ покраснѣлъ. Онъ пришелъ въ себя только въ своей комнатѣ. Но въ эту минуту ему ненавистна была и эта комната, и ея желтые обои, и пустырь передъ окнами, и весь этотъ Петербургъ. Что Петербургъ, что вся радость жизни, если онъ самъ только жалкая тупица, только жалкій уродъ...

И Корневъ свалился на кровать и, заложивъ руки за голову, тоскливо, неподвижно смотрѣлъ передъ собой. Но эти муки, которыя переживалъ онъ, могли бы стать еще большей каторгой, если бы вдругъ, какимъ нибудь чудомъ, всѣ узнали, что мучитъ этого серьезнаго, дѣльнаго, не имѣющаго ни малѣйшаго стремленія къ рисовкѣ молодого человѣка. Одна мысль о томъ, что могли бы узнать, заставъ его за такими мыслями, могли бы догадаться о нихъ, заставила Корнева вскочить.

— Н-да... — проговорилъ онъ угрюмо, громко, посмотрѣлъ на комодъ, гдѣ лежали «Отечественныя Записки» и, взявъ ихъ, снова улегшись, принялся за чтеніе.

Это опять былъ удовлетворенный, спокойный съ виду человѣкъ, который грызъ свои ногти, читалъ и иногда, оставляя книгу, думалъ о прочитанномъ, обо всемъ, не думалъ только о себѣ, гналъ эту унизительную мысль.

Тамъ за окнами день подходилъ къ концу, послѣдніе лучи играли въ туманномъ воздухѣ на далекомъ куполѣ Исакія. Было пусто и въ этомъ уходящемъ днѣ, и въ комнатѣ. Какая-то далекая, тихая грусть щемила сердце. Корневъ оставилъ книгу, всталъ, подошелъ къ окну и задумавшись, смотрѣлъ, забывъ все, о чемъ онъ думалъ, и покорно отдавшись теперь весь щемящимъ мыслямъ только о себѣ... Тамъ далеко, въ этомъ большомъ городѣ, словно тонетъ въ туманѣ, словно замираетъ размашистая, грандіозная жизнь дня, чтобъ съ огнями вечера опять вспыхнуть съ новой силой въ разныхъ театрахъ, собраніяхъ... Тамъ, въ той жизни какая сила, какая мощь нужны, чтобы выплыть на ея поверхность? Тамъ Карташевъ, Шацкій, тоже ужъ готовые вотъ-вотъ броситься въ этотъ водоворотъ и не бояться... а онъ одинаково робкій, и чтобы вмѣстѣ съ ними броситься въ этотъ кипучій потокъ, и чтобы примкнуть ближе къ кружку Иванова... А жить такъ хочется и такъ болитъ сердце отъ этой пустоты, отъ сознанія своего безсилія, ничтожества... Улетѣлъ бы въ эту даль, туда, въ позолоту лучей догорающаго дня, которые точно неумолчно говорятъ о чемъ-то душѣ, будятъ и зовутъ ее изъ тоскливой пустоты удручающихъ мыслей о своемъ безсиліи... И такъ вся жизнь пустая, скучная, безсильная, раболѣпная передъ каждымъ нелѣпымъ случаемъ,

трусливая предъ каждымъ столкновеніемъ, унылая, всегда только грубо ремесленная.

Корневъ не замѣтилъ, какъ тихо отворилась дверь и вплыла Аннушка.

Онъ пришелъ въ себя, когда громадная Аннушка, обхвативъ его своими объятіями сзади, произнесла вдругъ:

— И что онъ это все думаетъ?

— Убирайтесь вонъ!!

— Господи!—только успѣла вскрикнуть Аннушка и скрылась изъ комнаты.

Корневъ не могъ придти въ себя отъ неожиданности и возмущенія. Еще именно только и недоставало Аннушки. Вотъ достойная его компанія...

Но прошло нѣкоторое время и Корневъ сталъ думать иначе. Онъ поймалъ самого себя на высокомѣріи и, остановившись, задалъ себѣ вопросъ: «а почему и не достойна она меня? Что я за цаца такая и куда лѣзу съ суконнымъ рыломъ постоянно? Да, можетъ быть, она простая въ тысячу разъ лучше меня ломаннаго, искалѣченнаго, меня, для котораго мое дурацкое знаніе и мой жалкій самосознающій умъ только источникъ вѣчнаго униженія? Да, наконецъ, ну что такое въ самомъ дѣлѣ Аннушка? Простой, добрый человѣкъ, какъ умѣетъ, выражающій свои чувства».

Корневъ постучалъ кулакомъ въ стѣну.

Когда вошла Аннушка, онъ ласково сказалъ:

— Самоваръ дайте, пожалуйста.

— Ишь напугалъ,—весело отвѣтила Аннушка.

Корневу было пріятно, что она не поставила ему въ вину его рѣзкость.

Когда Аннушка приносила ему подносъ съ посудой и затѣмъ самоваръ, онъ хотѣлъ быть съ ней ласковъ, хотѣлъ что нибудь сказать, но не рѣшился, и только, когда та принялась приготовлять ему постель, онъ проходя мимо и слегка хлопнувъ ее по широкой спинѣ, проговорилъ ласково:

— Ишь здоровая...

Въ отвѣтъ на это Аннушка, почувствовавъ, что вѣтеръ подулъ съ другой стороны, отвѣтила важно:

— Не балуй.

— Вотъ какъ,—фыркнулъ себѣ подъ носъ Корневъ.

Насталъ длинный, скучный вечеръ. Корневъ напился чаю принялся опять было читать, но не читалось; вспомнилъ о том что, можетъ быть, придется уѣхать, прогналъ эту мысль и вс остальныя, которыя по ассоціаціи идей поползли было въ го лову, и ходилъ, желая жить и думать только о настоящемъ Это настоящее воплощалось въ этотъ вечеръ въ громадно Аннушкѣ. Ея тяжелые шаги, глухо раздававшіеся тамъ гдѣ

въ лабиринтѣ темныхъ корридорчиковъ, раздражали нервы Корнева. Онъ останавливался, прислушивался и опять ходилъ. Иногда онъ точно просыпался вдругъ, его охватывало какое-то омерзѣніе и онъ быстро садился за книгу. Но опять вставалъ и опять начиналъ нервно, тревожно ходить.

Мысль о возможномъ сближеніи съ Аннушкой охватывала его все сильнѣе больной истомой. Чувствовалось какое то униженіе въ этомъ, но этого ему и хотѣлось сегодня. Онъ ложился на кровать, его грудь тяжело подымалась, кровь, какъ расплавленная, переливалась въ жилахъ и молотомъ била въ голову. Было уже двѣнадцать часовъ ночи, Корневъ раздѣлся и потушилъ лампу. Давно все стихло...

Но вотъ, чу, точно полъ скрипнулъ... точно тѣни задвигались по комнатѣ, словно паутина опутала лицо и мысли... Весь охваченный, Корневъ протянулъ руку и наткнулся на голую громадную руку наклонившейся къ нему Аннушки...

Пробужденіе Корнева на другой день было странное: и легкое, и тяжелое. Точно въ немъ сидѣло два человѣка и одинъ пытливо и злорадно спрашивалъ:

— А теперь, что?

Другой же равнодушно, пренебрежительно отвѣчалъ:

— А теперь ничего.

И опять первый говорилъ:

— Да, теперь я знаю, что въ тебѣ сидитъ звѣрь.

— Такъ и знай.

Но первый сказалъ:

— Уйди!

И тотъ второй ушелъ, а первый остался, и Корневъ лежалъ грустный, задумчивый, съ какимъ-то легкимъ въ то же время ощущеніемъ,—точно лѣтъ ему вдругъ съ плечъ сбавили. Безпокойная мысль предстоящей встрѣчи съ Аннушкой непріятно вдругъ охватила его.

Дверь отворилась и Аннушка вошла въ комнату. Она была въ новомъ платьѣ, новомъ фартукѣ и на лицѣ ея былъ праздникъ. Она остановилась, взялась за бока и въ полъ-оборота къ Корневу спросила лукаво, такъ, что животъ ея подпрыгнулъ кверху:

— А мужъ?—И тяжело вздохнула.

Корневъ, не ожидавшій такого оборота, лежалъ и растерянно молчалъ, угрюмо сдвинувъ брови.

Но Аннушка, у которой переходы были быстры, уже вытирала передникомъ губы и веселымъ голосомъ говорила:

— Ну поцѣлуемся... Сегодня-то, вѣдь, мой рожденный день...

Она наклонилась къ Корневу и толстыми мягкими губами, съ ароматомъ всей своей деревенской избы, залѣпила Корневу сразу и губы, и глаза, и весь міръ, поставивъ его властно только передъ собой одной—колоссальной Аннушкой.

— Хорошенькій ты мой,—тихо прошептала она и со вздохомъ удовлетворенія вышла изъ комнаты, оставивъ свою жертву пластомъ лежать на кровати, съ закрытыми глазами.

Корневъ долго лежалъ.

— Ну, все равно,—облегченно сказалъ, наконецъ, онъ и, поднявшись, началъ быстро одѣваться.

Напившись чаю, онъ вышелъ на улицу. День былъ на славу. Это былъ день первой лекціи Карташева. Въ академіи Корнева ждала пріятная новость: онъ былъ зачисленъ въ число студентовъ академіи.

Подъ вечеръ къ Корневу пріѣхалъ Карташевъ и привезъ съ собой разныхъ южныхъ лакомствъ.

— Дома? — раздался въ передней знакомый голосъ Карташева.

— Дома, дома,—отвѣтилъ весело Корневъ и отворилъ свою дверь.

Карташевъ ввалился въ комнату и, раздѣвшись наскоро, сталъ укладывать на столъ: халву, финики, виноградъ. Корневу вдругъ сдѣлалось такъ весело, какъ давно уже не было.

— Оооой!—завылъ онъ и повалился на кровать.

— Ура!—подхватилъ Карташевъ и, бросивъ лакомства, тоже улегся рядомъ съ Корневымъ.

Пріятели чувствовали себя въ эту минуту такъ же уютно и хорошо, какъ когда-то въ доброе старое время. Всѣ невеселыя мысли, преслѣдовавшія Корнева, на сегодня оставили его, а съ приходомъ Карташева, окончательно отступили куда-то совсѣмъ на задній планъ. Вспомнилась вдругъ деревня и Наташа, и гимназія и казалось все кругомъ такимъ-же беззаботнымъ продолженіемъ прежняго. Лежавшій Карташевъ былъ для него какъ-бы реальнымъ воплощеніемъ этого прошлаго,—Карташевъ все такой-же избалованный и раскинутый, и спутанный, и искренній, что-то размашистое и неустойчивое, а въ общем все тотъ-же Карташевъ, который меньше всего самъ знал куда и какъ ткнетъ его судьба или то что-то, что распоряжа лось всегда и вездѣ имъ.

Корневъ поднялся на локоть и благодушно смотрѣлъ н пріятеля.

— Первая лекція была,—произнесъ загадочно и съ н которымъ достоинствомъ Карташевъ.

— Ну?—спросилъ Корневъ веселымъ подмывающимъ тономъ, которому Карташевъ не могъ противиться.

Онъ, когда ѣхалъ къ Корневу, рѣшилъ умолчать о всѣхъ своихъ разочарованіяхъ.

— Ничего не понялъ!—выпалилъ Карташевъ и залился хохотомъ отъ неожиданнаго для себя отвѣта.

Дальнѣйшіе вопросы и отвѣты происходили въ промежуткахъ все болѣе и болѣе подмывавшаго обоихъ веселья.

— О чемъ онъ читалъ?

— А чортъ его знаетъ!

— Ооий?! Что-жъ ты будешь дѣлать?

— Куплю сло-о-ва-арь!

Карташевъ уже плакалъ отъ нервнаго смѣха.

— Завтра пойдешь?

— Нѣтъ!!

И оба пріятеля завыли и застонали отъ нестерпимыхъ коликъ.

— Черти, что вы тутъ смѣетесь?—спросилъ неожиданно вошедшій Ларіо.

Но черти уже ничего не могли отвѣтить, и неожиданный приходъ новаго пріятеля только подлилъ масла въ огонь.

Сперва Ларіо только снисходительно улыбался, но затѣмъ и его сталъ разбирать смѣхъ, и онъ смѣялся все громче, отъ времени до времени повторяя: «да что вы, черти, бѣлены объѣлись, что-ли?»

Плечи его, сперва незамѣтно вздрагивавшія въ тактъ его смѣху, начали подпрыгивать все выше и выше, изъ груди стали вылетать сперва раздѣльные «хо!», похожіе больше на пистолетные выстрѣлы, затѣмъ эти «хо» стали сливаться и, наконецъ, безконечное «хо-хо-хо-хо!» вырвалось изъ его могучей груди, переливаясь и резонируя въ маленькой комнаткѣ, какъ залпы митральезы или какъ трескучіе раскаты грома въ самую жаркую пору года. Онъ хохоталъ и своими полузакрытыми глазами итальянца все смотрѣлъ на валявшихся на кровати.

Когда, наконецъ, появилось спокойствіе, котораго давно уже такъ страстно жаждали несчастныя жертвы смѣха, Корневъ, вытирая слезы, сказалъ:

— Положительно не помню, когда я такъ смѣялся.

Вечеръ прошелъ въ разговорахъ, въ куреньи, въ лежаніи по очереди на кровати.

Ларіо равнодушно сообщилъ, что онъ безъ денегъ, а пока и безъ уроковъ. Карташевъ испугался за него, а Ларіо сталъ смѣяться надъ нимъ, пуская свое: «хо-хо-хо».

— Думаешь съ голоду помру? Не помру....

Зашелъ разговоръ о Шацкомъ и Ларіо разсказалъ о своемъ

визитѣ къ нему. Онъ оживился, прищурился и заговорилъ съ особымъ удовольствіемъ въ голосѣ:

— Понимаешь, двѣ комнаты у него, бархатная мебель, хозяйка иначе какъ по-французски не говоритъ... Шлейфъ—вотъ какой. Горничная въ чепчикѣ. Безъ доклада не принимаютъ. Доложитъ; потомъ говоритъ: «Михаилъ Павловичъ просятъ васъ». А Михаилъ Павловичъ, какъ кокотка, лежатъ на диванѣ въ туфляхъ.

— А ты что-жъ его за ноги не стянулъ?—спросилъ Карташевъ.

— А чортъ съ нимъ,—отвѣтилъ равнодушно Ларіо,—мнѣ что? Пусть...

— И, вѣдь навѣрно пойдетъ въ жизни,—замѣтилъ Корневъ и принялся кусать свои ногти.

— Ну вотъ!—возразилъ Карташевъ,—почему же?

— Да вотъ увидишь. Смотри: какъ онъ развернулся, поступивъ въ путей сообщенія... Онъ очень способный.

— Онъ, конечно, способный,—согласился Карташевъ,—но это еще рѣшительно ничего не доказываетъ.

— Да никуда онъ не пойдетъ,—пренебрежительно перебилъ Ларіо.—Да онъ ни о какой карьерѣ и не думаетъ,—такъ блажитъ, потому, что деньги есть, а спустить ихъ и положить зубы на полку. Хорошо, если родные станутъ высылать...

Часовъ въ одиннадцать Ларіо поднялся.

— Ну, что-жъ, Карташевъ, ты думаешь домой? — спросилъ онъ,—коли думаешь, такъ того... подвези пожалуй и меня.

— Пора,—отвѣтилъ нехотя Карташевъ.

— Да оставайся у меня ночевать. Завтра поведу тебя въ академію. Покажу препаровочную...

— Ночевать останусь, а въ академію не пойду,—опять на какую нибудь Марью Васильевну нарвусь...

— Да ты не воображай, что она что нибудь значитъ: усердный солдатъ...

— Я понимаю: гугенотка, кальвинистка...

— И безъ такихъ нельзя! въ каждомъ дѣлѣ они будутъ. Обойдется...

— Конечно.

— Ну, а я пойду,—сказалъ Ларіо и началъ одѣваться.

— Послушай...—началъ нерѣшительно Карташевъ, обращаясь къ нему.—Тебѣ денегъ не надо-ли?

— Нѣтъ... видишь... а впрочемъ, если рублевочка ес , такъ дай, пожалуй.

— Бери больше.

— Нѣтъ, нѣтъ не надо, мнѣ, видишь-ли, урочишко о щали... А то пожалуй, если тебя не затруднитъ, дай трешни

Только ужъ раньше какъ черезъ мѣсяцъ не могу... воротить, значитъ,—кончилъ Ларіо, помолчавъ и дѣлая такое движеніе рукой какъ бы собирался поймать муху.

— Отлично, отлично,—отвѣтилъ Карташевъ,—мнѣ раньше и не надо.

— Онъ, вѣдь, у насъ банкиръ, — сказалъ снисходительно Корневъ.—Мотаешь...

Корневъ потрепалъ Карташева по плечу и, помолчавъ, прибавилъ:

— Если есть, отчего и не тратить лишняго? Вотъ какъ на тридцать рублей приходится жить, такъ тутъ много не раскутишься.

Ларіо ушелъ.

— Страшно идутъ деньги,—пожаловался Карташевъ. — Мнѣ положено по пятидесяти рублей, а я почти вдвое истрачиваю.

— Ну что жъ? вдвое станутъ высылать.

— Нѣ-ѣ-тъ... надо экономничать.

— Широко живешь, то есть не широко, а не считаешь денегъ, а деньги требуютъ постояннаго счета, тогда только видно, сколько уходитъ зря. Вотъ нарочно давай сосчитаемъ, сколько у тебя сегодня истрачено.

— Отлично. Всталъ, умылся... Горничная сказала, что нѣтъ сахару: двадцать копѣекъ.

— Ну, это необходимость... двадцать копѣекъ.

— Одѣлся и поѣхалъ въ университетъ. Извозчикъ: двадцать пять.

— Сорокъ пять.

— Пріѣхалъ домой: двадцать пять.

— Семьдесятъ.

— Поѣхалъ къ тебѣ: сорокъ.

— Рубль десять.

— Купилъ на два рубля тридцать лакомствъ.

— Три рубля сорокъ.

— Ларіо далъ три рубля.

— Итого шесть рублей сорокъ.

— Газету купилъ: семь копѣекъ.

— Итого шесть рублей сорокъ семь, а съ обѣдомъ шесть семьдесятъ семь. Теперь давай считать, сколько ты могъ бы съэкономничать. Вмѣсто извозчика—на конкѣ и потомъ въ яликѣ туда и обратно—двадцать копѣекъ, ко мнѣ въ общественной каретѣ и на извозчикѣ до кареты, другихъ двадцать. Ну, положимъ, захотѣлъ полакомиться, купилъ на пятьдесятъ копѣекъ, итого девяносто; захотѣлъ Ларіо дать рубль,—зачѣмъ напрашиваться, когда человѣкъ больше не проситъ?—газета семь копѣекъ, итого рубль девяносто семь, и то громадныя деньги.

— Это вѣрно, что надо слѣдить за собой, а то скандалъ будетъ,—согласился Карташевъ.—Впрочемъ, это переходное время, вотъ начну аккуратно ходить на лекціи, жизнь пойдетъ, какъ заведенная машина, тогда расходы сами собой исчезнутъ. Куда-жъ тогда тратить?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ такъ ясенъ въ томъ смыслѣ, что денегъ тогда некуда будетъ тратить, что Карташевъ съ спокойной совѣстью принялся раздѣваться и бросать свои вещи на стоявшій въ противоположномъ углу стулъ. Сюртукъ не попалъ на стулъ, очутился на полу и тамъ и остался. Раздѣвшись, онъ легъ на постель и, укладываясь, упрекнулъ Корнева, зачѣмъ тотъ уступилъ ему кровать, сказавъ, что на будущее время ни за что не останется ночевать, если Корневъ не пуститъ его на диванъ—принесенный по этому случаю въ комнату,—и удобно завернувшись, собрался было уже совсѣмъ спать, когда Корневъ вдругъ сказалъ:

— А дай-ка я тебя выстукаю.

— А развѣ ты уже умѣешь?

— Такъ тутъ пробовалъ...

Карташевъ согласился, и Корневъ озабоченно сталъ колотить его по спиннымъ ребрамъ и груди.

Кончивъ постукиванье, Корневъ припалъ головой къ груди Карташева и долго внимательно слушалъ; потомъ онъ подвинулъ голову ниже, въ бокъ. Волосы его, растрепавшись по тѣлу Карташева, щекотали послѣдняго, пока, наконецъ, Карташевъ не началъ смѣяться:

— Да ну тебя... До смерти щекотно.

— Здоровъ, кажется, какъ быкъ,—сказалъ Корневъ, добродушно хлопая его по животу.

— Я и безъ тебя это зналъ.

Пріятели замолчали.

— А интересная твоя спеціальность?—спросилъ, уже засыпая, Карташевъ.

— Захватывающаго интереса, конечно, не будетъ, но мнѣ нравится.

И Корневъ много и долго разсказывалъ о своей спеціальности, пока не догадался, наконецъ, окликнуть Карташева. Онъ подождалъ нѣсколько мгновеній отвѣта и, такъ какъ ничто не нарушало мертвой тишины, то подумавъ «и я умен», задулъ лампу.

VIII.

Карташевъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ одолѣть л-ціи энциклопедіи, досталъ даже Гегеля, собираясь читать о

въ подлинникѣ, но все это какъ то ни къ чему не привело. Онъ кончилъ тѣмъ, что пересталъ посѣщать лекціи знаменитаго профессора, а Гегель такъ и лежалъ почти нетронутый, пугая Карташева своимъ видомъ.

Лекціи другихъ профессоровъ также не привлекли къ себѣ его вниманія.

Римское право показалось ему продолженіемъ латинскаго языка и во всякомъ случаѣ такимъ, которое требовало простой зубрежки, а потому Карташевъ и рѣшилъ, что время, потраченное на слушаніе, можно провести производительнѣе, посвятивъ его зубренію всякихъ латинскихъ текстовъ римскаго права.

Къ текстамъ этимъ онъ все и собирался изо дня въ день приступить.

Русское право было и понятно, и стоило его слушать, но профессоръ читалъ тихо и снотворно, и на Карташева нападала такая неожиданная дрема, что онъ пересталъ посѣщать и эти лекціи, объясняя свое отсутствіе на нихъ страхомъ заснуть и тѣмъ поставить себя въ безвыходное положеніе.

— Зачѣмъ я буду рисковать скандаломъ? Лучше же дома прочесть: благо слово въ слово читаетъ.

Лекціи, наконецъ, государственнаго права пришлись по вкусу Карташеву, но здѣсь ужъ были другія причины, по которымъ онъ рѣдко бывалъ на нихъ. Во-первыхъ, чисто финансовыя: посѣщеніе университета стоило денегъ: извозчикъ, завтракъ съ бутербродами... Во-вторыхъ, двѣ лекціи въ недѣлю по государственному праву начинались обѣ въ девять часовъ, то есть, какъ разъ въ то время, когда Карташеву хотѣлось невыносимо спать. А въ третьихъ, и лекціи по государственному праву тоже существовали: можно было прочесть.

Понемногу Карташевъ такъ разоспался, что вставалъ часовъ въ одиннадцать. Вставъ, онъ пилъ чай, читалъ газету и задумывался надъ тѣмъ, что ему предпринять: сѣсть-ли за лекціи, написать-ли письмо домой, заглянуть-ли въ университетъ? Послѣднее наводило его на мысль о финансахъ и онъ съ тоской въ душѣ начиналъ пересчитывать свои капиталы. Ихъ невѣроятное уменьшеніе повергало его въ новое уныніе. Онъ садился составлять еще одну новую смѣту. Но сколько нибудь вѣроятная смѣта уже настолько превышала наличность, что Карташевъ для равновѣсія бюджета, уже отказывая себѣ во всемъ, могъ обѣдать только черезъ день. Такъ какъ смѣта обыкновенно начиналась обѣденнымъ днемъ, то онъ и шелъ обѣдать. А возвратившись, читалъ газету, валялся на диванѣ и нерѣдко засыпалъ укрытый газетой.

Вечеромъ пилъ чай, и если Ларіо не приходилъ, то отправлялся въ театръ скромно,—куда-нибудь въ галлерею.

Если же заходилъ Ларіо, то они сидѣли, разговаривали, а иногда отправлялись вдвоемъ на вечернія прогулки по Вознесенскому и Мѣщанскимъ. Тихій, сдержанный и молчаливый Ларіо дѣлался бойкимъ на улицѣ, его «го-го-го» звонко неслось по Вознесенскому, онъ заигрывалъ съ проходившими дѣвицами полусвѣта, подпрыгивалъ передъ ними, визжалъ и бойко неестественнымъ голосомъ парировалъ ихъ замѣчанія.

Карташевъ съ брезгливымъ чувствомъ старался держаться въ сторонѣ, но въ то же время съ какимъ-то интересомъ прислушивался и уськалъ Ларіо затронуть какую нибудь нравившуюся ему дѣвушку.

— Эту нельзя,—авторитетно говорилъ Ларіо,—не видишь, что нѣтъ въ ней наивной простоты:

И страсть, и страсть ее пугаетъ.

— Ну, а ты откуда это видишь? — спрашивалъ Карташевъ.

— О мой другъ, какъ ты... молодъ еще...—Ларіо не разъ звалъ Карташева отправиться къ Марцынкевичу, но тотъ отъ такого посѣщенія всегда наотрѣзъ отказывался.

— Но почему-же? Вѣдь тамъ тебя-же... Странно...

Ларіо коробило, какъ онъ говорилъ, «жантильничанье» Карташева. Онъ шутливо кипятился и фыркалъ, затрудняясь объяснить Карташеву безопасность для него такого посѣщенія.

— Вѣдь ты же не дѣвушка, наконецъ.

И Ларіо презрительно пускалъ свое «го-го-го». Но Карташевъ стоялъ на своемъ.

Кончалось тѣмъ, что Ларіо говорилъ:

— Ну и чортъ съ тобой, я бы пошелъ, еслибы у меня рублевка была.

— Возьми,—предлагалъ Карташевъ.

Ларіо, послѣ нѣкотораго колебанія, бралъ.

— Какъ получу урочишко,—первое, Темка, что сдѣлаю—куплю почетный билетъ въ Марцышку,—билетъ три рубля стоитъ и тогда за входъ всего двадцать копѣекъ, а такъ—по рублику каждый разъ пожалуйте.

— Если хочешь, возьми три.

— Ну, что ты! Да я вотъ сегодня только, а тамъ до урока-ни-ни...

IX.

Прошелъ мѣсяцъ со дня пріѣзда Карташева въ Петербургъ.

Какъ то разъ выходя изъ конки, скучающій и томящійся Карташевъ встрѣтился неожиданно лицомъ къ лицу съ долговязымъ Шацкимъ. Шацкій, разставивъ ноги, весело смотрѣлъ на Карташева.

Тотъ же шутъ Шацкій, не смотря на путейскую фуражку, съ маленькимъ румянымъ лицомъ, веселый и возбужденный. Карташевъ очень обрадовался ему.

— Здравствуй, здравствуй, — заговорилъ снисходительно Шацкій.

Карташевъ, хотя и не былъ съ нимъ на ты, отвѣтилъ ему весело:

— Здравствуй...

— Ну-съ, мой другъ, какъ поживаешь?—спросилъ покровительственно Шацкій.—Откуда?

— Съ лекцій.

— O, c'est grave, c'est très grave. Куда теперь?

— Обѣдать.

— Къ Детруа, конечно?

— Да.

— Да, да... Розбифъ изъ конины, огурцы съ купоросомъ... oui, oui, c'est ça. Твой животъ?

— Каждый день поносъ.

— Oui, oui, c'est ça: пока ѣшь—вкусно; кончилъ, въ брюхѣ колъ, черезъ полчаса послѣ обѣда опять ѣсть хочется, а вечеромъ разстройство... Connu...

Карташевъ разсмѣялся.

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ что, мой другъ, — продолжалъ Шацкій, — не хочешь-ли сегодня отобѣдать со мной у Мильбрета, — на четыре рубля дороже въ мѣсяцъ, но сохраняется желудокъ...

— Что-жъ, съ удовольствіемъ.

— A la bonne heure! Такъ что-жъ, возьмемъ извозчика... эй ты, Мильбретъ, гривенникъ...

Извозчикъ не согласился.

— Пятиалтынный...

— Дай ему...

— Ни за что!

Извозчикъ былъ наконецъ нанятъ.

— Я знаешь,—началъ Шацкій, садясь и принимая тотъ свой шутовской тонъ, за который такъ недолюбливалъ его Корневъ,— долго колебался—гдѣ абонироваться... хотѣлъ у Дюссо, но тамъ хуже...

Карташевъ усмѣхнулся.

— Ну конечно...

— Чтобъ ты зналъ, что хуже,—быстро и опять естествен-

нымъ тономъ заговорилъ Шацкій,—я тебѣ открою, въ чемъ тутъ секретъ: Мильбретъ—скупаетъ придворные обѣды, а согласись, мой другъ, что эти обѣды лучше всякихъ твоихъ Дюссо, очень, очень мило. При моемъ желудкѣ, знаешь (Шацкій опять впалъ въ шутовской тонъ), немного изнѣженномъ (Шацкій сдѣлалъ гримасу), послѣ водъ въ Спа, наконецъ, при моемъ положеніи—знаешь эти друзья: маркизъ де Ривери, баронъ Гавенъ и много другихъ—это все добрые ребята, неловко, знаешь, когда зайдетъ разговоръ объ обѣдѣ и скажутъ вдругъ: а вы замѣтили, какое оригинальное фрикасе сегодня было? И вдругъ стоишь, какъ дуракъ—гдѣ фрикасе, какое фрикасе?!

Шацкій уже на выпускныхъ гимназическихъ экзаменахъ завоевалъ себѣ право говорить и дѣйствовать такъ, какъ ему только заблагоразсудится. Здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ онъ уже успѣлъ и доказать свои способности, поступивъ вторымъ въ трудное по пріему заведеніе и выглядѣлъ, кажется, единственнымъ веселымъ человѣкомъ,—этотъ Шацкій производилъ на Карташева уже не то впечатлѣніе идіота, какимъ окрестилъ его Корневъ. Теперь это былъ правда шутъ, но остроумный (съ этимъ соглашался и Корневъ) и главное — безъ претензіи человѣкъ.

Карташевъ давно уже держался за бока отъ смѣха.

— Съ тобой, однако, очень весело,—проговорилъ онъ.—Въ гимназіи...

— A la bonne heure!—отвѣтилъ небрежно Шацкій.—Только оставь ради Бога гимназію... При моихъ нервахъ—гимназія—это плохое лекарство. Забудемъ ее, мой другъ, и всѣхъ этихъ Корневыхъ, Долбъ... Мы съ тобой «high life», ты, надѣюсь, знаешь, что значитъ это слово? Ну, конечно. Но еще выше этого есть: Du chien, hanche! A sapristi: мнѣ необходимо ѣхать въ Парижъ на скачки, мой другъ Nicolas... Ну, ты, конечно, знаешь, кто это именно?

Шацкій посмотрѣлъ на опѣшившую немного физіономію Карташева и залился самъ веселымъ смѣхомъ.

Карташевъ разсмѣялся.

— Parfait, mon cher! изъ тебя выйдетъ толкъ. Я люблю такихъ, которые смѣются, когда ничего не понимаютъ. Не торопись обижаться, — ты позже поймешь смыслъ моихъ словъ. Да, мой другъ — жизнь это большая загадка и дуракъ тотъ, кто тратитъ время на ея разборъ, потому что, пока онъ вникнетъ въ суть, жизнь пройдетъ между его пальцами и онъ только а-а-а... какъ Вася, твой Корневъ. Еслибъ онъ здѣсь былъ, онъ погрызъ бы ногти и сказалъ «да это вѣрно» и прибавилъ бы: «а впрочемъ, я можетъ быть и ошибаюсь...» c'est ça. Таковы всѣ мудрецы отъ Ѳалеса до Тренделенбурга, которыхъ ты теперь изучаешь и, конечно, ни въ зубъ не понимаешь-

connu, connu! Всѣ они начинаютъ съ того, что отрицаютъ предшественника, съ важнымъ видомъ нагородивъ всякой ерунды, умираютъ, а ты зубри ихъ... твое положеніе грустное, мой другъ... Бытіе, небытіе, становленіе и вдругъ, трахъ, абсолютъ... A fichtre à blic!

— Откуда ты все это знаешь?

— Мой другъ, оставь это. Revenons à nos moutons, какъ говорилъ мой другъ Базиль... ты, конечно, знаешь моего друга Базиля?

— Я долженъ тебѣ откровенно сказать,—сказалъ Карташевъ,—что хотя ты и ерунду несешь, но я съ удовольствіемъ тебя слушаю.

— Oui, oui, c'est ça. Ты всегда былъ немного наивный, но добрый мальчикъ, хотя тебя и портитъ Корневъ. О чемъ, бишь, я говорилъ? Можетъ быть передъ обѣдомъ ты хочешь, какъ дѣлаютъ мои друзья, заѣхать поѣсть устрицъ или навѣстить Альфонсину? Ты, пожалуйста, не стѣсняйся, мой другъ, мой экипажъ къ твоимъ услугамъ.

— Ѣдемъ ужъ прямо къ Мильбрету.

— Какъ хочешь, какъ хочешь! А напрасно! Этимъ не слѣдуетъ пренебрегать. Ah, c'est grave, c'est très grave, эти мелкія приличія, эти условія хорошаго тона—свѣтъ не прощаетъ ихъ: ces petits riens qui ne valent rien, mais qui content beaucoup... Il faut prendre garde, mon cher, тамъ за кулисами ты можешь дѣлать что хочешь, но на сценѣ... Моя покойная пріятельница, princesse Natalie, ты, конечно, ее знаешь? Нерѣдко говорила мнѣ: «Michel, прошу тебя во имя моей памяти никогда не забывай, что свѣтъ»... Да, да, pauvre Natalie, tu es morte, а я остался... да остался... что дѣлать, мой другъ. Faisons notre métier, какъ говорилъ старикашка Виль. Кстати, ты, конечно, знакомъ съ генераломъ Шайницомъ? Какъ? Ты не знакомъ? Мой другъ, ты ставишь меня въ неловкое положеніе... что же я скажу моимъ друзьямъ?—Онъ не знакомъ. Впрочемъ ничего, успокойся: дѣло можно поправить... Я устрою охоту... Oui, oui c'est ça... Я позову его... Тамъ вы познакомитесь... Но, мой другъ, прошу тебя: забудь ты на это время о своихъ деревняхъ: всѣ эти вассалы, деревенскія развлеченія, поѣздка лѣтомъ на саняхъ, когда вмѣсто снѣга посыпаютъ соль—все это вышло изъ моды и ты никого не удивишь... Всѣ знаютъ, что вся Волынская губернія твоя... но къ чему же объ этомъ распространяться? Вотъ, если ты привезешь намъ одну изъ твоихъ красавицъ вассалокъ — этимъ ты много выиграешь... Но и это, какъ и все, мой другъ, надо дѣлать съ тактомъ, очень тонко, mon cher. Ради Бога... Я ужъ вижу... Ты входишь съ ней въ ложу... О мой другъ, кто же такъ дѣлаетъ?! Ради Бога! оставь ее... Ты съ ней не знакомъ!! пойми, ты съ ней не знакомъ?! Пусть

нымъ тономъ заговорилъ Шацкій,—я тебѣ открою
тутъ секретъ: Мильбретъ—скупаетъ придворные о
гласись, мой другъ, что эти обѣды лучше всякихъ т
очень, очень мило. При моемъ желудкѣ, знаешь
впалъ въ шутовской тонъ), немного изнѣженно
лалъ гримасу), послѣ водъ въ Спа, наконецъ
женіи—знаешь эти друзья: маркизъ де Ри
и много другихъ—это все добрые ребята, н
зайдетъ разговоръ объ обѣдѣ и скажутъ
какое оригинальное фрикасе сегодня б
какъ дуракъ—гдѣ фрикасе, какое фри

Шацкій уже на выпускныхъ п
завоевалъ себѣ право говорить и
только заблагоразсудится. Здѣсь
успѣлъ и доказать свои способн
трудное по пріему заведеніе и
нымъ веселымъ человѣкомъ,—
Карташева уже не то впеча
его Корневъ. Теперь это
(съ этимъ соглашался и F
человѣкъ.

Карташевъ давно у ... ...омъ

— Съ тобой, однак ... —поло-
гимназіи... ... по деревенски.

— A la bonne h ... ...ога—это дается не
оставь ради Бога ... у тебя много денегъ?
это плохое лекарс ...лилъ Карташева.
Корневыхъ, Дол
знаешь, что зн ... за правило: когда тебя спра-
этого есть: Dr ...ого, чтобы получить въ отвѣтъ
въ Парижъ ... провинціальная и даже мѣщанская
знаешь, кто

Шацкі ...ль ли ты, что ты какъ будто впадаешь не-
Карташев ...ный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ

Кар

— ... думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ
таких
роп Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—про-
Да. ...рилъ Карташевъ.
кт — Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолич
г ...разсѣянно отвѣтилъ Шацкій. — Если бы меня обидѣли т
слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же р
статься съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ
тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей,
оторыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣм
ь назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто,

глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ
къ будто между нами ничего не произошло и, пока
яжали бы наши пистолеты, мы говорили бы
о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей...
я?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ
ками арбузъ...
ваго?
не понимаешь. Пойми, намъ на-
то что нибудь этакое, острое...

, томишься, по двадцати
конечно, что не от-
теки, чтобъ прислали
арайся не врать...
. Между поря-
ы я своимъ род-
ятіяхъ, я не имѣлъ

всѣхъ этихъ графахъ и

етъ? Имена моихъ друзей не
омпрометировать въ глазахъ моей
ущаетъ меня, что въ концѣ концовъ
ѣ эти фамиліи...
лся самымъ веселымъ смѣхомъ.
? спросилъ Карташевъ.
а вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ над-
ы понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ
средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись
лай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да
и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

она входитъ въ ложу, пусть садится, дѣлаетъ, что хочетъ—ты ее не знаешь до тѣхъ поръ, пока графъ Иванъ не скажетъ тебѣ: «обратите вниманіе... Литера справа»... Мой другъ, мы люди большого свѣта, мы лѣнивы на слова... Но я ужъ вижу, ты обрадовался... и съ деревенской наивностью выпаливаешь, что это твоя вассалка... Ну и пропало все... Ну, кто же такъ дѣлаетъ?! Когда же ты перестанешь меня компрометтировать?! Я же не могу, ты пойми, пожалуйста, что я не могу! Я очень радъ, что этотъ разговоръ пришелъ мнѣ въ голову именно теперь... Постарайся, если можешь, запомнить, что я говорю... А, это большое несчастье... Ваши деревенскія головы устроены какъ рѣшето: эти грубыя вещи, медвѣди, удобреніе остаются, но всѣ эти тонкости проходятъ черезъ вашу голову, какъ вода... Я понимаю, вы несчастные люди, запоминать вамъ нашъ этикетъ гораздо труднѣе, чѣмъ Бисмарку подчинить себѣ весь міръ—вы напрягаетесь, стараетесь, но это не въ вашей силѣ, но, мой другъ... куражъ, куражъ, зачѣмъ падать духомъ? Немножко воли... Наконецъ, ты можешь быть немножко и оригиналомъ... Свѣтъ допускаетъ это... Ты можешь взять бриллiантъ Nicolas и сказать: «хорошая вода»... Потомъ растегнуть сюртукъ и небрежно приложить его къ пуговицамъ своей жилетки... пуговицы, конечно, бриллiантовыя... въ три раза больше, потомъ опять посмотрѣвъ небрежно, скажешь: «хорошая вода»—положишь... Это будетъ, конечно, немного грубовато, по деревенски, но оригинально... Да, мой другъ, знаніе свѣта—это дается не всякому... А впрочемъ... Все это не важно: у тебя много денегъ?

Этотъ неожиданный оборотъ смутилъ Карташева.

— Тебѣ это на что?

— Мой другъ, прими себѣ за правило: когда тебя спрашиваютъ, то не для того, чтобы получить въ отвѣтъ глупый вопросъ, — это провинціальная и даже мѣщанская манера.

— Не находишь ли ты, что ты какъ будто впадаешь немного въ нахальный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ брови.

— Ты думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ умолкъ.

— Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—проговорилъ Карташевъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолично и разсѣянно отвѣтилъ Шацкій.—Если бы меня обидѣли твои слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же расстаться съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ бы тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей, с которыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣм въ назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто, г

черныхъ, на глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ другу руки, какъ будто между нами ничего не произошло и, пока наши друзья заряжали бы наши пистолеты, мы говорили бы съ тобой о погодѣ, о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей... Ты знаешь ее? Рыжая?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ свинья, ѣстъ обѣими руками арбузъ...

— Что жъ тутъ красиваго?

— Мой другъ, ты ничего не понимаешь. Пойми, намъ надоѣло это ingénue, намъ нужно что нибудь этакое, острое... Du chien...—Шацкій помолчалъ.

— Ну и что жъ? Ты скучаешь, томишься, по двадцати листовъ пишешь . письма, врешь, конечно, что не отрываешься отъ лекцій и дѣлаешь тонкіе намеки, чтобъ прислали денегъ? Пожалуйста, только не конфузься и старайся не врать... Побольше простоты. Оставимъ провинціи ложь... Между порядочными людьми это не принято... Если-бы я своимъ роднымъ не писалъ о моихъ друзьяхъ и занятіяхъ, я не имѣлъ бы никакой надежды на примиреніе...

— Неужели ты пишешь имъ о всѣхъ этихъ графахъ и князьяхъ?

— Что здѣсь тебя удивляетъ? Имена моихъ друзей не такія, что могли бы меня компрометировать въ глазахъ моей родни... Только одно и смущаетъ меня, что въ концѣ концовъ забуду и перепутаю всѣ эти фамиліи...

И Шацкій залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— И вѣрятъ? спросилъ Карташевъ.

— Что за вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ надписью. Ты понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ нужны средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись сдѣлай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

она входитъ въ ложу, пусть садится, дѣлаетъ, что хочетъ—ты ее не знаешь до тѣхъ поръ, пока графъ Иванъ не скажетъ тебѣ: «обратите вниманіе... Литера справа»... Мой другъ, мы люди большого свѣта, мы лѣнивы на слова... Но я ужъ вижу, ты обрадовался... и съ деревенской наивностью выпаливаешь, что это твоя вассалка... Ну и пропало все... Ну, кто же такъ дѣлаетъ?! Когда же ты перестанешь меня компрометтировать?! Я же не могу, ты пойми, пожалуйста, что я не могу! Я очень радъ, что этотъ разговоръ пришелъ мнѣ въ голову именно теперь... Постарайся, если можешь, запомнить, что я говорю... А, это большое несчастье... Ваши деревенскія головы устроены какъ рѣшето: эти грубыя вещи, медвѣди, удобреніе остаются, но всѣ эти тонкости проходятъ черезъ вашу голову, какъ вода... Я понимаю, вы несчастные люди, запоминать вамъ нашъ этикетъ гораздо труднѣе, чѣмъ Бисмарку подчинить себѣ весь міръ—вы напрягаетесь, стараетесь, но это не въ вашей силѣ, но, мой другъ... куражъ, куражъ, зачѣмъ падать духомъ? Немножко воли... Наконецъ, ты можешь быть немножко и оригиналомъ... Свѣтъ допускаетъ это... Ты можешь взять бриллiантъ Nicolas и сказать: «хорошая вода»... Потомъ растегнуть сюртукъ и небрежно приложить его къ пуговицамъ своей жилетки... пуговицы, конечно, бриллiантовыя... въ три раза больше, потомъ опять посмотрѣвъ небрежно, скажешь: «хорошая вода»—положишь... Это будетъ, конечно, немного грубовато, по деревенски, но оригинально... Да, мой другъ, знаніе свѣта—это дается не всякому... А впрочемъ... Все это не важно: у тебя много денегъ?

Этотъ неожиданный оборотъ смутилъ Карташева.

— Тебѣ это на что?

— Мой другъ, прими себѣ за правило: когда тебя спрашиваютъ, то не для того, чтобы получить въ отвѣтъ глупый вопросъ, — это провинціальная и даже мѣщанская манера.

— Не находишь ли ты, что ты какъ будто впадаешь немного въ нахальный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ брови.

— Ты думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ умолкъ.

— Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—проговорилъ Карташевъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолично и разсѣянно отвѣтилъ Шацкій. — Если бы меня обидѣли твои слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же расстаться съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ бы тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей, с которыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣм въ назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто, и

черныхъ, на глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ другу руки, какъ будто между нами ничего не произошло и, пока наши друзья заряжали бы наши пистолеты, мы говорили бы съ тобой о погодѣ, о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей... Ты знаешь ее? Рыжая?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ свинья, ѣстъ обѣими руками арбузъ...

— Что жъ тутъ красиваго?

— Мой другъ, ты ничего не понимаешь. Пойми, намъ надоѣло это ingénue, намъ нужно что нибудь этакое, острое... Du chien...—Шацкій помолчалъ.

— Ну и что жъ? Ты скучаешь, томишься, по двадцати листовъ пишешь письма, врешь, конечно, что не отрываешься отъ лекцій и дѣлаешь тонкіе намеки, чтобъ прислали денегъ? Пожалуйста, только не конфузься и старайся не врать... Побольше простоты. Оставимъ провинціи ложь... Между порядочными людьми это не принято... Если-бы я своимъ роднымъ не писалъ о моихъ друзьяхъ и занятіяхъ, я не имѣлъ бы никакой надежды на примиреніе...

— Неужели ты пишешь имъ о всѣхъ этихъ графахъ и князьяхъ?

— Что здѣсь тебя удивляетъ? Имена моихъ друзей не такія, что могли бы меня компрометировать въ глазахъ моей родни... Только одно и смущаетъ меня, что въ концѣ концовъ забуду и перепутаю всѣ эти фамиліи...

И Шацкій залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— И вѣрятъ? спросилъ Карташевъ.

— Что за вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ надписью. Ты понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ нужны средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись сдѣлай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

она входитъ въ ложу, пусть садится, дѣлаетъ, что хочетъ—ты ее не знаешь до тѣхъ поръ, пока графъ Иванъ не скажетъ тебѣ: «обратите вниманіе... Литера справа»... Мой другъ, мы люди большого свѣта, мы лѣнивы на слова... Но я ужъ вижу, ты обрадовался... и съ деревенской наивностью выпаливаешь, что это твоя вассалка... Ну и пропало все... Ну, кто же такъ дѣлаетъ?! Когда же ты перестанешь меня компрометтировать?! Я же не могу, ты пойми, пожалуйста, что я не могу! Я очень радъ, что этотъ разговоръ пришелъ мнѣ въ голову именно теперь... Постарайся, если можешь, запомнить, что я говорю... А, это большое несчастье... Ваши деревенскія головы устроены какъ рѣшето: эти грубыя вещи, медвѣди, удобреніе остаются, но всѣ эти тонкости проходятъ черезъ вашу голову, какъ вода... Я понимаю, вы несчастные люди, запоминать вамъ нашъ этикетъ гораздо труднѣе, чѣмъ Бисмарку подчинить себѣ весь міръ—вы напрягаетесь, стараетесь, но это не въ вашей силѣ, но, мой другъ... куражъ, куражъ, зачѣмъ падать духомъ? Немножко воли... Наконецъ, ты можешь быть немножко и оригиналомъ... Свѣтъ допускаетъ это... Ты можешь взять бриллiантъ Nicolas и сказать: «хорошая вода»... Потомъ растегнуть сюртукъ и небрежно приложить его къ пуговицамъ своей жилетки... пуговицы, конечно, бриллiантовыя... въ три раза больше, потомъ опять посмотрѣвъ небрежно, скажешь: «хорошая вода»—положишь... Это будетъ, конечно, немного грубовато, по деревенски, но оригинально... Да, мой другъ, знаніе свѣта—это дается не всякому... А впрочемъ... Все это не важно: у тебя много денегъ?

Этотъ неожиданный оборотъ смутилъ Карташева.

— Тебѣ это на что?

— Мой другъ, прими себѣ за правило: когда тебя спрашиваютъ, то не для того, чтобы получить въ отвѣтъ глупый вопросъ, — это провинціальная и даже мѣщанская манера.

— Не находишь ли ты, что ты какъ будто впадаешь немного въ нахальный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ брови.

— Ты думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ умолкъ.

— Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—проговорилъ Карташевъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолично и разсѣянно отвѣтилъ Шацкій.—Если бы меня обидѣли твои слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же расстаться съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ бы тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей, съ которыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣм въ назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто, г

черныхъ, на глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ другу руки, какъ будто между нами ничего не произошло и, пока наши друзья заряжали бы наши пистолеты, мы говорили бы съ тобой о погодѣ, о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей... Ты знаешь ее? Рыжая?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ свинья, ѣстъ обѣими руками арбузъ...

— Что жъ тутъ красиваго?

— Мой другъ, ты ничего не понимаешь. Пойми, намъ надоѣло это ingénue, намъ нужно что нибудь этакое, острое... Du chien...—Шацкій помолчалъ.

— Ну и что жъ? Ты скучаешь, томишься, по двадцати листовъ пишешь . письма, врешь, конечно, что не отрываешься отъ лекцій и дѣлаешь тонкіе намеки, чтобъ прислали денегъ? Пожалуйста, только не конфузься и старайся не врать... Побольше простоты. Оставимъ провинціи ложь... Между порядочными людьми это не принято... Если-бы я своимъ роднымъ не писалъ о моихъ друзьяхъ и занятіяхъ, я не имѣлъ бы никакой надежды на примиреніе...

— Неужели ты пишешь имъ о всѣхъ этихъ графахъ и князьяхъ?

— Что здѣсь тебя удивляетъ? Имена моихъ друзей не такія, что могли бы меня компрометировать въ глазахъ моей родни... Только одно и смущаетъ меня, что въ концѣ концовъ забуду и перепутаю всѣ эти фамиліи...

И Шацкій залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— И вѣрятъ? спросилъ Карташевъ.

— Что за вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ надписью. Ты понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ нужны средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись сдѣлай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

она входитъ въ ложу, пусть садится, дѣлаетъ, что хочетъ—ты ее не знаешь до тѣхъ поръ, пока графъ Иванъ не скажетъ тебѣ: «обратите вниманіе... Литера справа»... Мой другъ, мы люди большого свѣта, мы лѣнивы на слова... Но я ужъ вижу, ты обрадовался... и съ деревенской наивностью выпаливаешь, что это твоя вассалка... Ну и пропало все... Ну, кто же такъ дѣлаетъ?! Когда же ты перестанешь меня компрометтировать?! Я же не могу, ты пойми, пожалуйста, что я не могу! Я очень радъ, что этотъ разговоръ пришелъ мнѣ въ голову именно теперь... Постарайся, если можешь, запомнить, что я говорю... А, это большое несчастье... Ваши деревенскія головы устроены какъ рѣшето: эти грубыя вещи, медвѣди, удобреніе остаются, но всѣ эти тонкости проходятъ черезъ вашу голову, какъ вода... Я понимаю, вы несчастные люди, запоминать вамъ нашъ этикетъ гораздо труднѣе, чѣмъ Бисмарку подчинить себѣ весь міръ—вы напрягаетесь, стараетесь, но это не въ вашей силѣ, но, мой другъ... куражъ, куражъ, зачѣмъ падать духомъ? Немножко воли... Наконецъ, ты можешь быть немножко и оригиналомъ... Свѣтъ допускаетъ это... Ты можешь взять бриллiантъ Nicolas и сказать: «хорошая вода»... Потомъ растегнуть сюртукъ и небрежно приложить его къ пуговицамъ своей жилетки... пуговицы, конечно, бриллiантовыя... въ три раза больше, потомъ опять посмотрѣвъ небрежно, скажешь: «хорошая вода»—положишь... Это будетъ, конечно, немного грубовато, по деревенски, но оригинально... Да, мой другъ, знаніе свѣта—это дается не всякому... А впрочемъ... Все это не важно: у тебя много денегъ?

Этотъ неожиданный оборотъ смутилъ Карташева.

— Тебѣ это на что?

— Мой другъ, прими себѣ за правило: когда тебя спрашиваютъ, то не для того, чтобы получить въ отвѣтъ глупый вопросъ, — это провинціальная и даже мѣщанская манера.

— Не находишь ли ты, что ты какъ будто впадаешь немного въ нахальный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ брови.

— Ты думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ умолкъ.

— Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—проговорилъ Карташевъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолично и разсѣянно отвѣтилъ Шацкій.—Если бы меня обидѣли твои слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же разстаться съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ бы тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей, съ которыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣмъ, въ назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто, г

черныхъ, на глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ другу руки, какъ будто между нами ничего не произошло и, пока наши друзья заряжали бы наши пистолеты, мы говорили бы съ тобой о погодѣ, о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей... Ты знаешь ее? Рыжая?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ свинья, ѣстъ обѣими руками арбузъ...

— Что жъ тутъ красиваго?

— Мой другъ, ты ничего не понимаешь. Пойми, намъ надоѣло это ingénue, намъ нужно что нибудь этакое, острое... Du chien...—Шацкій помолчалъ.

— Ну и что жъ? Ты скучаешь, томишься, по двадцати листовъ пишешь . письма, врешь, конечно, что не отрываешься отъ лекцій и дѣлаешь тонкіе намеки, чтобъ прислали денегъ? Пожалуйста, только не конфузься и старайся не врать... Побольше простоты. Оставимъ провинціи ложь... Между порядочными людьми это не принято... Если-бы я своимъ роднымъ не писалъ о моихъ друзьяхъ и занятіяхъ, я не имѣлъ бы никакой надежды на примиреніе...

— Неужели ты пишешь имъ о всѣхъ этихъ графахъ и князьяхъ?

— Что здѣсь тебя удивляетъ? Имена моихъ друзей не такія, что могли бы меня компрометировать въ глазахъ моей родни... Только одно и смущаетъ меня, что въ концѣ концовъ забуду и перепутаю всѣ эти фамиліи...

И Шацкій залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— И вѣрятъ? спросилъ Карташевъ.

— Что за вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ надписью. Ты понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ нужны средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись сдѣлай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

она входитъ въ ложу, пусть садится, дѣлаетъ, что хочетъ—ты ее не знаешь до тѣхъ поръ, пока графъ Иванъ не скажетъ тебѣ: «обратите вниманіе... Литера справа»... Мой другъ, мы люди большого свѣта, мы лѣнивы на слова... Но я ужъ вижу, ты обрадовался... и съ деревенской наивностью выпаливаешь, что это твоя вассалка... Ну и пропало все... Ну, кто же такъ дѣлаетъ?! Когда же ты перестанешь меня компрометтировать?! Я же не могу, ты пойми, пожалуйста, что я не могу! Я очень радъ, что этотъ разговоръ пришелъ мнѣ въ голову именно теперь... Постарайся, если можешь, запомнить, что я говорю... А, это большое несчастье... Ваши деревенскія головы устроены какъ рѣшето: эти грубыя вещи, медвѣди, удобреніе остаются, но всѣ эти тонкости проходятъ черезъ вашу голову, какъ вода... Я понимаю, вы несчастные люди, запоминать вамъ нашъ этикетъ гораздо труднѣе, чѣмъ Бисмарку подчинить себѣ весь міръ—вы напрягаетесь, стараетесь, но это не въ вашей силѣ, но, мой другъ... куражъ, куражъ, зачѣмъ падать духомъ? Немножко воли... Наконецъ, ты можешь быть немножко и оригиналомъ... Свѣтъ допускаетъ это... Ты можешь взять бриллiантъ Nicolas и сказать: «хорошая вода»... Потомъ растегнуть сюртукъ и небрежно приложить его къ пуговицамъ своей жилетки... пуговицы, конечно, бриллiантовыя... въ три раза больше, потомъ опять посмотрѣвъ небрежно, скажешь: «хорошая вода»—положишь... Это будетъ, конечно, немного грубовато, по деревенски, но оригинально... Да, мой другъ, знаніе свѣта—это дается не всякому... А впрочемъ... Все это не важно: у тебя много денегъ?

Этотъ неожиданный оборотъ смутилъ Карташева.

— Тебѣ это на что?

— Мой другъ, прими себѣ за правило: когда тебя спрашиваютъ, то не для того, чтобы получить въ отвѣтъ глупый вопросъ, — это провинціальная и даже мѣщанская манера.

— Не находишь ли ты, что ты какъ будто впадаешь немного въ нахальный тонъ? — спросилъ Карташевъ, сдвинувъ брови.

— Ты думаешь? — переспросилъ Шацкій и, вздохнувъ умолкъ.

— Надѣюсь, тебя не очень обидѣло мое замѣчаніе?—проговорилъ Карташевъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ,—меланхолично и разсѣянно отвѣтилъ Шацкій.—Если бы меня обидѣли твои слова, я долженъ былъ бы по нашимъ правиламъ сейчасъ же разстаться съ тобой и завтра утромъ мой другъ Nicolas просилъ бы тебя сдѣлать ему честь указать кого нибудь изъ твоихъ друзей, съ которыми онъ могъ бы условиться относительно остального. Затѣмъ, въ назначенный часъ, мы съѣхались бы въ условленное мѣсто, въ

черныхъ, на глухо застегнутыхъ сюртукахъ, протянули бы другъ другу руки, какъ будто между нами ничего не произошло и, пока наши друзья заряжали бы наши пистолеты, мы говорили бы съ тобой о погодѣ, о послѣднихъ скачкахъ, о миссъ Грей... Ты знаешь ее? Рыжая?. какъ сабака, мохнатая, грязная какъ свинья, ѣстъ обѣими руками арбузъ...

— Что жъ тутъ красиваго?

— Мой другъ, ты ничего не понимаешь. Пойми, намъ надоѣло это ingénue, намъ нужно что нибудь этакое, острое... Du chien...—Шацкій помолчалъ.

— Ну и что жъ? Ты скучаешь, томишься, по двадцати листовъ пишешь . письма, врешь, конечно, что не отрываешься отъ лекцій и дѣлаешь тонкіе намеки, чтобъ прислали денегъ? Пожалуйста, только не конфузься и старайся не врать... Побольше простоты. Оставимъ провинціи ложь... Между порядочными людьми это не принято... Если-бы я своимъ роднымъ не писалъ о моихъ друзьяхъ и занятіяхъ, я не имѣлъ бы никакой надежды на примиреніе...

— Неужели ты пишешь имъ о всѣхъ этихъ графахъ и князьяхъ?

— Что здѣсь тебя удивляетъ? Имена моихъ друзей не такія, что могли бы меня компрометировать въ глазахъ моей родни... Только одно и смущаетъ меня, что въ концѣ концовъ забуду и перепутаю всѣ эти фамиліи...

И Шацкій залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— И вѣрятъ? спросилъ Карташевъ.

— Что за вопросъ?! Я имъ и карточки послалъ съ надписью. Ты понимаешь? для поддержанія такихъ знакомствъ нужны средства. Кстати, дай мнѣ твою карточку и надпись сдѣлай по англійски... Впрочемъ, зять знаетъ твою руку, да и пишешь ты... Все лишніе расходы.

— На покупку карточекъ?

— Мой другъ?!.. Три рубля пятьдесятъ копѣекъ уже истратилъ. Послѣдняго моего друга послалъ въ шотландскомъ костюмѣ, кажется, Байрона...

— Но, вѣдь, отецъ твой, кажется, образованный человѣкъ.

— Дядя—да, а отецъ тридцать лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, разводитъ свиней и выѣзжаетъ лошадей. Газетъ ни-ни и тридцать лѣтъ никуда изъ деревни, понимаешь?

Въ это время извозчикъ подъѣхалъ къ Мильбрету. Большія комнаты, масса народу смутили Карташева. Замѣтивъ, что Карташевъ конфузится, Шацкій старался очень осторожно помочь ему справиться со своимъ смущеніемъ, принесъ ему цѣлую груду газетъ, подавалъ ему первому блюда и вообще оказывалъ столько мелочнаго вниманія и все это такъ просто, безъ принужденія и подчеркиванія, точно и самъ не замѣчалъ,

что дѣлалъ. Карташевъ былъ очень тронутъ этой его любезностью и думалъ:

«Оригиналъ большой, но очень симпатичный. Корневъ хорошій человѣкъ, но у него есть извѣстная предубѣжденность, которая мѣшаетъ ему видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Онъ самъ не замѣчаетъ, какъ требуетъ, чтобы всѣ были по одному шаблону сдѣланы. Это, конечно, невозможно, съ этимъ надо считаться. У каждаго свое особенное. Я беру симпатичное, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ. Мнѣ Шацкій симпатиченъ и я не вижу основанія уничтожать въ себѣ эту симпатію. Да и какое, наконецъ, я право имѣю воображать себя почему то выше и колоть этимъ глаза? А можетъ быть этотъ Шацкій гораздо выше меня, добрѣе и...»

Карташевъ хотѣлъ сказать честнѣе, но вспомнилъ продѣлки Шацкаго съ родней.

«И тутъ не его вина—кто ихъ тамъ знаетъ, какія у него отношенія къ роднымъ и что они за люди. Да, наконецъ, не въ жены же я его брать хочу. Мнѣ доставляетъ удовольствіе его общество... Одиночество невыносимо для меня, — я томлюсь, бѣгаю по всѣму городу, высуня языкъ отъ тоски, отвыкаю отъ своего голоса... Нѣтъ, окончательно рѣшено — я сближаюсь съ Шацкимъ».

И Карташевъ открыто и ласково посмотрѣлъ на Шацкаго.

— Мы очень рѣдко съ тобой видимся, а между тѣмъ, навѣрное, оба скучаемъ—я былъ бы очень радъ, если бы мы видались почаще.

— Мой другъ, зачѣмъ же дѣло стало? — отвѣтилъ Шацкій и, церемонно вставъ, протянулъ руку Карташеву.—Можетъ быть поѣдемъ ко мнѣ чай пить?

— Поѣдемъ лучше ко мнѣ... Я жду письма.

— Съ удовольствіемъ.

Новые друзья вышли на улицу, взяли извозчика и поѣхали къ Карташеву.

Войдя въ комнату Карташева и снявъ пальто, Шацкій сѣлъ на диванъ и, качая пренебрежительно головой, заговорилъ:

— Oui, oui, c'est ça... образецъ петербургской квартиры, пять дверей въ одной комнатѣ и трескотня и резонансъ такой, точно сидишь въ табакеркѣ съ музыкой... Ничего нѣтъ удивительнаго, что десять, пятнадцать лѣтъ — и человѣка везутъ въ сумасшедшій домъ... А впрочемъ, нѣкоторые застрахованы от этого... твоего Корнева не свезутъ... Онъ, подлецъ, самъ свезет Не будемъ говорить объ этомъ: это грустныя мысли. Чай есть

Карташевъ распорядился.

— Ну, что жъ, устроился?—спросилъ Шацкій и сталъ осм тривать хозяйство Карташева. Онъ подошелъ къ столу и н брежно тронулъ неразрѣзанныя лекціи Карташева.

— Наука не процвѣтаетъ... Да, да, надо немного забыть гимназію, чтобы опять какой нибудь интересъ почувствовать къ этой несчастной наукѣ... Небольшой, впрочемъ... Все тѣже десять тысячъ словъ... Но скажи, къ чему у тебя всѣ эти ковры, скатерти, столовое бѣлье, для чего это студенту? Это видно, что съ политической экономіей ты еще не знакомъ... всѣхъ денегъ назадъ не выручишь, но третью часть можно получить.

— Заложить?

— Къ чему это безпокойство?—Шацкій заглянулъ въ окно.— Постой... Какъ разъ онъ.

— Кто?

— Татаринъ...

Шацкій высунулся въ форточку и крикнулъ татарину номеръ квартиры.

— Послушай...—началъ было Карташевъ.

— Такъ вѣдь, не захочешь продавать и не продашь, а цѣну на всякій случай узнаешь.

Татаринъ пришелъ и Шацкій, быстро поворачиваясь, живой, сосредоточенный, сталъ ему показывать вещи, объяснялъ, вралъ про ихъ стоимость и раздражилъ въ концѣ-концовъ аппетитъ татарина настолько, что тотъ настойчиво сталъ предлагать за все отобранное тридцать два рубля.

— Я совѣтую не упускать случая, потому что всѣ остальные и половины не дадутъ, —сказалъ Шацкій по французски.

Карташевъ колебался.

— Ну, тридцать пять или убирайся къ чорту,—рѣшительно проговорилъ Шацкій.

Татаринъ уходилъ, приходилъ и, наконецъ, полѣзъ за деньгами, а Карташевъ все еще не рѣшилъ, что ему дѣлать.

— Неловко, мой другъ, въ какое же ты положеніе меня ставишь?

— Но кто же тебя просилъ?—отвѣтилъ Карташевъ.

— Какъ знаешь,—обидѣлся Шацкій.

Карташевъ протянулъ руку за деньгами.

— A la bonne heure, — произнесъ Шацкій, облегченно вздыхая.

— Еще нѣтъ-ли чего?—спросилъ татаринъ, увязавъ все.

— Нѣтъ, нѣтъ, иди,—замахалъ Карташевъ.

Когда татаринъ ушелъ, Шацкій сказалъ:

— Домой, конечно, не напишешь...

— Конечно, напишу,—недовольно перебилъ Карташевъ.

— Напрасно.

— Оставимъ этотъ разговоръ.

— Какъ тебѣ угодно. Parlons d'autres choses... De quoi, parlons nous, mon seigneur?

— Мнѣ, правду сказать, немножко непріятна вся эта продажа.

— Ну, стоитъ-ли, мой другъ, на такихъ пустякахъ останавливаться... съ твоимъ сердцемъ и умомъ. Ecoute: ѣдемъ къ Ларіо... Сегодня этотъ негодяй заходилъ ко мнѣ, но не засталъ: это не спроста...

— Денегъ?

— Нѣтъ, онъ вчера взялъ... Пришелъ нарочно, чтобъ не застать: совѣсть не чиста... Надо разузнать въ чемъ дѣло... Я его такъ знаю теперь, какъ свои пять пальцевъ... Животное настоящее: пять Лизокъ, двѣ Машки и весь міръ готовъ. Ѣдемъ...

Шацкій говорилъ полусерьезно, полуласково, стараясь отвлечь Карташева отъ его непріятныхъ мыслей.

— Пожалуй...—нехотя согласился все еще обиженный Карташевъ.

— Merçi,—протянулъ руку Шацкій.

Онъ всталъ; скучая зѣвнулъ и проговорилъ:

— Да, да, мой другъ... Когда видишь возлѣ себя мыслящаго и понимающаго тебя человѣка, тогда многое простишь, чтобы быть съ нимъ...

Шацкій стоялъ, разставивъ ноги, и казалось такъ задумался, что ничего не замѣчалъ.

Карташевъ воспользовался этимъ и, надѣвая свою барашковую шапку, постарался незамѣтно посмотрѣться въ зеркало. Но встрѣтивъ вдругъ тамъ пару устремленныхъ на него маленькихъ тусклыхъ глазъ Шацкаго, смутился и быстро отошелъ къ комоду, точно ища тамъ что-то.

— Да, да, — самъ себѣ говорилъ Шацкій и обратившись къ Карташеву, ласково спросилъ: — Ну, мой другъ, теперь готовъ ты?

(Прдолженіе слѣдуетъ).

Н. Гаринъ.

---

* * *

Ночи, ночи благодатныя
Жизнью дышущей весны,—
Вы, чьи звуки непонятные
Страстнымъ трепетомъ полны,
Чье дыханье благовонное
И ласкаетъ, и томитъ,
Властно будитъ чувства сонныя,
Мысли сонныя живитъ!
Долго-долго васъ, волшебныя,
Ждалъ, чтобъ вѣянье цѣлебное
Освѣжило душу мнѣ.
Годы ждалъ я васъ, измученный,
Утомленный и больной,
Но, какъ прежде, не наученный
Покоряться силѣ злой.
И сбылися ожиданія—
Я пришелъ на свѣтлый югъ,
И затихнули страданія,
Успокоился недугъ.
И горитъ мнѣ небо чистое
Сонмомъ божіихъ огней,
Льетъ мнѣ пѣсенки искристыя
Изъ сирени соловей,
Въ блесткахъ звѣздъ рѣка колышется,
Тихо ропщутъ тростники...
И легко, спокойно дышется,—
Нѣтъ ни злобы, ни тоски...
Но на долго-ль?..

Дни проносятся,
И опять тоской дыша,
Въ чудный край какой-то просится
Безпокойная душа...
Ночи, ночи благодатныя!
Въ чемъ же счастье, наконецъ?
Гдѣ стремленья необъятныя
Обрѣтутъ себѣ вѣнецъ?
Иль не къ вамъ душа стремилася
Изъ пустыни снѣговой,
Не предъ вашею молилася
Вдохновенной красотой?
Или ласки ваши нѣжныя—
Обольщеніе одно
И не вамъ сердца мятежныя
Успокоивать дано?..

. . . . . .

Вѣстникъ мира и прощенія
Съ честнымъ знаменемъ труда!
Иль ты горькаго моленія
Не услышишь никогда,
И во вѣки пошлость дикую
Не придешь смирить въ сердцахъ
И воззвать на жизнь великую
Нашихъ душъ холодный прахъ?
Приходи, желанный, благостный!
Кто-бъ ты ни былъ—приходи!
Свѣй съ насъ сонъ тлетворный, тягостный—
Стыдъ и совѣсть разбуди,
И къ свободному и мирному,
Съ ясной цѣлью впереди,
Единенію всемірному
Насъ, разрозненныхъ, веди!

С. Александровъ.

Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени.

L'ignorance est moins eloignée de la verité que le préjugé.

Diderot.

III.

«Г.—онъ—замѣчаетъ г. П. фонъ Струве,—разсматриваетъ все время нашего крестьянина какъ простого рабочаго, тогда какъ по той *теоріи*, которой онъ слѣдуетъ, крестьянинъ, въ силу своего положенія самостоятельнаго земледѣльца, по крайней мѣрѣ поскольку онъ обрабатываетъ *свою землю*, получаетъ нераздѣльный доходъ, въ который входятъ и заработная плата, и прибыль, и наконецъ, рента» (211).

Въ этихъ словахъ съ самаго начала проявляется діаметральная противуположность между отправными точками г. П. фонъ Струве и автора «Очерковъ». Для г. П. фонъ Струве *теорія* на *первомъ планѣ*, для автора «Очерковъ» на первомъ планѣ факты, которые должны быть объяснены теоріей. Но это между прочимъ.

При изслѣдованіи вліянія капиталистическаго хозяйства на крестьянство, по самой сущности задачи нельзя было иначе поступить, какъ принявъ крестьянина за простого работника, которому приходится дѣлиться продуктомъ своего труда съ другими лицами, и уже затѣмъ слѣдовало показать то вліяніе, которое производитъ тотъ фактъ, что работникъ есть въ тоже время землевладѣлецъ.

На это послѣднее обстоятельство было обращено въ «Очеркахъ» особенное вниманіе (гл. VIII, XIV и др.) Тамъ между прочимъ на стр. 147 читаемъ: «тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что крестьянинъ все еще владѣетъ частью средствъ производства—что онъ все еще землевладѣлецъ—время отъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, оказываетъ свое вліяніе на его положеніе». Этимъ

между прочимъ объясняется то странное на первый взглядъ явленіе, что цѣна ржи въ наиболѣе урожайномъ 1888 г. слѣдовавшемъ за такимъ же урожайнымъ 1887 годомъ, несмотря на то, всетаки поднялась болѣе чѣмъ на 10%, и объясняется это тѣмъ, что крестьянство, освободясь болѣе или менѣе въ предыдущемъ году отъ долговъ и обязательствъ, было въ состояніи попридержать больше хлѣба для собственнаго потребленія, и меньше выносить на рынокъ.

Къ сожалѣнію, г. П. фонъ Струве совершенно не обратилъ вниманія на тѣ главы, гдѣ разсматривается этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что факты, приведенные тамъ, настолько характерны, что одинъ иностранный экономистъ, на котораго мы уже имѣли случай ссылаться говоритъ: «Крайне любопытны... замѣчанія относительно кажущагося противорѣчія, что въ Россіи хорошій урожай *не* влечетъ за собою непремѣнно пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Если мы станемъ изучать дѣйствительныя хозяйственныя отношенія въ разныхъ странахъ и на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, какими замѣчательно ошибочными и неполными представятся раціоналистическія обобщенія XVIII вѣка—добрѣйшаго старика Адама Смита, принимавшаго условія хозяйственной жизни Эдинбурга и Лотіанскія за нормальныя и повсемѣстныя.

Благодаря ли своей «объективности», или «безпристрастію», а можетъ быть по какой нибудь иной причинѣ, г. П. фонъ Струве этой стороны совершенно не примѣтилъ, и утверждаетъ, что въ «Очеркахъ» крестьянинъ разсматривается все время какъ простой рабочій. А между тѣмъ именно по этому то въ «Очеркахъ» не только не связывался «фактъ ухудшенія положенія сельскаго населенія съ ростомъ производительности труда», какъ утверждаетъ г. П. фонъ Струве (209), но настаивалось на томъ, что «увеличеніе производительности труда является поэтому безотлагательной государственной потребностью». («Очерки» 265).

Любопытно, что въ выпискѣ, приведенной выше изъ «Критическихъ замѣтокъ»,—г. П. фонъ Струве утверждаетъ, что по той теоріи которой слѣдуетъ критикуемый имъ авторъ, выходитъ, что насколько земледѣлецъ самостоятеленъ, насколько онъ обрабатываетъ свою землю, онъ получаетъ нераздѣльный доходъ, въ который входятъ и заработная плата, и прибыль и, наконецъ, рента. Г. П. фонъ Струве даже и не подумалъ о томъ, во первыхъ, есть ли какая нибудь прибыль, а если есть, то какъ она велика? и во вторыхъ получаютъ ли какую нибудь ренту не только крестьяне, но вообще въ Россіи есть ли рента? По теоріи слѣдуетъ, что при извѣстныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ получается рента, нашъ же проницательный критикъ порѣшилъ, что разъ въ Англіи есть рента, то она должна быть и у насъ, а если кто не слѣдуетъ «методу» г. П. фонъ Струве и не исходитъ изъ теоріи, а

изъ фактовъ, которые бы теорія освѣщала, тотъ поступаетъ неправильно, не научно, не объективно.

IV.

На основаніи данныхъ сельско-хозяйственной статистики мы пришли къ выводу, что количество потребляемаго хлѣба въ Россіи уменьшается, и что разъ это дѣйствительно такъ, то по необходимости должно уменьшаться также потребленіе сырого матеріала для одежды и проч.

Г. П. фонъ Струве оспариваетъ этотъ фактъ. Онъ говоритъ, что выводъ относительно уменьшенія потребленія хлѣба основанъ на цифрахъ, не заслуживающихъ довѣрія.

Что сельско-хозяйственная статистика для всей Россіи у насъ поставлена не удовлетворительно, что она не можетъ идти въ сравненіе съ с.-американской—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но выводы, къ которымъ мы пришли въ «Очеркахъ», основывались не на однѣхъ абсолютныхъ цифрахъ; абсолютныя цифры ни въ одной странѣ не вѣрны, да и вѣрными быть не могутъ, суммируются онѣ изъ слишкомъ большого числа отдѣльныхъ, приблизительно точныхъ итоговъ. Но цифры эти имѣютъ *относительную вѣрность*, въ нашемъ случаѣ подкрѣпляющуюся цѣлымъ рядомъ косвенныхъ указаній (перевозка хлѣба, вывозъ его за границу, сумма переводовъ денегъ изъ города въ городъ, и т. д. и т. д.) «Внимательный анализъ показываетъ, говоритъ такой свѣдущій въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, какъ А. Ѳ. Фортунатовъ, что для экономическихъ сравненій этими свѣдѣніями (свѣдѣніями объ урожаѣ, собиравшимися въ семидесятыхъ годахъ) пользоваться можно» («Сельско-хозяйственная статистика» М. 1893 г., 187).

Въ связи съ уменьшеніемъ народнаго потребленія хлѣба находится несомнѣнно уменьшеніе удовлетворенія остальныхъ потребностей. Мы сдѣлали попытку, на основаніи статистическихъ данныхъ, опредѣлить степень уменьшенія потребленія продуктовъ производства обработки волокнистыхъ веществъ. Во первыхъ намъ пришлось констатировать, что если принять «сумму потребляемыхъ продуктовъ не измѣняющеюся, а потребность въ одеждѣ при опредѣленныхъ условіяхъ не могла увеличиваться, то увеличеніе количества болѣе дешевой ихъ формы—фабричной, вызвало прекращеніе производства ихъ въ другой формѣ—домашней.

Охотно сознаемся, что такая фраза дѣйствительно можетъ возбудить недоразумѣнія. Какъ мы уже говорили раньше въ статьѣ, помѣщенной въ № 4 «Русскаго Богатства», мы основывали всѣ свои выводы на данныхъ оффиціальной и земской статистики, поэтому нами сознательно, преднамѣренно былъ обойденъ вопросъ о самыхъ причинахъ перехода домашняго ткачества для собственнаго потребленія на фабрику. Конечно, было достаточно

причинъ для такого перехода, о которыхъ мы упоминали въ только что названной статьѣ, какъ напримѣръ повышеніе цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ, большая выгода, получаемая при продажѣ льна, пеньки и пр., и покупка болѣе дешевой уже готовой бумажной матеріи и пр. и пр. Думалось, что для внимательнаго читателя достаточно указать, для поясненія совершающагося перехода домашнихъ промысловъ на фабрики, ростъ одной формы на счетъ другой. Но какъ бы то ни было, приведенная фраза дѣйствительно построена такъ, что можетъ ввести въ заблужденіе.

Но г. П. фонъ Струве стремится доказать, что тѣ данныя, которыя приведены въ «Очеркахъ» относительно уменьшенія потребленія матеріаловъ для одежды, ровно ничего не доказываютъ. Во первыхъ для этого взятъ періодъ слишкомъ короткій 1886—1891 г., да при томъ изъ этого шестилѣтія два года выдались исключительные: 1889, въ который производство и льна и пеньки увеличилось, и 1891, голодный. Да кромѣ того, «авторъ, говоритъ г. П. фонъ Струве,—поступаетъ довольно рѣшительно съ имѣющимся въ его распоряженіи цифрами: онъ просто складываетъ пуды хлопка съ пудами льнянаго волокна. У каждаго даже самаго неподготовленнаго читателя долженъ сейчасъ же явиться вопросъ: представляетъ-ли пудъ хлопка и пудъ льняного волокна однородныя мѣновыя и потребительныя цѣнности, которыя можно просто складывать? На это можно дать только отрицательный отвѣтъ... для полученія 100 пудовъ бумажной пряжи нужно имѣть 123 п. хлопка... тогда какъ для полученія 100 пудовъ льняной пряжи нужно взять 147 п. трепанаго льна» (Критич. замѣтки 231,232). Далѣе дѣлается упрекъ, что за основаніе взятъ 1886 г. т. е. какъ разъ тотъ самый годъ, который по вывозу льна и пеньки за границу былъ самый неблагопріятный, и «выводить заключеніе о регрессѣ или прогрессѣ не только всего національнаго богатства, но и отдѣльнаго производства на основаніи данныхъ за одно шестилѣтіе представляется просто смѣхотворнымъ» (233).

Если мы обратимся къ «Очеркамъ», то на 236 стр. окажется, что цифры площади льняныхъ посѣвовъ взяты не за шесть лѣтъ, а за десять, и что съ 1881 до 1886 г., площадь льняныхъ посѣвовъ уменьшилась всего на 23_3%, что на черноземную полосу приходится за это время 42_4% уменьшенія, а на нечерноземную 9_7%. Такимъ образомъ отправная наша точка, 1886 г., показала уменьшеніе площади посѣвовъ, сравнительно съ началомъ этого десятилѣтія, и такое уменьшеніе продолжалось и далѣе за исключеніемъ 1889 г.

Однако отчего же былъ взятъ именно 1886 г.? Да просто по тому, что послѣдовательныхъ данныхъ по фабричной обработкѣ волокна—за болѣе ранній періодъ—нѣтъ. Но цифры таможенной статистики показываютъ, что до 1886 г. вывозъ льна былъ больше

держась въ началѣ 80-хъ годовъ около 11—14 милл. пудовъ въ годъ. Отсюда каждый и даже неподготовленный читатель можетъ вывести заключеніе, что если площадь льняныхъ посѣвовъ съ 1881 до 1886 г. сокращалась, упавъ всего на 23% слишкомъ, и что если притомъ при возрастающей фабричной обработкѣ льна вывозъ его за границу держался высоко, то на домашнее потребленіе крестьянства его оставалось менѣе и менѣе.

Но намъ кромѣ того извѣстно, что независимо отъ сокращенія обработки пеньки число головъ овецъ, а слѣдовательно и получаемой шерсти падало въ такой прогрессіи. Въ 1857 г., въ Россіи, на 100 человѣкъ населенія приходилось 72 овцы; въ 1870 г. $68,_8$ овецъ; въ 1883 г. $59,_4$ а въ 1888 всего 52 овцы. До 1883 г., число овецъ постоянно падало относительно, а между 1883 и 1888 гг. произошло даже абсолютное уменьшеніе численности овецъ *).

Такъ вотъ, если взять все это во вниманіе, то окажется, что сырой матеріалъ для одежды получался въ продолженіи всего дѣсятилѣтія въ уменьшающемся количествѣ.

Однако пріемъ для доказательства такого уменьшенія ужъ очень «рѣшительный». Даже самый неподготовленный читатель скажетъ: да развѣ пудъ хлопка и льнянаго волокна представляютъ одинаковую мѣновую и потребительную стоимость? И тотчасъ-же отвѣтитъ: конечно, нѣтъ.

Скажемъ и мы: конечно, нѣтъ, далеко не одну и ту же стоимость. Но «неподготовленный читатель» и такой-же писатель на этомъ и остановятся. Вопросъ заключался въ томъ: уменьшается или увеличивается количество продуктовъ, идущихъ на одежду? Мы видѣли, что потребленіе льняныхъ и шерстяныхъ продуктовъ уменьшается; видѣли также, что одновременно съ такимъ уменьшеніемъ растетъ фабричное производство хлопчато-бумажныхъ продуктовъ; видѣли, что потребленіе и тѣхъ, и другихъ вмѣстѣ взятыхъ по вѣсу убываетъ. Намъ также извѣстно, что *потребительная* стоимость льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій во много разъ превышаетъ хлопчато-бумажныя, что они и теплѣе и прочнѣе, дольше носятся. Выразить эти отношенія въ цифрахъ для потребленія всей Россіи довольно затруднительно, но фактъ остается фактомъ: худшая потребительная стоимость вытѣсняетъ лучшую. Совокупность всѣхъ этихъ фактовъ приводитъ къ выводу, что потребительная стоимость продуктовъ обработки волокнистыхъ веществъ падаетъ, ухудшается.

---

*) А. Ѳ. Фортунатовъ: Сельск. хоз. стат. 217. Ср. также оффиціальное изданіе для выставки въ Чикаго: «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи 1893 Спб. Во всей Россіи производится ежегодно 7—$7^1/_2$ милл. пудовъ грязной и перегонной шерсти, изъ которыхъ около $1_{,2}$—3 м. п. приходится на долю мериносовъ» (293). Въ 1867 г. число овецъ въ Е. Россіи доходило до 64 мил. головъ, а въ 1888 до 48 мил. головъ.

Но «слѣдуетъ вообще замѣтить, говоритъ г. П. фонъ-Струве, что національныя богатства двухъ хозяйственныхъ организацій, изъ которыхъ одна является натуральной, а другая денежной, несравнимы, потому что для сравненія недостаетъ tertium comparationis—всеобщаго эквивалента—денегъ, а національное богатство данной страны за разные періоды можно сравнивать, только выражая его въ единицахъ какой нибудь наиболѣе устойчивой мѣновой цѣнности». (232).

Эта крайне глубокая и «оригинальная» мысль г. П. фонъ Струве показываетъ, насколько онъ проникъ въ смыслъ того вопроса, который взялся обсуждать, и вмѣстѣ съ тѣмъ насколько самъ онъ проникнутъ идеей «власти денегъ». Рѣчь идетъ вѣдь о *потребительныхъ стоимостяхъ*, объ измѣненіи ихъ количества и качества во времени, совершенно независимо отъ того, какова ихъ мѣновая стоимость. Если говорятъ, что потребленіе такого-то продукта въ странѣ увеличилось за такое-то время на каждаго жителя настолько-то, то для каждаго ясно, что это значитъ. Это неясно только для г. П. фонъ Струве, такъ какъ «для сравненія недостаетъ всеобщаго эквивалента—денегъ». Такимъ образомъ г. П. фонъ Струве смѣшалъ довольно таки разнородныя понятія—мѣновую стоимость и стоимость потребительную...*).

Но для такого сторонника «всеобщаго эквивалента» все изложенное можетъ показаться мало убѣдительнымъ (хотя по правдѣ сказать предубѣжденнаго человѣка ничѣмъ не убѣдишь, да вѣдь и не онъ-же въ самомъ дѣлѣ имѣется въ виду), поэтому попробуемъ представить доказательства изслѣдуемаго факта хотя цифровыя, но косвенныя.

Мы уже имѣли случай указать на то, что г. П. фонъ Струве предпочитаетъ выудить изъ цѣлаго ряда фактовъ, тѣсно между

) При вычисленіи количества волокнистыхъ веществъ, остающихся для внутренняго потребленія, мы не принимали еще во вниманіе вывоза ихъ въ видѣ готовыхъ издѣлій главнымъ образомъ въ Среднюю Азію. Но независимо отъ ничтожнаго, сравнительно, вывозимаго количества туда товара, на рынокъ этотъ мы особенно разсчитывать не можемъ; уже и теперь наши издѣлія вытѣсняются англійскими. Вотъ что говоритъ по этому поводу органъ министерства финансовъ: «Относительно качества продаваемаго на бухарскихъ и хивинскихъ рынкахъ русскаго ситца, можно судить по слѣдующему характерному факту: во время Св. Пасхи, часто совпадающей съ мусульманскимъ празднованіемъ дня новаго года «байрамъ-наурузъ», мусульмане пользуются лоскутками русскихъ ситцевъ, продаваемыхъ на средне-азіатскихъ рынкахъ, для окрашиванія, подобно христіанскому обычаю, вареныхъ куриныхъ яицъ. Такая недоброкачественность ситцебумажной мануфактуры побуждаетъ даже точный классъ туземнаго населенія предпочитать англо-индійскія, болѣе дорогія хлопчатобумажныя издѣлія нашимъ». («Русская среднеазіатская промышленность и торговля»*, Вѣстн. Фин. 1894, № 44 стр. 317). Съ 1883 по 1893 г. включительно издѣлій русской мануфактуры было доставлено 50[illegible] пудовъ, между тѣмъ какъ издѣлія англо-индійской 47213 пуд. (тамъ-же [illegible]

собою связанныхъ, какой-нибудь одинъ родъ и разсматривать его совершенно самостоятельно, внѣ связи и независимо отъ вліянія остальныхъ. Точно также поступаетъ онъ и въ настоящемъ случаѣ, утверждая, что, несмотря на констатированный фактъ ухудшенія народнаго потребленія, несмотря на уменьшеніе потребленія пищевыхъ продуктовъ во всей Евр. Россіи, національное богатство можетъ не только не уменьшаться, но даже возрастать; что потребленіе продуктовъ обработки волокнистыхъ веществъ, напримѣръ, можетъ и не уменьшиться, какъ это доказывалось въ «Очеркахъ»; словомъ, что развитіе русскаго капиталистическаго хозяйства совершается не на счетъ сокращенія крестьянскаго хозяйства, а сопровождается увеличеніемъ народнаго богатства, что его существованіе и развитіе имѣетъ такой-же смыслъ, какъ и западно-европейскаго (231).

Для того, чтобы понять, что это не совсѣмъ такъ, намъ придется опереться на доказательства косвенныя, которыя такъ тщательно обходитъ г. П. фонъ Струве, опереться на тотъ фактъ, что хозяйственная жизнь народа не составляется изъ отдѣльныхъ изолированныхъ факторовъ, но что каждый изъ нихъ находится въ органически неразрывной связи съ другими.

Нашъ идеологъ «власти денегъ» крайне неохотно соглашается даже съ такими фактами, которые выяснены и удостовѣрены цѣлымъ рядомъ и оффиціальныхъ, и земскихъ данныхъ, а также частными изслѣдованіями, если только факты эти не вяжутся съ его «теоріей».

Между тѣмъ намъ необходимо опереться для дальнѣйшихъ доказательствъ хотя бы на одинъ изъ такихъ фактовъ. Возьмемъ для этого фактъ уменьшенія народнаго потребленія хлѣба, уменьшеніе количества хлѣба, приходящагося на каждаго обывателя, «которое—даже по словамъ г. П. фонъ Струве, для 80-хъ годовъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію» (213). Что-же касается до 70-хъ годовъ, то для г. П. фонъ Струве фактъ этотъ находится подъ сомнѣніемъ. Но мы уже раньше ссылались на авторитетъ А. Ѳ. Фортунатова, по мнѣнію котораго для экономическихъ сравненій пригодны цифры урожаевъ и 70-хъ годовъ.

Но мало того. Если сравнить количество чистаго сбора ржи въ 1870—1877 гг., съ количествомъ чистаго сбора ржи въ 1885—1890 гг., то окажется, что въ послѣднее шестилѣтіе количество это увеличилось всего на 16%, количество-же пшеницы увеличилось на 21,8%. Изъ этого видно, что кажущееся увеличеніе запашекъ представляется вовсе не такимъ значительнымъ, несмотря на то, что оно произошло, какъ это констатировано земской статистикой, именно въ послѣдній періодъ, въ 80-ые годы, такъ какъ въ это время съ наибольшею силою сказалось вліяніе развитія желѣзнодорожной сѣти, капитализаціи промысловъ, со-

провождаемое относительнымъ уменьшеніемъ числа потребныхъ фабричныхъ рабочихъ и освобожденіемъ рабочихъ силъ и рабочаго времени у остального земледѣльческаго населенія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если данныя 70-хъ годовъ о количествѣ собраннаго хлѣба грѣшатъ невѣрностью, то въ смыслѣ преувеличенія ихъ, а не преуменьшенія, какъ повидимому думаетъ г. П. фонъ Струве.

Кромѣ того, если цифры 70-хъ годовъ преувеличены вообще, то особенное преувеличеніе относится къ хлѣбу, составляющему народную пищу, ко ржи, такъ какъ разница для ржи въ два разсматриваемые періода опредѣляется всего въ 16%, между тѣмъ какъ для пшеницы около 22%.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ косвеннымъ доказательствамъ совершающагося факта, оспариваемаго г. П. фонъ Струве.

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ Dr. Энгель, завѣдывавшій прусской оффиціальной статистикой, изучая издержки семействъ, доходы которыхъ различны, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) чѣмъ *выше* доходъ, тѣмъ болѣе понижается относительная сумма издержекъ на существованіе, 2) что *относительныя* издержки на одежду приблизительно одинаковы при доходахъ различной величины; 3) что *относительныя* издержки на наемъ жилья, на топливо и на освѣщеніе одинаковы для всякихъ доходовъ. 4) что, по мѣрѣ возрастанія дохода, относительная величина издержекъ на остальныя потребности увеличивается.

Для выясненія того, насколько вѣренъ этотъ, такъ называемый, законъ Энгеля, было произведено не мало изслѣдованій, но они большею частью ограничивались очень небольшимъ числомъ случаевъ.

Въ послѣднее время, въ связи съ обширнымъ изслѣдованіемъ относительно положенія труда въ разныхъ отрасляхъ промышленности, правительство С.-Американскихъ Штатовъ собрало огромный матеріалъ также и по этому вопросу*). Приводимъ таблицу, гдѣ сгруппированы относящіяся сюда данныя.

Надо предварительно замѣтить, что для устраненія вліянія разныхъ случайныхъ факторовъ въ эту таблицу включены только

---

*) «Seventh annual Report of the Commissioner of Labour. 1891. Cost of production, textiles and glass. Cost of living». Washington 1892. Сюда вошли также данныя изъ шестого отчета относительно желѣзной и каменноугольной промышленности. Кромѣ того, финансовый комитетъ сената С.-Америк. штатовъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія вопроса о движеніи цѣнъ, заработной платы и издержекъ провоза за послѣднія 50 лѣтъ. Въ четырехъ томахъ отчета этой коммисіи «Wholesale prices, wages and transportation» Washington, 1893 г. можно также найти обширный матеріалъ по интересующему насъ вопросу, такъ какъ независимо отъ пользованія изслѣдованіями Commissioner of Labour, сама сенатская коммиссія собирала данныя.

такія семейства рабочихъ, которыя названы нормальными, именно такія, которыя не держатъ нахлѣбниковъ, у которыхъ нѣтъ собственнаго имъ принадлежащаго помѣщенія для жилья; которыя производятъ издержки: на наемъ жилья, топливо, освѣщеніе, одежду и на пищу; которыя состоятъ изъ мужа и жены; изъ которыхъ въ каждомъ не болѣе пяти дѣтей въ возрастѣ не старше 14 лѣтъ, т. е. не въ рабочемъ возрастѣ.

I. *Сводъ относительныхъ (въ %) издержекъ на разныя потребности, въ нормальныхъ семействахъ по предметамъ издержекъ* (у рабочихъ С.-А. С. Штатовъ).

При величинѣ годового дохода въ долларахъ:

	меньше 200	отъ 200—300	отъ 300—400	отъ 400—500	отъ 500—600	отъ 600—700	отъ 700—800	отъ 800—900	отъ 900—1000	отъ 1000—1100	отъ 1100—1200	Выше 1200	Всѣхъ размѣровъ
Число семей	24	105	395	659	509	300	192	111	95	62	24	86	2562
Наемъ жилья	14,48	14,65	14,98	1, 2,9	15,15	15.54	15,60	16,09	14,96	15,12	12,23	12,59	15,05
Топливо . .	7,07	6,59	6,04	5,56	5,63	4,98	4,42	4,39	4	3,75	3,35	2,57	5,01
Освѣщеніе . .	1,01	0,96	0,98	1,06	0,97	0,88	,88	0,86	0,74	0,75	0,54	0,45	0,90
Одежда. . .	12,82	14,33	14,14	14,38	15,27	15,86	16,33	15,09	16,84	17,53	16,51	15,71	15,31
Пища. . . .	49,64	44,26	45,59	45,08	43,84	41,18	38,89	38,09	34,34	34,74	30,65	28,63	41,05
Прочія потреб.	13,98	19,21	18,27	18,63	19,14	21,56	23,88	25,48	29,12	28,11	36,72	40,05	22,68

Эта крайне поучительная таблица показываетъ до какой степени тѣсно связаны между собою всѣ издержки, производимыя каждымъ семействомъ, какую значительную часть всего дохода поглощаетъ расходъ на пищу у тѣхъ семействъ, доходъ которыхъ наименьшій; какъ по мѣрѣ увеличенія дохода уменьшаются относительныя издержки на пищу, т. е., несмотря на пищу болѣе обильную и лучшаго качества, на нее приходится тратить, по мѣрѣ увеличенія дохода, относительно, все меньше и меньше, такъ что при наибольшемъ доходѣ на пищу относительно тратится вдвое меньше, чѣмъ при наименьшемъ. То-же самое можно сказать относительно топлива и освѣщенія, а также до извѣстныхъ предѣловъ относительно расхода на наемъ помѣщенія. Все это предметы крайней необходимости, безъ которыхъ нѣтъ возможности существовать, такъ что на расходы по покупкѣ одежды, при наименьшемъ доходѣ, приходится тратить не только абсолютно меньше, но меньше также относительно, и относительная величина этихъ расходовъ растетъ почти равномѣрно съ увеличеніемъ дохода. Но дойдя до извѣстнаго предѣла, до дохода въ 1000—1100 долларовъ, она начинаетъ относительно падать. Изъ этого видно, что относительные расходы на «прочія потребности» могутъ быть удовлетворены въ наименьшей степени при наименьшемъ доходѣ—(въ томъ числѣ духовныя, умственныя потребности). Относительная величина этихъ расходовъ растетъ съ увеличеніемъ дохода съ замѣчательною правильностью (за незначительнымъ исключеніемъ при доходѣ въ 1000 дол.), относительно увеличиваясь при наибольшемъ доходѣ почти втрое, сравнительно съ наименьшимъ.

Тоже самое относится и къ бюджетамъ европейскихъ рабочихъ, съ тою только разницею, что такъ какъ въ Европѣ заработная плата ниже американской, то среднія относительныя издержки для доходовъ «всѣхъ размѣровъ» распредѣляются нѣсколько иначе, чѣмъ у американскихъ рабочихъ, приближаясь къ относительному распредѣленію наиболѣе бѣдныхъ изъ числа послѣднихъ *).

Но и это еще не все. Чтобы еще болѣе оттѣнить зависимость относительныхъ издержекъ на каждую изъ перечисленныхъ потребностей отъ получаемаго дохода, составители седьмого отчета «Commissioner of Labor» представили комбинаціонную таблицу, въ которой тѣ же издержки, при томъ же самомъ доходѣ, сопоставлены съ числомъ членовъ семейства. Мы не будемъ приводить всю таблицу, для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на существенныя данныя.

---

*) У европейскихъ рабочихъ приходится: на наемъ жилья 11,29%, на топливо 4,88, на освѣщеніе 1,54, на одежду 15, на пищу 48,78, на прочія потребности 18,51%. Всѣхъ семействъ 703 (тамъ-же стр. 865).

II. *Сводъ относительныхъ расходовъ на разныя потребности нормальныхъ семействъ американскихъ рабочихъ, въ связи съ величиною семейства при доходѣ всѣхъ размѣровъ* *).

	Наемъ жилья.	Топливо.	Освѣщеніе.	Одежда.	Пища.	Прочія потребности.
Мужъ и жена . . .	16,11	5,04	0,95	13,78	38,45	25,67
Тоже и 1 ребенокъ .	14,92	5,03	0,90	14,88	38,96	25,31
» » 2 ребенка .	15,62	5,20	0,93	15,04	41,83	21,38
» » 3 » .	15,02	4,93	0,88	15,97	41,93	21,29
» » 4 » .	13,89	4,78	0,86	16,72	43,70	20,05
» » 5 дѣтей . .	12,93	4,86	0,82	17,17	45,11	19,11

И эта таблица подтверждаетъ тотъ же фактъ, но въ иныхъ терминахъ, именно: чѣмъ на большее число лицъ распредѣляется данный доходъ, тѣмъ выше относительный расходъ на пищу, въ этомъ случаѣ и на одежду, и тѣмъ онъ меньше на наемъ жилья, въ особенности же на «прочія потребности».

То, что относится до доходовъ рабочихъ всѣхъ размѣровъ, вполнѣ оправдывается цифрами распредѣленія расходовъ по каждому изъ размѣровъ доходовъ, а также для распредѣленія расходовъ европейскихъ рабочихъ, съ той только разницей, что вслѣдствіи меньшей заработной платы въ Европѣ относительная величина расходовъ на пищу у послѣднихъ выше, доходя у бездѣтныхъ семействъ до 45,92%, а у семействъ съ 5 дѣтьми до 52,73%, при соотвѣтственномъ пониженіи относительнаго расхода на наемъ жилья и на «прочія потребности».

Чему же учатъ эти таблицы?

Изъ данныхъ, приведенныхъ въ нихъ, очевидно, что чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ больше увеличивается относительный расходъ на самую необходимую потребность существованія, на пищу; что уменьшающееся потребленіе хлѣба *во всей странѣ* указываетъ на то, что относительный расходъ на одежду и «прочія потребности», какъ это очевидно изъ первой таблицы, понижается, слѣдовательно производство продуктовъ обработывающей промышленности для всей страны *возрасти не можетъ*, не только абсолютно, но и относительно **); что распредѣленіе производства по разнымъ его

*) Составлена по даннымъ таблицъ, находящихся на 2008—11 стр. Vol. II «Seventh Report» etc.

**) Русскихъ данныхъ по интересующему насъ вопросу почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать бюджета 7 рабочихъ семействъ (гдѣ пища=57% заработка) приведенныхъ г. Дементьевымъ въ «Сводномъ Сборникѣ московскаго земства». Но если мы припомнимъ, что средняя годовая заработная плата фабрично-заводскихъ Рабочихъ въ Е. Россіи составляетъ 187 р. 60 к., что

отраслямъ находится въ тѣсной зависимости отъ платежной способности населенія; что при пониженія платежной способности населенія относительная величина производства продуктовъ питанія должна увеличиваться, или относительное производство продуктовъ обработывающей промышленности должно уменьшаться...

Словомъ, эта таблица можетъ служить указаніемъ на то, какое количество изъ всей суммы народнаго труда необходимо потратить, при данныхъ условіяхъ, обществу для производства предметовъ потребленія каждаго рода. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она указываетъ на тѣсную связь между распредѣленіемъ всей суммы народнаго труда по каждой изъ отраслей производства и достаткомъ населенія. А такъ какъ вмѣстѣ съ капитализаціей промысловъ у населенія освобождается необычайное количество рабочаго времени, впродолженіи котораго только и производятся стоимости, и такъ какъ при этомъ происходитъ также капитализація земледѣльческихъ доходовъ, оставляющая все меньшую и меньшую долю продуктовъ въ рукахъ непосредственныхъ производителей, то покупательная способность населенія прогрессивно уменьшается (причемъ урожай нѣсколько задерживаетъ такое уменьшеніе, а неурожай усиливаетъ его), вслѣдствіи чего распредѣленіе всей суммы народнаго труда на каждую изъ отраслей промышленности измѣняется: относительная величина той части, которая затрачивается на пищу, увеличивается, а относительная величина части народнаго труда, затрачиваемаго на одежду и другія потребности, уменьшается.

Самый фактъ уменьшенія потребленія пищевыхъ продуктовъ указываетъ на несомнѣнность относительнаго уменьшенія потребленія, а слѣдовательно и производства продуктовъ обработывающей промышленности.

Въ предъидущей статьѣ *) мы и констатировали относительное уменьшеніе роста числа рабочихъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности. Теперь же мы получаемъ совершенно объективный отвѣтъ на причину такого уменьшенія.

Соглашаясь съ тѣмъ, что абсолютное количество потребляемаго

наибольшая доходитъ до 606 р., а наименьшая спускается до 88 р. 54 к. (Фабр. зав. промыш. и торговая Россія, Спб. 1893 стр. 276 оффиціальнаго изданія), то увидимъ, что наибольшая плата нашихъ рабочихъ приближается къ наименьшей рабочихъ американскихъ, что слѣдовательно относительная величина издержекъ на пищу у насъ должна быть еще выше. Данныя, приведенныя въ текстѣ, могутъ служить также отвѣтомъ тому изъ ветерановъ публицистовъ, который въ одной изъ газетъ утверждаетъ, что «фабрики и заводы удовлетворили вновь возникшимъ потребностямъ, нимало не конкуррируя съ домашнимъ производствомъ крестьянъ, и создали новые промыслы для оказавшихся свободныхъ рукъ». Жаль, что почтенный критикъ не объяснилъ, какъ и чѣмъ именно удовлетворялись потребности прежде, да кромѣ того вопросы общественно-хозяйственныя рѣшаются не «фактами изъ моей собственной практики», на которые онъ ссылается, а массовыми наблюденіями.

*) Русск. Бог. 1894 г., № 6.

въ странѣ хлѣба уменьшается, и въ то же время, разсчитывая на то, что относительное количество труда, которое вся страна можетъ удѣлить на производство продуктовъ обработывающей промышленности, можетъ увеличиться (въ этомъ заключается якобы «миссія капитализма»), г. П. фонъ-Струве проявляетъ изумительное непониманіе основного экономическаго закона, по которому страна (въ особенности такая, какъ наша, которая ограждена таможенною стѣною отъ вліяній, нарушающихъ внутреннее распредѣленіе рабочихъ силъ) можетъ удѣлить только такое количество труда на изготовленіе даннаго продукта, которое удовлетворяетъ общественную потребность въ немъ, т. е. количество труда общественно необходимаго; и того, что такая общественная потребность въ продуктѣ, при капиталистической формѣ производства (при изготовленіи продуктовъ не для непосредственнаго потребленія производящаго общества, а на продажу), опредѣляется не дѣйствительною потребностью въ немъ, а потребностью, удовлетвореніе которой требуетъ денегъ.

Вотъ между прочимъ причина, почему одинъ изъ западно-европейскихъ экономистовъ, который писалъ объ «Очеркахъ», и на котораго мы уже не разъ ссылались, замѣчаетъ: «Вычисленіе, что сумма продуктовъ крупной промышленности, обрабатывающей волокнистыя вещества и домашней промышленности, невозрастаетъ, но остается прежнею, и даже уменьшается, не только вполнѣ вѣрно, но было бы совершенно невѣрно, если бы оно привело къ иному результату. До тѣхъ поръ, *пока русская мануфактура ограничивается внутреннимъ рынкомъ*, продуктъ ея можетъ только идти на удовлетвореніе внутренняго потребленія. А послѣднее можетъ возрастать только медленно и, повидимому, при теперешнихъ хозяйственныхъ условіяхъ Россіи, должно даже понижаться».

Такимъ образомъ выводъ, который г. П. фонъ-Струве представляется «смѣхотворнымъ», не только подтверждается косвенными данными, закономъ относительнаго распредѣленія расходовъ при разныхъ размѣрахъ доходовъ, но принимается также экономистами наблюдателями дѣйствительной жизни.

То, что относится къ текстильной промышленности, можно отнести также и къ остальнымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности, такъ какъ производство вполнѣ обусловливается потребностью населенія, но потребностью платящею.

Но, чѣмъ болѣе промыслы ускользаютъ изъ рукъ населенія, чѣмъ болѣе освобождается у него рабочихъ силъ и рабочаго времени, тѣмъ болѣе оно принуждено существовать на продуктъ труда, произведеннаго впродолженіи уменьшающагося рабочаго времени, т. е. содержащаго меньшую стоимость; слѣдовательно тѣмъ менѣе у него оказывается платежныхъ средствъ, тѣмъ менѣе возможности пользоваться продуктомъ обрабатывающей промышленности. Но такъ какъ населеніе выступаетъ на всемірный рынокъ именно съ продуктомъ земледѣльческаго труда, то ему прихо-

дится считаться съ такимъ же продуктомъ, но произведеннымъ трудомъ болѣе производительнымъ, съ продуктомъ, произведеннымъ въ экстенсивномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, слѣдовательно съ продуктомъ постоянно дешевѣющимъ, такъ что продуктъ даже той промышленности, которая еще не ушла изъ его рукъ, ему приходится продавать все дешевле, да дешевле; поэтому покупать онъ можетъ все меньше, да меньше.

Г. П. фонъ-Струве указываетъ на то, что для значительнаго числа крестьянъ, какъ лицъ покупающихъ хлѣбъ, большая дешевизна его прямо таки выгодна. Къ сожалѣнію, строгій критикъ опять таки, вырвалъ это явленіе и представилъ его безъ связи съ остальными условіями хозяйственной жизни крестьянства.

Крестьяне, фабрично-заводскіе рабочіе, ремесленники, кустари являются покупателями хлѣба лишь тогда, если до того имѣли случай продать свою рабочую силу, и только на деньги, полученныя вслѣдствіи такой продажи, могутъ купить средства существованія, въ томъ числѣ и хлѣбъ.

Но вѣроятно г.-ну П. фонъ-Струве не безъизвѣстно, что величина заработаной платы, количество получаемыхъ денегъ, регулируется тѣмъ, сколько средствъ существованія можно пріобрѣсти на эти деньги, что сообразно измѣненію цѣнъ на главнѣйшія изъ средствъ существованія соотвѣтственно измѣняется и количество денегъ или величина заработной платы *), съ тою однако особенностью, что при повышеніи цѣны, скажемъ хлѣба, плата повышается медленнѣе, чѣмъ она понижается при пониженіи цѣны его.

Такимъ образомъ, указаніе на то, что значительная часть крестьянъ и др. покупаетъ хлѣбъ и потому дешевизна его имъ выгодна, было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы при этомъ не понижалась денежная заработная плата. Такое пониженіе цѣны хлѣба выгодно для нихъ только до тѣхъ поръ, пока еще не произошло приспособленія номинальной платы къ прежней реальной.

Этотъ законъ заработной платы имѣетъ силу и проявляется только съ того момента, когда рабочіе вполнѣ отдѣлены отъ средствъ производства, но разъ въ ихъ рукахъ еще есть земля, чистое проявленіе этаго закона затемняется. Это происходитъ вслѣдствіи того, что часть крестьянъ, прикупая хлѣбъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ прежде, освобождаетъ часть денегъ, которыя теперь могутъ идти на другія нужды, и не станутъ для этого продавать свою рабочую силу во чтобы то ни стало, такъ какъ теперь ихъ къ этому уже не гонитъ такъ сильно нужда; спрос же на рабочія руки даже можетъ возрасти, такъ какъ меньш

*) Если изъ каждаго рубля, полученнаго рабочимъ,—60 к. употребляют имъ на пищу, при чемъ 50 к. идутъ на покупку хлѣба, то, въ случаѣ пон женія цѣны хлѣба напримѣръ на 30%. и на хлѣбъ потребуется 35 к., зар ботная плата понизится на 15 к., на 15%, т. е. вмѣсто рубля онъ будетъ п лучать 85 коп.

издерживая на хлѣбъ, они могутъ издержать больше на предметы обработывающей промышленности. Въ этомъ смыслѣ владѣніе крестьянами землею затемняетъ чистое проявленіе закона заработной платы. Но повторяемъ, это можетъ происходить только до приспособленія номинальной платы къ реальной, и до тѣхъ поръ, пока рабочій крестьянинъ въ то-же время и землевладѣлецъ.

Мы съ особенною силою настаиваемъ на томъ фактѣ, что уменьшеніе потребленія хлѣбныхъ продуктовъ относится ко всей странѣ; оно выражаетъ ранодѣйствующую потребленія всѣхъ состояній, но такъ какъ преобладающимъ сословіемъ у насъ является крестьянское, и именно бѣднѣющая часть его, то оно и оказываетъ вліяніе на общій результатъ. Поэтому, какъ-бы значительно ни увеличивалась потребность въ одеждѣ и др. продуктахъ у остальной части населенія, но въ результатѣ должно было оказаться то, что дѣйствительно оказалось: съ уменьшеніемъ потребленія хлѣба должна была уменшиться платящая потребность въ продуктахъ обрабатывающей промышленности, а слѣдовательно и производство ихъ.

Причину-же всего этого надо искать не въ «перенаселеніи», не въ словахъ, а въ фактахъ, а факты показываютъ, что по мѣрѣ отдѣленія промысловъ отъ земледѣлія, по мѣрѣ дальнѣйшаго раздѣленія общественнаго труда,—которое приводитъ въ такой восторгъ г. П. фонъ Струве, (по его мнѣнію эта экономическая эволюція... «есть формула экономическаго развитія Россіи»)—у земледѣльческаго населенія освобождается такое неимовѣрно большое количество свободныхъ рабочихъ силъ, для которыхъ не находится занятій (по вычисленію изданія канцеляріи Комитета Министровъ 13,3% всѣхъ пригодныхъ для занятія хлѣбопашествомъ*), и что оно принуждается все съ большею и большею силою искать средствъ существованія въ земледѣльческомъ трудѣ, который однако при данныхъ условіяхъ даетъ не только все меньше и меньше потребительныхъ стоимостей на каждую единицу рабочей силы, но въ то-же время каждая единица потребительной стоимости, вслѣдствіи условій мірового рынка, постоянно понижается, какъ стоимость мѣновая. И эту то прогрессивно понижающуюся мѣновую стоимость приходится отчуждать все въ большемъ и большемъ количествѣ для удовлетворенія обязательствъ, а также потребностей, прежде удовлетворяемыхъ собственнымъ непосредственнымъ трудомъ.

Все это факты, вѣрность которыхъ можетъ быть подтверждена каждымъ изслѣдователемъ нашихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, и только такой «объективный ученый», какъ

*) «Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Евр. Россіи». Спб. 1894 г.

г. П. фонъ Струве, можетъ видѣть въ нихъ «очевидную несообразность», за которою скрывается «нѣкая съ чисто логической стороны неуязвимая утопія», что изъ натуральнаго хозяйства... «могло-бы вырости обобществленіе труда».

Освобожденіе рабочихъ силъ и рабочаго времени у населенія не утопія, а самая подлинная дѣйствительность; такая-же дѣйствительность отсталость нашего земледѣлія; не меньшую дѣйствительность представляетъ развитіе фабрично-заводской промышлениости на счетъ промысловъ, находившихся въ рукахъ самаго населенія. Въ этомъ во всемъ, какъ кажется, нѣтъ и тѣни «утопіи». Ужъ если что заслуживаетъ названія «утопіи», такъ это та мысль, что развитіе послѣдняго изъ этихъ факторовъ представляетъ «формулу экономическаго развитія Россіи», такъ какъ этотъ факторъ лежитъ въ основаніи остальныхъ. А въ основѣ такой мысли г. П. фонъ Струве лежитъ совершенно ложное представленіе, что «если интенсивность и производительность труда растутъ въ одинаковой мѣрѣ, цѣнность продукта не можетъ упасть».

V.

Все, о чемъ мы только что вели рѣчь, приводитъ насъ къ вопросу о рынкахъ. Передъ нами страна, значительное большинство жителей которой, вслѣдствіи ряда причинъ, о которыхъ мы только что говорили, принуждены заниматься производительной дѣятельностью, изготовленіемъ продуктовъ, все меньшую и меньшую часть года. «Чѣмъ болѣе развивается капиталистическая форма производства, говорили мы въ «Очеркахъ», тѣмъ настоятельнѣе увеличивается количество отчуждаемаго продукта собственнаго производства, тѣмъ менѣе удовлетворяются собственныя потребности въ немъ; а такъ какъ отчуждаемый товаръ есть продуктъ труда земледѣльческаго, продуктъ части рабочаго года, то капитализмъ, дойдя до извѣстнаго предѣла своего развитія, сокращаетъ свой собственный внутренній рынокъ» (330). «Предѣлы развитія капитализма ставятся возрастающею бѣдностью, обусловленною его-же собственнымъ развитіемъ, возрастающимъ числомъ рабочихъ не занятыхъ и не могущихъ быть занятыми капиталомъ» (341). Этотъ выводъ подкрѣпляется не только «соображеніями», какъ утверждаетъ г. П. фонъ Струве, а цифрами, съ главными изъ которыхъ пришлось согласиться даже этому жаркому поклоннику «власти денегъ»,—это уменьшеніе народнаго потребленія хлѣба, а мы видѣли, что выражаетъ собою этотъ фактъ.

Г. П. фонъ Струве говоритъ: «Г-нъ В. В. и его послѣдователь г.—онъ запутались въ слѣдующемъ безъисходномъ кругѣ: для развитія капитализма необходимо увеличеніе покупательной спо-

собности сельскаго населенія и въ то-же время капитализмъ то и разоряетъ это населеніе», (стр. 249), а въ предисловіи къ своей книгѣ пишетъ: «авторъ, т. е. самъ г. П. фонъ Струве, не считаетъ вовсе нужнымъ пересказывать чужія мысли своими словами и быть такимъ образомъ оригинальнымъ на чужой счетъ» (VIII).

Изъ сопоставленія этихъ фразъ какъ будто выходитъ, что авторъ «Очерковъ» является послѣдователемъ г. В. В., не указывая источника своего взгляда на вопросъ о рынкахъ; что взглядъ этотъ узкій, народническій, и что «выходъ изъ этого народническаго круга очень простъ, если только признать, что крестьянское разореніе есть результатъ роста населенія при слабомъ развитіи общественнаго раздѣленія труда (т. е. если признать, что еще слишкомъ мало у крестьянства времени, свободнаго отъ производительныхъ занятій) и полной технической нераціональности крестьянскаго хозяйства» (т. е. если признать оригинальную теорію г. П. фонъ Струве, что если «интенсивность и производительность труда растутъ въ одинаковой мѣрѣ, цѣнность продукта не можетъ упасть»).

Въ этомъ вопросѣ намъ нѣтъ надобности быть послѣдователемъ г. В. В. Къ выводу, изложенному, въ «Очеркахъ», пришли не мы одни, а всѣ тѣ, кто слѣдилъ за развитіемъ капиталистическаго хозяйства въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Позволяемъ себѣ сдѣлать большую выписку изъ сочиненія, которое ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ столь ненавистномъ г. П. фонъ Струве «народничествѣ»*).

«Для того, чтобы въ данной странѣ число занятыхъ рабочихъ не уменьшалось подъ вліяніемъ развитія машинъ, *требуется, чтобы рынокъ расширялся настолько же, насколько возрастаетъ производительность труда.* Но такъ какъ экономическое развитіе повышаетъ въ то-же время рабочую способность трудящагося и быстро увеличиваетъ количество имѣющейся рабочей силы,—и именно гораздо быстрѣе наростанія всего населенія—то, чтобы не произошла безработица, *рынокъ долженъ расширяться несравненно быстрѣе увеличенія производительности труда*, произведеннаго машиной.

«Рядомъ съ временнымъ возбужденіемъ, ведущимъ къ расши-

*) Подъ эту порицательную для него кличку онъ подводитъ лицъ самыхъ разнообразныхъ мнѣній, сваливая ихъ въ одну кучу и вылавливая, по мѣрѣ надобности, такія изъ нихъ, которыя могутъ въ данный моментъ послужить къ вящему посрамленію народничества. Это одна изъ «оригинальныхъ» особенностей г. П. фонъ Струве. Само собою разумѣется, что значительное большинство изъ цитируемыхъ имъ авторовъ имѣютъ съ народничествомъ общее лишь то, что стремятся доискаться причинъ ухудшающагося положенія крестьянства и указать тѣ мѣры, которыя, по мнѣнію каждаго изъ нихъ, могутъ повести къ устраненію такого положенія.

ренію производства, вызваннымъ временнымъ расширеніемъ рынка, мы находимъ длительное стремленіе къ расширенію производства, вытекающее изъ самихъ условій производства, которое вызывается не расширеніемъ рынка, но наоборотъ, требуетъ постояннаго его расширенія. Но за послѣднія два десятилѣтія такое расширеніе происходитъ не въ достаточной степени. Хотя оно все еще совершается, но въ то время, когда производство имѣетъ стремленіе расширяться все быстрѣе и быстрѣе, расширеніе рынка, наоборотъ, совершается все медленнѣе и медленнѣе.

«Чрезвычайное развитіе средствъ сообщенія съ каждымъ годомъ даетъ возможность для большей эксплуатаціи каждаго рынка; но какъ разъ у тѣхъ народовъ, которые уже вышли изъ первобытнаго состоянія, у которыхъ развилась извѣстная культура, извѣстныя культурныя потребности, рынокъ принимаетъ все болѣе и болѣе иной видъ. Проникновеніе товаровъ капиталистической крупной промышленности убиваетъ повсюду, и не только въ Европѣ, мѣстные кустарные и ремесленные промыслы, обращая кустарей и крестьянъ въ пролетаріевъ». (Надо полагать, авторъ также принадлежитъ къ «народникамъ», такъ какъ не раздѣляетъ взгляда г. П. фонъ Струве, что «если и можно говорить, что мѣновое хозяйство разоряетъ крестьянъ земледѣльцевъ,—хотя это конечно въ столь общей формѣ не вѣрно—то такую роль играетъ не промышленный капитализмъ, а вовлеченіе крестьянскаго земледѣлія въ сферу товарнаго обращенія...» (г. П. фонъ Струве, стр. 245—6).

«Это производитъ—продолжаемъ выписку—на рынкѣ сбыта продуктовъ капиталистической промышленности двѣ существенныя перемѣны. При этомъ уменьшается покупательная способность населенія (пусть г. П. фонъ Струве замѣтитъ, какъ авторъ вступаетъ въ заколдованный народническій кругъ), сокращая этимъ рынокъ сбыта, но вмѣстѣ съ тѣмъ—что гораздо важнѣе—при этомъ создается, вслѣдствіе образованія пролетаріата, основа для созданія мѣстнаго капиталистическаго способа производства. Европейская крупная промышленность сама себѣ роетъ могилу. Съ опредѣленной точки развитія, каждое дальнѣйшее расширеніе рынка обозначаетъ для нея возникновеніе новаго конкуррента... Не говоря о Россіи и объ Американскихъ Штатахъ, Остъ-Индія, Японія, Китай, Австралія развиваются въ промышленныя государства, которыя въ промышленномъ отношеніи будутъ въ состояніи сами себя удовлетворять; словомъ, повидимому, недалеко то время, когда рынокъ для европейской промышленности не только не будетъ въ состояніи расширяться, но когда онъ начнетъ сокращаться». А это, прибавляетъ авторъ, обозначаетъ банкротство капиталистической формы производства.

«Такъ какъ капиталъ имѣетъ цѣлью не удовлетвореніе потребностей, а производство прибыли, и такъ какъ онъ достигаетъ этой

цѣли только способами, по которымъ количество производимаго принаравливается къ размѣрамъ производства, а не наоборотъ; поэтому между ограниченными размѣрами потребленія въ капиталистическомъ обществѣ и производствомъ, которое постоянно стремится переступить эти присущіе ему предѣлы, долженъ постоянно происходить разладъ... Если скажутъ, что капиталистамъ стоитъ только обмѣнивать свои товары между собою и потреблять ихъ, то при этомъ забываютъ, что дѣло идетъ объ увеличеніи стоимости капитала, а не о потребленіи его... Противорѣчіе капиталистическаго производства именно и заключается въ его стремленіи къ абсолютному развитію производительныхъ силъ, которыя постоянно приходятъ въ столкновеніе съ тѣми особенными условіями производства, въ предѣлахъ которыхъ капиталъ вращается и только и можетъ вращаться» «Конечная причина всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ всетаки заключается въ бѣдности и ограниченности потребленія массъ (и цитируемый авторъ также запутывается «въ безвыходномъ кругѣ», выходъ изъ котораго по мнѣнію г. П. фонъ-Струве «очень простъ») сравнительно со стремленіемъ капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто предѣлами имъ служитъ только абсолютная способность потребленія общества» (тамъ же, ч. II, стр. 21).

Такимъ образомъ, по этому вопросу, оба автора приходятъ къ тому-же заключенію, къ которому пришли и мы, именно, что благодаря тому, что «пользованіе общественными производительными силами перешло въ руки не всего общества, а отдѣльныхъ лицъ... вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда неизмѣримо быстрѣе росло число лицъ... которыя совершенно не въ состояніи удовлетворить самыя насущныя потребности... производительныя общественныя силы далеко опередили потребности общества, не дѣйствительныя потребности, остающіяся все менѣе и менѣе удовлетворенными, а тѣ, которыя ограничиваются самою формою капиталистическаго производства и обращенія» (потребности платящія).

Такая гипертрофія произодительныхъ общественныхъ силъ въ странахъ съ наивысшимъ развитіемъ капиталистическаго производства и обращенія, разрѣшалась расширеніемъ мірового рынка до предѣловъ, ограниченныхъ земнымъ шаромъ. Но по мѣрѣ проникновенія болѣе дешевыхъ продуктовъ капиталистическаго производства въ различныя страны, до того обходившіяся продуктами собственнаго издѣлія, продуктами труда мѣстныхъ ремесленниковъ, кустарей и крестьянъ, послѣдніе принуждены были побросать свои занятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіи обѣднѣнія населенія, рынокъ сбыта сокращался, и стали возникать новые очаги капитализма.

При возникновеніи новыхъ формъ промышленности каждая изъ такихъ странъ для огражденія себя отъ внѣшнихъ капита-

листическихъ вліяній, отъ проникновенія въ нее продуктовъ болѣе дешевыхъ, принуждена была принять мѣры, чтобы не допускать ихъ въ страну, принуждена была обложить пошлиной продукты обрабатывающей и добывающей промышленности иностраннаго происхожденія. Но этимъ самымъ сокращался рынокъ для странъ старой капиталистической культуры, прекращалась монополія эксплуатаціей ими странъ менѣе культурныхъ, но вмѣстѣ тѣмъ еще съ большею силою обнаруживался фактъ несоотвѣтствія огромнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ и ограниченія пользованіями этими силами, вслѣдствіи самихъ условій капиталистическаго хозяйства. А ограниченіе рынка сбыта обозначаетъ невозможность дальнѣйшаго развитія капиталистическаго хозяйства въ странахъ, гдѣ оно достигло наивысшаго процвѣтанія, гдѣ оно пустило глубокіе корни.

Въ этомъ отношеніи крайне поучительны 1893—1894 года. Несмотря на сравнительно сносный урожай этихъ годовъ, послѣдовало полнѣйшее крушеніе тарифа Макъ Кинли въ С.-Американскихъ Штатахъ, тарифа, имѣвшаго въ виду удовлетвореніе не только потребностей страны продуктами мѣстной промышленности, но разсчитывавшаго на возможность конкурренціи этихъ продуктовъ на внѣшнихъ рынкахъ при помощи пониженія цѣнъ ниже мѣстной стоимости; но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало такое переполненіе всемірнаго рынка товарами всѣхъ развивающихся капиталистическихъ странъ, что нынѣшнею осенью вполнѣ обнаружилась невозможность не только дальнѣйшаго расширенія производства, но даже веденія его въ прежнихъ размѣрахъ.

Наиболѣе характернымъ признакомъ такого положенія дѣлъ оказалось переполненіе денежнаго рынка во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Денежный капиталъ, выброшенный изъ обращенія, сталъ приливать въ главнѣйшіе резервуары. Масса денежныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія, возросла настолько, что въ половинѣ сентября 1894 г. учетный процентъ во всѣхъ странахъ понизился до уровня, до котораго онъ едва-ли когда доходилъ. Въ Берлинѣ онъ опустился до $1^3/_4$%, въ Амстердамѣ до $1^1/_4$, въ Парижѣ до 1, въ Нью-Іоркѣ до 1%, въ Лондонѣ до $^1/_2$%. И все это при сильной безработицѣ въ большинствѣ странъ.

Послѣ того, несмотря на необходимость запасаться продуктами сельскохозяйственной промышленности на весь годъ, слѣдовательно на увеличеніе потребности въ деньгахъ, учетный процентъ хотя и повысился, но на крайне ничтожную величину (отъ $^1/_8$ до 1%*).

---

*) Въ противуположность тому, что мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ, у насъ происходятъ въ продолженіи года такія колебанія учетнаго процента, какъ нигдѣ. Лѣтніе мѣсяцы характеризуются крайне низкимъ учетнымъ про-

Слѣдовательно нынѣшней осенью несоотвѣтствіе роста производительныхъ силъ общества и платящихъ потребностей общества сказалось особенно рѣзко.

Но тотъ же самый процессъ, который наблюдается на всемірномъ рынкѣ, наблюдается въ то же время и въ каждой странѣ, вступившей на путь развитія капиталистической формы производства, съ тою однако разницею, что капиталистическая форма производства въ такой странѣ, не имѣя внѣшнихъ рынковъ, можетъ только развиваться на счетъ сокращенія производства мѣстнаго не капиталистическаго, причемъ большинство населенія принуждено побросать свои внѣземледѣльческіе промыслы, совершенно также, какъ это происходитъ въ каждой странѣ, куда проникаетъ болѣе дешевый продуктъ капиталистическаго производства. Чѣмъ обширнѣе страна и чѣмъ численнѣе въ ней населеніе, тѣмъ обширнѣе рынокъ для продуктовъ капиталистическаго производства, тѣмъ сравнительно дольше этотъ процессъ совершается, но въ концѣ концовъ во всякой странѣ, какъ бы обширна она ни была, должно совершиться то, что наблюдается повсюду. И совершенно точно такъ же, какъ повсюду, капиталистическое производство, дойдя до извѣстной ступени развитія, встрѣчаетъ наконецъ препятствіе дальнѣйшему своему росту въ томъ, что оно само породило, въ невозможности для населенія при помощи труда, продолжающагося меньше половины года, поддерживать свое существованіе круглый годъ. У насъ даже въ настоящее время наблюдается уже относительное уменьшеніе числа фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что «народническій заколдованный кругъ», изъ котораго по мнѣнію г. П. фонъ-Струве «выходъ очень простъ, если только признать, что крестьянское разореніе есть результатъ роста населенія при слабомъ развитіи общественнаго раздѣленія труда и полной технической нераціональности крестьянскаго хозяйства», этотъ «заколдованный кругъ» есть только частный случай «заколдованнаго круга», въ которомъ вращается всемірное капиталистическое хозяйство, и что опять таки все объясняющее «перенаселеніе» г. П. фонъ-Струве ровно ничего не объясняетъ, такъ какъ то, что

центомъ, но за то осенью онъ повышается значительно; и это повышеніе было бы еще значительнѣе, если-бы оно не парализовалось осеннимъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (которые не такъ-то легко изъять, какъ выпустить). Хотя происхожденіе такого повышенія таково-же, какъ и въ Западной Европѣ, но оно носитъ нѣсколько иной характеръ, такъ какъ у насъ денежные капиталы требуются въ это время почти исключительно для торговой дѣятельности, а не для производительной, какъ въ Западной Европѣ; такъ какъ у насъ преобладающее вліяніе оказываетъ въ это время вынужденная продажа хлѣба, а не закупка фабрикантами сырыхъ матеріаловъ для обрабатывающей промышленности, какъ тамъ. Этимъ отчасти объясняется разница въ размѣрахъ колебаній учетнаго процента у насъ и на Западѣ.

г. П. фонъ-Струве угодно называть «перенаселеніемъ», есть прямой результатъ несоотвѣтствія развивающихся производительныхъ силъ съ уменьшающеюся платежною потребностью населенія, обусловленною сокращеніемъ годового производительнаго рабочаго времени населенія, результатъ отдѣленія обработывающей промышленности отъ земледѣлія; результатъ осуществленія той формулы, которую г. П. фонъ-Струве считаетъ «формулою экономическаго развитія Россіи»...

Если читатель припомнитъ, что мы говорили относительно развитія у насъ фабричной обработки волокнистыхъ веществъ, если онъ припомнитъ о связи всѣхъ тратъ населенія на разныя потребности и ихъ взаимной зависимости, если онъ затѣмъ взглянетъ на факты, характеризующіе и обусловливающіе развитіе капиталистической формы производства въ западной Европѣ и въ Америкѣ, то онъ придетъ къ убѣжденію, что мнѣніе г. П. фонъ-Струве, что «Россія изъ бѣдной капиталистической страны *должна* стать богатой капиталистической страной» основано на полнѣйшемъ непониманіи всего совершающагося; что высказанный нами взглядъ не есть «народническій», что онъ не есть повтореніе теоріи г-на В. В., но что онъ выражаетъ только частный случай, совершающійся въ одной странѣ, явленія общаго, совершающагося на всемірномъ рынкѣ и отмѣченнаго наблюдателями экономистами. Никакой приказъ г-на П. фонъ-Струве, въ какой бы строгой формѣ онъ данъ ни былъ (Россія *должна* стать богатой капиталистической страной), не можетъ сдѣлать того, что по даннымъ хозяйственнымъ условіямъ совершиться не можетъ.

Причину такой слѣпоты со стороны г. П. фонъ-Струве надо искать опять таки въ полнѣйшемъ непониманіи «одной изъ самыхъ блестящихъ заслугъ» новой школы, по его же собственному выраженію, и чисто доктринерскаго отношенія къ вопросамъ теоретическимъ, въ ихъ примѣненіи къ явленіямъ дѣйствительной жизни. И въ данномъ случаѣ твердо помня, что увеличеніе напряженности труда, увеличивая количество продукта, произведеннаго при помощи тѣхъ же средствъ производства въ данную единицу рабочаго времени, стоимости этого продукта не измѣнитъ, г. П. фонъ-Струве полагаетъ, что это должно такъ быть при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ. Трудъ можетъ быть очень интенсивенъ, хозяйство сравнительно очень производительно, но, какъ мы уже имѣли случай указать раньше, совершенно независимо отъ невозможности развитія раціональнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства и происходящаго отсюда упадка его въ странѣ наивысшей земледѣльческой культуры, въ Англіи, раціональному его развитію препятствуетъ развитіе хищнической его формы въ Америкѣ, Австраліи и др. мѣстахъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ королевской коммиссіей, изслѣдовавшей положеніе земледѣлія въ Англіи (Royal commission of agriculture

1894), — на изслѣдованіе которой мы уже ссылались, — видно, что въ техническомъ отношеніи англійское хозяйство несомнѣнно пало за послѣднее время, и что тѣ качества земледѣлія, которыми гордились защитники капиталистическаго фермерства (и г. П. фонъ-Струве въ томъ числѣ) отчасти исчезли, частью значительно сократились (Русск. Вѣд. 1894, № 286). Слѣдовательно высокая интенсивность труда и хозяйства не помогла сохранить уже достигнутыхъ результатовъ, и въ настоящее время въ Англіи «на обработку земли затрачивается меньше труда, въ почву вкладывается меньше удобренія и вообще сокращаются затраты, связанныя съ такъ называемой высшей культурой, high farming» (тамъ же). А на развитіи такого сельскаго хозяйства въ Россіи построена вся теорія г. П. фонъ-Струве, причемъ онъ думаетъ въ противорѣчіе съ только что изложеннымъ, что увеличеніе напряженности труда гарантируетъ заполученіе большей мѣновой стоимости: онъ думаетъ, что «мы будемъ имѣть больше продукта и продавать его по прежней цѣнѣ».

VI.

Господа П. фонъ Струве и ему подобные полагаютъ, что экономическое развитіе каждой страны должно совершаться по одному шаблону, а по какому именно, о томъ смотри въ такихъ то и такихъ то книжкахъ. Они забываютъ, что эволюція, какая бы то ни было, въ области ли растительнаго царства, въ животномъ ли царствѣ, въ области ли общественно хозяйственныхъ отношеній, предполагаетъ столкновеніе силъ, борьбу, въ которой есть и побѣдители, но въ тоже время есть и побѣжденные. Существовали народы съ высокой цивилизаціей. Мы знаемъ, что народы, жившіе въ долинѣ Нила, Тигра и Евфрата, въ Греціи, Мексикѣ, Перу достигли весьма высокой культуры. Гдѣ они въ настоящее время? греческую и отчасти семитскую и вавилонскую цивилизаціи унаслѣдовали европейцы, но что стало съ народностями, носителями этихъ цивилизацій, что сказать относительно цивилизаціи Перу и Мексики? Онѣ просто погибли въ совершенно непосильной борьбѣ.

Мы этимъ, конечно, вовсе не имѣемъ намѣренія сказать, что намъ предстоитъ участь Перу или Мексики; нѣтъ, русскій народъ слишкомъ великъ, чтобы не имѣть силы противодѣйствовать вліяніямъ, ведущимъ его къ гибели. Но въ тоже время, всетаки не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ той международной хозяйственной борьбѣ, въ которой мы въ настоящее время принимаемъ все больше и больше участія, наше оружіе,—продукты нашего земледѣльческаго труда,—совершенно не соотвѣтствуетъ оружію нашихъ хозяйственныхъ противниковъ, и что самый способъ борьбы отнимаетъ у насъ возможность улучшить оружія борьбы.

«На всемірномъ рынкѣ не только болѣе напряженный народный рабочій день, считается за рабочій день, содержащій большее число рабочихъ часовъ, за болѣе продолжительный рабочій день (слѣдовательно такой, который производитъ больше стоимостей, какъ бы вслѣдствіе того, что работы происходятъ дольше, что работаютъ больше), но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе производительный народный рабочій день принимается въ разсчетъ, какъ болѣе напряженный, пока соперничество не принудитъ болѣе производительную націю понизить продажныя цѣны товара до ихъ стоимости» (К. I 2, 584). А мы, какъ народъ съ трудомъ не только менѣе напряженнымъ, но и менѣе производительнымъ, принуждены обмѣнивать продукты нашего менѣе производительнаго и напряженнаго труда, слѣдовательно меньшую стоимость, на продукты болѣе производительнаго и напряженнаго труда другихъ народовъ, принуждены обмѣнивать продуктъ, скажемъ, 10 нашихъ рабочихъ дней на продуктъ 4—5 рабочихъ дней, напримѣръ, англійскаго рабочаго.

Чѣмъ въ большихъ размѣрахъ розвивается нашъ вывозъ, чѣмъ болѣе совершается такая для насъ убыточная мѣна, тѣмъ болѣе наши экономисты восхвалятъ «благопріятный торговый балансъ».

А на международномъ рынкѣ мы какъ разъ и являемся съ продуктомъ не только все менѣе и менѣе интенсивнаго труда, но съ продуктомъ труда мало производительнаго*), между тѣмъ какъ именно быстро растущее, хищническое капиталистическое сельское хозяйство все болѣе и болѣе расширяетъ пропасть между производительностью и напряженностью нашего народнаго рабочаго дня и рабочаго дня иностраннаго рабочаго. Другими словами, наше оружіе въ международной борьбѣ не только чрезвычайно устарѣло сравнительно съ оружіемъ нашихъ противниковъ, но мы по условіямъ самой борьбы не въ состояніи запастись лучшимъ, между тѣмъ какъ оружіе нашихъ противниковъ съ каждымъ днемъ совершенствуется.

Вотъ почему, опять повторяемъ, шансы на нашу побѣду въ области хозяйственныхъ международныхъ отношеній очень не велики; мало того, съ каждымъ годомъ они уменьшаются, и все это только благодаря тому, что наши усилія направлены не на развитіе такой формы производства, которая бы наиболѣе удовлетворяла народныя потребности, а на развитіе такой, которая гоняется за призракомъ развитія національнаго богатства, обездоливая

---

*) Необходимость продать хлѣбъ во что бы то ни стало заставляетъ русскаго крестьянина и хозяина продешевлять его. Американцы имѣютъ возможность не продавать ниже того, во что имъ самимъ обходится производство его, а цѣны нынѣшней осенью (1894) именно таковы, что не выручаютъ затратъ. Вотъ почему «въ виду дороговизны американской пшеницы, первенствующая роль по снабженію потребительнаго спроса, а слѣдовательно по образованію цѣнъ въ данный моментъ принадлежитъ русскимъ и аргентинскимъ провенансамъ» (Торг.-Пром. Газета 1894, 22 октября № 227).

приэтомъ самый главный источникъ народнаго богатства—рабочія силы (общественнымъ раздѣленіемъ труда) и истощая другой источникъ—землю—усиливающимся вывозомъ хлѣба, (т. е. «благопріятнымъ торговымъ балансомъ»).

Поэтому то намъ и требуется взглянуть попристальнѣе на наши внутреннія и международныя современныя хозяйственныя отношенія и направить наши силы, чтобы отыскать средство выйти изъ непосильной для насъ борьбы на всемірномъ рынкѣ. «Средства эти не должны быть изобрѣтаемы головою, но помощью мысли они должны быть найдены въ наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства» (Ф. Энгельсъ*).

Это значитъ, что подобно тому, какъ изучая законы явленій органической и неорганической природы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ научаемся пользоваться ея силами и подчинять ихъ себѣ; точно также, изучая законы явленій жизни общественной, которые къ тому же создаются чисто общественными условіями, т. е. такими, которыя въ значительной мѣрѣ находятся во власти самого общества,—общество вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ возможность подчинять ихъ себѣ, т. е. пользоваться хозяйственно общественными данными не только для устраненія препятствій, мѣшающихъ проявленію производительныхъ силъ народа, но для созиданія такихъ условій, въ которыхъ силы эти получили бы наибольшее развитіе.

Путь, по которому приглашаютъ слѣдовать г. П. фонъ Струве, уже испытанъ нами; «формула экономическаго развитія Россіи», указываемая имъ, дальнѣйшее «общественное раздѣленіе труда», есть формула обездоливанія населенія, она выражаетъ собою,—именно въ той формѣ, въ которой предлагается, — отнятіе у населенія внѣ земледѣльческихъ промысловъ, необходимость существовать трудомъ только земледѣльческимъ, что по нашимъ климатическимъ условіямъ значитъ существовать трудомъ меньшей части года. А это выражаетъ собою обѣднѣніе населенія, выражаетъ сокращеніе внутренняго рынка для обрабатывающей промышленности, что и отразилось на относительномъ уменьшеніи числа рабочихъ, занятыхъ въ фабрично-заводской промышленности. Нѣтъ, не въ капитализмѣ надо искать спасенія.

Если трескучая фраза, которою оканчиваетъ свою книгу г. П. фонъ-Струве—«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму» — имѣетъ какой нибудь смыслъ и если она означаетъ приглашеніе воспользоваться плодами капиталистической культуры, то въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго:

---

*) Съ этимъ г. П. фонъ Струве не согласенъ, по его мнѣнію это значитъ, что «изъ натуральнаго хозяйства при благожелательномъ содѣйствіи государства и критической мыслящей интеллигенціи... могло бы вырости обобществленіе трудъ» (238). Если онъ такъ принижаетъ мысль, зачѣмъ же самъ то онъ пишетъ? Или можетъ быть его «Критическія замѣтки» тѣмъ и хороши, что отличаются отсутствіемъ «критической мысли»?..

и «народники» и «либералы» болѣе сотни лѣтъ повторяютъ ее на всѣ лады. Если же онъ приглашаетъ пойти по пути, пройденному капитализмомъ въ западной Европѣ, приглашаетъ обезземелить крестьянство, обратить населеніе въ батраковъ, подѣлить по рецепту г. Скворцова *) крестьянскую землю на четырехугольники, передать такіе участки кулакамъ и міроѣдамъ; затѣмъ если онъ предлагаетъ искусственное насажденіе интенсивнаго сельскаго хозяйства на развалинахъ крестьянскаго, то эта фраза окажется самою ученическою «утопіей», тѣмъ болѣе вредной, по выраженію самого г. П. фонъ-Струве, «что онъ выдаетъ ее за нѣчто реальное».

VII.

Очень должна быть велика путаница понятій того, кто для подкрѣпленія мысли о необходимости обезземеленія крестьянъ и насажденія на опустѣвшее мѣсто кулачества ссылается на труды тѣхъ ученыхъ, которые посвятили свои силы на обнаруженіе тѣхъ глубокихъ противорѣчій, которыми кишитъ форма производства, нашедшая себѣ такого ретиваго защитника, какъ г. фонъ-Струве.

Въ доказательство необходимости и неизбѣжности для Россіи пройти тотъ путь, которымъ шла и идетъ Западная Европа, г. П. фонъ-Струве приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма одного экономиста. «Ему (г. Михайловскому) непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой фатально должны подчиняться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ-концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка». (Юрид. Вѣстн. 1888 г., № 10, стр. 273).

Г. П. фонъ-Струве сопровождаетъ эту выписку замѣчаніемъ, что г. Михайловскій не понялъ сущности того экономическаго ученія, которое взялся изобразить, что это непониманіе не ускользнуло отъ самаго автора и что онъ въ очень рѣзкой формѣ указалъ на него.

Въ чемъ же заключалось «непониманіе»? Въ томъ, что г. Михайловскій приписалъ автору мысль, что каждая нація якобы должна фатально, по необходимости пройти тотъ путь экономическаго ра-

---

*) Мы потому указываемъ здѣсь на г. Скворцова, что, по мнѣнію г. фонъ-Струве, работа его можетъ служить образцомъ строго-научнаго развитія теоріи новой школы и въ этомъ отношеніи представляютъ unica не только въ русской, но и вообще во всей экономической литературѣ. Но видѣли, какія дополненія сдѣланы г. П. фонъ-Струве, который шелъ по слѣдамъ г. Скворцова, по этому не представляетъ ли подобная работа unica въ противоположномъ смыслѣ, въ смыслѣ полнѣйшаго непониманія дѣла.

витія, которымъ шла Западная Европа, каковы бы ни были хозяйственно-общественныя условія, въ которыхъ она живетъ. Г. Михайловскій этой фатальности не признаетъ; и авторъ самой теоріи въ очень рѣзкой формѣ высказался также противъ такой фатальности, противъ того, что ему могъ быть приписанъ такой взглядъ. «Такъ какъ, заканчиваетъ онъ свое письмо,—событія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ. *Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности* и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ, но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ passe-par-tout историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-исторической (supra-historique)» (тамъ же).

Итакъ, если противъ кого авторъ и высказывался въ очень рѣзкой формѣ, такъ это именно противъ господъ, подобныхъ г. П. фонъ Струве, которые, заручившись ключемъ къ пониманію явленій, происходящихъ при опредѣленныхъ историческихъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, хотятъ обратить его въ passe par tout, и открыть имъ тайникъ, скрывающій путь нашего будущаго хозяйственнаго развитія, несмотря на то, что развитію этому приходится совершаться въ средѣ, совершенно иной, несходной.

Г. П. фонъ Струве ссылается на то, что письмо это было написано въ особенный историческій моментъ, обусловившій самое его содержаніе, и что съ тѣхъ поръ въ условіяхъ русской жизни произошли коренныя перемѣны.

Каковъ бы историческій моментъ ни былъ, когда было писано это письмо, но именно въ настоящее то время оно и оказалось пророческимъ: несмотря на протекціонную политику, несмотря на продолжавшуюся постройку желѣзныхъ дорогъ, русскій капитализмъ продолжалъ развиваться только на счетъ народнаго производства и потребленія, и въ 80-хъ годахъ наступилъ поворотъ въ его развитіи, выразившійся въ относительномъ уменьшеніи числа фабрично-заводскихъ рабочихъ. Такъ что въ настоящее время, обездоливая населеніе, онъ становится тормазомъ матеріальной и духовной культуры народа.

Вотъ какъ въ головахъ идеологовъ «власти денегъ» преобразуются самыя очевидныя мысли. Чтобъ у читателя не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что авторъ «историко-философской теоріи» основанной на явленіяхъ западно-европейской жизни, вовсе не думалъ придавать ей общее значеніе, значеніе исторіи, по которой должна слѣдовать каждая нація, приведемъ его слова, написанныя за годъ до его смерти, когда «историческій моментъ» канулъ въ вѣчность. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: «можетъ ли русская земельная община стать отправной точкой высшаго общественнаго развитія?» и отвѣчаетъ на него такъ: «Если измѣненіе хозяйственной системы въ Россіи совпадетъ съ измѣненіемъ хозяйственной системы на

Запад, такъ что они бы исполнили другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явится исходнымъ пунктомъ новаго общественнаго развитія».

Намъ пришлось говорить о книгѣ г. П. фонъ-Струве гораздо болѣе, чѣмъ предполагали, и тѣмъ не менѣе далеко не исчерпали всего, что, по нашему мнѣнію, въ ней есть ложнаго, не соотвѣтствующаго дѣйствительному ходу явленій, которыя взялся освѣтить авторъ.

Самая существенная ошибка г. П. фонъ-Струве, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ судитъ о явленіяхъ нашей хозяйственной жизни не по нимъ самимъ, а по готовому шаблону теорій, выработанныхъ западно-европейской наукой, совершенно не обращая вниманія на то, что данный фактъ проявляется при условіяхъ исторически совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ онъ развивался въ Западной Европѣ; въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ не только можетъ задерживаться развитіе даннаго факта, но что экономическій законъ, которому онъ подчинялся въ своемъ развитіи въ Зап. Европѣ, можетъ совсѣмъ не проявляться въ тѣхъ историческихъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ въ настоящее время.

Такъ, вся аргументація автора въ защиту «власти денегъ» основывается на томъ, что при увеличеніи напряженности труда количество производимаго продукта увеличивается, при неизмѣняющейся мѣновой стоимости ихъ.

Если это положеніе, совершенно вѣрное теоретически и подтвержденное фактическими данными, отнести къ современному моменту историческаго развитія сельскаго хозяйства, то окажется, что развивающаяся производительность сельско-хозяйственнаго труда на почвѣ хищнической эксплуатаціи земли въ новыхъ странахъ не только не допускаетъ развитія большей интенсивности труда въ старыхъ странахъ съ высшей сельско-хозяйственной культурой, но даже, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знающихъ дѣло, какъ лицъ заинтересованныхъ, такъ и наблюдателей, а также по даннымъ статистики,—понижаетъ и интенсивность труда, и интенсивность хозяйства. И это совершенно независимо отъ того общаго положенія, что высокая земледѣльческая культура понижается при большемъ развитіи капиталистическаго хозяйства.

Вотъ это то непониманіе разницы между теоретическимъ изслѣдованіемъ и выясненіемъ конкретныхъ жизненныхъ явленій при помощи теоретическихъ данныхъ и приводитъ г. П. фонъ-Струве къ совершенно невѣрнымъ выводамъ. Мы уже не говоримъ о совершенномъ непониманіи имъ того, что, по его же словамъ, «составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ теоретическихъ заслугъ» новой теоріи.

Вмѣсто того, чтобы изучать отправленіе каждаго изъ хозяйственныхъ факторовъ въ связи съ отправленіемъ всего обществен-

хозяйственнаго организма какой нибудь органъ и, изслѣдуя его внѣ связи съ организмомъ, часть котораго онъ составляетъ, желаетъ показать, какую роль онъ играетъ въ отправленіи всего организма.

Вмѣсто того, чтобы комбинировать факторы хозяйственной жизни, для выясненія роли каждаго изъ нихъ, онъ предпочитаетъ составлять комбинаціонную таблицу мнѣній разныхъ лицъ, высказанныхъ ими по каждому изъ этихъ факторовъ. Въ результатѣ получается не отраженіе фактовъ дѣйствительной жизни, которую взялся изслѣдовать авторъ, а конгломератъ разныхъ мнѣній о такихъ фактахъ, которые совершались при самыхъ разнообразныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ.

Очевидно, что авторъ вполнѣ искренно исповѣдуетъ то, о чемъ говоритъ; очевидно, что у него крайне сильно развита любовь къ наукѣ, но въ то же время несомнѣнно, что у него недостаетъ того, что необходимо каждому, желающему идти самостоятельнымъ путемъ, для пониманія совершающихся хозяйственныхъ явленій, недостаетъ желанія произвести самостоятельное изслѣдованіе въ какой нибудь экономической области, по имѣющимся фактическимъ даннымъ. Если ужъ такой гигантъ мысли, какъ Дарвинъ, чтобы разобраться въ массѣ фактовъ, собранныхъ имъ, счелъ нужнымъ ради дисциплинированія мысли предпринять самостоятельное спеціальное изслѣдованіе Cirripidia, изслѣдованіе, которое дало также возможность глубже вникнуть и понять, что есть и чего недостаетъ въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ и какія требованія надо предъявлять къ нимъ, и послужили ему вмѣстѣ съ тѣмъ «критической само-дисциплиной» (a piece of critical self-discipline), вліяніе которой проявлялось во всемъ, что послѣ того писалъ Дарвинъ, «и которое спасало его отъ безчисленныхъ ошибокъ въ подробностяхъ» (Life and Letlers of Ch. Darwin, I, 347—8 письмо Гексли), если, повторяемъ, даже для такого гиганта мысли, какъ Дарвинъ, потребовалось дисциплинировать мысль, помощью самостоятельнаго детальнаго изслѣдованія избранныхъ имъ для этого организмовъ, то для г. П. фонъ-Струве это просто необходимо, если только онъ желаетъ продолжать заниматься научными вопросами.

Что касается до экономическихъ вопросовъ, ждущихъ разработки, то у насъ ихъ непочатый уголъ. Такъ, напримѣръ, у насъ, можно сказать, почти совершенно не затронутъ вопросъ о вліяніи кредита на нашу хозяйственную жизнь, и о той роли, которую онъ играетъ въ ней. Если бы г. П. фонъ-Струве хотя бы сколько нибудь остановился на этомъ вопросѣ, то несомнѣнно, что онъ бы не высказалъ того, что говоритъ на 81—82 стр. своей книги. Изъ приведенныхъ въ выноскѣ *) строкъ видно, что онъ даже не отдалъ себѣ отчета въ

*) «Кредитъ!—патетически восклицаетъ г. П. фонъ-Струве—мы привыкли связывать съ этимъ словомъ представленіе о грандіозныхъ банко-

скую задолженность, и какъ слѣдствіе—закабаленіе, которое основывается на, такъ сказать, упрежденномъ потребленіи будущихъ продуктовъ, на заполученіи возможности существованія, съ коммерческимъ кредитомъ, основаннымъ на упрежденномъ заполученіи капитала въ денежной его формѣ, до срока обращенія товарнаго капитала, заполученіи, дающемъ возможность продолжать производство или торговлю въ прежнемъ размѣрѣ, безъ большей затраты собственнаго денежнаго капитала. Смѣшивая эти два крайне разнородныя по происхожденію явленія, г. П. фонъ-Струве принимаетъ такимъ образомъ ученіе вульгарныхъ экономистовъ, которые, не заглядывая въ глубь явленія, судятъ по внѣшнимъ признакамъ и утверждаютъ, что владѣлецъ средствъ производства, капиталистъ или землевладѣлецъ, ссужаетъ ими рабочихъ, вмѣстѣ съ денежной ссудой въ видѣ рабочей платы, и получаетъ взамѣнъ прибыль...

Г. П. фонъ-Струве напрасно въ такомъ случаѣ ссылается постоянно въ своей книгѣ на авторитетъ экономиста, который доказалъ нелѣпость такого взгляда. Или можетъ быть это «дополненіе» къ его теоріи, внесенное самимъ г. П. фонъ-Струве, какъ онъ дополнилъ его теорію «перенаселеніемъ» Мальтуса, необходимостью отдѣленія промысловъ отъ земледѣлія Листа?

VIII.

Все изложенное приводитъ насъ къ тому заключенію, что г. П. фонъ-Струве строитъ свою программу, — по которой «Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной», или приглашаетъ расторгнуть и уничтожить «власть земли» и на ея мѣсто утвердить «власть денегъ», плутократію,—не на основаніи научно-экономическихъ данныхъ, на которыя онъ постоянно ссылается, а на основаніи своихъ «дополненій» къ нимъ, и что поэтому онъ имѣетъ полное основаніе считать себя вполнѣ «самостоятельнымъ въ своихъ выводахъ».

выхъ учрежденіяхъ и ихъ операціяхъ, а исторія повѣствуетъ намъ о томъ, что и до-капиталистическая эпоха знала это явленіе. И тогда оно, быть можетъ, во много разъ было чудовищнѣе (?) чѣмъ теперь. Экономическая исторія нашего русскаго крестьянства убѣдительно говоритъ о томъ, что и въ эпоху натуральнаго хозяйства... происходитъ грандіозный процессъ закабаленія непосредственныхъ производителей своего рода «капиталомъ» и притомъ въ значительной мѣрѣ при помощи *кредита*». Для поясненія приводится выписка изъ изслѣдованія г. Ключевскаго, изъ которой видно, что «въ старой кіевской Руси аристократическій складъ общества выразился... въ безправномъ, близкомъ къ рабству, положеніи крестьянина, взявшаго въ ссуду у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ (пользованіе «кредитомъ», по мнѣнію г. П. фонъ-Струве), и особенно въ суровомъ постановленіи, по которому такой должникъ, въ случаѣ побѣга отъ хозяина безъ расплаты, превращался въ полнаго холопа». Стр. 81.

(«мы будемъ имѣть больше продукта и продавать его по прежней цѣнѣ» 207), г. П. фонъ-Струве основываетъ на своемъ «дополненіи» къ ученію о трудовой теоріи стоимости. На основаніи этого «дополненія» увеличеніе производительности труда, если оно сопровождается увеличеніемъ напряженности его, увеличиваетъ мѣновую стоимость произведеннаго продукта, хотя это совершенно противорѣчитъ и теоріи, и самимъ фактамъ. Къ тому же при этомъ дополненіи предполагается, что такое увеличеніе мѣновой стоимости и цѣны должно произойти, во всякомъ случаѣ, совершенно независимо отъ условій производительности труда въ данной отрасли промышленности въ другихъ странахъ, при которыхъ цѣна даннаго продукта можетъ упасть на всемірномъ рынкѣ *).

Дальнѣйшее «дополненіе» г. П. фонъ-Струве заключается въ предполагаемой возможности при современныхъ условіяхъ развитія капиталистическихъ отношеній и мірового рынка увеличить интенсивность сельскаго хозяйства и напряженность труда — причемъ, по его мнѣнію, стоимость продукта не можетъ упасть—увеличить настолько, что стоимостію, полученною въ фермерскомъ хозяйствѣ полугодовымъ трудомъ рабочаго населенія, оно будетъ въ состояніи просуществовать круглый годъ.

Но и это его «дополненіе», на которое онъ смотритъ, какъ на дальнѣйшее преуспѣяніе общественно-хозяйственныхъ условій, и которое выражается въ дальнѣйшемъ общественномъ раздѣленіи труда, въ чемъ онъ видитъ осуществленіе «формулы экономическаго развитія Россіи», приводитъ къ результатамъ какъ разъ противуположнымъ тѣмъ, на которые онъ указываетъ. Въ странахъ, гдѣ раціональное сельское хозяйство достигло наивысшаго развитія, оно пошло назадъ именно вслѣдствіе дальнѣйшаго общественнаго раздѣленія труда. Затѣмъ развитіе паровой перевозки, — которая требуетъ, по мнѣнію гг. Скворцова и П. фонъ-Струве, развитія раціональнаго сельскаго хозяйства,—въ дѣйствительности увеличиваетъ экстенсивное хищническое капиталистическое хозяйство въ новыхъ странахъ, которое, со своей стороны, въ старыхъ странахъ усугубляетъ ухуд-

---

*) Мы еще совершенно оставляемъ въ сторонѣ конкурренцію, подъ вліяніемъ которой величина стоимости, не измѣняющаяся при увеличеніи напряженности труда, можетъ упасть вслѣдствіе увеличенія предложенія даннаго товара, тѣмъ болѣе, что для такого увеличенія стоимости капиталисту не приходится дѣлать лишнихъ затратъ (кромѣ затратъ на сырой матеріалъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ при достиженіи высшей напряженности труда повышается также доля, получаемая рабочимъ, то, если капиталистъ не встрѣтитъ противодѣйствія съ ихъ стороны, заработная плата понижается до прежней своей реальной величины, до стоимости рабочей силы, такъ какъ и увеличеніе производительности труда и увеличеніе его напряженности уменьшаютъ время, необходимое рабочимъ для выработкѣ средствъ ихъ существованія или ихъ эквивалента. Приэтомъ мѣновая стоимость продукта или цѣна его можетъ быть понижена безъ уменьшенія нормы прибыли.

исходитъ и безъ того на почвѣ дальнѣйшаго общественнаго раздѣленія труда.

Такимъ образомъ утвержденіе г. П. фонъ-Струве, что «капитализмъ... дѣлаетъ возможнымъ и вынуждаетъ техническую раціональность», и что «въ этомъ его великая историческая миссія въ области производства вообще и сельско-хозяйственнаго въ частности» (225), въ послѣднемъ случаѣ не только ничѣмъ не оправдывается, но противорѣчитъ всему, что происходитъ на нашихъ глазахъ.

На томъ же фактическомъ и теоретическомъ непониманіи хода дѣлъ г. П. фонъ-Струве основываетъ свою теорію рынковъ, по которой внутренній рынокъ долженъ расшириться, вслѣдствіе все того же,—при данныхъ условіяхъ всемірнаго рынка, невозможнаго—широкаго развитія раціональнаго фермерскаго хозяйства, сопровождаемаго кромѣ того дальнѣйшимъ «общественнымъ раздѣленіемъ труда».

Вмѣстѣ съ тѣмъ данныя, которыя мы привели и которыя показываютъ, насколько тѣсно связаны между собою всѣ отрасли производства, насколько каждая изъ нихъ подчинена всѣмъ, насколько при малопроизводительномъ трудѣ и при бѣдности населенія должно преобладать земледѣліе и, какъ необходимое слѣдствіе, относительное уменьшеніе числа рабочихъ и производства продуктовъ остальныхъ отраслей промышленности, приводятъ къ убѣжденію, что главнѣйшая общественно-хозяйственная потребность въ настоящее время заключается въ увеличеніи производительности сельско-хозяйственнаго труда, въ увеличеніи производства и потребленія пищи, и что только послѣ удовлетворенія этой насущнѣйшей потребности можно разсчитывать на расширеніе производства продуктовъ обработывающей промышленности, но опять таки при условіи тѣсной связи послѣдней съ земледѣліемъ *). Дальнѣйшее же «общественное раздѣленіе труда» можетъ повести къ еще большему уменьшенію народнаго потребленія, такъ какъ капиталистическая промышленность развивается исключительно на счетъ сокращенія крестьянскихъ промысловъ и крестьянскаго потребленія, такъ что сумма крестьянскаго и фабрично-заводскаго производства въ главнѣйшихъ отрасляхъ возрастать не можетъ.

Если мы видимъ, что при развитіи общественныхъ производительныхъ силъ страны распредѣленіе всей суммы народнаго труда претерпѣваетъ измѣненія въ томъ смыслѣ, что относительная часть,

---

*) Вотъ почему тѣ, которые говорятъ, что намъ надо перестать быть исключительно страной земледѣльческой и обратиться въ фабрично-заводскую, имѣютъ смутное представленіе объ условіяхъ общественнаго хозяйственнаго производства и воспроизводства, о внутренней связи всѣхъ отраслей промышленности между собою, и о тѣхъ особенныхъ условіяхъ, въ которыхъ находимся мы въ настоящее время и на міровомъ рынкѣ и на внутреннемъ.

часть всего народнаго труда, которая тратится на изготовленіе одежды и на удовлетвореніе прочихъ потребностей, увеличивается,— то это еще не значитъ, что для способствованія такому развитію должно произойти дальнѣйшее *общественное раздѣленіе труда*, т. е. обособленіе наличныхъ работниковъ по новымъ группамъ производства, на чемъ настаиваетъ г. П. фонъ-Струве, ибо такое развитіе общественнаго раздѣленія труда, отнимая у земледѣльческаго населенія зимнее занятіе, ведетъ къ ухудшенію его матеріальнаго положенія. А это значитъ только, что самимъ наличнымъ рабочимъ силамъ надо дать возможность проявиться вполнѣ, надо дать возможность развиться не общественному раздѣленію труда, а раздѣленію работъ каждой рабочей силы соотвѣтственно природнымъ, мѣстнымъ, индивидуальнымъ и инымъ условіямъ труда, для удовлетворенія потребностей всего общества. Только при этомъ условіи возможно увеличеніе всей суммы общественныхъ производительныхъ силъ, улучшеніе экономическаго положенія населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе отношенія суммы народнаго труда, занятаго земледѣліемъ, и суммы народнаго труда, занятаго въ обработывающей и добывающей промышленности.

А то оказывается такое противорѣчіе. Каждая изъ капиталистическихъ странъ оградилась китайской стѣной таможенныхъ пошлинъ для поощренія внутренняго производства товаровъ не ради расширенія внутренняго потребленія ихъ, а главнымъ образомъ ради ихъ вывоза. Это ведетъ, конечно, къ быстрому переполненію всемірнаго рынка такими товарами, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ несоотвѣтствіе развитія производительныхъ силъ съ покупательными способностями населенія, причемъ съ одной стороны оказывается перепроизводство товаровъ, перепроизводство капитала, т. е. избытокъ капитала, не находящаго приложенія, а съ другой—сокращеніе спроса; съ одной стороны—хлѣбъ, товары обработывающей и добывающей промышленности не находятъ сбыта, а съ другой—безработица со всѣми ея послѣдствіями: голодомъ, нуждою, болѣзнями; усиленіемъ преступности, ростомъ смертности и пр., и пр.

Росту такого несоотвѣтствія въ особенности способствуетъ дальнѣйшее общественное раздѣленіе труда, дальнѣйшее освобожденіе рабочаго времени у земледѣльческаго населенія, вслѣдствіи капитализаціи промысловъ, раздѣленіе труда, уменьшающее его покупательную способность; а такое раздѣленіе труда съ своей стороны есть результатъ расширенія производства продуктовъ въ видѣ товаровъ, для продажи, а не для собственнаго потребленія всего общества, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ удовлетвореніе всѣхъ потребностей можетъ идти параллельно съ ростомъ общественныхъ производительныхъ силъ.

Вслѣдствіе паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, а это ведетъ за собою пониженіе ренты и прибыли, развитіе раціо-

землею самими крестьянами, (признаки такого перехода земли къ крестьянамъ, подъ давленіемъ общественно-хозяйственной необходимости, начинаютъ въ настоящее время наблюдаться даже въ странахъ съ высшею культурою), но при томъ условіи, чтобы рабочее время, остающееся отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, было занято производительно. А г. П. фонъ-Струве считаетъ обезземеленіе, переходъ общиннаго землевладѣнія въ участковое наслѣдственное, созданіе «экономически крѣпкаго крестьянства», основаннаго на батрачествѣ, «желательнымъ съ общественно-политической точки зрѣнія»... (Braun's Archiv, Vol. V, p. 501).

Итакъ, въ концѣ-концовъ выходитъ, что для построенія своей теоріи непреложной исторической необходимости и желательности развитія «власти денегъ», г. П. фонъ-Струве пришлось къ общеизвѣстной экономической теоріи сдѣлать собственныя оригинальныя, частью сознательныя, частью безсознательныя дополненія, противорѣчащія и самой теоріи и несогласныя съ фактами.

Развивающіяся хозяйственныя формы, заимствованныя нами у западной Европы, по хозяйственнымъ условіямъ исторически сложившимся въ нашемъ отечествѣ, привели насъ къ международной экономической борьбѣ, въ которой мы, при развивающемся хищническомъ сельскомъ хозяйствѣ въ новыхъ странахъ, стать побѣдителями не можемъ.

Вотъ почему совершенно правы тѣ, которые для нашего отечества ищутъ матеріальнаго основанія для созданія иного пути хозяйственнаго развитія, а не того, «которымъ шла и идетъ Западная Европа». Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на это дѣло, для рѣшенія его есть только одинъ путь, указанный намъ естественными науками, идя по которому послѣднія все болѣе и болѣе даютъ возможность человѣку изъ раба природы въ значительной мѣрѣ стать ея властелиномъ; а достиженіе такого результата имѣетъ неизмѣримо большее значеніе въ области явленій общественныхъ. Но вступивъ на этотъ путь, надо разъ на всегда отказаться отъ доктринерскихъ толкованій и признать, что истину можно открыть только, изучая самыя явленія, сопоставляя ихъ, находя между ними связь, наблюдая вліяніе развитія каждаго изъ нихъ на остальныя, а это можетъ дать между прочимъ статистика, которая, несмотря на свою юность, открываетъ экономической наукѣ такія широкія перспективы, которыя и не снились доктринерамъ подобнымъ г. П. фонъ-Струве. Словомъ къ общественнымъ наукамъ вполнѣ приложимы слова Гексли: «лабораторія—говоритъ онъ, а въ нашемъ случаѣ изученіе связи общественныхъ явленій, лабораторія—это сѣни, ведущія въ храмъ философіи».

Николай—онъ.

Октябрь 1894 г.

Поправки. Въ январьской книжкѣ на стр. 170, 24 строкѣ напечатано *корневыхъ*, надо кормовыхъ; стр. 174, 6 стр., вмѣсто *тысячъ* дол., надо *тысячъ*; стр. 177, 10 строка вмѣсто *каждый разъ товаръ*, надо каждый родъ товаровъ.

Народно-хозяйственные наброски.

XVII. Крестьянское землевладѣніе и община въ Херсонской губ.

XVII.

Недавно мнѣ довелось прочитать въ одной распространенной газетѣ упрекъ земской статистикѣ въ томъ, что она, изслѣдуя мельчайшія явленія хозяйственной жизни деревни, облекая ихъ въ форму чиселъ, группируя эти числа въ таблицы, не даетъ, однако, ясныхъ, простыхъ, понятныхъ для каждаго отвѣтовъ на вопросы практической хозяйственной политики, возникающіе ежедневно и особенно въ послѣдніе тяжелые годы. Трудно уяснить себѣ, что хотѣлъ этимъ сказать авторъ. Если то, что въ земской статистикѣ не имѣется матерьяловъ для такихъ отвѣтовъ, то это просто не соотвѣтствуетъ истинѣ. Въ послѣднее время огромная содержательность въ этомъ направленіи земско-статистическихъ изслѣдованій признана не только близкими къ этому дѣлу людьми («Иванъ хвалитъ Петра, а Петръ Ивана, а ученый профессоръ гладитъ по головкѣ обоихъ»—такъ приблизительно (цитую на память) выражается упомянутый авторъ), но и высшими государственными учрежденіями, черпающими матерьялъ изъ этихъ изслѣдованій *). Если же авторъ хотѣлъ указать на то, что форма, въ которую облечены данныя, добываемыя земско-статистическими изслѣдованіями, не удовлетворяетъ практическимъ нуждамъ пользователей сборниковъ, что матерьялъ достаточно сыръ и подлежитъ обработкѣ, то въ этомъ онъ правъ, хотя къ посрамленію этихъ драгоцѣннѣйшихъ земско-статистическихъ сборниковъ фактъ этотъ, конечно, ничуть не служитъ. Собирая *массы* данныхъ по разнообразнымъ сторонамъ хозяйственнаго быта населенія, изслѣдователь, конечно, не можетъ даже и знать, когда, кому и для какихъ цѣлей

---

*) См. напр. изд. канцеляріи Комитета Министровъ «Сводъ статистическихъ матерьяловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи». Спб. 1894.

Если бы онъ обработалъ ихъ въ видѣ ряда монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, онъ испортилъ бы свой трудъ, умалилъ его значеніе, ибо весьма затруднилъ бы пользованіе его матерьяломъ для другихъ цѣлей, имъ не предусмотрѣннымъ. Не говоря объ уменьшеніи научнаго достоинства сборниковъ, такая монографическая разработка данныхъ при самомъ ихъ добываніи сократила бы ихъ цѣнность для практическихъ цѣлей самихъ земствъ, на средства которыхъ производилось обслѣдованіе. Въ дѣлѣ массового изученія внѣшнихъ явленій необходимо прежде всего добыть и затѣмъ систематизировать матерьялъ, т. е. расположить его въ томъ порядкѣ, при которомъ каждый научный и практическій дѣятель могъ бы изъ него брать то, что ему нужно, комбинировать взятое такъ, какъ то подсказываютъ ему его спеціальныя цѣли данной минуты, и этимъ освѣтить каждый данный вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Не трудно понять, что напечатаніемъ данныхъ основного изслѣдованія задачи статистики еще не кончаются, что систематизація сырого матерьяла предполагаетъ затѣмъ еще его научную обработку, извѣстный монографическій трудъ по главнѣйшимъ вопросамъ народно-хозяйственнаго быта, по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣющимъ наибольшій интересъ для настоящаго времени.

Какъ извѣстно, земско-статистическихъ сборниковъ имѣется у насъ уже не мало. Число обслѣдованныхъ уѣздовъ, описанія которыхъ уже изданы, приближается къ двумъ сотнямъ. Рядомъ съ этимъ разныя вѣдомства особенно въ послѣднее время начинаютъ издавать не мало трудовъ по хозяйственной статистикѣ Россіи, имѣющихъ безспорно большой интересъ. Весь этотъ далеко не бѣдный рядъ статистическихъ работъ можетъ уже теперь довольно ярко освѣщать внутреннія отношенія многихъ мѣстностей Россіи съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но, очевидно, всѣ эти изданія старѣютъ и мѣняютъ свой своевременный интересъ на историческій, если они не подвергаются современной всесторонней монографической разработкѣ. Много цѣнныхъ обобщеній, много научныхъ и практическихъ перспективъ можетъ быть утеряно такимъ образомъ; трудъ, затраченный на добываніе данныхъ, можетъ при такихъ условіяхъ не принести крупной части той пользы, которую онъ долженъ былъ-бы принести. Если каждое время имѣетъ свои задачи, если въ 70-хъ годахъ назрѣла настоятельная необходимость детальнаго изученія хозяйственныхъ явленій страны, то теперь, не оставляя конечно, продолженія и этой работы, слѣдуетъ ставить рядомъ другую важную задачу—монографическаго использованія уже накопленнаго сырого матерьяла. Только этимъ можетъ быть достигнута высокая цѣль тщательнаго изученія экономики нашей родины, которая въ свое время толкнула немало почтенныхъ дѣятелей на тернистое поле земской статистики.

Поэтому появленіе каждой монографіи, обработывающей, обобщающей, освѣщающей наличный статистическій матерьялъ по какому либо крупному вопросу современной хозяйственной жизни, возбуждаетъ интересъ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе.

Передъ нами одна изъ такихъ монографій чисто земскаго происхожденія: *Т. И. Осадчій—Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губерніи въ связи съ платежами крестьянъ. Херсонъ, 1894.*—Авторъ задался въ ней цѣлью подробно анализировать земельныя надѣльныя отношенія массы населенія своей Херсонщины, гдѣ почти исключительнымъ занятіемъ жителей служитъ земледѣліе и гдѣ поэтому выясненіе разныхъ видовъ «землевладѣнія и землепользованія, формъ, условій и нормъ ихъ для статистики составляетъ задачу первой необходимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первой важности». Авторъ приступилъ къ своей работѣ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и съ солидной подготовкой. Онъ не ограничился какимъ нибудь однимъ родомъ матерьяловъ для освѣщенія облюбованнаго вопроса. Онъ собиралъ свой медъ всюду, гдѣ только могъ его найти—изъ данныхъ и подворныхъ переписей сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, и общаго статистическаго описанія ея, и собранныхъ земствомъ по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, и текущей статистики, и центральнаго статистическаго комитета, и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и отдѣленія Крестьянскаго Банка, и управленія государственныхъ имуществъ, и казенной палаты, и изъ матерьяловъ, еще не обработанныхъ въ статистическомъ отдѣленіи губернской управы, и изъ личныхъ наблюденій, и изъ сообщеній другихъ наблюдателей народной жизни. Надо признать, что этотъ пріемъ г. Осадчаго—собирать воедино *весь* матерьялъ по данному вопросу, какой только можно найти, заслуживаетъ глубокаго сочувствія и подражанія. Какъ-бы ни былъ хорошъ одинъ родъ матерьяла (напр., земская статистика), онъ всегда обладаетъ разного рода пробѣлами, зависящими нерѣдко отъ какихъ-либо внѣшнихъ, механическихъ причинъ, дѣйствовавшихъ при составленіи программы или при добываніи данныхъ съ такой силой, что бороться съ ними изслѣдователю было не подъ силу. А въ мартирологѣ земской статистики такихъ причинъ можно найти не мало. Поэтому пополнять его данными изъ другихъ источниковъ бываетъ всегда желательно, а иногда и рѣшительно необходимо. Указанная выше монографическая обработка наличнаго матерьяла и должна пользоваться такимъ пріемомъ. Трудъ г. Осадчаго лучше всего показываетъ, къ какимъ результатамъ этотъ пріемъ приводитъ. Автору удалось дать подробнѣйшую, цѣннѣйшую картину динамики и статики интересовавшей его области хозяйственныхъ отношеній; онъ съумѣлъ войти въ самую глубь вопроса и освѣтить его тончайшимъ анализомъ путемъ остроумныхъ сопоставленій, сближеній; его выводы безспорно вытекаютъ изъ тщательно мотивированной цифрами аргументаціи, они ясны, просты и весьма крупны въ научномъ и практическимъ отно-

шеніи. Онъ, можно сказать, исчерпываетъ изслѣдуемый вопросъ и едва-ли оставляетъ поле для возраженій. Г. Осадчій далъ образцовую монографію, которая должна-бы служить прототипомъ для использованія всего нашего сырого статистическаго матерьяла.

Въ этой работѣ заключается масса цѣннаго. Собственно говоря, для интересующихся хозяйственнымъ бытомъ Россіи все въ ней важно и интересно и нѣтъ ничего лишняго, мелочного, никакого балласта. Но къ несчастью, книжки, наполненныя цифрами, какъ-бы просты и ясны онѣ ни были, да еще—земскія изданія, у насъ почти не читаются; частью потому, что ихъ всегда бываетъ почему-то трудно достать, частью потому, что всякую «цифирь» считаютъ предназначенною лишь для особыхъ спеціалистовъ, которымъ однимъ, будто-бы, понятны эти эльзевинскія таинства. А вѣдь какъ и объяснить массовый фактъ, какъ не цифрой?! — Поэтому-то я считаю весьма полезнымъ остановиться на книжкѣ г. Осадчаго и подчеркнуть въ ней нѣкоторые выводы и сообщенія, имѣющія болѣе общій интересъ. Исчерпать эту занятную работы я, конечно, здѣсь не могу и буду радъ, если послѣдующія строки возбудятъ въ комъ либо охоту обратиться къ подлиннику для изученія одной изъ существеннѣйшихъ сторонъ экономики Херсонщины, составляющей часть такъ называемой «житницы Россіи».

Изслѣдованіе г. Осадчаго открывается весьма интереснымъ историческимъ очеркомъ заселенія края и образованія наличныхъ земельныхъ отношеній разныхъ группъ крестьянскаго населенія, весьма разнообразныхъ. Одни получили надѣлы отъ казны, другіе—отъ помѣщиковъ. Къ первымъ принадлежатъ бывшіе государственные крестьяне, южные военные поселяне и поселенцы на казенныхъ земляхъ послѣ реформы 1861 года, ко вторымъ—разные виды быв. крѣпостныхъ. — Группы эти складывались исторически. Различное положеніе ихъ вытекало прямо изъ характера первоначальной колонизаціи Херсонщины, имѣвшей два вида: вольная народная, а потомъ государственная и помѣщичья (стр. 4).—Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ его любопытномъ изложеніи народнаго вольнаго заселенія новороссійскихъ степей отважными, вольными колонистами запорожцами, за которыми и подъ прикрытіемъ которыхъ стремилось туда населеніе старой казацкой Украйны и гетманщины, убѣгавшее отъ закрѣпощенія панами, великороссы раскольники, убѣгавшіе отъ религіозныхъ преслѣдованій, и молдаване, убѣгавшіе отъ турецкой неволи. Всѣ эти «втікачі» селились на свободномъ просторѣ степей по берегамъ рѣчекъ рядомъ съ татарскими кочевьями, осѣдали слободами и хуторами, вызывали къ производительности всѣ эти «дикія поля», находили себѣ свободу, самостоятельность и обезпеченность. Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за г. Осадчимъ въ его дальнѣйшемъ изложеніи постепеннаго сокращенія этой свободы и землевладѣнія, «регулированія» земельныхъ отношеній и пр., сильно отражавшихся на су-

бахъ того вольнаго населенія, изъ котораго сложился затѣмъ разрядъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но нельзя не остановиться хоть коротко на разсказѣ автора о южныхъ военныхъ поселянахъ, судьба которыхъ менѣе извѣстна въ нашей историко-экономической литературѣ.

Аракчеевскія *военныя поселенія* въ Херсонской губ. получили начало въ концѣ 1817 г. Въ составъ ихъ мало-по-малу вытеченіи очень короткаго времени вошло большинство казенныхъ поселеній и вообще населенія, не принадлежавшаго помѣщикамъ и носившаго названіе поселянъ казеннаго вѣдомства. «Приэтомъ характерно отмѣтить свѣдѣнія о томъ, что какъ только распространялись слухи о перечисленіи какихъ нибудь поселеній государственныхъ крестьянъ въ разрядъ военныхъ поселеній, такъ сейчасъ начиналось бѣгство государственныхъ крестьянъ изъ поселеній, приписка къ городамъ и переходъ въ категорію десятинщиковъ. Число *семей* такихъ бѣглецовъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе зажиточнымъ, имѣвшимъ средства на увольненіе и приписку, Шмидтъ опредѣляетъ болѣе чѣмъ въ 2000». Очевидно, менѣе зажиточные, не имѣвшіе на то средствъ, должны были подчиняться военному режиму. Г. Осадчій снова цитуетъ подполковника генеральнаго штаба Шмидта («Матер. для географ. и статист. Россіи» т. II): «начальники смотрѣли на поселянъ, какъ на *рабочія роты*, данныя имъ на содержаніе полковъ (расквартированныхъ въ мѣстности) въ исправности, и этотъ взглядъ настолько укоренился, что нужно было много постановленій и усилій, чтобы вмѣстѣ съ войсковыми, хозяйственными распоряженіями распространить и агрономическія понятія» (18—19).

Земельные порядки въ то время еще только складывались. Были еще свободные люди, устраивались, занимались отчасти земледѣліемъ, а больше скотоводствомъ и коневодствомъ. Распаханная близь поселеній земля принадлежала первому распахавшему, который и засѣвалъ ее изъ года въ годъ. Пастбища ничѣмъ не регулировались не только между отдѣльными хозяевами, но и между станицами. Частное землевладѣніе составляло принадлежность лишь однихъ войсковыхъ чиновниковъ и состояло изъ сѣнокосной и выпасной земли. Составъ населенія продолжалъ еще пополняться «втікачами».— «Какъ вдругъ, продолжаетъ авторъ, нагрянула военная регламентація, не знавшая никакихъ границъ. Появляются уланскія дивизіи и начинаютъ вводить аракчеевскіе порядки. Населеніе безуспѣшно протестуетъ и въ теченіе какого нибудь полугода совершенно перестраивается. Перестройка эта, начатая съ одежды, постройекъ, завершалась строго регулированными земельными порядками».—«Хуторное землепользованіе на первыхъ порахъ вырвано было съ корнемъ. Всѣ разбросанныя деревни и хутора сведены были въ одни большія села для того, чтобы удобнѣе было наблюдать за военнымъ образованіемъ военныхъ поселянъ и для удобства расквартированія эскадроновъ. Сведеніе деревень и селъ дошло до коло-

дворовъ». Многія обработанныя мѣста оказались весьма отдаленными отъ усадебъ: за ломку заведенныхъ прудовъ, садковъ и пасѣкъ вознагражденія хозяевамъ отъ казны не полагалась. Тѣмъ не менѣе въ управленіе генерала Никитина хутора всетаки были уничтожены, «чтобы владѣльцы ихъ не могли отлучкой изъ нихъ уклоняться отъ общихъ поселянскихъ повинностей».—«Такимъ образомъ, съ корнемъ были уничтожены всѣ *заимки*, раскинутыя въ степяхъ и по рѣчкамъ; снесено было болѣе 600 хуторовъ, жители которыхъ сведены въ села».

Постой большихъ количествъ войскъ потребовалъ усиленія производства хлѣба — военнымъ поселянамъ приходилось кормить не только себя, но и постояльцевъ. «Свободное распоряженіе землей, отрѣзанной генеральнымъ межеваніемъ къ каждой слободѣ, уже не существовало, никакихъ правъ населенія на землю не признавалось, землепользованіе подверглось полному регулированію. Смѣна угодій, пашни, выпасовъ, сѣнокосовъ, сѣвооборота и проч.—все это до мельчайшихъ подробностей опредѣлено военнымъ начальствомъ, которое отводило хозяевамъ надѣлы и строго наблюдало за ходомъ всѣхъ работъ поселянъ на полѣ и даже дома. Работа эта опредѣлялась до мелочей урочнымъ положеніемъ». Всѣ домохозяева дѣлились на классы: хозяевъ 1 и 2 разряда, нехозяевъ и неслужащихъ инвалидовъ. Первыми были тѣ, которые имѣли не менѣе двухъ паръ воловъ, вторыми—не менѣе одной; нехозяевами считались неимѣющіе рабочаго скота и дѣти военныхъ поселянъ—хозяевъ, не имѣвшіе никакого хозяйства. Этотъ послѣдній классъ наряжался на пѣшія работы. «Іерархическая лѣстница раздѣленія хозяйствъ шла еще дальше. Хозяева 1 и 2 разрядовъ и нехозяинъ — составляли одинъ нумеръ, отвѣтственный, какъ-бы за порукой, за своевременное и аккуратное отбытіе повинностей входящими въ него хозяйствами; при этомъ хозяину перваго разряда принадлежала нѣкотораго рода административная власть». Сообразно этому измѣнялась и величина надѣловъ: въ сѣверной части губерніи, гдѣ установлено было трехполье, отводилось на хозяйства 1 класса 12 дес., 2-го класса—6 дес., на нехозяина—3 дес.; въ средней (четырехполье)—16, 9 и $4^1/_2$ дес.; на югѣ (пятиполье)—24, 12 и 6 дес. Не смотря, однако, на такую регламентацію, богачамъ, по увѣренію автора, тѣмъ не менѣе удавалось запахивать земли сколько угодно, а бѣднякамъ — иногда и ничего. Наконецъ, такъ какъ всѣхъ нехозяевъ, которыхъ было очень много, нельзя было пристроить при хозяевахъ со скотомъ (послѣдніе, очевидно, составляли меньшинство), то большинство ихъ находилось на работѣ при образованныхъ временно рабочихъ ротахъ и возовыхъ паркахъ подъ управленіемъ воинскихъ чиновъ. «Чтобы понять назначеніе этихъ ро , необходимо упомянуть, что на обязанности военныхъ поселянъ, к мѣ обязанности кормить военный постой, лежала работа на ка

три дня въ недѣлю, доставка провіанта, фуража и отопленія въ мѣста полковыхъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ штабовъ, заготовленіе и перевозка лѣсныхъ матеріаловъ въ отдаленныхъ Черкасскихъ и Чернолѣсскихъ лѣсахъ, ремонтъ и устройство различныхъ помѣщеній въ округахъ и проч., и проч. (20—22). Этотъ режимъ, переломавшій народную жизнь на солдатскій ладъ, уничтожившій личную инціативу населенія и обратившій свободныхъ людей въ положеніе крѣпостныхъ воинскаго начальства—этотъ ужасный режимъ просуществовалъ 40 лѣтъ; уничтоженіе военныхъ поселеній началось только при началѣ освободительнаго царствованія Александра II—съ 1858 года. Но и уничтоженіе это совершилось не сразу, а постепенно, въ три періода, втеченіе которыхъ натуральныя повинности поселянъ постепенно замѣнялись денежными, но надѣлы ихъ подверглись значительнымъ урѣзкамъ, значеніе которыхъ становится все болѣе и болѣе серьезнымъ лишь съ теченіемъ времени и ростомъ населенія. Отрѣзка плавень, которыми общество испоконъ вѣка владѣло, которыя окружаютъ села, которыя являются вообще всегда, а въ особенности въ засушные годы самымъ необходимымъ пастбищемъ, источникомъ топлива и зимнихъ кормовъ (зеленый камышъ), отрѣзка этихъ угодій сказывается теперь весьма сильно.—«Можно судить о положеніи общества въ то время, когда эти плавни съ торговъ попадаютъ въ руки сельскихъ богачей и евреевъ. Въ это время возникаетъ масса споровъ, неизбѣжныхъ потравъ и столкновеній и, наконецъ, въ результатѣ всего этого всегда общество оставалось въ большомъ убыткѣ». И до сихъ поръ эти плавни сдаются съ торговъ не на мѣстахъ, а въ Одессѣ и Херсонѣ (объ этихъ торгахъ общества иногда и не знаютъ), а затѣмъ переснимаются изъ вторыхъ рукъ мѣстнымъ населеніемъ по цѣнѣ, въ нѣсколько разъ большей (22—23).

Но изъ другихъ отрѣзковъ отъ военно-поселенческихъ участковъ образованы были надѣлы для новыхъ поселенцевъ, по положенію 1869 года. «Поселеніе на казенныхъ земляхъ предпринято было въ этомъ случаѣ для ликвидированія грѣховъ крѣпостного права, которое послѣ себя оставило много безземельныхъ: дворовыхъ, отпущенныхъ на волю людей, а также для земельнаго устройства отставныхъ солдатъ старой службы, которые не находили мѣста и надѣловъ въ бывшихъ своихъ обществахъ» (39). Эти поселенія имѣли два періода. Въ первый, непосредственно слѣдовавшій за 1869 годомъ, поселялись главнымъ образомъ отставные солдаты, безземельные крестьяне, поляки однодворцы Подольской, Кіевской и Черниговской губ., мѣстные дворовые и вольноотпущенники. Имъ отводились, какъ сказано, отрѣзки земель военныхъ поселенцевъ, т. е. земли, удаленныя отъ деревень и весьма часто—безводныя. При этомъ имъ не давалось никакого пособія отъ казны ни на переселеніе, ни на первоначальное обзаведеніе, вслѣдствіе чего они были поставлены въ весьма тяжелое положеніе: «*они*

и теперь еще испытываютъ большую нужду отъ недостатка воды». Составъ ихъ былъ весьма разнообразенъ, что служило наибольшимъ препятствіемъ къ борьбѣ съ обстоятельствами совокупными силами: «въ одномъ и томъ-же поселкѣ можно встрѣтить и николаевскаго служаку, не желающаго знать никакихъ общественныхъ повинностей, и поляка-однодворца изъ бывшей подольской шляхты, съ пренебреженіемъ относящагося къ рядомъ живущему съ нимъ крестьянину, который также въ свою очередь представляетъ нѣсколько разновидностей (великороссы и малороссы). Въ составѣ поселковъ попадаются даже евреи, вносящіе не мало неурядицъ въ складывающіяся общественныя отношенія. Не даромъ поэтому поселенцы называютъ себя «*сибранной дружиной*» (40).— Поселенцы второго періода (по закону 1881—4 г.) поселены на другихъ основаніяхъ. Земля сдана имъ въ 12-лѣтнюю аренду съ послѣдующимъ выкупомъ. И составъ ихъ по закону долженъ былъ быть иной. Это—не только безземельные, а всѣ вообще земледѣльцы, живущіе въ предѣлахъ Херсонской губ. и по образу жизни ничѣмъ не разнящіеся отъ жизни крестьянъ. Фактически, однако, главную часть ихъ составили все-же безземельные, дворовые и мѣщане, извѣстные въ губерніи подъ именемъ *десятинщиковъ*. Эти мѣщане по большей части суть прежніе крѣпостные или военные поселяне; предки ихъ бѣжали или отъ крѣпостного права, или отъ солдатчины и приписывались въ мѣщане, по образу-же жизни они ничѣмъ не отличались отъ земледѣльцевъ, хотя и не имѣли своей земли (41).

Таковы тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя получили надѣлы отъ казны. Крестьяне бывшіе помѣщичьи обязаны своимъ происхожденіемъ прежде всего *помѣщичьей колонизаціи*, начавшейся въ восточной половинѣ губерніи немедленно послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. «Старые колонизаторы бѣжали, кто въ Крымъ, кто на Кубань, кто на Дунай. За пожалованіемъ ста тысячъ десятинъ князю Вяземскому со старой Сѣчью, началась раздача земель въ частную собственность. Шла она такъ быстро, что уже въ 1788 г. казнѣ нужно было покупать земли у частныхъ владѣльцевъ, лежавшія на пограничномъ рубежѣ съ татарами, которымъ въ то время еще принадлежала западная половина губерніи». Въ 1792 г. присоединена была и эта часть и въ ней повторилось то же, причемъ преимуществами пользовались и молдавскіе бояре, оказавшіе услуги русскимъ войскамъ въ Молдавіи. «Земли раздавались громадными участками, доходившими во многихъ случаяхъ до 25 тыс. дес., на весьма льготныхъ условіяхъ: поселить на нихъ въ десятилѣтній срокъ 1 муж. душу на каждыя 30 дес. удобной земли, причемъ указомъ 1803 г. объявлена была десятилѣтняя льгота отъ платежа податей и дачи рекрутъ. Такимъ образомъ и

шая часть крестьянства». Лишь немногіе изъ этихъ новыхъ владѣльцевъ могли переводить туда крѣпостныхъ изъ внутреннихъ губерній. Оставались двѣ группы населенія, изъ которыхъ составилось крѣпостное населеніе. Во первыхъ, закрѣпощены были тѣ вольные люди, которые издавна поселились въ Ханской Украйнѣ и платили хану «$^1/_{10}$ прибытку», а во-вторыхъ, помѣщики всѣми средствами заманивали къ себѣ разныхъ «втікачей» (а ихъ было «безчисленное множество») изъ польской и малороссійской Украйны, направлявшихся въ «Бессарабію» (вплоть до второй половины XIX в.). Имъ сначала обѣщали всякія льготы, а крѣпостными они становились послѣ того, какъ осаживались, обзаводились семьей и пожитками (46—47). Положеніе крѣпостныхъ г. Осадчій иллюстрируетъ выписками изъ подробнаго изслѣдованія губерніи офицеровъ генеральнаго штаба. Эти данныя не сообщаютъ ничего такого, что отличало-бы мѣстныя формы крѣпостного права отъ прочихъ мѣстъ Россіи. Правило о трехъ барщинныхъ дняхъ въ недѣлю далеко не соблюдалось. «Гдѣ требуется спѣшная работа, выгоняютъ на барщину на четыре, пять и даже шесть дней сряду въ счетъ барщины слѣдующей недѣли. Подобныя распоряженія казались даже вполнѣ законными какъ владѣльцамъ, такъ и крестьянамъ». Все имущество крѣпостныхъ признавалось собственностью владѣльцевъ, «но какъ по законамъ помѣщики не имѣли права отчуждать собственность крестьянина, то считали необходимымъ по крайней мѣрѣ воспользоваться ею, извлекая изъ нея возможныя выгоды».—«Для собственныхъ работъ ему оставался скотъ, изнуренный уже работами на помѣщика, а главное, чѣмъ могъ онъ вознаградить упущенное для полевыхъ работъ время?»—Далѣе, то-же оффиціальное обслѣдованіе указываетъ на нищенское состояніе помѣщеній крѣпостныхъ: «до сихъ поръ (до обслѣдованія) многія деревни состоятъ изъ гнилыхъ, темныхъ и нездоровыхъ землянокъ, какія дозволительны только при первоначальномъ заселеніи степей. Особенно отличаются этимъ деревни Ананьевскаго, Тираспольскаго и Одесскаго уѣздовъ. Исключеній въ этомъ отношеніи сравнительно немного съ массой тѣхъ деревушекъ, одинъ видъ которыхъ наводитъ тяжелое чувство». Землю для собственнаго пользованія крѣпостные получали въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ производительнымъ силамъ, но «упущеніе времени (вслѣдствіе барщинныхъ работъ) какъ для приготовленія посѣвовъ, такъ и для уборки произведеній, и составляетъ главную причину дурного положенія хлѣбопашества у крѣпостного сословія; хуже этого можно встрѣтить хозяйство только у евреевъ земледѣльцевъ». Увеличеніе размѣровъ скотоводства у крѣпостныхъ «обусловливалось лишь тѣми выгодами, какія надѣялись извлечь изъ этого помѣщики».—«Отсутствіе надежды на улучшеніе своего быта выразилось въ здѣшнемъ крѣ-

которое сдѣлалось здѣсь весьма обыкновеннымъ явленіемъ*).

Въ заключеніе этой высоко интересной главы о прошломъ крестьянъ Херсонщины авторъ приводитъ слѣдующія цифры крестьянскаго населенія и землевладѣнія губерніи наканунѣ реформы:

	% населенія:	% крестьянской земли:
Южные военные поселяне	39,8%	49,9%
Государственные крестьяне	13,9%	21,3%
Помѣщичьи »	46,3%	28,0%

Т. е. въ то время «крестьянское населеніе принадлежало на половину казнѣ (53,7%) и на половину помѣщикамъ, причемъ къ распоряженіи населенія, принадлежавшаго казнѣ, находилось около $^3/_4$ (71,2%) всѣхъ земель, находившихся въ пользованіи крестьянскаго населенія губерніи, и 28,8% у крестьянъ помѣщичьихъ».— Изъ этого вытекало несоотвѣтствіе между составомъ населенія и его землепользованіемъ; въ самомъ дѣлѣ, на душу обоего пола приходилось у первыхъ 4,0 дес., у вторыхъ 4,8 дес., а у третьихъ всего 2,0 дес., т. е. вдвое меньше, чѣмъ даже у первыхъ.— Авторъ заканчиваетъ выводомъ, что земельный просторъ долженъ бы служить прочной основой быта земледѣльца, но вліяніе другихъ факторовъ—безправія его и повинностей совершенно уничтожали для него благотворное вліяніе простора (52—53). Въ этомъ можно и не согласиться съ г. Осадчимъ: о какомъ-же просторѣ и о какомъ благотворномъ вліяніи его можетъ быть рѣчь въ томъ случаѣ, когда половина населенія губерніи обезпечена всего *двумя* десятинами на душу при широко экстенсивномъ новороссійскомъ хозяйствѣ (да еще—считая въ томъ числѣ и неудобную землю)? Конечно-же, это не просторъ, а малоземеліе. А тутъ еще «*безправіе и повинности*», о которыхъ столь краснорѣчиво сообщали офицеры генеральнаго штаба...

Рельефная и весьма содержательная картина образованія земельныхъ отношеній въ Херсонщинѣ, начертанная нашимъ авторомъ, настолько проста, ясна, настолько сильна и говоритъ сама за себя, что останавливаться на ней дольше нечего. Послѣдуемъ за г. Осадчимъ въ область пореформеннаго надѣльнаго землевладѣнія. И въ этой главѣ мы не въ состояніи слѣдить за его подробнѣйшимъ, тончайшимъ анализомъ соотвѣтственныхъ данныхъ, а постараемся уловить лишь кое-что, имѣющее болѣе общій интересъ.

Остановимся сначала на землевладѣніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Авторъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что до реформы 1861 г. въ Херсонской губерніи было совершенно ничтожно число

---

*) Осадчій, стр. 48—50 съ ссылкой на *Матерьялы для географ. и статистик. Херсонской губ.*, т. II 304, 305, 308 и 310.

абочихъ. Такъ было до 1850 г., т. е. до 9-й ревизіи, которая насчитывала въ губерніи всего 4,8% дворовыхъ. Но передъ освобожденіемъ крестьянъ въ 1858 г. 10-я ревизія констатировала сильный подъемъ этой цифры до 19,3%, т. е. почти на 15% всего населенія. Такимъ образомъ, за указанный семилѣтній періодъ тамъ образовался особый классъ людей, прежде весьма слабо развитый численно, по относительнымъ размѣрамъ своимъ опередившій соотвѣтственную категорію во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Россіи. Объясненіе этому характерному факту г. Осадчій находитъ въ слѣдующей цитатѣ изданія Центральнаго Статистическаго Комитета «*Крѣпостное населеніе въ Россіи по X народной переписи*»: «вѣроятнѣе предположить, что поводомъ къ тому были распространившіеся слухи при производствѣ послѣдней переписи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостного сословія дворовые люди будутъ выкуплены правительствомъ, или по крайней мѣрѣ изъяты изъ поземельнаго владѣнія. Естественно, что въ губерніяхъ, куда проникли подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ». Въ силу одного этого обстоятельства въ Херсонской губ., изъ 160,7 т. душъ—31,1 т. надѣловъ не получили. Но получили ихъ также далеко не всѣ изъ остальныхъ 129,6 т. Многіе изъ нихъ были отпущены помѣщиками на волю въ 1858—1861 гг., многіе записались въ мѣщане, а многіе считаются просто «отказавшимися отъ надѣловъ». Въ суммѣ *получили* надѣлы изъ числа зарегистрированныхъ 10-й ревизіей всего 72,3%, т. е. *меньше трехъ четвертей*. Процентъ этотъ по уѣздамъ колеблется между 59,4% (Тираспольскій) и 78,9% (Херсонскій). Почти $^3/_{10}$ крѣпостного населенія остались безъ надѣльной земли (72—73).

Послѣ этого замѣчанія авторъ переходитъ къ изслѣдованію того, *какъ* надѣлены были остальные быв. крѣпостные крестьяне.—Исходной точкой его разсужденій служитъ понятіе объ «указномъ» надѣлѣ. «Реформа 1861 года, говоритъ онъ, имѣла въ виду создать болѣе или менѣе правильно устроенный въ отношеніи обезпеченія землей классъ свободныхъ земледѣльцевъ, которые по ст. 5 мѣстнаго положенія, съ отведеннаго надѣла могли бы удовлетворять потребности крестьянскаго быта и исправно выполнять обязательства (подати) передъ правительствомъ и помѣщиками (оброки)». Съ такимъ разсчетомъ вырабатывалась норма «указнаго» надѣла для каждой мѣстности. Поскольку нормы эти удовлетворяли цѣли—вопросъ иной. Можетъ быть, во многихъ мѣстахъ онѣ, въ противность мнѣнію автора, не были достаточны даже для покрытія однѣхъ продовольственныхъ потребностей населенія. Но во всякомъ случаѣ

кихъ размѣровъ, который могъ сколько нибудь приближаться къ сказанному идеалу.—Далѣе, «отступленіе отъ этихъ нормъ, продолжаетъ г. Осадчій, явившееся уже результатомъ жизни» и уступки законодательства внѣшнимъ давленіямъ, прибавимъ мы отъ себя, «благодаря допущенному въ положеніи «добровольному соглашенію» крѣпостныхъ съ бывшимъ своимъ владѣльцемъ, противорѣчило стремленіямъ основныхъ началъ Положенія 1861 года». Такимъ «противорѣчіемъ» логическимъ и экономическимъ, очевидно, были всѣ уменьшенные и дарственные надѣлы. Противъ такихъ разсужденій автора возразить, конечно, ничего нельзя. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣлямъ составителей положенія и элементарной логикѣ хозяйственной политики страны.

Исходя изъ всего этого, авторъ дѣлаетъ такой подсчетъ. На основаніи данныхъ о числѣ душъ по X ревизіи съ одной стороны и на основаніи размѣра «указнаго» надѣла для разныхъ мѣстностей губерніи—съ другой, онъ опредѣляетъ число десятинъ: a) которое *должно было бы* отойти въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ, если бы всѣ ревизскія души (пока—только не дворовые) получили участки земли въ размѣрахъ по точному смыслу ст. 5 «Мѣстнаго Положенія», b) которое они *въ дѣйствительности* получили и c) разность между этими количествами. Получаются слѣдующія любопытныя цифры:

	Слѣдовало по нормѣ указнаго надѣла:	Въ дѣйствительности получили:	Недополучили.
Александрійскій уѣздъ . .	90,703 дес.	82.483 дес.	8280 дес.= 9,1%
Елисаветградскій »	127,976,5 »	109,210 »	18,766 » =14,7 »
Ананьевскій »	68,216 »	57,577,9 »	10,638 » =15,6 »
Тираспольскій »	36,050 »	31,093 »	4957 » =13,7 »
Одесскій »	54,076 »	45,955 »	8121 » =15,0 »
Херсонскій »	115,170 »	94,755,6 »	20,415 » =17,7 »
Итого	492,191 »	421,074 »	71,117 » =14,4 »

Табличка эта весьма краснорѣчива. Херсонскіе крѣпостные должны бы были по этому разсчету получить почти полмилліона десятинъ, но недополучили 71 тысячи, т. е. $^1/_7$ части ($14^1/_2$%), или того количества, которое (при среднемъ указномъ надѣлѣ по губерніи въ 4,24 дес.) было бы достаточно для полнаго надѣленія 16,773 ревизскихъ душъ. Цифра эта по уѣздамъ колеблется отъ 9,1% въ Александрійскомъ уѣздѣ до 17,7% въ Херсонскомъ.

Перемѣщая эти цифры по другой системѣ—не по уѣздамъ, какъ приведено, а по мѣстностямъ съ различной нормой указнаго надѣла, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Нарѣзанное въ дѣйствительности количество земли составляетъ процентовъ разсчитаннаго по указной нормѣ:

» 4,0	»	87,4%
» 4,5	»	79,2%
» 5,0	»	79,4%
» 5,5	»	83,1%
	Среднее . . .	85,55%

Т. е. даже мѣстности съ наименьшими указными надѣлами (3,5 и 4,0 дес.) не дополучили 11—12% нормы, а мѣстности съ средними нормами (4,5 и 5,0 дес.)—болѣе $^1/_5$ части (20%). Доказательствомъ того, что въ такомъ разсчетѣ нѣтъ ни малѣйшей натяжки, можетъ служить слѣдующее обстоятельство. «Изслѣдованіе генеральнаго штаба передъ реформой опредѣляло по массовымъ наблюденіямъ надъ бытомъ этой группы населенія душевой надѣлъ въ среднемъ 4 дес., немногимъ (всего на $^1/_{20}$) высшій надѣлъ опредѣлило и Положеніе. Не нужно, однако, забывать, что въ то время населеніе съ такой же величины надѣла должно было извлекать только пропитаніе: на него не ложился ни высокій денежный оброкъ, ни выкупные платежи».

До сихъ поръ рѣчь шла объ одномъ надѣльномъ населеніи. Въ разсчетъ не были введены «дворовые». Но уже было упомянуто, что въ Херсонской губерніи перечисленіе помѣщиками землепашцевъ въ дворовые имѣло лишь одну цѣль—уклониться отъ нарѣзки имъ надѣловъ. И законъ признавалъ такое перечисленіе ненормальнымъ (запретивъ его послѣ X ревизіи), и фактически оно было «въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь бумажнымъ» въ виду большого недостатка тамъ въ то время рабочей силы для земледѣлія. Такъ что на практикѣ дворовый силою вещей оставался земледѣльцемъ и послѣ своего переименованія, но съ тою только разницей, что при освобожденіи не получалъ надѣла, въ которомъ нуждался ни чуть не менѣе своего надѣльнаго собрата. Поэтому нашъ авторъ дѣлаетъ рядомъ другое расчисленіе недополученной въ Херсонской губерніи земли не только одними надѣльными крестьянами, но вмѣстѣ съ дворовыми. Вотъ результаты этого подсчета. Отношеніе доставшагося въ надѣлъ количества земли къ количеству, разсчитанному на все ревизское крѣпостное населеніе, таково. Доставшееся въ надѣлъ составляетъ послѣдняго:

въ Александрійскомъ	уѣздѣ	67,3%
» Елизаветградскомъ	»	64,3%
» Ананьевскомъ	»	53,8%
» Тираспольскомъ	»	51,9%
» Одесскомъ	»	58,5%
» Херсонскомъ	»	64,6%

въ среднемъ по губерніи—62,0%.

5-й Мѣстнаго Положенія нужнымъ для его продовольствія и исполненія имъ его обязательствъ передъ правительствомъ и помѣщиками. Этотъ выводъ, вытекающій изъ подсчета г. Осадчаго, имѣетъ, конечно, огромную важность не только для одной губерніи. Сказанная цифра колеблется въ разныхъ уѣздахъ отъ *одной трети* (Александрійскій) *почти* до *половины* (Тираспольскій) всей территоріи, которая должна была бы, согласно духу Положенія, поступить въ пользованіе бывшихъ крѣпостныхъ (стр. 74—78).

Возвращаясь опять къ предшествующей поуѣздной табличкѣ, касающейся одного надѣльнаго населенія, можно замѣтить, что количество недополученной имъ земли колеблется вокругъ средней (14,4%) не особенно много: оно опускается въ одну сторону до 9,1% и поднимается въ другую—до 17,7%, т. е. предѣлы колебаній не достигаютъ и 9%. Въ такомъ явленіи замѣчается, слѣдовательно, закономѣрность, а между тѣмъ это, какъ извѣстно, результаты «добровольныхъ соглашеній» крестьянъ съ бывшими владѣльцами. Очевидно, во всѣхъ уѣздахъ въ данномъ случаѣ должны были дѣйствовать и одинаковыя причины. «Главнѣйшею и почти единственною причиною, говоритъ г. Осадчій, былъ непомѣрно высокій оброкъ, установленный въ одинаковомъ размѣрѣ по всей губерніи за душевой надѣлъ». «Населеніе, стремясь возможно скорѣе покончить всякія обязательственныя отношенія съ прежними владѣльцами, или вслѣдствіе того, что это отношенія были тягостны для него, или же по мнимой боязни возвращенія крѣпостного права, соглашались не только на четвертной или дарственный надѣлъ, освобождавшій населеніе отъ всякихъ оброковъ и даже выкупа, но и на уменьшенные, такъ называемые третные надѣлы. Выгоды населенія въ послѣднемъ случаѣ были тѣ, что при полученіи третныхъ надѣловъ, оно переходило на выкупъ въ разрядъ собственниковъ, освобождаясь отъ тягостныхъ для него временно-обязанныхъ отношеній» (84—5).

Какъ на одно изъ послѣдствій этихъ особенностей надѣленія землей бывшихъ крѣпостныхъ, авторъ указываетъ на зависимость прироста населенія отъ колебаній процента ревизскаго населенія, получившаго надѣлы. Зависимость эта въ самомъ дѣлѣ выступаетъ съ поразительной ясностью изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ:

Уѣзды:	Приростъ населенія 1858—1887 гг.	% ревизск. населенія получивш. надѣлы.
Херсонскій	34,4%	78,8%
Александрійскій . .	28,8%	74,1%
Елисаветградскій .	27,9%	76,1%
Одесскій	24,8%	69,0%
Ананьевскій . . .	24,3%	65,4%
Тираспольскій . .	14,2%	58,7% (стр. 89).

второго столбца приэтомъ расположились въ томъ же уменьшающемся порядкѣ (небольшое отступленіе въ Елизаветградскомъ уѣздѣ). Т. е. чѣмъ большая часть ревизскаго населенія получила надѣлы, тѣмъ выше и приростъ населенія. Гдѣ первое количество достигаетъ почти до 80%, тамъ и приростъ населенія—больше $^1/_3$ за 30 лѣтъ, а гдѣ первое опускается ниже 60%, тамъ и послѣдній ниже 15%. Это соотвѣтствіе бросается въ глаза своей очевидной ясностью.

Но тѣмъ не менѣе, населеніе всетаки вездѣ ростетъ и не переставало возростать со времени X ревизіи. Въ то же время размѣры крестьянскаго землепользованія, вслѣдствіе отрѣзокъ, имѣвшихъ мѣсто при реформѣ земельныхъ отношеній всѣхъ группъ крестьянскаго населенія, значительно *уменьшились*. Сравнивая число десятинъ такого землепользованія въ 1850 г. съ числомъ десятинъ, въ 1884—1887 гг., г. Осадчій устанавливаетъ размѣръ сокращенія для уѣздовъ:

Ананьевскаго въ	20,8%
Тираспольскаго въ	20,1%
Александрійскаго въ	15,6%
Одесскаго въ	14,6%
Елизаветградскаго въ	6,5%
Херсонскаго *увеличеніе* въ	7,1%
Уменьшеніе по губерніи	8,8%

Очевидно, уѣзды по этому признаку дѣлятся на двѣ категоріи. Въ первой, состоящей изъ четырехъ уѣздовъ (Ананьевскаго, Тираспольскаго, Александрійскаго и Одесскаго), размѣръ уменьшенія крестьянскаго землевладѣнія составляетъ 15—20% той-же территоріи 1850 г., а въ среднемъ для нихъ—17,5%, т. е. *болѣе одной шестой* части. Во второй категоріи, состоящей изъ двухъ уѣздовъ (Елисаветградскаго и Херсонскаго), пониженіе или незначительно, или переходитъ въ повышеніе вслѣдствіи того, что послѣ реформы поселенцамъ отведено 137.029,9 дес, вошедшихъ въ общій счетъ. «Но если исключить это пространство, какъ доставшееся не коренному населенію, не существовавшему въ территоріи уѣзда въ 1858 г., то уменьшеніе размѣра землепользованія и здѣсь достигнетъ 12,6% по обоимъ уѣздамъ» (96—97).

Но если населеніе растетъ, а землевладѣніе уменьшилось, то размѣры земельнаго обезпеченія единицы населенія должны сокращаться, что въ дѣйствительности и наблюдается. Въ самомъ дѣлѣ:

	въ 1858 г.	въ 1884—87 гг.	пользованія.
бывш. южн. воен. посел.	8,0	4,5	56,2%
бывш. государ. крестьяне	9,6	4,7	49,0%
бывшіе помѣщичьи . . .	4,0	2,0	50,0%
Всѣ группы. . . .	6,4	3,55	55,5%.

«Душевой размѣръ земли такимъ образомъ сократился по всѣмъ группамъ почти вдвое; незначительное уклоненіе отъ этого представляютъ только бывшіе южные военные поселяне, у которыхъ на душу осталось 56,2% прежняго размѣра. У государственныхъ крестьянъ и бывшихъ помѣщичьихъ уменьшеніе послѣдовало въ одинаковой мѣрѣ, но дѣло въ томъ, что у первыхъ двухъ группъ уменьшался размѣръ вдвое высшій, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ».—Въ предѣлахъ отдѣльныхъ уѣздовъ соотвѣтственныя цифры колеблются весьма немного (до 8%) въ зависимости отъ преобладанія въ нихъ той или другой изъ названныхъ крестьянскихъ группъ (97—98).

Наконецъ, заканчивая главу о пореформенномъ надѣленіи крестьянъ землею, г. Осадчій дѣлаетъ попытку установить среднее распредѣленіе надѣльной земли между домохозяевами *внутри* общинъ. «Распредѣленіе это по группамъ, получившимъ надѣлы отъ казны, *съ теченіемъ времени дѣлается все болѣе и болѣе справедливымъ, равномѣрнымъ, наиболѣе удовлетворяющимъ потребностямъ населенія*». Эти слова автора я подчеркиваю, придавая имъ огромное значеніе. Ниже мы познакомимся съ общинными порядками въ Херсонской губ. и тогда намъ станетъ понятной эта тирада, которую иные читатели теперь готовы были-бы встрѣтить скептически. *Поэтому* авторъ не останавливается на распредѣленіи земель внутри общинъ между домохозяевами этихъ группъ, а приводитъ лишь данныя о такомъ распредѣленіи среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Данныя эти касаются не только надѣльной, но и купленной земли въ сѣверной половинѣ губерніи (уѣзды Александрійскій, Елисаветградскій и Ананьевскій).

Изъ соотвѣтственной таблички оказывается, что процентъ *безземельныхъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ тамъ болѣе или менѣе одинаковъ—7,1—8,8%, въ среднемъ для полосы—8,1%. Обращаясь затѣмъ къ фактическимъ владѣльцамъ, пользующимся надѣльной землей, видимъ, что громадное ихъ большинство—70%—имѣютъ выше 2 и до 6 десят., что составляетъ въ среднемъ 4,5 дес. на хозяйство. Средняя-же для всей группы—4,7 дес. «Такимъ образомъ, выходитъ, что между нашими выводами, говоритъ авторъ, и *средними существующими въ дѣйствительности* даже по такой группѣ, гдѣ не существуетъ коренныхъ передѣловъ и равненія, разницы почти никакой нѣтъ».—«У бывшихъ военныхъ поселянъ,

исключительно на общества, не осуществляющія коренныхъ передѣловъ». Обѣ среднія и у нихъ въ уѣздахъ Александрійскомъ и Ананьевскомъ также весьма близки между собой (101).—Очевидно, крупной неравномѣрности распредѣленія землевладѣнія у нихъ не замѣчается. Ниже мы увидимъ, что жизнеспособность общины продолжаетъ тамъ сглаживать и тѣ различія, которыя замѣчены выше.

Слѣдующая глава книжки г. Осадчаго озаглавлена: «Нормы крестьянскаго землевладѣнія». Въ ней онъ дѣлаетъ попытку усчитать минимальную норму владѣнія землей, необходимую для удовлетворенія потребностей земледѣльца въ Херсонской губерніи. Оно и логично. Сначала онъ показалъ намъ, *что было*; потомъ—*что есть*; теперь ему необходимо критически освѣтить существующіе размѣры владѣнія сопоставленіемъ того, что есть, съ потребностями, изслѣдованіемъ того, *что должно быть*.

Въ губерніи заработки играютъ весьма слабую роль. Относить на ихъ счетъ для всей массы населенія такіе существенные расходы, какъ поддержаніе работоспособности хозяйства, одежды и проч., по мнѣнію автора, не слѣдовало-бы, такъ какъ они въ дѣйствительности по большей части пополняются только отъ земледѣлія. Но такъ какъ расходы эти усчитать довольно трудно, то г. Осадчій останавливается только на опредѣленіи двухъ главнѣйшихъ статей расхода—*питанія и податей*. «Ограничившись этими двумя потребностями, мы можемъ дѣлать болѣе приближающіеся къ точности выводы, которые врядъ-ли можно назвать субъективными» (104—105).

Продовольственной нормой принята 18 пуд. на душу, или 95,4 пуд. всѣхъ хлѣбовъ на всю семью, считая средній составъ ея для Херсонской губ. 5,3 души обоего пола. Норма эта признается обыкновенно минимальною. Въ опредѣленіи ея онъ сошелся съ изслѣдователями Воронежской и Полтавской губерній.

Потребности налоговыя опредѣляются суммами государственнаго поземельнаго налога, выкупныхъ платежей, земскихъ, страховыхъ и мірскихъ (волостного и сельскаго сборовъ). Эти общія суммы рублей переводятся на хлѣбъ (по среднимъ хлѣбнымъ цѣнамъ за десятилѣтіе 1881—91 гг.).

Тщательное изслѣдованіе того количества *хлѣба*, которое *можетъ* получить крестьянство Херсонской губ. съ своихъ надѣльныхъ земель (по даннымъ о среднихъ урожаяхъ за девять лѣтъ 1883—1892 гг.), показываетъ, что валовой сборъ хлѣба (24,5 милл. пуд.), пополняя пищевую потребность крестьянскаго населенія (20,2 милл. пуд.), образуетъ остатокъ на пополненіе податной потребности—4,3 милл. пуд. *).

*) Сопоставляя податную и пищевую потребность крестьянства, авторъ находитъ, что всѣ группы крестьянъ (кромѣ поселенцевъ) несутъ подат-

не 4,3 милл. пуд., а 5,85 милл. и общій валовой сборъ должен равняться поэтому не 24,5 милл., а 26,1 милл. пуд. на покрытіе только этихъ двухъ статей расхода. Переводя эту сумму на посѣвную площадь (по упомянутымъ даннымъ о среднихъ урожаяхъ) и расчисляя названную общую цифру по разрядамъ крестьянъ, авторъ строитъ слѣдующую табличку:

	Десятинъ земли на дворъ: пахатной		всей	
	есть.	нужно.	есть.	нужно.
Быв. южн. военные поселяне . .	7,7	6,2	12,0	9,7
» государств. крестьяне . . .	8,0	6,2	12,4	9,7
Поселенцы	6,7	7,2	10,5	11,2
Бывш. помѣщичьи крестьяне . .	3,5	6,0	5,4	9,3

Т. е. у однихъ группъ, болѣе многоземельныхъ, имѣется излишекъ всей земли противъ указанной нормы (+), а у другихъ, малоземельныхъ—недостача (—), а именно:

у бывш. южн. военныхъ поселянъ . + 2,3 дес. = + 23,7% нормы,
» » государствен. крестьянъ . + 2,7 » = + 27,8% »
» » поселенцевъ . . . . . — 0,7 » = — 6,2% »
» » помѣщичьихъ крестьянъ . — 3,9 » = — 41,9% »

Эти погубернскія цифры допускаютъ еще значительныя колебанія при раздѣленіи на двѣ полосы—сѣверную и южную. Въ первой и быв. государственные крестьяне имѣютъ недочетъ въ 4,8%, недочетъ поселенцевъ возвышается до 9,5%, а бывш. помѣщичьихъ крестьянъ—до 45,3%. Цифры для южной полосы нѣсколько меньше погубернскихъ.

Очевидно, наибольшая недостача земли наблюдается у быв. помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ не хватаетъ для удовлетворенія пищевой и податной потребности безъ малаго половины земли. Детализируя поэтому данныя по отдѣльнымъ группамъ, на которыя распадается послѣдній разрядъ, авторъ получаетъ цифры земельнаго недочета противъ нормы у получившихъ полные надѣлы — 33,3%, у получившихъ уменьшенные надѣлы — 58,1%, а у дарственниковъ—74,7%, т. е. у первыхъ не хватаетъ на дворъ *одной трети* нужной имъ для указанныхъ только цѣлей земли, у вторыхъ—почти *двухъ пятыхъ*, а у третьихъ—коллосальной величины—*трехъ четвертей*.

Сообразно сказанному, упомянутыя группы крестьянскаго населенія, принимая въ разсчетъ *только* продовольственныя и податныя потребности, имѣютъ:

ную тягость въ размѣрѣ $^1/_4$ — $^1/_3$ пищевой потребности, или «крестьянинъ работаетъ три-четыре дня на пропитаніе себя, а четвертый-пятый день—на уплату податей — *и это только одни прямые налоги безъ косвенныхъ, которые въ общей сложности превышаютъ сумму прямыхъ*» (113).

Бывш. южн. военн. поселяне . .	204.932,9		поселенцы	22.144,2
» государственн. крестьяне . .	98.029,7		быв. помѣщичьи крестьяне.	319.208,0
Итого .	302.962,6		Итого . . .	341.352,2

Но эти разсчеты отбрасываютъ *всѣ остальные* расходы крестьянскаго двора, какъ бы необходимы они ни были. Здѣсь нѣтъ ни починки, ни пополненія рабочаго инвентаря живого и мертваго, построекъ, одежды, утвари, здѣсь нѣтъ свадебъ, расходовъ церковныхъ, разнаго рода несчастныхъ случаевъ, сдачи рекрутъ и проч. и проч. Нашъ авторъ не слѣдуетъ примѣру воронежскихъ статистиковъ и не пытается установить средній бюджетъ средней семьи, о чемъ приходится весьма сильно пожалѣть, ибо думается, что такая задача была бы ему весьма посильной. Напрасно онъ ужъ такъ чрезмѣрно старается отбросить свой субъективный опытъ и болѣе всего хлопочетъ о безукоризненной «объективности» выводовъ. Собственно говоря, эти термины «субъективный» и «объективный», которые г. Осадчій часто употребляетъ, едва-ли здѣсь умѣстны. Очевидно, въ данномъ случаѣ можетъ быть различіе только между исчерпывающими и отрывочными данными. Если состояніе нашихъ знаній не допускаетъ наличности по какому-нибудь вопросу первыхъ, можно же и даже должно сообщать читателю съ соотвѣтственными оговорками и вторыя. И эти способны пролить свѣтъ на многое, дать понятіе о томъ, что представляетъ безъ того tabulam rasam. Все это примѣнимо къ настоящей главѣ книжки г. Осадчаго. Нѣтъ сомнѣнія, что его близкое знакомство съ крестьянскимъ бытомъ хотя бы тѣхъ общинъ, примѣрами которыхъ онъ иллюстрируетъ свой послѣдующій выводъ, дало бы ему возможность составить приблизительные бюджеты хотя бы для двухъ главныхъ полосъ губерніи (сѣверной и южной), что служило бы весьма и весьма цѣннымъ дополненіемъ и завершеніемъ его блестящей третьей главы.

Такихъ бюджетовъ авторъ, однако, не далъ; но окольными путями, на основаніи фактическихъ иллюстрацій, онъ находитъ возможнымъ установить средніе размѣры землевладѣнія, необходимые для удовлетворенія потребностей средняго крестьянскаго двора губерніи. Такими размѣрами, по его мнѣнію, служатъ участки; для сѣверной полосы около 15 дес., для южной—около 20 дес. (стр. 104—123).

Руководствуясь этими цифрами и на основаніи таблички наличнаго средняго землевладѣнія крестьянскихъ дворовъ разныхъ группъ (стр. 115), можно вывести слѣдующія данныя о недостачѣ земель у крестьянъ Херсонской губ. На одинъ дворъ въ среднемъ

	Сѣверная полоса.	Южная полоса.
У бывшихъ южныхъ военныхъ поселянъ . .	3,9	3,3
» » государственныхъ крестьянъ . .	6,6	6,1
» поселенцевъ	5,5	8.0
» бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	10,3	13,2

«Къ такимъ выводамъ долженъ прійти всякій изслѣдователь нашего крестьянскаго хозяйства, *предъявляющій самыя скромныя требованія*» *), прибавляетъ авторъ.

Вотъ что называется «земельный просторъ» въ «многоземельной» «житницѣ Россіи», въ широкихъ степяхъ Херсонщины...

За недостаткомъ мѣста опускаемъ главу о крестьянскихъ платежахъ и повинностяхъ, въ которой, однако, читатель найдетъ немало цѣннаго и поучительнаго, и переходимъ къ пятой главѣ работы г. Осадчаго—къ формамъ внутренняго распредѣленія надѣльнаго землевладѣнія, т. е. къ распорядкамъ херсонской общины. Глава эта не менѣе, если не болѣе, преисполнена весьма серьезнаго научнаго и практическаго значенія. Она бьетъ въ одно изъ больныхъ мѣстъ нашей современности—даетъ цѣннѣйшій матеріалъ для сужденія о живучести и объ условіяхъ этой живучести общины, и не великорусской, не гдѣ нибудь около Москвы, или на Волгѣ, а среди разноплеменнаго населенія, собравшагося еще весьма недавно «съ бору да съ сосенки» въ одной изъ Новороссійскихъ губерній. Прислушаемся же съ особымъ вниманіемъ къ нашему автору, изслѣдователю и знатоку мѣстной народной жизни, такъ сильно дорожащему объективностью изложенія.

Вскорѣ послѣ реформы, говоритъ онъ, въ области порядковъ землепользованія было много безпорядочнаго, неосмысленнаго, печальные результаты котораго еще до сихъ поръ имѣютъ значеніе въ крестьянской жизни, особенно у быв. военныхъ поселянъ и быв. помѣщичьихъ крестьянъ. Одни государственные крестьяне въ прежнее время имѣли возможность совершать періодическіе передѣлы земли на наличное населеніе и уравнивать своихъ членовъ въ пользованіи надѣльной землей. Но даже и они въ этомъ случаѣ испытывали ограниченія и регламентацію. Что-же касается до остальныхъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ группъ херсонскаго крестьянства, то о самостоятельности ихъ въ порядкахъ землепользованія въ прошломъ не могло быть и рѣчи; у военныхъ поселянъ распоряжался вахмистръ, у крѣпостныхъ—помѣщикъ. Такое положеніе длилось тамъ болѣе полувѣка. Хаотическое землепользованіе пустило поэтому такіе глубокіе корни въ жизнь, что освобожденное отъ посторонней опеки—чиновника, вахмистра и помѣщика—насе-

*) Курсивъ автора.

дать прочные порядки внутренняго распредѣленія надѣльной землей. По традиціи-же оно привыкло ожидать чьего либо вмѣшательства въ сферу этой жизни, почему, при отсутствіи такого вмѣшательства, стало опираться на послѣднемъ моментѣ регламентаціи, схоронившемъ навсегда дореформенную жизнь». Такимъ послѣднимъ моментомъ былъ отводъ постоянныхъ надѣловъ *на ревизскія души*. Этотъ разсчетъ надѣловъ авторъ называетъ чисто теоретическимъ въ глазахъ законодателя. Вѣрнѣе сказать—число ревизскихъ душъ предполагалось въ моментъ реформы приблизительно равнымъ числу наличныхъ. Это было, конечно, довольно грубое приближеніе къ дѣйствительной цифрѣ, но за отсутствіемъ болѣе чувствительныхъ статистическихъ аппаратовъ приходилось поневолѣ довольствоваться и имъ. Это не былъ теоретическій разсчетъ—это была необходимость.—Однако, сущность закона не была, да и не могла быть сразу понята населеніемъ, два-три поколѣнія котораго пріучены были жить на положеніи полу-дѣтей, полу-рабовъ. Надѣленіе землей *на ревизскія души* было принято вначалѣ, какъ нѣчто обязательное. Но дальнѣйшія обстоятельства вступили въ борьбу съ этимъ порядкомъ. «Процессъ формированія внутреннихъ земельныхъ порядковъ безостановочно совершался втеченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ пореформенной жизни и совсѣмъ еще не закончился, хотя и намѣчены пути къ его окончанію». Сначала, пока земельная тѣснота не давала себя такъ сильно чувствовать, пока можно было получать землю въ наемъ на сторонѣ по не высокимъ цѣнамъ, борьба эта была слабой и вообще потребность въ ней чувствовалась меньше. Оно и понятно, прибавимъ мы; ненормальность ревизской разверстки начинала сказываться лишь съ теченіемъ времени, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше (вслѣдствіе прироста населенія и разныхъ другихъ измѣненій въ личномъ составѣ общинъ) удалялось число наличныхъ душъ отъ числа ревизскихъ съ одной стороны и чѣмъ болѣе трудными становились арендныя условія—съ другой. По мѣрѣ того какъ тѣснота въ землѣ стала чувствоваться у всѣхъ группъ, достигнувъ наибольшей степени у быв. помѣщичьихъ, по мѣрѣ этого—«процессъ формированія порядковъ внутренняго распредѣленія надѣльной земли совершался быстрѣе, чѣмъ прежде; борьба въ средѣ обществъ за болѣе справедливое распредѣленіе общественной земли стала обостряться сильнѣе, отчасти развивались и правовыя понятія у крестьянъ» (171—72).

Многое измѣнилось: регулированіе землепользованія путемъ періодическихъ передѣловъ и бережливое отношеніе къ землѣ у наиболѣе многочисленныхъ группъ (быв. военные поселяне и быв. помѣщичьи) подвинулось впередъ.

Особый интересъ въ этомъ направленіи представляетъ группа быв. военныхъ поселянъ. Они—и многочисленнѣе, и состоятельнѣе другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ распорядкахъ до самыхъ

названная группа наслѣдовала распредѣленіе домохозяевъ на богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ (вспомнимъ хозяевъ 1-го разряда, 2-го разряда и нехозяевъ), пользовавшихся далеко неодинаковымъ количествомъ надѣльной земли. При освобожденіи отъ солдатскаго режима населеніе подѣлило землю по ревизскимъ душамъ. Но такъ какъ у большинства хозяевъ не было никакого тягла, то фактически земля стала скопляться въ рукахъ тягловыхъ хозяевъ—и преимущественно въ рукахъ «богатырей», которые, при усиленномъ предложеніи въ съемку надѣльной земли, получали ее за уплату однихъ только платежей. Надѣлы вымороченные и «безродные», надѣлы, достававшіеся далекимъ родственникамъ отъ умершихъ владѣльцевъ и т. п.—всѣми мѣрами стекались въ руки богачей, такъ какъ мірская и волостная власть находилась въ ихъ рукахъ. «Традиціи военно-поселенческаго режима отдавали большое преимущество въ дѣлахъ хозяйственной жизни и въ дѣлахъ управленія «хорошему хозяину», т. е. зажиточному богачу, передъ бѣднякомъ, который въ глазахъ этого режима ровно никакого значенія не имѣлъ.—Вслѣдствіе всего этого «внутренніе земельные порядки долгое время послѣ реформы не прогрессировали, а, напротивъ осложнялись по мѣрѣ того, какъ вымирало ревизское населеніе, оставляя надѣлы богачамъ или родственникамъ, между которыми нерѣдко возникали большія пререканія, выдвигивавшія на видъ сельской громадѣ происходящій въ этой области хаосъ».

Между тѣмъ наростала молодежь, частью малоземельная, частью безземельная, которая оказывалась вынужденной снискивать себѣ пропитаніе батрачествомъ у «дукачей». Этому-то новому населенію деревни община и обязана началомъ борьбы «за уравненіе». Борьба была продолжительна и упорна. Прежніе порядки были дороги не только однимъ богачамъ, «запосѣвшимъ» надѣлы бѣдняковъ и вымороченные, но и среднимъ хозяевамъ—старикамъ, выплачивавшимъ за свою землю разнаго рода платежи со времени освобожденія *). Ко всему этому присоединялась и инертность, и незнакомство крестьянъ съ своими правами. Ждали новой ревизіи, полагая, что тогда *прикажутъ* надѣлить землей всѣхъ, родившихся послѣ X ревизіи; вѣдь въ прежнее время безъ приказанія общество ничего не смѣло предпринимать. Но время шло, ревизіи не было, начальство не приказывало передѣлять земли, а потребности молодежи наростали и борьба обострялась. Тамъ, гдѣ имѣлся нѣсколько большій земельный просторъ у быв. военныхъ поселянъ, сопротивленіе оппозиціи было сломлено только во второй половинѣ 80-хъ годовъ и въ

---

*) «Цілий віка кровь проливав, вистрадавъ за наділ, тридцать літ оплачував, сорочку иноді продавав, а теперь отдай его молодежену, що ще ніякого горя не знае».

надѣлы по крайней мѣрѣ въ полтора раза меньшіе, гдѣ съиграла въ данномъ случаѣ роль и болѣе высокая ступень умственнаго развитія малоруссовъ, бѣдняки скорѣе добились желанной эволюціи въ общинныхъ отношеніяхъ. Еще *до* восьмидесятыхъ годовъ, быв. военно-поселенскія общины по рр. Синюхѣ и Тясмину и близь лежащія приступили къ равненію путемъ коренныхъ передѣловъ. При этихъ первыхъ передѣлахъ земля разверстывалась или на наличныя души м. п. или на наличныя хозяйства по зажиточности, по состоянію (хозяйственной способности). Но уже и тогда послѣдній критерій не былъ всеобщимъ; «и тогда уже въ большинствѣ обществъ передѣлы начинали совершаться на наличныя души м. п., *а въ настоящее* время такой порядокъ можно считать господствующимъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ уже тогда дѣлили землю «по совѣсти, принимая во вниманіе и нужду и платежную способность хозяина». По словамъ основного изслѣдованія того-же уѣзда, «общество, совершая передѣлы не на души, а на хозяйство по совѣсти, стремилось во первыхъ къ тому, чтобы хозяйство способно было обрабатывать полученную землю своимъ трудомъ, во-вторыхъ, чтобы прекратить разросшуюся спекуляцію надѣлами, т. е. отдачу въ аренду и сдачу послѣднихъ бѣдняками богачамъ за деньги».

Таковъ былъ первый шагъ на пути къ равненію земли въ этихъ общинахъ. Но на этомъ указанная тенденція не остановилась. При разверсткѣ земли по наличнымъ душамъ одного *мужскаго пола* все же возникаетъ, какъ извѣстно, немало неудобствъ, несправедливостей: бываютъ обдѣлены хозяйства съ преобладающимъ женскимъ составомъ семьи. «Мысль крестьянина идетъ дальше: *уже замѣтно стремленіе у военныхъ поселянъ совершать болѣе справедливое распредѣленіе земли на наличныя души обоего пола, привлекая къ надѣлу и женщинъ*». Такихъ передѣловъ пока еще немного, но наличность ихъ и въ особенности появленіе ихъ *въ самые послѣдніе годы* служитъ показателемъ огромной важности тѣхъ процессовъ, которые имѣютъ мѣсто *теперь* въ общинѣ того края—въ той общинѣ, которая едва-едва начинаетъ, какъ мы видѣли, выходитъ изъ пеленокъ, изъ подъ традицій прежней опеки и вступать на самостоятельный путь.

Такъ стоитъ дѣло въ Александрійскомъ, Елисаветградскомъ и Ананьевскомъ уѣздахъ у б. военныхъ поселянъ. Встрѣчаются еще обломки прежняго—передѣлы на ревизскую душу, господствуетъ разверстка на наличную душу м. п., пробивается уже—разверстка на души обоего пола.

Нѣсколько иное положеніе, какъ сказано, имѣется въ Побужьѣ (части Елисаветградскаго и Херсонскаго уѣздовъ). Коренные передѣлы до 1890 г. встрѣчаются здѣсь лишь въ видѣ исключенія и то главнымъ образомъ у степныхъ селеній Херсонскаго уѣзда, недавно

Во всей же этой области борьба за передѣлы началась съ 1885 г. Началось съ того, что на пользователей вымороченными надѣлами наложили извѣстную плату (напр. 10—15 р.); затѣмъ надѣлы эти стали отбирать и распредѣлять между безземельными. Но требованіе коренного передѣла росло все болѣе и болѣе, выражаясь между прочимъ весьма бурными сценами на сходахъ и просьбами по начальству. Наконецъ съ 1893 г. *начался рядъ передѣловъ на наличныя души.* Сверхъ того авторъ прибавляетъ: «при *посѣщеніи нашемъ настоящей* весной Побужья *) и прилегающей къ нему степной мѣстности, вездѣ можно было наблюдать толки *о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи между обществами надѣльной земли*». Эти толки также весьма характерны: общинныя тенденціи, пробужденію которыхъ данъ былъ толчекъ возрастающей земельной тѣснотой, расширяютъ кругозоръ населенія, заставляя его смотрѣть за предѣлы одного села, одной общины. Наконецъ, любопытную схему ближайшей эволюціи общинныхъ отношеній приводитъ г. Осадчій въ томъ предположительномъ видѣ, въ которомъ она сложилась въ мысли крестьянъ въ одномъ селѣ (Солономъ), не покинувшемъ еще прежней системы: первымъ шагомъ будетъ отобрать вымороченные надѣлы и надѣлить молодыхъ хозяевъ; только засимъ уже будетъ приступлено къ коренному передѣлу, ибо во-первыхъ для этого надобно выписать землемѣра, а во-вторыхъ—*нужно будетъ дѣлить землю и на мужскія, и на женскія души.*

Таковы порядки у наиболѣе интересной въ этомъ отношеніи крестьянской группы, б. военныхъ поселянъ. «Порядки эти, заключаетъ авторъ, въ настоящее время вездѣ совершенствуются растущимъ у населенія сознаніемъ справедливаго и безобиднаго распредѣленія общественной надѣльной земли. Чѣмъ дальше отходитъ прошлая тяжелая жизнь въ область преданія, тѣмъ скорѣе вымираетъ поколѣніе, которому надѣльная земля досталась цѣною большихъ жертвъ, и выступаетъ на сцену молодое поколѣніе, у котораго жизнь развила хотя въ слабой степени зачатки общественности и справедливости, и пагубному индивидуализму и общественной пассивности, созданнымъ военно-поселенческимъ режимомъ, наносится смертельный ударъ» (173—178).

У быв. государственныхъ крестьянъ основные мотивы, приводящіе къ передѣламъ, и улучшеніе самихъ системъ, разверстка въ общихъ чертахъ тѣ-же, съ которыми мы познакомились сейчасъ у быв. военныхъ поселянъ. Та же борьба безземельной и малоземельной молодежи съ богачами, скопившими у себя большое число надѣловъ, то-же исканіе болѣе справедливыхъ пріемовъ распредѣленія земли, тѣ-же ошибки, поправки и совершенствованіе. Но эта груп-

*) Книга издана въ 1894 г.

отношеній (землепользованіе по ревизскимъ душамъ и концентрація надѣловъ), и во-вторыхъ и эволюціонировала легче, безъ тѣхъ ожесточенныхъ споровъ, какіе мы видѣли выше. Это происходило какъ оттого, что населеніе уже раньше было знакомо съ техникой передѣловъ, такъ и оттого, что поселенія у государств. крестьянъ менѣе обширны. Авторъ убѣжденъ, что можно съ увѣренностью полагать, что эта группа раньше, чѣмъ другія, выработаетъ способы наиболѣе справедливого распредѣленія общественной земли. А это здѣсь дѣло не легкое. И по новости, и по обширности передѣляемой территоріи (при большихъ селеніяхъ напр. въ нѣсколько тысячъ душъ), и по разнообразіямъ почвы, и по другимъ сложнымъ причинамъ — передѣлъ въ Херсонщинѣ (прибавимъ—и вообще въ Новороссіи) сопряженъ съ гораздо большими трудностями, чѣмъ во внутренней Россіи, гдѣ эта общинная операція практикуется испоконъ вѣка и очень хорошо извѣстна населенію. Даже въ общинахъ, производившихъ передѣлы еще до реформы, громада бьется иной разъ нѣсколько лѣтъ, пока рѣшитъ передѣлъ. «Черезъ годъ, два—оказывается, что несмотря на всѣ предосторожности, при передѣлѣ сдѣланы большіе промахи (напр. толока не подѣлена, или подѣлена не такъ, какъ-бы слѣдовало, не приняты во вниманіе «женскіе рты» или хозяйки-вдовы и пр.); является, слѣдовательно, надобность во вторичномъ, болѣе совершенномъ передѣлѣ». Приведеніе въ исполненіе этой мысли, конечно, тормозится тѣми общинниками, которымъ новый передѣлъ невыгоденъ. Проходитъ иной разъ нѣсколько лѣтъ, передѣлъ повторяется, и уже болѣе легко и съ лучшими результатами, чѣмъ прежній и т. д. Большое количество общинъ быв. государств. крестьянъ уже повторило коренные передѣлы нѣсколько разъ со времени реформы. Необходимо прибавить, что при переверсткахъ повсемѣстно практикуется въ Херсонской губ. безсмѣнное пользованіе тѣми угодьями, къ которымъ приложенъ домохозяиномъ какой либо особый трудъ и затраты: разведенъ садъ, виноградникъ и проч. (178—184).

Что касается до быв. помѣщичьихъ крестьянъ, то они въ этомъ отношеніи значительно отличаются отъ предшествующихъ группъ, вслѣдствіе особенностей своего землевладѣнія. Прежде всего, до реформы они не только не знали коренныхъ передѣловъ, но и сколько нибудь опредѣленнаго количества отводимой имъ для пользованія земли, которую они получали отдѣльными клочками на каждаго домохозяина. «Такое подворное владѣніе было освящено на территоріи Херсонщины во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ полвѣка. Даже великоруссы-крестьяне должны были сжиться съ такими порядками».—Затѣмъ, получивъ свободу, эта группа, какъ мы видѣли, надѣлена была весьма малымъ количествомъ земли съ одной стороны, а съ другой—надѣлена была далеко не въ полномъ со-

еднако, жить въ своихъ деревняхъ. При такихъ условіяхъ правильная переверстка земли на все наличное населеніе дала-бы такія ничтожныя полосы, на которыхъ хозяйничать было-бы совсѣмъ невозможно. Поэтому въ этой группѣ «не существуетъ тѣхъ ожесточенныхъ споровъ, за уравненіе пользованія землей, какіе наблюдаются по другимъ, лучше обезпеченнымъ надѣлами группамъ». Нѣтъ и того земельнаго неравенства, которое, какъ мы видѣли выше, было раньше у послѣднихъ: при незначительности общинъ и размѣровъ надѣловъ, большихъ захватовъ дѣлать было просто невозможно. «*Нечего дѣлить*—такое мнѣніе вы услышите и на югѣ, и на сѣверѣ губерніи, и у великорусса, и у малорусса». Но въ тоже время передачи надѣловъ другъ другу и постороннимъ лицамъ (вызванныя слишкомъ высокими оброками и выкупомъ, непосильными для маломощныхъ хозяевъ) теперь уже не практикуются и даже преслѣдуются и исправляются самою громадой. Послѣдняя мирится съ пользованіемъ надѣльной землей разночинцами только въ томъ случаѣ, когда они состоятъ зятьями крестьянъ-хозяевъ, не имѣющихъ сыновей и, слѣдовательно, мужской рабочей силы, необходимой для поддержанія хозяйства.

Авторъ выражаетъ мнѣніе, что очерченныя отношенія успѣли выработать у крестьянъ весьма справедливыя понятія объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ. Эти общества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ почти всѣ—общества малорусскія, вѣками сжившіяся съ своимъ положеніемъ. «Это-то положеніе, связывавшее всѣхъ въ одно общее, научило цѣнить интересы какъ свои личные, такъ и своихъ однообщественниковъ и, вникая въ самую сущность этихъ интересовъ, не добиваться той ничтожной прибавки, какая получилась-бы отъ кореннаго передѣла, способнаго при малоземельи поколебать самые устои тяжелаго хозяйничанья». И вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ полагаетъ, что эта форма земельныхъ отношеній ближе подходитъ къ подворной, чѣмъ къ общинной (185—188). Но вѣдь общинный принципъ заключается въ равненіи не только выгодъ, но и невыгодъ общинниковъ. Если концентраціи надѣловъ не замѣчается, если сама община даже слѣдитъ за возможностью такого явленія и предупреждаетъ его наступленіе, то фактически равненіе между надѣльцами не нарушается, по крайней мѣрѣ—очень-то грубо не нарушается, а стало быть и настоятельной надобности въ коренномъ передѣлѣ пока не чувствуется. Имѣются-ли какія либо основанія думать, что передѣлы не начались-бы и въ этой группѣ, если-бы въ ней почему-либо обнаружилась столь-же крупная дифференціація, какъ напр. среди военныхъ поселянъ? Полагаю, что г. Осадчій отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно, ибо гдѣ же найтись такимъ основаніямъ? А если такъ, то тѣ «общинныя» взаимныя отношенія хозяевъ между собой, о которыхъ онъ говоритъ, та самооборона, къ которой прибѣгаетъ

основывается община. Очерченныя отношенія не могутъ быть названы иначе, какъ общинными, хотя коренные передѣлы и не практикуются до настоящаго времени, такъ какъ никакой особенной выгоды они никому изъ общинниковъ не принесли-бы: территорія крестьянскихъ земель черезчуръ мала и потому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крупныхъ почвенныхъ и проч. различій представлять не можетъ съ одной стороны, а съ другой распредѣленіе ея между домохозяевами, какъ указано, не даетъ признаковъ особенной концентраціи. И у военныхъ поселянъ не было передѣловъ лѣтъ 20—30 со времени реформы, а появленіе замѣтной дифференціаціи деревни вызвало ихъ къ жизни и общинные порядки окрѣпли и развиваются.—Наконецъ, что касается до безземельнаго населенія бывшихъ помѣщичьихъ селъ, то оно не требуетъ своей доли въ надѣлѣ ужъ конечно не потому, чтобы оберегало возможность хозяйничанья надѣльцевъ, а просто потому, что не имѣетъ на то никакихъ юридическихъ правъ, что прекрасно извѣстно и надѣльному, и безнадѣльному населенію. Каждая община у насъ «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» слишкомъ хорошо умѣетъ дорожить каждой пядью земли, а ужъ въ особенности малоземельные бывшіе помѣщичьи крестьяне, и потому, конечно, безземельные никогда не поднимутъ агитаціи въ смыслѣ полученія доли въ землепользованіи своей деревни въ силу полнѣйшей ея безнадежности.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаетъ г. Осадчій о случаяхъ выкупа крестьянами отдѣльныхъ надѣловъ по 165 ст. Такіе случаи оказываются весьма и весьма рѣдкими. Среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ военныхъ поселянъ извѣстны только два (въ одномъ мѣстѣ 15 домохозяевъ съ 600 десят., въ другомъ—26 надѣловъ—207 дес.: послѣдній произошелъ подъ вліяніемъ скупки крестьянскихъ участковъ акціонернымъ обществомъ для разработки рудъ въ извѣстномъ с. Кривомъ Рогѣ). Среди бывшихъ помѣщичьихъ съ 1862 по 1882 г. выкуплено было всего 64,4 десят. Характерно то, что «всѣ эти выкупленныя (быв. помѣщичьими) земли по большей части остались въ чрезполосныхъ участкахъ общественно-надѣльной земли». «По словамъ статистиковъ, производившихъ основное изслѣдованіе губерніи, такая земля и за выкупомъ не перестаетъ быть общественной собственностью».—О цѣляхъ досрочнаго выкупа свѣдѣній почти не имѣется, но наличныя данныя позволяютъ думать, что въ большинствѣ случаевъ онъ производился для перепродажи выкупленной земли сельскимъ богачамъ—кредиторамъ общества. Авторомъ приводится случай, въ которомъ такая цѣль выкупа была оффиціально констатирована, въ силу чего выкупъ не былъ разрѣшенъ соотвѣтственной властью (188—191).

Стало быть, и въ этихъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло не съ разложеніемъ общины.

На этомъ мы закончимъ ознакомленіе читателя съ почтенной работой г. Осадчаго. Очевидно, въ бѣглой журнальной замѣткѣ нѣтъ никакой возможности сколько нибудь подробно использовать огромный и назидательнѣйшій матерьялъ для изученія хозяйственнаго положенія крестьянскаго населенія Херсонщины, который заключается въ этой книжкѣ. Эта Херсонщина вѣдь ничѣмъ ужъ такъ очень не отличается отъ сосѣднихъ степныхъ губерній, и ужъ, конечно, имѣетъ немало сходныхъ чертъ и съ остальными частями страны. Поэтому трудъ нашего автора далеко не имѣетъ одного только мѣстнаго назначенія. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, остроумная методологія автора, его тонкій цифровой анализъ, изобиліе находившихся въ его распоряженіи данныхъ и искусное ихъ употребленіе—все это выдвигаетъ трудъ г. Осадчаго и даетъ ему почетное мѣсто въ нашей народно-хозяйственной литературѣ. Остается очень пожелать, чтобы монографическія работы, которыя утилизировали-бы нашъ довольно изобильный сырой матерьялъ, работы à la г. Осадчій, размножались въ числѣ и освѣщали хозяйственныя отношенія все большаго и большаго числа губерній разныхъ полосъ. Пожалуй, тогда не нашлось-бы ужъ такихъ публицистовъ, которые полагаютъ, что земско-статистическая литература не даетъ матерьяловъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ современности.

Н. Карышевъ.

Новыя книги.

Сочиненія Ф. Д. Нефедова. Томъ второй. Москва. 1895.

Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны.

Такъ говорилъ некрасовскому „поэту“ некрасовскій „гражданинъ“ („Поэтъ и гражданинъ“). Нѣчто въ родѣ этого мы имѣемъ сказать и г. Нефедову, хотя онъ не поэтъ, а скромный бытописецъ довольно спеціальныхъ и однообразныхъ сферъ русской дѣйствительности. „Замѣтенъ ты“—это мы скажемъ г. Нефедову прежде всего. Въ самомъ дѣлѣ, „Сочиненія“ г. Нефедова представляютъ собою очень замѣтное литературное явленіе и не только замѣтное, но и симпатичное. Среди лжи декадентства, безсильныхъ претензій символизма, самодовольной пустоты поборниковъ и адептовъ безъидейнаго искусства, правдивые, осмысленные и проникнутые теплымъ человѣчнымъ чувствомъ разсказы г. Нефедова производятъ рѣшительно освѣжающее впечатлѣніе. Ну, да, думаете вы, читая г. Нефедова, это и есть литература, это разумная рѣчь разумнаго человѣка, это серьезное и нужное *дѣло*, а не стилистическіе гранпасьянсы, раскладываемые авторомъ для собственнаго удовольствія. Мѣсто, занимаемое г. Нефедовымъ, находится далеко отъ краснаго угла литературы, но оно находится въ литературѣ, а не внѣ ея. Еще баронъ Брамбеусъ отличалъ *ванькину* литературу отъ литературы настоящей, и вотъ мы именно и хотимъ сказать, что г. Нефедовъ—писатель, а не ювелирно-словесныхъ дѣлъ мастеръ, литературный дѣятель, а не литературный Ванька.

„По нынѣшнимъ временамъ“ это не мало. Писатель, какъ общественный дѣятель, и писатель, какъ словесный искусникъ,—это два совершенно различныя существа. Читатель

помнитъ апостольскія слова: „пусть языкомъ твоимъ говорятъ ангелы, но если въ словахъ твоихъ не будетъ любви, то они будутъ мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ". У г. Нефедова есть эта любовь, и именно это обстоятельство сообщаетъ его литературной дѣятельности серьезный и гуманный характеръ. Около сорока лѣтъ назадъ, въ литературѣ нашей, какъ извѣстно, появился особый типъ писателя-*разночинца* и г. Нефедовъ принадлежитъ именно къ этому типу. Писатель-разночинецъ не то-же, что писатель-народникъ: это сосѣдственные, родственные, но всетаки различные типы. Слѣпцовъ, Левитовъ, гг. Эртель, Нефедовъ и др.—вотъ писатели-разночинцы. Глѣбъ и Николай Успенскіе, г. Златовратскій и др.—вотъ писатели-народники. Рѣшетниковъ является какъ бы связующимъ звеномъ между этими двумя группами писателей, принадлежа въ равной мѣрѣ и той и другой. Для писателя-народника главнѣйшимъ, если не исключительнымъ объектомъ анализа и изображенія служитъ народъ, его психологія и его бытъ. Для писателя-разночинца такимъ объектомъ являются *разные чины* многолюднаго и разношерстнаго государства нашего, но чины, во-первыхъ, не по табели о рангахъ, а по сословному и главное, по имущественному положенію, а во-вторыхъ, *чины* маленькіе, играющіе въ обществѣ роль послѣдней спицы въ колесницѣ. Все, что, по Некрасовскому выраженію, „голодно и бѣдно, несчастно, зелено и блѣдно, что ходитъ голову склоня"—все это составляетъ предметъ участливаго вниманія писателя-разночинца.

Г. Нефедовъ любитъ и живописуетъ своихъ маленькихъ героевъ, не мудрствуя лукаво. Опредѣленнаго общественнаго идеала вы напрасно стали бы искать у него. Объяснить это можно не только свойствами таланта г. Нефедова, таланта слишкомъ скромнаго, чтобы учительствовать и тѣмъ болѣе новаторствовать, но и свойствами обычныхъ темъ и сюжетовъ нашего автора: холодно, голодно, измучено, невѣжественно, несчастно—о чемъ тутъ особенно теоретизировать? Холодныхъ надо согрѣть, голодныхъ накормить, измученныхъ пріютить, невѣжественныхъ научить, несчастнымъ помочь—только. Это „только", разумѣется, представляетъ собою чрезвычайно широкую и трудную соціальную задачу, но соціальную, а не нравственную: въ нравственномъ смыслѣ обязанности наши тутъ очевидны и никакой тутъ задачи для нашей совѣсти быть не можетъ. Мысль г. Нефедова не залетаетъ высоко: умные и ученые люди, какъ бы говоритъ онъ, рѣшайте, какъ хотите эту задачу, но рѣшайте ее непремѣнно, потому что людямъ, братьямъ вашимъ, въ самомъ дѣлѣ живется трудно и тяжко—объ этомъ я могу поразсказать кое что. И г. Нефедовъ, не торопясь, не волнуясь, не горячась, но съ о-

литературное амплуа. *Малыхъ сихъ*..... Это мы такъ говоримъ, а не г. Нефедовъ: онъ вовсе не считаетъ своихъ героевъ *малыми*. Въ общемъ нравственномъ смыслѣ онъ правъ: всякому свои слезы солоны и, если люди не равноцѣнны, всетаки ихъ права на жизнь и счастіе совершенно одинаковы.

Пора перевернуть медаль другою стороною. Мы сказали г. Нефедову: „замѣтенъ ты“: Теперь мы должны прибавить: „но такъ безъ солнца звѣзды видны“. До недавняго времени солнцемъ той части нашей литературы, объ которой у насъ идетъ рѣчь, былъ Глѣбъ Успенскій; его блестящій талантъ потоплялъ въ своихъ яркихъ лучахъ скромное мерцаніе второстепенныхъ дарованій—въ томъ числѣ и г. Нефедова. Рядомъ, напр., съ „Властью земли“, конечно покажется блѣднымъ и тусклымъ самый лучшій разсказъ г. Нефедова. Даже оставляя въ сторонѣ всякія сравненія и не предъявляя никакихъ преувеличенныхъ требованій, мы въ правѣ сказать г. Нефедову, что хотя его разсказы и не безтолковы, но дѣйствительно не новы и чужды красоты. *Не новы*— что значитъ это? Отнюдь не то, что наблюденія г. Нефедова не самостоятельны, а лишь то, что у г. Нефедова нѣтъ того умѣнья, которымъ въ высокой степени обладаетъ Глѣбъ Успенскій—умѣнья проникать въ интимнѣйшую сущность предмета. Г. Нефедовъ видитъ столько же или немного болѣе того, сколько увидѣли бы и мы, не художники, если бы обратились къ интересующимъ его предметамъ. Это мало. Художникъ долженъ въ сферѣ своихъ обычныхъ наблюденій обладать, такъ сказать, двойнымъ зрѣніемъ, долженъ „смотрѣть въ корень“, иначе произведенія его будутъ „не новы“, покажутся намъ перепѣвами, варіаціями, повтореніями. Далѣе—„чужды красоты“. Это что значитъ? Опять только то, что дарованіе г. Нефедова принадлежитъ къ числу второстепенныхъ. Не о красотѣ внѣшней формы говоримъ мы теперь, не объ отсутствіи въ произведеніяхъ г. Нефедова банальныхъ эстетическихъ достоинствъ, но о той внутренней красотѣ, сущность которой недавно такъ усердно и такъ тщетно разыскивалъ г. Боборыкинъ. Это нетлѣнная красота *общей высшей* правды, той правды, которая является синтезомъ фактической достовѣрности, психологической точности, нравственной истины и эстетической красивости. Написавши эту послѣднюю фразу мы попризадумались: не черезчуръ ли? Не стрѣляемъ ли мы изъ пушки по воробьямъ? Человѣческій ростъ, конечно, можно измѣрять и верстами и милями, но не проще ли и не удобнѣе ли сказать, что въ данномъ субъектѣ два аршина и столько то вершковъ вышины, нежели опредѣлять эту вышину въ тысячныхъ доляхъ

великановъ, которые были бы вдвое выше средняго человѣческаго роста, но были и есть писатели гораздо болѣе, чѣмъ вдвое превосходящіе средній литературный уровень. Г. Нефедовъ—писатель средняго роста,—къ этому нужному для читателя заключенію мы пришли, поставивъ нашего автора подъ мѣрку, приходящуюся какъ разъ по росту писателямъ-великанамъ.

Эту общую характеристику писательской личности г. Нефедова мы могли бы подтвердить обстоятельно, на основаніи данныхъ, заключающихся въ лежащемъ передъ нами 2 томѣ „Сочиненій". Соображаясь съ предѣлами рецензіи, мы можемъ сдѣлать только немногія фактическія указанія. Лучшій изъ четырехъ разсказовъ, составляющихъ содержаніе второго тома сочиненій г. Нефедова, по нашему мнѣнію—„Лукавый попуталъ". Главной героиней этой повѣсти является крестьянка Домна Ивановна, отъ лица которой ведется разсказъ. Это представительница не новаго, уже мною разъ затронутаго въ литературѣ типа, но все еще не обслѣдованнаго и для насъ мало понятнаго. Домна Ивановна—огромный нравственный и умственный авторитетъ для цѣлой округи. Вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ:

„Домну Ивановну вся Никулиха почитала и гордилась ею, какъ наилучшимъ своимъ достояніемъ, какимъ иногда небо благословитъ глухую, затерявшуюся въ лѣсахъ, заволжскую деревеньку. Случится ли, примѣрно, что въ Притыкинѣ, сосѣдней деревнѣ съ Никулихою, какая нибудь старушка клеповской попадьѣ разгадаетъ премудреный сонъ и притыкинцы начнутъ объ этомъ необычайномъ событіи разсказывать каждому встрѣчному и поперечному—никулихинскія бабы прослышатъ и всей деревней подымутся на защиту своей благодѣтельницы.—„Нашли чѣмъ выхваляться! Наша тетка Домна обмирающую подняла. Совсѣмъ ужъ на погостъ хотѣли нести, а Домна чѣмъ то попрыскала ей въ лицо и обмершая ожила, здоровою опять встала. Это помудренѣй будетъ, чѣмъ попадьихинъ сонъ разгадать! А мы про свою Домну не благовѣстимъ, въ колокола не трезвонимъ". Или пойдетъ слухъ, что въ Заболотьѣ *вытьянка* проявилась: такъ на свадьбахъ за невѣстъ хорошо воетъ, что еще такой отъ роду не слыхивали. Экая невидаль, — подхватятъ никулихинскія. У насъ Домна по некрутамъ и по „родителямъ" всѣ причеты знаетъ, а про невѣстины и говорить нечего. На родинахъ, на крестинахъ, при переходѣ въ новый домъ—гдѣ какой обрядъ полагается—все она знаетъ и, что надо, укажетъ. Трудно, прямо таки сказать, невозможно было сосѣднимъ деревнямъ чѣмъ либо

верстъ, имя ея извѣстно и въ губернскомъ городѣ среди купечества и даже дворянства. Домна Ивановна свою медицинскую практику не ограничиваетъ одними *настоями*. Есть недуги, въ которыхъ обыкновенныя средства оказываются безсильны. Это—болѣзнь отъ злого духа... Больной ни на что не жалуется, ничего и нигдѣ у него не болитъ, но онъ чувствуетъ страшную тоску и худѣетъ замѣтно: на глазахъ у всѣхъ, какъ воскъ, таетъ. Какими средствами Домна Ивановна вылечиваетъ подобнаго рода недуги—никто, разумѣется, не зналъ и сама она, при всемъ желаніи, затруднилась бы объяснить, чѣмъ именно помогла больному или больной. Но если бы кто заподозрилъ лѣкарку въ волшебствѣ, то Никулиха, отъ стараго до малаго, передъ святыми иконами присягнула бы, что это сущая клевета. Чтобъ тетка Домна да вѣдалась съ колдунами—Боже упаси! Она женщина набожная, жизни строгой и хотя неграмотная, но изъ Священнаго Писанія много знаетъ".

Типъ, какъ видите, любопытный въ высшей степени. Любопытно здѣсь именно то—какими средствами пріобрѣтается въ народѣ нравственный авторитетъ? „Богомолки, бабы умныя" далеко не всѣ пользуются у народа авторитетомъ, въ особенности—такимъ. Въ этомъ существенный вопросъ, но этого вопроса г. Нефедовъ не только не касается, но и просто не понимаетъ. Вотъ что говоритъ онъ о своихъ сношеніяхъ съ Домной Ивановной: „По пріѣздѣ своемъ въ Никулиху, я почелъ за долгъ познакомиться съ теткой Домной. На первыхъ порахъ она ко мнѣ относилась крайне недовѣрчиво и подозрительно, какъ вообще крестьяне относятся къ пріѣзжимъ „господамъ", особенно изъ столицы. Какимъ образомъ добился я отъ Домны Ивановны нѣкотораго довѣрія и даже, скажу безъ хвастовства, расположенія—разсказывать объ этомъ долго и притомъ едва ли для кого это будетъ интересно".

Разсказывать долго и едва ли интересно... Авторское непониманіе очевидно: помилуйте, да намъ главнѣйшимъ образомъ и интересно, какими средствами пріобрѣтается довѣріе народа, потому что въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ имплиситнымъ образомъ заключается и отвѣтъ на вопросъ—какъ и чѣмъ мы наилучшимъ способомъ можемъ служить народу, вліять на него. Неужели это не ясно для г. Нефедова? Да, не ясно,—въ этомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Г. Нефедовъ—самъ себѣ врагъ.

покажутся читателю излишними, къ дѣлу не идущими. Имя г. Молодова намъ совершенно ново; по крайней мѣрѣ мы не можемъ припомнить, чтобы встрѣчали его на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій. Тѣмъ лучше: если г. Молодовъ еще не испробовалъ яда легкаго успѣха, дешевыхъ лавровъ, онъ быть можетъ найдетъ въ себѣ достаточно самообладанія, чтобы покинуть путь, по которому онъ непремѣнно желаетъ идти и который—совсѣмъ не его путь.

Г. Молодовъ, повидимому, человѣкъ мыслящій и чувствующій. Тѣмъ болѣе мы въ правѣ спросить его: зачѣмъ онъ пишетъ стихи? Есть основаніе думать, что г. Молодовъ задавалъ самъ себѣ этотъ вопросъ и должно быть нашелъ на него удовлетворительный отвѣтъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самый фактъ появленія его книжки. Усматриваемое нами основаніе заключается, прежде всего, въ эпиграфѣ, поставленномъ на книгѣ: „постигать не есть творить, а увлекаться стремленіемъ къ великому не есть великаго достигнуть". Оставляя въ сторонѣ странную, ухо рѣжущую, конструкцію этого афоризма, нельзя не признать, что мысль, заключающаяся въ немъ, вполнѣ справедлива и даже банальна. Почему г. Молодовъ не воспользовался ею, какъ слѣдуетъ? Если онъ напалъ на эту мысль – это значитъ, что его тревожили сомнѣнія относительно своего поэтическаго призванія, и неужели г. Молодовъ разрѣшилъ эти сомнѣнія въ благопріятномъ для себя смыслѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что г. Молодовъ умѣетъ быть очень строгимъ по отношенію къ другимъ. Такъ, напр., въ стихотвореніи „Къ Ада Негри" г. Молодовъ говоритъ:

Ты не поэтъ! Въ твоихъ стихотвореньяхъ
Есть честный жаръ, но дарованья нѣтъ;
Во всѣхъ своихъ порывахъ и стремленьяхъ
Ты не поэтъ.
Ты не возносишь чудной силой слова
Насъ въ свѣтлый край видѣній золотыхъ,
И не звучитъ ни мощно, ни сурово,
Твой робкій стихъ.

Чѣмъ Аду Негри попрекать трудиться, не лучше ль г. Молодову было бы на себя оборотиться? „Ты не поэтъ"—ну, а вы, г. Молодовъ, поэтъ? Вы полагаете что вы возносите насъ чудной силой слова въ свѣтлый край видѣній золотыхъ, что вашъ стихъ – суровъ и мощенъ? Вотъ удивительное самообольщеніе, которое было бы забавно, если бы не было типично! И вѣдь знаетъ человѣкъ, что „постигать не есть творить", что стремиться къ великому не значитъ совершать великое—знаетъ и всетаки знать не хочетъ!

лисной стороной журнальнаго дѣла, съ трудомъ повѣритъ, что намъ, журналистамъ, приходится иногда переживать истинно-тяжелыя минуты вслѣдствіе печальнѣйшей необходимости подчинять свое личное чувство интересамъ литературы, требованіямъ справедливости. Вы, критикъ или рецензентъ, получаете откуда нибудь изъ провинціальной глуши тетрадку стиховъ, съ приложеніемъ, напр., такого письма отъ автора (подлинный и свѣжій документъ): „я жить не могу безъ этой, любимой мною всѣми нервами, работы (стихотворной). Не отталкивайте меня, вѣроятно и вы испытывали страданія начинающаго, иначе быть не можетъ. Дайте мнѣ точныя указанія недостатковъ. Помогите мнѣ какъ критикъ и человѣкъ". Что это такое? Вѣдь это не слова, а слезы, и надо быть чугунной тумбой, чтобы не тронуться такими мольбами. Прекрасно, вы растрогались, спѣшите познакомиться съ произведеніями начинающаго поэта и съ перваго же шага обрѣтаете, напр., такой перлъ:

Тѣни.

Подъ душистою вѣткой сирени
Я тебя поджидала тогда,
А по небу, изъ сумрачной тѣни
Проскользнула, какъ змѣйка, звѣзда.
И забилося птичкой живою
Восторжѐнное (sic!) сердце въ груди;
Мнѣ хотѣлось, за змѣйкой, съ тобою
Въ небеса улетѣть отъ земли.
Увидавъ съ восходящей луною,
Какъ на морѣ блеснула вода,
Мнѣ хотѣлось съ волной и съ тобою
Вдаль по морю уплыть навсегда.

Ну, вотъ теперь и судите о положеніи нашего брата, журналиста! Не угодно ли дать „точное указаніе недостатковъ" хотя бы этого стихотворенія? Все оно, цѣликомъ,—одинъ сплошной недостатокъ. Со стороны его содержанія, можно было бы сказать народнымъ присловьемъ: кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла? А со стороны формы можно сказать еще меньше: это просто наборъ безцвѣтныхъ образовъ и вялыхъ словъ. Да неужели же, думаете вы, это не очевидно для самого поэта? Значитъ, не очевидно, коли онъ слезно проситъ указать ему недостатки. Какъ помочь такой слѣпотѣ? Чѣмъ вразумить такого несчастливца?

Все сказанное нами о нашемъ неудачномъ поэтѣ г. Молодовъ, какъ и всѣ другіе современные безчисленные стихотворцы наши, можетъ полностью принять по своему адресу. Правда, у г. Молодова нѣтъ „восторженныхъ сердецъ", стихъ его вообще гладокъ и правиленъ, но пусть онъ (какъ и всѣ, ему подобные) по совѣсти отвѣтитъ самому себѣ на этотъ во-

онъ утруждаетъ себя пріискиваніемъ риѳмъ, считаетъ стопы, придумываетъ образы и сравненія? Удивить насъ искусствомъ писать гладкіе стихи ужъ слишкомъ мудрено, потому что ужъ слишкомъ дешево это искусство теперь. Всѣ наши господа Молодовы, при извѣстномъ трудолюбіи, могутъ разсчитывать только на то, что достигнутъ значенія г. Мережковскаго, а такая цѣль стоитъ ли усилій? „Почему же не стоитъ, возразитъ намъ г. Молодовъ, я бы очень хотѣлъ быть г. Мережковскимъ!" Это напоминаетъ намъ одинъ веселенькій анекдотъ, которымъ мы и закончимъ эту грустную рецензію. Одинъ заслуженный дьячекъ много разъ просилъ архіерея о возведеніи его въ дьяконскій санъ—и всегда безуспѣшно. Наконецъ архіерей сжалился надъ нимъ и въ добрую минуту спросилъ его: „ну,—имя рекъ—хочешь быть дьякономъ?" „Ваше Преосвященство! воскликнулъ восхищенный дьячекъ, какой же человѣкъ не желаетъ быть дьякономъ?" Вотъ такъ то и наши поэты: какой же писатель, думаютъ они, не хотѣлъ бы быть г. Мережковскимъ. И пишутъ, пишутъ, пишутъ, а мы, несчастные, возись съ ними!

Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. (Воспоминанія изъ институтской жизни). **Женскіе силуэты.** Спб. 1894. Ц. 1 р.

Книжка г-жи Лухмановой по своему характеру довольно рѣзко раздѣляется на двѣ неравныя половины. Въ первой, большей, находятся чрезвычайно живыя, яркія и вмѣстѣ простыя институтскія воспоминанія; во второй, меньшей,—шесть маленькихъ разсказовъ изъ женской жизни, съ которыми мы не поздравляемъ автора. Институтскія воспоминанія г-жи Лухмановой знакомы читателямъ „Русскаго Богатства", которые, безъ сомнѣнія, по достоинству оцѣнили эти безпритязательныя и оригинально талантливыя картинки. Въ нашей литературѣ есть много изображеній институтской жизни былого времени, и тема эта могла бы даже нѣсколько надоѣсть: всѣ эти институтскія „обожанія" учителей и подругъ, забавныя наивности, школьническія продѣлки, предъэкзаменные трепеты и проч.,—все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Но г-жа Лухманова съумѣла найти для изображенія всего этого, если не совсѣмъ новыя, то во всякомъ случаѣ свѣжія краски. Нѣсколькими почти небрежными штрихами авторъ вполнѣ обрисовываетъ то или другое волнующее институтъ событіе, ту или другую фигурку, выдѣляя ее изъ сонма одноцвѣтныхъ, одинаковаго возраста, одинаково выдрессированныхъ дѣвицъ. Мы съ большимъ удовольствіемъ перечитали эти бѣглыя картинки, но тѣмъ болѣе

силуэтовъ". Всѣ эти шесть разсказовъ очень умно задуманы, пожалуй, даже слишкомъ умно, потому что слишкомъ задуманы; всѣ они искусственны и отдаютъ передѣлкой съ французскаго. Это исторьетки изъ области адюльтера или по крайней мѣрѣ флирта, совершенно похожія на множество шаблонныхъ мелочей этого рода во французской литературѣ, съ тою, однако, важною разницею, что „веселый грѣхъ" у нашего автора выходитъ совсѣмъ не веселымъ. Французскіе авторы этого рода исторьетокъ любятъ оканчивать веселымъ бенгальскимъ освѣщеніемъ роговъ, поставленныхъ мужу или женѣ, или другою подобною пикантностью отнюдь не во славу и торжество добродѣтели. У г-жи Лухмановой не такъ: все идетъ какъ по маслу, въ направленіи веселаго многоточія, но вдругъ врывается какая нибудь совершенно анекдотическая случайность, измѣняющая теченіе дѣла, и добродѣтель торжествуетъ, или же наказывается порокъ, или, наконецъ, наступаетъ и то, и другое вмѣстѣ. Мы, разумѣется, ничего не имѣемъ противъ такого отклоненія отъ французскихъ образцовъ, но оно не придаетъ жизненности и правдивости разсказамъ г-жи Лухмановой, не спасаетъ ихъ отъ искусственности и анекдотичности. Въ первомъ изъ нихъ, озаглавленномъ „Золотое сердечко", добродѣтель торжествуетъ, благодаря не одной какой нибудь маленькой, но могущественной случайности, а цѣлой искусной системѣ тайнаго надзора, устраиваемаго старою и некрасивою женою надъ склоннымъ къ веселому грѣху мужемъ. Типъ этой женщины, по своему любящей, доброжелательной и даже, если хотите, деликатной, но вмѣстѣ съ тѣмъ тайно роющейся въ карманахъ и бумагахъ мужа, пускающейся ради неприкосновенности своего домашняго очага на ухищреннѣйшіе подлоги, клеветы и всяческія подлости, и все „подъ видомъ благочестія",—типъ этотъ могъ бы быть очень интересенъ, если бы авторъ обработалъ его ради него самого, а не ради анекдота о курьезномъ торжествѣ добродѣтели. Но авторъ пожелалъ написать именно анекдотъ и сосредоточилъ на весьма небольшомъ числѣ страницъ несообразно большое число случайностей, отнимающихъ у разсказа всякій серьезный интересъ. Во второмъ разсказѣ—„Ложь" мы опять имѣемъ набросокъ небезъинтереснаго, хотя и много разъ эксплуатированнаго типа, типа женщины, которая лжетъ направо и налѣво, лжетъ даже просто изъ любви къ искусству, лжетъ до самой минуты своего случайнаго самоубійства. Но и тутъ не вышло ничего, кромѣ анекдота. А объ остальныхъ разсказахъ и говорить не хочется.

Подобные анекдоты имѣютъ, конечно, своихъ и даже можетъ быть многочисленныхъ читателей, которые, однако, тот-

чаю, ихъ забываютъ. За то же въдь сколько пишуть большій руку писатель и можетъ ихъ печь, какъ блины. Но намъ обидно за г-жу Лухманову. Если ея институтскія воспоминанія, несмотря на свои достоинства, еще ничего не говорили (какъ и большинство такихъ чисто личнаго характера произведеній) о ея литературной будущности, то ея печатающіеся у насъ теперь очерки „Въ глухихъ мѣстахъ" даютъ намъ, кажется, право закончить свою рецензію такъ: грѣшно тратить такія силы на исторьетки объ адюльтерѣ и флиртѣ, все равно—торжествуетъ ли въ нихъ добродѣтель или нѣтъ и наказывается ли порокъ или нѣтъ.

Якутскіе разсказы. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко). Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1895. Ц. 75 к.

„Повсюду жизнь",—гласитъ подпись подъ извѣстной картиной г. Ярошенко,—повсюду, даже въ далекой снѣжной якутской пустынѣ. И тамъ люди живутъ, любятъ, ненавидятъ, совершаютъ подлости и подвиги самоотверженія, страдаютъ и наслаждаются. Да и наслаждаются. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія страницы въ разсказахъ г. Сѣрошевскаго, напримѣръ, глава „Идиллія" въ разсказѣ „Украденный парень".

Г. Сѣрошевскій хорошо знаетъ далекій и суровый край, составляющій мѣсто дѣйствія его разсказовъ: Географическое общество присудило ему недавно золотую медаль за ненапечатанное еще изслѣдованіе Якутской области. Но кромѣ того, онъ обладаетъ еще значительною художественною силой. Съ характеромъ его таланта читатели „Русскаго Богатства" знакомы по напечатанному у насъ въ 1893 г. разсказу „Хайлакъ". Нужна незаурядная тонкость кисти, чтобы, изображая эту звѣриную драму, мѣстами истинно приводящую въ содроганіе, ни разу не оскорбить ни эстетическое, ни нравственное чувство читателя, чтобы и къ озвѣрѣлому человѣку привлечь извѣстное сочувствіе, утопивъ его въ общемъ несчастіи съ его жертвами.

„Хайлакъ" перепечатанъ въ лежащемъ передъ нами томикѣ, и намъ кажется, что онъ лучшій въ сборникѣ. Но быть можетъ мы и ошибаемся, предоставляя ему это первое мѣсто. Быть можетъ „Хайлакъ" намъ просто ближе и понятнѣе другихъ разсказовъ, такъ какъ въ немъ центральное дѣйствующее лицо всетаки русскій человѣкъ, хотя и отверженецъ общества; да и въ самой фабулѣ, несмотря на ея по необходимости исключительный характеръ, этнографическій элементъ не первенствуетъ надъ общечеловѣческимъ психологическимъ. Чтобы войти въ интересъ разсказа „Осень", а тѣмъ

сказа „Въ жертву богамъ“,—нужно извѣстное напряженіе: здѣсь много намъ слишкомъ чуждаго, непохожаго на нашу жизнь. Этотъ добродушный и глуповатый молодой якутъ Кехергесъ, нечаянно попадающій въ рядъ то забавныхъ, то трогательныхъ приключеній; этотъ величавый тунгузъ Сельтичанъ, приносящій себя въ жертву богамъ ради удрученныхъ соплеменниковъ и т. д., все это облечено въ спеціальную этнографическую одежду, которая, привлекая къ себѣ прежде всего вниманіе читателя, мѣшаетъ ему сразу и совершенно свободно войти въ эту чужую жизнь. Но и здѣсь чувствуется тонкій художникъ. Мы, кажется, вправѣ многаго ожидать отъ г. Сѣрошевскаго.

Люцій Апулей. Золотой Оселъ. Переводъ съ латинскаго. Н. М. Соколова. С.-Петербургъ. 1895.

Въ знаменитомъ произведеніи Апулея, являющемся теперь въ новомъ русскомъ переводѣ, мы встрѣчаемъ яркое изображеніе людей и нравовъ въ высшей степени важной и глубоко-интересной эпохи. Кризисъ, начавшійся для римскаго міра задолго до того времени, которое давало матеріалъ Апулею, теперь является уже вполнѣ выраженнымъ многообразными и рѣзкими симптомами: религіозный, общественный и политическій переворотъ надвигался съ неотвратимою силою послѣдовательности. Разложеніе древнихъ національныхъ правительственныхъ формъ и старинныхъ вѣрованій, съ которыми онѣ были тѣсно связаны, смѣшеніе различныхъ расъ, сепаратизмъ вѣрованій и учрежденій, возбужденное состояніе умовъ, ищущихъ новаго уклада жизни,—все это, вмѣстѣ съ бьющими въ глаза признаками хилости отживающаго, налагали на современную Апулею дѣйствительность весьма своеобразный отпечатокъ. Особенно характернымъ въ этой картинѣ является положеніе традиціонныхъ вѣрованій, пытавшихся вновь подняться на высоту своего прежняго значенія, и вѣрованій новыхъ, горячо боровшихся за обладаніе явно покидаемымъ старымъ мѣстомъ. Положеніе это довольно опредѣленно обрисуется передъ нами, если мы вспомнимъ, что древнія вѣроварія, давно уже подрываемыя опередившимъ ихъ умственнымъ развитіемъ интеллигентныхъ классовъ общества, успѣли потерять всякое обаяніе и казались уже переживающими канунъ своего окончательнаго паденія. Храмы, жрецы, культъ, всѣ легенды и преданія праотцевъ давно уже стали предметами глумленія. Было уже пережито и такое время, когда можно было мечтать, будто близится пора свободнаго изученія природы, которое вскорѣ приведетъ къ торжеству разума. Геніаль-

нѣе подняться на огражденныя наукою вершины—убѣжище мудрецовъ—и имѣть возможность созерцать оттуда другихъ людей, блуждающихъ тамъ и сямъ, подобно бродягамъ, ищущимъ пути жизни". Въ данный моментъ общество пережило уже и эту едва ли не послѣднюю иллюзію, такъ какъ тѣ, которые создали ее, и были не въ малой мѣрѣ виновниками ея гибели. Чуждая убѣжденія въ обязательности для нея идти рука объ руку съ успѣхами положительнаго знанія, то и дѣло отстававшая отъ него или противорѣчившая ему и въ то же время замыкавшаяся въ себѣ самой, просвѣтительная философія того времени не могла удержать за собою господствующее положеніе и неизбѣжно отодвинута была на задній планъ сильнымъ напоромъ цѣлаго потока суевѣрій и мистическихъ ученій. И пока дискредитированіе старыхъ вѣрованій неудержимо спускалось съ огражденныхъ философіею вершинъ, ничѣмъ не огражденныя низины затоплялись новыми и подновленными доктринами со всѣхъ сторонъ. Устанавливалось весьма сложное антинаучное и антифилософское умонастроеніе, которое то давало первенство фантазіи и воображенію, то устремлялось въ сферу чувства и старалось найти выходъ изъ кризиса въ нравственномъ обновленіи. И въ это то время представители національныхъ традицій воздвигаютъ во имя ихъ реакцію, борющуюся одновременно и съ философіей и со всѣми этими новшествами. И вотъ вслѣдъ за шумомъ, производимымъ индійскими гадателями, халдейскими астрологами, египетскими жрецами и другими восточными пришельцами, пестрѣвшими повсемѣстно, вновь поднимаются голоса почти ужъ замолкнувшихъ оракуловъ, слышится призывъ къ возвращенію къ вѣрованіямъ праотцевъ, все чаще и чаще раздаются голоса, то отстаивающіе старую миѳологію въ ея первобытнѣйшей формѣ, то пытающіеся вдохнуть въ нее новую жизнь импровизированными комментаріями. Все это тѣсно сплетается со стремленіемъ разъ навсегда подорвать неугомонное свободное изслѣдованіе, на-вѣки упразднить науку и философію. Это время и есть время Апулея.

Подъ вліяніемъ пышнаго разцвѣта старыхъ суевѣрій и неистощимаго наплыва новыхъ, всеобщее умопомраченіе становилось все болѣе и болѣе интенсивнымъ, и настало, наконецъ, время, когда ничто уже не казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ. Апулей разсказываетъ намъ, что въ его время вѣрили будто колдунья, вѣдьма можетъ „пригнуть небо, повѣсить на воздухѣ землю, превратить воду въ камень, растопить горы, вызвать изъ могилъ тѣни умершихъ, свергнуть боговъ, погасить звѣзды и освѣтить самый адъ". Благодаря господству такихъ вѣрованій, у молодого образованнаго чело-

заклинаніями и заговорами"—въ Өессалію, могло образоваться такое умонастроеніе, которое окончательно низвело его міросозерцаніе до уровня первобытнѣйшаго фольклора.

«На что бы я только ни взглянулъ, все мнѣ казалось не тѣмъ, чѣмъ оно было. Мнѣ казалось, что силою адскихъ заклинаній все превратилось во что то другое. Я спотыкался о камни и думалъ, что это люди, превращенные въ камень; я слышалъ пѣніе птицъ и думалъ, что это поютъ люди, покрытые перьями; деревья у городской стѣны мнѣ казались людьми, покрытыми корою; даже въ фонтанахъ и ручьяхъ я видѣлъ очарованныхъ людей, которые вдругъ разлились и потекли. Мнѣ чудилось, что эти статуи могутъ ходить, стѣны говорить, быки и другія животныя давать предсказанія. И это небо, и это свѣтлое солнце, думалось мнѣ, неожиданно могутъ сказать что-то неожиданное и таинственное».

Умственное паденіе, конечно, сопровождалось и многими другими общественными явленіями, имѣвшими соотносительное значеніе: съ одной стороны шелъ крайній разгулъ произвола, самовластія сильныхъ, безогляднаго попранія слабыхъ, холопства, лицемѣрія, разврата, сплошь и рядомъ противуестественнаго, свидѣтельствовавшаго о колоссальности происходившаго вырожденія, съ другой—симптомы стремленія выйти изъ этого томительнаго положенія: исканіе мира, правды, любви, высшихъ идеаловъ. И если уже Лукрецій томился мыслью о мирѣ, подводя подъ это понятіе и сущность божественности, и значеніе истинной религіи, и цѣль науки, и содержаніе добродѣтели, то черезъ два вѣка послѣ него томленіе это успѣло перейти въ массы и стало достояніемъ большинства угнетенныхъ.

Апулей изображаетъ яркими красками бушевавшій въ его время развратъ. Рисуемыя имъ картины, то полныя ужаса, то подправленныя комизмомъ, очерчены столь мастерски, что и литература новѣйшаго времени не остановилась передъ заимствованіемъ у него нѣкоторыхъ эпизодовъ (Боккачіо, Лафонтенъ). Апулей не ограничивается впрочемъ этою стороною всеобщаго разложенія, но съ большимъ остроуміемъ останавливается и надъ многими другими, окружавшими его со всѣхъ сторонъ симптомами страшной общественной болѣзни, поразившей соціальный строй съ верху до низу. Рядъ сценъ отравленія, въ связи съ изображеніемъ вызваннаго ими судебнаго процесса, останутся, конечно, въ памяти всякаго читателя, а картинка административной расправы надсмотрщика за съѣстными припасами на рынкѣ представляетъ своего рода перлъ.

Живо рисуя бытовыя сцены окружавшей его жизни, Апулей относится отрицательно не ко всѣмъ сторонамъ ея; нѣкоторыя изъ нихъ онъ не отражаетъ въ зеркалѣ своего ѣдкаго сатирическаго таланта, а представляетъ читателю въ видахъ назиданія и обращенія на путь ученія, имъ самимъ признаваемаго

за истинное и спасительное. Апулей схватился за тему о превращеніи человѣка въ осла не ради одного только желанія написать сатиру на современное ему общество, но и ради вящшаго прославленія доктрины и культа Изиды. Мистическія вожделѣнія сплетаются тутъ съ нравственными и аскетическими стремленіями: превращеніе въ осла является карою за пороки, а возстановленіе человѣческаго образа наградою за понесенныя страданія и залогомъ нравственнаго обновленія. „Запомни разъ навсегда", говоритъ богиня, являясь въ таинственномъ видѣніи, „вѣчно держи въ своемъ сокрушенномъ сердцѣ, что вся твоя остальная жизнь, вплоть до твоего послѣдняго дыханія, должна быть посвящена мнѣ. По моей милости ты вновь сталъ человѣкомъ и за это ты, по всей справедливости, изъ благодарности долженъ отдать мнѣ все, что остается тебѣ въ жизни!.." „Постояннымъ повиновеніемъ, дѣлами благочестія, упорнымъ постомъ и воздержаніемъ ты докажешь, что ты достоинъ моей божественной милости"... Нравственное обновленіе можетъ однако же совершиться только посредствомъ участія въ обрядахъ, совершаемыхъ въ честь богини, только силою тайнодѣйствія ея культа и непосредственнаго участія во всемъ этомъ ея жреца. Весь этотъ эпизодъ, составляющій содержаніе 11-й книги, всецѣло принадлежитъ Апулею и совершенно чуждъ замыслу и плану разработки этой же темы Лукіаномъ. Мысль о превращеніи порочнаго человѣка въ осла получаетъ такимъ образомъ у Апулея извѣстную нравственную возвышенность и вмѣстѣ съ тѣмъ характерную для его времени тенденціозность. Оселъ „имѣющій молчаливое прозрѣніе сущности вещей", страданіями обрѣтаетъ спасеніе и становится жрецомъ Изиды. Знаменательная фикція для представителя одной изъ конкурирующихъ доктринъ того переходнаго времени!

Но если повѣствованіе Апулея является не только бичеваніемъ нравовъ его времени, но, само перегибаясь въ дѣйствительную жизнь, доходитъ до полнаго сліянія съ нею, съ ея грезами и чаяніями, то само повѣствованіе только выигрываетъ отъ этого разнообразія литературныхъ пріемовъ: оно только еще шире рисуетъ ту жизнь, изъ подъ гнета которой мечтало выбиться при помощи возвеличенія новой, стремящейся къ широкимъ обобщеніямъ, египетской доктрины. Эта тенденція еще лишній разъ кладетъ на произведеніе Апулея живой отпечатокъ его времени: вѣдь эта Изида, въ разныхъ странахъ различно называемая, но вездѣ представляющая собою „единое божество, которое чтитъ весь міръ подъ различными видами и именами",—эта Изида есть воплощеніе тѣхъ поисковъ мысли, тѣхъ усилій пытливаго ума, которые, какъ было замѣчено выше, могли, согласно условіямъ времени, совершаться

только въ одномъ направленіи, имѣть одинъ общій для всѣхъ разнообразныхъ формъ рѣшенія вопроса характеръ.

Изображеніемъ людей и нравовъ своего времени не исчерпывается значеніе разсматриваемаго произведенія Апулея; оно замѣчательно еще по обилію въ немъ элементовъ фольклора. Указанія на вѣрованія въ чары, колдовство, гаданія, прорицанія, превращенія, волшебства и всевозможныя суевѣрія проходятъ черезъ все сочиненіе, которое къ тому же перемежается еще и сказками; одна изъ нихъ—сказка объ Амурѣ и Психеѣ—имѣетъ громкую всемірную извѣстность и много разъ давала сюжеты поэтамъ, скульпторамъ и живописцамъ. Сказка эта, переработанная Апулеемъ изъ народной сказки, но сохранившая и въ этой переработкѣ свои основныя черты, обратила на себя въ наше время вниманіе изслѣдователей и при помощи сравнительнаго метода изученіе ея введено теперь въ кругъ изслѣдованія всесвѣтнаго фольклора и при этомъ освѣщеніи получила выдающійся интересъ. Такіе вопросы, какъ вопросъ о связи народныхъ сказокъ съ первобытными вѣрованіями, вопросъ о происхожденіи сказокъ и ихъ распространеніи, вопросъ объ отношеніи сказокъ къ миѳу, легендѣ и эпосу, получаютъ значительное освѣщеніе отъ расширенія запаса того матеріала, надъ которыми могутъ работать фольклористы. Въ связи съ расширеніемъ располагаемаго матеріала идетъ углубленіе самого изслѣдованія и не одна, такъ недавно еще казавшаяся стойкою, теорія пала подъ вліяніемъ этого пріумноженія собираемаго по всему свѣту матеріала. Сказка Апулея заслуживаетъ поэтому вниманія и независимо отъ того сочиненія, въ которое она была вставлена и съ которымъ она не имѣетъ никакой внутренней связи.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Изд. Солдатенкова. М. 1895. Ц. 2 р. 50 к.

Въ предисловіи г. Ковалевскій говоритъ, что его изслѣдованіе не есть новая исторія французской революціи и не оцѣнка ея общихъ результатовъ. Онъ хотѣлъ лишь изобразить часть совершеннаго революціею дѣла и подвергъ изученію процессъ развитія той доктрины, которая была положена въ основу законодательства, направленнаго къ рѣшенію экономическихъ и общественно-государственныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ революціей. „Эта доктрина, по словамъ автора, можетъ быть охарактеризована однимъ словомъ: народной или демократической“. Въ лежащемъ передъ нами первомъ томѣ, авторъ хотѣлъ разобрать вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ сложилось „ученіе о гражданскомъ равенствѣ и народномъ суверенитетѣ, проведеніе котораго въ жизнь выпало

въ удѣлъ Учредительному Собранію". Для этого авторъ счелъ возможнымъ ограничиться общей картиной соціально-политическаго строя Франціи въ періодъ редактированія „Наказовъ" 1789 года, въ которыхъ выразилось отношеніе народа и руководящихъ классовъ къ „старому порядку".

Такимъ образомъ г. Ковалевскій свелъ свою задачу къ изученію вопроса о происхожденіи французскаго демократическаго общества, основаннаго революціей 1789 года.

Пальмерстонъ въ одной изъ своихъ рѣчей говорилъ, что готовъ дать премію тому, кто принесетъ ему экземпляръ англійской конституціи. Тѣмъ не менѣе, когда идетъ рѣчь объ англійской конституціи, то всякому понятно, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ выраженіемъ. Такая-же неписанная конституція была и во Франціи въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Но въ XVII и XVIII столѣтіяхъ основы ея обветшали и стали исчезать одна за другою. Учредительное собраніе 1789 года могло *возстановить* эту старинную неписанную конституцію. Но оно пошло по другому пути и рѣшило дать Франціи *новую* конституцію. Дѣятели Учредительнаго собранія обратились за помощью къ иностраннымъ (англійскимъ и американскимъ) образцамъ. Среди депутатовъ Учредительнаго собранія было много поклонниковъ англійской конституціи. Они восхваляли ее за равновѣсіе властей, обезпечивавшее свободу гражданъ.

Г. Ковалевскій многочисленными выдержками изъ сочиненій французскихъ писателей конца прошлаго вѣка доказываетъ, что члены Учредительнаго собранія не совсѣмъ вѣрно понимали истинный характеръ англійской конституціи. То же самое случилось и съ американскими конституціями отдѣльныхъ штатовъ. Во Франціи преувеличивали ихъ хорошія стороны и не видѣли дурныхъ. Г. Ковалевскій подвергаетъ строгой критикѣ ученіе Кондорсэ о представительствѣ собственниковъ (стр. 598 и сл.), заимствованное у американцевъ, какъ равно и ученіе о единой всесословной палатѣ. Подъ тѣми-же американскими вліяніями составленъ былъ и проектъ конституціи Лафайета. Кружокъ американофиловъ во Франціи былъ не великъ. Тѣмъ не менѣе американская война съ Англіей произвела сильное впечатлѣніе на французскій народъ, а французскіе офицеры, ѣздившіе въ Америку, привезли на родину глубокое уваженіе къ американской свободѣ.

Вообще глава „Англоманія и американофильство" написана очень живо и интересно, хотя, по нашему мнѣнію, авторъ слишкомъ уже умаляетъ значеніе самостоятельной работы французскихъ политическихъ умовъ.

Съ особеннымъ интересомъ мы остановились на 2-й (послѣдней) главѣ четвертой части, въ которой авторъ разбираетъ теорію демократической монархіи. Г. Ковалевскій отрицаетъ

Руссо и Мабли, основывая свой взглядъ на томъ обстоятельствѣ, что Руссо и Мабли, подобно Монтескье, придерживались ученія о раздѣленіи властей. Вообще г. Ковалевскій многочисленными выписками изъ сочиненій Руссо, Мабли и Монтескье доказываетъ, что французская конституція 1791 года сложилась, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ „Духа законовъ" Монтескье, хотя нѣкоторыя положенія этого автора были измѣнены, благодаря вліянію сочиненій Вольтера. Словомъ, г. Ковалевскій устанавливаетъ то, что называется единствомъ революціонной политической доктрины. Ученіе же Руссо о народномъ верховенствѣ, нарушившее это единство, не нашло себѣ практическаго примѣненія, хотя и было провозглашено въ декларацiи правъ. Въ этомъ отношеніи одержало верхъ ученіе Монтескье о правахъ народнаго представительства и о неизмѣняемости основныхъ конституціонныхъ законовъ.

По мнѣнію г. Ковалевскаго, разрывъ между Людовикомъ XVI и народомъ произошелъ не вслѣдствіе разныхъ взглядовъ на конституціонную реформу, а лишь вслѣдствіе различнаго ихъ отношенія къ сословному и церковному вопросамъ. „Королевская демократія" оказалась неосуществимой въ виду явнаго пристрастія короля къ привиллегіямъ дворянства и духовенства.

Впрочемъ, послѣдняя, четвертая, часть сочиненія г. Ковалевскаго представляетъ болѣе сопоставленіе и сравненіе разныхъ ученій конца прошлаго столѣтія. Полную-же критику ихъ онъ обѣщаетъ дать въ слѣдующемъ, второмъ томѣ.

Въ первыхъ двухъ частяхъ своего труда авторъ рисуетъ картину до-революціоннаго политическаго и общественнаго быта Франціи. Съ легкой руки Тэна въ исторической наукѣ водворилось понятіе о томъ, что зародышей французской революціи слѣдуетъ искать задолго до событій 1789 года. Стали внимательно изучать старый режимъ и сразу натолкнулись на разныя противорѣчія. Оказалось, что этотъ старый режимъ имѣлъ и свои хорошія стороны. Эти открытія сбили съ толку многихъ писателей и содѣйствовали тому, что разъясненіе истинныхъ причинъ революціи приняло весьма запутанный видъ.

Г. Ковалевскій, повидимому, довольно близко подошелъ къ объясненію главной причины революціи, хотя недостаточно ясно выразилъ ее. По его мнѣнію, старинная неписанная французская конституція, понимаемая въ смыслѣ опредѣленнаго политико-общественнаго строя, дошла до апогея своего развитія въ XIV столѣтіи. Послѣдующія столѣтія были эпохою ея упадка. Ко временамъ, непосредственно предшествовавшимъ революціи 1789 года, этотъ упадокъ достигъ край-

лись неоднократно въ заявленіяхъ представителей средняго сословія отъ XIV до XVII столѣтія. Втеченіи этого долгаго періода сначала генеральные штаты, а потомъ верховные суды или парламенты ведутъ непосредственную и неустанную борьбу съ произволомъ. Когда этотъ произволъ принялъ революціонную форму, тѣ же парламенты выступили въ защиту старинныхъ обычаевъ и правъ. Въ то же время первыя требованія о созывѣ генеральныхъ штатовъ въ царствованіе Людовика XVI исходили отъ парламентовъ.

Параллельно съ упадкомъ старинной французской конституціи шло развитіе имущественнаго неравенства въ обществѣ. Вся тяжесть налоговъ падала на бѣднѣйшіе классы. Поэтому революція 1789 года имѣла не столько политическій, сколько соціальный характеръ.

Въ сочиненіи г. Ковалевскаго соціальныя бѣды французскаго до-революціоннаго общества разсмотрѣны съ особенной тщательностью и подробностью (вся первая часть книги, занимающая 240 страницъ). Но мы не можемъ въ краткой рецензіи останавливаться на подробностяхъ этого интереснаго изслѣдованія и остановимся лишь на третьей части книги, въ которой говорится объ экономическихъ теоріяхъ прошлаго вѣка.

Въ половинѣ прошлаго вѣка земледѣліе было въ упадкѣ, всѣ попеченія правительства были направлены къ искусственному поднятію промышленности (путемъ покровительственныхъ пошлинъ). „Меркантилизмъ, говоритъ г. Ковалевскій, и связанное съ нимъ покровительство обработывающей промышленности и внѣшней торговли, отодвигая земледѣліе на задній планъ, сосредоточивая капиталы и трудъ на городскихъ производствахъ, обезлюживая села и сокращая количество влагаемыхъ въ землю затратъ, искусственно, хотя и безсознательно, поддерживало средневѣковой строй земледѣльческаго хозяйства съ его монополіей собственности, наслѣдственной арендой, половничествомъ, сеньеріальными повинностями и платежами“ (339).

Въ этихъ словахъ авторъ даетъ мѣткую картину экономическаго состоянія Франціи того времени. Результатомъ такихъ порядковъ было крайнее обѣднѣніе классовъ, жившихъ на счетъ земли. Противъ подобныхъ безпорядковъ выступила экономческая школа физіократовъ въ лицѣ ея основателя Кенэ. Ученіе этой школы о томъ, что облачать можно лишь чистый доходъ или ренту, сдѣлалось основнымъ пунктомъ наказовъ 1789 года и повліяло на экономическіе законы, изданные Учредительнымъ собраніемъ. Вліяніе физіократовъ

Ученіе физіократовъ весьма подробно и хорошо изложено г. Ковалевскимъ. Страницы, посвященныя этому предмету, изъ лучшихъ въ его книгѣ.

Вообще трудъ г. Ковалевскаго по своей серьезности, обстоятельности и хорошему изложенію представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу политическую литературу.

Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 году **А. Д. Градовскимъ.** Издано подъ редакціей Н. М. Коркунова. Спб. 1895.

Лекціи, читанныя въ 1885 году А. Д. Градовскимъ, имѣютъ по преимуществу догматическій характеръ. Исторію же западно-европейскаго государственнаго права онъ издалъ еще при жизни, въ 1886 году *). Поэтому надлежитъ имѣть въ виду оба эти труда, какъ дополняющіе и объясняющіе другъ друга.

Основная мысль, проходящая чрезъ оба эти сочиненія, состоитъ въ томъ, что какъ Англія, такъ и другія государства Западной Европы слагались первоначально подъ одинаковыми условіями, но затѣмъ разошлись въ подробностяхъ своего развитія. Такія же первоначальныя парламентскія учрежденія, какъ въ Англіи, были и въ другихъ государствахъ феодальной, средневѣковой Европы. Зарожденіе этого парламентарнаго строя относится ни болѣе, ни менѣе какъ ко временамъ германскихъ племенъ, бытъ которыхъ описанъ еще у Тацита. Отличительную черту англійской конституціи, которая одна только (вмѣстѣ съ венгерскою) уцѣлѣла отъ среднихъ вѣковъ, Градовскій усматривалъ въ ея историческомъ развитіи. Въ англійской исторіи государственныхъ учрежденій была преемственность (Kontinuität), которой не было ни въ Германіи, ни во Франціи. Вотъ почему королевская власть во Франціи сложила оружіе предъ революціей: у нея не было опоры въ старыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, исчезнувшихъ одно за другимъ.

Въ Англіи также совершались революціи, но цѣль ихъ состояла не въ созданіи совершенно новаго порядка, какъ во Франціи, а въ охраненіи уже существовавшихъ государственныхъ учрежденій. Составныя части англійскаго парламента— король, лорды и общины доселѣ сохранили свое традиціонное значеніе, тогда какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ король и обѣ палаты парламента знаменовали собою новый

---

*) Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ первый. Часть историческая. А. Градовскаго. Спб. 1886 г.

государственный порядокъ, не имѣвшій ничего общаго съ стариннымъ феодальнымъ строемъ.

Затѣмъ, въ то время какъ оригинальной чертою англійскаго конституціоннаго строя является широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, въ другихъ европейскихъ государствахъ въ эпоху перенесенія въ нихъ началъ англійской конституціи главное вниманіе обращалось не на самоуправленіе мѣстныхъ органовъ власти, а на политическую сторону англійской конституціи. Иными словами—англійская конституція имѣла цѣлію созданіе крѣпкаго и сильнаго государства, а другія европейскія конституціи стремились главнымъ образомъ къ обезпеченію личныхъ правъ каждаго гражданина.

Однимъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ въ курсѣ Градовскаго слѣдуетъ считать ученіе о раздѣленіи властей (стр. 66—75). Весьма подробно и тщательно излагаетъ онъ также ученіе о конституціонной монархіи. Много интересныхъ мыслей высказано въ курсѣ о политическихъ партіяхъ и объ ихъ значеніи въ конституціонной монархіи.

Вообще книга Градовскаго не только представляетъ собою прекрасное объясненіе конституціоннаго строя, но и одинъ изъ лучшихъ въ европейской литературѣ критическихъ трудовъ по государственному праву.

О развитіи рахитизма и рахитическихъ уродствъ среди дѣтей рабочаго населенія С.-Петербурга. Д-ра В. П. Жуковскаго. Спб. 1894.

Рахитизмъ или „англійская болѣзнь“ едва ли не одна изъ самыхъ частыхъ среди дѣтей недостаточнаго населенія рабочихъ, мелкихъ служащихъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ это такая болѣзнь, съ которой рѣже всего обращаются родители къ врачу, въ особенности въ начальныхъ или слабыхъ ея проявленіяхъ.

Авторъ взялъ на себя благодарную задачу изслѣдованія этого недуга среди петербургскаго рабочаго населенія, но, къ сожалѣнію, сильно ее ограничилъ. Заглавіе работы можетъ ввести въ заблужденіе читателя. Невольно является предположеніе, что авторъ для рѣшенія своего, весьма важнаго, вопроса основательно ознакомился съ фабрично-заводскимъ бытомъ населенія столицы, но этого въ его работѣ видимъ. Далѣе авторъ недостаточно классифицируетъ дѣт по роду занятій родителей, а судить о распространеннос рахитіи по тѣмъ дѣтямъ, которыхъ онъ осматривалъ въ г булаторіи, нельзя. Авторъ очень мало обратилъ вниманія на условія жизни родителей и санитарную обстановку лищъ.

ходимъ не мало интересныхъ свѣдѣній даже помимо спеціально-медицинскихъ. Предпославъ въ первыхъ главахъ своей работы исторію англійской болѣзни вообще и свѣдѣнія о распространеніи ея среди дѣтей въ различныхъ странахъ и городахъ, авторъ переходитъ къ лично имъ собраннымъ наблюденіямъ (съ 28 стр.), которыя производились по извѣстной программѣ. Приэтомъ оказалось, что изъ 3225 дѣтей 3055 рахитиковъ. Такимъ образомъ, процентъ рахита среди дѣтей рабочаго населенія Петербургской стороны, явившихся въ амбулаторію (съ 1891—1893 г.), равняется въ общемъ 95%. Ужасная цифра! Можно ли ожидать отъ такого поколѣнія здоровыхъ рабочихъ? Нельзя не задуматься надъ подобными цифрами. Принимая во вниманіе, что условія жизни нашихъ рабочихъ почти одинаковы какъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ производились авторомъ наблюденія, такъ и на Выборгской, Васильевскомъ островѣ, пригородахъ, можно допустить, что и число рахитиковъ среди дѣтей рабочаго населенія тамъ такое же. Тяжелыя формы рахита авторъ наблюдалъ у 35% осмотрѣнныхъ имъ дѣтей. Довольно подробно авторъ останавливается на вопросѣ о вліяніи временъ года и другихъ условій на развитіе рахита (33—52 стр.). Остальная часть работы содержитъ подробную характеристику рахитизма отдѣльныхъ частей тѣла, начиная съ головы (измѣненія формы черепа, головныхъ діаметровъ, зубовъ и т. д.), затѣмъ измѣненія груди, конечностей, позвоночника и таза. Авторъ приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и цифровыя данныя (измѣренія головы, таза, грудной клѣтки и т. д., нормальнаго ребенка и рахитика). Въ книгѣ приложено 80 фотографическихъ снимковъ съ больныхъ рахитомъ дѣтей. Встрѣчается много опечатокъ и вообще съ внѣшней стороны изданіе оставляетъ желать многаго.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Иллюстрированные романы **Вальтеръ-Скотта**, въ сокращенномъ перев. Л. Шелгуновой. (Изд. Ф. Павленкова). **Редгантлетъ** (съ 16 рис.).—**Приключенія Нигеля** (съ 16 рис.).—**Робертъ, графъ Парижскій** (съ 12 рис.).—**Сенъ-Ронанскія воды** (съ 12 рис.).—**Опасный замокъ** и **Два пастуха** (съ 11 рис.) Спб. 95. Ц. 40 к. каждая книжка.

Къ свѣту. Разсказы для дѣтей **В. В. Огаркова** (съ 27 рис.). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р.

Люцій Апулей. Золотой оселъ. Переводъ съ латинскаго М. М. Соколова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 1 руб. 50 коп.

Эдгардъ По. Баллады и фантазіи. Переводъ съ англійскаго К. Бальмонта. Изд. кн. маг. Ѳ. А. Богданова. М. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Сочиненія А. Лугового. Томъ III. Спб. 95. Ц. 2 р.

Якутскіе разсказы Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко). Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 75 к.

Маркъ Криницкій. Въ туманѣ. Разсказы. М. 95. Ц. 40 к.

Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ. (Воспоминанія изъ институтской жизни). Женскіе силуэты. Спб. 94. Ц. 1 р.

Собраніе сочиненій Андерсена. Въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Вып. XIII. Спб. 94.

Стихотворенія Бодлэра. Изд. Петровской библіотеки въ Москвѣ. М. 95. Ц. 1 руб.

Тайна богатой наслѣдницы. Романъ **Вальтера Безанта.** Переводъ съ англійскаго С. Майковой. Изданіе журн. «Міръ Божій». Спб. 95. Ц. 80 к.

Кое-кто. Кое-что. Спб. 95. Ц. 1.

Альфредъ Теннисонъ. Магдалина. Поэма. Переводъ А. М. Ѳедорова, со вступительной статьей Ив. Ив. Иванова и съ портретомъ Теннисона. М. 95. Ц. 50 к.

Кара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. Переложилъ **Радимичъ.** Витебскъ. 94. Ц. 10 к.

П. Смирновскій. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Мин. Нар. Просв. Изд. 3. М. 94. Ц. 15 к.

Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка. Составилъ **К. Ѳ. Петровъ.** Шестое исправл. и дополн. изданіе. Часть I. М. 95. Ц. 40 к.

Изданія Спб. комитета грамотности. **Саша.** Разсказъ **Марка Вовчка.** Ц. 3 к. **Козачка. Одарка. Горпина.** Разсказы **Марка Вовчка.** 95. Ц. 4 к. **Сестра. Ледащая.** Разсказы **Марка Вовчка.** 95. Ц. 4 к. **Скряга Скруджъ.** Святочный разсказъ **Ч. Диккенса.** 95. Ц. 9 к.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Составили П. и В. Перцовы. Спб. 95. Ц. 1 р.

Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Психологическіе этюды **Р. А. Янтаревой.** Спб. 95. Ц. 60 к.

Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. А. Фуллье. Переводъ съ французскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 95. Ц. 3 р.

Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. А. фонъ-Фрикенъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова М. 95 Ц. 4 р.

Французская литература XIX вѣка. Ж. Пелисье. Перев. подъ редакціей Н. Мировичъ. Изданіе книжнаго склада П. К. Прянишникова М. 95. Ц. 1 р.

А. С. Пругавинъ. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Спб. 95. Ц. 2 р.

Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библіотеки за 1894 г. Пенза.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1893—94 библіотечный годъ. Симбирскъ. 94.

Отчетъ Общества вспомоществованія учащимся въ Енисейской губ. за 1892—93 г. Красноярскъ. 94.

Программа учебныхъ мастерскихъ ручного труда. А. И. Брюккера. Спб. 94.

Опроверженіе рецензіи г. Карскаго на два учебника, изданные А. Флеровымъ. **А. П. Флерова.** Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ. 94.

Положеніе народнаго образованія въ Саратовской губерніи за время существованія въ ней земскихъ учрежденій. Выпускъ XI. Губернское земство. (Приложеніе къ «Сборнику Сар. Губ. Земства» 1894 г.). Саратовъ. 94.

Саратовскому XXIX очередному губернскому земскому собранію **докладъ коммиссіи по народному образованію** по вопросу объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Саратовъ. 95.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.—**Н. А. Добролюбовъ.** Его жизнь и литературная дѣятельность. Біограф. очеркъ **А. М. Скабичевскаго.** — **Адольфъ Кетлэ.** Его жизнь и научная дѣятельность. Біограф. очеркъ д-ра **Н. М. Райхесберга.**—**Сервантесъ.** Его жизнь и литературная дѣятельность. Біограф. очеркъ **А. И. Цоманіонъ.** Спб. 94. Ц. каждой книжки 25 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Томъ девятый. Вып. второй. Изданіе А. С. Суворина («Дешевая библіотека»). Спб. 95. Ц. 10 к.

Сто великихъ людей. Книга VII. Марко Поло, Колумбъ, Магеланъ, Кукъ, Ливингстонъ. Изданіе А. С. Суворина («Дешевая Библіотека») Спб. 95. Ц. 20 к.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. Ц. 3 р.

Исторія французской революціи. И. Карно. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. 2-ое изд. Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Бокля. Перев. А. Н. Буйницкаго. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Е. Соловьева. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 2 р.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. **В. Н. Витевскаго.** Выпускъ четвертый. Казань. 95. Ц. 2 р.

О правахъ женщины. П. В. Безобразова. М. 95. Ц. 50 к.

Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда. Проф. В. Даневскаго. М. 94.

И. И. Пантюховъ. О кумыкахъ. Антропологическій очеркъ. (Перепеч. изъ газеты «Кавказъ»). Тифлисъ. 95.

Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Ч. Кента. Переводъ съ англійскаго Д. Голова. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р.

Д-ръ Альфредъ Гегаръ. Половое влеченіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе д-ра Н. Лейненберга. Одесса. 95. Ц. 75 к.

Терапевтическое значеніе органическихъ (животныхъ) **вытяжекъ.** Д-ра медицины **М. В. Шиперовича.** Оттиски «Еженедѣльника». Спб. 94. Ц. 30 к.

В. Прейеръ. О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни. Изданіе «Международной библіотеки». Одесса. 95. Ц. 50 к.

Международная библіотека. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. 95. **Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма.** Ц. 15 к. **Ф. Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія.** Ц. 20 к. **Ш. Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія.** Ц. 15 к. **К. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе.** Ц 15 к.

Естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Д-ра Унгера. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями врачей М. Немзера и А. Фейта. Спб. 95. Ц. 30 к.

Воздушный корабль или летоходъ. Изобрѣтеніе **Д. Н. Чернушенко.** Paris.

Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. **Г. Клейна.** Перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ 9 портретами, 61 рисункомъ и 4 картами звѣзднаго неба. Изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 95. Ц. 2 р.

Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ Полтавскаго губернскаго земства съ 1886 по 1892 годъ. Изданіе Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава. 94.

Влажность почвы и грунтовая вода въ связи съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы. **А. А. Измаильскаго.** Полтава. 94. Ц. 1 р.

Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ проф. Докучаева. Отчетъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Спб. 94—95.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1894 годъ. Изданіе Тверскаго губернскаго земства. Тверь. 95.

О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, способствующихъ улучшенію быта рабочаго класса въ З. Европѣ и С. Америкѣ. **Ф. А. Данилова.** М. 95.

М. Ціонъ. Экспортныя мельницы. Къ вопросу о вывозѣ русской муки. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 95. Ц. 50 к.

Сергѣй Шараповъ. Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Спб. 95. Ц. 1 р.

Положеніе о капиталѣ имени потомственнаго почетнаго гражданина М. А. Сибирякова для выдачи пособій пріисковымъ рабочимъ Якутской области. Спб. 95.

В. Семевскій. Крупное пожертвованіе въ пользу рабочихъ. Спб. 94.

П. Логашевъ. По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью министерства земледѣлія. Экономическій этюдъ. Спб. 95. Ц. 75 к.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. Т. XIV. Константиноградскій уѣздъ. Изданіе Полтавской губернской земской управы. Полтава. 94. Ц. 2. р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Статистическое бюро Полтавскаго губернскаго земства. **Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.** Выпускъ І. Полтава. 94.

сійской имперіи. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 95. Ц. 10 р.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 годъ. Изданіе Ф. П. Романова. Томскъ. 95. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Сельско-хозяйственный идеалъ. (Къ вопросу объ организаціи хозяйствъ). **П. М. Рева.** Кіевъ. 95.

Журналы XXX очереднаго Нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ городѣ Москвѣ за 1893 годъ. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ Московской городской управы. М. 95.

Замѣтка о переводѣ книги Шопенгауэра.

Въ концѣ 1893 года появился въ переводѣ Н. М. Соколова, 2-й томъ главнаго произведенія Шопенгауэра, «Міръ какъ воля и представленіе». Тогда же, въ библіографической замѣткѣ (Новое Время, 7 декабря) я поспѣшилъ привѣтствовать этотъ почтенный трудъ, воздавъ надлежащую похвалу стилистическимъ достоинствамъ перевода, и указалъ на нѣкоторыя промахи и невѣрности, которыя сами собою бросились мнѣ въ глаза, при бѣгломъ просмотрѣ книги. Я писалъ: «мы не свѣряли перевода съ оригиналомъ, мы только его просмотрѣли. Конечно, здѣсь не мѣсто указывать всѣ замѣченныя нами опечатки и недосмотры. Мы привели только тѣ, которые бросились въ глаза прямымъ извращеніемъ смысла подлинника. Списка опечатокъ, къ сожалѣнію, не приложено, и *если ихъ много, то это отнимаетъ всякую цѣну у изданія*. Переводчику, или издателю, слѣдуетъ теперь же *провѣрить всѣ опечатки и приложить ихъ отдѣльнымъ оттискомъ къ изданію, чтобы возвратить книгѣ цѣнность*».

Прошло уже болѣе года, но такого указателя опечатокъ не появилось; а я между тѣмъ успѣлъ обстоятельно ознакомиться съ переводомъ г. Соколова. Какъ искренній поклонникъ Шопенгауэра, и самъ внесшій нѣкоторую лепту на дѣло ознакомленія публики съ философомъ, я считаю своимъ долгомъ указать ей хотя бы лишь тѣ опечатки и искаженія подлинника, которыя придаютъ его мыслямъ и фразамъ обратный смыслъ и смутное значеніе. Дѣлая это исключительно ради читателей, запасшихся переводомъ и не владѣющихъ языкомъ подлинника, я съ горечью чувствую, что вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ нанести ущербъ огромному и почтенному труду переводчика, погубившаго его своею небрежностью. Но что́ же дѣлать? Если никто не можетъ запретить человѣку являться въ публику въ неряшливомъ костюмѣ, то отнюдь непозволительно выносить на рынокъ величавый образъ мыслителя въ искаженномъ и

ружено и устыжено.

Философію, особенно такого мастера слова, какимъ былъ Шопенгауэръ, нельзя переводить съ плеча, какъ романъ какого-нибудь бульварнаго борзописца. Къ его фразѣ надо относиться съ самымъ строгимъ вниманіемъ и вдумчивостью, и если она сразу не укладывается въ формы чужого языка, то слѣдуетъ надъ нею остановиться, а не втискивать насильно; черезъ нѣкоторое время она свободно выльется сама собою. Записавъ ее на бумагѣ, ее снова слѣдуетъ сравнить съ подлинникомъ, чтобы не упустить какого нибудь существеннаго слова, придающаго извѣстный оттѣнокъ смыслу. Правда, такая работа скучна и копотлива, но она гарантируетъ точность и вѣрность перевода и можетъ замѣнить оригиналъ. Не то мы видимъ въ переводѣ г. Соколова. Справляясь, въ большинствѣ случаевъ, удачно съ трудными мѣстами подлинника, онъ неостанавливается, при утомленіи мысли, надъ смутно понятымъ смысломъ фразы, а форсируетъ себя и фразу, вставляя въ нее, и не всегда впопадъ,—что называется — отсебятину. И добро бы это происходило отъ неосновательнаго знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ,—такъ нѣтъ! судя по всему, въ этомъ нельзя слишкомъ упрекнуть переводчика. Всѣ недосмотры, ошибки и искаженія вытекли просто изъ россійской небрежности и халатности, — что и возбуждаетъ особую досаду и жалость.

Начну съ общаго замѣчанія, относящагося ко всей книгѣ. На первой ея страницѣ переводчикъ, въ выноскѣ, обращаетъ вниманіе на то, что онъ «не нашелъ возможнымъ терминъ Шопенгауэра «Anschaung» переводить словомъ *созерцаніе*, какъ это дѣлаетъ Фетъ, и замѣнилъ его словомъ «конкретное представленіе». Во-первыхъ, Anschaung, *созерцаніе*, терминъ не одного Шопенгауэра, а всей нѣмецкой философіи; во-вторыхъ, слово *созерцаніе* введено въ философскій русскій языкъ не Фетомъ, а существуетъ съ двадцатыхъ годовъ столѣтія, когда къ намъ стала проникать пресловутая философія Фихте, Шеллинга и Гегеля. Въ третьихъ, такую замѣну менѣе всего можно назвать удачной. Вѣдь *созерцаніемъ*, Anschaung, называется тотъ чувственный (нервный) и умственный (мозговой) процессъ, результатомъ котораго и является конкретное представленіе. Внѣшнія впечатлѣнія органовъ чувствъ передаются нервами мозгу, гдѣ спеціальною его функціей, называемой *умомъ*, и перерабатываются въ *конкретныя представленія*, сообразно апріорнымъ формамъ этого ума,—времени, пространству и причинности. Если бы переводчикъ хорошенько это взвѣсилъ, да предупредилъ бы неопытнаго читателя о такомъ употребленіи этихъ терминовъ, то, конечно, освободилъ бы свое изложеніе отъ той сбивчивости понятій, которая чувствуется по всему тексту отъ подобной несостоятельной замѣны одного термина другимъ.

Далѣе, Шопенгауэръ тщательно различаетъ слово der Intelect

(совокупныя умственныя способности) отъ *ума*, der Verstand, въ значеніи вышеуказанной спеціальной способности *созерцанія*. Переводчикъ смѣшиваетъ оба эти понятія и произвольно замѣняетъ одно другимъ. Это, конечно, не искажаетъ общаго смысла, но лишаетъ изложеніе точности и опредѣленности, столь необходимыхъ въ философіи. Указанныя здѣсь неточности перевода разбросаны по всей книгѣ. Перейду теперь къ указанію частныхъ искаженій подлинника.

Стр. 4, строка 11 сверху, напечатано: «абсолютная реальность міра исчезаетъ и очищаетъ мѣсто для совершенно другого міровоззрѣнія, гдѣ этотъ субъективный феноменъ ложится въ основу всего, т. е. становится въ такое же отношеніе къ міру, въ какомъ находится вещь-въ-себѣ къ простому явленію». Въ подлинникѣ сказано: абсолютная реальность міра исчезаетъ и уступаетъ мѣсто совершенно иному міропорядку, который лежитъ въ основѣ того феномена, т. е. относится къ нему, какъ вещь-въ-себѣ къ простому явленію.

Стр. 10, строка 18 снизу: «матеріальный міръ съ его тѣлами въ пространствѣ, которыя имѣютъ протяженность и которыя соединяются между собою по отношеніямъ времени и причинности» и проч.; у Шопенгауэра: матеріальный міръ, съ его тѣлами въ пространствѣ, которыя имѣютъ протяженность и, посредствомъ времени, находятся въ причинномъ отношеніи другъ къ другу, и проч.

Стр. 14, строка 1 снизу: «стремленіе постигнуть сущность вещи-въ-себѣ путемъ только познанія и представленія совершенно не осуществимо, такъ какъ эта *сущность* сообщается предметамъ всегда *извнѣ* и поэтому всегда должна оставаться внѣ насъ». Непостижимая путаница! *Сущность* предметовъ *сообщается* имъ всегда *извнѣ*! Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ въ оригиналѣ, тамъ сказано наоборотъ: намѣреніе постигнуть сущность вещей-въ-себѣ безусловно не достижимо путемъ одного познанія и представленія, потому что они подходятъ къ вещамъ всегда извнѣ и оттого вѣчно должны оставаться внѣ ихъ.

Стр. 19, строка 2 сверху: «грубой матеріи... противопоставляется, какъ чистое отраженіе ея, познающій субъектъ». Въ подлинникѣ: матеріи противопоставляется, какъ чистая ея противоположность, познающій субъектъ. Невниманіе переводчика было такъ велико, что онъ слово Widerspiel, противоположность, смѣшалъ съ Wiederspiegeln!

Стр. 21, строка 8 снизу: «ты дѣлаешь хорошо, когда хочешь оспаривать мое существованіе только потому, что оно связано съ индивидуумами». Должно быть: ты дѣлаешь хорошо, не желая оспаривать мое существованіе, ради того, что оно связано съ индивидуумами.

Стр. 23, заглавіе: «къ ученію о конкретномъ или чувственномъ познаніи». Въ подлинникѣ: къ ученію о созерцательномъ познаніи,

шопенгауэровской философіи переводъ поставленъ въ заголовкѣ той главы, гдѣ именно толкуется о недостаточности для созерцанія однихъ чувственныхъ ощущеній, что оно завершается переработкою ихъ умомъ, при помощи свойственныхъ ему формъ,—времени, пространства и причинности. Вообще эта глава (2-я) лишена надлежащей опредѣленности, оттого, что переводчикъ вездѣ употреблялъ слово «*представленіе*», какъ для Anschaung, такъ и для Vorstellung.

Стр. 28, с. 2 сн.: «тотъ мыслительный актъ, посредствомъ котораго мы переходимъ отъ причины къ дѣйствію, ни въ какомъ случаѣ явственно не входитъ въ наше сознаніе. Поэтому чувственное ощущеніе не выдѣляется изъ него, какъ изъ грубаго матеріала, изъ котораго только интеллектъ создаетъ представленіе». Въ подлинникѣ: поэтому чувственное ощущеніе не выдѣляется изъ представленія, которое создается, какъ изъ сырого матеріала, изъ этого ощущенія, только умомъ.

42 стр., с. 10 сн.: «мы не можемъ допустить, чтобы такіе маленькіе людишки пытались *идти по стопамъ* великаго мыслителя». Слѣдуетъ: *затаптывать слѣды* великаго мыслителя.

Стр. 95, с. 9 св.: «въ качествѣ пищи для разъ *посаженнаго растенія*»; слѣдуетъ: *для завязавшагося плода*.

Стр. 100, с. 11 св.: «таково же понятіе о неразрушимости нашего дѣйствительнаго существа въ смерти,—то же и о невозможности для него дальнѣйшаго существованія». Въ оригиналѣ: равно какъ и положеніе: неразрушимость нашего истиннаго существа въ смерти не есть его дальнѣйшее дленіе.

Стр. 79, с. 4 сн.: «онъ даетъ свою цѣну (Preis gegeben ist) всѣмъ вымышленнымъ химерамъ». Должно быть: онъ отданъ на жертву всевозможнымъ измышленнымъ химерамъ.

Стр. 92, с. 2 сн.: «но мыслящій человѣкъ,—такъ какъ подобныя вещи для него не представляютъ никакого интереса и такъ какъ ему близки только его проблемы, о которыхъ онъ думаетъ всегда и повсюду, безъ книги, своей головой,—не можетъ съ такою полнотою или такимъ увлеченіемъ отдаваться подобнымъ развлеченіямъ». У Шопенгауэра: мыслящій человѣкъ таковъ потому, что его интересуютъ совсѣмъ не такія вещи, а его проблемы, которымъ онъ предается поэтому вездѣ самъ собою, безъ книги; возбудить въ себѣ тотъ интересъ, если его не имѣешь,—невозможно.

Стр. 158, с. 3 св.: «если мы его (представленіе) находимъ, неомнѣнно, что для этого былъ достаточный поводъ въ нашемъ мышленіи». У Шопенгауэра идетъ рѣчь не о *представленіи*, а о *мысли*, и сказано: но коль скоро мы ее находимъ, то съ нею вмѣстѣ является и искомая мысль.

Стр. 165, с. 8 св.: «переживъ минуты разсѣянности и физическаго перерожденія». Въ подлинникѣ: послѣ того, какъ мы разъѣемся и измѣнимъ физическое настроеніе.

Стр. 166, с. 7 сн.: «корень того дерева, которое приноситъ такіе плоды». Должно быть: корень того дерева, плодомъ котораго является сознаніе.

Стр. 167, с. 20 св.: «нуждается въ поводѣ, *какой могутъ дать* только ассоціаціи представленій и мотивы дѣятельности», Слѣдуетъ: въ поводѣ, который *должны* дать ассоціація мыслей и мотивація.

Стр. 170, с. 1 св.: «слѣды ея (безсознательности) можно замѣтить во всѣхъ... недостаткахъ интелекта; и каждый изъ этихъ недостатковъ возникаетъ въ силу физіологическихъ функцій». Слѣдуетъ: въ несовершенствахъ каждаго, вызваннаго физіологическими функціями интелекта.

Стр. 170, с. 15 сн.: «умственный кругозоръ каждаго очерчивается въ высшей степени неодинаково, т. е. начинаясь съ простого *сознанія* настоящаго, свойственнаго и животнымъ, идетъ къ тому, которое видитъ» и т. д. Въ подлинникѣ: начинаясь съ простого *воспринятія* настоящаго, что свойственно и животнымъ, расширяется до того, что обнимаетъ и... доходитъ до *сознанія* и т. д.

Стр. 175, с. 15 сн.: «нельзя оказать публикѣ большей услуги, какъ указать ей на эту (этотъ?) интелектуальный аристократизмъ природы. Въ силу этого аристократизма, становится понятнымъ, что» и т. д. Должно быть: ничто не могло бы такъ сильно способствовать развитію публики, какъ пониманіе этого интелектуальнаго аристократизма природы; въ силу такого пониманія, она уразумѣла бы и т. д.

Стр. 175, с. 3 сн.: «если бы я могъ внушить публикѣ мое личное мнѣніе, то она» и т. д.» Слѣдуетъ: если бы можно было надѣлить публику способностью самостоятельно понимать это, то она и т. д.

Стр. 203, с. 19 св.: «истина, подобно желѣзу и другимъ неблагороднымъ металламъ, содержитъ въ себѣ золото только въ формѣ руды, а не даетъ ее (его?) въ формѣ свободнаго отъ всякихъ примѣненій самородка». Вмѣсто этой странной въ геологическомъ смыслѣ фразы, въ подлинникѣ говорится: истина, подобно желѣзу и другимъ неблагороднымъ металламъ, можетъ попадаться только въ формѣ руды, а не чистаго самородка.

Стр. 208, с. 8 сн.: «но уже въ самой природѣ ея (физики) объясненій дается то, что *она* не можетъ удовлетворить человѣка». Въ подлинникѣ: но уже въ самой природѣ ея объясненій заключается то свойство, что *они* удовлетворить не могутъ.

Стр. 212, с. 13 сн.: «это физика, посаженная на тронъ метафизики, но съ этого высокаго мѣста она будетъ устранена,—почти такъ же, какъ театральный оловянщикъ Гольдберга, котораго сдѣлали бургомистромъ». Хотя по существу не важная, но грубая и презабавная ошибка. Никакого оловянщика у Шопенгауэра нѣтъ и никто его не устранялъ съ его высокаго мѣста. У него сказано: это была бы физика, посаженная на тронъ метафизики; однако на этомъ высокомъ мѣстѣ она очутилась бы почти въ такомъ же мо-

ить оловянщикъ, но ein theatralischer K. означаетъ безтолковаго еатральнаго критика, а ein politischer K. недалекаго политикана.

Стр. 213, с. 17 св.: «интеллектъ только *посредникъ* (Medium) мотивовъ»; слѣдуетъ сказать: *среда* мотивовъ. Далѣе читаемъ: «если ке иногда этотъ міръ отображается въ немъ такъ, что предюситъ намъ совсѣмъ другой порядокъ вещей, который безусловно ie соотвѣтствуетъ непосредственно воспринимаемому большинствомъ юдей,—т. е. такую систему понятій, въ которой воплощается внутренняя сущность, зерно вещей, а не только ихъ внѣшняя оболочка,—о это происходитъ только accidentaliter». У Шопенгауэра сказано совершенно обратное: если же міръ схематизируется въ немъ (въ интеллектѣ) такъ, что изображаетъ совершенно иной порядокъ вещей, чѣмъ воистину существующій,—показывая именно намъ не самое зерно, а лишь внѣшнюю его оболочку,—то это происходитъ и т. д.

Стр. 214, с. 15 св.: «все существуетъ физически и ничто не можетъ быть объяснено». Должно быть: физически—и все объяснимо, и ничто необъяснимо.

Стр. 217, с. 5 св.: «послѣднюю и существенную тайну человѣкъ носитъ въ себѣ самомъ, *она* доступна ему самымъ непосредственнымъ образомъ». Въ оригиналѣ: послѣднія существенныя тайны человѣкъ носитъ въ своихъ нѣдрахъ, а *онѣ* доступны ему и т. д.

Стр. 284, с. 8 сн.: «но для внимательнаго наблюдателя ясно, что онъ (*интеллектъ*) данъ и здѣсь весь». Слѣдуетъ: для внимательнаго наблюдателя ясно, что *характеръ* и здѣсь данъ весь.

Стр. 300, с. 17 св.: «поэтому *дѣятельная воля* (das wirkliche Wollen) неотдѣлима отъ *дѣятельности*, и волевой актъ, въ тѣсномъ смыслѣ, только тотъ, который какъ такой удостовѣряется осуществляющимъ его тѣлеснымъ движеніемъ». Должно быть: истинное, *дѣйствительное хотѣніе* неотдѣлимо отъ дѣйствія, дѣянія,—и волевымъ актомъ, въ строжайшемъ смыслѣ слова, является только тотъ, который въ этомъ качествѣ удостовѣряется дѣломъ.—Тамъ же, с. 8 снизу: «и такъ, только непосредственно въ *дѣятельности* (im wirklichen Handeln) обнаруживается дѣятельность самой воли». Слѣдуетъ: только въ состоявшихся дѣйствіяхъ и т. д.

Стр. 367, с. 1 сн.: «Я такъ же мало долженъ представлять происходящее передъ моими глазами, медленное, но постоянное и однородное движеніе состоящимъ изъ безчисленныхъ, абсолютно быстрыхъ, но всетаки останавливающихся движеній, постоянно прерываемыхъ абсолютно короткими промежутками покоя; (*а при такой постановкѣ дѣла безусловно правильнымъ оказался бы только тотъ взглядъ*, что брошенный камень летитъ медленнѣе, чѣмъ выпущенная изъ ружья пуля, и на всемъ протяженіи движенія ни

реводчика поставлено въ скобкахъ и имѣетъ такой странный смыслъ, выражено въ подлинникѣ такъ: напротивъ,—я отлично знаю, что брошенный камень летитъ медленнѣе, чѣмъ выпущенная изъ руки пуля, но тѣмъ не менѣе онъ на всемъ пути ни одного мгновенія не находится въ состояніи покоя.—Отмѣченныя курсивомъ слова и странный смыслъ всей фразы есть собственное измышленіе, или недомысліе переводчика.

Стр. 457, с. 6 сн.: «звѣзды, которыя не желаютъ, радуются своей красотѣ». Это представляетъ якобы переводъ извѣстнаго стиха Гете:

Die Sterne, die begehrt man nicht,
Man freut sich ihrer Pracht, т. е.

Звѣзды, не будучи предметомъ вожделѣній, радуютъ насъ своимъ великолѣпіемъ.

Стр. 661, с. 8 св.: «до предполагаемой андрогеніи». Въ подлинникѣ: zur anmuthigen Androgyne, т. е. до миловидной андрогины.

Стр. 662, с. 15 св.: «то за это потомство обыкновенно должно расплатиться глупостью». Въ подлинникѣ: то обыкновенно за эту глупость должно поплатиться потомство. Далѣе, с. 20 св.: «бѣлокурые волоса и голубые глаза представляютъ изъ себя какую-то игру природы, почти ненормальность, что-то напоминающее бѣлыхъ мышей или, по крайней мѣрѣ, плѣсень (Schimmeln). Они не встрѣчаются ни въ одной части свѣта, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ вблизи полюсовъ, и при томъ исключительно въ Европѣ». Der Schimmel, кромѣ плѣсени, значитъ еще «бѣлая лошадь», въ какомъ смыслѣ и употреблено авторомъ. Далѣе у него сказано: они не встрѣчаются въ другихъ частяхъ свѣта, даже близь полюса, и туземны единственно въ Европѣ.

Стр. 663, с.: 17 сн. «Тотъ рѣдкій случай, когда мужчина влюбляется въ высшей степени въ безобразную женщину, возникаетъ въ силу того, что онъ, при вышеуказанной строгой гармоніи въ степени половой опредѣленности, ищетъ всѣхъ ея ненормальностей, какъ корректива, которыя противоположны его достоинствамъ». Должно быть: рѣдкій случай, когда мужчина влюбляется въ рѣшительно безобразную женщину происходитъ тогда, если, при вышеуказанной строгой гармоніи въ степени половой опредѣленности, всѣ ея ненормальности прямо противоположны его собственнымъ, т. е. являются ихъ коррективомъ.

Стр. 664, с. 9 сн.: «Въ сравненіи съ необыкновенною серьезностью его (Купидона) великаго дѣла, которое касается вопросовъ породы и всѣхъ грядущихъ поколѣній, индивидуальные интересы, во всей ихъ эфемерной общности, совершенно ничтожны, поэтому *индивидуумъ* всегда готовъ беззавѣтно пожертовать ими, ибо порода относится къ индивидууму, какъ нѣчто безсмертное къ смертному,

конечное къ конечному. Итакъ, въ сознаніи — эти соображенія несравненно высшаго свойства, чѣмъ всѣ, которыя касаются только индивидуальнаго блага и судьбы; они заставляютъ его преслѣдовать эти цѣли съ возвышеннымъ постоянствомъ». Должно быть: Въ сравненіи съ важностью его великаго дѣла, касающагося вопросовъ породы и всѣхъ грядущихъ поколѣній, интересы отдѣльныхъ индивидуумовъ, во всей ихъ эфемерной сложности, весьма ничтожны; поэтому Купидонъ всегда готовъ безпощадно ими жертвовать, ибо онъ относится къ индивидуумамъ, какъ безсмертный къ смертнымъ, а его интересы къ ихъ интересамъ, какъ безконечное къ конечному. Итакъ, въ сознаніи того, что онъ вѣдаетъ интересы высшаго порядка, чѣмъ всѣ тѣ, которые касаются только личнаго блага и горя, онъ преслѣдуетъ ихъ и т. д.

Предѣлы журнальной замѣтки заставляютъ меня ограничиться приведенными указаніями, взятыми не на выборъ, а на выдержку, но они далеко не исчерпываютъ перечня всѣхъ недосмотровъ, погрѣшностей и небрежностей, допущенныхъ переводчикомъ. Однихъ указаній на злоупотребленіе словами «представленіе» и «дѣятельность» хватило бы на цѣлый печатный листъ. Онъ зачастую ставитъ тамъ слово *представленіе*, гдѣ слѣдовало бы, по смыслу оригинала, употребить *созерцаніе*, *мысль* или *мышленіе*; и слово *дѣятельность* тамъ, гдѣ надо перевести: *дѣяніе*, *поступокъ*, *дѣйствіе*, *дѣйственность* (Wirksamkeit). Положимъ, что мѣстами это не измѣняетъ общаго смысла оригинала, но лишаетъ изложеніе той точности и опредѣленности, которыми Шопенгауэръ по преимуществу отличается отъ всѣхъ прочихъ философовъ.

Остается надѣяться, что при второмъ изданіи переводчикъ тщательно исправитъ всѣ указанныя и неуказанныя погрѣшности и сдѣлаетъ свой переводъ достойнымъ оригинала,—чего про первое изданіе, къ сожалѣнію, сказать невозможно: оно слишкомъ засорено недосмотрами.

Ф. В. Черниговецъ.

Письма изъ Англіи.

Въ предъидущемъ письмѣ мы сообщили о разнаго рода выборахъ, происходившихъ въ послѣднее время въ Англіи; между прочимъ и о выборахъ въ новые приходскіе совѣты. Разумѣется, невозможно описать въ подробностяхъ всѣ эти безчисленные выборы, но о нѣкоторыхъ общихъ результатахъ мы считаемъ не лишнимъ довести до свѣдѣнія читателей. Самымъ главнымъ результатомъ выборовъ въ приходскіе совѣты было возвращеніе къ стариннымъ порядкамъ. Въ былыя времена мѣстечки и деревни въ Англіи пользовались самоуправленіемъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, но затѣмъ мало по малу это измѣнилось, и народъ въ теченіе долгаго времени былъ почти лишенъ самоуправленія, такъ что даже забылъ о своихъ прежнихъ правахъ. Стали говорить о приходскихъ совѣтахъ, какъ о нововведеніи, изобрѣтенномъ радикалами. На дѣлѣ англійскій народъ вернулъ себѣ лишь то въ данный моментъ, чѣмъ пользовался раньше.

Голосованіе посредствомъ поднятія рукъ, повидимому, не пользуется симпатіями среди рабочихъ и ихъ сторонниковъ. Были уже вотированы нѣсколько резолюцій, осуждающихъ этотъ способъ голосованія даже какъ предварительную мѣру, такъ какъ онъ является нарушеніемъ принципа закона о баллотировкахъ. Слѣдующій конкретный случай подтвердитъ лучше нежели всякія абстрактныя соображенія, какія нужны въ самомъ дѣлѣ сдѣлать перемѣны въ этомъ отношеніи. На одномъ избирательномъ митингѣ кандидатомъ былъ выставленъ эсквайръ. Обычный способъ баллотировки поднятіемъ рукъ оказался сначала не въ пользу этого кандидата, но когда онъ всталъ и пристально посмотрѣлъ на заднія скамьи, гдѣ сидѣли рабочіе, немедленно же послѣ того масса рукъ поднялась вверхъ.

Результаты выборовъ въ приходскіе совѣты, происходившіе въ Норфолькѣ, типичномъ земледѣльческомъ округѣ, весьма характерны для даннаго времени. Изъ 230 приходовъ — 39 не имѣютъ той цифры населенія (300), которая даетъ право на свой особый приходскій совѣтъ. Вездѣ былъ замѣтенъ огромный интересъ къ ре-

борамъ и въ 49 приходахъ борьба, во время баллотировки, была очень горяча. Только въ двухъ случаяхъ обнаружилось нѣкоторое равнодушіе со стороны фермеровъ и должностныхъ лицъ прихода, не присутствовавшихъ на митингѣ, исключительно состоявшемъ почти только изъ одного рабочаго населенія. Прождавъ около часу всѣхъ этихъ господъ, собравшіеся на митингъ рабочіе приступили къ выборамъ и избрали въ приходскій совѣтъ 3 рабочихъ-земледѣльцевъ, 3 обыкновенныхъ рабочихъ, одного фермера и мѣстнаго почтмейстера. Но самымъ выдающимся фактомъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать исчезновеніе изъ деревенской жизни, поскольку она выражается въ выборахъ приходскаго совѣта, клерджименовъ, игравшихъ прежде въ деревенскомъ обиходѣ такую важную роль. Въ одной деревнѣ, въ которой кузнецъ и два рабочихъ получили наибольшее число голосовъ, клерджименъ получилъ только три и тотчасъ же обозвалъ митингъ одностороннимъ и скандальнымъ собраніемъ. Въ 92 приходахъ, относительно которыхъ получены были полныя свѣдѣнія о профессіяхъ избранныхъ членовъ совѣта, 185 членовъ рабочіе, 165—фермеры и только 17—клерджимены и 22—«джентльмена» т. е. вѣроятно мѣстные эсквайры. Большинство избранныхъ рабочихъ (25,8 проц.) земледѣльцы, что объясняется тѣмъ, что графство Норфолькъ преимущественно земледѣльческій округъ. На одного выбраннаго джентльмена приходится такимъ образомъ приблизительно 9 рабочихъ и на одного пастора—11. Не мѣшаетъ припомнить по этому случаю, что раньше эсквайръ и клерджименъ были, такъ сказать, автократами въ деревнѣ и поэтому вышеизложенные результаты выборовъ имѣютъ огромное значеніе, какъ очень важный шагъ къ освобожденію народа изъ-подъ тяготѣвшаго надъ нимъ ига и, конечно, учрежденіе приходскихъ совѣтовъ сослужило службу въ этомъ отношеніи.

Нѣкоторые факты во время этихъ выборовъ весьма характеристичны. Такъ, напримѣръ, въ одной деревнѣ клерджименъ отдалъ приказаніе школьному учителю оставить свое мѣсто, по той причинѣ, что онъ осмѣлился на приходскомъ митингѣ призвать пастора къ порядку. Въ одномъ приходѣ, странствующій продавецъ улитокъ, идущихъ въ пищу самому бѣдному народу, во время выборовъ одержалъ побѣду надъ мѣстнымъ пивоваромъ.

Что касается выборовъ въ попечительство о бѣдныхъ и приходское управленіе, то мы упомянемъ лишь о результатахъ, полученныхъ въ Лондонѣ, какъ самомъ реакціонномъ городѣ. На тѣхъ и другихъ выборахъ реакціонныя партіи получили большинство, особенно на выборахъ въ приходское управленіе. Это зависитъ отъ того, что рабочій классъ еще не сознаетъ вполнѣ, какую силу даютъ ему новыя правила. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ членами приходскаго управленіи были разные мелкіе лавочники, большею частью не отличающіеся добросовѣстностью, и потому приходскія дѣла служили имъ лишь прикрытіемъ для маклерскихъ сдѣлокъ, такъ что

явилось увеличеніе смертности дѣтей въ наиболѣе населенных кварталахъ, черезъ которые проходятъ двѣ главныя улицы Лондона. Такое увеличеніе смертности всецѣло зависитъ отъ той небрежности, съ которою члены администраціи относятся къ своимъ обязанностямъ. Авгіевы конюшни Лондона настоятельно требуютъ очистки. У насъ есть цѣлыя мили грязныхъ улицъ, густо заселенныхъ больными, физически и нравственно, населеніемъ. Миріады разныхъ дворовъ и аллей наполняютъ пространство между главными проѣзжими улицами, и въ домахъ, напоминающихъ трущобы, въ тѣсныхъ каморкахъ живетъ и умираетъ населеніе, питающееся скудною и нездоровою пищей и отравляющее себя вредными напитками. Улицы издаютъ зловоніе, но прилегающіе къ нимъ аллеи и дворы еще болѣе зловонны, а ужъ про дома, переполненные бѣднымъ населеніемъ, и говорить нечего. До сихъ поръ со стороны приходскихъ управленій не было сдѣлано ни одной серьезной попытки исправить такое положеніе вещей, которое, къ сожалѣнію, представляетъ самое обыкновенное явленіе въ нашей лондонской жизни. Впрочемъ, въ похвалѣ совѣта лондонскаго графства, мы должны всетаки сказать, что онъ, до нѣкоторой степени старался помочь бѣдѣ. Втеченіе послѣднихъ шести лѣтъ (1889 — 1895) было закончено или начато постройкой около тысячи новыхъ улучшенныхъ жилищъ для бѣднаго населенія; былъ выстроенъ большой домъ для призрѣнія бездомныхъ бѣдняковъ. Многихъ ландлордовъ, домовладѣльцевъ въ самыхъ бѣднѣйшихъ и худшихъ кварталахъ Лондона, совѣтъ вынудилъ произвести поправки и улучшенія въ своихъ домахъ, въ которыхъ гнѣздится бѣдное населеніе; это было сдѣлано, хотя и весьма неохотно. Нѣкоторыя санитарныя работы также сдѣланы совѣтомъ, очищено, напримѣръ, русло Темзы, такъ что теперь снова ловится уклейка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде на поверхности воды плавали только нечистоты, поступающія изъ сточныхъ трубъ. Въ числѣ другихъ полезныхъ дѣйствій лондонскаго совѣта слѣдуетъ упомянуть объ отведеніи еще 1000 акровъ земли подъ свободныя пространства, площадки, называемыя «легкими Лондона». Кромѣ того царство подрядчиковъ кончилось, такъ какъ совѣтъ самъ непосредственно нанимаетъ своихъ рабочихъ. Гигантское предпріятіе, постройка новаго туннеля подъ Темзой для экипажей и пѣшеходовъ, почти на половину закончено и все это можетъ быть поставлено на счетъ совѣту лондонскаго графства.

Недавно опубликованъ отчетъ о положеніи бѣдныхъ больныхъ въ рабочихъ домахъ и этотъ отчетъ способенъ былъ бы вызвать чувство національнаго негодованія въ сердцахъ англичанъ, еслибъ не то, что они уже привыкли къ чтенію отчетовъ подобнаго рода. Вышеупомянутый отчетъ изданъ гг. Смитъ, Эльдеръ и К° и для всѣхъ, принимающихъ близко къ сердцу

вить строгий интересъ. Разоблаченія, заключающіяся въ этомъ отчетѣ, производятъ гнетущее, ужасающее впечатлѣніе, но, пожалуй, самое худшее въ немъ то, что отчетъ составляетъ результатъ не какого-нибудь оффиціальнаго разслѣдованія, а частнаго предпріятія. Мѣстное управленіе, повидимому, желало скрывать отъ публики такое положеніе вещей. Однако систематическое разслѣдованіе, произведенное нѣкоторыми газетами и главнымъ образомъ, «British Medical Journal», пролило свѣтъ на эти темныя дѣла. Оказалось изъ докладовъ уполномоченныхъ редакціями для осмотра вышеупомянутыхъ заведеній, что всюду господствуетъ очень дурное устройство, недостаточная изоляція въ случаяхъ инфекціонныхъ заболѣваній, плохой уходъ, или даже вѣрнѣе никакого ухода, и дурныя санитарныя условія. Вотъ, напримѣръ, какъ обстоитъ дѣло въ Гаверфордъ-Уэстѣ, въ графствѣ Пемброкъ (Уэльское княжество). На узкихъ кроватяхъ, состоящихъ изъ трехъ досокъ, на соломенномъ тюфякѣ толщиною въ три дюйма, лежатъ бѣдные больные изъ шестнадцати приходовъ. За ними ухаживаетъ одна только неумѣлая сидѣлка, да и то днемъ, ночью же возлѣ нихъ нѣтъ никого. И такимъ образомъ, всѣ эти безпомощные больные, старики и старухи, большею частью покрытые пролежнями, лежатъ на своихъ неудобныхъ постеляхъ долгіе часы въ темнотѣ, такъ какъ ночью тушится вездѣ огонь, безъ всякаго ухода, не накормленные и грязные! Несчастные идіоты, безопасные помѣшанные находятся тутъ же. Въ пріютѣ для бѣдныхъ дѣтей каменный полъ не покрытъ даже рогожкой, на которой могли бы ползать малютки. Въ Соммерсетширѣ, въ Батѣ, одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ городковъ Англіи, скверы и бульвары котораго переполнены зажиточными англо-индійцами, отставными офицерами и незамужними дамами, разодѣтыми въ шелка и бархатъ, въ больницѣ для бѣдныхъ порядки также плохи, какъ и вездѣ. Въ больницѣ 16 палатъ на 230 кроватей и большею частью скопляются тяжелые больные. Днемъ на всю больницу имѣется одна ученая сидѣлка и двѣ помощницы, которыя остаются съ шести утра до десяти часовъ вечера. Ночью же остается только одна сидѣлка на 230 кроватей. Невольно возникаетъ вопросъ, почему при той выработанной системѣ инспекціи, которая существуетъ въ мѣстномъ управленіи, открытіе всѣхъ этихъ злоупотребленій сдѣлано частными лицами? Эти факты возбудили нѣкоторый шумъ въ газетахъ и, пожалуй, какой-нибудь изъ ревностныхъ членовъ парламента сдѣлаетъ по этому поводу запросъ въ палатѣ общинъ, но, если судить по прошлому, то врядъ ли что-нибудь существенное можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи. Мы привыкли, въ Англіи, къ такимъ періодическимъ разоблаченіямъ разныхъ ужасовъ и ко временнымъ взрывамъ негодованія. Въ 1865 году нѣчто подобное было открыто въ лондонскихъ больницахъ для бѣдныхъ, однако это не вызвало никакого улучшенія

ровъ, и будетъ что-нибудь сдѣлано.

Въ оффиціальныхъ отчетахъ взрывы въ копяхъ всегда бываютъ «случайными». Но если вы «неоффиціально» поговорите съ рудокопами, то узнаете отъ нихъ, что огромное большинство несчастныхъ случаевъ въ копяхъ могли бы быть предупреждены, еслибъ тѣ, кто обязанъ наблюдать за выполненіемъ всѣхъ предосторожностей и правилъ, касающихся обращенія съ машинами, вентиляціи и т. д., дѣйствительно слѣдили за этимъ какъ должно. Исключеніемъ изъ общаго правила, относительно оффиціальныхъ отчетовъ о несчастіяхъ въ копяхъ, слѣдуетъ считать оффиціальный докладъ объ ужасной катастрофѣ въ каменноугольныхъ копяхъ близь Понтибридда въ Глеморганширѣ, въ княжествѣ Уэльскомъ. Въ этомъ докладѣ предлагается возбудить преслѣдованіе противъ управляющаго копями, агента и самой компаніи за неисполненіе правилъ, предписываемыхъ закономъ объ угольныхъ копяхъ (Cool Mines Regulation Act). Конечно могущественная компанія эксплоатаціи каменноугольныхъ копей, при помощи денегъ и вліянія, можетъ избѣжать власти законовъ, но всетаки слѣдуетъ сказать, что въ Англіи у насъ, въ этомъ отношеніи, нѣсколько лучше стоятъ дѣла, нежели въ Австріи. Почти на другой день послѣ того какъ произошла страшная катастрофа въ Понтибриддѣ, стоившая 288 человѣческихъ жизней, случилась аналогичная же катастрофа въ графствѣ Ларишъ, въ Австріи. Но въ Австріи не было сдѣлано и попытки подвергнуть преслѣдованію отвѣтственныхъ лицъ, хотя и было несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ Англіи, виною несчастія было небрежное отношеніе властей къ своимъ обязанностямъ.

Звучное имя «Сапфирово-рубиновой компаніи Монтанво», поддерживаемой джентльменами и аристократами, тоже со звучными и громкими именами, не помѣшало тому, что дѣла этой компаніи и ея обороты оказались нѣсколько «темными». Случай этотъ довольно типическій. Подписанный капиталъ равнялся 450,000 ф. ст., маленькая же часть, удѣленная для работъ въ копяхъ, равнялась 25,000 исчезло, слѣдовательно, 425,000 ф. ст. Въ числѣ учредителей компаніи находятся такія лица, какъ маркизъ Лорнъ, герцогъ Лейнстерскій, маркизъ Бредальбанскій, герцогъ Портландскій, лордъ Чельмсфордъ, сэръ Фрэнсисъ Ноллисъ (секретарь принца Уэльскаго) и еще одинъ или два баронета, а также разныя другія лица, принадлежащія къ самому высшему англійскому обществу. Конечно, эти учредители должны были нести законную отвѣтственность передъ другими акціонерами. Но когда наступило время разслѣдованія положенія дѣлъ, то акціи всѣхъ этихъ господъ были скрыты и на недавнемъ общемъ собраніи компаніи, на которомъ предсѣдатель-

правленіе директоровъ обвиняютъ въ томъ, что они употребили громкія имена какъ ловушку, и затѣмъ обратился къ акціонерамъ, прося ихъ быть «снисходительными» къ директорамъ. Одинъ изъ наиболѣе безпокойныхъ акціонеровъ, засѣдающихъ въ слѣдственной коммиссіи, только и могъ возразить на это, что директора, въ данномъ случаѣ, выказали удивительную наивность и послѣдствія ихъ поведенія были таковы, что невольно зарождается сомнѣніе, не была ли компанія устроена съ цѣлью извлечь деньги изъ кармановъ народа. Такъ какъ этого безпокойнаго акціонера сдѣлали теперь директоромъ правленія, то по всей вѣроятности другіе акціонеры услышатъ еще кое-что о своихъ капиталахъ. Англійская аристократія не разъ уже участвовала въ устройствѣ всякихъ промышленныхъ компаній. Изъ одного письма, написаннаго еще въ 1574 году, графомъ Лейчестеромъ, видно, что и тогда аристократія была не прочь принять участіе въ «московскихъ предпріятіяхъ», и графъ Лейчестеръ заявлялъ, что еслибы у него было еще 10,000 ф. ст. въ кошелькѣ, то онъ бы ихъ всѣ пустилъ въ оборотъ.

Изъ Ирландіи приходятъ дурныя вѣсти. Урожай картофеля не удался и это означаетъ, что въ концѣ января уже весь сборъ будетъ съѣденъ и ирландцамъ угрожаетъ голодъ и невозможность засѣять вновь свои поля за полнымъ отсутствіемъ картофеля. Несмотря на то, что въ одной изъ руководящихъ газетъ была напечатана въ декабрѣ мѣсяцѣ статья, описывающая бѣдствія ирландцевъ и являющаяся какъ бы призывомъ помочь имъ, въ Англіи никто не откликнулся на этотъ призывъ. Это грустный, но многозначительный фактъ. Весьма возможно, что зажиточные классы въ Англіи извиняютъ свое равнодушіе къ участи ирландцевъ тѣмъ, что у нихъ есть кому помогать дома. Однако они и этого не дѣлаютъ. Увы! Нищета въ Англіи все возрастаетъ и это прискорбный фактъ, не допускающій отрицанія. Такъ напримѣръ, втеченіе только 1894 г. лондонская полиція констатировала 444 случая покушеній на самоубійство; круглымъ счетомъ бываетъ почти столько же удавшихся самоубійствъ. Постоянная цифра бѣднѣйшаго населенія въ нашемъ огромномъ городѣ равняется 100,000, но приэтомъ надо имѣть въ виду, что не всѣ попадаютъ въ списки частной благотворительности. Проститутокъ насчитывается 30,000, но вѣроятно ихъ вдвое больше. Бездомныхъ и безработныхъ, стоящихъ внѣ рабочихъ классовъ и не попавшихъ еще въ разрядъ преступниковъ, насчитывается около 70,000; настоящихъ рабочихъ, не имѣющихъ занятій — 100,000, преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьму—12,000, а внѣ тюрьмы—15,000. Въ разрядѣ совершившихъ разнаго рода мелкія провинности въ году бываетъ около 70,000. Вотъ безпристрастныя цифры, относящіяся къ одному только городу Лондону. Компетентные люди утверждаютъ, что подобнаго рода условія существуютъ во всей странѣ. По полицейскимъ отчетамъ въ 1894 году 200 человѣкъ

настоящему сюда должны были бы войти такіе случаи смерти, въ которыхъ истощеніе, вслѣдствіе хроническаго голоданія, играетъ не послѣднюю роль. Какой-нибудь случай, даже просто случайно брошенная фраза, иногда лучше освѣщаютъ положеніе дѣлъ, нежели статистическія цифры. Въ Уайтъ-Чэпельскомъ кварталѣ умеръ ребенокъ отъ истощенія вслѣдствіе голоданія. Врачъ, производившій разслѣдованіе, сдѣлалъ по этому поводу слѣдующее дѣловое замѣчаніе: «Мы не имѣемъ обыкновенія помѣщать такого рода больныхъ истощеніемъ въ госпитали, такъ какъ иначе намъ пришлось бы въ это время года забрать въ больницу все населеніе Уайтъ-Чэпельскаго квартала».

У лорда Рандольфа Черчилля констатирована болѣзнь спинного мозга и врачи уже не подаютъ никакой надежды на его выздоровленіе *). Такимъ образомъ, заканчивается замѣчательно блестящая политическая карьера. Въ 1886 году лордъ Рандольфъ Черчилль, будучи 37 лѣтъ отъ роду, занималъ уже мѣсто канцлера казначейства при торійскомъ правительствѣ и былъ лидеромъ палаты общинъ. Обладалъ ли онъ необходимыми качествами для того, чтобы быть вождемъ одной изъ старинныхъ политическихъ партій — это по меньшей мѣрѣ сомнительно. Во всякомъ случаѣ, у него было слишкомъ много оригинальности и эта оригинальность иногда выражалась въ довольно непріятной для его союзниковъ и противниковъ формѣ, такъ какъ онъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои критическія замѣчанія на ихъ счетъ. Онъ былъ единственнымъ изъ всѣхъ лидеровъ торійской партіи, который желалъ осуществить старинную идею Дизраэли о созданіи торійской демократіи. По этой причинѣ маркизъ Салисбюри не слишкомъ огорчился, когда лордъ Рандольфъ Черчилль, вѣроятно заблуждаясь насчетъ своей незамѣнимости, вышелъ изъ министерства. Несмотря на этотъ выходъ и на то, что оффиціальныя лица торійской партіи относились къ нему со скрытою враждебностью, лордъ Рандольфъ Черчилль навѣрное игралъ бы большую роль въ политическихъ дѣлахъ, еслибъ не то, что оно страдалъ хроническимъ алкоголизмомъ. Англійскія газеты очень любезно скрывали до сихъ поръ эту грустную истину, но теперь, когда пьянство довело благороднаго лорда до спинной сухотки, газеты, конечно, могутъ назвать его болѣзнь настоящимъ именемъ.

Большой скандалъ случился съ теософическимъ обществомъ. Русскіе читатели не могутъ быть не заинтересованы этимъ, такъ какъ косвеннымъ образомъ исторія теософическаго общества задѣваетъ ихъ. Основательницею этого общества была русская, Елена Петровна Блаватская. Общество было основано въ 1874 году въ

---

*) Лордъ Черчилль уже скончался.

въ Индію. Въ 1884 году г-жа Блаватская переѣхала въ Англію и была одно время въ большой модѣ. Всюду она заявляла о своей способности вызывать явленія спиритулистическаго характера. Въ Англіи существуетъ еще «общество психическихъ изслѣдованій», которое посвящаетъ всю свою энергію на охоту за всякаго рода призраками. Вотъ это общество и предложило заняться разслѣдованіемъ феноменовъ г-жи Блаватской и съ этою цѣлью командировало въ Индію, гдѣ явленія были наиболѣе рѣзкими и обильными, спеціальнаго уполномоченнаго, нѣкоего г. Годжсона, отъ коллегіи Сентъ-Джона въ Кэмбриджѣ. Какъ самое общество, такъ и его уполномоченный, безъ всякаго сомнѣнія не враждебно относились къ теософамъ. Изслѣдователи психическихъ явленій жаждутъ всякаго рода спиритическихъ феноменовъ и никогда не бываютъ счастливѣе, какъ въ тотъ моментъ, когда имъ удается наткнуться на явленіе, которое они могутъ считать вполнѣ достовѣрнымъ. Но увы! этого не было въ отношеніи теософовъ. Даже домашняя челядь теософовъ дала показанія противъ нихъ. «Ссора плутовъ всегда бываетъ на пользу честнымъ людямъ»—гласитъ одна англійская пословица. Г-жа Блаватская поссорилась со своими сообщниками, супругами Куломбъ, и когда Годжсонъ пріѣхалъ въ Индію, то нашелъ г-жу Куломбъ въ полномъ разгарѣ разоблаченій; она писала статьи о Блаватской въ мадрасскія газеты и, что еще хуже, опубликовала письма къ ней Блаватской, полныя замаскированныхъ инструкцій, относящихся къ разнаго рода фокусамъ, продѣланнымъ въ 1878—1883 гг. въ Индіи. Доказано было внѣ сомнѣній, да и сама г-жа Блаватская признала это, что знаменитый «алтарь»-ковчегъ, находящійся въ ея домѣ въ Аджіарѣ, служилъ потайнымъ кабинетомъ съ подвижными задними стѣнками. Г-жа Блаватская говорила, что это сдѣлано для удобства упаковки, на случай переѣзда. Покойную Блаватскую смѣло можно сравнить съ Рейнеке-Лисомъ: ее никогда не удавалось поймать и для всякой неудачной случайности у нея находились объясненія и ей снова вѣрили. Ковчегъ висѣлъ какъ разъ надъ тайникомъ, устроеннымъ въ стѣнѣ, по другую же сторону тайника стоялъ буфетъ съ фальшивою заднею стѣнкой, которая выходила прямо въ спальню Блаватской. Супруги Куломбъ оказались какъ разъ изъ подходящаго матеріала для всякаго рода плутней. Верховная жрица теософовъ однажды написала г-жѣ Куломбъ въ письмѣ, что у нея есть въ виду одинъ прозелитъ, съ большими средствами, но только первоклассное чудо можетъ заставить его увѣровать окончательно. Однажды, когда намѣченная добыча самымъ невиннымъ образомъ занималась чаепитіемъ съ г-жею Блаватской, вдругъ Блаватская, какъ будто нечаянно, выронила изъ рукъ чашку; чашка разлетѣлась вдребезги, а между тѣмъ, это была единственная въ своемъ родѣ чашка, на которую, въ предъидущемъ разговорѣ, Блаватская обратила вниманіе своего собесѣд-

тщательно собраны и благоговѣйно положены въ ковчегъ, дверцы котораго были закрыты, но черезъ нѣсколько минутъ они были раскрыты и—о удивленіе!—вмѣсто осколковъ стояла цѣлая чашка. Сомнѣвающійся прозелитъ увѣровалъ окончательно. Куломбъ утверждаетъ, что для этого фокуса были куплены двѣ совершенно одинаковыя чашечки, въ такой-то день и въ такой-то лавкѣ. Въ книгѣ лавочника дѣйствительно значится, что онъ продалъ товаръ въ этотъ день г-жѣ Куломбъ.

Несмотря на такія разоблаченія, касающіяся его прошлой исторіи, теософическое общество всетаки насчитываетъ отъ 3 до 4 тысячъ членовъ въ Европѣ, Индіи и Америкѣ, и издаетъ нѣсколько періодическихъ журналовъ (Magazines) на разныхъ языкахъ. Три главные теософскіе журнала составляютъ частную собственность трехъ вождей теософовъ; полковника Олькотта, мистера Уильяма Джеджа и Анни Безантъ. Кромѣ того, общество обладаетъ недвижимою собственностью въ Нью-Іоркѣ, Аджіарѣ, Лондонѣ и др. мѣстахъ. За послѣднія недѣли произошли новые скандалы въ теософическомъ обществѣ. Но повидимому, какъ бы ни былъ великъ скандалъ, онъ не можетъ повліять ни на число его членовъ, ни на самое положеніе общества. Скандалъ вызвали новыя разоблаченія «Westminster Gazette», но главный интересъ ихъ заключается въ томъ, что три вышеназванныя личности, стоящія во главѣ теософическаго общества, взводятъ другъ на друга разныя обвиненія.

Блаватская умерла въ Лондонѣ, въ маѣ 1891 г. Ея мантію раздѣлили между собой, послѣ нѣкоторыхъ дерганій за концы, Олькоттъ, президентъ общества, Джеджъ—вице-президентъ и Анни Безантъ. Надо, впрочемъ, сказать, что, повидимому, всѣ трое обладаютъ для этого необходимыми качествами. Въ Олькоттѣ преобладаютъ элементы безумца, въ Джеджѣ—элементы плута, что же касается Анни Безантъ, то разумѣется, никто не подумаетъ обвинить ее въ безуміи. Эпитетъ безумца, по Карлейлю, приложимъ къ большинству англійскаго народа и въ самомъ дѣлѣ это должно быть такъ, если судить потому, какъ печать и публика принимаютъ на вѣру все то, что Анни Безантъ говоритъ о себѣ. Она выдаетъ себя за воплощеніе истины и добродѣтели, и даже теперь тѣ же самые писатели, которые привели неопровержимые факты противъ нея, всетаки являются ея апологетами. Вотъ факты, приводимые противъ преемницы Блаватской. 30 августа 1891 г., три мѣсяца спустя послѣ смерти Блаватской, мистриссъ Безантъ сдѣлала публично слѣдующее заявленіе: «вы всѣ здѣсь знали меня втеченіе шестнадцати съ половиною лѣтъ, вы никогда не слышали отъ меня лжи. И вотъ я говорю вамъ, что, со смертью Блаватской, я стала получать письма, написанныя такимъ же почеркомъ, какимъ были написаны письма, получаемыя ею». Эти письма, приходящія воз-

изъ интервьюеровъ, посѣтившихъ ее, мистриссъ Безантъ сказала, что письма эти «низвергались». Но позднѣе, на одномъ частномъ собраніи теософовъ, она созналась, что съ этими письмами что-то неладно. Затѣмъ она даже стала обвинять Джеджа въ томъ, что онъ поддѣлалъ эти письма. Однако, всетаки у нея не хватило мужества объявить публично, что тѣ факты, о которыхъ она говорила 30 августа 1891 г., невѣрны и она убѣдилась въ обманѣ. Перемѣна ея отношеній къ Джеджу, черезъ котораго ей доставлялись письма Махатмы, произошла вскорѣ послѣ ея поѣздки въ Индію и встрѣчи съ нѣкіимъ Шакравари. Одинъ изъ сотрудниковъ журнала «Weekly Dispatch» сказалъ по поводу Анни Безантъ, что съ нею всегда надо помнить афоризмъ «Cherchez la femme», только измѣнивъ его въ «Cherchez l'homme». Это означаетъ, что ея настроеніе всегда можно предсказать, зная человѣка, съ которымъ она находится въ близкихъ сношеніяхъ въ данную минуту. Вотъ соотвѣтственныя параллели: деканъ Стэнли—обыкновенное англиканское церковное направленіе; докторъ Пьюзей—воззрѣнія нашей незаконнорожденной формы римскаго католицизма; достопочтенный Чарльзъ Войсей—теизмъ, Чарльзъ Брэдло—атеизмъ, мальтузіанизмъ, радикализмъ; д-ръ Эвелингъ—нѣсколько лѣтъ научныхъ занятій и научнаго преподаванія; Стэдъ (изъ «Pall Mall Gazette») — всеобщая филантропія; Джорджъ Бернаръ Шоу—соціализмъ, Гербертъ Борроусъ—теософія. Но рядомъ съ этими личностями, опредѣляющими «grandes etappes» этой дамы, бывали еще промежутки, когда царствовали менѣе значительные короли, вродѣ, напримѣръ, Шакравари. Обвинивъ Джеджа въ плутовствѣ и заявивъ, что привезетъ въ Англію собранныя ею доказательства противъ него, она вдругъ начинаетъ совѣтовать замять эту исторію въ интересахъ самого дѣла, уничтожаетъ доказательства, имѣющіяся у нея въ рукахъ. Она не подозрѣвала, впрочемъ, существованія копіи съ тѣхъ документовъ, которые у нея были въ рукахъ, и не знала, что эти копіи были засвидѣтельствованы должнымъ образомъ и сдѣлались достояніемъ «Westminster Gazette». Вотъ что пишетъ по этому поводу мистеръ Ольдъ, бывшее должностное лицо теософическаго общества, продолжающій, однако, вѣрить въ теософію: «У мистриссъ Безантъ находятся въ рукахъ всѣ доказательства, подтверждающія обвиненія, взводимыя ею на мистера Джеджа, но по причинамъ, лучше ей извѣстнымъ, она заставила все общество участвовать въ систематическомъ обманѣ и скрывать извѣстные факты». А между тѣмъ мистриссъ Безантъ претендуетъ на слѣдующую эпитафію: «Она думала, что слѣдовала истинѣ!»

Статьи, напечатанныя въ «Westminster Gazette» и написанныя сэромъ Эдмундомъ Гарретъ, были затѣмъ изданы въ видѣ брошюры, озаглавленной: «Изида, еще болѣе разоблаченная» (Isis very much unveiled). Настоящаго отвѣта на эту брошюру не послѣ-

довало. Мистеръ Мэдъ, нынѣшній секретарь европейской секціи, заявилъ, впрочемъ, что она и не заслуживаетъ отвѣта. Мистеръ Джеджъ написалъ изъ Америки письмо, пошлость и нелѣпость котораго не имѣютъ соперниковъ въ анналахъ письменной литературы. Онъ говоритъ въ письмѣ, что статьи его позабавили, благодаритъ за предостереженіе и въ концѣ концовъ заявляетъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать другого, какъ отвергнуть абсолютно всѣ обвиненія, что онъ и дѣлаетъ. Мистриссъ Безантъ находится теперь въ Австраліи, а Олькоттъ въ Индіи, и ни тотъ, ни другая не отозвались на это письмо.

Вы, конечно, спрашиваете себя, изъ какого же матеріала сдѣланы мозги тѣхъ людей, которые продолжаютъ быть и, вѣроятно, хотятъ оставаться теософами? Пусть отвѣчаетъ на это сама основательница теософіи. Къ чести ея умственныхъ способностей будь сказано, что она никогда не скрывала своего величайшаго презрѣнія къ своимъ жертвамъ. «Идіоты и глупцы» — вотъ какъ она обыкновенно отзывалась о нихъ. Но каждому, изучающему исторію, несомнѣнно интересно наблюдать это движеніе въ концѣ XIX вѣка и провести параллель между этимъ движеніемъ и подобными же явленіями въ концѣ XVIII вѣка...

Въ «Investors Review» мистеръ Вильсонъ написалъ статью: «Возродится ли англійская торговля?» Авторъ пользуется репутаціей человѣка хорошо освѣдомленнаго во внѣшнихъ и внутреннихъ финансовыхъ дѣлахъ и вполнѣ безпристрастнаго, такъ какъ онъ не постѣснился напасть самымъ недвусмысленнымъ образомъ на сомнительныя финансовыя операціи англійскаго банка. Цѣны на пшеницу и хлопчатую бумагу стоятъ очень низкія, ниже чѣмъ когда бы то ни было, и вообще цѣны понизились сравнительно съ прошлымъ годомъ. Выходы капиталу закрыты въ практическомъ отношеніи. «Канада наводнена долгами, Австралія сдѣлалась также безнадежнымъ пунктомъ». Всему свѣту извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи въ отношеніи финансовъ находятся европейскія страны, особенно Италія. Изслѣдователь исторіи и политической экономіи конечно, долженъ заинтересоваться слѣдующею цитатой, которою Вильсонъ заканчиваетъ свою статью: «Огромное богатство, которымъ мы обладаемъ, все болѣе и болѣе переходитъ въ руки меньшинства и огромное большинство населенія становится въ положеніе зависимости».

Въ теченіе 1894 года умерли два выдающіеся человѣка въ англійской литературѣ,: профессоръ Фрудъ и Робертъ Луи Стивенсонъ. Фрудъ есть тотъ самый писатель, который пробовалъ реабилитировать Генриха VIII и написалъ біографію Карлейля, вызвав-

повѣствовательный стиль, Фрудъ всетаки не принимается серьезно ни однимъ изъ изслѣдователей исторіи. Его поверхностное и легкомысленное отношеніе къ исторіи и къ текущимъ событіямъ и фактамъ, его развязность въ изображеніи фактовъ и событій не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ, а такъ, какъ онъ бы желалъ, чтобъ они были, привели къ тому, что въ нашей разговорной рѣчи появилось новое слово «Froudacity», въ сущности служащее синонимомъ «Audacity» (дерзость).

Но самую большую потерю англійская литература понесла въ лицѣ Стивенсона, несравненнаго разсказчика, произведенія котораго обладаютъ способностью такъ увлекать читателя, что онъ не можетъ отъ нихъ оторваться. Стиль Стивенсона превосходенъ: онъ умѣетъ обращаться со словами. Еслибы геніальность опредѣлялась только громадною способностью къ труду, то, безъ сомнѣнія, Стивенсона слѣдовало бы причислить къ геніямъ. Онъ самъ разсказываетъ, какъ онъ долго и постоянно работалъ надъ стилемъ своихъ произведеній, который кажется намъ такимъ непринужденнымъ и законченнымъ. Но несомнѣнно все таки, что у Стивенсона есть нѣчто, неподдающееся опредѣленію, что приближаетъ его къ генію и съ этимъ, вѣроятно, согласится каждый, читавшій его произведенія. Типичными могутъ быть названы слѣдующія четыре его произведенія, вокругъ которыхъ и группируются всѣ остальныя. Travels with a Donkey in the Cevennes» (Путешествіе на ослѣ въ Севеннахъ), «The Strange case of D-r Jekyll and M-r Hyde» (Странный случай доктора Джекилля и мистера Гаида), «Treasure iseand» (Островъ Сокровищъ), «Virginibus Puerisque». Въ первомъ и четвертомъ изъ этихъ произведеній, а также въ другихъ подобныхъ его работахъ, заключается, въ разной формѣ и выраженная притомъ прекраснымъ языкомъ, вся жизненная философія Стивенсона, вмѣстѣ и веселая и красивая. Замѣчательно, что этотъ веселый и свѣтлый взлядъ на жизнь, проникнутый подчасъ забавною серьезностью, эта изумительная фантазія, составляли главное свойство человѣка всегда больного, но любящаго жизнь, несмотря на то, что надъ нимъ постоянно витала тѣнь смерти. Въ «D-r Jekyll and M-r Hyde» Стивенсонъ касается весьма обыкновенной проблеммы, но такой, которой мы боимся взглянуть прямо въ глаза, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь объ основной двойственности человѣческой природы. Джекилль, очень извѣстный и очень уважаемый врачъ, и Гайдъ, жестокій человѣкъ-звѣрь,—одно и то же лицо. Трагизмъ такого положенія, составляющаго обычное явленіе въ природѣ, и его философія выражены авторомъ вполнѣ ярко, но безъ всякихъ нравоучительныхъ выводовъ. Это произведеніе Стивенсона не только сдѣлалось классическимъ, но его идея и его названіе пріобрѣли огромную популярность въ Англіи, такъ что почти каждый англича-

эту книгу. «Островъ сокровищъ» принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыми зачитываются не только мальчики, но и мужчины и женщины, вслѣдствіе увлекательности разсказа и красиваго слога, а также прекрасныхъ характеристикъ. Такіе разсказы отдаютъ благоуханіемъ моря. У Стивенсона, кромѣ того, было странное пристрастіе къ отчаяннымъ смѣльчакамъ, но въ то же время увѣчнымъ. Особенность романовъ Стивенсона заключается также въ сравнительномъ отсутствіи въ нихъ женскихъ образовъ. Однако, выведенныя имъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ («Catriona», «Mastes of Ballantrae») двѣ или три женскія фигуры указываютъ, что онъ такъ же хорошо можетъ изображать женщинъ, какъ и мужчинъ. Намъ кажется, что произведенія Стивенсона всегда будутъ любимымъ чтеніемъ большинства — теперь они продаются тысячами—и высшимъ наслажденіемъ для нѣкоторыхъ.

Размѣры этой замѣтки не позволяютъ намъ касаться здѣсь драматическихъ произведеній Стивенсона и его поэзіи.

За послѣднее время у насъ обнаруживается особенный интересъ къ русской литературѣ, но, къ сожалѣнію, русскія произведенія намъ доступны только въ переводѣ, или на французскій или на англійскій языкъ. Недавно появившееся въ переводѣ на англійскія языкъ произведеніе Софіи Ковалевской «Вѣра Воронцова», конечно, не можетъ ослабить интересъ англійской публики къ русскимъ авторамъ. Авторъ этой повѣсти извѣстенъ намъ, также какъ и всему остальному міру, какъ выдающійся математическій геній и можетъ быть поэтому чтеніе этой повѣсти вызываетъ нѣкоторое разочарованіе. Весьма вѣроятно, мы ожидали слишкомъ многаго и должны помнить, что это произведеніе никогда не было просмотрѣно его авторомъ. Но, даже принимая все это во вниманіе, нельзя не признать, что автобіографія Ковалевской гораздо интереснѣе ея повѣсти. Главное достоинство этой автобіографіи въ глазахъ англійскихъ читателей заключается въ томъ, что въ ней чрезвычайно ярко описана русская жизнь.

Если вышеназванныя произведенія Ковалевской могутъ быть прочтены съ пользою англійскою читающею публикой, то повѣсть Клементины Блэкъ «An aditator» должна быть прочтена всѣми интересующимися рабочимъ движеніемъ. Это дѣйствительно превосходное и замѣчательно реальное изображеніе нѣкоторыхъ фазисовъ этого сложнаго движенія. Замѣчательная наблюдательность автора и его способность вѣрно изображать лица и событія доказывается тѣмъ, что многіе узнали въ его описаніяхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ рабочемъ движеніи. Однако, на самомъ дѣлѣ авторъ рисуетъ не одну какую нибудь личность, а типъ, фотографическое изображеніе нѣсколькихъ индивидуумовъ, поставленныхъ въ одни и тѣ же условія, соединенное въ одномъ. Такъ всѣ полагали, что въ своемъ героѣ Брандѣ авторъ рисуетъ Джона Бернсъ, —вѣдь Брандъ тоже

это сдѣлано безсознательно. Повѣсть сама по себѣ чрезвычайно интересна, превосходно написана и мѣстами проникнута неожиданнымъ паѳосомъ, искренность котораго производитъ сильное впечатлѣніе на читателя.

Av.

Изъ Франціи.

4-го февраля 1895 г.

Скоро семь лѣтъ, какъ я живу во Франціи, слѣдя ежедневно за ея внутренней политикой и стараясь выяснить себѣ самому тѣ ближайшія стадіи развитія, къ которымъ неудержимо стремится французская демократія на своемъ историческомъ пути. За эти семь лѣтъ одна только буланжистская горячка способна была породить въ моемъ умѣ тотъ рядъ сомнѣній въ поступательномъ характерѣ переживаемыхъ нами броженій, какой въ настоящее время вызываетъ печальная картина парламентскаго, министерскаго и президентскаго безсилія.

Гдѣ найти руководящую нить въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ рѣшеній? Какъ узнать, чего хочетъ даже французское общество, когда на разстояніи немногихъ дней, нерѣдко даже втеченіе 24-хъ часовъ, президентъ и камеры переходятъ отъ радикальной къ оппортунистической программѣ и парижане вѣнчаютъ одинаковыми лаврами и трупъ послѣдняго изъ вожаковъ устроенной Наполеономъ контръ-революціи, и живой еще обликъ одного изъ главныхъ враговъ второй имперіи? Простого перечня недавно пережитыхъ событій достаточно будетъ для того, чтобы возстановить въ памяти читателя ту картину политической анархіи, какую съ перваго взгляда представляетъ собою наша ближайшая союзница. Въ іюлѣ президентъ Карно, обвиняемый въ недостаткѣ «poigne», падаетъ жертвой политическаго убійства. Палата и сенатъ громаднымъ большинствомъ голосовъ выбираютъ президентомъ человѣка, который въ ихъ глазахъ съ избыткомъ восполняетъ этотъ недостатокъ. На чемъ опираются надежды большинства и опасенія радикаловъ и соціалистовъ? Прежде всего на легендѣ, составившейся вокругъ имени знаменитаго предка, неумолимаго усмирителя ліонской революціи 1836 года, министра Луи-Филиппа,—Казиміра Перье. Его внукъ въ своемъ активѣ считалъ довольно мало. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему удалось удержаться во главѣ кабинета. Этотъ періодъ прошелъ довольно

безслѣдно въ лѣтописяхъ французскаго законодательства. Но отъ него уцѣлѣла одна фраза самого министра-президента, которая являлась скорѣе угрозой существующему порядку, нежели залогомъ готовности отстаивать его во что-бы то ни стало. При обсужденіи бюджета Казиміръ Перье произнесъ роковыя слова: «надо, чтобы налогъ падалъ на нажитое богатство» (sur la richesse acquise). Что значило это, какъ не протестъ противъ существующей податной системы и сочувствіе, если не прогрессивному, то по крайней мѣрѣ по-доходному налогу, котораго камеры отнюдь не желаютъ?

Выбранный президентъ, которому еще при жизни Карно приписывали рядъ интригъ съ цѣлью подготовить свою кандидатуру, входитъ въ такое сильное душевное волненіе, что плачетъ въ присутствіи министровъ и, щеголяя безпристрастіемъ, удерживаетъ во главѣ кабинета своего главнаго антагониста—Дюпюи. Вмѣстѣ они проводятъ законъ противъ анархистовъ, вмѣстѣ стараются дать ему расширительное толкованіе, направляя его удары и противъ представленныхъ въ парламентѣ или печати друзей Мильерана и Жореса. Послѣдніе, враждуя съ президентомъ, преслѣдуютъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ тѣнь знаменитаго антагониста соціальной революціи, все того-же ліонскаго усмирителя и министра Людовика Филиппа. Къ этой тѣни присоединяется и нѣчто болѣе реальное: президентъ унаслѣдовалъ большинство акцій промышленной компаніи, эксплуатирующей каменноугольныя копи въ Анзенъ, этомъ гнѣздѣ рабочихъ волненій и стачекъ. Правда, Перье ликвидировалъ всѣ свои акціи прежде, чѣмъ вступить на политическое поприще, но этимъ деталемъ никто не занимается, тѣмъ болѣе, что послѣ ликвидаціи у него оказалось чистаго дохода по меньшей мѣрѣ полмилліона въ годъ. Соціалисты увѣрены въ этой цифрѣ, которая остается сомнительной въ глазахъ частыхъ посѣтителей Элизея. Хотя президентъ держитъ себя весьма доступно и даже гуляетъ пѣшкомъ по улицамъ, желая показать, что не боится анархистовъ, но радикальная печать открыто обвиняетъ его въ намѣреніи возстановить внѣшній блескъ монархіи и подготовить умы къ ея реставраціи. Въ самомъ дѣлѣ: не выѣхалъ-ли онъ однажды на скачки въ англійскомъ mail-coac съ восемью гайдуками (piqueurs à cheval)? Эта попытка оживить традиціи англійскаго дэндизма обходится ему дорого. Его провозглашаютъ претендентомъ на престолъ и втеченіе недѣли радикальная печать оглашается жалобами на подготовляемую измѣну. Съ каждымъ днемъ Казиміръ становится все менѣе и менѣе популярнымъ. Хотя онъ добросовѣстно несетъ тѣ обязанности внѣшняго представительства, которыя далеко не являются послѣднимъ терніемъ въ президентской коронѣ, хотя ежедневно десятки депутацій отымаютъ у него драгоцѣнные часы утренней работы и почти цѣлые полу-

дни проходятъ въ посѣщеніи пастеровскаго института, école normale и т. п. учрежденій, въ произнесеніи и выслушиваніи рѣчей, раздачѣ наградъ или лестныхъ отзывовъ,—но рѣзкія выходки противъ несимпатичнаго президента продолжаютъ увеличивать подписку на радикальныя газеты и оскорблять щекотливое самолюбіе перваго сановника республики. Забывая сказанное имъ самимъ журналистамъ, пришедшимъ поздравить его съ избраніемъ: «господа отнынѣ я принадлежу вамъ, обсуждайте мою дѣятельность, какъ вамъ будетъ угодно, не забывая интересовъ Франціи и республики», Казиміръ Перье внезапно приходитъ въ ярость по случаю статьи Жервиля Реашъ—своего рода обвинительнаго акта противъ всей династіи Казиміровъ. По его настояніямъ министерство Дюпюи открываетъ судебное преслѣдованіе. Жервиль Реашъ приговоренъ къ тюрьмѣ и съ этого момента выходитъ изъ неизвѣстности, становится предметомъ ежедневныхъ сѣтованій, мозолитъ глаза читателямъ и, наконецъ, становится побѣдоноснымъ кандидатомъ на выборахъ тринадцатаго изъ избирательныхъ округовъ Парижа. Эта непріятность совпала для Казиміра Перье съ другою, столь-же неожиданной. Радикалы, потерпѣвшіе сильное пораженіе на выборахъ, обезглавленные въ лицѣ ихъ талантливѣйшаго вожака Клемансо, два раза оказавшіеся неспособными организовать министерство, побѣдоносно проводятъ въ президенты палаты депутатовъ враждебнаго компромиссамъ и коалиціямъ Бриссона. Палата на разстояніи немногихъ дней утверждаетъ свой выборъ, и противникамъ этой кандидатуры даже не удается выставить серьезнаго конкуррента, въ виду формальнаго отказа со стороны Феликса Фора. Наконецъ, само министерство Дюпюи падаетъ по совершенно случайному вопросу, напередъ поколебленное тѣмъ внутреннимъ разладомъ, какой вызвало въ его средѣ желаніе однихъ не отступать передъ тяжкой миссіей—очистки авгіевыхъ конюшенъ журналистики, какъ представленной въ стѣнахъ парламента, такъ и не представленной, и другихъ—избѣжать ненужныхъ(?) скандаловъ, какъ будто въ такомъ вопросѣ могутъ быть скандалы нужные и не нужные и кратчайшій, а потому и смѣлѣйшій путь не является наиболѣе желательнымъ въ интересахъ упроченія общественнаго довѣрія.

Газеты не успѣли еще обсудить всѣ послѣдствія министерской отставки, какъ распространился еще болѣе неожиданный слухъ, что самъ президентъ желаетъ покинуть власть на разстоянiи шести мѣсяцевъ со времени избранія. Эту отставку связывали сперва съ нежеланіемъ разстаться со своими министрами; ходилъ слухъ о возможности вторичнаго выбора и упроченія президентской власти, но на слѣдующій уже день стали распространяться еще болѣе странныя извѣстія: причиной принятія Перье рѣшенія выставлялось недовольство его самими министрами,

скихъ депешъ. Недоразумѣнія не только не прекратились, но еще достигли апогея съ появленіемъ президентскаго посланія, въ которомъ откровенно говорилось, что существующая конституція дѣлаетъ положеніе перваго сановника республики настолько безпомощнымъ и ничтожнымъ, что уважающій себя человѣкъ не можетъ сохранить постъ безъ ущерба для своей чести. Съ этого времени и по настоящій день со столбцовъ реакціонной печати не сходятъ дотолѣ неизвѣстные ей призывы къ пересмотру конституціи, и не далѣе, какъ вчера, виконтъ Вогюэ, тотъ самый, который открылъ французамъ Льва Толстого или вѣрнѣе открытъ былъ имъ Львомъ Толстымъ, покидая на-время благодарную тему «неохристіанизма», открылъ кампанію въ пользу, какъ онъ выражается, «Элизейскаго узника». Онъ молитъ своихъ соотечественниковъ пересмотрѣть конституцію въ интересахъ усиленія президентской власти.

Но добровольнымъ паденіемъ Казиміра Перье и переходомъ его сторонниковъ въ ряды ревизіонистовъ не исчерпывается еще рядъ сюрпризовъ, какими подарила Францію новогодняя политика.

Быстрые успѣхи радикальной партіи предвѣщали возможность выбора Бриссона въ президенты республики. Но коалиція оппортунистовъ съ такъ называемыми ralliés, т. е. признавшими республику клерикалами,—сдѣлала возможнымъ поднятіе на этотъ постъ второстепеннаго дѣятеля, представляющаго ту оригинальную особенность, что онъ первый изъ французскихъ президентовъ, не имѣющихъ за собою ни личныхъ заслугъ передъ демократіей, ни ряда ратовавшихъ за либерализмъ предковъ. Феликса Фора называютъ первымъ американскимъ президентомъ Франціи, въ томъ смыслѣ, что онъ собственной энергіей вышелъ изъ ничтожества и представляетъ собою не традицію, а настоящій и будущій день. Самъ избранникъ какъ нельзя лучше понялъ и оцѣнилъ причину своего выбора. Говоря о себѣ, въ посланіи къ палатамъ, какъ о скромнѣйшемъ изъ служителей народа, онъ приписалъ торжеству демократіи поднятіе на первый постъ республики одного изъ ея сыновъ. Реакціонная печать, разумѣется, поспѣшила вернуть его къ болѣе пристрастной оцѣнкѣ дѣйствительности, напоминая о голосахъ клерикаловъ, которымъ онъ обязанъ своей побѣдой надъ Бриссономъ. Она успѣла даже распространиться въ жалобахъ на неблагодарность, въ виду того что новый президентъ, отказываясь отъ партійныхъ пристрастій и слѣдуя парламентской практикѣ, намѣревался призвать въ ряды кабинета одного изъ вожаковъ радикаловъ Буржуа. Но сѣтованія смолкли внезапно, когда послѣ четырехъ-дневной кампаніи въ погонѣ за министрами, Буржуа заявилъ президенту о своей неспособности образовать сколько нибудь солидарный въ своей

политикѣ кабинетъ. Паденіе оппортунистовъ въ концѣ концовъ повело къ чему-же? Къ переходу на президентское кресло одного изъ членовъ ихъ министерства и къ образованію новаго, столь же оппортунистическаго кабинета, въ которомъ фигурируютъ даже нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ, какъ, напримѣръ, Пуэнкарэ, но подъ условіемъ отказа отъ такихъ радикальныхъ статей ихъ программы, какъ, напримѣръ, прогрессивное обложеніе наслѣдствъ. Оппортунизмъ торжествуетъ на всей линіи и этотъ фактъ одинъ даетъ намъ средство оріентироваться въ томъ разнообразіи противорѣчивыхъ фактовъ, которые приведены выше. Торжество оппортунизма настолько полно, что новое министерство, поддерживаемое въ этомъ президентомъ, позволило себѣ даже роскошь амнистіи, ни мало не обольщаясь мыслью, чтобы вернувшіеся изъ изгнанія враги поспѣшили прекратить свою атаку. Увѣренность оппортунистовъ въ томъ, что въ союзѣ съ ralliés, появленіе которыхъ въ стѣнахъ парламента пророчитъ образованіе въ близкомъ будущемъ клерикальной партіи, имъ удастся оставить противниковъ въ меньшинствѣ—причина той развязности, съ которой, забывая о преступленіи второго декабря, Рибо рѣшается провесть чрезъ палаты предложеніе о національныхъ похоронахъ маршала Канробера, героя кровавой экзекуціи на улицѣ Ришелье и Итальянскомъ бульварѣ. Десятки тысячъ проводили до Инвалидовъ гробъ послѣдняго маршала въ тотъ самый день, въ который столь-же многолюдныя собранія толпились у входа Гаръ-дю-Норъ, встрѣчая вернувшагося изъ изгнанія Рошфора. Въ единодушіи, съ какимъ соціалисты приняли участіе въ этой манифестаціи, и въ преднамѣренности, съ какой идолъ толпы избѣгалъ въ своей рѣчи всякаго намека на то, что еще недавно было причиной его розни съ большинствомъ не только соціалистовъ, но и радикаловъ—я разумѣю буланжизмъ,—лежитъ другая черта переживаемаго нами момента: концентрація всѣхъ враговъ существующаго порядка въ интересахъ дружнаго отпора той коалиціи оппортунистовъ и клерикаловъ, на которую указано нами выше. Рошфоръ въ соціализмѣ можетъ помѣряться съ Гоблэ или Клемансо. «Соціалъ-демократическія» теоріи также чужды этому журнальному полемисту, какъ и бланкистамъ, прудонистамъ и такъ далѣе, которыхъ включила въ себя соціалистическая партія, но это не мѣшало Рошфору кричать вчера: «да здравствуетъ соціальная демократія», какъ не помѣшаетъ завтра коллективистамъ поддерживать Бриссона или Гобэ. А это значитъ, что ключъ къ пониманію современнаго положенія даетъ грубое дѣленіе французскаго общества на «удовлетворенныхъ» и «не удовлетворенныхъ» (satisfaits et non satisfaits), на такихъ, которые думаютъ, что упроченіемъ республики достигнуты всѣ обѣщанія революціи, и такихъ, которые не думаютъ этого. Имя первымъ легіонъ,—во главѣ ихъ фритредеръ Леонъ

Сей можетъ протянуть руку любому изъ прямыхъ лейтенантовъ папы, направляющихъ политику перешедшихъ къ республикѣ клерикаловъ. Но на ряду съ удовлетворенными все численнѣй и численнѣй становится партія людей, мысли которыхъ, въ самой, разумѣется, общей формѣ, передаетъ слѣдующая передовица Клемансо. «Все мѣняется вокругъ насъ. Преданная индивидуализму Англія, принимаетъ въ пользу ирландскихъ фермеровъ мѣры, которыя кажутся намъ соціалистическими и заключаютъ въ себѣ посягательство на собственность. Таже Англія издаетъ образцовый кодексъ фабричныхъ законовъ и дѣлаетъ опытъ примѣненія восьмичасового рабочаго дня въ своихъ копяхъ. Она надѣляетъ бѣдныхъ «дешевымъ завтракомъ», освобождая отъ косвенныхъ сборовъ необходимѣйшіе алименты. Ей извѣстенъ подоходный налогъ и она не отступаетъ передъ мыслью прогрессивнаго обложенія наслѣдствъ. Сама феодальная Пруссія знакома съ принципомъ подоходности обложенія, а Германская имперія представляетъ самую грандіозную систему страхованія рабочихъ. Одна революціонная Франція остается неподвижной, точно скованная наполеоновской конституціей 8 года. Мѣстныя вольности ей неизвѣстны, бюрократія гложетъ ее ежечасно. Централизація душитъ ее въ своихъ тискахъ и она медленно умираетъ отъ безсилія что либо сдѣлать. Фабричное законодательство въ эмбріонѣ, страхованіе рабочихъ неизвѣстно, городскія пошлины, запретительныя таксы на припасы первой необходимости ослабляютъ покупательную силу получаемой рабочими платы. Подоходный налогъ продолжаетъ оставаться пугаломъ, а прогрессивность, было примѣненная къ наслѣдствамъ, взята обратно предложившимъ ее министромъ» (La Justice 31 января 95 года).

Одного перечня этихъ давно назрѣвшихъ и доселѣ не проведенныхъ реформъ достаточно, чтобы показать, что передовымъ партіямъ будетъ о чемъ позаботиться, прежде чѣмъ приступить къ попыткѣ практическаго примѣненія коллективизма. Тѣмъ самымъ отложена будетъ эпоха ихъ окончательнаго разрыва и удлиненъ періодъ плодотворной совмѣстной дѣятельности. Изъ того же перечня видно, какую борьбу предстоитъ вынести въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ «удовлетвореннымъ». Какъ ни значительны пожертвованія, которыхъ потребуетъ отъ нихъ поступательный ходъ демократіи, они все-же не настолько велики, чтобы заставить ихъ отказаться отъ завоеванныхъ политическихъ вольностей и броситься въ объятія новаго диктатора, «новаго «посланнаго Провидѣніемъ спасителя». Консервативная печать насчитываетъ, правда, уже полтораста сторонниковъ цезаризма въ стѣнахъ обѣихъ камеръ. Но правильность, съ какой произведены были послѣдніе президентскіе выборы, и полное равнодушіе, съ какимъ встрѣченъ былъ манифестъ самаго серьезнаго изъ претендентовъ, показываютъ, что народнымъ массамъ республика еще

дорога. Сторонникамъ цезаризма не достаетъ диктатора, а трудовому люду увѣренности, что его запросы легче будутъ удовлетворены даже радикальнымъ деспотомъ. Республика переживаетъ кризисъ, но все говоритъ въ пользу того, что этотъ кризисъ не будетъ имѣть для нея смертельнаго исхода.

Максимъ Ковалевскій.

Изъ Германіи.

Берлинъ весь въ снѣгу. Въ снѣгу вся Германія. Судя по газетамъ и депешамъ, и во всей Европѣ необыкновенно холодно и снѣжно. Снѣжные заносы то и дѣло вызываютъ повсюду желѣзнодорожныя замѣшательства. Отъ свирѣпствующихъ холодовъ гибнетъ много человѣческихъ жизней. То же самое угрожаетъ и растительной жизни во многихъ пунктахъ Западной Европы. Отъ морозовъ въ 10—12° становится здѣсь такъ же холодно, какъ у насъ при 25 и 30.

Берлинцы, особенно тѣ, которые не мерзнутъ, ликуютъ по поводу морозной и снѣжной зимы. При встрѣчѣ новаго года ничего подобнаго нельзя было ожидать. Тогда выглядѣло больше мартомъ, и громадныя народныя массы, собравшіяся по обыкновенію «подъ липами», слышали даже что то вродѣ раскатовъ грома. Когда обѣ стрѣлки часовъ остановились на XII, то рядомъ съ обычнымъ «Prosit Neujahr», многіе со смѣхомъ проводили старый годъ въ вѣчность «mit einem Donnerwetter!».

Вмѣсто крещенскихъ морозовъ послѣдовали затѣмъ ливни дождя и слякоть, и только съ половины января, когда всѣ ожидали наступленія весны, установилась и по сіе время продолжающаяся форменная зима. Почти каждый день падаетъ свѣжій снѣгъ, который затѣмъ систематически подмерзаетъ. Берлинъ въ такое время очень напоминаетъ нашу Невскую столицу. Особенно въ западной его части, прилегающей къ зоологическому саду, встрѣчаешь ландшафты если не русской, то петербургской зимы. Эта часть города извѣстна подъ названіемъ Thiergartenviertel, или Millionenviertel, или еще Thiergartenfreisinnviertel, такъ какъ здѣсь имѣетъ свое мѣсто жительства и мѣстная либеральная буржуазія. Въ этой части города культура зимы, для вящшаго удовольствія ея обитателей, поддерживается всѣми мѣрами, въ противуположность торговымъ, рабочимъ и т. п. кварталамъ восточной части, гдѣ снѣгъ и прочіе зимніе аттрибуты сильно мѣшаютъ работѣ, передвиженію и потому немилосердно уничтожаются.

Берлинъ имѣетъ вслѣдствіе этого такой видъ, какъ будто бы отдѣльныя его части лежатъ въ разныхъ климатическихъ полосахъ: на востокѣ темно и неуютно, весь снѣгъ большими сугробами сваленъ къ тротуарамъ; между тѣмъ на западѣ, у Thiergarten'а, радостно свѣтящее солнце играетъ искрами на снѣжной поверхности. Мѣстами кажется, что попалъ по меньшей мѣрѣ на Большую Морскую или Адмиралтейскую. Не видно только троечныхъ ямщиковъ и не слышно криковъ здѣшней jeunesse dorée: «Пошелъ! На острова!» Колесная ѣзда и въ этомъ случаѣ преобладаетъ. Лишь немногіе санные и отнюдь не щеголеватые извозчики бродятъ по снѣжнымъ улицамъ, меланхолически побрякивая колокольцами своего упряжнаго убора; очень они напоминаютъ временныхъ гостей Питера—унылыхъ чухонцевъ. Суевѣрныя нѣмки въ разговорѣ со мною винятъ русскихъ за то, что будто бы изъ Россіи нанесло въ этотъ годъ такого холоду и снѣга, но вообще нѣмцы противъ этого ничего не имѣютъ: сколько подрядчиковъ живетъ только вывозкой снѣжныхъ массъ; сколькимъ обитателямъ теплушекъ и пріютовъ для бездомныхъ и безработныхъ доставила работу очистка снѣга. Какая радость для взрослыхъ конькобѣжцевъ и для дѣтей, проводящихъ внѣ-школьное время на каткахъ, за катаніемъ снѣжныхъ бабокъ и только позднимъ вечеромъ возвращающихся домой съ пріятной усталостью и здоровою краской въ лицѣ. Для берлинца это такое рѣдкое наслажденіе, что я бы не кончилъ этого «разговора о погодѣ», если бы не боялся упрека въ банальности. Къ тому же здѣсь и безъ того всякихъ разговоровъ достаточное количество.

На вопросъ, о чемъ въ настоящее время всего больше разговариваютъ въ Берлинѣ, можно безошибочно отвѣтить: объ Umsturz'ѣ, т. е. разрабатываемыхъ теперь въ коммиссіи исключительныхъ законахъ, да еще, пожалуй, о дуэляхъ, съ тѣмъ же Umsturz'омъ стоящихъ въ прямой связи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ здѣшняго юмористическаго журнала «Lustige Blätter» изображена Германія въ видѣ стараго Михеля въ колпакѣ. Старый Михель, въ общемъ довольно крѣпкій, жестоко страдаетъ зубною болью. Названіе этому больному зубу — Socialistenzahn. Извѣстный заводчикъ-милліонеръ Штуммъ берется за леченіе Михеля, для каковой цѣли стрѣляетъ въ открытый его ротъ. Больной зубъ долженъ быть удаленъ во что бы то ни стало. Каррикатура называется Stumms Gewaltkur.

Такого именно рода леченіе Михеля, предлагаетъ дѣйствительно этотъ любопытный государственный мужъ въ современной борьбѣ съ разрушительными тенденціями. Въ своей извѣстной рѣчи, во время перваго чтенія проэкта, онъ высказался съ откровенностью, не оставляющей желать ничего большаго. Въ современныхъ неурядицахъ виноваты, по его мнѣнію, наравнѣ съ соціалъ-демократами и либеральные профессора, катедеръ-соціалисты,

духовенство, упражняющееся въ христіански-соціальной практикѣ, образованные слои общества и проч. Все это больной зубъ, который слѣдуетъ вырвать изо рта бѣднаго Михеля. О здѣшнемъ университетѣ спеціально онъ намекнулъ на то, что господа Адольфъ Вагнеръ и Густавъ Шмоллеръ бойкотируютъ каждаго противника катедеръ-соціалистическихъ теорій и не даютъ имъ добраться до степени ординаріуса. Адольфъ Вагнеръ опубликовалъ возраженіе, въ которомъ заявленіе Штумма назвалъ «легкомысленной клеветой». Обиженный заводчикъ, забывъ въ горячахъ о защищаемомъ имъ законномъ порядкѣ, воспрещающемъ дуэль, предлагаетъ обидчику-профессору стрѣляться. Профессоръ отклоняетъ это предложеніе и черезъ секунданта фонъ-Штумма предлагаетъ съ своей стороны передать дѣло суду чести. Но Штуммъ, считая для всѣхъ смертныхъ безусловно обязательными Religion, Sitte und Ordnung, самъ привыкъ руководиться формулой: здраву моему не препятствуй,—и потому о судѣ чести и слышать не хочетъ. Уклоненіе Вагнера отъ стрѣлянія онъ объявляетъ въ своей газетѣ «Post» основаннымъ на ничтожныхъ мотивахъ.

Актъ второй. Шмоллеръ опубликовываетъ свое мнѣніе объ одномъ изъ бойкотированныхъ будто-бы политико-экономахъ, берлинскомъ приватъ-доцентѣ фонъ-Кауфманѣ. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Шмоллера, хоть и числится докторомъ философіи и правъ, но оба докторскіе экзамена держалъ in absentia. Его работы не имѣютъ никакого научнаго значенія. Одновременно съ этимъ другая газета разсказываетъ, что Кауфманъ очень богатый человѣкъ и поручалъ писать свои труды французскому ученому Морису Блоку. Князь Бисмаркъ поручалъ въ свое время Кауфману составлять брошюры въ пользу своихъ военныхъ законопроэктовъ. Теперь Кауфманъ уже имѣетъ чинъ Geheimrath'а, ордена и пр., но остается приватъ-доцентомъ, такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія, руководствующееся указаніями ординарныхъ профессоровъ Вагнера и Шмоллера, не утверждаетъ его въ званіи ординаріуса. Въ результатѣ крупнаго обмѣна мнѣній между ординарнымъ профессоромъ и приватнымъ доцентомъ является предложеніе стрѣляться. До сихъ поръ, благодареніе Богу, эти кровожадныя поползновенія оказались даже менѣе чѣмъ холостыми зарядами. Въ худшемъ случаѣ будутъ прострѣлены двѣ-три дыры въ вольномъ пространствѣ. Но на постороннюю публику не могли не произвести тяжелаго впечатлѣнія эти разоблаченія на счетъ того, какъ подчасъ дѣлается ученая карьера, какъ подставляютъ ножки другъ другу академическіе коллеги и пр.

На сцену выступаетъ берлинское студенчество съ демонстраціей противъ Штумма. Въ помѣщеніи извѣстнаго ресторана Tonhalle дается студентами торжественный коммерсъ въ честь профессоровъ Вагнера и Шмоллера и въ защиту академической свободы отъ вторженія идей крупной индустріи. Свыше тысячи сту-

дентовъ собралось на торжество. Ректоръ университета проф. Пфлейдереръ и профессора были на лицо. Разливанное море пива, оглушительный трескъ «Саламандры», hoch императору, академіи, профессорамъ, возбужденныя рѣчи ректора магнификуса и блещущихъ своими мундирами корпорантовъ—вотъ обыкновенныя особенности академическихъ торжествъ нѣмецкаго студенчества, надъ которыми витаетъ верховный пивной владыка Гамбринусъ.

Въ этомъ случаѣ особенное впечатлѣніе произвела рѣчь Шмоллера, который соціалъ-демократію охарактеризовалъ какъ этическій матеріализмъ, а катедерсоціализмъ—какъ этическій идеализмъ. Онъ припоминаетъ, какъ въ 1875 году, сидя за общимъ обѣдомъ, князь Бисмаркъ заявилъ ему: Собственно говоря, и я катедерсоціалистъ, но до сихъ поръ не нахожу свободнаго времени заняться этимъ предметомъ обстоятельно.—Защита слабыхъ противъ сильныхъ, думаетъ далѣе Шмоллеръ—это nobile officium времени Фридриха—должна и впредь быть первой задачей государственной власти. Онъ припоминаетъ нападки на катедерсоціалистовъ 20 лѣтъ тому назадъ и замѣчаетъ, что нынѣ нападки начинаютъ возобновляться изъ рядовъ богатыхъ фабрикантовъ и заводчиковъ... Правда, умы теперь возбуждены болѣе чѣмъ когда либо, взаимная непріязнь и озлобленіе накопились до-нельзя; но въ этомъ виновата не одна соціалъ-демократія, а и руководители разныхъ общественныхъ слоевъ... Какъ Уландъ требовалъ отъ короля, замѣчаетъ ораторъ, такъ мы въ настоящее время должны требовать отъ каждаго фабриканта проникнуться демократической искрой. Онъ долженъ проявлять не только чувства хозяина и повелителя, но также чувства долга, симпатіи и признавать справедливость прогрессивныхъ стремленій и требованій низшихъ классовъ. Нападки на двухъ профессоровъ Шмоллеръ считаетъ оскорбленіемъ всего университета и свободы университетскаго преподаванія. Это было бы худшимъ признакомъ вырожденія парламентаризма, заключилъ свою рѣчь Шмоллеръ при шумномъ одобреніи собравшихся, еслибы его представители вздумали низвести профессуру до степени покорныхъ слугъ ихъ патронатства. Но свобода университетовъ и науки останется нерушимой, потому что общественное мнѣніе будетъ на нашей сторонѣ!—Слѣдуетъ «hoch dem socialen Königthum» и продолженію соціальныхъ реформъ.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ прусской профессуры, Гейнрихъ-фонъ-Трейчке, также присутствовалъ на коммерсѣ. Исторіографъ дома Гогенцоллерновъ извѣстенъ своимъ горячимъ т
пераментомъ, истинно прусской рѣзкостью и недостаткомъ объ
тивизма, которымъ онъ откровенно хвалится, когда въ свои
университетскихъ лекціяхъ касается не милыхъ ему предмето
поляковъ, евреевъ, Гейне и т. п. И на коммерсѣ онъ достойны
образомъ заключилъ рядъ профессорскихъ рѣчей, не пощад
при этомъ своего стараго пріятеля по парламентской фракц

Штумма.—«Когда такого рода милліонеръ беретъ на себя смѣлость утверждать неправду о нѣмецкихъ профессорахъ передъ лицомъ всей націи, то ничего другаго не остается какъ сказать ему съ надлежащей выразительностью: Schuster, bleibbei deinem Leisten!» Оглушительные апплодисменты были обычной наградой популярному и забавному профессору. Покуда трудно сказать, послѣдуетъ ли послѣ этой рѣчи предложеніе стрѣляться. Также трудно сказать что нибудь опредѣленное о цѣломъ рядѣ дуэлей, назрѣвающихъ въ нѣдрахъ антисемитической партіи, въ которой идутъ теперь жестокіе раздоры изъ за отношенія къ Umsturzvorlage: одни голосуютъ въ коммиссіи *за*, другіе бранятся реакціонерами и еще хуже. Знаменитый ректоръ Альвардтъ исключенъ за либеральную ересь изъ фракціи и на саженныхъ афишахъ и въ народныхъ собраніяхъ аппелируетъ теперь—«an das deutsche Volk gegen die Umsturzvorlage, für Freiheit und gegen Knechtschaft!» Эта агитація человѣка, о которомъ его теперешній ближайшій соратникъ д-ръ Беккель нѣсколько времени тому назадъ увѣрялъ, что если бы Альвардту не отказался одолжить нѣсколько сотъ марокъ соціалъ-демократъ Зингеръ, то онъ былъ бы теперь самъ соціалъ-демократомъ,—эта агитація, говорю я, производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе. Гораздо внушительнѣе голоса, раздающіеся теперь въ другихъ сферахъ. Въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ прежде всего упомянуть представителей христіански-соціальнаго движенія, которые въ Берлинѣ, подъ руководствомъ бывшаго придворнаго проповѣдника Штеккера, въ радѣ собраній протестовали противъ нападокъ Штумма и исключительныхъ законовъ. Штеккеръ, извѣстный подъ именемъ второго Лютера, увѣряетъ, что первый, подлинный Лютеръ, при существованіи такихъ законовъ, какіе теперь проэктируются на защиту религіи, морали и собственности, никогда бы не могъ стяжать себѣ славу великаго реформатора, потому что долженъ былъ бы вѣкъ свой провести въ тюрьмѣ; библія, старый и новый завѣтъ, должны будутъ быть изъяты изъ обращенія, потому что тамъ имѣются съ точки зрѣнія проэктируемыхъ параграфовъ ужасныя вещи. Что касается христіански соціальнаго движенія, то, по мнѣнію Штеккера, церковь и ея служители только тогда съумѣютъ сохранить силу и вліяніе, если перестанутъ быть слугами капитала и сдѣлаются жизненнымъ факторомъ и сотрудникомъ въ стремленіяхъ народа къ коренному улучшенію своей участи.

Эти мелкіе ручьи протеста грозятъ теперь разлиться въ широкій потокъ оппозиціи общественнаго мнѣнія, особенно послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ отношеніе партіи центра къ новому законопроэкту въ коммиссіи. Теперь много говорятъ о внезапной перемѣнѣ фронта этой партіи, написавшей на своемъ знамени: für Wahrheit, Freiheit und Recht. Надо полагать, что ей обѣщаны кое-какія уступки для католической церкви, въ виду

мени параграфы. Отсюда всеобщее смятеніе даже въ рядахъ католическихъ избирателей. Партія центра съ ея 100 членами имѣетъ, конечно, рѣшающее участь проэкта значеніе. Тѣмъ понятнѣе смятеніе, вызванное въ обществѣ ея образомъ дѣйствія. Нѣкоторые оптимисты уже имѣютъ надежду, что императоръ прикажетъ взять обратно Umsturzvorlage, подобно тому, какъ онъ въ свое время поступилъ въ виду общественной оппозиціи со школьнымъ законопроэктомъ Цедлица.

Тѣмъ временемъ изъ среды извѣстныхъ своимъ положеніемъ и вліяніемъ лицъ появилось теперь за множествомъ подписей заявленіе, въ которомъ анализируются главные моменты общественно-политической исторіи послѣднихъ лѣтъ, указывается необходимость соціальныхъ реформъ и, наконецъ, требуется отклоненіе исключительныхъ законовъ. Изъ лицъ, особенно извѣстныхъ въ Германіи, среди подписей встрѣчаются имена моралиста фонъ-Эгиди, предсѣдателя общества этической культуры профессора Ферстера, берлинскихъ профессоровъ Гижицкаго и Адольфа Вагнера, профессора Геркнера, Карла Іентша, проф. Вернеръ-Сомбарта, пастора Герре и др.

Примѣру профессоровъ и ученыхъ послѣдовали писатели, журналисты и художники. Мюнхенскій литературный клубъ высказался первымъ въ смыслѣ приведеннаго заявленія. Для полноты хроники слѣдуетъ еще упомянуть выдающіяся статьи отдѣльныхъ ученыхъ, произведшія по своей глубинѣ особенно сильное впечатлѣніе: статья только что умершаго мюнхенскаго эстетика, проф. Морица Каррьера, «Umsturz und Kunst»; статья Эрнеста Геккеля «Naturwissenschaft und Umsturz»; статья извѣстнаго философа и педагога, берлинскаго профессора Фридриха Паульсена, «Die Universitäten und der Umsturz».—Самыя названія статей указываютъ, о чемъ идетъ рѣчь и до какой степени назойливъ въ настоящее время вопросъ объ Umsturz'ѣ.

Въ настоящее время всеобщаго безпокойства среди профессоровъ и журналистовъ не трудно будетъ себѣ представить сенсаціонное значеніе радости, постигшей одного члена берлинской журнальной братьи. Я разумѣю корифея мѣстной журналистики Людвига Питша, которому въ 70 день рожденія пожалованъ императоромъ титулъ профессора honoris causa. Сенсація этого событія тѣмъ большая, что Питшъ чуть ли на полвѣка пишетъ въ «Vossische Zeitung», либеральной теткѣ Фоссъ, какъ ее здѣсь называютъ; съ другой же стороны тотъ же самый Вильгельмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ назвалъ журналистовъ просто на просто Hungerkandidat'ами. И вдругъ, на тебѣ, журналистъ-профессоръ. Значитъ, не все еще потеряно,—думаютъ себѣ братья-писатели.

ль и художественный критикъ, этотъ 70 лѣтній юноша такъ хранился, что работаетъ безъ устали. Въ самое послѣднее время гъ былъ командированъ Фоссовой Газетой въ Петербургъ и Москву для присутствованія на похоронахъ покойнаго императора. Цѣлый рядъ обширныхъ корреспонденцій былъ свидѣльствомъ неизсякаемой силы таланта, наблюдательности и физической выносливости. Этотъ богато одаренный и вѣчно юный старикъ имѣлъ на своемъ вѣку очень много интересныхъ встрѣчъ. остаточно заглянуть въ два тома его воспоминаній. Между прочимъ, онъ былъ очень близокъ съ семействомъ Віардо, Тургеневымъ, Рубинштейномъ и др.

Съ открытіемъ засѣданій прусскаго ландтага въ половинѣ рошлаго мѣсяца, такъ называемый политическій Hochsaison вступилъ въ свои права. Если принять еще въ соображеніе засѣданія берлинскаго муниципалитета, котораго многіе представители вляются въ то же время депутатами рейхстага и ландтага, то въ одной нѣмецкой столицѣ получается картина одновременной дѣятельности трехъ парламентскихъ учрежденій. Сюда присоединяется рядъ парламентскихъ коммиссій, куда перенесена теперь значительная часть парламентской работы. Парламентская машина словомъ, работаетъ на всѣхъ парахъ. Между Dönhoffplatz—мѣстомъ нахожденія прусской палаты, и Königsplatz, гдѣ находится германскій рейхстагъ, пробита гладкая дорога, и уже съ ранняго утра вдоль по Лейпцигской улицѣ то и дѣло мелькаютъ взадъ и впередъ хорошо знакомыя фигуры народныхъ представителей. Депутаты ландтага, въ противуположность членамъ рейхстага, пользуются пріятной привиллегіей полученія 20 марокъ за каждое засѣданіе и тѣмъ самымъ поставлены въ пріятную возможность дѣлать свои концы не пѣшкомъ, а на извозчикѣ.

Трехклассную систему прусскихъ выборовъ князь Бисмаркъ какъ то назвалъ самой жалкой изъ выборныхъ системъ. И въ народѣ эта система пользуется очень недоброй славой. За прусскимъ ландтагомъ укрѣпилось самое нелестное названіе Geldsackparlament'a, парламента толстосумовъ, учрежденія по преимуществу юнкерскаго и капиталистическаго. Имущественный цензъ, положенный въ основаніе этой системы, сдѣлалъ не только невозможнымъ проникновеніе въ ландтагъ демократическихъ элементовъ, но часто многіе прусскіе министры фигурируютъ среди избирателей низшихъ классовъ, потому что недостаточно богаты, чтобы очутиться въ обществѣ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ прусскомъ ландтагѣ царитъ почти нераздѣльно прусское юнкерство; ему вторятъ націонал-либеральные капиталисты и помѣщики католики. Оппозиція представлена тамъ очень слабо. Лишь Евгеній Рихтеръ съ небольшой группой своихъ привержен-

одной своей персоной производитъ впечатлѣніе какъ бы цѣлой большой партіи. Обширныя знанія, колоссальная память, выдающійся ораторскій талантъ, ѣдкій сарказмъ, богатый парламентскій опытъ, непримиримая враждебность къ соціалистамъ, какъ и къ консервативной реакціи—всѣ эти свойства въ совокупности составляютъ силу, вызывающую къ ней и вниманіе политическихъ противниковъ, и нескрываемое уваженіе самаго правительства. Кто изъ парламентскихъ посѣтителей не знаетъ этой грузной, не столько передвигающейся, сколько перекатывающейся фигуры съ необыкновенной величины черепомъ, съ крючковатымъ носомъ, дающимъ столько пищи юмористическимъ потѣшникамъ?

Извѣстно, какія заботы поглощаютъ въ настоящее время главное вниманіе имперскаго правительства. Это борьба съ разрушительными стремленіями, въ виду которой внесена въ рейхстагъ такъ называемая Umsturzvorlage, занимающая теперь всѣ умы въ Германіи и окрашивающая собою всю текущую парламентскую сессію. Извѣстно также, что прусскіе аграріи съ своей стороны употребляютъ всѣ усилія, чтобы изъ наступившей теперь суматохи извлечь для себя по возможности большій профитъ. Апогеемъ этихъ желаній является такъ называемый проэктъ графа Каница о введеніи монопольной торговли иностраннымъ хлѣбомъ за счетъ государства. Этотъ проэктъ, направленный къ искусственному повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, еще Каприви назвалъ несовмѣстимымъ съ существованіемъ международныхъ торговыхъ отношеній. Но,—думаютъ аграріи,—то, что было невозможно при Каприви, быть можетъ удастся при новомъ курсѣ. Въ нѣдрахъ «Союза сельскихъ хозяевъ» слышатся въ послѣднее время голоса, что проэктъ Каница долженъ быть принятъ, даже если это связано съ нарушеніемъ договоровъ, если это даже угрожаетъ войной. Аграрный пылъ снова какъ будто забываетъ всѣ границы.

При такихъ условіяхъ, когда указаннымъ тенденціямъ приходится съ большими усиліями сдерживать натискъ оппозиціи внутри страны, болѣе чѣмъ когда либо являются теперь не кстати спеціальныя претензіи нѣмецкихъ окраинъ. Патріоты à la «König Stumm» бросаютъ, конечно, обитателей этихъ окраинъ въ одну кучу съ «безбожными соціалъ-демократами». Тамъ, на сѣверной границѣ, дерзкіе датчане, на востокѣ—«глупые, но чванные поляки», на западѣ—жаждущіе реванша полуфранцузы, въ нѣмецкой Африкѣ—нецивилизованные дикари и т. д.—все это, дескать, враги имперіи, которыхъ слѣдуетъ по возможности скорѣе цивилизовать, германизировать. Между тѣмъ теперешній канцлеръ германской имперіи князь Гогенлоэ, прослужившій девять лѣтъ штаттальтеромъ Эльзаса-Лотарингіи, отозвался на дняхъ о тамошнемъ населеніи между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Эль-

ключительныхъ мѣрахъ относительно тамошняго населенія и уждается въ таковыхъ лишь противъ внѣшней агитаціи»...

Эти слова были сказаны во время дебатовъ рейхстага, происодившихъ по поводу внесеннаго эльзасскими депутатами предлоенія объ упраздненіи въ присоединенной провинціи диктатуры, ли такъ называемыхъ диктатуръ-параграфовъ. Слушая эльзасскихъ редставителей, этихъ большею частью старенькихъ пасторовъ, рожащимъ, слабымъ голосомъ излагающихъ свои жалобы, достигихъ часто такого почтеннаго возраста, что едва слышатъ, когда резидентъ ихъ о чемъ нибудь спроситъ,—слушая ихъ, не можешь е согласиться съ канцлеромъ, что населеніе, пославшее такихъ депутатовъ въ рейхстагъ, должно дѣйствительно состоять изъ очень спокойныхъ людей. И все-таки у нихъ есть свои горькія жалобы, которыхъ накопилось такъ много, что потребовалось имъ содѣйствіе болѣе молодыхъ силъ — эльзасскихъ же депутатовъ Прейса, Бебеля и др., чтобы всѣ нужды своей области изложить передъ народнымъ представительствомъ.

Въ будущемъ году исполнится ровно четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ германскій рейхстагъ почти единогласно постановилъ присоединить завоеванную въ франко-прусской войнѣ Эльзасъ-Лотарингію къ германской Имперіи, какъ ея составную часть. Радость, вызванная этимъ завоеваніемъ во всей странѣ, превосходила тогда всѣ границы и главная мысль, занимавшая въ то время общественное мнѣніе, заключалась въ томъ, чтобы обставить участь «вновь возвращенныхъ собратьевъ» наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. Главный герой той эпохи, князь Бисмаркъ, указывая на то, что эльзасцы сжились со своимъ французскимъ подданствомъ и питаютъ нѣкоторое нерасположеніе къ нѣмецкому господству, выражалъ въ то же время надежду, что терпѣніемъ и разумною умѣренностью удастся постепенно преодолѣть это нерасположеніе. Нѣмцамъ, полагалъ онъ, болѣе чѣмъ французамъ свойственъ духъ добраго, милостиваго и человѣческаго управленія, и населеніе Эльзаса въ атмосферѣ дарованной нѣмцами общественной и личной свободы скоро позабудетъ о благахъ французскихъ учрежденій и традицій. Теперь ни для кого не тайна, что выраженныя тогда Бисмаркомъ надежды далеко не исполнились и по сіе время. Нерасположеніе къ нѣмецкому господству въ средѣ населенія осталось въ прежней силѣ, и эльзасскіе депутаты представили тому болѣе чѣмъ убѣдительныя объясненія.

Задача, предстоявшая нѣмецкимъ завоевателямъ, была съ самаго перваго момента неправильно ими понята, и уже первые шаги для ея рѣшенія оказались роковыми для всего послѣдующаго времени. Какъ извѣстно, Эльзасъ Лотарингія была присоединена въ 1871 году противъ ея воли. Тамошнее населеніе пережило сообща съ фран-

цузами революцію, многочисленные военные походы и слилось съ Франціей въ тѣсно сплоченное цѣлое. Эльзасъ-лотарингское народное самосознаніе растворилось въ національномъ сознаніи французовъ. Такимъ образомъ восторгъ по поводу «вновь возвращенныхъ братьевъ» былъ уже на первыхъ порахъ въ значительной степени отравленъ чувствомъ опасенія передъ ихъ возможной французской строптивостью. Чтобы сдерживать этихъ братьевъ въ надлежащихъ предѣлахъ, сочли тогда же, въ 1871 году, необходимыхъ назначеннаго въ Эльзасъ-Лотарингію оберъ-президента, впослѣдствіи штаттгальтера, снабдить широкими полномочіями карать и миловать по своему усмотрѣнію. Эти такъ называемые диктатурныя параграфы, опредѣленные первоначально только на два года, остаются и до сихъ поръ дѣйствующимъ законодательствомъ, такъ что штаттгальтеръ эльзасской провинціи теперь является высшимъ представителемъ имперіи, регентомъ, облеченнымъ такой властью, какой не знаетъ ни одно изъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ. Эльзасскіе депутаты характеризуютъ состояніе своей области, какъ 24 года продолжающееся осадное положеніе. Послѣдній полицейскій располагаетъ тамъ большей властью надъ личностью и благополучіемъ гражданина, чѣмъ высшій правительственный чиновникъ остальной Германіи. При такихъ условіяхъ у населенія получается угнетенное настроеніе недовольства, такъ какъ никто не знаетъ, въ какой мѣрѣ и въ какой моментъ онъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ того или другого начальства, въ распоряженіе котораго отдано его личное и хозяйственное благополучіе. Своего настроенія никто не рѣшается тамъ обнаружить изъ опасенія повредить себѣ. Въ виду этого самыя справедливыя жалобы на обиды низшаго начальства не доходятъ до свѣдѣнія высшаго, не говоря уже—до свѣдѣнія штаттгальтера. Фактически Эльзасъ-Лотарингія и теперь еще правится, какъ завоеванная область, ея населеніе разсматривается, какъ враждебное нѣмцамъ и потому требующее чрезвычайныхъ мѣръ управленія. Съ тяжелымъ чувствомъ обиды приходилось населенію Эльзаса слышать отъ присланныхъ къ нимъ прусскихъ президентовъ полиціи названія Schweinehunde, Schufte, которыхъ слѣдуетъ жать до тѣхъ поръ, «покуда изъ подъ ногтей не брызнетъ кровь» и пр.

Эльзасъ-Лотарингія съ 1871 года считается нѣмецкой областью, между тѣмъ болѣе $^1/_{10}$ ея теперешнихъ законовъ французскаго происхожденія. Эти законы существовали и во Франціи, но, при постоянной смѣнѣ правительственныхъ системъ въ ней, одно правительство игнорировало цѣлый рядъ этихъ постановленій, другое, для усиленія своей власти, снова къ нимъ обращалась, между тѣмъ какъ въ Эльзасъ-Лотарингіи они остаются и по сіе время въ полной силѣ.

Это все больше законы, декреты и распоряженія, которые частью имѣютъ свое начало столѣтіе тому назадъ, въ періодѣ

самой Франціи многіе изъ этихъ законовъ, возникшихъ часто въ исключительно тревожныя времена, теперь совершенно забыты. Въ Эльзасъ-Лотарингіи же они составляютъ еще и въ настоящее время фундаментъ мѣстнаго управленія, который нѣмецкая администрація истолковываетъ и примѣняетъ въ размѣрахъ, напоминающихъ самыя тяжелыя эпохи французскаго режима.

Учрежденіемъ особаго областного сейма (Landesauschuss) имѣлось въ виду до извѣстной степени удовлетворить настоятельнымъ запросамъ эльзасъ-лотарингскаго населенія. Но этотъ сеймъ стяжалъ себѣ шуточное названіе Rentnerparlament'a, такъ какъ въ немъ засѣдаютъ лишь одни денежные тузы да служащіе по назначенію высшіе и средніе чиновники. Напр., въ настоящемъ составѣ сейма, среди 58 его членовъ насчитывается 2 младшихъ статсъ-секретаря, 2 члена окружнаго суда, 6 статскихъ совѣтниковъ, 1 окружный начальникъ, 1 окружный асессоръ, 28 бургомистровъ, 16 помѣщиковъ, 8 фабрикантовъ, и т. д. въ этомъ родѣ, такъ что представители ремесленнаго, крестьянскаго и прочихъ низшихъ сословій блистаютъ совершеннымъ отсутствіемъ. Такой составъ создается существующей тамъ крайне несовершенной системой выборовъ. Господа, собравшіеся въ сеймѣ,—по ироническому замѣчанію одного эльзасскаго депутата,—прежде всего постановляютъ въ свою пользу 20 марокъ гонорара за каждое засѣданіе, проглатываютъ затѣмъ нѣсколько оффиціальныхъ и торжественныхъ обѣдовъ, высказываются за безукоризненность всѣхъ предложенныхъ свыше проектовъ и въ благодушномъ настроеніи расходятся по домамъ. Къ этому присоединяется еще исключительное положеніе эльзасъ-лотарингской печати, при которомъ нужды тамошняго населенія не находятъ себѣ свободнаго выраженія. Каждая газета спрашиваетъ себя естественно, не рискуетъ ли она критикой тѣхъ или другихъ неурядицъ навлечь на себя гнѣвъ областного начальства и быть закрытой на основаніи диктатуръ-параграфовъ, — обстоятельство, заставляющее задуматься газету тѣмъ сильнѣе, что съ каждымъ закрытіемъ газеты связано разстройство цѣлаго ряда существованій: редактора, сотрудниковъ, наборщиковъ, экспедиторовъ, типографщика и др. Этотъ безпрестанно висящій дамокловъ мечъ диктатуръ-параграфовъ отражается на прессѣ обезцвѣчивающимъ и гнетущимъ образомъ, такъ что правительственные органы сами лишены средствъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ настроеніемъ и потребностями населенія. Свобода печати, существующая въ коренной Германіи, принципіально распространена и на Эльзасъ-Лотарингію, но фактически и даже юридически она ограничена для этой послѣдней существующей тамъ диктатурой штаттгальтера. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что съ 1881 года по настоящее время въ Эльзасѣ-Лота-

живущихъ. Не только доступъ иностранныхъ газетъ можетъ быть воспрещенъ въ этой области, но даже органы коренной Германіи, если они внушаютъ какія либо сомнѣнія, могутъ быть изъяты изъ обращенія въ ея предѣлахъ. До настоящаго времени еще остается здѣсь въ силѣ французскій декретъ о печати отъ 1852 года, по которому каждая ежедневная газета обязана внести 20.000 марокъ, каждая недѣльная—10.000 марокъ залога. Сюда присоединяется масса разныхъ ограниченій, которыхъ коренная Германія уже давно не знаетъ. Такъ, напр., типографія извѣстной газеты можетъ печатать у себя лишь одну эту газету и безъ особаго разрѣшенія не имѣетъ права печатать избирательные листки, циркуляры и пр. Устройство типографіи для печатанія послѣдняго рода документовъ возможно лишь съ предварительнаго разрѣшенія вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и подъ предварительной присягой, что противъ существующаго порядка ничто не будетъ тамъ печататься. Если газета въ своихъ отчетахъ о судебныхъ процессахъ выходитъ за предѣлы сущности дѣла и приговора, то ей немедленно грозитъ штрафъ. И т. п. Относительно ферейновъ и собраній дѣйствующее въ Эльзасѣ законодательство предоставляетъ полицейскимъ властямъ неограниченное право распущенія и воспрещенія. Если же, паче чаянія, какому нибудь пьяненькому взбредетъ въ голову просвистать марсельезу или крикнуть «Vive la France!», то годъ или полтора года тюремнаго заключенія потребуется ему, чтобы протрезвиться.

Лучшіе знатоки быта въ Эльзасъ-Лотарингіи,—а къ такимъ несомнѣнно принадлежатъ ея представители въ рейхстагѣ,—единодушно утверждаютъ, что германизація тамошняго населенія почти не сдѣлала никакихъ успѣховъ; моральное завоеваніе страны остается еще въ едва замѣтныхъ зачаткахъ. Политическое равнодушіе, «покой кладбища», какъ выразился одинъ членъ областного сейма,—самое большее, что достигнуто на пути ассимиляціи. О живомъ, внутреннемъ сродствѣ населенія этой области съ германской имперіей не можетъ быть и рѣчи. И эта неудача объясняется, по общему мнѣнію, исключительнымъ и принудительнымъ характеромъ системы, представляемой главнымъ образомъ прусскими пришельцами, въ родѣ фонъ-Келлера или теперешняго статсъ-секретаря фонъ-Путткамера,—людей неспособныхъ проникнуть въ души чуждаго имъ населенія, завоевать его симпатіи.

Насильно милъ не будешь. Силою и страхомъ удавалось въ Эльзасѣ добиться мимолетныхъ успѣховъ, прочные же результаты заставляютъ себя еще до сихъ поръ ждать. Если въ населеніи Эльзаса замѣтно и понынѣ сильное тяготѣніе къ французамъ, то тайна этого тяготѣнія очень проста: это та терпимость, которую Франція практиковала въ теченіи всего времени своего господства

въ Эльзасъ-Лотарингіи. Чувства, обычаи и нравы этого первоначально нѣмецкаго населенія находили во французахъ безусловную пощаду. Вмѣсто того чтобы съуживать его вольности, французы даровали ему еще новыя, болѣе широкія. Черезъ цѣлыхъ 200 лѣтъ послѣ присоединенія Эльзаса къ Франціи во французскихъ народныхъ школахъ этой области преподаваніе происходило на нѣмецкомъ языкѣ, въ церквахъ проповѣди произносились на нѣмецкомъ языкѣ; поколѣніе, воспитавшееся еще при французскомъ режимѣ, припоминаетъ, что во французскомъ Эльзасѣ училось Закону Божьему на нѣмецкомъ языкѣ. И тѣмъ не менѣе эту, въ значительной степени по-нѣмецки говорящую область, 1870 годъ засталъ вполнѣ ассимилировавшейся съ французами.

Система, практикующаяся въ настоящее время прусскими администраторами въ Эльзасѣ, представляетъ совершенную этому противоположность. Все, что напоминаетъ въ Эльзасѣ о прошломъ, рѣшительнымъ образомъ подавляется. Французскій языкъ изъ народныхъ школъ и изъ церквей систематически изгоняется, за исключеніемъ развѣ тѣхъ общинъ, которыя находятся въ исключительно французской полосѣ. Эта практика тѣмъ болѣе непостижима, что въ пограничной области, какой является Эльзасъ-Лотарингія, знаніе обоихъ языковъ составляетъ неотвратимую жизненную потребность, и живущіе тамъ швейцарцы и люксембуржцы, зная оба языка, успѣшно конкуррируютъ съ туземнымъ населеніемъ.

Бывшій штаттгальтеръ Эльзаса и нынѣшній канцлеръ имперіи, казалось, теперь только, во время происходившихъ парламентскихъ дебатовъ, впервые услышалъ о нуждахъ только что покинутой имъ области во всей ихъ неприглядной и неприкрашенной полнотѣ. Онѣ его несомнѣнно тронули, и онъ въ возбужденномъ тонѣ обратился къ рейхстагу со словами: «Какъ же вы думаете, значитъ я былъ за девять лѣтъ моего управленія тираномъ Эльзаса и Лотарингіи?»—Да, отвѣтили ему, лукаво улыбаясь, эльзасскіе депутаты: объективно говоря, по совокупности облекавшей васъ власти, вы были нашимъ тираномъ, а если вы насъ не тиранили, то этимъ мы обязаны вашему доброму сердцу. Но,—прибавили они тутъ же,—доброе сердце не для всякаго администратора обязательно, и вотъ почему мы ходатайствуемъ о введеніи въ нашей области добрыхъ и для всѣхъ обязательныхъ законовъ. Бывшій статсъ-секретарь Эльзаса и нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ, по обыкновенію заложивъ обѣ руки въ карманы и съ неисчезающей улыбкой въ лицѣ, попытался было тоже вмѣшаться въ разговоръ, заявивъ, что за $4^1/_2$ года его службы въ тамошней провинціи онъ ничего не слышалъ о недовольствѣ населенія существующимъ порядкомъ управленія. «Господинъ Келлеръ!—отрѣзали ему эльзасскіе депутаты: характеръ и образъ дѣйствія, какой вы усвоили и практиковали во время вашей службы

Возникаетъ вопросъ: чѣмъ объясняется это безконечное дѣйствіе исключительныхъ законовъ въ странѣ, которой еще на первыхъ порахъ была обѣщана полная равноправность съ остальной Германіей? Чѣмъ оправдывается систематическое подтягиваніе населенія, о которомъ самъ канцлеръ свидѣтельствуетъ, что это трудолюбивые, спокойные люди, — и никто этому свидѣтельству не противорѣчитъ?

Оказывается—французы мутятъ, французы виноваты. Князь Гогенлоэ и фонъ-Путткамеръ одинаково согласно заявляютъ, что эльзасское населеніе въ исключительныхъ мѣрахъ не нуждается, но что диктатуръ-параграфы имѣютъ въ виду отражать внѣшнюю агитацію французовъ. Отъ Поля Деруледа, дескать, и его лиги патріотовъ просто покою нѣтъ. Въ послѣднее время эта лига будто бы прямо внесла въ свой статутъ спеціальный пунктъ — revendication, т. е. возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи.

Самъ канцлеръ сознавалъ всю слабость и неубѣдительность довода, старающагося безпардонными мечтаніями кучки крикуновъ и шовинистовъ оправдать гнетъ исключительнаго режима надъ $1^1/_2$ милліонами «трудолюбиваго и спокойнаго населенія». Дебаты рейхстага не оставили сомнѣнія въ томъ, что для Деруледа, лиги патріотовъ и подобной агитаціи вполнѣ достаточны пограничная полиція и уголовный кодексъ. Населеніе же Эльзаса въ томъ неповинно и несетъ бремя диктатуры незаслуженно. До сихъ поръ диктатуръ-параграфы оставались въ силѣ по той простой причинѣ, что съ помощью такихъ параграфовъ всего легче управлять областью. Администрація, какова бы она ни была, лишь съ большимъ трудомъ разстается съ полномочіями власти, разъ они достались въ ея распоряженіе. Для этого нуженъ сильный толчокъ извнѣ. Этотъ толчокъ данъ теперь рейхстагомъ и дни эльзасской диктатуры, надо полагать, сочтены. Самъ молодой принцъ Гогенлоэ, сынъ канцлера и также одинъ изъ депутатовъ Эльзаса, выразилъ увѣренность, что отмѣна исключительнаго режима отнынѣ не заставитъ себя долго ждать. Такое заявленіе сына не могло бы быть сдѣлано, еслибы оно противорѣчило убѣжденіямъ родителя.

Если мы съ королевской площади перенесемся теперь на площадь Дэнгофа, въ прусскую палату, то будемъ поражены одновременностью обсужденія чрезвычайно сходной матеріи. Тамъ обсуждались судьбы западной окраины, входящей въ сферу общихъ интересовъ имперіи, здѣсь на очереди участь восточной окраины, спеціально прусскій вопросъ и потому входящій въ сферу компетенціи прусскаго ландтага. Рѣчь идетъ о полякахъ, кото-

Это самая важная изъ нѣмецкихъ окраинъ, имѣющая кромѣ представителей ландтага еще около двухъ десятковъ (19) представителей въ рейхстагѣ и потому могущая при случаѣ оказать рѣшающее воздѣйствіе на исходъ того или другого вопроса.

Судя по нѣкоторымъ нѣмецкимъ и польскимъ газетамъ, можно было бы подумать, что во многихъ польскихъ областяхъ, какъ восточной, такъ и западной Пруссіи идетъ непрекращающаяся открытая или скрытая борьба, въ которой то полякъ нѣмцу, то наоборотъ—нѣмецъ поляку нанесъ жестокую обиду. Здѣсь, напр., польскій пробстъ далъ затрещину нѣмецкому учителю. Въ другомъ мѣстѣ нѣмецкій учитель, прогуливаясь по улицѣ со своими школьниками, будто бы демонстративно начинаетъ пѣть прусскую національную мелодію, на что разсерженные поляки отвѣчаютъ *своей* національной. На мелодіи не остановились: за ней послѣдовалъ живой обмѣнъ словами, а тамъ наступило и спасительное дѣйствіе. Въ качествѣ финала этого уличнаго спектакля слѣдуетъ взаимное бросаніе каменьями и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что большая половина подобныхъ ужасныхъ исторій—плодъ раздраженной фантазіи слишкомъ національныхъ борзописцевъ. Съ другой же стороны, за второй, меньшей и болѣе или менѣе вѣроятной половиной тѣхъ исторій скрывается несомнѣнная національная рознь между поляками и нѣмцами.

Обыкновенный ходъ мыслей, въ какомъ націоналистически настроенные нѣмцы формулируютъ польскій вопросъ, можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: поляки—это граждане, на которыхъ положиться никогда вполнѣ нельзя. Они стремятся къ возстановленію великаго польскаго государства и должны это дѣлать, если хотятъ остаться вѣрны своей національности. Они пруссаки только по формѣ и на срокъ. Опасность, возникающая изъ этого для Германіи, должна быть по возможности предупреждена путемъ борьбы съ полонизаціей и съ помощью нѣмецкихъ школъ, нѣмецкаго оффиціальнаго языка, нѣмецкаго чиновничества, какъ средствъ германизаціи польскихъ провинцій. Польскіе рекруты должны быть зачисляемы въ нѣмецкіе полки, гдѣ они съумѣютъ научиться нѣмецкому языку. Систематическая колонизація должна стремиться къ поселенію въ польскихъ областяхъ нѣмецкихъ новоселовъ, спеціально—крестьянъ. Помѣстья польской знати, какъ главной носительницы польскихъ стремленій, должны быть скуплены для цѣлей колонизаціи. Съ другой стороны, долженъ быть закрытъ доступъ притоку новыхъ польскихъ элементовъ изъ русской Польши и изъ Галиціи. Поляковъ, правда, не слѣдуетъ превращать насильно въ нѣмцевъ — это было бы варварствомъ, но они должны быть по возможности приближены къ духу и характеру нѣмцевъ, для чего дальнѣйшее расширеніе

польскаго начала и польскаго духа должно быть безусловно задержано.

Ужъ изъ указанныхъ здѣсь практическихъ мѣропріятій борьбы съ полонизаціей и распространенія германскаго духа ясны тѣ моменты, на которыхъ покоится польскій вопросъ и національная непріязнь между поляками и нѣмцами. Эти моменты суть: колонизація, нѣмецкая школа и нѣмецкое чиновничество, характеризующіе особенно рельефно практику послѣдняго десятилѣтія.

Для цѣлей колонизаціи въ 1886 году была учреждена особая коммиссія. До конца 1893 года этой коммиссіей было поселено 853 семейства колонистовъ, обошедшихся въ 9 милліоновъ марокъ. Если принять въ соображеніе, что въ тѣхъ 853 семействахъ насчитывалось до 4.000 душъ, то на каждую душу было израсходовано 2,250 марокъ изъ государственныхъ средствъ. По принципамъ коммиссіи, рента, взимаемая за потраченный капиталъ, опредѣлена въ 3%; часто, изъ уваженія къ тѣмъ или инымъ спеціальнымъ условіямъ, она опредѣляется и ниже. Къ этому присоединяется еще свобода отъ платежа процентовъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, разныя издержки и пр., такъ что государству за всѣ его траты достается среднимъ числомъ рента въ $1^3/_4$%. Оно даритъ такимъ образомъ колонисту половину владѣнія. Этотъ даръ не можетъ быть сокращенъ, такъ какъ коммиссія должна стараться, чтобы каждый надежный поселенецъ могъ дѣйствительно продержаться на своемъ участкѣ.

Несмотря на всѣ эти льготы, нельзя сказать, чтобы находилось много охотниковъ для колонизаціи. О поселенныхъ же нельзя сказать, чтобы они чувствовали себя вполнѣ счастливо на новыхъ мѣстахъ. Незнаніе мѣстныхъ условій и переживаемый теперь кризисъ сельскаго хозяйства вообще служатъ тому главной причиной. Такъ какъ коммиссія не проявляетъ склонности принимать на себя участки тѣхъ колонистовъ, которымъ почему либо не повезло, то не рѣдки случаи, когда подъ покровомъ ночи колонисты бросаютъ свои углы, въ лучшемъ случаѣ, обративъ часть подарка въ звонкую наличность, часто же потерявъ и то, что употребили на доплату изъ своего собственнаго кармана. На мѣсто бѣжавшаго является какой нибудь убогій и задолженный мужиченко, который опять не можетъ справиться со своимъ хозяйствомъ, причиняя коммиссіи новыя хлопоты.

Колонизаціонной коммиссіи дѣлался неоднократно упрекъ въ томъ, что она помогаетъ часто полуразорившимся представителямъ польской знати оправиться на счетъ государственныхъ средствъ, чѣмъ въ значительной степени сглаживаются и тѣ немногія выгоды, которыя достигаются колонизаціей крестьянскихъ владѣній. Наличныя деньги по нынѣшнимъ временамъ часто куда заманчивѣе владѣнія помѣстьями. Поэтому польскимъ помѣщикамъ приходится какъ нельзя болѣе на руку, когда коммиссія скупаетъ

ихъ помѣстья для цѣлей мелкой колонизаціи. Эта операція при случаѣ такъ выгодна, что и нѣмецкіе юнкера польскихъ провинцій охотно сбываютъ свои имѣнія коммиссіи. Въ послѣднее время произвелъ большую сенсацію слѣдующій характерный случай: по сосѣдству находились два помѣстья, одно польское, другое нѣмецкое и оба обанкрутившіяся. Колонизаціонная коммиссія покупаетъ имѣніе у поляка, который на полученныя деньги пріобрѣтаетъ помѣстье своего разорившагося нѣмецкаго сосѣда. Это, какъ сказано, характернѣйшій случай; вообще же сплошь да рядомъ такіе факты наблюдаются въ колонизаціонной практикѣ.

При такихъ условіяхъ несомнѣнно, что вся эта поглощающая массу государственныхъ средствъ колонизаціонная дѣятельность имѣетъ въ смыслѣ германизаціи и въ интересахъ борьбы національностей самое ничтожное значеніе. Если, напр., на 1.053,000 польскаго населенія Познани будетъ не 700,000 нѣмцевъ, а нѣсколькими тысячими больше, то отъ этого дѣло измѣняется мало.

На населеніи Познани, гдѣ главнымъ образомъ функціонируетъ коммиссія, вліяніе германизаціи едва замѣтно. Обыкновенно колонисты образуютъ небольшіе островки среди моря поляковъ; они, правда, сохранили вполнѣ свои германскія особенности, но въ то же время недурно освоились съ польскимъ языкомъ и нравами.

Если мы обратимся къ нѣмецкой народной школѣ въ средѣ польскаго населенія, то настоящее ея состояніе характеризуется въ общемъ слѣдующими чертами. Общее преподаваніе совершается тамъ и для коренныхъ польскихъ дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ. Исключеніе составляетъ лишь преподаваніе Закона Божьяго, которое въ Познани всецѣло, въ восточной же Пруссіи только въ низшихъ классахъ совершается на родномъ полякамъ языкѣ. Учителямъ въ виду этого полагается также знать польскій языкъ. Но такъ какъ они часто знаютъ этотъ языкъ очень плохо или совсѣмъ не знаютъ, то для преподаванія Закона Божьяго привлекается на помощь учителю помощникъ, или сказанному горю воспособляется какими нибудь иными путями. Поэтому поляки жалуются, что вслѣдствіе недостатка вполнѣ способныхъ преподавателей, польское религіозное воспитаніе часто совсѣмъ игнорируется; что, съ другой стороны, польскія дѣти, не научаясь въ достаточной степени писать и читать на родномъ языкѣ, не способны бываютъ къ удовлетворительному изученію Закона Божьяго, что, наконецъ, исключительное преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, устраняющее польскій языкъ даже какъ поясняющее средство, не можетъ вести къ сколько нибудь сносному школьному обученію.

Вліяніе этой системы отражается крайне неблагопріятно на всемъ школьномъ дѣлѣ въ населенныхъ поляками провинціяхъ Пруссіи. Въ собственной Пруссіи замѣчается съ годами постепенное сокращеніе безграмотныхъ. Такъ, напр., на 1,000 ново-

брачныхъ мужчинъ въ 1882 году насчитывалось 38,73 неумѣвшихъ подписать брачнаго договора; въ 1894 году это число сократилось до 15,16. На 1,000 новобрачныхъ женщинъ въ 1882 году насчитывалось 58,81 безграмотныхъ; въ 1893 году ихъ было 24,30. Точно также число безграмотныхъ среди рекрутовъ прусской арміи за этотъ промежутокъ времени съ 20 сократилось до 3,7 на одну тысячу. Но наибольшій процентъ существующихъ въ Пруссіи безграмотныхъ падаетъ именно на польскія области. И неудивительно,—такъ какъ чему можетъ здѣсь научиться ученикъ, который долгое время не понимаетъ своего учителя, и чему можетъ научить учитель, долгое время не понимающій своего ученика. Въ старые годы, когда преподаваніе совершалось еще на польскомъ языкѣ, дѣло грамотности обстояло нѣсколько лучше. Люди стараго поколѣнія почти всѣ знаютъ съ горемъ пополамъ читать и писать, молодое же поколѣніе несетъ на себѣ еще свѣжіе слѣды бисмарковскаго Kulturkampf'а: ни по нѣмецки, ни по польски.

Къ большому огорченію германизаторовъ польскаго населенія, представленъ въ позднѣйшее время рядъ свидѣтельствъ, что народная школа очень часто полонизируетъ вмѣсто того, чтобы германизировать. И это замѣтно особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльныя дѣти нѣмецкихъ родителей учатся совмѣстно съ большимъ числомъ польскихъ дѣтей. Первоначально въ польскихъ провинціяхъ существовали особыя вѣроисповѣдныя училища, въ которыхъ дѣти протестантовъ учились исключительно по-нѣмецки. Впослѣдствіи на смѣну этихъ школъ явились приходскія училища, какъ средство борьбы съ католицизмомъ и польскимъ духомъ. Поляки старались приспособиться къ новымъ условіямъ и, гдѣ имъ угрожала опасность превратиться въ нѣмцевъ, тамъ строгая организація ихъ церкви, проповѣдь священника и надзоръ матери заботились объ отраженіи опасности. Но сотни нѣмецкихъ дѣтей, которыхъ родители рады были, когда ихъ чада въ общеніи съ польской прислугой и товарищами научались кромѣ родного языка и языку поляковъ, научались этому послѣднему такъ основательно, что съ началомъ обязательнаго школьнаго возраста оказывалось часто, что они родной то языкъ почти что забыли. Такіе факты для сердца германизоторовъ тѣмъ огорчительнѣе, что, благодаря совмѣстному обученію дѣтей обѣихъ національностей въ приходской школѣ, забывшія еще до школы свой языкъ нѣмецкія дѣти и въ этой послѣдней остаются въ теченіи восьми лѣтъ школьнаго періода подъ вліяніемъ окружающей ихъ польской среды.—«Да какъ-же иначе быть?—спрашиваетъ въ отчаяніи учитель этой страны экспериментовъ: четыремъ нѣмецкимъ дѣтямъ моего класса не могу же я всецѣло отдаться, а съ остальными 30 польскими дѣтьми я не могу въ одинъ мигъ пройти всѣ мудрости нѣмецкаго языка; ну, и не удивительно, если нѣмецкія

хорошо сознавая ненормальность положенія, не можетъ тѣмъ не менѣе не уязвить своего евангелическаго коллегу, горько жалующагося на частыя крушенія своихъ усилій: «Ну вотъ видишь, братецъ мой, почему вы, нѣмцы, такъ глупы и устраиваете подобныя школы?!» замѣчаетъ онъ со злорадствомъ.

Въ самое послѣднее время бывшее правительство Каприви пошло на нѣкоторыя уступки противъ прежней бисмарковской системы. Теперь поляки добились для себя преподаванія польскаго языка въ среднихъ классахъ въ теченіи двухъ лѣтъ изъ восьмилѣтняго школьнаго періода, и то только два часа, во многихъ школахъ даже одинъ лишь часъ въ недѣлю. Ихъ требованія идутъ конечно далеко за эти предѣлы: для страны, населеніе которой, не смотря на нѣмецкую колонизацію и нѣмецкихъ колонизаторовъ, по преимуществу польское, все преподаваніе на польскомъ языкѣ, полагаютъ они, должно быть господствующимъ.

Третьимъ факторомъ германизаціи польскихъ провинцій является чиновничество. Въ Познанской провинціи, напр., всѣ чиновники, начиная отъ почтальона и вверхъ до оберъ-президента, назначаются по возможности изъ нѣмцевъ. Низшая администрація, приходя въ близкое соприкосновеніе съ польскимъ обществомъ, естественно научается польскому языку. Высшая—въ этомъ, пожалуй, и не нуждается. Воспитанные на стипендіи изъ германизаціонныхъ фондовъ врачи, педагоги, адвокаты и т. д., завися въ своей практикѣ отъ польской публики, тѣмъ самымъ вынуждаются къ изученію польскаго языка вмѣсто того, чтобы бойкотировать его. Выходитъ такимъ образомъ, что и въ этомъ случаѣ германизаціонная дубинка является о двухъ концахъ.

Между тѣмъ всѣ указанныя мѣропріятія къ упраздненію польскаго духа и къ предпочтительному упроченію духа германскаго ведутъ именно къ тому, что поляки на своемъ польскомъ упорно сосредоточиваются и изъ всѣхъ силъ борятся противъ вторженія прусскихъ элементовъ. Крѣпость польской партіи, какъ въ странѣ, такъ равно и въ представительныхъ учрежденіяхъ, есть несомнѣнный результатъ практикуемой прусскимъ правительствомъ системы. Германизаторской дѣятельности колонизаціонной коммиссіи поляки противуставляютъ колонизирующую дѣятельность такъ называемой генеральной коммиссіи. Эта послѣдняя существуетъ въ Бромбергѣ и имѣютъ цѣлью скупать помѣстья раззорившихся польскихъ и нѣмецкихъ помѣщиковъ для перепродажи ихъ полякамъ въ видѣ мелкихъ парцеллъ. Генеральная коммиссія работаетъ съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ коммиссія колонизаціонная, такъ какъ и сама коммиссія, и ея поселенцы гораздо лучше знакомы съ мѣстными условіями. Въ какихъ нибудь два года она 584 крупныхъ помѣстья роздала польскимъ и литовскимъ мелкимъ хозяе-

вамъ, между тѣмъ какъ колонизаціонная коммиссія за 8 лѣтъ своей дѣятельности поселила всего 853 семейства колонистовъ. При скупкѣ помѣстій генеральная коммиссія не дѣлаетъ никакого различія между польскимъ и нѣмецкимъ помѣщикомъ, заботясь лишь объ одномъ, чтобы въ окончательномъ результатѣ остался на землѣ не нѣмецъ, а полякъ. На происходившихъ недавно Polendebat'ахъ въ прусскомъ ландтагѣ сторонники германизаціи жестоко возмущались тѣмъ, что дѣятельность одной коммиссіи уничтожается другой.—«Но вѣдь мы по конституціи такіе же равноправные граждане, какъ и вы!»—кричали имъ депутаты съ польскихъ скамей.

Сторонники германизаціи съ своей стороны не складываютъ рукъ. Въ самое послѣднее время организовался по всей Германіи ферейнъ патріотовъ zur Förderung des Deutschtums in den Ostmarken. Самое большее, что можетъ быть достигнуто въ этомъ направленіи, это то, на чемъ самъ Бисмаркъ помирился при принятіи въ концѣ прошлаго года познанскихъ паломниковъ-патріотовъ: создать изъ поляковъ «eine deutschtreue Bevölkerung, wenn nicht eine deutsche».

А. К.

Берлинъ. 15 февраля.

Литература и жизнь.

Кіевское слово напечатало слѣдующій циркуляръ одного изъ желѣзнодорожныхъ управленій:

«Въ виду того, что въ послѣднее время въ печати стали появляться извѣстія, касающіяся домашней жизни управленія дорогъ, довожу до свѣдѣнія агентовъ ввѣренныхъ дорогъ, что извѣстія для газетъ могутъ сообщаться только лицами, спеціально уполномоченными для этого; агенты-же, сообщающіе свѣдѣнія для газетъ, не имѣя на это права, будутъ немедленно увольняемы отъ службы».

Почти тотчасъ же послѣ изданія циркуляра репортеръ *Кіевскаго Слова* получилъ не менѣе краткое и внушительное письмо:

«Согласно подпискѣ, данной мною объ исполненіи циркуляра г. управляющаго дорогъ, честь имѣю покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, хотя и никогда не сообщалъ вамъ никакихъ свѣдѣній, впредь отнюдь не бывать у меня и не кланяться со мною на улицѣ, хотя мы и лично знакомы, такъ какъ это можетъ повредить моей карьерѣ по службѣ», подписалъ служащій управленія дорогъ такой-то.

Въ «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (12 октября) была напечатана, за подписью «Прохожаго» замѣтка о неурядицахъ на переправѣ черезъ р. Бѣлую. Уфимскій городской голова, г. Маллѣевъ, обидѣлся и напечаталъ въ тѣхъ же Губернскихъ Вѣдомостяхъ «письмо къ редактору неоффиціальной части», въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

«Считаю долгомъ напомнить Вамъ, Господинъ Редакторъ, что печатаніе анонимныхъ корреспонденцій, явно заключающихъ въ себѣ инсинуацію, не допускается даже въ частной, уважающей печатное слово, прессѣ, а не только что въ оффиціальной, и такъ какъ «Уфимскія Губернскія Вѣдомости», перемѣнивъ еженедѣльный выходъ въ ежедневный, вовсе не утратили своего оффиціальнаго характера, то можно только удивляться, какъ допускается въ такомъ органѣ печатаніе подобныхъ сообщеній. Вѣдь послѣ этого возможно допустить что угодно писать о всякомъ губернскомъ и

даже столичномъ присутственномъ мѣстѣ? Я думаю, Вы, Господинъ Редакторъ, не забыли, что Городская Управа, образованная по закону 11 іюня 1892 года, приравнена къ Губернскому Правленію, Казенной палатѣ и другимъ Присутственнымъ мѣстамъ?—Съ появленіемъ этой корреспонденціи въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ публикѣ начали циркулировать слухи о томъ, что ужъ если въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такъ пишутъ о Городской Управѣ, такъ, значитъ, дѣйствительно что нибудь выдающееся было. Зачѣмъ-же допускать бросать незаслуженно грязью въ Правительственное, хотя-бы и выборное учрежденіе? Не желая возбуждать преслѣдованія противъ анонимнаго корреспондента, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ огласить его имя и на будущее время такого рода корреспонденцій не допускать».

Такъ относится къ гласности россійскій обыватель, получившій хоть какую нибудь власть хоть надъ чѣмъ нибудь хотя бы по «совершенно постороннему вѣдомству»; онъ немедленно начинаетъ воображать себя Правительствомъ, и ужъ, конечно, неприкосновеннымъ для печати. Поэтому онъ считаетъ себя вправѣ отдавать разнообразныя распоряженія по дѣламъ печати: дѣлать выговоры, воспрещать и проч. А когда у обывателя нѣтъ и тѣни какой бы то ни было власти, онъ прибѣгаетъ къ другого рода пріемамъ.

По словамъ «Русской Жизни», интересное заявленіе на смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи сдѣлалъ гл. Н. А. Ковалевъ. Онъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Въ виду возбужденія вопроса о популяризаціи дѣятельности благотворительныхъ учрежденій и неполученія многими жителями нашей губерніи мѣстнаго органа печати, благодаря тому, что тамъ иногда помѣщаются непріятныя для нихъ извѣстія, я позволяю себѣ предложить губернскому собранію поручить управѣ выработать такую программу газеты, которая была бы пріятна мѣстному населенію и читалась бы имъ съ удовольствіемъ; только при этихъ условіяхъ и возможна желательная популяризація». Собраніе приняло проектъ г. Ковалева «къ свѣдѣнію».

Провиціальный обозрѣватель *Биржевыхъ Вѣдомостей* приводитъ слѣдующее характерное извѣстіе:

«Въ засѣданіи астраханскаго петровскаго Общества недавно почтили память газеты *Волга*, погибшей въ Астрахани въ 60 годахъ въ борьбѣ съ рыбопромышленниками... Совѣтъ Общества постановилъ внести въ общее собраніе предложеніе объ избраніи въ члены-корреспонденты Общества бывшаго редактора этой газеты, В. А. Бенземана».

По поводу этого извѣстія авторъ провинціальнаго обозрѣнія замѣчаетъ:

«Итакъ, «погибла» въ 60-хъ годахъ, а «почтили» въ половинѣ 90-хъ годовъ. Какъ видитъ читатель, для того, чтобы оцѣнить

Далѣе газета напоминаетъ вкратцѣ поучительную исторію названнаго провинціальнаго изданія. Редакторъ его Бенземанъ основалъ газету въ Астрахани для борьбы съ возмутительными злоупотребленіями, которыя допускались астраханскими рыбопромышленниками какъ относительно казны, такъ особенно относительно рабочихъ. Газета съ самаго начала привлекла къ себѣ сочувствіе многихъ: у ней оказалось достаточно подписчиковъ во всемъ нижнемъ Поволжьѣ, около нея сгруппировался кружокъ сотрудниковъ. Но обличенія, которыя позволяла себѣ *Волга*, выводили изъ себя рыбопромышленниковъ, которые и рѣшили во что бы то ни стало погубить «смѣльчака» съ его газетой. Они нанесли *Волгѣ* три удара, одинъ за другимъ.

«Первый ударъ былъ вотъ какого сорта. Раннимъ утромъ «смѣльчакъ» получаетъ адресъ отъ городскихъ подписчиковъ *Волги*, подписанный болѣе чѣмъ «ста пятьюдесятью» лицами. Въ адресѣ— покорнѣйшая просьба не присылать имъ *Волги*, какъ газеты, сдѣлавшейся-де пасквильной. Они, «подписчики», не только читать ее болѣе не желаютъ, но и въ руки брать не хотятъ».

Но редакторъ *Волги* продолжалъ борьбу, и на него обрушился второй ударъ, болѣе рѣшительный.

«У единственнаго тогда въ Астрахани писчебумажнаго торговца Козлова была вдругъ скуплена вся типографская бумага. Мало этого, ему строго-на-строго было запрещено продавать «смѣльчаку» и писчую бумагу. А до желѣзной дороги слишкомъ далеко... транспорты всякіе зимой идутъ долго... Выписать изъ Москвы или Пензы— значитъ ждать полгода, да и денегъ нѣтъ: Козловъ отпускалъ въ кредитъ, а московскіе и пензенскіе фабриканты, конечно, потребуютъ наличныя».

И газета перестала выходить. Однако сочувствіе къ *Волгѣ* было уже настолько сильно, что редакторъ ея получилъ неожиданную поддержку; кружокъ саратовцевъ, сочувствовавшихъ *Волгѣ*, собралъ по подпискѣ денегъ, которыя переслалъ издателю *Волги*, чтобы тотъ могъ продолжать изданіе газеты.

«А тутъ ему какъ разъ и посчастливилось. У одного изъ астраханскихъ кабатчиковъ оказался небольшой запасъ бумаги для завертыванія бутылокъ... Этотъ запасъ кабатчикъ согласился уступить, и «органъ» астраханскаго Поволжья сталъ опять выходить... На этотъ разъ въ видѣ небольшихъ сѣренькихъ листковъ, составляющихъ теперь историко-библіографическую рѣдкость».

Но враги опять не дремали: они устроили такъ, что издатель *Волги* не могъ достать даже оберточной бумаги. А затѣмъ... поискали и нашли какого-то «доку», который съѣздилъ куда нужно и окончательно «доканалъ» «смѣльчака».

Таковы факты, характеризующіе положеніе нашей провинціаль-

ной печати. Ихъ можно бы было привести, конечно, гораздо больше. Въ провинціальныхъ газетахъ сплошь и рядомъ печатаются письма такого то, имя рекъ, который желаетъ заявить, что не онъ авторъ такой то статьи, смутившей чье то спокойствіе въ Царевококшайскѣ или Алатырѣ; или другого имя река, слезно просящаго редакцію печатно удостовѣрить, что онъ никогда не состоялъ ея сотрудникомъ. Бываетъ, что обыватели доходятъ и до кулачной расправы съ представителями мѣстной печати. Не дальше, какъ 27 января нынѣшняго года, въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» было напечатано слѣдующее:

«За послѣднее время, въ мѣстныхъ газетахъ появилось нѣсколько замѣтокъ, касающихся нѣкоторыхъ порядковъ и нравовъ торговцевъ москательнаго ряда. Замѣтки эти встревожили весь москательный рядъ и торговцы собрались даже на особаго рода совѣщаніе. Предметомъ этого совѣщанія послужилъ вопросъ, какъ изловить неизвѣстнаго автора появлявшихся въ газетахъ сообщеній, которыя пришлись не по вкусу москательщикамъ.

— Подкараулить надо!!—кричалъ на совѣщаніи одинъ.

— Показать слѣдуетъ ему кулаки наши!!—вторилъ другой.

— Поймать! поймать!!—поддакивалъ третій.

— Обязательно!!! — кричали хоромъ остальные. Послѣ долгихъ дебатовъ, споровъ и криковъ, въ которыхъ главное участіе принималъ торговецъ Алексѣевъ, москательщики рѣшили: поймать репортера, доказать (?) и проучить его какъ слѣдуетъ».

Въ сравненіи съ этими остатками доисторическаго быта вышеприведенные кіевскіе, смоленскіе и астраханскіе пріемы представляютъ собою, конечно, верхъ утонченной деликатности. Но пора бы россійскому обывателю уже и отстать отъ мѣры первобытнаго аршина. Уже слишкомъ 320 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ первый русскій типографщикъ Иванъ Ѳедоровъ бѣжалъ изъ Москвы «презѣльнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ». Безъ малаго 200 лѣтъ существуетъ на Руси періодическая печать. Времени, этого, казалось бы слишкомъ достаточно для того, чтобы пріучиться не только не отвѣчать кулакомъ на статью, но и не требовать непремѣнно «пріятностей» отъ литературы. Г. Ковалевъ желаетъ имѣть въ Смоленскѣ такую газету, самая программа которой исключала бы непріятныя для обывателей извѣстія. Онъ свидѣтельствуетъ, что «многіе жители» Смоленской губерніи не получаютъ мѣстнаго органа печати именно изъ за этихъ «непріятныхъ извѣстій». Смоленская литература должна, значитъ, состоять исключительно изъ «звуковъ сладкихъ», а «бѣдность и несовершенства нашей жизни» пусть изображаются въ другихъ губерніяхъ... Однако, напримѣръ не въ Астраханской и не въ Кіевской, потому что и тамъ многіе обыватели желаютъ, «чтобъ всю ночь, весь день ихъ слухъ лелѣя про любовь имъ сладкій голосъ пѣлъ»; и не только желаютъ этого но принимаютъ гораздо болѣе энергичныя, чѣмъ въ Смоленскѣ

мѣры противъ непріятныхъ извѣстій. Смоленскіе обыватели прибѣгаютъ по крайней мѣрѣ къ принципу конкурренціи и, не мечтая о насильственномъ искорененіи непріятныхъ извѣстій, или оставляя таковыя мечты въ глубинѣ своего сердца, хотятъ завести свою исключительно пріятную газету. Но развивая свой планъ устами г. Ковалева, они впадаютъ, мнѣ кажется, въ нѣкоторое логическое противорѣчіе. Проэктъ пріятной газеты мотивируется «вопросомъ о популяризаціи дѣятельности благотворительныхъ учрежденій». Спрашивается, однако, возможно ли при подобной «популяризаціи» обойтись безъ непріятныхъ извѣстій. Если, напримѣръ, смоленскія благотворительныя дамы сложились по ниткѣ, чтобы сшить голому рубашку, то обывателямъ пріятно, конечно, будетъ прочитать въ газетѣ, что среди нихъ есть такія то и такія то великодушныя дамы. Но съ другой стороны самое существованіе въ Смоленской губерніи голаго человѣка, ради котораго благотворительницы отняли у себя по ниткѣ, не можетъ же радовать чувствительныя смоленскія сердца. Благотворительность есть вѣдь непремѣнно только оборотная сторона бѣдности и несовершенствъ жизни, и какъ же тутъ избѣжать непріятныхъ извѣстій? А кромѣ того газета просто пріятная — кому нибудь въ губерніи будетъ всетаки непріятна, а газета пріятная во всѣхъ отношеніяхъ — и совсѣмъ невозможна. Вышеупомянутое кіевское желѣзно-дорожное управленіе считаетъ непріятнымъ для себя такія извѣстія, которыя навѣрное были бы пріятны другимъ обывателямъ уже въ силу того, что истину, хотя бы и горькую, всегда пріятно знать. Кіевское желѣзно-дорожное управленіе насильственно закупориваетъ источникъ истины, вѣрныхъ извѣстій, потому что кому же и давать ихъ, какъ не служащимъ въ управленіи? А если бы тотъ или другой служащій сообщилъ невѣрное извѣстіе, то вѣдь въ распоряженіи управленія есть очень простое средство возстановленія истины,—опроверженіе. Но россійскій обыватель не любитъ этого простого средства. Въ обходъ его онъ употребляетъ не то что смоленскіе пріемы,—эти пріемы совершенно законны, и любопытна здѣсь только наивная откровенность проэкта пріятной газеты,—а и гораздо болѣе дѣйствительны кіевскіе и астраханскіе. Въ особенности замѣчательны послѣдніе. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность астраханскихъ рыбопромышленниковъ, поскольку она шла въ ущербъ казнѣ съ одной стороны и рабочимъ съ другой, никому, кромѣ самихъ рыбопромышленниковъ, пріятности не доставляла; разоблаченіе же этихъ спеціальныхъ пріятностей, столь же несомнѣнно, было господамъ рыбопромышленникамъ непріятно. И вотъ поднимается сложная, упорная и долгая кампанія противъ непріятныхъ извѣстій, которыя наконецъ и рублемъ, и дубьемъ благополучно искореняются. В. А. Бенземанъ можетъ быть и очень польщенъ почетомъ, оказаннымъ ему Совѣтомъ астраханскаго Петровскаго общества, но дорого яичко въ Христовъ день, и обыватели, воюющіе съ непріятными извѣстіями, это очень хорошо знаютъ.

другихъ дѣятелей провинціальной печати этотъ запоздалый почетъ эта уже, можно сказать, историческая оцѣнка даже вѣдь не столько заслугъ, сколько даромъ потраченной энергіи—плохое утѣшеніе.

В. Г. Короленко напечаталъ недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ видныхъ работниковъ провинціальной печати,—покойнаго Гацискаго. По этому поводу ему естественно пришлось припомнить нѣкоторыя черты изъ временъ медоваго мѣсяца провинціальной печати.

«Чѣмъ еще недавно занято было наше общество?—спрашивалъ А. С. Гацискій въ одной изъ своихъ статей (*Нижегородскія губ. Вѣд.* 1862 г., № 28). Только и разговоровъ было, что кто сколько визитовъ сдѣлалъ, да кто сколько полекъ безъ передышки отхваталъ, да о томъ, что въ піесѣ «Полковникъ старыхъ временъ» очень выгодно выказываются формы г-жи N. Нынче же прислушайтесь къ разговорамъ: кто говоритъ о новыхъ судахъ, кто о волостныхъ судахъ, кто о судѣ присяжныхъ».

Или вотъ начало корреспонденціи изъ Балахны въ тѣхъ же Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ:

«Впередъ, впередъ нашъ длинный, но узкій городокъ! Пусть въ жизни твоей только одна мѣстность стѣсняетъ ширину твоего населенія, и то потому, что ты прибрежное дѣтище Волги!.. Твое древнее достояніе—солеварни, чуть не допотопнаго устройства,—обряжаются нынѣ въ новыя удобнѣйшія формы... Ихъ пробудила наука, передавшая тебѣ свое знаніе черезъ морского инженера В. П. Васильева... Ты завелъ у себя библіотеку, и только ждешь преобразованія по управленію городскими суммами, чтобы исправить необходимое пути сообщенія... О, много, много талантовъ въ тебѣ, дорогой нашъ городъ!..»

И т. д. «Интересно, между прочимъ, прибавляетъ В. Г. Короленко, что вся эта пылкая тирада—только вступленіе къ рецензіи о любительскомъ спектаклѣ, къ которому авторъ и переходитъ, замѣчая, что послѣ такихъ подвиговъ на пути прогресса городъ имѣетъ право отдохнуть и повеселиться»...

То были времена наивныхъ, подчасъ безтолковыхъ, но почти всегда искреннихъ и безкорыстныхъ «литераторовъ-обывателей», къ которымъ Щедринъ отнесся можетъ быть съ чрезмѣрною, если не суровостью, то ворчливостью. Они и непріятныя извѣстія топили въ общемъ пріятно-розовомъ колоритѣ, утѣшавшемъ и прочихъ обывателей или по крайней мѣрѣ заставлявшемъ ихъ, скрѣпя сердце, глотать и непріятныя извѣстія. Да, дѣйствительно, на такой то улицѣ города N произошелъ безобразнѣйшій скандалъ, въ такомъ то уѣздѣ открыты чрезвычайныя злоупотребленія и т. д., все это вѣрно, но вѣдь завтра же все это кончится: «впередъ!

наивный розовый колорит выветрился, и нынѣ благожскій корреспондентъ можетъ быть ужъ не такъ увѣренъ, что въ его родномъ городѣ «много, много талантовъ», а нижегородскій лѣтописецъ уже не только объ однихъ новыхъ судахъ разговоры слышитъ, а опять и о визитахъ, и о полькахъ, и о формахъ г-жи N. Какъ бы ни были подчасъ смѣшны первыя попытки провинціальной печати, но она была отраженіемъ обще обывательскаго настроенія, которое давало ей матеріалы для пріятныхъ извѣстій. Въ общемъ обыватель былъ доволенъ своей литературой. Теперь онъ не доволенъ. Почему? и чего бы онъ отъ нея хотѣлъ?

Замѣтьте, что единомысленные съ г. Ковалевымъ смоляне протестуютъ не противъ невѣрности сообщаемыхъ мѣстною газетою извѣстій, а только противъ ихъ непріятности. Кіевское желѣзно-дорожное управленіе тоже не говоритъ, чтобы «появляющіяся въ послѣднее время въ печати извѣстія, касающіяся домашней жизни управленія», были невѣрны. И астраханскіе рыбопромышленники тоже. Обывателю, значитъ, нужна, по просту говоря, литература лживая, льстивая, угодливая, да пожалуй еще веселая, «смѣшная». А между тѣмъ, чего добраго, этотъ самый обыватель много разъ слыхалъ или даже, можетъ быть, самъ говорилъ благосклонныя, если не благоговѣйныя слова о значеніи и назначеніи литературы. Кто же ихъ не знаетъ, этихъ благосклонныхъ и благоговѣйныхъ словъ? Ихъ стыдно повторять,—до такой степени они износились отъ частаго употребленія; стыдно, да и незачѣмъ, если они все равно какъ горохъ отъ стѣны отскакиваютъ, если кіевскій, смоленскій, астраханскій обыватели, столько разъ ихъ слышавшіе, всетаки не уступаютъ въ своемъ требованіи исключительно пріятныхъ извѣстій. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, и можно говорить только о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія будутъ имѣть кіевско-смоленско-уфимско-астраханскіе пріемы воздѣйствія, для провинціальной печати.

Послѣдствія эти нетрудно предвидѣть. Прошли времена наивно-пламенныхъ балахнинскихъ кореспондентовъ. Есть, конечно, и теперь люди искренніе, даже пламенные, но они уже утратили первобытную наивность, ознакомились со вкусомъ плодовъ древа познанія добра и зла и радуются не такъ много и не такъ часто. Они окажутся, значитъ, болѣе или менѣе не у дѣлъ въ той провинціальной литературѣ, къ которой кіевско-смоленско-астраханскіе пріемы будутъ приложены съ успѣхомъ. Безъ ихъ участія, содѣйствія, воздѣйствія и противодѣйствія будутъ вершиться благотворительныя дѣла въ Смоленскѣ, рыбо-промышленныя въ Астрахани и т. д. Мѣстную жизнь это, конечно, не украситъ, и не только мѣстную, какъ видно хотя бы изъ того, что потерпѣвшій пораженіе г. Бенземанъ являлся защитникомъ интересовъ казны. Не украситъ это, разумѣется, и жизнь самихъ оставшихся не у дѣлъ, вынуж-

вольнаго молчанія нива провинціальной литературы количественно, а въ извѣстномъ смыслѣ и качественно, не оскудѣетъ. Нынѣ повсемѣстно развелось много «бойкихъ перьевъ», есть изъ чего выбирать людей покладистыхъ, готовыхъ славословить и веселить, и есть между ними дѣйствительно бойкія перья, способныя «оживлять столбцы». Настрочить чувствительную или же напротивъ того суходѣловитую передовицу во славу мѣстныхъ благотворителей-ли, кулаковъ-ли; пустить ядовитую насмѣшку по адресу оставшихся не у дѣлъ или обвинить ихъ въ неблагонамѣренности; написать веселенькій разсказъ или стишки съ благовременными прозрачными намеками на величіе однихъ и ничтожество другихъ, извѣстныхъ всему городу лицъ,—все это они могутъ. И всему этому будутъ рады обыватели, требующіе пріятныхъ извѣстій. Мѣстная печать найдетъ въ нихъ своихъ меценатовъ, оплачивающихъ словословіе и веселье двусмысленнымъ почетомъ и недвусмысленными подачками, провинціальная литература процвѣтетъ. Все это я говорю, разумѣется, примѣрно, схематически, и отнюдь не думаю, чтобы эволюція въ этомъ направленіи могла совершаться очень быстро. У насъ еще очень сильно идеальное представленіе объ обязанностяхъ литературы, для очень еще многихъ она есть храмъ правды, не подлежащій оскверненію, и до сихъ поръ по крайней мѣрѣ астраханско-смоленскіе пріемы могли способствовать обезцвѣченію провинціальной печати, но, говоря вообще, имъ не удалось окрасить ее въ нужный имъ цвѣтъ. Есть, конечно, исключенія. Кажется, года три тому назадъ г. Меншиковъ разсказалъ въ «Недѣлѣ» любопытные факты относительно нижегородской ярмарочной печати, да и о петербургской вскользь сообщилъ нѣчто, что меня тогда же поразило и что невольно вспоминается теперь.

Вслѣдъ за недавнимъ биржевымъ переполохомъ, вызвавшимъ предостерегающее вмѣшательство министерства финансовъ, обнаружилось, что наши столичные газетчики весьма навострились въ дѣлѣ сниманія пѣнокъ со всего, что допускаетъ эту манипуляцію. Не входя въ подробности относящихся сюда разоблаченій, приведу одинъ только эпизодъ. Г. Житель выступилъ въ «Новомъ Времени» съ обвиненіями «Петербургской Газеты» въ нечистыхъ биржевыхъ дѣлахъ. Два сотрудника «Петербургской Газеты» рипостировали г. Жителю, причемъ одинъ изъ нихъ писалъ между прочимъ: «Что мы такое, извѣстно вполнѣ обширному кругу нашихъ читателей». «Да,—отвѣчалъ въ свою очередь г. Житель,—извѣстно по книгѣ «Герои литературнаго шантажа», по двумъ слѣдствіямъ о вымогательствѣ взятокъ съ антрепренеровъ, актрисъ и ихъ поклонниковъ и еще кое о чемъ» («Новое Время», 31 января). Я не справлялся, какъ приняла эти слова «Петербургская Газета» и не знаю книги «Герои литературнаго шантажа», но припоминаю, что въ упомя-

ставителей такъ называемой малой прессы, обличавшихся содержателями загородныхъ увеселительныхъ заведеній въ шантажѣ. Г. Меншиковъ цитировалъ приэтомъ весьма бойкія разсужденія «Петербургской Газеты» о томъ, что честность совершенно не нужна журналисту, а нуженъ только талантъ. Теперь г. Житель упоминаетъ о вымогательствахъ взятокъ съ антрепренеровъ, актрисъ и проч. «и еще кое о чемъ» и связываетъ это съ биржевыми эпизодами, тяжело отозвавшимися на карманахъ людей, которые соединяютъ въ себѣ жажду быстрой и легкой наживы съ легковѣріемъ, эксплуатируемымъ небезкорыстными биржевыми хроникерами. Самая возможность публичнаго, громогласнаго обвиненія такого сорта есть уже черта литературныхъ нравовъ, способная привести въ ужасъ не однихъ завзятыхъ идеалистовъ вродѣ, напримѣръ, К. Аксакова, который обращался къ печатному слову съ такимъ неуклюжимъ, но искреннимъ и горячимъ гимномъ:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь.

И т. д. «Бойкимъ перьямъ», увѣреннымъ, что журналисту честность не нужна, а нуженъ только талантъ, эти слова должны казаться очень смѣшными, а идеалистъ въ свою очередь съ ужасомъ долженъ думать о томъ, во что можетъ превращаться «чудо изъ божьихъ чудесъ» и «мысли свѣтильникъ и пламя». Но, повторяю, нѣтъ надобности въ такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ печатному слову, чтобы придти въ ужасъ отъ увеселительно-шантажно-ажіотажныхъ подвиговъ бойкихъ перьевъ. Даже тотъ самый обыватель, который въ Кіевѣ, Уфѣ, Смоленскѣ, Астрахани властно требуетъ исключительно пріятныхъ извѣстій, можетъ содрогнуться хотя бы только за свой карманъ. Пусть же онъ не ошибается относительно будущаго, къ которому онъ приближается своими настояніями; рано ли поздно-ли извращенная этими настояніями печать и его предастъ и продастъ. И, откровенно говоря, туда ему и дорога, если ужъ на то пошло,—онъ самъ себѣ вырылъ яму. Бѣда однако въ томъ, что въ эту же яму провалятся и обыватели ни въ чемъ неповинные. Ихъ много, не считая даже той массы, которая непосредственно терпитъ отъ того, что уфимскій городской голова, астраханскіе рыбопромышленники и проч. очень любятъ пріятныя извѣстія и употребляетъ всѣ возможныя и даже не возможныя для нихъ средства, дабы извѣстія непріятныя въ печать не проникали.

Да, даже невозможныя для нихъ средства, ибо, что бы ни го-

ворилъ г. уфимскій городской голова о равенствѣ городской управы съ губернскимъ правленіемъ и казенной палатой, а ни одному изъ этихъ присутственныхъ мѣстъ не предоставлено право воспрещать печатаніе не нравящихся имъ статей,—для этого есть спеціальныя учрежденія. Г. уфимскій городской голова съигралъ поэтому комическую роль и получилъ въ тѣхъ же «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» вполнѣ заслуженный урокъ, какъ отъ автора возмутившей его замѣтки о переправѣ черезъ р. Бѣлую, такъ и отъ редактора «Вѣдомостей». Первый основательно замѣтилъ г. Маллѣеву, что «дѣятели печатнаго слова призваны не хвалу воздавать только кому бы то ни было» (Уф. Губ. Вѣд. 29 окт.), но болѣе, надо думать, убѣдительно для г. Маллѣева указаніе г. редактора «Вѣдомостей», что онъ, городской голова, «уже вышелъ изъ границъ», публикуя свои распоряженія по дѣламъ совершенно неподвѣдомственной ему печати. «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно», прибавляетъ редакторъ. Конечно, но всетаки тутъ есть комическій элементъ сердитаго безсилія, который совершенно отсутствуетъ въ другихъ вышеприведенныхъ эпизодахъ изъ жизни провинціальной печати. Въ Уфѣ смѣшно вышло, но въ другихъ мѣстахъ такъ или иначе удается устроить между жизнью и литературой завѣсу пріятныхъ извѣстій.

Балахнинскій корресподентъ добраго стараго времени весь сверкалъ радостью по случаю улучшеннаго устройства солеварень, предстоящаго замощенія улицъ («необходимые пути сообщенія»), устройства библіотеки, любительскаго спектакля. Все это вѣроятно и теперь есть въ Балахнѣ, и можетъ быть даже въ превосходной степени. Но натура человѣческая такъ устроена, что явленія, ставшія привычными, обыденными, перестаютъ радовать, и, несмотря на мостовыя и любительскіе спектакли, въ Балахнѣ теперь можетъ быть не очень весело. Не знаю, гдѣ живетъ герой «Монологовъ» г. Баранова,—въ самой ли Балахнѣ, или въ Балахнинскомъ или въ какомъ другомъ уѣздѣ, но ему во всякомъ случаѣ навѣрное не весело. Онъ не правъ, конечно, утверждая, что «тамъ въ Питерѣ, у чертей на куличкахъ, все въ розовомъ свѣтѣ представляется: «ростъ провинціи», «широкое поле для дѣятельности», «благія начинанія», «чортъ въ ступѣ, однимъ словомъ». Не въ одномъ Питерѣ, по крайней мѣрѣ, дѣло, когда и въ Кіевѣ, и въ Уфѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Астрахани объявляются самозванные командиры печати, воюющіе съ непріятными извѣстіями. Но такому несчастному человѣку, какъ герой «Монологовъ», можно простить и маленькую несправедливость. Мы застаемъ его въ страшную минуту сознанія, что е почти уже безповоротно засосало болото пошлости. Человѣкъ он повидимому, слабый, но не дурной, даже, можетъ быть, очень х рошій, съ чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, съ запросами нед жиннаго ума. Понятны тѣ вопли отчаянія, которые вырывают изъ его замирающей души,—онъ вѣдь чувствуетъ, какъ она за

стьленіемъ болѣзненно бередитъ. Отчаяніе есть, конечно, только острый моментъ, и если не разрѣшится пулей или морфіемъ, то обратится въ ровную, длящуюся, неотступную тоску, корень которой заключается въ томъ, что человѣкъ не вѣритъ въ свое дѣло среди «широкаго поля для дѣятельности», «благихъ начинаній» и прочаго, надъ чѣмъ такъ зло смѣется герой «Монологовъ». Мнѣ кажется, такихъ тоскующихъ людей,—не особенно энергичныхъ, но хорошихъ и способныхъ,—нынѣ много и въ Астраханской, и въ Смоленской, и въ Уфимской, и въ Кіевской губерніяхъ.

Другого рода тоску пожелалъ изобразить г. Маркъ Криницкій, авторъ только что появившагося крошечнаго сборника разсказовъ, озаглавленнаго «Въ туманѣ». Въ сборникѣ всего три разсказа и всѣ три достаточно плохи, чтобы быть обойденными молчаніемъ. Но претензіи автора велики, и ради одной изъ нихъ мы остановимся на разсказѣ «На пути къ выздоровленію (изъ исторіи больной души)».

Юный и бѣдный провинціалъ, Поповъ по фамиліи, пріѣзжаетъ въ столицу (Москву, повидимому) и поступаетъ въ университетъ. Онъ полонъ надеждъ, бодрости, жажды знанія. Онъ избралъ математическій факультетъ и усердно занимается. Сидитъ онъ однажды надъ лекціями дифференціальнаго исчисленія и думаетъ: «Какое счастіе заниматься всѣмъ этимъ! Какая разница съ той первобытностью и отсталостью, которая царитъ дома на родинѣ!» Но какъ разъ въ эту минуту ему въ нѣсколько новомъ освѣщеніи вспоминаются «матушка, лежащая въ параличѣ съ искривленнымъ ртомъ, трое дикарей братишекъ, четыре сестры, у которыхъ почему то глаза вѣчно красны отъ слезъ, и забитый, часто пьяненькій отецъ». «И въ первый разъ со времени моего пребыванія въ столицѣ,—разсказываетъ Поповъ,—что то безпокойное и жалостливое заныло во мнѣ». Съ этихъ поръ въ душѣ Попова образуется,—если можно такъ выразиться,—трещина, все расширяющаяся и причиняющая ему все большую и большую тоску. Не совсѣмъ ясно почему (онъ и самъ говоритъ, что его «выводы слишкомъ туманны»), но воспоминанія о бѣдности и несовершенствахъ жизни въ родномъ захолустьѣ связываются въ немъ съ скептицизмомъ по отношенію къ наукѣ. Подобно Фаусту, онъ стремится познать все, переходитъ съ одного факультета на другой, но нигдѣ не находитъ удовлетворенія. Наконецъ, подобно Фаусту же, онъ приходитъ къ заключенію, что «необходимо озаботиться просвѣщеніемъ народныхъ массъ и поднятіемъ ихъ матеріальнаго благосостоянія; искорененіе нищеты и невѣжества,—вотъ культурная миссія просвѣщенной столицы!» Разочаровавшись въ наукѣ, которая не открыла ему «смысла жизни»,

онъ рѣшилъ по просту послужить родному захолустью, «дать ему возможность вздохнуть счастливо и безмятежно». Казалось бы, тутъ и сказкѣ конецъ. Она дѣйствительно такъ и кончается, но лишь послѣ новыхъ мытарствъ героя, опредѣляемыхъ встрѣчею съ другою тоскующею душою—Игнатьевымъ, тоже студентомъ.

Съ Игнатьевымъ Поповъ встрѣтился на студенческой вечеринкѣ, гдѣ говорили «о голодовкахъ, объ улучшеніи земли при помощи клевера (?), о земскихъ школахъ, о пьянствѣ» и кромѣ того много пили. Пьянъ и даже пьянѣе другихъ былъ и Игнатьевъ. Но онъ держалъ необычныя рѣчи. Онъ уличалъ своихъ собесѣдниковъ и собутыльниковъ въ томъ, что они лгутъ, собираясь бороться или трудиться на пользу отечества, что они сами не вѣрятъ своимъ словамъ и вовсе не любятъ своего отечества. Онъ, повидимому, правъ относительно той компаніи, въ которой ораторствуетъ. Но и въ его рѣчахъ обнаруживается нѣкоторая любопытная двойственность, которою авторъ, очевидно, очень дорожитъ, какъ тонкою психологическою чертою. Игнатьевъ говоритъ, между прочимъ: «Собрались мы тутъ люди все самые образованные и въ высшей степени мыслящіе; всѣ мы гордимся здравымъ смысломъ и пр., между нами нѣтъ ни одного вѣрующаго въ Бога или вообще метафизика, мы всѣ люди трезвые, отъявленные позитивисты, а не безтолочь какая нибудь! Въ Бога не вѣримъ, загробной жизни не признаемъ, дѣвочекъ (тутъ онъ подмигнулъ своими слезящимися глазами) и водку любимъ и собираемся сдѣлать такъ, чтобы наука засіяла на всѣхъ перекресткахъ матушки Россіи и была бы въ ней не жизнь, а разливанное море». Естественно можетъ показаться, что это рѣчь сатирическая, что, ставя за одну скобку атеизмъ, любовь къ «дѣвочкамъ и водкѣ» и уваженіе къ наукѣ, Игнатьевъ относится ко всему этому отрицательно. Но это не такъ. Игнатьевъ дѣйствительно атеистъ, любитъ «дѣвочекъ и водку» и преклоняется передъ наукой. Но, опять же, какъ у Фауста, «двѣ души въ груди его живутъ». Онъ теоретически убѣжденъ въ правильности и цѣльности своего образа мыслей и поведенія, но въ глубинѣ души его живетъ тайный протестъ, подавленное тяготѣніе къ совсѣмъ инымъ взглядамъ и совсѣмъ иной жизни, которое тяготѣніе онъ считаетъ, однако, своею личною слабостью и объясняетъ своею неподготовностью къ воспринятію истины. Будущія же поколѣнія окончательно въ ней утвердятся, то есть увѣруютъ во всемогущество науки (она, между прочимъ, найдетъ возможность «приготовить «духъ» въ химической ретортѣ»), которая, дескать, упразднитъ съ одно стороны всякую вѣру въ Бога, а съ другой—оправдаетъ «любов къ дѣвочкамъ и водкѣ». Отсюда слѣдуютъ два вывода. Во-пер выхъ, Игнатьевъ не можетъ вѣрить искренности тѣхъ своихъ с бесѣдниковъ, собутыльниковъ и единомышленниковъ, которые ра глагольствуютъ о любви къ отечеству, къ народу и проч., о товности безкорыстной работы для ихъ пользы и величія,—все э

они врутъ, притворяются, ибо любви и безкорыстной работѣ нѣтъ мѣста въ ихъ міроразумѣніи. Можетъ показаться страннымъ, что, напримѣръ, толки «объ улучшеніи земли при помощи клевера»—лживы, а надежда «приготовить духъ въ химической лабораторіи»—искренна. Очень вѣроятно, что это и дѣйствительно просто два вздора, помноженные на одинъ общій вздоръ. Но можетъ быть тутъ есть и нѣкоторый смыслъ съ точки зрѣнія автора. Въ мечтѣ объ «улучшеніи земли при помощи клевера» есть извѣстный этическій элементъ,—забота о чьемъ то благополучіи,—котораго именно и не допускаетъ Игнатьевъ, тогда какъ «приготовленіе духа въ химической лабораторіи» ожидается, повидимому, исключительно во славу науки. Какъ бы то ни было, а второй выводъ изъ положенія Игнатьева состоитъ въ необходимости извѣстной тоскливой душевной муки. Онъ, подобно поэту г. Минскаго, и слишкомъ поздно, и слишкомъ рано родился. Сердце его лежитъ къ вещамъ, по его мнѣнію, прошедшимъ, отрицаемымъ его собственнымъ разумомъ, а къ велѣніямъ разума, указующимъ будущія вещи,—онъ не приспособился. Отсюда тоска, доводящая Игнатьева до мысли о самоубійствѣ, котораго онъ, впрочемъ, счастливымъ образомъ не приводитъ въ исполненіе. Онъ заражаетъ своей тоской и Попова; тотъ тоже подумываетъ о самоубійствѣ, но ограничивается умопомѣшательствомъ, которое опять таки счастливымъ образомъ оканчивается выздоровленіемъ. Оба уѣзжаютъ въ свои родныя захолустья и примиряются съ жизнью,—Поповъ въ качествѣ надзирателя мѣстной гимназіи, Игнатьевъ—менѣе опредѣленно, но во всякомъ случаѣ желая «внести съ собою свѣтъ и благополучіе». Такимъ образомъ оба друга пришли въ концѣ концовъ къ тому самому рѣшенію, къ которому Поповъ пришелъ еще до встрѣчи съ Игнатьевымъ. Зачѣмъ же, спрашивается, авторъ проволочилъ его черезъ новыя увлеченія наукой и новыя разочарованія въ ней и черезъ рядъ пьяныхъ и грязныхъ похожденій?

Зависитъ это, кажется, отъ того, что г. Криницкій погнался за двумя зайцами, въ результатѣ чего, какъ извѣстно, обыкновенно ни одного не оказывается. Г. Криницкій хочетъ дать, такъ сказать, подножку, во-первыхъ, столичному житью, во-вторыхъ—наукѣ. Онъ разсказываетъ: «Прежде всего мы увлекались наукой такъ, какъ только можетъ увлекаться своей идеей человѣкъ въ состояніи гипноза или моноидеизма; мы учились почти до полнаго изнеможенія. Какъ пчелы, старались мы схватить самыя разностороннія свѣдѣнія, въ то же время избравши себѣ одну опредѣленную спеціальность, которая становилась для насъ чѣмъ то въ родѣ idée fixe... Затѣмъ у насъ было болѣзненное стремленіе и къ другого рода палліативнымъ средствамъ. Это были—театръ и пьянство. Посѣщеніе театра у насъ тоже было какое то болѣзненное и ненормальное. Особенно увлекала насъ опера; это было тоже своего рода пьянство... Пьянство въ буквальномъ значеніи этого слова... было для многихъ и мно-

гихъ изъ насъ одна почти безпрерывная вакхическая оргія. Всѣ приведенные факты однородны между собою по источнику своего происхожденія; всѣ они проистекаютъ отъ незнанія куда кинуться, что предпринять, какъ начать жить. Масса сбитаго съ толку различными нелѣпыми или недозрѣлыми теоріями люда мятется, не зная, какъ измыкать по свѣту свою жизненную силу».

Позволительно усомниться въ нарисованной Поповымъ или г. Криницкимъ картинѣ. Казалось бы, заниматься *почти до изнеможенія* наукой и въ то же время участвовать въ *почти непрерывной* вакхической оргіи — немножко мудрено: какъ ни вертись, а въ суткахъ всего только 24 часа. И пусть не ошибается читатель: не разныя группы товарищей Попова занимались одни наукой, другіе пьянствомъ, третьи театромъ. Онъ о самомъ себѣ говоритъ: «Въ наукѣ, театрѣ и пьянствѣ проявились мое безсиліе и безволіе». Для Попова или г. Криницкаго дѣло не въ точномъ воспроизведеніи его и его товарищей время провожденія, а въ томъ, чтобы лишній разъ связать какою то якобы логическою нитью науку съ пьянствомъ. Повидимому, исторію его слѣдуетъ понимать много проще, чѣмъ онъ разсказываетъ. Хотя онъ и утверждаетъ, что занимался наукой почти до изнеможеніи, углубляясь притомъ въ самыя разнообразныя ея отрасли, но въ своемъ изложеніи онъ вовсе не обнаруживаетъ эрудиціи. Да и тотъ фактъ, что онъ въ концѣ концовъ пристроился къ педагогической дѣятельности—хотя бы и въ качествѣ гимназическаго надзирателя—не свидѣтельствуетъ о разочарованіи въ наукѣ. Онъ, повидимому, просто принадлежитъ къ числу тѣхъ, объ которыхъ въ старину говорилось, что они убоялись премудрости и возвратились вспять. Но онъ считаетъ себя вправѣ мстить наукѣ, при помощи «различныхъ нелѣпыхъ или недозрѣлыхъ теорій», которыми его снабжаетъ Игнатьевъ и суть которыхъ состоитъ въ томъ что наука будто бы отрицаетъ нравственный элементъ. Достовѣрно, что нѣчто подобное этимъ теоріямъ существуетъ но не менѣе достовѣрно, что это нѣчто «нелѣпо или недозрѣло», а потому ставить его на счетъ самой наукѣ—отнюдь не полагается.

Кромѣ науки, Поповъ своимъ разсказомъ мститъ еще столицѣ, столичной жизни съ ея сутолокой и будто бы обязательнымъ для всѣхъ и каждаго развратомъ. Онъ противопоставляетъ ей провинціальную идиллію. Когда онъ, оправляясь отъ психическаго разстройства, подъѣзжалъ къ родному городу, отецъ говорилъ ему: «Ваничка, глянь-ка-сь, какъ и въ самомъ дѣлѣ хорошо вокругъ! Говорилъ я тебѣ, зачѣмъ уѣзжать... Погляди: вотъ и церковь бѣлѣется Николы Кладбищенскаго... Экая красота! Сколько ни ѣзжу, никакъ не налюбуюся!» Хороши тоже ночи въ томъ городѣ, и Поповъ «чувствовалъ, что здѣсь, среди ночного уединенія, передъ лицомъ вѣчности сердце его бьется нѣжною любовью ко всему живущему». «Передъ лицомъ вѣчности» (которая, надо думать, отвратила св

воровенныя скулы и разбитыя физіономіи, непрежнему битковъ набита шумная «клопарня» (кутузка для пьяныхъ). Куда ни глянешь, все тѣ же заспанные глаза и приторныя улыбки; вездѣ старинная грязь и ветошь. Улицы съ допотопными плетнями и плохенькими строеніями; лишь кое гдѣ стоитъ приличный домишко, да торчитъ новый деревянный заборъ, да и то весь уже изрѣзанный ножами и исписанный всевозможными неприличными словами и ругательствами».

Видите, какъ хорошо, особенно послѣ разочарованій въ наукѣ. Немудрено, что Поповъ «ходитъ радостный и счастливый по знакомымъ переулкамъ, улицамъ и закоулкамъ; всѣ ему рады и онъ всѣмъ радъ». Но есть вещи и еще пріятнѣе на родинѣ Попова. Вотъ хоть бы его семья. Отецъ у него пьяница и развратникъ; измученная имъ жена, мать Попова, устраиваетъ ему сцены, за которыя онъ ее наконецъ возненавидѣлъ и придумалъ слѣдующую чудовищную месть: «Гдѣ то, въ какомъ то вертепѣ онъ успѣлъ заразиться одною очень модною, постыдною болѣзнью; вскорѣ ею заболѣла и матушка. Это была страшная месть! Не было предѣловъ злорадству моего отца,—разсказываетъ Поповъ.—Онъ кричалъ: Ага, шлюха бульварная! умѣешь другихъ пилить! А сама, безстыдница, что дѣлаешь? Меня страмишь?!»

Это продѣлалъ тотъ самый отецъ Попова, который съ умиленіемъ говорилъ о красотѣ церкви Николы Кладбищенскаго. И вы понимаете, какъ пріятно встрѣтить такую фигуру и такія дѣянія послѣ столичнаго разврата и пьянства, осоюженныхъ съ наукой. Тамъ, «предъ лицомъ вѣчности», въ свободной отъ науки атмосферѣ, не любятъ «дѣвочекъ и водки». Тамъ и нашелъ свое успокоеніе, «смыслъ жизни» и примиреніе съ жизнью Поповъ...

Поповъ разсказываетъ много мерзостей про себя и своихъ товарищей, но мерзости эти совершенно блѣднѣютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ разсказываетъ про своего отца. Почему же столичныя мерзости такъ угнетаютъ его, а провинціальныя, несравненно худшія, не мѣшаютъ ему, «радостному и счастливому, ходить по знакомымъ переулкамъ, улицамъ и закоулкамъ»? Прежде всего потому, что первыя какими то невѣдомыми нитями связаны съ наукой. А затѣмъ есть еще и причина. Поповъ разсказываетъ: «Я видѣлъ, что Игнатьевъ правъ и что также былъ правъ и я, когда не видѣлъ задушевной цѣли ни въ современной наукѣ, ни въ общественной жизни. Я съ особенною ясностью вдругъ уразумѣлъ всю эту безцѣльную и глупую сумятицу, называемую общественною жизнью, гдѣ люди живутъ, не зная, зачѣмъ это дѣлаютъ, гдѣ они или сознательно отказываются отъ всякихъ прекрасныхъ возвышенныхъ цѣлей, или, если и признаютъ всемогущаго Бога и загробную жизнь, то черезъ пять минутъ всѣми своими поступками доказываютъ обратное».

Поповъ, очевидно, всуе призываетъ имя Божіе, такъ какъ и его отецъ, и тѣ, что пишутъ неприличныя надписи и ругательства на заборѣ, и тѣ, что «выворачиваютъ скулы и избиваютъ физіономіи», не уличаются же имъ въ атеизмѣ. Едва ли можно также сказать, что эти господа «живутъ, зная, зачѣмъ они это дѣлаютъ». Поэтому, устраняя черты, произвольно введенныя Поповымъ, мы убѣждаемся, что Поповъ, кромѣ науки, бѣжалъ еще отъ «безцѣльной и глупой сумятицы, называемой общественною жизнью». Основательно ли онъ усваиваетъ общественную жизнь исключительно столицамъ,—это вопросъ особый; но достовѣрно, что въ томъ углу, гдѣ онъ нашелъ свое успокоеніе, господствуетъ и глупая, и безцѣльная, и во всѣхъ смыслахъ скверная сумятица, отнюдь не заслуживающая названія общественной жизни.

Поповъ утверждаетъ, что онъ и Игнатьевъ учились почти до изнеможенія, углубляясь притомъ въ разнообразнѣйшія отрасли знанія. Наука, однако, едва ли принесла имъ много пользы. Иначе Игнатьевъ не разсчитывалъ бы приготовить «духъ» въ химической лабораторіи, а Поповъ не огорчался бы тѣмъ, что «геометрія не спрашиваетъ, зачѣмъ въ прямоугольномъ треугольникѣ сумма двухъ острыхъ угловъ равна одному прямому». Во всякомъ случаѣ творецъ Игнатьева и Попова, г. Маркъ Криницкій, до такой степени не умѣетъ свести свои концы съ концами и до такой степени слабъ во всѣхъ смыслахъ,—нравоописательномъ, художественномъ, идейномъ,—что поистинѣ удивляться надо смѣлости, съ которою онъ берется ставить и трактовать вопросъ о «нелѣпыхъ или недозрѣлыхъ теоріяхъ» со всѣми ихъ практическими послѣдствіями. Чтобы быть ихъ судьей, надо стоять выше ихъ; а г. Маркъ Криницкій (или его персонажи) самъ является жертвой той своеобразной судьбы нелѣпыхъ или недозрѣлыхъ теорій, которую онѣ испытываютъ у насъ.

Нелѣпыя или недозрѣлыя теоріи, разумѣется, вездѣ существуютъ и вездѣ даютъ себя знать болѣе или менѣе прискорбными послѣдствіями. Но въ ихъ судьбѣ у насъ есть нѣсколько особенныхъ чертъ. Во-первыхъ, ни сами онѣ, ни добросовѣстная ихъ критика не договариваются обыкновенно до конца, вслѣдствіе чего концы ихъ оказываются предоставленными на произволъ разнообразнѣйшихъ единоличныхъ толкованій безъ надлежащаго авторитетнаго руководства. Во-вторыхъ, онѣ охватываютъ у насъ сравнительно съ Западной Европой (то есть принимая въ соображеніе количественную разницу читателей вообще) очень большую, часто даже прямо бо̀льшую часть такъ называемой интеллигенціи. Въ-третьихъ, наконецъ, въ нашихъ массовыхъ увлеченіяхъ, какъ этими нелѣпыми и недозрѣлыми теоріями, такъ и здравыми идеями, нѣтъ никакой преемственности; наше такъ называемое образованное общество перескакиваетъ отъ одного увлеченія къ другому съ удивительною легкостью. Та мучительная тоска, которую будто бы испытываетъ герой г. Марка Криницкаго, Поповъ, при надломѣ міроразумѣнія, равно какъ и та

подъ тяжестью которой будто бы изнываетъ другой герой вышеизложеннаго разсказа, Игнатьевъ, вслѣдствіе раздвоенности между разумомъ и чувствомъ,—тоска эта есть у насъ совсѣмъ не заурядное, явленіе. Вообще говоря, въ цѣломъ, мы скорѣе подобны легкокрылымъ птичкамъ, беззаботно перепархивающимъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, изъ одной рощи въ другую, равно благодарно оглашая ихъ своими веселыми пѣснями.

Только что вышло новое изданіе «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» Бокля (въ старомъ и очень хорошемъ переводѣ Буйницкаго). Этому замѣчательному произведенію въ русскомъ переводѣ тридцать лѣтъ (въ оригиналѣ немногимъ больше, оно появилось въ 1857—1860 г.). Вытерпѣло оно у насъ, кромѣ того, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, еще шесть изданій—три въ переводѣ Буйницкаго и три въ переводѣ Бестужева-Рюмина. Оно принадлежитъ къ числу произведеній классическихъ, достоинства и недостатки которыхъ давно взвѣшены и которыя поэтому не нуждаются въ новыхъ толкованіяхъ и критическомъ пересмотрѣ. Я убѣжденъ, однако, въ противномъ, то есть въ томъ, что для многихъ, если не для большинства, нынѣшнихъ читателей пересмотръ знаменитаго труда Бокля окажется весьма полезнымъ и даже прямо необходимымъ. Я не предполагаю заниматься этимъ дѣломъ сегодня и остановлюсь только на двухъ фразахъ изъ новаго изданія, притомъ фразахъ, принадлежащихъ не самому Боклю.

Авторъ вступительной статьи къ настоящему изданію, г. Е. Соловьевъ, приводитъ слова Уоллеса въ его книгѣ о Россіи: «Мнѣ рѣдко приходится раскрывать номеръ журнала и даже газеты безъ того, чтобы не встрѣтить имени Бокля. Интеллигентная молодежь зачитывается «Исторіей цивилизаціи» и на многія мысли, высказанныя въ ней, смотритъ, какъ на откровеніе». Такъ было въ шестидесятыхъ годахъ, а теперь можно, кажется, предложить премію тому, кто во всѣхъ журналахъ и газетахъ вмѣстѣ найдетъ имя Бокля хотя бы только десять разъ за цѣлый годъ. Другая фраза, на которую я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя, принадлежитъ мнѣ. Издатель сдѣлалъ мнѣ честь, выбравъ эпиграфомъ для книги Бокля слѣдующія мои слова: «Сопоставленіе Бокля и графа Толстого напрашивается само собой, такъ какъ это прямыя противоположности». Да, это дѣйствительно прямыя противоположности. А между тѣмъ, если хорошенько посчитать, то разстояніе между моментомъ, когда мы перестали находить «откровеніе» у Бокля, и тѣмъ, когда мы начали искать его у гр. Толстого, едва-ли многимъ превосходитъ то время, о которомъ Гамлетъ говоритъ:

И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла въ слезахъ, какъ Ніобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца...
О, Небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе...

достовѣрно во всякомъ случаѣ, что мы ихъ износили и ходимъ опять въ новыхъ; имя гр. Толстого не пестритъ уже до такой степени страницъ нашихъ журналовъ и газетъ, какъ это было еще недавно. Отъ гр. Толстого мы сдѣлали скачокъ въ нѣкоторомъ родѣ назадъ, къ міровоззрѣнію, весьма родственному тому, которое съ такою полнотою и односторонностію выразилось въ знаменитой книгѣ Бокля, хотя уже не въ ней ищемъ и находимъ «откровеніе» и даже можетъ быть только по наслышкѣ знаемъ ее. Новое міровоззрѣніе претендуетъ на титулъ «научнаго», «объективнаго», но оно такъ заигрываетъ съ гегельянствомъ, что можно ожидать и новыхъ скачковъ въ самомъ непродолжительномъ времени. А съ другой стороны герои г. Марка Криницкаго разочаровываются въ «наукѣ» хотя и не во имя гр. Толстого и даже не упоминая этого имени, но въ родственномъ ему направленіи...

Жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Она развивается и, развиваясь, задаетъ мысли новые вопросы или требуетъ новаго освѣщенія старыхъ нерѣшенныхъ или ошибочно рѣшенныхъ вопросовъ. Послѣдовательная смѣна міровоззрѣній есть поэтому необходимое явленіе, но въ каждый данный историческій моментъ міровоззрѣніе должно отвѣчать однимъ и тѣмъ же кореннымъ условіямъ: оно должно удовлетворять разумъ и совѣсть, которые вѣдь тоже не неподвижны. Повидимому, однако, единовременное удовлетвореніе этихъ двухъ элементовъ человѣческаго существа представляетъ очень большія трудности. Въ настоящее время надѣлала во французской литературѣ большого шума полемика Брюнстьера, Рише, Бертело и другихъ по вопросу о «разочарованіи въ наукѣ». Я не буду теперь о ней говорить и замѣчу только слѣдующее. Правы или неправы и въ какой мѣрѣ правы или неправы дѣятели европейской мысли, возлагая на науку свои надежды и разочаровываясь въ нихъ, но въ своихъ разочарованіяхъ они не указъ героямъ г. Марка Криницкаго. Я вѣрю, что они много пьянствовали, но не вѣрю, чтобы они много учились.

Ник. Михайловскій.

Изъ современной хроники.

I. Русская лѣтопись за январь. — Всеподданнѣйшія депутаціи и Высочайшая рѣчь. — Воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ. — Высочайшій указъ о воспособленіи повременной печати. — Кончина А. А. Абазы. — II. Земская дѣятельность настоящей сессіи. — Введеніе новаго лечебнаго устава. — Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. — Характеръ сессіи.—III. Умственное движеніе настоящаго сезона. — Вымираніе умственныхъ теченій сороковыхъ годовъ. Размежеваніе и дифференцованіе теченій шестидесятыхъ годовъ. — IV. Дифференцованіе умственныхъ теченій.—Экономическій матеріализмъ. —Народничество.—Pro domo sua. — Заключеніе.

I.

Январь настоящаго года богатъ событіями. Не говоря о другихъ странахъ, одно наше отечество пережило въ этотъ мѣсяцъ памятные историческіе моменты. Несомнительно и вполнѣ ярко нынѣ обрисовываются пути его ближайшаго историческаго развитія... Съ неопредѣленностью въ душѣ, съ тревогами, опасеніями и надеждами встрѣчало оно новый 1895 годъ. Первый же мѣсяцъ этого новаго года принесъ разрѣшеніе всѣхъ этихъ сомнѣній и неопредѣленностей. Высочайшая рѣчь 17 января депутаціямъ отъ дворянства, земства и казачьихъ войскъ, собравшимся для принесенія всеподданнѣйшихъ поздравленій съ торжествомъ бракосочетанія Ихъ Величествъ, и была этимъ историческимъ событіемъ, положившимъ конецъ всякой неопредѣленности и всѣмъ сомнѣніямъ. Во второмъ часу дня отнынѣ историческаго семнадцатаго января депутаціи собрались въ Николаевскомъ залѣ, расположившись вдоль залы съ обѣихъ ея сторонъ. Въ два часа къ депутаціямъ вышелъ Государь Императоръ и произнесъ слѣдующія слова:

«Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ зем-

ренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный покойный Родитель».

На слѣдующій день, 18 января, состоялся пріемъ остальныхъ депутацій, городскихъ, купеческихъ, крестьянскихъ, инородческихъ и проч.

Знаменательныя слова Государя Императора, конечно, не останутся однимъ звукомъ, но найдутъ широкое примѣненіе во всѣхъ отрасляхъ управленія и во всѣхъ сторонахъ государственной жизни и дѣятельности. Царствованіе Императора Николая Александровича начинается въ видѣ прямого продолженія прошлаго царствованія. Нѣкоторыя мѣропріятія, обнародованныя въ минувшемъ январѣ, отчасти и являются обнаруженіемъ этого факта. Такъ, 13 января опубликовано Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ казны семисотъ тысячъ рублей на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ, которыя во второй половинѣ царствованія императора Александра II были повсемѣстно замѣнены земскими и министерскими, но снова возстановлены и получили широкое развитіе и могущественную поддержку правительства въ царствованіе императора Александра III. Щедрое воспособленіе, Высочайше дарованное нынѣ, показываетъ, что и въ этомъ отношеніи тревоги сторонниковъ церковно-приходской школы за ея судьбы были напрасны. Эти судьбы и въ настоящее время находятся подъ тѣмъ же могущественнымъ покровительствомъ, какъ и въ минувшее царствованіе.

Изъ другихъ дѣйствій правительства въ январѣ обращаютъ особое вниманіе мѣропріятія по отношенію къ повременной печати и вообще литературѣ. Высочайшій указъ отъ 13 января с. г. повелѣваетъ слѣдующее:

«Въ Монаршемъ попеченіи о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію Намъ и отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати, признали мы справедливымъ отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства денежныя средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ, возложивъ исполненіе сей Нашей воли на Императорскую академію наукъ, какъ первенствующее ученое сословіе въ Россійской Имперіи. Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлью частныхъ учрежденій, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ къ вящшей славѣ и величію Нашей горячо

блицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ единовременныхъ денежныхъ воспособленій, а тѣмъ изъ нихъ, кто не получаетъ пенсіи изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій, отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства по 50,000 р. съ тѣмъ, чтобы въ текущемъ году означенная сумма была отпущена изъ кредита, ассигнованнаго по росписи на непредусмотрѣнныя смѣтами надобности, а въ послѣдующіе годы была вносима въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія; 2) обсужденіе и установленіе правъ вышепоименованныхъ лицъ на оказаніе имъ помощи изъ указаннаго источника и распоряженіе суммами, какъ отпускаемыми для сего изъ государственнаго казначейства, такъ равно и тѣми, кои могутъ поступать въ Императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью въ видѣ частныхъ пожертвованій, возложить на академію наукъ, предоставивъ президенту оной приглашать по его выбору къ участію въ обсужденіи сихъ вопросовъ лицъ, могущихъ быть для сего полезными; 3) предоставить взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, а равно президента академіи наукъ выработать и ввести въ дѣйствіе: а) правила для руководства академіи при разрѣшеніи указанныхъ въ пунктѣ 2-мъ вопросовъ и б) положеніе о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія».

Это признаніе русской публицистики, ея пользы и ея дарованій было встрѣчено прессою съ радостью и надеждами. Такъ, «Русскія Вѣдомости» по этому поводу писали въ номерѣ отъ 16 января:

«Выражая попеченіе о дѣятеляхъ русской науки, литературы и повременной печати, указъ 13 января имѣетъ высокое значеніе для отечественнаго просвѣщенія уже и тѣмъ, что устанавливаетъ пользу и заслуги государству такихъ отраслей служенія знанію и правдѣ, которыя ранѣе признавались только въ ограниченной степени или даже совершенно игнорировались. По отношенію къ публицистикѣ можно сказать, что она у насъ часто лишь болѣе или менѣе терпѣлась, причемъ, ограниченная уже по законамъ о печати довольно тѣсными предѣлами, ея дѣятельность съуживалась разнообразными административными карами и затруднялась еще стѣснявшими каждый ея шагъ временными предписаніями и распоряженіями. И если, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, русская литература и публицистика съумѣли достигнуть извѣстнаго развитія и значенія, то этимъ онѣ, несомнѣнно, доказали свою живучесть, естественный ростъ, свое законное право на существованіе, способность къ развитію. Можно только выразить пожеланія, чтобы русская печать почерпнула въ Высочайшемъ словѣ новую опору для своихъ стремленій провести въ общее сознаніе высокіе идеалы истины, для работы на пользу просвѣщенія и справедливости. Можно пожелать, чтобы множились честные, просвѣщенные и энергичные работники, одушевленные искренней любовью къ народу и высокимъ сознаніемъ своего долга, и чтобы эти дѣятели встрѣчали болѣе благо-

пріятныя условія для посильнаго служенія на пользу и славу нашего отечества. Извѣстный просторъ мысли и гласности существенно необходимъ для успѣховъ литературы и повременной печати, и только при строгомъ обезпеченіи этого простора ясными постановленіями закона и благожелательнымъ отношеніемъ къ ней административныхъ органовъ печать можетъ получить возможность болѣе плодотворнаго развитія, можетъ отвѣчать потребностямъ общества, осуществлять свое призваніе и свою обязанность передъ страной».

Изъ другихъ правительственныхъ мѣропріятій, касающихся повременной печати, отмѣтимъ въ январѣ запрещеніе газеты «Русская Жизнь» и пріостановку газеты «Курскій Листокъ»...

Въ этомъ перечисленіи крупнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни за январь, умѣстно будетъ упомянуть о кончинѣ члена государственнаго совѣта д. т. с. Александра Аггеевича Абазы, одного изъ послѣднихъ видныхъ дѣятелей эпохи преобразованія. Будучи однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и убѣжденныхъ представителей этой замѣчательной эпохи, Абаза не принималъ непосредственнаго участія въ главныхъ реформахъ Александра II, которыя всѣ проведены были прежде, нежели онъ достигъ вліятельныхъ и значительныхъ степеней. Но съ тѣхъ поръ и какъ государственный контролеръ, и какъ министръ финансовъ, и какъ предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта, Абаза являлся однимъ изъ главныхъ продолжателей той эпохи и главныхъ ея защитниковъ. Удаленіе его, по болѣзни, въ 1892 г. заграницу лишило государственный совѣтъ самаго крупнаго дѣятеля этого значенія. Абаза умеръ въ Ниццѣ семидесяти четырехъ лѣтъ. Газеты сообщаютъ краткія біографическія данныя объ этой интересной исторической личности. Абаза родился въ 1821 году, образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1839 году, опредѣлился на военную службу и вскорѣ отправился на Кавказъ. Въ одной изъ схватокъ Абаза былъ раненъ въ руку. Награжденный за храбрость чиномъ поручика и орденомъ св. Владиміра съ мечами, онъ долженъ былъ оставить военную службу. Только въ 1857 г. Абаза снова появился на служебномъ поприщѣ, сначала въ должности церемоніймейстера и потомъ гофмейстера при дворѣ великой княгини Елены Павловны. Выполняя свои придворныя обязанности, Абаза не остался чуждъ и общественной дѣятельности; онъ былъ выбранъ отъ дворянства С.-Петербургской губерніи членомъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, а въ 1865 г. назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Въ эту же пору своей дѣятельности Абаза засѣдалъ въ главномъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ на постъ государственнаго контролера. Въ 1874 г. А. А. Абаза былъ назначенъ на должность предсѣдателя департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. На этомъ высокомъ посту онъ уже могъ оказывать значительно-

вліяніе на развитіе нашей финансовой системы. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ. Послѣ того впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Абаза снова занималъ постъ предсѣдателя департамента государственной экономіи. Въ голодный 1891 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ высшей коммиссіи по хлѣбному вопросу. Это былъ послѣдній трудъ, порученный его ближайшему руководству. Въ слѣдующемъ году онъ оставилъ всѣ занимаемыя имъ должности, ограничиваясь должностью члена государственнаго совѣта и пребывая большею частью за границей.

Не въ этомъ сухомъ отчетѣ о службѣ покойнаго государственнаго дѣятеля, конечно, надо искать его право на историческое имя. Первый продолжатель Татаринова по организаціи новаго дѣла государственнаго контроля и первый министръ финансовъ, рѣшительно приступившій къ преобразованію устарѣлой и нераціональной податной системы (въ 5 мѣсяцевъ своего министерства онъ успѣлъ отмѣнить соляной налогъ и подготовилъ отмѣну подушной подати), Абаза еще болѣе того оставилъ слѣды въ нашей государственной жизни своимъ просвѣщеннымъ участіемъ въ общихъ государственныхъ вопросахъ, восходившихъ на разрѣшеніе высшихъ учрежденій, которыхъ членомъ онъ былъ безсмѣнно почти четверть вѣка.

Изъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей царствованія Александра II, послѣ смерти А. А. Абазы, остались только гр. Д. А. Милютинъ и П. И. Стояновскій.

II.

Первостепенной важности событія нашей государственной жизни, о которыхъ мы только что говорили, не препятствовали общественной жизни течь своими путями, настойчиво выдвигая на очередь назрѣвшіе вопросы. Въ этомъ отношеніи особенно интересны сессіи земскихъ собраній, частью уже завершившіяся, частью еще продолжающіяся въ настоящую минуту. Кромѣ тѣхъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ нѣкоторыми земскими собраніями нашло себѣ рѣшительное порицаніе въ вышеприведенной Высочайшей рѣчи, земства настоящаго года усиленно занимались и занимаются рядомъ вопросовъ первостепенной важности, поставленныхъ на ближайшую очередь неумолимымъ ходомъ исторіи. Таковъ вопросъ о хлѣбномъ кризисѣ и борьбѣ съ нимъ, предложенный на обсужденіе земствъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Таковъ и вопросъ объ общедоступномъ и обязательномъ народномъ образованіи, обсуждавшійся въ земствахъ московскомъ, полтавскомъ, черниговскомъ, нижегородскомъ, тверскомъи др. Многія земства (таврическое, черниговское, нижегородское, петербургское и др.) остановили свое внима-

ніе на примѣненіи новаго лечебнаго устава. Многія другія (черниговское, чистопольское, тамбовское и пр.) возбудили ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Всюду дѣятельно обсуждались вопросы объ устройствѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ, объ организаціи народныхъ чтеній, о заведеніи земскихъ книжныхъ складовъ для народа. Не мало вниманія отдали земства и возбужденному министерствомъ финансовъ вопросу о подъѣздныхъ желѣзныхъ путяхъ... Перечисляя эти важнѣйшіе предметы занятій земскихъ собраній настоящей сессіи, нельзя не видѣть и всей первостепенной важности этихъ вопросовъ, и серьезнаго значенія земствъ въ движеніи и разрѣшеніи поставленныхъ задачъ. Вступая въ тридцать первый годъ своего существованія, русское земство можетъ не безъ удовлетворенія обернуться на пройденный путь и указать на современную свою зрѣлость, дозволившую ему во всѣхъ только что перечисленныхъ многосложныхъ и настоятельныхъ проблеммахъ подать въ настоящую сессію свой компетентный и просвѣщенный голосъ. Сессія эта еще не закончилась. Многія земства еще не успѣли высказаться по затронутымъ темамъ. О другихъ мы еще не имѣемъ достаточно обстоятельныхъ свѣдѣній. Поэтому болѣе подробное обозрѣніе земской дѣятельности въ настоящую сессію по такимъ вопросамъ, какъ хлѣбный кризисъ или общее обязательное образованіе, еще невозможно. Менѣе сложныхъ вопросовъ коснемся слегка и въ настоящей хроникѣ.

Въ 1893 году изданъ былъ въ установленномъ порядкѣ новый уставъ о лечебныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, въ составъ которыхъ входитъ и широко организованная врачебная часть земская. Новый уставъ подчиняетъ эту часть губернской медицинской инспекціи и узаконяетъ особыя правила по организаціи и устройству лечебной части, до сихъ поръ не обязательныя для земскихъ врачебныхъ учрежденій. Введеніе новаго устава должно состояться въ настоящемъ 1895 году и совершенно естественно, если земскія собранія настоящей сессіи обратили серьезное вниманіе на уставъ, который ставитъ въ совершенно новыя условія дѣло, получившее въ рукахъ земства такое широкое развитіе и вызывающее со стороны земства крупныя матеріальныя затраты. Нижегородское губернское собраніе, въ засѣданіи 31 января, постановило «послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній» возбудить передъ правительствомъ ходатайство о пересмотрѣ лечебнаго устава и инструкцій къ нему Телеграфъ сообщаетъ и о другихъ земскихъ ходатайствахъ этого же рода. Мы еще не имѣемъ отчета о преніяхъ этихъ собраній и о «продолжительномъ обмѣнѣ мнѣній», вызванномъ ожидаемымъ введеніемъ новаго устава. Нѣкоторое понятіе о тѣхъ неудобствахъ, которыя предвидятъ земства отъ введенія новыхъ уставовъ можно получить изъ отчета о преніяхъ С.-Петербургскаго губерн-

ванный докладъ губернской управы вызвалъ продолжительныя и оживленныя пренія. Уставъ не точно опредѣляетъ, какія земскія лечебныя заведенія подлежатъ его дѣйствію. По мнѣнію управы, уставъ не относится до земскихъ больницъ и пріемныхъ покоевъ, находящихся въ деревняхъ. Введеніе его не соотвѣтствовало бы фактическому положенію земскаго медицинскаго дѣла въ уѣздахъ, такъ какъ, касаясь исключительно больницъ и пріемныхъ покоевъ, уставъ оставляетъ въ сторонѣ болѣе существенныя стороны дѣятельности участковыхъ врачей и фельдшеровъ, а именно: выѣзды на эпидеміи, для поданія помощи трудно больнымъ и роженицамъ на дому, надзоръ за школами, санитарные осмотры и т. д. Кромѣ того новымъ уставомъ, между прочимъ, учреждаются при всѣхъ больницахъ и покояхъ постоянныя врачебныя или фельдшерскія дежурства, дѣлается обязательною при тѣхъ же заведеніяхъ должность смотрителя, далѣе требуется, чтобы мужчины и женщины, а по возможности дѣти, имѣли особыя помѣщенія, точно также, какъ заразные больные, хроники и лица привиллегированнаго сословія, послѣднія, при этомъ, съ улучшеннымъ содержаніемъ. Выполненіе всѣхъ требованій устава вызвало бы вездѣ значительные и непосильные для земства расходы. Учрежденіе постоянныхъ врачебныхъ или фельдшерскихъ дежурствъ потребовало бы расходовъ на усиленіе медицинскаго персонала, а устройство особыхъ помѣщеній для хрониковъ, заразныхъ и лицъ привилегированныхъ—на постройку собственныхъ зданій для больницъ и покоевъ, помѣщающихся въ настоящее время, большею частію въ наемныхъ домахъ. По приблизительному разсчету, введеніе устава во всѣхъ лечебныхъ заведеніяхъ вызоветъ увеличеніе медицинской смѣты почти на 15—20 процентовъ, кромѣ единовременныхъ затратъ. Управа предлагала: 1) признать, что, согласно п. 2 ст. 4 уст. и ст. 258, т. XIII уставъ лечебныхъ заведеній 10 іюня 1893 г., не относится до сельскихъ лечебныхъ заведеній, управляемыхъ особыми, изданными земскими собраніями, правилами: 2) признать, что уставъ въ примѣненіи къ городскимъ земскимъ больницамъ не соотвѣтствуетъ выработаннымъ практикой основнымъ требованіямъ земско-медицинскаго дѣла и введеніе его сопряжено съ значительными и для нѣкоторыхъ земствъ непосильными расходами; 3) ходатайствовать о неприведеніи въ дѣйствіе устава и объ его коренной переработкѣ при участіи представителей земства и 4) ходатайствовать объ одновременномъ пересмотрѣ устава медицинской полиціи. Первое предложеніе принято, а остальныя вызвали продолжительныя пренія и рядъ поправокъ. Гласные А. Н. Оппенгеймъ, баронъ А. Н. Корфъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, Н. А. Нечаевъ, В. Г. Дехтеревъ и мн. др., присоединяясь принципіально ко второму предло-

женію управы, внесли нѣсколько поправокъ. Въ результатѣ преній, состоялось постановленіе: вопросъ оставить открытымъ, для детальнаго обсужденія предложенія управы организовать коммиссію изъ представителей всѣхъ уѣздовъ, губернской управы и санитарной коммиссіи и, для окончательнаго рѣшенія вопроса, созвать въ мартѣ чрезвычайное земское собраніе.

Къ этому, быть можетъ, слѣдуетъ прибавить, что толкованіе с.-петербургскаго земства о не распространеніи лечебнаго устава 10 іюля 1893 года на деревенскія врачебныя учрежденія, организованныя земствомъ, довольно произвольно и едва-ли будетъ признано врачебною администраціей. Уставъ ничего не говоритъ объ изъятіи деревенскихъ учрежденій и всюду говоритъ вообще о медицинскихъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, къ каковому вѣдомству принадлежатъ всѣ вообще земскія врачебныя учрежденія. Поэтому, путь, избранный нижегородскимъ земствомъ, едва-ли не болѣе соотвѣтствуетъ положенію дѣла. Черниговское земство поступило такъ же, ходатайствуя о непримѣненіи устава къ земской медицинѣ или же взять эту медицину изъ земскаго вѣдомства. Надо помнить, что лечебный уставъ 10 іюля 1893 года, подчиняющій дѣятельность земства по медицинской части вѣдѣнію правительственной медицинской администраціи, является лишь естественнымъ развитіемъ земской реформы 1890 года и нѣтъ никакихъ основаній полагать, что законъ предоставляетъ земству болѣе самостоятельности въ деревняхъ, нежели въ городахъ.

Нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія по ограниченію тѣлесныхъ наказаній въ туземныхъ округахъ Кавказа, состоявшіяся въ началѣ минувшаго 1894 года, вмѣстѣ съ полною отмѣною въ 1893 году тѣлеснаго наказанія ссыльныхъ женщинъ, послужили поводомъ посвятить одну изъ этихъ хроникъ этому наболѣвшему вопросу нашей современности. Мы занялись имъ весною минувшаго года, а за десять мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ протекшихъ, жизнь все ярче и рѣзче выдвигала его первостепенную важность. Уже въ ноябрьской хроникѣ прошлаго года намъ пришлось возвратиться къ нему, чтобы констатировать, какъ новый пореформенный бытъ становится все въ болѣе рѣшительное и непримиримое противурѣчіе съ этимъ остаткомъ дореформенныхъ нравовъ и порядковъ. Случаи самоубійства и сумасшествія послѣ тѣлеснаго наказанія или въ его ожиданіи являются такими громко взывающими фактами несовмѣстимости свободы и розогъ. Не повторяем этихъ фактовъ, ни общаго обзора вопроса, потому что еще слиш комъ недавно обсуждали его подробно. Снова его коснулись м теперь, потому что въ земской сессіи 1894—1895 г. этотъ на стоятельный вопросъ опять серьезно поставленъ на очередь.

Иниціатива эта въ возбужденіи вопроса объ отмѣнѣ тѣле ныхъ наказаній принадлежитъ съѣзду народныхъ учителей Черн

горомъ находится народная школа съ одной стороны и практика тѣлеснаго наказанія съ другой. Школа пробуждаетъ въ своихъ воспитанникахъ чувство собственнаго достоинства, тогда какъ тѣлесное наказаніе его отнимаетъ и унижаетъ. Необразованный и невоспитанный школою крестьянинъ легче примиряется со стыдомъ публичнаго сѣченія, тогда какъ для воспитанника народной школы тѣлесное наказаніе является нерѣдко стыдомъ, абсолютно непереносимымъ. Учителя положительно свидѣтельствовали, что весьма не рѣдки случаи самоубійства среди молодыхъ крестьянъ, получившихъ школьное воспитаніе и затѣмъ приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію. Народная школа ставится этимъ въ самое трагическое положеніе: должна ли она воспитывать человѣческое достоинство въ своихъ питомцахъ? И если должна, то не готовитъ-ли она имъ только больше незаслуженнаго страданія и даже участь самоубійцы? Учительскій съѣздъ поэтому единодушно высказался за ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по крайней мѣрѣ для лицъ, окончившихъ курсъ народной школы. Эта резолюція учительскаго съѣзда была представлена въ губернскую управу, которая и препроводила ее на предварительное обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній. Всѣ уѣздныя собранія губерніи, о которыхъ проникли въ печать свѣдѣнія, тоже единодушно высказались въ смыслѣ резолюціи учительскаго съѣзда и за возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Теперь очередь за губернскимъ собраніемъ, которое должно направить это ходатайство въ установленномъ порядкѣ. Черниговское губернское земское собраніе какъ разъ въ настоящее время засѣдаетъ и, конечно, не преминетъ подтвердить рѣшенія большинства уѣздныхъ земствъ черниговской губерніи. Совершенно самостоятельно отъ Черниговскаго земства уже возбудили въ настоящую земскую сессію тамбовское и чистопольское земскія собранія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ народныхъ училищъ. Замѣтимъ кстати, что земскія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянскаго сословія возбуждаются не впервые.

Не только учительскіе съѣзды и земскія собранія, но и медицинскія общества занялись этою зимою вопросомъ о вредѣ тѣлесныхъ наказаній. Инициатива принадлежала саратовскому обществу врачей, послѣ чего по тому же вопросу дѣлалъ докладъ проф Гвоздевъ въ казанскомъ обществѣ. Вопросъ былъ, повидимому судя по краткимъ извлеченіямъ, проникшимъ въ печать, разсмотрѣнъ названными учеными обществами довольно разносторонне Указывалось и на развитіе явленій психопатическихъ подъ вліяніемъ практики тѣлесныхъ наказаній; и на прямое антигигіени

Оба ученыя общества единодушно высказались за полную отмену тѣлеснаго наказанія. И въ самомъ дѣлѣ, кому и для чего оно нужно?

Когда въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, составлявшихъ Положеніе 19 февраля 1861 года, былъ поставленъ на очередь вопросъ о включеніи или невключеніи въ положеніе о волостномъ судѣ права тѣлеснаго наказанія, это включеніе рѣшено было большинствомъ *одного* голоса (семь противъ шести), причемъ мотивомъ этого включенія было нежеланіе въ положеніе о сельскомъ устройствѣ вносить косвенную реформу уголовнаго законодательства. Въ то время тѣлесное наказаніе (плети, шпицрутены, розги, клейменіе) было основнымъ уголовнымъ взысканіемъ. Оно же было и въ полномъ распоряженіи административной даже низшей власти. Нѣкоторые члены редакціонной коммиссіи, вообще высказывавшіеся противъ тѣлеснаго наказанія (даже Н. А. Милютинъ и Ю. Ф. Самаринъ), не находили возможнымъ вторгаться въ область уголовной реформы, которая къ тому же въ это время вырабатывалась. Эти члены говорили, что съ предполагаемымъ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія вообще одновременно исчезнетъ оно и въ волостномъ судѣ. 17 апрѣля 1863 года состоялась эта ожидаемая уголовная реформа. Всѣ виды тѣлеснаго наказанія были исключены изъ уголовнаго кодекса. Особые указы уничтожили его въ арміи и флотѣ. Администрація тоже лишена была этого права. Было обойдено только положеніе о волостномъ судѣ, гдѣ оно, какъ мы видѣли, было первоначально удержано единственно для единообразія съ другими современными судами. Не пора ли въ самомъ дѣлѣ вспомнить это временное значеніе статей о правѣ волостныхъ судовъ налагать тѣлесныя наказанія? И не является ли противурѣчіемъ, что высокообразованныя, авторитетныя, независимыя судебныя мѣста, даже такія, какъ судебныя палаты и сенатъ, не имѣютъ того права надъ личностью крестьянина, которое предоставлено волостнымъ судамъ, конечно, не блещущимъ ни образованіемъ, ни авторитетомъ. Не иначе, поэтому, какъ съ большимъ удовлетвореніемъ можно привѣтствовать эту разнообразную иниціативу, возникающую и среди земскихъ людей, и въ средѣ ученыхъ обществъ, и между учителями и наставниками народныхъ школъ и направленную единодушно къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Послѣдняя сессія земства и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, можетъ быть отмѣчена съ удовлетвореніемъ.

Касаясь нѣкоторыхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ земской сессіи этой зимы, мы отлагаемъ другіе до полученія болѣе обстоятельныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ земствъ, но вообще нельзя не констатировать, что сессія прошла очень оживленно и что

проблеммъ, предъявляемыхъ современностью. Можно смѣло сказать, что земство не напрасно и не праздно провело эти тридцать лѣтъ своего существованія. Оно выросло для своей земской дѣятельности и его компетентный голосъ слышенъ во всѣхъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросахъ нашей общественной и государственной жизни. Не безъ пробѣловъ и не безъ промаховъ, и очень серьезныхъ, была земская реформа 1864 года. Не безъ промаховъ и не безъ ошибокъ, и очень серьезныхъ, была и дѣятельность самоуправляющагося земства, возникшаго изъ этой реформы. Но здоровое сѣмя самоуправленія и общественной иниціативы было брошено реформою на земскую ниву... Именно здоровые плоды этого здороваго сѣмени мы и можемъ привѣтствовать въ дѣятельности современнаго земства.

III.

Зима есть сезонъ всякаго общественнаго и государственнаго движенія, кромѣ сельско-хозяйственнаго и военнаго, сосредоточивающихся на лѣтнихъ мѣсяцахъ... Зима есть время сессіи государственныхъ законодательныхъ и правительственныхъ учрежденій и изданія важнѣйшихъ законоположеній и государственныхъ мѣропріятій; зимою происходитъ и главнѣйшее движеніе по службѣ государственной, всѣ тѣ перемѣны въ личномъ составѣ управленія, отъ которыхъ въ такой степени зависитъ дальнѣйшее направленіе дѣлъ. Зима есть также время сессіи земскихъ и сословныхъ собраній, время преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, время всяческихъ ученыхъ и спеціальныхъ съѣздовъ, время наибольшаго оживленія и литературной дѣятельности... Апогеемъ всего этого разнообразнаго историческаго движенія, государственнаго, общественнаго, умственнаго, можно считать декабрь и январь, особенно январь. И настоящій сезонъ не бѣденъ выдающимися явленіями во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ нашей исторической жизни. Области государственной и общественной я коснулся въ предъидущихъ параграфахъ этой хроники. Остановимся теперь немного на проявленіяхъ умственнаго движенія настоящаго сезона. И въ этой области нельзя не указать интересныхъ и серьезныхъ явленій, имѣющихъ немаловажное значеніе для характеристики нашей современности.

Нельзя назвать въ настоящій сезонъ ни одного такого крупнаго факта изъ области умственной жизни, литературнаго, художественнаго или научнаго произведенія, о которомъ можно было бы сказать, что онъ дѣлаетъ эпоху и ставитъ грань между прошедшимъ и настоящимъ. Тѣмъ не менѣе изъ явленій, сравнительно

некрупныхъ, порою даже прямо незначительныхъ, складывается весьма опредѣленная картина умственнаго состоянія, вырисовывается новая фаза въ нашемъ умственномъ развитіи... Эту фазу можно было предвидѣть и отчасти даже признаки ея отмѣтить, но довольно ярко она обрисовалась именно въ настоящій сезонъ. Фаза эта можетъ быть абстрактно формулирована такъ: направленія и теченія сороковыхъ годовъ окончательно изжиты и отошли въ область исторіи, завершивъ полный циклъ своего развитія; между направленіями и теченіями, завѣщанными шестидесятыми годами, происходитъ дѣятельное размежеваніе и дифференцованіе; образовались новыя теченія; въ общемъ чувствуется значительная перегруппировка умственныхъ силъ, въ которой еще далеко не успѣло должнымъ образомъ разобраться ни общество, ни сама литература... Попробуемъ немножко разобраться, поскольку матерьяловъ для того прибавили умственныя явленія настоящаго сезона, и постараемся прежде всего оправдать только что данную общую характеристику.

Умственная жизнь, являясь могучимъ факторомъ историческаго развитія и самымъ многостороннимъ способомъ вліяя на всѣ стороны общественной жизни, испытываетъ въ свою очередь вліяніе экономическаго и политическаго состоянія и складывается въ значительной степени подъ давленіемъ этого состоянія. Такъ и наша умственная жизнь сороковыхъ годовъ творила свое просвѣтительное дѣло, подготовляя преобразованіе современнаго ей общественнаго состоянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и приспособлялась къ особенностямъ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые представляла общественная среда. Дореформенное общественное состояніе, диктуя насущныя проблеммы историческаго дня, направляя вниманіе на условія и обстановку этихъ проблеммъ, тѣмъ самымъ останавливало преимущественное вниманіе и на идеяхъ, соотвѣтственныхъ проблеммамъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что дореформенное общественное состояніе диктовало и сами идеи, волновавшія мыслящіе классы того времени и положенныя въ основу цѣльныхъ и послѣдовательныхъ міровоззрѣній. Дореформенное состояніе общества диктовало идеи мыслящаго класса, сказали мы, а что это было за состояніе — о томъ много говорить не приходится:

Заглянемъ ли мы въ деревню, здѣсь Пушкинъ нарисуетъ намъ горестную картину рабства и безправія:

...мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ:
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,

Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя!
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...

А черезъ двадцать лѣтъ послѣ этой потрясающей характеристики, еще юный тогда Некрасовъ писалъ, въѣзжая въ родную деревню:

И вотъ они опять знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

Такова была деревня того времени во главѣ съ обществомъ, котораго характеристику мы только что видѣли въ стихахъ двухъ знаменитыхъ поэтовъ. Обращаясь къ тому же обществу, Лермонтовъ бросалъ въ лицо его представителямъ, что они «къ добру и злу постыдно равнодушны и передъ властію презрѣнные рабы». Или: «Вы, жадною толпой стоящіе...» говорилъ имъ нашъ великій поэтъ:

Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда, все молчи...

Такъ характеризуютъ дореформенное общественное состояніе три величайшихъ поэта нашей литературы. Грибоѣдовъ и Гоголь иллюстрируютъ приведенную характеристику портретами этого, по свидѣтельству Пушкина, «барства дикаго, безъ чувства, безъ закона»; этихъ, по свидѣтельству Лермонтова, «презрѣнныхъ рабовъ, къ добру и злу постыдно равнодушныхъ»; проводившихъ время, по свидѣтельству Некрасова, «среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства»... Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Загорѣцкій — это одна портретная галлерея. Чичиковъ, Ноздревъ, Коробочка, Хлестаковъ, Сквозникъ-Дмухановскій—другая... Которая ярче и ужаснѣе—не все ли равно, когда обѣ поразительны? Немудрено, если Некрасовъ восклицаетъ объ этомъ времени:

Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.

«Болѣть за отчизну» было общимъ чувствомъ, проникавшимъ всѣ мыслящіе слои тѣхъ поколѣній... Послѣ того, какъ идеализмъ двадцатыхъ годовъ потерпѣлъ крушеніе въ столкновеніи съ суровою историческою дѣйствительностью, а современное ему «романтическое» движеніе въ литературѣ естественно изсякло подъ вліяніемъ этого крушенія, въ литературѣ, въ знаменитыхъ «Философическихъ письмахъ» Чаадаева раздался крикъ безнадежнаго отчаянія за судьбы родной страны... Раздался и безсильно замеръ въ неподвижной атмосферѣ. И все замерло, и все заснуло, какъ горько жаловался одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ того времени:

Мынають дни, мынають ночи,
Мынають лита... Шелестыть
Пожовкле лысття, гаснутъ очи,
Заснула думка, сердце спыть
И все заснуло...

Ликовала печать Булгариныхъ и Гречей, надолго сдѣлавъ двусмысленнымъ имя «патріота». Шумно упивалась успѣхомъ декадентская поэзія Бенедиктова и его послѣдователей. Фальшиво дребезжала пессимистическая поэзія Баратынскаго съ компаніей. Беззаботно на всю Россію хохотала свободная отъ тенденціи «Библіотека для чтенія» барона Брамбеуса. Педанты науки съ важностью возглашали, что дважды два всегда четыре. Педанты искусства съ еще большею увѣренностью въ великости своего дѣла писали и лѣпили голое женское тѣло. Театръ рукоплескалъ надутой риторикѣ Кукольника, а еще болѣе прима-балеринамъ, ножки которыхъ были центромъ общественнаго вниманія...

Въ эти тридцатые годы зрѣло и вырабатывалось міровоззрѣніе сороковыхъ годовъ. На немъ отразилась, однако, именно эта печальная и жестокая дѣйствительнось. Его продиктовало именно это общественное состояніе. Естественно, если міровоззрѣніе сороковыхъ годовъ явилось отрицаніемъ современнаго общественнаго состоянія и въ своихъ идеалахъ обращалось къ тому, что можно было противупоставить современной дѣйствительности. Древняя до-петровская и даже до-монгольская Русь съ одной стороны, а съ другой—передовыя страны Западной Европы можно было противупоставить тогдашней русской дѣйствительности. Одни выбрали древнюю Русь и назвались славянофилами; западники предпочли Европу; и тѣ и другіе вполнѣ сходились въ отрицаніи современной дѣйствительности, исходили въ своихъ идеяхъ изъ этого отрицанія и создавали законченныя отвлеченныя отъ дѣй-

ствительной жизни доктрины, тѣмъ болѣе исключительныя, чѣмъ полнѣе отрицалась эта современная общественная жизнь.

Объясненіе непримиримости славянофильской и западнической доктринъ, какъ онѣ сложились въ сороковые годы, надо искать въ полномъ отрицаніи современной дѣйствительности. И тѣ, и другіе, впрочемъ, вѣрили въ народъ, но именно вѣрили, не зная его и вкладывая ему произвольное содержаніе. Эта вѣра была необходима и тѣмъ и другимъ, чтобы вѣрить въ будущее своихъ идеаловъ, которые, однако, цѣликомъ отрицали современную дѣйствительность. Если бы отрицаніе не было столь полное и рѣшительное, то, конечно, исполненные гуманности и просвѣщенія представители обѣихъ школъ нашли бы и общую почву для сближенія своихъ доктринъ (какъ то и случилось въ шестидесятые годы), но такой почвы въ тѣ времена у нихъ не было, доктрины раскололись до полной непримиримости и въ такомъ видѣ перешли къ дѣятелямъ эпохи реформъ и обновленія русской жизни. Эта эпоха перемѣшала карты и скоро обнаружилось, что въ ихъ чистомъ логическомъ законченномъ видѣ ни одна изъ доктринъ не компетентна въ рѣшеніяхъ великой проблеммы, представшей русскому обществу. Западная Европа, освобождая крестьянъ, ихъ обезземелила, разрушила общинную и артельную организацію, уничтожила мірское самоуправленіе. Не одни славянофилы, но и всѣ передовые западники возстали противъ этого параграфа исключительной западнической программы. Древняя Русь не знала гласнаго и независимаго суда, не имѣла понятія о судѣ присяжныхъ, обладала цѣлою системою самыхъ жестокихъ, прямо истязательныхъ уголовныхъ каръ. Не одни западники, но и просвѣщеннѣйшіе славянофилы являлись сторонниками судебной реформы и привѣтствовали отмѣну тѣлеснаго наказанія. Земская реформа оказалась прямо соотвѣтствующей идеаламъ и западниковъ и славянофиловъ, какъ и городское самоуправленіе, отмѣна откуповъ, всеобщая воинская повинность. Борьба продолжалась между двумя школами, но дѣйствительность вынула изъ-подъ нея почву и, по мѣрѣ того, какъ сходили со сцены крупные представители обѣихъ школъ, выработавшіе свое міровоззрѣніе въ дореформенное время, мнѣнія все болѣе смѣшивались и мыслящіе слои начали группироваться по другимъ признакамъ. Теперь же, когда уже или сошли въ могилу или умолкли и непосредственные ученики крупныхъ мыслителей сороковыхъ годовъ, одинаково полно исчезло и славянофильство и западничество. Одинъ В. И. Ламанскій не составитъ славянофильской школы, какъ одинъ А. Н. Пыпинъ—западнической. Люди они почтенные, но не всесильные.

Полстолѣтіе, отдѣляющее насъ отъ времени расцвѣта западнической и славянофильской доктринъ, прожиты нами не даромъ. Исключительность и цѣльность обѣихъ программъ дѣлаетъ ихъ

дѣлать съ формулами историческихъ рѣшеній, завѣщанныхъ нам сороковыми годами. Крупные люди той эпохи оставили намъ такое богатство идей и художественныхъ образовъ, что не одно еще поколѣніе будетъ черпать изъ этой обильной сокровищницы, будетъ черпать многое, но только не общія рамки, въ которы тѣ крупные люди вставляли свои труды и творческія видѣнія. Исключительная точка зрѣнія возвращенія къ допетровской старинѣ такъ же невозможна, какъ и точка зрѣнія совершеннаго и всесторонняго уподобленія Западной Европѣ. Въ этомъ то смыслѣ я и сказалъ въ началѣ этого параграфа, что одною изъ характеристическихъ особенностей умственной жизни настоящаго времени является совершенное обсыханіе литературныхъ теченій сороковыхъ годовъ. Я прибавилъ къ этому, что современная умственная жизнь съ другой стороны характеризуется усиленнымъ размежеваніемъ между теченіями, берущими свое начало въ шестидесятыхъ годахъ. Попробуемъ обосновать и это утвержденіе наше. Что такое умственныя теченія шестидесятыхъ годовъ? На какой почвѣ они выросли и насколько они соотвѣтствуютъ современному состоянію среды? Четверть вѣка отдѣляетъ насъ отъ расцвѣта умственнаго движенія той эпохи. Посмотримъ на условія его возникновенія и развитія въ свое время и на его судьбы въ послѣдующія времена.

Если умственное движеніе сороковыхъ годовъ, отрекавшееся отъ современной дѣйствительности, дифференцуется сообразно той отвлеченной дѣйствительности, во имя которой отрицается современная дѣйствительность, то умственное движеніе шестидесятыхъ годовъ, встрѣтившееся съ практическими проблеммами и поставившее своею цѣлью отысканіе принципа не для отрицанія только, но и для преобразованія дѣйствительности, должно было дифференцоваться сообразно интересамъ разныхъ составныхъ элементовъ преобразуемой среды. Интересы однихъ элементовъ, именно дворянства и бюрократіи, хорошо уживались съ прежнимъ строемъ и естественно, если явилось *охранительное* теченіе, старавшееся по возможности больше сохранить изъ прежняго и скоро пріобрѣвшее въ печати яркое выраженіе въ журналахъ Каткова. Преобразованія создали въ обществѣ земство и другія самоуправляющіяся автономныя учрежденія. Интересы этихъ учрежденій требовали не столько дальнѣйшаго преобразованія страны, сколько оберегания отъ притязаній сильныхъ и властныхъ элементовъ охранительныхъ. Естественно, если и въ литературѣ явился органъ, который взялъ на себя оберегание «нашихъ молодыхъ, еще не окрѣпшихъ учрежденій» и который все въ тѣхъ же благонамѣренныхъ видахъ восклицалъ, что «наше время — не время широкихъ задачъ». Это была прекраснодушная газета В. Ѳ. Корша, затѣмъ

независимости черпавшую самое оправданіе своего существованія. Таково было новое судебное сословіе; таково было и вновь созданное контрольное вѣдомство, отчасти акцизное. Появленіе либеральной бюрократіи создало и въ печати либерально-бюрократическій органъ. То былъ «Голосъ» А. А. Краевскаго. Нарождались и интересы возникающей буржуазіи, денежной аристократіи или плутократіи. «Молва» Полетики и «Страна» г. Леонида Полонскаго поспѣшили отвѣтить и этой потребности. «Московскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Страна» представляли, такимъ образомъ, въ печати шестидесятыхъ (и начала семидесятыхъ) годовъ интересы главнѣйшихъ общественныхъ группъ, заинтересованныхъ въ томъ или иномъ направленіи преобразовательной дѣятельности правительства и автономной дѣятельности преобразованнаго общества. Старыя клички славянофиловъ и западниковъ здѣсь не годились и вошли въ употребленіе новыя, охранителей и либераловъ. Послѣдніе, хотя и дробились на земскихъ, бюрократическихъ и плутократическихъ, но часто и смѣшивались и перемѣшивались. Не эти, однако, доктрины носятъ названіе идей шестидесятыхъ годовъ. Поэтому, всѣ эти направленія и теченія съ ихъ уже покойными органами мы и оставимъ ихъ печальной судьбѣ, печальной, потому что не долговѣчной. Измѣнился вліятельный составъ общества; исчезли и прежніе органы и литературныя теченія. Не творческое направленіе жизни, а ея отраженіе были эти теченія. Умственное творчество сороковыхъ годовъ нашло себѣ выраженіе въ западнической и славянофильской доктринахъ. Умственное творчество шестидесятыхъ годовъ нашло себѣ не менѣе значительное и яркое выраженіе въ литературѣ того времени.

Кромѣ интересовъ дирижирующихъ классовъ, отразившихся въ только что перечисленныхъ литературныхъ теченіяхъ, существуютъ интересы общества, какъ цѣлаго, его благоденствіе, преуспѣяніе, достоинство, славное и великое будущее. Отдѣльные классы общества обыкновенно защищаютъ свои классовые интересы, но изъ всѣхъ слоевъ выдѣляются сильныя мыслью и богатыя любовью единицы, которыя видятъ дальше классовыхъ интересовъ и лелѣютъ идеалы общаго прогресса, въ концѣ концовъ соотвѣтствующаго выгодамъ всѣхъ. Именно эта общая точка зрѣнія и была основою западнической и славянофильской школъ въ сороковые годы, экономической, реалистической и соціологической въ шестидесятые годы (и ближайшее къ нимъ время).

Экономическое теченіе былъ первое по времени и въ шестидесятые годы въ тѣсномъ смыслѣ самое могучее по личному составу его дѣятелей. Чернышевскій, Добролюбовъ, М. А. Антоновичъ, Ю. Г. Жуковскій, Елисеевъ должны быть причислены къ

доктрины преобладанія экономическаго элемента, тѣмъ не менѣе живо и горячо отзывалось и на всѣ остальныя стороны общественной жизни. Слѣдуя временной терминологіи ихъ можно было бы назвать экономическими матерьялистами *), но съ другой стороны отъ нихъ могутъ вести свою генеалогію и «народники». Очевидно, они если и были экономическіе матерьялисты, то не въ современномъ ходячемъ значеніи слова. Этотъ экономическій матерьялизмъ преобладалъ въ литературѣ въ первую половину шестидесятыхъ годовъ. Въ половинѣ десятилѣтія на него бурно ополчился «реализмъ», корифеями котораго надо почитать Писарева, Щапова, Шелгунова, Зайцева, Благосвѣтлова... Это уже совершенно изжитый моментъ. «Реалистовъ» теперь также не встрѣчается, какъ и славянофиловъ и западниковъ. По поводу открытія памятника Н. И. Шелгунову, въ октябрьской хроникѣ прошлаго года я остановился на этомъ любопытномъ умственномъ движеніи недавняго прошлаго. Поэтому, не буду повторять тогда сказаннаго. Замѣчу только, что реалисты, въ противуположность экономическимъ матерьялистамъ, признавали первенствующее значеніе не за экономическимъ элементомъ, а за интеллектуальнымъ, отъ состоянія и развитія котораго всецѣло зависитъ состояніе и развитіе и всего общества, и всѣхъ остальныхъ элементовъ общественной жизни. Это рѣзкое философское противорѣчіе между двумя школами, одинаково характеристичными для шестидесятыхъ годовъ, не мѣшало быть имъ солидарными. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія были общи представителямъ обѣихъ доктринъ, которыя ~~объ~~ трудъ ставили обязанностью каждаго человѣка, справедливое вознагражденіе трудящагося и обезпеченіе его потребностей считали обязанностью общества, основою такого строя полагали соединеніе, а не разобщеніе труда и капитала (орудій производства), не отводя на долю однихъ только трудъ, другимъ предоставляя только капиталъ; а для осуществленія этихъ идеаловъ считали одинаково важнымъ перенесеніе прогрессивныхъ формъ, выработанныхъ Западною Европою, такъ же, какъ сохраненіе и развитіе самобытныхъ учрежденій нашей народной жизни, неизвѣстныхъ современному западу, полагая, что справедливость и добро надо брать всюду, гдѣ можно найти. Это общее міровоззрѣніе, одинаково свойственное экономической и реалистической школѣ, одинаково свойственно и школѣ соціологической,

---

*) Экономическимъ матерьялизмомъ, строго говоря, признается всякая доктрина, утверждающая, что преобладаніе въ общественномъ процессѣ принадлежитъ экономическому элементу и что именно на экономическомъ основаніи строится и политическое и умственное состояніе общества и вообще всего его быта.

возникшей во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Это міровоззрѣніе и должно поэтому считать «идеями шестидесятыхъ годовъ».

Терминъ «соціологическая школа» я заимствовалъ изъ недавней полемики гг. новѣйшихъ экономическихъ матерьялистовъ. Я нахожу его удачнымъ и охотно ставлю вмѣсто двусмысленнаго и затасканнаго термина «народничества». Для послѣдняго найдется помѣщеніе въ современной сумятицѣ. Терминъ «соціологія» первый употребилъ Огюстъ Контъ и его послѣдователи, но они сами себя называютъ «позитивистскою школою». Усвоилъ контовскій терминъ и Гербертъ Спенсеръ, но и его доктрина получила спеціальное названіе «эволюціонной». У насъ есть и позитивисты и эволюціонисты, которые такъ себя и называютъ и которыхъ поэтому никто не смѣшаетъ съ нашей «соціологическою школою» шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Я предпочелъ бы ее называть школою «этико-соціологическою», такъ какъ ни позитивисты, ни эволюціонисты, ни какіе иные соціологи не придаютъ такого значенія нравственному элементу въ общественномъ процессѣ и нравственной доктринѣ—въ общественной наукѣ, какъ упомянутая соціологическая школа. Общественно-философское отличіе школы въ томъ, что она не признаетъ исключительнаго значенія въ общественной жизни ни за экономическимъ элементомъ, какъ экономическіе матерьялисты, ни за умственнымъ, какъ «реалисты» и позитивисты, ни за органическимъ, какъ эволюціонисты и дарвинисты, ни за политическимъ, какъ Руссо и якобинцы, ни за нравственнымъ, какъ Левъ Толстой и подобные моралисты всѣхъ временъ, ни за какими вообще «элементами» въ частности, ни за всѣми ими даже вмѣстѣ взятыми, памятуя, что кромѣ элементовъ (культурныхъ) общество комбинируется еще и изъ единицъ человѣческихъ... Истина въ комбинаціи этихъ элементовъ и единицъ, въ тѣхъ законахъ, которые управляютъ этой комбинаціей и въ томъ значеніи, которое для этой комбинаціи имѣетъ дѣятельная воля, самочувствіе и самосознаніе комбинируемыхъ единицъ (индивидуальности). Общественно-философское отличіе этико-соціологической школы отъ экономической и реалистической очень значительно, но, какъ я уже упомянулъ, всѣ три главныя умственныя теченія шестидесятыхъ годовъ сходились въ общественныхъ программахъ и воспитывали общество въ однихъ и тѣхъ-же идеалахъ. Поэтому-то, несмотря на довольно оживленную полемику между нѣкоторыми представителями трехъ школъ, особенно рѣзкаго размежеванія между ними не было. Въ одномъ и томъ-же изданіи конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ работали и занимали видное положеніе и экономическіе матерьялисты, какъ Елисеевъ и Зиберъ, и реалисты, какъ Писаревъ и Щаповъ, и «народники» какъ гг. Кривенко и В. В., и представители этико-соціологической школы, какъ гг. Михайловскій, Лесевичъ и Карѣевъ. Всѣ они мирно уживались

момента нашей умственной жизни.

IV.

Настоящій сезонъ особенно рѣзко обозначилъ потребность размежеваться и раздѣлиться между разными теченіями, порожденными умственнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Съ одной стороны окончательно откололись въ особую группу «народники», съ другой стороны, шумно заявляютъ о своему существованіи и обособленіи экономическіе матерьялисты новѣйшей формаціи. То и другое является въ полномъ смыслѣ словъ знаменіемъ времени, естественно возникшимъ на основахъ измѣнившейся современной дѣйствительности.

Выше я указалъ то общее міровоззрѣніе, которое соединяло всѣ литературныя школы шестидесятыхъ годовъ и которые дозволяло писателямъ, философски разномыслящимъ, мирно трудиться вмѣстѣ въ однихъ органахъ, дружно работая надъ изученіемъ и освѣщеніемъ современной дѣйствительности съ точки зрѣнія этого общаго міровоззрѣнія. Эта работа философски разномыслящихъ группъ стала возможна въ шестидесятые годы и была невозможна въ сороковые и я указалъ выше причину и этой невозможности прежде, и этой возможности впослѣдствіи. Безнадежный взглядъ на современную дѣйствительность и ея полное отрицаніе вмѣстѣ съ упованіемъ цѣликомъ перенести другую, допетровскую или западно-европейскую и были причиною непримиримости литературныхъ школъ сороковыхъ годовъ. Упраздненіе этой безнадежности и сочувственное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ современной дѣйствительности создали возможность высшей объединяющей литературной солидарности философски разномыслящихъ группъ. что однако опять измѣнилось въ нашей дѣйствительности?

Я не называю маловѣрами западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ, хотя ихъ доктрины выросли на почвѣ безнадежнаго воззрѣнія на современную имъ дѣйствительность. Никто, конечно, и не рѣшится назвать маловѣрами этихъ столь возлюбившихъ и столь вѣрующихъ учителей русскаго мыслящаго общества. Съ тѣхъ поръ, однако, прошло полвѣка и общество коечему научилось. Между прочимъ, оно научилось и тому знаменательному выводу, что нѣтъ дѣйствительности, настолько дурной, чтобы она была безнадежна къ обновленію и возрожденію. Печальна была наша дѣйствительность въ первую половину XIX вѣка и, однако, она нашла въ себѣ и силы, и средства, и разумѣніе для широкаго и плодотворнаго преобразованія. Послѣ этого опыта

основанныя, подобно прежнимъ славянофильскимъ и западническимъ на огульномъ отрицаніи современнаго быта или тѣхъ или иныхъ его сторонъ и рекомендующихъ перенесеніе цѣликомъ такихъ или другихъ готовыхъ формъ. Экономическій матерьялизмъ новѣйшей формаціи и является однимъ изъ порожденій этого умственнаго шатанія и сомнѣнія. «Идти на выучку къ западно-европейскому капитализму» намъ именно потому и предлагаютъ, что безнадежно махнули рукой на возможность самостоятельнаго экономическаго развитія, которое являлось однимъ изъ догматовъ всѣхъ доктринъ, соединяемыхъ подъ общимъ наименованіемъ идей шестидесятыхъ годовъ. Я не собираюсь сегодня разбирать по существу эти воззрѣнія, порожденныя малодушною безнадежностью. Я отмѣчаю, какъ хроникеръ, это явленіе, столь характеристичное для нашего времени и особенно ярко обозначившееся именно въ настоящій сезонъ. Книжки гг. Струве и Бельтова появились въ этотъ сезонъ и много нашумѣли своимъ ярымъ походомъ на этико-соціологическую и народническую школы, которыхъ кажется преднамѣренно гг. экономическіе матерьялисты новѣйшей формаціи желаютъ смѣшать до неузнаваемости, пристегивая сюда же и такихъ почтенныхъ представителей экономическаго матерьялизма стараго типа, какъ г. Николай—онъ. Теперь, однако, меня занимаетъ и не эта полемическая сторона шумнаго выхода гг. матерьялистовъ. Мнѣ кажется поучительнымъ самъ этотъ выходъ. Нельзя усомниться въ томъ, что это крикливое воззрѣніе есть порожденіе общаго состоянія общественной жизни, которое оно будто бы призвано исправить. Одинъ изъ симптомовъ этого ухудшенія, это воззрѣніе не господствуетъ надъ нимъ, а слѣдуетъ ему и въ смыслѣ творчества идей заранѣе осуждено, по одному этому, на безплодіе. Для умственнаго творчества безплодное, оно можетъ быть не безплоднымъ въ рукахъ тѣхъ, которые пожелаютъ сознательно служить интересамъ экономически господствующихъ классовъ. Г. Янжулъ уже эксплуатируетъ это воззрѣніе для насажденія синдикатовъ. Г. Головинъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» находитъ, что, оставляя въ сторонѣ отдаленные идеалы гг. современныхъ экономическихъ матерьялистовъ (онъ называетъ г. Струве), въ настоящее время онъ, г. Головинъ, можетъ съ ними идти рука объ руку. Г. Скворцовъ явно прислуживается капиталу... Все это признаки времени, поучительные для гг. Струве и Бельтова (или по крайней мѣрѣ для тѣхъ ихъ единомышленниковъ, которые способны поучаться), знаменательные для всякаго внимательнаго наблюдателя нашей общественной жизни и, какъ нельзя болѣе, характерные для переживаемаго нами времени.

Если мы вернемся къ вышенабросанной характеристикѣ главныхъ литературныхъ теченій шестидесятыхъ годовъ, то мы найдемъ, что два изъ нихъ, экономическое и этико-соціологическое

на особомъ вниманіи къ быту, нуждамъ и задачамъ деревенской жизни. Это вниманіе къ деревнѣ отличало указанныя воззрѣнія и отъ реалистическаго, и отъ всѣхъ передовыхъ и демократическихъ доктринъ западно-европейскихъ. На этой почвѣ и подъ вліяніемъ этихъ господствующихъ міровоззрѣній выросла обширная и талантливая народно-беллетристическая литература съ такимъ крупнымъ писателемъ, какъ Глѣбъ Успенскій во главѣ и съ цѣлою группою высокоталантливыхъ изобразителей народной жизни, какъ Рѣшетниковъ, Левитовъ, Н. Н. Златовратскій, Н. Успенскій, В. Слѣпцовъ. На той же почвѣ и подъ тѣмъ же вліяніемъ выросла не менѣе обширная и богатая земско-статистическая литература, какъ и цѣлая литература статистико-экономическихъ монографій о сельскомъ нашемъ бытѣ, его порядкахъ, его нуждахъ и проблеммахъ. Повременная печать зорко слѣдила и постоянно лѣтописала все это широкое умственное движеніе, направленное къ всестороннему изученію народа, его настоящаго состоянія, его возможнаго развитія. Въ это то время и появился терминъ «народничество» и сначала онъ употреблялся и въ очень обширномъ значеніи и въ очень различныхъ значеніяхъ. Имѣя въ виду, что центромъ вниманія общественной философіи шестидесятыхъ годовъ былъ народъ, надо было признать, что названіе придумано удачно и что оно и могло бы означать именно все это общественное міровоззрѣніе того времени и вышедшихъ изъ него теченій. Тогда же, однако, появились попытки конфисковать его въ пользу какой либо маленькой фракціи. Особенно хлопоталъ объ этомъ покойный Юзовъ. Не очень это ему удалось, и не очень можно было и слушаться этими хлопотами, если въ самомъ дѣлѣ обозначеніе это представляло удобство для обособленія цѣлой опредѣленной литературной группы. Начали появляться, однако и другіе, болѣе опасные диссонансы. Исходя изъ экономическаго матерьялизма, т. е. изъ доктрины первенствующаго значенія экономіи, нѣкоторые «народники» приносили въ жертву всякой даже не существенной экономической выгодѣ народа всѣ остальныя стороны жизни и развитія народнаго и общественнаго.

Современное народничество въ значительной степени соотвѣтственно современному экономическому матерьялизму, хотя повидимому и состоитъ съ нимъ въ самомъ крайнемъ противурѣчіи. Начать съ того, что и народники и матерьялисты придаютъ исключительно большое значеніе экономикѣ національной жизни. Далѣе и тѣ и другіе впадаютъ въ исключительность, одни рекомендуя исключительно самобытность, другіе исключительно заимствованіе. Для однихъ традиціонная община такъ же паладіумъ, какъ для другихъ капитализмъ. Тѣ и другіе страдаютъ своего рода историческимъ дальтонизмомъ, не видя или не желая видѣть цѣ-

ій и широкихъ проблеммъ, не допускаютъ возможности капиталистическаго процесса у насъ. Другіе, ослѣпленные яркимъ маевомъ западно-европейскаго быта, упорно закрываютъ глаза передъ невозможностью такого же процвѣтанія капитализма у насъ. ѣ и другіе ищутъ выхода въ одностороннемъ исключительномъ ѣшеніи: *погибай все, лишь бы спасти экономическіе устои амостоятельнаго народнаго хозяйства*, восклицаютъ одни, не онимая, что со *всѣмъ другимъ* непремѣнно погибнутъ и эти устои; *усть раззоряется народъ, но да торжествуетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ высшая культура*, возглашаютъ другіе, не понимая, что раззорить народъ капитализмомъ возможно и у насъ, насадить высшую культуру, хотя бы даже такою цѣною, пожалуй, и не удастся. Оба теченія, полагая, что провозглашаютъ новое слово, въ сущности возвращаются къ односторонней исключительности западниковъ и славянофиловъ въ ихъ крайнемъ выраженіи *). Оба теченія являются порожденіемъ одного и того же факта. Откуда же гг. народники и гг. матерьялисты вносятъ много смуты въ нашу умственную атмосферу. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія и нравственныя обязанности личности передъ обществомъ и общества передъ личностью не должны отодвигаться на задній планъ ради тѣхъ или иныхъ экономическихъ задачъ; въ области же экономической соединеніе, а не разобщеніе факторовъ производства, и пользованіе для этой цѣли и богатымъ опытомъ Западной Европы, и готовыми условіями нашего экономическаго быта—эта формула такъ не сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далека и отъ матерьялистовъ, и отъ народниковъ.

Употребляя на послѣднихъ страницахъ названіе «народники» и «экономическіе матерьялисты», я прошу помнить, что примѣняю ихъ въ спеціальномъ ограниченномъ значеніи, не распространяя на всѣ тѣ умственныя наслоенія, которыя, по праву присваивая себѣ то или другое наименованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ не становятся въ противурѣчіе съ только что высказанною формулою. Я считаю за честь работать вмѣстѣ съ такими писателями, какъ гг. Николай—онъ и Н. А. Карышевъ, хотя ни того, ни другого нельзя причислить къ соціологической школѣ. Съ такими экономистами намъ размежевываться не приходится. Нѣкоторое философское разномысліе не мѣшаетъ общественной соли-

*) Этотъ возвратъ къ старинѣ сказывается даже въ терминологіи. Такъ г. В. В. съ укоризною называетъ своихъ противниковъ «западниками», а г. Струве извитъ меня именемъ «націоналиста». Любопытно отмѣтить, что изъ живущихъ русскихъ писателей навѣрное нѣтъ другого, который бы писалъ противъ націонализма такъ много и систематически, какъ авторъ этихъ строкъ... И тѣмъ не менѣе? Здѣсь дѣло даже не въ недобросовѣстности. Г. Струве просто невольникъ своего положенія, которое его обязываетъ.

дарности. Нѣкоторое философское разномысліе не можетъ вѣдь не существовать и въ средѣ каждой школы, тѣмъ болѣе между смежными и родственными школами. Быть можетъ, мнѣ пора сказать нѣсколько словъ объ одномъ такомъ разномысліи между мною и однимъ изъ ближайшихъ руководителей «Русскаго Богатства». Я разумѣю вопросъ о субъективномъ методѣ въ соціологіи, защитѣ котораго въ послѣднее время посвящены были нѣкоторыя страницы одного изъ литературныхъ фельетоновъ Н. К. Михайловскаго. Лѣтъ двадцать тому назадъ я въ «Знаніи» возражалъ противъ субъективнаго метода. Вообще я не думаю, чтобы это разногласіе въ вопросѣ о методѣ, если-бы оно и было даже полное, было существеннымъ разномысліемъ. Всетаки не лишнее будетъ указать предѣлы разномыслія и мое отношеніе къ возобновившейся полемикѣ.

Изучая разнообразную и не всегда солидарную аргументацію сторонниковъ субъективнаго метода, я нахожу возможнымъ извлечь оттуда два основныхъ положенія: 1) во всякое соціологическое изслѣдованіе или построеніе должно сознательно вводить нравственный элементъ, и 2) какъ это введеніе въ изслѣдованіе нравственнаго элемента, такъ и сами свойства общественныхъ явленій обусловливаютъ необходимость мыслительнаго процесса, существенно отличающагося отъ мыслительнаго процесса, который принятъ другими науками, и заключающагося въ томъ, что въ немъ участвуетъ не только логика, одинаковая для всѣхъ, но и другія психологическія образованія напр., (долгъ), субъективно различествующія. Прошу извиненія, если допустилъ какую либо неточность въ формулировкѣ, но я вѣдь не имѣю въ виду критиковать это ученіе. Можно еще сказать, что второе положеніе включаетъ въ себя и первое. Совершенно вѣрно, но для меня важно было выдѣлить первое положеніе, чтобы сказать, что это та часть ученія сторонниковъ субъективнаго метода, которую я вполнѣ одобряю и которую никогда не оспаривалъ. Ею же, повидимому, болѣе всего дорожатъ гг. Михайловскій и Карѣевъ. На всестороннее развитіе распространенной формулы второго положенія обращалъ больше вниманія только авторъ «Историческихъ Писемъ». Быть можетъ, недалеко отъ моего взгляда былъ г. Лесевичъ, когда писалъ, что надо говорить не о субъективномъ *методѣ*, а о субъективной *точкѣ зрѣнія*. Если бы г. Лесевичъ сказалъ «объ *этической* точкѣ зрѣнія», я счелъ бы себя совершенно съ нимъ согласнымъ. Если же я прибавлю къ этому, что всѣ новѣйшія нападки на субъективный методъ со стороны гг. Слонимскаго, Струве, Бельтова и другихъ направляются не противъ второго положенія, а противъ перваго, которое я признаю и которое и пришлось недавно защищать г. Михайловскому, мнѣ не трудно уже указать, что въ этой полемикѣ въ существенномъ я согласенъ (и всегда былъ согласенъ) именно съ послѣ

разумѣнія прибавлю еще одно маленькое поясненіе.

Я вполнѣ солидаренъ съ сторонниками субъективнаго метода, когда они настаиваютъ на необходимости введенія нравственнаго элемента въ соціологическое изслѣдованіе, и тѣмъ не менѣе я не причисляю себя къ сторонникамъ субъективнаго метода. Дѣло въ томъ, что нравственный элементъ есть величина сложная. Можно говорить о нравственномъ *міровоззрѣніи* и о нравственной *природѣ*, о нравственныхъ *идеяхъ* и о нравственныхъ *чувствахъ*. Что же должно участвовать въ соціологическомъ трудѣ (замѣтьте, въ соціологическомъ, а не публицистическомъ или политическомъ), нравственныя идеи или нравственныя чувства? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы можемъ разномыслить: я ограничиваюсь идеями. Нравственныя идеи подлежатъ общему логическому суду и критическому анализу; нравственныя чувства субъективны (по крайней мѣрѣ, отчасти)... Поэтому я говорю объ этическомъ элементѣ, а не о субъективномъ... Да проститъ мнѣ читатель это маленькое отступленіе pro domo sua. Теперь возвратимся къ сюжету. Мы можемъ уже подвести итоги нашему обзору современнаго умственнаго движенія (конечно, не всего, а той его части, которой сегодня успѣли коснуться).

Явленіе, подготовлявшееся многіе годы съ тѣхъ поръ, какъ постепенно мелѣло общественное движеніе, сказалось въ настоящее время двумя характерными фактами: шумнымъ выходомъ экономическихъ матеріалистовъ и обособленіемъ группы народниковъ. То и другое произошло въ настоящій зимній сезонъ. Первое явленіе успѣло обрисоваться вполнѣ ярко; второе еще собирается сказать свое окончательное слово. Смыслъ и значеніе обоихъ, однако, достаточно ясны. Это шквалъ малодушнаго сомнѣнія въ творческихъ силахъ націи, набѣжавшій изъ нѣдръ общественной реакціи и на время омрачившій поверхность широкаго и глубокаго теченія умственной и общественной жизни, направленнаго на плодотворный трудъ для благоденствія, развитія и достоинства нашего стойкаго и бодраго и въ трудѣ, и въ невзгодѣ народа. Не будемъ же маловѣрами; вѣрою человѣкъ спасается. Но не будемъ и малодѣлами; «вѣра безъ дѣлъ мертва есть». А дѣла много, гораздо больше и серьезнѣе самой крикливой полемической шумихи.

С. Южаковъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за прошлый годъ сказано, что г. Антоновичу неизвѣстно, почему не удалось произвести Бѣлинскаго въ литературные генералы, т. е. похоронить рядомъ съ Тургеневымъ. Считаю своимъ долгомъ объяснить это дѣло.

Когда сестра моя, М. В. Бѣлинская, узнала изъ газетъ, что, за неимѣніемъ на кладбищѣ мѣста возлѣ ея мужа для могилы Тургенева, вздумали потревожить прахъ Бѣлинскаго, то тотчасъ же телеграфировала въ Петербургъ, что она не согласна на это; тѣмъ болѣе, что Бѣлинскій былъ положенъ въ деревянный, а не свинцовый гробъ, слѣдовательно и праха его не осталось. Гаевскому, который уговаривалъ ее согласиться на перенесеніе, она отвѣтила: «Для васъ это увлеченіе минуты, а для меня его могила—святыня, я не желаю, чтобы тревожили прахъ его».

Примите и проч.

Аграфена Орлова.

Издательницы: **Н. Михайловская.** **О. Попова.**

Редакторы: **П. Быковъ** **С. Поповъ**

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ вышедшихъ №№ за 94 г. помѣщены между прочимъ слѣд. статьи: 1. Изъ исторіи моего учительства (3 статьи), Викт. Острогорскаго. — 2. Школы и школьники XVII в., П. Каптерева. — 3. Письма о народной школѣ, А. Анастасіева.—4. Настоящее и будущее народ. учителя. И. Фесенко.—5. Наша учащаяся молодежь, А. Острогорскаго.—6. Объ экзаменахъ. В. Сиповскаго. — 7. Задачи народной школы, Вл. Куницкаго. — 6. Народн. школа и ея вліяніе на народъ, Его-же.—9) Начальное народное образованіе въ иностранныхъ государствахъ (4 статьи) Е. Страннолюбской.—40. Новыя педагогическія движенія на Западѣ (5 статей) Е. Страннолюбской и Е. Максимовой.—43. Въ борьбѣ за школу, Д. Семенова. Научно-популярныя статьи. — 42. Этюды по философіи наукъ, А. Лаланда (съ франц.) (7 статей). — 43. Теорія прогресса по Кондорсе, Е. Литвиновой. — 44. Психическія свойства женщинъ (5 лекцій), П. Каптерева.— 45. Задачи нравственной философіи, проф. Циглера, перев. А. Острогорскаго.—46. Происхожденіе нравственности, Его-же.—47. Что такое нравственность, Его-же.—44. Долгъ и добродѣтель, Его-же.—19. Развитіе рѣчи и мышленіе у ребенка, по Прейеру.—20. Способы самозащиты организма. Ш. Рише.—24. Микробы и значеніе ихъ, С. Я.—22. Пища въ школьномъ возрастѣ, д-ра Виреніуса. Сверхъ того статьи по школьнымъ вопросамъ. (О грамматикѣ въ народной школѣ, Е. А. Чебышевой-Дмитріевой.—Народныя книги, Е. Свѣшниковой.—Натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ, В. Н. Фармаковскаго и др.). Всего помѣщено болѣе 40 статей. Мелкихъ сообщеній болѣе 450 до 400 рецензій и болѣе 400 сообщеній изъ области знаній. Въ приложеніи къ журналу книга проф. Моссо «Физич. воспитаніе юношества» (съ итальянск. яз.). Особенное вниманіе обращается на начальное народное образованіе.

Подписка на 1894 г. прекращена за расходомъ всѣхъ экземпляровъ. За 1892 и 93 гг. имѣется десятка два экземпляровъ. Ц. по 5 руб. въ пересылкой.

НА 1895 ГОДЪ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Цѣна за годъ, т.-е. за 12 №№, съ доставкою пять рублей. Для народныхъ учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока. Земства, выписывающія не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою 10 процентовъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ гл. конторѣ редакціи (Гороховая, д. 18), а также въ кн. маг. Фену и «Нов. Времени». Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ гл. контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Д. СИПОВСКІЙ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ январьскій (№ 45) номеръ журнала

АРТИСТЪ.

Содержаніе: О ненормальности устройства современныхъ художественныхъ выставокъ. П. А. Нилуса. Очеркъ развитія «романса» въ Россіи. Ц. А. Кюи. Драмы, приписываемыя Шекспиру. I. Іоркширская трагедія, проф. Н. Стороженка. Тенета, ром. А. Лугового. Н. Н. Ге. Г. Мясоѣдова. В. Г. Короленко, ст. В. А. Гольцева, Жизнь за Царя, ст. Н. Кашкина. Театральн. ошибки. Суфлеръ. Д. Гарина. Объединенная Германія на поприщѣ художеств. творчества. И. И. Счастье, ром. Г. Мачтета. Наблюденія и замѣтки о художествен. творчествѣ Микель-Анджело. А. Федорова. М. П. Садовскій. Н. Эфроса. Скульптура города Танагры (съ 7 рисунками), проф. И. Цвѣтаева. Воспоминанія артиста Имп. театровъ. Т. А. Стуколкина. Народная грузинская пѣсня. М. М. Ипполитова-Иванова. 12 грузинскихъ мелодій. Замѣтки читателя: Вырождающееся общество. Ив. Иванова: Современное обозрѣніе. Корреспонденціи. Хроника. «Золото». ком. въ 5 д. Вл. И. Немировича-Данченко. «Воробьи», карт. Прянишникова, Фототипія Шерера и Набгольца. «Терекъ», карт. А. Киселева, Фототипія Шерера и Набгольца. Портретъ Н. Н. Ге, рис. перомъ Н. Ярошенко, Фототипія Шереръ и Набгольцъ. »Царевичъ Алексѣй», карт. Н. Н. Ге съ его офорта. Фототипія Т-ва Кушнеревъ и К°. Портретъ М. П. Садовскаго, Фототипія К. А. Фишеръ. Рисунки, заставки и виньетки В. Максимова, К. Савицкаго Н. Соболева, В. Переплетчикова, А. Шильдера и др., работы Ангерера и Гешль въ Вѣнѣ.

Продолжается подписка на 1895 г. (г. 7-й).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	Безъ дост.	Съ перес.	За границу.
На годъ	10 р.	12 р.	14 р.
На полгода	6 р.	7 р.	8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и затѣмъ ежемѣсячно не менѣе 1 руб. до полн. упл. всей подписн. суммы. Отдѣльные №№ «Артиста» по 2 руб.

Редакція (тел. № 890) и гл. контора (тел. № 1490) журнала «Артистъ»— у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ. Отдѣленіе конторы въ кн. магазинѣ журнала «Артистъ»—Петровскія линіи, маг. б. Прянишникова.

ГОДЪ XI-ЫЙ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ГОДЪ XI-ЫЙ.

НА

РУССКІЙ ХИРУРГИЧЕСКІЙ АРХИВЪ

(продолженіе «Хирургическаго Вѣстника»),

который будетъ выходить 4 раза въ годъ, книжками не менѣе 15 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: I) Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи и родственнымъ ей спеціальностямъ. II) Критика и библіографія (включая, по возможности и обзоры текущей литературы по отдѣльнымъ вопросамъ хирургіи). III) Объявленія.

Цѣна съ пересылкой за годъ 7 рублей.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи (С.-Петербургъ, Знаменская, 43) ежедневно отъ 12 до 2 час.

Редакторъ-издатель *Н. А. Вельяминовъ.*

на новый еженедѣльный журналъ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Въ составъ 1 пяти №№, вышедшихъ въ теченіе января 1895 г., вошли, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отъ редакціи (задачи и цѣли изданія).—Литература вырожденія (I—III).—Тенденція въ беллетристикѣ и наукѣ.—Культъ любви въ беллетристикѣ.—Праздникъ литературы.—О фельетонѣ. Ст. А. В. Круглова.

Журнальное обозрѣніе. Беллетристика: Смертный бой (пов. И. Потапенко), Танькина карьера (ром. Н. Северина).—Люди-братья (разск. З. Гиппіусъ).—Карма (инд. сказка, пер. и пред. гр. Л. Н. Толстого).—Кружнымъ путемъ (ром. Н. Зинина).—Ходокъ. (ром. П. Д. Боборыкина).—Расплата (ром. В. Свѣтлова). Стихотворенія: Два голоса (Я. Полонскаго).—Городъ смерти (Н. Минскаго).—Родина (Д. Мережковскаго).—Святая пора (А. Жемчужникова).—Посм. стихотворенія Н. М. Ядринцева. Научныя и критическія статьи: Психич. свойства женщинъ (П. Каптерева).—Художники и литераторы (ст. И. Рѣпина, В. Новицкаго и В. Верещагина).—Нравств. основы общества (Всев. Соловьева).—О любительствѣ въ музыкѣ (В. Гутора).—Противорѣчія эмпирич. нравственности (ст. гр. Л. Н. Толстого).—Задачи скульптуры (Н. Шервуда). Гончаровъ объ искусствѣ и романѣ «Обрывъ».—По поводу ст. Л. Н. Толстого (М. Ф.)—Беранже и его пѣсни (А. Веселовскаго). Изъ прошлаго: Герценъ и поляки.—Московскіе врачи.—Князь-отшельникъ.—Отступникъ отъ православія. Придворные нравы при Павлѣ I.—Письма М. Е. Салтыкова.—Литераторы 60 годовъ.—Тотлебенъ и Скобелевъ. Юмористика: Всероссійскій культъ водки (В. Буренина).—Карты и общество (Буквы).—Наша прислуга.—Судъ надъ Грибоѣдовымъ.

Кромѣ того въ каждомъ № дается: перечень важнѣйшихъ журнальныхъ статей съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія и характерныхъ мѣстъ (въ 1 пяти №№ разсмотрѣно 20 изданій съ указ. 95 статей); книжная лѣтопись: Библіографія (38 кн.) и свѣдѣнія о лучшихъ изъ вновь выход. книгъ съ обозн. числа стр., цѣны и гдѣ нужно содержаніе (указ. 105 книгъ); Литературныя и научныя новости, отвѣты редакціи и проч.

Задача новаго изданія—путемъ обзора всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся новинокъ русск. литературы помочь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особыя заботы о томъ, чтобы №№ новаго изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала.

Изъ журналовъ обозрѣваются не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные иллюстрированные, а также и ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣтится что-либо выдающееся или интересное въ литературномъ отношеніи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на годъ пять руб., на полгода три руб. За границу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка при подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ маѣ.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10, кв. 10.

Редакторъ-издатель *И. В. Скворцовъ.*

ЗНАНІЙ

СЧЕТОВОДСТВО

(Годъ VIII-ой).

Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Премированъ золотою медалью 1-й ст. на международной выставкѣ по счетоводству въ Генуѣ. Удостоенъ первой награды (поч. дипломъ) на Лионскомъ международномъ конкурсѣ по счетоводству.

Редакторъ-Издатель Адольфъ Марковичъ Вольфъ.

Учред.-завѣд. «1-го въ С.-Петербургѣ Бухгалтерскаго Кабинета».

Программа: I) Значеніе счетоводства. II) Исторія и теорія счетоводства. III) Коммерческія знанія. IV) Финансовыя знанія. V) Практическій отдѣлъ. VI) Разборъ и разъясненіе отчетовъ. VII) Библіографія. VIII) Судебный отдѣлъ. IX) Темы и задачи. X) Устройство конторъ (съ рисунками и политипажами). XI) Смѣсь и справочный отдѣлъ. XII) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе наиболѣе выдающіеся спеціалисты по предм. программы журнала.

Счетоводство торгово-промышленныхъ предпріятій, сельско-хоз., жел. дор. и проч.

Подписчикамъ даются отвѣты на вопросы изъ счетоводной практики.

Подписная цѣна на годъ съ Января съ перес. 6 руб. загран. 8 руб.

Годовые подписчики 1895 г. получатъ безплатное приложеніе «Руководство фабричнаго счетоводства».

Всѣ №№ 1889—1894 гг. по 6 рублей.

БОГАТЫЙ НАУЧНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ.

Подробная программа съ оглавленіемъ статей за прошлые гг. высылается безплатно.

Контора и редакція: Спб., Невскій пр., д. № 64.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895 г.**

на общественно-литературную газету

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ предстоящемъ году содержаніе газеты будетъ пополнено торговымъ отдѣломъ и особое вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ областной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою—на годъ 4 р., девять мѣс.—3 р., полгода 2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс. 75 к.

Безъ доставки и пересылки—на годъ—3 р., девять мѣс.—2 р. 50 к., полгода—2 р., 3 мѣс.—1 р. и 1 мѣс.—50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор. Минскѣ губ.

ВОСХОДЪ.

I) Женитьба Мейеровича. Повѣсть С. О. Ярошевскаго.—II) Дочь философа. Разсказъ. Макса Ринга.—III) Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи А. Брагина.—IV) Положеніе о евреяхъ 1804 года. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника. На основаніи источниковъ. Проф. С. А. Бершадскаго.—V) Рандульфъ и Бернардъ. Изъ хроникъ XII вѣка. Поэма въ стихахъ Аполлона Коринфскаго.—VI) Сендеръ Глатейзъ. Романъ. К. Э. Францоза.—VII) Историческія сообщенія. Жертвы ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Ленчицѣ въ 1636—39 г. С. М. Дубнова.—VIII. Bet-almin. (Эпитафіи). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.—IX) На новый годъ. Стихотвореніе. Х. Зингера. X) О древности іудейскаго народа. Противъ Апіона. Сочин. Флавія Іосифа, перев. съ греческаго Я. И. Израэльсона. (Въ особ. приложеніи въ концѣ книги).—Современная лѣтопись. XI) Послѣдніе годы воложинскаго ешибота. Очерки съ натуры. М. Рывкина.—Литературная лѣтопись. XII) Охранители старины. Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѳ. Шугурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5). Критикуса.—XIII) Библіографія. Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «Поэтъ и купецъ» Б. Ауэрбаха, сдѣланный И. Х. Тавьевымъ. Изданіе «Ахіасафа», въ 2 частяхъ. Варшава, 1893—94 г. С. М.—XIV) За прошлый годъ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссіи графа Палена и фонъ-Плеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Раввинская коммиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ пріостановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда.—Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ. Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе. Л. З.—XV) Объявленія.

Цѣна за годъ журнала «ВОСХОДЪ» и «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» **10** р., на полгода **6** р., на 3 мѣс. **3** р. За-границей на годъ **12** р., на полгода **7** р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **4** р., къ 1 марта **3** р., и къ 1 іюля **3** р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи. С.-Петербургъ, Театральная Площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

Новые подписчики получаютъ безплатно 1 часть романа К. Е. Францоза «Сендеръ Глатейзъ», составляющую книгу въ 20 печатныхъ листовъ слишкомъ. Но при этомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе шести руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

Редакторъ-издатель А. Ландау.

НА

ПОЛИТИЧЕСКО - ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТ
НУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТ

„Бессарабскій Вѣстн

ВЫХОДЯЩУЮ ЕЖЕДНЕВНО КРОМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗД

1-го Сентября 1894 года «Бессарабскому Вѣстнику» мн
со времени появленія перваго его номера.

Приступая къ шестому году печатанія нашей газеты,
нравственнымъ долгомъ извиниться передъ нашими подпи
вольныхъ ошибкахъ и промахахъ, столь свойственныхъ
ежедневному изданію, успѣхъ котораго зачастую зависит
наго множества какъ прямыхъ, такъ равно и косвенныхъ
ніе которыхъ возможно лишь путемъ всеисправляющаго
ослабѣвающихъ усилій и трудовъ.

Что мы за время нашего редактированія «Бессар. Вѣ
этихъ трудовъ и усилій,—въ этомъ подписчики наши мо
развернувъ любой номеръ теперешней нашей газеты.

Новая типографія, разнообразнѣйшій шрифтъ и спеці
нашей выписанная бумага, во многомъ измѣнивъ внѣшній
Вѣстн.»,—даютъ ему полное право поставить себя въ ряд
винціальныхъ газетъ.

Что же касается внутренняго содержанія газеты, —
смыслѣ мы работали не покладая рукъ и вправѣ сказат
купности все то, что по мѣрѣ нашихъ силъ и силъ наш
ковъ разрабатывалось на страницахъ «Бес. Вѣстн.», все
краевое, мѣстное и необходимое, такъ или иначе близкіе
вопросы, требовавшіе добросовѣстной нашей разработки.

Всякаго рода матеріаламъ «краеваго отдѣла» мы все
имущество предъ матеріалами общаго характера и напр
смѣемъ думать, подписчики на насъ не посѣтуютъ.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ высказать нашим

Въ заключеніе можемъ лишь добавить, что въ смыс
совершенствованій нашего изданія мы и впредь будемъ
кладая рукъ въ надеждѣ на успѣхъ и помощь Божію. Е
наши будутъ довольны нашей дѣятельностью, то это по
дакціи полнѣйшимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 8 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р., на
одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ г. Кишиневѣ, Бессарабск
Кіевской и Купеческой, домъ № 61-й.

Издатель и Редакторъ И. Г

на
общественную и литературную газету

„Оренбургскій Листокъ“

XX-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края.

II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и изъ телеграммъ «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края.

IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ.

V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи.

VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія.

VII) Безплатное приложеніе къ «Оренбургскому Листку»

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ 5 руб. съ доставкою и съ пересылкою 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица.

Редакторъ-издатель Ив. Евфимовскій-Мировицкій.

ЭТЮДЫ и ОЧЕРКИ

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Э. К. ВАТСОНА.

Цѣна 2 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала «Русское Богатство».

Складъ у издательницы М. В. Ватсонъ, С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 9, кв. 4.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

будетъ выходить новая газета

„ВЯТСКІЙ КРАЙ“

Программа газеты общая со всѣми общественно-литературными изданіями этого рода.

Газета имѣетъ цѣлью: изученіе нуждъ Вятско-Камскаго края, указаніе средствъ къ поднятію его благосостоянія и выясненіе тѣхъ общихъ вопросовъ, правильныя постановка и рѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Подписка принимается въ г. Вяткѣ въ редакціи «ВЯТСКАГО КРАЯ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна годоваго изданія 5 р.;—до конца 1895 года 4 р. 50 к.;—за полгода 3 р.;—за два мѣсяца 2 р. 50 к.

Объявленія (исключительно на послѣдней страницѣ): за 1 разъ 10 к. за 2 раза 15 к., за три раза 20 к.—за строку петита.

Редакторъ А. П. ЛАШКЕВИЧЪ.

Въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ»

С. Я. НАДСОНЪ.

Литературные очерки (1883—1886 г.)

съ портретомъ автора.

Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала «Русское Богатство». СПБ., Бассейная, 10).

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. Поповой.

НА РАСПУТЬИ

С. Н. Кривенко.

(Культурные скиты и культурные одиночки).

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

IV-й годъ изданія.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13 — 14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой — пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина-Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Лугового; «Князь и кметы», историческій романъ Крашевскаго: «Таинственная исторія», романъ Оноре Бальзака; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. И. Бородина; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. Н. Холодковскаго, «Мозгъ и мысль», проф. Челпанова; «Неорганическій міръ» (съ рисунками), очерки В. Агафонова; «Основы психологіи» съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; «Исторія цивилизаціи до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), Дюкудрэ, перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго; «Очерки русской культуры» проф. Н. Милюкова; «Біографія Ив. Серг. Тургенева» (съ нѣск. портрет.), Ив. Иванова; «Изъ исторіи прессы» А. Слѣпцова; Маркъ Аврелій», очеркъ И. Краснoперова; «Добрые обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), Ф. Щербины; «Очерки народнаго труда», Н. Мурашкинцева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой—7 р., безъ доставки—6 р., заграницу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

(семнадцатый годъ изданія).

на еженедѣльную политическую и литературную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 №№ въ годъ).

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 6 р. || На полгода . . . 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе какъ НА ГОДЪ со дня подписки по 1-е января 1895 г. получаютъ газету БЕЗПЛАТНО. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ НАЧАЛЬНЫХЪ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ, именно: за годъ **4** рубля, за полгода **2** руб. **50** коп.

Втеченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни. 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Пріуралья и Сибири. 5) Статьи научнаго содержанія. 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Пріуралья и Зауралья. 7) По Россіи. 8) За-границей. 9) Изъ газетъ. 10) Политическое обозрѣніе. 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ. 12) Критика и библіографія. 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и ученыхъ обществъ Пермской губерніи. 14) Фельетонъ. 15) Литературный отдѣлъ (повѣсти, разсказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія). 16) Смѣсь. 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія свѣдѣнія. 18) Объявленія. 19) Приложеніе: «Записки Уральскаго общества любителей естествознанія».

Втеченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Екатеринбургской Недѣли», по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго спеціально для «Екатеринбургской Недѣли».

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. **Редакторъ П. Н. Галинъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„НАУЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Въ 1895 г. «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» будетъ выходить по прежней программѣ и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Объемъ журнала нѣсколько расширяется, вслѣдствіе измѣненій, которыя произойдутъ въ составѣ «Приложеній». Редакція рѣшилась дать

Въ «Приложеніяхъ» будутъ даны капитальныя сочиненія по разнымъ отдѣламъ наукъ. Съ этою цѣлью нами пріобрѣтены уже переводы слѣдующихъ сочиненій:

1) **Чарльзъ Дарвинъ.** Естественный подборъ. Перев. съ послѣдняго (шестого) англ. изданія.

Замѣтимъ, что переводъ А. Рачинскаго, не имѣющійся болѣе въ продажѣ, былъ сдѣланъ съ перваго изданія, впослѣдствіи значительно дополненнаго и измѣненнаго Дарвиномъ.

2) **Рибо.** Современная германская психологія. Еще не была переведена на русскій языкъ; была переведена П. Боборыкинымъ «Англійская психологія» того же автора.

3) **Уэббъ.** Астрономическіе объекты для любительскихъ телескоповъ.

Переводъ съ послѣдняго (пятаго) англ. изданія, недавно вышедшаго. Это сочиненіе стало въ Англіи классическимъ. Оно содержитъ подробное описаніе того, что можно наблюдать съ помощью слабыхъ увеличеній, а частью и простымъ глазомъ.

Что касается изложенія, мы сдѣлаемъ все, что только возможно съ цѣлью общедоступности, насколько это не въ ущербъ научному направленію журнала. (Между прочимъ предположено дать краткій словарь научныхъ терминовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **семь** руб. съ перес. и доставкою. Заграницу **десять** рублей. На полгода: **4** руб., на четверть года (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября) **2** руб. съ перес. и доставкою. На четверть года можно подписываться только въ главной конторѣ. При обращеніи въ **редакцію** допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній взносъ былъ сдѣланъ не позднѣе 1 сентября.

Адресъ ред. и главной конторы. С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24

Ред.-Изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ.**

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 15-ти листовъ. Первая книга выйдетъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подписвѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкой до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10 проц.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной конторѣ съ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція «Журнала Министерства Юстиціи», С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной
Профессоръ Н. Сергѣевскій.

1*

НОВАГО ЖУРНАЛА

ПОСВЯЩЕННАГО ВОПРОСАМЪ КРИТИКИ И БИБЛІОГРАФІИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Задача новаго изданія — путемъ критико-библіографическаго разбора всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся и интересныхъ новинокъ русской литературы помочь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены будутъ особыя заботы о томъ, чтобы №№ новаго изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ составъ журнала войдутъ между прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Руководящія литературно-критическія и научныя статьи общаго характера, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ.

2) Журнальное обозрѣніе. Разборъ статей и произведеній изящной словесности, появляющихся въ періодической печати. При этомъ будутъ обозрѣваемы не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные и иллюстрированные журналы, а также и ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣтится что либо выдающееся или интересное въ литературномъ *отношеніи*.

3) Книжная лѣтопись. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ.

4) Смѣсь. Мелкія статьи и замѣтки. Литературныя и научныя новости. Біографіи выдающихся дѣятелей литературы и науки. Свѣдѣнія о всѣхъ вновь выходящихъ достойныхъ вниманія книгахъ (съ указаніемъ ихъ формата, числа страницъ, цѣны и пр.). Перечень журнальныхъ статей.

5) Отвѣты редакціи.

6) Объявленія исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще произведеніяхъ печати.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, начиная съ 1-го января 1895 года, нумерами, заключающими въ себѣ (смотря по количеству матеріала, подлежащаго обзору) отъ 32 до 64 и болѣе столбцовъ текста.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ пять руб., на полгода три руб. Заграницу на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ Маѣ.

Адресъ редакціи и конторы С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10. кв. 10, Иногородные обращаются исключительно по указанному адресу; отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается кромѣ конторы редакціи (открыта ежедн. отъ 12 до 3 ч. пополудни) также въ лучшихъ кн. магазинахъ столицы).

Чрезъ редакцію можно выписывать слѣдующія книги, сост. И. В. Скворцовымъ: 1) Статьи и изслѣдованія (1876—1892 г.) по вопросамъ политики, общественной жизни и литературы. Спб. 1894 г. ч. I., ц. 1 р. 35 к. съ пер. 2) Въ области практической философіи ц. 60 коп. съ пер. 3) Записки по педагогикѣ Изд. 4 е Спб. 1893. (Складъ при кн. маг. Думнова, ц. 1 р. 4) Русская исторія т. I. (до Іоанна III) Спб. 1894. ц. 1 р. 25 коп. съ пер. Мелочь можно прилагать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **И. В. Скворцовъ.**

на общественную, политическую и литературную

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КУРЯНИНЪ“

ВЪ ГОРОДѢ КУРСКѢ.

(III годъ изданія).

ЦѢНА 7 РУБЛЕЙ ВЪ ГОДЪ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ и послѣ праздничныхъ дней; въ эти дни будутъ **разсылаться** подписчикамъ **ежедневныя телеграммы**. Стремленіе доставить возможность сельскимъ учителямъ и церковнослужителямъ имѣть доступную по цѣнѣ и разнообразную по содержанію газету побуждаетъ редакцію удѣлять значительную долю вниманія всѣмъ вопросамъ педагогическаго дѣла и духовнаго вѣдомства.

Подписная цѣна годовому изданію съ пересылкой—**7** р.; полугодовому—**4** р.; допускается разсрочка платежей помѣсячно. Лицамъ, подписавшимся на годовое изданіе, газета будетъ высылаться немедленно, а съ января 1895 года и телеграммы. Одновременно всѣмъ ГОДОВЫМЪ подписчикамъ будетъ выслано по экземпляру книжекъ съ выдающимися статьями газеты «Курянинъ» за 1893 и 1894 гг.

Подписка принимается по цѣнамъ редакцій на всѣ столичныя и провинціальныя газеты и другія періодическія изданія въ редакціи, по 1-й Сергіевской улицѣ, въ д. Андреевой, противъ 1-й полиц. части.

Плата за иногороднія объявленія на 1-й страницѣ 20 к., на 4-й стр. 15 коп. за строку петита.

Всѣ объявленія, помѣщенныя въ газетѣ «Курянинъ», будутъ расклеиваться и на городскихъ колоннахъ въ теченіи 5-ти дней.

Редакторъ-издатель Ѳед. Гр. Подоба.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СТАВРОПОЛѢ-КАВКАЗСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

XI г. изданія. **СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,** XI г. изданія.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	р.	к.	Съ доставкой и пересылкой:	р.	к.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

= Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей. =

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція «Сѣвернаго Кавказа».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Знамя газеты: Люди — братья; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества — вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой для иногороднихъ: на годъ — 9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца — 3 р., одинъ мѣсяцъ — 1 р.; для городскихъ — 8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода — 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, и на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ — при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

XI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г. XI г.

на газету

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ИЗДАЮЩІЙСЯ ВЪ ТОМСКѢ.

Въ 1895 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

годъ **9** р., 1/2 года **4** р. **50** к., 3 мѣс. **2** р. **25** к., 1 мѣс. **75**

Подписка принимается въ Томскѣ въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и заграницы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другія города

На годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

Для ознакомленія—газеты высылаются №№ безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ — за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Адресъ редакціи: г. Орелъ, Зиновьевская улица, д. № 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ТИФЛИССКУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

«НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкой.

На 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.		На 6 мѣсяцевъ	6 р. — к.
11 »	9 » 50 »		» 5 »	5 » 25 »
10 »	8 » 75 »		» 4 »	4 » 75 »
9 »	8 » — »		» 3 »	3 » 50 »
8 »	7 » 25 »		» 2 »	2 » 75 »
7 »	6 » 50 »		» 1 »	1 » 50 »

За границу: на годъ — 17 р., на полгода — 9 р., на три мѣсяца — 5 руб. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа любого мѣсяца).

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится — 3 р., къ 1-му марта — 2 р., къ 1-му мая — 3 р. и къ 1-му сентября — 2 р.

Гг. иногородные обращаются по слѣдующему адресу: ТИФЛИСЪ, въ редакцію газеты «Новое Обозрѣніе».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА

«ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ»

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою **семь руб.**

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** р. и къ 1-му апрѣля—остальные, **3** рубля.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. — Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ. — Вѣсти и слухи. — Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).— Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.). — Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ. — Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія). — Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія). — Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ «Юридической Газетѣ» въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика» и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязан сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаг мѣста или должностного лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстом или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ ил другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себ и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

«СТЕПНОЙ КРАЙ»

Газета выходитъ въ ОМСКѢ два раза въ недѣлю: по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ и ЧЕТВЕРГАМЪ, а въ остальные дни (кромѣ неприсутственныхъ) подписчики получаютъ телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическому, этнографическому, санитарному и др. 4) Фельетонъ: повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр. 5) Отчеты о засѣданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ учрежденій, городской думы и ученыхъ обществъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденціи. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое движеніе. 12) Метеорологическія наблюденія въ Степномъ краѣ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія. 15) Частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ (съ телеграммами); За годъ — 7 р. 50 к.; за полгода — 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца — 3 р.; за 1 мѣсяцъ — 2 р. Безъ телеграммъ: за годъ—5 р. 50 к.; за полгода—3 р. 50 к.; за 3 мѣсяца — 2 р. 50 к.; за 1 мѣсяцъ — 1 р. 50 к. ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ (съ телеграммами): за годъ — 7 р.; за полгода — 4 р.; за 3 мѣс. — 2 р. 50 к.; за 1 мѣсяцъ — 1 р. 50 к. Безъ телеграммъ: за годъ — 5 р.; за полгода — 3 р.; за 3 мѣс. — 2 р.; за 1 мѣсяцъ — 50 к.

Адресъ писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты «Степной Край».

Издатель И. Г. Сунгуровъ. Редакторъ П. Б. Яшеровъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

«ВРАЧЪ»

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою же редакціею и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (С.-Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ 9 р.; за полгода 4 р. 50 коп.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя — Карла Леопольдовича Риккера (С.-Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

Издается съ 1889 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Изданія годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія и самообразованія. 52 №№ по 16 стран. журнальнаго формата съ иллюстраціями. 12 книгъ литературныхъ приложеній. Каждая книга 120—180 стр. съ рисунками.

Цѣна за годъ 4 р. безъ доставки. Съ доставкой на домъ и пересылкой по Россіи 5 р., за границу 8 р.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать БЕЗПЛАТНО СТОЛЬ ЦѢННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ»:

1) «Въ глубь Абиссиніи». Юрія Кази-Бека. 2) «Начало и конецъ міра». Ш. Ришара. 3) «Домашняя лабораторія». Ф. Федо. 4) «Письма изъ Африки». Генриха Сенкевича. Перев. съ польскаго. 5) «Астрономъ-любитель». Е. Предтеченскаго. 6) «Полярный міръ». Лебатейля. 7) «Телескопъ и микроскопъ». Цюрхера и Марголе. 8) «Комнатное цвѣтоводство». Ѳ. Медвѣдева. 9) «Чудеса растительнаго міра». Ф. Груздева. 10) «Спортъ во всѣ времена года». В. Семенова. 11) «Драгоцѣнные камни». И. Святскаго. 12) «Колоссы». Лебатейля.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «За гранью льдовъ». Большой историческій романъ въ трехъ частяхъ Н. Н. Соколова. «На рифѣ». Разсказъ Рейналя. «Таукъ». (Изъ записной книжки развѣдчика). Большой разсказъ изъ жизни первыхъ изслѣдователей Центральной Азіи Н. Н. Каразина, иллюстрированный самимъ авторомъ. «По роднымъ краямъ». Рядъ очерковъ извѣстнаго писателя В. А. Тихонова, посвященныхъ интереснѣйшимъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, съ иллюстраціями художниковъ В. Г. Казанцева, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго и И. И. Шишкина. «Поклонники діавола» и «Русскія колоніи въ Малой Азіи». Д-ра А. В. Елисѣева, съ иллюстраціями Э. К. Соколовскаго. «Вѣрить или не вѣрить?» Очерки В. В. Битнера. «На Сахалинѣ» и «По Алтаю». Проф. А. М. Никольскаго. «Жертвы моря». Разсказы о кораблекрушеніяхъ. А. Я. Максимова. «Дерево-людоѣдъ». Разсказъ В. П. Желиховской. «Очерки М. И. Пыляева», автора «Стараго Петербурга» и др. «Живая машина». Очеркъ І. І. Ясинскаго. «Призваніе доктора Чилищева». Разсказъ А. Е. Зарина. «Лагерная жизнь въ Бенгаліи». Живописные очерки и картины изъ индійской жизни и природы. В. Джонстонъ-Желиховской. «Величайшіе телескопы». Проф. С. П. фонъ-Глазенапа. «Небесныя явленія». Рядъ популярно-астрономическихъ очерковъ Е. А. Предтеченскаго. «Восьминогіе хищники». Очерки изъ жизни и нравовъ пауковъ. П. Вольногорскаго. «Метаморфозы земли». Очеркъ Камилла Фламмаріона. «Страна амазонокъ» и «Марокко». Живописные очерки, посвященные исторіи, природѣ и нравамъ жителей Дагомеи и Марокко. «Тайны цвѣтовъ». Очерки изъ жизни растеній. П. Вольногорскаго. «Самозащита растеній» и «Свѣтящіяся растенія». Очерки А. Карицкаго. «Народы-пигмеи» и «Волосатые люди». Очерки Д. А Коропчевскаго. «Три брата желѣзнаго вѣка» (желѣзо, сталь и чугунъ). Очеркъ И. Святскаго и мн др.

Контора и редакція журнала „ПРИРОДА и ЛЮДИ“

С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ С. Груздевъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февр. 1 р. и къ 1 мая остальные.

За 1889—1890 гг. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ въ брошюрованномъ видѣ СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ 4 р. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 р. Перес. съ налож. платеж. по вѣсу и разстоянію.

НА 1895 Г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ НА 1895 Г.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„РУССКАЯ МЕДИЦИНА"

(выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ по Воскресеньямъ).

Редакторы-издатели: приватъ-доцентъ Д. П. Косоротовъ и докторъ медицины И. Я. Ѳоминъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оффиціальныя извѣстія—перемѣны въ служебномъ персоналѣ врачей, Высочайшія награды и административныя распоряженія по медицинской части. 2) Оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины и по вопросамъ врачебнаго быта. 3) Лекціи русскихъ и иностранныхъ клиницистовъ. 4) Отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ. 5) Новости медицинской литературы; этотъ отдѣлъ посвященъ вопросамъ, могущимъ наиболѣе интересовать врача-практика. 6) Земско-медицинское дѣло. 7) Врачебная казуистика — описаніе замѣчательныхъ случаевъ изъ медицинской практики въ Россіи и заграницей. 8) Критика и библіографія. 9) Эпидеміологія и статистика—больничные отчеты и обозрѣнія по санитарному дѣлу. 10) Хроника и смѣсь — извѣстія, мелочи и слухи изъ медицинской жизни въ Россіи и заграницей. 11) Письма въ редакцію. 12) Объявленія.

Подписная цѣна: на годъ — 8 р.; на полугодіе — 4 р.; на три мѣсяца — 2 руб.

Авторы *оригинальныхъ статей* получаютъ 30 руб. за печатный листъ и 25 оттисковъ. Статьи, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, сохраняются въ теченіе полугода; для обратной высылки статей авторы благоволятъ прилагать соотвѣтственную сумму марками. Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Плата за *объявленія* — 15 коп. за строку петита (въ страницѣ 3 столбца.)

Адресъ редакціи: Фурштадтская улица, д. 10, кв. 10, входъ съ Друскеникскаго пер. Туда просятъ адресовать статьи и всякую переписку, не касающуюся хозяйственной части газеты. Редакція открыта отъ 10 до 12 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ; личные переговоры съ редакторомъ по *средамъ* и *субботамъ* въ тѣ же часы.

Адресъ конторы: Васильевскій островъ, Большой проспектъ, д. 71 (Биржевая больница). Туда просятъ обращаться по вопросамъ, касающимся хозяйственной части газеты — гонораръ, отдѣльные оттиски, подписка. Кромѣ того, подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Риккера (Невскій, 14), Петрова (Нижегородская, 15), Карбасникова (Литейный пр., 46) и въ конторѣ Метцль (Спб. и Москва). Иногородныхъ подписчиковъ покорнѣйше просятъ обращаться исключительно въ контору газеты «Русская Медицина» (Вас. О., Б. просп., д. 71). Контора открыта отъ 10 до 12 ч. утра ежедневно, кромѣ праздниковъ; телефонъ конторы—№ 3697 (Биржевая больница).

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ въ контору 40 к. почтовыми марками.

Въ случаѣ неполученія нумера газеты, заявленія должны быть посылаемы въ контору по полученіи слѣдующаго нумера.

О книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается безплатно объявленіе въ ближайшемъ № газеты.

Объявленія отъ лица врачей, ищущихъ мѣстъ, печатаются безплатно 3 раза.

Открыта подписка на 1895 г.

НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XVI годъ. **„ИГРУШЕЧКА“** XVI годъ.

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» **допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В.** канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА», вступая въ **шестнадцатый годъ изданія,** будетъ выходить по той же программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ и художниковъ.

Въ журналѣ помѣщаются повѣсти, разсказы, стихотворенія, статьи научнаго содержанія изъ жизни и природы, путешествія, статьи по исторіи, сказки, переводныя статьи съ европейскихъ языковъ. Ручной трудъ. Игры на воздухѣ и дома. Разсказы на **французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ** съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ

Годъ VII. **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“** Годъ VII.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» въ продолженіе года получатъ ОДНУ премію, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» ДВѢ преміи.

Особой подписки на отдѣлъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» нѣтъ.

Съ 1894 года выходитъ при журналѣ «ИГРУШЕЧКА», а также и по отдѣльной подпискѣ, особое педагогическое изданіе

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

Годъ 2-й.

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и элементарному обученію дѣтей. Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч. Обзоръ выдающихся книгъ по первоначальному воспитанію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки. Чертежи и объявленія.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: Д-ръ **С. П. Верекундовъ**, Д-ръ **А. С. Виреніусъ**, **М. М. Волкова** (женщ.-врачъ), **В. П. Воленсъ**, Д-ръ **Горяневскій**, Д-ръ **П. Д. Енько**, **С. С. Иванова** (женщ.-врачъ), **О. Ю. Каминская**, (женщ.-врачъ), Д-ръ **А. Г. Лаврентьевъ**, Проф. **П. Ф. Лесгафтъ**, **М. М. Манасеина**, Д-ръ **И. В. Маляревскій**, **Е. Х. Маляревская** (женщ.-врачъ), **А. Х. Образцова**, **Викторъ Острогорскій**, **А. Н. Паевская** (женщ.-врачъ), **Н. І. Паульсонъ**, **В. Португаловъ**, **Э. К. Пименова** (женщ.-врачъ), **Д. Д. Семеновъ**, **М. М. Соколова**, Проф. **И. Р. Тархановъ**, Проф. **В. Ф. Якубовичъ** и другіе.

Изданіе «На помощь матерямъ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, выпусками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:	въ Россіи.	За границу.
«Игрушечка» съ ОДНОЮ преміею	3 р.	5 руб.
«Игрушечка» съ отдѣломъ «Для Малютокъ» и ДВУМЯ преміями	5	7
«Игрушечка» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ»	5	7
«Игрушечка» съ отдѣломъ «для Малютокъ», ДВУМЯ преміями и съ изданіемъ «На помощь матерямъ».	7	9
Педагогическое изданіе «На помощь матерямъ».	3	5

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться со своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. ПѢШКОВА-ТОЛИВѢРОВА. Редакторъ В. П. ВОЛЕНСЪ.

„ВОЛГАРЬ"

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА И НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ.

Ежедневная газета «Волгарь» выходитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ежедневно, въ форматѣ большихъ изданій. Воскресные №№ «Волгаря» въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ съ иллюстраціями въ текстѣ.

ПРОГРАММА «ВОЛГАРЯ»:

1) «Передовыя статьи». 2) «Правительственныя извѣстія». Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью. 3) «Послѣдняя почта». Телеграфныя извѣстія и выдержки изъ спеціальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ. 4) «Телеграммы» внутреннія и заграничныя, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ и отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5) «Мѣстная хроника». 6) «Обо всемъ». Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни. 7) «Всероссійская выставка 1896 года». 8) «Фельетонъ». Повѣсти, разсказы и стихотворенія. 9) «Поволжскія вѣсти». Корреспонденціи изъ городовъ Поволжья. 10) «По роднымъ палестинамъ».—Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья. 11) «Внутреннія извѣстія». Административныя новости изъ Петербурга, а также сообщенія о выдающихся событіяхъ въ Россіи. 12) «Наблюденія и замѣтки». 13) «Театръ и музыка». 14) «Бѣга и скачки». 15) «Наука и искусство». 16) «Изъ прошлаго». Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п. 17) «Судебная хроника». 18) «Смѣсь». 19) «Заграничныя извѣстія». 20) «Письма въ редакцію». Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч. 21) «Биржевой отдѣлъ». 22) «Справочный отдѣлъ». 23) «Объявленія».

Изданіе «Волгаря» 1895 года будетъ въ значительной своей части посвящено интересамъ предстоящей Всероссійской выставки.

Подписная цѣна на газету «ВОЛГАРЬ» на 1895 годъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкою: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.,—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. Иногороднимъ съ пересылкою: на 12 мѣс.—8 р., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 2 м. — 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Цѣна печатанія казенныхъ и частныхъ объявленій: ниже текста по 10 коп. за строку мелкаго шрифта. Разсылка отдѣльныхъ объявленій, въ видѣ приложенія въ текстѣ, по 5 руб. за каждую тысячу экземпляровъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ редакціи «Волгаря» на Малой Покровкѣ и въ Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ на Нижнемъ базарѣ.

Редакторъ-издатель С. И. Жуковъ.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ,

имѣющій цѣлію — распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты). — 4) Хроника. — 5) Приложенія—литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. — 6) Объявленія.

Въ „Приложеніяхъ" между прочимъ будутъ напечатаны: «Мирная армія» (очерки изъ быта просвѣтителей деревни) А. В. Круглова. — «Наблюденія надъ жизнью дѣтей» (Письма къ другу) Скифа и друг.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ дост. и перес. 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородніхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-Издатель д-ръ Е. А. Покровскій.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго края» и извѣстія другихъ газетъ. XII Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справоч-

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.—11 р., на 11 м.—10 р. 50 к., на 10 м.—10 р., на 9 м.—9 р. 20 к., на 8 м.—8 р. 50 к., на 7 м.—7 р. 80 к., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р., на 4 м.—5 р., на 3 м.—4 р., на 2 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.—10 р., на 11 м.—9 р. 50 к., на 10 м.—9 р., на 9 м.—8 р. 25 к., на 8 м.—7 р. 50 к., на 7 м.—6 р. 75 к., на 6 м.—6 р., на 5 м.—5 р. 25 к., на 4 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—3 р. 40 к., на 2 м.—2 р. 40 к., на 1 м.—1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Титры.

Редакторъ-Издатель А. А. Іозефовичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1895 году

(33-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ остается при той же программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*

Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ	6 — 50 —	— 11 мѣсяцевъ	7 — — —
— 10 —	6 — — —	— 10 —	6 — 50 —
— 9 —	5 — 50 —	— 9 —	6 — — —
— 8 —	5 — — —	— 8 —	5 — 50 —
— 7 —	4 — 50 —	— 7 —	5 — — —
— 6 —	4 — — —	— 6 —	4 — 50 —
— 5 —	3 — 50 —	— 5 —	4 — — —
— 4 —	3 — — —	— 4 —	3 — 50 —
— 3 —	2 — 50 —	— 3 —	3 — — —
— 2 —	2 — — —	— 2 —	2 — 40 —
— 1 —	1 — — —	— 1 —	1 — 20 —

первые вносятъ: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.; иногородные: при подпискѣ 4 р. и 1-го мая 4 р.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи; Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ.* принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ 1895 году газета будетъ выходить въ форматѣ большаго печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1. **Мѣстный отдѣлъ:** Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2. **Внутренній отдѣлъ:** Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства», корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Пріазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3 **Иностранный отдѣлъ:** Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. **Судебная хроника.** 5. **Смѣсь.** 6. **Фельетоны:** Статьи беллетристическаго характера оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7. **Справочный отдѣлъ.** 8. **Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки.		Съ дост. и пересылкой.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	7 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	5 » 50 »	» 11 мѣсяцевъ	6 » 50 »
» 10 »	5 » 25 »	» 10 »	6 » — »
» 9 »	4 » 75 »	» 9 »	6 » 50 »
» 8 »	4 » 50 »	» 8 »	5 » — »
» 7 »	4 » — »	» 7 »	4 » 50 »
» 6 »	3 » 50 »	» 6 »	4 » — »
» 5 »	3 » — »	» 5 »	3 » 50 »
» 4 »	2 » 75 »	» 4 »	3 » — »
» 3 »	2 » 25 »	» 3 »	2 » 50 »
» 2 »	1 » 50 »	» 2 »	1 » 70 »
» 1 »	— » 75 »	» 1 »	— » 85 »

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5 и въ отдѣленіи редакціи въ Ростовѣ на Дону, уголъ Соборнаго переулка и Темерницкой ул., при типо-литографіи И. Я. Алексанова.

Издатель *А. Мироновъ.* Редакторъ *М. Красновъ.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Ноября 1894 года.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

ПОДПИСКА
НА
ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ
НА 1895 ГОДЪ.

Съ доставкою въ Воронежѣ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 коп., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Съ перес. въ другіе города: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1895 ГОДЪ
ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Главнѣйшая задача этой единственной ежедневной и самой распространенной газеты сѣверо-западнаго края—служить вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ выдающихся явленій культуры и быта этой окраины нашего отечества и, по возможности, содѣйствовать всесторонней разработкѣ и выясненію мѣстныхъ вопросовъ и нуждъ. Оставаясь вѣрнымъ этой своей основной задачѣ, «Виленскій Вѣстникъ» ставитъ себѣ цѣлью, наравнѣ съ другими газетами, ежедневно давать своимъ читателямъ полный обзоръ всѣхъ выдающихся фактовъ политической и гражданской жизни культурныхъ народовъ міра. Редакція обезпечила себя значительнымъ числомъ сотрудниковъ и спеціальныхъ корреспондентовъ, получая притомъ и телеграммы «Сѣвернаго телеграфнаго агентства».

Помимо того, въ газетѣ помѣщаются всѣ правительственныя распоряженія, назначенія, награды и всевозможныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному Краю, а также спеціальныя корреспонденціи изъ Либавы о торговыхъ цѣнахъ на разные сорта хлѣба и проч. Что особенно важно для гг. подрядчиковъ и поставщиковъ: въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. 1, ч. 2 учр. прав. сен., изд. 1892 г., независимо отъ Сенатск. С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, печатаются обязательно всѣ безъ исключенія объявленія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій о торгахъ по подрядамъ, поставкамъ и другимъ хозяйственнымъ операціямъ по девяти губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской,—каковыя объявленія считаются равносильными съ напечатанными въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Вильнѣ: на годъ 6 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс. 7 р., на 9 мѣс. 6 руб., на 8 мѣс. 5 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 руб.; на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 2 мѣс. 1 р. 80 к., на 1 мѣс. 1 р.

За границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ перваго числа каждаго мѣсяца въ редакціи «Виленскаго Вѣстника».

[Редакторъ-Издатель *П. Бывалькевичъ.*

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ
ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКІЙ КРАЙ

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія.
II. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ.
III. Спеціальныя телеграммы курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи.
IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ.
V. Политическое обозрѣніе.
VI. Иностранныя извѣстія.
VII. О чемъ пишутъ.
VIII. О чемъ говорятъ.
IX. Злобы дня.
X. Летучіе листки.
XI. Зигзаги.
XII. Протоколы жизни.
XIII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣленій редакціи.
XIV. Корреспонденціи.
XV. По Россіи.
XVI. Мелочи (сценки и наброски).
XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др.
XVIII. Театръ и музыка.
XIX. Наука и литература.
XX. Торговыя свѣдѣнія. Биржа.
XXI. Справочный отдѣлъ.
XXII. Объявленія и рекламы.

Въ «ПРІАЗОВСКОМЪ КРАѢ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи.

Безъ доставки: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к. на 1 мѣс. 80 к.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 руб. 75 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 р.

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СЪ КАЖДАГО 1-ГО ЧИСЛА.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная — при подпискѣ 5 р и къ 1-му іюля 4 руб. и 2) въ три срока — при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му августа 2 р

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ нумеровъ «Пріаз. Края» въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ провѣрки и группировки, контора редакціи проситъ подписываться заблаговременно.

уголъ Большой Садовой и Братскаго переулка, собств. домъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Таганрогѣ—у М. Н. Псалти, типографія Рази, въ Новочеркасскѣ—въ Донской книжной торговлѣ П. Ананьевой, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ѳ. Галладжіанцъ, въ Маріуполѣ—у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у С. И. Розенштейна, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Каменской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

СЧАСТЬЕ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ПО НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

К. Гильти, профессора Бернскаго Университета. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго.

2-ое исправленное изданіе цѣна 50 к., съ пер. 65 к. Выписывающіе отъ переводчика (Спб., Басковъ пер., д. 22) пользуются безплатной пересылкой.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

ЭТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Проф. Ф. ІОДЛЯ, перев. съ нѣмецк. А. Острогорскаго. Ц. 20 коп. съ перес. 30 коп.

Выписывающіе отъ переводчика (Спб., Басковъ пер., д. 22) платятъ 25 к. съ пересылкою.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(32-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой: на 12 мѣсяцевъ 10 р., на 6 мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца 3 р., на 1 мѣсяцъ 1 р. 30 к.

На города съ пересылкой: на 12 мѣсяцевъ 11 р., на 6 мѣсяцевъ 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к.

За границу съ пересылкой: на 12 мѣсяцевъ 18 р., на 6 мѣсяцевъ 9 р., на 3 мѣсяца 4 р. 80 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 90 к.

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1 іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

„АРТИСТЪ“,

(ГОДЪ 7-Й)

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «АРТИСТЪ» будетъ попрежнему выходить ежемѣсячно по той-же программѣ.

Въ 1895 г. въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова, Г. А. Мачтета, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. А. Лугового, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, Н. Д. Бальмонтъ, Н. В. Баснинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виллие, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ; А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Дальневичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, П. В. Жуковскій, профессоръ Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кисеевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ. Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линиченко. А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскіе, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ; П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплет-

въ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ. В. Я. Греньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ, (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимоѳевскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И, Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

Подписная цѣна остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода 7 руб.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣсячно не менѣе 1 р. до уплаты полной подписной суммы.

Редакція и главная контора: Москва у Арбатскихъ вор., д. Шмитъ.

Отдѣленіе конторы—Петровскія линіи, № 15—16, маг. (бывш. П. К. Прянишникова.

Телефонъ редакціи № 890, телефонъ Главной конторы № 1490.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

(9-й годъ изданія).

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

общественно-литературная и политическая газета Донского края.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ. Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, хроника; телеграммы, новости Донского края и сосѣднихъ губерній, Фельетонное обозрѣніе, очерки, разсказы, стихотворенія, отдѣлъ историческій, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ «Донская Рѣчь» помѣщаются свѣдѣнія о всѣхъ заслуживающихъ вниманія фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Держась вышеприведенной программы, Редакція въ 1895 году, какъ и въ минувшія восемь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія.

Отдѣлъ телеграммъ будетъ пополненъ телеграммами собственныхъ корреспондентовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 5 р. | На 1/2 года 3 р. | На 3 мѣс. 2 р. | 1 мѣс. 1 руб.

Съ подпиской адресоваться: Новочеркасскъ, въ Редакцію «Донской Рѣчи».

Редакторъ-Издатель Ив. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издающуюся въ городѣ Севастополѣ. (Годъ изданія восьмой). Газета выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи. Въ случаѣ особенно важныхъ событій въ дни послѣпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки.		Съ доставкою и пересылкою.	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 1/2 года	4 » — »	» 1/2 года	5 » — »
» 1/4 »	2 » 50 »	» 1/4 »	3 » — »
» мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 25 »

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская ул., д. Спиро, въ гор. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской ул., домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Синани, въ Мелитополѣ—въ книжномъ магазинѣ Лифшица, въ Бахчисараѣ—у г. Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и К°, въ Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника» при типографіи Спиро, Полицейская улица, домъ Карабанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(годъ второй)

НА КІЕВСКУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО,

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

Условія подписки. Съ пересылкой и доставкой: на годъ — **8** р., на полгода — **5** р., на три мѣс. — **3** р., на одинъ мѣсяцъ — 1 р. Безъ доставки: на годъ—**6** р., на полгода—**3** р. **75** к., на три мѣс.—**2** р. **75** к. на одинъ мѣсяцъ — **75** коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб., къ 1 мая 2 руб., и къ 1 іюля — 2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 р. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 А.

Издатели: **І. П. Мануковъ** и **М. Е. Кранинскій.**

Редакторъ: **М. Е. Кранинскій.**

Открыта подписка на 1895 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
(XIII годъ изданія).

Въ 1895 г. «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго раіона, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложеній, разрѣшены фототипическіе—исполняемые въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды поволжья, историческихъ памятниковъ и сооруженій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Въ гор. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 5 р., на полгода 3 руб., на одинъ мѣсяцъ 50 к.

Съ пересыл. въ друг. гор. и уѣзды на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ Петрова (бывшій Бахъ).

Редакторъ-издатель Н. К. РЕУТОВСКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Сибирскій листокъ
НА 1895 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.
Городскіе подписчики ежедневно получаютъ телеграммы безъ всякой добавочной платы; иногородніе—съ доплатой за пересылку.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую или полугодовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 г. со дня полученія въ конторѣ редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ редакціи «Сиб. Листка» (у Кокуя, д. Глушкевича) и въ библіотекѣ Суханова.

Вышла и поступила въ продажу въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы новая книга.

СОЧИНЕНІЯ Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Томъ второй. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895 г. стр. 4+448. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ у издателя: Москва, Мясницкая улица, тамъ-же продаются оставшіеся экземпляры I тома сочиненій того же автора, ц. 1 р. 50 к.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСХОДЪ

и газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“

15-й годъ изданія.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. Заграницей на годъ 12 р., на полгода 7 руб. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 руб

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

Новые подписчики, подписавшіеся до 15 Декабря 1894 г., получаютъ безплатно 1-ю часть романа К. Е. Француза «Сендеръ Глатейзъ», составляющую книгу въ 20 печатныхъ листовъ слишкомъ. Но приэтомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе шести руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

Въ послѣднихъ четырехъ книгахъ «Восхода», между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: I. «Старинное средство». Обвиненіе евреевъ въ убіеніи младенцевъ въ Литвѣ и Польшѣ въ XIV—XVII столѣтіи. Профессора С. А. Бершадскаго.—II. «Сендеръ Глатейзъ». Романъ К. Э. Француза.—III. «Поѣздка на Литву». Путевыя впечатлѣнія. Бенъ-Ами. — IV. Дѣти Гетто. Романъ. И. Зангвилля. Перев. съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ. — V. «Изъ воспоминаній вольноопредѣляющагося». Очеркъ. А. Гольдмана. — VI. «Власть денегъ». Леруа-Волье. Перев. Р. И. Сементковскаго. — VII. «Историческія сообщенія». № 8. Ограниченіе и самоограниченіе: постановленія польскихъ сеймовъ, подтверждаемыя еврейскимъ синодомъ (1538—1580). № 9. Насилія польской администраціи надъ евреями. № 10. Еврейская старина въ гор. Острогѣ. С. М. Дубнова. — Итоги. Надежды и упованія передовой части русскихъ евреевъ за послѣднія 50 лѣтъ. Рук. Кулишера.—VIII. «Евреи-врачи въ Средніе вѣка». Читано въ еврейскомъ кружкѣ въ Харьковѣ д-ра Ф. Л. Германа. — IX. «Ученый и пахарь». Стихотвореніе. С. Г. Фруга. — X. «Псалмы Давида». Стихотвореніе А. М. Федорова. — Коровя Ребъ-Айзика. Очеркъ П. Жука. — Величіе Бога. Стих. К. Лядова.—Пѣвцу гонимаго народа. Стих. В. А. Миллера.—Высшая награда. Стих. С. Г. Фруга.—Королевская милость. Стих. Ап. Коринфскаго.—Изъ премудрости Соломона Стих. Ф. Соллогуба.—XI. «Р. Саадія Гаонъ». Опытъ характеристики его произведеній. Г. Г. — XII. «Книгоноша». Очеркъ. Л. Рубинова.—XIII. «Письмо къ матери». Стихотвореніе. И. Тагера. XIV. «Легенды Востока». Стихотвореніе. С. Г. Фруга. — XV. «Іудейская война». Соч. Іосифа Флавія. (Въ особомъ приложеніи). СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.—XVI. «Къ вопросу обо экономическомъ положеніи евреевъ въ западныхъ губерніяхъ». М. П. — XVII. «Новые запросы нашего воспитанія». Я. Каценельсона. — Уголокъ черты осѣдлости. Цифры и силуэты. И. Тагера.—XVIII. «Изъ иностранной журналистики». Барухъ Спиноза. Читано въ «Обществѣ Еврейской Науки»

цомъ Штейншнейдеромъ. Я. И.—XX. «Евреи и географическія открытія португальцевъ и испанцевъ». Христофоръ Колумбъ и участіе евреевъ въ испанскихъ и португальскихъ открытіяхъ. На основаніи еще отчасти неизданныхъ источниковъ, обработано М. Кайзерлингомъ. Я. И. — XXI. Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій. Критикуса.— XXII. БИБЛІОГРАФІЯ. Разборъ новыхъ книгъ. XXIII. Литература и жизнь. О. Ѳ. Грузенберга.

Редакторъ-издатель **А. Ландау.**

1895 годъ. **Изданія годъ VI**

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛЪ

Вопросы Философіи и Психологіи.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ журналѣ за 1894 годъ напечатаны, между прочимъ статьи:

Гр. Л. Н. Толстого. Къ вопросу о свободѣ воли.—Вл. С. Соловьева Смыслъ любви.—Его же. Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ.—Его же. Первичныя данныя нравственности.—Н. Я. Грота. О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.—Его же. О времени (3 статьи).—А. А. Козлова. Французскій позитивизмъ (2 статьи) —Его же. Густавъ Тейхмюллеръ —Н. Н. Страхова. О задачахъ исторіи философіи. — В. Я. Цингера. Недоразумѣнія во взглядахъ на основаніи геометріи.—Н. А. Умова, Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ.—С. С. Корсакова. Къ психологіи микроцефаловъ.—П. Д. Боборыкина. Формулы и термины въ области прекраснаго.—В. Р. Буцке. Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей.—А. А. Токарскаго. Заклинаніе со стрѣлой тибетскихъ ламъ.—Его же. Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей.—Его же. Сознаніе и воля.—В. А. Гольцева. Психологія идей-силъ.—Н. И. Шишкина. Пространство Лобачевскаго и др.

Къ помѣщенію въ ближайшихъ книгахъ предполагаются: Вл. С. Соловьева. «Философскій аскетизмъ».—Н. Я. Грота. «Основанія ученія о нравственномъ долгѣ».—Кн. С. Н. Трубецкого. «Этюды изъ области морали».—А. А. Токарскаго. «Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ».—Л. О. Даркшевича. «Объ интеллектуальной сферѣ женщины» и друг.

Изданіе будетъ продолжаться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки, какъ и прежде.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Москва, Арбатъ, д. Расцвѣтовой) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1895 г. по 1 января 1896 г.) безъ доставки — **6** р., съ доставкой въ Москвѣ — **6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу — **8** р.

Члены Психологическаго Общества, пользуются скидкой въ **2** руб.

Редакторы: проф. **Н. Я. Гротъ,** проф. **Л. М. Лопатинъ.**

САМУЮ БОЛЬШУЮ И САМУЮ РАСПРОСТРАНЕННУЮ НА ЮГѢ РОССІИ

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 300 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газетное дѣло не любитъ застоя. Памятуя это, мы стремились постоянно къ улучшенію нашей газеты въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчающимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами Возраставшее съ каждымъ днемъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Гера-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е Кауфманъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Ларіс), проф. А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, проф. Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ, (Оса), И. М. Хмѣльницкій, проф. Н. Е. Чижовъ, проф. В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки: На 1 мѣсяцъ 90 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50. на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на годъ 8 р.

Съ доставкой и пересылкой въ другіе города: На 1 мѣсяцъ 1 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 6 мѣсяцевъ 5 р., на годъ 9 р.

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 к. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Одессѣ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Винницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомірѣ, Измаилѣ, Килін, рив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальномъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи.

Редакторъ-издатель *А. Старковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

Выходитъ въ гор. Красноярскѣ, Енис. губ., еженедѣльно.

1. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому, земскому и сельскому хозяйствамъ, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.
2. Дѣйствія и распоряженія правительства.
3. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».
4. Недѣльная хроника.
5. Судебная хроника.
6. Торговый отдѣлъ.
7. Справочныя свѣдѣнія.
8. Смѣсь. Отвѣты редакціи.
9. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія.
10. Объявленія частныя и казенныя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 р. на полгода 4 р., на четверть года 2 р., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Красноярскѣ въ конторѣ редакціи «Енис. Листка», домъ Кудрявцевой, Воскресенская ул., въ Омскѣ въ книжномъ магазинѣ Александрова, въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи «Енис. Листка», Почтамтская улица, домъ Окулова и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Минусинскѣ въ отдѣленіи редакціи «Енисейск. Листка», въ Иркутскѣ въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль.

Редакторъ-Издатель Е. КУДРЯВЦЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

„ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ“

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ,

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

ГОДЪ X. ГОДЪ X.

Въ теченіе 1895 г. «Дѣловой Корреспондентъ» выходитъ ежедневно въ количествѣ 350 номеровъ въ годъ.

Телеграммы отъ вновь открываемыхъ телеграфныхъ агентствъ будутъ получаться «Дѣлов. Корресп.» и по полученіи ихъ съ телеграфной станціи немедленно печататься въ газетѣ, а резолюціи окружнаго суда и съѣздовъ—вскорѣ по закрытіи засѣданій или сессій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой на годъ 5 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 75 коп., а за февраль (во время Ирбитской ярмарки) 1 руб.

Издатель В. Н. Алексѣевъ. Редакторъ-Издатель А. П. Степановъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проэкты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Корреспонденціи.
8. Новости науки, литературы и искусства.
9. Театръ и музыка.
10. Внутреннія извѣстія.
11. Земская и городская хроника.
12. Внѣшнія извѣстія.
13. Судебный отдѣлъ.
14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.).
15. Библіографическія замѣтки.
16. Смѣсь.
17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкой: на 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс., 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р., на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 5 р, 75 к., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Съ доставкою въ Харьковѣ: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс, 7 р., на 8 мѣс. 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 50 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р., на 4 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р.

Безъ доставки: на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 11 мѣс. 8 р., на 10 мѣс. 7 р. 50 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и КОММЕРЧЕСКУЮ

ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.
Обзоръ текущей прессы и журналистики.
Ежедневныя политическія телеграммы.

Отъ на расширенія этого отдѣла.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство.

Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія, корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли.

На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Сельско-хозяйственные вопросы и торговые интересы края будутъ представляться редакціей всесторонне и полно.

Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ попрежнему будутъ помѣщаться Воскресныя бесѣды Миролюбова; кромѣ того съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе, въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Беллетристическія произведенія какъ нашихъ писателей, такъ и переводныя—лучшихъ иностранныхъ писателей попрежнему найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ.

Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Булдэ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гарнъ, И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ѳ. Гусевъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лавръскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Островская-Онгирскій, Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. Н. Штукенбергъ. Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода — 3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к. Для иногороднихъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1895 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1895 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Волж. Вѣстника» на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ, А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи у секретаря и въ правленіи общества приказчиковъ у К. П. Алексѣева, въ Симбирскѣ (Стрѣлецкая ул., д. Романова). Въ Вяткѣ въ книжномъ магазинѣ Тихапова.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція «Волжскаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель Н. Рейнгардтъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСК. КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

(Жирнымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія).

№№

3. Приключенія Робинзона Крузе. Сост. А. Н. Яхонтовымъ. 4 изд. 15 к.
5. **Крутиковъ**. Разсказъ А. Г. Коваленской. 5 изд. . . . . 7 »
6. **Батрачка**. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2 изд. . . . . 3 »
8. **Злодѣй и Петька**. Повѣсть А. Ѳ. Погосскаго. 4 изд. . . . 8 »
11. Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2 изд. . . . . 10 »
16. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Гр. Л Н. Толстого. 2 изд. 18 »
25. Судъ людской и Божій. Два разск. А. Ѳ. Погосскаго и Г. Полисадова . . . . . 10 »
26. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ Гр. Л. Н. Толстого . . . . 5 »
27. Два старика. Разсказъ Гр. Л. Н. Толстого . . . . . 6 »
28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина . . . . . 10 »
29. **Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ**. Подъ ред. проф. Ор. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина. 2 изд. . . . . 6 »
31. **Соловки**. Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2 изд. . . . . 6 »
32. Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленко. . . . . 10 »
33. Царь Алексѣй съ соколомъ. Разсказъ Г. П. Данилевскаго . . . 5 »
34. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Разсказъ Г. П. Данилевскаго. . . . . 5 »
35. Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова . . . . . 9 »
36. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова . . . . . 25 »
37. Голодовка и зимовка на новой землѣ. Разск. С. В. Максимова . . 10 »
39. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина . . 30 »
40. Зимовье на Студеном. Разсказъ Д, Н. Мамина-Сибиряка . . . . 3 »
41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленко . . . . . 3 »
42. Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича . . . . . 5 »
43. Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича . . . . . 3 »
44. **Безоброчный**. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). . 8 »
45 **Шестеро**. Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ) . . . 5 »
46. **Трусъ**. Разсказъ В. М. Гаршина . . . . . 3 »
47. **Аясларское дѣло**. Разсказъ В. М. Гаршина . . . . . 3 »
48.
49. **То, чего не было**, и **Лягушка-путешественница**. Сказки В. М. Гаршина . . . . . 3 »
50. **Гордая пальма** и **Сказаніе о гордомъ Аггеѣ**. Сказки В. М. Гаршина . . . . . 3 »

Басни И. А. Крылова (съ біографіей) . . . . . I вып. 10 »
Басни И. А. Крылова . . . . . II вып. 8 »
Басни И. А. Крылова . . . . . III вып. 8 »
Басни И. А. Крылова . . . . . IV вып. 8 »

Сверхъ того, находятся въ продажѣ слѣдующія изданія Комитета:

1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями Комитета Грамотности . . . . . 50 »

2) Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ (читальняхъ). 2-е изданіе . . . . . 10 »

При покупкѣ изъ склада Спб. Комитета Грамотности дѣлается уступка (на новыхъ изданіяхъ) — 15%. Учрежденія и книгопродавцы, обращающіеся непосредственно въ складъ Комитета, получаютъ особую уступку.

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50-лѣтія со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ.

ежедневная политическая, ученая и литературная газета

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматѣ и дополнены всѣ отдѣлы. Въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, спеціальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ,

а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ и по обилію литературнаго матеріала, вполнѣ замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается втеченіе года до 300 рисунковъ, а также и каррикатуры.
2) **40** нумеровъ «Романы и Повѣсти» русскихъ и иностранныхъ писателей, что составитъ въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
3) **12** нумеровъ «Моды и Рукодѣлія», замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ».
4) «Стѣнной календарь» (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ):
На годъ **8** р. На полгода **4** р. **50** к. На три мѣс. **2** р. **50** к. На 1 мѣс. **1** р.

ВТОРОЕ изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО листами даже и въ дни, слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 нумеровъ), въ форматѣ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый нумеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной военной, ученой, внутренней и иностранной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики,

оригинальные романы, повѣсти, разсказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ):

На годъ — 4 р. | На полгода — 2 р. 50 к. | На три мѣсяца — 1 р. 50 к.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ газеты «Сынъ Отечества» могутъ получать, какъ новыя большія акварельныя картины: «Бурлаки на Волгѣ», проф. И. Рѣпина и «Жертва Волги», худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой) — одинъ рубль.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Ѳеодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій. ПИСАТЕЛИ: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна каждаго бюста на выборъ, для подписчиковъ — четыре рубля, не подписчиковъ — пять рублей (безъ доставки).

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ДОНЪ

(*ВЪ ВОРОНЕЖѢ*)

НА 1895 ГОДЪ.

(28-й годъ изданія).

Съ 1895 года газета «Донъ» начинаетъ 28-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 27-мь лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1895 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты — то будетъ сдѣлано:

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежѣ: на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 коп., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 7 р., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1894 года.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи, такъ какъ книжные магазины и конторы, принимающіе подписку, только передаютъ деньги въ редакцію и въ отправкѣ журнала никакого участія не принимаютъ.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской —50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію или контору, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

(С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставк. и перес.	9 р.
Безъ доставки	8 »
За границу	12 »

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно адресовать:** въ контору журнала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается **разсрочка:**

Для иногородн. и город. подписчиковъ съ доставкой— при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 8 р., къ 1-му апрѣля 8 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ **безъ доставки** принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, **никакой уступки не дѣлается.**

За своевременную высылку журнала **контора редакціи отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ,** если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно въ контору редакціи.

Издательницы: Н. Михайловская. О. Попова.

Редакторы: П. Быковъ. О. Поповъ.

Acme
Book Binding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

HALL USE
AUG 9 1977
HALL USE